Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1887

9.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

„ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ"

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СЪ 1837 ГОДА.

Сочиненіе В. А. КОКОРЕВА.

Цѣна **ПЯТЬ** рублей.

(БЕЗЪ ПРИБАВЛЕНІЯ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ).

Вся вырученная сумма назначается на устройство, въ половинномъ разстояніи между Москвой и Петербургомъ, лѣтняго безплатнаго помѣщенія для учащагося юношества, не имѣющаго средствъ освѣжить свои силы пребываніемъ въ каникулярное время въ здоровомъ деревенскомъ воздухѣ.

Получать можно въ С.-Петербургѣ, на углу Знаменской улицы и Ковенскаго переулка, въ домѣ № $^{16}/_{17}$, и въ Москвѣ въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, № 175.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЗАПИСОКЪ

ГРАФИНИ ЭДЛИНГЪ

ВО ФРАНЦУЗСКОМЪ ПОДЛИННИКѢ.

Открыта подписка на изданіе ЗАПИСОКЪ ГРАФИНИ ЭДЛИНГЪ во Французскомъ неизданномъ подлинникѣ, болѣе обширномъ нежели Русское извлеченіе изъ нихъ, появившееся въ «Русскомъ Архивѣ» нынѣшняго года. Желающіе имѣть эти Записки отдѣльною Французскою книгою благоволятъ доставлять **3** рубля (включая и пересылку) въ **Москвѣ** въ Контору «Русскаго Архива» на Садовой, 175-й или въ книжный магазинъ Готье на Кузнецкомъ мосту; въ **Петербургѣ**— на Невскомъ, у Полицейскаго моста, въ книжный магазинъ Мелье.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1888 года.

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.)

Въ 1888 году въ „Русскомъ Архивѣ“ напечатана будетъ біографія фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго, написанная А. Л. Зиссерманомъ по неизданнымъ служебнымъ и частнымъ бумагамъ, полученнымъ отъ князя Виктора Ивановича Барятинскаго, съ портретами и рисунками.

Президентъ Императорской Академіи Наукъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой почтилъ наше изданіе, передавъ намъ Записки предка своего графа Петра Андреевича Толстаго.

Въ 1888 году продолжатся печатаніемъ въ „Русскомъ Архивѣ“ Записки Николая Николаевича Карскаго и Воспоминанія (экономическія и бытовыя) Василья Александровича Кокорева. Напечатанъ будетъ „Дневникъ 1812 года“ генералъ-адъютанта Ѳ. Я. Мирковича. Сенаторъ Николай Петровичъ Семеновъ помѣститъ въ „Русскомъ Архивѣ“ нѣсколько важныхъ бумагъ по исторіи раскрѣпо-

щенія помѣщичьихъ крестьянъ. Мы получили статьи о временахъ Екатерины и Павла, написанныя Кіевскимъ профессоромъ В. С. Иконниковымъ.

Къ изданію въ „Русскомъ Архивѣ" приготовлены нѣкоторыя новооткрытыя бумаги императрицы Екатерины Великой и князя Владимира Сергѣевича Долгорукаго (Русскаго посла при Фридрихѣ Великомъ), письма изъ Петербурга въ Берлинъ Масона (автора извѣстныхъ Записокъ о Екатеринѣ и Павлѣ), письма баронессы Криднеръ и графа Каподистріи къ графинѣ Эдлингъ, новыя прекрасныя стихотворенія Лермонтова, переписка о поединкѣ Пушкина и пр. и пр. Съ нынѣшняго года получено нами дозволеніе пользоваться историческими сокровищами Государственнаго Архива. Словомъ, запасы „Русскаго Архива" обильны.

Съ бодростью вступаемъ во вторую четверть вѣка издательской работы, оживляемые сочувствіемъ и одобреніемъ нашихъ соотечественниковъ, и будемъ, по прежнему, по мѣрѣ силъ, расчищать ниву отечественной исторіографіи, отыскивая новыя повѣствованія о завѣтной старинѣ, обновляя въ памяти забытыя событія и лица и новыми розысканіями установляя болѣе правильное воззрѣніе на то что̀ уже было извѣстно.

Историческое освѣщеніе минувшаго получило въ нашъ вѣкъ великую важность. Оно сказывается даже при самомъ простомъ подборѣ матеріаловъ, и отъ того, какъ смотритъ издатель на свою работу, зависитъ часто самое содержаніе его кни-

жекъ. Не имѣвъ доселѣ возможности выразить въ особомъ изложеніи нашъ образъ мыслей въ этомъ отношеніи, предлагаемъ читателямъ въ 1888 году сборникъ статей Николая Михайловича Павлова. Съ этимъ писателемъ издавна связаны мы добрымъ согласіемъ въ историческихъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ, такъ что сборникъ его есть какъ бы передовая статья ко всѣмъ двадцатипяти годамъ „Русскаго Архива". Наша дѣятельность одинаково протекала между двумя направленіями Московской печати. Связанные пріязнью съ И. С. Аксаковымъ, оба мы въ тоже время сохраняли неизмѣнное уваженіе къ трудамъ М. Н. Каткова, нашего профессора и наставника. Но историческія занятія страхуютъ отъ одностороннихъ увлеченій, заставляя доискиваться примиренія въ духѣ истины. Въ такомъ смыслѣ и обсужены наши внутренніе и бытовые вопросы въ предлагаемомъ сборникѣ, который самъ представляетъ собою историческую книгу.

Вотъ содержаніе этого сборника.

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

просъ.—„Земскія силы“ г. Боборыкина и „Лгуны“ г. Писемскаго.—Споръ „Современника“ съ „Русскимъ Словомъ“ о нигилизмѣ и о Неграхъ. Г. Варѳоломей Зайцевъ объ искусствѣ.—Замѣтка объ аскетахъ для г. Антоновича.—Его *Итоги.*—Отбой. (*1865* г.)

ПУБЛИЦИСТИКА.

I. **Новая общественная организація и старый казенный строй.** *1873* и *1874* гг. *Московскія Вѣдомости.* Письма къ публикѣ I—XVII.—*Русь 1880—1885* г. Скрытыя причины явнаго зла.—Нѣчто о XVIII вѣкѣ.—Темныя пятна. — Мнимое земство. — Страшенъ сонъ, милостивъ Богъ.—Объ нашемъ statu quo.

II. **Полемика газеты „День“ съ газетою „Вѣсть“ и „Московскими Вѣдомостями“.**—Современныя темы (о сельской общинѣ).-Передовая статья Московскихъ Вѣдомостей.—Замѣтка для Московскихъ Вѣдомостей.—Исключительно для г-на Наличнаго.—Еще для г-на Наличнаго.—„О настоящихъ обязанностяхъ Русскаго дворянства. Paris, rue de Lille. 1861 г.“, брошюра графа В. П. О. Д. — Наши близорукіе публицисты.—Юмористъ газеты „Вѣсть“.—Газетѣ Вѣсть. (*1865* и *1867* гг.)

III. **По поводу разныхъ политическихъ событій, некрологи, замѣтки и мелочи.**—Намеки тонкіе.—Польскій катихизисъ.—Изъ Каширскихъ писемъ.—Царевичъ въ Ниццѣ.—4-е Апрѣля.—Самооборона.—Храмъ на крови.—Отъ чего пала Римская Имперія?—Средство догнать Европу.—Князь Черкаскій.—Ѳ. В. Чижовъ.—Ю. Ѳ. Самаринъ.—Т. Н. Грановскій.

IV. **Статьи разнаго содержанія.**—О парламентаризмѣ.—Замѣтка для дипломатовъ „Новаго Времени“.—По поводу овацій г-ну Тургеневу.—Изъ письма къ М. Н. Каткову.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1887.

3.

Въ 1887 году „Русскій Архивъ“ выходитъ 12 разъ въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ книгу, съ особымъ счетомъ страницъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

1887.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

1819 годъ *).

Путешествіе въ Хиву.

(Начато писаніемъ въ Тифлисѣ, 3-го Марта 1820.)

19-го Сентября я оставилъ берегъ. Проводникъ мой Сеидъ жилъ въ кочевьѣ при колодцѣ Суджи-Кабилъ. Онъ прислалъ ко мнѣ 4-хъ верблюдовъ съ родственникомъ своимъ Абулъ-Гуссеиномъ. Достали еще двухъ лошадей, и такъ я отправился въ степь. При мнѣ находились только переводчикъ Армянинъ Петровичъ и денщикъ мой Морозовъ. Я просилъ у Пономарева еще одного или двухъ человѣкъ изъ десантной команды или изъ матросовъ; но онъ, по обыкновенной нерѣшительности своей, боялся ихъ отпустить со мной, говоря, что если я съ ними пропаду, то онъ будетъ отвѣчать начальству, за чѣмъ онъ отпустилъ ихъ безъ предписанія главнокомандующаго. Увѣрившись, что въ семъ случаѣ одна судьба моя могла спасти меня, я болѣе не настаивалъ и замѣнилъ недостатокъ въ людяхъ добрымъ штуцеромъ, пистолетомъ, большимъ кинжаломъ и шашкой, которые я всегда на себѣ носилъ. Петровичъ былъ человѣкъ очень усердный, но усердію его сопротивлялись ограниченныя способности его. Къ сему онъ еще имѣлъ престранную и смѣшную наружность и охоту быть шутомъ. Сіи способности его еще развернулись на корветѣ, и онъ продолжалъ ремесло сіе во все время дороги, что̀ иногда развеселяло меня.

Кіатъ и Таганъ-Ніасъ провожали меня до Сеидовой обы. Поднявшись на высокія скалы, составляющія берегъ Балканскаго залива, я увидѣлъ обширную степь, по которой мнѣ слѣдовало ѣхать въ Хиву. Она покрыта мѣстами кустарникомъ, мѣстами же песчана. Въ нѣ-

*) Начало этихъ автобіографическихъ Записокъ помѣщено въ „Русскомъ Архивѣ" 1885 и 1886 годовъ. Въ послѣдней тетради 1886 года изложена цѣль Хивинской поѣздки и приготовленія къ ней. П. Б.

скольких мѣстахъ, въ небольшомъ разстояніи отъ берега, есть колодцы съ хорошей и солоноватой водой, при которыхъ находятся Трухменскія кочевья; ни произрастеній, ни травъ совершенно никакихъ не видно. Стада верблюдовъ и барановъ пасутся по симъ голымъ равнинамъ и питаются сухими кустиками, разсыпанными по степи. Беззаботные и лѣнивые Трухменцы кое-какъ продовольствуютъ себя хлѣбомъ, покупаемымъ ими въ Астрабадѣ или въ Хивѣ, и верблюжьимъ молокомъ. Промыслъ ихъ воровство: таская людей изъ Астрабада, они продаютъ ихъ въ Хиву и выручаютъ за оныхъ большія деньги.

Поднявшись, какъ я выше сказалъ, на скалу, я заѣхалъ къ знакомому мнѣ старшинѣ муллѣ Каибу, гдѣ позавтракалъ съ Кіатомъ верблюжьимъ молокомъ. Я отправился далѣе, ѣхалъ мимо нѣсколькихъ кочевьевъ, имѣя въ сторонѣ небольшія возвышенія, которыя должны быть отраслью Балканской горы, и передъ вечеромъ я прибылъ въ обу Сеида, населенную Трухменскимъ племенемъ Келте поколѣнія Джафаръ-бай, отрасли Шеребъ, происходящей отъ народа Іомудскаго, составляющаго одно изъ 11-ти главныхъ поколѣній Трухменскихъ. Сіи Трухменскія поколѣнія разсыпаны по всей степи, начиная отъ Каспійскаго моря почти до Китайскихъ предѣловъ. Они раздѣляются на много мелкихъ отраслей, изъ коихъ въ каждой есть избранный старшина, и ему народъ повинуется или, лучше сказать, его народъ уважаетъ или по старости лѣтъ его, или по разбойническимъ добродѣтелямъ его, или по богатству. Въ оби Суджи-Кабилъ, куда я прибылъ, считается 50 дворовъ и три колодца съ хорошей чистой водой. Кочевье сіе отстоитъ отъ моря на три агача *); отъ Красноводской якорной стоянки нашей въ 38 верстахъ на N O. Я остановился въ кибиткѣ Сеида и былъ принятъ очень ласково.

20-го я дневалъ въ Суджи-Кабилѣ. По сказаніямъ мулловъ Трухменскихъ, мы должны были въ путь отправиться 12-го числа луннаго мѣсяца Зилхидже, что̀ составляло 21-го числа Сентября. Сей день у нихъ считался счастливымъ для поѣздки нашей, и проводники мои никакъ не хотѣли меня прежде сегодня вести. Я впослѣдствіи времени узналъ, что старшина поколѣнія Келте уговаривалъ Сеида не ѣхать со мной въ Хиву. Причиною сего была дружба, которую тотъ старшина имѣлъ съ Гекимъ-Али-баемъ, старшиною поколѣнія Кириндживъ, коего братъ сперва намѣревался вести меня, по которому было отказано за то, что онъ требовалъ съ меня 100 червонцевъ; съ Сеидомъ же я порядился за 40. Но Сеидъ, давъ мнѣ слово, не хотѣлъ отстать отъ него, и противъ согласія всѣхъ единоплеменниковъ принялъ меня.

---

*) Агачъ равенъ 7-ми верстамъ.

Рѣдкій поступокъ сей, не соотвѣтствующій безчестнымъ правиламъ, коими руководствуются Трухменцы вообще въ денежныхъ дѣлахъ, имѣлъ причиною внушенія Кіата, который пользуется довѣренностію между Трухменцами и, надѣясь послѣ счастливаго возвращенія успѣть въ видахъ своихъ со стороны нашего правительства, уговорилъ Сеида ѣхать, и по прибытіи моемъ въ Суджи-Кабилъ два раза ѣздилъ къ вышеупомянутому старшинѣ въ кочевья. Нравъ Сеидовъ былъ, можетъ быть, еще изъ лучшихъ между Трухменцами, мнѣ знакомыми. Онъ былъ грубъ въ обращеніи, не весьма дальновидѣнъ, но постояненъ, рѣшителенъ и храбръ. При томъ же онъ былъ хорошій наѣздникъ и славился разбоями, которые онъ производилъ въ Персіи. Въ теченіи сихъ записокъ видны будутъ нѣкоторые прекрасные поступки съ его стороны; другіе же такъ гнусны, что его узнать нельзя. Про него разсказываютъ Трухменцы слѣдующій случай. Когда Сеиду было 16 лѣтъ, онъ поѣхалъ разъ со старымъ отцомъ своимъ въ поле за три дня ѣзды отъ своей кибитки. Они увидѣли толпу конницы поколѣнія Теке, имъ непріятельскаго. Отецъ его ѣхалъ на добромъ конѣ, а Сеидова лошадь едва тащилась. Не имѣя надежды спастись, старикъ сѣлъ и хотѣлъ отдать лошадь свою сыну, говоря ему: Сеидъ, я уже старъ и довольно жилъ; ты молодъ и можешь поддержать семейство наше; прощай, спасайся, а я здѣсь останусь. Сеидъ въ отвѣтъ обнажилъ саблю и отвѣчалъ старику, что если онъ не хочетъ самъ спасаться, то погубитъ ихъ обоихъ, и все семейство осиротѣетъ, потому что онъ намѣренъ былъ въ такомъ случаѣ защищаться. Онъ самъ соскочилъ съ лошади. Краткость времени и приближающійся непріятель не дали имъ долѣе спорить; они рѣшились спасаться каждый на своемъ конѣ; наступающая ночь позволила имъ укрыться, и отецъ его сознался при всѣхъ единоплеменникахъ своихъ, что Сеидъ превзошелъ его самаго.

Я нашелъ однакоже, что нравы Трухменцовъ въ сей оби гораздо лучше тѣхъ, которыхъ я на берегу видѣлъ. Сіе отъ того, я полагаю, что, живучи далѣе въ степи, они не привыкли столько къ плутовству черезъ обращеніе съ нашими купцами, пріѣзжающими всякой годъ съ разными товарами на Трухменскій берегъ. Кіатъ однакоже не упустилъ случая склонить меня къ сдѣланію подарковъ Гекимъ-Али-баю и Ана-дурдѣ, старшинамъ, которые вмѣстѣ со мной ѣхали въ Хиву по своимъ надобностямъ, а также подарить нѣкоторыя бездѣлицы женамъ Сеида и нанятыхъ имъ проводниковъ моихъ.

Изъ Суджи-Кабила я извѣстилъ письменно маіора Пономарева о благополучномъ прибытіи моемъ.

21-го съ разсвѣтомъ я выѣхалъ изъ Суджи-Кабила на большомъ и толстомъ верблюдѣ, съ котораго я чуть не свалился, когда сталъ онъ подыматься. Мой собственный караванъ состоялъ изъ 17 верблюдовъ, принадлежащихъ четыремъ хозяевамъ, которые были у меня проводниками и ѣхали въ Хиву за покупкой хлѣба. Изъ нихъ старшій былъ Сеидъ, второй родственникъ его Абулъ-Гуссеинъ, третій Кульчи, а четвертый Акъ-Нефесъ. Верблюды наши были привязаны другъ къ другу за хвостъ и тянулись длинной цѣпью; на передовомъ же верблюдѣ сидѣла Курдинка Фатьма, бывшая наложница отца Сеидова. Она уже 12 лѣтъ была у него въ неволѣ Ища себѣ лучшей участи, она просила хозяина своего продать ее въ Хиву, на что тотъ не соглашался, но принужденъ былъ сдѣлать сіе, когда передъ отъѣздомъ моимъ несчастная Фатьма подбѣжала къ колодцу и сказала Сеиду, что если онъ ея не продастъ, то она бросится въ колодецъ, и тогда онъ за нее ни одного реала не получитъ. Ее взяли, и что̀ сія женщина переносила дорогой, почти невѣроятно! Она едва имѣла одежду, днемъ и ночью вела караванъ безъ сна и почти безъ пищи; на привалахъ обязанность ея была пасти и путать верблюдовъ и еще спечь въ горячей золѣ хлѣбъ для своихъ хозяевъ.

Проѣхавъ 20 верстъ, мы остановились около полдня на часъ времени, и соединились съ другимъ караваномъ, коимъ предводительствовалъ Гекимъ-Али-бай. По мѣрѣ удаленія нашего отъ берега караванъ нашъ все усиливался изъ разсыпанныхъ по сторонамъ Трухменскихъ кочевьевъ, такъ что, когда мы вступили уже совершенно въ безлюдную степь, что́ на третій день случилось, то у насъ было до 200 верблюдовъ; людей же насъ было до 40 человѣкъ, которые шли въ Хиву за покупкой хлѣба.

Ссора, которую имѣлъ Гекимъ-Али-бай съ моимъ Сеидомъ, распространилась и на меня. Мы шли особо и на ночлегъ останавливались поодаль отъ тѣхъ. Караванъ мой былъ хорошо вооруженъ и если Гекимъ-Али-бай, я полагалъ, имѣлъ намѣреніе разбить меня, то онъ вѣрно не смѣлъ сего сдѣлать, опасаясь оружія нашего. Онъ никогда не хотѣлъ кланяться мнѣ, когда я съ нимъ встрѣчался, и сидя у своего огня говорилъ всегда дурно объ насъ съ своими товарищами. Я своихъ противъ него также взбунтовалъ, и удалось мнѣ даже нѣсколько человѣкъ переманить съ его стороны ко мнѣ, посредствомъ чая, до котораго Трухменцы большіе охотники. Можетъ быть, что Гекимъ-Али-бай имѣлъ еще другую причину бѣгать меня: онъ боялся дурнаго пріема отъ Хивинскаго хана и не хотѣлъ быть запутаннымъ въ семъ дѣлѣ. Какъ бы то ни было, я имѣлъ всѣ осторожности и во всѣ 16 дней и ночей поѣздки моей не скидывалъ съ себя оружія.

Послѣ полдня мы поднялись на небольшую высоту, называющуюся Кизылъ-Айягъ *), которая должна быть отраслью отъ Балканскихъ горъ. Прошедши еще 20 верстъ, мы остановились на привалѣ передъ вечеромъ, оставя позади съ лѣвой рукой кочевья при колодцахъ Сюльмень. Я измѣрилъ разстояніе сіе часами, полагая четыре версты на часъ. Сравнивъ свой обыкновенный шагъ съ верблюжьимъ, я нашелъ, что я весьма мало уходилъ отъ нихъ, я же хожу по пяти верстъ въ часъ. Можно верблюду и больше четырехъ верстъ на часъ положить, но я ввелъ въ расчисленіе остановки на переходахъ, которыя хотя и весьма малы, но тоже составятъ нѣчто въ цѣлые сутки. Во время переходовъ сихъ меня не столько мучило непріятное качаніе, которому подверженъ ѣздокъ на верблюдѣ, какъ скука непреоборимая: я былъ совершенно одинъ, говорить было не съ кѣмъ. Счастье мое было еще, что жаръ хотя былъ довольно сильный, но еще весьма сносный. Степь представляла премерзкій видъ: совершенная смерть, послѣдствіе опустошенія послѣ какого-нибудь сильнаго переворота въ природѣ; ни одного животнаго, ни одной птицы, никакой зелени, ни травки; индѣ были песчаныя полосы, на которыхъ видны были маленькіе кустарники. Къ тому прибавить еще мысли, посѣщавшія меня объ удаленіи изъ отечества своего для того, можетъ быть, чтобы предаться въ вѣчную неволю въ руки изверговъ. Таковое положеніе мое продолжалось 16 сутокъ. Я былъ все время поѣздки моей въ Трухменскомъ платьѣ. Имя мое было Мурадъ-бегъ. Нѣкоторое знаніе въ Трухменскомъ языкѣ, которое я имѣлъ, много послужило мнѣ: меня всѣ въ караванѣ знали, но при встрѣчахъ съ чужими я часто слылъ за Трухменца поколѣнія Джафаръ-бай, дабы избавить себя отъ вопросовъ любопытныхъ.

Я увидѣлъ въ сію ночь лунное затмѣніе, которое продолжалось болѣе часа. Трухменцовъ очень безпокоило сіе. Они приступили ко мнѣ, чтобы я имъ растолковалъ причину сего. Они говорили, что луна померкаетъ только при смерти какого-нибудь великаго государя или старшины ихъ, что можетъ быть она предвѣщаетъ мнѣ пріемъ, которой мнѣ будетъ сдѣланъ въ Хивѣ. Я долженъ былъ вывести ихъ изъ затрудненія. Я вспомнилъ, что какой-то древній мудрецъ рѣшилъ сей случай, накинувъ плащъ свой на вопрошающаго; я скинулъ съ себя чуху и, бросивъ ее Сеиду на голову, спросилъ у него, видитъ ли онъ огонь, которой передъ нами горѣлъ? Нѣтъ, отвѣчалъ онъ. Я приложилъ сіе сравненіе къ движенію тѣлъ небесныхъ, заслоняющихъ другъ друга въ извѣстныя времена. Трухменцы не поняли меня. Думали. Я говорилъ дерзко обо всѣхъ свѣтилахъ, и они увѣрились въ моей му-

*) Красная или золотая нога, т.-е. подошва горы.

дрости. Ты точно посланникъ, сказали они мнѣ; ты человѣкъ избранный и знаешь не только, что̀ на землѣ дѣлается, но даже и то, что̀ на небесахъ происходитъ. Я довершилъ удивленіе ихъ, когда предсказалъ имъ, которой конецъ луны начнетъ сперва выдаваться (я видѣлъ, съ которой стороны она затмѣвалась).

22-го въ часъ пополуночи мы поднялись. Ночь была очень холодная, и роса какой я еще никогда не видалъ. Пройдя 24 версты, мы прибыли на разсвѣтѣ къ колодцамъ Сюйли, при которыхъ было до 20 кибитокъ Трухменскихъ. Колодцы сіи имѣютъ 15 саженъ глубины, вода въ оныхъ нехороша, однако можно пить, хотя съ отвращеніемъ. При семъ мѣстѣ есть большое кладбище. Надгробные камни должны быть известковые; они довольно велики, хорошо выточены и съ нѣкоторыми ваяніями; на оныхъ на многихъ видны слѣды раковинъ. Работа сія не есть Трухменцовъ. Жители говорятъ, что кладбище сіе очень древнее и что камни такого свойства находятся на берегу моря. Изъ сего мѣста я опять извѣстилъ письменно маіора Пономарева о себѣ черезъ Трухменца Аширъ-Магмеда, который меня до того мѣста провожалъ.

Напоивъ верблюдовъ, мы еще четыре версты прошли и сдѣлали привалъ часа на полтора; потомъ прошли еще восемь верстъ и остановились передъ вечеромъ. Направленіе наше было въ цѣлый день на О. Въ правой сторонѣ видна была Балканская гора, на покатости коей, по словамъ жителей, есть хорошія пастбища и прѣсныя воды; тамъ пасутся конные табуны ихъ.

23-го, около полуночи, мы поднялись. За часъ до восхожденія солнца мы уже находились при колодцахъ Демурджемъ [1]), отъѣхавши 18 верстъ. Въ семъ мѣстѣ жило до 40 семействъ Трухменскихъ, но кочевье сіе не на большой дорогѣ: оно нѣсколько вправо отъ оной. На дорогѣ же противъ сего мѣста находятся колодцы Ясакджемъ [2]), у которыхъ караваны не останавливаются, потому что вода въ оныхъ солоноватая. Колодцы Демурджемъ находятся на ровной низменности, которая окружена берегами и, кажется, должна быть дномъ бывшаго въ семъ мѣстѣ озера. Такъ какъ я уже двое сутокъ почти совсѣмъ не спалъ, я слѣзъ съ верблюда и бросился на землю. Пока верблюдовъ поили, что̀ продолжалось не болѣе часа, я уснулъ мертвымъ сномъ. Мнѣ представилось, что я прощался со старшимъ братомъ моимъ навсегда, что́ ѣхалъ на вѣрную погибель, въ вѣчную неволю; когда же я проснулся, я увидѣлъ себя окруженнымъ женщинами и ребятишками, которыя обступили меня и разсматривали. Крутой пе-

---

[1]) Желѣзо въ сборѣ.

[2]) Ясаки въ сборѣ.

реходъ сей я не могъ скоро постичь; но голосъ Сеида, который уговаривалъ меня скорѣе вставать, напомнилъ мнѣ, что я уже въ рукахъ Трухменскихъ и можетъ быть наканунѣ предвидѣнной неволи. Я не вѣрилъ снамъ, но меня сія мысль занимала нѣсколько дней, и для развлеченія я выдумалъ, сидя на верблюдѣ, читать. Сначала мнѣ сіе показалось трудно, но послѣ я привыкъ. Пустая книга, которую я читалъ (The Vicar of Wekefield), довольно развлекала меня, чтобы не видѣть томительную единобразность природы, въ которой одинъ только движущійся предметъ могъ меня занимать: восходящее и закатывающееся солнце назначало часы отдыха. Я наблюдалъ луну по почамъ. Свѣтила сіи, поручая меня обоюдно другъ другу, показывали мнѣ приближеніе того времени, какъ свершится исполненіе долга моего.

Напоивъ верблюдовъ, мы поѣхали далѣе и сдѣлали привалъ въ шести верстахъ отъ Демурджема, потому что на днѣ сего озера не росло ни прутика; у насъ во всей дорогѣ травы не было, но верблюды также переносятъ хорошо недостатокъ въ пищѣ, какъ и въ водѣ: они ѣдятъ прутья и все, что̀ бы ни попалось въ степи, въ лѣтнее же время могутъ пробыть 20 дней безъ воды. Такъ какъ мы пущались на нѣсколько переходовъ, не имѣющихъ колодцевъ, то мы налили тулуки наши водой изъ Демурджема. Караванъ нашъ еще усилился.

Отдохнувъ часа два, мы пустились въ дорогу и прошли 30 верстъ до захожденія солнца; направленіе наше было O NO ¼ O. Изъ Демурджема я писалъ Пономареву, чтобы имѣли подъ надзоромъ семейство Гекимъ-Али-бая: онъ мнѣ казался съ дурными намѣреніями. Въ теченіи сего перехода мы шли все по днамъ высохшихъ озеръ. Въ 10 верстахъ отъ Джемурджема въ правой рукѣ видно было кочевье при колодцѣ Геройданъ; вода въ ономъ изъ лучшихъ. Довольно странно, что земля сія не вездѣ имѣетъ воду одного свойства; подлѣ копани съ одной соленой водой показывается прѣсная; иные же колодцы имѣютъ до 40 саженъ глубины. Жители не знаютъ, кѣмъ они были вырыты; они сдѣланы на срубахъ и довольно хорошо.

23-го же числа передъ полночью мы пустились въ путь, прошли 28 верстъ по направленію O N и сдѣлали привалъ прежде захожденія солнца. Въ лѣвой сторонѣ, верстахъ въ пяти отъ дороги, видно было большое озеро, называемое Трухменцами Кули-Дерія (Море Слуги) или Аджи-Куюси (Горькой Колодецъ). Оно имѣетъ миль 10 съ Сѣвера на Югъ. Оно соединено съ Карабогазскимъ заливомъ. Кажется, что сіе обширное озеро неизвѣстно нашимъ землеописателямъ. Карабогазскій заливъ, въ которомъ полагается пучина, еще не былъ осмотрѣнъ нашими мореплавателями. Киржимы обывательскіе ходятъ безъ всякой опасности по берегамъ части залива за ловлею тюленей, но никогда еще суда сіи не дерзнули вступить въ самую оконечность Кули-Деріи.

Жители сами не знаютъ, почему они не дѣлаютъ сего; но они говорятъ о томъ съ мистическимъ видомъ. Какая нужда въ это озеро заѣзжать? говорили они: всѣ животные убѣгаютъ его, степные звѣри боятся пить воду изъ него, она особенно горька и смертельна даже; ни одной рыбы не водится въ сей водѣ. Они полагаютъ, что озеро сіе поглощаетъ воду Каспійскаго моря, потому что теченіе изъ моря въ проливъ Карабогазскій необыкновенно сильное; озеро же Кули-Дерія повидимому уменьшается. Слѣды береговъ онаго очень далеко еще видны. Сѣверный берегъ онаго скалистый. Въ народѣ говорятъ, что птицы, перелетающія сей заливъ, слѣпнутъ.

Близъ привала нашего отдѣлялась одна дорога, которая шла по берегу озера налѣво въ Мангышлакъ. При соединеніи сихъ дорогъ есть большое кладбище; надгробные камни того же рода, какъ и въ Сюйли; жители говорили, что памятники сіи поставлены въ честь Іомудовъ, убитыхъ на семъ мѣстѣ во время нападенія Киргизъ-Кайсаковъ или, какъ они говорятъ, Кыргызъ-Казаховъ.

24. Съ восхожденіемъ солнца мы поднялись и, прошедши 30 верстъ, остановились почти на вершинѣ цѣпи горъ Сарё-Баба [1]). Направленіе сей цѣпи идетъ отъ Сѣвера къ Югу. Въ теченіи сего перехода мы сначала спускались и поднимались по глубокимъ рытвинамъ или оврагамъ, составленнымъ потоками дождевыхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Кули-Дерію. Дорога была очень дурная. Мѣсто сіе называется Белчерингри. Свойство земли, кажется мнѣ, было известковое. Съ половины перехода стали мы подниматься на горы Сарё-Баба, которыя давно уже были видны. Подъемъ сей весьма легкій, хотя и дологъ. Вечерній привалъ нашъ былъ очень безпокойный. Сильный вѣтеръ заносилъ насъ пескомъ, и холодъ былъ довольно сильный; при томъ мы съ трудомъ могли собрать по степи кое-какъ прутьевъ для обогрѣнія себя.

Того же числа передъ полночью мы пошли далѣе и скоро спустились съ сихъ горъ. Спускъ сей довольно крутъ, хотя невысокъ, но дорога такъ хороша, что можно даже подумать, что она сдѣланная. На самой вершинѣ сихъ горъ есть небольшой бугорокъ, называющійся Кыръ [2]), при которомъ дуетъ сильный вѣтеръ во всякое время. На семъ бугрѣ поставленъ памятникъ въ честь родоначальника поколѣнія Трухменскаго Еръ-Сарё-Баба [3]). Многочисленное поколѣніе сіе прежде обитало около Балканскаго залива, теперь перешло къ Бухаріи. Еръ-Сарё-Баба, по словамъ жителей, жилъ въ древнія времена и уважался по добродѣтелямъ своимъ и по многодѣтству. Онъ пожелалъ быть похо-

---

[1]) Желтый Дѣдъ.
[2]) Безплодное мѣсто.
[3]) Мужъ Желтый Дѣдъ.

роненнымъ на вершинѣ сей горы, близъ дороги, дабы всякій прохожій молился за него, и оставилъ имя свое симъ горамъ. Надробный же памятникъ его состоитъ изъ деревяннаго шеста, къ коему привѣшено нѣсколько тряпокъ разноцвѣтныхъ. Низъ шеста заваленъ каменьями, оленьими рогами и разбитыми черепьями горшковъ. Сіи приношенія дѣлаютъ ему и здѣшніе Трухменцы, хотя они совершенно другаго поколѣнія; никто изъ нихъ не посмѣетъ тронуть сей могилы, близъ которой видно также древнее кладбище.

Спустившись съ горы, казалось, что мы перешли въ другой климатъ: сдѣлалось тихо и тепло. Мы шли сыпучими песками, по коимъ видны были кусты. Наконецъ, 25-го числа, къ 3 часамъ утра, мы прибыли къ колодцамъ Туеръ послѣ 25 верстъ перехода. Направленіе наше было О N. Кибитки сіи принадлежатъ поколѣнію Ата. Народъ сей несильный и обиженъ сосѣдями; они прибѣгаютъ къ покровительству Хивинскаго хана. Они рѣдко дерзаютъ разбойничать, потому что разбросаны, но еще лучше другихъ грабятъ, когда вѣрный случай имъ представится. Одежда ихъ, а особливо лица различествуютъ отъ прочихъ Трухменцовъ. Образъ жизни и нравы ихъ тоже различны. Числомъ ихъ не болѣе 1000 кибитокъ и, казалось бы, что народъ сей долженъ вести начало свое изъ тѣхъ поколѣній, которыя населяютъ всю называемую нами Татарію.

Въ Туерѣ находится 6 колодцевъ съ хорошей водой; но земля въ семъ мѣстѣ совершенно голая, зелени я во всю дорогу не видалъ, а здѣсь и сухаго прутика не примѣтилъ. Неподалеку отъ сихъ колодцевъ есть памятникъ изъ камня, хорошо выстроенный въ честь Трухменца Джафаръ-бая, одного родоначальника въ поколѣніи Іомудовъ. Онъ оставилъ названіе свое храбрѣйшему и многочисленнѣйшему изъ племенъ Іомудскихъ; ихъ считается до 2000 кибитокъ, они имѣютъ нѣкоторое первенство надъ прочими. Проводникъ мой Сеидъ былъ сего поколѣнія и гордился имъ, такъ какъ и прочіе единоплеменники его.

Изъ Туера идутъ двѣ дороги въ Хиву. Настоящая ведетъ прямо, но имѣетъ два неудобства: первое то, что на ней недостатокъ въ колодезной водѣ, а второе то, что она идетъ недалеко отъ кочевьевъ Трухменцовъ поколѣнія Теке, которое есть самое разбойничье, въ вѣчной ссорѣ съ сосѣдями; взаимный грабежъ между ними никогда почти не прекращается, и нерѣдко случается, что Теке разбиваютъ караваны Іомудовъ. Первое неудобство сіе зимою въ счетъ не принимается для хожденія каравановъ, потому что тогда снѣгъ замѣняетъ недостатокъ въ колодцахъ; конные же и лѣтомъ по оной ѣздятъ. Вторая дорога идетъ влѣво, отлоняясь къ С. В—ку. Она двумя сутками ѣзды длиннѣе первой, но имѣетъ больше воды и безопаснѣе; однако Сеидъ зарядилъ въ Туерѣ свое оружіе и совѣтовалъ мнѣ пересмотрѣть свое.

Напоивъ верблюдовъ, мы пошли далѣе. Степь на семъ переходѣ стала покрываться возвышеніями по сторонамъ. Гекимъ-Али-бай продолжалъ вести себя очень грубо противъ меня. Несмотря на опасность въ семъ мѣстѣ, онъ никогда не хотѣлъ, чтобы хоть нѣсколько повременить, дабы намъ вмѣстѣ ѣхать. Я его никогда не просилъ о семъ, видя изъ поступковъ его, что въ случаѣ нападенія на него надежды мало. Я сталъ самъ дальше отъ него держаться и брать по ночамъ осторожности. Свои тюки я всегда складывалъ въ видѣ равелина, держалъ оружіе въ готовности и останавливался съ своимъ караваномъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него. Одинъ разъ приходили изъ большаго каравана люди, которые совѣтовали мнѣ соединиться съ ними ради опасности. Я отвѣчалъ имъ, что они сами могутъ присоединиться ко мнѣ, если боятся, и они ушли. Однако одинъ старикъ Велъ-Усша, которому весьма хотѣлось чаю пить, перешелъ ко мнѣ съ 16 верблюдами и однимъ работникомъ. Онъ всю дорогу со мной ѣхалъ въ надеждѣ получить богатые подарки отъ меня. Онъ ошибся, а мнѣ удалось поссорить его, также какъ и своихъ проводниковъ, съ Гекимъ-Али-баемъ. Я долженъ былъ сіе сдѣлать, дабы имѣть хорошихъ лазутчиковъ въ Хивѣ и узнавать замыслы его и, можетъ быть, доносы на меня Хивинскому хану, которые бы онъ дѣлалъ, чтобы выиграть у хана и отомстить Сеиду. Онъ примѣтилъ, что я велъ записки дорогою и первый распустилъ о семъ слухъ въ Хивѣ, слухъ, по которому меня засадили.

25-го числа прежде полуночи мы поднялись въ дорогу. Мѣстоположеніе было нѣсколько гористо. Послѣ 23 верстъ хода мы прибыли передъ разсвѣтомъ, 26-го, къ колодцу Диринъ*). Колодезь сей находится въ глубокой балкѣ; онъ обстроенъ камнемъ, вода въ ономъ вонючая и солоноватая; однако мы принуждены были налить ею бурдюки наши, потому что мы отправлялись изъ сего мѣста въ настоящую безводную степь. Диринъ можно назвать границей приморскихъ Трухменцовъ, потому что верстѣ въ $1\frac{1}{2}$ отъ сего колодца влѣво находится послѣднее кочевье Іомудовъ, поколѣнія Бага, содержащее до 50 дымовъ. Отъ сего мѣста должна тянуться совершенная пустыня 5 или 6 сутокъ до колодцевъ Бешъ-Дишикъ, которые можно принять за прежнія границы Хивинскаго владѣнія. Сей переѣздъ самый трудный во всей дорогѣ отъ Балкана до Хивы. Балка Диринъ имѣетъ крутые берега и весьма похожа на потокъ рѣки, текшей съ Сѣвера на Югъ въ старинный потокъ, нынѣ сухой, Аму-Дарьи, рѣки, о которой будетъ ниже упомянуто. Недостаетъ воды и зелени, чтобы оживить мѣсто сіе,

---

*) Глубокій.

прекрасно расположенное; но здѣсь природа мертвая, и кажется никогда жизнь не посѣтитъ сихъ мѣстъ, населенныхъ звѣроподобными людьми.

Въ семъ мѣстѣ Гекимъ-Али-бай, столкнувшись съ моимъ караваномъ, сдѣлалъ мнѣ первое привѣтствіе. Искренность моя не на языкѣ, сказалъ онъ мнѣ, такъ какъ у окружающихъ васъ; но она въ сердцѣ моемъ. Я отворотился и не отвѣчалъ ему. Здѣсь явилось ко мнѣ много охотниковъ ѣхать впередъ къ Хивинскому хану вѣстниками о моемъ прибытіи; но я имъ отказалъ, зная вѣроломство ихъ и безтолочь.

26-го. Дорогой, я встрѣтился съ небольшимъ караваномъ, идущимъ изъ Хивы. Я далъ записку Мáгометъ-Ніасу, ѣхавшему съ симъ караваномъ, къ маіору Пономареву, въ которомъ извѣщалъ его о благополучной ѣздѣ моей. Я просилъ его захватить сына Гекимъ-Али-бая, если онъ услышитъ, что со мною случилось что нибудь нехорошаго.

27-го, я достигъ наконецъ Бешъ-Дишика *), мѣста гадчайшаго; но тутъ была хорошая прѣсная вода. Я себя уже полагалъ на землѣ Хивинской и превозмогшаго почти $^2/_3$ сего труднаго пути; но что̀ меня всего больше утѣшало было то, что тутъ положенъ у насъ ночлегъ. Я былъ девять дней въ дорогѣ, или качался на верблюдѣ, или пѣшкомъ шелъ. Въ сіи девять сутокъ я почти совсѣмъ не спалъ. Трухменцы находили средство растягиваться на верблюдахъ, но я сего сдѣлать никакъ не умѣлъ, а изрѣдка дремалъ и нѣсколько разъ чуть не свалился съ горы, на которую взбирался. Каждый день я надѣялся уснуть. Мнѣ никогда не удавалось перемѣнить платье, набитое пескомъ и пылью, умыться, напиться чаю на прѣсной водѣ и сварить что нибудь, ибо вся пища моя дорогою состояла изъ черныхъ сухарей и воды. Мнѣ удалось все сіе сдѣлать. Я отдохнулъ, ожилъ и успѣлъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, которыя здѣсь пріобщаю.

Послѣдній переходъ сей я почти все ѣхалъ сыпучими песками. Я видѣлъ издали впереди себя отвѣсной высокій берегъ съ большими трещинами, который по словамъ сопутниковъ моихъ былъ прежній берегъ моря. Не доѣзжая 10 верстъ до колодцевъ, я увидѣлъ передъ собой потокъ пребольшой рѣки, котораго ширина была до 100 саженъ, а глубина почти 15. Берега онаго были очень крутые и обросли, такъ какъ и дно, кустами. Сухой потокъ сей шелъ отъ Сѣверо-востока къ Юго-западу, а направленіе наше было почти прямо на Востокъ; поэтому намъ слѣдовало переправиться черезъ оную; но сего никакъ невозможно было сдѣлать за крутизной береговъ и обваловъ. Мы поворотили налѣво и, прошедши версты 3 по самому берегу сей сухой рѣки, между песчаными буграми, нанесенными вѣтромъ въ видѣ морской

*) Пять отверстій.

зыби, вышиною сажени въ двѣ, я остановился на минуту, дабы написать записку къ маіору Пономареву о себѣ съ встрѣтившимся караваномъ на отдыхѣ противъ колодца Сарё-Камышъ, находящагося на днѣ сей сухой рѣки.

Я продолжалъ свой путь все по берегу еще 7 верстъ и пріѣхалъ къ спуску на дно рѣки. Я спустился и расположился ночевать по близости большаго каравана, у колодцевъ Бешъ-Дишикъ. Видѣнной мною такъ называемый морской берегъ шелъ въ паралель рѣкѣ не болѣе какъ въ 12 верстахъ разстоянія отъ оной.

Такъ какъ видъ сего сухаго потока среди ровной степи не измѣнился, а имѣлъ еще изгибы на подобіе рѣки, то я сталъ заключать, что она должна быть древняя Аму-Дарья, объ отысканіи которой Государь Петръ Великой столько старался. Когда я спросилъ у жителей, какъ сіе мѣсто называется, они мнѣ сказали, что это потокъ сухой рѣки, называющейся Усъ-бой. Въ старину же, продолжали они, когда она здѣсь текла, то рѣка сія называлась Аминъ-Дерія. Она впадала въ Балканской заливъ, теперь же она перемѣнила теченіе свое уже съ давнихъ временъ и изъ Хивинскаго ханства идетъ въ сторону Демуръ-Казыка (Желѣзнаго Кола), т. е. на Сѣверъ по направленію полярной звѣзды. По возвращеніи моемъ изъ Хивы я узналъ отъ Кіата, что устье сей рѣки хотя занесено пескомъ, но еще примѣтно и что на берегу оной построена деревянная изба на подобіе Русскихъ избъ, о построеніи коей старики отъ своихъ отцовъ по преданію ничего не знаютъ. Жители же о сю пору не смѣютъ ломать оной, боясь приступиться къ ней, какъ къ какой нибудь святынѣ. Удивительно, что домъ сей такъ долго держится. Впрочемъ онъ не могъ быть построенъ прежде временъ Петра Великаго во время экспедиціи князя Бековича для отыскиванія золотаго песка. Такъ какъ мѣста сіи были прежде населены другими поколѣніями Трухменцовъ, то и немудрено, что жители нынѣшняго Балкана не имѣютъ никакихъ преданій о построеніи сей избы. Что она такъ долго стоитъ, можно приписать къ рѣдкимъ дождямъ случающимся въ тѣхъ странахъ.

Дно сухой Аму-Деріи совершенно другихъ свойствъ отъ степи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно не занесено пескомъ. Въ иныхъ мѣстахъ по оному видна зелень, даже растутъ деревья, есть колодцы съ прекрасной прѣсной водой. Въ Сарё-Камышѣ даже вода, выступивши изъ срубовъ колодца, течетъ ручьемъ по сухому дну рѣки, но подлѣ сего самаго колодца есть другой съ солоноватой водой. При ночлегѣ нашемъ было 6 колодцевъ съ прекрасной водой тоже на сухомъ днѣ рѣки.

Отъ сего мѣста почти до самыхъ настоящихъ границъ Хивинскаго ханства находится довольное количество кустарника по дорогѣ.

Нельзя сказать, чтобы и до сихъ поръ мы нуждались въ ономъ на станціяхъ, исключая 6 или 7 приваловъ.

Пришедъ къ колодцамъ Бешъ-Дишикъ, послѣ прибытія большаго каравана, ночью, я удивленъ былъ, что Гекимъ-Али-бай и братъ его Таганъ-Али встрѣтили меня, сами разъвьючили верблюдовъ моихъ и составили мои тюки. Первый подошелъ ко мнѣ, извинялся въ томъ, что онъ всю дорогу отстранялся отъ меня, говоря, что единственное его желаніе въ томъ состояло, чтобы служить мнѣ, и просилъ меня считать на него какъ на самаго вѣрнаго изъ моихъ служителей. Я принялъ его безъ гордости и напоилъ чаемъ, но не ввѣрился совершенно въ его слова, и въ эту ночь былъ еще осторожнѣе, чѣмъ въ прочія. Вотъ что можно было полагать причиною столь внезапной перемѣны. Если онъ имѣлъ въ самомъ дѣлѣ дурныя намѣренія, то, не могши ихъ привести о сю пору въ исполненіе, онъ, можетъ быть, разсчелъ, что, такъ какъ я былъ уже близко Хивинскихъ владѣній, то ему гораздо выгоднѣе быть полезнымъ мнѣ, полагая, что ханъ меня хорошо приметъ и что ему тутъ тоже что нибудь перепадетъ; онъ же зналъ чрезъ встрѣтившійся съ нами караванъ, что въ Хивѣ носился слухъ о скоромъ прибытіи Россійскаго посла. Слухъ сей дошелъ до Хивы черезъ Трухменцовъ, которые пріѣзжали туда съ Гюргена и Атрека; въ бытность нашу на ихъ берегахъ они замѣтили, что я распрашивалъ о дорогѣ въ Хиву, и догадывались о моемъ намѣреніи, которое я и не скрывалъ. Молва, носившаяся между жителями ханства Хивинскаго была та, что владѣлецъ онаго Магметъ-Рагимъ былъ крайне обрадованъ моимъ пріѣздомъ и ожидалъ съ большимъ нетерпѣніемъ, чтобы я ему вручилъ четыре верблюжьихъ вьюка съ червонцами, которые я будто ему везъ отъ Падишаха или Бѣлаго Царя.

Намъ опять предстояло нѣсколько дней идти безъ воды, и такъ 30-го числа мы поднялись съ разсвѣтомъ и, прошедши 25 верстъ, остановились при закатѣ солнца. Переходъ сей былъ довольно занимательный. Выйдя на берегъ сухой Аминъ-Дерьи, мы шли недалеко отъ оной. Въ лѣвой сторонѣ имѣли мы небольшой отвѣсный берегъ предполагаемаго Трухменцами моря, о которомъ я выше упоминалъ. Берегъ сей, коего концы теряются вдали, имѣетъ вездѣ одинаковый видъ и вышины до 20 сажень. Та часть степи, которая за онымъ находится, также ровна какъ и нижняя, по которой мы ѣхали. Ѣдучи подлѣ, мы забавлялись эхомъ, которое чрезвычайно чисто повторяетъ всѣ слова. Послѣ трехъ верстъ берегъ сей сталъ отдаляться влѣво, и я увидѣлъ въ ономъ очень правильно высѣченныя пять отверстій, совершенно вида дверей или входа въ какое нибудь жилище. Къ такимъ чудесамъ непремѣнно принадлежитъ сказка о какомъ нибудь

царѣ. Вотъ что мнѣ проводники мои разсказывали. Сіи пять входовъ называются Бешъ-Дишикъ или Пять Дыръ. По нимъ и названы колодцы, при которыхъ мы ночевали. О семъ же мѣстѣ извѣстно по всему нашему Трухменскому кочевью, что отверстыя дыры сіи ведутъ въ огромнѣйшіе чертоги, въ которыхъ съ давнихъ временъ живетъ съ большимъ своимъ семействомъ, сокровищемъ и съ дочерьми царь, что нѣкоторые дерзновенные испытывали туда заходить, но были въ пещерахъ сихъ невидимой силою связаны по рукамъ и по ногамъ, и такимъ образомъ тамъ погибли. Дабы не испортить сей сказки, я не спросилъ у Трухменцовъ, кто имъ сіе за извѣстіе далъ, если никто оттуда не возвращался. Тутъ пошли разныя сужденія. Это не можетъ быть, сказалъ одинъ. Ты не вѣришь! отвѣчалъ другой. А кто насъ передразнивалъ, когда мы разговаривали и ѣхали подлѣ горы? Онъ симъ озадачилъ невѣровавшаго, которой принужденъ былъ молчать послѣ столь явнаго доказательства.

Отличительная простота сія въ нравахъ Трухменцовъ не мѣшаетъ имъ быть умными и весьма острыми въ отвѣтахъ своихъ; но сей самой простотой можно много успѣть между ними. Султанъ-ханъ, урожденецъ изъ Чика, о которомъ я прежде упоминалъ, прослылъ у нихъ за волшебника: онъ зналъ лечебныя свойства нѣсколькихъ растеній, предсказывалъ будущее по звѣздамъ; его слушали, и онъ привелъ въ повиновеніе три большія поколѣнія Трухменскихъ: Іомудъ, Теке и Кепьёнъ. Поколѣнія сіи прежде всегда были въ междоусобной войнѣ; въ 1813 же году онъ собралъ ихъ и воевалъ противъ Персіянъ.

Однако мнѣ не хотѣлось проѣхать мимо сего очарованнаго мѣста, чтобы не посѣтить стараго царя и не посмотрѣть дочерей-красавицъ его, или увидѣть мѣсто, въ которомъ, можетъ быть, прежде скрывались разбойничьи шайки. Я полѣзъ съ однимъ Трухменцомъ къ симъ большимъ жилищамъ. Они были выше чѣмъ на половинѣ всего берега. Передъ ними былъ слой нѣсколько выдававшійся впередъ, которой былъ длиною сажень до ста и составлялъ родъ галереи передъ сими отверстіями. Рыхлая земля обсыпалась подъ моими ногами и руками; я лѣзъ между берегомъ и отвалившейся сверху скалою, въ тѣсной ущелинѣ. Надъ головой моей висѣлъ ужасной величины камень, который грозилъ паденьемъ, и надобно было проползть черезъ маленькую дыру, дабы выйти на вышеупомянутый уступъ, съ котораго, казалось, легко можно было пройти въ необитаемыя пещеры.

Трухменецъ Кульчи, который впереди шелъ, пробрался сквозь дыру подъ камнемъ, вышелъ на выдавшійся слой и не могъ далѣе по оному идти, потому что въ семъ мѣстѣ онъ прерывался на разстояніи двухъ сажень. Если бы мы сіе пространство перешли, то непремѣнно

были бы въ пещерахъ, до коихъ только нѣсколько шаговъ оставалось. Я бы превозмогъ сіе затрудненіе посредствомъ веревокъ; но караванъ былъ уже далеко ушедши, и я поторопился нагнать его. Мнѣ казалось, что прежде настоящій ходъ въ пещеры былъ съ сего мѣста, но что его нарочно завалили большимъ камнемъ. Я не знаю, какія дѣлать заключенія о семъ берегѣ, которой весьма похожъ на берегъ моря или большаго озера. Обширность его глазомъ необозрима съ одной точки.

Отъѣхавъ отъ Бешъ-Дишика, я вскорѣ переѣхалъ на другой берегъ Аминъ-Дерьи. Переѣзжалъ тоже чрезъ много водопроводовъ, въ коихъ воды не было, но они весьма хорошо обозначались.

Къ ночи съ 30 Сентября на 1 Октября мы прошли еще 33 версты по направленію SO. На семъ переходѣ былъ у насъ противуположный берегъ предполагаемаго моря. Въ правой сторонѣ на берегу онаго стояли развалины замка *Утинъ-Кала.* Водопроводы сіи и развалины не суть ли явное доказательство, что нынѣшній сухой потокъ Усъ-бой былъ прежде съ водой, и вѣроятно, что рѣка сія называлась Аминъ-Дерья?

Въ ночи съ 1-го на 2-е Октября мы прошли 31 версту и остановились послѣ разсвѣта неподалеку отъ одного мѣста, гдѣ кусты, служащіе пищей для верблюдовъ, были ядовитые. Проводники опасались сего мѣста, дабы не лишиться своихъ верблюдовъ. Передъ самымъ разсвѣтомъ встрѣтились мы съ большимъ караваномъ Трухменцовъ поколѣнія Човдуръ, племени Игдыръ. Верблюдовъ было до 1000, а людей до 200. Они шли съ большимъ шумомъ, пѣли, хохотали, кричали, радовались, что выѣхали изъ Хивинскаго ханства, закупя благополучно хлѣбъ. Они шли на Мангышлакъ. Гекимъ-Али-бай со своимъ караваномъ былъ прошедши впередъ, а я оставался съ своими 4-мя Трухменцами и двумя переманенными. Такъ какъ мы сошлись въ узкомъ мѣстѣ между кустами, то принуждены были выждать, пока тотъ весь большой караванъ пройдетъ. Игдыры, распрашивая нашихъ Трухменцовъ объ ихъ поколѣніи, столпились около насъ и узнали по шапкѣ Петровича, что онъ не Трухменецъ долженъ быть. Они осматривали насъ и распрашивали у проводниковъ что́ мы за люди. Это плѣнные Русскіе, отвѣчали наши; нынче пришли сюда къ берегу. Мы поймали трехъ и ведемъ ихъ продавать. Везите ихъ проклятыхъ невѣрныхъ! отвѣчали Игдыры съ насмѣшкой; мы сами трехъ Русскихъ продали въ Хивѣ за хорошія деньги.

2-го Октября мы прошли 33 версты по направленію SO. Мы встрѣчались со многими караванами, идущими изъ Хивы съ хлѣбомъ. Они сказали намъ, что нынѣ ханъ наложилъ по одному тиллу (4 р. сер.)

на Трухменцовъ съ каждаго приходящаго верблюда; что какъ Трухменцы не хотѣли сей подати платить и просили отмѣненія оной, то ханъ приказалъ удержать прибывшіе караваны, обѣщаясь самъ выѣхать въ крѣпость *Ахъ-Сарай* (Бѣлый Зȁмокъ) для личнаго свиданія съ Трухменскими старшинами, для выслушанія просьбы и принятія подарковъ отъ нихъ; что, не смотря на то, многіе караваны бѣжали; что ханъ уже долженъ быть выѣхавшимъ изъ Хивы и что я съ нимъ непремѣнно встрѣчусь въ Ахъ-Сараѣ. Изѣстія сіи были довольно пріятны для меня, потому что я предвидѣлъ скорой конецъ моему путешествію. Я сталъ сочинять рѣчь для перваго свиданія съ нимъ и далъ ее перевести Петровичу, приказавъ ему выучить ее наизусть. Но какъ я крѣпко ошибся!

Съ вечерняго привала нашего расходились дороги во всѣ стороны въ разныя кочевья Хивинскаго ханства. Большой караванъ Гекимъ-Али-бая весь разошелся по сторонамъ за покупкой хлѣба, а мы остались одни. По сторонамъ были видны огни выѣзжавшихъ изъ ханства въ степь съ арбами за дровами и для жженія уголья. Тутъ бываютъ очень частые разбои; однако никто къ намъ не подходилъ. Я обрадовался, когда увидѣлъ слѣды колесъ. Я не полагалъ, чтобы со мною могли такъ дурно поступить, какъ то сдѣлали; но я помышлялъ только о томъ, что я опять соединился съ людьми и попалъ въ населенную страну.

Въ ночи съ 2 на 3 мы прошли 29 верстъ по направленію OSO довольно частымъ кустарникомъ, сбились было съ дороги, но опять попали на настоящую послѣ двухъ или трехъ часовъ иска. Поутру мы сдѣлали привалъ, послѣ котораго, поднявшись и прошедши 10 верстъ OSO, пришли къ водѣ, не имѣвъ оной четырехъ сутокъ.

Мы пришли къ водопроводу, выведенному изъ нынѣшней Аминъ-Дерьи рѣки, текущей изъ горъ, лежащихъ на Сѣверѣ отъ Индіи, мимо Бухаріи, Хивой, на восточную сторону города и впадающей въ Аральское море. Водопроводы сіи идутъ черезъ все ханство, которое можетъ имѣть до 150 верстъ въ поперечникѣ въ иныхъ мѣстахъ.

На первомъ водопроводѣ, у котораго мы остановились для напоенія верблюдовъ, жили въ кибиткахъ Трухменцы премножества различныхъ поколѣній. Они поселились въ окрестностяхъ городовъ Хивинскихъ и обрабатываютъ землю; когда же уберутъ хлѣбъ, то ѣздятъ на разбой въ Персію и продаютъ въ Хивѣ привезенныхъ ими невольниковъ.

Селенія въ Хивинскомъ ханствѣ расположены по водопроводамъ, между коими пространства суть песчаныя степи; но земля при сихъ водопроводахъ, обрабатываемая частью обывателями и частью невольниками, представляетъ видъ совершеннаго изобилія. Плодородіе удивительное! Засѣвается жителями Сарочинское пшено, пшеница, кунд-

жутъ, изъ котораго дѣлаютъ масло и джюганъ, дающій круглое зерно поменьше гороховинки, бѣлаго цвѣта и растущее толстыми колосьями на подобіе кукурузы. Джюганъ служитъ для прокормленія лошадей; жители его тоже иногда употребляютъ въ пищу. Хивинцы имѣютъ тоже овощи и плоды всѣхъ сортовъ. Изъ послѣднихъ отличны дыни и арбузы. Дыни сіи бываютъ въ $^{3}/_{4}$ аршина и отмѣнно сладкаго вкуса. Скотоводство имѣютъ тоже они очень большое. Оно состоитъ изъ верблюдовъ, рогатаго скота и барановъ, изъ коихъ нѣкоторые необыкновенной величины. Лошади въ Хивѣ отличныя; то еще лучше ихъ считаются тѣ, которыхъ приводятъ Трухменцы съ Гюргена и Атрека. То чтò онѣ выносятъ неимовѣрно. Когда Хивинцы или Трухменцы ѣздятъ на разбой въ Персію, то онѣ по 8 дней ѣздятъ сряду по 120 верстъ въ сутки, въ безводныхъ степяхъ, бываютъ по 4 дни безъ воды и другой пищи не имѣютъ, какъ 5 или 6 пригоршень джюгану, который онѣ на себѣ везутъ всю дорогу.

Того же 3 числа, поднявшись поутру съ привала, я увидѣлъ передъ собой туманъ, которой занималъ весь горизонтъ. Я ожидалъ восхожденія солнца, но не видалъ его. Когда я прибылъ къ вышеупомянутому водопроводу, я увидѣлъ, что казавшійся мнѣ туманъ не что иное былъ какъ вихрь песчаный, который продолжался безъ остановки цѣлый день. Я попалъ въ сей самый вихрь и не видалъ цѣлый день солнца. Я ѣхалъ отъ водопровода еще 10 верстъ до ночлега. Уши, глаза, ротъ, носъ и волосы мои были совсѣмъ наполнены пескомъ; лицо рѣзало жесточѣе еще мятели. Верблюды наши все отворачивались отъ вѣтра, и песчаный туманъ сей былъ столько густъ, что въ нѣкоторомъ разстояніи нельзя было предметовъ различить. Часа за два до вечера Сеидъ остановилъ караванъ и пошелъ въ сторону для отысканія пристанища въ видѣнныхъ имъ кибиткахъ. Проходивъ съ часъ, онъ воротился, найдя насъ съ трудомъ, и повелъ къ кибиткамъ. Тамъ жили Трухменцы поколѣнія Куджукъ-Татаръ изъ Іомудовъ племени Кырыкъ, и его старшина Атанъ-Ніасъ-Мергенъ тутъ же находился.

Изъ Трухменцовъ, которыхъ я видѣлъ и знаю, сей мнѣ всѣхъ болѣе понравился. Переселившись въ Хивинскія владѣнія, онъ вступилъ въ службу ханскую и считался у него наѣздникомъ. Онъ ѣздилъ всякую недѣлю на поклонъ къ хану и только что возвратился, когда я къ нему прибылъ. Кочевье его было расположено на водопроводѣ *Дашъ-Гоусъ* (Каменное Водохранилище). Онъ пригласилъ меня къ себѣ въ кибитку съ гостепріимствомъ, которое знаменуетъ человѣка безкорыстнаго и честнаго, чтó весьма рѣдко между Трухменцами. Онъ прилагалъ все возможное стараніе, чтобы доставить мнѣ покой: зарѣзалъ лучшаго своего барана, подалъ мнѣ умыться, сварилъ пищи и прогналъ всѣхъ

любопытныхъ, сбѣжавшихся смотрѣть меня. Атанъ-Ніасъ-Мергенъ увѣрилъ меня, что до хана уже дошли слухи о моемъ прибытіи, чтобъ я вѣстника въ Хиву не посылалъ, а ѣхалъ бы прямо въ городъ, по обыкновенію ихъ; подъѣхавши же къ палатамъ ханскимъ, чтобы я объявилъ, что я гость и посланникъ и ожидалъ бы наилучшаго пріема. Я не совершенно вѣрилъ, чтобы такое внезапное прибытіе могло понравиться хану, хозяина же своего благодарилъ за совѣты, которые онъ мнѣ точно отъ чистой души говорилъ. Когда я нѣсколько отдохнулъ, онъ представилъ мнѣ четырехъ сыновей своихъ. Одинъ другаго былъ молодцоватѣе. Они хвастались длинными фитильными ружьями, которыя имъ ханъ подарилъ и прекрасными жеребцами. Втораго сына своего Атанъ-Ніасъ-Мергенъ отправлялъ на дняхъ на разбой въ Астрабадъ съ 30 человѣками, собравшимися идти туда на обыкновенный ихъ промыслъ.

4-го числа мы выѣхали передъ полднемъ, отдохнувъ порядочно. Почтенный хозяинъ мой Атанъ-Ніасъ-Мергенъ провожалъ меня верстъ 12. Настоящей дороги тамъ не было. Намъ надобно было переѣхать степь, заключающуюся между водопроводами Дашъ-Гоусомъ и Ахъ-Сараемъ. Пространство сіе покрыто песчаными буграми. Такъ какъ вѣтеръ продолжался, то насъ опять стало заносить пескомъ, но еще больше прежняго. Но хозяинъ нашъ самъ сбился съ дороги. Тутъ я видѣлъ, какъ вѣтеръ сметаетъ песчаные бугры съ одного мѣста на другое. Если въ степи малѣйшій прутикъ находится, то его заноситъ пескомъ, и въ короткое время бугоръ поспѣлъ. Съ половины дороги хозяинъ оставилъ меня, прося позволенія воротиться. Вѣтеръ сталъ утихать, и я примѣтилъ по сторонамъ нѣсколько разваленныхъ крѣпостей и строеній. Все же мѣсто, по которому я ѣхалъ, было покрыто обломками жженыхъ кирпичей и кувшиновъ. Наконецъ, проѣхавши 24 версты по направленію SO, намъ открылся передъ вечеромъ водопроводъ Ахъ-Сарай, по коему расположено было множество кибитокъ, видны хорошо обработанныя поля и нѣсколько деревьевъ. Мы хотѣли въ тотъ же день добраться по сему водопроводу до деревни, въ которой жили родственники Сеида, но не могли и были принуждены остановиться въ бѣдной Трухменской деревушкѣ. Тутъ уже началось показываться строеніе. Трухменцы жили въ кибиткахъ, а скотину держали въ загороженныхъ четырьмя земляными стѣнами хлѣвахъ. Жители сего мѣста были отдаленнаго поколѣнія, живущаго близъ Бухаріи и не знали поколѣній приморскихъ Трухменцовъ. Они обступили меня и замучили вопросами. Я не нашелъ другаго средства отвязаться отъ нихъ и держать ихъ поодаль, какъ стращая ихъ именемъ Магмеда-Рагимъ-хана, коего я назывался гостемъ. Не менѣе

того они отказали мнѣ въ ночлегѣ, говоря, что они не знаютъ Магмеда-Рагимъ-хана. Такъ какъ я штуцера изъ рукъ не выпущалъ, и началъ шумѣть съ ними, они отошли отъ меня и, собравшись въ кучу поодаль, стали разговаривать между собою, я же сталъ располагаться между ихъ кибитками ночевать, какъ одинъ старикъ подошелъ ко мнѣ и позвалъ меня къ себѣ въ кибитку, говоря, что онъ ее уже очистилъ для меня. Я воспользовался симъ предложеніемъ. Зашедши въ бѣдную кибитку, я сталъ хозяйничать и выгналъ множество любопытныхъ, которые наглымъ образомъ садились около меня и распрашивали. Старый хозяинъ мой съ Китайской рожей самъ не зналъ чтò у него за люди и счелъ себя весьма счастливымъ, что я его съ дочерью тоже не выгналъ и далъ имъ по стакану чаю. Такъ какъ множество народа обступило мою кибитку, то я приказалъ ночью Трухменцамъ своимъ держать караулъ; они уже важничали передъ прочими своимъ образованіемъ и тѣмъ, что я имъ чаю давалъ пить, и слушались меня; а Петровичъ мой покрикивалъ на нихъ, чтò я ему при нихъ запрещалъ дѣлать, оправдывая Трухменцовъ. Въ отсутствіи же ихъ я ему приказывалъ не спущать имъ не одной вины, и они боялись Петровича.

Переночевавъ благополучно, 5-го числа съ разсвѣтомъ мы тронулись въ походъ и, прошедши 10 верстъ по каналу, направленіемъ OSO, прибыли къ издали видѣннымъ нами двумъ высокимъ деревьямъ, подлѣ которыхъ жилъ родственникъ Сеида. По мѣрѣ того какъ я больше вдавался по водопроводу внутрь края, я видѣлъ возрастающую обработанность земли; поля съ богатѣйшими жатвами поражали меня противуположностью своею противъ видѣнныхъ мною наканунѣ. Едвали видѣлъ я въ Германіи такое тщаніе въ обработываніи полей какъ въ Хивѣ. Всѣ дома были обведены каналами, по коимъ сдѣланы вездѣ мостики. Я ѣхалъ прекрасными лужайками, между плодовыми деревьями; множество птицъ увесяляло меня пѣніемъ; кибитки и строенія изъ глины, разсыпанныя по симъ прекраснѣйшимъ мѣстамъ, составляли весьма пріятное зрѣлище. Я обрадовался, что попалъ въ такую чудесную землю и спросилъ у проводниковъ своихъ съ выговоромъ, зачѣмъ они сами не обработываютъ такимъ образомъ землю, или, если у нихъ земля ничего не производитъ, то зачѣмъ они въ Хиву не переселяются? «Посолъ», отвѣчали они мнѣ, «мы господа, а это наши работники. Эти сверхъ того боятся владѣльца своего, а мы кромѣ Бога не боимся никого». Въ Хивинскомъ ханствѣ по водопроводамъ въ деревняхъ живутъ большею частію переселенные Трухменцы. Народа по симъ мѣстамъ множество. Они одѣваются хорошо и въ обращеніи гораздо ловчѣе прибрежныхъ Трухменцовъ. Подъѣзжая къ дому Сеи-

дова родственника, я встрѣтился со свадьбой. Разряженная красавица ѣхала на большомъ верблюдѣ, на коемъ было сдѣлано довольно богатое сидѣніе, обшитое все шелковыми матеріями.

Я былъ очень хорошо принятъ родственниками Сеида. Для меня опорожнили маленькую комнату, впрочемъ довольно грязную и темную. Пока я переодѣвался, множество старшинъ собралось, чтобы поздравить меня съ пріѣздомъ. Я впустилъ знатнѣйшихъ къ себѣ и, поговоривъ съ ними нѣсколько, вышелъ къ прочимъ. Всякой дѣлалъ мнѣ привѣтствіе какъ умѣлъ. Ханъ еще не выѣзжалъ изъ Хивы, и я тотчасъ послалъ двухъ изъ собравшихся Трухменцовъ, одного въ Хиву къ хану съ извѣщеніемъ о моемъ прибытіи, а другаго въ ближайшую ханскую крѣпостцу, называющуюся Ахъ-Сарай для извѣщенія тамошняго чиновника ханскаго, родомъ Узбека *). Но я съ прискорбіемъ слышалъ рѣчи Трухменцовъ, разговаривавшихъ обо мнѣ: они хвалили Русскаго посланника и говорили, что онъ не изъ простыхъ людей долженъ быть, ибо знаетъ грамотѣ и у всѣхъ колодцевъ записывалъ глубину оныхъ и разстояніе одного отъ другаго. Слухи сіи дошли до хана и были причиной смертнаго приговора, произнесеннаго на меня какъ на лазутчика. Прибывшій въ тотъ же день Трухменскій старшина Берди-ханъ изъ Хивы явился ко мнѣ. Въ 1812 г. онъ служилъ у Персіянъ, былъ раненъ Русскими и взятъ въ плѣнъ, служилъ два года у генерала Лисаневича и, возвратившись въ родину свою, бѣжалъ въ Хиву. Разспросивъ его нѣсколько объ ханѣ, я его отпустилъ, обѣщавъ ему по просьбѣ его дать выпить стаканъ водки, если пріѣдетъ ко мнѣ. Я его больше не видалъ.

Я хотѣлъ въ тотъ же день ѣхать въ Хиву (мнѣ оставалось еще до 40 верстъ), но Сеидъ мой никакъ не далъ мнѣ этого сдѣлать. Я сердился, сталъ кричать на него, и онъ принужденъ былъ послать отыскивать лошадей; но между тѣмъ, кажется, приказалъ посланному не находить ихъ. Мнѣ кажется, что ему хотѣлось продержать меня тутъ, чтобы выхлопотать подарокъ родственникамъ своимъ. Немудрено тоже, что черезъ мое ходатайство ханъ проститъ имъ наложенную на верблюдовъ ихъ подать. Они заговаривали мнѣ о томъ, но я притворился будто не понимаю ихъ и отдѣлался.

И такъ я принужденъ былъ весь день тутъ остаться. Я ходилъ прогуливаться, и толпа за мной шла. Одинъ Трухменецъ, прекрасно одѣтый и очень бойкій, служащій въ войскѣ ханскомъ, разговаривая со мной, сталъ смотрѣть мои пуговицы на сюртукѣ, и безъ дальнихъ околичностей, дабы удостовѣриться серебрянныя ли онѣ, сталъ ихъ поворачивать на всѣ стороны. Чтобы онъ отъ меня отсталъ, я спро-

*) Узбекъ значитъ: самъ себѣ господинъ.

силъ у него съ насмѣшкой, что Хивинское серебро одинаковаго ли цвѣта съ нашимъ? Всѣ засмѣялись; а любопытный, оставивъ меня и ударивъ рукой по эфесу своей сабли, отвѣчалъ мнѣ: «Господинъ посланникъ, мы Трухменцы люди простые, намъ такія вещи прощаютъ; но насъ уважаютъ за храбрость нашу и за остріе кривой сабли нашей, которая всегда предстоитъ къ услугамъ хана».—«Она также предстоитъ къ услугамъ нашего Бѣлаго Царя», отвѣчалъ я, «съ тѣхъ поръ какъ черезъ мое посредничество установится миръ и доброе согласіе между обѣими державами».

Я легъ довольно поздно и началъ засыпать, какъ вдругъ оповѣстили меня о прибытіи ко мнѣ чиновника изъ Хивы отъ Магмедъ-Рагимъ-хана. Вошелъ молодой человѣкъ, видный собою; съ нимъ былъ другой пожилыхъ лѣтъ. Они сѣли подлѣ моей постели, и молодой началъ меня распрашивать отъ имени хана о причинѣ моего пріѣзда и о видахъ правительства нашего. Я ему отвѣчалъ, что о семъ я самъ сообщу лично хану или тому человѣку, которому онъ мнѣ лично прикажетъ сіе сказать; что впрочемъ я имѣю письма къ Мегмедъ-Рагиму, коихъ содержаніе мнѣ неизвѣстно было. Абдуллѣ (онъ такъ назывался) показалъ я запечатанныя письма и приказалъ ему о семъ хану донести. Удивительно, продолжалъ онъ, что отъ Бѣлаго Царя съ двухъ сторонъ посланники пріѣхали; у насъ есть въ Хивѣ четыре посланца вашихъ. Вѣдь и вы тоже Бѣлому Царю служите? Я старался его увѣрить, что то не могли быть посланцы, а какіе-нибудь бѣглые, которые назвались такъ, и что ихъ надобно остановить; что если они самозванцы, то я ихъ перевяжу и отправлю въ Россію. Абдулла увѣрялъ меня, что они тоже Русскіе посланники (я послѣ узналъ, что то были нашихъ четыре Нагайца, пріѣхавшихъ съ письмомъ къ хану). Пьете ли вы чай? спросилъ у меня Абдулла. Если пьете, то велите чайникъ для меня поставить.—Мы пьемъ чай днемъ, а не въ полночь, отвѣчалъ я; а такъ какъ я не совсѣмъ здоровъ и усталъ съ дороги, то вы бы меня обязали, еслибы оставили въ покоѣ. Прощайте! Онъ всталъ и ушелъ. Я послѣ узналъ, что этотъ Абдулла сынъ какой-то знатной особы, прежде при ханѣ служившей, что никогда ханъ его ко мнѣ не посылалъ, но что весь допросъ его былъ сдѣланъ по одному его любопытству, что онъ тогда мимо Ахъ-Сарая ѣхалъ и заѣхалъ изъ любопытства посмотрѣть меня.

Въ тотъ же самый день я узналъ, что двое Русскихъ, слышавшіе о прибытіи судна къ берегамъ Трухменскимъ, наканунѣ прибытія моего въ Ахъ-Сарай, бѣжали къ берегу, оставивъ женъ своихъ и дѣтей. Ихъ однакоже послѣ поймали. Хивинцы имѣютъ много невольниковъ Русскихъ (которыхъ имъ продаютъ Киргизы, хватая ихъ на

Оренбургской линіи), Персидскихъ и Курдинскихъ, доставляемыхъ имъ Трухменцами въ большомъ количествѣ. Обращеніе съ сими невольниками самое жестокое: по малѣйшему подозрѣнію ихъ о побѣгѣ, они наказываютъ ихъ жестокимъ образомъ; если же сіе во второй разъ случится, то прибиваютъ ихъ гвоздемъ въ ухо къ дверямъ и оставютъ въ такомъ положеніи трое сутокъ; если они вынесутъ такое наказаніе, то продолжаютъ по старому мучиться въ неволѣ.

6-го числа поутру достали мнѣ наемныхъ лошадей, дабы ѣхать въ Хиву; о прежде сего я былъ приглашенъ на завтракъ къ одному старшинѣ, и отъ того я промедлилъ часа два. Еслибы сего не случилось, то обстоятельство мои приняли бы совершенно другой видъ, и я въ тотъ же день былъ бы въ Хивѣ. Немудрено, что ханъ, удивленный моимъ внезапнымъ прибытіемъ, принялъ бы меня хорошо и скоро отпустилъ. Возможно и то было, что народъ разорвалъ бы меня до въѣзда въ городъ, можетъ быть и по повелѣнію хана, до котораго бы вдругъ дошли слухи, что Русскіе пришли въ Хиву отмщать за кровь Бековича. Такого рода слухи въ Хивѣ весьма легко распространяются, и владѣлецъ, не видавшій никогда ничего болѣе своего малаго ханства и степей, оное окружающихъ, могъ бы легко повѣрить сему. Я не отъѣхалъ еще восьми верстъ, какъ меня нагналъ конный человѣкъ, скачущій во весь духъ. Онъ просилъ меня отъ имени ханскаго остановиться, потому что меня нагоняли два чиновника, посланные прошлую ночь изъ Хивы для отысканія меня. Я подождалъ, и вскорѣ пріѣхали ко мнѣ сіи два человѣка. Съ ними было человѣка 4 конныхъ. Старшій изъ нихъ былъ человѣкъ маленькаго роста, лѣтъ подъ 60, съ длинной сѣдой бородой. Онъ смотрѣлъ совсѣмъ обезьяной, нѣсколько заикался, говорилъ скоро, и изо всякаго слова видно было въ немъ мерзкаго и пустаго старичишку, алчнаго къ деньгамъ. То былъ нѣкій Атъ-Чанаръ-Ала-Верди *). Атъ-Чанаромъ его звали потому, что ханъ его всегда употреблялъ какъ разъѣзжаго съ приказаніями его. Другой былъ высокаго роста и толстый, съ маленькой бородкой, но благородной и скромной осанкою; рѣчи его соотвѣтствовали наружности его, а послѣ и поступки его таковыми же оказались. Его называли Ешъ-Незеръ; ему было за 30 лѣтъ; званіесего было юзъ-баши, что по переводу значитъ сотникъ; но въ Хивѣ названіе сіе принадлежитъ не сотеннымъ начальникамъ которыхъ нѣтъ, а военнымъ чиновникамъ, коимъ ханъ повѣряетъ отряды различныхъ силъ во время войны.

Атъ-Чанаръ, какъ я послѣ узналъ, родомъ изъ Персіянъ Астрабадскихъ; его увезли маленькаго въ плѣнъ; онъ принялъ законъ Сюйли и женился. Сынъ его Ходжашъ-Мегремъ оказалъ разъ въ сраженіи

*) Атъ-Чанаръ—скачущая лошадь; Ала-Верди—Богъ далъ.

какую-то важную услугу хану и попался къ нему въ любимцы *); вскорѣ онъ получилъ управленіе таможни, сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ ханствѣ и, получивъ совершенную довѣренность ханскую, онъ вывелъ въ люди отца своего и братьевъ. Ханъ подарилъ ему много земли и водопроводовъ; онъ еще болѣе купилъ и теперь считается третій изъ самыхъ значущихъ особъ при ханѣ. Такъ какъ онъ имѣлъ торговыя сношенія съ Астраханью, то просилъ хана, чтобы я у него былъ гостемъ, пока не рѣшатъ что-нибудь на счетъ моей участи, вѣрно въ надеждѣ получить подарокъ, буде дѣла хорошо пойдутъ или прислужиться хану удушеніемъ меня, если сіе ему бы угодно было. По сему самому Атъ-Чанаръ-Ала-Верди объявилъ мнѣ приказаніе ханское ѣхать съ нимъ въ деревню его Иль-Гельди, гдѣ все приготовлено было для пріема моего. Мы ѣхали верстъ 18 прекрасными населенными мѣстами; въ одномъ мѣстѣ только переѣзжали песчаную степь, заключающуюся между двумя водопроводами. Погода была прекрасная. Я увидѣлъ издали крѣпостцу, къ одному концу которой примыкалъ садикъ: это была крѣпостца Иль-Гельди. Четыре башни были по угламъ, стѣны вышиною въ 3 съ полов. сажени. Она была построена изъ глины, смѣшанной съ камнемъ. Въѣздъ въ оную былъ въ большіе ворота съ висячимъ замкомъ; длина бока сей крѣпостцы не имѣла болѣе 25-ти сажень. Крѣпостца сія не принадлежала хану, а Ходжашъ-Мегрему. Въ Хивѣ у всѣхъ почти помѣщиковъ есть такого рода строенія безъ бойницъ; внутри дѣлается небольшой бассейнъ, нѣсколько дворовъ, покои, кладовыя, мельницы и мѣстà для храненія скота. Обыкновеніе сіе должно имѣть начало свое въ безпрерывныхъ безпокойствіяхъ, терзающихъ народъ. При смерти владѣльцевъ дѣлались междоусобныя войны, и въ мирныя времена нерѣдко случалось, что тамошніе же Турхменцы грабили Хивинцовъ. Такого рода крѣпостца, заключающая въ себѣ запасъ или хозяйство, могла всегда нѣсколько дней держаться противъ небольшой толпы Трухменцовъ. Въ Иль-Гельди было человѣкъ 50 или 60 жителей, которые частью занимали комнаты, а частью помѣщались въ кибиткахъ, поставленныхъ на дворѣ. Тутъ были и жены ихъ. Въ противной стѣнѣ отъ воротъ была башня съ маленькой комнатою, которая вела за крѣпостцу въ садикъ, въ которомъ былъ маленькой грязный бассейнъ, нѣсколько деревьевъ и хорошій виноградникъ. Садъ сей былъ окруженъ стѣною вышиной сажени въ полторы, а къ стѣнѣ примыкали съ наружи домъ какого-то муллы и мечеть.

Пріѣхавши въ Иль-Гельди 6-го числа Октября, я былъ встрѣченъ братомъ Ходжашъ-Мегрема, сыномъ Атъ-Чанара, Сеидъ-Незеромъ. Онъ

---

*) Мегремъ значитъ любимецъ.

служилъ помощникомъ у брата своего въ таможнѣ. Сеидъ-Незеръ имѣлъ длинное лицо. Онъ былъ хорошъ собой, но нравъ его былъ крутой и дерзкій. Вся эта Персидская порода Атъ-Чапара была съ длинными бородами, что̀ въ Хивѣ очень рѣдко; она сверхъ того отличалась своею алчностью къ деньгамъ: свойство обыкновенное таможенныхъ чиновниковъ во всякомъ царствѣ. Однако мнѣ въ тотъ день дѣлали всякія вѣжливости. Сеидъ-Незеръ, сказавши мнѣ поклонъ отъ хана и старшаго брата своего, привезъ съ собою самоваръ, чаю и сахару; сварили для меня пловъ, принесли всякихъ плодовъ и помѣстили въ особую комнату. Дни были теплые, и потому холодный и темный, невыбѣленный чуланъ сей казался мнѣ сноснымъ. Я выходилъ на дворикъ, а иногда и въ садъ, хотя все подъ карауломъ. Я сперва считалъ сіе за почесть, но послѣ увидѣлъ, что я въ плѣну. Меня увѣряли, что на другой день ханъ меня позоветъ; но настало 7-е число, и никто меня не требовалъ. Пріѣхалъ изъ Хивы Якубъ, третій сынъ Атъ-Чапара, который объявилъ мнѣ, что на другой день меня ханъ непремѣнно потребуетъ.

8-го пріѣхалъ ко мнѣ нѣкто Якубъ-Бай, человѣкъ ѣздившій въ Астрахань и знавшій нѣсколько словъ порусски. Онъ торговалъ въ Астрахани, промотался и возвратился въ Хиву безо всего, пристроился къ таможнѣ и сталъ поправляться. Якубъ-Бай пріѣхалъ отъ хана, дабы узнать, кто я таковъ, съ какимъ намѣреніемъ пріѣхалъ, какія суть мои препорученія, и требовалъ сверхъ того, чтобы я далъ ему бумаги для врученія ихъ хану. Я раскричался на Якубъ-Бая, говоря ему, что я ни къ кому больше не посланъ какъ къ хану, что если онъ самъ не хочетъ видѣть меня, то бы отпустилъ меня обратно. «Впрочемъ», сказалъ я Якубъ-Баю, «ты можешь сказать хану, что я имѣю къ нему два письма и подарки, первое письмо отъ сардаря земель заключающихся между Каспійскимъ и Чернымъ морями, а другое отъ маіора Пономарева, управляющаго однимъ изъ ханствъ, подвластныхъ нашему сердарю». Якубъ-Бай всталъ сердитый и ушелъ.

Съ этимъ Якубъ-Баемъ пріѣхалъ еще одинъ Якубъ, родомъ Жидъ, но уже давно переведенный въ Магометанскую вѣру. Жидъ сей ѣздилъ въ Оренбургъ и Астрахань, гдѣ его называли Яковъ Ивановичемъ, но я его назвалъ Яковъ Андреевичъ. Когда я его симъ именемъ звалъ, то онъ откликался, снимая шапку: «Здравствуй, хозяинъ!» Онъ ко мнѣ хаживалъ и разсказывалъ о торговыхъ дорогахъ Хивы въ Россію и въ Кашемиръ; братъ его нѣсколько разъ ѣздилъ въ сей городъ.

Четверо Трухменца моихъ имѣли позволеніе выходить всюду къ своимъ родственникамъ. 9-го числа Абдулъ-Гуссейнъ ходилъ на ближайшій базаръ (Казаватъ называющійся). Базаровъ сихъ нѣсколько

въ Хивинскомъ ханствѣ; ихъ можно лучше назвать ярмаркою, на которую всякую недѣлю пріѣзжаетъ нѣсколько купцовъ. Онъ воротился съ извѣстіемъ, что ханъ выѣхалъ изъ Хивы и будетъ меня принимать въ особой крѣпостцѣ, неподалеку отъ Иль-Гельди находящейся. Я сообщилъ извѣстіе сіе приставамъ своимъ Атъ-Чанару и юзъ-башѣ. Они меня увѣряли, что этотъ слухъ несправедливый; но я узналъ послѣ, что когда Якубъ-Бай ко мнѣ пріѣзжалъ, то ханъ уже былъ выѣхавши. Въ тотъ же вечеръ мнѣ объявили, что ханъ выѣхалъ на охоту и пробудетъ въ степи 12 дней, по возвращеніи же своемъ намѣревался меня тотчасъ же потребовать и отпустить. Между тѣмъ обращеніе со мной становилось всякой день грубѣе, а пища умѣреннѣе. Чай совсѣмъ прекратили; не стали дровъ давать на вареніе пищи, ничего не позволяли мнѣ покупать сначала, наконецъ уже разрѣшили мнѣ на свой счетъ; потому Атъ-Чанаръ, дѣлавшій закупки для моего прокормленія, наживался отъ моихъ денегъ. Я просилъ лошади, чтобы прогуляться нѣсколько въ степи: мнѣ отвѣчали, что ханъ запретилъ меня выпускать. Я не могъ ни на минуту отлучиться изъ своей комнаты, чтобы не имѣть двухъ сторожей за собой. Ко мнѣ старались пробраться Трухменцы пріѣхавшаго со мной каравана: поставили сторожа къ воротамъ, чтобы никого ко мнѣ не впущать. Ночью лежалъ у порога моихъ дверей человѣкъ, котораго я непремѣнно долженъ былъ разбудить отпирая дверь. Я слышалъ отъ своихъ Трухменцовъ, выѣзжавшихъ на базаръ, что по пріѣздѣ моемъ ханъ сбиралъ совѣтъ, на который пригласилъ людей ханства. Старшій братъ его Кутли-Мурадъ-Инахъ, намѣстникъ его, начальствующій въ городѣ Ургенджѣ, и главная духовная особа, Кази, долго разговаривали обо мнѣ, и неизвѣстно чѣмъ рѣшился совѣтъ. Черезъ нѣсколько дней однакоже я узналъ черезъ родственниковъ моихъ Трухменцовъ, изъ коихъ одинъ былъ случайно у хана, что Магмедъ-Рагимъ, узнавши о томъ, что я дорогою записки велъ, называлъ меня лазутчикомъ. Трухменцы, привезшіе его, говорилъ онъ, не должны были его допускать до моихъ владѣній, а убить и представить ко мнѣ подарки, которые онъ везетъ. Но такъ какъ онъ уже пріѣхалъ, то дѣлать нечего, и я бы желалъ знать, какой совѣтъ мнѣ дастъ Кази.—Онъ невѣрный, отвѣчалъ Кази: его должно отвести въ поле и зарыть живаго.—Я тебя полагалъ умнѣе меня, сказалъ ему ханъ, а вижу, что въ тебѣ совсѣмъ ума нѣтъ: если я его убью, то на будущій годъ Государь его, Бѣлый Царь, повытаскаетъ женъ моихъ изъ гарема. Я лучше приму его и отпущу, а между тѣмъ пущай его посидитъ; надобно развѣдать отъ него, за какимъ онъ дѣломъ сюда пріѣхалъ, а ты пошелъ вонъ! Иные полагали въ совѣтѣ, что я пріѣхалъ за вырученіемъ Русскихъ неволь-

никовъ изъ Хивы; другіе полагали, что я пріѣхалъ требовать удовлетворенія за сожженіе двухъ судовъ Русскихъ въ Балканскомъ заливѣ, что̀ случилось лѣтъ десять тому назадъ. (Сіе сдѣлали Трухменцы поколѣнія Ата, которые, будучи прогнаны съ тѣхъ береговъ Іомудами, стали повиноваться Магмедъ-Рагиму). Другіе же думали, что я пріѣхалъ требовать воздаянія или мщенія за убіеніе князя Бековича, въ 1717 г. случившееся. Говорили также, что къ берегамъ Трухменскимъ пришелъ большой флотъ, что начали большую крѣпость строить, коей половина была уже сдѣлана, а что я, узнавъ доро́ги, на будущій годъ прійду съ войскомъ. Многіе думали, что, будучи въ войнѣ съ Персіянами, главнокомандующій нашъ хотѣлъ склонить Хивинскаго хана къ вспомоществованію намъ въ сей войнѣ. Говорили, что даже Русскіе войска заняли крѣпость Ахъ-Кала близъ Астрабада; но всѣ почти были того мнѣнія, чтобы меня казнить, или тайно убить, или взять въ невольники. Слухи сіи тревожили хана. Онъ не зналъ, что̀ предположить и, не смѣвъ ничего предпринять надо мной, рѣшился оставить меня впредъ до разрѣшенія, ожидая, чтобы что-нибудь такого оказалось. Ко мнѣ были подосланы сюда для развѣдыванія цѣли Русскаго правительства, но я ничего не открывалъ.

Слухи же о семъ неистовомъ совѣтѣ не могли не тревожить меня. Я не хотѣлъ сперва вѣрить имъ, но послѣ удостовѣрился въ справедливости оныхъ. Я помышлялъ о побѣгѣ; неудаченъ бы онъ былъ, мнѣ все равно было: я предпочиталъ умереть въ степи съ оружіемъ въ рукахъ поносной, мучительной смерти на колу. Если бы мнѣ удалось добраться до берега къ судну, я думалъ о томъ, что не смѣлъ показаться къ Алексѣю Петровичу, не отдавъ писемъ хану и не получивъ отвѣта. И такъ я рѣшился остаться. Пересмотрѣвъ оружіе свое, зарядилъ его и былъ въ готовности защищаться, если бы на меня сдѣлали нападеніе. Вѣрно, смерть моя не дешево бы Хивинцамъ обошлась. Со мной была къ счастью книга Попа, переводъ Иліады. Я всякое утро выходилъ въ садъ и занимался чтеніемъ оной.

12-го числа Октября ввечеру пришелъ ко мнѣ одинъ изъ Трухменцовъ моихъ Кульчи и принесъ мнѣ нѣсколько яицъ и сушеныхъ плодовъ. Онъ сказалъ мнѣ, что ему препоручено было вручить сіе отъ одного Русскаго, который къ воротамъ крѣпости подходилъ и просилъ меня выдти съ нимъ поговорить. Я не могъ сего сдѣлать и отпустилъ его.

13, 14 и 15 чиселъ ничего не случилось. Я размышлялъ на счетъ своего положенія. Я думалъ, что если меня жизни не лишатъ, а просто въ невольники возмутъ, то положеніе мое еще не самое плохое бы было, и почти лучше того, въ которомъ я находился: я имѣлъ бы

волю выходить, видаться съ отечественниками нашими, и я намѣревался при первомъ случаѣ взбунтовать всѣхъ невольниковъ Русскихъ и Персидскихъ, свергнуть хана и, сдѣлавшись начальникомъ, привести Хиву въ подданность Россіи. Мечты сіи занимали меня и были самыя пріятныя. Другія мысли, которыя меня посѣщали, были весьма грустныя: я не надѣялся никогда почти видѣть родину свою; глаза мои не могли сомкнуться по ночамъ; я думалъ и ожидалъ съ нетерпѣніемъ, дабы нѣсколько вооруженныхъ людей ворвались въ мою комнату, дабы скорѣе рѣшить участь мою; штуцеръ мой, шашка и кинжалъ были заготовлены для нихъ, а пистолетъ для себя собственно. Къ разсвѣту я засыпалъ, а поутру видѣлъ съ прискорбіемъ, что зима приближалась, листья сваливались съ деревьевъ, утренники становились свѣжѣе, особливо въ Ноябрѣ, и я тогда полагалъ, что ледъ понудитъ судно воротиться и бросить меня на истребленіе злодѣямъ, у которыхъ я въ рукахъ находился. Положеніе мое продолжалось 48 дней. Я не буду упоминать о нуждахъ тѣлесныхъ, переносимыхъ мною; я узналъ объ нихъ только тогда, когда сталъ лучшее видѣть. Огорченіе же вѣчнаго заточенія, котораго я ожидалъ и разлука съ отечествомъ сильно дѣйствовали на меня; я видѣлъ положеніе несчастныхъ Русскихъ въ Хивѣ, но не могъ имъ помочь. Я былъ даже лишенъ послѣдняго наслажденія—трубки. Табакъ мой весь вышелъ, водки уже давно не было: я споилъ ее Хивинцамъ, которые приходили тайкомъ ко мнѣ за оной, и развѣдывалъ отъ нихъ разныя вѣсти. Я не смѣлъ коснуться небольшаго мѣшка съ ржаными сухарями, который я еще съ судна привезъ, сберегая ихъ на случай побѣга.

Оставя повѣствованіе о бѣдствіяхъ со мною случившихся, примусь за описаніе происшествій.

16-го числа прибылъ въ Иль-Гельди сынъ Ходжашъ-Мегрема, Абтессаръ, мальчикъ 10 лѣтъ, котораго ханъ очень любилъ и заставлялъ всегда у себя въ шахматы играть. Отецъ его прислалъ мнѣ сказать, что онъ самъ скоро будетъ ко мнѣ; но я уже не вѣрилъ симъ лганьямъ, будучи столько разъ обманутъ. Я не думалъ однакоже, чтобы изъ окружавшихъ меня не было ни одного, котораго нельзя бы склонить къ поданію мнѣ какого-либо справедливаго извѣстія. Братья Ходжашъ-Мегрема и многіе другіе чиновники пріѣзжали часто ко мнѣ, надоѣдали мнѣ, пили мою водку и уѣзжали. Я разъ собралъ всѣхъ къ себѣ и подарилъ всякаго чѣмъ нибудь; никто не смѣлъ со мною говорить, опасаясь доноса свидѣтелей. Тогда сыскался одинъ бѣдный Бухарецъ Бай-Магметъ, который выѣхалъ уже 17 лѣтъ изъ родины, сбираясь въ Мекку, и застрялъ въ Иль-Гельди, гдѣ онъ дѣлалъ кушаки. Я ему подарилъ ножницы. Онъ хаживалъ ко мнѣ потихоньку и говорилъ, что

зналъ. Онъ немного зналъ, но по крайней мѣрѣ я развѣдалъ черезъ него о ссорѣ, которую юзъ-баша имѣлъ съ Атъ-Чанаромъ за меня. Я узналъ, что настоящій приставъ мой былъ юзъ-баша, человѣкъ добрый и честный, но очень скромный. Ему приказано было надо мной имѣть самый строгой надзоръ. Я сталъ приглашать его къ себѣ одного; онъ боялся сего и, узнавая, что особаго дѣла у меня нѣтъ съ нимъ, онъ боялся тайныхъ свиданій. Атъ-Чанаръ за нимъ строго смотрѣлъ и вслѣдъ за нимъ всегда вбѣгалъ ко мнѣ; но Атъ-Чанаръ что́ стерегъ? Онъ боялся, чтобъ я юзъ-башѣ не сдѣлалъ особаго подарка! Замѣтивъ его жадность, я разъ призвалъ Атъ-Чанара къ себѣ и подарилъ ему сверхъ прежняго куска сукна, даннаго ему, еще штуку холста, чтобы онъ никому этого не говорилъ, а особливо юзъ-башѣ. Старикъ схватилъ холстъ подъ полу и выбѣжалъ самымъ воровскимъ образомъ, спряталъ его, пошелъ и сѣлъ подлѣ юзъ-баши, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Я не упустилъ сообщить сей поступокъ юзъ-башѣ, который смѣялся отъ чистой души, презирая Атъ-Чанара и все семейство его, которое онъ очень не любилъ.

По пріѣздѣ моемъ я подарилъ юзъ-башѣ и Атъ-Чанару по куску сукна, которые хранились въ кладовой за ключемъ Магметъ-Аги, прикащика Атъ-Чанара. Случилось, что отъ куска юзъ-баши отрѣзано было ½ аршина, коихъ воръ очутился Атъ-Чанаръ. Они побранились. Сверхъ того я жаловался юзъ-башѣ о недостаткѣ и нуждѣ, въ которыхъ я находился, о грубомъ обращеніи со мной. Его польстила довѣренность сія; онъ поссорился явно съ Атъ-Чанаромъ, такъ что уже послѣдній не сталъ за нимъ бѣгать. Всякій день я подсылалъ Петровича поджигать ихъ. Юзъ-башу выводили въ садъ и допытывались отъ него. Тутъ я узналъ, что день пріема моего никакъ не былъ назначенъ; но онъ утѣшалъ меня тѣмъ, что я каждый день надѣяться долженъ быть призваннымъ ханомъ, что вѣроятно онъ по возвращеніи своемъ не оставитъ меня и не уѣдетъ опять на охоту, потому что молва пронесется въ народѣ, что онъ боится Русскаго посланника и, не умѣвъ отвѣчать ему, бѣжалъ въ степи.

При этихъ случаяхъ мнѣ удавалось тоже распрашивать его объ Хивинскомъ ханѣ и сношеніяхъ его съ сосѣдями. Я узналъ, что юзъ-баша прежде бѣжалъ изъ Хивы, дабы избѣгнуть казни, въ Бухару, гдѣ прожилъ два года, и послѣ возвратился по повторенным письменнымъ увѣреніямъ хана. Я тутъ въ первый разъ узналъ, что онъ родственникъ втораго визиря Кушъ-Беги *). Юзъ-баши чувствовалъ всю тягость ихъ правительства, кажется не любилъ хана, но никогда въ словахъ своихъ не произнесъ ни одной хулы на его счетъ; онъ мнѣ только говорилъ, что окружающіе хана боятся его, такъ что они не

*) Господинъ надъ птицами, званіе оберъ-егермейстера.

смѣютъ даже ему слова сказать за меня; но онъ обнадеживалъ меня, что дѣла возмутъ хорошой оборотъ.

Когда юзъ-баша сталъ мнѣ нѣсколько довѣрять, я сталъ спокойнѣе. Если я самъ не могъ съ нимъ имѣть свиданія, то отправлялся къ нему Петровичъ. Изъ лица его можно видѣть было, хороши ли были извѣстія изъ Хивы, или нѣтъ; онъ бралъ истинное участіе въ моемъ положеніи. (Онъ послѣ находился въ Тифлисѣ, будучи назначенъ посланцемъ отъ Хивинскаго хана къ главнокомандующему; онъ признавался мнѣ на дорогѣ, что слухи, узнанные мной въ Хивѣ о собранномъ на мой счетъ совѣтѣ, были справедливы).

Мои Трухменцы, видя тѣсное мое положеніе, показывали мнѣ меньше уваженія; они старались отдѣлаться отъ меня, опасаясь вмѣстѣ со мной пострадать. Когда ходили они на базаръ, народъ толпился около нихъ и спрашивалъ, когда назначенъ день для казни посланника. Иные спрашивали у нихъ, правда ли, что посланника въ прошлую ночь задушили. Старшины уговаривали ихъ бѣжать, и потому тоже, что ханъ былъ крайне раздраженъ на Іомудовъ за то, что они еще о сю пору не заплатили наложенной на нихъ пени съ приходящихъ карavановъ (по 4 серебромъ съ верблюда). Сеидъ сталъ дерзокъ становиться и крайне неучтивъ, думая воспользоваться обстоятельствами. Слѣдующій случай покажетъ, до какой степени дошли его дерзости. Онъ долго не продавалъ невольницу свою Курдинку Фатьму, возилъ ее по базарамъ и деревнямъ, но не получалъ требуемой имъ цѣны; насчастная же сія жила въ другой комнатѣ съ Трухменцами, а когда они уходили, то вѣчно тамъ были крикъ, слезы, хохотня и возня отъ Хивинцовъ, пристававшихъ къ ней. Я посылалъ Петровича разгонять ихъ; но одинъ разъ ее бѣдную довели до того, что она бѣжала, обѣщаясь убить себя, если ея не продадутъ вскорѣ. Сеида дома не было; когда онъ возвратился, я ему сказалъ съ сердцемъ, что поведеніе его мнѣ совсѣмъ не нравилось, чтобъ онъ перемѣнилъ оное, слушался бы меня, не забывался и продалъ бы женщину эту, которой присутствіе намъ только стыдъ наноситъ. Выслушавъ меня, онъ всталъ. Прощай Мурадъ-бегъ, сказалъ онъ мнѣ, я тебѣ служилъ о сю пору; но если ты хочешь на такой ногѣ со мной обращаться, то я тебя оставляю. Фатьма моя невольница, и я ее продамъ, когда и кому захочу. Прощай! и вышелъ. Я его кликнулъ; онъ ожидалъ, что я извиняться буду; но я сказалъ ему: Сеидъ, поѣзжай назадъ; ты видишь что мое положеніе не лучшее, и что ты можешь со мной вмѣстѣ пострадать; поѣзжай домой и скажи Кіатъ-Агѣ, которой тебя отправлялъ со мной, что ты меня здѣсь бросилъ. Знай между тѣмъ, что пока оружіе мое при мнѣ, то я ни тебя, никого другаго не страшусь; безъ оружія же меня никто

не увидитъ. Прощай и не приходи болѣе. Его сразилъ этотъ отвѣтъ; онъ сѣлъ, опустилъ голову, задумался, залился слезами, просилъ прощенія и поклялся, что никогда не отстанетъ отъ меня и перенесетъ одну участь со мною, и я помирился съ нимъ; а онъ сталъ скромнѣе, и на другой день Фатьма была продана. Сеиду надобно было довольно часто напоминать сіе обѣщаніе; онъ дѣлалъ много мерзостей, но нельзя было не сознаться, что въ нравѣ его были видны иныя, прекрасныя черты.

Такъ какъ я былъ довольно голоденъ, и мнѣ не позволяли ничего покупать, то я принужденъ былъ обманомъ доставать себѣ съѣстные припасы. Давъ денегъ Абулъ-Гуссейну, я велѣлъ ему купить хлѣба и барана и принести мнѣ оные въ подарокъ, что̀ и сдѣлалось. Но что же? Вышло, что Атъ-Чанаръ, самъ человѣкъ очень богатый и значущій, приходилъ тихонько въ комнату, гдѣ висѣла баранина и кралъ цѣлые куски. Я сказалъ сіе юзъ-башѣ; мы посмѣялись, и онъ увѣщевалъ меня къ терпѣнію, обѣщая счастливаго переворота.

Послѣ перваго барана купленъ былъ и второй, и курицы, и яица, и Атъ-Чанаръ самъ у меня бралъ деньги и ѣздилъ на базаръ закупать для меня. Также и съ угольемъ было: я зябъ, пока не сталъ съ шумомъ посылать людей за покупкой онаго.

У Атъ-Чанара было семь Русскихъ невольниковъ, изъ коихъ одинъ жилъ въ Иль-Гельди, три въ Хивѣ, да три по другимъ мѣстамъ. Тотъ, который съ нами жилъ, назывался Давыдъ; его схватили около Троицкой крѣпости, на Оренбургской линіи еще 14 лѣтъ и продали въ Хиву; ему уже 30 лѣтъ было. Онъ давно принялъ нравы и обычаи Хивинцовъ, былъ проданъ и перепроданъ нѣсколько разъ, но не перемѣнялъ закона своего. Его скрывали отъ насъ, но какъ-то случилось, что мой Петровичъ шелъ одинъ по коридору и встрѣтился съ нимъ. Давыдъ просилъ его доложить о немъ мнѣ, дабы я его вывезъ изъ Хивы; узнавши о семъ, я самъ старался свидѣться съ Давыдомъ и, встрѣчаясь съ нимъ, удавалось мнѣ ему сказать нѣсколько словъ; но такъ какъ за мной больше примѣчали, чѣмъ за Петровичемъ, то ему удобнѣе было съ Давыдомъ разговаривать. Онъ приказалъ ему узнавать чрезъ пріѣзжающихъ съ арбами изъ Хивы Русскихъ, что̀ тамъ дѣлается и говорится обо мнѣ. Давыдъ могъ знать сіе, потому что ему хорошо были знакомы четыре женатыхъ Русскихъ, которыхъ ханъ очень любилъ и при себѣ всегда держалъ. Онъ узналъ тоже самое о собранномъ совѣтѣ на мой счетъ. Персидскіе невольники, коихъ человѣкъ десять было въ Иль-Гельди, мнѣ тоже самое сказали; они тоже старались оказывать мнѣ всякаго рода услуги. Я желалъ лично распросить Давыда и приказалъ ему придти ко мнѣ ночью,

когда всѣ уснутъ, потому что ему подъ опасеніемъ смерти запрещено было говорить съ нами. Давыдъ пришелъ ко мнѣ въ полночь и сѣлъ подлѣ моей постели. Онъ мнѣ разсказалъ слово въ слово все, чтò я зналъ отъ Трухменцовъ. Я ему далъ червонецъ. Я получалъ отъ Давыда разныя свѣдѣнія на счетъ положенія Русскихъ невольниковъ въ Хивѣ. Ихъ ловятъ большею частію Киргизцы на Оренбургской линіи и продаютъ въ Хиву. Число Русскихъ невольниковъ въ Бухарѣ находящихся, говорятъ, не меньше того, которое въ Хивѣ. Проводя цѣлый день въ трудной работѣ, къ коей ни Трухменцы, ни Хивинцы не способны, они получаютъ на содержаніе свое въ мѣсяцъ по 2 пуда муки и кромѣ того больше ничего, развѣ иногда бросятъ имъ изношенный кафтанъ. Они продаютъ излишество хлѣба получаемаго имъ и копятъ деньги, присоединяя къ онымъ тѣ, которыя получаютъ воровствомъ; когда же они соберутъ сумму превышающую ту, за которую ихъ купили, 20 или 30 тилли (тилли равенъ 4 р. серебра), чтó имъ послѣ двадцати лѣтъ неволи обыкновенно удается сдѣлать, то они предлагаютъ деньги сіи своимъ хозяевамъ, и буде сіи послѣдніе согласны, то выходятъ на волю, но должны оставаться навсегда въ Хивѣ; если же будетъ малѣйшее подозрѣніе на нихъ, что они хотятъ бѣжать, то лишаются жизни. За 25-лѣтняго Русскаго платятъ 60 и 80 тилли, за Персіянина меньше. Сихъ послѣднихъ считается до 30.000 въ Хивѣ, Русскихъ же до 3.000. Персіянъ привозятъ очень часто по 5, по 10, а иногда и по 30 человѣкъ. Трухменцы ловятъ ихъ въ Астрабадѣ и по дорогѣ въ Хиву бросаютъ усталыхъ, которые погибаютъ въ степи. Привезши ихъ въ Хиву, хозяинъ садится на площадь и окружаетъ себя невольниками; покупщики являются и торгуютъ ихъ какъ лошадей. Иногда сами же Трухменцы крадутъ ихъ изъ Хивы обратно и привозятъ въ Персію за плату. При мнѣ привозили нѣсколько партій сихъ невольниковъ и продавали, развозя ихъ по деревнямъ. Одного мальчика лѣтъ 16, сына богатаго Астрабадскаго купца, купилъ Атъ-Чанаръ въ надеждѣ перепродать его съ барышемъ обратно; сестру его, 14-лѣтнюю дѣвочку, возили нѣсколько дней по базару, прося за нее 80 тилли и хорошаго сукна на кафтанъ. Персидскихъ невольниковъ заставляютъ законъ перемѣнять, но Русскихъ не принуждаютъ. Меня Давыдъ увѣрялъ, что они даже имѣютъ особую комнату, куда ставятъ образа свои и по ночамъ молиться ходятъ. Два праздника въ году хозяева имъ позволяютъ гулять; они тогда сбираются и напиваются водкой, которую они сами гонятъ изъ какой-то ягоды, и праздники сіи кончаются обыкновенно умерщвленіемъ кого нибудь. Хозяева имѣютъ право убивать невольниковъ своихъ; но они сіе рѣдко дѣлаютъ, дабы не лишиться работника, а выкалываютъ ему одинъ глазъ, или ухо отрѣзываютъ, когда

разсердятся на него. При мнѣ Атъ-Чанаръ хотѣлъ Давыду ухо отрѣзать за то, что онъ, ѣздивши въ Хиву, поссорился съ однимъ Персидскимъ невольникомъ и ударилъ его ножемъ. Онъ билъ его сперва плетью по лицу, потомъ выхватилъ ножъ, приказалъ его повалить, дабы ухо отрѣзать; но его удержалъ и упросилъ прикащикъ его, Узбекъ-Магметъ-ага. Если бы я заступаться сталъ, то ему бы еще хуже досталось. Я ушелъ. Въ туже ночь Давыдка ко мнѣ пришелъ. «Видалъ ты, ваше высокородіе, какъ меня били? Хотѣлъ, собака, у меня ухо отрѣзать; да вчера еще сынъ его завалилъ мнѣ плетей съ 500. Съ ними съ собаками всегда надо эдакъ поступать посмѣлѣе, а то они на шею сядутъ. Вѣдь даромъ, что меня били, а они меня боятся. Посмотрѣлъ бы ты, когда я напьюся, такъ всѣ бѣгутъ отъ меня».

20-го числа пріѣхалъ къ намъ Сеидъ-Незеръ изъ Ургенджа. Онъ часто пріѣзжалъ и уѣзжалъ. Я не знаю, подозрѣвали ли меня въ намѣреніи бѣжать; только, когда я у Сеида-Незера спросилъ, скоро ли возворотится ханъ, то онъ отвѣчалъ мнѣ съ жаромъ: «Вы бѣжать нечто хотите? Бѣжите, попробуйте бѣжать; вы увидите, чтó съ вами будетъ!» Я бѣсился внутренно, но не смѣлъ показать сего, дабы не открыть моего намѣренія. Я ему отвѣчалъ очень тихо, что онъ ошибается, что посланники никогда не бѣгаютъ, потому что владѣлецъ отвѣчаетъ всегда за ихъ безопасность.

Однако случай сей далъ мнѣ подозрѣніе, что узнали мое намѣреніе. Я пошелъ въ садъ осматривать мѣста и стѣны. Вскорѣ лѣстница, приставленная къ послѣдней стѣнѣ, на которую я много надѣялся, была снята. Я жаловался юзъ-башѣ на грубыя слова Сеида-Незера, говорилъ, что, начиная съ Атъ-Чанара, человѣка уже немолодаго, съ большой сѣдой бородой, долженствующею внушать почтеніе, все семейство его кажется мнѣ гнуснымъ и презрительнымъ. Правда, отвѣчалъ мнѣ юзъ-баша, борода его ничего не доказываетъ: у козловъ тоже большая борода.

21 числа посѣтилъ меня Гекимъ-Али-бай; но дабы ему не отказали у воротъ, онъ просился прямо къ Атъ-Чанару, посидѣлъ съ нимъ и пришелъ послѣ ко мнѣ. Онъ увѣрялъ меня въ привязанности, которую ко мнѣ имѣлъ, и объявилъ, что сбирался съ караваномъ бѣжать изъ Хивы. У хана глаза теперь налились кровью, сказалъ онъ; прежде всякой имѣлъ доступъ къ нему, теперь онъ никого не слушаетъ, деретъ съ насъ ужасныя подати за приходящіе караваны, такъ что путь въ Хиву совсѣмъ намъ запрется. Онъ вѣшаетъ насъ, на колъ сажаетъ и пр.

Точно, ханъ часто казнитъ Трухменцовъ, живущихъ въ его ханствѣ, за воровство, и никогда не милуетъ ихъ; но симъ только од-

нимъ средствомъ онъ могъ возстановить тишину въ своихъ владѣніяхъ. Въ бытность мою онъ повѣсилъ ихъ пять человѣкъ.

Гекимъ-Али-бай просилъ у меня письма къ маіору Пономареву; но я боялся ввѣриться ему, и дабы увѣрить Пономарева, что я еще живъ, я отдалъ Гекимъ-Али-баю древнюю монетку Юлія Кесаря, которая со мной была, дабы онъ вручилъ ее отцу Тимоѳею на суднѣ, и просилъ бы его поставить свѣчку передъ образомъ. У насъ такой обычай, сказалъ я Гекимъ-Али-баю, и я тебѣ ее не тайкомъ отдаю. Ты можешь сіе всѣмъ сказать. Забудь прошедшее, сказалъ мнѣ Гекимъ-Али-бай, вставая, и не скажи по возвращеніи своемъ, что я сдѣлалъ тебѣ Трухменскую невѣжливость. Я нарочно пріѣзжалъ тебѣ поклониться.

Какъ ни запрещали ко мнѣ входъ Трухменцамъ, но они всегда находили средства пробираться. Иные мнѣ нужны были, а отъ большей части отбоя не было. Я принужденъ былъ нѣсколько разъ ссориться съ Сеидомъ за этихъ скучныхъ объѣдалъ, которые по нѣскольку дней жили и, наконецъ, выгонялись приставами моими часто по моей просьбѣ.

23-го числа ханъ возвратился съ охоты и прибылъ на водопроводъ Дашъ-Гоусъ. Мнѣ все обѣщались, что со дня на день онъ меня позоветъ.

28-го онъ прибылъ въ Хиву, и какъ онъ меня не звалъ къ себѣ, то я сталъ говорить приставамъ, что такъ какъ время становилось позднее, то судно подвергалось опасности замерзнуть въ Балканскомъ заливѣ и погибнуть; что судно не можетъ возвратиться безъ меня, и чтобы ханъ зналъ, что если ото льда что нибудь случится съ корветомъ, то на будущій годъ онъ за то отвѣчать будетъ передъ Государемъ. Никто изъ приставовъ моихъ не смѣлъ ѣхать къ хану съ симъ извѣстіемъ. Трое Трухменцовъ моихъ, видя, что дѣла мои не къ лучшему идутъ, стали было упрямиться. Изъ нихъ Абулъ-Гуссейнъ до того дошелъ, что даже просилъ у меня увольненія. Я отпустилъ его и получилъ такое же раскаяніе какъ отъ Сеида. Я рѣшился, наконецъ, позвать Атъ-Чанара и юзъ-башу и сдѣлать съ ними совѣтъ о томъ, что̀ я долженъ былъ начать, чтобы узнать мысли ихъ. Напоивъ ихъ чаемъ, я снова объяснилъ имъ положеніе судна, прося, чтобы одинъ изъ нихъ поѣхалъ къ хану съ симъ извѣстіемъ. Они просили меня подождать одинъ день до прибытія въ Иль-Гельди Ходжашъ-Мегрема, котораго будто бъ часъ на часъ ожидаютъ, а тотъ и не думалъ пріѣзжать.

Совѣтъ сей собирался у меня 31 числа, и я ничего узнать не могъ. Я хотѣлъ послать Петровича или Сеида въ Хиву, но пристава мнѣ не позволяли ихъ посылать.

4-го числа Ноября я узналъ черезъ одного пришедшаго Трухменца, что съ Красноводскаго берега пріѣхалъ въ Хиву нѣкій Ніасъ-Батыръ, Іомудъ, который нѣсколько разъ отличался храбростью въ глазахъ хана и былъ принятъ имъ въ службу. Ніасъ-Батыръ жилъ два года на родинѣ своей и женился. Теперь, уже по приглашенію хана, онъ прибылъ опять въ Хиву съ семействомъ своимъ. Онъ, сказали мнѣ, имѣлъ два письма отъ Пономарева, одно ко мнѣ, другое къ хану.

6-го числа съ разсвѣтомъ я отправилъ Кульчи тайнымъ образомъ въ Хиву для сысканія Ніасъ-Батыра, приказавъ ему взять письмо мое.

7-го числа пріѣхалъ самъ Ніасъ-Батыръ ко мнѣ. Сказавши мнѣ поклонъ отъ хана, онъ вручилъ мнѣ письмо мое, которое было у хана и которое онъ самъ приказалъ мнѣ доставить по словамъ Ніасъ-Батыра. Ханъ былъ весьма обрадованъ письму Пономарева. Магмедъ-Рагимъ, продолжалъ Ніасъ, былъ обманутъ слухами, которые доходили до него отъ пріѣзжающихъ съ берега Трухменцовъ: его увѣрили, что Русскіе строятъ крѣпость на берегу, но я его теперь разувѣрилъ. Въ знакъ своего добраго расположенія къ вамъ онъ приказалъ самъ сіе письмо доставить къ вамъ и просить васъ не скучать. Онъ сказалъ, что скоро позоветъ васъ; на суднѣ же все благополучно, веселятся, стрѣляютъ изъ ружей и дожидаются васъ; а я теперь пріѣхалъ избавителемъ вашимъ, потому что безъ меня вы бы весь свой вѣкъ въ Хивѣ пробыли. Чортъ знаетъ чего онъ тутъ не вралъ! Я тотчасъ примѣтилъ сіе; но какъ пріѣзжаго отъ хана, я угостилъ его чѣмъ могъ. Старый Атъ-Чанаръ мой расхлопотался и истратилъ въ сей день то что́ онъ бы въ недѣлю не истратилъ на меня.

Письмо, которое я получилъ, ничего не заключало важнаго. Понамаревъ писалъ, что онъ къ 8 числу Ноября меня ожидалъ къ себѣ. Я сказалъ Ніасъ-Батыру, что, не желая имѣть ничего скрытаго отъ хана, я ему посылаю письмо мое распечатанное, дабы могъ онъ оное прочесть и отдалъ ему, подаривъ его порядочно.

Ніасъ-Батыръ клялся, что черезъ два дни ханъ меня позоветъ, обѣщаясь съ своей стороны служить мнѣ всячески и всякой день присылать ко мнѣ вѣстника изъ Хивы. Онъ ночевалъ у меня.

8-го числа, въ Михайловъ день, для радостнаго извѣстія, привезеннаго мнѣ Ніасъ-Батыромъ, я созвалъ всѣхъ родственниковъ моихъ Трухменцовъ. Я купилъ два барана, пшена, велѣлъ сварить множество плову и угостилъ человѣкъ съ 30 и жителей крѣпости. Радость была несказанная; голодные невольники и Трухменцы вырывали другъ у друга куски и бранились. Пиршество кончилось. Ніасъ-Батыра я отпу-

стилъ, напомнивъ ему обѣщаніе не оставлять меня безъ извѣстій. Того же числа Кульчи возвратился. Не нашедши Ніасъ-Батыра, онъ видѣлъ повѣшенныхъ Трухменцовъ, испугался и воротился.

9-го числа ввечеру Ніасъ-Батыръ опять пріѣхалъ. Онъ засталъ хана въ Май-Дженгинѣ, выѣхавшаго изъ Хивы на охоту на два дни. Возвращаясь назадъ, онъ заѣхалъ ко мнѣ, наговорилъ мнѣ множество на счетъ своего усердія и 10-го числа поѣхалъ въ Хиву.

11, 12 и 13 числа прошли безъ всякаго отвѣта. Давыдъ говорилъ мнѣ, что ханъ готовился принять меня, что онъ заказалъ даже платье для меня, что въ моей комнатѣ я увижу дверь запертую на замокъ, за которой будетъ Русской меня подслушивать и что ханъ меня отпуститъ съ честью. Я не могъ совершенно вѣрить всему и просилъ юзъ-башу сказать мнѣ, долженъ ли я зимовать въ Хивѣ или отпустятъ меня, дабы мнѣ свои мѣры взять. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что, не желая обманывать меня, онъ признается, что самъ ничего не знаетъ, но что ему кажется, что всякой часъ мнѣ должно ожидать зову отъ хана. Я его упрашивалъ, чтобы онъ съѣздилъ къ хану и доложилъ ему объ опасности, въ которой судно находилось. Если завтра къ полдню никто не пріѣдетъ изъ Хивы, то я поѣду, говорилъ онъ. Три дня такимъ образомъ прошло; онъ не ѣхалъ. Я ему представлялъ, что бояться ему было нечего, потому что ханъ ко мнѣ хорошо расположенъ, доказательствомъ чего служили слова Ніасъ-Батыра. Вы хотѣли ошибиться, отвѣчалъ мнѣ юзъ-баша, а я не хотѣлъ васъ разувѣрять, очернивая человѣка, котораго вы почли; теперь вамъ скажу, что Ніасъ-Батыръ ничего болѣе какъ безсовѣстный обманщикъ, словомъ Трухменецъ, которому никогда ни въ чемъ вѣрить не должно: мы ихъ давно знаемъ, и они у насъ обыкновенно на висѣлицѣ кончаютъ свой вѣкъ. Слова его были во многомъ справедливы: Ніасъ не присылалъ ни одного вѣстника ко мнѣ и въ Хивѣ искалъ средствъ обмануть меня, принимаясь за покупки. Хивинцы обращаются съ особеннымъ презрѣніемъ къ Трухменцамъ всѣхъ поколѣній. Я разъ спросилъ у юзъ-баши, которыхъ они считали лучше Трухменцовъ, поколѣнія Теке или поколѣнія Іомудъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Верблюдъ шелъ на гору и послѣ спускался съ нея; нѣкто спросилъ у верблюда, что̀ ему лучше на гору идти или съ горы спускаться. Наплевать на нихъ на обѣихъ, сказалъ верблюдъ».

Наконецъ, какъ-то случилось 14-го числа, что Атъ-Чанаръ очень разсердилъ юзъ-башу. Сей послѣдній пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ ѣдетъ въ Хиву представить положеніе, въ которомъ я находился и находится судно и что, не взирая ни на какія опасности, онъ рѣшился объявить хану, что за потерю сего судна онъ будетъ отвѣчать

передъ Русскимъ правительствомъ, что если онъ хочетъ меня задержать, то пускай судно отправитъ; а хану оставалось только два дня до отъѣзда его въ степь на охоту, гдѣ онъ сбирался три мѣсяца пробыть. Уже вьюки его и кибитки были отправлены. Если дѣла хорошо пойдутъ, сказалъ юзъ-баша, то ожидайте меня завтра послѣ полдня.

Онъ поѣхалъ 14-числа. 15-го онъ не возвращался, и я принужденъ былъ приняться за исполненіе прежняго намѣренія моего—бѣжать. Я повѣрилъ сіе намѣреніе одному только Петровичу. Я боялся открыться Сеиду и для того, призвавъ его, настроилъ такимъ образомъ, что онъ самъ предложилъ мнѣ побѣгъ. Я нѣсколько противился ему, но скоро согласился. Надлежало средства изыскать. Лошадей долженъ былъ Сеидъ достать у родственниковъ своихъ и взять съ собою двухъ Трухменцовъ—Ханъ-Магмеда и Джанаки: первые разбойники, которые должны были бѣжать изъ Хивы, дабы не попасться на висѣлицу. Я обѣщался Сеиду по выѣздѣ изъ ханства заплатить ему за брошенныхъ имъ верблюдовъ и раздарить ему и товарищамъ его перстни и часы, которыя я везъ въ подарокъ хану, прочее же все оставить. Сеидъ долженъ былъ на другой день поутру 16-го числа отправиться на базаръ, закупить намъ тулупы и сапоги и воротиться къ полдню. Если юзъ-баши воротится до полдня, то оставаться; если же онъ пріѣдетъ съ какимъ бы то ни было хорошимъ извѣстіемъ, но четверть часа спустя полдня, послѣ втораго выѣзда Сеида въ деревню, то, несмотря ни на что, бѣжать. Сеидъ долженъ былъ въ деревнѣ остаться до ночи и въ полночь явиться за крѣпостной стѣной съ лошадьми. Въ полночь я долженъ былъ разбудить прочихъ товарищей, объявить имъ намѣреніе свое и пробираться съ заряженнымъ оружіемъ; при малѣйшемъ же шумѣ со стороны жителей, перерѣзать всѣхъ сонныхъ, не щадя ни стариковъ, ни бабъ, ни ребятишекъ.

Поутру 16 числа Сеидъ отправился, а я пошелъ съ Петровичемъ искать удобнаго мѣста, гдѣ намъ выбраться изъ крѣпости. Одно мѣсто были большіе ворота, кои и прежде Сеидъ предлагалъ. Онъ говорилъ, что можно было отпереть висячій замокъ или подкупить привратника, которой былъ Персидскій невольникъ; можно было также подняться на лѣстницу вверхъ на ворота и оттуда спуститься по веревкѣ на другую сторону, но для сего надобно было проходить мимо нѣсколькихъ комнатъ, въ которыхъ спали люди и отравить напередъ Койчи, пресердитую собаку, которая сіи ворота стерегла. Я предлагалъ сперва подрыть кинжалами стѣну, которая за моей комнатой была, дабы выйти въ садъ, откуда уже нетрудно бы было выбраться; но измѣривъ стѣну, я нашелъ, что она имѣла 4 аршина толщины и была въ иныхъ мѣстахъ переложена каменьями; прорыть такую стѣну

въ теченіе двухъ часовъ трудно было. Но я замѣтилъ, что на верху сей стѣны была трещина, въ которую можно было закинуть веревку съ узломъ и по сей веревкѣ взлѣсть. Съ этой стороны никто не жилъ, и можно было все сіе довольно тихо сдѣлать.

Петровичъ имѣлъ другія намѣренія. Онъ замѣтилъ, что въ одной изъ угловыхъ башень была голубятня, комната, въ которой никто не жилъ, а изъ сей комнаты было задѣланное досками и замазанное окошко въ садъ. Онъ предлагалъ сіе мѣсто для побѣга; но я не согласился на сіе, опасаясь, чтобы не разбудить кого-нибудь, выламывая окно; комната же въ садъ накрѣпко запиралась всякую ночь, и подлѣ оной всегда два человѣка спали. И такъ я рѣшился лѣзть черезъ стѣну и противъ мнѣнія Сеида, съ которымъ я еще съ вечера о семъ говорилъ, ибо онъ хотѣлъ въ ворота бѣжать для того, чтобы увести лошадей Атъ-Чанара съ собой. Выѣхавши въ поле, надобно было скакать до границы ханства, а тамъ усталыхъ лошадей бросить, а свѣжихъ украсть у Трухменскихъ кибитокъ, которыя тамъ находятся.

Устроивъ все какъ должно было къ побѣгу, я ожидалъ съ нетерпѣніемъ полдня, дабы узнать свою участь. Я могъ, если не проворствомъ, то силою выбраться изъ Иль-Гельди, потому что тамъ молодаго и вооруженнаго народа мало было. Я могъ надѣяться на помощь со стороны Персидскихъ невольниковъ и Давыдки; въ полѣ же, еслибъ нагнали меня, то я бы живой въ руки не дался, а можетъ бы и ушелъ бы.

Полдни прошли; ни юзъ-баши, ни Сеида нѣтъ. Я сталъ безпокоиться на счетъ втораго, боясь измѣны съ его стороны. Солнце стало ложиться, и я сѣлъ въ свой уголъ, дожидаясь рѣшенія судьбы надо мной.

Сеидъ пріѣхалъ и сѣлъ подлѣ меня. «Ты опоздалъ, сказалъ я ему; или можетъ быть усердіе твое и хлопоты причиною, что ты промедлилъ. Все ли готово сегодня къ полночи?»—«Постой, Мурадъ-бегъ, сказалъ онъ, не торопись. Я вотъ что сдѣлалъ: размысливъ, что судьба управляетъ человѣками, мнѣ пришло въ голову, что если мы бѣжимъ, то судьба наша насъ накажетъ за неповиновеніе ей». Меня сіе взорвало. «Зачѣмъ ты мнѣ вчера не сказалъ, что ты не умѣешь слова своего держать? Судьба намъ бѣжать велитъ, а ты мнѣ измѣнилъ. Купилъ ли ты хоть вещи? Я знаю, что̀ мнѣ дѣлать и безъ тебя». «Вещей я никакихъ не покупалъ, сказалъ Сеидъ; вотъ ваши деньги,» (я ему далъ 10 червонцевъ, а онъ размѣнялъ ихъ на мелкія и принесъ только серебра, да обрѣзанныхъ тилловъ на 8 червонцевъ, говоря, что остальныя деньги у него за промѣнъ взяли).

Тутъ я уже увидѣлъ, что я въ рукахъ у Сеида и что всякую минуту онъ меня погубить могъ. Я не нашелся ему отвѣчать и си-

дѣлъ нѣсколько времени въ задумчивости, не зная самъ, что мнѣ предпринять: заколоть ли его на мѣстѣ и бѣжать одному, или.... Я уже не зналъ, что еще начать. У меня были слезы отъ досады на глазахъ. Сеида тронуло мое положеніе, и онъ опять началъ просить у меня извиненія, плача какъ ребенокъ и обѣщаясь устроить побѣгъ нашъ къ другому дню. Я упрекалъ ему въ поступкѣ мерзкомъ, какъ вдругъ вбѣжалъ ко мнѣ Кульчи съ извѣстіемъ, что юзъ-баши ѣдетъ. Юзъ-баши поздравилъ меня съ радостью. «Ханъ насъ требуетъ, сказалъ онъ, завтра поутру мы ѣдемъ; онъ было крѣпко разсердился на меня за то, что я оставилъ мѣсто свое, но послѣ разговорившись со мной и распросивъ подробно обо всемъ и объ суднѣ вашемъ, онъ рѣшился позвать васъ и принять такъ, какъ слѣдуетъ». Я поблагодарилъ юзъ-башу подаркомъ и весь тотъ вечеръ былъ веселѣе, чѣмъ во всѣ двадцать восемь дней, проведенныхъ мною въ Иль-Гельди. Трухменцы мои всѣ по ниточкѣ ходили, а Атъ-Чанаръ, прежде несносный, сдѣлался ниже травы, подличалъ, извивался около меня и просилъ, чтобы я не говорилъ нигдѣ о скудности, въ которой я былъ содержанъ.

17-го числа поутру собралось множество Трухменцевъ ко мнѣ на дворъ. Я посылалъ ночью въ сосѣдственныя деревни для найма лошадей. Слухъ о благорасположеніи хана ко мнѣ въ мигъ распространился по всѣмъ окрестностямъ, и знакомые, и чужіе пріѣхали поздравлять меня, въ надеждѣ что-нибудь получить, а многіе въ надеждѣ, что какъ они меня проводятъ до Хивы, то я ихъ приму въ число составляющихъ посольство, и они будутъ всякій день есть пловъ и пить чай. Нѣкоторымъ такъ и удалось: жили два дня въ Хивѣ съ моими Трухменцами и послѣ были отпущены. Атъ-Чанаръ наканунѣ еще обѣщался достать лошадей для меня, но юзъ-баши совѣтывалъ мнѣ не вѣрить Персіянину, который хотя и принялъ вѣру мусульмановъ, но не оставилъ своихъ отечественныхъ замашекъ обманывать.

Передъ выѣздомъ моимъ изъ Гельди я велѣлъ Петровичу достать нѣсколько мелкихъ денегъ и раздать оныя жителямъ. Я также подарилъ кое-чѣмъ тѣхъ изъ слугъ или невольниковъ, которые мнѣ какую-нибудь услугу оказывали во время пребыванія моего. Жители сего мѣста уже свыклись ко мнѣ, и всѣ проводили меня за ворота, старики, дѣвки, женщины и ребятишки. Оставалась только одна собака Койчи, вѣчный сторожъ мой и самый злой, къ которому я прежде подойти не могъ. Койчи пришелъ ко мнѣ при прощаніи и смиренно сѣлъ передо мной среди людей, окружавшихъ меня; я его покормилъ въ первый и послѣдній разъ и разстался съ нимъ пріятельски.

(Продолженіе будетъ).

ФИЛАРЕТЪ АРХІЕПИСКОПЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ *).

Хиротонія Филарета во епископа Рижскаго была въ Казанскомъ соборѣ 21-го Декабря 1841 г. По обычаю, новопосвященный епископъ даетъ обѣдъ для членовъ Св. Синода. Филаретъ обошелъ этотъ обычай частію по личному взгляду на него, а частію и по скудости средствъ. Только черезъ полгода, въ Іюлѣ 1842 года, онъ отправился въ Ригу. «Какъ ни трудно жить мнѣ здѣсь», писалъ онъ изъ Петербурга, «но чувствую, что не такія скорби ждутъ меня впереди. Недавно прислали мнѣ сюда журналы Рижскаго правленія. Тогда-то увидѣлъ я отчасти, чтò обѣщаетъ мнѣ Рига, какими заботами, какими страданіями душевными хочетъ надѣлить она меня. Но буди во всемъ воля Божія». «Мнѣ остается собираться въ Ригу, несчастную Ригу, достойную меня». «Прошу тебя, пиши мнѣ въ Ригу чаще: мнѣ тамъ будетъ очень тяжело и очень скучно; это уже мнѣ извѣстно».

Вотъ съ какимъ чувствомъ ѣхалъ Филаретъ въ Ригу; но о томъ, чтò ожидало его въ этой злополучной епархіи, онъ имѣлъ еще очень слабое представленіе.

Въ 1841 г. между Латышами распространился слухъ о существованіи указа, разрѣшавшаго имъ переселяться во внутреннія губерніи. Это вызвало сильное оживленіе: изнуренный работами, отягощенный налогами, народъ повалилъ въ Ригу записываться на переселеніе. Когда губернское начальство, чтобы прекратить движеніе, придумало сажать ихъ въ тюрьму, брить головы, какъ арестантамъ, и не принимать прошеній и когда, по распоряженію этого же начальства, въ пріемѣ прошеній имъ отказывалъ и жандармскій полковникъ Киршъ, они обратились къ архіерею. Преосвященный Иринархъ посовѣтовалъ имъ возвратиться домой, заниматься своимъ

*) См. начало этой біографіи въ 3-й тетради Р. Архива сего года.

дѣломъ и оставаться въ повиновеніи у помѣщиковъ, однако просьбы ихъ принялъ. Не одно соболѣзнованіе къ ихъ безотрадному положенію побудило его къ такому поступку: по смыслу архіерейской присяги, обязывающей «заступать немощныя», и въ случаѣ необходимости писать и самому Государю, онъ считалъ своимъ долгомъ довести объ этомъ недугѣ края до свѣдѣнія Монарха. Съ этою цѣлію прошеніе Латышей было препровождено имъ къ оберъ-прокурору Св. Синода графу Протасову. Между тѣмъ Латыши, узнавъ, что архіерей принялъ прошеніе Виттенгофскихъ крестьянъ, стали являться къ нему толпами. Препровождая три подлинныя прошенія графу Протасову, Иринархъ написалъ ему, «что крестьяне Лифляндской губерніи толпами приходятъ въ Ригу искать защиты отъ притѣсненій тамошнихъ помѣщиковъ, обременяющихъ ихъ изнурительными работами и налогами, чрезъ что лишаются они съ семействами дневнаго пропитанія; что къ таковымъ жалобамъ присоединяютъ они просьбы о переселеніи ихъ въ другія губерніи, гдѣ они могли бы быть казенными крестьянами». Вскорѣ послѣ того въ прошеніяхъ, поступавшихъ къ Иринарху, стали излагаться два ходатайства: о переселеніи и о присоединеніи къ православію. Не принимая первыхъ, онъ, по долгу священнаго сана, не могъ отказывать послѣднимъ. Иринархъ снова сообщилъ гр. Протасову, что нѣкоторые Латыши изъявляютъ желаніе присоединиться къ православію, что у нихъ нѣтъ хлѣба, что ихъ не впускаютъ въ городъ, подвергаютъ тѣлесному наказанію и тюремному заключенію за принесеніе жалобъ начальству. Государь Николай Павловичъ пришелъ въ негодованіе и выразился графу Протасову, что отъ него была скрыта истина. Министру внутреннихъ дѣлъ графу Строганову и графу Бенкендорфу Государь объявилъ свое неудовольствіе. Тогда всѣ возстали противъ Иринарха, а въ особенности генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ.

У б. Палена съ Иринархомъ возникла рѣзкая переписка. Иринархъ писалъ ему, что бумагу его вмѣстѣ съ просьбами Латышей онъ препроводилъ къ гр. Протасову. Это взорвало Палена. Онъ окружилъ архіерейскій домъ переодѣтыми солдатами, которымъ было поручено всѣхъ выходящихъ отъ Иринарха арестовывать, а Иринарху написалъ, чтобъ онъ не принималъ приходящихъ къ нему съ просьбами о присоединеніи и обращалъ ихъ предварительно къ губернскому начальству. Иринархъ отвѣчалъ, что у него никакихъ записей не производится, но что отказать въ присоединеніи къ православію онъ, какъ служитель алтаря, не можетъ; что Латышей не бывшихъ у губернскаго начальства онъ не принимаетъ, свидѣтельствомъ чему ихъ бритыя головы и что окружающая домъ его полиція и безъ того заби-

раетъ ихъ. Онъ присовокупилъ, что и это отношеніе Палена препровождено имъ къ графу Протасову.

Но что̀ могъ сдѣлать одинъ борецъ за церковь предъ цѣлымъ сонмомъ враговъ ея? Баронъ Паленъ сообщилъ гр. Строганову и Бенкендорфу о возмущеніи края епископомъ Иринархомъ и его духовенствомъ, которое поддерживаетъ въ народѣ надежду на переселеніе. Онъ отыскалъ и свидѣтеля, нѣкоего Спасскаго, исключеннаго Иринархомъ изъ духовнаго званія за неодобрительное поведеніе. Какъ оказалось впослѣдствіи, этотъ свидѣтель былъ подкупленъ самимъ Рижскимъ губернскимъ начальствомъ. Графъ Строгановъ доложилъ о томъ Государю и сообщилъ графу Протасову. Сей послѣдній, на основаніи всеподданнѣйшаго доклада графа Строганова и свѣдѣній, доставленныхъ Паленомъ, составилъ докладъ Государю, напирая на то, что б. Паленъ относитъ заблужденіе крестьянъ на счетъ переселенія къ дѣйствіямъ епископа, въ доказательство чему представилъ черновое прошеніе, будто бы поправленное рукою священника Фасонова, что̀ впослѣдствіи не подтвердилось. Онъ изложилъ притомъ мнѣніе, чтобы Иринарху было предписано не допускать пререканій съ гражданскимъ начальствомъ и не принимать подобныхъ просьбъ отъ крестьянъ, обращая ихъ къ генералъ-губернатору. Очевидно, самый докладъ составленъ былъ односторонне, и заключеніе оберъ-прокурора было только выводомъ изъ него. Государь, согласившись съ мнѣніемъ графа Протасова, добавилъ, чтобы Иринарху было сдѣлано «строгое внушеніе о неправильности и неблагоразуміи его дѣйствій».

Въ исполненіе воли начальства, Иринархъ не сталъ принимать прошеній, въ которыхъ соединялись два ходатайства: о переселеніи и о присоединеніи. Узнавъ объ отказѣ епископа, Латыши стали обращаться къ нему съ исключительною просьбою о присоединеніи, и приходили толпами. Какъ ни тяжелы были преслѣдованія и интриги, направленныя противъ Иринарха, но служитель Божій не могъ отвергнуть приходящихъ къ нему. Когда же онъ разъяснялъ Латышамъ, что съ переходомъ въ православіе не соединяются никакія земныя выгоды, то Латыши отвѣчали съ поразившею его твердостію: «Если Государю угодно, чтобы мы оставались на настоящихъ своихъ мѣстахъ жительства, то мы останемся спокойно; только мы хотимъ быть Русскими по вѣрѣ и ея обрядамъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ многіе священники донесли своему владыкѣ о просьбѣ Латышей поѣхать къ нимъ и присоединить къ православію ихъ семейства. Иринархъ обо всемъ донесъ своему епархіальному преосвященному Псковскому и графу Протасову.

Иринархъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые въ служеніи церкви останавливаются передъ страхомъ гоненія. А потому, чтобы обезпе-

чить успѣхъ въ противодѣйствiи православiю, надо было совсѣмъ отдѣлаться отъ Иринарха, и вотъ составленъ планъ. Понимая, насколько чутокъ былъ Государь ко всему, что̀ могло вызвать волненiе и, пожалуй, способенъ даже придать преувеличенное значенiе подобнымъ обстоятельствамъ, хитрые правители ударили въ эту чувствительную струну Монарха. И вотъ черезъ графовъ Строганова и Бенкендорфа баронъ Паленъ представилъ Государю, что весь Остзейскiй край охваченъ народнымъ бунтомъ, главными вождями котораго Иринархъ и его священники. Баронъ Паленъ доносилъ, что Иринархъ принимаетъ попрежнему прошенiя отъ Латышей и отправляетъ ихъ къ священникамъ въ крѣпость, гдѣ имъ толкуется о возможности переселенiя подъ условiемъ принятiя православiя; что крестьяне уже начинаютъ составлять скрытныя собранiя, копятъ деньги и относятъ ихъ черезъ своихъ выборныхъ къ Иринарху; что Латышскiе выборные на заставѣ встрѣчаются отставнымъ солдатомъ (впрочемъ не отысканнымъ), который, выдавая себя за высланнаго отъ Иринарха проводника, препровождаетъ ихъ къ священнику, а тотъ въ свою очередь обѣщаетъ имъ съ принятiемъ православiя дома̀, земли, скотъ и все хозяйственное обзаведенiе; что крестьяне пренебрегаютъ работою, выражаютъ сопротивленiе и грозятъ *кровопролитною развязкою* не далѣе осени измѣнить существующiй порядокъ. Такiя свѣдѣнiя, дошедшiя до Государя, произвели свое дѣйствiе. Не только Государь, но и всѣ Русскiе, стоявшiе близъ трона, съ тревогою взглянули на эти событiя, предвидя какъ будто зарево политическаго пожара, который можетъ охватить всю Россiю.

Между тѣмъ баронъ Паленъ нарядилъ слѣдственныя комиссiи, назначилъ военныя экзекуцiи, даже поѣхалъ самъ по Лифляндiи; словомъ, обнаружилъ удивительную энергiю къ «подавленiю бунта». О всемъ этомъ онъ доносилъ въ Петербургъ, гдѣ все и принималось за чистую монету. Наши солдаты и казаки, выступавшiе противъ бунтовщиковъ, дивились, что нигдѣ ихъ нѣтъ: крестьяне занимались своимъ дѣломъ. Но какъ же нибудь надо доставить зрѣлище, надо какую нибудь устроить охоту на Латышей? Вѣдь они не Нѣмцы; почему же и не поохотиться! И вотъ цивилизованный правитель, встрѣтивъ на привалѣ обозъ Латышей, ѣхавшихъ за провизiей въ Ригу, окружилъ ихъ, забралъ и разсадилъ по тюрьмамъ.

Зная о томъ, каковы должны быть донесенiя барона Палена Государю, Иринархъ писалъ графу Протасову: «Что̀ касается до волненiя крестьянъ, которое генералъ-губернаторъ представляетъ почти явнымъ возмущенiемъ и противъ котораго онъ признаетъ нужнымъ употребить военную силу, то я могу увѣрить ваше сiятельство, что сiе волненiе или возмущенiе ничто иное есть, какъ сильное и почти всеобщее же-

ланіе крестьянъ присоединиться къ православной церкви». Указывая, что это желаніе породило сильное безпокойство гражданскаго начальства, онъ убѣждалъ употребить всѣ мѣры, чтобы дѣло не было рѣшаемо по одностороннему донесенію генералъ-губернатора. «Чтобъ разлить новый свѣтъ на настоящее дѣло и придать новую степень достовѣрности тому (писалъ онъ), что здѣшніе крестьяне дѣйствительно расположены принять православіе, я долженъ сказать вашему сіятельству, что лютеранство здѣшняго края совершенно переродилось въ неологизмъ, подобный тому, какой распространился по всей Германіи, чтобы не сказать по всей Европѣ; что сельскіе пасторы являются однажды въ мѣсяцъ на каѳедрахъ, если еще не рѣже; что крещеніе младенцевъ совершаютъ они только у знатнѣйшихъ своихъ прихожанъ, у прочихъ же крестьянъ кистеры или церковные старосты, которые представляютъ пасторамъ записки о совершенныхъ ими крещеніяхъ для внесенія оныхъ въ метрическія книги, и что такимъ же образомъ происходитъ погребеніе умершихъ. Такое отправленіе своихъ обязанностей пасторами давно уже охладило сердца крестьянъ къ лютеранской религіи и къ ея служителямъ и расположило ихъ въ пользу православной церкви, гдѣ всѣ требы совершаются священниками и гдѣ они видятъ во всемъ приличное благолѣпіе».

Но графа Протасова мало трогали слова Иринарха и мало заботило дѣло церкви. Съ другой стороны, Нѣмецкіе происки велись съ полною энергіею. На Государя начали дѣйствовать съ разныхъ сторонъ, не исключая даже и изъ Пруссіи. Одинокій стоялъ Иринархъ передъ очами Бога Вышняго. На землѣ, въ защиту кровнаго дѣла земли Русской и Русской церкви, не достигалъ до него ни одинъ ободряющій голосъ. Наконецъ, по докладу оберъ-прокурора, повелѣно было Иринарха вывезти въ сопровожденіи командированнаго чиновника Скрипицына изъ Риги въ Псковъ, а священниковъ Заболоцкаго, Фасонова, и послушника архіерейскаго Анненкова выслать для допросовъ въ Петербургъ. Иринарху были предложены 14-ть вопросныхъ пунктовъ, построенныхъ на ложныхъ донесеніяхъ правительству. Когда отвѣты Иринарха и священниковъ доложены были Государю, онъ, казалось, прозрѣлъ истину; по крайней мѣрѣ произведенное на него прежними донесеніями впечатлѣніе значительно ослабло. Священниковъ Синодъ предположилъ размѣстить въ Петербургской епархіи; Государь утвердилъ опредѣленіе Синода, а Иринархъ получилъ назначеніе викарнымъ въ Воронежъ. Дѣло объ Иринархѣ сдано въ архивъ, а вмѣстѣ съ нимъ предано забвенію или, вѣрнѣе, положено подъ сильный гнетъ и дѣло о православіи въ Лифляндіи.

При такихъ-то обстоятельствахъ состоялось назначеніе нашего Филарета епископомъ Рижскимъ.

Вотъ какъ изображаетъ одинъ современникъ новаго Рижскаго святителя и его положеніе въ краѣ: «Избранная личность, не смотря на свой тщедушный и слабый организмъ, отличалась необыкновенною энергіею воли и огромною эрудиціей. Къ несчастію, эта воля, жаждущая дѣятельности, способная на великія жертвы для православія, обставлена была такъ, что обречена была на совершенное бездѣйствіе; была связана, какъ говорится, и по рукамъ, и по ногамъ.»

Передъ самымъ отъѣздомъ, когда Филаретъ представлялся Государю, ему вмѣнено въ обязанность дѣйствовать осторожно и съ согласія гражданскаго начальства. Дѣйствовать въ дѣлѣ православія съ согласія гражданскаго начальства, всѣми силами старавшагося подавить православіе, конечно равнялось обреченію Филарета на бездѣйствіе. Мало того, инструкція епископу Рижскому была измѣнена. «Вниманіе и съ благоразуміемъ соединенная заботливость и осторожность требуются со стороны викарія въ обращеніи съ иновѣрцами, коими большею частію населены Лифляндская и Курляндская губерніи; въ сношеніяхъ съ мѣстными свѣтскими начальствами необходима особенная осмотрительность по такимъ дѣламъ, по которымъ его мнѣнія оказываются неодинаковыми съ мнѣніемъ духовнаго начальства; въ сихъ случаяхъ, прежде рѣшительнаго дѣйствія, викарій испрашиваетъ руководства отъ епархіальнаго архіепископа и, смотря по важности дѣла, доводитъ оное до свѣдѣнія оберъ-прокурора Св. Синода, при чемъ единомысліе и согласное дѣйствованіе начальства должны быть охраняемы крайне тщательно». Опасливость шла далѣе: «прошенія, подаваемыя архіерею, заключающія въ себѣ два предмета, а именно ходатайство о присоединеніи къ православію и другія, подлежащія разсмотрѣнію губернскаго начальства, вовсе возбраняется принимать».

Напуганный исторіею Иринарха и тѣми предостереженіями, которыя ему довелось выслушать и оффиціально, и частно отъ разныхъ лицъ, Филаретъ началъ съ величайшею осмотрительностію свое служеніе. Ему нужно было хорошо, прочно поставить себя въ глазахъ правительства, чтобъ наговоры не принимались на вѣру, а его собственный отзывъ имѣлъ вѣсъ и значеніе. Утвердивъ себя въ глазахъ правительства, можно было начать дѣйствовать и смѣлѣе.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Ригу, Филаретъ пишетъ Горскому: «Грѣшно было бы жаловаться на недостатокъ любви здѣшней паствы къ пастырю. Нѣтъ, паства обрадовалась, обрадовалась тѣмъ болѣе, что несчастныя обстоятельства, взволнованныя Нѣмцами, заставили думать

о невозможности быть здѣсь пастырю». И легко могло быть, что это входило въ планы враговъ православія.

Латыши, узнавъ о пріѣздѣ новаго архипастыря, не оставляли мысли о присоединеніи. Въ донесеніи своемъ оберъ-прокурору Св. Синода Филаретъ такъ описываетъ первый случай обращенія къ нему Латышей. «Вечеромъ 1-го Августа 1842 года услышалъ я, что приходили въ Ригу два Латыша и, спросивъ обо мнѣ священника, удалились. Утромъ 2-го числа счелъ я за долгъ лично объясниться съ его превосходительствомъ г. гражданскимъ губернаторомъ о семъ случаѣ (военнаго губернатора тогда не было въ Ригѣ). Сказавъ о тѣхъ двухъ Латышахъ, я спрашивалъ, нѣтъ ли опасенія для спокойствія гражданскаго, если, согласно съ совѣстію моею и съ объявленными мнѣ наставленіями Государя Императора, выслушаны будутъ мною, когда явятся, Латыши. При семъ объяснилъ я, что во всякомъ случаѣ готовъ я слѣдовать искреннимъ совѣтамъ и что считаю за долгъ неиначе выслушать Латышей, какъ въ присутствіи г. полицеймейстера и въ его же присутствіи записать. Г-нъ губернаторъ вполнѣ одобрилъ мое намѣреніе выслушивать Латышей въ присутствіи полицеймейстера, при чемъ присовокупилъ мысль, которая впрочемъ была и у меня, что записанныя обоими нами слова будутъ имѣть видъ акта. Въ продолженіе всего разговора онъ ничѣмъ не далъ замѣтить, что есть какія-либо опасенія на счетъ спокойствія Латышей, такъ какъ и ни изъ чего другаго не видно было такихъ опасеній. Въ видѣ дружескаго совѣта онъ говорилъ, чтобы остерегался я принимать толпу и мѣры рѣшительныя и потомъ позволилъ частно, чтобы священникъ, если придутъ къ нему Латыши, могъ сказать о моемъ прибытіи и мѣстопребываніи, но не болѣе (?!) Такимъ образомъ я оставался совершенно спокоенъ и въ твердой увѣренности, что если случится мнѣ увидѣть Латышей, отъ того не выйдетъ ничего особеннаго, и поступокъ мой будетъ сообразенъ съ мудрою волею Государя Императора и съ требованіями самой строгой осторожности. Спокойствіе мое укрѣплялось и тѣмъ, что, по всѣмъ свѣдѣніямъ, какія получалъ я чрезъ священниковъ и отъ другихъ лицъ, въ здѣшней сторонѣ все спокойно; самое положеніе мѣстнаго начальства, сколько оно мнѣ было извѣстно, увѣряло меня въ томъ. Августа 4-го числа, около 3-хъ часовъ пополудни, когда только что возвратился я съ кладбища, гдѣ служилъ литургію и поминовеніе, услышалъ я, что два Латыша желаютъ видѣть меня. Не допуская ихъ до себя, я сказалъ, чтобы пригласили ко мнѣ г. полицеймейстера Языкова. По прибытіи его я между прочимъ спрашивалъ его о положеніи Латышей. Онъ разсказалъ мнѣ о прежнемъ состояніи ихъ; говорилъ, что теперь они совершенно спо-

койны, что у нихъ родился очень хорошій хлѣбъ и они мирны. Нечаянно, но благодѣтельно по послѣдствіямъ, спросилъ я его о томъ, довѣряетъ ли онъ переводчику, когда сей послѣдній явился съ Латышами? Онъ отвѣчалъ, что онъ самъ столько знаетъ Латышскій языкъ, сколько нужно для того, чтобы замѣтить невѣрность переводчика, если онъ будетъ, и что потому другой переводчикъ не нуженъ. Затѣмъ отбираемы были показанія и записываемы мною со всею точностію, и я старался, при помощи Божіей, соблюдать все вниманіе къ требованіямъ правды. Считаю нужнымъ замѣтить, что вопросы предлагаемы были большею частію г. полковникомъ. По окончаніи показаній, полковникъ поспѣшилъ отъ меня удалиться, указывая на неотлагаемую нужду быть при одномъ слѣдствіи. Съ своей стороны, слѣдуя волѣ Государя Императора, я, вслѣдъ за удаленіемъ Латышей, отправился къ г. военному губернатору для личныхъ объясненій, послѣ чего намѣренъ былъ отнестись и бумагою съ вопросами о семъ дѣлѣ».

Генералъ-губернатора Филаретъ не засталъ и отложилъ свиданіе до слѣдующаго утра. Утромъ полицеймейстеръ, пріѣхавъ для подписанія вчерашняго заявленія Латышей, хотѣлъ ограничиться удостовѣреніемъ, что слова Латышей записаны вѣрно; но осторожный Филаретъ потребовалъ, чтобъ онъ изложилъ его предложеніе на счетъ переводчика и свой отвѣтъ о знакомствѣ съ Латышскимъ языкомъ.

Какъ ни былъ остороженъ молодой епископъ въ данномъ дѣлѣ, но не могъ онъ избѣжать непріятностей и не поплатиться за него многими скорбями. Успѣхъ интриги въ дѣлѣ Иринарха придалъ смѣлости Нѣмецкой партіи, главнымъ пособникомъ который былъ самъ генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ. Только что собрался Филаретъ къ нему, какъ ему доложили о прибытіи самого генералъ-губернатора. «Слѣдуя наставленію Государя Императора», писалъ Филаретъ оберъ-прокурору, «я употреблялъ по прибытіи въ Ригу всѣ усилія, чтобы пріобрѣсть любовь какъ его высокопревосходительства, такъ и прочихъ гг. гражданскихъ начальниковъ и благодарилъ въ душѣ моей Господа, что, какъ казалось, старанія мои достигли успѣха. Теперь же г. военный генералъ-губернаторъ, прибывъ въ домъ, изъявилъ сильныя неудовольствія, ни почему для меня неожиданныя, и объявилъ, что мои дѣйствія начнутъ опять волненія между Латышами точно такъ же, какъ дѣйствія предшественника; что я долженъ былъ, не вступая ни въ какія сношенія съ Латышами, отослать ихъ въ Губернское Правленіе, гдѣ они были бы спрошены при искусномъ переводчикѣ и что полицеймейстеръ не знаетъ Латышскаго языка. Съ смущеніемъ души, но съ полною благопокорностію я объяснилъ его высокопревосходительству, что еслибы объявлены мнѣ были прежде сіи требованія и

опасенія, я за непремѣнный долгъ почелъ бы слѣдовать имъ съ точностію. Я упомянулъ ему о сношеніи моемъ съ г. губернаторомъ, объ увѣреніи г. полицеймейстера, о волѣ Государя Императора. Сіи объясненія мои нѣсколько успокоили г. военнаго генералъ-губернатора, и я, возблагодаривъ Господа, счелъ за необходимое присовокупить въ сношеніи моемъ прошеніе мое о томъ, не признаны ли будутъ нужными особенныя мѣры для подобныхъ случаевъ прибытія Латышей, изъявляя такимъ образомъ постоянную готовность мою сообразоваться съ указаніями мѣстнаго гражданскаго начальства. 6 числа получено мною отношеніе его в—ства. 5, 6 и 7 числа были для меня весьма тяжки. Полиція приведена была въ движеніе смотрѣть за тѣмъ, не придутъ ли еще Латыши. Благодареніе Господу, доселѣ дѣла въ томъ же положеніи, въ какомъ были до несчастнаго прибытія ко мнѣ Латышей».

Казавшійся Филарету успокоеннымъ б. Паленъ не оставилъ принятой тактики и энергическаго преслѣдованія православія. Имъ назначена особая комиссія, дѣйствовавшая привычнымъ орудіемъ—истязаніями, клеветою, подкупами и т. п. Все стараніе употреблено для отысканія виновности православнаго духовенства, и средствами къ тому не пренебрегалось. Недовольные единовѣріемъ, раскольники и всякіе негодяи набирались для свидѣтельства, и придумано обвиненіе единовѣрческаго священника Емельянова въ подстрекательствѣ Латышей къ принятію православія.

Филаретъ писалъ графу Протасову: «Слѣдователи доселѣ не возвращались и, признаюсь, не знаю, чѣмъ все это кончится и для чего отправились они на мѣсто? Казалось бы, если опасаются безпокойствъ, не надлежало бы страхомъ одного появленія своего въ мѣстахъ Латышей, тѣмъ болѣе чѣмъ-либо другимъ, возбуждать какое-либо неспокойствіе. Но буди воля Господня! Одинъ Богъ, знаетъ, чего стоитъ для меня это принятіе Латышей. Окруженный прежде покоемъ, теперь я окруженъ тревогою и нерасположеніемъ. Нѣкоторые одобряли передъ г. военнымъ генералъ-губернаторомъ мой образъ принятія Латышей и, можетъ-быть, это удержало отъ слѣдствій, какія могли и готовы были быть въ самомъ началѣ дѣла. Можно ли надѣяться благополучнаго окончанія дѣлу—судите сами. Положеніе такъ тяжко, какъ только быть можетъ. Съ своей стороны, считаю за нужное присовокупить и ту мысль мою, что если худо мнѣ теперь, долженъ я ждать болѣе худшаго, когда сочтутъ себя оскорбленными какимъ-либо донесеніемъ моимъ. Моя доля терпѣть и молить Бога».

Письмо это написано еще нѣсколько сдержанно; оно не выражаетъ вполнѣ душевнаго состоянія Филарета, какъ оно рисуется въ одновременномъ письмѣ его къ Горскому. «Много бы надобно писать вамъ,

но повремените. Я теперь въ тяжкомъ испытаніи. Господа ради, прошу всѣхъ любящихъ и помнящихъ меня помолиться о мнѣ грѣшномъ. Господа ради, помолитесь препод. Сергію, отслужите молебенъ за меня грѣшнаго. Писать о сущности дѣла пока не могу». «Ничего не пишу вамъ о своихъ скорбяхъ», писалъ онъ вскорѣ за тѣмъ, «потому что еще не кончились. Дѣло касается Латышей; оно началось слишкомъ невыгодно, а чѣмъ кончится—не знаю».

Филаретъ внимательно слѣдилъ за ходомъ слѣдствія, сообщая о каждой выдающейся его особенности оберъ-прокурору. «На дняхъ окончили формальное слѣдствіе о дѣлѣ приходившихъ ко мнѣ двухъ Латышей, начавшееся по полученіи предписанія г. министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ сіе слѣдствіе, такъ и предварительное частное, происходили въ вѣдѣніи и распоряженіи одного гражданскаго начальства. Окончаніе слѣдствія ведетъ только къ новымъ огорченіямъ для духовенства православнаго. Еще по предварительномъ изслѣдованіи, отъ меня потребовали, чтобы единовѣрческій священникъ Дороѳей и единовѣрческій же причетникъ Сазоновъ, какъ замѣшанные въ безпорядкахъ прошедшаго года и участвовавшіе будто бы въ нынѣшнемъ волненіи, удалены были изъ Риги. Тоже требованіе повторяется и по окончаніи другаго слѣдствія. Такъ какъ начало дѣла показало слишкомъ ясно, что какое бы то ни было несогласіе мое поведетъ только къ самымъ худымъ послѣдствіямъ, при томъ сознавая и то, что лицо, столько уполномоченное довѣріемъ высочайшей власти, обязываетъ мою совѣсть полагаться на его отзывы, особенно въ такомъ важномъ дѣлѣ, каково спокойствіе гражданское: я съ своей стороны отозвался словесно, что Сазоновъ удаленъ будетъ немедленно (притомъ онъ и считался только временно-исправляющимъ причетническую должность, а по состоянію оставался мѣщаниномъ), а о священникѣ просилъ покорнѣйше, чтобы дозволено было ему остаться до времени, пока найденъ будетъ другой на такое трудное мѣсто, каково мѣсто единовѣрческаго священника. На сіе согласились; между тѣмъ писано было мною о семъ къ его высокопреосвященству. Дѣйствія мои по сему дѣлу симъ только и ограничились, такъ какъ болѣе того дѣлать что-либо въ публичныхъ сношеніяхъ не находилъ я никакой для себя возможности; не могъ говорить что-либо даже и частнымъ образомъ противъ какого-либо дѣйствія. Положеніе мое было таково, что мнѣ необходимо было употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы гражданское начальство удержало свои тревоги и волненія, что̀ потребовало многихъ трудовъ и скорбей. Все, что̀ видѣлъ я и испытывалъ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, пока дѣлались изслѣдованія о двухъ Латышахъ, слишкомъ ясно показываетъ моей совѣсти, что каждый шагъ въ семъ дѣлѣ бу-

детъ оканчиваться безъ всякой пользы для дѣла, и слѣдствіями его будутъ только безпокойства для моего начальства, бѣдствія для многихъ, не говоря о себѣ. И слова̀, и дѣла̀ показываютъ, что тысячи не хотятъ того, чтобы Латыши были православными; а при такомъ положеніи что̀ могу сдѣлать я одинъ? Для дѣла ничего; никакая осторожность, никакая чистота не спасутъ ни меня, ни дѣла моего. Не могу не сознаться, что Латыши хотятъ придти ко мнѣ; но когда совѣсть и благоразуміе увѣряютъ, что начинать сіе дѣло значитъ начинать дѣло такое, которое не приведетъ его къ концу, а къ другимъ слѣдствіямъ, то я принужденъ былъ говорить, что теперь не время. Остается предоставить Господу все и ожидать Его изволенія».

На нетерпѣливые вопросы Горскаго Филаретъ писалъ: «Дѣло о Латышахъ по отношенію ко мнѣ состоитъ въ томъ, что они желаютъ православія, а Нѣмцы душатъ ихъ за это желаніе и настаиваютъ на томъ, что они бунтовщики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякій, кто только касается дѣла. Вотъ содержаніе несчастной исторіи! Каждый шагъ мой дознаютъ, каждое желаніе проникаютъ; шпіоны ходятъ даже въ комнаты и иногда съ прошеніями о помощи противъ нихъ же; домогаются всѣми средствами впутать меня въ какую-нибудь грязную исторію. Клеветы сыплются изъ обѣихъ рукъ. Если Господь не защититъ, конечно, надежды нѣтъ на избавленіе отъ ковъ. Извѣстно мнѣ, что велѣно произвести новое слѣдствіе. Но кто и какъ будетъ производить—это дѣло особенное и неизвѣстное. Меня частію уже прицѣпили къ дѣлу приходившихъ ко мнѣ Латышей. Послѣ того, что̀ со мною было, мнѣ уже нельзя дѣлать ни шагу въ этомъ дѣлѣ, и объ этомъ уже сказано кому слѣдовало. Да будетъ воля Господня!»

Между тѣмъ, графъ Протасовъ доложилъ Государю письмо Филарета съ описаніемъ перваго пріема его Латышей, и Государь повелѣлъ передать Филарету одобреніе его дѣйствій, находя ихъ «благоразумными и осмотрительными». Это немало принесло успокоенія Филарету.

Филаретъ понималъ, что ему нужна «мудрость змѣина». Донесенія его оберъ-прокурору даютъ понятіе объ его дальновидности и предусмотрительности. Дѣлая удареніе на томъ, что если будутъ оскорблены какимъ-либо донесеніемъ его, то положеніе его еще ухудшится, онъ какъ бы предупреждалъ графа Протасова о сохраненіи внѣ гласности его сообщеній. Не безъ цѣли также онъ указывалъ, что не только не находилъ возможнымъ входить въ публичныя сношенія по этому дѣлу, но даже и въ частномъ разговорѣ касаться его. «Не легко говорить о дѣлахъ чужихъ, писалъ онъ графу Протасову, когда совѣсть не можетъ признавать ихъ дѣлами совѣсти христіанской».

Филаретъ передаетъ слова б. Палена: «Нѣтъ нужды присоединять теперь Латышей къ православію; черезъ сто лѣтъ мы всѣ будемъ православными черезъ браки». Далѣе, когда нужно было хвалить протестантство, онъ сказалъ: «Вотъ какое благодѣтельное дѣйствіе имѣетъ наше вѣроисповѣданіе на сердца: когда въ прошедшемъ году происходило возмущеніе, то, хотя употреблены были и строгія мѣры, даже военная сила, ни одинъ Латышъ никого не тронулъ». Когда же надобно было показать, что православное духовенство можетъ начинать возмущеніе, правитель сказалъ: «Вотъ въ прошедшемъ году возмущенія распространились между Латышами, какъ пожаръ послѣ пріема ихъ духовенствомъ; тоже будетъ и нынѣ. Ничто тогда не могло остановить; тоже будетъ и нынѣ». И эту вопіющую неправду долженъ былъ выслушивать служитель истины! «Повѣрьте, ваше с—ство, писалъ онъ графу Протасову, что три мѣсяца были для меня слишкомъ тяжелы; я не могъ почти совсѣмъ заниматься дѣлами, едва не приближался ко гробу, и что же вышло? Воля Господня да будетъ!» «Господь не оставитъ Своего дѣла, писалъ нѣсколько успокоившись Филаретъ. Ваше сіятельство прошу покорнѣйше не безпокоиться по сему дѣлу. Если Господь будетъ столько милостивъ къ грѣхамъ моимъ, что, не взирая на нихъ, будетъ подкрѣплять меня, то любовію надѣюсь при Его помощи достигнуть того, чего нельзя достигнуть другими способами; входить же въ какія-либо судебныя разбирательства не считаю ни полезнымъ, ни сообразнымъ съ моею совѣстію».

Смиренный тонъ писемъ Филарета, чуждыхъ раздражительности, яркость извѣстій, имъ сообщаемыхъ, наконецъ голосъ Русскихъ людей съ ихъ сѣтованіемъ на невниманіе къ Русскому дѣлу, чаще и чаще сталъ доходившій до слуха оберъ-прокурора, наконецъ пробудили и его. Вмѣстѣ съ тѣмъ графа Строганова замѣнилъ въ то время энергичный, умный, вполнѣ Русскій по душѣ, Л. А. Перовскій, принявшій дѣло православія, какъ дѣло Русское, близко къ сердцу. Графъ Протасовъ подъ давленіемъ такихъ обстоятельствъ въ докладѣ Государю изложилъ свѣдѣнія, сообщенныя архіереемъ и напомнилъ объ образѣ его дѣйствій, одобренныхъ самимъ Государемъ. Между прочимъ онъ представилъ Государю слѣдующія соображенія: «При столь противорѣчивыхъ отзывахъ по дѣлу сему барона Палена и епископа Филарета и по значительности лица священника Емельянова, имѣющаго большое вліяніе на тамошнее единовѣрческое общество (его усиліями столь еще недавно исторгнутое изъ раскола), не благоугодно ли будетъ высочайше повелѣть передать сіе дѣло по принадлежности министру внутреннихъ дѣлъ для изслѣдованія и приведенія онаго въ извѣстность узаконеннымъ порядкомъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ дѣйствительной винов-

ности сего священника, духовное начальство могло имѣть справедливое и законное основаніе немедленно удалить его и подвергнуть по мѣрѣ вины строгому взысканію?» Государь повелѣлъ исполнить. Вся переписка Филарета передана была оберъ-прокуроромъ въ Св. Синодъ. Синодъ представилъ на высочайшее усмотрѣніе мѣру, вполнѣ отвѣчающую времени и обстоятельствамъ, а именно, чтобы епископъ Рижскій о каждомъ желающемъ присоединенія испрашивалъ разрѣшенія Синода. Это, по мнѣнію Синода, въ примѣрахъ частнаго присоединенія должно обнаружить: многіе ли его желаютъ, по какимъ побужденіямъ и какія требуется принять предосторожности и способы. Главная же суть дѣла заключалась въ томъ, что такая мѣра освобождала епископа отъ столкновеній съ мѣстною властію, для которой борьба съ Синодомъ была труднѣе. Но Государь до окончанія слѣдствія о священникѣ Емельяновѣ пріостановилъ дать согласіе на постановленіе Св. Синода.

Такой поворотъ дѣла еще болѣе придалъ смѣлости Филарету. Но, испытанный примѣрами прежнихъ слѣдствій, онъ еще не вполнѣ довѣрялъ безпристрастію новаго, а потому писалъ Горскому: «Помолитесь, теперь здѣсь великое для меня дѣло дѣлается; слѣдователь изъ Петербурга по высочайшему повелѣнію производитъ слѣдствіе. Когда бы преподобный Сергій не оставилъ меня грѣшнаго!» Извѣщая же въ слѣдующемъ письмѣ объ удовлетворительномъ исходѣ дѣла, Филаретъ добавляетъ: «Помолимся Господу Богу! Скажу только, что и для меня доселѣ не было извѣстно, чтобы ненависть Нѣмцевъ до такой степени простиралась ко мнѣ, до какой она дѣйствительно простирается. Только молитвы преподобнаго Сергія защитили меня грѣшнаго. Иначе слишкомъ, слишкомъ худо хотѣли поступить со мною Нѣмцы. Господь да проститъ ихъ!»

Филаретъ, при его глубокой учености, стойкости, любознательности, ревности къ церкви и энергіи, былъ опасенъ для Нѣмцевъ и ихъ господства на окраинѣ Россіи. Ни одно обстоятельство, ни одинъ памятникъ, ни одна развалина не миновали его вниманія. Такъ, напр., послѣ поѣздки своей въ Венденъ, онъ пишетъ Горскому: «Недавно былъ я въ Венденѣ и тамъ видѣлъ копію со стариннаго плана, составленнаго не позже XVII в. Тамъ, близъ стѣны за̀мка, въ городѣ показано Grund der russischen Kirche *) и начертанъ планъ самой церкви. Теперь это мѣсто застроено обывательскими домами. Послѣ того я увидалъ, что въ одной Нѣмецкой поздней книжкѣ Нѣмецъ пишетъ: «Преданіе (Sage) говоритъ, что въ Венденѣ была церковь Русская въ XIV

---

*) Основаніе Русской церкви.

вѣкѣ. Со всею вѣроятностію, или точнѣе съ несомнѣнностію, должно положить, что при Магнусѣ или при Іоаннѣ Грозномъ была здѣсь церковь для жены Магнуса и племянницы (если не ошибаюсь) Грознаго». Плодомъ подобныхъ наблюденій явилась черезъ годъ въ Іюньской книжкѣ «Москвитянина» (1843 г.) статья Филарета «Откуда коренные жители Лифляндіи получили христіанство, съ Востока или Запада?» Эта статья не могла укрыться отъ Нѣмцевъ и дала понять, съ кѣмъ имѣютъ они дѣло.

Любознательность Филарета не ограничивалась предѣлами его епархіи. Какъ ревнитель церкви вообще, онъ не оставлялъ безъ вниманія ни одного явленія ея жизни, ни одного пережитаго ею случая. Такъ, посѣтивъ Вильну по поводу возсоединенія уніатовъ, онъ пишетъ, что ѣздилъ «раздѣлять торжество православія надъ властію папизма». «Да, надобно дивиться, какъ тому, что̀ прежде было въ Вильнѣ, такъ и тому, что̀ происходитъ теперь. Знаете ли, въ какомъ положеніи было православіе въ Вильнѣ въ XVII-мъ вѣкѣ и въ какомъ въ началѣ XIX-го? Сохранилась старая карта Вильны XVII-го или XVIII-го в. По ней видно, что въ Вильнѣ было 15 православныхъ церквей. А что́ засталъ XIX-й вѣкъ? Въ его началѣ оставался только одинъ Духовъ монастырь и въ немъ настоятель безъ братіи. Странно, въ высшей степени странно! Въ настоящее время дѣла приняли обратный путь: православіе распространяется, а папство стѣсняется въ предѣлахъ».

Приведемъ сужденіе Филарета о протестантствѣ, чтобъ болѣе освѣтить его дѣятельность на пользу православной церкви и отношенія къ нему Нѣмцевъ. «Пройдите мыслію исторію протестантизма до настоящаго времени. Съ чего начался онъ, и на чемъ теперь остановился? Лютеръ требовалъ, чтобы каждый былъ судьею и при чтеніи Писанія, и при обозрѣніи положенія души своей. Онъ потребовалъ, чтобы жила мысль. И вмѣстѣ съ тѣмъ выразилось требованіе, чтобы довѣрчивость чувства другимъ, смиренная покорность опытности блаженствующихъ на небѣ были брошены. Его послушались. Послушались, потому что требованіе льстило самолюбію. Чего же лучше для самолюбія, какъ когда говорятъ: живи по своему усмотрѣнію? Его послушались. И что̀ же потомъ, что̀ же наконецъ нынѣ? Сначала еще было въ движеніи чувство (нельзя вдругъ убить его въ себѣ): жизнь борется сама по себѣ со смертію, на что̀ бы ни обратилась смерть. Сначала много было огня и въ словахъ, и въ дѣлахъ, хотя болѣе это былъ огонь воображенія, возбужденнаго самолюбіемъ, чѣмъ искренняго, благочестиваго чувства. Потомъ чувство становилось слабѣе и слабѣе. Отъ чего? Отъ того, что сильнѣе и сильнѣе начала дѣйствовать мысль. Прошло

три вѣка послѣ Лютера, и чѣмъ же стало его христіанское общество? Движущеюся мыслію, но съ омертвѣвшимъ для Господа чувствомъ».

Московская академія ликовала: до нея дошелъ слухъ, что Филаретъ получилъ высочайшую благодарность за его дѣйствія. Все, чтó писалъ Горскому Филаретъ, читалось всею академіею, и близко принимались сю скорби бывшаго ея начальника. Филаретъ извѣщалъ своего друга: «Не писалъ я, потому что не могъ писать. Это секретныя бумаги; здѣсь о нихъ извѣстно только мнѣ, и теперь пишу не безъ опасеній. Не понимаю, какъ узнали о всемъ въ Москвѣ; но какъ украсили дѣйствительность! Повторяю, грѣшный, что благодареніе Господу и за сіи милости, которыхъ недостоинъ. Милость для меня тѣмъ болѣе ощутительна, что ждалъ я не того, а уже искалъ, сильно искалъ мыслію уголокъ, гдѣ бы укрыться для совершеннаго уединенія. Еслибы знали здѣшніе друзья мои, чтó знаютъ въ Москвѣ, то задали бы мнѣ звону. Ты не можешь, другъ мой, представить, какъ много нужно здѣсь имѣть предосторожностей и опасеній! Каждый шагъ замѣчаютъ, слова записываютъ; записываютъ и то, когда и какъ былъ я у кого-либо изъ здѣшнихъ знаменитостей. Такъ и надобно, другъ мой. Когда самъ я такъ небрежно, такъ безпечно живу, такъ трачу время, не думая на чтò трачу и для чего дано оно: необходимо, чтобы другіе замѣчали и давали мнѣ знать о моей безпечности. О, какъ милостивъ Господь и щедръ къ такому мерзавцу какъ я!»

Между тѣмъ вскорѣ генералъ-губернаторъ б. Паленъ былъ вызванъ въ Петербургъ. «Здѣсь что-то необыкновенное готовится», писалъ Филаретъ; «а чтò именно не могу разсказать. Дѣла кипятъ тамъ, въ Петербургѣ. О, Господи, соверши потребное для славы святаго имени Твоего»! Бывшій Рижскій епископъ Иринархъ вызванъ изъ Воронежа въ Петербургъ и почтенъ благоволеніемъ. Изъ Петербурга доносился слухъ, что ему, въ присутствіи Государя, будетъ дана очная ставка съ военнымъ губернаторомъ. «Время самое критическое», замѣчаетъ Филаретъ. Чтò же вызвало такую перемѣну?

Мѣсто графа Строганова, какъ мы знаемъ, занялъ Перовскій. Онъ взглянулъ на дѣло Латышей во всю ширь и глубь его. Разсмотрѣвъ вышепомянутое слѣдствіе, онъ доложилъ Государю, что обвиненія священника Емельянова и вообще всѣ обвиненія духовенства выдуманы, а дѣйствія мѣстнаго Лифляндскаго начальства пристрастны. Оберъ-прокуроръ Св. Синода сталъ дѣйствовать тогда уже смѣлѣе. Послѣ доклада Перовскаго онъ испросилъ соизволенія Государя на исполненіе прежде состоявшагося постановленія Св. Синода относительно порядка въ присоединеніи Латышей. Утвердивъ это постановленіе, Государь повелѣлъ учредить богослуженіе для Латышей и Эстовъ на

ихъ природномъ языкѣ. Барону Палену трудно было путемъ извращеній удержать положеніе дѣлъ въ прежнемъ видѣ. Перовскій съ настойчивостію, достойною государственнаго мужа и патріота, изобличалъ неправду. Баронъ Паленъ не имѣлъ уже поддержки: всесильный графъ Бенкендорфъ, который такъ усердно ему содѣйствовалъ, отошелъ въ вѣчность [1]). Вѣсть объ его кончинѣ (12 Сент. 1844) наводитъ Филарета на слѣдующія размышленія: «Благословеніе Божіе нужнѣе всего на свѣтѣ. Съ нимъ надобно жить и за гробомъ. Безъ него худо и на землѣ. Люди съ сильнымъ умомъ возвышаются надъ временемъ, обращаютъ на себя взоръ потомства. Много говорятъ о нихъ, говорятъ съ энтузіазмомъ, надѣляютъ ихъ множествомъ именъ громкихъ; но если это только дѣло человѣка, если сильный умъ живетъ только съ собою и собою, какъ грустно величіе его! Сарказмъ, ѣдкій сарказмъ—величіе его. Чѣмъ тамъ онъ теперь, великій земли? О немъ здѣсь громко говорятъ; но громкая слава земли не составляетъ ли для него тяжкихъ ударовъ? Вѣрите ли вы тому, что за тысячу верстъ душа можетъ ощущать, что ее трогаютъ, ее толкаютъ движенія чувствъ людскихъ? Да, бываетъ, что въ душѣ отдается голосъ людской, издающійся за тысячу верстъ отъ меня. Что̀ же? Если здѣсь есть связь между душами, почему же не быть и тамъ? А это неотрадная дѣйствительность для души, пользующейся незаконною земною славою! Правда Божія строга. Каждому отдаетъ свое, отдаетъ до послѣдней мортки [2]). Нищъ и убогъ я, какъ никто другой! Сорокъ лѣтъ на землѣ; а что̀ готоваго для вѣчности?»

Графа Бенкендорфа замѣнилъ Русскій человѣкъ, графъ Орловъ. И вотъ Л. А. Перовскому совмѣстно съ нимъ удалось добиться удаленія барона Палена и назначенія на его мѣсто Е. А. Головина. Эта перемѣна заставила призадуматься всю Нѣмецкую партію. Барона Палена почитали настолько прочнымъ, что объ удаленіи его и въ мысли никому не приходило. А тутъ еще замѣстили его Русскимъ, по крайней мѣрѣ человѣкомъ съ Русскимъ именемъ. Мало того, Государь Николай Павловичъ сказалъ рѣшительное слово, безповоротно свою волю, ободрившую всѣхъ присоединенныхъ, желающихъ присоединяться къ православію, безпрепятственно вступать въ нѣдра св. церкви? Дворянскимъ депутатамъ Лифляндіи Государь сказалъ, что онъ, «самъ принадлежа къ православію, не можетъ и не долженъ запре-

---

[1]) На возвратномъ пути изъ чужихъ краевъ въ свой Фалль. Государь, нѣкогда вѣрившій ему безгранично, видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ въ Магдебургѣ, во время своего проѣзда въ Англію, весною 1844 г. Самъ графъ Бекендорфъ получалъ невѣрныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, и этимъ объясняется остуда къ нему Государя. П. Б.

[2]) Мортка — самая древняя малая монета.

тить свободный переходъ въ господствующую церковь». Онъ выразилъ имъ непремѣнную волю «заняться улучшеніемъ быта крестьянъ». Министръ внутреннихъ дѣлъ, сообщая генералъ-губернатору о волѣ Государя Императора, обратилъ его вниманіе на притѣсненія помѣщиками и протестантскимъ духовенствомъ крестьянъ, присоединившихся къ православію и сообщилъ резолюцію Его Величества: «Глядѣть въ оба глаза, новаго не затѣвать и слѣпо держаться данныхъ мною разрѣшеній на всѣ случаи, а съ неповинующимися моей волѣ, *кто бы ни былъ,* поступать какъ съ бунтовщиками. Аминь».

При такихъ добрыхъ знаменіяхъ началось новое движеніе къ присоединенію въ 1845 году. Но увы, всѣ эти надежды разлетѣлись прахомъ. Генералъ-губернаторъ Головинъ оказался очень слабымъ. Дѣло присоединенія не могло встрѣчать его энергической поддержки, потому что онъ сохранялъ убѣжденіе въ возможно-скорой перемѣнѣ системы и мнѣнія самого Государя. Военный министръ, графъ Чернышовъ, чтобы подставлять ногу Перовскому, старался, во что̀ ни стало, вредить его планамъ въ Лифляндіи. Многіе изъ состоявшихъ при Головинѣ отличались полнымъ равнодушіемъ къ этому дѣлу, если не сказать болѣе. Чуть ли ни единственнымъ человѣкомъ, горячо преданнымъ церкви и Русскому дѣлу, былъ графъ Д. Н. Толстой, съ которымъ сошелся преосвященный и сохранилъ добрыя отношенія до смерти.

По прибытіи въ Ригу Филаретъ нашелъ дѣло православія почти погибшимъ. Изъ обращенныхъ въ апостольское служеніе Иринарха болѣе половины отпало. Филаретъ писалъ, между прочимъ, графу Протасову: «Надобно сожалѣть, что помѣщики сильно обезпокоены желаніемъ крестьянъ присоединиться къ св. православію. Тревоги пасторовъ естественны, хотя нѣкоторые изъ нихъ доходятъ до изступленныхъ выходокъ противъ православія. Въ искреннихъ разговорахъ въ Ригѣ помѣщики сознавались, что собственно не ослабленіе лютеранства занимаетъ ихъ, но они боятся только того, что а) при православныхъ священникахъ они не будутъ имѣть той безотчетной власти надъ крестьянами, какую имѣли при лютеранскихъ пасторахъ, и б) что имъ вообще хочется удержать въ Лифляндіи дѣла *въ отдѣльномъ видѣ отъ Россіи и не допускать въ нее ничего Русскаго*».

Какъ Русскій человѣкъ, Филаретъ желалъ успѣха дѣлу Русскому. Такъ напримѣръ, когда начали выходить при Московской духовной академіи «Творенія Святыхъ Отцовъ», онъ писалъ Горскому: «Объявленіе о вашемъ журналѣ будетъ разослано по Лифляндіи. Пусть колбасники не чванятся. Ахъ, простите за жесткое слово!» Профессору академіи П. С. Делицыну: «Печатайте, печатайте акты о дѣятельности великаго Ломоносова, великаго Русскаго человѣка. Надобно,

чтобы Россія знала этого человѣка; особенно же нужно, чтобы знали его Нѣмцы и умѣрили свою глупую кичливость предъ Русскими. Пусть были у него свои слабости; но для Русской души дороги и слабости Русскія, не потому только, что онѣ наши, но и потому, что Русскій по этимъ слабостямъ можетъ научаться, какъ отклонять свои слабости. Пора быть намъ учителями себѣ самимъ, а не слушать съ разинутымъ ртомъ что̀ болтаетъ Нѣмецъ или Французъ. Извините, что говорю Русскимъ языкомъ. И однако прибавлю, что странно, отъ чего только Нѣмцы и Чухны въ Академіи, а нѣтъ Мордвы и Чувашъ?» Или вотъ, напримѣръ, отзывъ его о статьѣ архимандрита Іосифа. Указавъ на нѣкоторыя недостатки ея, онъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: «Кто писалъ статью о церкви? Она основательна; это не то, что̀ Французскій кисель».

Ревности Филарета не могла удовлетворить забота о сбереженіи оставшагося православія. Зная хорошо исторію, понимая, насколько несправедливы и противны политическимъ видамъ отечества притязанія бароновъ, онъ желалъ пламенно поставить дѣло присоединенія прочно, оградить отъ козней враговъ, предвидѣлъ торжество церкви и коренное сліяніе края съ обширною Россіей. Для выполненія этой задачи онъ признавалъ необходимымъ установить такую програму:

1) Распредѣлить приходы и соорудить церкви. 2) Чтобы привязать новыхъ членовъ къ церкви, назначать священниковъ изъ ихъ среды; но такъ какъ для этого нужна подготовка, то 3) учредить духовное училище. 4) Съ цѣлію привязать къ церкви доставленіемъ духовнаго утѣшенія въ общественной молитвѣ, ввести богослуженіе на природномъ языкѣ новообращеннымъ, и съ сею цѣлію 5) подготовлять пастырей, знающихъ Латышскій языкъ. 6) Озаботиться объ образованіи народа въ духѣ Русскаго православія, для чего въ замѣнъ лютеранскихъ школъ открыть церковно-приходскія. 7) Облегчить переходъ въ православіе; 8) для сей цѣли поднять уровень мѣстнаго духовенства привлеченіемъ къ этому служенію людей съ высшимъ образованіемъ, академиковъ, для чего 9) обезпечить содержаніе духовенства; 10) съ тою же цѣлію оградить населеніе отъ преслѣдованій и притязаній бароновъ и пасторовъ; 11) чтобы поднять въ глазахъ населенія православіе, защищать его всѣми силами отъ порицаній и оскорбленій со стороны протестантовъ.

Филаретъ составилъ распредѣленіе церквей и приходовъ. По распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, вопросъ о разграниченіи приходовъ, назначеніи мѣстъ для церквей и школъ разрѣшался по соглашенію генералъ-губернатора съ архіереемъ и товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Синявинымъ, командированнымъ въ Ригу по

представленію Перовскаго. Въ совѣщаніи рѣшили послать двухъ священниковъ съ двумя чиновниками для личнаго обзора и соглашенія съ помѣщиками и арендаторами. Командированы были Потуловъ и Шишмаревъ, оба неопытные, только что изъ флота. Филаретъ, предвидя, что бароны, давъ согласіе на словахъ о постройкѣ на ихъ землѣ церкви или школы, могутъ потомъ отречься отъ обѣщанія (чрезъ что̀ дѣло будетъ тянуться безъ исполненія), настаивалъ, чтобы о согласіи каждаго помѣщика чиновники составляли протоколы. Мало еще посвященный въ мѣстную казуистику, Синявинъ былъ противъ этого предложенія; однако Филарету удалось поставить на своемъ. Предложеніе его было внесено такимъ образомъ въ инструкцію. «Архіерей упрямится», замѣчаетъ графъ Д. Н. Толстой. «Я думаю, впрочемъ, что епископъ правъ: иначе поѣздки будутъ безполезны».

Еще въ 1844 году дозволено было открыть православную церковь въ Виндавѣ. Но чего это стоило! Филаретъ представилъ Синоду о необходимости устроить православную церковь въ Виндавскомъ замкѣ, гдѣ была лютеранская церковь, для которой выстроено новое зданіе. Необходимость онъ мотивировалъ отдаленностію Либавской церкви (30 верстъ). Баронъ Паленъ писалъ и Филарету, и графу Протасову, и Перовскому, что этого исполнить вовсе невозможно; потому что всѣ части замка заняты, при чемъ представилъ отзывъ строительной комиссіи, въ которомъ говорится, что еслибъ и не былъ занятъ замокъ, то церкви потому нельзя устроить, что 1) замокъ расположенъ близъ гавани, отъ чего неминуемо можетъ происходить замѣшательство во время отправленія божественной литургіи (какая забота о благочиніи служенія въ православной церкви!); 2) помѣщеніе, предполагаемое для церкви, проходитъ черезъ два этажа, и къ нему непосредственно примыкаютъ конюшня и тюрьма, въ которой по полицейскому порядку должны производиться, и въ воскресные, и въ праздничные дни, во время самой литургіи, полицейскія взысканія (здѣсь забота о возбраненіи въ воскресные и праздничные дни совершать экзекуціи не прилагалась); 3) самая конструкція замка не дозволяетъ поставить алтарь съ иконостасомъ такъ, чтобы они могли быть видны всѣмъ молящимся. Но Перовскій не ограничился этимъ сообщеніемъ, а потребовалъ планъ замка. Разсмотрѣвъ планъ, Перовскій нашелъ, что присутственныя мѣста такъ просторно размѣщены въ замкѣ, что безъ стѣсненія можно очистить помѣщеніе для церкви. Онъ счелъ даже возможнымъ помѣстить церковь, гдѣ предлагалъ архіерей, и устранить неудобства, кои указаны комиссіей, уничтоженіемъ конюшни и воспрещеніемъ въ праздничные дни во время литургіи производить наказанія въ тюрьмѣ. Перовскій мысль свою сообщилъ графу Протасову,

который доложилъ Государю. Этотъ докла́дъ вселилъ сомнѣніе въ Государѣ на счетъ чистоты дѣйствій барона Палена. Весьма вѣроятно, что графъ Протасовъ одновременно доложилъ и письмо Филарета, въ которомъ излагалось, какъ гауптманъ Ренне, возвратившись изъ Митавы, разсказывалъ, что губернаторъ обѣщалъ настоять, чтобъ православная церковь не была устроена въ замкѣ, гдѣ онъ жилъ, а въ особомъ безобразномъ домѣ, окруженномъ корчмами, чтó и будетъ сдѣлано, не смотря на распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ. Государь по докладу графа Протасова приказалъ исполнить, чтó очень озадачило всю Нѣмецкую партію съ барономъ Паленомъ во главѣ.

Противодѣйствіе устройству церквей доходило до того, что полковника Пистолькорса, построившаго на своей мызѣ церковь, оштрафовали за такую измѣну протестантству 50-ю рублями.

Генералъ-губернаторъ Головинъ, посѣтивъ Аренсбургъ и найдя тамъ церковь въ полуразрушенномъ видѣ, изъявилъ Филарету готовность войти съ представленіемъ о ея исправленіи. Подождавъ до осени 1845 года, Филаретъ сообщилъ запискою о состояніи церкви графу Протасову, указывая, что ее придется запечатать. Какъ видно, генералъ-губернаторъ хотѣлъ успокоить Филарета своимъ вызовомъ, а тѣмъ временемъ церковь по ветхости могла быть закрыта. Слѣдившій за всѣмъ, чтó касалось православія, Филаретъ не позволялъ себя убаюкивать обѣщаніями, а пождавъ нѣкоторое время, самъ принялся за дѣло, хотя дѣло это, при неудовольствіяхъ военнаго министра съ Перовскимъ, трудно было двинуть впередъ, такъ какъ церковь Аренсбургская состояла въ вѣдѣніи Военнаго Министерства.

Еще въ первый годъ Филаретъ убогую свою и тѣсную домовую церковь расширилъ и привелъ въ благолѣпный видъ. Онъ мечталъ устроить, по совѣту своего преемника по академіи ректора Евсевія, монастырь и утѣшалъ, что «Богъ дастъ заведутся монашики». Хотя этого ему не удалось устроить, но, получивъ для архіерейскаго загороднаго дома отъ одного жертвователя, потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Александровича Комарова, дачу Эйхенбергъ (дубовая гора, гдѣ и нынѣ есть дубы величественныхъ размѣровъ), онъ устроилъ тамъ что-то въ родѣ скита, съ церковью во имя Рождества Іоанна Предтечи.

Всего болѣе заботило Филарета то, что разбросанная паства его, не имѣя церквей и священниковъ, лишена была утѣшенія молиться въ храмѣ и возможности удовлетворять своимъ духовнымъ потребностямъ, черезъ чтó самое познавать глубже и укрѣпляться въ новой вѣрѣ. Филаретъ хлопоталъ о сооруженіи церквей. Но хотя и выдана была на этотъ предметъ сумма изъ государственнаго казначейства, но на сооруженіе нужно время. Къ тому же потребность въ церквахъ воз-

растала по мѣрѣ распространенія православія среди Латышей. Филаретъ ходатайствовалъ о сооруженіи временныхъ церквей. Государь разрѣшилъ и этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Еще въ 1843 г., выѣзжая обозрѣть епархію, Филаретъ въ немногихъ словахъ выражаетъ ея состояніе: «Я нынѣ собираюсь въ путь, странствовать по Нѣмецкой Лифляндіи, чтобы отыскивать бѣдное православіе, кроющееся въ ея углахъ, какъ пташку въ грозную бурю». О томъ же пишетъ графъ Д. Н. Толстой: «Положеніе вновь присоединившихся жалкое. Ихъ уже 12 тысячъ, разсѣянныхъ по цѣлой Лифляндіи. Не имѣя никакой компактной связи, а слѣдовательно и никакой силы, они подвергаются всякаго рода лишеніямъ. Нищета и голодъ ихъ преслѣдуютъ, и никто не только не хочетъ, но и не смѣетъ подать руку помощи. Они умираютъ—имъ отказываютъ въ могилахъ. Приказано впредъ до отвода мѣстъ для кладбищъ хоронить на лютеранскихъ; пасторы противятся. Сегодня писали губернатору, чтобъ настоялъ на дознаніи. Жалко! Никто, ни даже за высокую плату, не хотѣлъ уступать помѣщенія для храма Божія. Хотя бы ненужная развалина, и ту нельзя было пріобрѣсти для этой цѣли».

По открытіи богослуженія на Латышскомъ языкѣ въ Покровской церкви, Филаретъ, находя ее неудобною, ходатайствовалъ о сооруженіи особаго храма. По своему правилу излагать дѣло съ полною ясностію, дабы ни въ чемъ не встрѣтить отпора, онъ и настоящее ходатаиство обставилъ самыми вѣскими доводами. Такъ онъ писалъ графу Протасову: «О Рижской Латышской церкви необходимо войдти въ новое разсмотрѣніе. а) Кладбищенская Покровская церковь находится за городомъ, въ концѣ Петербургскаго кладбища; вблизи сей церкви очень мало жилищъ, отъ центра города она верстахъ въ пяти; посему инымъ изъ православныхъ Латышей приходится ходить къ ней верстъ за 8 и 9, ни одному же не ближе трехъ верстъ. Это и въ теплое время тяжело, но зимою для иныхъ невозможно. б) Покровская церковь холодная; а теплою, при ея ветхости и устройству съ куполомъ, трудно сдѣлать. в) Эта отдаленность Покровской церкви и неудобство ея для зимы выставляется нѣкоторыми изъ Латышей причиною того, что они и доселѣ не рѣшаются присоединиться къ православію мѵропомазаніемъ и изъявляютъ готовность принадлежать къ православію, коль скоро назначенъ будетъ удобный храмъ. Эти неудобства были въ виду и тогда, какъ происходило дѣло о назначеніи церкви для Латышскаго богослуженія; но другаго ничего нельзя было сдѣлать». Указавъ, почему ни одна изъ городскихъ церквей не можетъ быть уступлена для Латышскаго богослуженія, Филаретъ признаетъ необходимымъ устроить особую церковь для Латышей и ука-

зываетъ мѣсто—на форштадѣ, какъ болѣе населенномъ Латышами. Но какъ на форштадѣ по закону о крѣпостяхъ каменныя постройки возводить воспрещается, онъ предлагаетъ перевести переданную въ его вѣдѣніе деревянную гошпитальную церковь, на что полагаетъ достаточно употребить 1000 р. сер. При этомъ, предвидя разныя возраженія, Филаретъ объясняетъ: «Лютеранскіе горожане, какъ извѣстно, готовы спорить за мѣсто, гдѣ бы надлежало поставить православную церковь; говорятъ, что они сами поставятъ тамъ лютеранскую кирху, въ которой имѣютъ нужду. Но въ этомъ болѣе упорства противъ православія, чѣмъ нужды для лютеранства. Для кирхи можетъ быть отведено другое мѣсто; городу принадлежитъ не только вся земля, занимаемая городомъ и форштадами, но и въ окрестности на 10 верстъ. Между тѣмъ мѣсто, гдѣ нужно было поставить православную церковь, и прежде было подъ православною церковью; только послѣ пожара 1812 года поставлена Александровская (прежде Живоноснаго Источника) на другомъ мѣстѣ. Что касается до опасенія, не стали бы Латыши считать своей церкви какою-то особою отъ православной, если они будутъ имѣть особый молитвенный храмъ; то: а) все, что̀ доселѣ видно въ образѣ мыслей ихъ, не подтверждаетъ сего опасенія. Они сперва сильно желали, чтобы имъ дозволено было сидѣть на скамейкахъ въ храмѣ; для старыхъ и слабыхъ по снисхожденію дозволено было поставить по скамейкѣ около стѣны. Но теперь они сами вынесли эти скамейки и говорятъ, что передъ Господомъ точно приличнѣе стоять, чѣмъ сидѣть. Объ органѣ теперь уже ни слова. Они вообще полюбили всѣ православные обряды и не находятъ въ своемъ прежнемъ ничего лучшаго. Очень рады и молитвословію надъ рождающимися младенцами, и крещенію ихъ, и погребенію мертвыхъ. Единственное, что́ изъ прежняго они удерживаютъ, это пѣніе своихъ молитвъ въ вечерню, иногда въ утреню. Но это необходимо потерпѣть даже и потому, что изъ православной службы такъ мало еще переведено на Латышскій языкъ. б) Латыши вовсе не чуждаются того, что православные, знающіе Латышскій языкъ, раздѣляютъ съ ними моленіе. Русскіе православные съ своей стороны стали бы чаще чѣмъ теперь посѣщать Латышское богослуженіе, когда была бы церковь на предполагаемомъ мѣстѣ: тогда близко было бы ходить въ храмъ. Ничто не препятствовало бы и тогда поставить въ правило, чтобы въ сей церкви совершалось богослуженіе какъ на Латышскомъ, такъ и на Славянскомъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ Рижскихъ Латышей хорошо знаютъ Русскій языкъ и могутъ понимать Славянскую службу». Нѣтъ сомнѣнія, что такія обстоятельныя записки, знакомя хорошо оберъ-прокурора съ дѣломъ, облегчали ему и доклады

его Государю, а чрезъ что возвышали значеніе самаго Филарета въ глазахъ графа Протасова.

Вопреки безучастію и сопротивленію мѣстныхъ властей, Филаретъ открылъ 63 прихода изъ новоприсоединенныхъ, устроилъ 20 постоянныхъ церквей и 43 временныхъ, изъ коихъ 9 въ домахъ военнаго постоя. «Боголюбивый графъ!» писалъ онъ графу Д. Н. Толстому, 23 Апрѣля 1847 г., «виждь писаніе нѣкоего боголюбца и добролюбца, усердствующа совершити приношеніе св. храму православныя нашея вѣры, да азъ какожде разсужду дѣло его, нѣсть благо лично ми. Прошу же и молю боголюбивую ти душу, да еще возможеши, примеши на ся дѣло и разсудиши право. О семъ молитъ твою свѣтлость недостойный молитвенникъ, убогій Филаретъ епископъ.»

Филаретъ понималъ, что для утвержденія церкви необходимо дать Латышамъ своихъ священниковъ изъ людей болѣе просвѣщенныхъ между ними. Такъ, въ Мартѣ 1845 г., присоединивъ Давида Баллода онъ сначала рукоположилъ его во діакона, а 10-го Февраля 1846 г. опредѣлилъ священникомъ Лаудонской Предтеченской церкви. Баллодъ пользовался извѣстностью среди Латышей, и за нимъ цѣлыя поселенія готовы были перейдти въ православіе. Предупреждая такую возможность, интрига успѣла вызвать распоряженіе мѣстнаго начальства, чтобы священники неиначе объѣзжали приходъ свой для выполненія требъ, какъ въ сопровожденіи чиновника. Если принять въ соображеніе, что Лифляндскіе поселяне живутъ хуторами въ одинъ и три двора, то такое распоряженіе было равносильно обреченію священника не выходить изъ своего дома. Къ тому же изъ чиновниковъ генералъ-губернатора, замѣчаетъ графъ Толстой, «трое въ командировкѣ, двое при постоянной обязанности неотлучны оставались; а присоединившихся до 14 тыс. душъ. Сколько умирающихъ, требующихъ послѣднихъ утѣшеній религіи! А священникъ, вмѣсто того, чтобы исполнять долгъ свой, долженъ посылать въ Ригу за чиновникомъ». Какою болью отзывалось это въ сердцѣ Филарета! «Да, Московскіе святители отвергли меня, какъ недостойнаго. Такъ надобно по грѣхамъ моимъ», писалъ онъ.

Назначеніе пастырей изъ среды Латышей, безъ подготовки ихъ, могло удовлетворить, и то отчасти, настоятельной нуждѣ; но надлежало озаботиться о предоставленіи возможности Латышамъ имѣть своихъ пастырей болѣе просвѣщенныхъ, знающихъ дѣло не только по духу, но и по разуму. И Филаретъ, вскорѣ по прибытіи, возбудилъ ходатайство объ открытіи духовнаго училища. Уже 11-го Декабря 1842 г. онъ сообщалъ Горскому объ исполненіи его представленія по этому

предмету. «Благодареніе Господу! Учители еще не пріѣхали, но ученики почти всѣ здѣсь; остались послѣ вакаціи въ надеждѣ». И какъ онъ торопился этимъ дѣломъ! Чтобъ ускорить открытіе, заручившись вѣроятно обѣщаніемъ разрѣшить его ходатайство объ училищѣ, онъ удержалъ мальчиковъ. Многіе изъ нихъ, въ особенности лишившіеся родителей во время гоненій, были принимаемы на казенный счетъ.

На докладѣ графа Протасова, 12-го Марта 1844 года о желающихъ присоединиться, Государь добавилъ, чтобы «богослуженіе совершалось на Латышскомъ языкѣ, для чего нѣтъ необходимости строить особую церковь, а совершать богослуженіе можно въ одной изъ Рижскихъ православныхъ церквей». Мѣра эта имѣла благодѣтельное послѣдствіе. Филаретъ немедленно занялся переводомъ богослужебныхъ книгъ на Латышскій языкъ. Онъ поручилъ это лицу свѣдующему, Михайлову, пользовавшемуся уваженіемъ, а затѣмъ посвятилъ его въ священники. 21-го Апрѣля 1845 г. Филаретъ торжественно присоединилъ десять Латышей изъ Гернгутерскаго общества, а на Ѳоминой недѣлѣ въ Покровской церкви открылъ богослуженіе на Латышскомъ языкѣ. Совершалъ о. Яковъ Михайловъ, чтецами были новообращенные Карлъ Эрнестъ и Баллодъ, а пѣли пѣвчіе архіерейскаго хора, знавшіе полатышски. Впечатлѣніе было невыразимое. Церковь не могла вмѣстить приходящихъ. И присоединившіеся, и Нѣмцы, знающіе Латышскій языкъ, шли въ эту церковь. Свидѣтельствуютъ, что послѣ этого движеніе Латышей къ православію было такъ сильно, понеслось такою широкою волною, что захватывало даже Рижскихъ раскольниковъ, которые до того, совокупно съ Нѣмцами, дѣйствовали противъ православія.

Филарету приходилось вводить эту мѣру съ осмотрительностію, потому что противодѣйствіе мѣстныхъ властей было сильное. Такъ писалъ онъ графу Протасову: «Относительно Латышскаго богослуженія въ Венденѣ, которое непостоянно открывается тамъ, надобно имѣть въ виду еще и положеніе обстоятельствъ въ Венденѣ. Епископу давно было извѣстно, что въ Венденѣ не любятъ Латышскаго православнаго служенія. На мѣстѣ, во время освященія храма, это было видно еще болѣе. Епископа не разъ и съ жаромъ вызывалъ графъ С... къ отвѣтамъ на вопросы: «Зачѣмъ Лютеранъ хотятъ дѣлать православными? Зачѣмъ не обращаютъ ревности на Жидовъ и Магометанъ?» и пр. Епископъ долго и со всею любовію старался утишать смущеніе разсужденіями и на послѣдній вопросъ вынужденъ былъ, наконецъ, сказать: «Ваше с—во, всѣхъ Евреевъ предоставляю вашимъ пасторамъ». При такомъ расположеніи Вендена, для епископа представилось лучшимъ

дѣломъ «сперва ввести одно Славянское богослуженіе, а по времени, когда благоразуміе будетъ заступать мѣсто смущенія, открыть и Латышское, что́ и имѣетъ быть съ прибытіемъ дѣйствительныхъ священника и діаконовъ въ Венденъ».

Одного духовнаго училища было недостаточно, чтобы удовлетворить потребности въ священнослужителяхъ. Во первыхъ, нѣсколько лѣтъ еще должно пройдти прежде чѣмъ дождаться перваго выпуска. Вовторыхъ, сколько лѣтъ затѣмъ должно пройти прежде, чѣмъ нѣсколько выпусковъ могли бы укомплектовать требуемый составъ духовенства. Между тѣмъ, по мѣрѣ распространенія православія среди Латышей, должна возникать потребность въ увеличеніи приходовъ. По этимъ соображеніямъ Филаретъ представилъ объ усиленіи преподаванія въ Псковской семинаріи Латышскаго и Эстонскаго языковъ. Представленіе его было уважено. Не ограничиваясь этимъ, онъ набиралъ въ священники кого могъ, изъ людей добронравныхъ и знающихъ Латышскій языкъ. Такъ онъ посвятилъ бывшаго бухгалтера въ имѣніи графа Шереметева, Михайлова, который зналъ кромѣ Русскаго языка языки Латышскій, Нѣмецкій и Французскій. Затѣмъ онъ посвятилъ нѣкоторыхъ чиновниковъ испытанной нравственности, знавшихъ Латышскій языкъ, какъ напримѣръ Павловскаго, учителя Трескина и многихъ другихъ, представляя о каждомъ изъ нихъ въ запискахъ оберъ-прокурору, въ которыхъ указывалъ на нравственную ихъ сторону.

Вмѣстѣ съ этимъ Филаретъ излагаетъ свое мнѣніе въ отвѣтъ на вопросы, такъ часто слышанные имъ и восходившіе, по всему вѣроятію, выше. «Люди, готовые судить о вещахъ, которыхъ не знаютъ и не въ состояніи знать, могутъ говорить и частію говорятъ: кѣмъ замѣнитъ православіе ученыхъ пасторовъ? На это отвѣтъ совѣсти такой: а) Пусть разсуждаютъ сколько угодно о своихъ дѣлахъ и не безпокоятся о дѣлахъ чужихъ; каждый за себя въ отвѣтѣ передъ Богомъ и людьми. б) Православіе должно молить Господа, чтобы священники Его не были похожи на лютеранскихъ Лифляндскихъ пасторовъ, которыхъ паства бросаетъ какъ людей занятыхъ не паствою, а деньгами, суетностію и жизнію болѣе чѣмъ непорядочною. в) Рижскій епископъ, назначая извѣстныя лица къ должности священнической, уповаетъ о Господѣ, что эти лица не постыдятъ его ни предъ Богомъ, ни предъ людьми добрыми; о судѣ же дурныхъ или недальновидныхъ людей не считаетъ нужнымъ заботиться. При выборѣ лицъ на должность священническую онъ прежде всего смотритъ на жизнь и христіанскій духъ выбираемыхъ. И въ этомъ онъ утверждается не только на повелѣніяхъ Слова Божія, но и на требованіяхъ новоприсоединяющихся къ православію. Тѣ, которые въ священникѣ Лифляндскихъ крестьянъ

желаютъ видѣть прежде всего высокопарную Нѣмецкую ученость, слишкомъ мало знаютъ нужды здѣшнихъ крестьянъ и судятъ о дѣлѣ, какъ говорится, съ вѣтру, или, что̀ тоже, на манеръ Европейскихъ верхоглядовъ. Безжизненная, эгоистическая ученость лютеранскихъ пасторовъ слишкомъ уже надоѣла здѣшнимъ крестьянамъ, и они гнушаются ею. Имъ нуженъ священникъ полный любви христіанской, простой въ обращеніи, ласковый въ разговорѣ, дышащій благочестіемъ, готовый скорбѣть скорбями ихъ, радоваться радостями ихъ, молиться за нихъ вмѣсто нихъ. Они твердятъ теперь же: «Какъ это хорошо, что въ Русской службѣ молятся и за больныхъ, и за заключенныхъ въ тюрьмѣ, и за всѣхъ страждущихъ». Въ Рижской церкви діаконъ Давидъ читаетъ теперь каждое воскресенье служеніе-поученіе; но это не производитъ такого дѣйствія на простыя сердца, какъ простыя церковныя молитвы. Не разъ случалось слышать отъ присоединившихся: «вотъ теперь мы молимся за себя и за близкихъ сердцу; а то пасторы молились только за себя, когда только молились, а мы вовсе не молились; теперь мы молимся за Царя, благодѣтеля нашего, чего у насъ не бывало». Они рады теперь, когда священникъ поговоритъ съ ними о ихъ домашнемъ бытѣ; а если епископъ найдетъ время спросить у нихъ о чемъ-нибудь съ любовію, то бываютъ въ восторгѣ. Что̀ касается до познаній, то епископъ смотритъ, чтобы въ священникѣ было ихъ не болѣе какъ столько, сколько нужно для крестьянскаго пастыря. Бо̀льшаго искать—значитъ искать неразумнаго. А тѣ, которые предназначаются теперь для званія священническаго, всѣ имѣютъ такія познанія въ самой удовлетворительной мѣрѣ. Правда, они не всѣ могутъ дѣлать комплименты баронамъ, не всѣ могутъ шаркать ногами по паркету, не обучены проводить время за картами съ помѣщиками, не играютъ на фортепіанахъ, не лепечутъ пофранцузски; но не стыдно ли за тѣхъ, которые восхищаются такими качествами въ лютеранскихъ пасторахъ?»

Одновременно съ Филаретомъ подвизавшійся на пользу Русскаго дѣла въ Лифляндіи, графъ Д. Н. Толстой высказываетъ на счетъ духовенства для Латышей тѣже мысли, хотя къ такому положенію онъ приходитъ инымъ путемъ. «Вездѣ, гдѣ духовенство сообычно и соправно народу, религія тверда. Вотъ почему Русскій народъ столь привязанъ къ церкви; потому же и Нѣмцы вѣрны своей религіи: образованность ихъ и пасторовъ ровна. Но не то съ Латышами; воззрѣнія ихъ совершенны различны отъ взгляда пасторовъ, черезъ чуръ для нихъ образованныхъ. Духовенство смотритъ на нихъ не какъ на паству, а какъ на пастбище, на которомъ само пасется».

Записка Филарета, представленная графу Протасову, важна во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ она указываетъ на особенную дальновидность Филарета. Знакомя мало свѣдущаго въ дѣлахъ церкви оберъ-прокурора съ тѣми понятіями и доводами, кои всего сильнѣе могутъ служить возраженіемъ противъ жалобъ на недостатокъ образованности православнаго духовенства въ сравненіи съ пасторами, онъ тѣмъ влагаетъ въ его руки оружіе противъ враговъ православія. Для него не было сомнѣнія въ томъ, что послѣдніе желаютъ пустить въ ходъ высказанныя мысли, чтобъ добиться въ высшей нашей сферѣ охлажденія къ дѣлу православія въ Лифляндіи. Во вторыхъ, записка эта даетъ понять, что положеніе Филарета въ Петербургѣ, такъ сказать, окрѣпло. Несомнѣнно, что удаленіе б. Палена облегчило нѣсколько положеніе Филарета; но надо было сверхъ того личными качествами купить себѣ довѣріе въ Петербургѣ, такъ какъ съ перемѣною генералъ-губернатора общій порядокъ дѣлъ въ Лифляндіи мало измѣнился къ лучшему; развѣ нѣсколько ослабѣла клевета на Филарета. Но зато при Суворовѣ вернулись для него и для православія времена б. Палена. Этотъ правитель, по словамъ одного современника, «славный именемъ предка, но не своими дѣяніями», былъ страшнымъ бичемъ православія. Въ третьихъ, записка знакомитъ насъ съ осмотрительностію Филарета въ выборѣ священниковъ, такъ какъ ничто не могло столько поддержать значеніе церкви въ глазахъ простаго народа, какъ достойные ея пастыри.

Не ограничиваясь тщательнымъ выборомъ пастырей для молодой своей паствы, Филаретъ старался очистить церковь отъ тѣхъ пастырей, которые своимъ образомъ дѣйствій могли повредить православію. Отъ такихъ священниковъ просилъ Филаретъ «вседушно и всепокорно» графа Протасова освободить Ригу, и безъ того страждующую разными болѣзнями, которыя надлежало врачевать; «иначе я», писалъ онъ, «не въ состояніи здѣсь ничего сдѣлать; надежда только на новыхъ сотрудниковъ». Но въ этомъ онъ встрѣчалъ значительный отпоръ со стороны своего епархіальнаго архіерея, Псковскаго архіепископа Наѳанаила. Человѣкъ старый, хилый, Наѳанаилъ легко поддавался интригѣ. Всякій священникъ, недовольный Филаретомъ, обращался подъ защиту епархіальнаго архіерея, стараясь снискать его расположеніе клеветою на своего пастыря и тѣхъ священниковъ, кои добросовѣстнымъ исполненіемъ своего дѣла снискали расположеніе Филарета. Доносы принимались Наѳанаиломъ безъ всякой провѣрки. Говорятъ, что Наѳанаилъ съ какимъ-то неудовольствіемъ смотрѣлъ на распространеніе православія между Латышами, опасаясь за свое значеніе. Мы не можемъ конечно судить, насколько это справедливо, и склонны пред-

полагать здѣсь другую причину—старческую слабость. Какъ бы то ни было, но это производило разладъ между двумя архипастырями, затрудняя немало и безъ того стѣсненную дѣятельность Филарета. Особенно много горя принесъ ему протоіерей Кунинскій. Приведемъ его письмо, чтобы ознакомиться съ тѣми недостойными пріемами, къ которымъ прибѣгали для возстановленія епархіальнаго архіерея противъ его викарія. «Ходъ дѣла объ обращеніи къ православію Латышей и Чухонцевъ для меня, непосвященнаго въ таинства такого дѣла, былъ и есть тайна, проявлявшаяся отчасти кое въ какихъ феноменахъ по обстоятельствамъ и ходу дѣлъ темныхъ, но нѣсколько освѣщавшихъ дѣло по догадкамъ. Притомъ все, чтó я могъ узнать, то сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ не въ то время, когда (если было тайно производимо какое сѣяніе) былъ посѣвъ, или полагалось основаніе для епархіальнаго удѣла, но позже. Не въ то время, потому что я 2-го Іюня, когда о дѣлѣ распространенія православія не было никакихъ слуховъ, отправился въ отпускъ и возвратился на 25 число въ ночи, когда уже дѣло открылось и происходила секретная переписка генералъ-губернатора и гражданскаго губернатора съ его преосвященствомъ. Если на дѣло обращенія Латышей и Чухонъ смотрѣть нынѣ не только какъ на предпріятіе распространить православіе въ здѣшнемъ краѣ, по возможности пользуясь свободнымъ расположеніемъ иновѣрцевъ къ православной вѣрѣ, *но какъ на предпріятіе положить основаніе новой епархіи,* то кажется такое предпріятіе *предупредило* происшедшее въ прошедшемъ году волненіе *тремя или четырьмя годами.* Ибо еще въ то время, когда бывшая уніатская духовная коллегія заботилась о сближеніи уніи съ древнимъ православіемъ и дѣло предвѣщало благопріятныя послѣдствія, Лукьянъ Анненковъ *), служившій при особѣ его преосвященства, въ половинѣ 1838 года, говорилъ мнѣ положительно, что въ здѣшнемъ краѣ образуется особая епархія чрезъ присоединеніе уніатовъ и что къ удѣлу Рижскаго викаріатства присовокупится губернія Виленская. Это я слыхалъ отъ Лукьяна неоднократно; но говорилъ ли онъ о томъ другимъ, того не знаю. Лукьянъ же человѣкъ незначительный, говорилъ вѣрно не свое; онъ, не знаю какъ, проразумѣвалъ многія тайны и оказывался провидцемъ многихъ обстоятельствъ».

Надобно замѣтить, что учрежденіе самостоятельной Лифляндской епархіи было собственною мыслью Государя Николая Павловича. Св. Синодъ, пожалуй, взглянулъ на дѣло болѣе узкимъ взглядомъ,

---

*) Келейникъ преосвященнаго Иринарха.

измѣривъ его числомъ исповѣдующихъ православную вѣру, и въ отвѣтъ на мысль Государя представилъ объ учрежденіи лишь викаріатства. Такой порядокъ, какъ впослѣдствіи оказалось, ставилъ много препятствій и затрудненій въ веденіи дѣла. Можетъ быть, преосвященный Иринархъ и высказывалъ свой взглядъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ невыгода отъ установленнаго порядка, при его апостольскомъ служеніи, отзывалась весьма чувствительно для дѣла. Но это былъ взглядъ, а отнюдь не планъ для дѣйствій.

Протоіерей Кунинскій шелъ далѣе въ своемъ письмѣ; онъ сообщалъ, какъ, во время голода, когда Латыши бродили толпами, ища себѣ помощи и защиты противъ помѣщиковъ, тотъ же Лукъянъ говорилъ ему: «Вотъ, о. протоіерей, вамъ случай получить отличіе! Вразумляли бы вы Латышей-то, чтобы они обратились къ православію, тогда Государь и просьбу-то ихъ уважилъ бы. Да ужели же здѣсь вѣчно быть викаріатству? Кабы болѣе православныхъ, такъ владыка нашъ постарался бы учредить здѣсь особую епархію. Эта мысль не холопская», замѣчаетъ писавшій. Далѣе онъ налагаетъ тѣнь на священниковъ Михаила Заболоцкаго и Николая Фасанова, причемъ очень прозрачно сквозитъ зависть по поводу обѣщанной первому награды. Потомъ идетъ извѣтъ на архіерея, что онъ во время всенощной службы, призвавъ къ себѣ дьякона Петра Попова, заставилъ писать у себя прошенія Латышей (отъ 136 семействъ) и обѣщалъ его поставить протопопомъ въ Латышскую церковь.

Не упустилъ упомянуть сочинитель этого доноса и о томъ, что священники Заболоцкій и Фасановъ часто бываютъ у архіерея, что все дѣло держится ими въ секретѣ и что вообще всѣмъ, служащимъ въ архіерейскомъ домѣ строго наказано не проговариваться и внушено заранѣе, что́ и какъ отвѣчать на вопросы.

Препровождая это письмо въ подлинникѣ къ митрополиту Серафиму, преосв. Наѳанаилъ писалъ ему, по вызовѣ Заболоцкаго и Фасанова въ Петербургъ: «Вмѣсто К. употреблены были въ дѣло находящіеся нынѣ въ С.-Петербургѣ священники Фасановъ и Заболоцкій. Чрезъ нихъ-то безъ сомнѣнія внушена мысль Латышамъ объ освобожденіи ихъ отъ помѣщиковъ чрезъ присоединеніе къ Русской церкви. Такъ въ послѣдствіи сами объ этомъ открыто Латыши говорили (?). О ходѣ дѣла никто не зналъ, кромѣ священниковъ Фасанова и Заболоцкаго, кои часто приходили въ домъ преосвященнаго и въ квартирахъ своихъ имѣли совѣщанія. Между тѣмъ однакоже мѣстная полиція (это было въ послѣднихъ числахъ Іюня), видя необыкновенное движеніе крестьянъ въ городѣ и замѣчая, что они особенно толпились около архіерейскаго дома и квартиры священника Заболоцкаго, принимала

свои мѣры» и т. д. Письмо это конечно имѣло большое значеніе въ дѣлѣ Иринарха.

И вотъ съ такимъ лицомъ, какъ протоіерей Кунинскій, долженъ былъ служить Филаретъ! Вѣроятно онъ узналъ о той роли, какую игралъ Кунинскій въ дѣлѣ Иринарха. Впрочемъ Кунинскій успѣлъ уже показать себя и при Филаретѣ. Филаретъ настоятельно просилъ Наѳанаила объ увольненіи Кунинскаго отъ должности члена правленія. Хотя Филарету и удалось добиться его увольненія, но все-таки онъ оставался въ Ригѣ, по возможности вредя православію. Наконецъ, Филаретъ въ Маѣ 1846 г. написалъ оберъ-прокурору: «Разъ уже просилъ я ваше сіятельство объ употребленіи содѣйствія вашего тому, чтобы протоіерей Кунинскій выведенъ былъ изъ Риги. Теперь снова покорнѣйше прошу о томъ же, какъ объ одной изъ настоятельныхъ нуждъ здѣшняго мѣста. 1) Одно уже то, что Кунинскій, по званію своему первый помощникъ епископу, не занимаетъ никакихъ должностей по управленію епархіальному, говоритъ, что этотъ человѣкъ совершенно ненуженъ для здѣшняго мѣста; и поелику онъ праздно занимаетъ мѣсто главнаго помощника въ епархіальномъ управленіи, которое съ пользою могъ бы занимать другой, то долженъ быть замѣщенъ другимъ способнымъ, съ выводомъ его съ праздно-занимаемаго мѣста. 2) Съ самаго пріѣзда моего въ Ригу увидѣлъ я въ Кунинскомъ человѣка вздорливаго, неспособнаго ни съ кѣмъ ужиться, такъ что всѣ священники, діаконы и причетники одинъ за другимъ приносили мнѣ на него жалобы въ оскорбленіяхъ, претерпѣваемыхъ отъ Кунинскаго—тогда перваго члена правленія и благочиннаго. Положивъ за правило снисходить къ слабостямъ и побѣждать благимъ злое, я старался водворять миръ личными увѣщаніями какъ оскорбляемымъ, такъ и оскорбляющимъ. Но вздорливость характера не смягчалась; напротивъ, въ дѣлахъ правленія оказывалась до того, что надобно было употреблять особенныя усилія къ сокращенію зла. Наконецъ, истощившись въ средствахъ и силахъ, я вынужденъ былъ просить высокопреосвященнѣйшаго Наѳанаила, чтобъ онъ удалилъ Кунинскаго отъ участія въ правленіи». Указавъ затѣмъ на страсть къ сутяжничеству, денежныя растраты и сокрытіе обстоятельствъ дѣла, на полное неповиновеніе распоряженіямъ Св. Синода, Филаретъ заключаетъ: «Наконецъ, пр. Кунинскій въ послѣднее время началъ вступать въ тайныя сношенія съ Нѣмецкою партіею въ Ригѣ. Это поведеніе Кунинскаго по особеннымъ обстоятельствамъ края выставляетъ его совершенно-нестерпимымъ въ вѣдомствѣ Рижскаго епископа. Епископъ встрѣчаетъ множество непріятностей и чрезвычайныхъ затрудненій для дѣла православія со стороны Нѣмцевъ; но имѣть еще домашняго

врага православію уже слишкомъ тяжело, такъ что если Кунинскій не будетъ выведенъ *безъ промедленія времени* изъ Риги, нынѣшній епископъ едва ли найдется въ состояніи исполнять возложенное на него дѣло православія».

Такой рѣшительный тонъ письма свидѣтельствуетъ, что чаша терпѣнія для Филарета переполнилась. Въ прежнемъ своемъ представленіи онъ упоминалъ, что Кунинскій не явился къ нему, будучи вызванъ вслѣдствіе отношенія оберъ-прокурора съ сообщеніемъ высочайшаго повелѣнія. «Я тогда прикрылъ грѣхъ его, ожидая исправленія», сознавался Филаретъ. А между тѣмъ въ тоже время Наѳанаилъ въ письмѣ къ графу Протасову атестовалъ Кунинскаго съ самой лучшей стороны. Вотъ какую борьбу приходилось выдерживать Филарету въ епархіальныхъ дѣлахъ своихъ съ людьми, которые должны были служить одной съ нимъ цѣли.

Заботясь объ образованіи новопросвѣщенныхъ въ духѣ Русскаго православія, Филаретъ желалъ открыть церковно-приходскія школы. Онъ составилъ програму, которая и застряла въ канцеляріи генералъ-губернатора. Толкалъ во всѣ двери Филаретъ прежде, чѣмъ дѣло доведено было до конца. «Не примете ли на себя трудъ похлопотать о введеніи правилъ обучающихся въ дѣло?» писалъ онъ графу Толстому. «Писалъ, писалъ, просилъ, просилъ, просилъ, а дѣло не подвигается ни на пядь. Между тѣмъ крестьяне сильно скорбятъ, а враги смѣются. Пусть бы измѣнили положеніе, какъ хотятъ; но оставлять дѣло въ нерѣшенномъ положеніи цѣлые годы и дѣло при такихъ обстоятельствахъ, каковы обстоятельства Лифляндіи—это превышаетъ всѣ силы терпѣнія. Если уже о самомъ существенномъ дѣлѣ для святой вѣры такъ мало заботъ, почему же требуютъ отъ меня каменнаго терпѣнія? Жалѣютъ и вола».

«Чтобы сказать вамъ пріятное, прибавлю: печатается на Русскомъ языкѣ граматика Эстская и граматика Латышская», писалъ Филаретъ Горскому Не безъ цѣли конечно эти руководства составлены на Русскомъ языкѣ: какъ для лучшаго ознакомленія съ мѣстнымъ языкомъ Русскихъ людей такъ и еще болѣе для ознакомленія съ языкомъ Русскимъ мѣстныхъ туземцевъ, которыхъ желалось Филарету обратить въ Русскихъ по всему. Съ этою же цѣлію подъ его руководствомъ составленъ былъ и напечатанъ букварь Латышскій съ Русскимъ и Славянскимъ, и все на его средства.

Но «вода пробиваетъ камни», и своею настойчивостію Филаретъ все-таки успѣлъ вывести на свѣтъ Божій благое дѣло: при каждой церкви открыты были школы. Нынѣ дѣло это значительно развилось: независимо церковно-приходскихъ школъ учреждены вспомогательныя.

Такъ какъ населеніе живетъ разбросанно, по одному по большей части двору, одинъ отъ другаго на довольно значительномъ разстояніи, то и приходы растянуты на 20, 30, 40, и болѣе верстахъ, а потому въ такихъ вспомогательныхъ школахъ нужда настоятельная. Жажда къ ученію была замѣчательная. Въ Понедѣльникъ утромъ являлись мальчики съ хлѣбомъ и кое-какою провизіею въ школу и оставались до Субботы, когда брали ихъ родители домой. Такой порядокъ впрочемъ остается и понынѣ.

Познакомивъ ген. губернатора Головина съ высочайше утвержденной инструкціей, данной Рижскому епископу, Филаретъ просилъ его предложить губернатору снабдить командированнаго имъ на мызы Латышскаго священника ордеромъ. По этому ордеру обязательно долженъ явиться мызный судья для присутствія при отобраніи священникомъ подписокъ о желаніи присоединиться. Но, такъ какъ мызный судья подъ какимъ-либо видомъ можетъ уклониться и поѣздка священника сдѣлается безполезною, то Филаретъ просилъ, чтобы по ордеру этому предоставлено было право священнику требовать для указанной цѣли или волостнаго судью, или волостнаго правителя.

Губернаторъ обѣщалъ послать лишь предписаніе, чтобы на мызахъ, гдѣ всѣ крестьяне изъявятъ желаніе присоединиться, безпрепятственно являлись мызные судьи къ священнику по его прибытіи; но чрезъ нѣсколько дней онъ объявилъ Филарету, что такое распоряженіе для него сдѣлать неудобно. По настоянію Филарета въ циркулярномъ предписаніи своемъ ген.-губернаторъ далъ однако знать, что крестьянамъ, отправляющимся въ Ригу по домашнимъ дѣламъ и желающимъ присоединиться къ православію, не возбраняется для сей цѣли являться къ священнику. Такое распоряженіе было очевидно сдѣлало въ отмѣну распоряженій б. Палена. Но каково было удивленіе Филарета, когда черезъ мѣсяцъ послѣ этого полиціймейстеръ Языковъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ обыватели не держали у себя пріѣзжающихъ Латышей болѣе сутокъ. Разумѣется, въ сутки нельзя было совершить присоединеніе, такъ какъ для того все-таки присоединяющійся долженъ быть подготовленъ. Въ запискахъ Филарета упомянуто, что крестьянинъ съ мызы Штурценгофъ Янъ Андерсъ Зандеръ, давшій показаніе о вѣрѣ 6 Мая и присоединенный 20-го Мая, имѣлъ увольнительное свидѣтельство на приписку гдѣ пожелаетъ. Полиціймейстеръ не далъ ему и дня на присоединеніе дѣтей и выпроводилъ изъ Риги. Филаретъ просилъ хотя тремя днями, наконецъ двумя ограничить сроки пребыванія. Получивъ отказъ, онъ довелъ о томъ до свѣдѣнія графа Протасова.

Дабы не утруждать Латышей путешествіемъ въ Ригу, Филаретъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы желающіе присоединиться отправлялись для сего въ ближайшій городъ. Чѣмъ же отвѣчало мѣстное начальство на эту мѣру? Оно распорядилось, чтобъ крестьяне, желающіе присоединенія, получали изъ мызнаго правленія (т.-е. изъ вотчинной конторы протестанта-помѣщика) записку съ означеніемъ города. Въ запискѣ обыкновенно означался городъ, гдѣ не было священника! Приходитъ туда крестьянинъ, ему вымажутъ лицо и голову дегтемъ. Онъ идетъ въ другой городъ; но, не допуская его до священника, его выпорютъ и засадятъ въ тюрьму, гдѣ онъ три или четыре мѣсяца просидитъ прежде, чѣмъ Филарету удастся упросить ген.-губернатора распорядиться о его освобожденіи. А семья 3—4 мѣсяца безъ работника, что̀ вызываетъ несостоятельность къ платежу за землю, и его потомъ выгоняютъ изъ усадьбы. И выпустятъ-то его изъ тюрьмы не въ его одеждѣ, а въ арестантской, съ чернымъ треугольникомъ на спинѣ; да кому обрѣютъ лобъ, кому правую или лѣвую сторону головы. Отправляютъ же домой цѣлою толпою связанными и не прямымъ путемъ, а заставятъ исколесить всю Лифляндію, преимущественно тѣ мѣста, гдѣ было движеніе къ присоединенію, для вразумленія, что-то-де будетъ и вамъ. Гдѣ было движеніе къ присоединенію, тамъ, доносили, бунтъ и посылали войска. Иныхъ прогоняли сквозь 1500 шпицрутеновъ по два раза, а депутатъ дворянскій фонъ Нумерсъ приговаривалъ: «такъ будетъ наказанъ всякій, кто только пожелаетъ въ теплую землю, въ Русскую вѣру, не будетъ слушать помѣщиковъ и пасторовъ и будетъ слушать обманщиковъ, возмутителей».

Все это происходило въ Русской области, при Русскихъ правителяхъ съ желающими присоединиться къ господствующей въ Имперіи церкви. Филаретъ изнемогалъ душею. «Страшное положеніе!» писалъ онъ графу Толстому. «Со всѣхъ сторонъ жутко. Впрочемъ для настоящаго дѣла ждалъ я времени: если и послѣ сего не будетъ достойной защиты, пусть находятъ болѣе меня могущаго. Прошу не осуждать и меня. Сколько имѣлъ способовъ и силъ, сражался, не ложась на отдыхъ, не уклонялся отъ битвъ изъ страха. Вы знаете, что нѣкоторые молчатъ *). Это многое объяснитъ».

Въ это же время писалъ онъ Горскому: «Много хлопотъ мнѣ грѣшному въ Ригѣ. Много заботился, ѣздилъ, дознавалъ, судилъ; но послужитъ ли къ пользѣ, не знаю. Доселѣ остаюсь въ полумракѣ.

---

*) Вѣроятно намекъ на графа Протасова.

Бѣды впереди, опасеній и опасностей на пройденной дорогѣ—тьма. Кто проведетъ? Не знаю. Надѣющійся на Господа не погибнетъ. Но гдѣ у души моей надежда? Она снискивается долгими, слезными молитвами и опытами, слѣдующими за молитвами. Всего того нѣтъ у окаяннаго Филарета». Въ такія критическія минуты, близкія, можно сказать, къ отчаянію, заботливый виновникъ назначенія Филарета въ Ригу посылалъ ему слово утѣшенія. «Если вы и сказали», писалъ ему митрополитъ Московскій, «что силы ваши доведены до изнеможенія, надѣюсь однако, что будете имѣть еще силы, сказавъ съ Апостоломъ: *егда немоществую, тогда силенъ есмь*».

Наконецъ Фикаретъ добился распоряженія, чтобы, по прибытіи на мызу священника, мѣстные орднунгсрихтеры *) являлись для присутствія при отобраніи отъ Латышей подписокъ о вѣрѣ; въ приглашеніи для сей надобности волостнаго судьи или правителя отказано. Но какъ же это было выполняемо? Верровскій священникъ для указанной цѣли пригласилъ орднунгсрихтера Энгельгардта. Тотъ, по отобранію отъ двухъ Латышей подписокъ, отказался остаться долѣе за неимѣніемъ времени; а за тѣмъ объявилъ, что можетъ присутствовать только два дня въ недѣлю, въ Среду и Субботу. Но въ эти дни онъ отбиралъ только по три показанія и удалялся. Видя же, что терпѣніе священника неистощимо, онъ пересталъ вовсе являться. Жалобы были напрасны. Въ Маріенбургѣ кирхшпильрихтеръ, которому поручено было присутствовать при отобраніи подписокъ, передалъ эту обязанность мѣстному помѣщику Фитингофу. Тотъ, прійдя въ квартиру священника, когда къ нему собралось уже много Латышей, сталъ кричать, что священникъ не имѣетъ права никого принимать вновь, а долженъ ограничиться присоединеніемъ тѣхъ, которые прежде дали показанія, и что онъ не позволитъ собираться въ своемъ имѣніи безпокойнымъ толпамъ. Онъ даже возымѣлъ намѣреніе заключить подъ стражу Латыша-причетника за то, что тотъ позволилъ себѣ разговаривать съ двумя Латышами. И священникъ, чтобъ успокоить барона, распустилъ Латышей.

Передъ нами любопытная бумага-документъ—это собственноручно составленное Филаретомъ черновое сообщеніе ген.-губернатора барону Фитингофу по поводу сказаннаго случая. Это не копія, потому что здѣсь тою же рукою сдѣланы и исправленія. Сообщеніе написано самымъ вѣжливымъ и мягкимъ тономъ. Вотъ оно: «Г. Рижскій епископъ сообщилъ мнѣ между прочимъ, что 1) Когда священникъ православной

*) Мызные судьи.

церкви Михайловъ съ св. дарами прибылъ въ Маріенбургъ, ваше высокоблагородіе отвели ему неприличное для богослуженія помѣщеніе, именно въ заѣздномъ домѣ. 2) Когда священникъ въ сей и слѣдующій дни, на основаніи высочайше утвержденной инструкціи о присоединеніи иновѣрцевъ Лифляндіи къ православію, собравшимся къ нему крестьянамъ объяснялъ предметъ желаній ихъ и испытывалъ ихъ въ чистотѣ и искренности намѣреній, именно же вразумлялъ, что принятіе православной вѣры отнюдь не измѣняетъ отношеній ихъ и обязанностей къ помѣщикамъ, ваше высокоблагородіе явились въ квартиру его, разогнали собравшихся крестьянъ и объявили имъ, будто бы священникъ не смѣетъ никого принять. 3) Ваше высокоблагородіе вскорѣ послѣ того своими руками привели состоящаго въ должности причетника Давида Баллода, обвиняя его, что онъ Латышамъ говорилъ, что православные священники не получаютъ никакой платы ни за погребеніе, ни за крещеніе; при чемъ объявили ваше намѣреніе отослать Баллода подъ арестъ въ Ригу; наконецъ даже поставили караулъ предъ дверьми священника. Какъ я вообще желаю, чтобы таковыя непріятные случаи избѣгаемы были помѣщиками, мнѣ лично особенно жалко слушать столь важныя жалобы на ваше высокоблагородіе. И этому чувству вы припишите, что я сему дѣлу далъ не оффиціальное производство, и на сей разъ, *какъ возможность дозволяетъ* оказать снисхожденіе и пощаду, ограничиваюсь тѣмъ, чтобы предостеречь и напомнить государственные законы. Таковой поступокъ, выставляемый епископомъ какъ покушеніе препятствовать или отклонять иновѣрцевъ, желающихъ присоединиться къ православію, угрожаетъ строгимъ наказаніемъ. Сіе предостереженіе тѣмъ болѣе имѣю поводъ сдѣлать приватно в. в—дію, что Его Императорское Величество повелѣлъ учредить въ Маріенбургѣ подвижную церковь, чрезъ что вы, какъ помѣщикъ этой мызы, во многихъ отношеніяхъ будете имѣть дѣло съ православнымъ духовенствомъ. Посему, рекомендуя вамъ крайнюю осторожность какъ въ распоряженіяхъ при исполненіи высочайшаго повелѣнія, такъ къ крестьянамъ, перешедшимъ въ православіе или имѣющимъ переходить, дабы избѣгали вы всего, что̀ могло бы быть поводомъ къ жалобамъ со стороны духовнаго начальства, каковыя жалобы подвергнутъ васъ неизбѣжной отвѣтственности».

Очевидно, Головинъ съ удовольствіемъ согласился на такой мирный исходъ дѣла. А почему Филаретъ согласился на него и принялъ на себя трудъ составить приведенную сейчасъ бумагу, это объяснитъ слѣдующая записка его оберъ-прокурору. «По Маріенбургскому дѣлу г.-губернаторъ полагаетъ ограничиться частными внушеніями Фитин-

гофу и Коскулю *), чтобы не производить шума. При настоящемъ положеніи дѣлъ епископъ съ своей стороны считаетъ это и неизбѣжнымъ; ибо если начать слѣдствіе, то слѣдователи могутъ быть здѣсь только Лютеране; Русскихъ православныхъ чиновниковъ нѣтъ въ здѣшнихъ присутственныхъ мѣстахъ, исключая двухъ человѣкъ у г. ген.-губернатора, которымъ однако слишкомъ много дѣла и въ Ригѣ, такъ что безъ опасности для дѣлъ православія нельзя имъ отлучаться. Совершенно неизбѣжно, чтобы прислано было въ Ригу нѣсколько православныхъ чиновниковъ. Ген.-губернаторъ уже видитъ и чувствуетъ нужду и для своей канцеляріи въ Русскихъ чиновникахъ не только для дѣла о православіи Латышей и Чухонъ, но для самой большей части своихъ дѣлъ. Для своей канцеляріи онъ признаетъ нужнымъ, чтобы въ ней на половину было Русскихъ чиновниковъ, но медлитъ вызовомъ Русскихъ чиновниковъ, опасаясь сдѣлать непріятное Нѣмцамъ. Безъ сомнѣнія онъ былъ бы благодаренъ, еслибы правительство само распорядилось прислать способныхъ чиновниковъ Русскихъ. Что̀ касается до слѣдствій по дѣлу о Латышахъ и Чухнахъ, обращающихся въ православіе, то епископъ вынужденнымъ найдется формально просить, чтобы не производили ни одного слѣдствія, пока остаются только съ лютеранскими чиновниками». При этомъ Филаретъ заявилъ, что до сего времени не приглашали депутата отъ духовной стороны и что хотя производились и производятся слѣдствія, но при такихъ условіяхъ ему ничего не можетъ быть извѣстно о нихъ.

Вотъ—причина всему. И нельзя не отдать справедливости большому такту Филарета и не подивиться его необыкновенной энергіи. Понимая неблагопріятныя послѣдствія для дѣла церкви, когда оно должно вестись ея врагами, съ другой стороны считая гибельнымъ для него оставить поступокъ Фитингофа безъ вниманія, онъ придумываетъ дать такой оборотъ дѣлу, чтобы не уронить значенія церкви и хотя нѣсколько припугнуть барона. Онъ зналъ, что въ г.-губернаторской канцеляріи ничего не сдѣлается, если передать туда дѣло, и потому самъ сочиняетъ бумагу для ген.-губернатора. Видя безхарактерность послѣдняго и нерѣшительность въ пополненіи штата канцеляріи людьми Русскими, онъ не упускаетъ случая довести объ этомъ до свѣдѣнія об.-прокурора, расчитывая несомнѣнно, что черезъ него дойдетъ это и до министра внутр. дѣлъ. Такую настоятельную нужду Филаретъ подтверждалъ фактами. Такъ, объяснивъ одно дѣло истязанія, онъ говоритъ: «Исправникъ началъ дѣло неправильно, съ открытымъ пристрастіемъ

---

*) Ордиунгсрихтеру.

къ лютеранству и противъ православія, и тотъ же исправникъ производитъ слѣдствіе. Это означаетъ, что виновный становится судьею въ своемъ дѣлѣ. При такомъ положеніи дѣлъ, когда не будетъ здѣсь православныхъ чиновниковъ, какъ теперь нѣтъ, надобно избрать одно изъ двухъ: или отказаться отъ продолженія присоединенія Латышей, или взять на себя отвѣтъ предъ Господомъ за бѣдственную участь присоединяющихся къ православію». «Все, что доселѣ здѣсь сдѣлалось въ пользу православія», писалъ онъ графу Протасову, «сдѣлано только Господомъ. Это слишкомъ ясно. Предписанія высшаго правительства для здѣшнихъ—только бумага, которую они и разбирать начинаютъ иногда только спустя два мѣсяца. Въ примѣръ можно сослаться на производство ревизіи магистрата. Нѣмецкое начальство оставляетъ свое упорное невниманіе и сопротивленіе чему либо, когда его порядкомъ стукнутъ. Съ этой стороны только вражда и неумолимыя козни. Ген.-губернаторъ кромѣ того, что новъ въ здѣшнемъ мѣстѣ и потому не знаетъ ни лицъ, ни дѣлъ—окруженъ Нѣмцами. Силъ его не можетъ достать, чтобы преслѣдовать и открывать всѣ Нѣмецкія интриги. Въ канцеляріи у него и близкій къ нему только одинъ Русскій. Тотъ старается показывать дѣла въ настоящемъ ихъ видѣ; но тысячи голосовъ переходятъ въ слухъ ген.-губернатора совсѣмъ другіе». До какой наглости доходило неуваженіе къ власти, открываетъ намъ слѣдующій случай. Латышъ Ѳедоръ Бучинскій за то, что на вопросы Латышей объяснилъ имъ, что священники за требы не берутъ и по просьбѣ ихъ далъ имъ Латышскія православныя книжки, былъ по интригѣ барона Менгдена заключенъ въ тюрьму. Епископъ, которому заявила о томъ жена Бучинскаго, два раза относился къ Головину; но на два предложенія Головина губернскому правленію онъ не получилъ и отвѣта. Были случаи еще возмутительнѣе. Когда по заявленію Филарета ген.-губернаторъ далъ предложеніе губернскому правленію (3 Іюля № 195) немедленно возвратить присоединенной Латышкѣ Тринѣ (въ православіи Екатерина) шестилѣтняго ея сына Іоанна, котораго не выдавалъ ей помѣщикъ Расмусъ, губернское правленіе отвѣчало, что «не считаетъ сего дѣла справедливымъ, потому что дѣти по возрастѣ могутъ сами присоединиться, если пожелаютъ». Вотъ почему вполнѣ вѣрно замѣчаніе Филарета, что «тысячи голосовъ обработываютъ дѣло и дѣла въ Нѣмецкомъ, а не Русскомъ стилѣ. Что, напримѣръ, можно сдѣлать, когда пять орднунгсрихтеровъ пишутъ, что ходятъ разные непріятные слухи, и вотъ здѣсь было то, а тамъ другое? Послать чиновника на мѣсто? Но кого? Нѣмца, того, который, быть можетъ, ведетъ тайную переписку съ

тѣмъ и другимъ орднунгсрихтеромъ и даетъ наставленіе, какъ и когда написать?»

Были Русскіе при Головинѣ; но какъ служили они Русскому дѣлу и православію! Напр. вице-губернаторъ, о которомъ Филаретъ выразился, что онъ «самый лютый врагъ православія и, если смѣю сказать, самый безсовѣстный и въ другихъ отношеніяхъ; довольно къ чести его и того, что онъ брата отдалъ подъ судъ за грабежъ казны, тогда какъ деньги остались въ его карманѣ, а не у брата, человѣка довольно простаго». Что касается полицеймейстера Языкова, то, по словамъ Филарета, «не было ни одного безчестнаго и вредоноснаго для православія дѣла, въ которомъ бы онъ не участвовалъ». «Съ своей стороны», писалъ Филаретъ графу Протасову, «желая думать о людяхъ лучшимъ образомъ, извинялъ я тогда въ мысляхъ г-на полицеймейстера положеніемъ его въ отношеніи къ начальствовавшимъ. Такъ онъ и самъ себя извинялъ въ личныхъ объясненіяхъ со мною. Теперь, казалось бы, при православномъ градоначальникѣ, искреннему сыну православія можно и должно иначе дѣйствовать. На дѣлѣ не такъ». Чѣмъ же особенно ознаменовалась дѣятельность Языкова въ противодѣйствіи православію? А вотъ что̀ разсказываетъ о дѣяніяхъ его Филаретъ. Онъ внушилъ ген.-губернатору неожиданно потребовать списокъ присоединяющихся къ православію съ цѣлію или передать въ лютеранскую консисторію, или поставить епископа въ непріятное къ ген.-губернатору положеніе. Онъ выгонялъ изъ Риги присоединившихся Латышей, если у нихъ былъ на девять дней просроченный паспортъ, хотя бы десять лѣтъ они тамъ жили. Онъ не допускалъ Латышей въ архіерейскій домъ записываться, когда они пріѣзжали по своимъ торговымъ дѣламъ безъ паспорта, какъ обыкновенно водилось. При этомъ онъ старался путемъ клеветы и лжи возбуждать неудовольствіе ген.-губернатора къ православію. Напримѣръ, онъ доложилъ Головину, что девять Латышей заявили, что дали показаніе о желаніи присоединиться подъ вліяніемъ сдѣланнаго имъ обѣщанія разныхъ льготъ. Сейчасъ же Головинъ *) поручилъ жандармскому штабъ-офицеру сообщить о томъ Филарету. Изумленный такою дерзкою клеветою, Филаретъ пригласилъ къ себѣ полицеймейстера и просилъ его указать, кто эти девять Латышей. На это полицеймейстеръ сказалъ въ отвѣтъ, что подобныхъ Латышей ему неизвѣстно ни одного, а были

---

*) Любопытно ближе разъяснить, въ какихъ отношеніяхъ находился Е. А. Головинъ къ многочисленнымъ Гернгутерамъ того края. Извѣстно, что самъ онъ принадлежалъ къ такъ называемому духовному кораблю Е. Ф. Татариновой (урожд. Буксгевденъ). П. Б.

только изъявившіе желаніе. Съ ними былъ еще Русскій чиновникъ при Головинѣ, В., который стыдился признать себя Русскимъ и увѣрялъ, что онъ Полякъ. О немъ говоритъ Филаретъ, что онъ, по близкому родству съ Рижскимъ губернаторомъ, былъ жестокимъ гонителемъ православія и Русской народности. Онъ готовъ былъ изъ угожденія партіи извращать очевидность. Вотъ какъ передается одинъ разговоръ его съ Филаретомъ: «Описавъ, какъ мирно въ Дерптѣ совершается присоединеніе Латышей къ православію, В. вдругъ говоритъ, что онъ опасается, чтобы не вышло безпокойства между крестьянами. Удивленный такимъ оборотомъ рѣчи, Филаретъ спрашиваетъ: «дознали-ли вы отъ Эстовъ, что они питаютъ худыя расположенія для спокойствія? Говорили-ли Эсты при показаніяхъ что-нибудь о земныхъ надеждахъ?» В. отвѣчалъ, что этого отъ Эстовъ онъ не дознаръ.—«На чьихъ же показаніяхъ основываете вы опасенія свои?» Вмѣсто отвѣта совершенное замѣшательство. В. началъ было говорить о слухахъ, но, почувствовавъ, что это худой источникъ, онъ сказалъ только: «Правда, мы, отправляясь въ Дерптъ, думали найти тамъ волненіе, но не нашли ничего». Далѣе В. утверждалъ, что у крестьянъ нѣтъ надлежащаго понятія о вѣрѣ, что нѣкоторые изъ нихъ, надѣвъ на себя кресты, увѣряютъ, что они православные. На это епископъ замѣтилъ, что онъ самъ не можетъ найти крестовъ для присоединяющихся и что, какъ В. извѣстно, Дерптскій протоіерей не могъ даже совершить присоединеніе по неимѣнію въ Дерптѣ крестовъ».

Вотъ тѣ Русскіе люди, которые состояли при Головинѣ и заправляли Русскимъ дѣломъ! Видя въ средѣ ихъ одного только вполнѣ Русскаго человѣка, графа Толстаго, находилъ онъ присутствіе его въ Ригѣ необходимымъ. Филаретъ понялъ, что новый министръ внутреннихъ дѣлъ внимательно слѣдитъ за ходомъ Русскаго дѣла въ Ригѣ, и сношенія его съ оберъ-прокуроромъ не прерываются, а этимъ путемъ и мысль Филарета можетъ доходить до него.

И дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого видимъ въ штатѣ ген.-губернатора нѣсколько Русскихъ молодыхъ чиновниковъ. Объ одномъ изъ нихъ, тогда юношѣ, Самаринѣ, такъ писалъ Филаретъ Горскому: «Пишу эти строки съ тѣмъ, чтобы рекомендовать тебѣ добраго и умнаго Юрія Θедоровича Самарина. Съ нимъ я провелъ много дней самыхъ пріятныхъ. Онъ очень достойный и рѣдкій человѣкъ. Будьте съ нимъ радушны, просты и откровенны. Онъ сто́итъ душевной любви. Отъ него узна́ете и о моемъ житьѣ-бытьѣ, особенно же онъ хорошо знаетъ здѣшній край, изученный Русскою его душею». Такъ же признательно понималъ Филаретъ бывшаго короткое время въ Ригѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Синявина. «Очень много одол-

женъ я бывшему Московскому губернатору, а нынѣшнему товарищу г-на министра внутреннихъ дѣлъ, Ивану Григорьевичу Синявину. Добрая, Русская умная душа! Онъ жилъ здѣсь около двухъ мѣсяцевъ. Да воздастъ ему Господь по благости Своей! Да помянетъ его преп. Сергій въ молитвахъ своихъ, столько сильныхъ предъ Господомъ!»

Все многотрудное дѣло насажденія православія Филаретъ несъ одинъ. И вотъ чтò побуждало его къ такому единоличному труду. «Со стороны духовенства», писалъ онъ графу Протасову, «дѣло о православіи дѣлается у одного епископа: а) Одни не могутъ его дѣлать; другіе хотятъ только вредить ему, для Нѣмецкаго хлѣба. б) Два или три такіе, которыхъ и можно было бы призвать къ участію; но при твердой увѣренности, что дѣло это доведетъ ихъ до пагубы, сострадание заставляетъ назначать имъ другія нужныя дѣла. Послѣ того, чтò можетъ прибавить отъ себя къ успѣху православія одинъ епископъ? Ни послать къ кому-либо, ни сдѣлать то или другое кромѣ того же епископа, который и пишетъ предписанія, и даетъ себѣ совѣты, и ѣздитъ то къ ген.-губернатору, то къ губернатору, то къ бургомистру, то къ какому-нибудь упорному противнику православія, съ которымъ надобно говорить какъ съ другомъ православія».—«Столько мараю бумаги, что недостаетъ средствъ и на покупку бумаги. Писцовъ же у меня такъ мало! Остается самому и чертить и писать на бѣло», жаловался Филаретъ Горскому.

Передъ нами массы подобныхъ бумагъ, записокъ, показаній, писанныхъ собственноручно Филаретомъ. Но намъ извѣстно, что это только частичка уцѣлѣвшихъ бумагъ его. Видно было, какъ рука его подчасъ уставала, и подъ его диктовку писался черновой отпускъ безграмотнымъ писцомъ, а потомъ опять таже трудящаяся рука неустаннаго борца продолжала начатое. Филаретъ просилъ прислать ему какого-либо чиновника, который былъ бы въ помощь епископу при сношеніяхъ его съ гражданскимъ начальствомъ. Онъ разчитывалъ, конечно, что назначеніе къ нему Св. Синодомъ чиновника, состоящаго внѣ вѣдѣнія и вліянія мѣстной администраціи, облегчитъ для него труды и обезпечитъ его успѣхи. «Дѣло само-по-себѣ многосложное и тяжелое, окружено со всѣхъ сторонъ нападеніями: можно-ли ожидать ему успѣха при настоящемъ положеніи? Богъ помогаетъ, но не творитъ чудесъ тамъ, гдѣ дѣло могутъ дѣлать люди». Такъ убѣждалъ онъ графа Протасова; но представленіе его не было уважено.

Изощряясь въ средствахъ противодѣйствовать распространенію православія, Нѣмецкая партія распускала слухи, которые могли бы ослабить стремленія Латышей. Но не всегда мѣры эти достигали намѣченной цѣли. Такъ Филаретъ указываетъ на нѣкоторыя изъ нихъ,

наоборотъ, послужившія въ пользу православія. «1) Изгнаніемъ Латышей изъ Риги хотѣли достигнуть того, чтобы остановить православіе въ самомъ началѣ. Но такъ какъ открытая несправедливость возбудила глубокую скорбь и недовольство противъ защитниковъ лютеранства, то самые изгнанные Латыши стали первыми проповѣдниками православія по мызамъ Лифляндіи. 2) На мызахъ стали отказывать въ паспортахъ присоединившимся къ православію и пожелавшимъ его, чтобы частію отмстить за желаніе православія, частію удержать людей сихъ въ своей власти и подъ вліяніемъ пасторовъ. Но это опять только усилило ревность къ православію и недовольство лютеранствомъ, не только въ тѣхъ, которые прежде желали православія, но и въ сторонникахъ, такъ какъ несправедливости слишкомъ были явны и для сторонникхъ. 3) Въ Маѣ и началѣ Іюня распространяли слухъ, что присоединеніе къ православію окончится то послѣднимъ числомъ Мая, то пятнадцатымъ Іюня. Это послужило къ тому, что къ симъ числамъ спѣшили являться для показаній о вѣрѣ».

Въ отклоненіе нареканій на духовенство, Филаретъ объяснялъ гр. Протасову, что онъ постоянно вмѣняетъ священникамъ въ обязанность разъяснять Латышамъ, что съ присоединеніемъ ихъ къ православію не соединяются никакія земныя выгоды. И даже само гражданское начальство, добавляетъ онъ, высказывало ему одобреніе священникамъ за ихъ осторожное и добросовѣстное отношеніе къ этому дѣлу.

Но приходилось ему и платиться за неосмотрительность подчиненныхъ своихъ, какъ видно изъ нижеслѣдующаго письма его къ графу Толстому. «При отправленіи о. Ѳомы не имѣлъ удобства написать вамъ неформеннаго посланія. Не знаю, ко времени-ли теперь пишу; по крайней мѣрѣ исполню требуемое душею. Прежде всего искренно благодарю васъ, что побранили Алексѣя. Онъ столько надѣлалъ мнѣ скорбей, что еще не соображусь съ его путаницей. Не подумайте, Господа ради, что я не готовъ принять какую-либо мысль вашу, тѣмъ болѣе мысль о порядкѣ хожденія крестьянъ. Я много бранить буду Алексѣя, что онъ тогда уже вздумалъ написать о своемъ затрудненіи въ принятіи ихъ, когда толкнули его. Доселѣ не видѣлся я съ ген.-губернаторомъ. Я сказалъ для священника, что можно записывать по тридцати человѣкъ на одномъ показаніи. Это а) имѣетъ тотъ только смыслъ и въ томъ случаѣ, когда при словесномъ испытаніи не встрѣтилось никакой причины считать показанія ихъ разными по мыслямъ, хотя слова ихъ нѣсколько разныя. б) Когда нѣтъ никакихъ особенныхъ причинъ записывать со всею точностію и буквально показанія ихъ. в) Впрочемъ, если ни въ какомъ другомъ случаѣ, тѣмъ болѣе въ Аренсбургскомъ дѣлѣ, при вашемъ присутствіи, священникъ не дол-

женъ относительно вида показаній быть буквальнымъ и спорить изъ малости. Богъ да соблюдетъ сердца наши въ мирѣ! Надобно еще прибавить, что мысль о такомъ записываніи пришла мнѣ съ того, что въ другихъ мѣстахъ сами гражданскіе чиновники подавали ее. Я же съ своей стороны той мысли, что чѣмъ строже ведутъ дѣло, тѣмъ покойнѣе для меня». «Алексѣй не мало потревожилъ меня и тѣмъ, что долго ни слова не писалъ, получилъ-ли отъ в. с—ства бумаги мои. По этому примѣру можете судить, какъ много надобно слѣдить за дѣлами этого человѣка. А бѣда тутъ еще та, что за 400 верстъ немного увидишь, немного услышишь и нескоро передашь отъ себя мысль».

Но не всѣ слухи, распускаемые среди Латышей, оказывались по своимъ послѣдствіямъ полезными для православія. Такъ жаловался Филаретъ, что распустили въ народѣ, будто послѣ 29-го Сентября воспрещено присоединеніе. «Какая неутомимость въ пріисканіи мѣръ вредить православію! Это уже четвертое назначеніе предѣла, замѣчаетъ онъ». Но болѣе вредными, по словамъ Филарета, были слухи, распускаемые на счетъ нѣкоторыхъ матеріальныхъ выгодъ, соединенныхъ будто бы съ принятіемъ православія. Филаретъ безошибочно указывалъ на корень этихъ слуховъ, понимая хорошо цѣль поднять смуту въ умахъ и запутать православное духовенство. Филаретъ указывалъ и на отдѣльные случаи. Такъ «крестьяне-хозяева вотчины Штомерзее и Калнамойзе, Ретчь Пукишъ съ сыномъ Симономъ и братомъ Ланомъ Пукишъ пріѣхали въ Ригу, чтобы добиться правды. Они утверждали, что безъ всякаго интереса, по чистому побужденію, принимаютъ православіе. Между разговоромъ они сообщали, что у нихъ голодъ и что многіе очень бѣдствуютъ. Хотя пасторы убѣждаютъ ихъ, говорили они, не перемѣнять вѣры, говоря, что тутъ «таится только обманъ»; но они сердечно вѣруютъ и уповаютъ на то, что когда присоединятся къ православію, то Всемогущій Создатель услышитъ вопль ихъ и молитвы ихъ будутъ благоугодны Ему, а теперь Господь наказываетъ ихъ за грѣхи ихъ. Говорили это они со слезами, стоя на колѣнахъ. Но тутъ же квартальный Горбачевскій обратился къ нимъ съ замѣчаніемъ, какъ смѣли они явиться безъ паспортовъ и въ рабочее время оставили мызу. Хотя и объяснили они, что ими оставлены работники для исполненія работъ, но тѣмъ не менѣе имъ должны были отказать въ присоединеніи по непредставленію паспортовъ. Но когда Янъ Андресъ Зандеръ явился хотя и съ паспортомъ въ Ригу, то полицеймейстеръ его выгналъ, не допустивъ присоединенія его дѣтей. Были и такіе случаи, что не допускали до записи показаній о вѣрѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что эти крестьяне жаловались на безпомощность со стороны помѣщиковъ или о невыдачѣ имъ увольненія на прокормленіе себя и

дѣтей. «Священникъ во всей точности исполнялъ», добавляетъ Филаретъ, «данное ему наставленіе, чтобы не имѣть дѣла съ подобными людьми, а предоставлять волѣ Господа, вѣдущаго слезы невинныхъ».

Защищая невинныхъ отъ клеветы въ распространеніи ложныхъ слуховъ, Филаретъ писалъ оберъ-прокурору, что онъ точно удостовѣрился, что къ сожалѣнію ложные слухи распространяются не только людьми средняго сословія, но и людьми высшаго класса съ цѣлію примѣшать къ дѣлу религіи земныя блага или поколебать чистоту стремленій Латышей. «При угнетающемъ недостаткѣ хлѣба и притѣсненіяхъ помѣщиковъ (можетъ быть юридически правыхъ, хотя неправыхъ передъ христіанскою нравственностію), въ бѣдныхъ Латышахъ даже и безъ помянутыхъ толковъ пустоты могутъ рождаться несбыточныя и неосновательныя мечты о послѣдствіяхъ присоединенія къ православію; чего же ожидать, когда присоединяются толки пустоты? Потому-то, кажется, едва-ли не естественнѣе искать виновность въ богатыхъ празднолюбцахъ, чтобы не сказать болѣе, чѣмъ въ угнетенной бѣдности? Она и безъ того доселѣ большею частію остается безъ защиты, на волѣ богатаго самоуправства».

Въ Ригѣ собрался 19-го Сентября 1845 года конвентъ Лифляндскихъ дворянъ. Филаретъ внимательно слѣдилъ за его занятіями, насколько доступно было ему получать о немъ свѣдѣнія, и обо всемъ сообщалъ съ своими замѣчаніями гр. Протасову. Онъ писалъ ему, что хотя конвентъ и собрался подъ предлогомъ разсуждать о нуждахъ крестьянъ, но собственно цѣль другая—какъ остановить присоединеніе Латышей къ православію. Сначала рѣшено было отправить депутацію къ Государю; потомъ рѣшили испросить предварительно на то разрѣшеніе. Но что́ должны были сказать депутаты? Запѣть старую пѣсню о возмущеніи? Не повѣрятъ: уже разъ эта ложь была обнаружена. Надо сказать, что дѣло православія совершается незаконно. Доложить Государю принялъ на себя президентъ генеральной лютеранской консисторіи, баронъ Мейендорфъ. «Епископъ съ своей стороны жалѣетъ», замѣтилъ Филаретъ, «что его пр—ву неугодно было выслушать православнаго епископа о дѣлѣ православія, а удовольствоваться только разсужденіями людей, которые и не могутъ имѣть точныхъ свѣдѣній о дѣлѣ православія и не желаютъ разсуждать о томъ иначе, какъ непріязненно для православія».

Дѣло же присоединенія велъ Филаретъ съ большимъ вниманіемъ и осторожностію. Испытанія производили два священника, отлично знавшіе Латышскій языкъ. Эти испытанія повторялись никогда не менѣе двухъ разъ, а иногда по три и по четыре раза. Испытаніямъ велся журналъ, въ который заносились не только дни, но и часы испытаній,

при которыхъ всегда присутствовалъ гражданскій чиновникъ, а потомъ и двое: одинъ, знающій Латышскій, а другой—Эстонскій языки. При тѣхъ же чиновникахъ совершалось и самое присоединеніе, обрядъ котораго продолжался до двухъ часовъ. «Священникъ, какъ предъ лицемъ Господа, благодатно обитающаго во храмѣ, испытываетъ совѣсть и дѣлаетъ наставленія присоединяющимся», пишетъ Филаретъ. Онъ объяснялъ оберъ-прокурору, что всѣ идущіе присоединиться, при разъясненіи имъ о томъ, что съ православіемъ не соединяется никакихъ земныхъ выгодъ, отвѣчаютъ: «*мы уже объ этомъ знаемъ, намъ много разъ объявлено*».

Филаретъ не ограничивалъ свою дѣятельность областью настоящаго. Онъ дѣлалъ все, чтобы упрочить православіе для будущаго, и конечно въ этихъ широкихъ планахъ еще болѣе встрѣчалъ противодѣйствій. Осторожность и предусмотрительность Филарета доходила, въ силу обстоятельствъ, до того, что онъ безъ высочайшаго разрѣшенія не объѣзжалъ епархіи. Приведемъ интересное представленіе его по этому поводу оберъ-прокурору 28-го Сентября 1845 г. (№ 1331) «Подъ высокою защитою благочестивѣйшаго Государя Императора православіе совершаетъ весьма значительные успѣхи. Съ Мая мѣсяца 650 отцовъ семействъ уже присоединилось къ св. православію. Около 400 отцовъ семействъ дали показаніе о желаніи православія по указанному высокою мудростію Государя Императора порядку, но еще не присоединены къ св. православію. Дѣти тѣхъ и другихъ не конфирмованныя также должны быть присоединены къ св. православію; прочіе члены семействъ тѣхъ же отцовъ безъ сомнѣнія послѣдуютъ примѣру отцовъ семействъ, какъ семейныхъ главъ. Между тѣмъ число отцовъ, изъявляющихъ желаніе православія, со дня на день возрастаетъ. Если отправить на мызы священниковъ для совершенія частію присоединенія, частію испытанія показанныхъ лицъ: то священники подвергнутся только спорамъ, жалобамъ и обвиненіямъ, какъ уже и показалъ опытъ въ Маріенбургѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ увѣренъ я, что цѣлыя тысячи крестьянъ готовы принять св. православіе и *быть Русскими по всему*, но удерживаются частію отдаленностію отъ православныхъ священниковъ, а еще болѣе разными мѣстными препятствіями. Санъ епископа въ семъ дѣлѣ, какъ надѣюсь, оградитъ дѣло православія отъ вымышляемыхъ злобою толковъ предъ высшимъ начальствомъ. Потому считалъ бы весьма полезнымъ личное мое обозрѣніе Лифляндіи, дабы въ моемъ присутствіи могло совершаться какъ присоединеніе къ православію дѣтей отцовъ, изъявившихъ желаніе православія, такъ испытаніе другихъ лицъ, имѣющихъ объявлять желаніе православія, при чемъ необходимо и то, чтобы присутствовалъ

гражданскій чиновникъ, уполномоченный довѣренностію генералъ-губернатора Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи. Поелику же, и при твердой увѣренности въ пользѣ сего намѣренія для церкви, не могу быть увѣреннымъ, чтобы исполненіе сего намѣренія не подвергло меня нѣкоторымъ нареканіямъ со стороны сильнаго здѣсь лютеранства: то обращаюсь съ покорнѣйшею моею просьбою къ в. с—ву, не благоугодно ли будетъ повергнуть сіе мое намѣреніе на высочайшее благоусмотрѣніе Государя Императора. Его воля такъ священна для каждаго сына православной церкви; его слово такъ много уже сдѣлало чудесъ для св. православія какъ между обращавшимися дотолѣ къ Риму, такъ еще въ недавнее время между закоренѣлыми раскольниками, а благотворительную любовь его къ св. православію вѣка будутъ чувствовать и благодарно возносить къ престолу Отца щедротъ. И въ настоящемъ дѣлѣ одно слово его, и всѣ будутъ мирны».

Оберегая отъ отвѣтственности священниковъ, въ виду постоянныхъ преслѣдованій и доносовъ на нихъ, Филаретъ шелъ самъ на проломъ и принималъ лично на себя всѣ непріятности. Заручившись высочайшимъ разрѣшеніемъ, онъ могъ дѣйствовать смѣлѣе. Зная характеръ своего Государя, онъ чистосердечно придавалъ его слову магическую силу. Не безъ цѣли конечно указывалъ онъ на готовность Латышей *сдѣлаться по всему Русскими*. Въ Петербургѣ не догладывали того, что̀ видѣлъ на мѣстѣ дальновидный человѣкъ, горячо преданный Русскому дѣлу. Это прозрѣвали тамъ развѣ два лица—императоръ Николай Павловичъ и его министръ Перовскій.

Представленіе было доложено Государю, который не только одобрилъ намѣреніе Филарета, но послѣ того горячо высказался предъ Лифляндскими депутатами какъ защитникъ православія въ Лифляндіи.

Весьма много споспѣшествовали дѣлу присоединенія переводъ катехизиса, молитвослова и литургіи на Латышскій языкъ и совершеніе на немъ богослуженія. «Многіе Латыши, еще до присоединенія, посѣщая церковь, знакомятся съ православнымъ богослуженіемъ и, вынося отрадное для души впечатлѣніе, желаютъ потомъ сами православія», доносилъ Филаретъ. Чтобъ укрѣпить вновь присоединенныхъ въ православіи и утвердить въ ученіяхъ церкви, онъ раздавалъ выписанныя изъ лавры иконки Божіей матери, Спасителя, пр. Сергія, св. Николая Чуд., Предтечи, изображенія Б. М. «утѣшеніе скорбящимъ». Прося прислать выписку изъ Нѣмецкой книги «православный чинъ исповѣди», онъ между прочимъ писалъ Горскому: «Повѣрите ли, что Нѣмецкій православный катехизисъ митрополита здѣсь истребляютъ? Каковы Нѣмцы!» Усердное и частое служеніе Филарета немало Латышей привлекало въ храмъ, въ началѣ изъ любопытства, а потомъ и по душевному расположенію. Къ тому же Филаретъ очень часто

говорилъ поученія, которыя, по свидѣтельству сослуживца его, своею задушевностію производили сильное впечатлѣніе. Объ этомъ служеніи своемъ святому дѣлу онъ, съ присущею ему скромностію, такъ писалъ Горскому: «Что сказать о себѣ? Что я говорю проповѣди и говорю нерѣдко, въ томъ нѣтъ ничего особеннаго; кто теперь не говоритъ проповѣдей?» Филаретъ сообщалъ графу Протасову и о пасторахъ, неувлекавшихся общимъ примѣромъ, но объявлявшихъ Латышамъ, что если они искренно желаютъ православія, то могутъ свободно идти къ священнику. Такія исключенія, по свидѣтельству его, были и среди бароновъ. Нельзя не пожалѣть, что лица эти не поименованы, а говорится о нихъ вообще, какъ объ отрадномъ исключеніи.

Между тѣмъ Головинъ все болѣе и болѣе позволялъ опутывать себя Нѣмецкою интригою, и противодѣйствія православному духовенству въ дѣлѣ церкви, принимая все бо́льшіе размѣры, оставались безъ преслѣдованій. Филаретъ въ письмѣ своемъ графу Протасову указывалъ, какъ рядомъ со стѣсненіемъ духовенства въ дѣлахъ вѣры идетъ смѣлая пропаганда лютеранскаго духовенства. Гернгутеры готовы были присоединиться къ православію. Но, писалъ Филаретъ: «пасторъ Трей, тотъ самый, который имѣлъ дѣло пастырское съ Латышами-Гернгутерами, открылъ теперь частныя вечернія собранія въ своемъ домѣ для лютеранской проповѣди, и къ нему стали собираться толпы. Теперь сравните ваше с—во положенія православнаго духовенства въ Ригѣ. Еслибы я дозволилъ себѣ послать кого-нибудь или изъ священниковъ, или изъ міранъ благочестивыхъ въ домъ къ какому-нибудь Латышу, даже изъ изъявившихъ желаніе православія: то очень хорошо знаю, что его немедленно схватили бы какъ бунтовщика. Не подумайте, ваше с—во, что преувеличиваю горькую дѣйствительность. Нѣтъ, мнѣ уже извѣстно, что по послѣднему дѣлу розыскивали вездѣ и всячески, не былъ ли когда-нибудь и кто-нибудь посланъ отъ меня къ Латышу въ домъ? Извѣстно и болѣе того; но Господь съ ними, до своей личности не хочу касаться. Такимъ образомъ мнѣ остается предать все волѣ Господа. Если Онъ милостивъ будетъ къ православію *и назначитъ другое начальство для Риги*, то безъ шума и смятеній православіе будетъ дѣлать успѣхи. Мнѣ одному не преодолѣть столько людей сильныхъ. И что́ я значу передъ ними? Впрочемъ, быть можетъ Господь умилосердится и пошлетъ помощь устроить разстроенное дѣло. Только для сего необходимо спокойствіе. Противъ здѣшняго упорства, часто наглаго, малоуспѣшна открытая борьба. Ко мнѣ не разъ опять приходили съ желаніемъ православія (посылать кого-нибудь изъ своихъ—боюсь и считаю невозможнымъ); но начинать что-нибудь фор-

мально не могу до времени лучшаго. Необходимо бы по крайней мѣрѣ обуздать секретными мѣрами тѣ смѣлыя выходки враговъ православія, о которыхъ упомянулъ я».

Итакъ, Филаретъ, увлекаясь болѣе и болѣе ревностію служенія, ведя дѣло на мѣстѣ осторожно и осмотрительно, въ тоже время дѣйствуетъ въ Петербургѣ все сильнѣе и сильнѣе: онъ какъ бы укоряетъ самого Протасова въ его равнодушіи, высказывая увѣренность, что только надѣется на помощь Божію и упоминаетъ *о перемѣнѣ начальства въ Ригѣ.* Вмѣстѣ съ тѣмъ въ его дѣйствіяхъ усматривается всегда присущее его сердцу побужденіе: перенося на себѣ гоненія, ограждать отъ нихъ подначальныхъ служителей алтаря. Съ тою же цѣлію освобождалъ онъ ихъ отъ исполненія щекотливыхъ порученій. Желая только оградить православіе отъ стѣсненій, онъ ведетъ дѣло съ незлобіемъ и не измѣняетъ духу христіанскаго ученія. Такъ напримѣръ, по поводу неуважительныхъ отзывовъ пасторовъ о православіи, онъ говоритъ: «Объ этомъ у епископа много письменныхъ показаній Латышей, хотя епископъ не желалъ и не желаетъ дѣлать изъ того употребленія, непріятнаго пасторамъ». Или: «Не хотѣлъ и не хочу говорить или судить невыгодно о людяхъ. Ихъ судія—Господь. Но что необходимо связано съ дѣломъ православія, о томъ вынуждаюсь сказать». Вообще же онъ наиболѣе представлялъ о необходимости общихъ мѣръ; если же указывалъ иногда на отдѣльные случаи, то, группируя ихъ, обрисовывалъ общее положеніе дѣла. А когда графъ Протасовъ потребовалъ сообщить ему, кто изъ помѣщиковъ наказывалъ обратившихся къ православію Латышей, онъ отвѣчалъ: «По моимъ средствамъ и долгу не могу въ точности собрать свѣдѣній по сему предмету».

О необходимости перемѣны въ Ригѣ начальства могъ ли не указать Филаретъ послѣ того, какъ Головинъ на одномъ изъ засѣданій прямо высказался противъ присоединенія, утверждая, что присоединеніе потрясетъ вѣковой порядокъ? Ревность Филарета умаляла передъ нимъ собственную опасность, и онъ тутъ же, въ глаза, назвалъ Головина «Нѣмцемъ».

Головинъ вполнѣ довѣрялъ чистосердечности помѣщичьихъ опасеній и паническому страху, что требованіе войскъ основано было на сознаваемой ими необходимости. Какъ ни старался графъ Толстой объяснить ему, что у бароновъ въ данномъ случаѣ есть задняя мысль—дать видъ, что присоединеніе произошло подъ натискомъ штыковъ, Головинъ оставался при своемъ. Графъ Толстой представлялъ Головину, что вопросъ этотъ зашелъ такъ далеко, что поворота нѣтъ, и исходъ одинъ—вести дѣло прямо и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Онъ указывалъ на необходимость внушить баронамъ, что правительство

не можетъ оставить крестьянъ на жертву ненависти лютеранъ. Головинъ утверждалъ, что помѣщики охотно исполнили бы волю Государя, еслибъ онъ высказался категорически. Графъ Толстой замѣтилъ, что здѣсь новая хитрость: имъ хочется, чтобъ Государь весь срамъ, которымъ пристрастная Западная Европа прикрываетъ это дѣло, принялъ на себя, и чтобы предоставилъ оправданіе свое отдаленной исторіи, которая въ свою очередь можетъ быть обманута. «Обстоятельства любопытныя, но дѣло тяжелое», пишетъ графъ Толстой, заканчивая эту замѣтку слѣдующими словами: «Господи, дай мнѣ силы и терпѣнія!»

Если такой возгласъ вырвался у свѣтскаго лица, смотрѣвшаго на дѣло въ качествѣ Русскаго и сына православной церкви, то что̀ долженъ былъ чувствовать ревностный ея служитель, какимъ былъ Филаретъ? «Повѣрьте, нѣтъ ни одной клеветы, нѣтъ ни одного низкаго средства, за что̀ бы не взялись въ поддержаніи лютеранства», писалъ онъ графу Протасову. «Если оставятъ меня опять одного бороться съ звѣрьми, отвѣтъ передъ судомъ Божіимъ и человѣческимъ за слѣдствія вредныя падетъ не на меня. Я чистъ совѣстію, объявляя дѣло въ настоящемъ его видѣ послѣ того, какъ горькимъ опытомъ дозналъ и въ безсонныя ночи размышлялъ о всемъ, что̀ дѣлается и имѣетъ дѣлаться».

Но не такъ смотрѣлъ на дѣло государственный правитель, не только отрекаясь отъ служенія своей церкви, но закрывая глаза передъ политическою задачею своей родины, которая такъ видимо, такъ вразумительно, сама собою выполнялась, безъ всякой предварительной подготовки, безъ всякихъ усилій правительства. Этого мало. Той же интригѣ и тѣмъ же правителямъ удалось обойти и самого Государя. Послѣ столь опредѣленной программы, какая была имъ высказана, нельзя было ожидать поворота въ образѣ дѣйствій такого человѣка, какимъ былъ Николай Павловичъ. Надо предполагать, что Государя увѣрили, будто присоединеніе совершается слишкомъ поспѣшно, будто присоединявшимся нѣтъ времени одуматься и обсудить столь важный вопросъ, какъ перемѣна исповѣданія. Быть можетъ, указали и на случай, когда Латыши-Гернгутеры, уже заявившіе желаніе присоединиться, но имѣвшіе время обсудить, отказались впослѣдствіи. А случай этотъ не ускользнулъ отъ вниманія Филарета, и онъ изслѣдовалъ это дѣло. Оказалось, что Латыши были призваны въ лютеранскую консисторію, гдѣ ихъ манили обѣщаніемъ дозволить имъ устроить молитвенный домъ и школу (что̀ до движенія къ православію консисторіею не дозволялось). Конечно это обѣщаніе, побудившее Гернгутеровъ отказаться отъ своего намѣренія, было скрыто отъ Государя. И вотъ нежданно-негаданно пришло высочайшее повелѣніе, чтобы отъ объявленія же-

ланія присоединиться до самаго присоединенія проходило шесть мѣсяцевъ. Такое распоряженіе крайне смутило Филарета и, по словамъ его, «повергло въ недоумѣніе и уныніе всѣхъ, ищущихъ православія». Такая мѣра имѣла неотразимымъ послѣдствіемъ полнѣйшій просторъ интригѣ и гоненіямъ и охлажденіе въ стремленіи къ присоединенію.

Но, дивное дѣло! Вскорѣ вновь проявилось движеніе и мѣстами очень сильное. Только достигалась цѣль съ бо̀льшими страданіями, только больше терній насаживалось на пути шествія бѣднаго народа въ объятія его новой матери—Россіи. Насмѣшка ли здѣсь судьбы или неисповѣдимые планы Зиждителя? Ни козни, ни муки, которымъ теперь дано болѣе простора, не останавливали народа.

Мы знакомы со взглядомъ Филарета на священниковъ, какіе нужны для новопросвѣщенныхъ Латышей. Но образованное общество Риги не могло быть удовлетворено такимъ составомъ. Даже самолюбіе требовало, чтобъ въ Ригѣ духовенство не уступало въ образованности пасторамъ, которыми такъ кичились бароны. «Нѣмцы доселѣ говорили, что Русскіе попы мужики», замѣчаетъ Филаретъ. Неспорно, такое замѣчаніе для всякаго Русскаго было слишкомъ обидно; а потому мысль Филарета поднять образовательный уровень Рижскаго духовенства сочувственно привѣтствовалась Русскими людьми. Филаретъ какъ бы ссылается на авторитетъ самого Государя въ этомъ вопросѣ, приводя его слова: «Вотъ съ крестиками-то священники (т.-е. магистры Академіи) мнѣ нравятся; сколько видѣлъ ихъ, они люди хорошіе, образованные, ихъ назначать ко мнѣ въ гвардію». А по своей признательности къ Московскому митрополиту Филаретъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Да, другъ мой, это много значитъ, много значитъ для св. вѣры, много значитъ для отца нашего митрополита, которому всѣмъ этимъ одолжена церковь наша».

По тѣмъ же соображеніямъ, какъ мы знаемъ, Филаретъ съ живымъ участіемъ отнесся къ желанію одного барона, женатаго на Русской, назначить ему на мызу хорошаго священника, который могъ бы быть законоучителемъ его сыновей. Филаретъ назначалъ это мѣсто для воспитанника Московской Академіи и очень хлопоталъ о скорѣйшемъ отысканіи благонадежнаго лица для замѣщенія. Наконецъ и для самого епархіальнаго управленія нужны были люди болѣе развитые. Филаретъ хлопоталъ привлечь въ Ригу академиковъ. Ходатайство его было разрѣшено Св. Синодомъ, и ему предоставлено озаботиться пріисканіемъ желающихъ. Разумѣется его взоры обратились къ родной его, Московской Духовной Академіи. Близка была ему она по его любви къ ней, близка по тому направленію, какое давалось ея питомцамъ. И вотъ шлетъ онъ туда просьбу за просьбою, мольбу за

мольбою. «Господа ради, прошу васъ, прошу всю братію, прошу о. ректора—пришлите питомцевъ вашихъ. Истинно говорю, что это будетъ несомнѣннымъ благомъ для церкви. Отъ души прошу тѣхъ, которыхъ вы выберете, не тяготиться жребіемъ; сколько достанетъ силъ и средствъ, постараюсь, при помощи Божіей, успокоить ихъ положеніе». «Да, забылъ упомянуть: квартиры для духовенства здѣсь казенныя, т.-е. пріобрѣтенныя приходами для церкви. Это конечно немалость, особенно на первый разъ». «Мнѣ очень будетъ тяжело, если вы не удѣлите отъ своихъ питомцевъ трехъ юношей преподобнаго Сергія. Вы конечно понимаете, почему мнѣ хочется именно изъ нашей Академіи видѣть здѣсь пастырей. Видѣлъ я, грѣшный, воспитанниковъ Питера. Христосъ съ ними! Господомъ прошу, не откажите въ милости». «Вы спрашиваете меня относительно удобствъ, какія могутъ быть для предназначенныхъ Синодомъ въ Ригу питомцевъ вашихъ, и пишете съ душевною скорбію. Конечно вы не сомнѣваетесь, что и я, грѣшный, озабоченъ симъ дѣломъ по любви къ питомцамъ преподобнаго Сергія. Но не думайте, прошу васъ, такъ невыгодно о здѣшнихъ мѣстахъ, какъ думаете вы. Вы полагаете, что здѣшніе священники вовсе ничего не получаютъ отъ прихожанъ (кромѣ жалованья). Нѣтъ, здѣшніе прихожане очень любятъ священниковъ. Довольно сказать, что они состоятъ изъ купцовъ и мѣщанъ; а вы знаете, что купечество наше, благодареніе Господу, набожно; здѣшнее таково же и даже болѣе привержено къ церкви, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Это зависитъ и отъ того, что, живя среди иновѣрныхъ, оно само, иновѣріемъ и особенно его враждою противъ православія, располагается любить православіе и православныхъ». Далѣе онъ сообщаетъ, какъ великъ доходъ священниковъ и приводитъ въ примѣръ одного изъ нихъ, который получаетъ вдвое противъ другихъ, благодаря своему истинно-пастырскому служенію, чѣмъ пріобрѣлъ любовь своихъ прихожанъ.

Но студенты, которымъ, какъ видно, предлагалъ Горскій, опасались службы въ Ригѣ. Ни для кого не было тайною, что̀ тамъ дѣлается. И опечаленный Филаретъ писалъ: «Очень жаль, что студенты отказываются отъ Риги. Теперь еще болѣе вижу, что имъ было бы очень выгодно жить здѣсь. По собраннымъ недавно вѣрнымъ свѣдѣніямъ здѣсь ни одинъ священникъ не получаетъ менѣе 2.000 рубл. (ассигн.). Теперь же еще назначается по 200 рубл. сереб. въ годъ. Да и жизнь для нихъ покойная. Другое дѣло жизнь грѣшнаго Филарета. Но воля Господня да будетъ!»

Отказъ студентовъ Московской Академіи побудилъ Филарета обратиться къ Петербургу. По счастію выборъ, какъ кажется, былъ удаченъ. «Не угодно преп. Сергію послать питомцевъ своихъ. Какъ бы-

ваетъ мнѣ это по временамъ скорбно! Петербургскіе хороши; но мнѣ было бы утѣхою быть со своими. Теперь нѣтъ сомнѣнія, что положеніе тѣхъ, которые прибыли бы сюда, было бы очень счастливое. Вотъ прислано каждому по 150 рубл. сереб. на обзаведеніе. Не говорю о жалованьи и мѣстахъ. Но опять повторю: да будетъ благословенно имя Господа Вышняго!»

Но Филаретъ, надо думать, не терялъ надежды на родную Академію и желая, быть можетъ, ея питомцевъ имѣть ближе къ себѣ, оставлялъ для нихъ мѣста въ Ригѣ. Къ такой увѣренности Филарета немало содѣйствовало личное участіе Московскаго митрополита. «О требуемомъ для васъ избраніи», писалъ митрополитъ, «заботимся, но еще успѣха нѣтъ. Вы знаете, что въ Москвѣ и около центра стремительная сила болѣе, нежели центробѣжная». Какъ видно, митрополитъ сдѣлалъ укоръ Филарету за необращеніе непосредственно къ нему, и на оправданіе Филаретъ писалъ ему: «Прежде всего позвольте поспорить противъ вашей мысли, что вамъ тягостно было безпокоить меня докукою о кандидатахъ священства, и будто тягостно даже для совѣсти. Для совѣсти тягостно было бы, еслибы вы изъ человѣкоугодія, чтобы не безпокоить меня, не требовали отъ меня нужнаго для общественной пользы. И вы не похвалу мнѣ написали, назвавъ безпокойствомъ для меня требованіе общеполезнаго; если я это почитаю безполезнымъ, то просилъ бы обличить меня и возбудить къ лучшимъ расположеніямъ». Великій учитель Московскій не измѣнялся, какъ видимъ, съ годами. «Требованіе ваше предложилъ я академическому правленію и начинаю безпокоиться, что не спѣшатъ, и располагаюсь безпокоить подтвержденіемъ. Жалѣю, что не очень удобно исполнять требованія сего рода. Въ Москвѣ особенно крѣпко прирастаютъ люди къ мѣсту, и не охотно позволяютъ оторвать себя», замѣтилъ митрополитъ. Въ противуположность такому приращенію къ мѣсту Филаретъ указывалъ Горскому на одного воспитанника Петербургской Академіи, который отказался отъ профессорства и предпочелъ служеніе въ Ригѣ. А чтобы заохотить Московскихъ, онъ не упускалъ случая о всѣхъ выгодахъ для Лифляндскихъ священниковъ сообщать Горскому, увѣряя, что и въ Москвѣ немного такихъ приходовъ.

Въ Декабрѣ 1847 года Филаретъ писалъ уже Горскому, прося прислать пятерыхъ академиковъ, для которыхъ остаются незанятыми мѣста. «Теперь обстоятельства здѣсь уже не прежнія; Русь начинаетъ имѣть просторъ; теперь въ одной Лифляндіи до 70 православныхъ священниковъ, а прежде не было и семи». Вотъ какихъ результатовъ достигъ своею неутомимою настойчивостію Филаретъ. Понять нетрудно послѣ этого все озлобленіе противъ него Нѣмцевъ.

Наконецъ родная Академія удѣлила ему двухъ своихъ питомцевъ, и Филаретъ извѣщаетъ о нихъ Горскаго: «Назаревскій и Варницкій [1]) здѣсь не скучаютъ. Тотъ и другой довольно тепло живутъ». А мнѣ со своими какъ-то свободнѣе и легче. Нельзя жаловаться и на Петербурскихъ. Всѣ трое смирны. Но со своими душѣ свободнѣе, опять скажу».

Прибывшіе священники, осмотрѣвшись, удостовѣрились, что жить дѣйствительно можно. Они стали перетягивать и другихъ. «Я жду отъ васъ надежнаго священника, о которомъ писалъ въ Академію Владимиръ Григорьевичъ [2]). Выберите получше, подобрѣе, такого какъ Владимиръ Григорьевичъ, котораго очень люблю и какъ добраго и какъ умнаго».—«Тотъ, о которомъ писали вы, по вашимъ же словамъ не очень одобрителенъ. А въ Ригѣ житье мудреное. Нѣмцы—народъ умный, городъ торговый, гдѣ богатство портитъ людей и, портя, губитъ счастіе». Одною изъ преградъ, какую ставили себѣ воспитанники Академіи, это—незнаніе туземнаго языка. Филаретъ убѣждалъ, чтобы этого не пугались, увѣряя, что на мѣстѣ легко выучатся и приводилъ примѣры: «Это говорю по опыту: 60 священниковъ, посвященныхъ мною, которыхъ первоначальныя познанія въ народномъ языкѣ были или слабы, или даже и ничтожны, теперь всѣ и говорятъ и пишутъ на народномъ языкѣ». При этомъ Филаретъ совѣтовалъ пріѣзжать неженатыми и избирать себѣ подругъ жизни здѣсь. «Это полезно во многихъ отношеніяхъ, на первый разъ и для разговора съ народомъ. Къ тому же скучно и женѣ быть на чужой сторонѣ, скучно и мужу не имѣть вблизи себя звѣна, связующаго съ здѣшнею мѣстностію».

Но все-таки, и помышляя уже о переводѣ изъ Риги, Филаретъ не переставалъ осаждать родную Академію требованіями священниковъ, очевидно желая, насколько это возможно, упрочить дѣло, на случай, еслибъ преемникъ его оказался человѣкомъ съ малымъ запасомъ энергіи. Въ отвращеніе такой гибельной для церкви случайности онъ просилъ въ преемники себѣ ректора Евсевія, зная его твердый, неуклончивый характеръ. Горскому же писалъ: «Я все ожидаю вашихъ питомцевъ. Такъ они нужны мнѣ. Приходы остаются безъ священниковъ. Размѣщеніе ихъ соединено для меня съ нѣкоторыми

---

[1]) Первый былъ ректоромъ дух. училища въ Ригѣ. Скончался въ Москвѣ въ 1881 г. Второй и нынѣ состоитъ ключаремъ Рижскаго каѳедральнаго собора, сохраняя почтительную память о Филаретѣ.

[2]) Назаревскій.

затрудненіями. Приходится переводить прежнихъ на новыя мѣста, а это, какъ понимаете, печалитъ переводимыхъ».

Наконецъ, явились ожидаемые воспитанники выпуска 1848 года и назначены: «Карелинъ на о. Эзель благочиннымъ и священникомъ, Поспѣловъ въ г. Вольмаръ, Троицкій на мызу. Карелинъ въ готовый церковный домъ и церковь, Бѣликовъ въ Рятное, очень богатое доходами. Я просилъ за нихъ преемника». Такъ извѣщалъ Филаретъ Горскаго, передавая уже свою паству новому пастырю.

Такимъ образомъ, девять академиковъ заняли священническія мѣста въ Лифляндіи.

Чтобы поднять духовенство и привлечь къ служенію церкви людей образованныхъ, конечно нужно было увеличить убогіе штаты священнослужителей. Это заботило Филарета, который на первыхъ же порахъ сталъ ходатайствовать объ увеличеніи содержанія духовенству. Къ прискорбію его, мѣстный епархіальный архіерей, Псковской преосвященный Наѳанаилъ возсталъ противъ этого. Утверждая, что Рижское духовенство болѣе обезпечено чѣмъ духовенство Псковской епархіи, онъ представилъ Синоду объ оставленіи ходатайства Филарета безъ уваженія. Ключемъ къ разгадкѣ такого противодѣйствія Наѳанаила можетъ служить мѣстная епархіальная интрига и слишкомъ узкій взглядъ владыки. Но Филаретъ былъ настойчивъ, и его это не остановило. Ходатайство свое онъ подкрѣпилъ слишкомъ вѣскими доводами, между прочимъ «разсчетомъ поставить духовенство на видныя мѣста, чтобы иновѣріе не могло указывать на недостатки жизни въ упрекъ православію» *). Синодъ, разумѣется, не могъ включить вопросъ этотъ въ такія узкія рамы, въ коихъ смотрѣлъ на него Псковской владыка, и ходатайство Филарета было уважено. Получены штаты, къ нимъ добавочныя, далѣе на обзаведеніе.

Какую же награду просилъ для себя Филаретъ? «Еслибы духовенство Рижское помянуло меня за гробомъ»! писалъ онъ Горскому, съ особенною радостію извѣщая его объ успѣхѣ этого дѣла.

*

Много горя пришлось перенести Филарету въ его заботахъ объ огражденіи присоединившихся и искавшихъ присоединенія къ православію отъ жестокаго ихъ преслѣдованія.

---

*) Ходатайство Филарета докладывалось Государю; въ слѣдъ за тѣмъ Филаретъ, побуждалъ Московскихъ академиковъ ѣхать въ Ригу и извѣщалъ Горскаго: «Жалованье еще прибавится, на что имѣю увѣреніе изъ Синода, пока частное».

Вотъ какъ описывается положеніе Латышей на основаніи офиціальныхъ свѣдѣній, имѣющихся при дѣлахъ оберъ-прокурора Св. Синода. «Кажется, всякаго рода насилія, истязанія, жестокости и ухищренія пущены были въ ходъ и приведены въ дѣйствіе, чтобы отвратить Латышей и Эстовъ отъ принятія православія. Несчастныхъ жертвъ морили голодомъ, сгоняли съ земли съ цѣлою семьей, лишали мѣстъ, бросали въ тюрьмы, били палками, забивали до изуродованія и даже до смерти, волочили по судамъ, подстерегали каждое ихъ слово и дѣйствіе, подвергали допросамъ, брили имъ головы, издѣвались надъ ними всячески, употребляя всѣ мѣры, всѣ средства, чтобы вывести ихъ изъ терпѣнія и возбудить къ бунту; такъ что по выраженію преосв. Филарета, надобно при этомъ удивляться только одному—терпѣнію невинныхъ страдальцевъ. Истинно, самъ Господь подкрѣпляетъ ихъ силы, терзаемыя изувѣрствомъ и своекорыстною ненавистію. На долго ли станетъ терпѣнія ихъ? Богъ знаетъ. Доселѣ они покойно идутъ, какъ овцы на бойню—на судъ Нѣмецкій».

Картину этого времени хорошо рисуетъ одинъ и, за исключеніемъ Филарета, быть можетъ, единственный въ то время Русскій дѣятель въ Лифляндіи въ духѣ православія и человѣколюбія, графъ Д. Н. Толстой. Онъ привелъ въ извѣстность всѣ правительственныя распоряженія по дѣлу о присоединеніи и раздѣлилъ ихъ: 1) относящіяся до порядка присоединенія и содѣйствія духовной власти со стороны гражданскаго управленія, 2) къ устройству постоянныхъ и временныхъ церквей и школъ, 3) по охраненію общественнаго порядка и спокойствія, 4) о преслѣдованіи злоупотребленій властью и обязанностями. Этимъ желалъ онъ дать правильное направленіе и движеніе дѣлу, вывести его изъ хаоса. Но едва удалось ему окончить трудъ этотъ, какъ дѣло снова было сбито съ правильнаго пути въ непроглядную сферу хаоса и интригъ. Получилось секретное распоряженіе военнаго министра объ учрежденіи военно-ссудной коммиссіи для дѣлъ о разглашателяхъ. Въ народѣ всегда ходятъ какіе-либо слухи, затрогивающіе болѣе или менѣе близкія ему струны. Такъ было и здѣсь. Изстрадавшійся народъ искалъ въ своихъ мечтахъ исхода къ лучшему. И вотъ пошла огласка, что можно переселяться въ теплыя земли, т. е. на Югъ, гдѣ непрепятственно исповѣдуется православная вѣра. Надежда на переселеніе, весьма можетъ быть, придавала бодрости и терпѣнія. Но эти невинные слухи окрасили небывалымъ народнымъ волненіемъ. Предсѣдателемъ коммиссіи назначенъ былъ ген.-м. Крузенштернъ, членами флигель-адъютанты Ефимовичъ и Анненковъ. Самое назначеніе Крузенштерна убѣждало всѣхъ въ томъ, что здѣсь дѣло Нѣмецкой партіи. «Но не въ этомъ еще зло», говоритъ графъ Толстой; «оно

заключается въ разъединеніи дѣйствій правительства по одному и тому же дѣлу. Сношенія наши съ Петербургомъ раздѣлились на четыре пути: первый прямой, черезъ министра внутреннихъ дѣлъ; второй—архіерейскій, черезъ оберъ-прокурора св. Синода; третій—черезъ военнаго министра и, наконецъ, по начинающемуся, какъ слышно, движенію въ Эстляндіи (состоящей въ С.-Петербургскомъ викаріатѣ) четвертый—черезъ митрополита Антонія. Естественно, что донесенія эти будутъ различествовать по мѣрѣ различія въ воззрѣніяхъ на предметъ, и вмѣсто того, чтобы придать дѣйствію правительства болѣе энергіи и единства, мы должны теперь ожидать мѣры на мѣру, повелѣнія на повелѣніе».

И какъ же пошло дѣло? Что̀ нашли? «Флигель-адъютанты пріѣхали и напрасно ищутъ дѣла. Военный министръ не ладитъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и вотъ прислалъ флигель-адъютантовъ, потому что будто бы изъ множества производящихся здѣсь слѣдствій ни одно не кончено (это вздоръ), а въ самомъ дѣлѣ ему нужно противодѣйствовать Перовскому. Для Чернышова здѣсь нѣтъ ничего и никого: въ виду одинъ Перовскій. И бѣднаго старика моего *) тянутъ и рвутъ во всѣ стороны и сбиваютъ съ толку. Графъ Протасовъ видитъ въ этомъ дѣлѣ ленту; епископъ хлопочетъ о распространеніи паствы, *во что̀ бы ни стало*; ген.-губернаторъ, думая въ душѣ быть безпристрастнымъ, на самомъ дѣлѣ оказывается слабымъ. Одинъ Перовскій глядитъ широко и видитъ въ этомъ дѣлѣ распространеніе Русскаго элемента. Онъ постигаетъ, что положеніе здѣшняго края аномалическое для Россіи, и потому я служу въ его министерствѣ. Я служу, ибо раздѣляю его убѣжденія; чуть замѣчу, что дѣло противно моему убѣжденію, противно совѣсти — брошу и уѣду».—«Часто мы обманываемъ себя, относя къ безпристрастію равнодушіе и холодность нашу къ дѣлу, въ которомъ чувствуемъ, что должны бы были принять участіе; и чтобы помириться самимъ съ собою, громко называемъ себя безпристрастными». Конечно слова эти всецѣло относились къ Головину, который, по замѣчанію графа Толстаго, наконецъ сдѣлался совершеннымъ Нѣмцемъ по убѣжденіямъ.

Интрига работала во всеоружіи. «Теперь дѣло присоединенія находитъ новыхъ обвинителей», повѣствуетъ графъ Толстой: «говорятъ, разумѣется православные, что нашъ народъ не хочетъ обращаться съ неофитами и что даже Русскіе жители Дерпта хотѣли подавать объ этомъ просьбу. Начинаютъ опасаться раскола тѣ, которые никогда прежде того не заботились объ интегральности Русской церкви. Го-

*) Головина.

ворятъ, что новоприсоединенные вносятъ протестантизмъ въ нѣдра нашей церкви».

Когда Государь выѣхалъ въ чужіе края, Имперіею управлялъ Государь-Цесаревичъ. Онъ повелѣлъ раздѣлить обвиняемыхъ въ разглашеніи ложныхъ слуховъ о выгодахъ, сопряженныхъ будтобы съ переходомъ въ православіе, на два разряда: «1) Дѣйствующихъ съ злостнымъ умысломъ посредствомъ обольщеній привлечь въ православіе простодушныхъ. 2) Безъ умысла повторяющихъ слышанное. Первыхъ судить военнымъ судомъ, а вторыхъ подвергать полицейскимъ наказаніямъ». Чѣмъ же это кончилось? Тюрьмы переполнились, и ни одинъ изъ заключенныхъ, по свидѣтельству графа Толстаго, не принадлежалъ ни къ первому, ни ко второму разряду. Забыли о третьихъ, которые на самомъ дѣлѣ одни только и были: это тѣ, которые безъ злостнаго умысла говорятъ вздоръ, не повторяя однакоже слышаннаго, а сами толкуя превратно дѣло, по крайнему своему разумѣнію. Такими-то и были наполнены тюрьмы.

Какъ же относился Филаретъ къ этому убійственному въ собственномъ смыслѣ дѣлу? Прежде всего онъ обратился къ молитвенной помощи родной своей лавры. «Здѣсь столько теперь трудовъ и скорбей! Нѣмцы со всѣмъ ожесточеніемъ возстали противъ дѣла православія. И происки, и клеветы—все въ ходу. Бѣдныхъ крестьянъ волнуютъ и мучатъ. Волнуютъ и высшее начальство сомнѣніями. Чиновники летаютъ изъ Петербурга въ Ригу для повѣрокъ. Слѣдствія за слѣдствіями. Помолитесь Господу Богу за грѣшнаго Филарета. Помолитесь Божіей Матери и преподобному Сергію о защитѣ невинныхъ и святаго православія. Радъ бы писать, но нѣтъ времени».

«Нынѣ—покой, завтра—тревога», писалъ Филаретъ. «Ни за одинъ день нельзя поручиться. Вотъ недавно два раза присылаемъ былъ флигель-адъютантъ. Тревогъ довольно. Сперва огласили: въ Перновѣ бунтъ, оказался покой. Вотъ затѣмъ огласили: въ Аренсбургѣ бунтъ, и опять не нашлось бунта. Представьте, что о каждомъ такомъ дѣлѣ пишутъ ко всѣмъ министрамъ и къ Государю. Вы поймете, что много надобно твердости, чтобы не возмущаться по этой волнующейся пучинѣ. По крайней мѣрѣ у меня грѣшнаго нѣтъ такой крѣпости, чтобы оставаться покойнымъ. Да будетъ воля Господа! Видно, каждому своя дорога. Каждаго ведетъ Отецъ Небесный Своимъ путемъ. Въ прошломъ Декабрѣ (1845 г.), теперь скажу какъ о прошломъ, совсѣмъ готовился я для того пути, которымъ выѣхалъ отсюда предмѣстникъ мой. Такъ назначали, такъ объявляли, такъ писали. Но вотъ доселѣ еще здѣсь, на радость Нѣмцамъ добрымъ. Что̀ будетъ далѣе, что́ будетъ завтра? Не знаю, истинно не знаю».

Но подъ давленіемъ тяжелой скорби и собственныхъ опасеній не слабѣетъ дѣятельность Филарета. Напротивъ, какъ будто бы она еще болѣе возбуждается ими. Обливаясь слезами, описываетъ Филаретъ притѣсненія и обиды Латышей и препровождаетъ записки свои къ генералъ-губернатору, то ѣдетъ къ нему просить о несчастныхъ, то къ губернатору, то проситъ посредничества графа Толстаго и обо всемъ пишетъ въ Петербургъ графу Протасову; а несчастныхъ, приходящихъ къ нему, укрѣпляетъ въ терпѣніи, даетъ совѣтъ и собственными слезами участія облегчаетъ имъ душу.

Противодѣйствіе православію дошло до наглаго его оскорбленія. Такъ наприм., кирхенфоршпильсратъ Дерптско-Верровскій, собравъ общее собраніе всѣхъ церковныхъ попечителей и проповѣдниковъ своего округа, въ виду «настоящей и въ близкой будущности нашей отечественной (?) церкви предстоящей участи» (какъ писалъ онъ) предложилъ имъ для непремѣннаго руководства слѣдующія правила: 1) *Странствующій* (?) Русскій священникъ не имѣетъ права требовать на мызѣ помѣщенія для подвижной церкви, пока не предъявитъ полнаго отъ орднунгсгерихта удостовѣренія въ отправленіи его для исполненія духовныхъ требъ на землѣ того мызнаго управленія. 2) О прибытіи Русскаго священника обязаны мызныя управленія немедленно черезъ нарочныхъ доносить орднунгсгерихтамъ, церковнымъ попечительствамъ и мѣстнымъ проповѣдникамъ. 3) Всѣ священнодѣйстія священниковъ, за исключеніемъ частныхъ требъ, какъ-то крещенія, погребенія и т. п., должны происходить въ присутствіи лица, командированнаго отъ орднунгсгерихта и мѣстнаго попечительства. При этомъ вмѣнялось и мызному управленію въ обязанность назначать отъ себя представителя для строгаго контроля надъ дѣйствіями священника. 4) Въ тѣхъ мызахъ, гдѣ нѣтъ членовъ общества, присоединившихся къ Греческой церкви, отнюдь не дозволять исполненія духовныхъ требъ. 5) Не допускать, чтобы подвижная церковь ѣздила по деревнямъ, и совершалось тамъ присоединенія. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда по настоятельной необходимости исполнить какую-либо духовную требу священникъ поѣхалъ бы въ деревню, мызный представитель обязанъ былъ ему сопутствовать и строго наблюсти за неуклоненіемъ священника отъ установленныхъ правилъ, т.-е. чтобы не допускали записыванія и мvропомазанія. Въ противномъ случаѣ предлагалось черезъ нарочнаго обращаться за содѣйствіемъ къ орднунгсгерихту, а до времени, въ качествѣ мызной полиціи, дѣйствія священника съ осторожностію и благоразуміемъ остановить. 6) Строго наблюдать, чтобы при подвижной церкви не записывались тѣ, кои о желаніи своемъ заявляли только по прибытіи церкви. (Здѣсь опять забота: чтобы народъ, обманутый

и возмущенный распространенными слухами объ ожидаемыхъ, вслѣдствіе присоединенія, свѣтскихъ выгодахъ, не взиралъ на появленіе подвижной церкви, какъ на вызовъ и повелѣніе присоединяться). 7) Опять повторяется, вѣроятно для вящаго вразумленія, о строгомъ наблюденіи за *странствующими* Русскими священниками, о донесеніи оберокирхенфоршпильгерихту и принятіи соотвѣтствующихъ мѣръ. 8) Дозволяя *странствующему* Русскому духовенству въ присутствіи представителя мызнаго правленія богослуженіе и совершеніе требъ на тѣхъ мызахъ, гдѣ уже есть члены общества, перешедшіе къ Греческой церкви, допускать присоединеніе только прежде записанныхъ членовъ общества, но не иначе, какъ въ присутствіи церковныхъ попечителей и испытаніи каждаго присоединяющагося въ томъ, что онъ имѣетъ твердое и истинное желаніе присоединиться, не побуждаясь къ тому земными выгодами и по надлежащемъ потомъ *въ правилахъ Греческой церкви законоученіи.* Вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендовалось строгому наблюденію, чтобы присоединяемые имѣли надлежащія умственныя способности и совершеннолѣтіе (для мужчинъ 18 лѣтъ, для женщинъ 16 лѣтъ). Недостигшіе же послѣдняго не иначе должны допускаться, какъ съ согласія обоихъ родителей. Въ случаѣ отступленій также предлагалось доносить орднунгсгерихту и остановить дальнѣйшія дѣйствія священника (здѣсь «осторожность и благоразуміе» уже не рекомендовались) и т. д. Еще два параграфа, въ которыхъ между прочимъ говорится, чтобъ проповѣдники доставили немедленно свѣдѣнія о числѣ присоединенныхъ къ православію малолѣтнихъ. Эту инструкцію оберкирхенфоршпильсратъ заключаетъ увѣренностію, что ее будутъ выполнять «съ благоразуміемъ и сознаніемъ своихъ христіанскихъ, человѣческихъ и *подданническихъ* (?) обязанностей».

Итакъ одновременно съ повелѣніями государственной власти шли распоряженія мѣстнаго лютеранскаго духовнаго управленія, затрудняющія исполненія первой и убаюкивающія бдительность Русскихъ правителей трогательною заботливостію о выполненіи вѣрноподданническаго долга! Филаретъ горячо отстаивалъ новыхъ чадъ церкви, побѣждая лютеранскую консисторію своею несокрушимою логикою, уличая ее ея же словами. Такъ, напримѣръ, писалъ онъ ген.-губернавору въ Декабрѣ 1845 г. «По разсмотрѣніи препровожденнаго дѣла и сличеніи съ документами, находящимися у меня, считаю долгомъ предложить слѣдующій отзывъ:

«1) Экстрактъ консисторіи говоритъ о движеніяхъ церковныхъ, происходившихъ до Апрѣля мѣсяца сего года; а въ Ноябрѣ консисторія проситъ суда надъ Карломъ Эрнестомъ и Давидомъ Баллодомъ. Но а) если смотрѣть на Эрнеста и Баллода, какъ на ви-

новныхъ въ церковныхъ движеніяхъ (какъ заставляетъ смотрѣть и отношеніе консисторіи), то, поелику они присоединились къ св. православію, по силѣ ст. 209 и 211-й XV т. Св. Зак. должны считаться свободными и отъ отвѣтствія, и отъ суда, тѣмъ болѣе, что они теперь самые искренніе христіане православія. Предъ самымъ присоединеніемъ ихъ отзывъ г. гражданскаго губернатора отъ 5-го Апрѣля сего года за № 4456 (требовавшійся по первоначальному порядку присоединенія) говорилъ о Давидѣ Баллодѣ: «поведенія хорошаго», о Карлѣ Эрнестѣ: «ведетъ пристойно званію добропорядочную жизнь, и о немъ полиціи ничего предосудительнаго неизвѣстно». Самые отзывы выисканныхъ лицъ экстракта представляютъ Карла Эрнеста и Давида Баллода ищущими только одного благочестія; сами пасторы въ экстрактѣ говорятъ о нихъ тоже. б) Еслибы Баллодъ и Эрнестъ и оставались еще въ лютеранствѣ и не были бы ограждены отъ подозрѣній свидѣтельствомъ гражданскаго начальства и отзывами самаго экстракта: и тогда странно, что отношеніе консисторіи требуетъ суда только надъ этими двумя лицами, тогда какъ экстрактъ ея говоритъ еще о Лукѣ Михельсонѣ, Андреѣ Вейдѣ и другихъ, открывавшихъ недовольство свое церковнымъ положеніемъ. А еще страннѣе, еще непонятнѣе, что консисторія, горячо возставая противъ Баллода и Эрнеста, которые ни личностію, ни выставляемымъ дѣломъ православія, болѣе не подлежатъ ея вѣдѣнію, оставляетъ безъ вниманія дѣла пасторовъ Трея и Ширена, которыхъ такъ винитъ самый экстрактъ. в) Благовременно ли консисторія собралась успокоивать движенія, происходившія въ лютеранствѣ? Почти полтора года прошло послѣ того, какъ было первое, выставляемое ею, виновное по ея понятію, движеніе, и цѣлые семь мѣсяцевъ послѣ послѣдняго движенія; теперь дѣйствія ея скорѣе говорятъ о явномъ противодѣйствіи православію, чѣмъ о порядкѣ дѣла».

«2) Что касается до дѣла нѣкоторыхъ членовъ братства *), изъявившихъ мнѣ благочестивыя желанія свои, до чего частію касается экстрактъ; то а) прежде всего слѣдуетъ сказать, что это дѣло совершенно отдѣльное отъ дѣла о присоединеніи Латышей къ православію. Послѣднее отдѣлено отъ перваго высочайшею волею, сообщенною мнѣ въ отношеніи г на оберъ-прокурора Св. Синода отъ 14-го Марта с. г. за № 1799 и пространнѣе изображено въ дополнительной инструкціи Рижскому епископу, высочайше утвержденной 25-го Апрѣля с. г. Сообразно съ сею волею, каждый, желающій православія, изъявляетъ желаніе отъ себя, а не отъ общества и испытывается въ чистотѣ и искренности добровольнаго желанія за себя самого, въ при-

*) Гернгутеровъ.

сутствіи гражданскаго или сельскаго чиновника. Самое первое такое испытаніе, сообразно съ высочайшею волею, происходило 25 Марта, а въ самый первый разъ присоединеніе Латышей-лютеранъ къ православію совершено 21-го Апрѣля, т.-е. далеко послѣ всего, о чемъ говоритъ экстрактъ. Кто хотѣлъ подвергаться такому испытанію, тотъ и былъ подвергаемъ; кто искренно желалъ православія, тотъ и былъ присоединенъ; а кто, хотя и изъявлялъ когда-либо желаніе православія, но перемѣнилъ желаніе, по себѣ ли самъ, или отвращенный отъ добраго намѣренія усиліями худыхъ людей,—тотъ предоставляется суду Божію, какъ и отвращавшій его. Такимъ образомъ консисторія напрасно въ своемъ отношеніи позволяетъ себѣ оскорбительныя выраженія о дѣлѣ православія; напрасно, безъ всякихъ доказательствъ, чернитъ православныхъ Баллода и Эрнеста именами, которыхъ не оправдываетъ даже экстрактъ ея, не имѣющій, какъ сказано, связи съ присоединеніемъ къ православію, а еще менѣе самое дѣло присоединенія; напрасно тѣмъ болѣе, что консисторіи, какъ показываетъ экстрактъ ея, извѣстна высочайшая воля, сообщенная ей отъ 20-го Марта, запрещающая, какъ и общеизвѣстный законъ Имперіи, всякій поступокъ противъ православія. б) Для пользы тѣхъ, которые грѣшатъ по невѣдѣнію противъ благочестиваго дѣла *), вынуждаюсь сказать, что дѣло членовъ братства происходило такъ. Послѣ принесенной мнѣ горькой жалобы членами братства на то, что пасторы упорно отказываютъ имъ въ дозволеніи совершать утреннее и вечернее богослуженіе (понятно, что такой жалобы не могъ я причислить къ формальнымъ моимъ дѣламъ), послѣ врученія членамъ православнымъ Латышскихъ книгъ, предложены были на Русскомъ и Латышскомъ языкѣ письменныя условія, на которыхъ православный епископъ согласенъ принять во вниманіе благочестивыя желанія страждущихъ, а между этими условіями было и соединеніе съ православіемъ. Бумага съ условіями отдана была самому братству, читана была членами въ собраніи братства и въ домахъ, и кто соглашался съ условіями, подписывался подъ бумагою, кто не хотѣлъ соглашаться, не подписывался. Православный катехизисъ, православный молитвенникъ, православная литургія, всѣ три на Латышскомъ языкѣ, отданные братству, вполнѣ уясняли для братства то, о чемъ шло дѣло. Слѣдовательно каждый подписавшійся, какъ умѣющій читать, а еще болѣе слушать, могъ знать въ чемъ дѣло. Когда набралось значительное число желавшихъ поступать, согласно съ условіями, на подачу прошенія къ епископу, потребовалась довѣренность отъ общества од-

*) Вразумительно и для ген.-губернатора.

ному лицу, и довѣренность, написанная на Русскомъ языкѣ и кратко выражавшая содержаніе вышепомянутой бумаги, подписана собственноручно унтеръ-офицеромъ Маркевичемъ, Давидомъ Баллодомъ, Карломъ Бертулемъ, Атомъ Медни, и за другихъ подписана Маркевичемъ же. Такимъ образомъ, а а) никто не могъ жаловаться на кого-либо по этому дѣлу: дѣло было предоставлено разумѣнію и волѣ каждаго. б б) Считая тяжелымъ для совѣсти обличать неправды другихъ, ограничиваюсь однимъ примѣромъ. Экстрактъ говоритъ о Яковѣ Маркевичѣ, будто по показанію его, Маркевича, онъ Маркевичъ не самъ подписывалъ довѣренность, а подписывалъ за него Баллодъ, и будто онъ только 8-го Марта въ полиціи узналъ, что дѣло идетъ о соединеніи съ православіемъ. Ни того, ни другаго не говорилъ и не могъ говорить Маркевичъ: перваго потому, что довѣренность подписывалъ онъ самъ своею рукою, и даже подписывалъ ее за другихъ, какъ показываетъ самая довѣренность; втораго потому, что не только довѣренность подписана имъ за себя и за другихъ, но и бумагу съ условіями соединенія подписалъ онъ своею рукою, да и онъ же присоединился къ православію однимъ изъ первыхъ. вв) Вынуждаюсь повторить опять, что если консисторія не знала хода дѣла братскаго, то ей надлежало по крайней мѣрѣ быть осторожною въ своемъ отзывѣ о дѣлѣ православія, чтобы не подвергнуться самой осужденію; если же знала, то тогда не лучше и для совѣсти, и для чести ея».

Самую яростную оппозицію выразило православію Дерптско-Верровское главное церковное попечительство. Прежде всего оно обратилось къ Дерптскому протоіерею Березскому съ своимъ протестомъ, стараясь подкрѣпить его ссылками на разные законы и даже указы 1819 года. Вотъ этотъ курьезный протестъ и отвѣтъ на него Филарета ген.-губернатору.

«Въ силу приложеннаго у сего въ копіи § 25 высочайше утвержденнаго устава духовныхъ консисторій отъ 27-го Марта 1841 г. обязаны священники желающихъ присоединиться къ православной Греко-россійской вѣрѣ иновѣрцевъ прежде всего наставлять и утверждать въ ученіи православной вѣры, а указомъ отъ 8 Января 1819 г. (также при семъ въ копію приложенномъ и выписанномъ изъ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи) Св. Правительствующій Синодъ, принявъ въ соображеніе, что присоединять къ православной церкви такихъ протестантовъ, кои не по прямому расположенію, но по другимъ самою церковью отвергаемымъ видамъ обращаются къ ней, было бы противно Евангельскому духу, приказалъ принимать и присоединять къ церкви протестантовъ, которые имѣютъ понятіе и совершенный возрастъ, требуемый для дѣйствительности произволенія

къ супружеству, т.-е. по сему синодскому указу лица мужескаго пола 15, а женскаго 12 лѣтъ, а Свода Зак. изд. 1842 г. т. X. зак. гражд. по статьѣ 3-й (основанной на высочайшемъ указѣ отъ 19-го Іюля 1830 г.) лица мужескаго пола 18, женскаго 16 лѣтъ; совершать же обрядъ присоединенія протестантовъ не иначе, какъ если они, по предварительномъ испытаніи, окажутся имѣющими твердое и истинное расположеніе, а присоединеніе малолѣтнихъ дѣтей, до вышеозначеннаго возраста, по таковомъ же испытаніи и когда родители тѣхъ дѣтей подтвердятъ произволеніе ихъ своимъ согласіемъ. Необходимость въ точнѣйшемъ исполненіи сихъ высочайшаго и синодскаго указовъ высказывается нынѣ относительно здѣшнихъ крестьянъ, тѣмъ болѣе, что (какъ всѣмъ и всякому извѣстно) вслѣдствіе слуховъ, распространившихся между ними, подтвердилось и у крестьянъ ложное мнѣніе, будто бы они присоединеніемъ къ православной Греко-россійской церкви получатъ большія выгоды, какъ-то: по числу душъ раздѣленную землю, освобожденіе отъ барщины, подушныхъ податей или рекрутской повинности, или другія свѣтскія выгоды, либо отвратятъ угрожающіе имъ ущербы, а именно возвращеніе въ прежнее крѣпостное состояніе. Все это не можетъ быть неизвѣстно здѣшнему Греко-россійскому духовенству, а особливо вашему высокопреподобію, тѣмъ болѣе, что вы присутствовали при многихъ въ здѣшнихъ полицейскихъ присутственныхъ мѣстахъ произведенныхъ слѣдствіяхъ, изъ которыхъ ясно обнаруживалось существованіе таковыхъ ложныхъ слуховъ и мнѣній, и что были случаи, въ которыхъ Эсты православнаго Греко-россійскаго исповѣданія и даже природные Русскіе являлись для внесенія ихъ именъ въ списокъ подобно крестьянамъ лютеранскаго исповѣданія, частно у своихъ господъ, а частно у вашего высокопреподобія, съ тѣмъ намѣреніемъ (какъ по слѣдствіямъ оказалось), чтобы имѣть участіе въ выгодахъ, ожидаемыхъ крестьянами, присоединяющимися къ Греко-Россійской церкви, или чтобы избѣжать предполагаемаго ими возвращенія въ крѣпостное состояніе. Несмотря на вышеизложенные законы и обстоятельства, несмотря на то, что по п. 2-му публикаціи генералъ-губернатора отъ 29-го Октября с. г. присоединеніе къ церкви должно быть совершаемо по высочайшей волѣ согласно предписанному общему порядку,—присоединено въ г. Дерптѣ нѣсколько тысячъ здѣшнихъ крестьянъ лютеранскаго исповѣданія къ Греко-россійской церкви, и присоединяется почти ежедневно до *ста*, даже до *двухсотъ* человѣкъ, безъ всякаго наставленія и утвержденія ихъ въ ученіи сей церкви и безъ всякаго предварительнаго испытанія, а въ особенности испытанія сообразнаго съ нынѣшними обстоятельствами, могущаго удостовѣрить въ томъ, что они не въ ожиданіи свѣтскихъ выгодъ, но

по прямому и твердому расположенію желаютъ оставить свою прежнюю вѣру и принять Греческую. Являющіеся къ присоединенію допускаются по большей части толпами около *сорока* и болѣе человѣкъ, и кромѣ объявленія, что имъ не ожидать свѣтскихъ выгодъ, спрашиваютъ ихъ не по одиночкѣ, но всѣхъ совокупно о томъ, желаютъ ли они присоединиться изъ лютеранства къ православію чистосердечно и отъ всей души, на что естественно слѣдуетъ изъ находящейся чрезъ помянутые ложные слухи въ заблужденіи толпы утвердительный отвѣтъ, тѣмъ болѣе, что даже носится слухъ между ними, будто священникамъ не позволено сказывать имъ правду относительно ожидаемыхъ ими выгодъ. Сверхъ того присоединено къ Греко-россійской церкви въ противность законныхъ постановленій и много малолѣтныхъ дѣтей, ниже 18 и 16 лѣтъ безъ согласія ихъ родителей или лицъ, заступающихъ ихъ мѣсто». Затѣмъ попечительство, заявляя о такомъ будто бы нарушеніи православнымъ духовенствомъ правъ евангелическо-лютеранской церкви и оскорбленіи ся, грозитъ о такихъ несообразныхъ съ законами дѣйствіяхъ духовенства довести до свѣдѣнія, куда слѣдуетъ. Подписалъ ландратъ баронъ Брюнингъ.

На этотъ вызовъ Филаретъ отвѣчаетъ, что лютеранское попечительство требуетъ: «1) Не того о чемъ говоритъ. Еслибы оно было искренно, оно созналось бы, что домогается собственно того, чтобы остановить успѣхъ православія. Соблюдается-ли или не соблюдается православными священниками правило православной консисторіи, лютеранскому попечительству конечно нѣтъ дѣла до того; и оно конечно чувствуетъ, что входитъ въ чужое дѣло, съ опасностію получить выговоръ за вмѣшательство въ чужое дѣло». (Здѣсь конечно заключается легкій намекъ на то, какой взглядъ долженъ установить на это дѣло представитель власти).

«2) Не того, чего бы обязано было требовать. Оно обязано наблюдать, чтобы ни частныя, ни начальственныя лица лютеранскаго исповѣданія не оскорбляли правъ человѣчества. А что̀ дѣлается лютеранами Лифляндіи? Когда вводилось лютеранство на мѣсто Римскаго исповѣданія, помѣщикъ вводилъ пастора въ костелъ и говорилъ крестьянамъ: вы теперь лютеране, и вотъ вамъ пасторъ! Если же кто послѣ того не шелъ слушать пастора, того помѣщикъ велѣлъ бить палками, пока бѣднякъ начиналъ кричать «и я лютеранинъ». Теперь пасторъ и помѣщикъ хватаютъ крестьянина и послѣ домашнихъ истязаній отдаютъ, подъ судъ—за что? За то, что бѣднякъ и простякъ сказалъ другому исповѣдь своей души: Русская вѣра хороша. Пусть

подумаетъ лютеранское попечительство, о чемъ оно обязано теперь пещись?

3) Требуя подробно наставленія для каждаго присоединяющагося, оно требуетъ по настоящему положенію дѣлъ невозможнаго. а) Дерптское попечительство хорошо знаетъ, что оно само первое закричало бы: бунтъ, бунтъ, заговоръ, заговоръ, еслибы священникъ собралъ около себя хотя бы до 500 крестьянъ-лютеранъ, для преподаванія имъ наставленія о различіи православія отъ лютеранства. Говорю: хорошо это знаетъ, потому что предсѣдатель попечительства г-нъ Брюнингъ первый въ концѣ Сентября прислалъ въ Ригу доносъ на какой-то бунтъ въ Дерптѣ, когда крестьяне приходили къ священнику для православія, и онъ же г-нъ Брюнингъ получилъ справедливый выговоръ за дерзость того же времени противъ генералъ-губернатора. б) При общемъ движеніи народа къ какому бы то ни было благородному дѣлу не спрашиваютъ у каждаго частнаго лица отчета, почему, къ чему и для чего онъ стремится къ благородному дѣлу? Тогда начальство обязано только радоваться этому движенію, хвалить его, усиливать прекрасное чувство, управляющее движеніемъ; тогда тотъ, кто сталъ бы упрекать начальство въ томъ, что оно не объясняетъ каждому, къ чему и для чего онъ стремится, былъ бы врагъ общества, врагъ всего благороднаго, преступникъ уголовный. Такъ бываетъ при движеніяхъ народа въ защиту отечества. Такъ бываетъ при движеніяхъ религіозныхъ. Законъ, которымъ прикрываетъ свое требованіе попечительство, не говоритъ о такихъ случаяхъ. в) Если попечительство позволяетъ себѣ говорить, будто Дерптское духовенство присоединяетъ крестьянъ «безъ всякаго предварительнаго испытанія, а въ особенности испытанія сообразнаго съ нынѣшними обстоятельствами», то оно слишкомъ смѣло и подвергаетъ себя опасности быть подъ судомъ за клевету. *Вопервыхъ*, лютеранское попечительство не приглашаютъ къ присутствію при принятіи крестьянъ съ желаніями вѣры; и слѣдовательно оно не въ состояніи своею личностію свидѣтельствовать, какъ совершается принятіе такихъ крестьянъ, еслибы отзывъ его и принятъ былъ за отзывъ свидѣтеля. *Вовторыхъ*, ни одинъ чиновникъ, прикомандированный къ Дерптскому-ли или къ другому священнику, никогда, ни частно, ни формально, не жаловался (да и не имѣетъ основанія жаловаться), чтобы присоединяли крестьянъ «безъ всякаго испытанія». Особенно же въ послѣднее время, когда столько сдѣлано подтвержденій священникамъ, столько введено новыхъ строгостей по дѣлу принятія крестьянъ, надобно имѣть слишкомъ мало совѣсти, чтобы позволять себѣ дѣлать такой отзывъ о святомъ дѣлѣ, какой дѣлаетъ лютеранское попечительство.

4) Лучше думать, что лютеранское попечительство не понимаетъ, чего требуетъ. Принимающія православіе лица лютеранскаго исповѣданія суть или конфирмованныя или неконфирмованныя. Неконфирмованныя а) по правиламъ лютеранской церкви не могли быть допущены къ св. причастію, не бывъ предварительно наставлены (конфирмованы) относительно главныхъ предметовъ христіанства въ познаніи Бога, Св. Троицы, великаго подвига Господа нашего Іисуса Христа и въ нравственныхъ правилахъ вѣры. Если же конфирмованные утверждены въ главныхъ существенныхъ предметахъ вѣры, то православная церковь не имѣетъ причины лишать ихъ таинства мѵропомазанія, или что́ тоже поставлять ихъ въ рядъ Магометанъ. б) Конфирмованныя по правиламъ лютеранской церкви для полученія права на св. причастіе утверждены въ существенныхъ правилахъ вѣры и жизни. Но для нихъ не считалось необходимымъ, чтобы доходили они до тонкихъ и высшихъ богословскихъ разсужденій о вѣрѣ, доступныхъ только тѣмъ, которые исключительно посвятили себя изученію богословія. И это дѣлано справедливо. Съ одной стороны христіанская вѣра—вѣра всеобщая, доступна для всѣхъ, какъ высокихъ, такъ и ограниченныхъ по образованію умовъ, какъ скоро не мѣшаютъ ея доступу къ душѣ страсти. Съ другой—требовать отъ каждаго утонченныхъ разсужденій о вѣрѣ значило бы требовать невозможнаго, даже по занятіямъ земной жизни. Если же не требуются такія разсужденія о вѣрѣ для полученія права на имя христіанина, то православіе поступило бы вопреки христіанству, еслибы требовало такихъ разсужденій о православіи для полученія права на имя православнаго христіанина. в) Самая поразительная разность между православіемъ и лютеранствомъ состоитъ въ томъ, что послѣднее стремится питать только умъ разсужденіями о вѣрѣ, православіе же назидаетъ умъ и сердце, сердце благоговѣйными молитвами и обрядами, умъ—мыслями вѣры, скрывающимися въ обрядахъ, и поученіями. Основаніе же этой разности скрывается въ самыхъ догматическихъ началахъ того и другаго исповѣданія, такъ какъ лютеранство говоритъ: вѣрь (иначе умствуй), и сего довольно; православіе же говоритъ: вѣрь и дѣлай по вѣрѣ. Потому каждый конфирмованный, если онъ слушаетъ православное служеніе въ храмѣ на понятномъ для него языкѣ, уже чувствуетъ и сознаетъ, чего не доставало ему въ лютеранствѣ и что́ даетъ ему православіе; а входить съ нимъ въ тонкія разсужденія означало бы не лечить болѣзнь духа его, а растравлять. Другія разности между православіемъ и лютеранствомъ такъ немногосложны и просты для общаго смысла, что для объясненія ихъ церковь вовсе не уставила никакого особеннаго оглашенія (наставленія), тогда какъ уставила шестидневное оглашеніе для Іудея, Магометанина и язычника. И

слѣдовательно какъ по существу дѣла, такъ и по чину церкви не требуется подробное наставленіе конфирмованнымъ при принятіи православія. Мѵропомазаніе съ самыхъ первыхъ временъ христіанства соединяется съ крещеніемъ. Въ крещеніи не отказываютъ младенцамъ ни лютеранство, ни православіе. Если же въ крещеніи не отказывается младенцамъ, наставленіе же въ вѣрѣ предоставляется будущему времени: то православная церковь, безъ нарушенія чина своего, не можетъ отказывать и въ мѵропомазаніи младенцу, по тѣлесному-ли возрасту или по духовному».

«Послѣ того немного остается сказать о неконфирмованныхъ или такихъ, которые еще не получили достаточныхъ понятій о христіанствѣ. По отношенію къ неконфирмованнымъ можемъ прибавить только то, что наполнять неиспорченную душу наставленіями о разностяхъ между православіемъ и своеволіями лютеранства значило бы наказывать невиннаго».

Филаретъ, какъ только получилъ протестъ попечительства съ угрозой «довести до свѣдѣнія куда слѣдуетъ», поспѣшилъ сдѣлать разъясненіе ген.-губернатору, побивая на всѣхъ пунктахъ попечительство и даже слегка коснувшись того, что допускать противодѣйствіе православію со стороны начальства преступно. Конечно, такое предупрежденіе должно было бы въ значительной степени ослабить впечатлѣніе, произведенное на Головина донесеніемъ попечительства, а стало-быть по крайней мѣрѣ на половину поколебать энергію въ преслѣдованіи безвинно-обвиняемыхъ. Къ удивленію, состоялось распоряженіе Головина, чтобы показанія о православіи отбирались орднунгсрихтерами, а по отобраніи послѣдними сообщались духовному начальству. Дознаніямъ, произведеннымъ добросовѣстно чиновниками ген.-губернатора Варадиновымъ, Ханыковымъ, Самаринымъ, Бюргеромъ, о жестокихъ поступкахъ бароновъ и пасторовъ съ Латышами, не давалось никакого значенія и хода. «Ген.-губернаторъ», писалъ Филаретъ графу Протасову, «добрый христіанинъ; но что ни одна жалоба крестьянина орднунгсрихтеру или не дойдетъ до ген.-губернатора, или дойдетъ въ искаженномъ видѣ, и крестьяне будутъ награждаемы только новымъ гоненіемъ, въ этомъ можетъ сомнѣваться только тотъ, кто, имѣя здоровые глаза, говоритъ, что ничего не видитъ».

Жалобы на невыдачу паспортовъ были, напримѣръ, такія. Крестьянинъ съ мызы Марценгофъ Мартынъ Лапинъ съ женою и тремя дѣтьми живетъ въ Ригѣ 10 лѣтъ, но нынѣ, по присоединеніи къ православію, не получаетъ паспорта подъ тѣмъ предлогомъ, что, пла-

тивъ прежде по 10 руб., нынѣ обязуется заплатить 16 руб. На мызѣ не имѣетъ ни дома, ни земли. Крестьянинъ съ мызы Тегапсъ Андрей Витуль, жившій 9 лѣтъ въ Ригѣ и нынѣ отправившій 6 р. 50 к. на паспортъ, получилъ паспортъ только для жены, а съ него требуется еще 10 руб. На мызѣ не имѣетъ ни дома, ни земли. Присоединившаяся къ православію вотчины Петкенсгофъ дѣвица Каролина Андерсонъ, проживавшая въ Ригѣ 10 лѣтъ, всегда получала паспортъ безъ всякаго платежа; по присоединеніи ея баронъ Врангель требуетъ съ нея 10 р. сер., грозя ей въ противномъ случаѣ вызвать къ крестьянскимъ работамъ, коихъ она по непривычкѣ и слабости здоровья не могла исполнять. Указавъ о подобномъ притѣсненіи Еввы Граганъ, Филаретъ просилъ генералъ-губернатора поручить полиціи или другому правленію требовать отъ помѣщиковъ формальнаго объясненія по подобнымъ заявленіямъ и представлять непремѣнно на благоусмотрѣніе его высокопревосходительства.

Всѣ эти жалобы были собственноручно записываемы Филаретомъ. Понятно, что трудъ такой бралъ на себя лично Филаретъ, чтобъ не впутывать въ дѣло другихъ и не подвергать ихъ случайности и преслѣдованіямъ, подобно пострадавшему безвинно о. Доровеею Емельянову. Записки эти Филаретъ препровождалъ къ генералъ-губернатору, часто подкрѣпляя личнымъ ходатайствомъ за притѣсняемыхъ. Не получая удовлетворенія, Филаретъ повторялъ свое ходатайство особой запиской. Но эти записки, эти просьбы Филарета вмѣсто того, чтобы возбуждать энергію Головина довели его до того, что онъ не могъ равнодушно читать ихъ, а наконецъ и слышать о Филаретѣ. Видя, что (благодаря конечно его безхарактерности) его предписанія не исполняются и что онъ ничего не можетъ сдѣлать, чтобы поднять свое значеніе, Головинъ однако не могъ выносить уколовъ своему самолюбію и предпочелъ поставить между собою и епископомъ стѣну. Къ кому же было тогда обращаться Филарету? Единственный человѣкъ, до кого достигать могъ голосъ его и кто печаловался вмѣстѣ съ нимъ объ участи несчастныхъ, это былъ графъ Д. Н. Толстой; но и его Филаретъ долженъ былъ предупреждать, чтобъ не знали, что извѣстное ходатайство исходитъ отъ него. «Посылаю къ вамъ записку», писалъ онъ къ нему, «но не съ тѣмъ, чтобы отъ моего имени дѣлалось что-нибудь. Дѣло въ томъ, что за тѣмъ же хлѣбомъ прибыло съ той же мызы много другихъ крестьянъ въ Ригу; говорятъ, что рѣшительно нѣтъ хлѣба. Для Господа и творите милость, и предупреждайте козни! Не говорите, пожалуста, Е. А. [1]) о моемъ имени. Были у васъ [2]), но ихъ не пустили».

[1]) Евгенію Александровичу Головину.

[2]) Здѣсь подразумѣвается, что крестьяне были у генералъ-губернатора.

Агенты пасторовъ и бароновъ вездѣ шныряли и подслушивали рѣчи поселянъ. Эти неосторожныя рѣчи, въ которыхъ порицались проповѣди пасторовъ, заключавшія въ себѣ площадную брань на православіе, или высказывалось намѣреніе присоединиться къ православію, оканчивались всегда большимъ несчастіемъ.

Вотъ грустный разсказъ объ одномъ изъ множества подобныхъ случаевъ. Узнали, что одинъ поселянинъ желаетъ принять православіе. Его отправили изъ мызнаго правленія съ порученіемъ въ Ригу. Едва прибылъ онъ туда, какъ ему надѣли кандалы и посадили его въ тюрьму. Двѣ недѣли не высыхали глаза у этого узника отъ слезъ, которыя текли при мысли о женѣ и дѣтяхъ, ихъ безпокойствѣ и нищетѣ. Соузники удивлялись этому обилію слезъ. Съ грустію взглянувъ разъ черезъ форточку на Петропавловскій православный соборъ, несчастный увидалъ на паперти свою жену. А та сидѣла на паперти, опершись на руку и задумавшись надъ тѣмъ, куда дѣвался ея мужъ, опора семьи. Гдѣ его найти? «Анна!» раздался знакомый ей голосъ изъ окна тюрьмы. «Учи дѣтей. Пусть обо мнѣ не плачутъ. Я еще живъ. Поспѣши сама присоединиться и дѣтей присоедини». Анну прогнали; форточка закрылась....

Исторія новаго мученичества въ Лифляндіи весьма вразумительна для тѣхъ, кто, читая о подвигахъ христіанъ-мучениковъ первыхъ вѣковъ, сомнѣвается и видитъ въ нихъ прикрасу повѣствователей. Самъ осужденный при страданіяхъ за свои убѣжденія о чемъ заботится? Чтобы жена и дѣти спѣшили присоединиться, зная хорошо и на собственномъ опытѣ и на опытѣ другихъ, что ихъ ожидаютъ за то горе и страданія.

Анна бросилась къ единственной двери, которая, по словамъ ея сына, не запиралась для несчастныхъ; это была дверь, ведущая въ келлію Рижскаго православнаго епископа Филарета. И самъ повѣствующій дѣлаетъ такой вопросъ: «Спалъ ли онъ когда-нибудь? Къ нему всегда можно было придти». Филаретъ обѣщалъ похлопотать. Нѣсколько успокоенная обѣщанной защитой, Анна бредетъ къ тюрьмѣ. Къ удивленію, ее допустили; но, оказалось,—уже къ трупу ея мужа. Все тѣло его, въ особенности лицо было покрыто кровавыми пятнами, челюсти судорожно сжаты, изъ рта сочилась кровавая пѣна. Докторъ далъ ему лѣкарство. Попробовавъ, онъ отказался его допить. Тогда докторъ выплеснулъ остальное ему въ глаза. Такъ объяснили заключенные съ нимъ. Съ отчаянными воплями припала Анна еще къ теплому трупу дорогаго ей человѣка, друга и опоры семьи.....

Оттащили несчастную отъ трупа, изъ тюрьмы прогнали. Побрела опять она къ Филарету, пріемная котораго была переполнена подобными ей страдальцами. И вотъ стоитъ передъ Филаретомъ, едва держась на ногахъ, несчастная женщина и передаетъ ему, захлебываясь слезами, скорбную свою повѣсть. А епископъ стоитъ передъ нею, и слезы текутъ по его ланитамъ. И плачетъ онъ надъ горемъ ближняго, надъ своимъ безсиліемъ, надъ позоромъ своей родины, надъ поруганіемъ своей матери-церкви.... Онъ спрашиваетъ ее съ участіемъ: «какъ велико семейство? можетъ ли кто изъ сыновей помогать править хозяйствомъ? въ какомъ оно положеніи? есть ли домъ и великъ ли? какъ велика барщина и повинность? есть ли чѣмъ похоронить мужа?» Одного изъ сыновей, Ивана, впослѣдствіи священника, тутъ же записываетъ онъ въ духовное училище. «Можетъ, онъ будетъ тебѣ утѣшеніемъ? Кромѣ твоего я еще девятерыхъ приму Латышей и постоянно буду принимать. Тамъ ненужно будетъ ничего платить: все будетъ готовое. Если будутъ хорошо учиться, то онъ и всѣ будутъ священниками». Узнавъ, что она почти безъ денегъ, онъ вынесъ ей послѣдніе 5 рублей, извиняясь, что болѣе не имѣетъ. «Это была правда», утверждаетъ повѣствующій. «Гласъ народа—гласъ Божій», говоритъ пословица. А Филаретъ еще при жизни пріобрѣлъ наименованіе *Филарета-Милостиваго.*

Горе женщины, о которой говорили мы, не исчерпано потерею мужа, и участіе Филарета въ ея положеніи не кончилось. Все ея имущество было продано. Ее съ малолѣтними дѣтьми, изъ коихъ старшему было 9 лѣтъ, выгнали изъ дома. И холодную осень, безъ куска хлѣба, провела она въ сараѣ, гдѣ навозная куча служила ей и дѣтямъ постелью. Неоднократно писалъ Филаретъ генералъ-губернатору, который обнадеживалъ и писалъ о ней; но доходило ли его писаніе до кого слѣдовало, или здѣсь было явное пренебреженіе къ распоряженіямъ Русской власти, только къ облегченію положенія несчастной ничего не дѣлалось. Графъ Толстой отсутствовалъ. Филаретъ писалъ ему: «Любезный графъ! Дѣло Колманга сокрушительное. Семь человѣкъ дѣтей остались безъ отца и безъ всякаго призора. Дѣло ведено, извините, судомъ Шемякинымъ. Не возьмете ли на себя пересмотрѣть его? Еслибы что-нибудь подобное сдѣлано было со стороны православія противъ какого-нибудь Нѣмца, Нѣмцы не только протрубили бы о томъ по всей Россіи, но напечатали бы во всѣхъ газетахъ Европы. Ожидаю васъ съ нетерпѣніемъ. Бога ради возвратитесь скорѣе. Съ любовію о Господѣ грѣшный Филаретъ».

Изъ этого письма очевидно, что графъ Толстой былъ единственною опорою для Филарета. Понимали то и бароны, и это обстоятель-

ство не укрылось отъ ихъ интригъ. Головина стали увѣрять, что Толстому приписывается слишкомъ большое вліяніе на дѣла. Другими словами, задѣвая самолюбіе слабаго старика, добивались охлажденія его къ Толстому. Этого мало. Стараясь ослабить ревность графа Толстаго къ дѣлу православія, озаботились подорвать добрыя отношенія Толстаго къ Филарету и съ этою цѣлію доводили до его слуха разныя небылицы. Филаретъ узналъ объ этомъ, уже бывъ въ Харьковѣ, откуда по этому поводу писалъ графу Толстому: «Я слышалъ, васъ хотѣли поставить противъ меня; вамъ говорили о мнѣ Богъ знаетъ какія странности. И вы вѣрите? Не вѣрю: вы знаете меня. Говорю объ этомъ, потому что люблю васъ и дорожу вашимъ расположеніемъ. И въ знакъ любви искренней скажу вамъ искреннее слово: пожалѣйте того, кто до того зачернился, что по одному страху, не говорятъ ли о немъ всей правды, дозволяетъ себѣ дѣлать низости. Sat sapienti».

Разумѣется такой разсчетъ не имѣлъ успѣха. Графъ Дмитрій Николаевичъ остался глубоко преданнымъ Филарету и отзывался о немъ восторженно, какъ о великомъ свѣтильникѣ церкви и страдальцѣ за нее. Письма Филарета, по его словамъ, онъ хранилъ какъ святыню. Благодаря счастливой случайности, намъ удалось списать нѣкоторыя изъ нихъ. Но можно надѣяться, что рано или поздно, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, они явятся въ печати *).

По чувству пріязни и уваженія къ Филарету графъ Толстой навѣстилъ его въ Харьковѣ, послѣ чего писалъ ему Филаретъ, между прочимъ: «Какъ вы многимъ подарили меня, подаривъ нѣсколько времени на пребываніе въ Харьковѣ! Я глубокою памятію помню васъ; но, повидавшись съ вами, я обвѣялъ душу радостными мыслями, что во очію видѣлъ безкорыстнаго друга Божія».

(Продолженіе будетъ).

*) Когда эта статья была писана, нѣкоторыя письма уже появились въ „Журналѣ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи“.

ОТВѢТЪ В. А. КОКОРЕВА В. А. ПОЛЕТИКѢ НА ПИСЬМО ЕГО ПО ПОВОДУ «ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ПРОВАЛОВЪ» *).

На возбужденное вашимъ письмомъ ко мнѣ, любезный Василій Аполлоновичъ, состязательство со мною по поводу «Экономическихъ проваловъ», я смотрю какъ на самое отрадное для меня явленіе. Такой взглядъ исходитъ изъ глубокаго уваженія къ вашему ораторскому таланту и изъ убѣжденія въ томъ, что «провалы», будучи понятны для стариковъ, представляютъ необходимость разъясненія ихъ для большинства молодыхъ читателей, основавшихъ свои взгляды на экономическую жизнь Россіи не на событіяхъ, а на ошибочныхъ и невѣрныхъ экономическихъ статьяхъ, чуждыхъ Русской жизни и преисполненныхъ слѣпаго вѣрованія въ непримѣнимыя къ намъ западныя теоріи.

Возраженія ваши на «Экономическіе провалы» по нѣкоторымъ предметамъ совпали съ моими мыслями и взглядами. Сначала я поименую тѣ статьи, въ которыхъ мы сошлись, а потомъ уже перейду къ защитѣ тѣхъ положеній, въ которыхъ мы расходимся. Вотъ въ чемъ выразилось единство нашихъ взглядовъ.

Вы находите, что Болгарскій «провалъ» выражалъ повтореніе Севастопольскаго и довершилъ разстройство нашихъ финансовъ. И я имѣю точно такой же взглядъ, выраженный мною во всей подробности въ XIII мъ провалѣ, въ которомъ идетъ рѣчь о бесѣдѣ съ фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ. Далѣе вы находите, что «всѣ финансовыя и «экономическія бѣдствія обрушились на насъ отъ насильственнаго угне«тенія Русской мысли и отъ величайшей скудости самостоятельной «Русской жизнедѣятельности». И я пришелъ къ тому же самому за-

*) См. „Р. Архивъ" выпускъ 8-й.

ключенію, выразивъ это слѣдующими словами: «всѣ бѣды надвинулись «на насъ, какъ наказаніе за великій смертный грѣхъ духоугашенія, «и чѣмъ болѣе гаснулъ духъ народныхъ мыслей, тѣмъ болѣе входилъ «въ законопроекты—и вообще въ насилованіе жизни—духъ умопо«мраченія».

Затѣмъ, прежде чѣмъ перейдти къ спорнымъ пунктамъ, не могу не коснуться вашей литературной дѣятельности по изданію газеты «Молва», въ которой вы съ дальнозоркостью горячаго патріота высказывали всю вредоносность Восточной войны. Послѣдствія показали, что ваше честное и искреннее слово выражало глубокую правду. Невниманіе къ этому слову составляетъ очевидное доказательство системы духоугашенія, за чтò и приходится теперь расплачиваться цѣною всеобщихъ нуждъ и бѣдствій.

Кромѣ означеннаго вѣрнаго предсказанія вашего относительно бѣдственныхъ послѣдствій Восточной войны, напомню вамъ другое ваше предсказаніе, высказанное вами 5-го Іюля 1870 года, на обѣдѣ, бывшемъ по случаю открытія Волжско-Камскаго Банка. Въ самый этотъ день получено было извѣстіе о началѣ Франко-Прусской войны. Вы сказали во время обѣда блестящую рѣчь, включивъ въ нее мысль о необходимости поддержать Французовъ, не допуская Прусаковъ до полнаго торжества, дабы добрые сосѣди со временемъ слишкомъ не подняли свой носъ. Какъ теперь помню, что эта рѣчь была встрѣчена съ выраженіями удивленія и даже неудовольствія. Васъ неоднократно прерывали, и вы усиливались высказать тѣ предсказанія, которыя теперь вполнѣ оправдались.

И такъ вы видите, что я принадлежу къ числу поклонниковъ вашихъ воззрѣній, но не безусловно. Въ надзвѣздномъ мірѣ, т.-е. въ области высшихъ созерцаній, подношу вамъ пальму первенства; но, спускаясь ниже, въ подлунный міръ, не соглашаюсь съ вашими взглядами, потому что взгляды эти расходятся съ дѣйствительнымъ ходомъ жизни. Приступаю къ возраженію на тѣ пять пунктовъ, которые вы изложили въ вашемъ письмѣ.

Первое—о крупной серебряной единицѣ. Въ этомъ вопросѣ вы исходите изъ того, что ассигнаціонный рубль, существовавшій до 1839 года, потерялъ въ то время всякую опредѣленную стоимость. Не правда. Ассигнаціонный рубль стоялъ въ народномъ обращеніи выше его номинальной стоимости на 25%, т.-е. десятирублевая ассигнація имѣла цѣнность 12 р. 50 к. и т. д. Вы впали въ эту ошибку потому, что, достигнувъ зрѣлаго возраста, начитались финансовыхъ статей, писанныхъ финансистами того времени, желавшими вреда Россіи, а сами знать дѣйствительную цѣнность ассигнаціи въ 1837 году не

могли, потому что вамъ было тогда 12; а мнѣ было 20 лѣтъ, и я былъ уже вполнѣ въ курсѣ промышленной уѣздной дѣятельности, будучи управляющимъ солеваренным заводомъ въ Солигаличѣ Костромской губерніи. Въ истинѣ моихъ словъ ссылаюсь на всѣхъ въ Россіи людей 70-ти лѣтняго возраста.

Вмѣстѣ съ тѣмъ привожу въ свидѣтели всѣхъ лицъ, помнящихъ теченіе жизни отъ 1835 года по 1842 годъ, въ томъ, что наши рынки во всей Россіи были завалены массою золотой и серебряной Русской и иностранной монеты такъ, что, несмотря на просьбы пансіонеровъ, ходатайствовавшихъ о выдачѣ пенсій ассигнаціями, имъ навязывали золото и серебро. Въ откупные и акцизные за соль платежи дозволялось вносить монетою только одну шестую часть, а пять шестыхъ было обязательно вносить ассигнаціями, за неимѣніемъ которыхъ мнѣ въ 40-хъ годахъ не разъ случалось представлять въ казну золотую и серебряную монету въ обезпеченіе слѣдующихъ взносовъ, при чемъ бралась подписка, обязывавшая въ теченіи мѣсяца замѣнить монету ассигнаціями. Д. Е. Бенардаки, В. С. Каншинъ и другіе золотопромышленники, имѣвшіе надобность посылать деньги въ Енисейскую губернію для удовлетворенія расходовъ по золотымъ пріискамъ, нѣсколько разъ обращались къ министру финансовъ съ просьбою объ обмѣнѣ монеты на ассигнаціи и часто получали въ томъ отказъ *). У И. Ѳ. Мясникова, жившаго въ Екатерингофѣ, въ домѣ Кудрявцевой, очень часто стояли въ его комнатахъ боченки съ полуимперіалами, полученными съ монетнаго двора, и для обмѣна ихъ на ассигнаціи по нѣскольку недѣль биржевые маклера пріискивали Мясникову потребное количество ассигнацій, потому что Государственный Коммерческій Банкъ не принималъ иначе денегъ на вкладъ изъ процентовъ, какъ только ассигнаціями. Послѣ всего вышеизложеннаго, считаю слова ваши о томъ, что ассигнаціонный рубль въ 1839 году потерялъ всякую опредѣленную стоимость совершенно несогласными съ дѣйствительнымъ положеніемъ денежнаго обращенія того времени. Очевидно, что никакой девальваціи дѣлать было не нужно, и еще очевиднѣе то, что наше монетное изобиліе кому-то нужно было похитить, и для этого похищенія была закинута сѣть переложенія ассигнаціоннаго рубля на серебро, и этой сѣтью, на которую мы поддались отъ недомыслія, была выловлена—въ теченіи семи лѣтъ—вся имѣвшаяся у насъ зо-

---

*) На дняхъ я встрѣтилъ сына В. С. Каншина, Анатолія Васильевича, который очень хорошо помнитъ, какъ его отецъ, при отсылкѣ денегъ въ Сибирь, хлопоталъ о пріисканіи ассигнацій. Не очевидно ли изъ этого то, что бумажный рубль цѣнился дорого, а количество монеты въ обращеніи было громадное. В. К.

лотая и серебряная монета, а за тѣмъ эта сѣть начала ловить далѣе въ видѣ заграничныхъ займовъ.

Настоящее объясненіе, обнаруживая наше минувшее монетное богатство, не даетъ однакожъ понятія о томъ, отчего это богатство исчезло. Вотъ объясненіе. До 1839 года было два денежныхъ курса, одинъ правительственный и постоянно неизмѣнный для взноса въ казну податей и разныхъ налоговъ, а другой народный или торговый, постоянно измѣнявшійся подобно тому, какъ нынѣ измѣняется курсъ нашего рубля на биржѣ. Теперь этимъ измѣненіемъ орудуютъ нѣсколько биржевиковъ въ Петербургѣ, дѣйствуя по указаніямъ Европейскихъ биржъ, а до 1839 года этимъ курсомъ орудовалъ весь Русскій промышленный и торговый міръ. Кто устроилъ этотъ народный курсъ, я не могу объяснить: вѣдь для того, чтобы извлечь изъ памяти это объясненіе надобно имѣть на плечахъ не 70, а 100 лѣтъ; ни изъ какихъ книгъ вычитать исторію этого курса нельзя, потому что наши экономическія сочиненія никогда и ничего не говорили намъ о Русской самодѣятельности. Между тѣмъ вліяніе народнаго курса на удержаніе монеты въ Россіи было самое дѣйствительное. Помню, какъ бывало въ какомъ-либо губернскомъ или уѣздномъ городѣ кто-то начнетъ скупать полуимперіалы или серебряные рубли; тогда то и другое начинаетъ быстро возростать въ своей цѣнѣ, и отъ этого возростанія утрачивается интересъ скупки монеты для отправки ея за границу, и вслѣдствіе этой задержки монета остается до́ма. Ясно ли теперь, что для возможности выловить изъ Россіи всю монету, нужно было уничтожить существованіе народнаго курса, носившаго названіе лажа, т.-е. подкопаться подъ самое основаніе охранительной мѣры, созданной Русскою жизнію и народнымъ смысломъ. Манифестъ 1-го Іюля 1839 года соединилъ въ одно курсъ правительственный и курсъ народный и назначилъ единицею рубль серебра съ объясненіемъ въ самомъ манифестѣ, что это дѣлается для уничтоженія курсовыхъ колебаній, существовавшихъ въ торговыхъ и промышленныхъ оборотахъ, вслѣдствіе чего исчезновеніе монеты пошло быстрыми шагами.

Далѣе вы говорите, что нельзя вообразить себѣ, чтобы какое бы то ни было государство могло постоянно и безнаказанно хозяйничать на бумажныя деньги, иначе можно бы было устроить у себя обширную фабрику бумажныхъ денегъ для пріобрѣтенія даромъ всемірныхъ сокровищъ. Прочтите X-й отдѣлъ «Экономическихъ проваловъ», и тамъ вы увидите, что я нахожу возможнымъ выпускъ бумажныхъ денегъ только въ крайнемъ случаѣ, на необходимыя и полезныя предпріятія, могущія своей доходностью погашать сдѣланный временно выпускъ

бумагъ. Мы вмѣсто этого выпуска, допускаемаго законодательствомъ Англіи и Америки, прибѣгнули къ заграничнымъ займамъ, продавъ наши обязательства (облигаціи, акціи) по 70 коп. за рубль, съ обязанностью уплачивать монетою по курсу того дня, въ который будетъ произведенъ платежъ. Что же мы сдѣлали съ полученными деньгами? Мы отдали ихъ землекопамъ, каменьщикамъ, плотникамъ и разнымъ заводчикамъ при сооруженіи желѣзныхъ дорогъ; но вѣдь всѣ эти лица взяли бы отъ насъ платежные безпроцентные знаки Русскаго государства. Потомъ, когда пришлось намъ платить по займамъ, мы стали выбивать нужныя на то деньги изъ тѣхъ же каменьщиковъ, землекоповъ, плотниковъ и разныхъ заводчиковъ въ видѣ различныхъ налоговъ и выбивали и нынѣ продолжаемъ выбивать и будемъ еще долго выбивать не только то, что дали, но и проценты платимые за границу, и потери по курсу, и уступки сдѣланныя при реализаціи. Не правда ли, здорова и сильна Русская натура, выносящая это выбиванье въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ (отцы, дѣти, внуки правнуки) порожденное ложными финансовыми теоріями?

Затѣмъ вы говорите, что Пруссія вела отлично свое хозяйство, имѣя денежною единицею талеръ, то-есть величину, равную нашему металлическому рублю. Да, это было очень давно, и уже минуло болѣе двадцати лѣтъ какъ Пруссія уничтожила эту единицу и перешла на марку, равную нашимъ тремъ гривенникамъ. Далѣе вы говорите, что въ Англіи единица, фунтъ стерлинговъ, въ 6 съ полов. разъ болѣе нашего металлическаго рубля. Эго единица только счетная для курсовыхъ и банковыхъ разсчетовъ; а единица жизненная, такъ сказать, рыночная, шиллингъ равняется по своей цѣнности нашимъ 30 копѣйкамъ. Если признать ваши замѣчанія оправдывающія заграничные займы справедливыми, то это значило бы поставить всѣ потребности необходимаго благоустройства въ Россіи въ зависимость отъ благоволенія иностранныхъ биржъ и занимать деньги насчетъ народа, а потомъ для платежа процентовъ и курсовыхъ потерь взыскивать эти деньги съ народа полицейскими мѣрами. Въ этомъ вопросѣ очевидно вы заражены губительною теоріею нашихъ финансистовъ, не устремляясь нисколько въ изысканіе средствъ самовозрожденія Русской жизни изъ ея собственныхъ способовъ. Защищая эту теорію, вы противорѣчите сами себѣ. Вы говорите: Русская жизнь страдала отъ угнетенія самодѣятельности и въ тоже время отстаиваете деспотическіе займы насчетъ народа, дѣлавшіеся безъ его вѣдома.

Второе. Совершенно согласенъ съ тѣмъ, что во время Крымской войны нашему парусному флоту нельзя было вступить въ бой съ паровымъ Европейскимъ флотомъ, и частью согласенъ съ тѣмъ, что съ

кремневыми ружьями трудно было отразить непріятеля, имѣвшаго скорострѣльные штуцера.

Да, трудно было отразить съ кремневыми ружьями, но не невозможно. Сраженіе подъ Альмой не было окончательнымъ пораженіемъ для насъ, какъ равно и подъ Инкерманомъ. Еслибы мы были поражены подъ Альмой, тогда бы мы не держались одиннадцать мѣсяцевъ въ Севастополѣ. И подъ Альмой, и подъ Инкерманомъ обѣ стороны утомились до крайности, и еслибы у насъ былъ запасъ свѣжихъ, не изнуренныхъ тысячеверстнымъ переходомъ по грязи войскъ (хотя бы самый небольшой запасъ 20—30 тысячъ человѣкъ), то этотъ запасъ, накинувшись въ концѣ сраженія на утомленнаго непріятеля, сокрушилъ бы его безъ остатка.

Когда бы мы имѣли желѣзную дорогу къ Черному морю, тогда бы, какъ я сказалъ въ «Экономическихъ провалахъ», не могло быть и самой высадки, изъ того опасенія, что мы, подкрѣпляя себя войсками, прибывающими по желѣзной дорогѣ, могли бы не уходить съ Дуная (изъ-подъ Силистріи) въ Крымъ, а двинуться къ Константинополю и запереть въ Черномъ морѣ все непріятельское малочисленное войско.

Еслибы вы поставили вопросъ такъ, что Крымская война вовсе ни для чего не была нужна, въ особенности при очевидной противу насъ коалиціи почти всей Европы, тогда бы я былъ съ вами совершенно согласенъ. Всѣ войны съ Турками послѣ Екатерининскихъ, какъ вы справедливо замѣчаете, представляли собой безполезныя траты. Прибавлю—и надрывъ внутреннихъ силъ Россіи.

Вы пишете, что желѣзнодорожный путь отъ Москвы къ Черному морю не оплачиваетъ процентовъ и погашенія капитала. Это не вѣрно. Отъ Москвы до Харькова не только оплачиваются проценты и погашенія, но даже по акціямъ получается значительный дивидендъ. Убытокъ является на линіи отъ Харькова до Севастополя, но въ сложности по всей линіи никакого убытка нѣтъ. Означенное возраженіе вы сдѣлали въ опроверженіе моего мнѣнія о необходимости въ сороковомъ году вмѣсто Николаевской дороги начать сооруженіе рельсоваго пути изъ Москвы къ Черному морю, доказывая, что нѣкоторыя изъ-за Московныхъ дорогъ (Московско-Рязанская и Рязанско-Козловская) «оказались выгодными только потому, что сооруженію этихъ дорогъ предшествовала постройка Николаевской дороги, связавшей Московскій раіонъ съ вывознымъ Петербургскимъ портомъ». Это возраженіе имѣло бы значеніе, еслибы я говорилъ, что всѣ замосковныя дороги надобно было строить прежде Николаевской. Моя рѣчь шла только о томъ, чтобы первая линія была отъ Москвы къ Черному морю, и въ

тоже время я говорилъ, что Николаевская дорога могла начаться постройкою 5—10 лѣтъ позднѣе, и тогда нашъ Югъ былъ бы ранѣе Крымской войны связанъ съ центромъ нашей вооруженной силы. Въ этомъ вопросѣ Рязанская и Козловская дороги ни при чемъ, потому что онѣ начали строиться черезъ 25-ть лѣтъ послѣ приступа къ сооруженію Николаевской дороги.

Изъ всѣхъ вышеозначенныхъ доказательствъ получаются два неоспоримыхъ вывода: *первый*—ни съ какой стороны польза Россіи не требовала того, чтобы мы въ 1853 году начинали войну съ Турками, и *второй*—что при существованіи въ это время желѣзной дороги изъ Москвы къ Черному морю высадка непріятеля на берега Крыма не могла послѣдовать.

Третье. Объ Американскомъ хлопкѣ. Вы говорите, что, не допуская привозу хлопка, мы лишили бы рабочее населеніе дешевыхъ ситцевыхъ рубахъ. Развѣ можно считать дешевыми тѣ рубахи и сарафаны, которые шьются изъ матеріала, вырощеннаго въ другомъ государствѣ, за который надобно заплатить монетою его первоначальную стоимость, съ прибавкою провозной платы иностраннымъ владѣльцамъ торговаго флота? Положимъ, что льняныя рубашки дороже бумажныхъ; но вѣдь лучше имѣть дорогое свое, чѣмъ дешевое чужое, тѣмъ болѣе, что чужой хлопковый матеріалъ не можетъ дать такой прочной ткани, какую даетъ нашъ лёнъ. Здѣсь вы опять впадаете въ ошибку оттого, что вы моложе меня на восемь лѣтъ; вы не помните того времени, въ которое все народонаселеніе носило полотняныя рубашки и сарафаны, и вамъ невольнымъ образомъ представляется, что экономическія статьи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ говорили правду, что до введенія хлопка мы не знали чѣмъ себя прикрыть.

Какъ бы ни былъ дешевъ хлопокъ и какъ бы обильно онъ ни произросталъ въ Америкѣ, все же за него приходится заплатить болѣе 50 милліоновъ въ годъ; тогда какъ эта сумма, расходуясь на лёнъ, распредѣлилась бы между крестьянскими избами.

Четвертое. По вашему транспортъ Кяхтинскаго чая имѣлъ для Сибири ничтожное значеніе. Судите сами по слѣдующимъ цифрамъ. До 1848 года провозилось изъ Кяхты до Москвы полмилліона пудовъ чая, съ платою за провозъ по 6 р. съ пуда, что̀ составляло для населенія выручку каждогодно въ 3 мил. рублей, и такое же количество по вѣсу отправлялось изъ Россіи въ Кяхту мануфактурныхъ издѣлій, за перевозку которыхъ получались вторые 3 мил. рублей. Нынѣ потребность чая упятерилась; потрудитесь помножить бывшую въ 1848 году заработку по извозу на нынѣшнее потребленіе чая, и тогда вы получите въ пользу Сибирскаго края десятки милліоновъ. Вы

говорите, что экономическій ростъ въ Сибири начался съ водвореніемъ тамъ золотопромышленности. Да, это правда; но однакожъ ростъ этотъ выражался только въ томъ, что на золотыхъ пріискахъ открылся спросъ на хлѣбъ и мясо, что̀ и воздѣйствовало на доходность крестьянскаго сельскаго хозяйства; но для работъ на золотыхъ пріискахъ, за исключеніемъ казенныхъ, мѣстные жители Сибири не поступали, и рабочіе приходили изъ внутреннихъ губерній, перенося ужасные труды при пѣшеходномъ переходѣ, напримѣръ изъ Рязани въ Енисейскъ, и при житьѣ въ пустынныхъ тайгахъ. Всѣ эти труды пропали даромъ, потому что все добытое въ Сибири золото ложная финансовая теорія перевезла за границу посредствомъ предательскихъ тарифовъ, порождавшихъ постоянные минусы въ нашихъ торговыхъ балансахъ.

Не знаю почему и ради какихъ доказательствъ вы говорите о томъ, что въ 1841 году парадныя комнаты въ Барнаулѣ были обиты холстомъ, выбѣленнымъ известкою, и освѣщались сальными свѣчами. Точно тоже самое я могу сказать о Солигаличѣ и другихъ городахъ Костромской губерніи. Все это происходило оттого, что въ сороковыхъ годахъ не было ни обойныхъ фабрикъ, ни заводовъ для выдѣлки Калетовскихъ свѣчей въ размѣрѣ, могущемъ снабжать провинціи, и все это не имѣетъ никакого отношенія къ извозу по Сибирскому тракту. Еще вы говорите, что въ 1840 году кто-то въ Барнаулѣ за шесть паръ нитяныхъ чулокъ вымѣнялъ корову. Подивитесь не этому, а тому, что и теперь нитяныхъ чулокъ въ продажѣ нѣтъ: мы носимъ чулки изъ бумажной пряжи.

Здѣсь будетъ совершенно кстати сдѣлать сравненіе между Англійскою и нашею промышленною политикою. Англія всюду внимательно изучаетъ куда бы ей можно было водворить свой трудъ, въ видѣ ли ткани, или въ видѣ механическаго литья и желѣзныхъ издѣлій и т. д. Намъ сама судьба устроила оживленіе Сибирскаго пустыннаго тракта отъ Кяхты до Камы движеніемъ чайныхъ грузовъ, и мы вмѣсто того, чтобы поддерживать и развивать это движеніе, рѣшили такъ: обречемъ Сибирскій трактъ на мертвенное бездѣйствіе и будемъ покупать чай по Европейской границѣ, привозимый на иностранныхъ корабляхъ. Страшное дѣло! Ужасное предательство Русскихъ интересовъ въ руки иностранцевъ, а вы придаете этому совершенно ничтожное значеніе. Тутъ мы рѣзко расходимся. Въ этомъ рѣшеніи, равно и въ дозволеніи ввозить хлопокъ, всѣ проводники такихъ рѣшеній представляются мнѣ гораздо виновнѣе Рыковыхъ и Юханцевыхъ *).

*) Говоря о хлопкѣ и чаѣ, я привожу приблизительныя цифры, но вслѣдъ за этимъ письмомъ представлю точные выводы, основанные на офиціальныхъ данныхъ. Думаю, что вредъ наносимый торговому балансу выразится и яснѣе, и къ сожалѣнію еще печальнѣе, чѣмъ мы думаемъ. В. К.

Пятое. Вы говорите, что «съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, когда рабочее тягло перестало быть обезпеченіемъ ссудъ, выдававшихся подъ залогъ его дароваго труда помѣщику, преобразованіе опекунскихъ совѣтовъ стало совершенной необходимостію. Лишенный дароваго труда и вынужденный переходить къ неизвѣданному еще хозяйничанью по вольному найму, помѣщикъ терялъ опредѣленную кредитную способность. Продолженіе выдачи ссудъ помѣщикамъ, на прежнемъ основаніи, могло бы привести Государственное Казначейство къ неисчислимымъ потерямъ». Да, это точь-въ-точь то самое, что́ говорили знаменитые «они» и что́ я слышалъ отъ А. М. Княжевича въ 1861 (см. «Провалъ» VI-й). И сколько тутъ противорѣчій! Разберемъ по суставамъ. Если съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права помѣщичьи поля лишились дароваго труда и потребовали земледѣльческихъ машинъ, то выдача денежныхъ ссудъ представляется наиболѣе необходимою, и если эту ссуду обезпечивало тягло, то почему же ее не могла обезпечивать земля, остававшаяся во владѣніи помѣщика? Конечно, преобразованіе опекунскихъ совѣтовъ являлось необходимымъ; но у насъ послѣдовало, вмѣсто преобразованія, совершенное ихъ уничтоженіе. Странно думать, что продолженіе выдачи ссудъ помѣщикамъ привело бы Государственное Казначейство къ неисчислимымъ потерямъ. Наоборотъ, отмѣна ссудъ, несуществованіе земельнаго кредита въ теченіи семи лѣтъ и потомъ учрежденіе мышеловокъ (земельныхъ банковъ), вотъ что̀ привело не только къ неисчислимымъ потерямъ, но даже къ отчаянію, выразившемуся бросаніемъ динамитныхъ взрывчатыхъ снарядовъ.

Въ одномъ мѣстѣ вы говорите, что все дворянское сословіе прямо изъ пеленокъ поступало на казенное иждивеніе. Какой же слѣдуетъ изъ этого выводъ? Выводъ тотъ, что нельзя было сразу прекратить это иждивеніе и поставить десятки тысячъ семействъ въ безвыходное затрудненіе. Правительство, подобно частному доброму домохозяину, должно имѣть сердце, преисполненное любви; а безъ этого оно впадетъ въ безбожіе и безчеловѣчіе и распространитъ это вліяніе на многихъ, что̀ (увы!) и воспослѣдовало къ величайшему оскорбленію нашего времени.

Далѣе вы говорите, что дворянство ровно ничего не дѣлало и тунеядствовало на счетъ крѣпостнаго труда.

Боже праведный! Доколѣ глаголъ клеветы будетъ оглашать Святую Русь? Дворянство ничего не дѣлало! А кто же водилъ Русскія войска къ побѣдамъ при завоеваніи Крыма и Кавказа, и при усмиреніи Польши, и въ тяжелую годину 1812 года? Обратимся къ частной дѣятельности дворянства. Кто образовалъ на Югѣ Россіи овцеводство?

Кто производилъ въ Россіи до 1866 года винокуреніе? Кто началъ винодѣліе въ Россіи? Кто въ послѣднее время образовалъ чугунно-литейные, желѣзо-дѣлательные заводы и пароходныя сообщенія на моряхъ и рѣкахъ? Дворянство. И одно только дворянство всегда шло впереди. Всѣ упреки дворянству въ родѣ помѣщенныхъ въ вашемъ письмѣ многократно мною слышались отъ поборниковъ фирмы «они». Всѣ нападки на дворянство исходятъ изъ того, что дворянство владѣло людьми. Но развѣ можно винить въ томъ отдѣльно каждую личность, когда это владѣніе было установлено и строго охраняемо законами Имперіи; и когда пробилъ часъ уничтоженія крѣпостнаго права, то со стороны дворянства не только не было противодѣйствія къ отмѣнѣ того права, которымъ оно пользовалось изъ рода въ родъ, но даже было высказано полное содѣйствіе къ уничтоженію крѣпостничества, и преобразованіе на всемъ обширномъ пространствѣ Русской земли было совершено лицами дворянскаго сословія съ полнымъ самоотверженіемъ и забвеніемъ о своихъ интересахъ. Мнѣ не разъ случалось относительно себя и другихъ лицъ, имѣвшихъ откупную дѣятельность, слышать нареканія за то, что я былъ откупщикомъ, т.-е. отвѣтственнымъ сборщикомъ казенныхъ питейныхъ доходовъ, отдававшихся правительствомъ на откупъ съ начала царствованія Екатерины II-й. Нареканія эти вовсе упускаютъ изъ виду то, что откупщикъ являлся вслѣдствіе того, что былъ откупъ; а коль скоро существовала откупная система, требовавшая для приведенія въ дѣйствіе до 200 тысячъ лицъ крупныхъ и мелкихъ дѣйствователей, то очень естественно, что люди, имѣвшіе нужду въ полученіи жалованья (къ числу которыхъ и я принадлежалъ) поступали на службу по откупнымъ дѣламъ и потомъ сами выходили въ хозяева. Что̀ касается до меня, то я очень доволенъ, что судьба бросила меня на этотъ путь, доставивши мнѣ возможность изучить мѣстныя нужды и потребности во всей ихъ полнотѣ въ 17 губерніяхъ, въ которыхъ впослѣдствіи, при расширеніи моихъ дѣйствій, я имѣлъ служащихъ 32.000 лицъ. Это вводное обстоятельство я включаю потому, что изъ этихъ 32 тысячъ лицъ болѣе тысячи лицъ составляли мою живую современную библіотеку съ изустными разсказами о теченіи Русской жизни, и изъ части этихъ разсказовъ сложилось воспоминаніе объ «Экономическихъ провалахъ».

Вы ставите мнѣ въ хвастливость предположенія мои о великомъ значеніи Россіи, на роду намъ написанномъ; но вы выпустили слова мои о томъ, что великое значеніе могло бы выразиться тогда, еслибы мы не сдѣлали изложенныхъ мною экономическихъ проваловъ, сочиненныхъ по рецептамъ фирмы «они», сходнымъ съ вашимъ воззрѣніемъ. Не будь въ Россіи привоза Американскаго хлопка, составля-

ющаго расходъ болѣе 50 милліоновъ рублей въ годъ, но будь покупки чая на монету, на что тратятся вторые 50 милл., и будь водвореніе первыхъ 50 милл. въ крестьянскія избы за лёнъ, а вторыхъ—за фабричныя издѣлія для размѣна на нихъ чая въ Кяхтѣ, и вотъ только отъ этихъ двухъ статей произошло бы то, что наша государственная роспись не знала бы дефицита, и наше Сибирское золото не перемѣстилось бы за границу; слѣдовательно при сохранности золотыхъ запасовъ и неимѣніи дефицита нашъ кредитный рубль выражалъ бы въ биржевомъ курсѣ свою полную стоимость.

По вашему воззрѣнію, все наше финансовое разстройство вы относите не къ экономическимъ проваламъ, а къ царствованію императора Николая Павловича. Опять какъ разъ слышатся тѣже слова, которыя въ 60-хъ годахъ проповѣдывались въ Россіи членами фирмы «они». Раздѣлимъ взгляды на царствованіе мудраго Государя на два отдѣла, какъ на Царя и какъ на хозяина Русской земли.

Какъ Царь, императоръ Николай I-й *перестрожилъ* мѣру охраненія своего царствованія отъ стремленія человѣческой мысли къ простору; но еслибы онъ не *дострожилъ*, тогда бы могла послѣдовать другая бѣда, именно: развитіе своевольства помѣшало бы спокойному разрѣшенію великаго дѣла освобожденія крестьянъ, которое—вы это очень хорошо знаете—могло быть совершено только силою твердаго самодержавія, безъ чего 1-е Марта могло послѣдовать ранѣе 19-го Февраля. Оправдаемъ бывшую строгость тѣмъ, что черезъ все царствованіе проходило воспоминаніе объ ужасныхъ дняхъ, разразившихся дѣйствіями 14-го Декабря; но и за всѣмъ тѣмъ часто проявлялась въ личной волѣ Государя человѣчность. Его разговоры въ кабинетѣ съ Пушкинымъ, Чижовымъ, вызваннымъ имъ изъ Петропавловской крѣпости и отпущеннымъ на свободу, и многіе другіе случаи возбуждаютъ глубокое чувство величайшаго уваженія. А. С. Хомяковъ говорилъ, что Николаевское царствованіе—это постоянный сухой морозъ, въ который—мы всѣ знаемъ—надобно надѣвать кенги и рукавицы; но вѣдь оттепели съ морозными утренниками, убивая всходы растеній, гораздо опаснѣе и неопредѣленнѣе мороза, потому что не знаешь, какой завтра подуетъ вѣтеръ.

Какъ хозяинъ Русской земли, Николай Павловичъ изображалъ послѣ Петра I-го замѣчательное явленіе. Въ его царствованіе желѣзныя дороги строились посредствомъ Русской дѣятельности; въ его царствованіе Волга покрылась пароходами безъ призыва иностранцевъ; въ его царствованіе устроились на многія тысячи верстъ шоссейныя дороги; въ его царствованіе Московскіе купцы въ Кремлевскомъ дворцѣ неоднократно получали изустные выговоры за плохо приготовленныя фабричныя издѣлія для Китая; въ его царствованіе художественная

жизнь въ живописи и архитектурѣ процвѣтала и оживлялась; въ его царствованіе укрѣпленъ Кронштадтъ до такой несокрушимости, что Непиръ съ Англійскимъ флотомъ могъ въ 1854 году только полюбоваться наружнымъ видомъ укрѣпленія; въ его царствованіе учреждено почетное гражданство; въ его царствованіе окончено размежеваніе земель; въ его царствованіе возникла и развилась золотопромышленность; въ его царствованіе казенные крестьяне получили самоуправленіе, и наконецъ, въ его царствованіе Россія получила Сводъ Законовъ.

Но Европейская интрига подтачивала исподволь великорослый дубъ. Она задалась мыслію высосать изъ Россіи денежныя средства и достигла этого посредствомъ серебряной единицы, ввоза хлопка и уничтоженія мѣновой чайной торговли на Кяхтѣ; когда же этими подкопами потрясена была наша финансовая сила, тогда, при составленіи Европейской противъ насъ коалиціи въ 1852 году, и раздался голосъ въ Европѣ о колоссѣ на «глиняныхъ ногахъ».

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ царствованіе Николая Павловича ни въ какомъ случаѣ не былъ бы уничтоженъ земледѣльческій кредитъ и не было бы разрѣшено безпредѣльное проживаніе Русскихъ денегъ за границей, не было бы допущено учрежденіе Французскаго общества желѣзныхъ дорогъ съ правленіемъ (въ первыхъ годахъ) въ Парижѣ, не была бы отдана этому обществу Николаевская дорога, и вообще Русская жизнь не была бы подведена подъ зависимость милостивыхъ благоволеній иностранныхъ биржъ и Европейскихъ банкировъ.

Для меня ясно какъ день, что вы и до сихъ поръ находитесь подъ вліяніемъ проповѣдей 60-хъ годовъ. Если прежде этого Русская мысль была въ угнетеніи и переживала величайшую скудость въ смыслѣ самостоятельной Русской дѣятельности, то неужели вы можете, положа руку на сердце, сказать, что начинавшіяся съ 60-хъ годовъ преобразованія, за исключеніемъ свѣтоноснаго освобожденія крестьянъ, имѣли въ своемъ основаніи Русскую мысль, изученіе нуждъ и потребностей и заботливость о томъ, чтобы замѣнить канцелярскую силу силой самовозрожденія? Всѣ законопроекты исходили изъ желанія пишущихъ лицъ сдѣлать себѣ служебную карьеру, и всѣ они были чужды истиннаго попеченія о благѣ народа. Ложь прикрывалась Европейскими теоріями. Но всякая ложь не долговѣчна. Время есть лучшій судебный слѣдователь, открывающій всѣ промахи и заблужденія.

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться:
Не можно ввѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.

Личина спала, и открылась истина, выражающаяся въ томъ, что мы очутились въ неоплатныхъ долгахъ съ хроническимъ дефицитомъ по государственной росписи, съ десятками тысячъ помѣщичьихъ семействъ, скитающихся по бѣлому свѣту, съ двумя милліонами крестьянъ, пропившихъ свой скотъ и домашнюю утварь, съ массою молодежи, оканчивающей свою жизнь самоубійствомъ или занимающеюся бросаніемъ взрывчатыхъ снарядовъ; тогда какъ въ тяжелое, по вашему мнѣнію, Николаевское царствованіе мнѣ неоднократно случалось бывать въ маскарадахъ Зимняго Дворца въ Январѣ мѣсяцѣ, куда былъ допущенъ входъ всѣмъ сословіямъ, и среди густой массы всѣхъ сословій видѣть спокойно прогуливавшихся Государя съ Государыней, носимыхъ отъ тѣсноты собравшихся во дворецъ разносословныхъ гостей, такъ сказать, на плечахъ своего народа. Я вамъ привелъ факты, и отъ васъ зависитъ или согласиться со мною, или опровергнуть мои слова; но, конечно, опроверженіе будетъ дѣйствительно въ томъ случаѣ, если оно будетъ состоять также изъ фактовъ, а не изъ забрасыванія сущности дѣла однѣми только фразами. Для меня остается непонятнымъ, какимъ образомъ такой дальнозоркій мыслитель, какъ вы, предвидѣвшій печальный исходъ Восточной войны и политическое униженіе Россіи отъ пораженія Франціи Нѣмцами, можетъ и до сихъ поръ, когда Россія раззорена ложными финансовыми теоріями, видѣть въ этихъ теоріяхъ однѣ только «случайныя и малозначущія ошибки финансовой администраціи».

Но знаете ли кто, между прочимъ, всего болѣе пострадалъ отъ вѣянія западныхъ теорій, которыми, въ теченіи 30 лѣтъ, руководила Русскою жизнію фирма «они»? Изъ частныхъ лицъ болѣе всѣхъ пострадали вы сами, любезный Василій Аполлоновичъ. Вспомнимъ прошлое. Вы и товарищъ вашъ, покойный П. Ѳ. Семянниковъ, пріѣхавъ изъ Сибири, какъ опытные горные офицеры и какъ люди понимающіе современныя потребности отечества, образовали вблизи Петербурга чугунно-литейный и желѣзодѣлательный заводецъ, который, черезъ нѣсколько лѣтъ своего существованія, поддержаннаго временною постройкою мониторовъ, обратился въ большой заводъ, а потомъ долженъ былъ закрыться, потому что правительство, не поддержавъ вашъ заводъ оборотнымъ капиталомъ и не давая вамъ никакихъ заказовъ по сооруженію локомотивовъ и другихъ желѣзно-дорожныхъ принадлежностей, всѣ потребные для рельсовыхъ путей заказы дѣлало за границей. Еслибы къ вашему заводу не былъ примѣненъ взглядъ фирмы «они», который вы относите къ Николаевскому времени, тогда бы вашъ заводъ значилъ въ Россіи тоже самое, что́ значитъ подъ Берлиномъ заводъ Борзига.

Видя свой заводъ лишеннымъ работъ, вы продали его акціонерной компаніи (и хорошо сдѣлали), которая, сдѣлавъ нѣсколько выпусковъ акцій и облигацій, не добилась возможности имѣть постоянные заказы для желѣзныхъ дорогъ и окончила свое существованіе полнымъ банкротствомъ. Такъ ли, незлобивый Василій Аполлоновичъ, все это я изложилъ? Я употребилъ выраженіе «незлобивый» потому, что въ письмѣ вашемъ ко мнѣ вмѣсто того, чтобы сѣтовать на сгубившія васъ и всѣхъ насъ западныя теоріи, вы ихъ оправдываете, сваливая вину съ больной головы на здоровую. Незлобіе въ частной жизни составляетъ высокую добродѣтель, но незлобіе въ государственныхъ вопросахъ — преступленіе. Если вы, лично за себя, хотите быть незлобивымъ, въ этомъ вы вольны распорядиться по настроенію вашего духа; но какъ заводчикъ вы не имѣете права на это незлобіе, по случаю бѣдствій, постигшихъ всѣхъ рабочихъ вашего завода вслѣдствіе прекращенія заводской дѣятельности.

Ваше послѣднее слово состоитъ въ томъ, что «не случайныя и «малозначущія ошибки финансовой администраціи, на которыя указа«но въ «провалахъ», привели насъ къ «мрачному времени нуждъ и ли«шеній», а хроническая полувѣковая связь призрачной, тщеславной, «раззорительной для насъ внѣшней политики съ непробуднымъ засто«емъ и вынужденной отсталостію нашей внутренней жизни». И такъ вы называете малозначущими такія финансовыя ошибки, какъ убійство льно-производства, уплату Америкѣ нѣсколькихъ милліардовъ за хлопокъ, пріобрѣтеніе всего потребнаго количества чая на монету вмѣсто размѣна его на свои фабричныя издѣлія, отнятіе у Сибирскаго края извощичьяго промысла, безразсудные и безразсчетные, раззорительные займы за границей, уничтоженіе мелкихъ сельскихъ винокурень, спаиванье народа посредствомъ распространенія безпредѣльнаго числа кабаковъ, уничтоженіе исключительнаго дворянскаго права на винокуреніе, минусы нашего торговаго баланса, порожденные предательскими тарифами, лишившими насъ всего добытаго въ Сибири золота, мотовство денегъ за границей и такъ далѣе; все это, по вашему мнѣнію, не болѣе какъ малозначущія ошибки. Нѣтъ, мы съ вами никогда не сойдемся; между вами и мною великая пропасть; однимъ словомъ, два различныхъ теченія. Вы — другъ фирмы «они», а я — постоянный сѣтователь на эту фирму за всѣ причиненныя ею злоключенія. Вы сваливаете вину на внѣшнюю политику, а я вамъ скажу, что еслибы не было всѣхъ вышеозначенныхъ проваловъ, тогда и политика имѣла бы значеніе и силу, соотвѣтственныя объему и народонаселенію Русской земли.

Вы называете политику Николаевскаго царствованія «высокомѣрною». Да какая же иная политика можетъ быть у Царя стомилліоннаго

царства? Бѣда вся въ томъ, что, при политикѣ высокой мѣры, были уже слишкомъ низкомѣрны экономическіе и финансовые взгляды.

Вы оканчиваете ваше письмо тѣмъ, что я началъ мои провалы— якобы возгласомъ — «пора домой въ Москву». Такъ ли это? Я сказалъ, что подъ Аксаковскимъ словомъ «пора домой» я разумѣю не Москву, а то, что пора государственной мысли перестать блуждать за границей и пора познать въ своихъ людяхъ свою силу.

Послѣднія ваши слова гласятъ: «Впередъ! Къ знанію, къ свѣту и къ свободѣ». Позвольте эти слова немного переставить, именно такъ: прежде къ знанію, къ свѣту, къ свободѣ, а потомъ уже крикнуть впередъ. Но гдѣ же путь къ знанію? Неужели въ томъ, чтобы находить всѣ вышепоименованныя экономическія и финансовыя преступленія не провалами, а малозначущими ошибками. При такомъ освѣщеніи никогда нельзя разглядѣть того пути, по которому слѣдуетъ идти, и если мы, не опредѣливъ вѣрной точки знанія и свѣта, пойдемъ безсознательно впередъ, то насъ ожидаютъ еще горшія и тягчайшія бѣдствія. Откровенно скажу, что затрудняюсь васъ понять. Противорѣчія ваши сбиваютъ меня съ толку: въ одномъ мѣстѣ вы говорите, что надо идти къ преданіямъ народоправства, а въ другомъ вы оправдываете сгубившіе насъ раззорительные займы, дѣлаемые на счетъ народа, безъ вѣдома его, но съ привлеченіемъ народныхъ силъ къ платежу этихъ займовъ. Изъ всего этого можно опредѣлить свойство нашихъ основныхъ началъ: ваше начало — подражаніе Европейскимъ теоріямъ, а мое начало — чисто-русское, народное, пріемлющее на столько Европейскія условія, на сколько они согласуются съ Русскими потребностями. Повѣрьте мнѣ, что нельзя быть кореннымъ Русскимъ человѣкомъ въ душѣ при чувствѣ идолопоклоненія западнымъ теоріямъ; такъ равно нельзя пріискать такой формы дѣйствія, которая чужестранныя потребности заставляла бы признавать нашими домашними потребностями. Тутъ будетъ вѣчное противорѣчіе жизни съ законопроектами и постоянная путаница идей и направленій. Самое письмо ваше ясно говоритъ о смѣшанности вашихъ взглядовъ: вы, идя по пути Европейскаго прогресса, называете своимъ домомъ Кіевъ, обращаясь къ временамъ Богдана Хмѣльницкаго, а моимъ домомъ Новгородъ съ междоусобными временами Мараы Посадницы. Затѣмъ, говоря истину, что изъ Кіева возсіялъ свѣтъ Христова ученія, называете это спасительное ученіе попорченнымъ Византійскимъ изувѣрствомъ, забывъ, что свѣтъ ученія явился изъ Византіи.

Послѣ движенія къ знанію и стремленія къ свѣту, вы сказали, надобно идти къ свободѣ; но, конечно, прежде всякаго движенія къ свободѣ должно быть вѣрно и сообразно съ народною потребностію

понято и усвоено знаніе народныхъ нуждъ и потребностей и освящено свѣтомъ истины и правды, а безъ этого явится такая свобода, которая въ сущности составляетъ прикрываніе лютой злобы.

Заключаю тѣмъ, что путь къ знанію, свѣту и свободѣ составляетъ высшій идеалъ человѣческихъ желаній; но кто укажетъ этотъ путь, кто освѣтитъ мрачную ночь, въ которой мы спотыкаемся въ нашей жизни? Этотъ меакъ можетъ исчезнуть, и нашъ путь можетъ освѣтиться только тогда, когда наши мысли будутъ искать спасенія не въ ложныхъ западныхъ Европейскихъ теоріяхъ, а проникнутыя вѣрою въ Бога и надеждою на Царя будутъ преисполнены сердечной заботливости о созданіи народнаго благоденствія изъ указаній, почерпнутыхъ изъ народной жизни.

Не могу не сказать нѣсколько словъ о Москвѣ, о которой вы выразились съ ужаснымъ поруганіемъ и заключили обращеннымъ ко мнѣ вопросомъ указать, какой слѣдъ во всемірной исторіи оставила Москва въ теченіи своего существованія? Съ особымъ наслажденіемъ отвѣчаю вамъ на это, хотя заранѣе увѣренъ, что вамъ и безъ меня извѣстны славные подвиги Москвы; но къ сожалѣнію въ вашемъ воображеніи они, вѣроятно, исчезнули изъ памяти, потому что вы сосредоточились преимущественно на стремленіи къ Европейскому прогрессу безъ всякаго пополненія его Русскимъ значеніемъ.

Всемірное значеніе Москвы въ древнія времена состоитъ въ томъ, что она своею грудью удерживала стремленія Монголовъ, направлявшихся на общечеловѣческое разрушеніе. Въ новѣйшія времена Москва является могилою Наполеоновскихъ полчищъ, завоевавшихъ почти всю Европу и виновницею освобожденія Европы отъ деспотизма Корсиканца.

Для насъ Москва является собирательницею Россіи. Присоединеніе удѣльныхъ княжествъ, Куликовская битва, Казань, Астрахань, Сибирь, царь Алексѣй съ Уложеніемъ и Малороссіей и съ Кіевомъ составляютъ дары Москвы для Россіи. Затѣмъ Москва — колыбель Великихъ царей Петра I и Александра II.

Вы спрашиваете, зародилась ли въ Москвѣ какая нибудь мысль и что̀ оставила намъ Москва въ наслѣдство? Отвѣчаю: изъ Московскихъ мыслей составилось для насъ наслѣдство, удивляющее міръ своимъ великимъ значеніемъ, и это наслѣдство называется — Россія.

В. Кокоревъ.

10 Августа 1887 г. Ушаки.

ЛЕРМОНТОВЪ И Г-ЖА ГОММЕРЪ ДЕ-ГЕЛЛЬ ВЪ 1840 ГОДУ.

1.

Пятигорскъ. Пятница, 14-го Августа 1840 года.

Мы пріѣхали въ Пятигорскъ и остановились у доктора Конрада. Нашъ первый визитъ былъ къ источнику «Александра», по имени Императрицы. Сѣрныя воды этого источника имѣютъ болѣе 38 градусовъ по Реомюру. Входишь по ступенямъ, высѣченнымъ въ скалѣ въ обширное помѣщеніе. Много другихъ источниковъ разсѣяно по всюду, на вершинахъ окружающихъ Пятигорскъ, и дѣлаютъ честь заботливости Русскаго правительства. На неприступныхъ утесахъ видишь очень щегольскія постройки, тропинки, сто разъ перекрещивающіяся, терассы съ насаженными деревьями. На верху одной изъ высочайшихъ скалъ поставили осьми-угольный павильонъ съ колонами, которыя поддерживаютъ голубой куполъ. Павильонъ этотъ открытъ со всѣхъ сторонъ и охраняетъ эолову арфу. Мелодическіе звуки ея доходятъ до конца долины и смѣшиваются съ эхо окружающихъ горъ.

Я справлялась о Ребровой. Мнѣ сказали, что она нѣсколько дней какъ уѣхала въ Кисловодскъ съ большой компаніей. Говорятъ, на ней женится Лермонтовъ, замѣчательный Русскій литераторъ и поэтъ. Пари держатъ, что онъ на Ребровой не женится. Я вмѣшалась тутъ въ разговоръ и сказала, что я отца и дочь знаю. Дѣвчонка довольно взбалмошная и готова за всѣхъ выдти за мужъ; но отецъ ея, очень богатый помѣщикъ, не отдастъ ея за литератора, лишившагося всякой карьеры.—Хотя сезонъ водъ уже почти оканчи-

вался, мы встрѣтили у Конрада нѣсколько больныхъ, принимавшихъ участіе въ нашихъ вечерахъ. Тутъ Русскій офицеръ, не надолго пріѣхавшій изъ экспедиціи. Двѣ тяжелыя раны заставляютъ его провести зиму въ Пятигорскѣ. Трепетъ насъ охватывалъ, когда онъ намъ разсказывалъ съ постоянной улыбкой объ этой кампаніи и объ ужасныхъ сценахъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. Русскимъ эта кампанія однако обошлась дорого: половина людей легла на мѣстѣ, и сто двадцать офицеровъ было убито. Одинъ изъ его пріятелей спасъ чудную дѣвочку, по убіеніи ея матери въ пылающемъ аулѣ. Онъ ее схватилъ на лошадь и привезъ въ Русскій лагерь. Пріѣхавъ въ Пятигорскъ, онъ отдалъ ребенка на воспитаніе во Французскій пансіонъ. Мы ходили ее навѣстить и обворожены были ея красотой.

Веселая компанія, и въ особенности Лермонтовъ, меня тянутъ въ Кисловодскъ, въ которомъ лучшее общество обыкновенно собирается послѣ Пятигорска. Кисловодскъ отстоитъ отъ Пятигорска на 40 в.; онъ дальше въ горахъ и подверженъ болѣе нападкамъ Черкесовъ. Я однако храбро довѣрилась военнымъ властямъ, доставившимъ возможность больнымъ и туристамъ посѣщать этотъ очаровательный край. За мной пріѣхала дѣвица Реброва и зоветъ насъ въ Кисловодскъ. Она очень милая дѣвушка, немного взбалмошная, но очень хорошенькая, съ черными глазами; ея зрачки очень расширились въ слѣдствіе ея болѣзни. Можно утонуть въ нихъ. Она мнѣ тотчасъ созналась, что влюблена въ Лермонтова, что Лермонтовъ ее любитъ, но не хочетъ сознаться. Она все очень мила со мной, несмотря на свою любовь; таже, какъ я ее знала въ Владимировкѣ на Кумѣ. Я тебѣ уже писала въ прошломъ году, когда мы возвращались изъ Киргизскихъ степей и встрѣтили этотъ обѣтованный уголъ. Я забыла у тебя просить извиненія за напечатаніе этого письма къ тебѣ въ Journal d'Odessa 26 Апрѣля (8 Мая) 1840 № 34, со всевозможными пропусками, и твоего имени не упоминаю.

Реброва пріѣхала за мной, и я спѣшу пріодѣться. Ея туалетъ былъ очень шикъ, и я не хотѣла сдѣлать дурное впечатлѣніе на новыхъ знакомыхъ въ Кисловодскѣ. Она была одѣта въ платьѣ chamois, demi-décolleté, въ короткихъ рукавахъ, въ черномъ кружевномъ платкѣ, который сходился крестъ на крестъ на груди и въ ботинкахъ цвѣта *puce*. Я декольтировалась вполнѣ и надѣла мои бронзовыя башмаки. Она мнѣ дала свой кружевной платокъ, потому что Русскія дамы считаютъ неприличнымъ декольтироваться въ дорогѣ. Ея дормёзъ стоитъ у подъѣзда.

2.

Кисловодскъ, 26-го Августа 1840.

Пріѣхавъ въ Кисловодскъ, я должна была переодѣться: такъ мой туалетъ измялся дорогой. Мы ѣдемъ на балъ, который даетъ общество въ честь моего пріѣзда. Мы очень весело провели время. Лермонтовъ былъ блистателенъ, Реброва очень оживлена. Петербургская франтиха старалась аффишировать Лермонтова, но это ей не удавалось. Въ часъ мы пошли домой. Лермонтовъ заявилъ Ребровой, что онъ ея не любитъ и никогда не любилъ. Я ее бѣдную уложила спать, и она вскорѣ заснула. Было около двухъ часовъ ночи. Я только что вошла въ мою спальню. Вдругъ тукъ-тукъ въ окно, и я вижу моего Лермонтова, который у меня проситъ позволенія скрыться отъ преслѣдующихъ его непріятелей. Я, разумѣется, открыла дверь и впустила моего героя. Онъ у меня всю ночь остался до утра. Бѣдная Реброва лежала при смерти. Я около нея ухаживала.—Я принимаю только одного Лермонтова. Сплетнямъ не было конца. Онъ оставилъ въ туже ночь свою военную фуражку съ краснымъ околышкомъ у Петербургской дамы. Всѣ говорятъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ имѣлъ въ туже ночь rendez-vous съ Ребровой. Петербургская франтиха проѣзжала верхомъ мимо моихъ оконъ въ фуражкѣ Лермонтова, и Лермонтовъ ей сопутствовалъ. Меня это совершенно взорвало, и я его болѣе не принимала подъ предлогомъ моихъ заботъ о несчастной дѣвушкѣ. На пятый день мой мужъ пріѣхалъ изъ Пятигорска, и я съ нимъ поѣду въ Одессу, совершенно больная.

30-го Августа. Изъ Одессы я ѣду въ Крымъ, куда меня зовутъ Нарышкины. Пиши въ Ялту poste restante. Я правды такъ и не добилась. Лермонтовъ всегда и со всѣми лжетъ. Такая его система. Всѣ знакомые, имѣвшіе съ нимъ сношенія, говоря съ его словъ, разсказывали все розное. Обо мнѣ онъ ни полслова не говорилъ. Я была тронута и ему написала очень любезное письмо, чтобы благодарить его за стихотвореніе, которое для Русскаго совсѣмъ не дурно. Я обѣщала ему доставить въ Ялтѣ мои стихи, которые у меня бродятъ въ головѣ съ условіемъ однако, что онъ за ними пріѣдетъ въ Ялту.

3.

Ялта. Четвергъ 29-го Октября 1840.

Оставивъ позади насъ Алупку, Мисхоръ, Кореисъ и Оріанду, мы позабыли скоро всѣ волшебные замки, воздвигнутые тщеславіемъ, и вполнѣ предались чарующей насъ природѣ. Я ѣхала съ Лермонтовымъ, по смерти Пушкина величайшимъ поэтомъ Россіи. Я такъ увлеклась порывами его краснорѣчія, что мы отставали отъ нашей кавалькады. Проливной дождикъ настигъ насъ въ прекрасной рощѣ, называемой по-татарски Кучукъ-Лампадъ. Мы пріютились въ биліардномъ павильонѣ, принадлежащемъ повидимому генералу Бороздину, къ которому мы ѣхали. Кіоскъ стоялъ одинокъ и пустъ; дороги къ нему заросли травой. Мы нашли биліардъ съ лузами, отыскали шары и выбрали кіи. Я весьма порядочно играю въ Русскую партію. Затаившись въ павильонѣ и желая окончить затѣянную нами игру, мы спокойно смотрѣли, какъ насъ искали по рощѣ. Я, подойдя къ окну, замѣтила бѣгавшаго по всѣмъ направленіямъ Тетъ-Бу-де-Мариньи, подъ прикрытіемъ своего рифлара. Окончивъ преспокойно партію, когда люди стали приближаться къ павильону, Лермонтовъ вдругъ вскрикнулъ: «Они насъ захватятъ! Ай, ай, вашъ мужъ! Скройтесь живо подъ биліардомъ!» и, выпрыгнувъ въ окно, въ виду собравшихся людей, сѣлъ на лошадь и ускакалъ изъ лѣсу. На меня нашелъ столбнякъ; я ровно ничего не понимала. Мнѣ и въ умъ не приходило, что это была импровизованная сцена изъ водевиля. Я очень была рада, что тутъ вошелъ, столько же встревоженный сколько промокнувшій Тетъ-Бу-де-Мариньи и увидалъ меня держащую кій въ рукахъ и ничего не понимающую. Онъ мнѣ объяснилъ это взбалмошнымъ характеромъ Лермонтова. Г-нъ Де-Гелль спокойно сказалъ, что m-r de Lermantove очевидно школьникъ, но величайшій поэтъ, какихъ въ Россіи еще не бывало. Богъ знаетъ, чтò они могли бы подумать! Мужъ мой имѣлъ невозмутимое довѣріе ко мнѣ. Я поспѣшно отправилась къ владѣльцу Кучукъ-Лампада, Бороздину, гдѣ веселая кампанія насъ ожидала и съ громкимъ смѣхомъ привѣтствовала глупую шутку Лермонтова. Графиня В., которая ушла съ кн. Г., чтобы справить свой туалетъ, спросила меня, застегивая свою Амазонку, чтò случилось у меня съ Лермонтовымъ. «А это другое дѣло! Но все таки порядочныя женщины не должны его не только принимать, но и вовсе пускать близъ себя».—Я потребовала отъ Тетъ-Бу, чтобы онъ пригласилъ Лермонтова ѣхать съ нами на его яхтѣ. Лермонтовъ по секрету говорилъ, что онъ торопится въ Анапу, гдѣ снаряжается

экспедиція «Онъ не прочь и въ Анапу, но только вмѣстѣ со мною», сказала я Тетъ-Бу. Тетъ-Бу тутъ не на шутку разсердился: «Я ему натру уши, негодяю» (Je lui frotterai les oreilles à ce triquet), и уѣхалъ, не простившись ни съ кѣмъ, а на другой день снялся съ якоря и отправился на Кавказъ стрѣляться съ Лермонтовымъ.

Между тѣмъ Лермонтовъ явился въ Ялтѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ былъ у меня, пока г. Де-Гелль ходилъ уговаривать Тетъ-Бу остаться съ нами еще нѣсколько дней. Мы даже дали другъ другу слово предпринять на его яхтѣ *Юлія* поѣздку на Кавказскій берегъ къ немирнымъ Черкесамъ. Я на Лермонтова вовсе не сердилась и очень хорошо понимала его характеръ: онъ свои фарсы дѣлалъ безъ злобы. Съ нимъ какъ-то весело живется. Я всегда любила то, чего не ожидаешь. Но я была взбѣшена на г. Де-Гелля и особенно на Тетъ-Бу. Г. Де-Гелль слишкомъ вошелъ въ свою роль мужа. Оно просто смѣшно. Вотъ уже второй годъ, какъ я дурачу Тетъ-Бу и сбираюсь его мистифицировать на третій. Ужъ онъ у меня засвищетъ соловьемъ (je le ferai chanter ce rossignol-là); ужъ поплатится онъ мнѣ, и не за себя одного!

Лермонтовъ меня увѣряетъ очень серьозно, что только три свиданія съ обожаемою женщиной цѣнны: первое для самого себя, второе для удовлетворенія любимой женщины, а третье для свѣта. Чтобы разгласили, не правда ли? сказала я и отъ всей души разсмѣялась; но, не желая съ нимъ встрѣтиться въ третій разъ, я его попросила дать мнѣ свой автографъ на прощаніе. «Да я уже съ вами вижусь въ шестой разъ. Фатальный срокъ уже миновалъ. Я вашъ навсегда».

А Тетъ-Бу пожалуй въ самомъ дѣлѣ отправится на своей яхтѣ въ погоню за Лермонтовымъ. Вотъ комедія! Мнѣ жаль Лермонтова: онъ дурно кончитъ. Онъ не для Россіи рожденъ. Его предокъ вышелъ изъ свободной Англіи со своей дружиной при дѣдѣ Петра Великаго. А Лермонтовъ великій поэтъ. Онъ описалъ наше первое свиданіе очень мелодичными стихами. Я сдѣлала всего одну поправку: «c'est une feuille que pousse» и замѣнила: «c'est la poussière que soulève». Оно какъ-то женственнѣе; une feuille que pousse какъ-то неприлично. Согласись сама: «son tronc desséché et luisant», а и подавно оно въ высшей степени неприлично, особенно въ стихахъ. Хороша картина, нечего сказать! Каково подношеніе любимой женщинѣ, и въ добавокъ оно совершенно неправда. Онъ самъ на себя клевещетъ: я рѣдко встрѣчала болѣе влюбленнаго человѣка. Впрочемъ, ты въ поэзіи ничего не понимаешь, и ты бы пожалуй оставила «une feuille que pousse и son tronc desséché et luisant». Хотя ты мало цѣнишь стихотворенія, я все же тебѣ его перепишу. Не правда-ли, стихи очень звучны? Они такъ и льются въ душу. Я ихъ ставлю выше стиховъ, которые мнѣ посвятилъ Alfred-Musset.

Лермонтовъ сидитъ у меня въ комнатѣ, въ Мисхорѣ, принадлежащемъ Ольгѣ Нарышкиной, и поправляетъ свои стихи. Я ему сказала, что онъ въ нихъ долженъ непремѣнно упомянуть мѣста, сдѣлавшіяся намъ дорогими. Я между тѣмъ пишу, мое письмо къ тебѣ. Какъ я къ нему привязалась! Мы такъ могли быть счастливы вмѣстѣ! Не подумай чего дурного; у тебя на этотъ счетъ большой запасъ воображенія. Между нами все чисто. Мы оба поэты. Я сговорилась идти гулять въ Симеисъ и застала его спящимъ непробуднымъ сномъ подъ березой. Вотъ вся канва, по которой онъ вышивалъ. Мы полюбили другъ друга въ Пятигорскѣ. Онъ меня очень мучилъ. Посылаю тебѣ мои стихи, надписанные: Chant du cygne; они помѣщены въ «Journal d'Odessa» 2-го Октября 1840. Онъ сблизился со мною за четыре дня до моего отъѣзда изъ Пятигорска и бросилъ меня изъ-за старой рыжей франтихи, которая до смерти всѣмъ въ Петербургѣ надоѣла и пріѣхала попробовать счастія на Кавказскихъ водахъ. Они меня измучили, и я выѣхала изъ Кисловодска совсѣмъ больная. Теперь я счастлива, но не на долго. Я ему передала на другой день мое стихотвореніе. «Соловей». Онъ, какъ ты видишь, самъ подписываетъ Lermontoff; но это совершенно неправильно. Нѣмое *е* вполнѣ соотвѣтствуетъ Русскому *ъ*. Къ чему ff, совершенно непонятно. Также точно неправильно писать Puschkin вмѣсто Pouschkine, Schterbinin вмѣсто Schterbinine. Puschkine, Potemkine, Karamsine у насъ риѳмы для Gaussin, Berquin, Dandin, а слѣдовало бы taquine, coquine, Condamine, Racine.

Bulbul à Lermontove.

Le souffle d'un amant a glissé dans ta voix,
Oiseau mystérieux, qui chantes dans les bois.
Tu sais tout emprunter à son délire extrême,
Larmes, désirs confus, soupir qui dit: je t'aime...
Tes accents sont l'écho des vagues voluptés,
Qu'il entrevoit au fond de ses anxietés.
En accords douloureux tu redis ses tristesses,
En notes de plaisir ses ardentes tendresses.
L'amour t'a révélé ses secrets les plus doux,
Et devant toi, Bulbul, tout poëte est jaloux.

Не даромъ я его назвала Bulbul—что̀ обозначаетъ по-татарски соловья. Это новое свѣтило, которое возвысится и далеко взойдетъ на поэтическомъ горизонтѣ Россіи. Его выслали на Кавказъ за дуэль съ Эрнестомъ или Проспероммъ Барантомъ. (Они оба бывали на моихъ балахъ у Тюфякина). Лермонтовъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ княгиней Щ.; а дуэль вышла изъ-за сплетни, переданной г-жею Баха-

рахъ *). Я съ г-жею Бахарахъ познакомилась въ Вѣнѣ въ 1836 году. Она очень элегантная и пребойкая женщина. Этому будетъ четыре года. Боже мой, какъ время идетъ! Ты, говорятъ, разошлась съ Деложемъ. Если твои деньги спасены, то дѣло не бѣда. Что̀ ты дѣлаешь? Твое молчаніе меня терзаетъ. Я получила твое послѣднее письмо изъ Флоренціи и съ тѣхъ поръ ни единаго слова. Ты, кажется, познакомилась въ Баденъ-Баденѣ съ Евгеніемъ Гино. Ты мнѣ писала о немъ, называя его folliculaire. Передай ему письмо со всѣми приложеніями. Онъ въ немъ найдетъ тему для водевиля, и скажи ему, чтобы онъ сохранилъ письмо со всѣми приложеніями до моего пріѣзда.

A Madame Hommaire de Hell.

Près d'un bouleau qui balance
Son tronc desséché et luisant,
Tout dénudé par les vents d'autan,
Je m'assois, fatigué, sur la route.
Attentif,—longuement,—j'écoute
La grande voix du silence.

*

De loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement,
Son tiède parfum distillant.
Elle vient à moi en courant;
Puis disparaît subitement,
Et se perd dans la nuit sombre.

*

C'est la poussière qui poudroie,
Un tas de feuilles qui tournoie;
La chaude bouffée qu'exhalait
Le vent parfumé de la nuit,
En s'avancant à petit bruit,
Un serpent glissait sur les galets.

*

Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse.
Las d'attendre, je m'endors soudain.
Tout à coup tremblant je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Son pied effleurait le mien.

M. Lermontoff.

Mischor
28 Octobre 1840.

4.

Графинѣ Л. Г.

Шкуна „Юлія", 5-го Ноября 1840.

Тетъ-Бу доставилъ насъ на своей яхтѣ «Юлія» въ Балаклаву. Входъ въ Балаклаву изумителенъ. Ты прямо идешь на скалу, и скала раздвигается, чтобы тебя пропустить, и ты продолжаешь путь между двухъ раздвинутыхъ скалъ. Тетъ-Бу показалъ себя опытнымъ морякомъ.

Онъ помѣстилъ меня въ Мисхорѣ, на дачѣ Нарышкиной. Но на сушѣ ему не совсѣмъ удалось, какъ ты скоро увидишь. Мисхоръ несравненно лучше Алупки со всѣми ея царскими затѣями. Здѣсь роскошь скрывается подъ щеголеватой деревенской простотой. Я уже была готова увѣнчать его пламя (à couronner sa flamme); но пріѣхалъ Лермонтовъ и какъ бурный потокъ увлекъ всѣ вѣнки, которые я готовила бѣдному Тетъ-Бу. Это выходило немного изъ моихъ разсчетовъ; но я была такъ счастлива! Поѣздка въ Кучюкъ-Лампадъ была рѣшительнымъ кризисомъ. Я уговорила г. Де-Гелля, ложась спать, чтобы онъ сходилъ на другой день посмотрѣть на Ялтинскомъ рейдѣ, что̀ тамъ происходитъ. Я приказала моей дѣвушкѣ съѣздить въ туже ночь въ моей коляскѣ, которая тутъ же стояла у подъѣзда, въ Ялту и провѣдать Лермонтова. Она вернулась къ утру и сказала мнѣ, что онъ будетъ около полудня. У меня была задняя мысль, что Лермонтовъ еще не уѣхалъ въ Петербургъ и будетъ у меня со своими объясненіями, все же, что̀ ни говори, возмутительнаго поступка въ Кучюкъ-Лампадѣ; я ожидаю его и готовлюсь простить его шалость.

Де-Гелль, пріѣхавъ въ Ялту, замѣтилъ что-то неладно на «Юліи». Передвигаютъ на яхтѣ паруса, что̀ тотчасъ въ высшей степени заинтриговало г-на Де-Гелля. Тетъ-Бу, разставшись съ нами въ Кучюкъ-Лам-

---

*) Женою Русскаго консула въ Гамбургѣ, урожденною Струве. П. Б.

падѣ, ничего не сказалъ намъ, что не будетъ участвовать въ прогулкѣ въ долину Судака. Мы, кромѣ этихъ мелкихъ экскурсій, ему дали слово черезъ восемь дней совершить на его яхтѣ поѣздку на Кавказскій берегъ къ его пріятелямъ, непокорнымъ Черкесамъ. Приготовленія къ отплытію составляли загадку для г. Де-Гелля, и онъ отправился на яхту для разъясненія. Генеральный консулъ *) спалъ непробуднымъ сномъ, или по крайней мѣрѣ казался таковымъ. (Я увѣрена, что онъ всю ночь не закрывалъ глазъ.) Сильно потревоженный восклицаніями г-на Де-Гелля, онъ поневолѣ долженъ былъ раскрыть глаза и весьма удивился раннему приходу г-на Де-Гелля, вмѣсто котораго ожидалъ меня. Какъ тебѣ это нравится? «Чортъ бы васъ подралъ (que le diable vous pataffolle)! Какія коварныя козни вы предпринимаете? сказалъ ему мой мужъ, не то сердито, не то смѣясь.

— «Что̀ такое? Что̀ за козни?»

— «Притворяйтесь, что вы тутъ не причемъ; я вамъ совѣтую! Ваши матросы возятся около кабестана, и готовятся поднять якорь. Что̀ вы на это скажете?»

— «Это невозможно. Но я слышу какой-то шумъ. Жьякомо! крикнулъ Тетъ-Бу, съ его загорѣвшимъ лицомъ и курчавыми волосами, ни дать ни взять словно Негръ (avec sa face de Nègre). Ступайте скорѣе сюда, Жьякомо, и скажите мнѣ, что̀ у васъ на верху творится»?

Взошелъ лейтенантъ съ невозмутимымъ лицомъ.

— «Объясните мнѣ пожалуйста, что́ тамъ происходитъ на палубѣ?»

— «Мы снимаемся съ якоря, капитанъ!»

— «Вы снимаетесь съ якоря», возразилъ капитанъ; «да кто же вамъ отдалъ приказаніе, господинъ капитанъ?»

— «Вы день ото дня все откладываете; поневолѣ надо отсюда васъ вытащить, капитанъ, какъ Улисса отъ поющихъ на берегу птицъ съ женскими лицами. Вѣтеръ подулъ отличный, совершенный N O».

— «Ну хорошо, увозите же меня поскорѣе, не говоря худаго слова», сказалъ наконецъ консулъ, полусердясь, полушутя, съ его добрѣйшей улыбкой, которая съ нимъ всѣхъ примиряетъ. Однако, г. Гоммеръ, вы будете свидѣтелемъ, что если я снимаюсь съ якоря, то это поневолѣ, и что тутъ виновникъ одинъ чортъ, этотъ проклятый Жьякомо».

Лермонтовъ мнѣ объяснилъ свою вчерашнюю выходку. Ему вдругъ сдѣлалось противнымъ видѣть меня, садящуюся между генераломъ Бороздинымъ и Тетъ-Бу-де-Марьини. Ему стало невыносимо скучно, что я буду сидѣть за обѣдомъ вдали отъ него. Онъ не могъ выносить при-

*) Т.-с. Тетъ-Бу-де-Мариньи. П. Б.

торныхъ ласокъ этого приторнаго фанта временъ Реставраціи. Я сильно упрекнула его въ раздражительности, въ нетерпѣніи. «Что же мы должны дѣлать при всемъ гнетѣ, который тяготитъ на насъ ежеминутно? Развѣ много одинъ часъ потерпѣть? Вы не великодушны». У него такое поэтическое воображеніе, что онъ все это видѣлъ въ билліардномъ павильонѣ, когда мы тамъ были вдвоемъ, и выпрыгнулъ въ окно, увидавъ своего Венеціанскаго Мавра. Его объясненіе очень мило, сознайся; я его слушала и задыхалась. Онъ, вообрази себѣ, такъ ревнивъ, что становится смѣшно, еслибы не было такъ жаль его. А Тетъ-Бу въ самомъ дѣлѣ смѣшенъ; онъ ходитъ съ утра въ свѣтлосинемъ фракѣ, съ жгутомъ и однимъ эполетомъ и золотыми съ якорями пуговицами, въ бѣломъ жилетѣ и предлинныхъ шпорахъ (хотя онъ на лошади и безъ шпоръ держаться не умѣетъ) и въ нанковыхъ, не смотря на осень, панталонахъ. Костюмъ его совершенно напоминаетъ портреты Людовика XVIII блаженной памяти. Онъ очень смѣшенъ, особенно когда вальсируетъ или галлопируетъ и садится на минуту, весь въ попыхахъ. Онъ, кажется, лѣчится отъ воображаемаго жира и танцуетъ болѣе для моціона. Онъ не прочь и строить куры, но прежде всего моціонъ ему необходимъ. Онъ страдаетъ закрытымъ геморроемъ. Онъ мнѣ это сказалъ въ первый разъ, что̀ меня встрѣтилъ на балѣ у г-жи П.... о. Такія вещи можно слышать развѣ отъ Фламанскаго ловеласа. Кстати я позабыла тебѣ сказать, что онъ о тебѣ вспоминаетъ съ восторгомъ; онъ увѣряетъ, что всю зиму танцовалъ съ тобой въ Брюсселѣ на балахъ у Mosselmann, кажется твоего отца. Онъ говоритъ, что ты ему напоминала трехъ сестеръ [1]) въ Гельсингфорсѣ, которыхъ онъ называлъ по имени: Аврора, Эмилія и Алина (ихъ фамилія у меня совсѣмъ вышла изъ памяти). Одну сестру я знаю. Аврора жена близкаго мнѣ человѣка и дѣйствительно тебя напоминаетъ, но ты бѣлокура. Онъ говоритъ, что у ея сестры Эмиліи тотъ же цвѣтъ волосъ какъ у тебя. Алина очень похожа на Аврору, но выраженіе ея лица рѣзче. Она болѣе смотритъ Юноной. Когда онъ тебя увидѣлъ на балѣ у принца Оранскаго въ Брюсселѣ, онъ былъ сильно пораженъ этимъ сходствомъ; онъ тебѣ тутъ же былъ представленъ самой принцессой [2]) и тебѣ разсказалъ о своемъ плава-

---

[1]) Старшая сестра Аврора была въ замужествѣ за П. Н. Демидовымъ, вторая Эмилія за графомъ В. А. Мусинымъ-Пушкинымъ, а Алина за Португальскимъ посланникомъ въ Россіи Корреа; онѣ урожденныя Шернваль. Аврора Карловна нынѣ вдова А. Н. Карамзина.

[2]) Великая княгиня Анна Павловна пребывала въ Брюсселѣ до революціи 1830 года. Въ послѣдствіи была вдовствующей королевой Нидерландской, скончалась въ 1865 году.

ніи въ Финляндію и встрѣчѣ съ тремя красавицами. А ты одна за троихъ его обворожила. Это было, кажется, въ двадцать девятомъ году. Я тогда была маленькой дѣвчонкой, ходила въ длинныхъ панталонахъ и въ короткомъ платьѣ. Онъ говорилъ объ этомъ сходствѣ съ великой княгиней, и она на это ему отвѣчала, что этихъ дамъ вовсе не знаетъ, но тебя подозвала и представила ему. Что ты помнишь-ли это, или онъ все вретъ.

Лермонтовъ торопится въ Петербургъ и ужасно боится, чтобы не узнали тамъ, что онъ заѣзжалъ въ Ялту. Его карьера можетъ пострадать. Графиня В. ему обѣщала объ этомъ въ Петербургъ не писать ни полслова. Не говори объ этомъ съ Проспероиъ Барантъ: онъ сейчасъ напишетъ въ Петербургъ, и опять пойдутъ сплетни. Онъ можетъ быть даже вынужденъ будетъ сюда пріѣхать, потому что дуэль еще не кончена. Выстрѣлъ остался за Лермонтовымъ; онъ это сказалъ передъ судомъ и здѣсь повторяетъ во всеуслышаніе ту же пѣснь. Я это тебѣ все разсказываю, и мнѣ въ мысли только теперь пришло, что Лермонтовъ, его поэтическій талантъ, все это для тебя тоже самое, что говорить тебѣ о бѣломъ волкѣ [3]).

Я заходила въ Ялтѣ сказать, что мнѣ нынче не нужно лошади. Мы вернулись въ половинѣ шестаго, и мнѣ г-нъ Де-Гелль разсказалъ, какъ Тетъ-Бу отправился къ Черкесамъ. «Это не можетъ быть: онъ мнѣ далъ слово ѣхать съ нами вмѣстѣ». Это неожиданное извѣстіе меня смутило, и я велѣла сказать Тетъ-Бу, что если черезъ три дня онъ не прійдетъ съ своей яхтой, мы съ нимъ навѣрное на вѣки рассоримся. Моя горничная дѣвушка вернулась изъ Ялты и мнѣ донесла, что г-нъ Тетъ-Бу будетъ меня ожидать на рейдѣ, какъ было условлено. На четвертый день я увидѣла шкуну и простилась съ моимъ поэтомъ на станціи. Я долго оставалась въ раздумьи, пока я слышала звонъ его колокольчика и затѣмъ поспѣшила сѣсть на катеръ, доставившій меня на яхту. Съ пушечной пальбой я встрѣчена была г-мъ Тетъ-Бу-де-Марьини, который дожидалъ меня внизу лѣстницы. Г-нъ Де-Гелль уже ожидалъ меня на «Юліи». На берегу съ ранняго утра стояли какія-то подозрительныя личности.

Мое письмо тебѣ доставитъ m-r Seymour въ Парижѣ. Тетъ-Бу сидитъ у меня въ каютѣ и очень торопитъ, хотя таможня ничего не смѣетъ сказать. Я сейчасъ замѣтила, еще будучи на берегу, что приставъ не скрываетъ своихъ подозрѣній, но войти на военное судно не посмѣетъ ни въ какомъ случаѣ. Насъ сопровождала военная шкуна «Машенька», конвоировавшая насъ въ Балаклаву. Въ ночь перевезли

---

[3]) Si je vous parlais du loup blanc.

на яхту четырнадцать ящиковъ съ двумя стами двухствольныхъ карабиновъ, разной мелочью для подарковъ, порохомъ, моими туалетами и двумя горными пушками; но все это за печатьми Англійскаго консульства. Я ихъ везу въ подарокъ князю Адигеевъ (le prince des Adigués) кромѣ моихъ Парижскихъ туалетовъ, разумѣется, которые должны обворожить моего Кавказскаго принца.—Мнѣ ужасно жаль моего поэта. Ему не сдобровать. Онъ такъ и просится на исторіи. А я цѣлыхъ двѣ пушки везу его врагамъ. Если одна изъ нихъ убьетъ его на повалъ, я тутъ же сойду съ ума. Ты навѣрное понимаешь, что такого человѣка любить можно, но не должно, скажешь ты. Ты можетъ быть и права. Я, какъ утка, плаваю въ водѣ, а выйду, отряхнусь, мнѣ и солнца не нужно. Я вижу твое негодованіе. Ты ужасно добродѣтельна, но я лицемѣрить не люблю. Это мнѣ припоминаетъ басню, которую мнѣ разсказывала моя старая няня. Вообрази себѣ, что она меня увѣрила, что у меня утиныя ноги, чтобы я моихъ не выставляла на показъ; что люди скоро это замѣтятъ и станутъ бѣгать отъ меня какъ отъ чертова отродья. Что за глупыя фантазіи водятся у этихъ старухъ! И я долго вѣрила этимъ баснямъ, много плакала и часто разувалась, посмотрѣть, не растутъ-ли у меня перепонки. Ты очень хорошо знаешь, у меня никогда ни между пальцами, ни вообще на ногахъ, никогда отродясь, мозолей не было. Я разъ показала мои ноги Анатолію. Мнѣ тогда было около двѣнадцати лѣтъ. Я очень хорошо помню; мы тогда праздновали въ первый разъ Іюльскіе дни. Онъ наконецъ разубѣдилъ меня, что я далеко не уродъ, напротивъ того. Ты себѣ представить не можешь, какъ я была счастлива! Ты сама знаешь, похожи-ли мои ноги на утиныя. Я бросилась въ его братскія объятія. Я почувствовала, что я женщина.

Примѣчанія переводчика.

Мы нашли въ «Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale, par m-me Hommaire de Hell» 1860 года, на стр. 378—381, соотвѣтствующіе два эпизода, переданные не въ томъ же порядкѣ. Стихотвореніе г-жи Гоммеръ-де-Гелль напечатано въ Journal d'Odessa № 104, 31 Декабря (12 Января) 1840 (1841). Въ журналѣ помѣщено стихотвореніе въ бо́льшемъ объемѣ. Оно подписано: Adèle Hommaire и оканчивается:

Oh, merci, mon poëte! A toi tout ce que l'âme
Dans ses secrets replis peut renfermer de flamme!
A toi l'attrait si doux des lointains souvenirs:
Et les rêves de gloire où tendent mes désirs!

A toi tout ce qui sort de ma lyre ignorée,
Tout ce qui peut flatter ma jeunesse énivrée,
Tout ce que ma pensée a d'éclat, de fraîcheur,
Tout ce que l'harmonie éveille dans mon coeur!

Я помню, какъ въ зиму 1840—1841 года Лермонтовъ набрасывалъ свои стихи то карандашемъ, то перомъ. Онъ все чертилъ ихъ, какъ будто сочинялъ. Въ письмѣ г-жи Гоммеръ, въ концѣ 1840 года, мы ихъ находимъ не въ томъ же отчасти видѣ, но видимо они тѣже самые. Мнѣ очень помнится стихъ: Je vois blanchir une ombre, une ombre qui s'avance lentement. C'est une feuille que pousse le vent parfumé de la nuit. Вмѣсто ихъ въ печатаемомъ нынѣ текстѣ мы не находимъ «la feuille que pousse». Но не находимъ и предложеннаго г-жею Гоммеръ исправленія: c'est la poussière que soulève.

Въ послѣдней строфѣ стиховъ Лермонтова мы находимъ: Las d'attendre, je m'endors soudain. Стихъ этотъ замѣненъ третьимъ. Вмѣсто шестаго стиха той же строфы мы читаемъ: Ton pied effleurait le mien. Въ письмѣ значится: une feuille que pousse. Оно граматически правильно: «*que*» относится къ послѣдующему le vent parfumé, а «qui» относилось бы къ feuille, что́ по граматическому смыслу невозможно. Въ подлинникѣ несомнѣнно «que» (ср. «Рус. Стар. 1887. Май, стр. 406).

Француженка-красавица носилась еще въ воображеніи Лермонтова въ 1841 году. Въ послѣдній пріѣздъ Лермонтова я не узнавалъ его. Я былъ съ нимъ очень друженъ въ 1839 году. Когда я возвратился изъ-за границы въ 1840 году, Лермонтовъ въ томъ же году пріѣхалъ въ Петербургъ. Онъ былъ чѣмъ-то встревоженъ, занятъ и со мною холоденъ. Я это приписывалъ Монго Столыпину, у котораго мы видались. Лермонтовъ что-то имѣлъ съ Столыпинымъ и вообще чувствовалъ себя неловко въ родственной компаніи. Не помню, жилъ-ли онъ у братьевъ Столыпиныхъ или нѣтъ; но мы тамъ еженочно сходились. Разъ онъ меня позвалъ ѣхать къ Карамзинымъ: «Скучно здѣсь, поѣдемъ освѣжиться къ Карамзинымъ». Подъ словомъ освѣжиться, se raffraîchir, онъ подразумѣвалъ двухъ сестеръ княженъ О., тогда еще незамужнихъ. Третья сестра была тогда замужемъ за кн. М. Наканунѣ отъѣзда своего на Кавказъ, Лермонтовъ по моей просьбѣ мнѣ перевелъ шесть стиховъ Гейне: «Сосна и Пальма». Нѣмецкаго Гейне намъ принесла С. Н. Карамзина. Онъ наскоро, въ недодѣланныхъ стихахъ, набросалъ на клочкѣ бумаги свой переводъ. Я подарилъ его тогда же княгинѣ Юсуповой. Вѣроятно этотъ первый набросокъ, который сдѣлалъ Лермонтовъ, уѣзжая на Кавказъ въ 1841

году и который нынѣ хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Лѣтомъ, во время Красносельскихъ маневровъ, пріѣхалъ изъ лагеря къ Карамзинымъ флигель-адъютантъ полковникъ конногвардейскаго полка Лужинъ (впослѣдствіи Московскій оберъ-полицеймейстеръ). Онъ намъ привезъ только что полученное въ главной квартирѣ извѣстіе о смерти Лермонтова. По его словамъ, Государь сказалъ: «собакѣ—собачья смерть».

Въ письмѣ отъ 26-го Декабря 1838 г-жа Де-Гелль упоминаетъ о березахъ, разводимыхъ помѣщикомъ Кирьяковымъ, въ помѣстьи своемъ Ковалевкѣ, Одесскаго уѣзда. Характеристика березы, сдѣланная Лермонтовымъ, оправдываетъ вполнѣ замѣчаніе сдѣланное г-жею Де-Гелль или правильнѣе Скальковскимъ, на котораго она ссылается: «въ особенности березы, такъ трудно здѣсь растущей». На Кавказскія и Крымскія горы береза могла быть занесена вѣтромъ. Въ Крыму и на Кавказѣ я никогда не былъ, но въ Италіи я встрѣчалъ въ Альпахъ березы, которыя туда только могли быть занесены вѣтромъ. Въ письмѣ изъ Кисловодска есть слѣдъ, что стихи эти писалъ Лермонтовъ г-жѣ Де-Гелль еще на Кавказѣ.

Напрасно легкомысленная Француженка (чтобъ не отозваться о ней строже) издѣвается надъ почтеннымъ г. Тетъ-Бу-де-Мариньи и тщится его представить въ смѣшномъ видѣ. Онъ кромѣ многихъ другихъ, весьма почтенныхъ трудовъ, оставилъ 1) Портуланъ Чернаго и Азовскаго морей, Одесса 1830, 2) Планы, порты и рейды Ч. и А. морей, тамъ же и въ томъ же году 3) Atlas de la mer Noire et de la mer d'Azow, Odessa 1850 и 4) Гидрографія тѣхъ же морей, книга изданная въ 1856 году въ Тріестѣ. Онъ издалъ: 5) Voyage en Circassie en 1818. Bruxelles 1821 и 6) другое свое путешествіе въ Черкесію съ видами и костюмами. Одесса и Симферополь 1836.

Сомнѣваюсь, чтобы онъ дозволилъ на своей яхтѣ провозить военную контрабанду непримиримымъ врагамъ Россіи. Для него допускалось вести торговлю съ непокорными Черкесами и моремъ, но одними лишь дозволенными товарами. Впрочемъ герцогъ Ришелье исходатайствовалъ высочайшее разрѣшеніе на торговлю съ Турецкими портами въ самый разгаръ Турецкой войны (1806—1812).

(Сообщено княземъ П. П. Вяземскимъ).

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Я опять обращаюсь къ вамъ съ моими опровerженіями. Р. Старина, какъ старина, должна, кажется, знать старину, да и то довольно близкую. Не помню въ какой книжкѣ этого журнала говорится о родной моей теткѣ свѣтлѣйшей княгинѣ Софьѣ Григорьевнѣ Волконской, что она рожденная княжна Репнина. Она дочь князя Григорія Семеновича Волконскаго; а мать ея княгиня Александра Николаевна Волконская, рожденная княжна Репнина, дочь князя Николая Васильевича Репнина; самъ же онъ сынъ князя Василія Никитича Репнина и не графини Головиной, а дѣвицы Поль, дочери лютеранскаго пастора. Въ деревнѣ, гдѣ пасторъ этотъ жилъ, молодой князь Репнинъ квартировалъ съ своимъ полкомъ. Отецъ его, узнавъ отъ дядьки князя Василія Никитича, что онъ ухаживаетъ за молодой дѣвицей Поль, пріѣхалъ къ нему и потребовалъ, чтобы онъ сдѣлалъ ей предложеніе выйти за него замужъ. Я это слышала отъ моего, отца князя Николая Григорьевича. У дѣда его (по матери) князя Николая Васильевича Репнина не было сыновей, а только три дочери: княгиня Александра Николаевна Волконская, княгиня Голицына и баронесса Каленбергъ. Только у старшей изъ нихъ (моей бабушки) были дѣти, и по восшествіи на престолъ императора Александра I-го возложена была по высочайшей волѣ на отца моего фамилія Репнина и данъ Репнинскій гербъ, чтобы, какъ сказано въ указѣ, *не изсякъ славный родъ Репниныхъ.* Въ настоящее время, кромѣ меня, старицы 79 лѣтъ, племянника моего Николая Васильевича (сына моего брата) и дѣтей его, сына и дочери, нѣтъ Репниныхъ.

Въ той же Русской Старинѣ напечатано, что Александръ Николаевичъ Гойеръ побочный сынъ моего отца! Это отъявленная ложь. Я очень хорошо помню, когда мой отецъ былъ намѣстникомъ въ Саксоніи, и мы жили въ Дрезденѣ въ Брюлевскомъ дворцѣ, къ намъ хаживалъ подслѣповатый капитанъ Гойеръ. Онъ былъ вдовъ; у него было большое семейство, двѣ дочери и четыре сына. Мать моя предложила ему поручить ей одного изъ сыновей, чтобы быть товарищемъ моему брату. Адольфъ Гойеръ поступилъ къ намъ 6 лѣтъ и до 11 лѣтъ воспитывался съ моимъ братомъ; на 12-мъ году онъ отправился съ моей теткой кн. С. Г. Волконской въ Одессу, чтобы поступить предварительно въ пансіонъ нѣкоего Пиллера, а потомъ въ Ришелевскій лицей. Когда онъ вернулся изъ Одессы въ Полтаву, чтобы поступить въ Ингерманландскій гусарскій полкъ, онъ пожелалъ принять православіе и самъ выбралъ имя Александръ, чтобы замѣнить Нѣмецкое имя Адольпъ, и какъ мой отецъ былъ крестнымъ его отцомъ, то онъ именовался Александромъ Николаевичемъ. Нѣтъ ничего проще и правдивѣе моего разсказа, и я прошу васъ дать ему мѣсто въ вашемъ „Русскомъ Архивѣ“. Изъ всего нашего семейства я осталась одна современница своихъ родителей и очень сожалѣю, что не обладаю даромъ слова, чтобы краснорѣчивѣе выпрямить столько кривыхъ толковъ на счетъ уважаемыхъ личностей, какъ напримѣръ, что не моя мать дала начало патріотическому институту въ Петербургѣ. Но довольно: чего не сознаютъ здѣсь, будетъ вознаграждено тамъ!

Княжна Варвара Репнина.

MÉMOIRES
DE LA COMTESSE EDLING.

Les Mémoires de la comtesse Edling ont été imprimés, en extrait, dans les „Archives Russes“ de l'année 1887, traduits du manuscrit français inédit. Ils ont vivement attiré l'attention de l'élite intellectuelle de notre pays.

Leur contenu est également important pour la littérature historique européenne. Aussi le désir de les faire connaître dans leur original a-t-il été exprimé avec insistance, par un nombre de lecteurs des plus compétents en la matière.

Cela nous a déterminé à entreprendre la publication de l'original français de ces remarquables Mémoires.

Les personnes désirant posséder ce livre, peuvent s'en rendre acquéreurs, par souscription (3 roubles ou 6 francs, avec envoie à domicile en s'adressant soit à S-t Pétersbourg, chez Mellier, libraire de la Cour Impériale, Perspective Newsky près du Pont de Police; soit à Moscou, à la Rédaction des „Archives Russes“ Sadovaya, 175, ou chez Gauthier, libraire, au Pont des Maréchaux.

ВЪ КОНТОРѢ РУССКАГО АРХИВА

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175-й)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго**. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **А. С. Пушкина**. Цѣна 40 коп. Въ этотъ сборникъ вошли стихотворенія, которыя появились при жизни поэта, а изъ посмертныхъ только наилучшія и вполнѣ его достойныя.

Стихотворенія **Ѳ. И. Тютчева**. Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Н. М. Языкова**. Цѣна 40 коп. За пересылку каждаго изъ этихъ сборниковъ—5 к.

Выписывающіе всѣ четыре книжки получаютъ ихъ съ пересылкою за 1 р. 20 коп.

А. С. Пушкинъ. Два выпуска его новонайденныхъ сочиненій, его бумаги, черновыя его письма и наброски, выдержки изъ его записокъ, переписка его и письма къ нему разныхъ лицъ, замѣтки на его сочиненія и статьи о немъ (князя П. П. Вяземскаго, по бумагамъ Остафьевскаго архива, П. И. Бартенева, Г. С. Чирикова, Зеленецкаго, М. Н. Лонгинова, князя П. А. Вяземскаго, И. С. Аксакова, князя В. Ѳ. Одоевскаго и др.) со снимкомъ. Цѣна каждому выпуску ОДИНЪ РУБЛЬ, за пересылку 10 к.

Полное собраніе сочиненій **А. С. Хомякова**. Четыре тома. Цѣна каждому тому 3 рубля съ пересылкою 3 р. 30 к.

Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1887

10.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

„ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ"

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СЪ 1837 ГОДА.

Сочиненіе В. А. КОКОРЕВА.

Цѣна **ПЯТЬ** рублей.

(БЕЗЪ ПРИБАВЛЕНІЯ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ).

Вся вырученная сумма назначается на устройство, въ половинномъ разстояніи между Москвой и Петербургомъ, лѣтняго безплатнаго помѣщенія для учащагося юношества, не имѣющаго средствъ освѣжить свои силы пребываніемъ въ каникулярное время въ здоровомъ деревенскомъ воздухѣ.

Получать можно въ С.-Петербургѣ, на углу Знаменской улицы и Ковенскаго переулка, въ домѣ № 16/17, и въ Москвѣ въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, № 175.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЗАПИСОКЪ

ГРАФИНИ ЭДЛИНГЪ

ВО ФРАНЦУЗСКОМЪ ПОДЛИННИКѢ.

(выйдутъ въ свѣтъ въ теченіи октября мѣсяца).

Открыта подписка на изданіе ЗАПИСОКЪ ГРАФИНИ ЭДЛИНГЪ во Французскомъ неизданномъ подлинникѣ, болѣе обширномъ нежели Русское извлеченіе изъ нихъ, появившееся въ «Русскомъ Архивѣ» нынѣшняго года. Желающіе имѣть эти Записки отдѣльною Французскою книгою благоволятъ доставлять **3** рубля (включая и пересылку) въ **Москвѣ** въ Контору «Русскаго Архива» на Садовой, 175-й или въ книжный магазинъ Готье на Кузнецкомъ мосту; въ **Петербургѣ**— на Невскомъ, у Полицейскаго моста, въ книжный магазинъ Мелье.

О СООБЩЕНІИ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ИЗДАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ПОЛЕЖАЕВА.

Въ ряду второстепенныхъ поэтовъ Пушкинской эпохи, безспорно одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Полежаеву по силѣ его таланта, къ сожалѣнію, остановленнаго въ самомъ началѣ развитія крайне-неблагопріятными для поэта обстоятельствами.

Благодаря именно этимъ же обстоятельствамъ, стихотворенія Полежаева очень рѣдко появлялись на страницахъ современныхъ ему журналовъ, а почти исключительно попадали, за ничтожный авторскій гонораръ, въ руки спекулянтовъ-издателей Московскаго толкучаго рынка и печатались ими въ безобразнѣйшихъ сборникахъ съ затѣйливыми именами, чуть-ли не на оберточной бумагѣ, безъ всякаго порядка, и со множествомъ ошибокъ, опечатокъ и пропусковъ, къ которымъ тогдашняя цензура присоединяла еще значительную долю своихъ.

За исключеніемъ этихъ сборниковъ появилось и очень хорошее изданіе въ 1857 году; но, къ сожалѣнію, оно не представляетъ надлежащей полноты, заключая въ себѣ только избранныя стихотворенія.

Предположивъ нынѣ сдѣлать возможно-полное и порядочное изданіе сочиненій Полежаева и подготовивъ его по имѣющимся у меня матеріаламъ, я сверхъ того обращался ко многимъ лицамъ, у которыхъ могъ предполагать рукописи поэта или матеріалы для его біографіи. Къ сожалѣнію. однако, я никакъ не могъ дознаться, гдѣ находятся теперь рукописи Полежаева, которыя другъ его А. П. Лазовскій (уже давно умершій), сообщалъ въ свое время Кетчеру для изданія въ 1857 году и которыми я тогда могъ воспользоваться только въ очень незначительной мѣрѣ.

Остановивъ поэтому печатаніе своего изданія до начала Октября мѣсяца, обращаюсь съ покорнѣйшей просьбой къ лицамъ, владѣющимъ рукописями, принадлежащими А. П. Лазовскому, сообщить мнѣ ихъ на короткое время или прислать копіи; а также прошу и всѣхъ лицъ, у которыхъ имѣются какія-либо исправленія и дополненія къ стихотвореніямъ Полежаева или матеріалы для его біографіи, не оставить меня своими благосклонными сообщеніями, такъ какъ только при такомъ общемъ содѣйствіи и общей помощи можно надѣяться на возстановленіе и пополненіе текста и самой *біографіи* поэта, *искаженныхъ* прежними издателями и біографами.

Мой адресъ: П. А. Ефремову, въ С.-Петербургѣ, по Лиговкѣ, № 25.

П. Ефремовъ.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

1819 годъ.

Путешествіе въ Хиву *).

Выѣхавши въ поле, я почти не хотѣлъ вѣрить, что пользуюсь нѣкоторою свободой и что мною оставлена скучная крѣпость, въ которой я ожидалъ смерти. Я былъ покоенъ на счетъ своей безопасности, не полагая, чтобы хану нужно было употребить коварство для убіенія человѣка, незащищеннаго ничѣмъ, и вѣрилъ словамъ юзъ баши.

Я ѣхалъ по направленію NO, верстъ 35 до Хивы, и переѣхалъ двѣ песчаныя степи, перерѣзанныя каналами, по коимъ были большія селенія и много садовъ. Хивинцы съ большимъ искусствомъ проводятъ сіи каналы. Я видѣлъ даже въ одномъ мѣстѣ два канала, изъ коихъ одинъ былъ проведенъ поперекъ другаго по мосту, и надъ симъ былъ мостикъ, по коему шла наша дорога. Не доѣзжая пяти верстъ до Хивы, начинаются сады, въ коихъ подѣланы улицы. Видно множество маленькихъ крѣпостей, въ которыхъ живутъ помѣщики. Въ одну изъ сихъ крѣпостей я заѣзжалъ переодѣваться. Надѣлъ мундиръ. шарфъ, не скидавая Персидской шапки и поѣхалъ въ Хиву. Я ожидалъ встрѣчи, но ничего такого не было. Передъ вшествіемъ въ городъ видъ становится прекрасный. Высокая стѣна окружаетъ городъ, и надъ оной виденъ огромный куполъ мечети бирюзоваго цвѣта съ золотымъ шаромъ; на вершинѣ онаго сады не позволяли мнѣ видѣть всю обширность города. Не доѣзжая онаго, видно множество древнихъ могилъ. Небольшой каналъ текъ поперекъ дороги; на немъ были выстроены

*) См. выше, стр. 5.

прекрасные каменные мосты. Тутъ множество народа любопытствующаго видѣть меня собралось толпами и провожало до самой комнаты моей. Въѣхавъ въ тѣсныя улицы, толпы сіи жались такимъ образомъ, что мнѣ проѣзда не было: люди другъ друга давили, падали подъ ногами лошадей нашихъ и разгонялись плетью юзъ-баши, который впереди ѣхалъ и билъ кого ни попало по головѣ. Между прочими видѣлъ я тутъ нѣсколькихъ несчастныхъ Русскихъ, которые снимали шапки и просили меня вполголоса спасти ихъ.

Проѣхавши съ полверсты тѣсными переулками между строеній глиняныхъ, я остановился въ глухомъ переулкѣ у дома, коего наружность нѣчто обѣщала. Юзъ-баши провелъ меня на прекрасный чистый дворъ весь выложенный камнемъ. Съ сего двора было нѣсколько комнатъ; одну большую отдали мнѣ, а маленькую Трухменцамъ. Комната моя была очень хорошо отдѣлана въ восточномъ вкусѣ; ковры были прекрасные, но холодъ непомѣрный. Народъ весь ввалилъ за мной. Юзъ-баши гналъ ихъ, но самъ долженъ былъ идти къ хану донести о моемъ пріѣздѣ. Пока онъ ушелъ, народу такое множество набралось ко мнѣ, что въ дверяхъ была драка, а на дворѣ и прохода не было. Приставленные ко мнѣ служители, собственный ферашъ-баши ханской Магмедъ-Ніасъ и Магмедъ-Ніасъ другой, юзъ-баши не могли отдѣлаться отъ любопытныхъ; но когда возвратился мой юзъ-баши, то онъ началъ всѣхъ бить плетью и топтать упадшихъ. Всѣ тѣснились къ двери назадъ, и тутъ онъ ихъ дотаптывалъ. По избавленіи меня отъ толпы, двери и всѣ выходы заперлись на большіе замки; остались при мнѣ только пристава, которые не смѣли войти въ мою комнату безъ приглашенія и всѣ сидѣли на дворѣ; домой иные изъ нихъ уходили не иначе какъ спрося у меня позволенія. Самъ Атъ-Чанаръ просидѣлъ пять дней на моемъ дворѣ и все хвалился названіемъ отца, которое я ему давалъ иногда и тогда, когда бранилъ его. Юзъ-баши, поздравивъ меня отъ хана съ пріѣздомъ, объявилъ мнѣ, что я гость Мехтеръ-Аги-Юсуфа, перваго визиря ханскаго. Тотчасъ приставленъ былъ ко мнѣ поваръ, и кромѣ того что для меня дóма варили, приносили ко мнѣ поминутно огромныя блюда съ кушаніями, сахаромъ, чаемъ и фруктами отъ визиря. Учтивость въ обращеніи была даже не свойственная тому народу. И такимъ образомъ продержали пять дней, но подъ строжайшимъ карауломъ: меня даже не пустили въ баню, говоря, что сего я не могу сдѣлать безъ позволенія ханскаго. Въ тотъ же вечеръ какъ я пріѣхалъ, Ходжашъ-Мегремъ, начальникъ таможни, пришелъ познакомиться со мной. Хитрый человѣкъ сей былъ очень ловокъ въ обращеніи. Я съ нимъ провелъ съ часъ въ разговорѣ, основанномъ на взаимныхъ учтивостяхъ. Онъ между прочимъ просилъ

меня, чтобы я ему позволилъ исходатайствовать у хана позволенія, дабы всѣ дѣла посольскія шли черезъ него. Я отвѣчалъ ему, что не мнѣ предстоитъ назначать должность чиновникамъ ханскимъ. Онъ въ тотъ же вечеръ все сладилъ и пришелъ ко мнѣ съ объявленіемъ, что ханъ осчастливилъ его симъ препорученіемъ и требовалъ отъ меня писемъ и подарковъ для доставленія оныхъ хану. На первыя я долго не соглашался, но исполнилъ сіе, когда удостовѣрился чрезъ юзъ-башу, что точно ханъ ему препоручилъ сіе.

Жадный Атъ-Чанаръ не давалъ мнѣ покоя: онъ все приставалъ ко мнѣ, чтобъ я ему еще что-нибудь подарилъ, увѣряя, что сынъ его Ходжашъ-Мегремъ первый любимецъ хана. Я отдѣлался смѣшками отъ него. Юзъ-башу же онъ никакъ не впущалъ одного ко мнѣ и когда они оба у меня сидѣли, то Атъ-Чанаръ не выходилъ прежде юзъ-баши, такъ что, отпуская ихъ вмѣстѣ, я всегда принужденъ былъ посылать нагонять юзъ-башу, дабы онъ пришелъ ко мнѣ посидѣть и поговорить наединѣ.

Я отдалъ письма Ходжашъ-Мегрему, который доставилъ ихъ къ хану; подарки же въ туже ночь были истребованы ханомъ (Магмедъ-Рагимъ спитъ днемъ, а сидитъ ночью); но юзъ-баши совѣтывалъ мнѣ запечатать ихъ, дабы Ходжашъ-Мегремъ съ таможенными сообщниками своими не воспользовался чѣмъ-нибудь изъ нихъ дорогой. Я досталъ подносы, наложилъ на нихъ сукна, парчи и другія вещи подарочныя и, обернувъ въ холстину, отдалъ Ходжашу, который пришелъ съ людьми и самымъ тайнымъ образомъ понесъ подарки. Съ нимъ я отправилъ Петровича. Часа два я дожидался возвращенія ихъ и думалъ уже, что съ Петровичемъ что нибудь дурное приключилось, какъ вдругъ онъ вошелъ ко мнѣ съ шумомъ, въ узбекскомъ одѣяніи, бросилъ огромную шапку въ одинъ уголъ, кафтанъ въ другой, увѣряя, что онъ больше никогда не пойдетъ съ препорученіями такого рода, что его проморозили тамъ въ коридорѣ и, наконецъ, что Ходжашъ, скинувъ съ себя платье, подарилъ его отъ имени ханскаго такой бездѣлицей и отпустилъ. Въ отвѣтъ я снялъ со стѣны толстую плеть свою и обѣщался Петровичу наградить его, если онъ еще слово скажетъ; потому что, будучи со мною, онъ долженъ былъ бросить свои Армянскія замашки и знать, что мы не за подарками въ Хиву пріѣхали. На другой день Ходжашовъ отецъ Атъ-Чанаръ торговалъ у Петровича тотъ же самый кафтанъ назадъ. Диванъ-Беги-Мехтеръ-Ага приходилъ ко мнѣ требовать обратно подносовъ, на которыхъ подарки были посланы хану. Я ихъ требовалъ отъ юзъ-баши, которой отвѣчалъ мнѣ, что хозяинъ подносовъ сихъ никогда болѣе не увидитъ ихъ; потому что, продолжалъ онъ, ханъ нашъ человѣкъ крѣпкой, и что̀ къ

нему разъ попадется, никогда назадъ не воротится. Въ числѣ подарковъ былъ одинъ поднось съ девятью фунтами свинца, тѣмъ же количествомъ пороха и 10 кремнями. Ханъ всю ночь разсматривалъ вещи, взялъ сей подносъ въ руки, удивился тяжести онаго и спросилъ у юзъ-баши: На этомъ ли подносѣ червонцы, которые я къ нему везъ? Онъ распечаталъ холстину, въ которую вещи были обвернуты, и крайне удивился. Сей подарокъ они, кажется, растолковали какъ предложеніе войны въ случаѣ, если онъ не приметъ двухъ головъ сахару, которыя я къ сему приложилъ и которыя по толкованіямъ ихъ изображали миръ и сладкую дружбу. Но ханъ и то и другое взялъ.

18-го числа ханъ не принималъ меня. Мнѣ хотѣлось послать нѣсколько подарковъ къ старшему брату его, Кутли-Мурадъ-Инаху. Мнѣ сказали, что сего нельзя было сдѣлать безъ позволенія ханскаго. Я выпросилъ оное черезъ юзъ-башу и послалъ къ нему сукна, парчи, сахару и нѣкоторыя бездѣлицы съ Петровичемъ, тоже ночью. Петровичъ не видалъ его, но былъ отдаренъ пятью золотыми тиллами. Между посланными къ нему подарками находился небольшой бритвенный ящикъ, который я не разсматривалъ отправляя его. Въ жестяной мыльницѣ находился кусокъ чернаго мыла, котораго я не примѣтилъ. Инахъ, разбирая всякую штучку порознь, увидѣлъ и взялъ подозрѣніе; но узнавъ, что это мыло, онъ призвалъ своего лекаря, который тоже не могъ узнать, чтò бы это такое могло быть. Послали ко мнѣ справляться. Я тоже не зналъ и просилъ, чтобы мнѣ прислали ящичекъ обратно посмотрѣть, чтò въ немъ было. Отказали. Я просилъ одну мыльницу; и той не прислали. Я просилъ кусокъ чернаго мыла. Не надѣйтесь увидѣть оное, сказалъ мнѣ юзъ-баши: нашъ Инахъ такой же крѣпкой человѣкъ, какъ и ханъ; чтò къ нему разъ попалось, никогда назадъ не возвращается; а это вѣрно мыло должно быть, и я его успокою.

Въ тотъ же вечеръ я вспомнилъ, что въ числѣ подарковъ было десять стакановъ стеклянныхъ, которые я забылъ послать наканунѣ къ хану. Я позвалъ юзъ-башу и спросилъ у него, какъ бы это половчѣе сдѣлать, чтобы, отнесши ихъ къ Мегмедъ-Рагиму, извинить меня. Это ничего, сказалъ юзъ-баши. Ханъ нашъ все приметъ; отъ него только получить что нибудь трудно. У насъ же стекло рѣдкость; ему это понравится; только не посылайте десяти: это число у насъ полагается нехорошимъ; а девять есть счастливое.

Онъ понесъ девять стакановъ на подносѣ и возвратился ко мнѣ послѣ полночи. Ханъ былъ очень доволенъ, сказалъ онъ мнѣ; онъ всякой стаканъ пересматривалъ. Жалко, сказалъ онъ, что стекло сіе не послали ко мнѣ въ то время, какъ я водку пилъ. Онъ прежде много

употреблялъ оной, но теперь водку бросилъ, перестал кальянъ курить и даже запретилъ куренье онаго подданнымъ своимъ, разрѣзывая ротъ по уши тому, кто куритъ; не менѣе того запрещеніе сіе не строго соблюдается. Ханъ знаетъ, что нѣкоторые изъ приближенныхъ его курятъ и притворяется не знать сего. Ходжашъ-Мегремъ большой охотникъ курить; у него есть мерзкой деревянный кальянъ, сдѣланный, по обычаю Хивинскому, съ дырочкой въ противной сторонѣ чубука для выдуванія накопившагося дыма; дырочка сія пальцемъ запирается. Ходжашъ-Мегремъ, слѣдуя запрещенію ханскому, при людяхъ не беретъ чубука въ ротъ; но тюклюбъ его или любовникъ, 15-ти-лѣтній мальчикъ, набирая дыма полный ротъ и желудокъ, пускаетъ его обратно въ чубукъ и дырочку, а Ходжашъ-Мегремъ втягиваетъ оный въ себя. Онъ мнѣ далъ замѣтить, что дѣлаетъ сіе единственно для соблюденія запрещенія ханскаго.

Многіе изъ Хивинцевъ вмѣсто табаку курятъ траву, называющуюся бенгъ, отъ которой дѣлается человѣкъ пьянъ и нѣсколько часовъ безъ памяти лежитъ, если привычки не имѣетъ къ сему. Въ бытность мою въ Иль-Гельди отравили было такимъ образомъ деньщика моего. Я не зналъ причины сего и очень безпокоился, когда видѣлъ его умирающаго, но послѣ узналъ о причинѣ и далъ жестокой нагоняй калантарю, поднесшему ему такой кальянъ.

Въ числѣ подарковъ посылалъ я тоже къ хану стеклянный кальянъ, коего прежде онъ никогда не видалъ, ибо о стеклѣ въ Хивѣ имѣютъ весьма малое понятіе. Владѣлецъ спрашивалъ у юзъ-баши что̀ это такое; тотъ нашелся и, не смѣя сказать хану, что это кальянъ, отвѣчалъ, что это сосудъ для храненія уксуса, до котораго ханъ охотникъ, не смѣя коснуться вина.

Зажигательное стекло, которое у меня было, чрезвычайно удивляло Хивинцевъ; многіе приходили ко мнѣ нарочно смотрѣть оное и увѣряли, что такія чудесныя свойства нельзя приписать стеклу и что то непремѣнно долженъ быть горный хрусталь.

18-го и 19-го Ноября я все сидѣлъ въ заперти подъ сильной стражей. Если кто хотѣлъ придти ко мнѣ, то долженъ былъ на то сперва имѣть позволеніе отъ хана. Мошенникъ Ніасъ-Батыръ одинъ только ворвался ко мнѣ, за что̀ ему былъ выговоръ отъ приставовъ. Онъ вбѣжалъ ко мнѣ съ уздечкой въ серебряной оправѣ; я полагалъ, что онъ хотѣлъ продать ее. Нѣтъ, сказалъ онъ, я верхомъ пріѣхалъ; лошадь моя осталась у воротъ, а я уздечку снялъ, чтобы ея другіе не сняли съ коня.

Въ теченіе сихъ двухъ дней я имѣлъ частыя посѣщенія отъ всѣхъ таможеныхъ чиновниковъ, которые надѣялись съ меня подарки

сорвать, но ошиблись. Мерзкое отродіе людей сихъ вездѣ одинаково. Я обращался съ ними довольно гордо и грубо.

Я помнилъ, что въ бытность мою въ Иль-Гельди Давыдъ говорилъ мнѣ, что когда я пріѣду въ Хиву, то приставленъ будетъ къ одной изъ дверей моей комнаты Русской, который будетъ подслушивать мои рѣчи и переносить ихъ хану. Я скоро узналъ сію дверь; она была заперта, и я слышалъ даже человѣка кашляющаго, встающаго и ходящаго. Я нарочно садился противъ сей двери съ переводчикомъ и разговаривалъ громко о великихъ достоинствахъ Магмедъ-Рагимъ-хана, о силѣ его, о преимуществѣ Хивинскаго народа надъ Персіанами и проч. Три дня меня выслушивали и докладывали о семъ владѣльцу; когда же мнѣ надобно было о какомъ-нибудь дѣлѣ говорить съ переводчикомъ, то я объяснялся съ нимъ понѣмецки.

Въ теченіи сего времени я довольно скучалъ. Не взирая на всѣ вѣжливости, которыя мнѣ оказывали, я былъ въ неволѣ и опасался ежеминутно, чтобы ханъ опять на охоту на три мѣсяца не отправился, зная, что у него уже все было готово на охоту. Вѣжливость приставовъ и перваго министра до того дошла, что, видя меня невеселаго, привели ко мнѣ нѣкоего муллу Сеида, человѣка лѣтъ сорока, очень умнаго и имѣющаго всю веселость и ловкость Европейца. Онъ шутилъ очень пріятно, игралъ въ шахматы, какъ я еще ни одного игрока не видалъ (игра сія въ большомъ обыкновеніи въ Хивѣ). Мулла Сеидъ жилъ подаяніями, которыя ему дѣлали первые чиновники ханства за то, что онъ вмѣстѣ съ ними вечера проводилъ, игралъ въ шахматы, сочинялъ стихи, читалъ книги, разсказывалъ сказки и пр. Онъ въ самомъ дѣлѣ зналъ хорошо по-арабски, по-персидски и по-турецки, говорилъ ясно и очень пріятно, зналъ древнюю исторію Востока и разсказывалъ ее съ жаромъ, мѣшая въ разсказы свои приличныя стихотворенія лучшихъ сочинителей. Онъ говорилъ мнѣ шуткою, что, имѣя домъ свой въ предмѣстіи, онъ уже четырнадцать лѣтъ въ немъ не былъ, а все ночевалъ по гостямъ у знатныхъ въ Хивѣ, жаловался на нынѣшнія времена, говоря, что ханъ необычайно строгъ и не позволяетъ ни водки пить, ни бенгу курить. Онъ занялъ меня до 2-го часа утра и получилъ въ награжденіе одинъ тилло.

Наконецъ, 20-го Ноября передъ вечеромъ, Сеидъ-Незеръ пришелъ ко мнѣ отъ Ходжашъ-Мегрема и объявилъ, что ханъ требуетъ меня. Я одѣлся въ полный мундиръ съ Хивинской шапкой на головѣ. Настоящій шитый воротникъ мой былъ еще на суднѣ споротъ, и я нашилъ на мѣсто его красный. Я взялъ предосторожность сію, опасаясь, что изъ находящихся при ханѣ Русскихъ кто-нибудь не узналъ бы родъ службы моей по воротнику. Юзъ-баши сказалъ мнѣ, что мнѣ

никакъ нельзя было идти къ хану съ саблей, дабы не нарушить обычаевъ Хивинскихъ. Коли такъ, отвѣчалъ я, такъ я не иду: у насъ лишаются оружія за наказаніе, и ханъ не сниметъ съ меня оружія, которое мнѣ Бѣлый Царь пожаловалъ и на которомъ виситъ знакъ отличія, темлякъ. Какъ меня юзъ-баши ни просилъ, я никакъ не соглашался и приказалъ ему идти къ хану сказать, что я не иду. Я не могу ему сего сказать, отвѣчалъ юзъ-баши, а вы все дѣло испортите: онъ теперь въ хорошемъ расположеніи духа. Я лучше пойду скажу ему, что у васъ не сабля, а длинный ножъ (у меня была не сабля, а Черкесская шашка). Юзъ-баши пошелъ, но скоро воротился, говоря, что ханъ приказалъ меня просить, чтобы я безъ оружія пришелъ единственно, чтобъ не нарушить обычая ихъ. Я долженъ былъ согласиться. Я былъ радъ отдѣлаться отъ Хивы и уважилъ просьбу ханскую и обычай Хивинскій. Юзъ-баши и пристава̀ шли впереди; нѣсколько есауловъ съ толстыми дубинами разгоняли толпящійся народъ передо мной, всѣ крыши были покрыты любопытными. Я тоже слышалъ жалобы нѣкоторыхъ соотечественниковъ своихъ, скрывавшихся въ толпѣ. Я шелъ узкимъ переулкомъ съ четверть версты, степеннымъ, гордымъ шагомъ. Подойдя къ воротамъ дворца ханскаго, меня остановили; я сѣлъ, окруженъ будучи чиновниками и приставами. Къ хану пошли съ докладомъ и скоро воротились, приглашая меня войти во дворецъ. Кирпичные ворота дворца сего были очень хорошо выстроены и со вкусомъ. Я вошелъ на первый дворъ: песчана̀я площадка, окруженная нечистыми глиняными стѣнами, около которыхъ сидѣло 63 Киргизскихъ посла, пріѣхавшихъ на поклонъ къ Магмедъ-Рагиму, поѣсть, получить по кафтану изъ толстаго сукна и воротиться. Второй дворъ былъ нѣсколько поменьше; тутъ былъ арсеналъ ханскій: семь орудій на лафетахъ, сдѣланныхъ и окованныхъ по нашему, лежали другъ на дружкѣ съ переломанными колесами. Мнѣ дали замѣтить сіе. Я вышелъ на третій дворикъ, гдѣ сбирался ихъ совѣтъ въ покоѣ называемомъ Чернюшъ-Хане. Съ того дворика провели меня въ корридоръ, при входѣ въ который стояли слуги ханскіе, въ томъ числѣ и Ніасъ-Батыръ. Коридоръ былъ хуже всего: крытый камышемъ, земляной, неровный, грязный полъ и такія же стѣны. Выходя изъ онаго, я спустился двумя ступенями на четвертый дворъ побольше первыхъ трехъ, но всѣхъ грязнѣе; кое-гдѣ росли степныя травы, а посреди двора стояла кибитка, въ которой, какъ сказалъ мнѣ юзъ-баши, самъ ханъ находился.

Спускаясь со ступеней, подошелъ ко мнѣ какой-то человѣкъ въ засаленномъ тулупѣ. Я догадался по рванымъ ноздрямъ его, что то

долженъ быть Русскій, бѣжавшій изъ Сибири; онъ схватилъ меня за шарфъ сзади и хотѣлъ вести.

Въ эту минуту мнѣ пришло въ голову, что тутъ уже конецъ мой и что меня на казнь ведутъ и для для того лишили оружія, чтобы защищаясь я бы не убилъ кого-нибудь. Я оборотился и спросилъ у него, что это значило. Намѣреніе мое было ударить его хотя кулакомъ, такъ чтобы онъ больше не вставалъ. Онъ отскочилъ; но юзъ-баши подошелъ ко мнѣ и объявилъ, что это обычай въ Хивѣ такой, что посланниковъ должно вести къ хану. Тотъ подошелъ, но не смѣлъ меня за шарфъ взять, а поднялъ руку и держалъ ее за мной, какъ будто ведетъ меня. Я остановился передъ кибиткою и увидѣлъ сидящаго въ оной хана въ красномъ халатѣ, шитомъ изъ сукна мною привезеннаго ему. Какая-то небольшая серебряная петлица застегивалась у него на груди; на головѣ его была чалма съ бѣлой повязкой. Онъ сидѣлъ неподвижно на Коросанскомъ коврѣ, одинъ. У входа въ кибитку стояли съ одной стороны Ходжашъ-Мегремъ, а съ другой Юсуфъ-Мехтеръ-Ага, человѣкъ старый. (Я его тутъ въ первый разъ видѣлъ.) Наружность хана очень пріятная, хотя огромная; говорятъ, что въ немъ одна сажень роста и что лошадь болѣе двухъ часовъ везти его не можетъ на себѣ. Короткая борода его похожа на бѣлокурую. Голосъ его пріятный; онъ говоритъ ловко, величественно и чисто. Ставши противъ него, я поклонился не снимая шапки. Я дожидался, пока онъ начнетъ говорить, дабы, по словамъ юзъ-баши, слѣдовать обычаю ихъ. Пробывши такимъ образомъ нѣсколько времени, кто-то сталъ читать слѣдующую молитву: «Да сохранитъ Богъ владѣніе сіе для пользы и славы владѣльца!» Послѣ сихъ словъ ханъ и двое присутствующихъ погладили себя по бородѣ. Приставъ мой юзъ-баши поодаль стоялъ. Ханъ привѣтствовалъ меня словами: «Хошь гелюбсенъ! Хошь гелюбсенъ!» т.-е. добро пожаловать, обыкновенное привѣтствіе Азіятцевъ. Послѣ того онъ продолжалъ: «Посланецъ! Зачѣмъ ты пріѣхалъ и какую ты имѣешь просьбу до меня?» Я отвѣчалъ ему слѣдующей рѣчью.

Счастливой Россійской Имперіи главнокомандующій надъ землями, лежащими между Чернымъ и Каспійскимъ морями, имѣющій во владѣніи своемъ Тифлисъ, Ганжу, Грузію, Карабагъ, Шушу, Нуху, Шеки, Ширванъ, Баку, Кубу, Дагестанъ, Астрахань, Кавказъ, Ленкоранъ, Сальянъ, всѣ крѣпости и области, отнятыя силою оружія у Каджаровъ, послалъ меня къ вашему высокостепенству для изъявленія вамъ почтенія своего и врученія вамъ письма, въ счастливое время писаннаго.

ХАНЪ. Я читалъ письмо его.

Я. Онъ сверхъ того поручилъ мнѣ доставить къ вашему высокостепенству нѣкоторые подарки, которые я имѣлъ нѣсколько дней передъ симъ счастье отправить вамъ. Я имѣю также приказаніе доложить вамъ о нѣкоторыхъ вещахъ изустно. Я буду ожидать приказанія вашего для докладу объ оныхъ. Когда угодно будетъ вамъ выслушать меня, теперь или въ другое время?

ХАНЪ. Говори теперь.

Я. Главнокомандующій нашъ, желая вступить въ тѣсную дружбу съ вашимъ высокостепенствомъ, хочетъ войти въ частныя сношенія съ вами. Для сего должно поставить на твердую почву торговлю между нашимъ народомъ и вашимъ въ пользу обѣихъ державъ; но караваны ваши, ходящіе въ Астрахань черезъ Мангышлакъ, должны идти 30 дней степью почти безводной; трудная дорога сія причиною, что торговыя сношенія наши о сю пору еще малозначительны; теперь же главнокомандующій желаетъ, чтобы караваны сіи ходили къ Красноводской пристани, что̀ въ Балканскомъ заливѣ: по сей новой дорогѣ только 17-ть дней ѣзды, и купцы ваши всегда найдутъ въ предполагаемой новой пристани Красноводской нѣсколько купеческихъ судовъ изъ Астрахани съ тѣми товарами и издѣліями, за которыми они къ намъ ѣздятъ.

ХАНЪ. Хотя справедливо то, что Манглышлакская дорога гораздо далѣе Красноводской, но народъ Манглышлакской мнѣ преданъ и подданъ, тогда какъ изъ Іомудовъ и прибрежныхъ Трухменцовъ, къ Астрабаду живущихъ, большая часть служитъ Каджарамъ, а меньшая мнѣ, и потому караваны мои подвергаются опасности быть разграбленными. Я не могу согласиться на сію перемѣну.

Я. Когда вы вступите въ дружественныя сношенія съ нами, то сіи самые Іомуды, теперь готовые намъ повиноваться, будутъ ваши же слуги. Они всегда должны бояться силы оружія вашего; тогда непріятели ваши будутъ нашими, и мы будемъ готовы подать вамъ всякую помощь, какъ-то пороху, свинцу и даже орудій.

ХАНЪ. Порохъ у меня есть, свинцу довольно. Ты видѣлъ, что и пушки у меня есть.

Я. Слава оружія вашего высокостепенства слишкомъ извѣстна, чтобы мнѣ ея не знать; но что̀ же прикажете мнѣ отвѣчать главнокомандующему нашему, желающему дружбы вашей? Онъ приказалъ мнѣ просить у васъ хорошаго довѣреннаго человѣка, дабы угостить его и чтобы посланный вами возвратясь доложилъ вамъ самъ о благорасположеніи главнокомандующаго. По возвращеніи же моемъ я буду тотчасъ же отправленъ для донесенія Государю Императору о пріемѣ,

оказанномъ мнѣ здѣсь и объ отвѣтѣ данномъ вашимъ высокостепенствомъ.

ХАНЪ. Я пошлю съ тобой хорошихъ людей и дамъ имъ письмо къ главнокомандующему; я самъ желаю, чтобы между нами утвердилась настоящая и неразрывная дружба. Хошь гелюбсенъ!

Послѣднее слово сіе было знакомъ, что мнѣ раскланиваться должно. Я поклонился и ушелъ. Повели меня въ Чернюшъ-Хане. Туда пришли Ходжашъ-Мегремъ и Мехтеръ-Ага; принесли мнѣ на нѣсколькихъ подносахъ сахару и фруктовъ. Я просидѣлъ съ полчаса, въ теченіи котораго времени Мехтеръ-Ага распрашивалъ меня о сношеніяхъ Россіи съ Персіей. Мы заключили миръ, сказалъ я; но при первой шалости ихъ посылаемъ отрядъ въ границы ихъ и наказываемъ такъ, какъ наказываютъ родители дѣтей своихъ, и они покорны. Онъ спрашивалъ о силахъ нашихъ въ Грузіи. Я отвѣчалъ, что у насъ тамъ до 60 тыс. Русскаго регулярнаго войска, что можно сверхъ того набрать иррегулярной обывательской конницы, изъ главныхъ наѣздниковъ состоящей, но что мы не трогаемъ ея, потому что презираемъ войско безпорядочное и воровское, которое не въ состояніи выдержать ни сраженія, ни долгаго похода, а разоряющее только край, который бы могъ продовольствовать настоящее дѣйствующее войско.

Вскорѣ зашелъ къ намъ юзъ-баши; за нимъ человѣкъ несъ халатъ, подаренный мнѣ ханомъ. Надѣли на меня халатъ изъ какой-то золотой матеріи (говорятъ, что Индѣйской, но не очень богатой), препоясали меня богатымъ кушакомъ изъ Индѣйской золотой парчи; сунули за поясъ кинжалъ въ серебряныхъ ножнахъ, а сверхъ сего надѣли на меня родъ ризы съ короткими по локоть рукавами, изъ Русской парчи сшитую, перемѣнили шапку на другую похуже и которую мнѣ ханъ дарилъ, и повели къ кибиткѣ его.

Началось тою же самой церемоніей, послѣ чего, помолчавъ нѣсколько, ханъ приказалъ мнѣ повторить всѣ сказанныя мною слова, выключая первой рѣчи. Я ему опять все разсказалъ. Ханъ мнѣ тоже самое отвѣчалъ. Ханъ, сказалъ я ему, скажите мнѣ, чѣмъ я могу заслужить милости, которыми вы одаряете меня? Я бы счастливъ былъ, еслибы на будущій годъ я опять могъ пріѣхать къ вамъ съ препорученіями отъ нашего главнокомандующаго, дабы показать вамъ преданность мою.—Ты пріѣдешь, если тебя пошлютъ, отвѣчалъ онъ; а моихъ пословъ ты вручишь въ полное распоряженіе главнокомандующему: если онъ захочетъ, то можетъ ихъ даже и къ Государю послать.

Я возвратился къ большимъ воротамъ, гдѣ былъ для меня приготовленъ прекрасный сѣрый жеребецъ Трухменской породы. Меня

посадили верхомъ. Трухменцы мои вели лошадь подъ уздцы съ двухъ сторонъ, двое подлѣ стремянъ шли, а маленькаго переводчика моего сзади народъ давилъ, и совсѣмъ было оттерли его отъ меня.

Во время разговора моего съ ханомъ я говорилъ какъ можно громче и стоялъ вольно, не взирая на косые взгляды, которые за то бросали на меня Мехтеръ-Ага и Ходжашъ-Мегремъ, стоявшіе какъ невольники у дверей кибитки. Народъ провожалъ меня до самой квартиры моей. Вскорѣ прошелъ ко мнѣ Ходжашъ-Мегремъ съ суконными халатами для людей моихъ. Сеиду ужасно не понравилось, что ему дарили красный кафтанъ изъ толстаго сукна наравнѣ съ товарищами его: онъ хотѣлъ отказать подарокъ, но не смѣлъ сдѣлать сего. Ходжашъ сказалъ мнѣ, что ханъ вслѣдствіе бывшаго со мной разговора приказалъ объявить мнѣ, чтобы я доложилъ главнокомандующему, чтобы мы сами управлялись съ своими непріятелями. Онъ сказалъ мнѣ тоже, что у хана есть пушечный мастеръ изъ Царяграда, которому ханъ на дняхъ приказалъ вылить пушку, коей бы ядро вѣсило два пуда.

Мнѣ тутъ же объявили, что я свободенъ назадъ ѣхать; отобрали всѣхъ слугъ и бросили одного. Народъ сталъ ко мнѣ приходить. Я прогонялъ его, и еслибы не юзъ-баши, то бы мнѣ совсѣмъ покоя не было, и нельзя бы было мнѣ изъ Хивы выѣхать; потому что ни лошадей, ничего совершенно у меня не было. Я просилъ его въ туже ночь дать мнѣ лошадей; но онъ сказалъ, что сего сдѣлать нельзя было. Я переночевалъ, будучи до крайности счастливъ благополучнымъ окончаніемъ. Однако, по возвращеніи отъ хана, я послалъ къ нему позволенія просить подарить трехъ первыхъ особъ въ ханствѣ и послалъ еще по куску сукна, шелковой матеріи и по однимъ часамъ Мехтеръ-Агѣ и Кушъ-Беги, котораго въ Хивѣ не было, и Ходжашъ-Мегрему. Какъ я ни старался видѣться съ Султанъ-ханомъ, извѣстнымъ тѣмъ, что въ 1813 г. онъ соединилъ три междоусобныя враждебныя поколѣнія Трухменцовъ и дѣйствовалъ противъ Персіи; но онъ не могъ ко мнѣ придти. При раздѣленіи остальныхъ подарковъ я позвалъ юзъ-башу и просилъ его раздѣлить ихъ по достоинствамъ лицъ. Ему очень понравился стеклянный кальянъ, который у меня еще оставался; онъ ни въ чью долю не помѣстилъ его и сказалъ мнѣ, чтобы, надѣвши шапку на глаза, я подумалъ, кто больше всѣхъ заслуживаетъ сего подарка. Я ему отдалъ его. Атъ-Чанаръ тоже пилилъ меня, чтобы что-нибудь себѣ выманить; я ему отдалъ небольшой отрѣзокъ сукна, который онъ было далъ юзъ-башѣ; тотъ отказался, и онъ возвратилъ мнѣ его назадъ. Однако я уговорилъ его взять сей лоскутъ; онъ ушелъ сердитый и не являлся больше. Я слышалъ, что

Ходжашъ-Мегремъ представилъ хану ужасные счеты о содержанiи моемъ въ Иль-Гельди, по два тилла въ сутки или 32 рубл. на ассигнацiи. Отецъ же его Атъ-Чанаръ сорвалъ съ него за меня по одному тиллу въ день.

21-го числа я рѣшился рано выѣхать въ крѣпостцу Иль-Гельди, гдѣ мнѣ должно было ожидать прибытiя назначенныхъ ханомъ посланцевъ: того же самаго юзъ-баши, Ешъ-Незера и Якубъ-Бая, родомъ Сарта, того самаго, который прiѣзжалъ ко мнѣ два дня спустя послѣ моего прибытiя въ Иль-Гельди (онъ человѣкъ грамотный, прехитрый и дурнаго нрава). Но меня рано не пустили, объявивъ, что ханъ приказалъ имъ всѣмъ угостить меня. Несносное угощенiе состояло изъ холоднаго плова и продолжалось за полдень. Въ теченiи сего времени юзъ-баши самъ бѣгалъ по базару и сдѣлалъ для меня нѣкоторыя закупки. Наконецъ, какъ уже все готово было, я наградилъ всѣхъ слугъ и велѣлъ сѣдлать приведенныхъ лошадей, но вспомнилъ, что у двухствольнаго ружья моего замо̀къ былъ неисправленъ. Я просилъ привести ко мнѣ мастера. Привели молодаго человѣка лѣтъ 20, прекраснаго собою, бѣлокураго и съ чалмой на головѣ; я тотчасъ догадался, что то долженъ быть Русскiй и спросилъ его по-русски, знаетъ ли онъ нашъ языкъ? Нѣтъ, отвѣчалъ онъ по-турецки, взялъ замо̀къ и сталъ говорить со мной то по-персидски, то по-турецки прекраснымъ образомъ. Обхожденiе его было особенно ловкое. Усмотрѣвъ недостатокъ въ замкѣ, онъ побѣжалъ домой, взявъ ружье съ собою; какъ онъ ушелъ, мнѣ сказали, что отецъ его былъ захваченъ и проданъ въ неволю въ Хиву, гдѣ онъ принялъ магометанскую вѣру, женился на Персiянкѣ, тоже невольницѣ, и прижилъ сего самаго сына, который учился такъ хорошо, что сдѣлался муллой и содержалъ работой своей бѣдное семейство, выкупившееся послѣ долгой неволи.

Я хотѣлъ уже верхомъ садиться, чтобы ѣхать, и не прошло болѣе получаса, какъ я отдалъ ружье, какъ тотъ же молодой человѣкъ вбѣжалъ запыхавшись и принесъ ружье починенное (хотя весьма дурно), нѣсколько десятковъ яицъ и бѣлыхъ хлѣбовъ. Я ему далъ червонецъ и не говорилъ съ нимъ по-русски, чтобы не ввести его въ бѣду. Ружье же я отдалъ юзъ-башѣ, прося его пересмотрѣть оное и если нехорошо исправлено, то велѣть передѣлать и привести его мнѣ въ Иль-Гельди.

Русскiй какой-то меня на лошадь сажалъ и говорилъ со мной сквозь зубы, чтобы никто не слыхалъ его, ругая тѣхъ, которые нехорошо подвели ко мнѣ лошадь. Какъ я черезъ Хиву ѣхалъ, то во многихъ мѣстахъ видѣлъ несчастныхъ соотечественниковъ нашихъ, въ кучкахъ собранныхъ. Они кланялись мнѣ и называли меня избавите-

лемъ своимъ. Одинъ какой-то шелъ долго подлѣ моей лошади и когда я оборотился къ нему, то онъ сказалъ мнѣ: «Господинъ посланникъ, примите мое усерднѣйшее почтеніе и не забудьте насъ несчастныхъ по возвращеніи вашемъ въ отечество». Изъ вида его мнѣ показалось, что онъ долженъ быть не изъ простыхъ.

Народъ столпился было при въѣздѣ моемъ, но я отдѣлался, приказавъ переводчику бросить имъ двѣ горсти мелкаго серебра; сдѣлалась драка, и дорогу мнѣ очистили.

Для проводу моего назначенъ былъ одинъ Трухменецъ Нурали, который доѣхалъ со мной до Иль-Гельди и воротился. Вечеръ и ночь были очень холодные; притомъ же я ѣхалъ въ парчевомъ платьѣ своемъ и очень озябъ. Случилось же къ тому, что не доѣзжая 10 верстъ до Иль-Гельди, Петровичъ мой потерялъ дорогой кошелекъ съ 300 червонцами, которые у него были. Онъ визжалъ, плакалъ, ломался, такъ что я едва могъ узнать сперва, въ чемъ дѣло состояло. Я заставилъ его молчать угрозами и велѣлъ искать потерянныхъ денегъ. Сеидъ отыскалъ ихъ, а Петровичъ, когда увидѣлъ ихъ, схватилъ кошелекъ, началъ молиться по-армянски, кувыркаться, плакать и представлять изъ себя помѣшаннаго: онъ катался по песку. Я приказалъ взять его лошадь и вести ее за собою; онъ тотчасъ вскочилъ, сѣлъ и поѣхалъ благополучно. Въ эту критическую минуту я вотъ какое рѣшеніе взялъ. При мнѣ оставалось еще 30 червонцевъ, и такъ какъ я бы потерялъ совершенно вѣсъ между Трухменцами безъ денегъ, то я хотѣлъ, не заѣзжая въ Иль-Гельди, бѣжать, не дождавшись посланцевъ. Мнѣ только одно сіе средство представлялось, потому что не на что̀ было купить нужнаго для порядочной дороги.

Сеидъ мой просилъ въ Хивѣ у юзъ-баши, чтобы тотъ выходилъ у хана приказаніе навьючить ему безденежно 17 верблюдовъ хлѣбомъ. Сколько я ему ни говорилъ, что это стыдно просить, онъ все приставалъ, и я принужденъ былъ сказать юзъ-башѣ, чтобы онъ не вмѣшивался въ дѣла такого рода. Сеиду и товарищамъ его ханъ простилъ подать, наложенную на верблюдовъ, и я подарилъ ему послѣ того денегъ для закупки хлѣба.

Подъѣзжая къ Иль-Гельди, около 11 часовъ вечера, въ жестокой морозъ, съ ознобленными ушами, я былъ встрѣченъ Давыдомъ, который далеко въ поле вышелъ, узнавши о моемъ приближеніи черезъ поѣхавшаго впередъ Трухменца Нурали. Бухарецъ Мулла-Бай-Магмедъ кричалъ съ радости, какъ сумашедшій, увидя меня, и всѣ жители, коихъ мало оставалось, пришли меня поздравить съ благополучнымъ возвращеніемъ. Я обогрѣлся около углей и легъ спать.

22-го числа я пошелъ осматривать всѣ мѣста, при коихъ оставались воспоминанія о проведенныхъ мною 48 дняхъ въ заточеніи: стѣны, черезъ которыя я лѣзть хотѣлъ, голубятникъ и пр., и благодарилъ Бога Милостиваго, спасшаго меня. Приставовъ же при мнѣ не было: я былъ свободенъ идти и дѣлать что̀ хотѣлъ. Когда набиралось ко мнѣ слишкомъ много любопытныхъ, я выгонялъ ихъ попросту, и всѣ слушались меня, знавши хорошій пріемъ, который мнѣ ханъ сдѣлалъ. Мнѣ тутъ должно было дней шесть дожидаться. Я опять взялъ Иліаду и вспомнилъ, что когда сидѣлъ въ плѣну, то открывалъ всякій вечеръ на угадъ сію книгу и читалъ какой-нибудь стихъ, задуманный мною прежде на открывшейся случайно страницѣ. Пустое занятіе сіе, имѣющее начало свое въ скукѣ, не могло руководствовать моими поступками; но такъ странно случалось, что незадолго предъ выѣздомъ моимъ изъ Иль-Гельди въ Хиву я нашелъ слѣдующія рѣчи: «Странникъ, не отчаевайся, будь твердъ; ты сразишь непріятеля своего и возвратишься къ судамъ; благополучный вѣтеръ развѣетъ паруса, и ты увидишь отечественный берегъ.»

Трухменцы мои были послушны, какъ овцы. Я напомнилъ имъ, какъ они поочереди смѣнялись и дневали у вещей моихъ въ Иль-Гельди. Они уже приняли нѣкоторый родъ образованія, и пріѣзжающіе навѣщать ихъ имѣли къ нимъ нѣкоторое уваженіе. Я особенно былъ доволенъ Абдулъ-Гуссейномъ и Кульчи, которые мнѣ служили какъ нельзя лучше. И я обѣщался всѣмъ имъ взять ихъ посланниками отъ Трухменскаго народа къ главнокомандующему, что́ имъ чрезвычайно нравилось; потому что имъ дѣлать нечего бы было, и всякій день приносилъ бы имъ уже сваренное кушанье.

Несноснаго Атъ-Чанара уже тутъ не было. Старикъ сей укралъ разъ лошадь у бѣднаго Трухменца, пріѣхавшаго къ нему въ крѣпость табакъ покупать и спряталъ ее, дабы при первой пирухѣ зарѣзать и съѣсть. Бѣднякъ жаловался, плакалъ, но его прогнали и три дня лошадь держали; на четвертый день онъ одумался и приказалъ ее въ степь пустить. Онъ много дѣлалъ поступковъ такого роду, которые ни упомнить, ни для чего здѣсь помѣщать.

Я сталъ дѣлать закупки для своей дороги. Узнавши оную, можно было и мѣры взять, чтобы не терпѣть такъ много, какъ въ первый разъ. Морозы были чрезвычайно сильные; я купилъ тулупы, обвертки на ноги и большіе Хивинскіе сапоги. Для ночей я нашелъ Киргизскія шапки съ большими ушами, такъ что въ Хиву я ѣхалъ въ Трухменскомъ платьѣ, назадъ днемъ въ Хивинскомъ, а ночью въ Киргизскомъ. Я запасся бараниной, пшеномъ, купилъ маленькихъ Русскихъ иноходцевъ, коихъ въ Хивинскомъ ханствѣ очень много, исправилъ и

вычистилъ оружіе свое, кромѣ двуствольнаго ружья, которое мнѣ Русскіе въ Хивѣ еще больше испортили. Но ружье сіе оказало мнѣ другаго рода услугу: его привезли ко мнѣ изъ Хивы на 3-й или 4-й день пребыванія моего въ Иль-Гельди; я его не смотрѣлъ; когда же юзъбаши самъ ко мнѣ пріѣхалъ, и мы уже совсѣмъ сбирались въ дорогу, я хотѣлъ зарядить ружье, но духъ въ лѣвой стволъ никакъ ни шелъ. Полагая его заряженнымъ, я приказалъ деньщику своему насыпать на полку пороху и выстрѣлить. Сколько онъ ни сыпалъ, ружье не стрѣляло; я опустилъ въ стволъ шомполъ съ буравчикомъ и вытащилъ свернутую бумажку. Я тотчасъ догадался, въ чемъ дѣло состояло и, спрятавъ бумажку, побранилъ человѣка своего, что онъ неосторожно заткнулъ стволъ ружья. Когда же всѣ разошлись, я развернулъ бумажку и нашелъ въ ней слѣдующее: «Ваше высокородіе, осмѣливаемся вамъ донести. Россійскихъ людей найдется въ семъ юртѣ тысячи три плѣнниковъ и претерпѣвъ несносные труды, гладъ и холодъ и разные нападки. Сжальтесь надъ нашимъ бѣднымъ состояніемъ, донесите Его Императорскому Величеству, заставьте вѣчно молить Бога. Есмь плѣнникъ»*). Нельзя выразить того, чтò я почувствовалъ при прочтеніи сей записки. Она мнѣ еще болѣе внушила сознанія къ щедротамъ Всевышняго, спасшаго меня; но я оставлялъ несчастныхъ соотечественниковъ своихъ, не могши помочь имъ, и я поклялся себѣ по возвращеніи моемъ приложить всякое стараніе для избавленія ихъ.

Къ тому же почти времени Давыдъ привелъ ко мнѣ одного бѣднаго старика, единоземца нашего, того самаго, который вскорѣ послѣ перваго прибытія моего въ Иль-Гельди принесъ ко мнѣ яицъ и которому я принужденъ былъ отказать. Старикъ сей, по имени Осипъ Мельниковъ, уже 30 лѣтъ въ неволѣ былъ; его схватили Киргизы близъ Пречистенской крѣпости, чтò недалеко отъ Оренбурга. Онъ былъ солдатской сынъ, и только одна недѣля прошла какъ онъ женился на дочери отставнаго солдата Лаврентія Смирнова, какъ его схватили. Въ теченіи тридцати слишкомъ лѣтъ жестокой неволи, онъ умѣлъ накопить то число золота, которое хозяинъ его требовалъ для выкупа его; онъ накопилъ деньги сіи, трудясь по ночамъ и продавая часть пайка ему положеннаго. Хозяинъ его въ то время хотѣлъ жениться; онъ взялъ у него эти деньги, обѣщаясь его на волю отпустить, но вмѣсто того, по отнятіи у него золота, продалъ его другому. «Родственники мои тоже собрали денегъ для выкупа моего, продолжалъ старикъ со

---

*) Факсимиле этой бумажки находится въ атласѣ при книгѣ Н. Н. Муравьева: „Путешествіе въ Хиву". П. Б.

слезами; они прислали ихъ сюда съ возвращающимся караваномъ, но деньги обратили назадъ, и меня не выдали. Меня мучаютъ, бьютъ, отъ работы отдыха нѣтъ, и я не знаю, когда я избавлюсь отъ звѣрей сихъ. Я молю всякую ночь Христа Спасителя нашего, молилъ его и о васъ. Всѣ наши Русскіе не иначе разумѣютъ васъ какъ избавителя ихъ. Мы будемъ еще два года терпѣть и усердно молиться, въ ожиданіи, что вы возвратитесь; если же васъ не будетъ, то соберемся нѣсколько человѣкъ пуститься черезъ Киргизскую степь: умирать—намъ Богомъ суждено, такъ умремъ, а живые въ руки не попадемся. Мнѣ бы хотѣлось, продолжалъ онъ, спросить у васъ, за чѣмъ вы сюда пріѣхали. Хотя и живу такое долгое время въ басурманской землѣ, но смысла еще не потерялъ, и знаю, что вы не скажете, за чѣмъ пріѣхали, а мы знаемъ, что̀ думать. Дай вамъ Богъ только счастья благополучно возвратиться домой». Мельниковъ говорилъ очень плохо по-русски и половину словъ мѣшалъ по-турецки; голосъ и страдальческое лицо сего человѣка меня крайне тронули; я былъ цѣлый день грустенъ, видя невозможность помочь ему. Въ теченіи перваго моего пребыванія въ Иль-Гельди, я тоже видѣлъ нѣсколько Русскихъ изъ мурзъ Астраханскихъ, вновь захваченныхъ на промыслахъ при Мангышлакѣ и на Эмбѣ.

Юзъ-баши пріѣхалъ въ Иль-Гельди 26-го числа; Якубъ-Бая еще съ нимъ не было: онъ оставался въ Ургенджѣ для устроенія нѣкоторыхъ домашнихъ обстоятельствъ.

27-го числа я выѣхалъ изъ Иль-Гельди, коей жители провожали меня; и старые, и малые приходили пожать мнѣ руки. Первый ночлегъ мой былъ назначенъ въ 12-ти верстахъ отъ крѣпостцы, въ Трухменскомъ кочевьѣ, въ кибиткѣ нѣкоего Амана, поколѣнія Байрамъ-Ша. Сей Аманъ былъ пріятель Сеида и ужасный мошенникъ; онъ имѣлъ нѣкоторыя связи при дворѣ ханскомъ, доставилъ мнѣ тайнымъ образомъ свѣдѣнія о происходящемъ въ Хивѣ и, взявшись за покупки мои, обворовалъ меня такъ неловко, что я принужденъ былъ его прогнать; но передъ выѣздомъ Сеидъ привелъ его ко мнѣ и выпросилъ у меня прощеніе за него. Цѣль ихъ не далѣе того простиралась какъ чтобы я переночевалъ у него и сдѣлалъ ему подарокъ. Тутъ же жилъ съ нимъ одинъ старый Трухменецъ, лѣтъ 80-ти слишкомъ, фамиліи Онъ-Беги, который извѣстенъ былъ смолоду разбоями, а подъ старость мудрымъ совѣтомъ въ затруднительныхъ случаяхъ. Я точно нашелъ весьма порядочнаго старика, коего всѣ Трухменцы уважали и котораго слова, сказанныя съ обдуманностію, означали опытность, познаніе людей, а иногда были довольно колки. Я такъ былъ радъ выѣзду моему, что всю ночь почти просидѣлъ съ симъ старикомъ.

Выѣзжая изъ Иль-Гельди, Петровичъ встрѣтился съ вышеупомянутымъ Осипомъ Мельниковымъ, который шелъ съ Казалатскаго базара. Онъ надавалъ переводчику насильно хлѣба и всякой всячины; потомъ просилъ его слѣзть съ лошади. Петровичъ сперва боялся сіе сдѣлать, но по убѣдительной просьбѣ Мельникова слѣзъ. Мельниковъ бросился на колѣни передъ нимъ и просилъ его не забыть несчастныхъ невольниковъ. Бѣдный старикъ плакалъ, обнималъ ноги Петровича, который возвратился ко мнѣ совсѣмъ смущенный.

Мы собрались ѣхать къ берегу, не по первой дорогѣ, по которой я въ Хиву ѣхалъ, но по той, о которой я выше упоминалъ. Отъ колодцевъ Туера шла она прямо въ ханство, мимо владѣній Тёке. Такъ какъ со мной были Хивинскіе чиновники, то и опасаться было нечего. Что̀ касалось до воды, то мы слышали, что тамъ выпалъ снѣгъ, который стаялъ и близъ разоренной крѣпости Шахъ-Сенешъ составилъ замерзшую лужу. Другой надежды на воду у насъ не было до прибытія къ колодцамъ Ахъ-Набатъ.

28-го числа поутру мы еще не выѣхали изъ кочевья Амана, потому что дожидались Якубъ-Бая. Я написалъ въ сіе время письмо къ Пономареву, которое намѣревался отправить къ нему, переѣхавъ послѣдній каналъ Хивинскаго ханства съ Трухменцами Ханъ-Мехмедомъ и Джанакомъ, разбойниками, о которыхъ я выше говорилъ.

Караванъ нашъ состоялъ почти изъ 20 Трухменцовъ, которые всѣ дожидались благополучнаго окончанія дѣлъ своихъ и выѣзда, дабы, назвавшись моими слугами, пить дорогою чай, ѣсть на мой счетъ, и въ надеждѣ быть избавленными отъ подати, наложенной на нихъ ханомъ. Всѣ сіи пріятели и родственники Сеида, кажется, и проѣхали не заплативъ ничего. Они приходили просить меня, чтобъ я купилъ имъ платья на дорогу; но я ихъ прогналъ. Въ числѣ спутниковъ моихъ былъ одинъ Назаръ-Уста, который ѣхалъ съ молодой прекрасной женой и двумя ребятишками, лѣтъ восьми или девяти. Лѣнь Трухменцовъ до такой степени простирается, что онъ доро̀гой ни за что̀ не принимался: жена его и дѣти смотрѣли за верблюдами и совершенно все дѣлали, а онъ ходилъ только къ огню моему лясничать. Жена его тоже нерѣдко навѣщала меня, принося всегда кусокъ хлѣба и получала на обмѣнъ кусокъ сахару. Мои же Трухменцы, избалованные хорошей пищей, которую они отъ роду не видывали, облѣнились до крайности. Одинъ Абдула-Гуссейнъ изъ силъ выбивался, чтобы помочь мнѣ или убрать лошадей. Онъ же и за верблюдами ходилъ, вьючилъ ихъ, развьючивалъ, чинилъ по ночамъ оборванные ремни, разскладывалъ огонь, ходилъ со мной за дровами, пищу варилъ и проч. Мы назадъ шли гораздо долѣе, чѣмъ въ Хиву. Причиною тому было то,

что верблюды были тяжело навьючены, и мы рѣдко по ночамъ ходили. Но походъ сей не былъ легче перваго: холодъ, иногда недостатокъ въ лѣсѣ, такъ что ни одного прутика не было, были причиною тому. Я самъ былъ принужденъ часто убирать свою лошадь, а за дровами всякой день ходилъ и тащилъ на плечахъ свою ношу, уходя въ степь по верстѣ и болѣе за оными; должность сія препоручена была особенно Петровичу, которой другой не зналъ. Пріѣзжая на ночлегъ, онъ тотчасъ выговаривалъ въ охотники желающихъ чаю напиться и, отправляясь разсказывать имъ сказки для развеселенія ихъ, самъ не работалъ, а хвалилъ усердныхъ. Петровичъ былъ такъ одѣтъ, что онъ поворотиться не могъ, и потому онъ не таскалъ дровъ, а только ломалъ сухіе кустарники, бросаясь на нихъ задомъ: кустъ ломался, онъ черезъ него переваливался и скликивалъ Трухменцовъ, чтобы поднять его, ибо онъ былъ укутанъ въ шести кафтанахъ, голова его была увязана въ Киргизской шапкѣ, и самъ онъ никакъ встать не могъ. Армянинъ мой, извиваясь такимъ образомъ, дѣлалъ много дѣла, и мѣсто избранное мною для ночлега было всегда окружено съ одной стороны вьюками, а съ другой дровами. Среди редута моего, у кого былъ одинъ входъ, разложенъ былъ огонь, а съ наружи другой брустверъ составлялся изъ верблюдовъ, которые ложились другъ къ другу совсѣмъ вплоть. Огонь у меня былъ всегда большой въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дрова были. У меня вѣчно сбиралось множество лѣнтяевъ, отъ которыхъ Петровичъ иногда плетью отбивался. Даже самые Хивинскіе посланцы, по свойственной лѣни Азіятцевъ, сидѣли всегда безъ дровъ; не смѣя приказать людямъ своимъ идти за оными, они пользовались моими, также какъ и кушаніемъ моимъ, лѣнясь сами сварить остатки бѣднаго запаса своего.

Лѣнь — первенствующій порокъ Хивинцовъ и Трухменцовъ въ неимовѣрно-сильной степени: они въ состояніи по двое сутокъ голодными быть, чтобы не вставать съ мѣста и ничего не дѣлать. Скупость ихъ не уступаетъ лѣни: довольно того, что, будучи у нихъ же гостемъ, я всегда кормилъ ихъ, и за сіе соглашались они видѣть во мнѣ родъ начальника своего. Многихъ я отгонялъ, но на другой день они опять являлись.

Приступлю къ описанію остатнаго путешествія моего по порядку чиселъ дней и переходовъ.

Того же 28-го числа, выѣхавши передъ полднемъ отъ Амана, мы прибыли къ вечеру за водопроводъ *Бузъ-Гёменъ*, послѣдній въ ханствѣ, проѣхавъ около 20 верстъ. За Бузъ-Гёменомъ, кромѣ ровной степи, по которой изрѣдка разсѣяны кочевья, не обрабатывающія земель, совершенно ничего нѣтъ. Юзъ-баши съ прибывшимъ Якубъ-

Баемъ поѣхали ночевать верстъ за восемь въ Трухменскія кибитки, а я остался съ караваномъ въ полѣ. Въ тотъ же вечеръ я отправилъ письмо мое къ маіору Пономареву съ Трухменцами Ханъ-Мехмедомъ и Джанакомъ. Морозъ былъ чрезвычайно сильный, такъ что я всю ночь принужденъ былъ проходить и почти совсѣмъ не спать. Со всѣмъ симъ я отморозилъ себѣ обѣ ноги. Къ несчастію нашему дровъ совсѣмъ въ степи не было, и еще въ ту ночь бѣжало у меня три лошади, которыхъ съ трудомъ передъ разсвѣтомъ нашли. Водопроводъ Бузъ-Гёмемъ былъ покрытъ льдомъ, и мы взяли нѣсколько кусковъ онаго съ собой.

1-го Декабря мы прошли много развалинъ крѣпости Кезилъ-Кала и отправились въ ночь съ 1-го на 2-е число, потому что лошади наши съ 29-го числа утра не видали еще воды. Свойства лошадей сихъ необыкновенныя: онѣ идутъ по четыре сутокъ совершенно безъ воды, чему служитъ примѣромъ обратный путь мой.

2-го числа къ разсвѣту мы прибыли къ раззоренной крѣпости Шахъ-Сенемъ, которая была послѣдняя развалина по дорогѣ нашей. Мы долго искали ту замерзшую лужу, о которой намъ говорено было, чтобы напоить лошадей и, наконецъ, нашли ее. Всѣ принялись за работу. Лужа не имѣла болѣе ¼ аршина глубины, четыре аршина ширины и пять сажень длины, и сія то была вся надежда каравановъ. Кто пошелъ за дровами, кто сталъ ледъ ломать кинжаломъ. Ледъ сей таяли въ котлахъ. Напоивъ грязью лошадей, мы пошли далѣе. Крѣпостца Шахъ-Сенемъ была вправо отъ дороги, мы нарочно заѣзжали смотрѣть ее; она построена на насыпной горкѣ; внутри видны еще остатки нѣкоторыхъ покоевъ. Мѣсто сіе потому занимательно, что оно вспоминаетъ любовныя происшествія, извѣстныя во всей Азіи, которыя поютъ въ пѣсняхъ и разсказываютъ въ повѣстяхъ. Шахъ-Сенемъ была дочь богатаго вельможи; ее любилъ нѣкій Карибъ *), молодой человѣкъ, извѣстный своимъ пѣніемъ и бандурой. Сей Карибъ долженъ былъ отправиться въ путешествіе; его испытывала въ постоянствѣ Шахъ-Сенемъ. Семь лѣтъ онъ странствовалъ. Мусульманскіе имамы или святые нѣсколько разъ избавляли его отъ предстоявшихъ ему опасностей. Возвратясь наконецъ послѣ семи лѣтъ въ эту самую крѣпость Шахъ-Сенемъ и опоздавши 3-мя мѣсяцами своимъ пріѣздомъ, онъ застаетъ, что отецъ Шахъ-Сенемъ заставляетъ ее идти замужъ за сосѣдняго вельможу. Карибъ является къ матери Шахъ-Сенемъ на пиршество; его не узнаютъ. Онъ беретъ бандуру свою со стѣны, ко-

*) Безпріютный странникъ.

торая по отъѣздѣ его была отдана старухѣ, дабы она никому не позволяла касаться оной, и играетъ, воспѣвая похожденія свои и несчастія. Его узнаютъ, онъ женится на Шахъ-Сенемъ и отдаетъ сестру свою вельможѣ-сопернику. Повѣсть сія извѣстна всѣмъ Азіятцамъ. Я не могу пройти безъ замѣчанія сего мѣста покрытаго развалинами и по которому во многихъ мѣстахъ видны слѣды водопроводовъ. Не служатъ ли признаки сіи еще явнымъ доказательствомъ прежняго теченія Аму-Дарьи въ Каспійское море? Мнѣніе сіе согласно съ преданіями, оставшимися у Хивинцовъ; рѣка сія по словамъ ихъ уже 530 лѣтъ какъ перемѣнила свое теченіе на Сѣверъ.

Въ ночь съ 2 на 3 число мы не останавливались. 3-го числа всѣ конные уѣхали впередъ отъ каравана, дабы поспѣть въ тотъ же день къ колодцу Ахъ-Набатъ; но ночь застала насъ на дорогѣ, и мы провели оную въ полѣ, одни, имѣя едва какой кормъ съ собой для лошадей. Караванъ шелъ почти всю ночь и къ разсвѣту 4 числа нагналъ насъ, оставя позади себя большой караванъ Тёке, который нѣсколько переходовъ съ нами шелъ, но не смѣлъ трогать насъ, опасаясь Хивинскихъ посланниковъ болѣе моего оружія. По всей дорогѣ до самаго Туера дорога была устлана падшими верблюдами и лошадьми, которые были оставлены проходящими передъ нами караванами. Я уже объяснилъ выше, что Магметъ Рагимъ-ханъ наложилъ подать на сіи караваны. Въ надеждѣ, что подать сія проститея, Трухменцы проживали въ ханствѣ долгое время; наконецъ, когда уже настали холода, то они пустились, иные заплатя подать, иные бѣжали. Снѣгу было мало, но онъ замерзъ и попортилъ ноги верблюдамъ, которые сверхъ того были безъ корму и остались на дорогѣ; ихъ болѣе 1000 валялось во многихъ мѣстахъ; даже на дорогѣ были брошены вьюки съ хлѣбомъ. Нельзя было не содрогнуться, увидя въ нѣсколькихъ мѣстахъ людей валяющихся между верблюдами. Узбеки и Трухменцы, посмотрѣвъ на нихъ, узнали по длиннымъ бородамъ, что то должны быть Персіяне, которыхъ изъ Астрабада въ неволю везли и бросили. Это ничего, сказали они мнѣ: этихъ Кизилбашей всегда половину разбрасываютъ на дорогѣ, и они подохнутъ отъ голода, а иные отъ холода. Вода въ колодцахъ Атъ-Набата горькая, однако лошади ее пили; да и мы тоже не отстали отъ нихъ. Колодцы сіи окружены сыпучими песками на довольно большое разстояніе; пески сіи кромѣ того, что нанесены буграми, лежатъ еще на небольшихъ возвышеніяхъ, находящихся въ семъ мѣстѣ. Немного не доѣзжая сихъ колодцевъ, идетъ влѣво большая дорога во владѣніе Трухменцовъ Тёкинскаго поколѣнія.

5-го, поднявшись во 2-мъ часу по полуночи, мы прошли до разсвѣта. Я ѣхалъ впереди съ переводчикомъ. Передъ разсвѣтомъ сонъ

сталъ крѣпко меня клонить, я слѣзъ съ лошади и долго шелъ пѣшкомъ. Переводчикъ мой впереди шелъ, и по свойственной ему безпечности не смотрѣлъ на дорогу и сбился въ полѣ, между кустами; ночь была темная и холодная. Я уже давно не слыхалъ голосу Кульчи, который всегда съ караваномъ шелъ и пѣлъ. Я остановился и, не полагая, что я съ дороги сбился, а только что караванъ отсталъ, я сталъ дожидаться его, сѣлъ и уснулъ на дорогѣ. Стало разсвѣтать, и никого не видно, даже не было примѣтно никакого слѣда. Я сталъ кричать, никто не отвѣчаетъ. Мнѣ предстояло испытать судьбу брошенныхъ въ степи Персіянъ. Я сѣлъ верхомъ и сталъ отыскивать дорогу, руководствуясь движеніемъ свѣтилъ, но вскорѣ встрѣтилъ того же самаго Кульчу, который меня искалъ и довелъ до привала каравана.

7-го числа къ вечеру мы остановились ночевать въ самомъ голомъ мѣстѣ изо всѣхъ видѣнныхъ мною: ни одного прутика. Такъ какъ Атъ-Чанаръ въ крѣпости Иль-Гельди всегда морозилъ меня, а его называли насмѣшкой *Чалъ* (что̀ значитъ Бурый, потому что смуглое лице его и бѣлая борода его дѣлали его на бураго похожимъ), то я назвалъ ночлегъ сей *Чалъ-кыри*, или *бурая пустыня*.

Переночевавъ въ семъ мѣстѣ, 8-го числа поутру, мы тронулись и прибыли ввечеру къ колодцу *Дели* *). Мѣсто сіе считается половиной дороги отъ Хивы до Красноводска.

Мы хотѣли напоить скотъ свой около сего колодца, но по несчастью въ немъ лежалъ утопшій верблюдъ, который поскользнулся въ него вѣроятно по льду, находящемуся на краяхъ его, и нельзя было воды достать. Съ сего мѣста стало гораздо теплѣе, и снѣга уже почти совсѣмъ не видать было.

Я видѣлъ, что съ помощію Бога мы уже совершили самую трудную и опасную половину пути нашего къ берегу; но едва я успѣлъ успокоиться со стороны сей, какъ мнѣ пришли другія мысли. Мнѣ представлялось, что послѣднее письмо мое не застало уже судна, которое по расчету моему, нуждаясь въ провіантѣ и опасаясь льда, должно было воротиться. Мысль сія меня очень тревожила: быть оставленнымъ на берегу, брошеннымъ среди жадныхъ Трухменцовъ, почти безъ денегъ, имѣя еще на рукахъ Хивинскихъ посланцевъ! Безъ денегъ плохо жить между народомъ, имѣющимъ столь мало честности, безкорыстія и гостепріимства, какъ Трухменцы. Я легъ спать у огня, но не могъ уснуть; меня что-то понуждало думать о томъ, что̀ мнѣ оставалось предпринять въ такомъ случаѣ: ѣхать на Трухменской

*) Бѣшеный.

лодкѣ, въ которой едва 12 человѣкъ умѣститься могутъ, черезъ море во всякое время года, а паче зимой, было бы не отважное, а сумасшедшее предпріятіе; ѣхать сухимъ путемъ черезъ Мангышлакъ и между Киргизами было сопряжено съ большими опасностями. Но главная невозможность сего пути состояла въ денежномъ недостаткѣ, въ которомъ я находился. Пуститься сухимъ путемъ въ Астрабадъ, а оттуда черезъ Мазандеранъ и Ряштъ въ Ленкоранъ было бы возможно, если бы не были со мной Хивинскіе посланцы, и еслибы я самъ не ѣздилъ въ Хиву—край Персіянамъ непріятельскій. Опять оставаться на всю зиму между Трухменцами невозможно было: я бы потерялъ все уваженіе отъ нихъ, не имѣя денегъ; можетъ быть, и Хивинскій ханъ, узнавши о томъ, послалъ бы меня вытребовать, и меня бы за деньги выдали. Я думалъ и рѣшился на слѣдующее. При выѣздѣ моемъ изъ Хивы, носились слухи, что будто бы главнокомандующій въ войнѣ съ Персіей и что Каджары вывели всю конницу свою изъ Астрабада, приказавъ ей слѣдовать въ Тавризъ. Слухи сіи были привезены Трухменцами, возвратившимися съ чапаула или грабежа съ невольниками. Они совѣтывали единоземцамъ своимъ отправляться на грабежъ, потому что никто не защищаетъ Астрабадской области. Я не могъ вѣрить симъ слухамъ, но утѣшался тѣмъ, что они могутъ быть справедливы, и вознамѣрился, еслибы въ самомъ дѣлѣ корветъ былъ ушедши, собрать Трухменцовъ и идти набѣгомъ въ Астрабадъ. Послѣдствія же сего меня мало безпокоили.

Я лежалъ, размышляя о семъ, какъ Якубъ-Бай, который сидѣлъ у своего огня, закричалъ мнѣ вдругъ порусски, что два человѣка ѣдутъ къ намъ. Такъ какъ я писалъ къ Пономареву, чтобы онъ мнѣ выслалъ встрѣчу какъ можно дальше, то я полагалъ, что люди сіи ко мнѣ ѣдутъ. Они соскочили съ лошадей поспѣшно, какъ будто дѣло ко мнѣ имѣли, сѣли у огня и начали распрашивать меня, зачѣмъ и куда я ѣду. Я предложилъ имъ оставить меня въ покоѣ. Они были Гюргенскіе Трухменцы и ѣхали въ Хиву. Мнѣ такъ досадно было, что я обманулся, что я рѣшился оставить караванъ и ѣхать впередъ одинъ верхомъ. Я посовѣтывался о семъ съ юзъ-башей, оставилъ его, переводчика и деньщика съ караваномъ, давъ имъ наставленіе, какъ себя вести, взялъ съ собой Сеида, Кульчи и Трухменца Куввета, ѣхавшаго съ караваномъ и отправился въ ночи съ 8-го на 9-е число.

9-го числа на разсвѣтѣ мы отдохнули съ часъ и поѣхали далѣе, обгоняя множество каравановъ поколѣнія Ата. Мѣстоположеніе становилось нѣсколько гористо. Все время дороги нашей къ берегу мы ѣхали почти безъ остановки; и лошади и мы едва 2 съ полов. или 3 часа въ сутки отдыхали. Кормъ ихъ состоялъ изъ нѣсколькихъ при-

горшенъ джигану, а мы я и не знаю чтò ѣли. Я взялъ съ собой нѣсколько баранины и сухарей, которую переводчики мои на первый донь съѣли не взявши съ собой ничего, и я остальные два дни почти совсѣмъ безъ пищи и безъ сна ѣхалъ.

10-го числа передъ разсвѣтомъ, я прибылъ къ Туеру и засталъ караванъ Ата, который поилъ своихъ верблюдовъ. Такъ какъ у насъ не было ни кожанаго мѣшка, ни веревки для черпанія воды изъ колодцевъ, то мы стали поить лошадей своихъ изъ ямы, въ которую Ата нашли воду для своихъ верблюдовъ. Они хотѣли намъ воспрепятствовать сіе, но когда мы силою приступили, не взирая на ихъ множество, и объявили, что мы поколѣнія Джафаръ-бай, они тотчасъ отступили, достали намъ деревянную чашку и сами наливали ее водой, извиняясь въ грубости своей тѣмъ, что они не знали племени нашего. Въ такомъ страхѣ содержатъ ихъ Джафаръ-баи, которые славятся родственными связьми своими, многочисленностію и храбростью. Въ Дели и Тонгрѣ мы нашли утопшихъ верблюда и оленя, а въ одномъ изъ колодцевъ Туера мы нашли живаго барана, который плавалъ по дну онаго.

9-го числа ввечеру мы остановились на отдыхѣ въ оврагѣ, не подалеку отъ дороги находящемся. Въ оврагѣ семъ мы нашли кучку, сложенную изъ сухихъ прутьевъ. Мы поспѣшили разобрать ее для огня нашего и нашли подъ оной два вьюка верблюжьихъ. Трухменцы мои обрадовались, развязали ихъ, достали оттуда изюму, табаку, коего у насъ не было, и джигану, которыми тотчасъ наполнили торбы и хотѣли кормить лошадей. Я имъ приказалъ оставить вьюки и не касаться оныхъ. «Вотъ хорошо, отвѣчалъ мнѣ Сеидъ, вьюки эти принадлежатъ Ата, которыхъ мы не иначе считаемъ какъ скотами и невольниками нашими; а вы думаете, что они пощадили бы наши вьюки, еслибы они имъ попались?»—«Дѣлай какъ хочешь, отвѣчалъ я Сеиду; но моя лошадь не съѣстъ ни одного зерна краденаго, потому что оно во вредъ обратится, а я лишиться ея не хочу.»—«Мы съ собой мало корму взяли на дорогу», сказалъ Сеидъ.—«Это не причина, отвѣчалъ я, чтобы чужое воровать. Зачѣмъ ты больше не взялъ, или если ты такъ презираешь Ата, зачѣмъ ты не отобралъ у нихъ изъ каравановъ то чтò тебѣ нужно было?» Сеидъ остановился, а другіе отнесли назадъ кормъ и положили его опять во вьюки. «Правда, что безчестно чужое грабить, сказалъ мнѣ Кувветъ; но, Мурадъ-Бегъ, ты не знаешь, можетъ быть, что эти самые Ата прежде на Балканѣ жили, откуда мы ихъ вытѣснили; они самые сожгли десять лѣтъ тому назадъ два судна купеческія, пришедшія торговать въ Красноводскъ, и увели людей всѣхъ въ Хиву, гдѣ и продали ихъ. Черезъ это купцы пере-

стали ѣздить къ намъ, и мы принуждены ѣздить за хлѣбомъ и другими издѣліями въ Хиву и Астрабадъ. Какъ же эти Ата не заслуживаютъ нашего наказанія?» Видя повиновеніе ихъ, я положилъ два реала въ найденный вьюкъ и позволилъ имъ взять корму на одинъ только привалъ; но они воспользовались симъ, реаловъ не тронули, а взяли весь изюмъ и табакъ, которымъ меня потчивали дорогой, говоря, что это уже не краденое и не поганое, а чистое.

10-го числа послѣ разсвѣта мы пустились въ дорогу и переѣхали цѣпь горъ Сарё-Баба. Я видѣлъ днемъ озеро Кули-Дерья, о коемъ я выше упоминалъ. Ѣхали послѣ привала всю ночь съ 10 на 11 число и 11 въ полночь напоили лошадей своихъ у колодцевъ Демуръ-Джемъ, откуда прежде находящееся кочевье удалилось. Я вспомнилъ сонъ, видѣнный мною въ семъ мѣстѣ, когда я еще въ Хиву ѣхалъ, и благодарилъ искренно Всемогущаго, что оный не исполнился.

Не доѣзжая сего мѣста, случилось со мной странное приключеніе. Въ прежнія времена Трухменцы терпѣли отъ нападеній Киргизовъ; набѣги сіи остались въ памяти ихъ по преданіямъ. 11-го числа передъ разсвѣтомъ, я ѣхалъ одинъ впереди; проводники мои всѣ отстали; кто дремалъ на конѣ, кто спалъ, свалившись въ степи у ногъ лошадей своихъ. Я встрѣтился съ однимъ Трухменцомъ, ведущимъ двухъ верблюдовъ. Я подъѣхалъ къ нему и спросилъ у него, кто онъ и откуда идетъ. На сей вопросъ онъ спрятался за верблюда и выбѣжалъ тотчасъ же съ обнаженной саблей. «Убирайся отсюда! закричалъ онъ мнѣ, замахнувшись на меня, или я тебя изрублю». Я едва успѣлъ выхватить пистолетъ свой изъ-за пояса и остановить его, уставя на него дуломъ и взведши курокъ. «Кто ты таковъ, закричалъ я ему, говори, или ты умеръ!» Бѣдняга испугался, опустилъ саблю, хотѣлъ что-то сказать, но задрожалъ и не могъ ни слова произнести. Я его держалъ въ семъ положеніи, наступая на него, а онъ отступалъ и отмахивался саблей, пока не наѣхалъ Сеидъ, который все дѣло намъ объяснилъ. На мнѣ была Киргизская шапка, и онъ меня принялъ было за Киргиза. Когда Трухменецъ отдохнулъ отъ своего испуга и опамятовался, мы стали его спрашивать, не слыхалъ ли онъ чего о нашемъ суднѣ, и онъ утѣшилъ меня извѣстіемъ, что судно благополучно на якорѣ лежитъ и дожидается меня. Мы ѣхали весь день 11-го числа и остановились передъ вечеромъ отдыхать въ кустахъ неподалеку отъ колодцевъ *Сюйли*.

Мы всѣ уморились до крайности отъ того, что давно уже не спали. Я кое-какъ перемогалъ себя, потому что мечталъ о возвращеніи; безпечные же проводники мои дремали на лошадяхъ и падали сонные съ оныхъ. Если который-нибудь изъ насъ отставалъ, то уѣхавшіе впе-

редъ, дабы не терять времени въ ожиданіи отставшаго, слѣзали съ лошадей и засыпали у ногъ ихъ. Я кричалъ, будилъ ихъ, упрашивалъ торопиться, но пока я другаго будилъ, первый засыпалъ. Ночь съ 11-го на 12-е число была послѣдняя нашего путешествія.

Я просилъ съ вечера Сеида и товарищей его перемочь себя, дабы скорѣе поспѣть въ его кочевье; всѣ обѣщались, но всѣ измѣнили своему обѣщанію.

Въ ночи съ 11-го на 12-е мы проѣхали колодцы Сюйли, откуда находившееся прежде кочевье тоже удалилось. Послѣ того Трухменцы стали мало по-малу отставать. Кульчи первый уснулъ; мы уже съ часъ ѣхали безъ него, какъ Сеидъ хватился, остался дожидаться его и тоже уснулъ на дорогѣ. Я отъѣхалъ съ часъ и, видя, что они не ѣдутъ, слѣзъ съ лошади и сталъ Сеида дожидаться; между тѣмъ легъ на дорогѣ съ Кувветомъ, и мы оба уснули. Но проснувшись черезъ нѣсколько времени и не видя остальныхъ товарищей своихъ, я полагалъ, что лошади провезли ихъ дремлющихъ мимо меня, и поѣхалъ далѣе. Я ихъ не нагонялъ, они меня не нагоняли, и я думалъ, что уже сбился съ дороги, какъ увидѣлъ передъ собой двухъ человѣкъ: одинъ изъ нихъ ѣхалъ на верблюдѣ, а другой на лошади. Принявъ ихъ по происшествію случившемуся со мной за злоумышленниковъ, я выхватилъ свой пистолетъ и, направя его на коннаго, спросилъ у него, кто онъ таковъ. Въ отвѣтъ скинулъ онъ мнѣ шапку и, обнявъ меня, привѣтствовалъ нѣсколькими Русскими словами. То былъ молодой Якши-Магмедъ, сынъ Кіатъ-Аги, отправлявшаго меня. Живучи на суднѣ, онъ выучился нѣсколько словамъ нашимъ. Онъ сказалъ мнѣ, что уже девять дней какъ онъ оставилъ корветъ, имѣя письмо ко мнѣ отъ Пономарева, что онъ жилъ все это время въ кочевьѣ Сеида, гдѣ влюбился въ одну Трухменку, на которой жениться хотѣлъ и что отецъ его съ почетнѣйшими старшинами былъ высланъ ко мнѣ на встрѣчу, но поѣхалъ по другой дорогѣ. Я чрезвычайно обрадовался сей встрѣчѣ. Товарищъ Якши-Магмеда былъ Вель-Уста, Трухменецъ, который во время пути моего въ Хиву отсталъ отъ Гекимъ-Али-Бая и присталъ ко мнѣ. Кувветъ былъ отставши. Я пересадилъ Вель-Усту на лошадь и послалъ его отыскивать Кіата, а Якши-Магмеда на верблюда, котораго я держалъ въ поводу.

Скоро насъ нагналъ Кувветъ, и мы увидѣли влѣво отъ дороги огонь, къ которому мы поѣхали для прочтенія письма. Тамъ ночевали два семейства переходящихъ къ Сѣверу. Огонь былъ далеко отъ дороги. Мы сбились съ оной и едва къ разсвѣту съ помощію Кувввета прибыли къ колодцамъ Сюльмень, у которыхъ застали Сеида и Кульчи.

Намъ уже немного оставалось до кочевья Сеида, и мы послали 12-го числа Кульчи вскачь впередъ, дабы намъ заготовили барана и хлѣба, а сами вслѣдъ за нимъ поѣхали. Передъ вечеромъ мы прибыли въ Сеидову кибитку. Жены и дѣти проводниковъ моихъ обступили насъ; собралось множество стариковъ въ мою кибитку, зарѣзали барана и сдѣлали пиръ, послѣ котораго я написалъ нѣсколько строкъ къ маіору Пономареву и уснулъ мертвымъ сномъ.

13-го числа мнѣ надобно было посѣтить женъ прочихъ проводниковъ моихъ, послѣ чего въ часу 11-мъ до полдня я отправился (Сеидова оба или кочевье его уже не на прежнемъ мѣстѣ находилось, а перешло поближе къ дорогѣ).

Исправивъ все оружіе свое, я отправился къ берегу въ сопровожденіи Сеида, который везъ сына своего за собой и человѣкъ трехъ постороннихъ. Мнѣ было верстъ 35 ѣзды. Верстахъ въ пяти отъ берега я въѣхалъ въ кочевье Муллы-Каиба, у котораго я хлебалъ верблюжье молоко, когда еще въ Хиву ѣхалъ; нынѣшній разъ я выкурилъ у него кальянъ, не слѣзая съ лошади, и поѣхалъ далѣе. Впереди видны были горы, съ которыхъ спустясь открывалось море и судно. Я получилъ записку отъ Пономарева въ отвѣтъ на письмо мое, успокоился на счетъ корвета, но еще болѣе успокоился и обрадовался, когда, спускаясь со скалъ, составляющихъ почти берегъ моря, открылся мнѣ заливъ и трехмачтовый корветъ нашъ. Я скинулъ шапку, надѣлъ ее на пику свою и махалъ ею, дабы дать знать о своемъ прибытіи. Моего знака никто не примѣтилъ; однако я скоро увидѣлъ, что съ корвета плыветъ гребное судно ко мнѣ, а вслѣдъ за симъ и другое (корветъ стоялъ верстахъ въ трехъ отъ берега). Я присталъ къ кибиткамъ на берегу расположеннымъ. Не знаю, билось ли мое сердце когда такъ крѣпко, подъѣзжая къ Петербургу или къ Москвѣ, какъ въ ту минуту, какъ я стоялъ ногами уже почти въ водѣ морской. Гребныя суда наши причаливали всегда около колодца Балкуи, лежащаго повыше почти съ версту около же берега. Я туда поѣхалъ и былъ встрѣченъ матросами, пріѣхавшими наливаться водой, которые, примѣтя меня, бѣжали по берегу. Матросъ Калюкъ, Татаринъ родомъ, прежде всѣхъ встрѣтилъ меня.

Вскорѣ прибыло первое судно за мной, а тамъ второе, въ которомъ самъ Пономаревъ пустился и тотчасъ же увезъ меня.

Легко себѣ представить, съ какою радостію приняли меня на корветѣ. Первый долгъ, который я исполнилъ, было благодарственное молебствіе Господу за спасеніе мое; послѣ того дали мнѣ пуншу и трубку, и заставили разсказывать свое путешествіе. Жители корвета тоже не находились въ хорошемъ состояніи. Отпустивши шкоутъ «Св. Поли-

карпъ» вскорѣ послѣ отъѣзда моего въ Хиву и забравши даже весь провіантъ съ онаго, имъ не стало онаго на то долгое время, которое они меня дожидались. Люди уже цѣлый мѣсяцъ были на половинной порціи; изъ 140 матросовъ не болѣе 20 было совершенно здоровыхъ, 5 умерло, 30 лежало безъ движенія отъ цынготной болѣзни, а остальные перемогали себя. Лѣкарь былъ безъ аптеки и не могъ помогать больнымъ. Таковое положеніе понудило лейтенанта Басаргина приступить къ маіору Пономареву, чтобы онъ далъ ему предписаніе отплыть, говоря, что лучше было лишиться одного меня, чѣмъ цѣлому судну погибнуть. Къ сему понуждалъ его еще показавшійся ледъ въ заливѣ. Первый приступъ Басаргина былъ еще въ половинѣ Ноября. Пономаревъ выпросилъ у него двѣ недѣли срока, послѣ котораго отложили еще снятіе съ якоря на одну недѣлю, наконецъ на одинъ день. Наканунѣ означеннаго утра для отплытія, въ самое время вечерней зори, Трухменскій киржимъ причалилъ къ корвету, и посланные мною Ханъ-Магмедъ и Джанакъ вошли по приказанію моему въ капитанскую каюту, не объявляя ничего, и тамъ отдали письмо мое Пономареву. Общая радость и веселіе водворились между нуждающимися матросами, ропотъ прекратился, и рѣшились дожидаться меня.

Гекимъ-Али-Бай, о которомъ я нѣсколько разъ писалъ къ Пономареву, прося захватить его, не являлся на судно, а прислалъ просто данную мною ему монету. Сколько его ни просили, онъ не показался, отговариваясь болѣзнію. Монету мою узнали, но полагали, что Гекимъ-Али-Бай, разграбивъ меня, нашелъ сію монету и послалъ ее на судно для оправданія своего; полагали, что болѣзнь его была ничто иное какъ рана, которую я ему далъ защищаясь.

Все время моего пребыванія въ Хивѣ, Трухменцы, пріѣзжавшіе оттуда съ караванами, являлись на корветъ и объявляли, что я вслѣдъ за ними ѣду, для полученія муштулуга или награжденія за добрую вѣсть; но вѣстники сіи скоро надоѣли Пономареву. Онъ задержалъ одного изъ сихъ ложныхъ пророковъ, который клялся, что я черезъ четыре дня возвращусь, и обѣщался наградить его, если слова его окажутся справедливыми, если же ложными, то посадить его на пять дней въ пушку и выстрѣлить. Пятый день насталъ, и бѣдняга пришелъ со слезами просить прощенія за вымышленныя имъ извѣстія.

Кіатъ таился. Онъ самъ безпокоился на мой счетъ, перешептывался съ пріѣзжающими Трухменцами и наводилъ симъ еще больше сомнѣнія. Дурное обращеніе съ нимъ моряковъ и недостатокъ въ переводчикѣ были, наконецъ, причиною тому, что онъ принужденъ былъ бѣжать съ судна, оставя всѣ дѣла свои и довѣренности старшинъ Трухменскихъ. Его съ трудомъ могли заманить опять на судно. По-

номареву было чего испугаться; но онъ не зналъ, что причиною сего была его безпечность и слабость. Онъ посылаетъ одного посланца за другимъ къ Муллѣ Каибу, у котораго Кіатъ скрывался, дабы призвать его. Послѣ долгихъ переговоровъ Кіатъ возвращается; онъ получаетъ новыя неудовольствія, хочетъ уѣхать, оставя виды свои; его удерживаютъ силой, и онъ клянется, что если ступитъ на берегъ, то не возвратится болѣе, не объяснившись прежде со мной. Узнавши о скоромъ прибытіи моемъ, Кіатъ поѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу, но, какъ я выше писалъ, разъѣхался со мной; онъ хотѣлъ говорить со мной, но по возвращеніи его, зная уже обстоятельства, я избѣгалъ вступать съ нимъ въ разговоръ, гдѣ я долженъ былъ оправдывать его противъ нашихъ. Я былъ признателенъ старому маіору за скуку и безпокойства, претерпѣнныя имъ ради меня.

14-го числа ввечеру, Кіатъ, извѣстясь о моемъ прибытіи, возвратился. Онъ простудился въ дорогѣ, правый глазъ его заболѣлъ; онъ всю ночь кричалъ, и поутру мы увидѣли у него большое бѣльмо на зрачкѣ.

15-е число назначено было для празднества, дѣлаемаго ради моего пріѣзда. На берегу собралось множество голодныхъ Трухменцовъ. Мы съѣхали на берегъ. Видя дурное расположеніе духа, въ которомъ Кіатъ находился, я боялся, чтобы Трухменцамъ не вздумалось чего-нибудь предпринять. Какъ бы обидно было показаться опять къ нимъ, послѣ столь чудеснаго возвращенія! Я настоялъ, чтобы на берегу поставленъ былъ караулъ. Праздникъ начался скачкой, потомъ была борьба, стрѣльба въ цѣль, бѣгъ, причемъ раздавалось много денегъ побѣдителямъ. На праздникѣ семъ порядка никакого не было, нахальничали Трухменцы, давили Пономарева, который не зналъ болѣе куда поворотиться; получали деньги самые дерзкіе; всѣ были недовольны, и кончилось ударами, которые давали Трухменцамъ. Изъ моихъ часть разошлась. Праздникъ сей стоилъ дорого, и всѣ были недовольны; причиною же сему былъ безпорядокъ, который должно было избѣжать, имѣя дѣло съ Трухменцами, народомъ любящимъ деньги больше всего на свѣтѣ.

Мой Сеидъ и Кульчи не были на семъ торжествѣ. Я ихъ прежде всего послалъ на встрѣчу къ каравану. Тутъ явился ко мнѣ одинъ слѣпой старикъ, житель Челекенской, который имѣлъ свидѣтельство отъ графа Войновича, плававшаго по симъ водамъ во время царствованія Екатерины; въ свидѣтельствѣ семъ упоминалось о заслугахъ, которыя оказалъ въ то время Русскимъ сей Трухменецъ.

Въ короткое пребываніе мое на суднѣ, я не успѣлъ съѣздить на Красноводскую косу, которую мнѣ чрезвычайно желательно было видѣть.

16-го числа пріѣхалъ къ намъ Петровичъ, оставя караванъ въ Сеидовомъ кочевьѣ. Онъ самъ не зналъ, за чѣмъ пріѣхалъ и воротился опять назадъ за караваномъ.

17-го числа увидали мы толпу конныхъ, спущающихся съ горы и узнали Хивинскихъ посланцевъ. Проводники ихъ Трухменцы ѣхали впереди, наѣздничали и стрѣляли изъ ружей. Я тотчасъ съѣхалъ на берегъ, посадилъ ихъ въ особенную кибитку, приставя къ оной караулъ, дабы Трухменцы по обыкновенію своему не ввалились къ нимъ и не мучили вопросами. До вечера я дожидался прибытія каравана; когда же оный прибылъ, то я сталъ сажать посланцевъ въ лодку. Трухменцовъ множество хотѣли ѣхать со мной на судно, въ надеждѣ получить награжденіе за то, что я ихъ всю дорогу кормилъ (чтò называется у нихъ службой), но я никого не пустилъ кромѣ своихъ четырехъ.

Когда надобно было ѣхать, Сеидъ вбѣжалъ блѣдный въ кибитку, схватилъ сѣдло свое, саблю и осѣдлалъ лошадь. Я вышелъ къ нему и спросилъ, чтò это значило. Губы его тряслись, онъ самъ весь дрожалъ, блѣдный какъ смерть; онъ не могъ мнѣ ни слова сказать, но пролепеталъ, что онъ ни за чтò не поѣдетъ на судно. Я вырвалъ у него пику, снялъ саблю и, отдавъ оныя подъ часы, сказалъ ему, что мнѣ жалко его видѣть въ такомъ положеніи и что я просилъ его объясниться. «Я сегодня сонъ видѣлъ, сказалъ онъ мнѣ, что, ѣдучи верхомъ по замерзшему берегу моря, лошадь моя передними ногами провалилась сквозь ледъ. Я чувствую, что со мной что нибудь нехорошаго послѣ будетъ на суднѣ, и скажи мнѣ, я ли тебѣ не служилъ?» «Сеидъ, отвѣчалъ я ему, если ты самъ чувствуешь всѣ вины свои, когда никто тебѣ не поминалъ объ нихъ, зачѣмъ ты еще стараешься оправдаться? Признайся лучше!» — «Оставь меня, сказалъ онъ; я доволенъ тобой, доставилъ тебя благополучно и награжденъ; пущай я возвращусь домой». — «Какъ хочешь, отвѣчалъ я; я не гонюсь за тѣмъ, чтобы ты посѣтилъ меня; но если ты мнѣ не вѣришь, то можешь ѣхать».

Когда въ бытность мою въ Хивѣ и во все время обратнаго пути моего Сеидъ дѣлалъ такія вещи, которыя должны всякаго взорвать, я молчалъ и грызъ внутренно досаду свою, но обѣщался по прибытіи на судно бить его до полусмерти. Прибывъ на берегъ, я смягчился нѣсколько и хотѣлъ въ присутствіи всѣхъ старшинъ объявить его мерзкіе поступки и со стыдомъ прогнать его въ глазахъ всѣхъ; но когда я увидѣлъ его невольное сознаніе, то я рѣшился простить, сдѣлавъ ему порядочный выговоръ наединѣ. Онъ хотѣлъ уѣхать, но Петровичъ не пустилъ его. «Проси прощенія у Елчибека» *), говорилъ онъ ему; я

*) Господина посланника.

тебѣ ручаюсь, что онъ проститъ тебя».—«Пущай судьба моя управляетъ мной, отвѣчалъ Сеидъ; я отдамъ себя въ руки его. Чтò будетъ со мной, того да не минуюˮ».

Я повезъ ихъ всѣхъ на судно и представилъ Хивинцовъ Пономареву. Якубъ-Бай уже прежде ѣзжалъ на купеческихъ судахъ нашихъ изъ Мангышлака въ Астрахань и не удивлялся; но юзъ-баши долго не понималъ, гдѣ онъ находился, и не зналъ, чтò съ нимъ дѣлается. Моихъ Трухменцовъ Пономаревъ подарилъ. Сеиду я доставилъ пистолетъ въ серебрянной оправѣ, отвелъ его въ сторону и разсказалъ ему всѣ его дурныя дѣла; онъ сознался, просилъ прощенія, и мы помирились. Орда вся осталась ночевать у насъ на корветѣ.

18-го числа велѣно было отправить лишнихъ на берегъ, а съ нужными намъ людьми сниматься съ якоря. Сеидъ замедлился нѣсколько минутъ, разговаривая о нѣкоторыхъ счетахъ своихъ съ юзъ-башей. Басаргинъ, какъ я уже выше описывалъ его, былъ человѣкъ своенравный, грубый и весьма храбрый тамъ, гдѣ ему опасаться было нечего; онъ совершенно управлялъ Максимъ Ивановичемъ, который никогда не смѣлъ ему прекословить, а приказывать уже и думать позабылъ. Басаргину хотѣлось скорѣе съ якоря сняться; онъ велѣлъ матросамъ вытащить Сеида на палубу и прогнать его прикладами въ лодку. Я былъ въ то время въ капитанской каютѣ и не зналъ этого. Петровичъ было заступился за Сеида, его разругали, онъ пришелъ жаловаться. Пономаревъ ничего не смѣлъ сказать Басаргину. Я ему представилъ, что такое поведеніе несообразно съ правилами обхожденія съ Трухменцами, которыхъ по приказанію главнокомандующаго мы должны были стараться привязать къ себѣ хорошимъ обхожденіемъ съ ними и что онъ можетъ отвѣчать за сей поступокъ.

Лодка уже отчалила. Кіатъ былъ недоволенъ, оставался на берегу и никакъ не хотѣлъ ѣхать съ нами; множество народа было собрано на берегу, и всѣ были недовольны.

Такимъ образомъ кончилась экспедиція наша, коей начало было столь блистательное.

Пономаревъ и Басаргинъ приступили ко мнѣ, прося меня еще въ послѣдній разъ съѣздить на берегъ и довершить дѣла свои всеобщимъ примиреніемъ и привезеніемъ Кіата и Таганъ-Ніаса, избранныхъ отъ Трухменскаго народа повѣренными. Я согласился, но взялъ съ собой баркасъ, вооруженный двумя зараженными фалконетами и десять матросовъ съ ружьями. Приваливъ къ берегу, я пошелъ въ толпу и не нашелъ ни Кіата, ни Сеида; они сидѣли поодаль и разговаривали. Я присѣлъ къ нимъ. Сеидъ былъ столь остороженъ, что, съѣхавъ на берегъ, никому не объявилъ о понесенныхъ имъ ударахъ, дабы не пристыдили

его единоплеменники. Я сперва уговорилъ Кіата ѣхать, послѣ того помирился съ Сеидомъ и повезъ повѣренныхъ. Кіатъ просилъ меня сказать народу, что онъ къ вечеру еще возворотится, дабы избавиться отъ попрошаекъ. На суднѣ ожидали отъ меня съ нетерпѣніемъ сигнала, который я обѣщался дать имъ въ знакъ благополучнаго окончанія. Я приказалъ выстрѣлить изъ фалконетовъ и отвалилъ. Всѣ были очень ради, когда я возвратился, подняли гребныя суда и снялись съ якоря того же 18-го числа ввечеру.

Безпечность Пономарева до такой степени простирается, что онъ еще о сю пору не имѣетъ перевода письма, которое писалъ къ нему Магмедъ - Рагимъ - ханъ и не знаетъ, что̀ въ ономъ заключается.

И такъ на суднѣ у насъ было два посланца отъ Хивинскаго хана и два отъ Трухменскаго народа. У первыхъ было трое слугъ: Хаджи, родной братъ Якубъ-Бая, Кутли-Мурадъ и Абдулла-Ніасъ. У Трухменцовъ же было взято двое слугъ, изъ которыхъ одинъ мальчишка бѣжалъ, сѣвъ въ Трухменскую лодку, которая отваливала отъ судна, и остался только одинъ по имени *Балта*.

21-го приплыли мы легкимъ вѣтромъ къ острову Жилому, лежащему неподалеку отъ Апшеронскаго мыса. На острову семъ живутъ промышленники и занимаются ловлей тюленей. Не доѣзжая сего острова, мы миновали недавно открытые подводные камни, означенные на новыхъ картахъ Каспійскаго моря.

24-го числа къ разсвѣту мы были въ Бакинскомъ рейдѣ. Передъ полднемъ мы сошли на берегъ и кое-какъ размѣстили посланцевъ своихъ на одной квартирѣ. Алексѣй Петровичь былъ еще въ Дагестанѣ, гдѣ онъ продолжалъ военныя дѣйствія. Я предлагалъ Пономареву дни черезъ два отправиться въ Тифлисъ; но онъ никакъ не могъ рѣшиться на сіе, не желая упустить праздника, чтобы не погулять со старыми маіорами, его пріятелями. Онъ забылъ домъ свой, жену, дѣтей, которыхъ оставилъ въ весьма бѣдномъ положеніи, забылъ потерю сына, котораго онъ лишился во время отсутствія своего, чтобы пировать въ кругу людей, несноснымъ для меня образомъ мыслей ихъ, угощеніемъ, пьянствомъ, картежью, мѣстными разсказами о судахъ, подъ которыми всѣ они находились за междоусобныя ябеды. Я скрывался и прятался, чтобы сколько нибудь заняться и уговаривалъ Пономарева сдѣлать отчетъ ввѣренной ему суммы. Ничего не дѣйствовало. Я напоминалъ ему о семействѣ, онъ находилъ какія-то причины оставаться. Посланцы были предоставлены судьбѣ и безтолковому попеченію Петровича. Все шло гадко. Противно смотрѣть было, и я не могъ отдѣлаться, потому что не хотѣлъ обидѣть бѣднаго слабаго старика.

Бакинскій народъ точно гостепріимной, но гостепріимство сіе есть весьма тягостное. Я разъ былъ выведенъ до того изъ терпѣнія, что принужденъ былъ проситься у Пономарева въ Тифлисъ; но онъ упросилъ меня остаться, и я остался. Самый пріятный домъ былъ у Александровскаго, начальника таможни, гдѣ собирались все морскіе офицеры; тутъ благопристойность получше соблюдалась.

29-го числа получили мы извѣстіе о взятіи Акуши Алексѣемъ Петровичемъ.

30-го. Я собрался было съѣздить на огни, гдѣ Индѣйцы покланяются оному; но вмѣсто того собралось у меня человѣкъ 12 товарищей, въ томъ числѣ и Пономаревъ, который не упускалъ ни одного случая, чтобы не погулять. Вмѣсто того чтобы разсматривать какъ должно капища сіи, достойныя примѣчанія, мы провели весь день въ питьѣ, а на другой нездоровы были.

Огни сіи, называющіеся по-персидски Атешке отстоятъ 16 верстъ отъ Баку на Сѣверо-востокъ отъ оной. Земля, содержащая въ себѣ горючій газъ, простирается на нѣсколько верстъ въ окрестности сего мѣста. Малѣйшая дыра, изъ которой подымается огонь, вспыхиваетъ и горитъ безъ угашенія. Огонь сей служитъ приходящимъ Индѣйцамъ на поклоненіе, вареніе пищи и освѣщеніе. Послѣднее они дѣлаютъ, поднося пламя къ вставленной въ землю камышенкѣ. Тутъ у нихъ выстроенъ довольно опрятный караванъ-сарай; къ стѣнамъ онаго снутри придѣланы комнаты, изъ коихъ въ однихъ живутъ они, въ другихъ имѣютъ истуканы свои, которыхъ мнѣ не удалось видѣть, а третьи назначены для пріѣзжихъ. На срединѣ двора построенъ довольно обширной жертвенникъ, по четыремъ угламъ коего выведены высокія трубы, изъ коихъ мечетъ всегдашнее пламя. Въ капищѣ семъ бывало отъ 15 до 20 человѣкъ Индѣйцовъ, спасающихся разными мученіями. Когда я тамъ былъ, я видѣлъ 6 или 7 человѣкъ. Старостой у нихъ былъ Индѣецъ, прежде торговавшій въ Астрахани; онъ зналъ кромѣ своего языка по-русски, по армянски, по-турецки и по-персидски. Тѣ Индѣйцы, которыхъ я видѣлъ, почти совсѣмъ голые. Всякой изъ нихъ имѣетъ особую комнату, живетъ и ѣстъ не въ сообществѣ товарищей своихъ и имѣетъ въ своей комнатѣ огонь, надъ которымъ онъ просиживаетъ по нѣскольку часовъ безъ движенія, поднявши руки вверхъ, не смотря на жаръ, который его сильно безпокоить долженъ. Изнуренныя лица самовольныхъ мучениковъ сихъ и худость ихъ доказываютъ то, что́ они переносятъ. Между прочими тутъ былъ одинъ Индѣецъ, которой служилъ въ Англійской службѣ солдатомъ въ одномъ полку Сипаевъ.

СТАРИЦА МАВРА.

Въ Іюльской книжкѣ «Русскаго Архива» нынѣшняго года напечатана статья г-на Вейнберга подъ названіемъ: «Очерки стародавняго мѣстнаго быта. Полковникъ Голоскокъ», которую авторъ закончилъ словами: «Дальнѣйшихъ свѣдѣній о ходѣ этого дѣла не сохранилось.... объ ней (Марьѣ Сиверской) и объ ея дочери нигдѣ въ послѣдствіи не упоминается».

Мнѣ удалось въ столбцахъ (№ 2.469) Приказнаго Стола Разряда, въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, отыскать нѣкоторые документы, имѣющіе отношеніе къ любопытному дѣлу Голоскока съ Марьей Сиверскою.

Девятаго Октября 1690 года въ Разрядный Приказъ поступило челобитье старицы Успенскаго Тобольскаго монастыря Мавры, въ которомъ она писала:

«Въ прошлыхъ годѣхъ было у меня судное дѣло въ Разрядѣ съ Кондратьемъ Голоскокомъ въ дочеришкѣ моей, что онъ Кондратій Гавриловъ сынъ Голоскокъ въ Острогожскомъ городѣ на улицѣ, ухватя дочеришку мою Настьку отъ жива мужа, продалъ ее Григорію Ивановичу Косагову для блуднаго дѣла; а онъ Григорій учинилъ за то Кондратья Голоскока полковникомъ. И въ томъ дѣлѣ Ѳедька Шакловитой, норовя имъ, безъ указу, ухватя меня ночью и съ дочеришкою моею Настькою, послѣ суда сослалъ въ ссылку въ Тобольскъ,

*) Л. Б. Вейнбергъ для своихъ очерковъ пользовался бумагами, сохранившимися въ Воронежскихъ архивахъ. П. Б.

и я о томъ подавала многія челобитныя о свободѣ дочеришки своей. А нынѣ, государи, безъ вашего указу, хотятъ меня за напрасно и безвинно сослать въ ссылку опять къ дочеришкѣ моей; а дочеришка моя Настька сослана отъ жива мужа и выдана замужъ за другаго неволею, а за кого она выдана, у того ея другаго мужа на Москвѣ первая жена жива». Въ заключеніе старица Мавра проситъ это дѣло снесть въ одинъ приказъ съ дѣломъ Голоскока.

Вслѣдствіе этого челобитья, Разрядъ потребовалъ изъ Стрѣлецкаго Приказа свѣдѣнія, когда и за что были сосланы Мавра и дочь ея въ ссылку. Въ отвѣтъ Стрѣлецкій Приказъ сообщилъ слѣдующее.

Въ 1684 году въ Мартѣ мѣсяцѣ сдѣлалось извѣстно, что въ Москвѣ живетъ Черкасска Настасья, которая подговариваетъ старицъ разныхъ монастырей къ побѣгу изъ монастырей и выдаетъ ихъ замужъ. Когда пришли арестовать ее, при ней оказались еще двѣ жонки иноземки жъ. Въ распросѣ Настасья сказала, что она жена Ольшанскаго казака Романа Брызгалова; когда она, лѣтъ десять тому назадъ, была въ гостяхъ у сестры своей въ Острогожскѣ, въ то время черезъ Острогожскъ походомъ на Донъ пришелъ думный дворянинъ Григорій Ивановичъ Косаговъ, который, схватя ее, сослалъ въ Карачевскую свою деревню и держалъ ее въ той деревнѣ безъ себя, а потомъ перевезъ ее въ Курскъ и жилъ здѣсь съ нею блудно; тѣмъ временемъ мужъ ея женился на другой. А между тѣмъ мать ея, Марья, била челомъ на Косагова въ Иноземскомъ Приказѣ, и послѣ очной ставки Косаговъ принужденъ былъ выдать ее матери. Послѣ того они уѣхали въ Харьковскій уѣздъ, въ деревню Липицы, гдѣ жили своимъ домомъ; отсюда она съ матерью ѣздила въ Острогожскъ и здѣсь опять вышла замужъ за казака Павла Тимоѳеева. Съ мужемъ и матерью они пріѣхали въ Москву для челобитья опять на Григорья Косагова, но въ этомъ дѣлѣ помирились. Мужъ ея вскорѣ послѣ того бросилъ ее, уѣхалъ въ Острогожскъ и тамъ опять женился. Послѣ того она опять осталась съ матерью въ Москвѣ, такъ какъ мать ея била челомъ на Кондратья Голоскока въ покражѣ ея дочери. Въ Москвѣ она съ матерью жила, занимаясь работою по найму.

Тутъ-то и явилось неизвѣстно кѣмъ подстроенное обвиненіе ихъ въ подговорѣ монастырскихъ старицъ къ побѣгамъ изъ монастырей. Быть можетъ, мать съ дочерью и были грѣшны въ этомъ; но доказательствъ ихъ участія въ побѣгахъ старицъ не открылось. Тѣмъ не менѣе мать и дочь, за многое ихъ воровство, были посланы съ Москвы въ дальные Сибирскіе городы на вѣчное житье. Дѣла же Марьи Си-

верской съ Кондратьемъ Голоскокомъ въ Стрѣлецкомъ и Иноземскомъ Приказахъ вовсе не оказалось.

Старица Мароа снова тогда обратилась съ челобитьемъ, чтобы Разрядъ потребовалъ изъ Стрѣлецкаго Приказа подлинное дѣло ея съ Голоскокомъ. Въ Разрядѣ дали ей въ руки другую память съ предложеніемъ самой сходить въ Стрѣлецкій Приказъ; но завѣдывавшій приказомъ бояринъ, князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ той памяти у нея не принялъ, а сказалъ, что дѣла ея въ Стрѣлецкомъ Приказѣ никакого нѣтъ.

Когда старица Мавра донесла объ отвѣтѣ Троекурова въ Разрядъ, тамъ состоялось такое постановленіе: «199 г. (1691 г.) Марта въ 11-й день. По указу великихъ государей, бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ съ товарищи приказали изъ прежняго дѣла, каково было въ Разрядѣ съ Кондратьемъ Голоскокомъ, къ сему дѣлу выписать, а о ссылкѣ ихъ изъ вышеписанной памяти, какова прислана изъ Стрѣлецкаго Приказу и съ челобитьемъ ихъ о томъ, выписать къ великимъ государемъ въ докладъ особо и поднести безъ мотчанья».

На этомъ и оканчиваются документы, касающіеся этого дѣла и хранящіеся въ Архивѣ Министерства Юстиціи. Все-таки они даютъ ясное понятіе о томъ, что́ случилось съ дѣйствующими лицами въ періодъ времени съ 1684 по 1691 годъ. Нѣтъ сомнѣнія, что мать и дочь изъ ссылки были возвращены, такъ какъ главнаго ихъ врага, думнаго дьяка Шакловитаго въ это время не было въ живыхъ.

А. Востоковъ.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ СЪ ПЛЕМЯННИЦЕЙ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ЦАРЕВНОЮ ПРАСКОВЬЕЮ ІОАННОВНОЙ.

Извѣстно, что старшій братъ Великаго Преобразователя Россіи, царь Іоаннъ Алексѣевичъ, умершій 29-го Генваря 1696 года, находился въ супружествѣ съ Прасковьею Ѳеодоровною, изъ дома Салтыковыхъ. „Не проходило почти года, говоритъ историкъ Петра Великаго, когда бы царица не радовала своего супруга рожденіемъ царевны [1]). Плодомъ этого ихъ брака было пять дочерей: Марія родилась 21 Марта 1689 г., Ѳеодосія—4-го Іюня 1690 г., Екатерина—29-го Октября 1691 г., Анна—28 Генваря 1693 и Парасковья 24-го Сентября 1694 г.—почти за два года до смерти царя-отца. Изъ этихъ пяти дочерей царя Іоанна Алексѣевича двѣ старшія царевны умерли въ младенчествѣ (Марія 13-го Февраля 1690 г., Ѳеодосія—12-го Мая 1691 г).; младшія пережили отца и дядю“ [2]). Покровитель вдовы и сиротъ, дядя-царь Петръ Великій доказалъ, по замѣчанію Устрялова, впослѣдствіи глубокое уваженіе къ своему брату постоянною нѣжною заботливостію объ его оставшемся семействѣ. Въ чемъ состояла эта заботливость покровителя - дяди, мы хорошенько не знаемъ;но есть не неосновательный поводъ думать, что одна изъ сиротъ-племянницъ Преобразователя своимъ поведеніемъ не оправдывала ни положенія своего сиротства, ни равно заботъ дяди,—если только таковыя были. Французскій полномочный министръ при Русскомъ дворѣ, въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Преобразователя, Кампредонъ разсказываетъ намъ въ своихъ письмахъ любопытный случай любовныхъ интригъ тогдашней дворцовой жизни, гдѣ царевна Прасковья является героинею трагически кончившагося для нея романа. Въ письмѣ отъ 14-го Октября 1724 года, т.-е. когда цесаревнѣ Прасковьѣ Іоанновнѣ было уже за 30 лѣтъ, Кампредонъ пишетъ къ тогдашнему Французскому секретарю по иностраннымъ дѣламъ графу де Морвилю. „При царскомъ дворѣ случилась какая-то непріятность, угрожающая, кажется, немилостью нѣкоторымъ министрамъ и любимцамъ Царя. Мнѣ не удалось еще узнать, въ чемъ дѣло. Достовѣрно только, что нѣкто по имени Василій, первый пажъ и довѣренный

---

[1]) Устряловъ, т. 2-й гл. X стр 264.

[2]) Тамъ же, въ примѣчаніи.

любимецъ Царя, былъ *три раза пытаемъ* въ собственной комнатѣ Царя, тотчасъ же послѣ разговора Государя съ Ягужинскимъ (тогдашнимъ генералъ-прокуроромъ Сената). Называютъ Мамонова, маіора гвардіи, пользовавшагося до сихъ поръ большою милостію князя Меншикова, Макарова, секретаря кабинета, и даже Остермана. Послѣдняго я завтра увижу и непремѣнно буду имѣть честь донести вашему сіятельству обо всемъ, что̀ мнѣ удастся открыть объ этихъ интригахъ, помѣшавшихъ Царю поѣхать въ Петергофъ".

Въ письмѣ отъ 21-го Октября того же года и адресованномъ къ тому же лицу, Кампредонъ разъясняетъ, въ чемъ состояла эта дворцовая непріятность. „Наказаніе, постигшее царскаго пажа, пишетъ онъ здѣсь, не имѣло пока тѣхъ послѣдствій, какихъ ожидали отъ этого приключенія. Объ Остерманѣ упоминали потому, что пажъ—его пріятель. И имѣлъ ли этотъ министръ причину для опасеній, отъ которыхъ никто не можетъ быть свободенъ въ этомъ государствѣ, или у него были другія основанія не выходить изъ своей комнаты, только онъ въ теченіи нѣсколькихъ дней притворялся больнымъ. Затѣмъ онъ опять появился; я видѣлъ его и не замѣтилъ въ немъ никакой тревоги. Но, стараясь разузнать о причинахъ гнѣва Царя противъ фаворита, котораго онъ, казалось, нѣжно любилъ (если вообще Государь этотъ можетъ любить кого-либо, кромѣ самого себя) я открылъ, что Василій (такъ зовутъ этого пажа) помогалъ любовнымъ отношеніямъ царевны Прасковьи, племянницы Царя и сестры герцогинь Мекленбургской и Курляндской, съ Мамоновымъ, маіоромъ гвардіи, тоже однимъ изъ любимцевъ Е. Ц. В. La princesse est accouchée d'un garçon à Moscou. Она не показывается теперь. Василій, любимый пажъ Царя, отдѣлался довольно тяжелымъ наказаніемъ. Онъ снова попалъ въ милость на другой же день; слуга его приговоренъ къ каторгѣ, а что̀ постигнетъ Мамонова — еще неизвѣстно. Вашему сіятельству нетрудно понять, что это приключеніе не разглашается; поэтому, умоляю васъ, будьте осторожны съ нимъ и сами: нѣтъ ничего опаснѣе при здѣшнемъ дворѣ, какъ быть заподозрѣннымъ въ сообщеніи извѣстій, касающихся домашнихъ дѣлъ" *).

Что касается личности генералъ-маіора Ивана Ильича Мамонова-Дмитріева, то извѣстно, что онъ пользовался безусловнымъ довѣріемъ Петра Великаго и предсѣдательствовалъ въ судѣ надъ барономъ Шафировымъ. Вскорѣ послѣ смерти Преобразователя, по восшествіи на престолъ императрицы Екатерины, Мамоновъ посланъ былъ въ Москву для отобранія присяги новой Императрицѣ отъ расположенныхъ здѣсь войскъ.

Николай Кедровъ.

---

*) Смотри Сборникъ Имп. Русс. Истор. Общества. т. LII-й, 1886 г. стр. 294, 324, 359, 431 и 442

ОСТРОСЛОВІЕ ПРОШЛАГО ВѢКА.

Application du mot «Tout» en 1740 à toutes les puissances de l'Europe.

L'Allemagne craint *tout*. L'Autriche risque *tout*. L'Angleterre veut faire *tout*. La Bavière espère *tout*. Le Danemark se soumet à *tout*. L'Espagne embrouille *tout*. La Françe souffre *tout*. Gêne perd *tout*. La Hollande obéit à *tout*. La Moscovie se mêle de *tout*. Naples joue *tout*. La Prusse entreprend *tout*. La Savoie se méfie de *tout*. La Saxe attend *tout*. Le Turc se rit de *tout*. Les Jésuites se fourrent *partout*. Rome bénit *tout*.

Переводъ. Приложеніе слова „все" въ 1740 году ко всѣмъ Европейскимъ государствамъ. Германія боится *всего*. Австрія отваживается на *все*. Англія хочетъ дѣлать *все*. Баварія надѣется на *все*. Данія подчиняется *всему*. Испанія перепутываетъ *все*. Францiя терпитъ *все*. Генуя теряетъ *все*. Голландія слушается *всего*. Московія мѣшается во *все*. Неаполь играетъ *всѣмъ*. Пруссія предпринимаетъ *все*. Савойя не довѣряетъ *всему*. Саксонія ждетъ *всего*. Турція смѣется надо *всѣмъ*. Іезуиты путаются *во все*. Римъ благословляетъ *все*.

(Сообщено А. А. Чумиковымъ).

ПИСЬМО ГЕРЦОГА ГОЛШТИНСКАГО ПЕТРА-УЛЬРИХА ВЪ ШВЕЦІЮ *).

Высокорожденные, благородные, достопочтенные, высокоуважаемые, честные, правдивые Шведскаго государства высокочтимые, многолюбезные собравшіеся государственные чины!

Къ числу чувствъ, насажденныхъ во мнѣ съ самой ранней молодости, постоянно принадлежали чувства почтенія и высокаго уваженія къ Шведскому государству, почему я тѣмъ болѣе искренно желаю его благоденствія. Того ради высокохвальные чины да позволятъ мнѣ пожелать ихъ настоящему собранію щедраго благословенія Великаго Бога!

Да направитъ Онъ совокупное ихъ совѣщаніе и руководитъ имъ для пользы и блага государства къ вѣковѣчной чести и славѣ всей націи!

При этомъ я также вынужденъ поручить себя, дитя, лишенное отца и матери и томящееся подъ чужимъ гнетомъ, высокоцѣнному покровительству и заступничеству высокохвальныхъ государственныхъ чиновъ. Равно свидѣтельствую свою сердечную и искреннюю признательность за всѣ тѣ благорасположенія и благосклонность, которыя

---

*) Впослѣдствіи Петра Третьяго (род. въ 1728 г.). Швеція въ то время начинала войну съ Россіею. Письмо это переведено съ Шведской рукописи, хранящейся въ Лёбередѣ (въ Швеціи), въ архивѣ графовъ Делагарди. По-шведски оно озаглавлено: „Письмо къ государственнымъ чинамъ 1740 года отъ того, кто въ 1742 году отказался отъ престолонаслѣдія, такъ какъ онъ сдѣлался наслѣдникомъ Русской императорской короны“. Сообщеніемъ этого любопытнаго документа и нижеслѣдующей эпитафіи обязаны мы А. А. Чумикову. Они извлечены имъ изъ путевыхъ его тетрадей, веденныхъ во время пребыванія въ Швеціи и путешествія въ Данію. П. Б.

высокохвальными государственными чинами были оказываемы во всякое время его королевскому высочеству, моему покойному отцу.

Такъ какъ я унаслѣдовалъ отъ него тѣже чувства высокаго уваженія къ высокохвальнымъ государственнымъ чинамъ и непоколебимое довѣріе, которое онъ имѣлъ къ высшимъ благороднымъ чувствамъ, то и не имѣю я бо́льшаго желанія какъ удостоиться счастія пребывать подъ благосклоннымъ покровительствомъ высокохвальныхъ государсвенныхъ чиновъ, подобно тому какъ и онъ при своей жизни гордился этимъ. Высокохвальные государственные чины навѣрное не откажутъ мнѣ въ таковомъ, благоволивъ вспомнить, откуда приняло начало то несчастіе, которое вотъ уже 27-мь лѣтъ сряду обезсиливаетъ мой владѣтельный царствующій домъ и какое бремя въ тоже время онъ долженъ нести, бремя, которое ежедневно становится все болѣе и болѣе тяжкимъ.

Въ крѣпкомъ упованіи честь имѣю съ искреннимъ и признательнымъ высокопочтеніемъ пребыть всѣхъ высокохвальныхъ государственныхъ чиновъ готовый къ услугамъ, преданнѣйшій и признательный

Карлъ Петръ (Petter) Ульрихъ.

Киль. 15 Декабря 1740.

ЭПИТАФІЯ ПЕТРУ ТРЕТЬЕМУ.

Въ королевской библіотетѣ въ Копенгагенѣ, подъ гравированнымъ портретомъ Петра Третьяго, № 138-й, съ помѣтою De la Haye (изъ Гаги), написано почеркомъ прошлаго вѣка:

Un sangueux *) Empereur a fini son destin.
Il s'était attiré cette terrible fin.
Il crût de Frédérie posséder tout l'esprit,
Mais il se trompa fort: il n'en avait que l'habit.

*) Старинное слово вмѣсто нынѣшняго sanguinaire. П. Б.

ИЗЪ ПИСЬМА КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ КЪ ГРАФУ ГЕРМАНУ КЕЙЗЕРЛИНГУ О ВОСШЕСТВІИ НА ПРЕСТОЛЪ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

Это драгоцѣнное современное показаніе о великомъ событіи Русской исторіи составляетъ лишь окончаніе большаго письма княгини Дашковой къ извѣстному дипломату (нѣкогда президенту Петербургской Академіи Наукъ) графу Герману Кейзерлингу (1696—1764), находившемуся передъ тѣмъ, какъ это письмо писано, нашимъ посломъ въ Вѣнѣ, а при Петрѣ III-мъ назначенному въ Варшаву, куда онъ прибылъ въ Іюлѣ 1762 года. Княгиня Дашкова знала графа Кейзерлинга у своего дяди канцлера графа Воронцова, а братъ ея графъ Александръ Романовичъ (какъ видно изъ его Записокъ) жилъ у него въ Вѣнѣ. Подлинное письмо хранится въ Пруссіи, близъ Тильзита, въ помѣстьѣ графовъ Кейзерлинговъ Раутенбургѣ, откуда и полученъ нами нижеслѣдующій изъ него отрывокъ, при любезномъ посредствѣ гофмейстера нашего двора графа А. Кейзерлинга. П. Б.

Il fut déjà près d'onze heures du soir, lorsqu'un officier vint nous dire que m-r Passek, capitaine du régiment de Préobrajensky, venait d'être arrêté (qui était un des principaux des nôtres et qui ne faisait que de sortir de chez moi). Jugez de notre consternation par l'évidence de notre danger commun! M-r de Panin, par délicatesse, tâche de me cacher toute l'étendue du péril que je partageai avec lui, en feignant de n'être point troublé par cet accident, et remit la décision sur les mesures qu'on devait prendre jusqu'au lendemain matin, sur des informations plus véridiques du sujet de la détention. Il y a des moments où l'on se surpasse soi-même; ainsi ne vous étonnez point, monsieur, si je ne fis qu'apercevoir le danger sans le craindre, et je jugeai les circonstances si délicates que le temps que j'aurais employé à le persuader, était un temps trop cher et qu'on ne vaudrait perdre sans redoubler la doze du mal et de donner plus de poids à ce malheureux

inconvenient. Je feignis donc d'avoir besoin de repos. En attendant, m-rs Orloffs allèrent se munir des plus amples informations.

Après que tous furent partis, j'allai à pied me poster auprès du Pont-Bleu dans l'espérance de rencontrer quelqu'un des miens. Effectivement je vis arriver m-r Alexey Orloff, qui venait, à ce qu'il dit, délibérer avec moi sur ce qu'ils avaient à faire. Je lui conseillai d'aller chez le major Roslawleff lui dire de le mener chez le Hetman pour lui faire part des circonstances critiques où nous nous trouvâmes et de partir ensuite pour Peterhof et amener l'Impératrice au régiment d'Izmaïlofsky (car nous avions pris des mesures qu'au cas que le moindre de nous fût pris, les soldats fussent en état d'être rassemblés en diligence) et je m'en allai tranquillement chez moi me coucher pour ne point donner de l'ombrage à mes domestiques.

A peine fus-je couchée que le cadet des Orloffs vint chez moi me demander si je regardais comme décisivement nécessaire d'avertir Sa Majesté de ce danger et si nous ne l'épouvanterions point par là inutilement. Sur mes dernières instances il alla dire à son frère Alexey de partir. Tout fut fait en conséquence de cet arrangement. L'Impératrice arriva de bonne heure le matin au régiment d'Izmaïlofsky, où elle fut proclamée Souveraine. Vous savez sans doute, monsieur, comme tous les régiments lui prêtèrent serment de fidélité, et la tournée qu'elle fit à l'église de Kasansky, après quoi elle se rendit à son nouveau palais d'hiver. J'y suis arrivée aussi, et c'est auprès de ce palais que le reste des troupes prêtèrent le serment. En suite Sa Majesté et toute sa cour alla au vieux palais d'hiver où on chanta le Thédeum, après lequel j'eus le bonheur de lui mettre le cordon de S-t André. Après une assemblée du Senat Sa Majesté partit pour Peterhof, accompagnée de toutes les troupes se trouvant pour lors à Pétersbourg.

Je l'accompagnai aussi à cheval. La première halte que nous fîmes fut à Krasnoy-Kabak, où nous tâchâmes vainement de nous endormir un tant soit peu. Après 15 minutes de sommeil, étant couchée sur le même lit avec Sa Majesté, nous vîmes que nous étions couchées en vain et nous nous levâmes, après quoi nous continuâmes notre marche. Nous n'étions point encore arrivées au couvent de la S-te Trinité que nous vîmes arriver le vice-chancelier prince de Galitzin avec une lettre de l'Empereur pour Sa Majesté, par laquelle il l'assurait de lui abandonner tous ses droits à la couronne, la priant seulement de lui permettre de partir pour son duché de Holstein avec quelques uns de ses intimes.

Cette lettre, comme vous pouvez aisément vous l'imaginer, resta sans réponse, et nous vîmes quantité de gens qui le quittait et venait se réunir à nous. M-r le général Izmaïloff fut porteur d'une seconde lettre, dans laquelle il s'offrait d'abdiquer volontairement la couronne, sur quoi l'Impératrice le chargea de persuader l'Empereur de se rendre et qu'elle n'avait rien tant à coeur que sa conservation, et qu'ainsi sa propre sûreté l'engageait à se remettre entre ses mains. Après que m-r Izmaïloff fut parti, nous continuâmes notre chemin et arrivâmes heureusement à Peterhof où l'Empereur arriva.

C'est après quelque temps de repos que nous retournâmes en ville. Chemin faisant nous nous arrêtâmes à la maison de campagne du prince Kurakin où nous dormions, l'Impératrice et moi, deux heures de temps. En arrivant à Catherinhoff, nous trouvâmes un monde inombrable, qui, impatient de voir notre retour, était intentionné d'aller même au secours de l'Impératrice, croyant qu'il y aurait quelque bataille entre nos troupes et celles de Holstein.

Notre rentrée en ville est une chose qui ne saurait se décrire. Il faut avoir été témoin de cette joie, de ces transports d'un peuple entier qui lui faisait couler des larmes, pour s'imaginer au juste l'excès de leur attachement pour notre Souveraine et de l'étendue de l'espérance qu'il avait en son règne.

Arrivée en ville j'appris que le peuple après notre départ de la ville s'était tout rassemblé de l'autre côté de la rivière, avec des pierres et tout ce qu'il put trouver, pour être en état de repousser tout bâtiment qui pourrait venir d'Oranienbaum, et le tout de son propre chef.

C'est le même jour de notre retour que Sa Majesté a eu la grâce de me décorer de son cordon.—J'avais oublié de vous dire les circonstances par lesquelles m-r de Passek, capitaine du régiment de Préobrajensky, fut arrêté. Quand le bruit ci-devant mentionné se répandit parmis les soldats, un d'eux vint chez lui et semblait lui reprocher d'être dans l'inaction, sur quoi il lui dit: Apaise-toi, mon enfant; celle pour qui nous voulons si justement nous sacrifier, n'est point du tout dans un cas aussi malheureux qu'on vient de vous le dire, et nous en avons eu aujourd'hui des nouvelles; d'ailleurs j'avais déjà cru que le prince Bariatinsky (officier du même régiment) a été ici pour vous calmer. Après que ce soldat l'eut quitté, il alla chez son capitaine m-r d'Izmaïloff, soit pour le persuader d'être de nôtres, ou pour lui faire part de ses craintes, et lui fit part de la conversation précédente.

Sur quoi ce capitaine alla redire toute cette conversation à son major Woïeykoff, qui sur cela alla arrêter monsieur de Passek et envoya un rapport à Oranienbaum à l'Empereur, qui traita de bagatelle cette information et négligeat la promptitude nécessaire dans la procédure. Cet officier, étant gardé par douze soldats les épées nues en main, fut ravis en leur entendant dire et se voyant ouvrir la fenêtre pour pouvoir sortir, qu'ils étaient prêts à faire tout ce qu'il leur dirait et le suivre partout s'il voulait sortir; parce qu'ils savaient combien les injustices étaient fréquentes sous un règne si peu intégre. Mais il ne se prêta point à leur proposition et resta en héros dans sa prison, malgré l'occasion favorable qui se présentait pour sa délivrance, sentant judicieusement qu'en sortant si tôt de là, il ne ferait qu'augmenter le trouble et la confusion avant que nous ayons eu le temps de prendre nos mesures pour le secourir.

Pour ce qui me concerne encore, je vous dirai, monsieur, qu'arrivée à Peterhoff, pendant que tout le monde alla se reposer, j'allai avec m-rs Brédichin et Baskakoff dans tous les régiments des gardes et de l'armée parler aux soldats pour les persuader de ne point s'énivrer et leur débourser quelques centaines de mes propres ducats, et que je n'ai été couchée que deux heures pendant les premiers trois jours, étant toujours sur pied ou à cheval.

Au reste, je ne saurais vous donner une relation plus circonstanciée, et je vous renvoye, monsieur, aux autres, qui ont participés à l'exécution d'une affaire qui a lavé la nation de la honte de passer pour lâche. Je vous supplie de me pardonner, si mon écrit et mes actions n'ont point répondus à votre attente, en considération de ce que j'ai employé toutes les ressources de l'étendue de mes facultés et que si je n'ai point fait plus, il ne m'a pas été humainement possible de faire davantage, et suis avec l'estime la plus parfaite, monsieur, votre très humble servante

Princesse Daschkow.

Переводъ. Было уже около 11-ти часовъ вечера, когда одинъ офицеръ пришелъ сказать намъ, что арестованъ Пассекъ, капитанъ Преображенскаго полка, бывшій въ числѣ главныхъ нашихъ сообщниковъ и передъ тѣмъ только что ушедшій отъ меня. Судите, какъ мы были поражены очевидностью общей нашей опасности! Щадя меня, Панинъ старался скрыть, какъ велика бѣда, которой я за одно съ нимъ подвергалась. Онъ показывалъ видъ, будто вовсе не встревоженъ этимъ случаемъ и говорилъ, что нечего принимать какія-либо мѣры до завтрашняго утра, когда лучше

разъяснится причина ареста. Бываютъ минуты, въ которыя человѣкъ беретъ верхъ надъ самимъ собою; поэтому вамъ не будетъ удивительно, что, сознавая опасность, я не страшилась ея. На мой взглядъ дѣло принимало такой важный оборотъ, что время было слишкомъ дорого и что не слѣдовало терять его на то, чтобы разубѣждать Панина и проволочкою усилить, можетъ быть, бѣду, проистекавшую отъ этого злосчастнаго обстоятельства. Поэтому я притворилась, что устала и хочу спать. Тѣмъ временемъ Орловы успѣли обо всемъ разузнать въ подробности.

Какъ скоро отъ меня разошлись, я отправилась пѣшкомъ къ Синему Мосту и тамъ оставалась, въ надеждѣ, не повстрѣчается ли мнѣ кто-нибудь изъ моихъ. И дѣйствительно, я увидѣла Алексѣя Орлова, который, по его словамъ, шелъ ко мнѣ обсудить со мною, что̀ имъ дѣлать. Я ему посовѣтывала идти къ маіору Рославлеву и сказать ему, чтобъ онъ его повелъ къ Гетману [1]) для сообщенія, въ какихъ мы находились рѣшительныхъ обстоятельствахъ, и за тѣмъ ѣхать въ Петергофъ и привезти Императрицу въ Измаиловскій полкъ. (Мы уговорились прежде, чтобы солдаты имѣли возможность собраться тотчасъ же, какъ скоро хоть самый незначительный изъ насъ будетъ задержанъ). Я спокойно пошла домой спать, дабы не возбудить никакого подозрѣнія въ моей прислугѣ.

Только что я легла, какъ явился ко мнѣ младшій Орловъ [2]) спросить меня, почитаю ли я крайне-необходимымъ предупредить Ея Величество объ опасности, и не потревожимъ ли мы ея понапрасну. По моему рѣшительному настоянію, онъ отправился сказать брату своему Алексѣю, чтобъ тотъ ѣхалъ. Все произошло сообразно этому распоряженію. Императрица рано утромъ прибыла въ Измаиловскій полкъ, гдѣ была провозглашена Государыней. Вы безъ сомнѣнія знаете, м. г., какъ всѣ полки присягнули ей на вѣрность и какъ она шествовала въ Казанскую церковь, послѣ чего отправилась въ свой новый Зимній дворецъ. Я тоже прибыла туда, и возлѣ этого дворца остальныя войска принесли ей присягу. Вслѣдъ затѣмъ Ея Величество и весь ея дворъ переѣхали въ старый Зимній дворецъ, гдѣ отслужено было благодарственное молебствіе, послѣ котораго я имѣла счастіе подать ей Андреевскую ленту. Когда окончилось засѣданіе въ Сенатѣ, Ея Величество отправилась въ Петергофъ, сопровождаемая всѣми войсками, какія находились тогда въ Петербугѣ. Я также послѣдовала за нею верхомъ. Первая наша остановка была въ Красномъ Кабакѣ, гдѣ мы понапрасну пытались хоть сколько-нибудь заснуть. Продремавъ съ Ея Величествомъ съ четверть часа на одной постели, мы убѣдились,

---

[1]) Гетманъ графъ Разумовскій, начальникъ Измаиловскаго полка, въ тоже время, какъ президентъ Академіи Наукъ, имѣлъ въ распоряженіи своемъ типографію, въ которой, подъ надзоромъ вооруженныхъ солдатъ, отпечатанъ, составленный домашнимъ его человѣкомъ Тепловымъ, краткій манифестъ о восшествіи на престолъ Екатерины. П. Б.

[2]) Ѳедоръ Григорьевичъ. П. Б.

что ложились спать понапрасну, встали и отправились дальше. Мы еще не достигли Троицкаго монастыря, какъ прибылъ къ намъ вице-канцлеръ князь Голицынъ съ письмомъ отъ императора къ Ея Величеству, которую онъ увѣрялъ, что предоставляетъ ей всѣ свои права на престолъ, и просилъ только позволенія отбыть въ свое Голштинское герцогство съ нѣкоторыми изъ близкихъ къ нему людей. Вы понимаете конечно, что это письмо оставлено безъ отвѣта; и мы видѣли, что множество людей покидало его и присоединялось къ намъ. Генералъ Измаиловъ привезъ отъ него второе письмо съ предложеніемъ добровольнаго отреченія отъ престола. Императрица поручила ему склонить императора, чтобы онъ не упорствовалъ и передать ему, что ей ничто такъ не желательно, какъ его сохраненіе, и что стало быть ради собственной безопасности ему слѣдуетъ отдаться въ ея руки. Когда Измаиловъ уѣхалъ, мы продолжали нашъ путь и благополучно прибыли въ Петергофъ, куда прибылъ Императоръ.

Отдохнувъ нѣсколько времени, мы отправились назадъ въ городъ и дорогою останавливались на дачѣ князя Куракина, гдѣ Императрица и я спали въ теченіи двухъ часовъ. Въ Екатерингофѣ насъ встрѣтило несмѣтное множество народа, который нетерпѣливо ждалъ нашего возвращенія и даже намѣревался идти на помощь къ Императрицѣ, вообразивъ, что происходило сраженіе между нашими и Голштинскими войсками [3]).

Наше возвращеніе въ городъ не поддается описанію. Чтобы имѣть вѣрное понятіе о чрезвычайной привязанности цѣлаго населенія къ нашей Государынѣ, о великихъ надеждахъ, возлагаемыхъ на ея царствованіе, надо было видѣть эту радость, эти слезы восторга! По прибытіи въ городъ я узнала, что въ отсутствіе наше народъ собирался по ту сторону рѣки, съ каменьями и съ чѣмъ ни попало, чтобы гнать назадъ всякое судно, какое могло прибыть изъ Ораніенбаума, и все это по собственному почину.

Въ тотъ же день какъ мы возвратились, Ея Величество милостиво украсила меня лентою. Я забыла передать вамъ подробности объ арестѣ капитана Преображенскаго полка Пассека. Когда между солдатами распространился вышепомянутый слухъ [4]), одинъ изъ нихъ пришелъ къ Пассеку и началъ какъ бы жаловаться на бездѣйствіе. На это Пассекъ сказалъ ему: „Успокойся, братецъ; та, за которую намъ слѣдуетъ собою пожертвовать, находится вовсе не въ такой бѣдѣ, какъ вамъ наговорили, и мы сегодня имѣли о томъ извѣстіе. Впрочемъ, я думалъ, что у васъ уже былъ князь Барятинскій (офицеръ того же полка) и васъ обнадежилъ“. Послѣ того

[3]) По несомнительному преданію, слышанному нами отъ графа Д. Н. Блудова, нѣкоторые Голштинцы были перебиты нашими солдатами и схоронены на кладбищѣ села Мартышкина подъ Ораніенбаумомъ. П. Б.

[4]) Относится, вѣроятно, къ началу разсказа, намъ неизвѣстному, такъ какъ письмо получено нами неполное. П. Б.

какъ этотъ солдатъ ушелъ отъ Пассека, онъ отправился къ своему капитану Измайлову съ тѣмъ, чтобы склонить его на нашу сторону или чтобы передать ему свои опасенія. Онъ ему сообщилъ про свой разговоръ съ солдатомъ. Капитанъ пересказалъ обо всемъ этомъ своему маіору Воейкову, который вслѣдъ за тѣмъ арестовалъ Пассека и послалъ рапортъ въ Ораніенбаумъ къ Императору. Тотъ почелъ это извѣщеніе бездѣлицею и пренебрегъ нужною въ такомъ дѣлѣ скоростью. Пассека сторожило двѣнадцать солдатъ съ обнаженными тесаками; но онъ радовался, слушая, какъ солдаты говорили, что окно открыто, уйти можно, что они готовы сдѣлать все что̀ онъ имъ скажетъ, и пойдутъ за нимъ, куда ему угодно, потому что они знали сколько творилось неправды въ столь легкомысленное царствованіе. Но онъ не внялъ ихъ предложенію и остался героемъ въ своемъ заключеніи, не смотря на представлявшуюся ему благопріятную возможность получить свободу. Онъ основательно разсчелъ, что, поспѣшивъ выйдти на волю, онъ только умножитъ смущеніе и тревогу, прежде чѣмъ мы успѣемъ распорядиться оказаніемъ ему помощи.

О себѣ скажу вамъ еще, м. г., что, по прибытіи въ Петергофъ, когда всѣ предались отдыху, я съ Бредихинымъ [5]) и Баскаковымъ ходила по гвардейскимъ и армейскимъ полкамъ уговаривать солдатъ, чтобы они не напивались, и раздала имъ нѣсколько сотъ моихъ собственныхъ червонцевъ. Первые три дня постоянно была я на ногахъ и на конѣ и ложилась всего на два часа времени.

Впрочемъ, я не съумѣла бы дать вамъ, м. г., болѣе подробное описаніе и обращаю васъ къ другимъ лицамъ, участвовавшимъ въ совершеніи дѣла, которое показало, что народъ нашъ непричастенъ позору трусости.

Простите меня, если мое писаніе и мои дѣйствія не сооотвѣтствовали вашему ожиданію, принявъ во вниманіе, что, въ предѣлахъ способностей моихъ, я не пренебрегла ничѣмъ. Если я не сдѣлала больше, то почеловѣчески не имѣла возможности. Съ отличнѣйшимъ почтеніемъ есмь, м. г., покорнѣйшая ваша услужница княгиня Дашкова.

*

Этотъ разсказъ молодой княгини (ей не было тогда 20 лѣтъ) читателямъ любопытно будетъ сличить съ ея Записками, которыя она составила въ старости, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и которыя напечатаны (съ подлинной рукописи) въ XXI-й книгѣ «Архива Князя Воронцова». П. Б.

5) Предокъ известнаго профессора астрономіи въ Московскомъ университетѣ. П. Б.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ СТАРАГО ЛЕЙБЪ-ГУСАРА.

Великій князь Константинъ Павловичъ былъ человѣкъ доброй души, но очень вспыльчивъ и часто выходилъ изъ себя въ обращеніи съ своими подчиненными. Мой отецъ служилъ всѣ кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ въ томъ полку, котораго великій князь былъ тогда непосредственнымъ начальникомъ и, кромѣ того, корпуснымъ командиромъ. Отецъ мой находился подъ его командою молодымъ корнетомъ еще въ 1805 году, въ Аустерлицкомъ сраженіи. Полкъ этотъ, лейбъ-гвардіи Конный, былъ *тогда* самый блестящій, наравнѣ съ Кавалергардскимъ; онъ учрежденъ еще Бирономъ, въ царствованіе Анны Іоанновны. Онъ считался первымъ гвардейскимъ коннымъ полкомъ и былъ сформированъ частью изъ Преображенцевъ, частью изъ армейскихъ драгунъ. Оба полка, Кавалергардскій и Конный, наполнялись цвѣтомъ Московской, Петербургской и вообще дворянской молодежи: въ нихъ служили люди богатые, хорошо воспитанные, съ именами громкими, и въ тоже время знавшими отлично дисциплину, особенно при такомъ строгомъ начальникѣ, какимъ былъ великій князь Константинъ Павловичъ. Теперь и четверти нѣтъ того богатства и щегольства, какими славились тогда оба эти полка. Да и дисциплина уже далеко не та. Я самъ прошелъ съ 1848 по 1858 строгую школу, еще державшуюся преданій былаго *времени*. А теперь не то.

Извѣстно, какъ ужасенъ былъ для насъ Аустерлицкій день, благодаря нераспорядительности, медленности и упрямству Австрійцевъ, нашихъ тогдашнихъ союзниковъ. Не даромъ Кутузовъ не хотѣлъ принимать командованія арміею въ день этого сраженія, предоставляя всѣ распоряженія боя самому императору Александру Павловичу, который командовалъ лично всѣмъ войскомъ и сдалъ Кутузову команду только утромъ роковаго дня. Этотъ опытный старикъ предвидѣлъ и предчувствовалъ, что не сдобровать молодой арміи и еще въ союзѣ

съ Австрійцами, которыми распоряжались глупые и упрямые генералы, прозванные еще Суворовымъ Hof-Kriegs-Schnaps-Rath! Несчастіе произошло главнымъ образомъ отъ медленности командывавшаго Австрійскою кавалеріею князя Лихтенштейна, который долженъ былъ поддержать нашъ правый флангъ при началѣ атаки и опоздалъ придти къ назначенному мѣсту. Наполеонъ, зоркимъ глазомъ увидя промахъ, ударилъ всѣми силами на нашъ центръ и разгромилъ насъ въ полчаса времени. Пѣхота обязана была спасеніемъ распорядительности и отвагѣ великаго князя. Гвардейская пѣхота и кавалерія, находившіяся подъ его командою, спасли въ этотъ день армію отъ совершеннаго пораженія и плѣна. Великій князь, видя всѣ силы Наполеона устремленныя на нашъ центръ, задержалъ сильнѣйшій натискъ Французовъ и повелъ лично свой другой полкъ, Уланскій, поддерживаемый Лейбъ-гусарами и послѣ Кавалергардами и Конно-гвардейцами, которые, какъ извѣстно, отбили даже знамя у одного Французскаго пѣхотнаго полка. Это знамя хранится до сихъ поръ въ Конно-гвардейской церкви въ Петербургѣ,—*единственный* трофей пагубнаго для насъ дня. Тутъ великій князь, по свидѣтельству очевидцевъ, обнаружилъ личную храбрость на равнѣ съ полками гвардейской пѣхоты и кавалеріи, произведя сильныя атаки на Французскую пѣхоту и кавалерію подъ начальствомъ знаменитыхъ маршаловъ Наполеоновскихъ; равно и при отступленіи или скорѣе бѣгствѣ нашей пѣхоты они задержали общее разстройство и совершенный погромъ. Самъ императоръ Александръ Павловичъ былъ увлеченъ своею свитою съ поля сраженія: онъ скакалъ нѣсколько верстъ въ сопровожденіи только одного казака, остановился, слѣзъ съ лошади, сѣлъ подъ дерево и горько плакалъ. Вотъ что̀ надѣлалъ союзъ съ Австрійцами! Въ бѣдной деревушкѣ, гдѣ онъ нашелъ себѣ пріютъ, очутился онъ въ полной безпомощности, что̀ засвидѣтельствовано и Михайловскимъ-Данилевскимъ, въ его исторіи войны 1805 года.

Полки гвардейскіе спасли въ этотъ день армію отъ неминуемой гибели, благодаря распорядительности и личной храбрости великаго князя Константина Павловича. Если и ходили нѣкогда по поводу его участія въ Итальянской Суворова кампаніи дурные о немъ слухи, то послѣ Аустерлица слухи эти окончательно прекратились. Но характеръ у него былъ до крайности вспыльчивъ.

Онъ не любилъ шутить дисциплиной и формою одежды. Всю кампанію 1813 и 1814 годовъ онъ самъ шелъ со своими полками, и всего чаще находился при Конно-гвардейскомъ любимомъ полку своемъ (смотри Записки Н. Н. Муравьева, въ «Русскомъ Архивѣ» 1885 года). Все время похода носилъ онъ холодную *не* на ватѣ шинель;

тогда и помину не было о мѣховыхъ и бобровыхъ воротникахъ: *чуръ меня!* Онъ не позволялъ и офицерамъ другихъ шинелей, даже не допускалъ для себя фуфаекъ и куртокъ шерстяныхъ подъ мундиръ и другимъ не любилъ позволять такой поблажки, а офицерамъ запрещалъ строго. О калошахъ и долгихъ, подбитыхъ байкою сапогахъ, также помину не было. За нимъ ѣхала въ экипажѣ одна особа женскаго пола, которая всегда останавливалась въ его квартирѣ на дневкахъ и ночевкахъ. Курить во время похода позволялось; впрочемъ, тогда курили только солдаты, а офицерское куреніе было въ модѣ только въ легкой кавалеріи, а кирасиры были франты чопорные и чистенькіе. Самъ великій князь курилъ сигары уже послѣ, въ Варшавѣ, и то только до́ма *).

При вступленіи въ Парижъ нашихъ отборныхъ войскъ, въ тотъ же вечеръ все офицерство, и пѣхотное, и кавалерійское, разбрелось покутить кто куда, въ игорные и иные домà, по театрамъ и проч. Кто бывалъ въ Парижѣ, тотъ знаетъ, что тамъ почти птичьяго молока можно достать, только были бы деньги; а деньги были розданы по повелѣнію императора Александра Павловича чуть-ли не наканунѣ, въ размѣрѣ двойнаго и тройнаго жалованья за всѣ три кампаніи 1812, 1813 и 1814 годы. Можно себѣ представить, каковъ поднялся кутежъ въ занятой нами непріятельской столицѣ. Все разбрелось, не приходило въ казармы и на квартиры по нѣскольку дней сряду. Оставались при должности только несчастные дежурные офицеры. И тутъ-то вдругъ вздумай великій князь произвести ученье своему Конно-гвардейскому полку на третій день вступленія. Ему захотѣлось показать любимый полкъ свой въ блестящемъ видѣ Французскимъ маршаламъ. Посылаютъ наканунѣ приказъ въ полкъ. Никого изъ офицеровъ нѣтъ. Одинъ полковой командиръ, почтенный генералъ Арсеньевъ, да дежурные по полку и по дивизіонамъ, всего какихъ нибудь пять-шесть. Нечего дѣлать. Офицеровъ нѣтъ, какъ нѣтъ; никто не приходилъ и къ утру. Наконецъ одиннадцатый часъ. По приказу полкъ выѣзжаетъ, но передъ эскадронами все вахмистры, да унтеръ-офицеры. Великій князь внѣ себя, кричитъ, мнетъ шляпу, рветъ султанъ, наконецъ, говоритъ, чтобы *всѣхъ* офицеровъ по возвращеніи подъ арестъ на двѣ недѣли. Въ Парижѣ-то? Вотъ такъ сюрпризъ! Только что окончивши три тяжелыя кампаніи и не сходя, такъ сказать, съ лошади все время! Но нечего дѣлать: всѣхъ кто являлся по очереди сажали подъ арестъ на Парижскія гауптвахты, занятыя нашими войсками.

*) См. портретъ великаго князя Константина Павловича при III-й книгѣ „Русскаго Архива“ 1884. П. Б.

Узнавъ про это, добрый императоръ, призвавъ брата, усовѣстилъ его и приказалъ всѣхъ выпустить.

Вообще кутежами славилась легкая кавалерія, и особенно Лейбъ-гусары въ игрѣ въ рулетку и въ trente et quarante. Игорные дома Пале-Рояля полны были Русскими деньгами. Дома эти учреждены еще во времена регентства Филиппа, когда Пале-Рояль принадлежалъ ему и процвѣтали при Лудовикѣ XV и его злосчастномъ преемникѣ, и особенно во времена директоріи и консульства. Наполеонъ хотѣлъ было закрыть ихъ; но какъ они приносили большой доходъ правительству и устроены были на акціяхъ, то декретъ Наполеона былъ отмѣненъ, и только при Луи-Филиппѣ ихъ закрыли. Сколько нашихъ денегъ тамъ осталось! Лейбъ-гусары въ 1814 году проигрывались въ пухъ и прахъ; они пускали въ ходъ даже шитье (тогда *золотое*) съ доломановъ и ментиковъ, такъ называемые тишкеты съ киверовъ и золотыя кисти съ сапоговъ. Чтобы имѣть понятіе о тогдашней роскоши лейбъ-гусарскихъ мундировъ нужно видѣть превосходный альбомъ этого полка, приложенный къ его Исторіи, составленной К. Н. Манзеемъ. Даже нижніе чины гвардіи не избѣгли очарованій и увлеченій тогдашняго Парижа, гдѣ еще любовь безъинтересная царствовала между женщинами, и онѣ любили мущину, а не его деньги. Солдаты, и особенно молодые кирасиры, Малороссійскіе уроженцы, большею частью были молодцы стройные, великорослые. Огромнымъ ростомъ особенно отличались правые фланговые. Парижскія красавицы восклицали: «Oh, les beaux hommes!» Особенно Преображенцы, Кавалергарды и Конно-гвардейцы полюбились Парижанкамъ, въ домахъ которыхъ они квартировали, такъ какъ казармъ въ Парижѣ не доставало на всѣ войска, вступившія въ него. Преображенскій первый батальонъ стоялъ въ Palais de l'Élysée, гдѣ жилъ императоръ Александръ; Кавалергарды и Конно-гвардія въ зданіи École Militaire на Марсовомъ полѣ, легкая кавалерія по ближайшимъ окрестностямъ. Наканунѣ выступленія, въ половинѣ Мая 1814 года, когда дѣлалась *перекличка* всѣмъ чинамъ, въ полкахъ не оказалось по 10 до 20 человѣкъ въ каждомъ батальонѣ и эскадронѣ, въ особенности въ кирасирскихъ полкахъ, преимущественно въ Кавалергардахъ и Конно-гвардейцахъ. Женщины запирали ихъ на ключъ въ подвалахъ и чердакахъ, пока начальство не находило ихъ. Многіе такъ и остались на всегда во Франціи, другіе воротились лишь черезъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургъ; ибо Наполеонъ, ведя войну въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, бралъ сокъ молодежи со всей Франціи, а оставались дома только почти одни уроды и карлики въ семействахъ. Многіе офицеры поженились на Француженкахъ всякаго происхожденія, во время трехлѣтней

стоянки въ Шампаньи корпуса графа Воронцова, который изъ собственныхъ денегъ до милліона рублей уплатилъ долги своихъ офицеровъ. Да, было время веселое, хорошее и славное!

Великій князь Константинъ Павловичъ, какъ мы сказали, былъ вспыльчивъ и за малѣйшую бездѣлицу выходилъ изъ себя. Онъ самъ потомъ жалѣлъ о томъ и нерѣдко просилъ у оскорбленныхъ прощенія. Много офицеровъ, полковниковъ и генераловъ были имъ оскорблены на маневрахъ, парадахъ и ученіяхъ, въ особенности на сихъ послѣднихъ. Вотъ два случая, про которые слышалъ я отъ моего отца. Какъ-то разъ въ Варшавѣ, въ Бельведерѣ, пригласилъ онъ къ себѣ обѣдать всѣхъ офицеровъ своего полка (если не ошибаюсь, на возвратномъ пути гвардіи въ 1815 году и когда гвардія отправлялась назадъ по вторичномъ низверженіи Наполеона). Обѣдъ почему-то не удался и былъ дурно приготовленъ. Поваръ былъ у него Французъ. Онъ приказалъ адъютанту своему раздѣть повара, вывести на дворъ и поставить его нагаго въ кадку, въ которую текла вода съ крышъ дворца; а время было холодное и шелъ проливной дождь. Поваръ простоялъ около двухъ или трехъ часовъ въ кадкѣ, и часовой стоялъ неотлучно при немъ. Вотъ и еще его забава. Онъ велитъ пустить цѣлую стаю бульдоговъ, которыхъ у него было много разныхъ породъ и малыхъ, и большихъ; въ тоже время цѣлую стаю кошекъ и огромныхъ крысъ, которыхъ нарочно выкармливалъ въ подвалахъ дворца, и все это вмѣстѣ разомъ пускалось въ огромную залу. Можете себѣ представить что̀ происходило! Зрители потѣшались этимъ концертомъ, глядя въ стеклянное окно изъ другой залы.

Но при всей своей строптивости и чудачествахъ, великій князь былъ любимъ своими близкими, особенно Конно-гвардейцами. Онъ тайно помогалъ своимъ офицерамъ закутившимся, испрашивалъ имъ хорошія мѣста по службѣ. Какъ извѣстно, Поляки также любили его. Когда онъ скончался, о немъ очень жалѣли въ его полкахъ, и я знаю навѣрное, что 14-го Декабря 1825 года многіе изъ офицеровъ Конной гвардіи были за него, и только убѣдительныя просьбы и увѣщанія тогдашняго командира этого полка Алексѣя Ѳедоровича Орлова заставили многихъ офицеровъ и полковниковъ выѣхать на Дворцовую площадь. Цѣлыхъ три эскадрона (половина *тогдашняго* полка) были за него.

Кстати сообщу забавный случай въ дѣлѣ при Феръ-Шампенуазѣ въ 1814 году во Франціи. Какъ извѣстно, в. кн. Константинъ Павловичъ испросилъ позволеніе у Государя пустить въ дѣло гвардейскихъ кирасиръ, не принимавшихъ участія въ битвахъ съ самаго Лейпцига. Надо было атаковать Французскую пѣхоту. Дѣло происходило рано

утромъ, еще многiе на бивуакахъ спали. Вдругъ затрубили тревогу; всѣ вскочили въ попыхахъ, и полковникъ Захаржевскій, старый уже дивизіонеръ, человѣкъ страшной толщины и подагрическій (впослѣдствіи былъ комендантомъ въ Царскомъ Селѣ), всталъ второпяхъ, и съ просонья камердинеръ подалъ ему енотовую шубу на изнанку, т.-е. мѣхомъ наружу. (Ему, какъ человѣку больному, дозволено было великимъ княземъ носить шубу; онъ одинъ во всемъ корпусѣ пользовался этимъ позволеніемъ.) Время стояло холодное. Наканунѣ шелъ дождь, шуба промокла и была выворочена, чтобы мѣхъ просохъ; такъ камердинеръ и подалъ ему. Мѣхъ отъ сырости и просушки заскорузъ и стоялъ дыбомъ. Захаржевскій надѣлъ каску, лядунку, палашъ сверхъ шубы, и толстые большіе сапоги со шпорами. Въ этомъ видѣ онъ походилъ на огромнаго медвѣдя. Онъ усѣлся на лошадь, выхватилъ изъ ноженъ огромный палашъ и понесся вихремъ во главѣ своего дивизіона. Французскіе пѣхотинцы, большею частью изъ молодыхъ рекрутовъ и необтесанныхъ мужиковъ, видя эту гигантскую массу Русскихъ кирасиръ, скакавшихъ на нихъ, да еще впереди одного дивизіона медвѣжью фигуру огромнаго Захаржевскаго, обратились въ бѣгство и побросали ружья. Многіе изъ нихъ сдались. Тогда кавалергардскіе эскадроны ворвались въ ряды пѣхоты и начали было ихъ рубить палашами. Императоръ Александръ Павловичъ, свидѣтель этого дѣла и бывшій въ это время самъ въ огнѣ, поскакалъ въ карре и остановилъ кавалергардовъ, говоря имъ, что сдавшихся не бьютъ. Фигура Захаржевскаго много способствовала успѣху дѣла. Офицеры и самъ Государь долго смѣялись и разсказывали о томъ.

Москва. Іюнь 1887.

О ПАМЯТНИКѢ НА БОРОДИНСКОМЪ ПОЛѢ,

воздвигнутомъ по случаю 25-ти лѣтія со дня битвы.

1837.

По высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію предположено соорудить памятникъ на Бородинскомъ полѣ. Московскій вице-губернаторъ дѣйст. ст. сов. камергеръ Деменковъ, на кого возложено его сіятельствомъ господиномъ министромъ финансовъ сооруженіе сего памятника, имѣлъ честь приглашать принять участіе въ семъ торжествѣ всѣхъ извѣстныхъ особъ въ столицѣ; но къ сожалѣнію, по отдаленности и по могущему послѣдовать затрудненію въ лошадяхъ, немногіе могли тѣмъ воспользоваться. Заложеніе сего памятника въ присутствіи его сіятельства г-на Московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Дмитрія Владимировича Голицина, г-на Московскаго гражданскаго губернатора Небольсина, г-на губернскаго предводителя графа Гудовича и многихъ другихъ особъ, при стеченіи многочисленнаго народа, послѣдовало сего 1837 года Маія 9-го дня, и мѣсто избранное на бывшей главной батареѣ противъ самаго села Бородина освящено викаріемъ Московской митрополіи епископомъ Дмитровскимъ преосвященнымъ Исидоромъ *).

При семъ случаѣ его преосвященствомъ произнесено было приличное слово, наполнившее сердца всѣхъ присутствовавшихъ великими воспоминаніями о событіи незабвеннаго 1812 года, въ особенности о великомъ днѣ, въ который за 25 лѣтъ предъ симъ Бородинскія высоты и долины стонали отъ безпрерывнаго грома 2.000 орудій, изрыгавшихъ смерть и увѣчье, въ который до 300 тысячъ воиновъ упорно сражались, одни для пріобрѣтенія славы, другіе за вѣру, царя и отечество, до 70.000 съ обѣихъ сторонъ выбыло изъ строя, и почти не было шагу на Бородинскихъ поляхъ, который бы не оросился тогда ихъ кровію.

---

*) Нынѣ маститымъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ. П. Б.

На всемъ небольшомъ пространствѣ, которое потребовалось на вынутіе земли для фундамента монумента, отрыто 13 череповъ и 200 пуль, пуговицъ и другихъ мелкихъ желѣзныхъ и мѣдныхъ остатковъ разнаго оружія.

По окончаніи освященія и закладки преосвященный Исидоръ со всѣмъ духовенствомъ и его сіятельство господинъ Московскій военный генералъ-губернаторъ съ прочими лицами, присутствовавшими при семъ торжествѣ, приглашены были къ обѣденному столу, приготовленному въ домѣ владѣльца того села г-на Воейкова.

Вырѣзано на мѣдной доскѣ, положенной при закладкѣ подъ фундаментъ монумента Бородинскаго, слѣдующее:

«Во славу Святыя, Единосущныя и Нераздѣльныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, по повелѣнію Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго Государя Императора Николая Павловича всея Россіи, въ лѣто отъ сотворенія міра 7345, отъ Рождества Христова въ 1837 году, мѣсяца Маія, при его сіятельствѣ генералѣ-отъ-кавалеріи, военномъ генералъ-губернаторѣ князѣ Дмитріѣ Владимировичѣ Голицынѣ и по порученію его сіятельства министра финансовъ графа Егора Францовича Канкрина, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ Московскаго вице-губернатора Деменкова, заложенъ сей монументъ въ память Бородинской битвы 26-го Августа 1812 г., по проекту, составленному архитекторомъ Адамини, выполняемому архитекторомъ Шестаковымъ.

*

Пармень Семеновичъ Деменковъ (изъ бумагъ котораго взято вышенапечатанное) сказывалъ также, что, передъ закладкою Бородинскаго памятника мѣсяца за три или за четыре, присланъ былъ къ нему изъ Петербурга отъ министра финансовъ очень тяжелый ящикъ, окованный мѣдью и выполированный, длиною вершковъ въ 10, шириною въ 6 и высотою вершковъ въ 5-ть, въ которомъ, какъ слышалъ онъ, положены были того времени монеты, медали, а съ ними вѣроятно и надпись на счетъ памятника; но онъ не вскрылъ этого ящика, а при закладкѣ положилъ его по назначенію подъ фундаментъ памятника, и съ тѣмъ вмѣстѣ помѣстилъ тогда подъ ящикомъ и мѣдную доску съ надписью, выше означенною.

ОТНОШЕНІЯ ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО, КЪ УЧРЕЖДЕНІЮ И ОТКРЫТІЮ МОСКОВСКО - ЯРОСЛАВСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ.

18-го Августа 1887 года торжественно праздновалось 25-лѣтіе открытія Московско-Ярославской или, по народному наименованію, Троицкой желѣзной дороги. Этимъ обстоятельствомъ вызванъ въ насъ рядъ воспоминаній объ отношеніяхъ великаго святителя Московскаго Филарета къ учрежденію и открытію означенной дороги, воспоминаній, которыми мы хотимъ подѣлиться съ читателями «Русскаго Архива». Извѣстно, съ одной стороны, какое значеніе имѣетъ Московско-Ярославская желѣзная дорога, особенно по множеству богомольцевъ, ежегодно отправляющихся въ Троице-Сергіеву Лавру (находящуюся въ 62-хъ верстахъ отъ Москвы по этой дорогѣ и состоящую подъ управленіемъ Московскихъ митрополитовъ, какъ настоятелей ея); а съ другой стороны, съ какою осторожностію святитель Московскій Филаретъ относился ко всякимъ нововведеніямъ, нерѣдко коверкавшимъ и разрушавшимъ старое безъ оглядки на добрыя стороны этого послѣдняго, что̀ по преимуществу должно сказать о томъ времени, къ которому относится открытіе Троицкой дороги. Поэтому насколько занимало святителя Московскаго устройство названной дороги, настолько же и для насъ любопытно узнать, какъ относился къ этому предпріятію приснопамятный архипастырь, всякое слово котораго, не говоря о дѣйствіяхъ его, не оставалось, какъ и доселѣ не остается, безъ значенія.

Въ разсматриваемое время намѣстникомъ митрополита въ Троице-Сергіевой лаврѣ былъ извѣстный архимандритъ Антоній, къ которому Филаретъ имѣлъ неограниченное довѣріе. Ему же главнымъ образомъ довѣрялъ онъ свои мысли и касательно желѣзнаго пути, соединявшаго Лавру съ Москвою. Еще въ 1839 году, когда въ Россіи была только одна желѣзная дорога, изъ Петербурга въ Царское Село, святитель пи-

салъ къ нему: «Бывало, по обыкновеннымъ дорогамъ ѣхали тихо и тряско, но были цѣлы; теперь по желѣзной дорогѣ летятъ, съ опасностію каждую минуту потерять голову» [1]). Затѣмъ въ 1851 году, когда только что открывалось движеніе по Николаевской желѣзной дорогѣ и когда по этой дорогѣ рѣшилъ впервыя проѣхать изъ Петербурга въ Москву на 25-лѣтній юбилей своего царствованія императоръ Николай Павловичъ со всѣми членами царской фамиліи, царелюбивая душа святителя Московскаго страдала заботою о безопасности этой поѣздки и не прежде успокоилась, какъ только когда дорогіе гости прибыли въ Москву здравы и благополучны. Въ свое время это обстоятельство описано было въ «Русскомъ Архивѣ» (1876, III, 175) [2]). А между тѣмъ надобно замѣтить, что Николаевская желѣзная дорога, какъ правительственная, построена была образцово, и на постройку ея наилучшимъ образомъ не жалѣли денегъ. Но и при всемъ томъ недовѣріе къ безопасности и удобствамъ поѣздки въ «дрожащей повозкѣ желѣзной дороги» осталось у святителя Московскаго и на послѣдующее время. Въ Апрѣлѣ 1859 года, когда Николаевская желѣзная дорога была уже въ полномъ ходу и когда строились также другіе желѣзнодорожные пути, а равно проектировалась и Московско-Ярославская желѣзная дорога, Филаретъ, по поводу настойчивыхъ слуховъ о вызовѣ его въ Петербургъ на засѣданія Св. Синода, съ безпокойствомъ за возможность оправданія этихъ слуховъ писалъ къ намѣстнику: «Чтó если меня запрутъ на 22 часа въ дрожащую повозку желѣзной дороги? По всей вѣроятности послѣ сего надобно будетъ лечь въ постель на нѣсколько дней, если не надолго» [3]). Самъ святитель предпочиталъ ѣздить на лошадяхъ по тѣмъ мѣстамъ своей епархіи, которыя совпадали съ линіею Николаевской желѣзной дороги или близко были отъ нея. Безпокоили его и другія стороны желѣзнодорожныхъ предпріятій, и между прочимъ наплывъ иностранцевъ для постройки желѣзныхъ дорогъ, соединенный съ пренебреженіемъ силъ и средствъ родной страны. «У меня—писалъ Филаретъ еще въ 1858 году—былъ генералъ, который въ свое время сильно утверждалъ, что желѣзныя дороги надобно дѣлать своими средствами, и что средства сіи найдутся. Его не послушали, потому что не надѣялись имѣть деньги и предполагали болѣе искусства въ иностранныхъ инженерахъ. Теперь оказалось, что иностранцы строятъ нашими деньгами, строятъ худо, и потому для улучшенія дѣла берутъ нашихъ инженеровъ» [4]). Но вотъ

---

[1]) „Письма Филарета къ Антонію“, I, 324. Москва, 1877.

[2]) Сравни также „Письма Филарета къ Антонію“, III, 101. Москва 1883.

[3]) „Письма Филарета“ къ нему же, IV, 177—178. Москва, 1884.

[4]) Тамъ же, стр. 77. Замѣчательное совпаденіе съ мыслію В. А. Кокорева (См. его „Экономическіе Провалы“).

въ 1859 году, по высочайшемъ (29 Мая) утвержденіи проекта Московско-Ярославской желѣзной дороги, открылись дѣйствія компаніи и этой дороги, и начались приготовленія къ самой постройкѣ ея (къ постройкѣ дороги приступлено было не ранѣе слѣдующаго 1860 года). Само собою разумѣется, что это требовало большихъ затратъ капитала денежнаго, причемъ двигатели предпріятія разсчитывали, вѣроятно, и на лаврскіе капиталы; да и лаврское начальство не прочь было помочь дѣлу взятіемъ извѣстнаго количества акцій. Все это, конечно, не могло пройти мимо митрополита. Съ одной стороны, очевидная польза предпріятія для богомольцевъ, а съ другой все еще продолжавшееся недовѣріе крайне-осторожнаго святителя къ цѣлесообразности дѣйствій и мѣръ компаніи, къ возможности осуществленія ея предпріятія держали его въ колебательномъ положеніи, хотя учредители общества желѣзной дороги были люди надежные и ему извѣстные [5]) Поэтому, еще до начала постройки дороги, отъ 12-го Апрѣля 1860 года вотъ что̀ пишетъ онъ тому же намѣстнику: «Генералъ-губернатору [6]) о дорогѣ не могъ я благовременно сказать, ибо въ праздникъ не видалъ его донынѣ.... Компанію Троицкой желѣзной дороги не хвалятъ. Говорятъ, акціи худо берутъ. Компанія просила гарантіи отъ правительства: отказано. Посему-то, можетъ быть, случаю Государь Императоръ и его присные взяли нѣсколько акцій, чтобы выразить покровительство, поощреніе и благонадежность. Дѣло, говорятъ, состоится: неразобранныя акціи учредители раздѣлятъ между собою. Но что не берутъ акцій, это не значитъ ли, что не предвидятъ выгоды? Управленіе общества пароходнаго и Главное Общество желѣзныхъ дорогъ подверглись подозрѣнію въ невѣрности. Акціонеры требуютъ генеральнаго собранія и тщательнаго разсмотрѣнія отчетовъ. Имъ отказываютъ. Общество Троицкой желѣзной дороги, по учредителямъ, обѣщаетъ честное дѣйствованіе; но люди не вѣчны, и завтра могутъ придти такіе же, какіе дѣйствуютъ въ двухъ вышеозначенныхъ обществахъ. Но вотъ еще вопросъ: взятіе акцій не будетъ ли значить, что мы отдаемъ деньги въ ростъ, и этотъ ростъ брать будемъ, чрезъ посредствующія руки, изъ рукъ богомольцевъ, которые будутъ платить на желѣзной дорогѣ свои трудовыя лепты? Не говоритъ ли про-

---

[5]) Учредителями акціонернаго общества Московско-Ярославской желѣзной дороги были дѣйствительные статскіе совѣтники: Н. Г. Рюминъ, А. П. и Н. П. Шиповы, полковникъ Д. П. Шиповъ, инженеръ-генералъ-маіоръ баронъ А. И. Дельвигъ и потомственный почетный гражданинъ И. Ѳ. Мамонтовъ. Строителями были также Русскіе инженеры: М. Р. Богомолецъ съ тремя помощниками, дѣйствовавшими подъ руководствомъ барона Дельвига (человѣка вполнѣ Русскаго и строго православнаго).

[6]) Графу Строганову, замѣстившему графа Закревскаго.

тивъ сего правило церковное? Апост. прав. 44-е [7]), Перв. всел. соб. пр. 17 е [8]). Желаю имѣть отъ васъ отвѣтъ на сіи сомнѣнія, прежде нежели рѣшусь на что-нибудь» [9]). Въ виду всего этого святитель и считалъ себя въ правѣ принимать дѣятельное участіе въ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся Троицкой желѣзной дороги, какъ то отчасти видно и изъ приведенныхъ сейчасъ словъ письма его. Сами учредители дороги, съ своей стороны, также признавали за нимъ такое право; особенно же дорожили они его святительскимъ благословеніемъ на ихъ дѣло, начало котораго предположено было 15-го Мая того же 1860 года. «У меня—пишетъ Филаретъ Антонію отъ 13-го Мая этого года—были двое изъ учредителей Троицкой желѣзной дороги, съ изъявленіемъ желанія, чтобы въ слѣдующее Воскресенье начало дѣла освящено было молитвою на ближайшемъ къ Лаврѣ мѣстѣ дороги, и чтобы молебствіе совершено было вами. Хорошо, что начинаютъ дѣло молитвою. Надѣюсь, что вы потрудитесь» [10]). Начатый 15-го Мая 1860 года участокъ дороги отъ Москвы до Троицы оконченъ былъ постройкою чрезъ два года съ небольшимъ. И хотя уже въ началѣ Августа 1862 года можно было открыть движеніе по этому участку; однако, въ виду возможныхъ случайностей при огромномъ стеченіи богомольцевъ въ Лавру за первую половину Августа мѣсяца, рѣшено было открыть таковое движеніе не раньше 18-го Августа. Около того же времени ожидалось прибытіе Государя Императора Александра Николаевича въ Москву. «Государь Императоръ—читаемъ въ письмѣ Филарета къ Антонію отъ 5-го Августа 1862 года—ожидается въ Москвѣ къ 19-му дню. А создатели желѣзной дороги говорятъ, что онъ изъявлялъ свою волю проѣхать по ней въ Лавру. Вѣдомо да будетъ сіе вамъ. Не знаю, что̀ буду дѣлать я» [11]). Такимъ образомъ опасенія Филарета относительно движенія по желѣзной дорогѣ и теперь

---

[7]) Апостольское правило 44-е гласитъ такъ: «Епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, лихвы (τόκους—ростъ, проценты) требующій отъ должниковъ, или да престанетъ, или да будетъ изверженъ».

[8]) 17-е правило 1-го вселенскаго собора таково: «Понеже многіе, причисленные къ клиру, любостяжанію и лихоимству послѣдуя, забыли Божественное Писаніе, глаголющее: *сребра своего не даде въ лихву* (ἐπὶ τόκῳ—въ ростъ, проценты, Псал. 14, 5) и, давая въ долгъ, требуютъ сотыхъ (т. е. процентовъ), судилъ святый и великій соборъ, чтобы, аще кто, послѣ сего опредѣленія, обрящется взимающій ростъ съ даннаго въ заемъ или иной оборотъ дающій сему дѣлу, или половиннаго роста требующій, или нѣчто иное вымышляющій ради постыдной корысти, таковый былъ извергаемъ изъ клира и чуждъ духовнаго сословія».

[9]) „Письма Филарета къ Антонію“, IV, 234—235.

[10]) Тамъ же, стр. 239- 240.

[11]) Тамъ же, стр. 356.

еще не разсѣялись. Изъ дальнѣйшаго мы еще болѣе ясно увидимъ это. Несмотря на совершенное лично самимъ Филаретомъ молитвенное благословеніе начала движенія по означенной дорогѣ, несмотря даже на побужденія со стороны Императора проѣхать по ней, Филаретъ все еще продолжалъ быть въ нерѣшительности относительно этого. Вотъ какъ самъ онъ пишетъ объ этомъ къ Антонію отъ 20-го Августа того же 1862 года: «Третьяго дня [12]) совершилъ я освященіе воды на желѣзной дорогѣ, съ приложеніемъ и примѣненіемъ молитвы о путешествующихъ, и окропилъ много вагоновъ святою водой [13]). Благополученъ ли и люденъ ли былъ слѣдовавшій за тѣмъ поѣздъ и какъ вы его встрѣтили, желалъ бы я узнать [14]). Государь Императоръ, узнавъ, что я былъ на обновленіи желѣзной дороги, изъявилъ желаніе, чтобы я и проѣхалъ по ней. Я сказалъ, что опасаюсь неблагопріятнаго дѣйствія на здоровье, и представилъ примѣры. Государь также указалъ на нѣкоторые примѣры. Теперь спрашивается: рѣшиться ли мнѣ ѣхать къ празднику Преподобнаго Сергія по желѣзной дорогѣ [15])?»

И только уже послѣ вторичнаго побужденія со стороны Государя Филаретъ рѣшился проѣхать по новопостроенной желѣзной дорогѣ къ Сергіеву дню 25-го Сентября, какъ о томъ самъ же пишетъ къ Антонію въ концѣ Августа того же года: «Государь Императоръ [16]) спрашивалъ меня о желѣзной дорогѣ и, когда я сказалъ, что былъ на обновленіи ея съ молитвою, онъ прибавилъ: желаю, чтобы вы проѣхали по ней. Видно, надобно исполнить царское слово» [17]).

Правленіе Общества дороги, поспѣшило доставить маститому, пользовавшемуся давно заслуженнымъ и всеобщимъ почитаніемъ старцу-святителю всѣ удобства для спокойнаго проѣзда къ Троицѣ. «Устроители желѣзной дороги—пишетъ самъ онъ отъ 17-го Сентября 1862 года—предложили мнѣ особый поѣздъ для моего путешествія въ Лавру, и я рѣшаюсь воспользоваться ихъ благорасположеніемъ. По-

---

[12]) Т. е. именно 18 Августа 1862.

[13]) Покойный баронъ Андрей Ивановичъ Дельвигъ въ неизданныхъ Запискахъ своихъ разсказываетъ свои сношенія съ митрополитомъ Филаретомъ по дѣлу желѣзной дороги. Митрополитъ зорко и внимательно осматривалъ устройство машины, выслушивалъ объясненія и любознательно распрашивалъ о механическихъ подробностяхъ. П. Б.

[14]) Первый поѣздъ, отправившійся изъ Москвы въ часъ дня, былъ благополученъ и довольно люденъ, хотя и не особенно многолюденъ. Подробности объ этомъ, равно какъ и о молебствіи и прочемъ, см. въ „Моск. Вѣд." за 1862 г. № 182 (отъ 19 Августа).

[15]) „Письма Филарета къ Антонію", IV, 357—358.

[16]) Самъ Государь Императоръ на этотъ разъ не былъ въ Лаврѣ. Онъ спѣшилъ къ празднику тысячелѣтія Россіи и 24-го Августа уже прибылъ въ Петербургъ. Сравни *Письма Ф. къ Антонію* IV, 357 и *Моск. Вѣдом.* 1862 г. № 188.

[17]) *Письма Ф. къ Антонію*, IV, 359.

лагаю выѣхать въ Четвергъ [18]) въ три часа пополудни съ обыкновенною скоростію. По ихъ разсчету мнѣ надобно пріѣхать въ пять часовъ и 20 минутъ. Пришлите на станцію экипажъ, въ которомъ бы мнѣ пріѣхать въ Лавру, и пару коней, чтобы довезти мою дорожную карету. Ожиданіемъ и встрѣчею не озабочивайте ни себя, ни другихъ» [19]).

Объ этой первой поѣздкѣ митрополита Филарета по желѣзной дорогѣ въ Лавру, состоявшейся почти во всемъ согласно предположенію, высказанному въ его сейчасъ приведенномъ письмѣ, записано въ слѣдующихъ словахъ воспоминаніе одного изъ современниковъ событія, въ то время инспектора Виѳанской духовной семинаріи, а нынѣ архимандрита одного изъ Московскихъ монастырей Григорія: «Въ 1862 г., 20-го Сентября, митрополитъ въ первый разъ отправился въ Сергіеву Лавру по желѣзной дорогѣ, съ особеннымъ поѣздомъ. Изъ Москвы онъ выѣхалъ въ три часа по полудни; на Хотьковской станціи останавливался на нѣсколько минутъ для преподанія благословенія духовенству и сестрамъ Хотьковскаго монастыря, а въ посадъ Сергіевъ прибылъ въ половинѣ пятаго часа. Въ лаврскихъ архіерейскихъ покояхъ ожидали его многіе, и я тутъ же былъ. Войдя въ покои и благословивъ насъ, каждаго отдѣльно, онъ сказалъ: «Рекомендую вамъ желѣзную дорогу. Сколько употреблено искусства, усилій и средствъ для того, чтобы, вмѣсто пяти, ѣхать полтора часа! Сколько работаетъ людей!» Ректоръ академіи [20]) отвѣчалъ, что и прежде ихъ много было на шоссейной дорогѣ.—«Но тогда работа была простѣе», замѣтилъ владыка. Быстрота поѣзда занимала его. Въ тотъ же вечеръ онъ говорилъ ректору академіи: «Прошло немного времени отъ начала поѣзда, смотрю: онъ ужъ въ Мытищахъ! Себѣ не вѣрю. А потомъ вскорѣ и Пушкинская церковь! Да, это она! Но вотъ и Хотьковъ монастырь! Сомнѣваться, что Хотьковъ нельзя было. Тутъ-то я понялъ, какъ быстро ѣду» [21]). Такъ своимъ путешествіемъ по Троицкой желѣзной дорогѣ святитель Филаретъ какъ бы дополнилъ молитвенное освященіе ея, совершенное 18-го Августа. Впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ этого путешествія, было въ общемъ благопріятное. Тѣмъ не менѣе прежнее недовѣріе его къ такого рода путеше-

---

[18]) 20-го Сентября.

[19]) *Письма Ф. къ Антонію*, IV, 360.

[20]) Архимандритъ Савва (Тихомировъ), нынѣ архіепископъ Тверской и Кашинскій.

[21]) *Чтенія въ общ. ист. и древн.* 1874, II, 65 въ отдѣлѣ „Смѣсь“.

ствіямъ оставалось въ немъ надолго и послѣ того. Да и не безъ основанія. Не говоря о возможности всякихъ случайностей на желѣзныхъ дорогахъ вообще, въ частности и на Троицкой желѣзной дорогѣ на первыхъ порахъ, по новости дѣла, много было неисправностей. Такъ напримѣръ уже отъ 24-го Августа 1862 года въ газетахъ сообщается о томъ, что сошелъ съ рельсовъ паровозъ, шедшій изъ Сергіевскаго посада съ утреннимъ поѣздомъ, хотя несчастій съ людьми, добавляется при этомъ, не было [22]). Затѣмъ отъ 29-го Августа того же года сообщается о множествѣ безпорядковъ на той же дорогѣ во время самаго движенія поѣздовъ, какъ напримѣръ о качкѣ, произвольномъ количествѣ времени остановки поѣздовъ на станціяхъ и т. п. [23]). Извѣстія объ этихъ неисправностяхъ, конечно, доходили и до Филарета, который и самъ объ одномъ изъ такихъ случаевъ пишетъ отъ 8-го Октября того же 1862 года къ Антонію: «Говорятъ, на желѣзной дорогѣ случилось что-то непріятное, и поѣзды прекращены. Чтò вы о семъ знаете?» [24]) Эта непріятность состояла въ томъ, что 7-го Октября, на 39-й верстѣ отъ Москвы, въ поѣздѣ, выѣхавшемъ изъ Сергіевскаго посада въ 7 съ полов. ч. утра, паровозъ, проѣхавъ Талицкую станцію, сошелъ съ рельсовъ, причемъ хотя съ пассажирами ничего не случилось несчастнаго, однако машинистъ и его помощникъ были убиты, а кочегаръ сильно раненъ. Сообщало объ этомъ само правленіе общества [25]). Озабочивало святителя также не совсѣмъ удобное росписаніе времени поѣздовъ [26]), измѣненное къ худшему осенью того же 1862 года. «Если желѣзная дорога—писалъ поэтому отъ 5-го Ноября Филаретъ Антонію—изобрѣтеніе нетерпѣливости человѣческой, оказывается благопріятствующею пути къ Богу и святымъ Его: да будетъ сіе въ благословеніе устроителямъ. Но измѣненіе времени поѣздовъ, кажется, менѣе прежняго благопріятно богомольцамъ. И для чего измѣненіе? Товарнымъ поѣздамъ не нужно поспѣвать ко времени богослуженія» [27]). Да и съ собою Филаретъ не хотѣлъ повторять часто опытовъ, подобныхъ сдѣланному 20-го Сентября 1862 года.

---

[22]) См. *Моск. Вѣдом.* 1882, № 186.

[23]) См. тамъ же, № 190.

[24]) *Письма Ф. къ Антонію*, IV, 363.

[25]) См. *Моск. Вѣдом.* 1862, № 219 отъ 9-го Октября.

[26]) Кромѣ утренняго, отъ Троицы былъ еще вечерній поѣздъ въ 6 ч. по полудни а изъ Москвы шелъ еще утренній поѣздъ (въ 7 часовъ).

[27]) *Письма Ф. къ Антонію*, IV, 366.

Въ слѣдующемъ 1863 году, собираясь къ Троицыну дню въ Сергіеву лавру, Филаретъ писалъ архим. Антонію отъ 27-го Мая: «Наконецъ надѣюсь вырваться изъ Московскихъ узъ, и рѣшаюсь ѣхать не по желѣзной, а по земляной дорогѣ. Какъ нарочно вчера дошло до меня сужденіе опытнаго врача о неблагопріятномъ дѣйствіи дрожащаго движенія по желѣзной дорогѣ. Опухоль ноги у меня еще есть, и не желательно усилить ее» [28]). Подобнымъ образомъ и о поѣздкѣ къ осеннему празднику преподобнаго Сергія пишетъ онъ ему же отъ 14 Сентября того же года: «Надобно помышлять о пути въ лавру. Аще Господь изволитъ, думаю опять по земляной, а не по желѣзной дорогѣ [29]). И къ лѣтнему празднику преподобнаго Сергія въ 1864 году собираясь, онъ пишетъ къ тому же лицу отъ 26-го Іюня: «Сомнѣваюсь, рѣшусь ли ѣхать по желѣзной дорогѣ. По обыкновенной, мнѣ кажется, я свободнѣе» [30]).

Но между тѣмъ, какъ само собою понятно, мало-по-малу движеніе по желѣзной дорогѣ стало гораздо лучше въ сравненіи съ прежнимъ; прежнихъ неисправностей годъ отъ году становилось все меньше и меньше; съ увеличеніемъ средствъ общества желѣзной дороги представилась бо́льшая, въ сравненіи съ прежнимъ, возможность вездѣ усиливать бдительность и порядокъ и т. д. Соотвѣтственно этому и въ святителѣ Московскомъ стала замѣчаться перемѣна отношенія къ дорогѣ въ благопріятную для послѣдней сторону. Такъ, возвратившись отъ праздника преподобнаго Сергія въ 1865 году по желѣзной дорогѣ, Филаретъ отъ 14-го Октября сего года писалъ слѣдующее тому же Антонію: «Слава милосердію Божію! Благодареніе молитвамъ и представительству и покровительству преподобнаго отца нашего Сергія! Путь мой совершился благополучно и окончился несравненно въ лучшемъ состояніи здоровья, нежели начался. Поѣздъ былъ очень покойный. Я не примѣчалъ, что скорость болѣе, нежели показано въ предложенномъ мнѣ росписаніи, и пріятнымъ образомъ былъ обманутъ, когда вопреки назначенію прибыть въ Москву въ 26 минутъ третьяго часа, прибылъ въ два часа. Изъявите мою благодарность начальству желѣзной дороги.—Слава Богу, что я не рѣшился на путешествіе по земляной дорогѣ. Я не могъ бы такъ долго переносить тягостнаго ощущенія, въ которомъ началъ путь, и не

---

[28]) Тамъ же, стр. 399.

[29]) Тамъ же, стр. 408.

[30]) Тамъ же, стр. 433.

имѣлъ бы средствъ облегчить оное. Напротивъ того, въ подвижномъ домѣ желѣзной дороги, я отложилъ теплую одежду, всталъ и въ семъ положеніи оставался почти во всю дорогу, постепенно чувствуя облегченіе» [31]). Въ подобномъ же тонѣ говоритъ святитель и о своемъ обратномъ путешествіи въ Москву по желѣзной дорогѣ съ праздника преподобнаго Сергія осенью 1867 года, за мѣсяцъ съ небольшимъ до своей кончины [32]).

Такъ, наконецъ, какъ бы вполнѣ примирился Московскій митрополитъ съ мыслію о пользѣ дороги, къ которой такъ недовѣрчиво относился въ началѣ. И съ тѣхъ поръ посредствованное молитвами святителя Филарета и его споспѣшниковъ изъ духовныхъ лицъ благословеніе преподобнаго Сергія и благословеніе самого великаго святителя Московскаго почили на дѣлѣ рукъ человѣческихъ, начатомъ молитвою. О несчастіяхъ, которыя то и дѣло, по газетнымъ сообщеніямъ, и случались и случаются на другихъ желѣзныхъ дорогахъ, почти совсѣмъ не слышно на Троицкой желѣзной дорогѣ. Отрадно было узнать, что и въ день 25-ти-лѣтняго юбилея открытія дороги празднованіе соединялось съ молитвою [33]). Нѣтъ сомнѣнія, что доброе дѣло молитвы, какъ служило доселѣ, такъ и на будущее время послужитъ наилучшимъ залогомъ сохраненія означеннаго благословенія, выражаясь въ безопасности движенія по желѣзной дорогѣ, служащей по преимуществу «путемъ къ Богу и святымъ Его».

И. К—ій.

---

[31]) Тамъ же, стр. 474—475.
[32]) Тамъ же, стр. 526.
[33]) *Московск. Вѣдом.* 1887 № 229.

ФИЛАРЕТЪ, АРХІЕПИСКОПЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ *).

Единственнаго человѣка въ Ригѣ къ помощи котораго прибѣгалъ Филаретъ, бесѣда съ которымъ доставляла ему утѣшеніе, графа Д. Н. Толстаго, наконецъ, поставили въ такое отношеніе къ дѣлу Русской церкви, что для его успѣха Филаретъ долженъ былъ прервать свиданія съ нимъ. «Любезный графъ», писалъ ему Филаретъ, «душа рвется побывать къ вамъ... Но истинно боюсь. Боже мой, что̀ моя жизнь? Знаете ли за чѣмъ хочется мнѣ къ вамъ? Затѣмъ, чтобъ поклониться вамъ въ ножки.... за многое, за многое. Благодать Господа Іисуса Христа да хранитъ васъ. Грѣшный Ф. Какъ тяжко на душѣ!» Къ этому времени вѣроятно относится замѣтка графа Толстаго о перемѣнѣ въ Головинѣ, котораго находилъ онъ «совершеннымъ Нѣмцемъ и какъ будтобы поклявшимся вредить православію».

Приведемъ свидѣтельство профессора Дерптскаго университета Розберга о дѣлѣ православія въ Лифляндіи и о положеніи присоединившихся. Онъ писалъ графу Протасову: «Безъ всякаго подущенія, безъ всякихъ осязательныхъ человѣческихъ средствъ, не надѣясь ни на какія земныя выгоды, толпы простодушныхъ поселянъ, кончивъ свои полевыя работы, мирно стремятся подъ незыблемую сѣнь Восточной церкви. Это зрѣлище есть самое возвышенное, трогательное и чистое ея торжество: ибо тутъ переходятъ въ ея нѣдра не полудикіе язычники, не уніаты, довольно тѣсно съ нею связанные, но протестанты, цѣлыя три столѣтія находившіеся подъ вліяніемъ мудрованія, діалектики и краснорѣчія образованныхъ пасторовъ. Съ 19-го числа (Сентября 1845) по нынѣшнее, въ продолженіе шести дней, записалось до 4000, между которыми есть много мущинъ и женщинъ

---

*) См. выше, стр. 43.

уже въ преклонныхъ, старческихъ лѣтахъ, много деревенскихъ судей и старшинъ. Къ священнику они являются какъ можно лучше одѣтыми, и крестятся, и бьютъ себя въ грудь, когда узнаютъ, что ихъ имена уже внесены въ протоколъ. Скрипицынъ *) и г.-м. Муравьевъ были до глубины души поражены всѣмъ, что̀ они собственными глазами видѣли, собственными ушами слышали». «Весь Эстонскій народъ безусловно принимаетъ православіе. Дѣло истинно нерукотворенное! Съ 19-го Сентября по нынѣшній день 28-го Сентября уже слишкомъ 15,000 душъ мущинъ и женщинъ записалось у протоіерея о. Березскаго. При всемъ томъ тишина и благоговѣйное спокойствіе необозримой толпы, стоящей съ утра до ночи предъ его домомъ, не нарушались доселѣ ни малѣйшимъ безпорядкомъ. Нѣмцы на это крайне досадуютъ; имъ душевно бы хотѣлось, чтобы произошло какое-либо безпокойство, и понятно! Рвеніе Эстонцевъ присоединиться къ православію доходитъ до изступленія: многіе приходятъ и пріѣзжаютъ изъ дальнихъ мѣстъ, сутокъ по двое почти ничего не пьютъ и не ѣдятъ, ночуютъ около города подъ открытымъ небомъ, изнуренные холодомъ и голодомъ, терпѣливо дожидаются очереди». Розбергъ указываетъ на слѣдующія побудительныя причины этого стремленія къ православію: 1) «Пасторы наши слишкомъ большіе господа; 2) на киркахъ нашихъ не сіяетъ крестъ, общее знаменіе христіанства, но воткнута какая-то индѣйка; храмы наши разваливаются отъ ветхости, никто не печется объ нихъ; 3) пасторы наши вмѣсто литургіи и проповѣди читаютъ намъ нерѣдко одни объявленія, что такой-то умеръ, тотъ-то родился; 4) у насъ нѣтъ утѣшенія затеплить свѣчу, окропиться св. водою, отслужить молебенъ, раскрыть прегрѣшенія своему духовному отцу; 5) наконецъ, православіе исповѣдуетъ нашъ Государь. Благоговѣніе этихъ людей къ августѣйшему Монарху трудно описать. Когда о. Березскій между прочими именами предложилъ имя Николая, всѣ въ голосъ крикнули: нѣтъ! такого имени мы недостойны; это имя нашего Государя; оно слишкомъ велико для насъ. Многіе присутствовавшіе заплакали. Когда протоіерей Березскій, отнимая у Эстонцевъ всякую надежду на достиженіе временныхъ выгодъ отъ перемѣны вѣроисповѣданія, присовокупилъ, что самое богослуженіе только медленно облечется въ благолѣпіе, они дружно отвѣчали ему: коли мы не дождемся этого, дѣти наши дождутся; мы жертвуемъ собою для дѣтей! Соображая это съ высокомѣріемъ, нерадѣніемъ и корыстолюбіемъ большей части пасторовъ, мы получимъ удовлетворительное объясне-

---

*) Чиновникъ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода.

ніе происшествія для многихъ загадочнаго. Восточная церковь, сіяя мѣстами между здѣшнихъ простодушныхъ племенъ, своими обрядами, своею внѣшностію, своимъ духомъ, какъ могучій магнитъ, привлекала ихъ неудержимо. Другихъ причинъ нѣтъ».

Тотъ же Розбергъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное этимъ вѣроисповѣднымъ движеніемъ на бароновъ. «Господа Остзейцы, сначала ошеломленные первымъ порывомъ народа къ православію, мало-помалу приходятъ теперь въ себя. Между ними кипитъ теперь неутомимая дѣятельность; всѣ пружины, всѣ страсти приводятся въ движеніе, всѣ перья скрипятъ, всѣ уста изрыгаютъ хулу. Существуетъ рѣшительное намѣреніе, съ одной стороны испугать правительство, а съ другой стороны настращать бѣдняковъ-поселянъ, внушая имъ, что сюда придутъ войска съ цѣлію гонять ихъ сквозь строй. Лифляндцы внѣ себя отъ безмятежности Эстонцевъ: имъ бы крайне хотѣлось подстрекнуть ихъ къ ослушанію, скомкать снова все вмѣстѣ и набросить на настоящія обстоятельства тѣнь мнимаго разстройства, неповиновенія властямъ, нарушенія коренныхъ правъ. Сердцу станетъ тяжело, и здравый разсудокъ оцѣпенѣетъ, если ихъ пронырства и искательства увѣнчаются хотя слабымъ успѣхомъ. Въ ослѣпленіи, въ судорожныхъ припадкахъ задѣтаго за живо самолюбія, они даже не видятъ собственныхъ прямыхъ выгодъ. Нѣмецкая гордыня, нечаянно уязвленная въ самое больное мѣсто, извивается, какъ змѣй подъ копьемъ Георгія Побѣдоносца, въ безсильной ярости жаля сама себя. Всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, должно представить, что каждое колебаніе въ нынѣшнемъ положеніи, каждый попятный шагъ окажутся на повѣркѣ непростительными ошибками и могутъ повести къ бѣдамъ».

По свидѣтельству одного безпристрастнаго Остзейскаго Нѣмца, «поступки бароновъ съ Латышами напоминали времена первыхъ вѣковъ христіанства и повторялись на нашихъ глазахъ въ странѣ, почитающей себя частію образованной Германіи, времена мучениковъ. Иногда случались настоящія сборища инквизиціи. Начинаются (Латышамъ и Эстамъ) запросы, допросы, увѣщанія, выпытыванія, какъ будто дѣло идетъ о какомъ то неслыханномъ преступленіи; а преступленіе заключается въ мирномъ желаніи принять вѣру Государя и Россіи».

Вотъ какъ изображаетъ положеніе присоединившихся Ламзальскій священникъ Меньшиковъ: «Горе и съ тѣми, которые присоединились къ св. церкви; ибо рѣдкій Божій день проходитъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не приходилъ ко мнѣ Одни просятъ совѣта избавиться отъ голодной смерти, другіе жалуются на голодъ и на безжалостныхъ своихъ господъ и судей; иной проситъ какой-нибудь ми-

лости, а всѣ билетовъ для отлучки въ Ригу за хлѣбомъ. Нельзя безъ скорби слышать о ихъ скорби, безъ слезъ смотрѣть на ихъ слезы истинно горькія». Далѣе приводитъ тотъ же священникъ рядъ жертвъ злобы и мстительности бароновъ. Крестьянинъ Андреасъ Липилъ изъ мызы Нанкуль приходитъ въ слезахъ, заявляя, что семья умираетъ отъ голода, а ему не даютъ ни мызникъ, ни кирхенгерихтство ни хлѣба, ни билета въ Ригу за полученіемъ хлѣба; что онъ два раза былъ въ Ригѣ, гдѣ безъ билета отъ мызника не даютъ хлѣба. Съ тою же жалобою обращались къ нему многіе изъ мызы Кеддъ-Янъ. Нѣсколько человѣкъ изъ мызы Залисбургъ жаловались, что они обращались и къ помѣщику, и во всѣ суды, и ко всѣмъ властямъ Вольмарскаго уѣзда и не могли получить ни хлѣба, ни билета, тогда какъ Латышамъ-лютеранамъ оказывается помощь. Имъ даже объявилъ мызникъ, что отъ нихъ отбирается земля, и что они могутъ идти куда хотятъ. Въ Мартѣ 1846 года Венденскій священникъ доносилъ Филарету, что уже одинъ крестьянинъ умеръ отъ голода; а около Феллина умерло нѣсколько человѣкъ. О такой же жестокости доносилъ и Верровскій священникъ, присовокупляя, что мызники, издѣваясь надъ православіемъ, отсылаютъ голодающихъ *«къ тому, кто крестилъ ихъ»*. Нѣкоторые крестьяне изъ мызы Аргафъ жаловались, что у одного изъ нихъ умеръ отъ голода 4-хъ лѣтній сынъ, у другаго умираетъ жена съ новорожденнымъ младенцемъ. Крестьянинъ изъ мызы Одемпе, Карпъ Ребали съ женою и дѣтьми, умирая отъ голоду, просилъ помощи. Изъ мызы Венгута съ такими же жалобами обращались нѣсколько крестьянокъ, заявивъ, что неприсоединенные уже три раза получили хлѣбъ.

Чтобы скорѣе изморить народъ, бароны, несмотря на полный неурожай, взыскали съ присоединившихся весь хлѣбный долгъ и оставили ихъ съ осени безъ хлѣба. Кто не могъ доплатить, того наказывали. Такъ крестьянинъ д. Кенопорми Георгій, 60-ти лѣтъ, былъ посаженъ на день въ тюрьму и наказанъ 25 розгами за недодачу хлѣба; онъ предлагалъ взять у него лошадь, корову; но ему отвѣчали: «Ты Русскій! Ты богатъ и не хочешь платить». Крестьянину мызы Ней-Шузенъ за требованіе билета на присоединеніе помѣщикъ Миллеръ далъ 15 ударовъ палками подъ предлогомъ, что тотъ будто бы должный ему ячмень возвратилъ мерзлымъ. Корчмарь мызы старой Конгуты и содержатель мельницы Янъ-Миллеръ, за желаніе присоединиться, выгнанъ помѣщикомъ Фитингофомъ съ угрозою сослать его вмѣстѣ съ *«записателемъ, пьянымъ попомъ»*. У казеннаго крестьянина мызы Тамы, Георгія Сирка, арендаторъ Трейманъ отобралъ лошадь, весь хлѣбъ и оставилъ всю его семью умирать голодною смертью. Крестьянка д. Пивлоты

Марья Плотинъ, за то что не въ очередь сказала, что желаетъ принять православіе для спасенія души, была тутъ же чиновниками, записывавшими показанія, наказана 25 ударами, хотя она была только двухъ недѣль по разрѣшеніи отъ бремени. Инцемскій крестьянинъ Зоосъ продержанъ три недѣли въ тюрьмѣ по дѣлу о подговорѣ принять православіе Яна Янсона, который объяснилъ, что ничего подобнаго отъ него не слыхалъ. Но, не смотря на то, хотя онъ и былъ не осужденъ, какъ невиновный, его выпустили изъ тюрьмы съ бритою головою и вели домой въ кандалахъ, какъ преступника. А когда его привели на мызу Трейденъ, приходскій судья наказалъ его 60-ю ударами палокъ, приговаривая: «когда ты перешелъ въ Русскую вѣру, то получишь и Русское наказаніе».

Нѣтъ, ни одна страница въ исторіи крѣпостнаго права въ Россіи не представляетъ такой мрачной картины. Если были случаи злоупотребленій властей, то это были случаи отдѣльные, исключительные: «въ семьѣ не безъ урода», говоритъ пословица. Но чтобы дѣйствовать сплоченно, составлять уговоръ извести голодомъ народъ, это такая повальная жестокость, для которой въ сердцѣ Русскихъ людей не только не найдется мѣста, но и опредѣленія. Возьмемъ къ тому въ соображеніе степень образованности съ одной стороны бароновъ, а съ другой Русскихъ помѣщиковъ какого-нибудь нашего захолустья сороковыхъ годовъ. Не здѣсь-ли лежитъ отчасти разгадка стремленія Латышей къ православію? Они поняли духъ ученія православной церкви, дѣйствующей на душу и сердце людей и ея воспитательное значеніе для народа.

Но этотъ плачъ и стоны, отзываясь жгучею болью въ сердцѣ Филарета, не шли далѣе, не трогали никого. Скрутивъ несчастныхъ Латышей, порѣшили во что бы ни стало ослабить голосъ Филарета въ Петербургѣ. Пошли опять разныя интриги противъ него. «На мнѣ теперь лежатъ дѣла тяжелыя», писалъ онъ Горскому. «Помолитесь о мнѣ препод. Сергію! Заставляютъ дѣлать дѣло (съ Латышами), котораго, сколько ни бился, никакъ не могу сдвинуть съ мѣста. И тяжело и опасно. Да будетъ воля Господа Бога. Помолитесь любовію вашей». «Не сдѣлаете ли той милости для меня», писалъ онъ графу Толстому, «чтобы сообщить копіи замѣчаній N.N. и вашихъ отвѣтовъ, или по крайней мѣрѣ первыхъ? Разумѣю замѣчанія на мѣры къ огражденію православія. Нужно же знать и голосъ враговъ, чтобы при случаѣ сумѣть и найтиться оборонять дѣло». Изъ этого мы можемъ видѣть, что независимо отъ сообщенія Филаретомъ о всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ притѣсненій въ особыхъ запискахъ генералъ-губернатору, которыхъ (черновыхъ) значительное количество у насъ подъ руками, Филаретъ

представлялъ въ Петербургъ и объ общихъ мѣрахъ для огражденія православія.

Но голосъ его былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Мало того, подъ напоромъ интригъ и козней онъ долженъ былъ и самъ дѣлать уступки. Одна уступка, имѣющая, правда, частный характеръ, была сдѣлана по убѣжденіямъ графа Толстаго, чтобъ спасти общее дѣло. «Слова в. с—ва», писалъ Филаретъ, «немедленно исполнилъ: вновь подтверждаю, чтобы Ивановъ остался въ Аренсбургѣ, съ онымъ прибавленіемъ, что не долженъ участвовать въ дѣлѣ присоединенія крестьянъ. Что касается до запрещенія священнослуженія, то войдите въ мое положеніе: я имѣю только донесеніе самого священника о дѣлѣ и ничего болѣе. На чемъ же могу основать запрещеніе священнослуженія? Впрочемъ сдѣлаю секретное распоряженіе, негласное, о неслуженіи. Я написалъ Попову, чтобы, какъ угодно будетъ вашему сіятельству, такъ и былъ спрошенъ Конюшевскій».

Правда, уступка здѣсь не измѣняла общаго дѣла и, быть можетъ, предотвратила вредное для него раздраженіе правителей; къ тому же Филаретъ вмѣсто *запрещенія* служенія согласился *на негласное распоряженіе* о неслуженіи; но все-таки чего, полагать надо, стоила эта уступка Филарету? «Господомъ прошу васъ», писалъ онъ далѣе, «употребите стараніе не для меня, а для св. церкви и православія, которыя подвергаются тяжкой опасности». А Горскому писалъ онъ: «Вотъ видите, другъ мой, какъ живу я здѣсь. За часъ пишу и говорю свободно, а въ слѣдующій не могу ни говорить, ни писать. Утромъ встаю какъ будто бы безъ видовъ на скорби, а случается, что съ полдня едва доживаю до вечера отъ тяжестей душевныхъ. Что̀ дѣлать?»

Наконецъ, утомленный въ преслѣдованіи православія генералъ-губернаторъ Головинъ въ 1848 году замѣненъ былъ свѣжею силою — княземъ Суворовымъ. Но положеніе Филарета становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Митрополитъ Московскій, извѣщая о перемѣнѣ начальства въ Ригѣ, поздравилъ Филарета съ перемѣною къ лучшему. Не такъ оно оказалось на самомъ дѣлѣ и съ первыхъ же дней. «Новый начальникъ края привезъ съ собою много гостинцевъ Нѣмецкихъ», писалъ Филаретъ. Вскорѣ по назначеніи Суворова Филаретъ имѣлъ поводъ писать о немъ къ Горскому: «Мои здѣшнія обстоятельства день отъ дня не легче. Видно, такова воля Божія. Князь Суворовъ, несмотря на то, что внукъ знаменитаго любовью ко всему Русскому дѣлу, до крайности страненъ въ своемъ усердіи къ Нѣмцамъ. Назвать-ли его лютеранскимъ генералъ-суперъ-интендентомъ или только человѣкомъ, для котораго важны однѣ звѣзды, не знаю. Безпрестанно твердитъ, что онъ Русскій съ ногъ до головы, а насмѣхается

надъ всѣмъ Русскимъ и унижаетъ Русскихъ открыто; твердитъ, что имѣетъ глубокое чувство правды, а покровительствуетъ лютеранизмъ и преслѣдуетъ православіе при всѣхъ удобныхъ и неудобныхъ случаяхъ. Вѣрно и ясно только то, что надобно молиться, чтобы Господь избавилъ отъ искушенія» *). Когда лицамъ назначеннымъ изъ Московской Академіи на священническія мѣста въ Ригу приказано было предварительно явиться въ Петербургъ, Филаретъ писалъ Горскому». «Это продѣлки одного и того же Суворова. Но до этого человѣка не хочу касаться мыслями, чтобы не тревожить души своей».

Князь Суворовъ по вступленіи въ должность сразу поставилъ себя въ слишкомъ офиціальныя отношенія къ епископу и сразу отодвинулъ дѣло православія назадъ. Придирки къ Филарету напомнили времена Палена и Иринарха. Мы не можемъ не привести здѣсь письма̀ Филарета къ Суворову и того, что̀ отвѣчалъ епископу генералъ-губернаторъ. Послѣднее письмо оставляетъ весьма тяжелое впечатлѣніе: такого цинизма въ побіеніи архіерея, безгранично преданнаго святому дѣлу, самой подслащенной рѣчью еще не передавало, кажется, Русское перо. «Отъ 9-го Апрѣля с. г. за № 459», пишетъ Филаретъ, «имѣлъ я честь получить отношеніе в. свѣтлости. Исполненный уваженія къ вамъ, не дозволяю себѣ отвѣчать на оное формально; но по требованію дѣла не могу остаться и въ молчаніи, такъ какъ иначе могли бы продолжаться недоумѣнія, ко вреду дѣла. При помянутомъ отношеніи приложены въ копіи двѣ бумаги, скрѣпленныя г-мъ Тидебелемъ. Въ отношеніи говорится, что это *протоколы*, составленные будто бы въ моей канцеляріи, и что лица, о коихъ говорятъ бумаги, приносили мнѣ жалобы на притѣсненія. Ваша свѣтлость въ отношеніи изволите упоминать, что при словесномъ объясненіи со мною удостовѣрились вы, что мѣстное духовенство не желаетъ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла. Съ своей стороны вполнѣ остаюсь увѣреннымъ, что в. с—ть, при свойственной вамъ любви къ правдѣ, когда будете имѣть время собственнымъ опытомъ узнать положеніе здѣшнихъ дѣлъ и отношенія лицъ, дойдете до полной увѣренности въ томъ, какъ и во многомъ другомъ (такъ какъ и самое содержаніе настоящаго отношенія вашей св—ти ясно мнѣ показываетъ), что сомнѣніе относительно сего предмета, выраженное въ отношеніи, было плодомъ только стороннихъ внушеній. Еслибы не необходимость заставила, никогда не дозволилъ бы я моей совѣсти даже и того, чтобы увѣрять вашу св—ть въ нежеланіи моемъ и подчиненнаго мнѣ духовенства касаться дѣлъ чужихъ. Тогда какъ убѣжденъ я и убѣжденъ

*) Князь Суворовъ, воспитавшійся въ Швейцарскомъ пансіонѣ, напоминалъ собою отзывъ А. С. Хомякова: „пустоцвѣтъ Швейцаріи". Къ изумленію нашему, въ одной рыцарской залѣ увидали мы торжественно поставленные три бюста: Плеттенберга, Паткуля и этого князя Суворова! П. Б.

до того, что страдаю, что дѣла православія находятся въ разстройствѣ и требуютъ долгаго времени и трудовъ, чтобы устроить ихъ, неблагоразумно оставлять свое и брать на себя чужое. Тогда какъ священники находятся въ такомъ положеніи, что каждое слово ихъ готовы перетолковать въ другомъ смыслѣ, каждому поступку дать другое значеніе, священникамъ остается употреблять слишкомъ много времени и труда, чтобы предохранять себя отъ несовѣстливой зоркости соглядатаевъ. Для меня было бы непонятнымъ, еслибы г-нъ Тидебелъ, который столько лѣтъ служитъ въ канцеляріи, не зналъ, какъ составляются протоколы. Протоколы, какъ ему должно быть извѣстно, подписываются членами присутствія и скрѣпляются секретаремъ. Между тѣмъ копіи, скрѣпленныя г-мъ Тидебелемъ, не имѣютъ подписи ни члена или членовъ, ни секретаря. На какомъ основаніи г-нъ Тидебель выдалъ передъ вашей св—тью скрѣпленныя имъ копіи за протоколы? И что̀ значитъ поступокъ ихъ? Но для того, чтобы в. с—ти вполнѣ извѣстно было дѣло въ подлинномъ его видѣ и не было перетолковываемо другими, скажу о значеніи бумагъ, скрѣпленныхъ г-мъ Тидебелемъ. Такъ какъ я не знаю ни по-латышски, ни по-эстски, слѣдовательно не могу выслушивать и знать просьбы, или объясненія, или жалобы являющихся ко мнѣ Латышей и Эстовъ: то по сей необходимости приказано мною въ канцеляріи знающему Латышскій или Эстонскій языкъ съ буквальною точностію вносить въ частную *записку* слова̀ крестьянина и эту записку представлять мнѣ. Если содержаніе записки относится къ духовному вѣдомству, то содержаніе ея вносится въ *формальную бумагу*, и *этою* уже бумагою начинается дѣло. Если же содержащееся въ запискѣ не относится къ духовному вѣдомству, то проситель получаетъ отвѣтъ идти, куда слѣдуетъ, съ своею просьбою или жалобою. Такимъ образомъ в. св—ть согласитесь, что составленныя въ моей канцеляріи записки составляютъ дѣло, не имѣющее никакого вида формальности ни въ моей канцеляріи, ни для кого-либо другаго».

«Слѣдуетъ объяснить, почему при прошеніяхъ, о которыхъ г-нъ Тидебель представилъ в. св—ти, приложены были и записки, хотя отнюдь не формальныя бумаги. Причина та, что такъ угодно было предмѣстнику в. с—сти генералу Головину, между прочимъ по недовѣрію къ переводчику своему. Повѣрьте, в. с—сть, мнѣ непріятно касаться послѣдняго предмета; но что̀ дѣлать? Не припоминая непріятныхъ исторій, составлявшихся изъ этого непріятнаго обстоятельства, дозволяю себѣ указать на печатную публикацію генералъ-губернатора отъ 26-го Октября 1845 года № 228: въ ней третій пунктъ въ Латышскомъ переводѣ былъ совершенно искаженъ даже противъ Нѣмецкаго текста, и изъ этого вышли худыя послѣдствія. По этимъ послѣдствіямъ главное

управленіе вынуждено было этотъ пунктъ съ исправленнымъ Латышскимъ переводомъ, спустя около года, напечатать особо и разослать въ отдѣльномъ видѣ. Для видимости честь имѣю приложить при семъ ту и другую публикацію».

Нельзя не остановить вниманія на этомъ извращеніи текста въ публикаціи, утвержденной генералъ-губернаторомъ. Случай этотъ поражаетъ какъ смѣлостію, такъ и безнаказанностію его и, наконецъ, тѣмъ покровомъ нагло-виновному, какое прочтемъ мы въ письмѣ Суворова въ отвѣтъ на кроткое предостереженіе Филарета. Но обратимся далѣе къ письму Филарета. «В. св—ть, конечно не найдете въ томъ ничего противнаго порядку, еслибы проситель, котораго записанная жалоба найдена была относящеюся не къ моему разсмотрѣнію, а разсмотрѣнію в. св—ти, отосланъ былъ отъ меня къ в. св—ти. Слушать, что̀ говоритъ другой—дѣло обыкновенное; слушать изъ состраданія жалобу бѣдняка—дѣло состраданія; указать незнающему путь, которымъ онъ долженъ идти и котораго онъ не разумѣлъ, также дѣло милосердія. Кромѣ же того, в. св—ти извѣстна клятвенная присяга, которую даетъ каждый епископъ при своемъ посвященіи. В. св—ть изъявляете свою готовность обращать особое вниманіе на жалобы здѣшнихъ православныхъ крестьянъ. Въ этомъ не дозволялъ я себѣ никогда сомнѣваться. Напротивъ, зная доброту души вашей истинно-православной, я убѣжденъ, что чѣмъ болѣе будете вы собственнымъ опытомъ узнавать положеніе здѣшнихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе будетъ рости въ васъ эта готовность. Въ одномъ только позвольте, в. св—ть, остаться съ сомнѣніемъ, въ томъ именно, чтобы вы нашли себя въ состояніи удовлетворять».

На это письмо Филаретъ получилъ слѣдующій конфиденціальный отвѣтъ новаго генералъ-губернатора.

«Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь и архипастырь. В. п—во изволили почтить меня 18-го минувшаго мѣсяца, вслѣдствіе отношенія моего за № 459, конфиденціальнымъ письмомъ, на которое я еще не имѣлъ чести отвѣчать. Приношу в. п—ву покорнѣйшее въ томъ извиненіе и покорнѣйшую просьбу не отказать мнѣ въ увѣренности, что я медлилъ столь долго лишь вслѣдствіе желанія моего не ограничиться въ настоящемъ случаѣ поспѣшнымъ отвѣтомъ несовмѣстнымъ съ искреннимъ уваженіемъ моимъ къ вамъ, милостивый архипастырь, съ вниманіемъ, которое я обязанъ оказывать каждому изъ словъ вашихъ, и съ важностью предмета. Двѣ поѣздки по ввѣреннымъ мнѣ губерніямъ, мною между тѣмъ предпринятыя, и множество накопившихся дѣлъ, доселѣ препятствовали мнѣ отозваться, съ желаемой подробностью соображеній, на вышепомянутое почтеннѣйшее письмо в. п—ва.»

«Мысли ваши, м—вый архипастырь, въ немъ изложенныя, преимущественно относятся къ одному отдѣльному предмету, а именно къ прежней между нами перепискѣ о принятіи канцеляріей в. п—ва, или приходскими священниками, показаній отъ крестьянъ, приносящихъ разныя жалобы на свѣтскія начальства, и о сообщеніи оныхъ мнѣ, въ видѣ особыхъ записокъ, или въ видѣ отношеній за вашей подписью. Но съ другой стороны, письмо ваше отъ 18-го Апрѣля касается въ сущности не только самыхъ источниковъ приносимыхъ крестьянами жалобъ, но и вообще положенія дѣлъ управленія Балтійскимъ краемъ».

«Покорнѣйше прошу в. п—во позволить мнѣ войти въ коль возможно отдѣльное разсмотрѣніе сихъ между собою нетождественныхъ предметовъ».

«Я вполнѣ сознаю справедливость словъ в. п—ва: «слушать, что̀ говоритъ другой, дѣло обыкновенное; слушать изъ состраданія—дѣло состраданія; указать незнающему путь, которымъ онъ долженъ идти и котораго онъ не понимаетъ—также дѣло состраданія». Глубоко уважаю чувство, въ этихъ словахъ выраженное и, позвольте присовокупить, раздѣляю его. Но в. п—ву извѣстно, что проявленіе чувствъ состраданія на поприщѣ должностныхъ сношеній нѣсколько обусловлено закономъ и государственными учрежденіями. При употребленіи оффиціальныхъ формъ предполагается оффиціальное участіе въ дѣлѣ, и когда в. п—ву угодно было при сообщеніи принесенныхъ вамъ жалобъ требовать (что̀ неоднократно случалось) увѣдомленія о послѣдствіяхъ, то подъ симъ могло быть разумѣемо болѣе чѣмъ одно чувство состраданія. Равнымъ образомъ, когда приходскіе православные священники, выслушавъ просителей, отсылали ихъ для дальнѣйшаго принесенія жалобъ не къ подлежащимъ гражданскимъ властямъ, а къ в. п—ву (что̀ также неоднократно случалось), то мнѣ кажется нѣсколько сомнительнымъ, чтобы просителямъ *былъ указанъ тотъ путь, которымъ они должны слѣдовать*. Вообще я полагаю, что рядъ гражданскихъ властей, высочайшею волею установленный, доселѣ не признанъ недостаточнымъ; что въ случаѣ признанія какихъ-либо недостатковъ они могли бы устраниться путемъ гражданскихъ преобразованій; и наконецъ, что еслибы приходскіе священники и были законно призваны къ принятію жалобъ на гражданскія начальства, то по свойственному имъ чувству христіанскаго состраданія они не могли бы ограничиться предѣлами своей духовной паствы (?): ибо христіанская любовь къ ближнему не стѣсняется условіемъ единовѣрія. Между тѣмъ то обстоятельство, что къ православнымъ священникамъ являются съ просьбами или жалобами, почти безъ исключенія, лишь одни новоприсоединенные къ православію крестьяне, доказываетъ ошибочныя понятія

сихъ послѣднихъ и обнаруживаетъ въ нихъ заблужденіе, несовмѣстное съ общими законами государственнаго благоустройства. Ободряемые естественною готовностію священника выслушивать просьбы ихъ, ободряемые еще болѣе столь же естественною наклонностію односторонне допускать основательность принесенныхъ жалобъ, крестьяне ожидаютъ отъ своихъ пастырей болѣе чѣмъ одни духовныя пособія, и на поприщѣ гражданскаго быта болѣе чѣмъ одни совѣты. Недовѣріе къ другимъ властямъ (?), возбужденное мнимымъ открытіемъ новаго судебнаго пути, постепенно превращается въ пренебреженіе къ нимъ, а въ этомъ пренебреженіи заключается первый шагъ къ непокорности и самоуправству. В. п—во сами изволите согласиться, что, руководствуясь этимъ убѣжденіемъ, я обязанъ, по долгу возложеннаго на меня званія, принимать всѣ зависящія отъ меня мѣры къ отклоненію зла, и просьбу объ оказаніи съ вашей стороны необходимаго содѣйствія безъ сомнѣнія не изволите признать неуваженіемъ къ человѣколюбивымъ чувствамъ православнаго духовенства».

«Вышеизложенныя соображенія были прямымъ поводомъ къ отношенію моему отъ 9-го Апрѣля за № 459. В. п—во изволите находить, что употребленныя въ немъ выраженія присвоиваютъ излишнюю формальность тѣмъ запискамъ, которыя поступали ко мнѣ изъ вашей канцеляріи. Долгомъ считаю увѣдомить в. п—во, что во ввѣренномъ мнѣ управленіи помянутыя записки всегда признаваемы были формальными письменными допросами, въ канцеляріи вашей снятыми и скрѣпленными, вмѣсто чьей либо подписи, печатью в. п—ва, за которою они присылались; что каждая записка считалась бумагой непосредственно отъ васъ, милостивый архипастырь, поступившей; и что по каждой производилось особое дѣло, причемъ неоднократно случалось, что в. п—во были увѣдомляемы о послѣдствіяхъ. Наконецъ, в. п—во изволите изъяснять, что показанія крестьянъ были отбираемы въ канцеляріи вашей, между прочимъ, по недовѣрію моего предмѣстника къ своему переводчику, нынѣ исправляющему туже обязанность при мнѣ. Неблагонадежность его конечно имѣла бы крайнюю важность; но я долженъ предполагать, что сомнѣнія генерала Головина были устранены впослѣдствіи, ибо онъ не только не замѣнилъ его другимъ переводчикомъ, но еще возложилъ на него должность цензора мѣстныхъ повременныхъ изданій».

«Предавъ на снисходительное благоуваженіе в. п—ва мои мысли относительно принесенія крестьянами жалобъ мимо гражданскихъ властей, я обращаюсь къ самой сущности жалобъ и къ источникамъ ихъ. В. п—во увѣрены въ томъ, что при всѣхъ моихъ стараніяхъ я не найду возможности удовлетворить справедливыя жалобы православ-

ныхъ крестьянъ; и уже неоднократно, въ прежней переепискѣ съ моимъ предмѣстникомъ и со мною, изволили обнаруживать увѣренность въ упорномъ угнетеніи туземныхъ единовѣрцевъ нашихъ, и въ угнетеніи ихъ именно за единовѣріе съ нами».

«Я знаю, что въ отношеніи къ жалобамъ, поступающимъ отъ православныхъ крестьянъ, постоянно предполагается, что присоединеніе къ православію было поводомъ къ тѣмъ распоряженіямъ, на которыя они жалуются; я знаю, что приходскіе священники безусловно допускаютъ основательность подобныхъ жалобъ и что в. п—во нерѣдко сами изволили присоединять къ донесеніямъ священниковъ вѣсъ вашего мнѣнія и заранѣе, до производства необходимыхъ изслѣдованій, изволили требовать взысканія съ виновныхъ въ противозаконномъ гоненіи. Повторяю, что я глубоко уважаю тѣ чувства христіанскаго сострадaнія къ ближнему, которыми в. п—во были руководимы; но на мнѣ лежитъ должностная обязанность не увлекаться подобными чувствами и озабочиваться безпристрастнымъ и безусловнымъ (!) соблюденіемъ дѣйствующаго закона. Я не отрицаю общаго недоброжелательства лютеранъ къ новоправославнымъ; я допускаю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ строгость законовъ упадаетъ на сихъ послѣднихъ безъ снисходительности, нерѣдко (?) оказываемой лютеранамъ; но тѣмъ не менѣе, входя въ ближайшее разбирательство каждой отдѣльной жалобы и имѣя въ виду прежнія дѣла сего разряда, въ ввѣренномъ мнѣ управленіи производящіяся, я долженъ былъ нѣсколько уклониться отъ точки зрѣнія в. п—ва. Къ моему предмѣстнику поступало и ко мнѣ поступаетъ отъ лютеранскихъ крестьянъ множество просьбъ и жалобъ совершенно однородныхъ (?) съ тѣми, которыя приносятъ крестьяне православнаго исповѣданія. Источникъ ихъ, по большей части, лежитъ въ общихъ условіяхъ крестьянскаго быта, коего недостатки издавна уже обратили на себя вниманіе правительства. Съ другой стороны, самое свойство гражданскихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами показываетъ, что притѣсненія могутъ касаться преимущественно лишь хозяевъ усадьбъ, между которыми, какъ вамъ извѣстно, сравнительно мало православныхъ. Наконецъ, в. п—ву равномѣрно извѣстно, что незаконность почти всѣхъ жалобъ, доведенныхъ до вашего свѣдѣнія, доказана произведенными по онымъ изслѣдованіями. Часто случалось, что крестьяне при слѣдствіи отпирались отъ первоначальныхъ своихъ показаній; часто обнаруживалось, что жалобы ихъ первоначально были неточно понимаемы; еще чаще оказывалось, что домогательства ихъ были неосновательны и показанія ложны. Это подтверждено множествомъ произведенныхъ изслѣдованій. Знаю, что мѣстныя власти явно подозрѣваются въ пристрастіи и несправедливости;

но во первыхъ, я не могу рѣшиться на безусловное обвиненіе цѣлыхъ сословій, всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и каждаго члена каждаго присутственнаго мѣста Лифляндской губерніи въ преднамѣренной лжи, въ нарушеніи должностной присяги и въ злобномъ преслѣдованіи иновѣрныхъ (?); во вторыхъ, я имѣю въ виду многія извѣстныя вамъ, милостивый архипастырь, слѣдствія, произведенныя православными чиновниками, въ благонадежности коихъ нѣтъ надобности сомнѣваться, напримѣръ кол. ас. Варадиновымъ, кол. ас. Толстымъ, подполк. Щербачевымъ и т. д.»

«Главный и почти единственный видъ несправедливости помѣщиковъ къ православнымъ крестьянамъ заключается въ отказѣ по содержанію усадьбъ. Но в. п—ву извѣстно, что доколѣ подобный отказъ не нарушаетъ закона, я не властенъ, съ моей стороны, нарушать законныхъ правъ на объявленіе отказа. Здѣсь безполезны жалобы, какимъ бы путемъ онѣ ни доходили къ начальству. Долгомъ считаю передать въ семъ отношеніи на благоуваженіе ваше, что по моему мнѣнію поводомъ къ объявленію таковыхъ отказовъ отчасти были самыя слѣдствія, по жалобамъ православныхъ крестьянъ произведенныя (?). В. п—во изволите знать, что распространеніе православія дѣло новое въ этомъ краѣ и первоначально было сопряжено со множествомъ частныхъ и оффиціальныхъ недоразумѣній; вы сами изволите согласиться, что постоянныя жалобы на Лютеранъ и постоянныя противъ нихъ подозрѣнія (?) не могли не имѣть раздражительнаго вліянія; что при томъ множество новыхъ заботъ и порученій, возложенныхъ по дѣламъ православія на всѣ мѣстныя начальства, не могли не быть обременительными; и по всѣмъ симъ уваженіямъ можетъ быть изволите признать нѣсколько естественнымъ желаніе помѣщиковъ не имѣть у себя тѣхъ усадебныхъ хозяевъ, коимъ будтобы открыты исключительные исковые пути (?), и со стороны которыхъ каждая жалоба неминуемо ведетъ къ гласному подозрѣнію въ противодѣйствіи православію, въ пристрастномъ злоупотребленіи власти и въ нарушеніи высочайшей воли Его Императорскаго Величества. Сіи неблагопріятныя для православныхъ крестьянъ обстоятельства могутъ быть отклонены лишь нелицепріятнымъ дѣйствіемъ правительственной власти и постепеннымъ устраненіемъ съ поприща мірскихъ тяжебъ и жалобъ чуждаго ему вопроса о различіи вѣроисповѣданій. Къ достиженіи сей цѣли клонятся всѣ ея усилія; но при *всегдашней, неоднократно вамъ изъявленной готовности моей строго преслѣдовать каждое злоупотребленіе,* я тѣмъ не менѣе вынужденъ покорнѣйше просить в. п—во позволить мнѣ сохранить убѣжденіе, что мѣрами кроткаго вліянія и водвореніемъ довѣрія къ главному мѣст-

ному начальству вообще будетъ оказано православнымъ крестьянамъ болѣе прямой пользы, чѣмъ множествомъ полуинквизиціонныхъ жалобъ (?) и слѣдствій».

«Наконецъ, мнѣ остается упомянуть о недоумѣніяхъ, которыя, по словамъ в. п—ва «*не престаютъ возбуждать во мнѣ, пользуясь новостію положенія моего въ краѣ*». Покорнѣйше прошу васъ, милостивый архипастырь, позволить мнѣ объясниться по сему предмету съ тою добросовѣстною откровенностію, съ которою я безвозвратно сроднился (?) на поприщѣ прежней моей службы».

«В. п—во изволите предполагать, что нѣкоторыя лица, вами ближе не указанныя (?!), озабочены вокругъ меня искаженіемъ истины и дозволяютъ себѣ неблагонамѣренные происки, ускользающіе отъ глазъ моихъ. Къ сожалѣнію я не могу отрицать этихъ происковъ; но смѣю увѣрить в. п—во, что тѣ лица, которыя съ самаго пріѣзда моего въ здѣшній край упорнымъ искаженіемъ истины противодѣйствуютъ добросовѣстнымъ стараніямъ моимъ, которыя усиливаются вселять недовѣріе ко мнѣ въ единовѣрныхъ и единокровныхъ моихъ соотечественникахъ, которыя, наконецъ, избрали, для сообщенія мнѣ мыслей своихъ, унизительный способъ лжеименныхъ писемъ, что всѣ эти лица, говорю я, не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыхъ я признаю благонадежными исполнителями воли правительства и которымъ я полагаю себя въ правѣ оказывать довѣріе (?). Я знаю, что нѣкоторые изъ моихъ недоброжелателей присвоиваютъ себѣ исключительно право собственности на горячность къ православной вѣрѣ и на любовь къ отечеству, признаютъ перо свое прямымъ внукомъ меча Петра Великаго и полагаютъ себя призванными пополнить, самопроизвольною дѣятельностію, недостаточныя по мнѣнію ихъ указанія высочайшей воли и недовершенные подвиги праотцовъ (?). Но я бы и не упомянулъ о нихъ, еслибы не было слѣдовъ ихъ вліянія въ дѣлахъ здѣшняго края, и еслибы здѣшній край не имъ, отчасти, былъ обязанъ водвореніемъ обычая систематически раздражать одно изъ мѣстныхъ племенъ противъ другаго, употреблять нареканія вмѣсто доказательствъ, вводить чувства личной непріязни въ кругъ оффиціальныхъ сношеній, и забывать, что въ Балтійскихъ губерніяхъ, наравнѣ съ прочими частями Имперіи, разнорѣчіе исполнителей должно безмолвствовать предъ велѣніями власти самодержавной».

«Приношу в. п—ву усерднѣйшую просьбу удостоить благосклоннаго обсужденія вышеизложенныя мысли мои и извинить откровенность, съ которою я изъяснился. Ласкаю себя надеждою, что вы изволите отдать справедливость моимъ намѣреніямъ и не изволите

сомнѣваться въ искреннемъ желаніи, съ моей стороны, всегда относиться къ в. п—ву какъ почтительный сынъ православной церкви къ одному изъ достойнѣйшихъ ея пастырей. Льщу себя надеждою, что вы не осудите меня торопливо, одностороннимъ судомъ и не откажете въ содѣйствіи къ отклоненію между нами прискорбныхъ для меня недоразумѣній. Если же какія-либо распоряженія мои не удостоятся одобренія вашего, милостивый архипастырь, то позвольте мнѣ надѣяться, что в. п—ву угодно будетъ снисходительно принять въ соображеніе, что я главный начальникъ ввѣреннаго мнѣ края; что на мнѣ лежитъ отвѣтственность въ управленіи онымъ; что я имѣю долгомъ наблюдать за ненарушимостію дѣйствующихъ узаконеній и озабочиваться не только пользою того или другаго класса жителей, но и пользою общей, и наконецъ, что я обязанъ руководствоваться, при исполненіи высочайшей воли, своимъ взглядомъ и своими убѣжденіями, до тѣхъ поръ, пока Государю Императору благоугодно будетъ сложить съ меня должностныя обязанности, имъ на меня возложенныя».

«Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и истинной преданности имѣю честь быть и пр».

Мы просимъ извиненія у читателей, что утомили ихъ, приведя вполнѣ это письмо. Къ тѣмъ безпристрастнымъ показаніямъ, какія дали даже нѣкоторые Нѣмцы, къ тѣмъ фактамъ, которые установлены путемъ юридическихъ дознаній и историческихъ актовъ, письмо князя Суворова служитъ цѣнною иллюстраціей. Письмо это даетъ намъ понятіе о безпомощности и одиночествѣ Филарета. Оно возвышаетъ въ глазахъ потомства заслуги для церкви и отечества этого борца, «сражавшагося, сколько имѣлъ способовъ и силъ, не ложась на отдыхъ, не уклоняясь отъ битвъ изъ страха», какъ выразился самъ онъ въ письмѣ къ графу Толстому. Передъ глазами графа Толстаго протекла Рижская дѣятельность Филарета. Мы упомянули о томъ, какъ высоко цѣнилъ ее графъ Толстой, а потому въ этихъ словахъ всегда скромнаго Филарета звучитъ несомнѣнно истина.

Князь Суворовъ не хотѣлъ сообразить, что край Лифляндскій находился въ исключительномъ положеніи. Младенческій по гражданственности, младенческій по вѣрѣ народъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, весьма естественно идетъ за совѣтомъ и защитою къ тому, кто ближе ему, болѣе по душѣ, къ своему духовнику, своему пастырю. Если послѣдній видитъ слезы и страданія народа, претерпѣваемыя лишь за то, что онъ принялъ отъ него истинное ученіе вѣры, что онъ чрезъ его посредство вступилъ въ составъ великой семьи Русской, не естественно ли ему принять посредничество между народомъ и един-

ственною властію въ краю, которой должны быть близки эти интересы? Въ краю, какъ видѣли мы, между народомъ и этою властію не было инаго надежнаго пути, не было другаго способа, чтобъ стоны народа дошли до ея слуха въ ихъ дѣйствительной формѣ. Это такъ просто, такъ естественно, такъ исторически вѣрно. Только закрывъ глаза передъ исторіею собственнаго отечества, можно отрицать естественность такого порядка. Не прежде ли всего слѣдовало заботиться, чтобы новая вѣра окрѣпла въ народѣ, чтобъ значеніе церкви стояло высоко въ его глазахъ? Не духовная ли власть подготовляла и укрѣпляла духовную и политическую связь этого народа со всею обширною Имперіей и упрочивала обаяніе Русской правительственной власти въ глазахъ этого народа? Не наоборотъ ли, не на перекоръ ли опасеніямъ князя Суворова, подрывъ значенію церкви и духовной власти вносилъ недовѣріе къ власти правительственной—Русской? Но вѣдь это собственно и нужно было для Лифляндскихъ бароновъ. Въ намекѣ епископу на то, что вмѣшательство духовной власти производитъ смуту въ умахъ населенія и недовѣріе къ гражданскому начальству открывалось Филарету, откуда грозила ему опасность клеветы, которая и не замедлила себя обнаружить. Указывая на слѣдствія, произведенныя нѣкоторыми чиновниками, князь Суворовъ думаетъ удостовѣрить ихъ правильность Русскими именами слѣдователей. Да развѣ онъ самъ не носилъ Русскаго имени? Во сколько же разъ положеніе его выше, независимѣе, отвѣтственнѣе передъ Царемъ, отечествомъ и исторіей! Почему же не указалъ онъ на слѣдствія, произведенныя Самаринымъ, Ханыковымъ, Бюргеромъ (Нѣмцемъ)? Почему не указалъ онъ, что́ выяснено по слѣдствію, напримѣръ, этого Бюргера, какъ объясняютъ намъ записки Филарета? Помѣщикъ Вульфъ на мызахъ Штокмерзе и Кальномойзе объявилъ Латышамъ, что всякій изъ нихъ, принявшій православіе, будетъ прогнанъ съ земли. На мызѣ Кальномойзе *застченъ до смерти Латышъ*, и хотя сѣкшій его старшина старался выгородить помѣщика Транзе, но участіе послѣдняго выяснено обстоятельствами дѣла. Ордкунгсрихтеръ Коскуль оказался виновнымъ въ истязаніяхъ совершенно безвинныхъ маркитантовъ Юрія и Андреса за одно лишь объявленіе о желаніи присоединиться. Всѣ эти факты удостовѣрены слѣдствіемъ Бюргера. Не знаемъ, на какое слѣдствіе, произведенное Варадиновымъ, указывалъ князь Суворовъ, какъ доказательство несправедливости обвиненій бароновъ со стороны крестьянъ. Передъ нами свидѣтельство о слѣдствіяхъ, произведенныхъ Варадиновымъ и Липранди и подтвердившихъ притѣсненія баронами крестьянъ.

Это пространное іезуитское письмо можетъ быть переведено на Русскій обыкновенный языкъ очень коротко: «*Я водворю въ краѣ, во что бы то ни стало, прежній его строй*» (къ чему и была направлена дѣятельность этого безславнаго для Россіи времени въ Лифляндіи); «*прошу епископа въ это дѣло не мѣшаться подъ страхомъ Иринарховой участи, если не хуже*».

Такъ и понялъ Филаретъ. Онъ писалъ графу Толстому 26-го Октября 1848 г.: «Не знаю, какія послѣдствія имѣла бумага. Вы были столь добры, что обѣщали слѣдить за ходомъ дѣла. Вслѣдъ за одной послано нѣсколько другихъ. Что̀ будетъ послѣдствіемъ? Вопросъ этотъ тревожитъ меня. Нельзя ли по крайней мѣрѣ извѣстить? Моя такая доля, что меня бьютъ и меня же обвиняютъ. К. С—въ *) проповѣдуетъ всею крѣпостію о себѣ, что онъ ревностный сынъ православія. Странно, что люди до такой степени могутъ противорѣчить словами своими дѣламъ своимъ. Не понимаю такой совѣсти. Господь—Судія».

Итакъ, Филарету оставалось только затворить свою дверь, дотолѣ ни для кого незатворявшуюся, и въ молчаніи ожидать дальнѣйшей участи, о которой дѣятельно сталъ заботиться представитель Русской правительственной власти въ Лифляндіи.

Нельзя обойти молчаніемъ, что съ этой стороны старались дѣйствовать и на Головина. И его увѣряли, что вмѣшательство духовной власти здѣсь неумѣстно, подрывая значеніе и авторитетъ власти гражданской. Головинъ, какъ человѣкъ слабый, то поддавался этимъ внушеніямъ, то, видя, что для утѣсненнаго народа, дѣйствительно, нѣтъ къ нему инаго пути, отрекался отъ нихъ. Объ этомъ Филаретъ писалъ графу Протасову. Онъ указывалъ, что враги православія, послѣ разныхъ безуспѣшныхъ мѣръ вредить ему, обратились къ слѣдующей, самой вредной: «Генералъ-губернатору безпрестанно твердятъ, что принятіе жалобъ отъ крестьянъ епископомъ противно порядку; что крестьяне, если не получаютъ билетовъ и наказываются помѣщиками, должны обращаться съ жалобами къ гражданскому начальству». Объяснивъ о составляемыхъ у него запискахъ тоже, что̀ впослѣдствіи объяснилъ кн. Суворову, Филаретъ добавлялъ, что «доселѣ ни по одной жалобѣ епископъ не входилъ къ гражданскому начальству формальнымъ отношеніемъ, что ни по одной запискѣ его не приступлено къ формальному преслѣдованію, тогда какъ по ложнымъ доносамъ какого-нибудь фанатика Энгельгардта дѣлаются формальныя слѣдствія». Заявивъ, что ни одна жалоба крестьянъ орднунгсрих-

*) Князь Суворовъ.

теру или не доходитъ до генералъ-губернатора, или доходитъ въ искаженномъ видѣ, онъ замѣтилъ, что воспретить духовному начальству выслушивать эти жалобы, значитъ—узаконить гоненіе противъ православія. Онъ указалъ на странность: когда онъ не посылалъ записокъ и просителей къ генералъ-губернатору, изъявлялось неудовольствіе; когда посылалъ—не избѣгалъ его тоже. Онъ предупреждалъ графа Протасова, что терпѣнію человѣческому есть мѣра, и предоставлять судъ надъ новоприсоединенными тѣмъ же гонителямъ ихъ опасно для спокойствія.

Князь Суворовъ не допустилъ колебаній. Онъ, какъ видѣли мы, прямо отрѣшилъ Филарета отъ дѣла защиты его новой паствы противъ гонителей православія.

Филаретъ не напрашивался на такую работу; но кто могъ оставаться равнодушнымъ къ страданіямъ невинныхъ? Онъ и писалъ графу Протасову: «Епископъ вовсе не радъ тому, что ему приходится выслушивать горькія жалобы на гоненія противъ православія, и радъ бы былъ, еслибы не могъ слышать ихъ, какъ не можетъ радоваться и каждое частное лицо такому положенію дѣлъ». Не легко ему было, надо полагать, видѣть невысыхавшія слезы народа. Онъ писалъ митрополиту Филарету уже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, изъ Харькова: «Что касается до Лифляндскаго дѣла, то въ первые годы по пріѣздѣ въ Харьковъ *одно воспоминаніе о немъ приводило всѣ нервы мои въ сотрясеніе*; такъ разстроенъ былъ весь организмъ мой муками, какія испытывалъ я семь лѣтъ сряду. Теперь благодарю, благодарю и хвалю безпредѣльно милосердіе Божіе, спасшее меня отъ тысячи бѣдъ». Таково для него было служеніе его въ Ригѣ.

Православію приходилось принимать оскорбленія отъ лютеранъ и преимущественно ихъ пасторовъ. Послѣдніе съ церковной своей каѳедры произносили брань на православіе въ самой неприличной формѣ. Такъ Роденпойскій пасторъ Вальтеръ обратился съ каѳедры къ нѣкоему Бедрилю, изъявившему желаніе присоединиться: «Ты знаешь, что добрые люди не идутъ въ эту вѣру, а только дураки, негодяи и свиньи» и т. д., распространяясь преимущественно на счетъ свиней. «Развѣ это православная вѣра, въ которой даютъ изъ ложки причастіе, намѣшанное съ разными разностями?» Затѣмъ служитель алтаря, подойдя къ Бедрилю, сталъ царапать его по глазамъ и груди, изображая «какъ Русскіе мажутъ масломъ», и увѣряя, что онъ, перемѣнивъ вѣру, будетъ «Іудою, предавшимъ Христа». Иные твердили желающимъ присоединенія, что они предаютъ себя сатанѣ. Маріенбургскій пасторъ Гиргенсонъ ругалъ съ каѳедры православныхъ священниковъ обманщиками. Пасторъ кирки Тормы съ ка-

ѳедры проповѣдывалъ, что «Русская вѣра—есть вѣра бѣсовская, что у тѣхъ, кто приметъ ее, чортъ возметъ душу и сердце и съѣстъ какъ волкъ овцу. Іендорфскій пасторъ отказался похоронить на кладбищѣ малолѣтняго сына присоединившагося крестьянина. Въ д. Энголотъ, при погребеніи 60-ти-лѣтняго старика Онча Сильса Якобштадтскимъ священникомъ о. Мутовцовымъ, пасторъ не допустилъ гроба на лютеранское кладбище. Филаретъ, освѣдомившись черезъ священниковъ о подобныхъ случаяхъ, представилъ о необходимости общей мѣры, вслѣдствіе чего и состоялось высочайшее повелѣніе: впредъ до устройства кладбищъ для православныхъ погребать послѣднихъ на лютеранскихъ кладбищахъ. Но и высочайшая воля встрѣтила дерзкій отпоръ. Такъ присоединившемуся крестьянину Томсу Оазольсу, мызы Лаупскамъ, отказали въ погребеніи его ребенка на лютеранскомъ кладбищѣ и намѣренно отсылали его отъ одной власти къ другой, а трупъ лежалъ въ клевѣ и подвергся сильнѣйшему разложенію. Узнавъ о томъ, Филаретъ предписалъ священнику предать тѣло землѣ на лютеранскомъ кладбищѣ. Въ подобныхъ случаяхъ обращался Филаретъ къ генералъ-губернатору, который по два раза посылалъ предписанія; но, по свидѣтельству графа Толстаго, они оставлялись безъ исполненія. Вотъ образчикъ того, какъ доходили распоряженія генералъ-губернатора. Дробышской (мызы Карльсру) пасторъ жаловался ему, что Латыши его прихода хотятъ перейти въ православіе и что у нихъ кроются намѣренія опасныя для общаго спокойствія. Головинъ объяснилъ, что онъ ихъ видѣлъ въ Венденѣ, говорилъ съ ними и былъ доволенъ спокойнымъ изложеніемъ ими своего дѣла, при чемъ спросилъ пастора, получилъ ли онъ предписаніе его отъ 20-го Іюня, въ коемъ сказано, чтобы пасторы отнюдь ни словомъ, ни дѣломъ, не мѣшали дѣлу православія? Пасторъ отвѣчалъ, что не получилъ. Предписаніе было послано черезъ орднунгсрихтера, который тоже подтвердилъ о неполученіи. Вотъ какая была почта для дѣлъ о православіи.

Полковникъ гвардіи, помѣщикъ Миллеръ, вбѣжавъ въ церковь, произвелъ безчиніе и ударилъ въ грудь священника. Священникъ велѣлъ его связать. Это дѣло было передано не въ пользу священника; напротивъ, старались дать видъ возмущенія крестьянъ противъ помѣщика. Филаретъ сейчасъ же сообщилъ запискою генералъ-губернатору, очень ловко составленною. Онъ сначала говоритъ, что «если священникъ приказывалъ связать полковника, это дурно, такъ какъ укрощать буяна дѣло полиціи; но если буйство угрожало смертію, то необходимо защищать жизнь. Если не знали, что это помѣщикъ и полковникъ, то и дѣйствія противъ него нельзя разсматривать, какъ направленныя противъ помѣщика. Миллеръ ударилъ священника въ грудь,

когда тотъ имѣлъ при себѣ святые дары. Это обстоятельство чрезвычайно важно».

При всемъ однако противодѣйствіи, Филаретъ настоялъ, чтобы пастора Трея предали суду за оскорбленіе православія.

Въ Лифляндіи было немало раскольниковъ. Филаретъ не отнесся равнодушно къ этому явленію. Съ одной стороны у него болѣло сердце, глядя на отщепенцовъ св. церкви, съ другой въ немъ говорило опасеніе за пропаганду ихъ среди новыхъ чадъ ея. Онъ возлагалъ большія надежды на академиковъ-священниковъ въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ, о чемъ писалъ и Горскому, между прочимъ, рисуя такъ расколъ: «Къ несчастію, раскольники здѣшніе очень злы; это что-то въ родѣ уродовъ». Описавъ яркими красками ихъ ужасное нравственное состояніе, онъ добавляетъ: «Вы скажете, чего же смотрятъ полиція и гражданское начальство? Они смотрятъ на то, какъ получить тысячу рублей отъ одного и другую отъ другаго раскольника, а болѣе ничего имъ не нужно».

Въ заботахъ дѣйствовать противъ раскола Филаретъ просилъ Горскаго прислать разсужденія Покровскаго и Ундольскаго о крестномъ знаменіи. «Здѣсь они съ пользою могутъ быть прочтены для раскольниковъ, которыхъ здѣсь болѣе 10 тыс.», писалъ онъ. Далѣе онъ проситъ прислать и схимника Іоанна «Дополненіе о древности перстосложенія». «Весьма нужно, писалъ онъ, имѣть подлинныя слова Германа патріарха о крестномъ перстосложеніи и то объясненіе, какое дано имъ, если не ошибаюсь, у Фабрица. Разумѣю, что число 6,500 выражается въ благословеніи рукою, какъ говоритъ Германъ. У Котельера (Patr. Apost. t. 1, p. 44) сказано, что Николай Смирнскій и Бода говорятъ что-то въ подтвержденіе объясненію. Но помнится, кромѣ Котельера, въ какой-то особенной книгѣ de Graeca Ecclesia приведены и объяснены слова Германа. Большую также имѣю нужду въ *Обличеніи Ѳеофилакта* неправдѣ раскольничьей. М. 1745 г.». «Попросилъ бы что-нибудь изъ рукописнаго для раскола, напр. хотя бы Никодимовы замѣчанія», писалъ онъ, напоминая Горскому, какъ они однажды въ его комнатѣ начинали читать отвѣтъ Неофита Поморцамъ, который нашли умнымъ; онъ желалъ имѣть ихъ хотя на короткое время и съ первою почтою. Такъ спѣшилъ онъ этимъ дѣломъ. Прося Горскаго сдѣлать выписки всего, что̀ найдется по этому предмету, онъ пишетъ далѣе: «Вы понимаете, что статьи, составляющія догматъ нашихъ раскольниковъ, всего важнѣе для меня. Между тѣмъ не совсѣмъ убѣждаюсь, чтобы въ первомъ періодѣ нашемъ не было смѣшенія мыслей о перстосложеніи, разности обычаевъ. Не доискиваюсь основаній для несомнѣнной увѣренности въ чемъ-либо постоянномъ. Страннымъ для

меня кажется, какъ разразилась эта буря при Никонѣ. Столько разности въ обычаяхъ, и онѣ появились такъ скоро! Ужели никакихъ мыслей, ни одного слова, ни одного намека, ни одного памятника не было о всемъ томъ до Стоглаваго собора? И какъ Стоглавый соборъ не вошелъ въ разсмотрѣніе разностей и ихъ начала? Г. Востоковъ нынѣ прислалъ мнѣ дополненія къ отвѣтамъ на вопросы Нифонта. Но и въ дополненіяхъ, и въ томъ, что̀ прежде извѣстно было, и вообще въ извѣстныхъ письменныхъ памятникахъ, ни намека не вижу на предметы споровъ нынѣшнихъ. Странно!» Эти догадки Филарета еще болѣе получили положительности, когда прочелъ онъ замѣчанія Маркевича (въ «Исторіи Малороссіи»), гдѣ говорится, что Малороссія дважды отказывалась отъ соединенія съ Россіею, потому что въ Россіи очень много толковъ и расколовъ, а это было до Никона и въ началѣ его патріаршества. «Ваши замѣчанія о древнихъ иконахъ мозаическихъ очень полезны для меня. Желалъ бы видѣть еще что-нибудь подобное о древнихъ обычаяхъ».

Мы привели это разсужденіе Филарета, чтобы показать, какъ занимала его мысль ослабить расколъ и съ какою осмотрительностію разбирался онъ въ предметахъ спора, чтобъ явиться обличителемъ раскола во всеоружіи исторической правды. Плодомъ такихъ изслѣдованій была статья его: *Свидѣтельство временъ апостольскихъ о томъ, какъ должно писать имя Іисусъ и изображать крестъ.* Митрополитъ замѣтилъ ему, что онъ будто бы даетъ оружіе въ руки раскольникамъ. Вѣроятно по поводу этого замѣчанія Филаретъ писалъ Горскому: «Мнѣ грѣшному кажется, что полезное для всѣхъ можетъ быть полезно и раскольнику, а мнимо-полезное раскольнику не годится никому».

Въ вопросѣ о расколѣ Филаретъ шелъ или готовъ былъ идти на уступки; но мы не можемъ вывести изъ такой готовности, что онъ легко смотрѣлъ на нерушимость церковныхъ уставовъ. Нѣтъ. Въ годы его молодости, въ началѣ его ученой и профессорской дѣятельности, онъ иногда увлекался богословіемъ западнымъ; но митрополитъ Филаретъ сдержалъ во время это увлеченіе. И Филаретъ съ годами все болѣе и болѣе крѣпъ въ правилахъ церковнаго устроительства. Но эта уступка была выраженіемъ христіанской любви и желанія церковнаго мира и единенія. Онъ былъ увѣренъ, что нужно только сдѣлать этотъ шагъ, и всеобъемлющая благодатная сила Главы Церкви уничтожитъ всякую рознь.

Передъ нами собственноручная записка Филарета по этому вопросу, озаглавленная имъ: «Какъ облегчить соединеніе раскольниковъ съ православною церковью?» Объяснивъ, что препятствіемъ къ соединенію поставляется проклятіе, положенное соборомъ патріарховъ

1667 г., онъ указываетъ на желаніе раскольниковъ-поповцовъ быть принятыми въ единеніе съ нашею церковью, съ ихъ попами и епископами, посвященными Греческимъ митрополитомъ. Онъ полагалъ, что Св. Синоду слѣдовало бы просить Константинопольскаго патріарха рѣшить на соборѣ: а) анаѳема собора 1667 служитъ ли препятствіемъ для совѣстей тому, чтобы удерживающіе старые обряды и книги свободно соединялись съ православною церковью и ея іерархіею, съ удержаніемъ обычныхъ для нихъ обрядовъ? б) Могутъ ли священники и епископы, принявшіе рукоположеніе отъ Греческаго митрополита, приняты быть въ общеніе съ православною церковью? Чтобы облегчить разрѣшеніе этихъ вопросовъ, онъ почиталъ необходимымъ доставить собору свѣдѣнія какъ о желаемомъ нѣкоторыми раскольниками единовѣріи, такъ и о томъ, что̀ извѣстно Св. Синоду о порядкѣ совершенія рукоположенія Греческимъ митрополитомъ.

Мы не знаемъ, данъ ли ходъ этой мысли Филарета; но что она была подсказана ему чувствомъ христіанской любви, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. И вотъ, пожалуй, одинъ частный случай, подтверждающій такое предположеніе. Разъ въ Черниговѣ къ нему явились трое купцовъ, изъ коихъ двое были старообрядцы, а одинъ единовѣрецъ. Старообрядцы поклонились ему, а единовѣрецъ подошелъ принять благословеніе. Филаретъ его благословилъ большимъ крестомъ. Проводивъ потомъ ихъ въ залъ, онъ раскланялся. А когда единовѣрецъ подошелъ къ нему, чтобы принять еще напутственное благословеніе, Филаретъ крѣпко его обнялъ и трижды поцѣловалъ. Единовѣрецъ, увидавъ такой порывъ христіанской любви, понялъ смыслъ этихъ объятій. Онъ понялъ, что въ его лицѣ привѣтствовалъ архипастырь своею любовію всѣхъ отказавшихся отъ заблужденій и вернувшихся въ лоно св. церкви. Единовѣрецъ прослезился.

Труды Филарета противъ раскола обратили вниманіе Св. Синода, который поручилъ ему, еще въ Ригѣ, составить «Исторію Русской церкви» для школы Екатеринбургскихъ раскольниковъ.

Но и въ этомъ дѣлѣ заботы Филарета разбивались о равнодушіе власти предержащей. Въ Іюлѣ 1847 года писалъ онъ графу Толстому: «Препровождаю къ в. с—ву двѣ бумаги о раскольникахъ. Хотѣлось бы видѣть возвращеніе блуждающихъ къ св. церкви. Не найдетъ ли любовь в. с—ва къ св. церкви способа отклонить *преграду* тѣмъ или другимъ путемъ?» Мы знаемъ однако, что немало раскольниковъ возвратилось при Филаретѣ въ лоно св. церкви. Хотя это и объясняется вразумительнымъ вліяніемъ на нихъ общаго движенія Латышей, но тутъ проявилась и личная дѣятельность Филарета.

По своей ревности къ церкви и пылкости, въ чемъ упрекалъ онъ себя самъ, Филаретъ иногда рѣзко выражался въ своихъ бумагахъ и дѣловой перепискѣ и часто присылалъ ихъ предварительно къ графу Толстому. Тотъ нерѣдко смягчалъ тонъ бумаги, за что Филаретъ всегда благодарилъ его. Послѣднее обстоятельство служитъ доказательствомъ тому, что рѣзкость не была слѣдствіемъ неуживчивости и раздражительности. Эта рѣзкость становилась ему въ укоръ и Московскимъ святителемъ. «Нѣкто бывшій въ вашемъ краю», писалъ митрополитъ, «сказалъ мнѣ также, что преосвященный Платонъ въ Вильнѣ обходительностію своею со всѣми болѣе успѣваетъ, нежели вы у себя. Конечно, это успѣхъ поверхностный», замѣчаетъ митрополитъ, «но не всегда надобно пренебрегать онымъ. Служить Богу можемъ, убѣгая людей; служить управленію людьми нельзя иначе, какъ общеніемъ. Только надобно, чтобы оно не противорѣчило характеру служенія». Вотъ въ какомъ видѣ толковалось служеніе Филарета, что даже такой дальновидный мужъ, какъ митрополитъ Московскій, не имѣлъ яснаго представленія объ особенностяхъ, коими было обставлено это служеніе. Гдѣ же у Филарета было время для общенія съ людьми и съ кѣмъ? Для его паствы не затворялись двери его келіи, а внѣ ея съ кѣмъ ему имѣть было это общеніе, и для кого оно было нужно? Здѣсь требовалось человѣкоугодничество, а не общеніе; а на такую сдѣлку съ совѣстію Филаретъ не могъ идти. Объясненіе его рѣзкости мы найдемъ только въ пастырской ревности его къ св. церкви. Тою же ревностью вызванъ рѣзкій поступокъ Мирликійскаго святителя съ Аріемъ. Она же заставила и Самого Пастыреначальника-Христа свить вервіе и изгнать имъ торжниковъ изъ Божьяго храма. И позднѣе, бывъ въ Харьковѣ, Филаретъ на повторенный оберъ-прокуроромъ, всесильнымъ графомъ Протасовымъ, запросъ, возмущавшій его монашескую совѣсть и прирожденную скромность, отвѣчалъ: «*по совѣсти говорю, что отвѣчать не буду*». Такъ и удовольствовался этимъ отвѣтомъ оберъ-прокуроръ. Разъ въ Черниговѣ, передъ открытіемъ комитета по дѣламъ земства, губернаторъ кн. Г. сдѣлалъ распоряженіе по духовному вѣдомству помимо епархіальнаго архіерея. Филаретъ написалъ ему между прочимъ «...но поелику положено мною за правило дѣйствовать въ согласіи съ гражданскимъ начальствомъ, то только по этой причинѣ, согласно съ желаніемъ вашимъ, указано консисторіи измѣнить 5-ю и 6-ю статью распоряженія ея. Изумляюсь при томъ, что у в. с—ва, обязаннаго такимъ множествомъ дѣлъ, не дозволившимъ вамъ и извѣстить епархіальнаго начальника объ открытіи дѣла о земствѣ въ губерніи, достаетъ времени и охоты заниматься дѣлами, подлежащими вѣдѣнію особаго начальства. При такой ревности вашей къ дѣламъ, остаюсь

увѣреннымъ, что в. с—во оградите духовенство отъ непріятностей по дѣлу о земствѣ, въ родѣ слѣдующей» и т. д. Кн. Г. поступилъ какъ истый бояринъ: прочитавъ эту бумагу комитету и сознавшись въ ошибкѣ (чисто впрочемъ механической, канцелярской), онъ объявилъ, что въ переписку по этому поводу входить не будетъ и за симъ остался съ Филаретомъ въ добрыхъ отношеніяхъ. Но на другой день одинъ изъ членовъ комитета, человѣкъ, близкій къ Филарету, указалъ ему на рѣзкость его бумаги. «Да я потомъ и самъ объ этомъ подумалъ и пожалѣлъ. Но скажите только мнѣ: правду я сказалъ или нѣтъ?» —«Да, совершенная правда».—«Ну, а если правда, то я и спокоенъ». И эта «правда» была всегда у него на первомъ планѣ, какъ въ дѣлахъ церковнаго управленія, такъ и въ историческихъ изслѣдованіяхъ, которымъ отдавалъ онъ свои досуги. Среди книгъ онъ забывался иногда, и ученыя занятія его были часами отдыха и душевнаго покоя, за исключеніемъ тѣхъ минутъ, когда, по его выраженію, «не зналъ, куда и душу дѣвать». Сообщая реэстръ пріобрѣтенныхъ имъ книгъ Горскому, онъ замѣчаетъ: «Вотъ вамъ мои собесѣдники. Въ уединеніи моемъ я имѣю разговоры только съ отсутствующими, т.-е., кромѣ тебя, съ отшедшими въ ту далекую страну, въ которую и намъ идти надобно. Читаю и перечитываю труды отцовъ нашихъ, открытые почтеннымъ и опытнымъ Востоковымъ».

Но сочиненіе его «Историческое ученіе объ отцахъ церкви» не выходило изъ «цензурныхъ тисковъ», какъ выражался Филаретъ. Оберъ-прокуроръ, которому представленъ былъ этотъ трудъ, извѣстилъ Филарета по его запросу, что рукопись передана имъ Св. Синоду. Каково же было удивленіе Филарета, когда присутствовавшій въ Синодѣ архіепископъ Курскій Иліодоръ увѣдомилъ его, что ея въ Синодѣ нѣтъ. Такъ тянулся годъ за годомъ, и семнадцать лѣтъ прошло прежде, чѣмъ это сочиненіе явилось въ печати. Между тѣмъ матеріальныя средства Филарета были очень слабы, а желаніе помогать окружающей нищетѣ слишкомъ сильное. Это-то желаніе и продиктовало Филарету въ его запискѣ митрополиту Кіевскому (о чемъ будетъ говориться ниже) замѣчаніе, что «архипастыри должны быть выведены изъ нынѣшней ихъ скудости, которая оставляетъ ихъ безъ средствъ быть раздаятелями милости для бѣдныхъ». Только иногда за мелкія статьи свои изъ Академіи получалъ онъ незначительный гонораръ, которымъ не пренебрегалъ, какъ единственнымъ добавленіемъ къ скудному жалованью. Впослѣдствіи случалось ему получать солидныя суммы за свои сочиненія, но никогда не имѣлъ онъ денегъ и не оставилъ ихъ. Никто изъ обращавшихся къ нему въ нуждѣ не отхо-

дилъ отъ него безъ помощи. При скудныхъ средствахъ въ академіи, онъ, кромѣ матери и родныхъ, помогалъ и другимъ. Такъ напримѣръ, изъ переписки его съ Горскимъ видно, что онъ по пяти руб. въ мѣсяцъ выдавалъ какой-то бѣдной старушкѣ, поручая Горскому аккуратно продолжать эту выдачу по своемъ отъѣздѣ. Во время объѣзда имъ Харьковской епархіи, онъ пріѣхалъ въ г. Лебединъ послѣ пожара, унесшаго все состояніе, какъ говорится, до послѣдней нитки, у одного священника (нынѣ протоіерея) о. Іоанна Чижевскаго. Филаретъ утѣшилъ пострадавшаго, надѣлилъ его, сколько могъ, деньгами и даже собственнымъ платьемъ и обѣщалъ перевести на хорошій приходъ, гдѣ бы легче ему было оправиться отъ своихъ потерь. Онъ впослѣдствіи перевелъ его въ г. Харьковъ, гдѣ облагодѣтельствованный и понынѣ благословляетъ память своего благодѣтеля. Разъ, когда Филаретъ былъ архіепископомъ Черниговскимъ, пришелъ къ нему священникъ, прося помощи: онъ погорѣлъ. «Что же я тебѣ дамъ?» какъ бы въ недоумѣніи спрашиваетъ Филаретъ. «Денегъ у меня ей-ей теперь нѣтъ».—«Владыка», говоритъ тотъ», я въ чужой даже рясѣ».—«Ну, вотъ пойди, возьми въ шкафу мою рясу», какъ бы обрадовавшись мысли, говоритъ Филаретъ. Священникъ, взявъ рясу, кланяется своему архипастырю и жалуется, что на немъ и подрясникъ-то чужой. «Ну, возьми и подрясникъ». Послѣ пожара въ с. Плоскомъ Черниговской епархіи, разсказываетъ протоіерей о. Трифонъ Стефановскій, «я совершенно все потерялъ: въ чемъ были, въ томъ и остались. Сгорѣла и церковь. Прихожу къ владыкѣ совершенно разстроенный. Владыка вынесъ мнѣ 25 руб. и замѣтилъ: «Ну, что ты такъ горюешь? Развѣ ты первый потерпѣлъ? Богъ, любя, посылаетъ испытанія. Надѣйся на Его святую помощь. Да еще такъ хорошо будешь жить, какъ и не жилъ.» «Эти слова были сказаны столь убѣдительно, что я принялъ ихъ какъ пророчество и вышелъ съ облегченнымъ духомъ». Филаретъ сейчасъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы благочинные, каждый въ средѣ духовенства своего благочинія, объявили подписку на помощь пострадавшему собрату; а чтобы это предложеніе не осталось простою канцелярскою бумагою, онъ предписалъ благочиннымъ доносить ему объ успѣхѣ сбора. «И посыпались», говоритъ о. Трифонъ, «ко мнѣ пожертвованія; а тутъ еще представился случай купить очень дешево усадьбу, и я устроился и зажилъ лучше прежняго. По благословенію же владыки, напечатавъ воззваніе, я получилъ пожертвованій на храмъ 35 тысячъ руб., кромѣ утвари и вещей, и выстроилъ прекрасную каменную церковь». Такъ отзывчивъ былъ Филаретъ къ чужой бѣдѣ. Конечно такіе случаи не единичные. О большинствѣ ихъ только свидѣтельствуется передъ Бо-

гомъ въ сердечной молитвѣ.... Казначей Черниговскаго Елецкаго монастыря, гдѣ зимою имѣлъ пребываніе Филаретъ, встрѣтился разъ на почтѣ съ однимъ помѣщикомъ. «Что̀ вы здѣсь дѣлаете, батюшка?, спрашиваетъ его послѣдній. «Да получаю 6 тыс. руб. отъ книгопродавца за владыкины сочиненія».—«Ну, теперь владыка будетъ при деньгахъ», замѣтилъ помѣщикъ. «Э, нѣтъ»! сказалъ казначей, «владыкѣ я ничего не привезу: онъ далъ мнѣ реэстръ, кому раздать и разослать». Разъ спрашиваетъ онъ своего келейника, сколько у него рубахъ? «38», отвѣчаетъ келейникъ. «Что̀ ты это? Что-жъ ты, замужъ кого собираешься выдавать что ли? Раздай, раздай!» И, оставивъ себѣ 8 рубахъ, онъ велѣлъ остальныя раздать въ монастырѣ.

Деньги для него не имѣли цѣны. Онъ какъ будто бы боялся ихъ. Справедливо замѣчено, что, не смотря на значительныя средства, которыми онъ могъ располагать во время пребыванія своего на Харьковской и Черниговской каѳедрахъ, онъ постоянно долженъ былъ сокращать свои расходы, потому что получаемыя имъ средства шли большею частію на дѣла благотворительности. А сколько онъ долженъ былъ получать за свои сочиненія, когда Макарій, по назначеніи его въ Вильну, пожертвовалъ 200 тысячъ рубл. на преміи за сочиненія? Вотъ какъ велъ Филаретъ свои денежные счеты: далъ онъ 2.500 р. на обороты свѣчнаго завода, имъ же устроеннаго при Троицкомъ монастырѣ; изъ нихъ 1.500 р. ему возвратили по 100 и по 150 р. «Охъ, ужъ надоѣли мнѣ ваши счеты; пусть ужъ лучше останется у васъ». Такъ точно онъ употребилъ шесть тысячъ руб. на типографію при Елецкомъ монастырѣ. Двѣ тысячи рублей ему возвратили изъ выручки. «Да Богъ съ вами», сказалъ онъ казначею, «уже надоѣли вы мнѣ разсчетами; молитесь лучше за меня, какъ помру, и за родителей моихъ».

Мы видѣли, какъ мало свѣтлаго выпало на долю Филарета въ тяжкіе дни его Рижской жизни. Борьба ему была уже не по силамъ: поддержки ни откуда, и сердце его истерзалось, глядя на страданія паствы. «Моя душа уныла. Видно, время пришло знать только себя и свои грѣхи и оставить пустую заботу быть полезнымъ другому. Куда! Чего Богъ не далъ, зачѣмъ восхищать себѣ мечту?» Такъ выражалъ свою скорбь покинутый людьми, среди враговъ, одинокій труженикъ. Одиночество Филарета было замѣтно всякому. Графъ Клейнмихель, навѣстивъ его и присмотрѣвшись къ его положенію, сказалъ ему: «вы здѣсь настоящій монахъ, одни, безъ людей».

*

А между тѣмъ дѣло православія остановилось. Филаретъ неоднократно писалъ Протасову, прося вызвать его въ Петербургъ по

дѣламъ церкви; но на это не послѣдовало разрѣшенія. Графъ Протасовъ просьбу Филарета и не докладывалъ Синоду, какъ и многое, сообщаемое Филаретомъ. Объ этомъ уже изъ Харькова писалъ Филаретъ своему Московскому покровителю. «И что же вышло изъ того? Послѣ путаницы св. дѣло остановилось, а на моемъ имени оставили разныя обвиненія, ни чуть несправедливыя. Покойный преосвященный Гедеонъ Полтавскій, предъ самою кончиною своею, проѣзжая чрезъ Харьковъ въ Полтаву, выслушавъ мои разсказы о ходѣ Лифляндскаго дѣла, сказалъ со вздохомъ: «мы этого не знали, намъ говорили совсѣмъ другое; жаль!»—Да жаль, и очень жаль, тѣмъ болѣе, что и не могли поправить», замѣтилъ Филаретъ. «Послѣ вызывали и не разъ Платона; но послужило ли это собственно дѣлу св. православія?»

Истомленный борьбою и недоброжелательствомъ, Филаретъ думалъ о покоѣ или переводѣ, предлагая на свое мѣсто ректора Евсевія. «Правда», замѣтилъ онъ, «сюда необходимъ человѣкъ особеннаго рода. Тутъ надо имѣть много и много терпѣнія. Необходима воля такая гибкая, какъ сталь, и также нехрупкая, какъ сталь».

Въ то время, какъ графъ Протасовъ скрывалъ отъ Св. Синода суть дѣла и только по извѣстнымъ разсчетамъ и побужденіямъ докладывалъ въ томъ или другомъ видѣ Государю, на Филарета не переставали сыпаться клеветы и доносы. Князь Суворовъ превзошелъ въ этомъ случаѣ Палена. Онъ коснулся келейной жизни святителя, не останавливаясь передъ самою гнуснѣйшею клеветою.

Но отвернемся отъ этого ужаснаго и отвратительнаго дѣйствія людской злобы и закончимъ повѣствованіе о Рижскомъ служеніи Филарета свидѣтельствомъ лица, предъ глазами котораго протекла его дѣятельность въ Ригѣ, Латыша, отецъ котораго пострадалъ за вѣру. Мы не можемъ не отнестить съ довѣріемъ къ іерейской совѣсти свидѣтеля, тѣмъ болѣе, что здѣсь не лесть передъ живымъ человѣкомъ, а дань сердца отошедшему въ вѣчность. «Господи! Сколько потрудился въ Лифляндіи этотъ святитель! Одинъ, только съ своимъ письмоводителемъ, не зналъ онъ покоя ни днемъ, ни ночью, не зналъ времени обѣда и чая. Просфора—вотъ его ежедневный и завтракъ, и обѣдъ, и ужинъ. Просфорою да чаемъ онъ только и питался. Какъ сейчасъ его вижу: кожаный диванъ, простой столъ, огромная кипа писаной и бѣлой бумаги, письменный приборъ и на концѣ стола стаканъ чаю. Тутъ онъ описывалъ страданія новыхъ чадъ православной церкви своею истомленною, исхудалою рукою. Это былъ Давидъ, исторгавшій изъ пасти хищнаго звѣря агнцевъ отца своего. Это былъ Даніилъ во рвѣ львиномъ».

Но заслуги Филарета были слишкомъ велики, чтобы съ нимъ можно было поступить, какъ съ Иринархомъ. Съ другой стороны, Государь Николай Павловичъ, въ виду ошибочнаго осужденія Иринарха, не ограничился бы конечно на сей разъ однимъ докладомъ. Вотъ почему рѣшено было перевести Филарета съ почетомъ на высшую, архіепископскую каѳедру въ Харьковъ. «Вѣрю радости, съ какою приняли вы и другіе сущіе съ вами», писалъ Филаретъ Горскому, «вѣсть о назначеніи меня въ Харьковъ. Благодареніе Господу, вѣсть отрадная справедлива. Совсѣмъ готовъ я въ путь. Черезъ день или два выѣду изъ Риги. На мое мѣсто поступаетъ Ковенскій Платонъ, тотъ самый, чтó былъ недолго ректоромъ Костромскимъ и котораго мнѣ грѣшному пришлось въ 1843 году посвящать съ высокопр. Іосифомъ въ епископа Ковенскаго. Больно ему переѣзжать изъ Ковны въ Ригу, а еще тяжелѣе будетъ управляться съ здѣшними дѣлами. Имѣть дѣло съ Нѣмцами тоже, чтó носить камни на гору. Да управитъ Господь Богъ дѣлами церкви Своей по Своей благой волѣ».

Хотя переводъ этотъ былъ лестенъ для Филарета; но во всякомъ случаѣ, по его послѣдствіямъ для православія, на него нельзя иначе смотрѣть, какъ на торжество Нѣмецкой партіи.

Его оплакивала юная паства, дѣти, горсть Русскихъ людей Риги, которымъ близокъ былъ Филаретъ по его горячей преданности Русскому дѣлу. «Русскіе Рижане со многими знаками любви прощались со мною. Господь да воздастъ имъ за ихъ любовь ко мнѣ!» писалъ Филаретъ своему другу.

Печальная странность. Мы какъ будтобы все ощупью идемъ въ нашемъ политическомъ шествіи. Ни вразумительныя уроки исторіи, ни патріотическія попытки нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей, ни даже примѣры сосѣдей не открывали намъ глазъ на нашу собственную задачу, не создали у насъ опредѣленной политической системы. Въ то время, когда сосѣдъ-Нѣмецъ обращаетъ въ Нѣмцевъ иноплеменныхъ подданныхъ своей короны противъ ихъ воли, мы отказываемъ такимъ въ добровольномъ ихъ желаніи быть Русскими, забывая, что чѣмъ болѣе притупляется и исчезаетъ племенная рознь въ государствѣ, тѣмъ прочнѣе его положеніе, обезпеченнѣе его будущность. Разомъ могли мы обрусить пограничный край; но мы этого не сдѣлали. Мы дали возможность истолковать наше равнодушіе нравственнымъ и политическимъ нашимъ безсиліемъ. На смѣну Нѣмецкой притязательности мы допустили всплывать идею о какой-то «Латвіи» съ ея самостоятельнымъ соціальнымъ и политическимъ устройствомъ. Чтò же заставляло насъ отрекаться отъ своихъ собственныхъ выгодъ? Преклоненіе передъ Европой, отъ которой добивались мы получить

аттестатъ зрѣлости, и угодливость тому сосѣду, который, дѣлая одно у себя, не терпитъ этого въ домѣ своего сосѣда, какъ въ послѣднее время въ вопросѣ о выселеніи. И это не фразы: передъ нами свидѣтельства современниковъ. Въ своей недальновидности мы идемъ далѣе, дозволяя отрывать отъ народа и церкви ихъ части. Мы подъ видомъ обрусенія вводимъ въ киркахъ и костелахъ богослуженіе на Русскомъ языкѣ, не понимая того, что лютеранское, а тѣмъ болѣе католическое духовенство, фанатизируя свою паству, ничѣмъ не рискуетъ, къ тому же всякому изъ нея понятнѣе Русскій языкъ чѣмъ Латинскій; но для добродушныхъ Русачковъ это—ловушка. Филаретъ радовался успѣху православія въ Литвѣ, когда это дѣло было поставлено мудрою и опытною рукою блаженнаго митрополита Іосифа Симашки *). Зналъ онъ Поляковъ, зналъ и Русскихъ, и это знакомство побуждало его всѣми силами сопротивляться исполненію подобной мѣры. Онъ предвидѣлъ въ ней зло для православія, потерю для Русской народности. Какимъ былъ слугою православія и Русской народности преосвященный Іосифъ въ Литвѣ, такимъ былъ Филаретъ въ Лифляндіи.

Самая борьба безпомощнаго, одинокаго Филарета съ врагами православія даетъ понять, что обрусеніе края не входило въ планы и систему правительства, что на пробужденіе въ Латышахъ стремленія къ православію смотрѣли только съ одной церковной стороны и какъ на мимолетное явленіе. Дѣлая нѣкоторыя уступки церкви, заботились лишь о томъ, чтобы не было большаго безпокойства и шума. Вотъ почему такъ легко переводились изъ Риги архіереи, которые не думали о своемъ положеніи и заботились только о церкви.

Полагаемъ, что и доблестный Черногорскій герой впалъ въ ошибку, давъ ничтожной горсти своихъ католическихъ подданныхъ епископа и отправивъ для *католической науки* въ Римъ молодыхъ Черногорцевъ. Эти будущіе пропагандисты *папской вѣры* въ своей отчизнѣ внесутъ разъединеніе въ среду нынѣ почти цѣльнаго народа. Зорко и съ злорадствомъ смотритъ на это сосѣдъ. А быть можетъ, здѣсь выполненъ его собственный планъ? Жалко, что это можетъ навести въ глазахъ потомства темное пятно на доброе имя знаменитаго и симпатичнаго

---

*) Мы назвали митрополита Іосифа блаженнымъ по его подвигамъ для церкви и по особому явленію благодати, замѣченной въ нетлѣніи его тѣла. Погребали его на 11-й или 12-й день по кончинѣ и стояли возлѣ гроба какъ возлѣ живаго человѣка. Мы слышали, что одно лицо, присутствовавшее при погребеніи, предлагало совершавшему погребеніе архіеп. Макарію (впослѣдствіи митроп. Московскому) составить о томъ негласный актъ на память будущему, но послѣдній почему-то отказалъ въ этомъ.

настоящаго вождя славнаго народа Черной Горы. Не во всемъ мы заслуживаемъ подражанія.

Но мы идемъ дальше въ нашемъ самоотрѣченіи. Послѣ полутора вѣковой борьбы, напоивъ всю землю дорогою Русскою кровью, мы лучшую ея часть (Закавказье) въ награду за необычныя жертвы Русскаго народа отдали Нѣмцамъ! Мы не остановились и на этомъ. Мы разрѣшили протестантскимъ пасторамъ свободную проповѣдь въ средѣ нами покореннаго народа. Такимъ образомъ мы въ своей землѣ положили начало чуждому политическому тѣлу, которому, кромѣ присущей Нѣмцамъ настойчивости и изворотливости, дали всѣ средства для упроченія и распространенія, разрѣшивъ имъ съѣзды и собранія по церковнымъ дѣламъ. Это будущія, а быть можетъ, и настоящія политическія сборища. Такимъ образомъ, полтора вѣка проливая кровь для покоренія края, мы создаемъ въ будущемъ новую арену у себя дома для военныхъ упражненій. Найдутся ли однако тогда у насъ Иринархи и Филареты?... Мы слишкомъ отвлеклись отъ предмета; но да проститъ намъ читатель: всякій уколъ прямо въ сердце слишкомъ чувствителенъ, чтобы удержаться отъ вздоха. И очень недавно правительственныя лица, на другой окраинѣ, противодѣйствовали учителямъ-Черемисамъ и Чувашамъ въ ихъ желаніи принять православіе. Чѣмъ же объяснялось это противодѣйствіе? «За учителями пойдутъ и ученики, и довѣріе къ школѣ пропадетъ въ народѣ». Хорошъ отвѣтъ Русскаго дѣятеля, которому вручено народное образованіе въ округѣ. А между тѣмъ нѣтъ равнодушнѣе къ религіи народа, какъ Чуваши и Черемисы. Это всякому извѣстно, кто мало-мальски наблюдалъ ихъ.

Всѣ эти печальныя обстоятельства убѣдительно свидѣтельствуютъ, что у насъ не было выработано опредѣленнаго политическаго плана. Будь онъ разъ установленъ, ни одинъ изъ правителей не посмѣлъ бы идти противъ него, опасаясь стать въ отвѣтъ за государственную измѣну. И увѣренность Головина въ возможной перемѣнѣ правительственной системы въ Лифляндскомъ дѣлѣ служитъ доказательствомъ отсутствія этого плана, и отчасти самому ему оправданіемъ...

* * *

20 Декабря 1848 года, подождавъ до вечера, въ Харьковскомъ архіерейскомъ домѣ порѣшили, что если новый владыка и подъѣзжаетъ къ Харькову, то остановится на ночлегъ на послѣдней станціи, но ночью не пріѣдетъ. А съ какого тракта его ожидать, того никто

не зналъ. Между тѣмъ по дорогѣ изъ Кіева приближался къ Харькову неуклюжій зимній возокъ, и въ немъ сидѣлъ задумавшись новый Харьковскій епископъ. Ему всего было въ ту пору 43 года; но семилѣтнія страданія въ Ригѣ положили сильный отпечатокъ на его лицѣ. Тѣ, которые видѣли его ректоромъ, съ удивленіемъ замѣчали въ немъ перемѣну, несвойственную годамъ.

О чемъ же думалъ путникъ? Онъ спѣшилъ въ Харьковъ, хотя бы поздно ночью пріѣхать, но завтра служить. А на завтра, 21 Декабря, истекала величая седмица (семь лѣтъ) со дня его посвященія въ епископы, семь лѣтъ его архіерейскаго служенія, семь лѣтъ скорбей и страданій, которыя переносилъ онъ, по своему величайшему смиренію, съ полною благопокорностію.

Вотъ, скользнувъ полозьями по морозному снѣгу, возокъ остановился передъ крыльцомъ архіерейскаго дома. Келейникъ отворилъ дверцу. Владыка вышелъ изъ возка и осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ. Вокругъ темно. И немало пришлось простоять ему на морозѣ передъ дверьми своего новаго жилища, пока отыскали служителя, неизвѣстно куда скрывшагося съ ключемъ.

«Гдѣ о. экономъ? Вы о. экономъ? Завтра буду служить въ домовой церкви. Распорядитесь. Мнѣ ничего не надо, развѣ стаканчикъ чаю. Укажите спальную комнату: мнѣ надо приготовиться и отдохнуть».

Разобрался келейникъ съ вещами, накормили его ужиномъ, напоили его чаемъ. Уже успѣли допытаться у него жильцы архіерейскаго дома, что новый владыко имѣетъ привычку мало отдыхать, много трудиться и усердно служить. И жильцы архіерейскаго дома вдоволь натолковались, собравшись въ кучку у о. эконома, о новомъ архипастырѣ, и объ его привычкахъ. Конечно среди ихъ находились и такіе, которые смотрѣли на эти привычки не съ одобреніемъ. Наконецъ, заснулъ и келейникъ, разбрелась и кучка, кійждо во свояси, и все погрузилось въ сонъ. А въ архіерейской спальной еще долго теплилась свѣча передъ иконами, и колѣнопреклоненно молился владыка. И молился онъ не объ избавленіи его отъ скорбей, а о благословеніи его новаго служенія во славу церкви и во благо его паствы.

На слѣдующій день, 21 Декабря, Филаретъ служилъ въ своей крестовой церкви. День былъ непраздничный, пріѣздъ его былъ почти неожиданный, а церковь была полна молящимися. Оповѣщенное духовенство собралось для представленія своему новому архипастырю. «Съ жаднымъ любопытствомъ», говоритъ о. Іоаннъ Шароцкій, опи-

сывая пріѣздъ Филарета, «каждый изъ насъ желалъ увидѣть новаго архипастыря во время служенія; но, по небольшому росту его, немногимъ это удалось. По выходѣ изъ церкви, въ залѣ архіерейскаго дома мы всѣ увидѣли новаго нашего архипастыря, который всѣмъ одинаково показался смиреннымъ рабомъ Христовымъ, лицомъ красивымъ, хотя и блѣднымъ, худенькимъ, небольшаго роста, съ волосами на головѣ и бородѣ черноватыми».

Какъ отозвался келейникъ о своемъ владыкѣ жильцамъ архіерейскаго дома, такимъ онъ и показалъ себя. Служивъ 21 Декабря въ своей крестовой церкви, онъ въ день Рождества Христова, затѣмъ 1 и 6 Января, служилъ въ соборѣ, а 7 въ Воскресенской церкви. Всѣ полагали, что дальній путь и, наконецъ, частое служеніе должны утомить архипастыря, вызвать необходимость отдыха, а между тѣмъ съ первыхъ же чиселъ Января онъ сталъ обозрѣвать городскія церкви и притомъ безъ предваренія. Замѣчая чистоту и порядокъ въ церкви, онъ лично благодарилъ настоятеля; но гдѣ наоборотъ усматривалъ неопрятность и непорядокъ, объявлялъ настоятелю замѣчаніе черезъ благочиннаго. Въ этомъ опять сказалась черта его характера: доброе слово и признательность ему пріятно было выразить лично и, напротивъ, тяжело было и стѣсняло его дѣлать лично замѣчанія. Оставлять же безъ замѣчаній непорядокъ въ церкви не могъ онъ, понимая хорошо, что небрежное содержаніе храма Божьяго почти всегда указываетъ на такое же отношеніе священника и къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ. И Филаретъ относился строго въ подобныхъ случаяхъ. Такъ, уже при объѣздѣ Черниговской епархіи, онъ, вслѣдствіе замѣченной неопрятности въ С. церкви, не допустилъ ея священника къ служенію съ собою, строго ему замѣтивъ: «что̀ ты — Жидъ что ли?»

Эти замѣчанія немедленно же пріобрѣли Филарету славу архіерея строгаго. Но вскорѣ, какъ только ближе стали узнавать Филарета, увидѣли въ немъ пастыря кроткаго, милостиваго и внимательнаго. Строгъ онъ былъ къ «внимающимъ вину многу», замѣчаетъ повѣствователь его Харьковскаго служенія, да не любилъ кляузничества и говорилъ обличительное слово «противу вражды, склонной къ доносамъ». Сутяжничество и вражду не выносилъ онъ вообще; тѣмъ тяжелѣе для него было видѣть это въ духовенствѣ.

Что касается управленія епархіею, то его можно было назвать самоличнымъ. Онъ мало давалъ простора членамъ консисторіи. Съ участіемъ относясь къ положенію сельскаго духовенства, онъ такимъ порядкомъ въ веденіи дѣлъ оберегалъ его отъ притѣсненій. Онъ хо-

рошо зналъ и понималъ, что сельскому духовенству всегда дороже тотъ архипастырь, который въ дѣла епархіи болѣе влагаетъ личнаго труда и авторитета. И оно естественно: архіерей, кромѣ того, что получаетъ сугубый даръ священника, какъ по своему положенію въ церкви и обществѣ, такъ и по отсутствію для него тѣхъ мелкихъ связей и отношеній, которыми опутано бѣлое духовенство, всегда въ рѣшеніяхъ дѣла безпристрастнѣе. Здѣсь не было у Филарета наклонности къ самовластію. Онъ дѣлалъ это съ большимъ стѣсненіемъ для своей совѣсти, но дѣлалъ именно по высказаннымъ соображеніямъ, чѣмъ и оправдывался позднѣе передъ своимъ Московскимъ покровителемъ. Наконецъ, что такое именно убѣжденіе клалъ онъ въ самоличное управленіе епархіею, можетъ подтвердить одно письмо его изъ Чернигова оберъ-прокурору Св. Синода князю Урусову. Повторяя ходатайство о закрытіи трехъ духовныхъ правленій, онъ между прочимъ писалъ: «Излишнимъ считаю объяснять другія причины закрытія правленій; скажу только, что духовенства, состоящія въ ихъ вѣдѣніи, отслужатъ благодарный молебенъ, когда получится распоряженіе о закрытіи духовныхъ правленій».

Но сколько ни былъ Филаретъ внимателенъ и участливъ къ положенію сельскаго духовенства, пользу церкви ставилъ онъ выше личныхъ симпатій и состраданій. Въ примѣненіи закона и уставовъ управленія онъ отводилъ значительную долю личнымъ воззрѣніямъ и опыту. Такъ, напримѣръ, статьею 82-ю устава дух. консисторій *предоставлено* было священнослужителямъ, по достиженіи 60-лѣтняго возраста и по болѣзненному состоянію, *право* просить увольненія. Филаретъ же самъ увольнялъ по дряхлости и болѣзненности. Уволенные жаловались. Филаретъ объяснялъ, что признаетъ несправедливымъ, чтобы изъ-за одного весь приходъ переносилъ неудобства, когда священникъ, по слабому состоянію своего организма, не можетъ неупустительно выполнять требы. Св. Синодъ не только одобрилъ систему Филарета, но рекомендовалъ ее для руководства всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ.

При личныхъ представленіяхъ духовныхъ лицъ, въ особенности съ прошеніями, онъ не любилъ много разговаривать. Оно и понятно: времени у него для того не доставало, къ тому же часы пріема были у него и часами служебныхъ занятій. Принимая прошенія, тутъ же просматривалъ онъ ихъ, требовалъ, когда наставала надобность, изъ консисторіи дѣло или переписку и, положивъ резолюцію, отпускалъ просителя. Проситель, узнавъ участь свою или своего дѣла, отправлялся домой съ полною увѣренностію, что перемѣны не будетъ. Иногда резолюціи были суровы; «но при набожномъ настроеніи души преосвя-

щеннаго», замѣчаетъ тотъ же повѣствователь, «онъ скоро и перемѣнялъ резолюціи, если по чьему-либо ходатайству или разъясненію дѣла находилъ, что сурово поступилъ». Такимъ онъ былъ въ Харьковѣ, такимъ и въ Черниговѣ. Такъ въ Черниговѣ, лишивъ благочинія одного священника и убѣдившись, что послѣдній былъ оклеветанъ, онъ при встрѣчѣ съ нимъ, во время объѣзда епархіи, въ с. Бальмачевкѣ, поклонился ему низко и сказалъ: «Прости меня, о. Іоаннъ; я невинно тебя осудилъ».

Филаретъ обыкновенно говорилъ духовнымъ лицамъ подвѣдомой ему епархіи «ты», но въ обращеніи съ духовенствомъ былъ «отечески добръ». «Вы» говорилъ онъ только тому, кѣмъ былъ недоволенъ. Это было своего рода наказаніе. Сколько ни случалось намъ получать свѣдѣній отъ служившихъ при немъ священниковъ трехъ епархій, каждый называетъ его «незабвеннымъ благодѣтелемъ». Надо замѣтить, что Филаретъ, при его добромъ и отзывчивомъ сердцѣ, былъ въ высшей степени благовоспитанный, былъ, можно сказать, изящный человѣкъ во многихъ отношеніяхъ. Его манера и бесѣда сразу давали вамъ понять это. Все эстетическое, все возвышенное плѣняло его. Вотъ образчики его благовоспитанности. Разговаривая съ семинаристомъ, сидя на лавочкѣ въ своемъ саду, онъ выпустилъ изъ рукъ посохъ. Близъ стоящій семинаристъ поднялъ посохъ и вручилъ ему. Архіепископъ, не прерывая бесѣды съ другимъ, отвѣчалъ вѣжливымъ поклономъ на услугу семинариста. Такая учтивость архипастыря была необычною для семинаристовъ, и этотъ поклонъ долго служилъ темою ихъ разговоровъ. Въ одномъ мѣстечкѣ Сѣверо-Западнаго края, при проѣздѣ его изъ Риги въ Вильну, ему отвели ночлегъ въ католическомъ монастырѣ. Настоятель монастыря принялъ его радушно и предложилъ трапезу. Когда подали первое блюдо, оказавшееся мяснымъ, Филаретъ отказался, извиняясь, что по уставу нашихъ монастырей мясная пища возбраняется. Это очень смутило настоятеля. Филаретъ просилъ не безпокоиться и сказалъ ему: «позвольте мнѣ стаканъ молока и кусокъ хлѣба, и съ меня довольно». Но радушный хозяинъ не допускалъ этого и, извиняясь, увѣрялъ, что сейчасъ же будетъ приготовленъ постный столъ. «Подали обѣдъ», разсказывалъ Филаретъ, «но я сейчасъ же понялъ, что все было съ тѣми же соусами и бульономъ. Что̀ было дѣлать? Въ первомъ случаѣ я имѣлъ полное основаніе отказаться, а во второмъ было уже неделикатно обличать хозяина въ обманѣ. Я не далъ и виду, что подозрѣваю его». Но желудку, отвыкшему въ продолженіи 15-ти лѣтъ отъ мяса, трудно было справиться и съ самою умѣренною порціею преподобныхъ католическихъ постниковъ, и Филаретъ чуть не поплатился жизнію за свою деликатность, перепугавъ

и своихъ радушныхъ хозяевъ. Филаретъ нюхалъ табакъ. Привычку эту онъ усвоилъ, какъ и многіе въ то время, для освѣженія зрѣнія, утомляемаго непрестаннымъ напряженіемъ. Этой привычки онъ не скрывалъ, но нюхая въ обществѣ, дѣлалъ это онъ какъ-то незамѣтно, никогда не вынимая табатерки и не начиняя носа, какъ дѣлалось это другими къ немалому неудовольствію присутствующихъ. Открывая же табатерку въ карманѣ своего подрясника, онъ конечно понемногу разсыпалъ тамъ табакъ и, смѣясь, говорилъ одному знакомому своему, что его за то (келейники) пачкуномъ называютъ.

Извѣстно, что архіереи носятъ цвѣтную одежду. Никогда нельзя было замѣтить на Филаретѣ безвкусное сочетаніе цвѣтовъ въ одеждѣ. Памятна очень намъ одна бесѣда въ Черниговѣ, и послѣдняя притомъ, которой коснемся ниже. (Быть можетъ потому осталась въ памяти и его одежда). Это было лѣтомъ. На немъ была ряса лиловаго цвѣта муаръ-антикъ и такой же матеріи бѣлый подрясникъ. Панагія состояла изъ бѣлаго каме въ изящной золотой оправѣ съ аметистами. И всегда онъ былъ одѣтъ, строго согласуясь съ требованіями вкуса. И было бы погрѣшностію утверждать, что на этомъ онъ сосредоточивался. Нѣтъ, это выходило у него какъ дѣло заурядное. Удовлетвореніе требованіямъ эстетики, вкуса шло у него обычно, какъ-то просто, какъ напримѣръ, потребность имѣть на себѣ чистое бѣлье. Такимъ же изяществомъ отличались и его священныя одежды. Въ Черниговскомъ соборѣ довольно много старинныхъ Евангелій; но при его служеніи всегда употреблялось одно, пожертвованное полковникомъ Малороссійскаго полка Василіемъ Дунинымъ-Барковскимъ въ 1685 году, какъ самое изящное по работѣ, хотя оно менѣе всѣхъ. По своей же тяжести Евангеліе это не такъ нравилось протодіакону, какъ его владыкѣ. Чтобы указать на правильное пониманіе Филаретомъ изящнаго, приведемъ изъ письма его къ Горскому сужденіе о двухъ зданіяхъ въ Петербургѣ: соборѣ всѣхъ учебныхъ заведеній и Исакіевскомъ соборѣ. «Я, кажется, не писалъ тебѣ о соборѣ учебныхъ заведеній: превосходный храмъ! Какое великолѣпіе, какая красота, какая легкость! Чудный человѣкъ Растрелли, необыкновенный человѣкъ! Внутри отступили отъ его плана, и едва ли вышло лучше. Вѣрнѣе—въ половину убавили величіе у иконостаса, который теперь не достигаетъ высоты, назначенной для него у Растрелли. Видѣлъ рисунки иконостаса, назначеннаго для Исакіевскаго собора. Наружности не разъ видѣлъ въ натурѣ. Будетъ очень хорошо; но того что́ у Растрелли не будетъ. Правда, того и невозможно сдѣлать при опредѣленныхъ условіяхъ; а потому Менферранъ въ своемъ родѣ великій архитекторъ. По богатству этотъ храмъ будетъ чудо! Столько колоннъ

громадныхъ на воздухѣ! Столько барельефовъ лучшей работы изъ дорогаго матеріала! Тотъ, кто взялся поставить въ такомъ положеніи такія громады, безъ сомнѣнія, не изъ ряда обыкновенныхъ людей.»

Бесѣдуя, онъ съ терпѣніемъ и благодушіемъ выслушивалъ собесѣдника, извращающаго историческіе факты или высказывающаго невѣрный взглядъ на предметъ, а потомъ въ очень мягкой и скромной формѣ объяснитъ су́ть дѣла и незамѣтно выведетъ ошибающагося на настоящій путь. И это такъ просто дѣлалось, съ такою осторожностію, при томъ безъ малѣйшей кичливости своими знаніями. Спрашивается: откуда у сына сельскаго священника такое чутье къ изящному, такое правильное его пониманіе? Откуда у него бросавшаяся въ глаза благовоспитанность? Мы не погрѣшимъ, полагаю, если скажемъ, что первое развила въ немъ любовь къ природѣ: гдѣ болѣе гармоніи и красоты, какъ не въ самой природѣ? Второе сформировали у него прирожденная скромность и смиреніе, строгость къ себѣ, любовь къ человѣку и уваженіе къ нему.

Такое же полное впечатлѣніе, какъ и бесѣда, производило его служеніе. Оно было и торжественно, и просто. Просто потому, что онъ не въ заученное время преклонялъ колѣна, а когда это вызывалось благоговѣйнымъ порывомъ души. Безъ помощи иподіаконовъ, какъ это обычно, онъ въ слезахъ повергался передъ престоломъ. Хоръ его отличался стройностію и все служеніе отсутствіемъ суетливости и порядкомъ. Оно шло чинно и благоговѣйно, неспѣшно и безъ перерывовъ. Надо замѣтить, что Филаретъ много переносилъ клеветы, о чемъ поговоримъ ниже; но мы были свидѣтелями, когда одна пріѣзжая особа, выходя отъ служенія его, въ Середу первой седмицы Великаго поста, въ слезахъ, громко произнесла: «Чтò бы ни говорили на Филарета, ничему не повѣрю». Таково выносилось впечатлѣніе.

Служилъ онъ часто, каждый воскресный, праздничный и торжественный день, преждеосвященныя литургіи въ Середу и Пятницу первой и четвертой недѣли и всю Страстную недѣлю. При семъ первую седмицу и послѣднюю до Четверга онъ не принималъ пищи. Бывъ въ Черниговѣ, онъ два раза въ недѣлю читалъ акаѳисты въ Троицкомъ и Елецкомъ монастыряхъ; тоже самое и въ Харьковѣ. Часто въ будніе дни слушалъ литургію въ алтарѣ домовой своей церкви. Когда послѣ пожара въ Елецкомъ монастырѣ (гдѣ проживалъ онъ въ зимнее время) пришлось перестраивать домовую церковь, помѣщикъ В. В. Кочубей далъ ему мысль устроить такъ алтарь, чтобъ онъ примыкалъ къ его спальнѣ и чтобы можно было такимъ образомъ проходить туда незамѣтно для народа. «Не дѣлайте вы этого, владыка», сказалъ ему другой помѣщикъ: «такое сосѣдство какъ-то несовмѣ-

стимо со святостію мѣста; а потомъ, зачѣмъ же вамъ лишать благословенія людей, желающихъ его получить? Вы знаете ли, у крестьянъ какое существуетъ убѣжденіе: если 50 разъ принять благословеніе отъ святителя, получается спасеніе».—«Благодарю васъ за добрый совѣтъ», сказалъ Филаретъ. «Да, древнее Русское благочестіе говоритъ противъ такого плана».

Первымъ почти дѣломъ, на которое, по прибытіи своемъ въ Харьковъ, обратилъ вниманіе Филаретъ, была семинарія. Изъ письма его къ Горскому видно, что онъ на другой или третій день по пріѣздѣ былъ уже тамъ. Семинарія до него помѣщалась въ домѣ, занимаемомъ нынѣ духовнымъ училищемъ (возлѣ градской полиціи) и въ зданіи бывшаго коллегіума (возлѣ архіерейскаго дома). Такое помѣщеніе одного учебнаго заведенія въ двухъ домахъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго значительнымъ разстояніемъ, было крайне неудобно. Духовное попечительство помѣщалось въ темныхъ и малыхъ комнатахъ архіерейскаго дома, а архивъ въ сыромъ подвалѣ. Новыя же зданія семинаріи, начатыя постройкою при Иннокентіи, не были еще отдѣланы. Преосвященный Филаретъ началъ настаивать надъ скорѣйшимъ окончаніемъ и передачею зданія въ вѣдѣніе семинарскаго правленія. Жалуясь на неокончаніе постройки семинарскаго зданія, Филаретъ писалъ Горскому: «Вездѣ нужно давать движеніе дѣломъ». Благодаря только его настойчивости, которую проявилъ онъ съ самыхъ первыхъ дней по пріѣздѣ, временный комитетъ рѣшился передать зданіе, не выполнивъ нѣкоторыхъ формальностей. Къ Пасхѣ ученики были уже переведены туда, а послѣ Пасхи Филаретъ освятилъ уже и храмъ во имя Іоанна Богослова, пожертвовавъ для иконостаса иконы работы художниковъ. Освободивъ коллегіумскій домъ, онъ перевелъ туда консисторію, духовное же училище помѣстилъ въ другомъ зданіи прежней семинаріи, которое занимаетъ оно и понынѣ.

Въ Сентябрѣ 1843 года преосвященнымъ Иннокентіемъ былъ полученъ изъ Синода указъ (отъ 18-го Августа), коимъ давалось знать всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ объ учрежденіи въ Петербургской епархіи, по волѣ Государя Николая Павловича, образцоваго училища для дочерей священно- и церковно-служителей. Цѣль учрежденія, какъ сказано было въ высочайшемъ указѣ, дать воспитаніе «согласно съ прямымъ назначеніемъ духовнаго состоянія и съ истинными потребностями и уставами нашей церкви». Училищу этому повелѣно состоять подъ высочайшимъ покровительствомъ Государыни Александры Өеодоровны и попечительствомъ великой княжны Ольги Николаевны. На содержаніе училища ассигновано было изъ духовно-учебнаго капитала болѣе 10 т. р. При указѣ приложены были уставъ

и штаты. Пр. Иннокентій учинилъ шаблонную резолюцію «къ свѣдѣнію и руководству». Не такъ отнесся къ этому дѣлу Филаретъ: онъ близко придвинулъ его къ себѣ. Сейчасъ же потребовалъ онъ свѣдѣнія о суммахъ, какими можно располагать на сей предметъ. Оказалось всей суммы 121 р. 55 к., а съ пожертвованными протоіереемъ Д. на пріютъ 621 р. 55 к. Столь солидное дѣло съ такими ничтожными средствами очевидно невозможно было начинать. Но оно было такъ близко душѣ Филарета, онъ такъ горячо отнесся къ нему, что вѣрилъ въ его осуществленіе. Онъ обратился съ воззваніемъ къ духовенству, положивъ въ основаніе дѣлу значительную собственную жертву. Его примѣръ и его слово возымѣли дѣйствіе: не только духовенство, но и лица свѣтскія стали жертвовать. Въ пользу его онъ назначилъ первый томъ изданія «Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи». «Не знаю, благословитъ ли меня Богъ милостію Своею открыть этотъ пріютъ; но вотъ уже третій годъ бьюсь надъ тѣмъ, чтобы собрать достаточные способы для прочнаго существованія этого заведенія. При помощи Божіей довольно собрано способовъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ не хочется строить зданіе на пескѣ, или начинать строить зданіе, не приготовивъ напередъ всѣхъ способовъ для постройки и существованія зданія. Вотъ почему такъ много трудился я надъ описаніемъ Харьковской епархіи. Имѣю вѣрныя причины думать, что это описаніе скоро разойдется по епархіи; его ожидаютъ. И потому вполнѣ надѣюсь, что оно доставитъ пріюту немалые способы для существованія его». Такъ писалъ онъ Горскому, прося на самой книгѣ напечатать, что «изданіе въ пользу пріюта бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія». Между тѣмъ составилась сумма 21.500 р. Можно было приступать уже къ сооруженію. Мѣсто, за неимѣніемъ другаго, отвели на землѣ городскаго кладбища. По этому поводу писалъ Филаретъ Горскому: «Это опять особенность; но совѣсть моя говоритъ, что это согласно съ духомъ заведенія и много ближе къ духу православія чѣмъ то, когда втѣсняютъ училище дѣвицъ свѣтскихъ въ дѣвичьи монастыри по западному обычаю».

Явились лица, предложившія личный трудъ на благое дѣло, кромѣ крупныхъ своихъ пожертвованій; это бывшій начальникъ Харьковской земледѣльческой школы ст. сов. М. Л. Ильинскій и бывшій городской голова С. К. Костюринъ, пожертвовавшіе первый 3.500 р., а второй на 900 р. кирпича. Дѣйств. ст. сов. Ковалевскій пожертвовалъ 2.000 р. Со всей губерніи, а наиболѣе изъ Москвы, стали присылать чай, сахаръ, ситецъ, холстъ, коленкоръ, кисею, камлотъ, платки, иконы, книги и пр. Въ вознагражденіе за свой трудъ и жертвы Ильинскій и Костюринъ просили только молитвъ за усопшихъ родственниковъ.

Училище это Филаретъ просилъ принять подъ свое покровительство Св. Синодъ, желая конечно не связать этого заведенія съ земнымъ тщеславіемъ, а упрочить его благословеніемъ, хотя и ожидалъ, что «инымъ не понравится это».

Составленная имъ программа преподаванія доказываетъ, что Филаретъ думалъ объ истинной пользѣ учащихся и о выполненіи училищемъ его прямой задачи. Вотъ эта программа: «а) Законъ Божій, изучаемый основательно и тщательно въ качествѣ главнаго предмета; кромѣ Св. Исторіи и Катихизиса, ученіе о священныхъ храмахъ и ихъ принадлежностяхъ, о дѣйствіяхъ и временахъ богослуженія, исторію церкви вселенской и Русской; б) чтеніе на Русскомъ и Славянскомъ языкахъ и чистописаніе; в) Русская грамматика и словесность съ упражненіями въ изложеніи мыслей на бумагѣ; г) ариѳметики первая часть и счисленіе на счетахъ; д) Русская исторія и географія; е) всеобщая исторія и географія въ краткомъ видѣ; ж) нотное церковное пѣніе, и з) рукодѣлія въ возможно-обширномъ объемѣ. Сверхъ сего, воспитанницъ во все время пребыванія ихъ въ училищѣ пріучаютъ къ опытному домашнему хозяйству во всѣхъ его видахъ, какъ-то: печенію хлѣба и просфоръ, приготовленію разнаго рода продуктовъ для зимы, огородничеству и садоводству».

Понятно, что съ такими познаніями дѣвушки, выходя замужъ за священниковъ, умѣло брались за свое хозяйство и были истинными помощницами въ ихъ жизни. Тѣже, кои оставались незамужними, всегда имѣли кусокъ хлѣба, исполняя обязанности экономокъ въ достаточныхъ помѣщичьихъ домахъ. Богобоязненныя и скромныя, пріученныя къ труду, взросшія при скромной обстановкѣ жилища, онѣ не тяготились такимъ положеніемъ и представляли собою истинный кладъ для тѣхъ, кому онѣ служили.

Всегда систематическій и всегда настойчивый надъ точнымъ выполненіемъ извѣстнаго плана, Филаретъ нерѣдко посѣщалъ училище, не оставляя ничего безъ вниманія. Также точно строго наблюдалъ онъ и надъ учрежденнымъ имъ позднѣе такимъ же училищемъ въ Черниговѣ. Пріѣзжая туда обыкновенно послѣ обѣда, онъ, обойдя училище, въ лѣтнюю пору шелъ въ огородъ, гдѣ обязательно каждая воспитанница имѣла свою грядку. Подойдя къ одной изъ нихъ, онъ спрашивалъ: «чья грядка?» Одна изъ воспитанницъ выступала впередъ и докладывала, что грядка ея. «А что̀ ты тутъ посѣяла?» «Ну, трудитесь, трудитесь, дѣти!» Дѣти понимали, что̀ диктовало эти слова, и его пріѣздъ въ училище былъ всегда для нихъ праздникомъ Къ прискорбію, Черниговское училище измѣнило Филаретовскій типъ. Вмѣсто скромнаго дома съ тѣсненькими комнатами, близко напоминавшими

каждой воспитанницѣ обстановку родительскаго дома, воздвигнуть дворецъ, вмѣсто четырехъ классовъ—шесть, съ программою чуть-ли не института, гдѣ вмѣсто церковнаго языка, пожалуй, болѣе прилагается стараній ломать Французскую рѣчь, а вмѣсто церковнаго пѣнія вы слышите бряцаніе на рояли. Схвативъ верхи знаній, неприкладныхъ для ихъ жизни, новыя матушки способнѣе конечно вносить въ домъ своего супруга-труженика такія требованія, коимъ онъ по своимъ скуднымъ средствамъ не въ состояніи удовлетворить, а вмѣсто того, чтобы служить семьѣ, сами способны требовать услуги. Тѣже самыя условія закрываютъ для ихъ дѣятельности и двери частныхъ домовъ. Вотъ что̀ значитъ человѣкъ системы и ума, подогрѣтаго истиннымъ побужденіемъ добра!

Въ 1853 г. зданіе Харьковскаго училища было окончено, весною слѣдующаго года отдѣлано, а 6-го Іюня уже освящено Филаретомъ. При этомъ, по неизмѣнной привязанности къ Лаврѣ и вѣрѣ въ молитвенное предстательство почивающаго въ ней Угодника, онъ просилъ молитвъ предъ мощами препод. Сергія, «да будетъ благословеніе его на семъ дѣлѣ, столько сильное предъ Господомъ».

Дѣло такое велъ Филаретъ съ большою осмотрительностію, начиная его всегда скромно и въ малыхъ размѣрахъ, чтобы не обременить духовенство. Собравъ 21.500 р., онъ выстроилъ домъ въ 18 комнатъ, на 90 воспитанницъ. При постройкѣ была соблюдена строгая экономія. По смѣтѣ на домъ этотъ было исчислено 19 т. р. Онъ же выстроилъ его, омеблировалъ, обгородилъ мѣсто, устроилъ колодезь въ 22 сажени глубиною и на все это израсходовалъ 10.300 рубл., а 11 т. руб. у него осталось какъ капиталъ заведенія. Въ 1856 году онъ сдѣлалъ пристройку съ сѣверной стороны дома съ церковью, а черезъ два года такую же пристройку съ южной стороны, израсходовалъ на обѣ пристройки съ церковью 18 т. руб. Хотя пожертвованія, не преставая, текли въ кассу заведенія; но Филаретъ не увлекался этимъ при сооруженіяхъ, предпочитая составить капиталъ и обезпечить тѣмъ прочность существованія училища. Уѣзжая изъ Харькова, онъ оставилъ 23.631 р. 20 к. училищнаго капитала.

Въ тоже время, составляя духовное завѣщаніе, онъ, въ заботахъ о своемъ дѣтищѣ-«пріютѣ», назначилъ въ пользу его всѣ собственныя вещи и деньги сверхъ 4 т. р., получившихъ, какъ увидимъ ниже, особое назначеніе. Конечно, по добротѣ своей Филаретъ не способенъ былъ дѣлать сбереженія, и дѣйствительно у него по смерти денегъ не оказалось, а потому этотъ пунктъ завѣщанія не имѣлъ особаго значенія для училища; но гораздо важнѣе могло быть для

него предоставленное ему право издавать въ свою пользу его сочиненія въ установленный закономъ срокъ.

Устраивая дѣвичье училище или, какъ называлъ онъ его, пріютъ, онъ не забылъ и свою родную Тамбовскую епархію, вносомъ туда своей трудовой лепты: деньгами, вырученными за сочиненія его, онъ положилъ основаніе Тамбовскому дѣвичьему духовному училищу, въ которомъ, по признательной памяти къ его основателю, каждое Воскресенье и каждый праздникъ (за исключеніемъ дней высокоторжественныхъ) совершается поминовеніе о душѣ «благодѣтеля-архіепископа Филарета». Тотъ же предметъ заботилъ его позднѣе и въ Черниговѣ, о чемъ будетъ говорено ниже.

Но всего болѣе обращалъ вниманіе Филаретъ на постановку и направленіе учебно-воспитательнаго дѣла. Мы знаемъ, что онъ прибылъ въ Харьковъ ночью на 21 Декабря. 22 или 23 воспитанники семинаріи отпускаются на зимніе каникулы; но онъ успѣлъ побывать до этого времени въ семинаріи, не съ цѣлію осмотрѣть зданіе, а былъ въ классахъ и повѣрялъ, какъ видно, познанія и ходъ преподаванія, такъ какъ писалъ на Рождествѣ Горскому: «Безъ архіерея нѣсколько разлѣнились было. Преосвященный Иннокентій жилъ въ Петербургѣ, а Елпидифоръ не умѣлъ или не хотѣлъ посмотрѣть за ними» *). На бѣду, Филаретъ не имѣлъ хорошихъ помощниковъ. «Пожалѣйте меня, писалъ онъ другу своему, что въ Харьковской семинаріи теперь и ректоръ, и инспекторъ люди не очень грамотные. Писалъ, писалъ, но все не въ пользу». Всегда присутствуя на экзаменахъ, онъ внимательно слѣдилъ за отвѣтами. Тѣмъ воспитанникамъ семинаріи, которые отличались прилежаніемъ и дарованіями, онъ давалъ лучшія мѣста и нѣкоторыхъ изъ нихъ, несмотря на молодые годы, назначалъ даже благочинными. Въ Черниговѣ, гдѣ былъ онъ позднѣе, не ограничиваясь экзаменами въ семинаріи, при которыхъ всегда присутствовалъ, оканчивающихъ курсъ призывалъ къ себѣ и, обыкновенно въ саду, дѣлалъ имъ испытаніе, не только провѣряя ихъ знанія, но изучая ихъ самихъ. Этотъ экзаменъ былъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ въ семинаріи. Достойнымъ тутъ же назначалъ онъ приходы. По возвращеніи домой, сами воспитанники говорили: «правда, кто какъ посѣялъ, такъ и пожалъ.»

---

*) Преосв. Елпидифоръ, кажется, отличался слабымъ здоровьемъ. По крайней мѣрѣ въ Вяткѣ, куда переведенъ онъ былъ изъ Харькова, находили у него страданіе позвоночнаго хребта, что̀ лишало его возможности служить. Потомъ онъ однако оправился. При томъ въ Харьковѣ онъ всего былъ 7 мѣсяцовъ.

Вниманіе Филарета къ учебному дѣлу не ограничивалось кругомъ учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства. Такъ намъ извѣстно о его хлопотахъ дать хорошаго преподавателя богословія, логики и психологіи Харьковскому университету. «Имѣю нужду указать Синоду на способнаго совмѣстить сіи должности въ Харьковскомъ университетѣ», писалъ онъ Горскому. Указывая послѣднему на нѣкоторыхъ магистровъ родной своей Академіи, онъ убѣдительно просилъ его, если они откажутся, рекомендовать изъ хорошо ему извѣстныхъ магистровъ, предупредивъ, что преподаватель долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и настоятелемъ университетской церкви. О томъ же писалъ онъ и профессору академіи Голубинскому, прося обоихъ поспѣшить этимъ дѣломъ. На замѣчаніе Горскаго: къ чему въ словѣ «о вліяніи христіанства на общество» Филаретъ пріурочилъ университетъ и учебныя заведенія, Филаретъ отвѣчалъ: «Вы вѣрно забыли, другъ, что въ Харьковѣ *университетъ*. Въ числѣ слушающихъ были всѣ здѣшніе профессора и начальства. Вспомнивъ объ этомъ, вы припомните о содержаніи высочайшихъ повелѣній, разосланныхъ по университетамъ, о важности и нуждѣ христіанскаго образованія. Они-то и были въ виду, когда говорено было слово». Это указываетъ, какъ неуклонно выполнялъ Филаретъ свои пастырскія обязанности и какъ близко ему было дѣло воспитанія вообще.

Знаменательно, что, одновременно съ Филаретомъ, какъ бы сговорившись, въ другомъ университетскомъ городѣ, Казани, на тотъ же предметъ говорилъ слово архіепископъ Григорій *). Видно, оба ревнителя святаго ученія находили своевременнымъ дѣлать такія вразумительныя напоминанія.

Слово Филарета было принято съ большимъ сочувствіемъ.

Между тѣмъ университетъ все болѣе роднился съ нимъ. Его посѣщали профессора, и время у нихъ проходило, какъ писалъ онъ «въ пріятныхъ бесѣдахъ». Отдавая дань уваженія трудамъ и познаніямъ Филарета, профессора университета выражали удивленіе, что авторъ «Исторіи» не награжденъ докторскимъ дипломомъ. Эти слова, какъ произнесенныя людьми науки, были уже наградою Филарету и приняты послѣднимъ близко къ душѣ.

Въ знакомствѣ его съ профессорами сказалась неизгладимая привязанность его къ родной Академіи. Между ними былъ его товарищъ И. В. Платоновъ, бесѣда съ которымъ была особенно пріятною для Филарета. «Вы знаете, какъ дороги душѣ воспоминанія о союзахъ молодости», писалъ онъ по этому поводу Горскому.

---

*) Впослѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій.

Не менѣе ревновалъ Филаретъ о благолѣпіи церквей, и дѣятельность его по этому предмету въ Харьковѣ была изумительна. Какъ только перевелъ онъ консисторію изъ архіерейскаго дома, онъ занялся расширеніемъ и перестройкою домовой своей и главной крестовой, Покровской, церквей. Расширивъ домовую церковь присоединеніемъ къ ней корридора, онъ устроилъ новый иконостасъ съ иконами работы художниковъ и самый храмъ освятилъ въ честь иконы Божіей Матери «всѣхъ скорбящихъ радости». Трапезную часть Покровской своей церкви увеличилъ и украсилъ иконами художнической работы. На Озерянскую икону Божіей Матери, которая къ 1-го Октября приносится въ Покровскую церковь, сдѣлалъ золотую ризу въ 17 т. руб. Для увеличенія доходовъ архіерейскаго дома онъ, частію на свои средства, частію позаимствовавъ у попечительства, выстроилъ два большіе каменные дома въ два и три этажа, которые отдавались въ наемъ. Устроилъ домъ для богадѣльни, обновилъ весь архіерейскій домъ какъ въ Харьковѣ, такъ и загородный съ церковью «Всѣхъ Святыхъ» (Всесвятское). А въ какомъ видѣ нашелъ онъ архіерейскій домъ, можно судить потому, что въ немъ 17 лѣтъ не были крашены полы. Обновивъ все, онъ составилъ опись наличности архіерейскаго дома и ризницы, о чемъ никто прежде не заботился.

Вскорѣ по прибытіи Филарета въ Харьковъ, большая каменная церковь на городскомъ кладбищѣ, совершенно выстроенная вчернѣ, разрушилась. Одинъ государственный мужъ Англіи сказалъ: «несчастіе страны, когда министръ финансовъ профессоръ». Полагалъ, знать, онъ, что читать теорію финансовъ можно, не зная страны; но, не зная страны, нельзя вести государственное хозяйство. Или находилъ онъ, что человѣкъ, утонувшій въ ученой спеціальности, отчуждается отъ народной жизни, патріотическое чувство у него блекнетъ, такъ сказать, изсыхаетъ; а чтобъ вести финансовое дѣло съ успѣхомъ для страны, нуженъ живой патріотъ, человѣкъ, вырванный изъ той самой жизни, которой интересы ставятся на первомъ планѣ. Впрочемъ разбирать это не станемъ, да оно и не къ мѣсту. Мы желаемъ только въ оправданіе государственнаго мужа указать, что какъ-быть случилось то самое здѣсь. Строитъ простой рядчикъ церковь въ селѣ, и она стоитъ столѣтіе, обѣщая простоять и ни одно; а настоящую строилъ профессоръ архитектуры при Харьковскомъ университетѣ—и она развалилась.

Но какъ помочь бѣдѣ, когда собранныя на сооруженіе деньги израсходованы? Филаретъ приглашаетъ къ себѣ на вечерній чай мѣстныхъ гражданъ, горюетъ предъ ними объ общей бѣдѣ и проситъ помочь. Тутъ же начинается подписка съ его легкой руки. Профессора-

архитектора по боку. Практикъ строитель Костюринъ принимаетъ на себя завѣдывать постройкою. Церковь разобрали до основанія, а 27-го Апрѣля 1857 года она была уже освящена Филаретомъ.

Еще въ 1848 году преосвященнымъ Елпидифоромъ была заложена церковь во имя Св. Духа; но, по недостатку средствъ, постройка шла крайне неуспѣшно. Изыскивая средства для окончанія храма, Филаретъ между прочимъ разрѣшилъ своему хору давать Великимъ постомъ духовные концерты для этой цѣли. И въ 1854 году церковь была имъ уже освящена.

Находя Троицкую церковь тѣсною и неблаголѣпною, онъ убѣждалъ прихожанъ построить новую. Проектъ, который напоминалъ про восхитившій Филарета соборъ всѣхъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ, не былъ утвержденъ. Прислали новый проектъ. Не имѣя средствъ въ рукахъ, Филаретъ никогда не задумывался производить такія сооруженія и не сомнѣвался въ успѣхѣ. Такая увѣренность истекала изъ глубокой вѣры этого святителя, что на всякое благое начинаніе ниспосылается помощь свыше. Она была ощутительна и въ данномъ случаѣ: 7-го Іюня 1857 года Филаретъ заложилъ эту церковь, а въ 1861 году она уже была освящена его преемникомъ.

Въ Харьковской епархіи пять монастырей, изъ коихъ три мужскіе и два женскіе. Куряжскій-Преображенскій мужской и Хорошевскій Вознесенскій женскій существовали издавна; но въ нихъ не было общежитія. Особеннымъ безобразіемъ отличался Хорошевскій монастырь. Это была кучка невзрачныхъ лачужекъ, среди которыхъ 3—4 домика отличались относительнымъ благообразіемъ. Не выдѣлялся между ними и домъ игуменіи. Каждая монахиня жила особнякомъ, своимъ хозяйствомъ, содержа себя работою: шитьемъ золотомъ или отдѣлкою иконъ въ фольгу. Иныя жили помощію достаточныхъ своихъ родственниковъ. Для престарѣлыхъ, увѣчныхъ и больныхъ не имѣлось ни больницы, ни богадѣльни, ни даже трапезы. Такія должны были переносить величайшую нищету. Словомъ, монастырь былъ только по имени и былъ бѣднѣйшимъ монастыремъ, какъ и Куряжскій. Филаретъ понялъ причину бѣдности этихъ монастырей и поступилъ энергично, предписавъ руководствоваться правилами общежитія. Мужской Куряжскій монастырь, не медля, исполнилъ волю архипастыря. Но не такъ легко было устроить это въ Хорошевскомъ монастырѣ. Игуменія, женщина слабая, не въ силахъ была устранить неурядицу и удержать въ обители требуемый порядокъ и послушаніе. Филаретъ, не любившій останавливаться на полпути, удалилъ игуменію и назначилъ на ея мѣсто монахиню, дворянку Тамбовской губерніи, женщину дѣльную и энергичную. Съ усердіемъ повела она дѣло по плану архипастыря.

Многіе дома, въ томъ числѣ и ея, были снесены, и въ теченіи четырехъ лѣтъ на мѣстѣ ихъ уже красовалось огромное трехъ-этажное зданіе. Въ немъ помѣщались келіи настоятельницы, казначеи, нѣкоторыхъ сестеръ, трапезная, кухня и погреба. На освященіе были приглашены многіе горожане. Филаретъ самъ освящалъ и благословилъ первую трапезу. Къ этому же времени имъ сооружена была въ монастырѣ и теплая церковь во имя Филарета Милостиваго. Радость Филарета, при видѣ выполненія его мысли и заботъ, всѣ читали на его лицѣ. Онъ самъ водилъ всѣхъ посѣтителей по новому зданію, объясняя назначеніе каждаго помѣщенія. Въѣздъ въ монастырь былъ очень неудобный: приходилось или изъ села Бабаевъ объѣзжать далеко по помѣщичьимъ полямъ и лѣсу, или изъ села Хорошева взбираться по крутой, изрытой горѣ. Окинувъ взоромъ эту мѣстность, Филаретъ сейчасъ же указалъ игуменіи, гдѣ можно устроить прямой и удобный въѣздъ, прямо изъ села Бабаевъ. Игуменія исполнила безпрекословно его указаніе. Гору съ восточной стороны раскопали, овраги, образовавшіеся отъ весенней воды, укрѣпили кольями и плетнемъ и устроили такимъ образомъ хорошую дорогу, сокративъ путь на 2—3 версты. Онъ приказалъ было по горѣ засадить лѣсъ; но, узнавъ, что сосѣдніе крестьяне лишатся чрезъ то пастбища, отмѣнилъ это распоряженіе.

Хотя дѣло уже было поставлено хорошо и прочно и хотя игуменія, какъ замѣтили мы, была усердною исполнительницею плана своего архипастыря; но Филаретъ бдительно наблюдалъ надъ монастыремъ и нерѣдко посылалъ туда благочиннаго или соборнаго ключаря, протоіерея М. осмотрѣть и донести ему, исполняются-ли въ точности его указанія.

Монастырь требовалъ еще много сооруженій и исправленій. Значительно упавъ въ глазахъ народа, благодаря отсутствію въ немъ всякаго благолѣпія и благочинія, онъ мало привлекалъ къ себѣ молящихся. Филаретъ сразу поднялъ монастырь. Ежегодно, въ храмовой праздникъ, служилъ онъ самъ, придавая служенію особенную торжественность. Самъ, съ крестнымъ ходомъ обходилъ онъ вокругъ стѣнъ монастыря, а потомъ благословлялъ хлѣбы и раздавалъ съ помощію сослужащаго духовенства народу. Народъ сталъ стекаться тысячами. Чтобы болѣе упрочить общежитіе, онъ въ пользу его отдалъ второй томъ «Историческо-статистическаго описанія Харьковской епархіи» и завѣщалъ 2 тыс. рублей.

Удивляться надо и быстротѣ сооруженій, и обилію средствъ на нихъ въ одномъ городѣ и въ самое неблагопріятное время, когда былъ полный застой промышленности и когда неумолкаемый грохотъ пу-

шекъ подъ стѣнами Севастополя, отзываясь болью въ сердцѣ Русскаго, побуждалъ каждаго къ жертвамъ на защиту отечества.

А какъ отнесся къ этому тяжелому для отечества времени Филаретъ? Постоянно встрѣчалъ онъ на Николаевской площади всѣ, проходившія черезъ Харьковъ, войска съ напутственнымъ словомъ, благословлялъ иконами, окроплялъ всѣхъ св. водою. «За оказанное радушіе проходящимъ войскамъ, за благословеніе образами дружинъ №№ 85 и 86 Тульской губерніи, за раздачу при благословеніи по холщевой рубахѣ 150 раненнымъ, за предложеніе объ учрежденіи общества для попеченія о раненныхъ и больныхъ, пользующихся въ Харьковскомъ военно-временномъ госпиталѣ», онъ получилъ четыре высочайшія благодарности. Это краткое извлеченіе изъ послужнаго списка преосвященнаго Филарета даетъ понять, насколько близко было душѣ его переживаемое родиною испытаніе. Наплывъ раненныхъ и больныхъ воиновъ былъ такъ великъ, что госпитальное помѣщеніе оказалось слишкомъ тѣснымъ, а размѣщеніе ихъ въ нѣсколькихъ домахъ крайне неудобнымъ. Филаретъ не задумался предоставить для госпиталя новое зданіе семинаріи, а ее перевелъ на частныя квартиры. И только по окончаніи войны и уменьшеніи числа раненныхъ, т.-е. когда госпиталь могъ быть помѣщенъ въ частномъ домѣ, семинарія переведена была въ свое зданіе.

Чтобы оживить дѣло призрѣнія раненныхъ, какъ для усиленія средствъ госпиталя, такъ и для утѣшенія страждущихъ, онъ находилъ полезнымъ сроднить его съ обществомъ на поприщѣ христіанскаго милосердія. Въ этихъ видахъ предложилъ онъ учредить Общество попеченія о раненныхъ и больныхъ воинахъ въ Харьковскомъ военно-временномъ госпиталѣ, за что̀ и получилъ высочайшую благодарность.

Въ 1855 году за успѣшные труды по званію вице-президента Харьковскаго тюремнаго комитета онъ получилъ высочайшее благоволеніе. Значитъ, и сюда удѣлялъ онъ крупную долю своего труда и заботъ. Впрочемъ, это засвидѣтельствовано и его современниками.

Къ этому времени относится его значительный трудъ «*Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи*». Къ этому труду привлечено имъ было почти все духовенство епархіи. Онъ составилъ вопросы и препроводилъ ихъ къ благочиннымъ и священникамъ. Отвѣты на предложенные вопросы, которые и должны составлять нужныя ему свѣдѣнія, священники обязаны были вносить въ памятныя тетради и имѣть ихъ при церквахъ. Онъ самъ просматривалъ всѣ эти тетради, представленныя ему черезъ благочинныхъ, дѣлалъ поправки и измѣненія, и возвращалъ ихъ для переписки. Это было однимъ изъ первыхъ распоряженій его по пріѣздѣ въ Харьковъ. Въ первое же

лѣто (1849 года) онъ два мѣсяца употребилъ на объѣздъ епархіи, не упуская изъ виду ничего, что могло обогатить его свѣдѣніями о краѣ. А въ 1851 году обозрѣніе имъ епархіи было до того подробно, что ему доводилось въ иныхъ мѣстахъ проѣзжать по два и по три раза.

Приступая къ этому труду, вотъ что̀ писалъ онъ Горскому: «Въ душѣ есть желаніе составить описаніе Харьковской епархіи. Думаю, что это будетъ довольно занимательная картина, не безъ интереса для всѣхъ и особенно для друзей церкви Русской. Жаль, что доселѣ рѣшительно ни въ одномъ мѣстѣ не было записано ни строки. Что̀ дѣлать? Остается удовольствоваться тѣмъ, что̀ собрано будетъ въ настоящее время. Здѣшній край имѣетъ свою исторію, съ своими красками и штрихами. Россія не то, что̀ какая-нибудь страна калбасовъ. Югъ и Сѣверъ, Востокъ и Западъ вмѣщаетъ она въ себѣ. Полосы климата разныя, и полосы быта житейскаго не одинаковыя.»

Для такой работы, какую взялъ на себя Филаретъ, онъ долженъ былъ познакомиться съ многочисленными старинными актами, доставленными ему изъ губернскаго правленія, со многими фамильными записками помѣщиковъ, архивными дѣлами консисторіи. Изъ губернскаго правленія были сообщены ему не только межевыя книги, но грамоты царей Алексѣя Михаиловича, Іоанна и Петра Алексѣевичей, свернутыя длинными свитками. Многія изъ нихъ для него переписывались. Не довольствуясь дѣлами своей констисторіи, онъ посылалъ одного протоіерея съ консисторскимъ архиваріусомъ въ Курскъ для ознакомленія съ дѣлами и актами архива Курской духовной консисторіи за время состоянія нынѣшней Харьковской епархіи подъ управленіемъ Бѣлгородскихъ архіереевъ.

А какъ къ подобнымъ памятникамъ относились другіе? Филаретъ жаловался: «Въ Бѣлгородѣ собраны были святителемъ Іоасафомъ [1]) старинныя богослужебныя книги, печатанныя въ Польско-Литовскихъ типографіяхъ, по подозрѣнію въ ихъ неправославіи и ошибкахъ. Книги хранились неприкосновенно въ главѣ соборной (бывшей каѳедральной) церкви. Преосвященный Владимиръ [2]) приказалъ свезть ихъ въ рѣку Донецъ, и воля владычня исполнена. Признаюсь, мнѣ больно было узнать объ этомъ, когда доискивался я по бумагамъ о судьбѣ отобранныхъ изъ Украйны книгъ. Если такъ распорядился епископъ, что̀ думать остается о священникахъ? По многимъ здѣшнимъ церквамъ были царскія жалованныя грамоты, какъ видно по дѣламъ; но теперь

---

[1]) Іоасафъ Горленко, котораго мощи почиваютъ подъ спудомъ въ Бѣлгородѣ

[2]) Владимиръ Ужинскій, впослѣдствіи архіеп. Казанскій, скончался на покоѣ въ Свіяжскомъ монастырѣ.

ихъ уже нѣтъ: съ ними, конечно, поступили по примѣру владыки Владимира. Было же время непонятной страсти къ Европейскому и ненависти или пренебреженія къ Русскому. Все писанное на Французскомъ языкѣ казалось образцомъ ума и чуть не святымъ, а все, чтò писано было на Русскомъ, было предметомъ или насмѣшки, или холодности самой крайней *). Въ обозрѣніи 2-й части епархіи вышло довольно такого, чтó относится къ гражданской исторіи; я писалъ вамъ и собственное признаніе мое. Набѣги непріятельскіе, по моему, еще имѣютъ необходимое отношеніе къ положенію церкви; но эти набѣги вызвали за собою и кое-что другое. Остается сказать, что допущена неправильность, но допущена по многимъ, частію мѣстнымъ, частію и общимъ причинамъ. Болѣе всего побуждала удерживать и кое-что гражданское новизна матеріаловъ, а потомъ увѣренность, что здѣшніе жители очень рады будутъ каждой новой вѣсти о своихъ предкахъ». Также точно и въ описаніе Черниговской епархіи вошло немало историческихъ повѣствованій о политическихъ событіяхъ.

Настоящимъ трудомъ Филаретъ стяжалъ себѣ глубокую признательность. Тѣхъ свѣдѣній, какія удалось ему собрать 35 лѣтъ назадъ, теперь невозможно было бы и получить. Примемъ въ разсчетъ, сколько архивныхъ дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ, по позднѣйшему распоряженію, поступило въ продажу и исчезло. Припомнимъ, что Филаретъ воспользовался едва-ли не самымъ цѣннымъ для исторіи края матеріаломъ—фамильными бумагами и записками помѣщиковъ. Свѣдѣнія эти собирались имъ наканунѣ сильнаго экономическаго потрясенія дворянства, отъ котораго мало уцѣлѣло дворянъ въ ихъ насиженныхъ родовыхъ гнѣздахъ. Обездоленное дворянство разбрелось по лицу земли Русской въ погонѣ за хлѣбомъ. Этимъ кочевникамъ обновленной Россіи не до того уже было, чтобы носиться съ фамильными архивами и отцовскими записками. Имъ, пожалуй, скорѣе желалось забыть о своихъ родовыхъ преданіяхъ, чтобы легче примириться съ настоящимъ. А на ихъ гнѣздахъ между тѣмъ засѣли хищники, для которыхъ эти архивы имѣютъ лишь цѣну бумаги, продающейся на вѣсъ. И намъ извѣстно, какъ архивы знаменитыхъ людей шли на оклейку оконныхъ рамъ....

---

*) Любознательные соотечественники изощрялись въ изысканіи способовъ истребленія письменныхъ памятниковъ. Такъ, когда упраздненъ былъ Суражичскій монастырь (Черниговской губ.), архивъ его закопали въ землю, гдѣ онъ, конечно, и сгнилъ. Въ настоящее время и мѣсто это отыскать едва-ли возможно.

Къ тому же времени относится изданіе его «Бесѣдъ о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа». Въ Великій постъ Филаретъ заболѣлъ; но, не смотря на болѣзнь свою, не позволявшую ему покинуть постель, Филаретъ не переставалъ заниматься. Призвалъ онъ къ себѣ протоіерея о. Іоанна Шароцкаго. «Противу обычая», предаетъ такъ о. Іоаннъ, «пригласили меня въ спальную комнату, которая была и его кабинетомъ. Преосвященный больной лежалъ на кровати, прикрытый одѣяломъ и съ какою-то книжкою въ рукахъ. Получивъ благословеніе владыки, я сталъ поближе къ нему, чтобы внимательнѣе выслушать его приказанія, такъ какъ у него былъ слабый голосъ. Преосвященный, съ трудомъ поднявшись на локоть, взялъ со стола толстую рукопись и, подавая мнѣ, сказалъ: «На, прочитай и, если что̀ замѣтишь, напиши на особомъ листѣ». Рукопись эта и была «Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа». Она прочтена мною со вниманіемъ и любовью и возвращена, какъ было мнѣ сказано». Не довольствуясь этимъ, Филаретъ посылалъ Бесѣды къ Горскому, прося его и инспектора просмотрѣть ихъ.

Въ тотъ же періодъ Харьковскаго служенія вышли въ свѣтъ его «Обзоръ Русской духовной литературы съ 862 по 1720 годъ (окончаніе этого труда Обзоръ отъ 1720 по 1858 и дополненіе по 1862 годъ изданы въ Черниговѣ), многія статьи, заключающія въ себѣ разныя историческія изслѣдованія, поученія, также два тома поученій, произнесенныхъ въ Ригѣ.

Ревностная дѣятельность Филарета не ослабляла его духовной связи съ Рижскою паствою. Да и могъ ли онъ, изстрадавшею душою сроднившись съ нею, не чувствовать этой связи? «Четыре года прошло», писалъ онъ 28 Іюля 1853 года изъ Харькова графу Д. Н. Толстому, «какъ изъ Риги не имѣю ни одной строки, за исключеніемъ пустыхъ, оффиціальныхъ. Не порадуете ли меня какою-либо вѣстію о Ригѣ? Иначе что-то дико не знать ничего добраго. Что́ трудолюбивый и счастливый преемникъ Рижскій? Такъ много говорили объ его ловкости, о его умѣньи правительственномъ! Много успѣховъ? Ловитъ вѣтеръ! Знающіе его не ожидали бо̀льшаго. Все это между нами, которые не даромъ же пили вмѣстѣ медъ полынный».

Правда, чрезъ два мѣсяца по отъѣздѣ оттуда Филарета, Рига напомнила ему о себѣ: отъ него потребовали объясненія по поводу извѣта князя Суворова. Позднѣе митрополитъ Московскій сообщалъ ему о новой сплетнѣ на него *). Но прочтемъ лучше отвѣтъ самаго Филарета

*) См. въ въ IV-мъ томѣ „Собранія мнѣній и отзывовъ Филарета, митр. Московскаго“, стр. 176—183. П. Б.

митрополиту, которое познакомитъ насъ съ этимъ обстоятельствомъ. «У ногъ вашего высокопреосвященства испрашиваю прощенія въ грѣхахъ моихъ. Буду молить Господа, чтобы обуздалъ нетерпѣливость мою. Не могу на сей разъ ничего сказать о предметѣ, возбудившемъ послѣднюю нетерпѣливость. Надобно имѣть время, чтобы обдумать дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ велятъ смотрѣть на него. Другой предметъ поразилъ меня. «Вы рѣзкимъ и непокойнымъ тономъ написали о подсудимомъ священникѣ покойному графу Протасову. Вамъ въ отвѣтъ послали наставленіе, написанное свѣтскимъ человѣкомъ и подписанное митрополитомъ Антоніемъ и пр.» Эти слова вовсе непонятны. Если дѣло идетъ о несчастномъ священникѣ Назаревскомъ, то никогда никакого письма къ графу Протасову не писалъ я о немъ; равно никакого наставленія отъ митрополита Антонія по сему предмету не получалъ я. Истинно не понимаю, что̀ это значитъ? Не только письма не писалъ, но даже ни полслова не говорилъ графу Протасову о Назаревскомъ. Ужели братъ мой *), который не разъ самъ просилъ меня сообщать ему совѣты и которому кромѣ любви никогда ничего не показывалъ я, рѣшился письмо, писанное братомъ къ брату, обратить въ дѣло формальное и вызывать начальника на судъ противъ меня? Къ нему точно писалъ я письмо о Назаревскомъ; но повторяю—писалъ по увѣренности въ братскихъ отношеніяхъ нашихъ между нами. Если онъ счелъ себя оскорбленнымъ, то оставалось бы сказать брату въ письмѣ: ты оскорбилъ меня, и только. Да онъ и писалъ мнѣ подобный отвѣтъ. Какія же причины заставили идти далѣе? Если онъ позволилъ себѣ такъ отплатить мнѣ за мое благорасположеніе, Господь проститъ его. Долженъ при томъ сказать, что письмо писано мною при первомъ извѣстіи о задержаніи Назаревскаго по доносу извѣстной мнѣ женщины (которую уже судитъ Господь). Когда же узналъ я, что въ дѣлѣ замѣшано и мое имя и отъ вашего в—ва получено мною въ отвѣтъ, что священникъ виноватъ: я даже мыслямъ моимъ не дозволялъ себѣ болѣе пререкать сему дѣлу. Отъ митрополита Антонія по сему предмету, повторяю, не получалъ я ни строки по сіе время. Одно письмо было писано ко мнѣ отъ него, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, съ вопросами. И то было спустя мѣсяца два по пріѣздѣ въ Харьковъ. Но это было особенное дѣло, дѣло странное. Имъ домогались погубить меня; но Господь, одинъ Господь спасъ меня. Я послалъ отвѣты на вопросы. Слышалъ послѣ, что повѣряли мои отвѣты въ Ригѣ и ничего не нашли противъ меня. По содержанію дѣла надлежало бы представить дѣло Государю; но имѣю

*) Говорится о братствѣ по церковно-служенію. П. Б.

основаніе полагать, что оно, какъ непріятное для доносителя, а не для меня, осталось безъ конца. Не могу не присовокупить при семъ моей исповѣди, что когда слышалъ я отъ архіепископа Арсенія *) отзывъ вашего в—ва, что неуступчивъ я и рѣзокъ, то, все не зная того, что̀ теперь стало извѣстнымъ, согрѣшалъ я—обвинялъ и Муравьева въ наговорахъ. Что касается до Лифляндскаго дѣла, то въ первые годы по пріѣздѣ въ Харьковъ одно воспоминаніе о немъ приводило всѣ нервы мои въ сотрясеніе: такъ разстроенъ былъ весь организмъ мой муками, какія испытывалъ я семь лѣтъ сряду. Теперь благодарю, благодарю и хвалю безпредѣльное милосердіе Божіе, спасшее меня отъ тысячи бѣдъ. Упоминаю объ этомъ потому, что бѣдный братъ мой, еслибъ и видѣлъ въ письмѣ моемъ къ нему нѣкоторую жесткость, зная тогдашнее положеніе мое, долженъ бы былъ изъ сожалѣнія къ калечеству моему простить меня. Еще болѣе долженъ бы тоже сдѣлать Протасовъ, которому ближе, чѣмъ кому-нибудь другому, извѣстно было мое положеніе. Много надлежало бы говорить, еслибы говорить о дѣлахъ сего человѣка; но онъ уже на судѣ Божіемъ. Да и мнѣ не слѣдуетъ говорить о себѣ».

Вообще скудно доходившія изъ Риги вѣсти, какъ видно, мало утѣшали Филарета. Такъ писалъ онъ Горскому: «Что̀ дѣлается въ Лифляндіи? Мало имѣю свѣдѣній. Впрочемъ вы знаете преемника момоего. Господи, даждь ми зрѣти моя согрѣшенія».

Облагодѣтельствованный Филаретомъ, Хорошевскій монастырь приносилъ много ему горя. Нѣкоторыя сестры монастыря были недовольны общежитіемъ, требующимъ бо̀льшаго смиренія. Въ числѣ недовольныхъ были двѣ сестры, братъ которыхъ, отставной чиновникъ, пользовался извѣстнымъ положеніемъ въ Харьковѣ. Опираясь на такую силу, сестры-монахини выразили наиболѣе своеволія и нежеланія подчиняться новому монастырскому уставу. Филаретъ, не стѣсняясь поддержкою, какую имѣли своевольныя инокини, приказалъ ихъ выслать изъ монастыря. Братецъ, затаивъ злобу, искалъ случая отметить строгому архіерею. Случай вскорѣ представился. Одинъ оскудѣвшій графъ, жившій въ верстѣ отъ монастыря, сманилъ послушницу и женился на ней. Сегодняшняя графиня, вчерашняя послушница и третьягодничная мѣщанка, стала нарядною являться въ монастырь, къ немалому соблазну сестеръ. Какая-то монахиня или послушница монастыря, возмущенная поступкомъ молодой графини и (какъ говорили иные, не безъ вѣдома игуменьи) нанесла послушницѣ-графинѣ оскорб-

*) Въ то время архіепископъ Варшавскій, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій.

леніе во вратахъ монастыря. Чиновникъ-братецъ сейчасъ же предложилъ быть ходатаемъ за оскорбленную графиню. Жалуясь начальнику губерніи, жандармскому штабъ-офицеру и шефу жандармовъ, онъ сыпалъ клеветы на кого можно, не щадя и того, кто не щадилъ себя для блага своей паствы. Игуменья по высочайшему повелѣнію, еще до производства слѣдствія, была переведена въ другой монастырь.

Съ болью въ сердцѣ мы должны занести сюда, что добить Филарета, подкрѣпивъ доносъ своимъ авторитетнымъ участіемъ, принялъ на себя князь Суворовъ.

Узнавъ о такомъ сильномъ мстителѣ, Филаретъ уныло глядѣлъ на свою участь. Не погрѣшимъ мы, полагаю, если скажемъ, что всего болѣе огорчало его соблазнительное для церкви изведенія ея архипастыря на позоръ. «Доселѣ ничего не зналъ я о своей бѣдѣ», писалъ Филаретъ митрополиту Московскому, «болѣе того, что писалъ къ вашему в—ву. Два дни тому назадъ Кіевскій митрополитъ, при свиданіи, сказалъ мнѣ въ немногихъ словахъ, что подано доношеніе на меня во взяткахъ и худой жизни и что это доношеніе лично доставилъ князь Суворовъ въ тайную канцелярію (?) Обдумавъ дѣло съ послѣдствіями, остаюсь убѣжденнымъ, что еслибы слѣдствіе и оправдало меня, столько сильный гонитель довелъ бы дѣло до того, что я вынужденъ бы былъ отказаться отъ епархіи. Убѣжденіе это— вслѣдствіе близкаго знакомства съ бѣдною мстительностію Суворова. Потому посылаю письмо къ Петербургскому митрополиту, что готовъ я отказаться отъ епархіи и безъ слѣдствія, если невозможно ограничиться вытребованіемъ объясненій по копіи доноса, доселѣ въ точномъ видѣ неизвѣстнаго мнѣ».

Содержаніе доноса передавала людская молва. О немъ рѣшился сообщить Филарету, какъ слышали мы, одинъ предводитель дворянства. Когда онъ сказалъ объ обвиненіи святителя въ порочной жизни, у послѣдняго потекли слезы, и онъ, страдальчески воззрѣвъ на небо, произнесъ: «Господи, это уже выше силъ моихъ!» Такъ тяжела была для него клевета эта. «Много, очень много скорбей претерпѣлъ преосвященный по дѣлу о Хорошевскомъ монастырѣ», повѣствуетъ о. Іоаннъ Шароцкій. «Не одному мнѣ, какъ бывшему депутатомъ при производствѣ слѣдствія (по дѣлу объ оскорбленіи графини), но и другимъ лицамъ были извѣстны вздохи тяжко скорбѣвшей души его».

Не впервыя Филарету было переносить клевету. Не всегда, быть можетъ, она достигала до его слуха; но отъ самой первой ступени его служенія и до самой смерти переносить клевету и осужденіе было его удѣломъ. Такъ, когда онъ былъ еще ректоромъ академіи,

частыя свиданія его съ г-жею Я., урожденною Ш., были поводомъ злорѣчія. Люди, знавшіе Филарета ближе, не допускали въ отношеніяхъ его къ Я—ой ничего дурнаго. Къ счастью, живы еще лица, на глазахъ которыхъ протекло время ректорства Филарета: это бывшіе его ученики. Всего легче къ репутаціи человѣка относятся въ молодости; съ другой стороны, кому ближе подмѣтить въ начальствующемъ какую-либо слабость, какъ не ученику? И вотъ свидѣтельство одного уважаемаго пресвитера А. И. С—ва, бывшаго ученика Филарета, которое постараемся дословно передать: «Боже мой! Да никому изъ насъ, студентовъ, въ голову никогда не могло придти что-нибудь дурное о Филаретѣ. Сохрани Богъ! Это былъ праведникъ. Да ему съ Горскимъ и времени не было подумать-то о грѣхѣ: они всю жизнь проводили въ трудахъ, въ занятіяхъ, да какъ! 3—4 часа въ сутки, больше имъ и спать не доводилось. А Я—на была у насъ въ академіи своимъ человѣкомъ. Съ дѣтьми ея (старшему было лѣтъ 12) занимались наши студенты, и она бывала каждый день въ академіи. А умница была, и образована, и поговорить съ нею было любо». Къ тому же, еслибы въ этихъ отношеніяхъ было что-либо дурное, это не укрылось бы отъ его друга Горскаго, благочестивая жизнь котораго была всѣмъ извѣстна; это остудило бы чувство привязанности его къ Филарету. Здѣсь, напротивъ, мы видимъ отношенія ихъ не только не поколебленными, но замѣчаемъ, что Горскій смотрѣлъ на Филарета, какъ на опору и въ важныхъ вопросахъ жизни искалъ его совѣта и наставленія. Онъ даже былъ огорченъ, когда въ отвѣтъ на просимый совѣтъ Филаретъ, вслѣдствіе крайне неспокойнаго состоянія духа во время непріятнаго дѣла въ Ригѣ, отвѣчалъ: «не знаю». Наконецъ, Филаретъ, бывъ ректоромъ, жилъ съ Горскимъ въ одной квартирѣ, и его жизнь была на глазахъ послѣдняго. Злорѣчіе всякій фактъ готово толковать въ угоду себѣ. Такъ, когда Я—на переѣхала въ Москву для дальнѣйшаго образованія сына (не могъ же онъ окончить образованіе въ Сергіевскомъ посадѣ), стали говорить, что ей предложено выѣхать по распоряженію митрополита. Того не хотѣли понять, что если Я—на дорожила бесѣдою Филарета, то потому, что, живя въ посадѣ, она, какъ женщина образованная и умная, не находила другаго общества. Къ тому же при той трудовой жизни, какую велъ Филаретъ въ академіи, онъ и не могъ имѣть много свободнаго времени для этихъ бесѣдъ. Отъѣздъ его изъ Академіи, какъ знаемъ мы, былъ спѣшный. Онъ не имѣлъ досуга разобраться съ бумагами и поручилъ это сдѣлать безъ него. Между бумагами его оказалось письмо Я—ой. И что же въ немъ заключалось? Совѣтъ переносить скорбь безропотно, какъ волю Творца! А скорбь вызвана была разлукою съ

академіей. И ни одного слова, ни одного намека, указывающаго на короткость; напротивъ, письмо удостовѣряло, что отношенія были чисто-духовныя.

Мы упомянули объ этомъ случаѣ, быть можетъ и забытомъ, чтобы хотя по смерти снять съ памяти святителя незаслуженное нарѣканіе, измышленное и пронесенное о немъ людскимъ легкомысліемъ.

Въ подтвержденіе замѣчанія почтеннаго пресвитера мы приведемъ мнѣніе о Филаретѣ его бывшаго товарища, архіепископа, къ утѣшенію всѣхъ его знающихъ, еще совершающаго земной путь во славу Божію. «Это была чистая, простая душа. Онъ не понималъ зла. Бывало, его станешь предостерегать: зачѣмъ ты такъ неосторожно поступаешь? Могутъ вѣдь вотъ какъ объяснить, во зло истолковать. А онъ этого не понимаетъ, какъ человѣкъ въ невинномъ можетъ объяснить зло. «Да какъ же это? Да какъ же можно сказать, чего нѣтъ?» И съ такимъ младенческимъ сердцемъ онъ остался до гроба. Таковъ онъ былъ и въ Харьковѣ. Если онъ дѣйствовалъ иногда неосторожно и вызывалъ клевету на себя, то не потому, чтобы былъ ея достоинъ, а потому, что не былъ остороженъ: видѣлъ въ людяхъ одно доброе и не вѣрилъ, что можно измыслить зло тамъ, гдѣ его не было».

Такую клевету перенесъ Филаретъ и въ Черниговѣ. Тамъ распускали о немъ слухъ, что онъ беретъ дань отъ духовенства и безъ приношеній ничего не дѣлаетъ. А на чемъ построенъ былъ этотъ слухъ? Еще по пути въ Черниговъ, при обзорѣ церквей Конотопскаго уѣзда, онъ остался недоволенъ двумя священниками, которыхъ, пріѣхавъ въ Черниговъ, думалъ перевести въ другіе приходы. Намѣстникъ монастыря замѣтилъ ему: «Лучше оштрафуйте ихъ, владыка. Они люди состоятельные, этимъ ихъ не разорите. А переведете ихъ въ другое село, тѣже порядки заведутъ».—«Да куда же этотъ штрафъ?» недоумѣвая спрашиваетъ Филаретъ. «Какъ куда? Да вотъ у насъ колокола того-гляди упадутъ, потому что перекладины подгнили; и оштрафуйте въ пользу монастыря». Филаретъ послушался. Но сейчасъ же стали говорить, что архіерей оштрафовалъ въ свою пользу. Такое мнѣніе объ архіереѣ, распространявшееся среди духовенства, было весьма кстати для ловкаго письмоводителя, который безъ всякихъ стѣсненій сталъ злоупотреблять именемъ своего архіерея. Могилевскій архіепископъ Евсевій говорилъ по поводу слуховъ о Филаретѣ: «Не вѣрю я разсказамъ, не таковъ Филаретъ; я его знаю. Каковы окружающіе-то его? Онъ вѣдь довѣрчивый. Да некогда ему и къ людямъ-то присматриваться». Слухъ этотъ дошелъ и до высокопреосвященнаго Исидора, бывшаго тогда митрополитомъ Кіевскимъ. Ревнуя о доброй славѣ своего собрата, владыка-митрополитъ сообщилъ ему о слышанномъ. Фи-

ларетъ, получивъ это братское предостереженіе, говорилъ своему послушнику: «Вотъ, братъ, говорятъ обо мнѣ, что я взятки беру. Господи, и такъ я великій грѣшникъ предъ Тобою; куда бы я себя готовилъ, еслибъ еще этимъ занимался!» Въ это время проводилъ у него каникулы покровительствованный имъ Д. Показавъ ему письмо, Филаретъ его спросилъ: «Ну, что́ это значитъ, какъ ты полагаешь?»— «Дѣйствительно, владыка, объ этомъ всѣ говорятъ, что Р. злоупотребляетъ вашимъ именемъ».—«Да какъ же это, никто мнѣ не скажетъ?» — «Опасаются».—«И ты зналъ?»—«И я зналъ».—«Почему же ты-то мнѣ не сказалъ?»—«Тоже боялся. Я видѣлъ, что вы къ нему расположены и думалъ, что, пожалуй, мнѣ не повѣрили бы, или онъ успѣлъ бы убѣдить васъ, что это клевета. Дѣлу-то я не помогъ бы, а въ немъ имѣлъ бы вѣчнаго врага, который и васъ могъ разстроить противъ меня; а вѣдь я живу только милостивымъ вашимъ участіемъ въ моемъ положеніи». И всѣ смотрѣли на письмоводителя какъ на человѣка самаго близкаго Филарету. Никто не предполагалъ, чтобы онъ разстался съ нимъ. Но Филаретъ, сейчасъ же позвавъ его къ себѣ, сказалъ ему: «Господь съ тобой! Ступай отъ меня и чтобы завтра тебя не было». Предположеніе же Евсевія оправдалось. Вскорѣ онъ ѣздилъ, для поклоненія святынѣ, въ Кіевъ и по пути заѣзжалъ въ Черниговъ къ своему старому товарищу Филарету погостить. По возвращеніи онъ разсказывалъ: «Спрашиваю я своего келейника: а каковъ владыка показался тебѣ? Хорошій, говоритъ, владыка, очень; да народъ-то возлѣ него плохой». И этотъ недостатокъ въ окружавшихъ со всею ужасающею правдою обнаружился по его кончинѣ.

Но клевета на Филарета, пущенная въ ходъ въ высшей Петербургской сферѣ, мало оказала воздѣйствія на Св. Синодъ. Слава Филарета, какъ ученаго, уже прогремѣла по Россіи. Не было почти ни одного свѣтскаго литературнаго журнала, который бы не посвятилъ нѣсколькихъ статей разбору его сочиненій, отдавая дань уваженія его таланту и познаніямъ. Разныя ученыя общества почтили его дипломами. Такъ 25-го Января 1847 года онъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ *); 14-го Февраля членомъ-корреспондентомъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества; 15-го Марта 1852 года дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и того же числа почетнымъ Императорскаго Харьковскаго

*) Въ то время, при графѣ С. Г. Строгоновѣ и О. М. Бодянскомъ, это избраніе было дѣйствительнымъ почетомъ. П. Б.

Университета; 22-го Марта 1855 года почетнымъ членомъ Императорскаго Московскаго университета; 21-го Мая 1856 года почетнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества; 21-го Мая 1857 года почетнымъ членомъ Кіевской Духовной Академіи. Позднѣе, а именно 3-го Апрѣля 1860 года, Филаретъ былъ удостоенъ Кіевскою Духовною Академіей степени доктора богословія, а въ 1865 году онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Московской Духовной Академіи. Какъ-то странно, что родная академія послѣднею почтила своего бывшаго питомца и ректора.

Апостольское служеніе его въ Ригѣ сдѣлалось извѣстнымъ членамъ Св. Синода въ его настоящемъ свѣтѣ; передъ глазами ихъ было и дѣло о незаслуженной Филаретомъ клеветѣ въ Ригѣ. Вслѣдствіе этого къ новой клеветѣ Св. Синодъ долженъ былъ отнестись если не съ недовѣріемъ, то съ крайнею осмотрительностію. Дѣятельность его въ Харьковѣ была столь богата результатами, сколько Рижская дѣятельность скорбями. Вотъ почему, вмѣсто отвѣта на доносъ Филаретъ (возведенный въ 1857 году въ санъ архіепископа) былъ почтенъ назначеніемъ присутствовать въ Св. Синодѣ. Въ это же время чиновникъ-адвокатъ былъ по высочайшему повелѣнію высланъ изъ Харькова. Одно, въ чемъ успѣлъ князь Суворовъ, это—поколебать мнѣніе о Филаретѣ въ Бозѣ почившаго Государя. Такъ, въ непродолжительномъ времени, когда Филаретъ былъ назначенъ въ Черниговъ, Государь предупреждалъ губернатора Шабельскаго о Филаретѣ съ невыгодной стороны для послѣдняго. И только, когда подписывалъ онъ въ 1866 году рескриптъ Филарету на пожалованіе ему ордена Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, бывшій оберъ-прокуроръ Св. Синода открылъ смѣло глаза Государю, указавъ на истинныя заслуги Филарета для церкви, отечества и науки. И въ высочайшемъ рескриптѣ были засвидѣтельствованы его ученые труды, составляющіе украшеніе духовной отечественной письменности.

И. Листовскій.

(Продолженіе будетъ).

СТУДЕНЧЕСКІЯ БЕЗЧИНСТВА ВЪ ДЕРПТѢ.

1804.

Прежде изложенія случая, происшедшаго въ Дерптѣ въ 1804 году, маловажнаго самаго по себѣ, но подавшаго поводъ къ довольно обширной и любопытной перепискѣ между тогдашними властями, скажемъ нѣсколько словъ объ основаніи и учрежденіи нынѣшняго Дерптскаго университета.

Знаменитый поборникъ протестантства, король Густавъ-Адольфъ Шведскій, въ лагерѣ подъ Нюренбергомъ, подписалъ 30-го Іюня 1632 года грамоту объ учрежденіи въ Дерптѣ университета [1]). На основаніи этой учредительной грамоты, предоставлявшей ново-учреждаемому университету права̀ и преимущества университета Упсальскаго, 15-го Октября 1632 г. въ Дерптѣ и былъ открытъ протестантскій университетъ [2]). То было первое высшее учебное заведеніе въ Ливоніи. Большинство студентовъ въ новоучрежденномъ университетѣ составляли сначала Шведы и Финляндцы, но послѣ взяли перевѣсъ Ливонцы. Общее число студентовъ никогда не превосходило 140 по всѣмъ факультетамъ.

Во время возникшей въ 1656 г. войны между Россіею и Швеціею, князь Трубецкой осадилъ Дерптъ, который и сдался ему на капитуляцію [3]). Въ силу этой капитуляціи, Шведскій гарнизонъ, члены

---

[1]) Подлинная грамота хранится въ королевской библіотекѣ въ Стокгольмѣ.

[2]) Подробности открытія см. у Кельха въ его „Livl. Historia", стр. 552 и слѣд. Ко дню открытія студентовъ было иматрикуловано (включено въ списокъ) 67, профессоровъ было 19.

[3]) Подробности объ осадѣ и сдачѣ Дерпта Трубецкому см. у Гадебуша въ его Livl. Jahrb., часть III, отдѣлъ I, 461—470. Университетская библіотека и типографія были замурованы въ церкви св. Маріи, откуда и добыты вновь въ 1688 г.

королевскаго гофгерихта, консисторіи, а также профессора и студенты университета получили право безпрепятственнаго выхода изъ взятаго города, куда кому было угодно. Профессора разъѣхались, кто въ Ревель, кто въ другіе города; студенты тоже, кто по домамъ, кто въ заграничные университеты, кто въ Ревель. Университетъ такимъ образомъ закрылся.

По миру, заключенному въ Кардисѣ въ 1661 г., Дерптъ съ его уѣздомъ снова отошелъ къ Швеціи; но о возстановленіи университета долго и рѣчи не было, пока наконецъ Лифляндское и Эстляндское дворянство въ 1687 г. доставило кое-какія средства на возстановленіе университета и начало ходатайство о томъ предъ тогдашнимъ Шведскимъ генералъ-губернаторомъ Гастферомъ. Предполагалось открыть университетъ въ Перновѣ, такъ какъ бывшія университетскія зданія въ Дерптѣ сгорѣли въ 1686 г.; тѣмъ не менѣе предположеніе это не осуществилось: признали болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ отстроить вновь въ Дерптѣ домъ для университета и тутъ открыть университетъ. Домъ былъ отстроенъ и университетъ открытъ въ 1689 г. по новому уставу, утвержденному въ Стокгольмѣ 28-го Января 1689 г. Генералъ-губернаторъ Гастферъ былъ назначенъ канцлеромъ возобновленнаго университета, получившаго наименованіе Gustaviana-Carolina.

Недолго суждено было существовать и возобновленному университету. Въ 1699 г. Шведское правительство было уже увѣрено въ неминуемости разрыва съ Россіею, и 17-го Іюня 1699 г. генералъ-губернаторъ, какъ канцлеръ университета, сдѣлалъ распоряженіе о переводѣ университета изъ Дерпта въ Перновъ. Университетъ былъ открытъ въ Перновѣ 28-го Августа, но это было лишь подобіе университета: изъ бывшихъ Дерптскихъ студентовъ мало кто поѣхалъ въ Перновъ, большая же часть удалилась въ Швецію и Германскіе университеты.

Университетъ въ Перновѣ существовалъ лѣтъ десять, и въ 1710 году, когда фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ осадилъ Ригу, всѣ профессора изъ Пернова на кораблѣ отправились въ Швецію, забравъ съ собою университетскія дѣла, библіотеку, всѣ университетскія инсигніи [1]).

Университетъ закрылся вторично, и хотя въ акордныхъ пунктахъ Лифляндскаго дворянства отъ 4-го Іюля 1710 г. упоминалось о со-

---

[1]) Въ Королевско-Шведской библіотекѣ въ Стокгольмѣ хранятся и понынѣ нѣкоторыя рукописи, печати, книги и разные предметы, принадлежавшіе Дерптскому и Перновскому университетамъ въ Шведскія времена. Часть университетскихъ дѣлъ въ 1826 г., по ходатайству генералъ- еръ-интендента Зонтага, была возвращена въ

храненіи университета, и въ царскомъ подтвержденіи оныхъ 12-го Октября 1710 г. [5]), въ пунктѣ 4-мъ, разрѣшалось при университетѣ въ Лифляндіи имѣть искусныхъ профессоровъ лютеранскаго закона съ тѣмъ, чтобы при университетѣ опредѣлить профессора Славянскаго языка; но въ сущности никакого университета ни въ Лифляндіи, ни въ Эстляндіи въ 1710 г. уже не было, да и о возстановленіи университета никто серіознымъ образомъ и не думалъ: не до Лифляндскаго университета было Царю въ тѣ времена, когда Сѣверной войнѣ и конца еще не видѣлось. Не до университета было и дворянству, когда война страшно разорила и Лифляндію, и Эстляндію; ибо Царь съ самаго начала войны, милуя по возможности Шведскія земли, имѣвшія отойти къ Россіи, нимало не щадилъ Лифляндіи и Эстляндіи, которыя предполагалось уступить Августу II-му.

Но вотъ 30-го Августа 1720 г. подписанъ Ништатскій миръ. Учредились такъ-называемыя реституціонныя коммиссіи для возврата помѣщикамъ имѣній, отобранныхъ у нихъ Шведскимъ правительствомъ по закону о редукціи; возстановились старинные провинціальные штаты; дворянскія сословія снова пріобрѣли первенствующее значеніе въ краѣ. Но о возстановленіи университета и рѣчи не заходило. Правда, въ концѣ 1725 г. Дерптскій магистратъ вошелъ было съ просьбою къ тогдашнему Лифляндскому генералъ-губернатору князю Никитѣ Ивановичу Репнину о возстановленіи въ Дерптѣ бывшаго университета; но князь отклонилъ просьбу, по несвоевременности ея. Перновскій магистратъ въ 1764 г., во время путешествія императрицы Екатерины Второй по Ливоніи, также началъ было ходатайствовать о возстановленіи бывшаго въ Перновѣ университета. Правительствующій Сенатъ предписалъ было Лифляндскому губернатору доставить свѣдѣнія о бывшихъ Дерптскомъ и Перновскомъ университетахъ съ уставами ихъ; предписаніе было исполнено, въ 1765 г. были отправлены эти свѣдѣнія и копіи съ прежихъ университетскихъ уставовъ и привиллегій; но этимъ дѣло и кончилось. Бывшіе Шведскіе университеты въ Дерптѣ и Перновѣ, никогда, впрочемъ, не пользовавшіеся особенною извѣстностью, пришли въ совершенное забвеніе. Люди побогаче отправляли своихъ сыновей въ Германскіе университеты; учителя для учебныхъ заведеній, домашніе наставники, пасторы, все это приглашалось и выписывалось изъ Германіи. Духовная связь Ливоніи съ Германіею, слабая при Шведахъ, видимо крѣпла и со дня на день усиливалась подъ Русскимъ господствомъ; тѣмъ не менѣе вопросъ объ университетѣ для

[5]) См. Полное Собр. Законовъ Россійск. Имп. № 2304.

Ливоніи не выдвигался на очередь. Правда, у Императрицы мелькнула мысль учредить университетъ во Псковѣ, который бы служилъ и для Ливонскаго юношества, но мелькнувшая мысль не осуществилась.

Вопросъ объ университетѣ для Ливоніи выдвинулся на очередь лишь въ царствованіе Павла Петровича и совсѣмъ не потому, чтобы Императоръ вспомнилъ о бывшихъ когда-то въ Ливоніи Шведскихъ университетахъ, а въ силу соображеній, явившихся непосредственнымъ слѣдствіемъ строгихъ мѣропріятій, какія были сдѣланы въ 1797 и 1798 годахъ противъ распространенія въ Россіи анти-религіозныхъ и анти-монархическихъ ученій, шедшихъ изъ Франціи и волновавшихъ всю среднюю Европу.

Рядъ такихъ мѣропріятій начался съ указа 16-го Февраля 1797 (см. П. С. З. Р. И. № 17811), коимъ повелѣвалось быть цензурѣ книгъ только въ Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ, а типографіямъ быть только при присутственныхъ мѣстахъ; затѣмъ, но уже въ 1798 г.. слѣдовали указы, одинъ другаго строже и суровѣе: 9-го Апрѣля (№ 18474) воспрещалось отправлять молодыхъ людей въ иностранныя училища, 17-го Мая (№ 18524) повелѣвалось пропускать изъ-за границы газеты и книги только такія, кои разрѣшены къ пропуску цензурою; 4-го Іюня (№ 18544) не пускать на жительство въ Россію Шведскихъ подданныхъ; 6-го Іюня (№ 18545) воспрещалось выдавать кому бы то ни было заграничные паспорты безъ предварительнаго разрѣшенія на то его величества; 6-го Іюня (№ 18546) закрывались границы для проѣзда въ Швецію; 17-го Іюня повелѣвалось (№ 18553) всѣмъ Русскимъ подданнымъ, учащимся къ чужихъ краяхъ, возвратиться въ Россію въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, подъ угрозою отобранія имѣнія въ казну; 22-го Іюня (№ 18559) разрѣшалось всѣмъ желающимъ выѣхать за границу давать паспорты, но не иначе какъ объявляя отъѣзжающимъ, что они обратно въ Россію впущены не будутъ; наконецъ, указомъ отъ 28-го Іюня (№ 18564) объявлялось, когда, въ какихъ случаяхъ и при соблюденіи какихъ формальностей можно пропускать въ Россію иностранцевъ для торговли.

Всѣ эти указы исполнялись безъ всякихъ послабленій. Европейскія границы Россіи для доступа иноземцевъ, кромѣ торговыхъ людей, рѣшительно закрывались.

Воспретивъ отправлять изъ Россіи молодыхъ людей въ иностранныя училища «по причинѣ», какъ сказано въ указѣ отъ 9-го Апрѣля 1798 г., «возникшихъ въ тѣхъ училищахъ зловредныхъ правилъ къ воспаленію незрѣлыхъ умовъ, на необузданныя и развратныя умствованія подстрекающихъ», закрывъ границу для доступа иностранцевъ въ Россію, императоръ Павелъ не могъ не видѣть, что три Ливонскія

губерніи наиболѣе пострадаютъ вслѣдствіе состоявшихся воспрещеній; потому что и въ самомъ дѣлѣ откуда было брать для этихъ губерній ученыхъ пасторовъ, учителей для училищъ, домашнихъ наставниковъ, гдѣ было получать высшее образованіе молодежи, если университета не было? Устранить эти важныя неудобства можно было единственно учрежденіемъ университета, и потому въ указѣ отъ 9-го Апрѣля, воспрещавшемъ отправленіе Русской молодежи въ «иностранныя воспиталища», было прибавлено: «Но дабы не ограничить тѣмъ способовъ къ образованію и просвѣщенію, въ особенности благородному юношеству Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому, и тѣмъ наипаче воздѣйствовать къ общему и частному благу, всемилостивѣйшій Государь Императоръ соизволилъ оказать высокомонаршую волю, чтобъ рыцарства Курляндское, Эстляндское и Лифляндское, по собственному ихъ согласію, избрали приличнѣйшее для учрежденія университета мѣсто, и на основаніи желаемой пользѣ соотвѣтственномъ устроили оный».

Сенатъ, по выслушаніи этого указа, объявленнаго генералъ-прокуроромъ, предписалъ губернскимъ правленіямъ въ Ригѣ, Митавѣ и Ревелѣ оповѣстить дворянъ, дабы они съѣхались и составили, какъ возможно скорѣе, проектъ учрежденія университета.

Въ Ноябрѣ 1798 г. проектъ былъ представленъ Сенату. Генералъ-прокуроръ князь Лопухинъ 30-го Ноября заявилъ Сенату, что Государь Императоръ высочайше повелѣваетъ, дабы Сенатъ разсмотрѣлъ разныя начертанія относительно учрежденія протестантскаго университета въ Россіи, проектъ Шуберта и проектъ Ливонскихъ дворянъ и, сдѣлавъ опредѣленіе, вошелъ съ докладомъ. Сенатъ нашелъ, что планъ Ливонскихъ депутатовъ болѣе основателенъ, чѣмъ другіе, но требуетъ, однакоже, нѣкоторыхъ изъятій и дополненій. Сдѣлавъ эти перемѣны, Сенатъ представилъ проектъ на высочайшее утвержденіе, причемъ донесъ, что хотя Курляндское дворянство и назначаетъ мѣстомъ университета Митаву, но выгоднѣе и удобнѣе открыть университетъ не въ Митавѣ, а въ Дерптѣ; потому что Дерптъ находится въ срединѣ трехъ губерній, не окруженъ болотами, употребляетъ Русскую монету и ассигнаціи, и жизненные припасы въ немъ дешевле, чѣмъ въ Митавѣ, а это для недостаточныхъ родителей весьма важно. На содержаніе университета исчислено въ годъ 56.050 рублей. Сенатъ находилъ, что вносить эту сумму тремъ дворянскимъ обществамъ будетъ трудновато, потому необходимо воспособленіе отъ казны; воспособленіе же можетъ быть сдѣлано отводомъ казенной земли и дома въ Дерптѣ для университета съ обращеніемъ въ пользу университета дохода съ 100 гаковъ земли. Государь 4-го Мая 1799 г. утвердилъ докладъ Сената о протестантскомъ университетѣ, причемъ высочайше повелѣлъ отвести подъ

университетъ въ Дерптѣ казенную землю и домъ; когда же университетъ откроется, то избрать 100 гаковъ казенной земли и предоставить съ императорскаго разрѣшенія избранные гаки и имѣнія въ пользованіе университету.

Оставалось такимъ образомъ приводить въ исполненіе проектъ; но осуществленіе его никакъ не могло быть произведено съ тою быстротою, съ какою онъ составлялся. Прошли 1799 и 1800 годы, а университетъ все не открывался: нужно было все устроить и приспособить, сформировать управленіе и пригласить профессоровъ, а послѣднее было въ особенности трудно, такъ какъ Императоръ никакъ не желалъ, чтобы университетскія каѳедры были занимаемы иностранцами, а требовалъ, чтобы профессорами были свои ученые Лифляндцы. Курляндское дворянство съ своей стороны не прекращало ходатайствъ о Митавѣ и наконецъ добилось таки, что Государь 25-го Декабря 1800 г. высочайше повелѣлъ (П. С. З. № 19700): «быть университету не въ Дерптѣ, а въ Митавѣ, со всѣми прежде пожалованными ему выгодами, обративъ въ университетъ существующую въ Митавѣ академическую гимназію съ состоящими при оной строеніями, библіотекою и прочими принадлежностями».

Указъ этотъ, за смертію Павла, не былъ приведенъ въ исполненіе. Императоръ Александръ Павловичъ 12-го Апрѣля 1801 г. назначилъ окончательно новоучреждаемому университету мѣсто въ Дерптѣ.

Торжественное открытіе университета въ Дерптѣ, учрежденнаго по уставу 4-го Мая 1799 г., происходило 21-го и 22-го Апрѣля 1802 года. Въ этотъ годъ, 22-го Мая, Государь Императоръ проѣздомъ въ Мемель и Берлинъ былъ въ Дерптѣ и посѣтилъ университетъ.

8-го Сентября 1802 г. учреждено министерство народнаго просвѣщенія съ назначеніемъ министромъ графа П. В. Завадовскаго. Такъ какъ новоучрежденному министерству былъ предоставленъ главный надзоръ и руководство надъ всѣми учебными заведеніями въ Россіи, въ уставѣ же (планѣ) новаго университета о подчиненіи и отношеніяхъ университета къ министерству не упоминалось вовсе: потому университетская ученая корпорація (профессора всѣхъ факультетовъ) уполномочила проректора, профессора физики Георга-Фридриха Паррота, отправиться въ Петербургъ для представленія министру и ближайшаго опредѣленія отношеній университета къ министерству. Парротъ, лично извѣстный Императору, имѣлъ счастіе представляться Его Величеству и затѣмъ 12-го Декабря 1802 г., въ день тезоименитства Государя, удостоился получить изъ рукъ его учредительную для Дерптскаго университета грамоту, которой университетъ не имѣлъ до того времени.

Со дня подписанія учредительной (фундаціонной) грамоты [6]), т.-е. съ 12-го Декабря 1802 г., Дерптскій университетъ и ведетъ начало своего существованія и ежегодно въ этотъ день празднуетъ годовщину своего основанія. Грамоту эту Парротъ передалъ университету, по возвращеніи въ Дерптъ, 23-го Декабря.

Вскорѣ послѣ того, 24 января 1803 г., учрежденъ Дерптскій учебный округъ съ назначеніемъ генералъ-маіора Клингера [7]) попечителемъ онаго. Университетскій уставъ 4 Мая 1799 г. уже 5 Января 1802 г. потерпѣлъ нѣкоторыя измѣненія, не имѣвшія, однако, высочайшаго утвержденія. Съ изданіемъ учредительной грамоты явилась необходимость полнаго пересмотра устава и составленія устава вновь. Уставъ былъ составленъ изъ 290 статей особою университетскою комиссіею, состоявшею изъ ректора Паррота и по одному профессору съ каждаго факультета, былъ высочайше утвержденъ 12 Сентября 1803 г., вступилъ въ силу съ 21 Сентября 1803 года и дѣйствовалъ по 4 Іюня 1820 г. На основаніи этого новаго устава въ 1803 г. учредились правленіе университета, имѣвшее первое свое засѣданіе 15 Октября, и университетскій судъ. Правила для студентовъ были высочайше утверждены 23 Августа 1803 г. Студенты университета подчинялись исключительно и единственно университетскому совѣту и университетскому суду; они были изъяты изъ вѣдомства административныхъ, судебныхъ и полицейскихъ губернскихъ и уѣздныхъ властей и составили собою такимъ образомъ въ Дерптѣ родъ особой корпораціи, знать не хотѣвшей никакой надъ собою власти, кромѣ университетской.

Теперь переходимъ къ изложенію того, что̀ случилось въ Дерптѣ въ 1804 году.

*

---

[6]) Она напечатана въ XXVII томѣ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи, стр. 394—397.

[7]) Ѳедоръ Ивановичъ (Фридрихъ-Максимиліанъ) Клингеръ род. въ 1753 г. во Франкфуртѣ-на-Майнѣ и образованіе свое получилъ въ Гиссенскомъ университетѣ. Въ 1780 г. онъ прибылъ въ Россію и въ 1781 вступилъ въ военную службу. Въ 1801 г., будучи въ чинѣ генералъ-маіора, былъ назначенъ директоромъ 1-го Кадетскаго и Пажескаго корпусовъ. Въ 1811 г. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Дерптскимъ учебнымъ округомъ онъ управлялъ съ 1803 по 1817 г. Въ 1820 г. онъ вышелъ въ отставку и въ 1831 году умеръ въ Петербургѣ. Сочиненія его въ 12-ти томахъ были изданы въ Кенигсбергѣ. Клингеръ былъ назначенъ попечителемъ съ оставленіемъ въ должности директора 1-го Кадетскаго и Пажескаго корпусовъ, вслѣдствіе чего имѣлъ постоянное пребываніе въ Петербургѣ, въ Дерптъ же пріѣзжалъ обыкновенно въ Маѣ недѣли на двѣ, на три.

Съ 1801 года три Ливонскія губерніи составляли особое генералъ-губернаторство. Правда, названіе это нигдѣ не употреблялось; но сущность дѣла отъ этого нимало не измѣнялась, такъ какъ главное управленіе этими тремя губерніями было ввѣрено одному лицу, Рижскому военному губернатору, которому были подчинены какъ гражданскіе губернаторы, такъ и всѣ городскія и земскія управленія. Рижскій военный губернаторъ не имѣлъ титула генералъ-губернатора, именовался лишь управляющимъ гражданскою частію, но кругъ его вѣдомства и обязанностей вполнѣ соотвѣтствовалъ должности генералъ-губернатора.

Въ 1804 году главно-управляющимъ гражданскою частію въ Ливонскихъ губерніяхъ былъ генералъ-отъ-инфантеріи графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Буксгевденъ, смѣнившій въ Сентябрѣ 1803 г. князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына. По отзыву современниковъ (см. напр. Записки Рижскаго бургомистра Бульмеринга въ I-мъ томѣ «Прибалтійскаго Сборника»), графъ Буксгевденъ былъ человѣкъ въ сущности честный и добрый, но крайне подозрительный и недовѣрчивый. Онъ любилъ порядокъ во всемъ до педантизма и, къ чести его слѣдуетъ сказать, не любилъ отступленій отъ закона, съ чьей бы то ни было стороны, и самъ не дозволялъ себѣ отступленій. Онъ пользовался славою хорошаго боеваго генерала и потому нерѣдко былъ вызываемъ изъ Риги къ арміи, оставаясь въ должности Рижскаго военнаго губернатора.

Въ Дерптѣ, какъ и въ другихъ Ливонскихъ городахъ, въ 1804 г. особаго полицеймейстера не было, а полицейскими дѣлами вѣдали магистратъ и бургомистръ полиціи, которымъ въ 1804 г. состоялъ нѣкто Линде. Обо всѣхъ происшествіяхъ въ городѣ онъ и былъ обязанъ докладывать въ Ригу графу Буксгевдену, который со своей стороны доносилъ о выдающихся событіяхъ прямо Государю Императору.

Дерптскій университетъ ни въ какихъ отношеніяхъ не подчинялся графу Буксгевдену, имѣя свой судъ и расправу. Число студентовъ въ Дерптѣ въ 1804 г. не превосходило полторы сотни (университетъ открылся всего при 19-ти студентахъ, но число это быстро возрасло въ 1803 и 1804 г.), и потому надзоръ за поведеніемъ учащихся не былъ особенно затруднителенъ. Тѣмъ не менѣе до графа Буксгевдена начали доходить слухи, что университетскій надзоръ за студентами крайне слабъ, что студенты дозволяютъ себѣ разныя безчинства въ городѣ, нарушающія спокойствіе жителей (въ тѣ времена студенческихъ корпорацій еще не было). Пока эти безпорядки были маловажны, графъ молчалъ про нихъ; но вотъ осенью 1804 г. онъ узналъ, что безчинства студентовъ переходятъ границы шалостей: студенты начали по ночамъ бить окна въ домахъ горожанъ, и однажды

дрались съ горожанами, кричали караулъ и нанесли оскорбленіе дежурному по карауламъ офицеру (караулы въ Дерптѣ въ 1804 г. содержалъ Ревельскій мушкетерскій полкъ, шефомъ котораго былъ генералъ Хотунцовъ). Графъ Буксгевденъ не могъ уже оставить безъ вниманія оскорбленія, нанесеннаго дежурному офицеру, и потому 15 Ноября 1804 г. за № 4.358 предписалъ Хатунцову донести, насколько справедливы слухи, что Дерптскіе студенты съ гражданами учинили непозволительные поступки, кричали караулъ, обидѣли офицера. «О таковыхъ происшествіяхъ долженъ я», писалъ графъ, «получать неминуемо донесеніе отъ в. пр., какъ отъ воинскаго въ Дерптѣ начальника, но не имѣя онаго, предписываю съ полученія сего обо всемъ подробно мнѣ рапортовать». Въ такомъ же смыслѣ было дано предписаніе и бургомистру полиціи Линде.

Хатунцовъ, до полученія еще предписанія графа Буксгевдена, рапортовалъ ему 9 Ноября 1804 г. такъ:

«Вчерашняго числа въ вечеру, послѣ пробитія зори, здѣсь въ городѣ, близъ каменнаго моста, на улицѣ сдѣлана была драка собравшимися въ немаломъ количествѣ Дерптскаго университета студентами, кои били двухъ здѣшнихъ гезелей [8]), и тотчасъ на оный крикъ посланъ былъ отъ караула для унятія патруль, а потомъ пришелъ и бывшій за дежурнаго ввѣреннаго мнѣ Ревельскаго мушкетерскаго полка капитанъ Тонышевъ, который сталъ говорить онымъ студентамъ, что таковыя безчинства непристойно дѣлать благороднымъ. Тогда нѣкоторые студенты даже и на него озлобились и порывались взять его за грудь, но будучи до того не допущены, осмѣливались поносить его ругательными, постыдными чести, словами, причемъ былъ онаго университета профессоръ Эльснеръ, который во время таковаго безчинства студентовъ нимало не приступилъ къ унятію ихъ. А какъ въ немаломъ количествѣ студентовъ, и притомъ въ ночное время, нельзя было узнать виновныхъ: то я сего числа сообщилъ о семъ Дерптскому университету, чтобы сіе дѣло изслѣдовано и съ виновными поступлено было по всѣмъ правамъ законовъ, почему уже университетъ и приступилъ къ наистрожайшему изслѣдованію».

Происшествіе это показалось графу Буксгевдену столь важнымъ, что онъ счелъ необходимымъ донести о немъ Государю Императору рапортомъ отъ 19 Ноября 1804 г. за № 3.018. Въ этомъ рапортѣ между прочимъ сказано, что о профессорѣ Эльснерѣ указомъ Прав. Сената знать дано, что ему за своевольное наказаніе двороваго г.-л.

---

[8]) Ремесленные подмастерья.

Кноринга человѣка батожьями попечителемъ университета учиненъ выговоръ [9]). Хотя поступки студентовъ особенно дерзкіе противу воинскаго караула и дежурнаго офицера, суть преступленія значущія, но поелику они подвержатъ исключительно вѣдомству университета, то и не могу всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству представить кто именно виновные, ибо сіе открыто быть должно бы слѣдствію въ университетѣ.

Графъ Буксгевденъ сдѣлалъ замѣчаніе г.-м. Хатунцову: дежурный по карауламъ и караулъ не исполнили своего долга; имъ слѣдовало, на основаніи 26-го пункта манифеста 21 Апрѣля 1787 г., взять студентовъ за драку и дерзости, также взять профессора за нестараніе унять студентовъ отъ наглости и всѣхъ ихъ подъ стражею отослать въ университетъ съ описаніемъ ихъ поступковъ.

Между тѣмъ и Дерптскій магистратъ 18 Ноября донесъ графу Буксгевдену, что 30 Октября 1804 г. ночью въ квартирѣ ратсгера Вернера были выбиты окна, и затѣмъ 3 Ноября окна были выбиты въ этой квартирѣ вторично и битье оконъ произведено и въ другихъ домахъ. Виновныхъ не отыскано. Вернеръ, будучи старшиною въ клубѣ «Мусса», поссорился со студентами на балу: надобно полагать, что студенты и повыбивали у него окна, писалъ магистратъ. Объ этихъ безчинствахъ графъ Буксгевденъ сообщилъ 22 Ноября за № 3065 министру внутреннихъ дѣлъ графу В. П. Кочубею.

Бургомистръ полиціи Линде со своей стороны донесъ графу Буксгевдену, что 30 Октября 1804 г. на балу въ клубѣ «Мусса» возникло неудовольствіе между старшиною этого клуба, ратсгеромъ Вернеромъ и разными молодыми людьми, большинство которыхъ составляли студенты. Вернеръ, на основаніи печатныхъ правилъ о порядкѣ танцевъ, приказалъ музыкантамъ послѣ окончанія полонеза играть менуетъ. Такъ какъ съ нѣкотораго времени на балахъ менуета больше не танцуютъ, да на этотъ разъ и охотниковъ танцовать менуетъ не находилось: потому, когда заиграли менуетъ, между танцорами, преимущественно между студентами, возникъ громкій ропотъ. Студенты взяли свои шляпы и всѣ ушли изъ зала безъ шума, однакоже. Чрезъ часъ услышали, что у ратсгера Вернера выбито окно; но кто именно выбилъ, остается и до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Слѣдующій балъ въ Муссѣ, данный 13 Ноября, прошелъ совершенно спокойно, и никакого неудовольствія замѣчаемо не было.

---

[9]) Профессоры Дерптскаго университета, Эльсперъ и Краузе, въ 1803 г., замѣтивъ, что дворовые люди генерала Кноринга ходятъ по университетской землѣ, засаженной деревьями, захватили одного изъ нихъ и наказали палками (батожьемъ).

«Чтó касается до драки студентовъ съ ремесленными подмастерьями, происходившей близъ каменнаго моста, то, сколько мнѣ извѣстно, писалъ Линде, нѣкоторые студенты били этихъ подмастерьевъ; послѣдніе кричали караулъ, и двое изъ нихъ, но не студенты, были отведены на гауптвахту. Студенты указаны университетскому совѣту, и двое изъ нихъ, Клугенъ и Тидебель, по разслѣдованіи совѣтомъ дѣла, посажены въ карцеръ. У профессора Розенмиллера, писалъ Линде далѣе, двѣ недѣли тому назадъ были выбиты окна, а у ратсгера Вернера были выбиты вторично. Профессоръ подозрѣваетъ, что окна у него выбиты студентами, о чемъ онъ и заявилъ университетскому совѣту; но дѣйствительнаго виновнаго не отыскано».

Линде къ этому присовокупилъ, что ремесленники о своей дракѣ со студентами ему ничего не заявляли; потому онъ Линде и ограничился донесеніемъ одному магистрату какъ о дракѣ, такъ и о происшествіи въ Муссѣ. Оба эти случая никакихъ послѣдствій не имѣли, потому онъ Линде и не считалъ нужнымъ обременять графа Буксгевдена подобными маловажными донесеніями, но въ будущемъ онъ не упуститъ рапортовать обо всемъ.

Графъ Буксгевденъ указалъ Линде, что ему, какъ начальнику полиціи, должны быть извѣстны въ точности всѣ подробности о дракѣ; въ донесеніяхъ онъ долженъ быть точнымъ и обстоятельнымъ и не употреблять выраженій «насколько мнѣ извѣстно». О всякихъ же безпорядкахъ онъ долженъ доносить немедленно.

Въ концѣ Ноября университетскій судъ кончилъ разслѣдованіе дѣла о столкновеніи студентовъ съ карауломъ и доставилъ Хатунцову публикацію и приговоръ по этому дѣлу. Хатунцовъ представилъ эту публикацію и приговоръ въ Ригу къ графу Буксгевдену, который въ свою очередь отослалъ ихъ въ подлинникѣ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 3 Декабря 1804 г. за № 3218, при чемъ писалъ:

«По дѣлу видно, что начало драки произошло отъ того, что студентъ Клугенъ запрещалъ подмастерьямъ пѣть такъ называемыя студенческія пѣсни, а съ тѣмъ вмѣстѣ студентъ Тидебель одного изъ подмастерьевъ ударилъ и опрокинулъ на землю. Послѣ того собралось много студентовъ и били подмастерьевъ; на шумъ отряженъ былъ воинскій патруль, но команду сію вмѣстѣ съ дежурнымъ капитаномъ студенты окружили и дерзкими поступками нарушили почтеніе къ воинскому караулу и дежурному офицеру, почему университетъ осудилъ студентовъ Клугена и Тидебеля къ двухъ-дневному содержанію въ запертой комнатѣ; въ разсужденіи жъ дерзкихъ противу воинскаго караула и дежурнаго офицера поступковъ прибито къ черной доскѣ объвѣщеніе, чтобъ имѣли почтеніе къ воинскому караулу».

«Здѣсь долгомъ моимъ считаю изъясниться съ вашимъ сіятельствомъ, что поступки студентовъ подлежатъ суду уголовному, ибо законами повелѣно въ уставѣ благочинія: «буде кто учинитъ поединокъ или драку, того имать подъ стражу и отослать къ суду»; высочайшаго 1787 г. Апрѣля 21 манифеста въ 26 статьѣ: «буде посредникъ или надежные не объявятъ и допустятъ до драки или поединка, и о томъ будетъ гласно, что въ примиреніи не успѣли и не объявили и допустили до драки или поединка, то посредника и надежныхъ почесть аки сообщниковъ въ дракѣ или поединкѣ, и аки сообщники подлежатъ суду». Въ 46 воинскомъ артикулѣ: «буде же кто противъ караула и часоваго, такожде противъ патрулира и рунду шпагу обнажитъ, или на оныхъ нападетъ, или учинитъ онымъ какой вредъ и препятствія, онаго надлежитъ безъ всякой милости аркебузировать». Въ уставѣ императорскаго Дерптскаго университета въ § 6-мъ, по уголовнымъ дѣламъ университетъ, учинивъ первоначальное изслѣдованіе, препровождаетъ оное съ мнѣніемъ своимъ въ то присутственное мѣсто, до коего суда подлежитъ преступленіе; почему студентовъ, учинившихъ драку и оказавшихся дерзкими противу воинскаго караула и дежурнаго офицера, коимъ не только воспротивились, но и окружили ихъ съ дерзкими приступами, обязанъ былъ университетъ отослать съ мнѣніемъ своимъ для сужденія въ надлежащее судебное мѣсто. По содержанію 36 параграфа правилъ университетскихъ, который приведенъ въ рѣшеніи университета, «не должны студенты противиться караулу, если и не винны, подъ опасеніемъ строгаго наказанія»; но двухсуточный карцеръ не есть строгое наказаніе и которому подвержены только двое, а прочіе сообщники въ дракѣ и въ дерзкихъ противу воинскаго караула поступкахъ оставлены вовсе безъ наказанія; о профессорѣ жъ Эльснерѣ, который, какъ видно изъ донесенія шефа Ревельскаго мушкетерскаго полка, былъ среди буйствующихъ, совсѣмъ ничего въ рѣшеніи университета не упомянуто, и который уже, какъ всеподданнѣйше донесено отъ меня, подверженъ былъ строгому за прежнее своевольство выговору. Странно то, что судъ университетскій публикуетъ, чтобы студенты были къ воинскому караулу почтительны; но не о будущемъ дѣло идетъ, а о томъ, что уже они виновны въ дерзостяхъ противу воинскаго караула; наказаніе не въ томъ состоитъ, чтобъ повторять публикаціи закона о наказаніи, но поступить въ наказаніи по законамъ. Предложивъ все сіе, покорнѣйше в. с—во прошу доложить Государю Императору о существѣ дѣла сего и качествѣ рѣшенія университетскаго, вмѣстѣ съ тѣмъ употребить ваше вліяніе, чтобъ виновныхъ, если и оставить изъятыми отъ сужденія въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ, по крайности нака-

зать въ страхъ другихъ ощутительнѣе, а не ограничиваться единственно публикаціею, чтобъ не производили они тѣхъ дерзостей, въ коихъ уже виновны».

Гр. Кочубей 13 Января 1805 г. за № 244 отвѣчалъ:

«Получивъ отношенія в. с—ва касательно безпорядковъ въ Дерптѣ, со стороны студентовъ тамошняго университета происшедшихъ, я обязанностію имѣлъ представить ихъ на высочайшее усмотрѣніе, и Его Императорское Величество, указавъ мнѣ сообщить о семъ господину министру просвѣщенія и начальнику Дерптскаго округа господину г.-м. Клингеру, я не оставлю доставить вамъ, м. г. мой, тѣхъ объясненій, какія отъ нихъ по дѣламъ симъ Его Величеству представлены будутъ. Но между тѣмъ и предварительно обязанностью поставляю сообщить в. с—ву нѣкоторыя по случаю сему замѣчанія Его Величества. Государь Императоръ, негодуя на безпорядки въ Дерптѣ возобновляющіеся, отъ кого бы они ни происходили, и указавъ, чтобъ строго объ оныхъ со стороны университета изслѣдовано было, замѣчаетъ однакожъ притомъ, что нѣтъ почти возможности въ мѣстѣ, гдѣ такое большое стеченіе молодыхъ людей на свободѣ живущихъ находится, чтобъ какихъ-либо безпорядковъ отъ юности происходящихъ не случилось; что въ Германіи и другихъ мѣстахъ, гдѣ университеты существуютъ, безпорядки сіи несравненно чаще возобновляются; но что нѣкоторымъ образомъ за правило жителями таковыхъ мѣстъ пріемлется оказывать снисхожденіе во всѣхъ случаяхъ, когда сіе не сопрягается съ явными огорченіями, по уваженію тому, что отъ молодости нельзя ожидать всегда размышленныхъ поступковъ, и что города сіи получаютъ выгоды отъ существованія въ нихъ университетовъ; что Дерптскій университетъ, такъ какъ всѣ другіе въ Россіи и въ иностранныхъ земляхъ существующіе, имѣетъ свои уставы, по коимъ онъ дѣйствуетъ; что такимъ образомъ безпорядки, производимые студентами, должны быть разсматриваемы въ трибуналѣ университета соотвѣтственно правиламъ на разные случаи по положенію университета опредѣленнымъ, а не на основаніи томъ, какъ въ нарушеніи порядка обыкновенными полицейскими мѣстами дѣла разбираются; что потому въ случаяхъ такихъ должно наблюдать, подлинно ли университетъ соблюлъ правила ему данныя, или отъ оныхъ отступилъ; что въ первомъ случаѣ должно жителей или магистратъ вразумлять, что жалобы или требованія его иначе удовлетворены быть не могутъ, а въ послѣднемъ губернское начальство обязанностію имѣть должно представлять вышнему правительству». Его Величеству весьма было бы угодно, чтобъ в. с—во, удостовѣрясь собственно для себя въ сихъ истинахъ, обратили вниманіе ваше къ тому, чтобъ по-

степенно уничтожились всѣ распри сіи между унивирситета и жителей города Дерпта. Правительству не можетъ не быть прискорбно видѣть, что старанія и пожертвованія его, главнѣйшія къ пользѣ Лифляндскаго и Эстляндскаго дворянства относящіяся, остаются безуспѣшны. Управленіе университета, какъ извѣстно, многимъ въ Лифляндіи лично не нравится; но можно ли, чтобъ по симъ частнымъ неудовольствіямъ или видамъ правительство отступило отъ общаго имъ сдѣланнаго постановленія? Впрочемъ, я полагаю, что безпорядки въ Дерптѣ случающіеся существенно прекращены быть могутъ, когда полиція тамошняя другое образованіе получитъ. В. с—во сами находить изволили, что настоящее устройство полиціи въ городахъ губерній вамъ ввѣренныхъ большія неудобства имѣетъ, и Его Величество вслѣдствіе того желаетъ, чтобъ вы, м. г. мой, ускорили представленіемъ, какимъ образомъ полиція въ Дерптѣ устроена по усмотрѣнію вашему быть можетъ. Назначеніе полицеймейстера изъ исправныхъ воинскихъ чиновниковъ и нужнаго числа конной команды изъ казаковъ, или иначе, для ночныхъ объѣздовъ, конечно, нарочито послужитъ къ отвращенію безпорядковъ нынѣ возобновляющихся».

Графъ Буксгевденъ 4-го Февраля 1805 г. за № 246 возражалъ:

«Я не знаю такихъ въ Лифляндіи, коимъ бы лично управленіе университета не нравилось; но по справедливости не можетъ никому нравиться то единственно, что университетское мѣстное начальство слабымъ за молодыми людьми смотрѣніемъ допускаетъ безпорядки ихъ, отъ коихъ удерживать ихъ при самомъ началѣ тѣмъ болѣе полагаю надобнымъ, дабы не могло усугубиться и утроиться своевольство съ обидою жителей Дерпта. Граждане Дерпта не могутъ переносить равнодушно случаевъ, грозящихъ иному погибелью, какъ-то разбитіе окошекъ брошенными каменьями можетъ причинить убивственные удары. Въ Германіи и другихъ мѣстахъ, гдѣ университеты существуютъ, безпорядки несравненно чаще возобновляются, и принято нѣкоторымъ образомъ за правило жителями оказывать снисхожденіе потому, что отъ молодости нельзя ожидать всегда размышленныхъ поступковъ, не менѣе и потому, что въ тѣхъ мѣстахъ стеченіе молодыхъ людей изъ различныхъ иныхъ странъ, платою коихъ поддерживаются тамъ университеты, пребываніе тамъ иностранцевъ составляетъ хорошій доходъ владѣнію и доставляетъ промышленность гражданамъ; а въ Дерптскомъ университетѣ суть Россійскіе подданные, ихъ избытки и въ Дерптѣ суть избытки Россійскіе, университетъ Дерпскій снабженъ во всемъ щедротами Его Императорскаго Величества, студенты и граждане вѣрноподданные одного Монарха, жители Дерпта усугубленія промышленности желаютъ вмѣстѣ съ безопасно-

стію и обращаются подъ защиту начальства. Въ Санктъ-Петербургѣ большее стеченіе учащихся, но граждане безопасны отъ обидъ ихъ. Устройство полиціи въ такомъ случаѣ послужитъ прекращеніемъ безпорядковъ, когда виновные, полиціею взятые, по мѣрѣ вины наказываются, и когда полиціи права уважаются; но судя по дерзости студентовъ противу воинскаго караула и по тому, что университетское начальство вмѣсто взысканія за преступленіе рѣшило тѣмъ только, что не должно дѣлать преступленія: тогда и устройство полиціи будетъ безуспѣшно, а въ такомъ случаѣ я, какъ и вы, м. г. мой, со мною безъ сомнѣнія согласны, молчать не долженъ. Я благодарю в. с—во за предположеніе доставить ко мнѣ университетскаго начальства объясненія, какія отъ нихъ Его Величеству представлять будутъ, и прошу покорнѣйше употребить ваше вліяніе, дабы, прежде нежели послѣдуетъ по предмету сему что рѣшительное, принять мои противу объясненій тѣхъ замѣчанія».

Министръ внутреннихъ дѣлъ между тѣмъ получилъ отъ г.-м. Клингера «объясненіе университета по неустройствамъ, происшедшимъ въ Дерптѣ», и объясненіе это препроводилъ гр. Буксгевдену 13-го Марта 1805 г. за № 1016. Въ объясненіи сказано:

«Непристойный шумъ и ссора между караульнымъ капитаномъ Тонышевымъ и студентами произошли вообще отъ недоразумѣнія съ одной стороны Нѣмецкаго, а съ другой Россійскаго языка такимъ образомъ: когда окруженные карауломъ студенты представляли капитану Тонышеву, что ихъ слѣдуетъ вести не на гауптвахту, а къ ректору, и какъ одинъ изъ нихъ, говоря не чисто порусски, назвалъ капитана братомъ, то онъ за сіе такъ разсердился, что ругалъ ихъ подлыми матерными словами; когда же студентъ Тидебель, перехватя сіе, спрашивалъ капитана: Вы ругаетесь поматерну, развѣ это лучше, нежели «братъ»; то онъ, пріемля на свой счетъ грубыя слова, произвелъ крикъ, на который, пришедъ профессоръ Эльснеръ, яко разумѣющій Россійскій языкъ, старался вразумить ссорящихся и другъ друга не понимающихъ. Тоже самое предпринималъ и случившійся тутъ купецъ Амелунгъ, однакожъ старанія ихъ къ прекращенію недоразумѣнія были тщетны. Капитанъ въ крайней жестокости обидѣлъ профессора Эльснера, укоряя его тѣмъ, якобы онъ поручалъ студентовъ ругать его, капитана. Во время сего происшествія случившіеся профессора Пешманъ и Рамбахъ вмѣстѣ съ профессоромъ Эльсмеромъ тотчасъ начали распрашивать оставшихся студентовъ, чѣмъ они обидѣли караульнаго капитана; но они клялись, что никто изъ нихъ не извѣстенъ объ обидахъ капитаномъ имъ въ вину поставляемыхъ, и что они въ тотъ же еще вечеръ сами пошли къ ректору и просили его о разсмотрѣніи

взводимаго на нихъ подозрѣнія. По разсмотрѣніи сего происшествія учинено рѣшеніе, по которому виновные по мѣрѣ ихъ преступленія наказаны; но соразмѣрно-ли сіе наказаніе съ изслѣдованнымъ преступленіемъ, или нѣтъ, сіе не есть дѣло совѣта сего. На университетъ по силѣ статутовъ есть своя апелляція, которой ни шефомъ полка г.-м. Хатунцовымъ, ни капитаномъ Тонышевымъ не взято; инаго жъ законнаго повода къ представленію дѣла сего на разсмотрѣніе вышнему начальству не было. Впрочемъ, совѣтъ университетскій о рѣшеніи сего дѣла согласно съ законами увѣренъ тѣмъ паче, что университетскій судъ прежде рѣшенія просилъ г.-м. Хатунцова о предписаніи капитану Тонышеву, чтобъ онъ жалобу свою представилъ точнѣе, означивъ имена обидѣвшихъ его и попытавшихся схватить его за грудь, и показалъ бы въ томъ какихъ-либо свидѣтелей; но ни отъ г.-м. Хатунцова, ни отъ капитана Тонышева никакого точнаго объясненія о помянутомъ происшествіи не учинено. Почему университетскій судъ немедля, въ силу своихъ законовъ, и опредѣлилъ студентовъ: фонъ-Клугена и Тидебеля, яко зачинщиковъ драки съ подмастерьями и ссоры съ караульнымъ капитаномъ, наказать двухдневнымъ посаженіемъ въ карцеръ. А какъ въ семъ происшествіи участвующихъ болѣе не отыскано, то университетскій судъ чрезъ публикацію всѣмъ студентамъ объявилъ, чтобы впредъ въ подобныхъ случаяхъ никто съ военною командою ссоръ не заводилъ, и оказывалъ бы оной должное почтеніе подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строжайшаго наказанія. А за прочія обиды, въ которыхъ капитанъ жаловался, и которыя въ точность не приведены, наказанія положить было не можно тѣмъ паче, что и представленный симъ капитаномъ во свидѣтели купецъ Амелунгъ въ поданномъ вмѣсто присяги свидѣтельствѣ оныхъ не подтвердилъ. Притомъ же съ нимъ и другіе студенты, не имѣвшіе въ происшествіи участія, а только свидѣтелями онаго бывшіе, готовы были утвердить присягою, что таковыхъ обидъ чинимо не было».

«Чтожъ касается до разбитія оконъ у ратсгера Вернера, университетскій совѣтъ объясняется, что хотя у онаго ратсгера дѣйствительно два раза ночью окны были выбиты, однако какъ о семъ разбитіи оконъ, равно и о случившейся на балѣ въ Муссѣ между студентами ссорѣ, университетскому суду, или ректору ни отъ магистрата, ни отъ ратсгера Вернера, ни отъ другаго кого-либо ничего не объявлено, и жалобъ никакихъ не принесено, а потому нечего было ни слѣдовать, ни наказывать. Слѣдовательно, въ такихъ случаяхъ университетское начальство едва-ли подвергаться можетъ укоризнѣ въ нерадѣніи якобы изслѣдованія помянутыхъ происшествій. Случалось иногда, что окны были разбиваемы, можетъ быть и студентами, на которыхъ еслибы бы-

ли жалобы и виновные были найдены, то таковые, конечно-бъ, не остались безъ строгаго наказанія. Но продерзость сего рода происходила отъ другихъ, и именно отъ стекольныхъ учениковъ, которыхъ на мѣстѣ заставали».

«Далѣе о преступленіи студента графа Ребиндера оказывается, что оное университетскимъ судомъ изслѣдовано и рѣшено; теперь сіе дѣло производится въ апелляціонной инстанціи сего университета и въ скорости будетъ окончено» [10]).

«Наконецъ, совѣтъ оправданіе представляетъ на замѣчаніе, что шалости, буйства и даже самыя преступленія вездѣ случаются. Желать совсѣмъ оныя отвратить и сдѣлать невозможнымъ, значило бы требовать невозможнаго. Судебное мѣсто, подъ вѣдомствомъ бы котораго сіе случилось, не виновато въ томъ, что оныя происходятъ, но въ такомъ случаѣ только отвѣтствовать должно, если оное, имѣя возможность отъ того предостеречь, сего не исполняетъ, также не изслѣдываетъ и не наказываетъ надлежащимъ образомъ. Болѣе сего нельзя требовать и отъ университета. А затѣмъ доносители права къ тому не имѣющіе не должны о всякомъ происшествіи, на университетъ относиться могущемъ, тотчасъ доносить вышнему начальству по одностороннему токмо показанію».

«Г.-м. Клингеръ находитъ съ своей стороны, что университетъ въ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ вышепомянутаго дѣла поступилъ на точномъ основаніи своихъ узаконеній, «не сдѣлавъ въ должности своей упущенія».

Графъ Буксгевденъ объясненіе это не оставилъ безъ возраженія и 1-го Апрѣля 1805 года за № 971 снова писалъ графу Кочубею; но требованіе строгаго наказанія оставлено безъ послѣдствій. А между тѣмъ начальникъ края былъ правъ. Ободряемые безнаказанностію, студенты въ Мартѣ же 1805 г. произвели буйство и драку въ домѣ Дерптскаго оловянничнаго мастера Цейдлера, и Хатунцовъ донесъ о происшествіи Буксгевдену; Буксгевденъ донесъ Государю, вслѣдствіе чего было высочайше повелѣно сообщить о буйствѣ Дерптскихъ студентовъ министру народнаго просвѣщенія, графу Завадовскому, съ тѣмъ, чтобы виновные наказаны были безъ всякаго послабленія соразмѣрно ихъ преступленію, и чтобы начальство Дерптскаго университета приняло дѣятельнѣйшія мѣры къ обузданію студентовъ и отвращенію впредъ подобныхъ безпорядковъ. Чѣмъ было кончено это дѣло, намъ неизвѣстно.

(Сообщилъ Е. Чешихинъ).

---

[10]) Студенты Дерптскаго университета: графъ Ребиндеръ, Клейнбергъ и Вертъ 30-го Ноября 1804 г., въ обѣденное время, выбили пять оконницъ въ квартирѣ бригадира Брикенталя.

КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ПРИБАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ.

Посвящается памяти протоіерея В. Г. Назаревскаго.

Дѣло православія въ Прибалтійскомъ краѣ, въ сороковыхъ годахъ, по мѣрѣ печатанія матеріаловъ о немъ, все болѣе разъясняется въ своемъ происхожденіи, сущности и движеніи. Выступаютъ, наконецъ, изъ полумрака и главные дѣятели, и враги его. Нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ тому, что теперь воздается должное за труды на этой окраинѣ Россіи одному изъ главныхъ борцевъ за православіе и Русское дѣло, покойному архіепископу Филарету Гумилевскому. Статьи о немъ въ «Русскомъ Архивѣ» представляютъ эту примѣчательную личность въ истинномъ и, насколько дозволяютъ матеріалы, достаточномъ освѣщеніи. Въ интересахъ дальнѣйшаго разъясненія трудовъ этого истинно-Русскаго іерарха, а равно и условій Русскаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ въ сороковыхъ годахъ, предлагаемъ небольшой очеркъ дѣятельности и судьбы одного изъ ближайшихъ и даровитѣйшихъ сотрудниковъ преосвященнаго Филарета, именно покойнаго протоіерея В. Г. Назаревскаго, который и много потрудился для Русскаго дѣла, и немало пострадалъ за него *).

Владимиръ Григорьевичъ Назаревскій (родился въ Тульской губерніи въ 1818 г., скончался въ Москвѣ въ 1881 году) принадле-

---

*) Для характеристики В. Г. Назаревскаго мы пользуемся слѣдующими данными: 1) Письмами къ нему архіепископа Филарета („Русск. Вѣстникъ“ 1883 г., № 2) его же письмами къ архіепископу Иннокентію Херсонскому („Христіанское Чтеніе“ 1883 г.); 3) тоже къ А. В. Горскому (М. 1885 г.); 4) воспоминаніями о дѣлѣ православія въ Прибалтійскомъ краѣ въ сороковыхъ годахъ, напечатанными въ „Рижскомъ Вѣстникѣ“ первыми священниками изъ Латышей, особенно о. Дрекслеромъ: 5) некрологами В. Г. Назаревскаго въ „Моск. Вѣд.“ и „Правосл. Обозрѣніи“ 1881 г.; и наконецъ, 6) его еще неизданными бумагами.

жить къ числу выдающихся питомцевъ и магистровъ Московской Духовной Академіи. Любимый ученикъ Ѳ. А. Голубинскаго (см. его курсъ лекцій философіи) и самаго Филарета Гумилевскаго, онъ первый изъ воспитанниковъ этой академіи откликнулся на призывъ изъ Риги бывшаго своего профессора и ректора и въ 1844 году отправился туда на должность ректора духовнаго училища (хотя имѣлъ въ виду назначеніе въ Казанскую академію). Въ слѣдующемъ году онъ былъ посвященъ въ ключари Рижскаго каѳедральнаго собора, а въ 1846 году былъ назначенъ ректоромъ новооснованнаго Эсто-латышскаго духовнаго училища и первоприсутствующимъ въ Лифляндскомъ духовномъ правленіи (викаріатствѣ), соотвѣтствующемъ въ епархіяхъ консисторіи. Чрезъ два года Св. Синодъ производитъ молодаго ключаря (незаурядное отличіе) «за примѣрно-усердную службу» въ санъ протоіерея. Съ переходомъ преосвященнаго Филарета на Харьковскую каѳедру, его сотрудникъ въ 1849 г. переводится въ его епархію и въ началѣ 1850 г. уже отправляетъ туда всѣ свои вещи; но... вмѣсто Харькова онъ подвергается заточенію въ Спасо-Мирожскій монастырь (Псковской губерніи), а оттуда переводится на родину. Интересно выяснить, какъ и почему случилось это.

Внѣшній обзоръ службы Владимира Григорьевича въ Ригѣ показываетъ, что онъ въ тамошнемъ духовенствѣ занялъ второе послѣ епископа мѣсто: кромѣ соборной службы, онъ завѣдывалъ по офиціальному положенію и администраціей (въ духовномъ правленіи), и учебною частью Рижскаго викаріатства. Онъ не получилъ высшей должности въ викаріатствѣ каѳедральнаго протоіерея и оставался ключаремъ только потому, что преосвященный Филаретъ, устранивъ отъ дѣлъ враждебно-дѣйствовавшаго по отношенію къ нему и къ самому дѣлу, тогдашняго каѳедральнаго протоіерея Кунинскаго, не хотѣлъ или не находилъ возможности совсѣмъ уволить его отъ службы.

По самому положенію своему, кромѣ обычныхъ въ другихъ епархіяхъ занятій, Владимиръ Григорьевичъ долженъ былъ принять живое участіе въ дѣлѣ православія въ самый сильный разгаръ его. Теперь уже извѣстны результаты этого дѣла. Съ 1845 года по 1848 годъ въ Лифляндіи присоединено изъ лютеранства къ православію около 120 тысячъ человѣкъ, устроено было вновь болѣе шестидесяти приходовъ, организовано богослуженіе на мѣстныхъ языкахъ Латышскомъ и Эстскомъ, найдено и поставлено соотвѣтствующее количество духовенства, организовано и открыто Эстолатышское духовное училище, которое должно было приготовить открытіе семинаріи; разработана масса весьма важныхъ вопросовъ и подготовлено мно-

гое для обращенія Рижскаго викаріатства въ самостоятельную епархію (въ 1850 г.).

Такое дѣло для мѣстнаго епископа и его сотрудниковъ было бы нелегкимъ, если бы оно совершалось и тамъ, гдѣ нѣтъ ему особыхъ чрезвычайныхъ препятствій, какъ напримѣръ на Востокѣ или Югѣ Россіи. Труднѣе миссіонерское дѣло въ Сибири, въ борьбѣ съ необозримыми пространствами и другими физическими препятствіями, съ полудикостью ея населеній. Но борьба Русскаго православія съ Нѣмецкимъ лютеранствомъ въ такъ называвшихся «Остзейскихъ провинціяхъ», въ «странѣ» небольшой и очень «культурной», намъ представляется дѣломъ болѣе труднымъ, чѣмъ въ какой-либо другой.... Нижеслѣдующее подтвердитъ этотъ взглядъ, раздѣляемый и авторомъ вышепоименованныхъ статей «Русскаго Архива».

Г. Листовскій приходитъ въ удивленіе, что обращеннымъ изъ лютеранства въ православіе приходилось переживать минуты, которыя напоминаютъ время исповѣдниковъ христіанства въ первые его вѣка, описанное въ «Четьихъ-Минеяхъ». Но мы ставимъ на видъ, что едва ли меньшаго удивленія заслуживаютъ и тѣ тяжкія минуты внутренняго страданія, которыя переживали на Прибалтійской окраинѣ дѣятели православія, какъ преосвященные Иринархъ и Филаретъ и ихъ ближайшіе сотрудники. Они, какъ скромные Русскіе люди, были молчальниками и мало, очень, можетъ быть, мало повѣдали изъ того, чтò пришлось имъ перенести и передать.... Поэтому-то представляетъ особый интересъ сохранить то, чтó они не унесли съ собою въ могилу.

Владиміръ Григорьевичъ прибылъ въ Ригу къ своему бывшему профессору и ректору осенью 1844 года, еще почти за годъ до начала втораго движенія Латышей и Эстовъ въ православіе. Въ письмахъ своихъ къ А. В. Горскому преосвященный Филаретъ такъ характеризуетъ свое положеніе: «Не забудьте того, что я здѣсь одинъ (17 Іюня 1844 года). Недавно былъ и сидѣлъ у меня Клейнмихель и не разъ повторялъ: «вы здѣсь, настоящій монахъ, одни безъ людей». Въ другомъ письмѣ своемъ отъ 16-го Сентября того же года онъ пишетъ къ тому же своему другу: «Утѣшьте морскаго пустынника. Онъ такъ одинокъ, такъ заброшенъ, такъ забытъ». Чтобы понять это, нужно вспомнить, что въ Ригѣ продолжалъ еще оставаться ген.-губернаторомъ баронъ Паленъ; слѣдствіе по дѣлу о приходѣ къ Филарету двухъ Латышей еще было не рѣшено окончательно; другое о мнимомъ подстрекательствѣ ихъ единовѣрческимъ священникомъ Емельяновымъ къ принятію православія тоже еще тянулось. Малочисленное и небогатое силами Рижское духовенство все еще было подавлено впечатлѣніемъ высылки изъ края преосвященнаго Иринарха и нѣсколь-

кихъ священниковъ. Русское общество притаилось и притаило свои чувства, Нѣмцы все еще торжествовали и «въ тысячи глазъ» слѣдили за Филаретикомъ», котораго не безъ основанія считали копіей съ Филарета des Grossen, т.-е. съ знаменитаго митрополита Московскаго. И вотъ, вспомнивши, что ученики его, воспитанники Московской академіи 1842 года, отказались ѣхать въ Ригу, Рижскій епископъ съ грустью пишетъ въ родную академію незадолго до прибытія В. Г. Назаревскаго: «Не угодно было преподобному Сергію послать сюда питомцевъ своихъ. Какъ мнѣ бываетъ это по временамъ скорбно! Петербургскіе (т.-е. академики, выписанные уже, но тоже не прибывшіе въ Лифляндію) хороши; но мнѣ было бы утѣхою быть съ своими».

Понятно поэтому, какъ принялъ преосвященный Филаретъ прибывшаго къ нему ученика своего. Предоставивъ ему названныя выше должности, требовавшія много труда, одного только зауряднаго (службы въ соборѣ, проповѣди, управленіе духовнымъ училищемъ, уроки въ немъ, занятія въ духовномъ правленіи и проч.), онъ далъ ему негласное, но очень важное положеніе при себѣ; онъ сдѣлалъ его правителемъ своимъ дѣлъ, совѣтникомъ, своимъ другомъ. Такое довѣренное лицо было необходимо. Интрига стерегла всюду Рижскаго епископа: она подъ видомъ просителей по дѣламъ присоединенія къ православію проникала въ его пріемную для рекогносцировокъ; она снимала копіи съ бумагъ его же канцеляріи, въ коей, случалось, пропадали и оригиналы переписки... При такомъ положеніи все сколько-нибудь важное приходилось составлять и писать въ кабинетѣ архіерея и при запертыхъ дверяхъ. Постояннымъ и единственнымъ сотрудникомъ этихъ работъ архіерея былъ Владимиръ Григорьевичъ. Но не легче было ему быть свидѣтелемъ нравственныхъ страданій своего архипастыря. Измученный борьбой преосвященный Филаретъ, по разсказамъ Владимира Григорьевича, не разъ рѣшался просить о своемъ переводѣ изъ Риги. Тогда онъ оставлялъ дѣла, раскладывалъ на полу своего кабинета книги и рукописи и, лежа на томъ же полу, подпершись локтемъ, пытался писать свою церковную исторію; но слезы, лившіяся ручьями на бумагу, мѣшали ему... Проходитъ пароксизмъ отчаянія, и Филаретъ опять и какъ будто съ новою силою принимается за свое пастырское дѣло.

Въ 1846—1847 годахъ, въ разгаръ движенія, приходилось падать подъ бременемъ работы. Присоединялись къ православію большія толпы народа; цѣлые приходы оставляли лютеранство; много нужно было хлопотать объ открытіи и устройствѣ приходовъ православныхъ, нужно было руководить ими; кромѣ того разработывать очень серіозные вопросы и вести по этимъ предметамъ большую переписку съ Пе-

тербургскими и мѣстными учрежденіями. Правила принятія Эстовъ и Латышей въ православіе, уставъ Эсто-Латышскаго духовнаго училища, новые штаты духовенства, переводы богослужебныхъ и вѣроучительныхъ книгъ на мѣстные языки, вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ: вотъ вопросы, которые въ 1844 году только едва намѣчались и которые къ 1848 г. всѣ были разработаны, а отчасти и рѣшены на дѣлѣ. Но тяжелѣе всего была борьба съ интригой, которая ставила все подъ вопросъ и грозила паденіемъ и дѣлу и лицамъ. «Тяжко, говаривалъ Филаретъ, бороться двадцати человѣкамъ противъ двухсотъ тысячъ, да еще Нѣмцевъ».

Особенно важное значеніе въ этомъ дѣлѣ имѣла переписка съ Петербургомъ офиціальная и неофиціальная. Донесенія Филарета, его оправданія, докладныя записки и проч. внѣ обычнаго порядка восходили на усмотрѣніе самого Государя, который будто даже имѣлъ негласную канцелярію для дѣлъ Прибалтійскихъ. И это велось только двумя лицами, самимъ Филаретомъ и В. Г. Назаревскимъ. Даже переписка набѣло черновыхъ бумагъ была только на ихъ рукахъ. Епископъ, имѣвшій неотчетливый почеркъ, переписывалъ бумаги менѣе важныя.

Въ письмахъ преосв. Филарета въ Ригу къ Владиміру Григорьевичу, во время поѣздокъ по епархіи, встрѣчаются такія указанія: «Распоряженіе именитаго защитника православія (?) требуетъ, какъ можно скорѣе изготовить отвѣты: а) на указъ Св. Синода, послѣдовавшій на жалобу Эзельской лютеранской консисторіи относительно кладбищъ (гдѣ не дозволено хоронить православныхъ). Поскорѣе приготовьте отвѣтъ; дѣло остановилось за донесеніями священниковъ, но кажется они уже всѣ получены. б) Распоряженіе консисторіи о сторожахъ также нужно отослать къ оберъ-прокурору со мнѣніемъ... Въ бумагахъ о кладбищенскихъ сторожахъ необходимо помѣстить соображенія о лицахъ, которыя могли бы соотвѣтствовать лютеранскимъ попечителямъ. Назначить таковыми церковныхъ старостъ было бы самымъ простымъ дѣломъ; но не возразили бы: крестьянъ ставятъ на одну половицу съ дворянами. Во избѣжаніе сего надобно главное завѣдываніе предоставить священнику, чтобы онъ велъ и возможную переписку. Потрудитесь собрать свѣдѣнія о значеніи кладбищенскихъ попечителей....» и проч. и проч.

Немаловажную обязанность Владиміра Григорьевича составляли сношенія съ Нѣмецкими и Русскими чиновниками генералъ-губернатора. Одни изъ нихъ были друзьями православія, другіе его врагами. Въ это время изъ Русскихъ служили въ Ригѣ графъ Д. Н. Толстой,

Е. И. Барановскій, Ю. Ѳ. Самаринъ, П. В. Варадиновъ *), П. А. Валуевъ, Ханыковъ и друг. Нѣкоторые изъ нихъ честно служили, гласно и негласно, дѣлу православія. Но даже дружественнымъ чиновникамъ бывало неудобно, особенно при баронѣ Паленѣ и князѣ Суворовѣ, часто посѣщать православнаго архіерея; тогда посредникомъ являлся Владиміръ Григорьевичъ.

Преосвященный Филаретъ въ письмахъ своихъ къ А. В. Горскому называетъ своего сотрудника «добрымъ и умнымъ», въ письмахъ къ Иннокентію, архіепископу Херсонскому, «преданнымъ дѣлу соработникомъ», а въ письмахъ къ самому Владиміру Григорьевичу «другомъ своимъ, другомъ скорбей своихъ, который всегда будетъ близокъ его сердцу, котораго не замѣнятъ новые».

Въ этихъ отношеніяхъ В. Г. Назаревскаго къ преосвященному Филарету, въ его близкомъ участіи въ дѣлѣ своего епископа, дѣлѣ великомъ для Россіи, мы видимъ главную заслугу этого достопамятнаго человѣка. Нѣтъ сомнѣнія, имѣютъ значеніе и его административная работа, и воспитательный трудъ въ училищѣ, и талантливое проповѣдничество въ каѳедральномъ соборѣ и крестовой церкви въ архіерейскомъ домѣ, но все это мы отодвигаемъ на второй планъ и думаемъ, что именно близость къ епископу и особое участіе въ дѣлѣ православія послужили главною причиною къ тяжкому крушенію «друга скорбей».

Когда, въ 1848 году, подъ вліяніемъ Нѣмецкой партіи, дальнѣйшее развитіе дѣла православія въ Прибалтійскомъ краѣ остановилось и преосвященный Филаретъ, вызванный въ Петербургъ, самъ выпросилъ у Государя переводъ въ другое мѣсто и былъ назначенъ на Харьковскую каѳедру: то его соработнику не хотѣлось уже оставаться въ Ригѣ. Преосвященный устроилъ ему переводъ въ Харьковъ, гдѣ имѣлъ въ виду сдѣлать его каѳедральнымъ протоіереемъ. Оба они могли сказать съ утѣшеніемъ: *Нынѣ отпущаеши рабовъ Твоихъ, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ*.... Но первому удалось уйти съ миромъ, а второму нѣтъ.

Преосвященнаго Филарета Русскіе люди проводили изъ Риги съ теплыми молитвами и горячими слезами, а такъ какъ у этого безсребренника осталось денегъ слишкомъ мало для такого долгаго пути, то преданныя лица купили ему дорожную карету и снабдили всѣмъ нужнымъ.

И Владиміръ Григорьевичъ, повидимому, безъ особыхъ приключеній, приготовлялся къ своему отъѣзду. Оба Рижскихъ училища, дѣла духовнаго правленія и соборныя были сданы въ полномъ порядкѣ; архіе-

*) См. некрологъ его въ № 189 газеты „Прав. Вѣстникъ" за 1886 г.

рейская канцелярія тоже была приготовлена къ сдачѣ. «Это была» (какъ говорится въ статьѣ «Русскаго Вѣстника», по поводу писемъ архіепископа Филарета Гумилевскаго), «задача нелегкая: нужно было поточнѣе оформить всѣ бумаги и отдѣлить отъ нихъ личную переписку архіерея, только часть коей могла быть передана ему при отъѣздѣ изъ Риги. Отобравъ къ себѣ все нужное, В. Г. Назаревскій очутился въ критическомъ положеніи: отъ него, еще до пріѣзда Филаретова преемника, потребовали выдачи этихъ бумагъ (интересно бы узнать кто же?). Не рѣшаясь сдѣлать это, онъ рѣшился сжечь ихъ и сжигая плакалъ въ сознаніи того, что погибнутъ нѣкоторые цѣнные историческіе документы. Но и это дѣло уладилось благополучно, даже были приготовлены всѣ выѣздныя бумаги, всѣ вещи уже, какъ сказано, отправлены въ Харьковъ; получилось отъ преосвященнаго напутственное письмо, которое оканчивалось такъ: «Пріѣзжай скорѣе въ Харьковъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы ты не слишкомъ медлилъ въ Ригѣ; этого требуютъ обстоятельства. Что касается до путевыхъ издержекъ, то найми извощиковъ, чтобы можно было расплатиться въ Харьковѣ. Здѣсь какъ-нибудь расплатимся. Богъ вамъ въ путь. Благословляю твою семью и жду тебя. При свиданіи поговоримъ. Обнимаю тебя любовію Христовою. Епископъ Филаретъ».

Но, видно, было нужно кому-то, чтобы Русскій дѣятель не выѣхалъ изъ Риги съ миромъ и сочли необходимымъ показать это всѣмъ и Русскимъ и Нѣмцамъ. Теперь, перечитывая письма Филарета къ протоіерею Назаревскому, какъ будто можно прочесть въ нихъ предчувствіе бѣды, уже подстерегавшей его сотрудника. Интересуясь всѣмъ Рижскимъ, Филаретъ часто спрашиваетъ о дѣйствіяхъ генералъ-губернатора князя Суворова, и по отношенію къ этой сторонѣ настораживаетъ друга своего; впрочемъ уже искушеннаго въ осторожности. Такъ, по поводу свиданія своего въ Кіевѣ съ митрополитомъ Филаретомъ (Амфитеатровымъ) и разговоровъ о тогдашнемъ генералъ-губернаторѣ Юго-Западнаго края и князѣ Суворовѣ, онъ писалъ: «Даже митрополитъ Кіевскій опасается того, чтобы за правое слово не мстили люди, подобные Суворову». Въ другомъ письмѣ, говоря о своемъ преемникѣ въ Ригѣ, говоритъ: «Искренній совѣтъ мой, не обнаруживай въ отношеніи съ нимъ короткости ко мнѣ и къ нему. Причина понятна. Старайтесь особенно о томъ, чтобъ о близости вашей къ нему, если будетъ продолжаться, не зналъ С—въ». Въ третьемъ письмѣ своемъ онъ повторяетъ почти тотъ же припѣвъ: «Будь, пожалуйста, спокойнѣе, не давай воли чувствамъ. Равно старайся, какъ можно болѣе хранить молчаніе. Скучно, больно станетъ на душѣ: помо-

лись Господу. Тамъ за каждую каплю слезъ встрѣтишь радость. Обнимаю тебя любящею душой».

И въ самомъ дѣлѣ, нуженъ былъ малѣйшій предлогъ для отмщенія сотруднику Филарета за все. Немало потребовалось и клеветы, и обхода законовъ, чтобы сотворить придуманное дѣло.

15 Января 1850 года въ небольшой домовой церкви Рижскаго епархіальнаго дома произнесена была за службой протоіереемъ В. Г. Назаревскимъ проповѣдь на извѣстный текстъ: «*Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы....*» Приводимъ эту проповѣдь, какъ она была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

«Благодарю Господа, что мнѣ опредѣлено было Промысломъ удостоиться сана священства въ то именно время, когда въ жителяхъ здѣшней страны созрѣло желаніе принять православную вѣру. Благодарю Господа, что и я малый удостоился трудиться въ мѣру моихъ способностей и усердія для святаго дѣла, подъ мудрымъ руководствомъ такого іерарха, какимъ былъ архипастырь Филаретъ. Не знаешь, чему удивляться въ этомъ святителѣ? Удивляться-ли его славнымъ дѣйствіямъ, которыя займутъ мѣсто въ исторіи отечественной нашей церкви, его неимовѣрному терпѣнію, его неутомимому трудолюбію, съ какими онъ въ короткое время успѣлъ пріобрѣсть для церкви десятки тысячъ (120000) новыхъ чадъ и устроить много православныхъ храмовъ въ здѣшнихъ предѣлахъ? Или лучше удивляться глубокому его смиренію, его кроткому молчанію, чрезъ которое наблюдательные всегда видѣли его тонкій, предусмотрительный умъ, соображавшій издалека начала съ послѣдствіями, способы съ цѣлями, предначертанія съ исполненіемъ? Такъ настоящій драгоцѣнный металлъ познается умѣющими отличать его, въ какой бы оправѣ и видѣ онъ ни являлся. Какъ поучительна для насъ самая жизнь архипастыря! У него не нужно учиться обращенію, такъ-называемому, свѣтскому; за то у него нужно было учиться преданности волѣ Божіей, христіанскому благочестію, которое у него выражалось во всемъ, въ жизни строго-подвижнической, болѣе слова назидательной, въ обращеніи съ другими, въ самыхъ обыкновенныхъ разговорахъ, а особенно въ умилительномъ совершеніи богослуженія, гдѣ пролито предъ престоломъ Господа столько сердечныхъ слезъ, вознесено къ Нему столько благоговѣйныхъ воздыханій души и молитвенныхъ воплей о мирѣ, здравіи, спасеніи и благоденствіи пасомыхъ, о моемъ и твоемъ, слушатель! Какъ поучительна любовь его, любовь ко всѣмъ, любовь воспитанная духомъ Евангелія! Всякій, кто бы онъ ни былъ, знатный или простолюдинъ, богатый или бѣдный, знакомый или неизвѣстный, всякій могъ имѣть свободный къ нему доступъ, встрѣчалъ отъ него пріемъ доб-

рый и ласковый, и никому не было отказа, въ совѣтѣ-ли полезномъ, въ наставленіи-ли добромъ и предостереженіяхъ, какъ поступить въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, въ защитѣ, ходатайствѣ, помощи или по крайней мѣрѣ въ сердечномъ участіи и благожеланіи. А благотвореніе нищимъ, состраданіе къ утѣсняемымъ составляли въ этомъ святителѣ непослѣднее достоинство. Трудившіеся для дѣла православія скажутъ: «Онъ не щадилъ себя, своихъ трудовъ для насъ, готовъ былъ пожертвовать для насъ всѣмъ, когда мы находились въ запутанныхъ обстоятельствахъ». Мы наслаждались благодѣяніями этого незабвеннаго архипастыря и, можетъ быть, не умѣли достойно оцѣнить этого сокровища въ свое время; потому мы и лишились его съ тѣмъ, чтобы по времени познали ему цѣну. Желалъ бы я говорить объ отличномъ служеніи Христовой церкви словомъ и дѣломъ настоящаго нашего архипастыря; но это еще не благовременно, доколѣ онъ здѣсь проходитъ свое служеніе».

«Не напрасно Господь даруетъ намъ такихъ архипастырей въ управленіи своего стада, искупленнаго безцѣнною Его кровію. Мы обязаны желать и молить Господа, чтобы святительскій духъ ихъ, ихъ правила, преподанныя въ словѣ и осуществленныя въ жизни, обратились въ жизнь и духъ нашъ».

«Намъ, пастырямъ церкви, прежде всѣхъ необходимо подражать этому духу святительскому. Наши архипастыри явили святую свою ревность къ церкви и вѣрѣ, и дѣйствовали не для славы, не для какихъ-либо выгодъ, а единственно для славы церкви и спасенія пасомыхъ, трудились неутомимо въ обращеніи заблуждающихъ на путь истины, для созиданія и утвержденія Святой Православной Церкви. Молю и я недостойный, прощаясь со здѣшнею паствой, чтобы Онъ даровалъ ей во всякое время служителей церкви честныхъ, здравыхъ, усердныхъ въ проповѣданіи Евангельскаго ученія о вѣрѣ и благочестіи, ревностныхъ къ принятію въ нѣдра церкви ищущихъ для себя въ ней спасенія, попечительныхъ о возвращеніи на путь истины блуждающихъ на распутіяхъ. Въ здѣшней паствѣ особенно нужны пастыри ревностные, проникнутые духомъ православія, для охраненія нашей вѣры среди общества иновѣрныхъ. Исповѣдующіе здѣсь православную вѣру вмѣстѣ съ воспитаніемъ перенимаютъ отъ иновѣрцевъ не только языкъ, но и обычаи, нравы, приличія, привычки; все это само въ себѣ невинно и безвредно; но та здѣсь опасность, что вмѣстѣ съ этимъ незамѣтно вкрадываются самыя мнѣнія о вѣрѣ. Скажите гдѣ, среди общества православныхъ, что всѣ вѣры одинаковы: васъ сейчасъ обличатъ за это; но здѣсь при смѣшеніи съ иновѣрцами можно нерѣдко слышать это мнѣніе. Жалкіе! Они вовсе не понимаютъ, что одна

только церковь истинная, православная, апостольская, соборная, въ которой, какъ въ сокровищницѣ, самимъ Духомъ Святымъ заключено здравое и чистое ученіе....»

Вотъ фактъ совершившійся 15 Января 1850 года въ Ригѣ. Приведенная рѣчь очень хороша, очень умѣстна, очень тепла и, по нашему мнѣнію, со всѣхъ точекъ зрѣнія правильна. Но сама по себѣ ничего особеннаго выдающагося не представляющая, она возводится въ событіе, чуть не въ политическое преступленіе и влечетъ за собою трагическія послѣдствія для протоіерея Назаревскаго. Посмотримъ по документамъ, какъ «устраивается это дѣло».

15 Января произнесена была проповѣдь, а 28 числа того же мѣсяца, т.-е. чрезъ 13 дней, изъ Петербурга въ Ригу посылается слѣдующій указъ.

«Св. Прав. Синодъ слушали: вопервыхъ, предложеніе г. исправляющаго обязанности оберъ-прокурора дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера А. И. Карасевскаго, при которомъ предложено въ спискѣ на усмотрѣніе Св. Синода поступившее къ его сіятельству г. оберъ-прокурору Св. Синода отъ г. генералъ-губернатора Прибалтійскихъ губерній отношеніе за № 150 слѣдующаго содержанія: «15 Января произнесена въ архіерейской домовой церкви соборнымъ ключаремъ протоіереемъ Владиміромъ Назаревскимъ рѣчь, которая съ быстротою распространилась по городу (sic) и произвела сильное и пагубное впечатлѣніе (risum teneatis, amici!) не только *на всѣхъ* православныхъ, но и *на всѣхъ иновѣрцевъ.* Подробности рѣчи этой уже сообщены (кѣмъ?) мѣстному преосвященному *) и, вѣроятно, не безъизвѣстны вашему сіятельству. Я умалчиваю о выходкахъ, лично противъ меня направленныхъ; онѣ не въ первый разъ произносятся (?!), и какъ прежде, такъ и нынѣ я оставляю ихъ совершенно безъ вниманія. Не коснусь въ подробности и тѣхъ выраженій, коими православный священникъ вызывалъ православныхъ на нравственную брань противъ иновѣрцевъ, внушалъ имъ недовѣріе къ согражданамъ своимъ и не только требовалъ отъ православныхъ чадъ своихъ удаляться отъ всѣхъ иновѣрцевъ, но чтобы они въ томъ же духѣ воспитывали и дѣтей своихъ. Я въ этихъ рѣчахъ *не обвиняю лично* отца Владиміра. Онъ дѣйствовалъ *въ духѣ внушенномъ ему бывшими его начальниками* (вотъ что!), расположеніе коихъ онъ симъ путемъ полагалъ еще болѣе утвердить за собою. (Что же здѣсь незаконнаго?) Онъ *долженъ былъ возстать противъ словъ мира и любви христіанской,* провозглашаемыхъ

*) Который находился въ это время въ Петербургѣ. П. Б.

въ храмахъ Божіихъ и внѣ оныхъ начальникомъ его епископомъ Рижскимъ; въ немощности своей протоіерей Назаревскій воспользовался отъѣздомъ мѣстнаго преосвященнаго для произнесенія рѣчи, наполненной наставленіями, *противными наставленіямъ* викарнаго его начальника, несогласными ни съ дѣйствіями, ни съ чувствами кротости и христіанской любви мѣстнаго преосвященнаго. Тутъ является, по мнѣнію моему, главнѣйшая вина протоіерея Назаревскаго, вина неоправдываемая никакою дисциплиною, ни гражданскою, ни духовною. Вина эта отличается еще слѣдующими обстоятельствами: слово о. Владимира произнесено въ собственной домовой его преосвященства церкви *). Мнѣ неизвѣстно, въ какой мѣрѣ духовенству предоставляется право въ рѣчахъ, произносимыхъ въ церквахъ, говорить о дѣйствіяхъ своихъ начальниковъ; но во всякомъ случаѣ въ глазахъ моихъ въ высшей степени неумѣстно, чтобы дозволено было протоіерею Назаревскому, при восхваленіи двухъ бывшихъ Рижскихъ епископовъ (Иринарха и Филарета), умалчивать о нынѣшнемъ (и неправда и не бѣда, потому что восхваленіе тогдашняго епископа могло бы показаться лестью) и заключать рѣчь свою желаніемъ, чтобы православные въ Лифляндіи послѣ геніальнаго сѣятеля православія Иринарха и украшеннаго всѣми добродѣтелями, кромѣ свѣтской тонкости, Филарета, получили подобнаго имъ архипастыря, который, какъ и они, оградилъ бы овецъ стада своего. Съ истиннымъ восторгомъ я оцѣниваю возвышенныя чувства кротости и христіанскія добродѣтели здѣшняго епископа, и тѣмъ менѣе могу допустить, чтобы въ отсутствіе его кто-либо осмѣливался публично произнести малѣйшее недоброжелательное о немъ слово. Я знаю, что личныя доблестныя качества преосвященнаго не могутъ быть помрачены никакими происками нигдѣ и никогда; но ваше сіятельство раздѣлите со мною мнѣніе о томъ неблагопріятномъ впечатлѣніи, которое должно произвести на умы не только иновѣрцевъ, но и самихъ православныхъ, слово подчиненнаго священника не только противъ дѣйствій, но и противъ личности начальника своего. Въ личномъ объясненіи со мною протоіерей Назаревскій приписывалъ выставленныя мною обстоятельства недоразумѣніямъ съ одной стороны, а съ другой перетолкованіемъ словъ недоброжелателями его (орудіями интриги); но тѣмъ не менѣе я не могу скрыть предъ вами, м. г., что въ общественномъ мнѣніи слово, произнесенное протоіереемъ Назаревскимъ, произвело

*) Очень небольшой по объему, прибавимъ мы, и гдѣ протоіерей Назаревскій, при архіереяхъ и безъ нихъ, нѣсколько уже лѣтъ говорилъ проповѣди, и при томъ безъ всякой цензуры, такъ какъ самъ былъ цензоромъ проповѣдей всего Рижскаго духовенства.

впечатлѣніе (опять впечатлѣніе!), выше сего мною выставленное. Хотя я убѣжденъ, что здѣшній преосвященный, по извѣстной мнѣ добротѣ души своей, и проститъ раскающагося виновника, и хотя я съ моей стороны не желаю несчастія протоіерею Назаревскому, котораго считаю орудіемъ, употребленнымъ личными недругами, какъ моими, такъ и здѣшняго преосвященнаго, и къ сожалѣнію, можетъ быть и общественнаго спокойствія въ Лифляндіи, но за всѣмъ тѣмъ предоставляю усмотрѣнію вашего сіятельства, можетъ ли остаться настоящій случай безъ послѣдствій и въ особенности (вотъ въ чемъ дѣло!), слѣдуетъ ли со всею строгостію (sic) сдѣлано быть внушеніе (переводъ съ Нѣмецкаго) всѣмъ духовнымъ лицамъ въ Лифляндіи о непреступленіи предѣловъ подчиненности и права произнесенія рѣчей, имѣющихъ предметомъ разсмотрѣніе оффиціальныхъ дѣйствій правительства и начальствующихъ лицъ». Приказали: Св. Прав. Синодъ, по внимательномъ размотрѣніи означенныхъ бумагъ, находитъ, что протоіерей Назаревскій, рѣшившійся произнести безъ всякаго дозволенія, безъ просмотра цензуры и въ отсутствіи вашего преосвященства, въ домовой вашей церкви рѣчь, наполненную непринадлежащими ему сужденіями и возбуждавшую непріятное (не пагубное же!) впечатлѣніе и толки, за одну уже (?) таковую рѣшимость подлежитъ строгому взысканію, и вслѣдствіе того опредѣляетъ: запретивъ ему священнослуженіе, отправить его немедленно въ Псковъ для содержанія, впредъ до рѣшенія дѣла о немъ, въ одномъ изъ Псковскихъ монастырей, по усмотрѣнію вашего преосвященства, и между тѣмъ предписать вамъ, по истребованіи отъ Назаревскаго и отъ другихъ лицъ (значитъ безъ слѣдствія!) объясненій, представить оныя въ Св. Синодъ на дальнѣйшее разсмотрѣніе съ своимъ заключеніемъ, о чемъ и посланъ вашему преосвященству указъ. Января 28-го дня 1850 года».

Приведенный нами документъ представляетъ очень много неяснаго. Генералъ-губернаторъ Прибалтійскихъ губерній въ своемъ отношеніи въ существѣ дѣла обвиняетъ православнаго Русскаго священника въ политическомъ преступленіи: въ произнесеніи рѣчи, которая «съ быстротою распространяется по городу и производитъ сильное и пагубное впечатлѣніе не только на всѣхъ православныхъ, но и на всѣхъ иновѣрцевъ», въ которой онъ «вызывалъ будто православныхъ на нравственную брань противъ иновѣрцевъ, внушалъ имъ недовѣріе къ согражданамъ своимъ» и пр., видитъ въ протоіереѣ Назаревскомъ даже «орудіе не только своихъ недруговъ, но и общественнаго спокойствія въ Лифляндіи», а между тѣмъ обращается со всѣми этими обвиненіями въ Св. Синодъ, вдается въ обсужденіе правильности ея съ религіозной точки зрѣнія, сообразности ея съ мнѣніями самого мѣстнаго преосвященнаго, оскорбитель-

ности ея для него, сообразности съ церковной дисциплиной, и успокоивается на томъ, чтò сдѣлаетъ по этому предмету не власть государственная, а власть церковная. Видно, самъ князь Суворовъ не разсчитывалъ доказать политическую сторону этихъ обвиненій. Какъ не обратили вниманія на это?

Самый разборъ рѣчи у князя Суворова представляется страннымъ. Ставится въ вину проповѣднику, что онъ слишкомъ хвалитъ своихъ прежнихъ епископовъ, ихъ ревность къ дѣлу православія, ихъ предпочтеніе его всѣмъ исповѣданіямъ, а новому епископу приписывается примирительное отношеніе ко всѣмъ исповѣданіямъ. Но если бы и это было вѣрно, то разногласіе ничего преступнаго не заключаетъ и «пагубнаго вліянія на умы въ цѣломъ краѣ произвести не могло». Слишкомъ общее указаніе на пагубное вліяніе не было разъяснено никакими примѣрами и во всякомъ случаѣ требовало точной повѣрки спросомъ очень немногихъ лицъ, слушавшихъ рѣчь или о ней только слышавшихъ. Существеннаго въ обвиненіяхъ было только, что рѣчь была произнесена безъ обычнаго дозволенія, да пожалуй, еще была не въ пору въ томъ отношеніи, что въ слушателяхъ могла родиться мысль, не хвалитъ ли проповѣдникъ прежнихъ іерарховъ на счетъ новаго. Это должно было свести на безтактность и наказать простымъ выговоромъ; а опасность, что другіе священники, избирая подобныя темы, могли наговорить что-нибудь очень несообразное, вызывала только соотвѣтствующій циркуляръ. Но все это ни въ какомъ случаѣ не заслуживало такихъ тяжкихъ наказаній, какъ запрещеніе священнослуженія, заключеніе въ монастырь и проч. Но значитъ, тогдашнее настроеніе, даже въ Петербургѣ, не благопріятствовало такому взгляду на дѣло. Видна со стороны духовныхъ властей какая-то робкая уступчивость по отношенію къ обвиненію, которое могло оказаться дипломатическою интригой. Очевидно были податливы на вмѣшательство князя Суворова не въ свою сферу и даже въ виду политическихъ обвиненій не произвели слѣдствія по этому дѣлу, не вытребовали самой рѣчи и постановили приговоръ на основаніи только обвиненія. Отъ протоіерея Назаревскаго потребовали письменныхъ объясненій только отъ 28-го Января, т.-е. отъ того числа, коимъ помѣченъ указъ. Между тѣмъ наказаніе для обвиненнаго, но еще не оправдывавшагося человѣка уже состоялось.

Въ своемъ объясненіи (уже отъ 6-го Февраля), протоіерей В. Г. Назаревскій, заявивъ, что рѣчь его въ домовой церкви слышали немногіе, меньше сотни лицъ, писалъ, между прочимъ: «Заговорили о рѣчи моей съ 17-го Января, не вслѣдствіе самой моей рѣчи, а вслѣдствіе слѣдующихъ обстоятельствъ. 17-го Января утромъ явился въ

мою квартиру г-нъ Рижскій полицеймейстеръ, который отъ имени его свѣтлости (князя Суворова), объяснивъ рѣчь мою въ ужасномъ совершенно видѣ, объявилъ мнѣ отъ имени генералъ-губернатора, что «еслибы я не былъ лицо духовное, слѣдовало бы тотчасъ посадить меня на гауптвахту, но такъ какъ я лицо духовное, то чтобы я никуда не выходилъ изъ квартиры.... до рѣшенія дѣла о проповѣди высшимъ начальствомъ, такъ какъ его свѣтлость уже донесъ о семъ Св. Синоду». При этомъ къ квартирѣ православнаго священника были приставлены жандармы. «Значитъ, продолжаетъ объясненіе, князь Суворовъ донесъ по словамъ г-на полицеймейстера 15 или 16 Января. Объ этомъ именно распоряженіи, а не о рѣчи очень скоро узнали въ городѣ (Нѣмцы разумѣется съ большимъ удовольствіемъ) и начали спрашивать, за что̀ о. Владиміръ остановленъ въ Ригѣ? Отвѣтъ между православными: ««онъ произнесъ какую-то рѣчь, и на него донесено въ Петербургъ»». Къ утѣшенію моему я тогда же имѣлъ случай слышать, что нѣкоторые изъ моихъ слушателей отзывались съ совершеннымъ недоумѣніемъ, что́ бы такое заключалось въ моей проповѣди, за что̀ я оставленъ въ Ригѣ. Вообще же Русскіе жители города, не бывшіе слушателями моей рѣчи, къ которымъ послѣ 17-го Января дошла вѣсть о моемъ задержаніи, говорили, что я сказалъ какую-то рѣчь, но какую именно, никто не могъ дать отчета. Съ своей стороны никакъ не могу я оправдать неосторожности г-на полицеймейстера, который, какъ послѣ узналъ я, толковалъ бывшимъ въ церкви, будто я говорилъ въ рѣчи и о волкѣ. Могу-ли я послѣ сего не предполагать, что это выраженіе и другія, въ какихъ г-нъ полицеймейстеръ высказалъ лично содержаніе моей рѣчи, не были повторяемы и другимъ лицамъ?»

Между тѣмъ произошло слѣдующее. Въ Февралѣ протоіерей Назаревскій отправленъ былъ для содержанія впредъ до рѣшенія дѣла въ Спасо-Мирожскій монастырь (Псковской губерніи), одинъ изъ самыхъ непривѣтливыхъ, гдѣ и провелъ болѣе полугода въ страшной неизвѣстности, куда направятъ далѣе его дѣло. Вотъ что̀ онъ въ 1850 году писалъ объ этомъ: «Въ зимнее время ветхія каменныя кельи были нестерпимо холодны и сыры и отапливались скудно, чрезъ два-три дня, а въ весеннее время отъ разлитія рѣки Великой нижній этажъ жилыхъ зданій монастыря въ продолженіе болѣе недѣли весь былъ залитъ водою на четыре аршина, такъ что съ верхняго этажа, гдѣ я былъ помѣщенъ, никуда нельзя было укрыться отъ холода и сырости; до церкви же нужно было плыть по монастырскому двору на лодкѣ. Содержаніе въ такомъ монастырѣ сперва въ холодное, потомъ въ сырое время года, погубило мое здоровье». Говорить-ли о томительномъ со-

стояніи человѣка, не получавшаго вѣстей о ходѣ его дѣла, о положеніи семьи?

Какое впечатлѣніе должна была произвести въ Ригѣ эта печальная и несправедливая исторія? Нѣмцы, конечно, порадовались ей, а у Русскихъ, духовныхъ и недуховныхъ лицъ, должна была исчезнуть охота поддерживать дѣло православія. «И оправдаться не виноватому не даютъ», говорили многіе. Значитъ то, что̀ требовалось доказать было доказано.

Въ концѣ концовъ протоіерею В. Г. Назаревскому вмѣнено было въ наказаніе содержаніе въ монастырѣ и дозволено было получить на родинѣ, впрочемъ, съ особымъ надзоромъ, должность приходскаго священника. Но съ этого времени въ пострадавшемъ дѣятелѣ принялъ живое участіе, кромѣ Тульскаго преосвященнаго Димитрія и Филарета Гумилевскаго, самъ Филаретъ митрополитъ Московскій, который перевелъ протоіерея Назаревскаго въ Москву, сдѣлавъ его профессоромъ Семинаріи, поручилъ ему завѣдываніе своей перепиской съ восточными патріархами и назначилъ настоятелемъ Трифоновской церкви, куда покойный дѣятель православія своимъ служеніемъ привлекъ Московскихъ обывателей.

NB.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

По поводу „Экономическихъ Проваловъ“ В. А. Кокорева и возраженій на нихъ В. А. Полетики *).

Напечатанныя въ «Русск. Архивѣ» статьи В. А. Кокорева подъ названіемъ «Экономическіе Провалы» могутъ дать поводъ къ серьезнымъ и основательнымъ опроверженіямъ. Главный ихъ недостатокъ указанъ самимъ авторомъ; онъ писалъ ихъ по личнымъ воспоминаніямъ, «*не роясь въ матеріалахъ*», другими словами, не изучая тѣхъ данныхъ, на которыхъ онъ иногда опрометчиво основываетъ рѣшительные приговоры. Однихъ такихъ личныхъ воспоминаній, не провѣренныхъ и недоказанныхъ, неприведенныхъ въ систематическій порядокъ

---

*) Напечатанное въ 8-й тетради *Русскаго Архива* за нынѣшній годъ возраженіе г-на Полетики на статьи В. А. Кокорева, продолжаетъ возбуждать негодованіе многихъ постоянныхъ читателей *Русскаго Архива*. Объяснимся. Двадцать пять лѣтъ составляя книжки историческаго изданія, я, согласно разъ намѣченной цѣли служить безпристрастнымъ проводникомъ для выясненія исторической правды, не могъ смотрѣть односторонне. Важность затронутаго вопроса въ «Экономическихъ Провалахъ» требовала всесторонняго освѣщенія и, усмотрѣвъ въ письмѣ г. Полетики отголосокъ мнѣнія, хотя конечно мною вовсе не раздѣляемаго, но тѣмъ не менѣе очень распространеннаго, я думалъ напечатаніемъ его возбудить возраженія, ведущія къ большему уясненію вопроса. Въ этомъ я достигъ цѣли. Но за общимъ въ первую минуту я не усмотрѣлъ частностей, и связанный даннымъ обѣщаніемъ не подвергать статьи г. Полетики какимъ-либо измѣненіямъ, долженъ былъ допустить и его отвратительные отзывы о Москвѣ, которые конечно оскорбляли мое личное чувство. Въ моихъ вѣрованіяхъ, въ моей привязанности къ чистокровной Россіи не въ правѣ сомнѣваться лица, слѣдившія за моею дѣятельностью. Съ издательской точки зрѣнія я думалъ сдѣлать хорошо, но можетъ быть сдѣлалъ ошибку, и въ свое оправданіе могу привести лишь древнее изреченіе, что «не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ». П. Б.

изученіемъ фактовъ и цифръ, могло бы быть достаточно для занимательной бесѣды въ клубномъ, пріятельскомъ кружкѣ; но въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть выработаннаго плана экономической политики такого обширнаго и своеобразнаго государства, какъ Россія. Тѣмъ не менѣе этотъ рядъ статей г. Кокорева вызвалъ и долженъ былъ вызвать почти всеобщее сочувствіе; потому что въ нихъ въ каждой строкѣ, въ каждомъ словѣ видно, что это писалъ истинно-Русскій человѣкъ, который постоянно и добросовѣстно ищетъ и желаетъ найти и сказать правду, хотя часто онъ ее только чувствуетъ, но недостаточно знаетъ. Это не ученая экономическая статья, какія мы привыкли читать въ Revue des Deux Mondes и другихъ Европейскихъ журналахъ; это, если можно такъ выразиться, сердечный плачъ, искреннее печалованіе Русскаго патріота о несомнѣнномъ и глубокомъ нашемъ экономическомъ упадкѣ за послѣднее полустолѣтіе.

Но что̀ сказать о письмѣ г. Полетики, напечатанномъ въ 8-й книжкѣ «Русск. Архива» по поводу «Экономическихъ Проваловъ?» Оно просто возмутительно для Русскаго читателя. Тутъ не знаешь чему болѣе удивляться: наглости площадныхъ, кабачныхъ ругательствъ надъ самыми дорогими историческими преданіями отечества или дѣтской наивности, съ которою авторъ обнаруживаетъ свое глубокое невѣжество. Если «изъ цѣлаго ряда большею частію сочувственныхъ заявленій», г. Кокоревъ «любезно дозволилъ» напечатать пока только письмо г. Полетики, то я объясняю себѣ это тѣмъ, что именно это письмо оскорбило въ г. Кокоревѣ достоинство Русскаго человѣка, а въ такомъ случаѣ онъ не могъ придумать болѣе строгаго, пожалуй жестокаго, но вполнѣ заслуженнаго возмездія. Обнародованіе такого письма есть публичная казнь автора посредствомъ приговора общественнаго мнѣнія.... Дѣйствительно, что́ скажетъ Русское образованное общество, когда узнаетъ, что, по мнѣнію г. Полетики, «*Москва—это ублюдокъ, происшедшій отъ изнасилованія Русской суевѣрной бабы кровожаднымъ Татариномъ*»? Конечно, это не болѣе, какъ ораторская метафора, но, къ сожалѣнію, лишенная не только всякаго остроумія и мѣткости сравненія, но даже самаго простаго здраваго смысла. Кого тутъ слѣдуетъ разумѣть въ образѣ «Русской суевѣрной бабы»? Кто тотъ «кровожадный Татаринъ», который за цѣлое столѣтіе до появленія Татаръ, когда на Руси о нихъ еще никто не думалъ и не слыхалъ, изнасиловалъ какую-то бабу и такимъ образомъ произвелъ на свѣтъ этого ублюдка—Москву? Вслѣдъ за этимъ г. Полетика съ удивительною наивностью говоритъ: «Не можете ли вы мнѣ указать, какой слѣдъ во всемірной исторіи оставила Москва въ теченіи своего

семивѣковаго существованія? Зародилась ли тамъ какая-либо мысль, плодотворно повліявшая на развитіе человѣчества?»

На эти вопросы не только г. Кокоревъ, но всякій 10—12-лѣтній школьникъ не затруднится отвѣтить: «Да, Москва оставила во всемірной исторіи неизгладимый слѣдъ, вѣчный, насколько вообще что-либо человѣческое можетъ быть вѣчнымъ; въ ней зародилась мысль единой, великой, мощной Россіи. Эту мысль она выносила, выстрадала и осуществила въ теченіи цѣлаго ряда столѣтій постояннаго, безпримѣрнаго самопожертвованія. Со временъ Іоанна Калиты и до Іоанна Грознаго включительно она подъ своимъ главенствомъ объединила всѣ отдѣльныя, враждовавшія между собой прежде, Русскія княжества и присоединила къ нимъ еще три обширныя царства Казанское, Астраханское и Сибирское, а при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ и Малороссію. Г-нъ Полетика не понимаетъ Аксаковскаго возгласа: «Пора домой, въ Москву!» Онъ видитъ въ немъ приглашеніе каждаго переѣхать въ тотъ городъ, гдѣ онъ родился. Въ этомъ отношеніи онъ можетъ вполнѣ успокоиться: для отечественныхъ интересовъ совершенно безразлично, живетъ ли и гдѣ именно г. Полетика. Въ Кіевѣ, въ Петербургѣ или за границей онъ можетъ числиться Русскимъ подданнымъ, Русскимъ чиновникомъ, но Русскимъ человѣкомъ онъ нигдѣ и никогда быть не можетъ; потому что онъ, по своимъ чувствамъ и убѣжденіямъ, Русскій *отщепенецъ*, то что̀ въ старину называлось *изгоемъ*. Вотъ г. Кокоревъ— другое дѣло; онъ понялъ Аксаковскій возгласъ, а потому и повторилъ его. Для него Новгородъ можетъ быть *родиной*, но у него есть нѣчто болѣе, есть *отечество*, Россія, воплощеніе и выраженіе которой есть Москва.

Вообще Аксаковскій возгласъ вовсе не имѣетъ того узкаго, мелочнаго смысла, который придаетъ ему г. Полетика; это не только не значитъ, что пора кому бы то ни было взять билетъ на желѣзной дорогѣ и переѣхать въ Москву, но не значитъ даже: пора перенести изъ Петербурга въ Москву высшія, государственныя законодательныя и административныя учрежденія. Смыслъ этихъ словъ заключается въ томъ, что пора покинуть безплодную и вредную, руководящую государственную мысль Петербурга и возвратиться къ исконной Московской, истинно-Русской.

А разница тутъ вотъ въ чемъ. Петербургъ видитъ въ Россіи одну изъ великихъ Европейскихъ державъ, а потому считаетъ необходимымъ, чтобы ни одинъ Европейскій вопросъ, хотя бы и не затрогивающій ея прямо, не рѣшался безъ нея; вотъ почему онъ совершенно послѣдовательно признаетъ ее даже обязанной вести разорительныя войны, изъ которыхъ она не можетъ и не думаетъ извлечь

для себя никакой пользы. Москва, напротивъ, вовсе не видитъ въ Россіи Европейскую, хотя не только одну изъ великихъ, но даже первенствующую державу. По ея мысли, Россія—это шестая часть свѣта, расположенная между Европой и Азіей, такъ точно какъ и на другомъ полушаріи есть особая часть свѣта, Америка, тоже расположенная между Европой и Азіей. Все различіе между ними на счастіе Америки и на бѣду Россіи состоитъ въ томъ, что первая отдѣлена двумя океанами отъ своихъ сосѣдокъ и потому имѣетъ вездѣ безспорныя границы, тогда какъ Россія на огромныхъ разстояніяхъ соприкасается съ Европой и Азіей территоріально, причемъ границы ея большею частію искусственны, сомнительны и ненадежны, что̀ и вынуждаетъ ее содержать постоянно громадныя военныя силы, которыя поглощаютъ около трети государственныхъ доходовъ и отвлекаютъ отъ производительнаго труда лучшую часть молодаго населенія.

По Московской, или вѣрнѣе древнерусской государственной идеѣ Россія существуетъ только для Россіи. Въ такіе исключительные, критическіе моменты государственной жизни, какъ напр. 1812 годъ, каждый Русскій считаетъ священнымъ долгомъ отдать въ пользу отечества и жизнь, и все имущество. Ни онъ самъ, ни другіе не сочтутъ это даже великодушнымъ подвигомъ — это просто исполненіе долга. Но нельзя себѣ представить, что̀ сказалъ бы любой царь Московской эпохи, еслибы кто-либо вздумалъ ему доказывать, что Россія обязана пожертвовать сотней тысячъ людей, сотней милліоновъ рублей для того чтобы принудить Венгровъ повиноваться Австрійскому императору, Французовъ посадить на престолъ Бурбона вмѣсто Бонапарта или Прусскаго короля возвратить Силезію Австрійской императрицѣ. Вѣроятно, въ ту пору это было бы признано за государственную измѣну; а все это было и, на основаніи Петербургской государственной идеи, что Россія одна изъ великихъ Европейскихъ державъ, было пожалуй и послѣдовательно, и необходимо.

Вотъ какъ, по крайней мѣрѣ, я понимаю возгласъ «пора домой, въ Москву» и рѣшительно не могу согласиться съ г. Полетикой, что его возгласъ «впередъ, къ знанію, къ свѣту, къ свободѣ», противоположенъ Аксаковскому. Возвращеніе на истинно-народный путь съ того искусственнаго, на который мы уклонились, нимало не исключаетъ поступательнаго движенія къ знанію, свѣту и свободѣ.

Все сказанное мною до сихъ поръ относится до общихъ идей и взглядовъ г. Полетики, изложенныхъ имъ на послѣдней страницѣ его письма; этимъ можно было бы и ограничиться. Но въ заключеніе, хотя самые размѣры письма не допускаютъ подробнаго разбора, я все-таки позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу одного

изъ специальныхъ возраженій, которыя онъ дѣлаетъ г. Кокореву такимъ авторитетнымъ тономъ, собственно съ цѣлью показать, до какой степени онъ самъ лишенъ именно *знанія*, къ которому такъ торжественно призываетъ Россію.

Такъ, напримѣръ, въ пятомъ пунктѣ своихъ возраженій онъ говоритъ: «Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, когда рабочее крѣпостное тягло перестало быть обезпеченіемъ ссудъ, выдававшихся подъ залогъ его дароваго труда помѣщику, преобразованіе Опекунскихъ Совѣтовъ стало совершенною необходимостью. Лишенный дароваго труда и вынужденный переходить къ неизвѣданному еще хозяйничанью по вольному найму, помѣщикъ терялъ опредѣленную кредитную способность. Продолженіе выдачи ссудъ помѣщикамъ, на прежнемъ основаніи, могло бы привести государственное казначейство къ неисчислимымъ потерямъ».

Ссуды помѣщикамъ выдавали не Опекунскіе Совѣты, а состоявшія при нихъ Сохранныя Казны, не подъ залогъ рабочаго, крѣпостнаго *тягла* или его *дароваго труда помѣщику*, а подъ залогъ всей совокупности цѣлаго имѣнія, при чемъ разсчетъ дѣлался не по *тягламъ*, а по *ревизскимъ душамъ* съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ имѣніи было не менѣе четырехъ десятинъ удобной земли на душу; но если земли было въ имѣніи болѣе, то вся она, со всѣми угодьями помѣщика, съ усадьбой, заведеніями и проч. словомъ все имѣніе во всей совокупности поступало въ залогъ и служило обезпеченіемъ ссуды, которая однако не могла превышать 70 р. на душу.

Пора было бы перестать повторять давно избитую и не имѣющую смысла фразу *о даровомъ* крѣпостномъ трудѣ крестьянъ на помѣщика. Трудъ этотъ былъ *обязательнымъ* для крестьянъ и хотя былъ ограниченъ закономъ тремя днями въ недѣлю, но въ значительной степени зависѣлъ отъ произвола одной стороны, въ этомъ и заключалось все зло; но *даровымъ* онъ никогда не былъ: крестьяне безденежно работали на помѣщика и также безденежно пользовались за это его землей и угодьями. Въ настоящее время не только крѣпостное право, но и временно-обязанныя отношенія между помѣщиками и крестьянами не существуютъ вовсе, а старый порядокъ все-таки сохранился: въ огромномъ большинствѣ имѣній, гдѣ ведется помѣщичье хозяйство, всѣ тѣ полевыя работы, которыя могутъ быть исполнены мѣстными крестьянами, отбываются ими, преимущественно не за деньги, а за пользованіе помѣщичьими угодьями, покосами, пастбищемъ, топливомъ и проч.

Какимъ образомъ вслѣдствіе уничтоженія крѣпостнаго права «*помѣщикъ терялъ опредѣленную кредитную способность?*» Потерять то,

чего не имѣешь, невозможно; а личнаго кредита, какимъ пользуется напримѣръ купецъ въ государственномъ или коммерческомъ банкѣ, помѣщикъ никогда не имѣлъ. Сохранныя Казны дѣлали ссуды не ему лично, а подъ залогъ недвижимой собственности, кому бы она ни принадлежала, соображаясь только съ ея рыночной цѣной. Но именно вслѣдствіе уничтоженія крѣпостнаго права, эта рыночная цѣна, т. е. стоимость залога не только опредѣлилась, но и возвысилась почти вдвое, по крайней мѣрѣ на 70%. Прежде, какъ рѣдкое исключеніе, а все-таки былъ возможенъ такой случай, что Сохранная Казна выдала подъ имѣніе ссуду, за неплатежъ назначила его въ продажу, а на торгахъ покупателей не оказалось. Послѣ уничтоженія крѣпостнаго права это стало невозможно. Тѣ четыре десятины на ревизскую душу, которыя по правиламъ Сохранной Казны были minimum, по положенію о крестьянахъ стали maximum душеваго надѣла, и за нихъ государственное казначейство обезпечило денежный выкупъ въ размѣрѣ отъ 120 до 133 р., что̀ уже почти вдвое обезпечивало ссуду въ 70 р., не считая всѣхъ земель и угодій того же имѣнія, оставшихся помѣщику за надѣломъ крестьянъ. Недостатка въ капиталахъ для производства ссудъ не только не было, но напротивъ, Сохранныя Казны пользовались такимъ довѣріемъ капиталистовъ, что и прежде, при крѣпостномъ правѣ, затрудняясь въ помѣщеніи капиталовъ, не разъ ходатайствовали о дозволеніи сдѣлать ссуды подъ залогъ домовъ въ столицахъ и ненаселенныхъ земель; но это имъ не разрѣшалось, потому что государственное казначейство само занимало у нихъ свободные капиталы безъ всякаго залога. Когда, при уничтоженіи крѣпостнаго права, наступилъ во всей Россіи тяжелый землевладѣльческій и сельскохозяйственный кризисъ, облегчить который возможно было только развитіемъ поземельнаго кредита, а правительство уничтожило его вовсе: то оказалось необходимымъ принять насильственныя мѣры для того, чтобы выгнать капиталы изъ Сохранныхъ Казенъ. Сперва понизили процентъ по вкладамъ съ четырехъ на три, потомъ съ трехъ на два, но и этого было мало: вкладчики жаловались, что имъ некуда дѣваться съ капиталами. Финансовая администрація съумѣла помочь и этому горю; она разомъ вызвала на свѣтъ болѣе 120 акціонерныхъ обществъ, какихъ прежде было три или четыре. Эти общества выпустили мильоновъ на 600 акцій и облигацій, большей частью съ гарантіей правительства. Впослѣдствіи, многія изъ нихъ полопались, казначейство и частные капиталисты понесли большіе убытки, но цѣль была достигнута: Россія была лишена всякаго поземельнаго кредита именно въ ту пору, когда она въ немъ всего болѣе нуждалась. Спустя лѣтъ 10—12 спохватились; снявъ голову,

стали плакать о волосахъ и учредили тѣ акціонерные поземельные банки, которые г. Кокоревъ такъ мѣтко назвалъ мышеловками.

Вотъ тѣ «*случайныя, малозначущія ошибки финансовой администраціи*» и тѣ мудрыя преобразованія, которыя, по мнѣнію г. Полетики, были «совершенною необходимостью».

Кажется, теперь торжественные возгласы вообще въ модѣ, а потому и я закончу письмо такимъ образомъ. Желаю, чтобы г. Полетика шелъ впередъ, къ знанію, къ свѣту.... ну, а въ свободѣ, по крайней мѣрѣ въ свободѣ сквернословить и пустословить, онъ очевидно не нуждается. Примите и пр.

Д. Голохвастовъ.

*

P. S. Письмо это было мною напечатано въ Августѣ, когда я еще не зналъ отвѣта г. Кокорева, напечатаннаго въ Сентябрѣ. Но теперь, прочитавъ его отвѣтъ, я вынужденъ сказать: mea culpa! Дѣйствительно, я позволилъ себѣ напр. предположить, что выходки г. Полетики оскорбили въ г. Кокоревѣ достоинство Русскаго человѣка; оказывается, что напротивъ онъ видитъ въ этомъ „*самое отрадное для него явленіе*“, признаетъ въ г. Полетикѣ *дальнозоркость горячаго патріота*“ и, какъ „*поклонникъ воззрѣній г. Полетики подноситъ ему пальму первенства*“. „*Такой взглядъ исходитъ изъ глубокаго уваженія къ ораторскому таланту* г. Полетики.

По этому послѣднему обстоятельству я, конечно, не судья; ибо ничего не знаю объ ораторскомъ талантѣ г. Полетики, кромѣ одного примѣра, на который онъ самъ указалъ въ своемъ письмѣ, а именно: сравненіе царствованія имп. Николая съ постройкой Исакіевскаго собора, а Россіи, какъ почвы, надъ которой работалъ Николай, съ *болотомъ*, на которомъ построенъ соборъ. Признаюсь, что моихъ умственныхъ способностей не хватаетъ на то, чтобы видѣть въ этомъ черту талантливости оратора; мнѣ это представляется тѣмъ наивнымъ вздоромъ, затрапезнымъ словоизверженіемъ, какое дѣйствительно приходится иногда выслушивать *въ концѣ* большаго обѣда.

Г. Кокореву я замѣчу только, что какой-нибудь безграмотной барынѣ было простительно во время оно говорить, что она заложила своихъ пейзановъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ или даже въ Воспитательномъ Домѣ; но тому, кто берется критиковать финансовую политику государства, не позволительно называть Сохранныя Казны Опекунскими Совѣтами и говорить, будто *послѣдовало совершенное уничтоженіе* Опекунскихъ Совѣтовъ, тогда какъ достовѣрно, что уничтожены они никогда не были и до сего дня продолжаютъ заниматься своимъ дѣломъ общественной благотворительности.

Д. Г.

„АЛЬЗИРА“ ВОЛЬТЕРА ВЪ ПЕРЕВОДѢ ФОНЪ-ВИЗИНА.

Къ числу ненапечатанныхъ, до настоящаго времени, и поэтому мало кому извѣстныхъ произведеній Фонъ-Визина принадлежитъ, между прочимъ, и первый его опытъ перевода съ Французскаго языка на Русскій и, притомъ, стихами. Это переводъ трагедіи Вольтера «Альзира или Американцы».

Что Фонъ-Визинъ не былъ одаренъ поэтическимъ талантомъ, не былъ даже особенно искусенъ въ стихосложеніи, съ этимъ согласится, вѣроятно, всякій, кто читалъ его сочиненія: нѣсколько недурныхъ стиховъ въ «Посланіи къ слугамъ» и въ баснѣ «Лисица-казнодѣй», вотъ и все, что онъ оставилъ намъ изъ трудовъ своихъ на семъ поприщѣ. Въ одномъ письмѣ къ Елагину онъ очень характерно выражается о своихъ занятіяхъ поэзіею: «Пишу стихи, которые стоятъ мнѣ не только неизреченнаго труда, но и головной болѣзни, такъ что лѣкарь мой предписалъ мнѣ въ діэтѣ отнюдь не пить Англійскаго пива и не писать стиховъ; ибо какъ то, такъ и другое кровь заставляетъ бить вверхъ» [1]). Спеціально объ «Альзирѣ» онъ выражается въ «Чистосердечномъ признаніи», что это «не что иное, какъ грѣхъ юности моея», и затѣмъ продолжаетъ: «переводъ мой сталъ дѣлать много шума, и я самъ началъ имѣть нѣкоторое мнѣніе о моемъ дарованіи; но признаюсь, что, будучи недоволенъ переводомъ, не отдалъ его ни на театръ, ни въ печать» [2]). Итакъ, можно полагать, что Фонъ-Визинъ самъ считалъ этотъ свой трудъ скорѣе упражненіемъ въ переводѣ и стихосложеніи, нежели художественнымъ, поэтическимъ произведеніемъ, хотя надо замѣтить, что, называя его грѣхомъ юности (кто не писывалъ

---

1) См. Сочиненія и переводы Фонъ-Визина. С.-Петерб. 1866, стр. 358.

2) Тамъ же, стр. 540—541.

стиховъ въ молодости?), онъ тутъ же спѣшитъ, однако, оговориться: «но совсѣмъ тѣмъ встрѣчаются въ немъ и хорошіе стихи».

Если «Альзира» и «дѣлала шумъ», то, конечно, она была обязана этимъ имени Вольтера и заключающимся въ ней обличеніямъ и нападкамъ, направленнымъ противъ испорченности нравовъ народовъ стараго свѣта, противъ фанатизма приверженцевъ католической религіи, столь часто во имя Христово, не по христіански обращавшихся съ другими людьми и т. п. Предполагая, что содержаніе трагедіи извѣстно читателямъ, мы напомнимъ здѣсь, что мысли, проводимыя Вольтеромъ въ «Альзирѣ», сводятся къ слѣдующимъ: истинный христіанинъ, считая всѣхъ своими братьями, долженъ оказывать всѣмъ, а тѣмъ паче врагамъ своимъ, помощь и добро и не помнить зла; человѣкъ въ первобытномъ дикомъ состояніи часто бываетъ гораздо великодушнѣе, честнѣе и нравственнѣе, нежели въ цивилизованномъ. Понятно, что подобныя мысли, въ какой бы формѣ онѣ ни были выражены, встрѣчались крайне сочувственно, и появленіе «Альзиры» на Русскомъ языкѣ, конечно, сильно заинтересовало поэтому всѣхъ мыслящихъ людей и возбудило самые оживленные и разнообразные толки, какъ о самой трагедіи, такъ и объ ея юномъ переводчикѣ. Переводъ оказался, однако, не могущимъ удовлетворить и невзыскательнаго читателя, благодаря уродливому, тяжелому стиху своему и другому еще важному недостатку—невѣрности, вслѣдствіе не вполнѣ ясно, а кой-гдѣ и совершенно превратно, понятаго Французскаго подлинника. Эти промахи были тотчасъ замѣчены; остряки не захотѣли упустить удобнаго случая посмѣяться, и Фонъ-Визину пришлось довольно-таки наслышаться разныхъ замѣчаній и bons-mots. Особенно много досталось ему за одну ошибку. Въ стихѣ «ces marbres impuissants, en sabres façonnés [3]), слово sabre—сабля, мечъ было принято Фонъ-Визинымъ за сходно-звучащее sable—песокъ, прахъ, и весь стихъ переведенъ такъ: «безсильны марморы, въ песокъ преображенны». По поводу этой ошибки и вообще всего перевода «Альзиры», извѣстный своими шутливыми, подчасъ довольно колкими, стихотвореніями А. С. Хвостовъ выразился, въ своемъ «Посланіи» къ Фонъ-Визину, такъ:

Не ты-ль у старика Вольтера отнялъ честь,
Какъ удалось тебѣ Альзиру перевесть?
Что Муза у тебя душою покривила,
Напавъ въ иныхъ мѣстахъ на смыслъ Вольтеровъ съ тыла;
Что съ мыслью автора разъѣхался въ другихъ,
И что межъ прочими въ трагедіи есть стихъ,

---

[3]) Актъ 2-й, явл. 4-е.

Котораго она совсѣмъ не разумѣла,
Не ты въ томъ виноватъ: чего она смотрѣла!
Нельзя, чтобъ ты меча съ пескомъ не распозналъ,
Ни столько мудрыми очами захворалъ.

Ошибка Фонъ-Визина, конечно, принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ; но она, кажется намъ, простительна переводчику, приступившему къ своему труду всего лишь послѣ двухъ лѣтъ занятій языкомъ и сдѣлавшему ее, быть можетъ, въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ поэтическаго настроенія и возбужденія молодой мысли, когда и безсмыслица можетъ показаться заключающей въ себѣ сокровенное, символическое значеніе. Къ тому же многіе именитые ученые и писатели впадали въ подобныя ошибки и даже еще болѣе странныя, и не такъ дорого платились за нихъ. Мы для образца приведемъ лишь двѣ изъ нихъ, принадлежащихъ нашему почтенному изслѣдователю И. М. Снегиреву, когда онъ былъ еще очень молодъ и только что начиналъ печатать свои труды, и Французу, переводчику Русскихъ авторовъ, Мериме. Первый перепуталъ слова tente—шатеръ и tante—тетка въ разсказѣ путешественницы о Чатыръ-дагѣ, и ея слова «nous fîmes une excursion jusqu'au sommet du Chetirdag, son nom signifie la montagne de la tente, parce qu'elle a la forme d'une tente», перевелъ такимъ образомъ: «мы проѣхали до самой вершины Шетирдага, имя Шетирдагъ значитъ гора Теткина; въ самомъ дѣлѣ она походитъ на тетку» [1]. Мериме, переводя одну изъ повѣстей Пушкина, не понялъ слова «затянуться» (табачнымъ дымомъ) и фразу «онъ всталъ, затянулся», передалъ такъ: «il se leva, serra sa ceinture».

Остальныя ошибки въ «Альзирѣ» заключаются въ невѣрно-переданныхъ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Останавливаться подробно на нихъ мы не будемъ, такъ какъ цѣль наша—дать лишь общее понятіе объ этомъ трудѣ. Достаточно будетъ сказать, что, благодаря ошибкамъ этимъ, смысла иныхъ стиховъ нельзя понять, не прибѣгая къ подлиннику, а нѣкоторыя особенно патетическія мѣста допускаютъ крайне-комичное толкованіе. Мы не имѣемъ никакихъ указаній относительно вопроса, какія мѣста своего перевода имѣлъ Фонъ-Визинъ въ виду, когда утверждалъ, что въ «грѣхѣ юности» встрѣчаются и «хорошіе» стихи. Сравнительно съ другими, намъ показался сносенъ лишь одинъ конецъ 5-го явленія въ первомъ дѣйствіи. Это отвѣтъ Альзиры на

---

[1]) См. „Письма о Крымѣ, объ Одессѣ и Азовскомъ морѣ". М. 1810, стр. 104—105. Письма эти сперва были напечатаны въ „Bibliothèque Britannique". Авторъ ихъ г-жа Гётри (Guthrie).

упреки Гусмана, что она все еще помнитъ своего прежняго жениха Замора. Вотъ этотъ отвѣтъ:

Теперь ужъ мѣста нѣтъ ни ревности, ни злобѣ!
Что сдѣлаетъ тебѣ соперникъ твой во гробѣ?
Несчастной сей странѣ Заморъ надеждой былъ.
Любила я его, и онъ меня любилъ.
Признáюсь въ томъ тебѣ, что смерть сего героя
Лишила въ жизни сей на вѣкъ меня покоя.
Теперь уже ты скорбь мою не осуждай
И лучше о моемъ ты сердцѣ разсуждай.
Оставить гордость всю тебѣ со мною должно,
И вѣрность заслужи мою, коль то возможно.

Нѣсколько мѣстъ переведены почти съ буквальною точностью, какъ напримѣръ стихи:

Единой милости прошу я наконецъ;
О томъ твой проситъ другъ и требуетъ отецъ.
(Je ne veux qu'une grâce, elle me sera chère;
Je l'attends comme ami, je la demande en père).

или слѣдующіе:

Рушители того, что дѣлать научаемъ,
Не просвѣщаемъ ихъ, а только умерщвляемъ;
Стремимся въ кровь и прахъ все злобно превращать
И только небесамъ лишь громомъ подражать.
(Déserteurs de ces loix qu'il fallait enseigner,
Nous egorgeons ce peuple au lieu de le gagner;
Par nous tout est en sang, par nous tout est en poudre,
Et nous n'avons du ciel imité que la foudre).

Ясно, что Фонъ-Визинъ относился очень серьезно къ своей работѣ и старался какъ можно ближе держаться Французскаго текста, а изъ большаго числа поправокъ или, лучше сказать, передѣлокъ его видно, что онъ много работалъ и надъ внѣшней отдѣлкой стиха. Но какъ онъ ни старался, все же у него переводъ выходилъ неудовлетворительнымъ даже для него самого, и онъ произнесъ строгій приговоръ своему труду, обрекши его на неизвѣстность, не отдалъ ни на театръ, ни въ печать. И дѣйствительно, текстъ его «Альзиры» остался неизвѣстнымъ даже многимъ, занимавшимся спеціально изученіемъ Русской литературы. При перечисленіи трудовъ Фонъ-Визина, объ «Альзирѣ» лишь упоминали, что она была имъ переведена. Нѣкоторые ошибочно принимали переводъ П. Карабанова за переводъ Фонъ-Визина, а князь

П. А. Вяземскій, въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о семъ послѣднемъ, ограничился тѣмъ, что отозвался объ «Альзирѣ», какъ о школьномъ упражненіи, въ которомъ нѣтъ ни одного хорошаго стиха.

Въ заключеніе нашей замѣтки мы сочли нелишнимъ приложить отрывокъ изъ «Альзиры», печатаемый съ современнаго списка, писаннаго рукою переписчика весьма разборчиво, но крайне небрежно и безграмотно [5]). Знаки препинанія въ этой рукописи, за рѣдкими исключеніями, отсутствуютъ; два-три слова иногда соединены въ одно; окончанія и цѣлыя слова пропущены, а въ трехъ-четырехъ мѣстахъ написаны вмѣсто словъ совершенно непонятныя сочетанія буквъ въ родѣ: «полять, стремунтъ» и т. п. Особенную цѣнность придаютъ этой рукописи помянутыя выше передѣлки первоначальной редакціи, сдѣланныя Фонъ-Визиномъ собственноручно. Къ сожалѣнію, передѣлано имъ лишь одно 1-е явленіе перваго дѣйствія. Предлагаемый ниже отрывокъ и есть это явленіе въ своей, такъ сказать, окончательной редакціи; что же касается до полнаго текста трагедіи, то, по нашему мнѣнію, ему мѣсто не здѣсь, а въ полномъ собраніи сочиненій автора «Бригадира» и «Недоросля».

Алексѣй Станкевичъ.

АЛЬЗИРА ИЛИ АМЕРИКАНЦЫ.

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ, ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Альваръ и Гусманъ.

Альваръ.

Мадрита вышній судъ уже опредѣлилъ,
Чтобъ ты преемникомъ, любезный сынъ, мнѣ былъ.
Ты сдѣлай, чтобъ народъ сей новой свѣта части
Подверженъ божеской и княжеской былъ власти.
Владѣй ты брегомъ тѣмъ, что много бѣдъ терпѣлъ.
Со златомъ онъ на свѣтъ злодѣйство произвелъ.
Тебѣ, любезный сынъ, всю власть мою вручаю,
И бремя съ слабыхъ рукъ, состаряся, слагаю....
Съ младенчества еще въ Америкѣ я жилъ;
Я первый въ Мексикѣ тому гражданъ училъ,

---

[5]) Списокъ этотъ находится въ настоящее время въ числѣ рукописей, принадлежащихъ Московскимъ городскимъ Чертковской и Голицынской Библіотекамъ.

Какъ зданья по водамъ крылатыя летаютъ,—
Такія чудеса сихъ смертныхъ удивляютъ.
Къ звѣздамъ Медвѣдицы, до Магеллана водъ
Кастильски воины мой учредили ходъ.
О, еслибъ небеса мнѣ то во мзду послали,
Чтобъ христіанами сіи герои стали!
Но побѣдителей свирѣпство кто смягчитъ?
Ихъ варварство гремѣть ихъ славѣ не велитъ.
Я долго самъ безъ слезъ не могъ того прѐдставить,
Что славою сердцà не можно ихъ исправить.
Окончить жизнь мою мнѣ время настаетъ....
Безъ огорченія оставлю я сей свѣтъ,
Когда увижу я, что истиной святою
Ты началъ управлять и градомъ и страною.

Гусманъ.

Я варварску страну съ тобою побѣдилъ;
Во всѣхъ моихъ дѣлахъ ты мнѣ наставникъ былъ;
Какъ править—отъ тебя мнѣ то узнать возможно:
Законы не давать, но принимать мнѣ должно.

Альваръ.

Правитель долженъ быть одинъ опредѣленъ.
Ослабшій старостью, трудами утомленъ,
Я чту власть бременемъ. Довольно, коль совѣтомъ
Вамъ помощь дамъ въ дѣлахъ, которы чтимы свѣтомъ.
Повѣрь, что я возмогъ сердца людей узнать;
Напрасны тѣ труды, чтобъ ими управлять.
Я Богу моему, за должность небреженну,
Днесь старость посвящу, трудами отягченну.
Единой милости желаю наконецъ,
О томъ твой проситъ другъ, и требуетъ отецъ:—
Пусти невольниковъ, въ сей день у стѣнъ плѣненныхъ,
Велѣніемъ твоимъ въ оковы заключенныхъ.
Воспомни, что сей день къ веселью учрежденъ;
Онъ долженъ быть одной щедротѣ посвященъ.

Гусманъ.

Прошеньемъ, государь, ты мнѣ повелѣваешь,
Но разсуждай о томъ, на чтò теперь дерзаешь.
Ко граду, чтò еще толь мало укрѣпленъ,
Желаемъ, чтобъ былъ путь злодѣямъ затворенъ.
Не должно, чтобъ они къ оружью привыкали,
Чѣмъ гордость мы сего народа усмиряли;
Чтобъ нашъ законъ они осмѣлясь презирать,
Не стали насъ самихъ потомъ пренебрегать.

Намъ должно, чтобъ они отъ нашихъ силъ дрожали,
На нашу только власть и мщеніе взирали.
Американцы здѣсь жесточе дикихъ чудъ;
Желѣзо на себѣ во трепетѣ грызутъ;
Робѣютъ строгости, но, слабость зря, гордятся
И думаютъ, что ихъ самихъ тогда страшатся.
Гдѣ слабость царствуетъ, тамъ власти уже нѣтъ,
И строгость лишь одна къ покорности влечетъ.
Я знаю, что свой долгъ Кастильцы наблюдаютъ
И въ службѣ все свое величество считаютъ;
Но въ рабствѣ живши вѣкъ, другая свѣта часть
Желаетъ надъ собой имѣть строжайшу власть,
И сами боги здѣсь моленью не внимаютъ,
Коль кровію людской алтарь не обагряютъ.

Альваръ.

Ахъ, можно-ль ненависть къ тиранству истребить?
Злодѣйство съ хитростью ты можешь-ли любить,
Законъ Христовъ всегда въ почтеніи имѣть,
Чтобъ христіанами здѣсь новыми владѣть?
Еще-ль свирѣпостью твой взоръ не насыщенъ,
Чѣмъ берегъ сей почти въ пустыню превращенъ?
Но для того-ль меня Европа посылала
Въ страну, которую сама еще не знала,
Чтобъ видѣть, сколько здѣсь страшится вся страна,
Европы, христіанъ, услышавъ имена?
Увы, не для того отъ Бога мы посланы!
Намъ должно имъ предать законы, намъ преданны,
Но мы сію страну губить стремимся вновь.
Не насыщаютъ насъ ни золото, ни кровь.
Рушители того, что̀ дѣлать научаемъ,
Не просвѣщаемъ ихъ, а только умерщвляемъ;
Стремимся въ кровь и прахъ все злобно превращать
И только небесамъ лишь громомъ подражать.
Гишпанцевъ ужасомъ въ странахъ сихъ почитаютъ;
Отъ имя нашего въ отчаянье впадаютъ.
Въ тиранствѣ, гордости свои проводимъ дни.
Мы, въ здѣшней сторонѣ, мы—варвары одни!
Американецъ здѣсь своей подверженъ долѣ,
Намъ равенъ въ храбрости, но въ кротости насъ болѣ.
Ахъ, еслибъ были въ нихъ злодѣйскія сердца,
Давно-бъ тебя они лишить могли отца.
Ты вспомни, что они избавительми были,
Когда меня сіи народы окружили

И, нашей строгостью жестоко возмутясь,
Хотѣли погубить лютѣйшей казнью насъ.
Всѣ воины мои убиты предо мною;
Я чаялъ умереть злодѣйскою рукою,—
Но вдругъ оружіе народъ сей положилъ,
Отъ имя моего всю лютость усмирилъ.
На кротость вдругъ была свирѣпству ихъ премѣна.
Одинъ изъ нихъ, въ слезахъ, обнявъ мои колѣна:
„Альваръ, сказалъ, Альваръ, тебя-ли вижу я?
„Намъ добродѣтель здѣсь всегда нужна твоя!
„Живи и властвуй здѣсь ты нашими сердцами,
„Чтобъ то тираны зря прощать учились сами.
„Величество души тѣ вѣчно сбрегутъ,
„Которыхъ дикими они всегда зовутъ“.
Услышавъ ихъ дѣла, ты духомъ возмутился.
Противъ желанья ты на жалость склонился.
Такъ человѣчество со мною говоритъ.
Ахъ, если же твой духъ еще тиранство чтитъ,
Какъ можешь нынѣ ты предстати передъ тою,
Чье сердце умягчить желаешь ты собою,
Которой праотцы владѣли сей страною,
Въ несчастье вверженной тиранскою рукою?
Иль ожидаешь ты, чтобъ слезы, вопль несчастныхъ
Исторгли острый мечъ изъ рукъ твоихъ ужасныхъ?

Гусманъ.

Я только съ тѣмъ готовъ скончать плѣненныхъ стонъ,
Чтобъ приняли они священный нашъ законъ.
Велитъ имъ нашъ законъ боговъ оставить ложныхъ
И больше не даетъ къ спасенью средствъ возможныхъ.
Мы вѣрѣ ихъ своей чрезъ то пріобрѣтемъ,
Принудимъ разумы и въ плѣнъ сердца возьмемъ.
Необходимости непобѣдима сила
Къ подножью алтаря безстрашныхъ приводила.
Хочу, чтобъ плѣнники закона моего
Какъ Бога, такъ царя страшились одного.

Альваръ.

Не менѣе твоей моя душа желала,
Чтобъ царство новое здѣсь правда основала,
Чтобъ мы и небеса лишились здѣсь враговъ;
Но нѣтъ тамъ вѣрности, гдѣ страждутъ отъ оковъ.
Внемли, любезный сынъ, что́ истина вѣщаетъ,
И правый богъ есть тотъ, который намъ прощаетъ.

Гусманъ.

Я не противлюся желаніямъ твоимъ;
Имѣешь полну власть надъ сыномъ ты своимъ.
Я зрю, что ты сердца лютѣйшія смягчаешь,
Всегда въ своихъ словахъ ты кроткой духъ являешь.
Когда же небесамъ угодно было дать
Тебѣ великій даръ сердца другихъ склонить—
Альзира страстію моею возгордилась,
И счастье сдѣлать мнѣ *) неволею склонилась.
Люблю ее, люблю; страдаю въ сей любви.
Неволею она родилася въ крови;
Но, ахъ, хоть вѣчно мнѣ въ семъ пламени горѣти,
Мой гордый духъ себя не можетъ одолѣти.
Не можетъ и къ тому себя онъ принуждать,
Чтобъ гордости ея ласканьемъ угождать.
Альзирѣ не хочу дать власти надъ собою;
Но счастливымъ я быть однимъ могу тобою:
Ты можешь ко всему отца ея склонить,
И тѣмъ меня на вѣкъ счастливымъ учинить!
Скажи ему, чтобъ онъ, родительскою властью,
Принудя дщерь свою, пресѣкъ пути къ несчастью;
Скажи въ послѣдній разъ.... Но что̀ я предпринялъ!
Къ прошенію отца для сына я склонялъ!...

Альваръ.

Монтезъ уже давно мое желанье знаетъ
И дщерь свою къ тому теперь уже склоняетъ.
Весь родъ ихъ здѣсь въ плѣну строжайшемъ пребывалъ,
Но я одинъ ихъ всѣхъ въ неволѣ утѣшалъ.
Для Бога праваго Монтезъ боговъ оставилъ,
Онъ въ истинѣ святой Альзиру самъ наставилъ.
Она народамъ симъ примѣръ собой даетъ,
Народное къ себѣ вниманіе влечетъ.
Кастильцевъ ею всѣхъ сердца пріобрѣтенны,
И будемъ мы всегда Америкой почтенны.
Святая вѣра здѣсь свой корень распростретъ,
Блаженство здѣшнихъ мѣстъ твой бракъ съ собой влечетъ.
Два свѣта чрезъ него на-вѣкъ соединятся,
И варварски сердца совсѣмъ преобразятся.
Увидя царску дщерь въ объятіяхъ твоихъ,
Оставятъ гордость всю сердецъ они своихъ.
А я останусь тому, мой сынъ, свидѣтель,
Что царствуетъ вездѣ святая добродѣтель.
Но, се, Монтезъ идетъ! Поди во храмъ теперь,
Куда придетъ и съ нимъ его прекрасна дщерь.

*) Галлицизмъ: faire mon bonheur.

MÉMOIRES
DE LA COMTESSE EDLING.

Les Mémoires de la comtesse Edling ont été imprimés, en extrait, dans les „Archives Russes“ de l'année 1887, traduits du manuscrit français inédit. Ils ont vivement attiré l'attention de l'élite intellectuelle de notre pays.

Leur contenu est également important pour la littérature historique européenne. Aussi le désir de les faire connaître dans leur original a-t-il été exprimé avec insistance, par un nombre de lecteurs des plus compétents en la matière.

Cela nous a déterminé à entréprendre la publication de l'original français de ces remarquables Mémoires.

Les personnes désirant posséder ce livre, peuvent s'en rendre acquéreurs, par souscription (3 roubles ou 6 francs, avec envoie à domicile) en s'adressant soit à S-t Pétersbourg, chez Mellier, libraire de la Cour Impériale, Perspective Newsky près du Pont de Police; soit à Moscou, à la Rédaction des „Archives Russes“ Sadovaya, 175, ou chez M. Gauthier, libraire, au Pont des Maréchaux.

ВЪ КОНТОРѢ РУССКАГО АРХИВА

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175-й)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго**. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **А. С. Пушкина**. Цѣна 40 коп. Въ этотъ сборникъ вошли стихотворенія, которыя появились при жизни поэта, а изъ посмертныхъ только наилучшія и вполнѣ его достойныя.

Стихотворенія **Ѳ. И. Тютчева**. Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Н. М. Языкова**. Цѣна 40 коп. За пересылку каждаго изъ этихъ сборниковъ—5 к.

Выписывающіе всѣ четыре книжки получаютъ ихъ съ пересылкою за 1 р. 20 коп.

А. С. Пушкинъ. Два выпуска его новонайденныхъ сочиненій, его бумаги, черновыя его письма и наброски, выдержки изъ его записокъ, переписка его и письма къ нему разныхъ лицъ, замѣтки на его сочиненія и статьи о немъ (князя П. П. Вяземскаго, по бумагамъ Остафьевскаго архива, П. И. Бартенева, Г. С. Чирикова, Зеленецкаго, М. Н. Лонгинова, князя П. А. Вяземскаго, И. С. Аксакова, князя В. Ѳ. Одоевскаго и др.) со снимкомъ. Цѣна каждому выпуску ОДИНЪ РУБЛЬ, за пересылку 10 к.

Полное собраніе сочиненій **А. С. Хомякова**. Четыре тома. Цѣна каждому тому **3** рубля съ пересылкою **3** р. **30** к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

Русскій Архивъ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1887 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ).

„Русскій Архивъ“ выходитъ въ 1887 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ составляютъ три большіе отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1887 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей: для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ**, въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

☞ За перемѣну адреса Московскаго на Московскій и иногородняго на иногородный—**20** к.; иногородняго на Московскій—**50** к.; Московскаго на иногородный—**90** к. (по платѣ почтовой).

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1885 и 1886 получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874**, **1877**, **1878**, **1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**

☛ Открыта подписка на „Русскій Архивъ“ 1888 года.
Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1887

11.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

(См. далѣе на 3-й стр. обложки).

Русскій Архивъ 1887. XI.

Фото-Гравюра Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Надобно, тысячу разъ надобно, архипастырямъ нынѣшняго времени быть между собою въ частомъ и близкомъ общеніи любви.

Смиренный Филаретъ Архіепископъ.

ФИЛАРЕТЪ, АРХІЕПИСКОПЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ *).

Въ Апрѣлѣ 1859 года, въ бытность Филарета въ Петербургѣ, состоялось назначеніе его въ Черниговъ. Было-ли въ связи съ этимъ перемѣщеніемъ Харьковское дѣло, вслѣдствіе котораго считали неудобнымъ оставаться ему въ Харьковѣ, или онъ самъ уже тяготился послѣ этой исторіи пребываніемъ тамъ—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ мы готовы видѣть въ этомъ назначеніи милосердіе Божіе къ Черниговской паствѣ, гдѣ предмѣстникъ Филарета, архіепископъ Павелъ, по своей дряхлости и слабости, много лѣтъ почти не управлялъ епархіею.

Одновременно съ полученіемъ указа о переводѣ преосвященнаго Филарета въ Черниговъ, въ Харьковѣ разнесся слухъ, что онъ по пути изъ Москвы въ Черниговъ заѣдетъ въ Харьковъ. Дѣйствительно, въ концѣ Іюня 1859 года, когда назначенный туда изъ Тамбова преосвященный Макарій былъ уже въ Харьковѣ, пріѣхалъ и Филаретъ. Цѣлію пріѣзда его было разъяснить своему преемнику нѣкоторыя экономическія дѣла архіерейскаго дома и уложить свою сокровищницу—библіотеку.

По полученіи въ консисторіи отъ вновь назначеннаго эконома архіерейскаго дома донесенія о пріемѣ всѣхъ суммъ по книгамъ, а всего имущества по описямъ, и по выдачѣ отъ консисторіи квитанціи, преосвященный Филаретъ выѣхалъ въ первыхъ числахъ Іюля изъ Харькова, направивъ путь свой на Куряжскій монастырь. Прощаясь съ членами консисторіи и цѣлуя каждаго, онъ каждому говорилъ: Христосъ съ тобою! «Это было любимое его выраженіе», замѣчаетъ о. Іоаннъ Шароцкій, «которое весьма часто выходило изъ

---

*) См. выше, стр. 209.

его устъ и указывало на доброе расположеніе его души. Онъ, можно сказать, дышалъ именемъ Христовымъ».

Въ Куряжскомъ монастырѣ онъ въ послѣдній разъ повидался съ преосвященнымъ Иннокентіемъ Александровымъ, который былъ нѣкогда епископомъ Харьковскимъ, потомъ Иркутскимъ, Екатеринославскимъ и здѣсь оканчивалъ дни свои на покоѣ.

Изъ Куряжскаго монастыря архіепископъ Филаретъ отправился въ сѣдой Черниговъ, чтобы пополнить собою въ его лѣтописяхъ рядъ великихъ его святителей.

Духовенство Черниговское до Филарета не отличалось своимъ развитіемъ. Сутяжничество, легкое отношеніе къ своимъ обязанностямъ и слабая забота быть примѣромъ для окружающихъ чуть ли не составляли общую черту. По крайней мѣрѣ, если встрѣчались исключенія, то не особенно часто. Нравственный надзоръ за будущими пастырями былъ слабъ. Тѣсное и грозившее разрушеніемъ зданіе ученическаго общежитія семинаріи было очищено, и ученики выведены на частныя квартиры, что̀ много затрудняло инсп кцію. Можно сказать, семинаристы жили внѣ надзора. На строгій приговоръ ректора слабый архипастырь ему замѣчалъ: «Ну, что́ путнаго будетъ? Ты будешь исключать, а я ихъ буду въ попы ставить.»

Понимая важность религіозно-нравственнаго воспитанія вообще, а тѣмъ болѣе въ духовныхъ семинаріяхъ, преосвященный Филаретъ не могъ оставить существовавшій порядокъ. Онъ немедленно обратился къ духовенству съ предложеніемъ удѣлить въ пользу семинаріи изъ церковныхъ суммъ, остающихся въ избыткѣ и сдѣлалъ одновременно воззваніе и къ частной благотворительности. Въ Августѣ 1862 года составилась сумма 12.742 рубля, что̀ дало возможность Филарету войти съ представленіемъ въ Св. Синодъ о разрѣшеніи приступить къ постройкѣ семинаріи. Св. Синодъ почему-то болѣе года продержалъ это представленіе, и только въ Октябрѣ слѣдующаго 1863 года получилось разрѣшеніе. Но не прошла у Филарета зима даромъ для дѣла. Нетерпѣніе его равнялось гибельному положенію семинаріи. Заготовивъ зимою строительные матеріалы, онъ, едва сталъ снѣгъ, еще въ Мартѣ, положилъ основаніе зданію. Строительная сумма къ этому времени болѣе чѣмъ удвоилась, а къ Январю 1866 года выросла до 56.447 руб. Такъ съ малыми, иногда ничтожными, средствами Филаретъ начиналъ, не задумываясь, большія сооруженія. На эту сумму къ Январю онъ не только окончилъ постройку новаго большаго корпуса семинаріи, переложилъ два прежніе, устроилъ церковь, но еще сберегъ остатокъ въ матеріалахъ и деньгахъ до семи тыс. рублей.

Чтобы поднять семинарію и привлечь свѣжія преподавательскія силы, Филаретъ озаботился объ улучшеніи матеріальнаго положенія наставниковъ. Въ 1864 году онъ устроилъ нѣсколько квартиръ для нихъ въ одномъ изъ семинарскихъ корпусовъ. Въ Мартѣ 1866 года онъ вошелъ съ представленіемъ въ Св. Синодъ объ отнесеніи $4^1/_2\%$ изъ церковныхъ суммъ на увеличеніе содержанія наставниковъ съ предоставленіемъ права духовенству и еще увеличить процентъ отчисленія, если найдетъ возможнымъ, для уравненія окладовъ по Черниговской семинаріи съ другими. Въ Апрѣлѣ уже получено было разрѣшеніе, и такимъ образомъ мѣра эта введена была еще при жизни Филарета. Подавая всегда первый примѣръ въ дѣлахъ благотворенія, онъ внесъ изъ собственныхъ средствъ на постройку семинаріи и устройство квартиръ для наставниковъ 1.500 рубл. и пожертвовалъ изданіе свое «Письма преосвященнаго Лазаря Барановича». На увеличеніе же содержанія наставникамъ онъ отчислилъ изъ неокладныхъ суммъ Черниговской каѳедры по 960 р. въ годъ. Пожертвованія его расположили къ посильнымъ жертвамъ и духовенство.

Съ цѣлію развитія воспитанниковъ онъ въ 1862 году открылъ при семинаріи ученическую библіотеку, подарилъ въ нее всѣ свои сочиненія; а по смерти его семинарія получила завѣщанную ей всю его цѣнную библіотеку, состоявшую изъ 1.752 названій.

Зная, насколько необходимо для правильной постановки дѣла воспитанія въ духовныхъ училищахъ (гдѣ воспитываются мальчики въ отроческомъ возрастѣ) близкое отношеніе къ нимъ родителей и возможность ихъ надзора надъ дѣтьми, съ другой стороны соболѣзнуя духовенству сѣверныхъ уѣздовъ (Стародубскаго, Новозыбковскаго, Суражскаго и Мглинскаго) въ неудобствахъ обученія дѣтей въ отдаленномъ отъ нихъ Новгородъ-Сѣверскомъ училищѣ, онъ предположилъ открыть училище въ Стародубѣ. По его почину во второй половинѣ 1861 года былъ собранъ капиталъ. Немедленно купленъ возлѣ ц. Вознесенія въ г. Стародубѣ домъ за 4 тыс. р., и 1 Октября того же года училище открыто, т.-е. менѣе, чѣмъ въ два мѣсяца было все устроено. Къ этому дѣлу, столь энергически веденному, съ большимъ сочувствіемъ отнеслись всѣ сословія, а духовенство установило сборъ для оплаты расходовъ по страхованію.

Мы видѣли, какъ заботами Филарета возникло училище для дѣвицъ духовнаго званія въ Харьковѣ. Мысль объ учрежденіи такого же училища не покидала его и въ Черниговѣ. Пожертвовавъ самъ тысячу рублей, онъ сдѣлалъ воззваніе къ духовенству. Пожертвованія принимались даже зерновымъ хлѣбомъ, мукою, холстомъ, бѣльемъ и другими предметами. Хлѣбъ зерновой и мука продавались причтами

совмѣстно съ церковными старостами въ торговыхъ пунктахъ; а холстъ, бѣлье и другіе предметы натурою доставлялись попечительству. Синодъ медлилъ и здѣсь разрѣшеніемъ. Къ этой мысли преосвященнаго особенно сочувственно отнеслась покойная супруга губернатора княгиня Голицына *). Въ бытность свою въ Петербургѣ, какъ видно изъ письма Филарета къ митрополиту Петербургскому, она обращалась лично съ ходатайствомъ къ оберъ-прокурору. Опасеніе было у князя Урусова, какъ объясняла княгиня Голицына, чтобы не потребовали на училище денегъ. «Напрасныя опасенія», писалъ Филаретъ митрополиту: «содержаніе училища обезпечено капиталомъ своимъ до 14 тыс. р. и собственнымъ своимъ домомъ», за который Филаретъ заплатилъ 9 т. р. Это былъ домъ бывшій Дворянскаго Собранія. Но, не смотря на это разъясненіе и повтореніе своего ходатайства, Филаретъ только въ Апрѣлѣ 1865 года получилъ разрѣшеніе; а 30 Января слѣдующаго 1867 года училище уже было открыто, съ церковью во имя трехъ святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Радость духовенства была безпредѣльна. Какъ бы сговорившись, все духовенство выразило попечительному владыкѣ сыновнюю благодарность и ознаменовало свою признательность пожертвованіями. Глуховскаго же уѣзда духовенство учредило стипендію имени Филарета и даже съ передачею его фамиліи, Гумилевской, каждой его стипендіаткѣ-воспитанницѣ. Такимъ образомъ это оригинальное постановленіе увѣковѣчило даже и фамилію заботливаго святителя въ учрежденномъ имъ училищѣ. Съ сочувствіемъ отнеслось къ этому дѣлу и все населеніе губерніи, выразивъ его въ той же формѣ пожертвованій. Когда Филаретъ скончался, по предложенію Остерскаго духовенства, все духовенство губерніи немедленно собрало сумму, на которую, въ признательную память о своемъ архипастырѣ, соорудило для училищной церкви икону Филарета Милостиваго, установивъ вѣчное поминовеніе и заупокойное служеніе въ день кончины Филарета 9 Августа и въ день его имянинъ 1 Декабря.

Всѣ учрежденія, скромное основаніе которымъ положено заботливостію архіепископа Филарета, не только окрѣпли, но получили широкое развитіе какъ по постановкѣ дѣла, такъ и по объему.

Сопоставляя успѣшное развитіе учрежденій, въ основаніи которыхъ положены трудовая лепта и забота преосвященнаго Филарета,

---

*) Княгиня Любовь Петровна Голицына, урожденная графиня Апраксина, по своимъ добродѣтельнымъ качествамъ и благочестію пользовалась вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ Филарета.

съ печальною участью многихъ благотворительныхъ учрежденій, возникшихъ по общественному почину, невольно приходится доискиваться причины въ чистотѣ и святости побужденій и въ истинномъ и беззавѣтномъ желаніи блага.

По прибытіи въ Черниговъ, объѣзжая въ томъ же 1859 году епархію, Филаретъ встрѣтился съ полною неграмотностію крестьянъ, которые не были даже знакомы съ самыми простыми молитвами. Во всей епархіи оказалось двадцать школъ большею частью вѣдомства государственныхъ имуществъ. Не задаваясь сразу широкою программою, Филаретъ предписалъ, чтобы священники открывали школы для дѣтей обоего пола, обучали необходимѣйшимъ молитвамъ, чтенію церковной и гражданской печати, главнѣйшимъ сказаніямъ изъ Священной Исторіи, а желающихъ и письму. Помѣщать школы, за неимѣніемъ помѣщеній, предложилъ священникамъ въ ихъ домахъ. Затѣмъ онъ обратился съ ходатайствомъ въ Палату Государственныхъ Имуществъ объ отводѣ для училищъ по одной комнатѣ въ свободныхъ домахъ упраздненныхъ волостныхъ правленій, что̀ и было уважено. Къ концу 1860 года было уже 769 церковно-приходскихъ школъ и въ нихъ учащихся 5.777 мальчиковъ и 1.292 дѣвочки. Интересуясь дальнѣйшимъ ходомъ этого дѣла и опасаясь, чтобы рвеніе къ нему не остыло, онъ вмѣнилъ въ обязанность священникамъ ежемѣсячно представлять въ консисторію свѣдѣнія о приходскихъ школахъ. Въ этихъ свѣдѣніяхъ велѣно было между прочимъ излагать о числѣ наставниковъ, о числѣ учащихся казаковъ и казенныхъ крестьянъ, о разныхъ случаяхъ въ жизни школъ, обращающихъ на себя вниманіе. Замѣчая изъ сравнительныхъ вѣдомостей благочинныхъ малое приращеніе учащихся, какъ напр. въ 1862 году по сравненіи съ 1861, Филаретъ немедленно требовалъ объясненія о причинахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же предписывалъ доносить ему о встрѣчаемыхъ препятствіяхъ къ открытію школъ съ мнѣніемъ, какъ устранить ихъ. Все это давало чувствовать духовенству, что архіерей на дѣло смотритъ серіозно, съ полнымъ вниманіемъ, которое не ослабѣвало съ годами. По освобожденіи крестьянъ благое дѣло Филарета должно было принять болѣе широкіе размѣры, и въ первомъ же году число учащихся почти удвоилось. Школы открывались и при единовѣрческихъ церквахъ, куда ходило до шестидесяти дѣтей раскольничьихъ. Обозрѣвая въ этомъ году епархію, Филаретъ многія школы нашелъ въ весьма удовлетворительномъ состояніи. Трудящимся на пользу народнаго образованія онъ объявлялъ бладарность, преподавалъ благословеніе, многимъ молодымъ священникамъ жаловалъ набедреники, усердныхъ и одобрительнаго поведенія причетниковъ посвящалъ въ діаконы. Словомъ, всѣми отъ него зависѣвшими

средствами онъ побуждалъ духовенство энергично заниматься образованіемъ народа. Пріуроченное къ такому благому и живому дѣлу духовенство само возвышалось нравственно, наполняя дѣятельностію свободные для него часы. Въ 1862 году было уже 843 школы, 923 наставниковъ и наставницъ, 15.116 учащихся мальчиковъ и 2.360 дѣвочекъ. Предпринимая въ послѣдній разъ объѣздъ епархіи, Филаретъ предписалъ благочиннымъ, чтобы они, по прибытіи его, представляли вѣдомости о состояніи приходскихъ школъ, списки учениковъ съ означеніемъ имени и фамиліи каждаго, съ отмѣтками ихъ успѣховъ, со свѣдѣніями гдѣ помѣщаются училища, кто наставники. Ученики же должны были собираться при его посѣщеніи въ храмахъ.

Чтобы еще прочнѣе поставить эти школы и ближе придвинуть ихъ къ населенію, Филаретъ предложилъ, образовавъ братства, передать въ ихъ вѣдѣніе заботу о школахъ. «Пусть встрепенется святая христіанская любовь въ добрыхъ сердцахъ Русскихъ! Духъ любви умнѣе всякихъ хитропридуманныхъ организацій соединитъ лучшихъ членовъ сельскихъ общинъ въ тѣсные круги на пользу школъ и на другія дѣла благотворенія. Для всѣхъ покойно будетъ, когда школы будутъ на попеченіи братствъ». Съ такими словами обратился Филаретъ къ своей паствѣ.

Прочитавъ въ одномъ журналѣ въ 1862 году, что механизмъ чтенія будто бы схватывается дѣтьми легче по гражданской печати, чѣмъ по церковной, Филаретъ не принялъ этого «опытнаго заявленія», а велѣлъ въ одной школѣ ввести въ видѣ опыта. Опытъ привелъ къ противуположнымъ выводамъ: дѣти Малороссіянъ, оказалось, легче усвоиваютъ чтеніе церковной печати, такъ какъ Малороссійскій языкъ болѣе сближается съ церковнымъ. А потому въ Сентябрѣ того же года Филаретъ предписалъ начинать обученіе грамотѣ съ церковной печати, замѣтивъ притомъ, что для нравственнаго образованія простолюдиновъ полезнѣе первоначальное изученіе грамотности церковной. Наконецъ пробудилось и населеніе. Въ 1863 году 88 приходовъ изъявили готовность выстроить школы и содержать ихъ. Къ тому же году было выстроено на церковную кошельковую сумму 568 домовъ для школъ. Филаретъ хлопоталъ и въ Управленіи Государственными Имуществами, и въ Губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, чтобы помѣщеніе и отопленіе школъ и содержаніе сторожей были возложены на приходы.

Когда въ Черниговѣ было открыто присутствіе по дѣламъ духовенства, онъ вошелъ съ мнѣніемъ, чтобы священники за труды въ школахъ получали вознагражденіе отъ обществъ по приговорамъ послѣднихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Филаретъ имѣлъ въ данномъ случаѣ не

одно желаніе матеріальной пользы для духовенства, не одно поощреніе его къ труду, но и другія, болѣе важныя соображенія. Скудное средствами сельское духовенство по необходимости принуждено брать вознагражденіе за исполненіе такихъ духовныхъ требъ, которыя, по духу церкви, должны преподаваться безмездно. Открывая источникъ дохода, который ставится въ зависимость отъ личнаго труда, Филаретъ могъ смѣлѣе дѣйствовать противъ исконнаго порядка, существующаго во вредъ церкви. У насъ же принято возставать противъ подобныхъ поборовъ, не указывая источниковъ для жизни духовенству. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ существовать на 140 рубл. годоваго жалованья сельскому священнику, а иному причетнику на 35 рубл. съ семьями. Мы смѣло указываемъ на такую мысль Филарета по знакомству, какъ съ направленіемъ его дѣятельности, такъ и съ его воззрѣніями. Въ это дѣло, кромѣ заботъ и трудовъ, вносилъ Филаретъ и свою лепту, какъ и во всякое начатое имъ дѣло: онъ разновременно пожертвовалъ на букварн 75 рубл. и 372 экземпляра книжекъ для чтенія.

Позднѣе, съ открытіемъ земства и земскихъ школъ, Филаретъ, радуясь распространенію грамотности, не спускалъ глазъ, какъ говорится, съ народной школы и, найдя въ школьныхъ библіотекахъ книжки не назидательныя по содержанію, представлялъ ихъ оберъ-прокурору Св. Синода. Были такіе примѣры: книжка самая невинная, а на обложкѣ, на исподней ея страницѣ, мелкою печатью излагалось непозволительное ученіе.

Говоря о трудахъ Филарета по народному образованію, не безъинтересно привести его взглядъ на значеніе духовенства въ этомъ дѣлѣ, высказанный имъ С.-Петербургскому митрополиту, какъ члену Св. Синода. Въ Синодѣ шла въ ту пору работа о преобразованіяхъ въ духовенствѣ, преобразованіяхъ, которыми хотѣли, кажется, всколыхнуть и самую церковь. Мнѣніе Филарета въ числѣ другихъ, затронутыхъ имъ, вопросовъ изложено было въ особой запискѣ

Объ участіи духовенства въ приходскихъ и сельскихъ школахъ.

«1) Никакое училище приходское въ городѣ, и никакое училище въ селѣ для православнаго населенія не должно существовать безъ участія священника».

«2) Въ приходскомъ городскомъ и сельскомъ училищахъ начальникъ его—приходскій священникъ по значенію сана его. Предложенное проектомъ министерства просвѣщенія поставленіе учителя ариѳметики выше священника-законоучителя въ сельскомъ училищѣ и по

жалованью, и по праву управленія, несогласно ни съ жизнію народною, ни съ значеніемъ священника, ни съ желаемыми послѣдствіями для училища».

«3) Преподаваніе Закона Божія въ таковыхъ училищахъ принадлежитъ званію священника. Если по отдаленности училища отъ мѣста жительства священника послѣдній не въ состояніи самъ преподавать Законъ Божій, онъ поручаетъ это преподаваніе испытанному имъ лицу; но ни въ какомъ случаѣ никто не имѣетъ права преподавать Законъ Божій помимо вѣдѣнія и согласія священника».

«Предположенное проектомъ министерства просвѣщенія предоставленіе права каждому, кто захочетъ, открывать училище и учить въ немъ Закону Божію, противно даже естественному праву, тѣмъ болѣе благоустройству гражданскому. Право природы предоставляетъ родителямъ право учить дѣтей своихъ, но подъ условіемъ способности ихъ къ тому; иначе природа предоставила бы родителямъ право убивать своихъ дѣтей. Гражданскій порядокъ приведенъ былъ бы въ крайнее разстройство, еслибы наставнику бунтовъ и крамолъ дозволили быть публичнымъ учителемъ».

Мнѣніе Филарета цѣнно своей поучительной стороною для насъ. Черезъ 25 лѣтъ мы приходимъ къ высказанному имъ положенію. Мы придвигаемся къ нему, благодаря только тому, что опытъ, пережитый нами, заставляетъ присмотрѣться къ дѣлу; потому что намъ, наконецъ, напоминаютъ, что мы—Русскіе и должны учиться у самихъ себя, въ своихъ жизненныхъ опытахъ, по своимъ историческимъ урокамъ. Тоже говорилъ и Филаретъ: «самыя ошибки Русскія для насъ, какъ опытъ, цѣнны». Что̀ подсказывало Филарету въ его прозорливыхъ взглядахъ? Любовь къ родинѣ и правдѣ. Не значитъ-ли, что мы должны наиболѣе заботиться о водвореніи этого чувства на родной землѣ, какъ лучшаго средства противъ болѣзни лжи и зла, какъ залога гражданской и политической силы отечества? Эти мысли при удобныхъ случаяхъ проводилъ въ своихъ поученіяхъ Филаретъ.

Въ епархіальныхъ дѣлахъ Филаретъ держался той же системы, какъ и въ Харьковѣ. Сейчасъ же по вступленіи въ управленіе епархіею онъ сдѣлалъ представленіе Синоду о закрытіи трехъ духовныхъ правленій и въ замѣнъ ихъ объ увеличеніи штата консисторіи двумя членами. На послѣднее было получено разрѣшеніе; но, по поводу закрытія духовныхъ правленій, онъ долженъ былъ повторить свое представленіе, подкрѣпляя его, какъ мы видѣли, увѣреніемъ, что духовенство отслужитъ тогда благодарный молебенъ. «Признательный къ назначенію новыхъ двухъ членовъ консисторіи, остаюсь въ тревогѣ о томъ, что не получено разрѣшенія закрыть три духовныя правленія», пи-

салъ онъ оберъ-прокурору. Замѣчательна въ такихъ случаяхъ настойчивость Филарета.

Къ положенію сельскаго духовенства Филаретъ вообще былъ внимателенъ, и ему не нравилось привиллегированное положеніе членовъ духовныхъ правленій и консисторій, пользовавшихся матеріальнымъ избыткомъ на счетъ бѣднаго сельскаго духовенства и величавшагося передъ нимъ своимъ положеніемъ. Это было, по своему нравственному типу, нѣчто въ родѣ интендантства въ нашей арміи. Вотъ почему Филаретъ бралъ на себя массу труда по епархіальнымъ дѣламъ. Каждое утро, послѣ обѣдни выходилъ онъ въ большую прихожую, садился у столика на диванъ, принималъ тутъ всѣ прошенія и жалобы, и тутъ же положивъ резолюцію, отдавалъ просителю для передачи, куда слѣдуетъ. Конечно, духовное интендантство было недовольно. Жалобы и неудовольствіе распространялись въ обществѣ; нѣкоторые смѣльчаки доводили даже о нихъ до свѣдѣнія митрополита Московскаго, который о всѣхъ этихъ жалобахъ сообщалъ Филарету. Принимая съ сыновнею почтительностію замѣчанія митрополита, Филаретъ давалъ объясненія. «Приношу искреннѣйшую и усерднѣйшую благодарность за назидательное письмо вашего святѣйшества. Во всю жизнь мою старался я быть точнымъ исполнителемъ совѣтовъ и наставленій высшихъ меня. При помощи Божіей постараюсь выполнять во всей *буквальной* точности всѣ совѣты и мысли *вашего святѣйшества*».

Нельзя не остановить вниманіе на томъ, что Филаретъ титулуетъ Московскаго митрополита, «*ваше святѣйшество*». И надо думать, что митрополитъ Московскій не дѣлалъ противъ этого возраженій, такъ какъ титулованіе его «святѣйшествомъ» продолжалось. Но между тѣмъ намъ извѣстно, что онъ сдѣлалъ замѣчаніе одному молодому ученому, когда тотъ въ разговорѣ съ нимъ назвалъ его «святѣйшествомъ».

«Письмо вашего св—ва», писалъ далѣе Филаретъ, драгоцѣнно для меня и потому, что живущему въ глухой провинціи сообщаетъ свѣдѣнія вовсе неизвѣстныя и однакоже необходимыя въ пастырскомъ служеніи. Святый владыка! Господомъ умоляю ваше св—во, не оставляйте насъ грѣшныхъ провинціальныхъ пастырей безъ подобныхъ вразумленій. Ваше св—во думали, по довѣрію къ о. Ласкаронскому *), что грѣшный Черниговскій пастырь не исполнилъ вашей воли. Какъ

---

*) Бывшій соборный протоіерей, по отзывамъ, отличавшійся заносчивостію и неуживчивымъ нравомъ.

же это такъ? Ужели въ самомъ дѣлѣ архипастыри Русской церкви стали непокорнѣе передъ своимъ архипастыремъ-отцомъ? Мы ваши сыновья, вы нашъ отецъ. Дѣлъ у вашего св—ва множество. Но пришлите, безъ титуловъ, записку, и съ глубочайшею благодарностію принята она будетъ и будетъ принята въ исполненіе. Иначе и архіерей безъ вины будетъ виноватъ».

Какія же клеветы на Филарета доходили до митрополита Московскаго? Филаретъ имѣлъ при себѣ письмоводителя. О злоупотребленіяхъ и удаленіи перваго изъ нихъ мы имѣли случай упомянуть. Вотъ и сообщено митрополиту, что письмоводитель архіерея злоупотребляетъ, что обзоръ Филаретомъ епархіи очень отяготителенъ для духовенства, что архіерей не защищаетъ духовенства отъ клеветы и оскорбленій, неправильно на него возводимыхъ. Въ особенности на это смѣло и рѣзко указывалъ протоіерей Ласкаронскій, увѣрявшій митрополита, что Филаретъ вытѣснилъ его изъ собора. Наконецъ, ставилось въ вину Филарету, что онъ, посвящая дьячковъ въ діаконы, а дьяконовъ въ священники, даетъ послѣднимъ хорошіе приходы, тогда какъ окончившіе курсъ въ семинаріи получаютъ плохіе. Вотъ противъ какихъ обвиненій долженъ былъ давать Филаретъ «своему владыкѣ» слѣдующія объясненія. «Консисторія пріучила духовенство думать, что если доносъ на священника или дьякона не подтверждается слѣдствіемъ, то будто бы духовное начальство непремѣнно должно само требовать отъ судебнаго мѣста удовлетворенія за оскорбленіе бывшаго подъ слѣдствіемъ духовнаго лица. Послѣдствія изъ того, возможныя со стороны свѣтскихъ, для архіерея—понятны. (Консисторія всегда въ сторонѣ)». При этомъ онъ указалъ на случай, какъ при слѣдствіи доносчица не пожелала представить доказательствъ виновности священника, а когда была привлечена къ суду за клевету—представила ихъ. Онъ писалъ митрополиту, что самому Ласкаронскому два часа объяснялъ онъ, что преслѣдовать за клевету—это дѣло личное его, а не дѣло архіерея; но тотъ и ушелъ отъ него неубѣжденнымъ. «Такъ застарѣлый неправильный порядокъ приводитъ человѣка не только къ незаконному негодованію на законный порядокъ, но еще возбуждаетъ его взносить клеветы на невиннаго. О. Ласкаронскій клеветалъ на меня, будто вытѣснялъ я его изъ собора, тогда какъ не говорилъ я ему о томъ ни слова, а онъ для своихъ выгодъ перешелъ въ богатое село. Онъ оклеветалъ меня. Теперь понимаю, что убѣжденный въ холодности моей къ его участи, хотя и ни разу не бывши у меня ни съ объясненіемъ словеснымъ, ни съ письменною просьбою, съ такимъ ожесточеніемъ возсталъ на меня». По своему незлобію при личныхъ непріятностяхъ,

Филаретъ и здѣсь оправдываетъ виновнаго. «Уродливый старый порядокъ дѣлъ довелъ его до того, и я теперь, узнавъ отъ него убѣжденія совѣсти его, вовсе не виню его. Считаю нужнымъ присовокупить, что не беру на свою совѣсть дѣлъ консисторіи, ея членовъ и канцеляріи; но у меня принимаются просьбы просителей мною самимъ, и я, написавъ резолюцію, отдаю самому просителю просьбу его въ руки для доставленія куда слѣдуетъ по содержанію просьбы. Этотъ порядокъ несогласенъ съ уставомъ; но еще съ перваго года по пріѣздѣ въ Черниговъ, узнавъ страсть къ кляузничеству здѣшнихъ, слѣдую ему неизмѣнно, за исключеніемъ дней тяжкой болѣзни». Вотъ какъ въ томъ же письмѣ Филаретъ объясняетъ причину, побудившую его дѣйствовать вопреки уставу. «Покойный предмѣстникъ мой ни одного опредѣленія консисторіи не измѣнялъ; а судья консисторіи оправдывалъ каждаго за деньги и обвинялъ каждаго, кто не давалъ денегъ. И вотъ другой источникъ жалобъ и клеветъ на меня. Духовенство Черниговской епархіи бѣдное, по историческимъ обстоятельствамъ пріученное къ кляузничеству и покупкѣ опредѣленій деньгами, при всей бѣдности готово не жаловаться, когда продаютъ правду за деньги; но по той же бѣдности бѣснуется въ сутяжничествѣ, когда и деньгами не успѣваетъ защищать честь. Вотъ почему горько бываетъ на душѣ, когда видишь, что въ томъ и другомъ случаѣ обвиняютъ бѣднаго архіерея и принимаютъ во вниманіе всякую клевету на него со стороны».

Чтобы устранить клевету объ отягощеніи Филаретомъ священниковъ при обозрѣніи епархіи (слухъ о чемъ, какъ видно, доходилъ до Москвы), вотъ къ какимъ подвигамъ онъ долженъ былъ прибѣгать. «Нынѣшній годъ», писалъ онъ митрополиту, «и въ третьемъ году вовсе не ѣздилъ по особеннымъ обстоятельствамъ. Къ священникамъ боюсь заѣзжать. Случалось такъ, что въ цѣлый день только у становаго въ квартирѣ съѣмъ два яйца и выпью два стакана чаю». Разъ пріѣхавъ въ одинъ городъ и осмотрѣвъ церковь, онъ получилъ приглашеніе отъ благочиннаго на чай. «Поди ты съ твоимъ чаемъ», отвѣчалъ на приглашеніе Филаретъ, «надоѣлъ ужъ онъ мнѣ! Покорми ты лучше меня: я третій день не ѣвши».

«Нѣтъ ли близъ васъ лица», писалъ митрополитъ, «которое бросаетъ на васъ свою неблагообразную тѣнь? Помнится, я обращалъ ваше вниманіе на такое лицо, но вы едвали употребили предосторожность».—«Уже два года, какъ нѣтъ и въ Черниговѣ Рыжкова (бывшаго письмоводителя, онъ возвратился въ Харьковъ), отвѣчалъ Филаретъ); послѣ него уже третій у меня письмоводитель. Одобренный мѣстнымъ отзывомъ (а не моимъ выборомъ) оказался развратнымъ и

больнымъ отъ разврата. Судите Господа ради, какъ тутъ жить? Какъ доискиваться правды въ словахъ злорѣчія?» Не преминули донести митрополиту и о томъ, что Филаретъ празднуетъ свои имянины. И на это онъ долженъ былъ объяснить, что у него въ этотъ день бываютъ исключительно одни монашествующіе. Мы видѣли, что одною изъ мѣръ для поощренія причтовъ къ занятію ихъ въ школахъ, Филаретъ ввелъ посвящать усердствующихъ дьячковъ въ дьяконы, оставляя ихъ на тѣхъ же мѣстахъ, а дьяконовъ въ священники. Хотя онъ дѣлалъ это, какъ объяснялъ митрополиту, съ соблюденіемъ правилъ соборныхъ, посвящая самаго достойнаго по службѣ (прослужившаго не менѣе 10 лѣтъ), по жизни и познаніямъ, что онъ назначалъ ихъ священниками на самые бѣдные приходы; но «избѣгая злорѣчія злости, бѣснующейся противъ архіереевъ-монаховъ», отмѣнилъ это правило. Объяснялся онъ и по поводу назначенія будто бы имъ на бѣдные приходы окончившихъ курсъ воспитанниковъ семинаріи. Оказалось, что они сами, не узнавъ о состояніи прихода, указывали на него, а потомъ ходатайствовали часто о переводѣ на другой. Вслѣдствіе этого Филаретомъ даже дано было предложеніе ректору: «внушить имъ (семинаристамъ), чтобы они предварительно вѣрнѣе собрали свѣдѣнія о приходахъ, дабы впослѣдствіи не затруднять начальство». Эти объясненія такъ смиренно заканчиваетъ Филаретъ: «Въ заключеніе прошу Господа ради, святѣйшій владыка, писать мнѣ прямо, если дойдетъ до свѣдѣнія вашего кажущееся незаконнымъ въ дѣйствіяхъ моихъ. При всей худобѣ моей, желаю служить Господу по искренней совѣсти и боюсь быть нежелающимъ выслушивать совѣты и вразумленія, тѣмъ болѣе, что нынѣ время самое тяжелое для каждаго архипастыря, особенно же для такого грѣшника какъ я». Измученный клеветою Филаретъ думалъ о покоѣ, но митрополитъ ему замѣтилъ: «Объ оставленіи службы помышлять вамъ рано, и не думаю, чтобы это было нужно. Надобно стараться извести на свѣтъ правду, если ее затмѣваютъ».

Филаретъ вѣрно указалъ на кляузничество, доводившее до ужасающей клеветы. Такъ мы можемъ привести слѣдующій возмутительный случай. Одинъ благочинный, желая очистить мѣсто для своего зятя, сдѣлалъ доносъ на священника. Послѣдній поѣхалъ хлопотать въ Черниговъ и разъяснить дѣло. По совѣту мѣстнаго своего помѣщика, проживавшаго въ Черниговѣ, онъ отправился къ секретарю консисторіи. Когда тотъ объяснилъ ему, что все зависитъ отъ архіерея, проситель пошелъ просить заступничества къ архимандриту Пармену, пользовавшемуся расположеніемъ Филарета. Это былъ старикъ простой, грубый. Онъ завѣдывалъ хозяйствомъ архіерейскаго дома, которое шло у него въ образцовомъ порядкѣ. Парменъ раскри-

чался и, не церемонясь, выгналъ въ шею просителя. И не прежде какъ когда натолкали его въ шею, проситель рѣшился идти къ самому владыкѣ. Оказалось, что самый кроткій и благосклонный пріемъ онъ встрѣтилъ у архіерея. Филаретъ потребовалъ донесеніе благочиннаго, прочиталъ и сказалъ: «вижу, что кляуза». Тутъ же положивъ резолюцію «оставить безъ послѣдствій», отпустилъ онъ «съ Богомъ» просителя. Каково же было удивленіе помѣщика, когда онъ, пріѣхавъ въ деревню, узналъ о слухѣ, распущенномъ священникомъ, будто бы онъ поклонился архіерею тремя сотнями. «Батюшка», укоризненно замѣтилъ ему помѣщикъ, «не стыдно ли вамъ клеветать на архипастыря, да еще сдѣлавшаго вамъ добро? Не вы ли говорили мнѣ, что дѣло безъ копеечки устроилось?» — «Да помилуйте, отвѣчалъ священникъ, иначе нельзя: теперь я покоенъ, потому что всякій разсудитъ, что если мнѣ, чтобъ усидѣть на своемъ мѣстѣ, стоило 300 рублей, то ему, чтобъ занять мое, надо везти 600». И такъ, чтобы оградить себя отъ козней другихъ, священникъ долженъ былъ прибѣгнуть къ вымыслу, не задумываясь передъ тѣмъ, что онъ кидаетъ тѣнь на своего архипастыря. Пусть подобные случаи составляли рѣдкія исключенія, но и одинъ говоритъ немало о нравственномъ состояніи духовенства того времени и объясняетъ намъ жалобы Филарета и борьбу, какую приходилось ему вести съ этою закоренѣлою страстью — сутяжничествомъ На такую неразвитость духовенства указалъ одинъ изъ мѣстныхъ проповѣдниковъ въ рѣчи своей о Филаретѣ: «Заботливость о насъ почившаго была необычайная. Чѣмъ мы ее заслужили? Оказываемся ли мы достойными благодѣяній, столь щедро излитыхъ на насъ? Едва ли заслуживаетъ благодѣянія тотъ, кто не знаетъ ни цѣли, ни значенія благодѣянія».

Въ заботливости своей о духовенствѣ Филаретъ учредилъ *попечительство о призрѣніи бѣдныхъ духовнаго званія*, пожертвовавъ сюда свои сочиненія «Обзоръ епархіи» и «Каѳедральные монастыри», за которыя выручено 270 руб. Пожертвованія идутъ и понынѣ, и дѣло это настолько поставлено прочно, что въ настоящее время, какъ слышали мы, до 20 т. р. въ годъ выдается пособій. Сколько бѣдняковъ, благодаря заботливости Филарета, избавлены такимъ образомъ отъ голодной смерти. Онъ же учредилъ эмеритальную кассу, основаніе которой положилъ отчисленіемъ ежегодно 3% изъ кошельковой суммы.

Обезпеченіе нуждъ духовенства составляло предметъ его заботъ и въ Харьковѣ. Немедленно по прибытіи туда, въ первые же дни, писалъ онъ Горскому: «Много хлопотъ и заботъ о распредѣленіи лицъ, оставшихся внѣ штата по случаю введенія новаго штата. Бѣда и та еще, что здѣсь въ нынѣшнемъ году ужасный голодъ и падежъ на

скотъ. Нищета въ духовенствѣ внѣштатномъ увеличилась. Хлопочу о увеличеніи способовъ къ выдачѣ пособій вдовамъ и сиротамъ».

Многіе просители, обращаясь къ Филарету, вмѣстѣ съ просьбами подавали записки съ деньгами, объяснивъ въ нихъ, что жертвуютъ на Елецкій или Троицкій монастырь, на семинарію или другое учрежденіе. Филаретъ, принимая съ признательностію жертву, принесенную иногда не отъ искренняго сердца, а по сутяжническому разсчету, говорилъ каждому: «спаси тебя Христосъ!» На этомъ построенъ былъ слухъ, что архіерей беретъ взятки. Кто по настоящему очерку уже знакомъ съ свѣтлою личностію Филарета, тому ненужно вразумительныхъ оправданій для него. Но, принявъ на себя трудъ составить настоящій очеркъ, мы считаемъ себя не въ правѣ обойти молчаніемъ ни одинъ фактъ, служащій къ опроверженію клеветы. Послѣ кончины Филарета казначей Елецкаго монастыря приглашалъ каждаго, кто позволялъ себѣ вѣрить столь незаслуженному Филаретомъ нареканію, просмотрѣть монастырскія дѣла и книги и удостовѣриться, что всѣ записки передавались въ монастырь, подшивались въ одно объемистое дѣло, а деньги оприходованы. «Вы знаете, говорилъ казначей, что монастырь былъ въ полуразрушеніи; но вы не знаете, быть можетъ, того, что намъ нечего было ѣсть. Теперь монастырь весь обновленъ, пріобрѣлъ собственность, обезпеченъ доходомъ. Того не хотятъ сообразить—откуда же взялись эти средства?» Другое доказательство: передъ послѣднимъ объѣздомъ преосвященнаго Филарета епархіи, одинъ преподаватель семинаріи, пользовавшійся его расположеніемъ, обратился къ нему съ просьбою помочь ему, ссудивъ 300 или 400 рублей. «Вѣрь, нѣтъ», отвѣчалъ Филаретъ. «А вотъ что: есть моихъ полторы тысячи въ свѣчномъ. О. Николай, скажи, какъ за свѣчами пріѣдутъ, выдали бы ему» (такую-то сумму). Между тѣмъ, когда скончался Филаретъ въ пути, и въ кабинетѣ его вскрыли конторку, нашли тамъ нѣсколько записокъ съ деньгами около 300 рублей, которыя, какъ полученныя передъ самымъ отъѣздомъ, Филаретъ не успѣлъ передать по принадлежности. Значитъ, онъ настолько считалъ деньги эти неприкосновенными, что, при всемъ желаніи помочь любимому человѣку, не коснулся ихъ.

Изыскивая всѣ мѣры, чтобы улучшить положеніе духовенства, не отказывая никому въ частности въ его нуждѣ, Филаретъ выше дѣла состраданія ставилъ дѣло церкви, дѣло общее. Такъ, напримѣръ, при преосвященномъ Павлѣ введено было въ обычай оставлять по смерти священника приходъ за его дочерью; женившійся на ней получалъ приходъ. Такимъ образомъ браки священниковъ устраивались не по склонности, а по разсчету, и молодой священникъ начиналъ свое

пастырское служеніе заботою о земныхъ благахъ, въ жертву коимъ приносилось и его супружеское счастіе. Но главнѣйшее зло заключалось въ томъ, что приходъ, въ ожиданіи совершеннолѣтія дѣвицы, иногда много лѣтъ оставался празднымъ въ вѣдѣніи наблюдающаго, сосѣдняго священника. Понятно, что служеніе въ церкви совершалось рѣдко, въ исполненіи духовныхъ требъ были большія упущенія. Филаретъ, можетъ быть, скрѣпя сердце, положилъ конецъ этому порядку и на первой же просьбѣ вдовы священника оставить приходъ за ея дочерью и пожаловать послѣдней жениха, положилъ такую резолюцію: «архіерей не сватъ и приходъ не приданное».

Эта борьба состраданія съ требованіемъ порядка въ дѣйствіяхъ Филарета наблюдалась нерѣдко. Такъ, предполагая перевести единовѣрческихъ монахинь изъ Мослаковъ въ Малиноостровскій монастырь, онъ писалъ оберъ-прокурору, что жаль ему нѣкоторыхъ старушекъ-инокинь, имѣвшихъ свои домики и которымъ не хочется оставлять обсиженное гнѣздышко свое. Уступая сожалѣнію, онъ думалъ представить Синоду объ оставленіи ихъ въ Мослакахъ доживать свой вѣкъ. Но потомъ, взвѣсивъ другія условія монашеской жизни и монастырскихъ правилъ, добавилъ: «Но съ одной стороны это можетъ быть исполнено безъ всякаго разрѣшенія Синода; съ другой, освященіе желанія самоволія Синодомъ было бы само-по-себѣ не совсѣмъ прилично, да и по послѣдствіямъ неполезно».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Филаретъ позволялъ себѣ дѣлать отступленія отъ правилъ, но въ тѣхъ случаяхъ, когда они не сопровождались общимъ ущербомъ. Такъ одинъ помѣщикъ, не бывъ еще знакомъ съ Филаретомъ, явился къ нему съ просьбою за дьякона своего села. На казенный счетъ въ духовныхъ училищахъ принимались предпочтительно круглыя сироты, а затѣмъ сироты, не имѣющія отца или матери. Помѣщикъ, объяснивъ бѣдственное положеніе дьякона, обремененнаго семьею изъ одиннадцати душъ, просилъ сына его (хотя послѣдній и не сирота), принять въ духовное училище на казенный счетъ. «Спаси васъ Христосъ, что принимаете участіе въ бѣдномъ духовенствѣ», сказалъ Филаретъ, принимая прошеніе, а черезъ недѣлю получено было распоряженіе о зачисленіи мальчика въ Стародубское училище.

Изъ этого можно видѣть, что Филаретъ дѣло благотворительности поставилъ на правильную ногу. Онъ увеличилъ средства духовныхъ учебныхъ заведеній и комплектъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ, основалъ попечительство для призрѣнія бѣдныхъ вдовъ и сиротъ, учредилъ эмеритуру для увеличенія размѣра пенсіи, самъ не могъ видѣть горя ближняго и готовъ былъ дѣлиться послѣднимъ, но не жертвовалъ изъ состраданія къ одному выгодами многихъ.

На построеніе церквей и увеличеніе доходовъ монастырей и архіерейскаго дома въ Черниговѣ немало также удѣлялось труда Филаретомъ. Онъ обновилъ Елецкій монастырь два раза, такъ какъ послѣдній при немъ пострадалъ отъ пожара, устроилъ теплую крестовую церковь и вторично соорудилъ послѣ пожара. Въ Троицкомъ-Ильинскомъ монастырѣ [1]), гдѣ нынѣ архіерейскій домъ, передѣлалъ теплую церковь, сдѣлалъ новый иконостасъ, обновилъ величественный холодный храмъ, выстроенный архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ (во второй половинѣ XVII ст.), возстановилъ весь монастырь. Для увеличенія доходовъ перваго монастыря устроилъ на свои средства типографію, оставивъ изъ затраченной суммы 2.800 рубл. въ пользу монастыря, прося поминать его и его родителей, купилъ лѣсную дачу. Во второмъ монастырѣ, т.-е. архіерейскомъ домѣ, на свои средства и на позаимствованныя у попечительства устроилъ свѣчной заводъ. Часть затраченной суммы получилъ онъ въ возвратъ изъ доходовъ завода, а 1.700 рубл. оставилъ въ пользу архіерейскаго дома. Изъ доходовъ свѣчнаго завода выстроилъ въ городѣ, на принадлежащей архіерейскому дому землѣ, каменный двухъ-этажный домъ, отдающійся въ наемъ, купилъ лѣсную дачу. Въ семинаріи была очень тѣсная и низенькая церковь въ домѣ, верхній этажъ котораго занимался архивомъ. Онъ весь домъ обратилъ въ обширную высокую церковь, придавъ ей прекрасный внѣшній видъ. Въ Борисоглѣбскомъ соборѣ устроилъ три иконостаса [2]).

Въ Черниговѣ есть знаменитая древностію святыня, Спасо-Преображенскій соборъ. Онъ заложенъ въ 1031 при Мстиславѣ, если еще не въ 1026 году. Такимъ образомъ онъ древнѣе Кіевскаго Софійскаго собора [3]). И вотъ стоитъ незыблимо эта святыня, какъ бы въ укоръ

---

[1]) Въ Троице-Ильинскомъ монастырѣ находится древнѣйшая святыня, подлинная икона Черниговской-Ильинской Божіей Матери; списки съ нея чествуются: одна въ Соборѣ всѣхъ учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ, а другая въ скиту Троицко-Сергіевой Лавры, который и получилъ названіе Черниговскаго. Надъ этой иконой устроена Мазепою серебряная корона, поддерживаемая двумя ангелами, внизу вензель Мазепы. При Аннѣ Іоанновнѣ уничтожили всѣ подобныя „приличія“ Мазепы; но настоящее украшеніе, надо думать, было прикрыто драпировкою и ускользнуло отъ вниманія исполнителей царицыной воли.

[2]) Въ соборѣ этомъ прекрасные серебряные, мѣстами съ позолотою, царскіе врата, жертва гетмана Мазепы.

[3]) Нѣкоторые относятъ заложеніе собора къ 1036 году; но едва-ли это вѣрно, такъ какъ у Нестора значится: „Положиша и (Мстислава) въ церкви святаго Спаса, юже бѣ самъ заложи; бѣ бо вздано ся при немъ возвыше, яко на кони стоящи досящи“. А Мстиславъ умеръ въ 1036 году.

и назиданіе современнымъ зодчимъ, коихъ храмы, едва вознеся высоко свои главы, обращаются въ груды камней и мусора. А 8½ вѣковъ, погромъ Татарскій, два пожара, два десятка выдержанныхъ осадъ не черкнули ни одной трещинки на стѣнахъ храма! Его коснулась только невѣжественная рука усердствующихъ, что̀ изъ боязни обложила кирпичемъ его порфировыя колонны, вывезенныя изъ Греціи (обдѣланныя еще въ VII-мъ вѣкѣ), замазала древнія фрески масляною краскою и соорудила иконостасъ, не отвѣчающій стилю храма. Мечтою Филарета было возвратить этому старѣйшему въ Имперіи храму его первобытную физіономію. Зная энергію этого святителя, мы съ полною увѣренностію можемъ сказать, что только смерть его не допустила осуществленія этой мысли.

Кстати указать, какъ велико было у насъ равнодушіе къ отечественной старинѣ. Когда перестраивали хоры собора, упавшій брусъ пробилъ склепъ, гдѣ оказалось много гробовъ Черниговскихъ князей. Изъ нѣкоторыхъ гробовъ торчала парча, на одномъ лежалъ мечъ. Довольствуясь тѣмъ, что на гробахъ не оказалось надписей, что́ же сдѣлали? Склепъ засыпали! А, можетъ быть, эти мечи имѣли надписи, которыя можно было еще прочесть. А, можетъ быть, въ самыхъ гробахъ были предметы, по коимъ можно было бы узнать многое; наконецъ, хотя бы скопировать рисунки матерій и одеждъ, за 8—9 вѣковъ до насъ бывшихъ въ употребленіи. Несомнѣнно, любознательность Филарета заставила бы эти полуразрушенные гробы разсказать о многомъ....

И въ дѣлѣ устройства монастырей Филаретъ также не могъ избѣжать клеветы и долженъ былъ объясняться съ Московскимъ владыкою. Такъ донесли митрополиту, что Филаретъ сдѣлалъ сборъ и затратилъ капиталъ попечительства на постройку дома, о которомъ сейчасъ было говорено. Филаретъ писалъ: «Домоправленіе не тратило ни одной копѣйки изъ суммъ попечительства. Оно только заняло на нужды дома (архіерейскаго) деньги у попечительства и платитъ проценты; а слѣдовательно приноситъ пользу попечительству, а не убытокъ. Сумма занятая обезпечена матеріалами свѣчнаго завода, которыхъ имѣется во всякое время на сумму вдвое болѣе той, которая занята у попечительства. Безъ свѣчнаго же завода домъ, при бѣдности средствъ, могъ бы дойти до крайняго разстройства. Когда прибылъ я въ Черниговъ, и церкви, и жилыя строенія готовы были падать. Теперь по милости Божіей мало-по-малу исправлены зданія. Изумительно, какъ людямъ хочется во всемъ отыскивать худое. Въ прошедшій годъ выставляли меня виновнымъ за то, что домоправленіе продаетъ свой домъ для училища. Теперь другую вину отыскиваютъ относительно того же дома,

будто на домъ собираются деньги, тогда какъ онъ отдается въ наймы. Если уже домъ выстроенъ и отдается въ наймы, къ чему же собирать деньги для него съ духовенства или церквей? Странное толкованіе», замѣчаетъ Филаретъ. О томъ же предметѣ на слѣдующій день Филаретъ снова пишетъ митрополиту и препровождаетъ выписку изъ шнуровыхъ книгъ, объясняя, что 150 тыс. кирпича употреблено изъ завода домоправленія (значитъ, приготовленнаго хозяйственнымъ способомъ), за лѣсъ, известь и работу уплачено 6 т. р. изъ доходовъ свѣчнаго завода. Съ чего взяли толковать о какихъ-то пожертвованіяхъ? Истинно не понимаю. Это клевета самая наглая».

Хозяйство архіерейскаго дома было такъ поставлено, что ничто не ускользало отъ вниманія. Если, напримѣръ, былъ втунѣ лежащій кусокъ земли, онъ былъ при Филаретѣ непремѣнно засаженъ фруктовыми деревьями. Извѣстно, что въ монашеской трапезѣ главное мѣсто занимаютъ продукты растительные, остатки коихъ въ немаломъ количествѣ всегда пропадаютъ. Чтобы дать имъ назначеніе и обратить въ статью дохода, Филаретъ завелъ свиноводство. И поставлена была эта статья такъ, что на выставкѣ архіерейскому дому присуждена была медаль. Многіе не одобряли этого занятія; а многіе находили, что если оно приноситъ доходъ скудному средствами монастырю и пользу краю, то тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго. И по этому поводу Филарету приходилось объясняться съ митрополитомъ: «Относительно нечестныхъ животныхъ, попавшихъ въ честь, оказалось, что тогда какъ экономъ былъ боленъ, начальникъ губерніи настоятельно просилъ, чтобы было что-нибудь на ихъ выставкѣ. Такова краткая исторія. Но видно, по грѣхамъ моимъ надобно, чтобы были непріятности мнѣ. Да будетъ воля Божія благословенна!»

Объясненіе Филарета, какъ видно, не удовлетворило митрополита, и онъ писалъ ему: «Не завидую вашему свѣчному богатству; но дивлюсь, какъ вы рѣшились на такое многосложное дѣло, и какъ умѣете вести оное. Оно требуетъ немало искусства, работы, счетовъ, вѣрности, многихъ озабочиваетъ, едвали не тяготитъ. Теперь, когда вы вашимъ примѣромъ подали поводъ тому, что всѣ архіереи могутъ сдѣлаться фабрикантами, и многіе священники прикащиками, желалъ бы я имѣть нѣкоторое понятіе о томъ, какъ у васъ сіе устроено и откуда берете вы мастеровъ».

Въ отвѣтъ на замѣчаніе митрополита можно бы привести Русскую пословицу: «сытый голоднаго не разумѣетъ». Богатая и благоустроенная лавра не можетъ дать понятія о существующихъ нуждахъ иныхъ обителей и архіерейскихъ домовъ. Черниговскій архіерей получилъ для своего помѣщенія огромный пустой монастырь. Онъ за-

сталъ его въ полуразрушеніи и безъ средствъ для поддержки. Устроивъ свѣчной заводъ, онъ далъ назначенія нѣсколькимъ корпусамъ, стоявшимъ безъ оконъ и почти безъ крыши и сразу приступилъ къ исправленію всѣхъ построекъ на счетъ доходовъ завода.

Если Филарета занимали археологическія изслѣдованія Лифляндіи, по его словамъ, мало имѣющія интереса для общей Русской исторіи, то можно судить, какъ интересовали его древности Чернигова. Прочитавъ, напримѣръ, Некро-Ливонику Крузе и отнесясь съ похвалою о подробности въ описаніи древностей, о тщательности опредѣленія крѣпостей и точности, съ которою Крузе «набросалъ эскизъ исторіи Лифляндіи до прибытія Нѣмцевъ въ Лифляндію», онъ находилъ между прочимъ, что предположеніе его на счетъ торговыхъ дорогъ отъ Нѣмецкаго моря до Черчаго ошибочны. Его заинтересовало различіе въ построеніи крѣпостей Западными и Византійцами, какое, по замѣчанію его, «довольно точно» опредѣлилъ Крузе. Но почему заинтересовало? «Это безъ сомнѣнія», писалъ онъ, «поведетъ къ дальнѣйшимъ результатамъ по отношенію къ Русскимъ стариннымъ крѣпостямъ, если будутъ сдѣланы подобныя розысканія въ Россіи». Вотъ и отвѣтъ. Эти слова подтверждаютъ высказанныя многими замѣчанія о Филаретѣ, что къ каждому предмету относился онъ серіозно, и къ тому во всѣхъ его трудахъ лежала патріотическая основа. Въ Черниговѣ онъ перебралъ всѣ церковныя вещи, опредѣлилъ ихъ время и исторію многихъ священныхъ предметовъ, возобновилъ нѣкоторые древніе памятники. А въ настоящее время одинъ изъ нихъ, церковь пророка Иліи, бывшаго Ильинскаго монастыря, историческій памятникъ XII-го вѣка, запечатана и отдана въ полное распоряженіе всесокрушающаго времени. Чтобы спасти этотъ памятникъ и укрѣпить гору, потребно 8 т. р.; но архіерейскій домъ, къ которому приписана эта святыня, нынѣ бѣденъ и не въ состояніи поддерживать свои необходимыя сооруженія когда-то славнаго Троицкаго монастыря, гдѣ многіе изъ крупныхъ художниковъ, не исключая графа Растрелли, оставили память своего таланта. И какая странность! Мы роемъ курганы, разрываемъ фундаменты древнихъ построекъ, чтобы узнать что-нибудь о быломъ, а наши существующіе историческіе памятники на нашихъ глазахъ допускаемъ превращаться въ груды, давая работу потомству раскапывать эти груды и рыться въ архивной пыли и мусорѣ, чтобы составить понятіе о томъ памятникѣ, который могъ быть убереженъ для него какъ живой свидѣтель старины.

Близкое и основательное знакомство Филарета съ археологіею всего болѣе высказалось въ Черниговѣ. Это можно отчасти замѣтить въ «Историко-статистическомъ описаніи Черниговской епархіи»,

а особенно въ описаніи города Чернигова. Въ его время при постройкѣ одного дома наткнулись на фундаментъ древнѣйшей кладки. Филаретъ сейчасъ же опредѣлилъ, что это былъ княжескій дворецъ, и по указанію отыскали фундаментъ церкви архистр. Михаила, пристроенной ко дворцу. Тамъ найдена была женская коса, и Филаретъ объяснилъ, что она должна принадлежать княжнѣ, дочери Михаила Черниговскаго, замученнаго въ ордѣ. Нынѣ отъ этихъ развалинъ остались лишь признаки. Мѣсто это принадлежитъ земству. Въ видахъ, должно быть, сбереженія этихъ остатковъ древности, заботливое земство прикрываетъ ихъ мусуромъ и сметьемъ со своего двора [1]).

Труды по управленію епархіею, занятія ученыя, плоды которыхъ, кажется, въ наибольшемъ обиліи явились въ послѣднія семь лѣтъ жизни святителя, именно во время управленія Черниговскою епархіею, не отвлекали вниманія Филарета отъ общаго положенія церкви и не отчуждали его отъ общества. За всѣми явленіями общественной жизни, казалось, слѣдилъ онъ съ глубокимъ вниманіемъ. Такъ, напримѣръ, намъ извѣстно, какъ предъ открытіемъ перваго земскаго собранія въ Черниговѣ онъ поразилъ пріѣхавшихъ къ нему двоихъ губернскихъ гласныхъ своими свѣдѣніями о земскомъ дѣлѣ. Оказалось, что онъ съ большимъ интересомъ слѣдилъ за ходомъ его въ другихъ губерніяхъ, гдѣ уже было введено земство, и знакомилъ съ нимъ гласныхъ путемъ критическихъ пріемовъ. Что касается положенія церкви, то оно не переставало заботить Филарета. Извѣстно, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ либерализмъ готовъ былъ подточить устои самой церкви. Проэкты сыпались у насъ, какъ звѣзды въ Ноябрьскую ночь. Немало этихъ померкшихъ звѣздъ пало и на долю церкви. Опасаясь, чтобы страсть къ проэктамъ, охватившая нашу высшую правительственную сферу, не повредила церкви, Филаретъ изъ своего Троицкаго-Ильинскаго монастыря, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ подвижнической жизни первый инокъ земли Русской [2]), то убѣждалъ митрополита Кіевскаго, то писалъ къ Петербургскому, то къ архіерею, присутствовавшему въ Синодѣ. Въ числѣ проэктовъ, касающихся

---

[1]) Такое равнодушіе еще можетъ имѣть объясненіе въ глуши, въ провинціи; но не то ли же видимъ мы въ столицахъ? Кто, напр., проѣзжая мимо подмосковнаго Царицына, глядя на разрушающійся причудливый дворецъ, не задалъ себѣ вопроса: почему допускаютъ его разрушеніе и въ тоже время затрачиваютъ милліоны на сооруженіе въ столицѣ и внѣ оной разныхъ богоугодныхъ заведеній и казармъ? Такой же участи преданъ гетманскій дворецъ въ Батуринѣ.

[2]) Преподобный Антоній Печерскій.

церкви, былъ проэктъ о передачѣ епархіальнаго управленія бѣлому духовенству. Противъ этого-то главнымъ образомъ и возсталъ Филаретъ. Онъ дѣлалъ немало указаній, кои прямо вытекали изъ практики или были неопровержимымъ логическимъ выводомъ. Мы думаемъ, что недовѣріе его къ чистотѣ веденія дѣлъ въ то время въ Св. Синодѣ имѣло достаточно основаній для него. «Дозволяю себѣ сказать, писалъ онъ въ Петербургъ: надобно домогаться, чтобы въ ваше присутствіе, если не всѣ части, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя непремѣнно были окончательно рѣшены и закрѣплены протокольнымъ постановленіемъ. Дом—чъ и по характеру копотунъ мелкотравчатый, да и онъ же только и держится начинаемыми и неоканчиваемыми проэктами; иначе съ концомъ ихъ и ему конецъ.... Потому возьмите напередъ осторожность. Твердымъ настояніемъ заставьте, чтобы дѣла каждаго засѣданія въ слѣдующее засѣданіе были предлагаемы къ закрѣпленію подписями членовъ. Иначе останетесь въ обманѣ. Не вѣрьте обѣщаніямъ. Кто и разъ обманулъ, плохо вѣрятъ тому; а десять и двадцать разъ обманувшему—ни на волосъ не вѣрятъ, если не хотятъ быть жалкою игрушкою». Вотъ какія предупрежденія онъ дѣлалъ митрополиту. А вотъ его замѣчаніе на проэктъ объ управленіи епархіею. «Кажется, настаетъ владычество поповства; а затѣмъ скоро явится и «безпоповство». Это несомнѣнно: поповство «для сладкаго куса продастъ Іисуса». Указываютъ на Константинополь. Но онъ-то и служилъ урокомъ предкамъ нашимъ не пускать на столъ поповства. Дай Богъ, чтобъ ошибочно было убѣжденіе мое, но по моему ничего добраго ожидать нельзя отъ поповства. Разгулъ страстей и разгулъ противохристіанскихъ мыслей—вотъ что̀ явится въ Русской церкви съ управленіемъ поповства».

Рядомъ съ высказанными опасеніями за владычество «поповства», у Филарета, какъ мы видѣли, была постоянная забота о матеріальномъ улучшеніи быта духовенства и нравственномъ его подъемѣ. Постановкою учебнаго и воспитательнаго дѣла въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ, обязательнымъ трудомъ по образованію народа, привлеченіемъ къ совмѣстному съ нимъ труду по составленію «Общаго обзора Черниговской епархіи» (въ семи книгахъ), изданіемъ «Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій» и живымъ назидательнымъ словомъ, можно непогрѣшимо сказать, Филаретъ въ короткій срокъ своего управленія пробудилъ духовенство отъ его нравственнаго оцѣпененія. Вотъ его записки или, какъ онѣ названы имъ, «мнѣнія».

А. О средствахъ матеріальнаго обезпеченія приходскаго духовенства.

«1) Уже въ 1829 году правительство признавало нужду увеличить надѣлъ земли для церковнаго причта не менѣе, какъ въ полтора раза (указъ 6 Декабря 1829 г. № 3323). Въ настоящее время эта нужда еще болѣе ощутительна, какъ по увеличивавшейся дороговизнѣ содержанія, такъ по неимѣнію другихъ средствъ облегчить бѣдное положеніе самой большей части сельскаго духовенства. Потому слѣдуетъ поставить закономъ: а) во владѣніе каждаго сельскаго причта, кромѣ усадебныхъ мѣстъ, не менѣе 48 десятинъ земли. б) Тамъ, гдѣ не достаетъ сего количества десятинъ у причта или нѣтъ даже и усадебной земли, отводится добавочная земля пахотная и усадебная въ первый же годъ по изданіи новаго закона. в) Гдѣ отводъ церковной земли окажется невозможнымъ по недостатку земель у поселенцевъ прихода (именно гдѣ на ревизскую душу приходится менѣе трехъ десятинъ), тамъ прихожане, не отлагая времени, представляютъ въ консисторію свое обязательство, утвержденное въ судѣ, доставлять причту вознагражденіе, соразмѣрное недостающему количеству земли, или деньгами, или отсыпнымъ хлѣбомъ, съ тѣмъ при томъ, чтобы то или другое доставлялось причту изъ волостнаго управленія (послѣднее условіе необходимо для того, чтобы избавить священника отъ униженія ходить по дворамъ для собиранія хлѣба или денегъ; засвидѣтельствованіе акта въ судѣ необходимо для предотвращенія споровъ прихожанъ съ священниками, которые ни въ какомъ случаѣ не накормятъ голоднаго священника). г) Въ приходахъ многоземельныхъ о церковныхъ земляхъ остается въ силѣ указъ 1829 года. Эта мѣра, небезпокойная для прихожанъ, значительно улучшитъ бытъ сельскаго причта. Въ такомъ случаѣ священникъ, обработавъ 8 десятинъ озимаго хлѣба, можетъ получить до 100 четвертей и, удержавъ для пропитанія своей семьи половину пропорціи, за другую половину можетъ получить до 200 р., и до 100 р. можетъ получить за проданный яровой хлѣбъ».

«2) И свѣтскіе давно изъявляютъ желаніе, дабы число членовъ бѣлаго духовенства было ограничено противъ нынѣшняго. Одна была причина не согласиться съ этимъ желаніемъ: некому бы было читать и пѣть на клиросѣ. Въ настоящее время, когда въ сельскихъ школахъ столько поселянскихъ дѣтей обучается и обучалось церковному чтенію и пѣнію, и эта причина отклонена. Между тѣмъ сокращеніемъ числа членовъ духовнаго причта значительно улучшится матеріальный бытъ остальныхъ членовъ. Потому слѣдуетъ положить: а) духовными

лицами считаются священникъ, дьяконъ, учителя духовныхъ и сельскихъ церковныхъ училищъ; дьяконъ только тогда считается въ числѣ духовныхъ лицъ, когда онъ способенъ быть сельскимъ учителемъ, на каковую должность опредѣляется по испытаніи; равно должны остаться въ духовномъ званіи и тѣ, которые доселѣ занимали и занимаютъ причетническую должность. б) Причетники избираются священникомъ и прихожанами и содержатся на условіяхъ съ послѣдними; они не пользуются правами духовныхъ лицъ, но лично они и съ дѣтьми своими свободны отъ всѣхъ сельскихъ повинностей, которыя принимаетъ на себя общество прихожанъ. в) Дьячекъ, хотя бы исполнялъ должность учителя, если вступаетъ во второй бракъ, по правиламъ св. церкви, «не можетъ быть ниже въ спискѣ священнаго чина» (Апост. пр. 17, Василія Вел. пр. 12)».

«3) Сельскій приходъ долженъ состоять не меньше, какъ изъ 260 душъ мужескаго пола; иначе онъ присоединяется къ ближайшему сосѣднему, и только тогда назначается для него особый причтъ, когда сверхъ узаконенной пропорціи земли въ обезпеченіе причта вносится въ кредитное установленіе сумма, проценты которой приносили бы до 100 руб. въ годъ. Если по силѣ сей мѣры придется закрыть въ епархіи церкви, то штатное жалованье закрытыхъ причтовъ раздѣляется между остальными причтами 6 и 5 классовъ епархіи по росписанію, утвержденному Св. Синодомъ; а церковная земля, если она есть, приписывается къ той сосѣдней церкви, къ которой приписываются прихожане».

«4) Для того, чтобы полевыя работы не отнимали у священника времени, необходимаго для исполненія духовныхъ требъ, прихожане по добровольному приговору или назначаютъ ему изъ своей среды годоваго работника, или же во время дѣловой поры убираютъ хлѣбъ его, о чемъ приговоръ представляется въ консисторію для соображенія на случай возможныхъ споровъ».

«5) Выморочное имѣніе, движимое и недвижимое, духовнаго лица бѣлаго духовенства поступаетъ въ распоряженіе епархіальнаго духовнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Поелику же опытами дознано, что законъ, предоставляющій имѣніе, оставшееся послѣ настоятелей и настоятельницъ штатныхъ монастырей и послѣ архипастырей родственникамъ ихъ (т. IX, ст. 267), не достигаетъ своей цѣли (платья, книги гніютъ безъ призора, и капиталы рѣдко не растрачиваются, пока наслѣдники явятся для полученія наслѣдства, и отъ того плодится только безполезная переписка): то представляется болѣе благотворнымъ, дабы въ томъ случаѣ, если не оставлено законнаго завѣщанія, имѣніе покойнаго архипастыря одною половиною по-

ступало въ пользу архіерейскаго дома, а другою въ пользу сиротъ духовныхъ, обучающихся въ мѣстной семинаріи; а имѣніе настоятеля или настоятельницы штатнаго монастыря одною половиною поступало въ пользу монастыря, а другою также въ пользу духовныхъ сиротъ мѣстной семинаріи. При такомъ порядкѣ дѣлъ мѣста, заинтересованныя въ оставшемся послѣ покойнаго имуществѣ, сохранятъ его въ цѣлости, и душѣ покойнаго будетъ болѣе пользы и покоя».

«6) Тогда какъ каждый гражданскій чиновникъ отдаетъ пакеты на почту, не платя почтовой пошлины, въ консисторіяхъ производятся изъ-за того дѣла, что почтовыя конторы не иначе принимаютъ пакеты отъ священниковъ и депутатовъ какъ съ платою почтовой пошлины. Потому справедливость требуетъ и нужда заставляетъ, дабы постановлено было закономъ принимать на почтахъ безъ платы вѣсовыхъ отъ всѣхъ священниковъ пакеты и посылки, запечатанные церковною печатью и подписанные «по казенному». Равно тогда, какъ по ст. 381 и 382 т. XII за пересылку Губернскихъ Вѣдомостей и съ ихъ неоффиціальною частью не взыскивается никакая плата на почтѣ, за пересылку Епархіальныхъ Вѣдомостей церкви и причты платятъ деньги; между тѣмъ Епархіальныя Вѣдомости замѣняютъ собою для церквей и причтовъ указы, которые по закону (ст. 202, 205 т. II и ст. 377 т. XII) разсылаются безденежно, и Епархіальными Вѣдомостями еще облегчается почтовое вѣдомство, такъ какъ одинъ номеръ вѣдомостей замѣняетъ собою до 25 указовъ. Потому справедливость требуетъ, дабы сила закона (ст. 381 и 382 т. XII) распространена была во всей его обширности и на Епархіальныя Вѣдомости, и законъ о пересылки указовъ безденежно не былъ нарушенъ почтовыми конторами».

«7) Въ силу указа 1786 г. Апрѣля 10 никто изъ лицъ монашествующихъ и бѣлаго духовенства не можетъ быть ходатаемъ по дѣламъ, кромѣ дѣлъ своей церкви и дѣлъ о малолѣтныхъ, состоящихъ подъ его опекою (Св. Зак. т. IX, ст. 264 и 288). Этотъ законъ и самъ по себѣ страненъ, поставляя духовное лицо въ уровень съ лицами, лишенными правъ состоянія, и по послѣдствіямъ оказывается весьма вреднымъ для быта духовенства. По Черниговской епархіи множество имѣній собственно-духовныхъ лицъ перешли въ чужія руки, такъ какъ судебная практика, принимая законъ въ смыслѣ слишкомъ тѣсномъ, не принимала никакихъ просьбъ отъ духовныхъ лицъ, просившихъ о возстановленіи правъ собственности женъ ихъ или безграмотныхъ сестеръ, племянницъ и племянниковъ, и всѣ эти лица сами не были въ состояніи писать и подавать просьбы отъ своего имени, также какъ и ходить по судамъ. Потому и справедливость, и настоятельная нужда

требуютъ, дабы ст. 288 т. IX измѣнена была такъ: никто изъ лицъ бѣлаго духовенства не можетъ быть ходатаемъ и повѣреннымъ по чужимъ дѣламъ, кромѣ дѣлъ своей церкви, кромѣ дѣлъ собственности своихъ родныхъ, какъ и своей собственности, и также дѣлъ о малолѣтныхъ, состоящихъ подъ его опекою».

8) «Такъ какъ въ нынѣшнее время не время опасаться за излишнее усердіе жертвователей въ пользу церкви и монастыря, а между тѣмъ существующій доселѣ порядокъ укрѣпленія недвижимаго имѣнія за церковію или монастыремъ чрезвычайно отяготителенъ: то представляется должнымъ, дабы право церкви и монастыря православнаго вѣдомства оставлено было только въ предѣлахъ, положенныхъ для каждаго частнаго лица и общества, безъ испрашиванія разрѣшенія высочайшаго на каждый случай» (т. IX ст. 309).

Б. О значеніи духовныхъ лицъ въ гражданскомъ обществѣ.

«1) Священникъ, какъ пастырь своей паствы, есть первое лицо въ своемъ приходѣ.

«2) Такъ какъ помимо религіи никакое общество человѣческое не можетъ имѣть ни благоустройства, ни прочности, а священникъ—проводникъ религіи въ общество: то какъ въ думахъ городскихъ, такъ въ сельскихъ управленіяхъ священнику принадлежитъ право голоса».

«3) Никакого нѣтъ сомнѣнія, что никакое нравственно-исправительное заведеніе не можетъ достигать благихъ послѣдствій, пока въ его управленіи не участвуетъ пастырь-законоучитель. Это ясно и по сущности дѣла, и по опытамъ. Но и въ учебныхъ свѣтскихъ заведеніяхъ существеннымъ и невознаградимымъ недостаткомъ ихъ останется, если законоучитель-священникъ остается безъ права голоса въ ихъ учебномъ и нравственномъ управленіи»

«4) Священникъ въ дѣйствіяхъ, касающихся религіозной жизни народа не долженъ быть стѣсняемъ гражданскою властію, и не вмѣнять ему въ вину, если онъ за тайный грѣхъ и за преступленіе, необнаруженное гражданскимъ судомъ, налагаетъ на согрѣшившаго частную эпитемію, какъ-то временное удаленіе отъ причастія, поклоны, постъ. Еслибы священникъ вопреки долгу допустилъ что-либо оскорбительное для гражданскаго порядка, власть гражданская доводитъ о семъ до свѣдѣнія духовной власти, обязанной преслѣдовать вины духовнаго лица».

«5) Въ общихъ выборахъ уѣздныхъ и городскихъ, когда въ нихъ участвуютъ всѣ сословія мѣстныя, было бы явною несправедливостію и незаслуженнымъ оскорбленіемъ, еслибы въ нихъ не участвовали довѣренныя лица духовнаго сословія».

«6) Членамъ консисторіи, благочиннымъ и депутатамъ для проѣздовъ ихъ по дѣламъ службы, по примѣненію къ ст. 92 т. XI, выдаются изъ казначейства прогонныя деньги: члену консисторіи-архимандриту на 6 лошадей, члену консисторіи протоіерею и священнику на 4 лошади, благочинному на 3 лошади, депутату на 2 лошади».

«7) Протоіереи и священники также, какъ духовные Римско-католическаго исповѣданія (т. IX, ст. 49), удостоиваемые ордена св. Анны, пользуются правомъ личнаго дворянства».

«8) Какъ бы высоко ни поставлены были въ гражданскомъ обществѣ законами гражданскими священники, униженіе духовнаго ихъ начальства не можетъ не падать на все духовное сословіе и не сопровождаться послѣдствіями вредными для самаго гражданскаго общества. На этомъ основаніи необходимо архипастырямъ церкви православной возвратить въ возможной степени древнее значеніе ихъ среди общества Русскаго. Потому а) высшее духовное правительство (Св. Синодъ) должно быть совѣтникомъ высшаго гражданскаго правительства (Государственнаго Совѣта). б) Архипастыри церкви должны быть выведены изъ нынѣшней ихъ скудости, которая оставляетъ ихъ безъ средствъ быть раздавателями милости для бѣдныхъ и иногда и безъ средствъ для содержанія служащихъ имъ. Пусть по крайней мѣрѣ производится намъ жалованье въ томъ числѣ рублей, какое назначено было штатами императрицы Екатерины, хотя дороговизна на всѣ предметы жизни нынѣ противъ тѣхъ временъ возвысилась едва ли не вчетверо».

Можетъ быть, многимъ требованіе Филарета—отвести высшей духовной іерархіи такое положеніе въ сферѣ правительственной покажется очень смѣлымъ, пожалуй, и болѣе того; но здѣсь нужно оговориться. Мы не можемъ заподозрить, чтобы у Филарета въ данномъ случаѣ говорили самолюбіе или тщеславные разсчеты. Мы видѣли, съ какою боязнію смотрѣлъ онъ на тягость и отвѣтственность служенія пастырскаго. Когда въ 1843 году назначенъ былъ инспекторомъ Московской Академіи, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, Евгеній, безъ управленія монастыремъ, а товарищъ его Алексій, одновременно назначенный ректоромъ Московской семинаріи, получилъ въ управленіе Заиконоспаскій монастырь, Филаретъ писалъ: «Радуюсь объ Евгеніи и такъ какъ люблю душу его, то не желаю, чтобы онъ сколько нибудь думалъ о томъ, что другой получилъ уже и настоятельство. Подобныя радости, а точнѣе несчастія для души, идутъ чередомъ; не нынѣ, то завтра придутъ. А преобразованіе души въ жизни Христовой—вотъ это не такъ легко совершается, тутъ череды нѣтъ; если самъ не забочусь, то дѣло останавливается или даже возвращается назадъ». Но Филаретъ былъ историкъ. Изучая исторію путемъ глу-

бокаго анализа событій, сопоставленія испорическихъ эпохъ, знакомства съ бытовыми условіями народа, онъ не могъ ие вынести убѣжденія, что Русское царство слагалось самобытно, огражданствованіе Россіи, типъ ея монархіи установились подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ церкви. На первомъ шагу, который сдѣлало христіанство въ Россіи, оно встрѣтило во внутреннихъ свойствахъ народа (см. свидѣтельство блаженнаго патріарха Фотія) столько готоваго, сроднаго съ его ученіемъ матеріала, что церковь слилась съ народомъ и стала жить съ нимъ нераздѣльною жизнію. Такое наблюденіе и привело г. Вогюэ къ заключенію, что «Русскій народъ собственно не нація, а церковь». Эти же условія вызвали и замѣчаніе Делингера, что «Русскую церковь ожидаетъ великая будущность». «Съ удивленіемъ мы увидимъ», говоритъ Овербекъ, «какъ постепенно будутъ возникать все болѣе и болѣе важныя послѣдствія для политическихъ судебъ нашей части свѣта отъ тѣснаго союза между православною церковью и Русскимъ государствомъ». Эта тѣсная связь, по его словамъ, должна оказывать самое рѣшительное вліяніе на всю будущность и развитіе государства. Такое преимущество православной церкви онъ ставитъ въ противоположность католической (что̀ весьма поучительно для насъ и вразумительно для нашихъ братьевъ-Чеховъ, силящихся доказать, увы! бездоказательно, противное). Эта связь или вѣрнѣе единеніе народа и государства съ церковью, по мнѣнію того же мыслителя, сформировали исключительное національное чувство у Русскаго народа. Сожалѣя, что Германія не располагаетъ такою счастливою особенностію, Овербекъ говоритъ: «У Франціи сильно національное чувство, но оно утверждается не на религіи, а на славѣ. Англія имѣетъ также не менѣе развитое національное чувство, но оно утверждается не на религіи, а на свободѣ. Россія же утверждается на вѣрѣ, и потому ее ожидаетъ великая будущность».

Если таково мнѣніе иностранцевъ, добросовѣстно изучающихъ нашу исторію и нашу церковь, то какъ же могъ иначе смотрѣть Русскій человѣкъ, какимъ былъ Филаретъ, почти отъ дѣтства съ увлеченіемъ занимавшійся исторіею своего отечества и своей церкви, и, какъ пастырь ея, самоотверженно служившій и тому и другой?

Если съ завистію смотрѣлъ сторонній наблюдатель на этотъ залогъ силы и могущества нашего отечества, то конечно сторона этихъ счастливыхъ условій заставляла смотрѣть извнѣ на положеніе Россіи съ сильнѣйшими опасеніями. Нужно было съ особенною ловкостію и дальновидностію дѣйствовать, чтобъ эту связь свести съ ея историческаго пути, дабы слова Овербека не явились въ судьбахъ міра грознымъ пророчествомъ. «Самый страшный врагъ-домашній». И вотъ,

вырывая у Русской семьи ея членовъ, организовали изъ нихъ кучку домашнихъ враговъ. Не размышляя о томъ—кому они служатъ, разбрелись они по всѣмъ куткамъ родной земли, стараясь притупить у народа, страшное врагамъ, его завѣтное оружіе. Филаретъ видѣлъ эту работу и дощупывался до ея корня. Онъ понималъ, что противодѣйствовать этой подпольной работѣ можетъ только церковь, и для успѣха ея дѣйствій нужно ее придвинуть къ средѣ правительственной. Онъ вѣрилъ, что свѣтъ ея просвѣтитъ облегающую тьму. Онъ жаловался на «людей - остатковъ XVIII вѣка, которые тѣмъ болѣе дѣлаютъ вреда въ обществѣ, что занимаютъ высокія мѣста, имѣютъ въ рукахъ своихъ власть и голосъ ихъ силенъ». «Платонъ Любарскій воспитанникъ Екатерины, той Екатерины, по милости которой язычество господствуетъ доселѣ во многихъ губерніяхъ, и многія тысячи крещеныхъ до времени Государя Николая I жили и вѣрили опять по-язычески. Палерояльская философія ея надѣлала столько зла Россіи, что еще долго будетъ страдать Россія по ея милости, а многое едва ли уже можно исправить по вкоренившемуся образу дѣйствій. Да, оставила по себѣ память Екатерина! Не дай Богъ, чтобы что-нибудь подобное повторилось въ Россіи. Можетъ быть я потому слишкомъ невыгодно думаю, что инаго еще не знаю *). Но при нынѣшнихъ свѣдѣніяхъ скорблю и негодую». Такъ писалъ онъ Горскому по поводу сужденій о дѣлахъ миссіи. Его слово гремѣло съ его архіерейской каѳедры въ обличеніе исторической неправды ложныхъ ученій, проводимыхъ въ обществѣ. Но этого было недостаточно. Надобно было войти церкви въ тѣсный союзъ съ властію, дѣйствуя въ духѣ единенія, проводя это начало и въ народную жизнь, или, вѣрнѣе сказать, возвративъ ему его мѣсто. Если намъ докажутъ, что Россія съ тѣхъ поръ, какъ мы повернулись спиною къ нашимъ историческимъ опыамъ и стали брать отъ Запада и насаждать у себя верхи по цивилизаціи и государственности, сдѣлала шагъ впередъ въ нравственномъ своемъ развитіи, мы признаемъ ошибку Филарета. Но пока мы, не закрывая глазъ передъ нашимъ настоящимъ, не видимъ такихъ доказательствъ, воздержимся отъ такого приговора.

Еще въ 1858 году Филаретъ писалъ Горскому: «Весьма нужно бы напечатать статью противъ безразличія въ вѣрѣ. Просилъ объ

*) Когда это было писано, только что началось настоящее изученіе Екатерины Великой и ея царствованія. Нынѣ преосвященный Филаретъ несомнѣнно отказался бы отъ этихъ словъ. Чтò сказалъ бы онъ, узнавъ, напр., что Екатерина написала Житіе преподобнаго Сергія (на дняхъ вышедшее въ свѣтъ)? П. Б.

этомъ здѣшняго митрополита, но не ожидаю исполненія просьбы. Господа ради, печатайте статьи, прямо или косвенно направленныя противъ пагубнаго духа времени. Мнѣ уже не разъ высказывали угрозу, что готовы произвести реформацію Лютерову. Я отвѣчалъ вотъ что̀: «народъ нашъ, благодареніе Господу, довольно благочестивъ и не послушаетъ васъ». Справедливъ ли отвѣтъ мой? Не подумайте, что угроза высказывалась мнѣ людьми безъ силы и значенія. Нѣтъ, и высказывавшіе съ значеніемъ, и они же высказывали свою угрозу не лично отъ себя, а отъ какого-то большаго общества. Сообщите это о. намѣстнику [1]) и попросите молитвъ его. Предъ вами же повторяю снова просьбу печатать статьи противъ злобнаго духа времени. Скажите объ этомъ о. ректору и о. Петру Спиридоновичу [2]). Если не ошибаюсь, злобное общество думаетъ соединиться съ расколомъ и дѣйствовать съ нимъ заодно. Къ несчастію, многіе изъ бѣлаго духовенства становятся въ ряды враговъ св. церкви».

Вотъ его слово, обращенное къ дворянству весною 1863 года (во время Польской смуты), еще до знаменитой ноты князя Горчакова:

«Сколько крови Русской уже пролилъ домашній врагъ нашъ, всегда бывшій себѣ и намъ врагомъ! Вотъ, по его вызову, и тѣ самые, которые такъ громко кричали о невмѣшательствѣ въ чужія дѣла, вмѣшиваются *въ дѣло наше*. Это уже *оскорбленіе* для Россіи. Но они же грозятъ намъ и мечемъ; они готовы снова истощать Россію губительною войною. Вы понимаете послѣ того, какъ много любви къ святой родинѣ, какъ много самопожертвованія должно быть въ тѣхъ, которые по избранію вашему должны дѣйствовать въ такое время. Для общаго *мое, твое, ихъ* должны быть забыты. Грозны видимыя бѣды. Но нѣтъ ли недовольно примѣчаемыхъ и болѣе грозныхъ? Не ново для Россіи терпѣть бѣды отъ враговъ. Среди бѣдъ росла и крѣпла она, но отъ бѣдъ не ослабѣла, а крѣпла. Почему? Потому, что въ основѣ ея общественной жизни было сильное начало—любовь къ святой родинѣ. Съ этимъ живительнымъ началомъ она счастливо выдержала всѣ политическія бѣды и, имъ оживленная, шла отъ побѣды къ побѣдамъ. Что̀ же теперь? Да не оскорбятся правдивымъ словомъ немощнаго служителя Божія. Насколько нынѣ дорожатъ св. вѣрою? Люди легкіе смысломъ, незнакомые съ опытами жизни, пользуются свободою слова для того,

---

[1]) Архимандритъ Антоній.

[2]) Профессоръ Московской Академіи Делицынъ.

чтобы разрушать основу жизни Русской, которою доселѣ такъ крѣпка была Россія. Потрясая основу государственной жизни нашей, не близять ли государство къ разрушенію? Да, нашлись Русскіе, которые стали проводить въ Русское общество посредствомъ литературныхъ органовъ и контрабандныхъ книгъ тѣ самыя начала, которыя уже облили потоками крови Западъ».

Указавъ на задачу нигилистовъ «низводить умнаго до степени неразумнаго», онъ говоритъ: «Подъ часъ чувствуютъ они низость свою и тѣмъ раздражительнѣе, тѣмъ свирѣпѣе бываютъ въ отношеніи къ другимъ. Вотъ каковы болѣзни нашего времени! Несчастный духъ времени готовъ все разрушить: государство, семейство, бытъ каждаго лица. Вотъ противъ чего надобно бороться тѣмъ, кого избираете вы для служенія общественнаго! Много надобно имѣть имъ твердости для добра и разумѣнія добра. Но не удивитесь, если скажу, что все это они будутъ имѣть, ко благу общему, если будутъ избыточествовать *живительнымъ началомъ Русской жизни*, которое такъ слабо стало во многихъ и многихъ.... Цѣль всякаго правленія есть порядокъ, правда, благо. А гдѣ основаніе всякаго блага, порядка, правды? Въ благой, премудрой волѣ Божіей. Итакъ основаніе всякаго благоустройства въ томъ, если не дѣлаютъ и не попускаютъ ничего противнаго волѣ Божіей. Тотъ, кто исполненъ страха Божія, находится у самаго источника разума и премудрости, поелику *начало премудрости страхъ Божій*. Боящійся Господа выше всякаго страха человѣческаго. Страшенъ ли стукъ повозки во время грома? Наглые нечестивцы только жалки для богобоязненной души. Она смѣло говоритъ имъ правду и смѣло сдерживаетъ разнузданную ихъ волю въ обществѣ, семьѣ, наединѣ. Нѣтъ такой жертвы, которой она не была бы готова принести для угрожаемыхъ со стороны нечестія государства и семьи, потому что для нея все это воля Божія».

Такъ недремлющимъ окомъ смотрѣлъ Филаретъ на болѣзненныя явленія времени. Дѣйствуя противъ нихъ обличительнымъ и вразумительнымъ словомъ, онъ въ тоже время будилъ къ тому другихъ и, какъ къ поспѣшествующей силѣ, обращался къ молитвѣ.

О «поповствѣ» писалъ Филаретъ и Могилевскому архіепископу Евсевію, вызванному для присутствованія въ Св. Синодѣ. «Полною душою благодарю васъ за душевное письмо ваше. Надобно, тысячу разъ надобно, архипастырямъ нынѣшняго времени быть между собою въ частомъ и близкомъ общеніи любви. Время требуетъ того болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Къ скорби, не такъ легко это устраивается, какъ бы хотѣлось видѣть. Что̀ дѣлать? Молиться Господу. Нужды времени:

а) читали ли вы печатный проектъ церковнаго Русскаго управленія? На вопросъ о томъ, предложенный при свиданіи Кіевскому митрополиту, отвѣчалъ онъ: нѣтъ. Когда же сказалъ я о содержаніи, что это проектъ лютеранскаго управленія и что попамъ хочется быть независимыми правителями церкви, онъ съ скорбію сказалъ: что-же, пусть управляютъ! По моему грѣшному разсужденію, изъ поповскаго правленія не можетъ выйти ничего, кромѣ разрушенія православія, и что такое правленіе, какъ разрушеніе порядка Апостольскаго управленія церковнаго, всѣми мѣрами должно быть не допускаемо; а потому тѣ, которые имѣютъ какую-либо возможность не допускать его, но допустятъ въ молчаніи, будутъ отвѣчать за то на судѣ Господа Іисуса. Объ этомъ проэктѣ мимоходомъ писалъ я и Петербургскому митрополиту. Но не знаю, въ пользу ли кому-либо? Странное время! По времени надлежало бы обуздывать замашки поповскаго властолюбія; но поповъ гладятъ только по головкѣ, а архіереи только выслушиваютъ Бироновскую резолюцію. Боже мой! Къ чему это идетъ?»

Письмо это даетъ видѣть, что къ проектированной церковной реформѣ митрополитъ Кіевскій относился довольно апатично, и чтобы возбудить его ревность, Филаретъ сдѣлалъ ему страшное указаніе на судъ Божій. Оно же знакомитъ насъ съ необыкновенною энергіею и ревностію Филарета о нерушимомъ храненіи церкви, хотя, не присутствуя въ Св. Синодѣ, онъ не могъ лично возражать проэкту. Благодаря такому живому отношенію къ вопросамъ церковнымъ, Филаретъ и не былъ желателенъ въ Синодѣ, почему, разъ познакомившись съ нимъ, его болѣе и не вызывали. Но мнѣніе его близко пришлось къ душѣ архіепископа Евсевія, котораго, какъ извѣстно намъ, вопросъ этотъ очень занималъ. Архіепископъ Евсевій обладалъ умомъ практическимъ. Онъ прямо и вывелъ вопросъ на этотъ путь, указавъ на возможность такихъ случаевъ: «Архіерей поступитъ въ извѣстномъ дѣлѣ, какъ требуетъ справедливость, а архіерейшу-то разжалобятъ. Глядишь, и архіерей не устоитъ и къ соблазну церкви окажетъ снисхожденіе. А то и такъ можетъ быть: архіерей-то честный, да съ другаго крыльца архіерейша начнетъ принимать прошенія и убѣждать будетъ нѣжнаго супруга погрѣшить противъ справедливости. Какія послѣдствія для церкви?»

И такъ Филаретъ опасался, чтобы не управляли церковью *попы*, а Евсевій предвидѣлъ, что управлять тогда будутъ *попадьи*.

Такія опасенія немало омрачали дни Филарета. Такъ, прочитавъ въ № 135 «Петербургскихъ Вѣдомостей» 1863 г. статью о духовенствѣ, писалъ онъ Горскому: «Сколько нынѣ печатается статей подобныхъ статьѣ № 135. Боже мой, доколѣ гнѣвъ Твой на пасты-

ряхъ Русской церкви? Изъ всѣхъ силъ бьешься, чтобы содѣйствовать лучшему быту священниковъ и другихъ членовъ церковнаго причта; а какой-нибудь Сер—кій пишетъ публичное осужденіе даже распоряженію Св. Синода. А какой-нибудь разстроенный попъ, желающій вмѣсто одной имѣть семь женъ, бросаетъ грязью въ забитаго архіерея, безмолвнаго и безотвѣтнаго. Этотъ бѣдняга борется съ вѣтрогонами изъ-за того, чтобы какъ-нибудь, въ исполненіе начальственнаго распоряженія, притянуть ихъ въ комитетъ для разсужденій о мѣстныхъ нуждахъ духовенства, навлекаетъ на себя гнѣвъ и осужденія ихъ, принимаетъ разные извороты, въ томъ числѣ очень нелегкіе, чтобы достигнуть цѣли. А въ архіереевъ въ награду бросаютъ грязью тѣ самые, за которыхъ они хлопочутъ. Что̀ это такое? Чего ждать отъ такихъ священниковъ? И себя губятъ, и церковь губятъ. Досада увеличивается и отъ того, что поручаешь имъ самимъ составить предположеніе о возвышеніи правъ ихъ, и получаешь жалкую ограниченность смысла. Теперь къ вамъ слово. Что̀ вы молчите? Вы скажете: двѣ статьи напечатаны и не безъ пользы. Правда, за статью Платонова поклонъ въ ноги. За вашу статью о монахахъ-епископахъ—поясной поклонъ. Извините, что не могу принудить себя поклониться до земли. Осторожность ваша, часто очень излишняя, виною того, что неясныя слова лѣтописи, молчаніе лѣтописи вы по обыкновенію своему принимаете за свидѣтелъство въ пользу сомнительнаго мнѣнія. Это—логическая несправедливость, которая для жизни оказывается весьма вредною. Простите меня, что говорю о вашей слабой сторонѣ. Высказываю то, что̀ давно хранилось въ душѣ послѣ долгихъ и очень долгихъ наблюденій. Высказываю это особенно потому, что вы теперь имѣете дѣло не съ одними логическими построеніями, а съ дѣлами жизни, почему ошибка логики можетъ быть опасною для св. церкви».

Получивъ отъ преосвященнаго Евсевія свѣдѣнія о вновь назначенномъ оберъ-прокурорѣ, Филаретъ отвѣчалъ ему: «Радуюсь извѣстію вашему о ***. Другаго не ожидалъ я. Но окружающіе? Одинъ добрый человѣкъ, давно извѣстный по добротѣ, на прежней должности растратилъ до 12 милліоновъ учебнаго капитала. Теперь по той же добротѣ доводитъ до разстройства епархіальное управленіе, давая ходъ всякой странной жалобѣ, даже и несогласной съ закономъ, Другой выставляетъ изъ себя строгаго блюстителя порядковъ экономическихъ, но не понимаетъ и азбуки церковнаго правленія, съ жаромъ, по первому слуху (не по документамъ) хватается за дѣла, до которыхъ рѣшительно нѣтъ никакого ему дѣла, а свои дѣла путаетъ до смѣха. Помоги Господи графу привести дѣла въ порядокъ!»

«Ни для кого не была тайною частная и домашняя жизнь почившаго; но, по нашей мелочности и недальновидности, мы не всегда могли понять и цѣнить ее надлежащимъ образомъ. Мы знали безпримѣрное его трудолюбіе; оно изумляло насъ и не могло не изумлять: ни въ себѣ, ни около себя мы ничего никогда не видѣли подобнаго. Но, безплодно изумляясь, мы не думали ни подражать ему, ни помогать ему. Мы съ трудомъ могли слѣдить за разнообразными предметами его вѣдѣнія и дѣятельности; разнообразіе ихъ граничило со всеобъемлемостію. Все, чтò касалось мысли и жизни, на все онъ отзывался». «Но такой свѣтъ вѣдѣнія и опытности очень мало озарялъ нашу умственную и нравственную темноту».—«Его требованія отъ подчиненныхъ были невсегда и невполнѣ исполняемы. Почему? Конечно многое по нерадѣнію и лѣности исполнителей, но многое отъ того, что его понятія и требованія далеко превышали наше развитіе, наши стремленія. Онъ былъ для насъ недосягаемъ... Кому благопріятныя обстоятельства позволяли видѣть близко почившаго, тотъ не можетъ не сознаться, по собственному опыту, что снисхожденіе его къ немощамъ равнялось только его всестороннему превосходству надъ нами. То обстоятельство, что не только немногіе могли помогать, но и понимать его, было причиною того, что онъ самъ съ безмолвнымъ самоотверженіемъ несъ ее на своихъ мощныхъ раменахъ. Самоотверженію его, казалось, не было предѣловъ; оно было для насъ невѣроятно; мы, судя о всѣхъ по себѣ, искали другихъ причинъ его безпримѣрной жизни и дѣятельности, подозрѣвая причины, по которымъ большею частію дѣйствуемъ сами. Вѣчная память тебѣ со всѣми незабвенными просвѣтителями и благодѣтелями человѣчества! И да забыты будутъ наши немощи и наши неправды предъ тобою!»

Вотъ смиренная исповѣдь и правдивое слово къ характеристикѣ и дѣятельности Филарета, произнесенныя самымъ близкимъ сотрудникомъ его по образованію Черниговской паствы.

Когда земля скрываетъ въ нѣдрахъ своихъ тѣлесную одежду человѣка, по большей части только тогда открывается для всѣхъ его нравственный обликъ. По крайней мѣрѣ это удѣлъ большинства смиренныхъ тружениковъ на пользу человѣчества. Только по смерти Филарета стали отдавать ему дань, изучая его и изумляясь ему. Только тогда, умолкшая передъ его гробомъ, клевета дала просторъ и свободу слову правды и удивленія.

Въ частной жизни святитель былъ простъ и нетребователенъ. Никогда почти не садясь за обѣденный столъ, по крайней мѣрѣ никогда не досиживая до конца обѣда, онъ принималъ пищу какъ бы мимоходомъ. Нерѣдко гостю приходилось почти голоднымъ выходить отъ

Филаретовскаго обѣда. Бывало, человѣкъ долго стоитъ съ блюдомъ возлѣ архіерея, а тотъ въ бесѣдѣ и не замѣчаетъ этого. Взявъ себѣ немного на тарелку кушанья, онъ, почти не касаясь его, продолжаетъ бесѣду. Гостя стѣсняло ѣсть во время такой бесѣды, а тамъ человѣкъ приметъ тарелку архіерея, а за нею и гостя. Самъ Филаретъ, увлекаясь разсказомъ, этого не замѣчалъ. Но, голоднымъ выходя отъ стола, гость съ удовольствіемъ принималъ вторичное приглашеніе на обѣдъ: такъ много поучительнаго и интереснаго представляла бесѣда святителя. Когда онъ жилъ въ Елецкомъ монастырѣ (обыкновенно въ зимнее полугодіе), кому доводилось въ числѣ послѣднихъ выходить изъ его крестовой церкви, тотъ могъ, благодаря неплотно прилегавшей къ окну шторѣ, видѣть въ окно Филарета въ его рабочемъ кабинетѣ. Это была маленькая съ однимъ окномъ комната и чуть-ли ни съ однимъ стуломъ. У окна стоялъ столъ, заваленный книгами, изъ коихъ многія были развернуты. Передъ столомъ сидѣлъ, углубленный въ свою работу, Филаретъ; передъ нимъ горѣли двѣ свѣчи и подъ рукою лежалъ пестрый фуляровый платокъ. Иногда ночью, среди занятій, великій труженикъ чувствовалъ голодъ, шелъ въ комнату, занимаемую послушниками (которые, слышавъ его, притворялись обыкновенно спящими), отворялъ шкафъ, доставалъ черный хлѣбъ, отрѣзывалъ ломоть и, посоливъ, ѣлъ, запивая водою. Утоливъ такимъ образомъ голодъ, онъ опять садился за прерванную работу. Тщедушный и слабый отъ дѣтства, онъ занимался такъ много, что никогда не спалъ болѣе пяти часовъ въ сутки. Даже утомительная дорога не отнимала у него болѣе этого времени для отдыха. Возвращаясь, напримѣръ, изъ Москвы (съ пятидесятилѣтняго юбилея Академіи) осенью 1864 года, онъ, проѣхавъ 500 верстъ, прибылъ въ Клинцы въ полночь. Отказавшись отъ ужина, онъ выпилъ только чаю. Былъ часъ ночи, когда онъ легъ, и его келейникъ попросилъ у хозяина лисьей шубы ему укрыться. Хозяинъ пользовавшійся расположеніемъ къ нему Филарета, поужинавъ съ духовенствомъ, замѣтилъ еще огонь у своего гостя-архипастыря. Заглянувъ въ спальню, онъ увидѣлъ Филарета сидящимъ на диванѣ, на которомъ устроена была ему постель, съ протянутыми ногами и прислонившимся спиною къ подушкамъ. Онъ весь и грудь, для которой вѣроятно и требовалась особенная теплота, былъ укрытъ лисьей шубой. На столикѣ горѣла свѣча, а онъ дрожалъ. Въ пять часовъ утра онъ уже былъ въ церкви, слушалъ утреню, а послѣ ранней обѣдни выѣхалъ въ Черниговъ, до котораго оставалось почти 200 верстъ.

Будучи умѣренъ въ пищѣ, онъ не отказывался однако отъ общественныхъ обѣдовъ. Люди близорукіе объясняли это его желаніемъ весело пообѣдать. Какъ бы ни былъ онъ занятъ, онъ всегда охотно удѣ-

лялъ время для бесѣды. Съ младенческою вѣрою, набожный безъ ханжества, постникъ въ своей келіи, онъ радовался бесѣдѣ вѣрующаго, какъ бы обрѣтая сокровище. Вотъ почему онъ не скрывался отъ людей. Онъ не избѣгалъ общества, потому что любилъ человѣка какимъ онъ есть, со всѣми его слабостями, считая себя послѣднимъ передъ Богомъ. Но не выносилъ онъ неправды. Глубоко печалили его вольномысліе, распространявшееся въ обществѣ, и упадокъ религіознаго чувства. Мы упомянули о рѣчи его дворянству въ 1863 году. Извѣстно намъ, какъ наканунѣ открытія дворянскаго собранія въ 1866 году онъ говорилъ одному помѣщику: «люблю я дворянство; но вотъ завтра долженъ служить, приводить къ присягѣ, и ничего не могу ему сказать; такія идеи распространяются среди его»... Говорилъ онъ это съ грустію, покачивая склоненною головою. «Если вы это находите, владыко», замѣтилъ его собесѣдникъ, «значитъ, теперь-то и время вамъ говорить». Филаретъ задумался немного. «Не знаю, не знаю, посмотрю», сказалъ онъ. Но все-таки слова онъ не произнесъ. На слѣдующій затѣмъ день онъ присутствовалъ на офиціальномъ обѣдѣ у губернскаго предводителя. Помѣщикъ, съ которымъ былъ приведенный разговоръ, сидѣлъ противъ него. «Памятенъ вамъ, владыка, нашъ разговоръ, бывшій третьяго дня?» — «Помню». — «Я могу къ утѣшенію вашему указать на два факта: вчера повѣрялись права дворянъ на участіе въ собраніи; былъ вопросъ: допустить-ли къ участію въ собраніяхъ дворянина, позволившаго себѣ выбранить свою мать? Единогласный отвѣтъ—не допускать». Филаретъ поклонился. «Былъ второй вопросъ», продолжалъ тотъ же помѣщикъ, «допустить-ли дворянина, позволившаго себѣ въ нетрезвомъ видѣ выстрѣлить въ крестъ? Отвѣтъ былъ единогласный—нѣтъ». Филаретъ опять поклонился. А когда, сидѣвшій возлѣ него, губернскій предводитель подтвердилъ это, онъ порывисто его обнялъ и поцѣловалъ. Тостъ за здоровье Государя былъ принятъ восторженно. Долго не смолкало «ура». А Филаретъ стоялъ, склонивъ голову, и набожно крестился. Послѣ обѣда въ гостинной группа дворянъ усѣлась возлѣ него. Онъ велъ тихую бесѣду видимо съ удовольствіемъ. Одинъ изъ помѣщиковъ обратился къ нему съ изъявленіемъ сожалѣнія, что мы не имѣемъ случая категорически высказать ему то глубокое уваженіе, которое питаетъ къ нему дворянство. «Другъ мой!» задумчиво произнесъ Филаретъ, «вонъ о чемъ надо думать» (онъ показалъ на небо), «а это все пустое».

Несмотря на то, что Филаретъ отличался очень слабымъ тѣлосложеніемъ и уже жаловался на усталость, чего прежде съ нимъ не бывало; но все-таки, повидимому, онъ былъ еще довольно бодръ. Онъ скоро и легко ходилъ, спускался къ Антоніевымъ пещерамъ и подни-

мался по крутой горѣ къ могильнымъ курганамъ (временъ язычества), что̀ возлѣ его Троицкаго монастыря.

Въ это время въ Кіевѣ уже начинала свирѣпствовать холера, грозя посѣтить и сосѣднюю губернію Черниговскую. Она уже стучалась въ двери. Наконецъ проникла она въ южные уѣзды губерніи, подвигаясь болѣе и болѣе къ Сѣверу. Преосвященный Филаретъ возымѣлъ намѣреніе обозрѣть чуть-ли не половину епархіи. Его отговаривали. Такъ какъ порядокъ жизни и привычки нарушались въ дорогѣ, то съ этой стороны ему и представляли опасность. «Теперь-то я нахожу мою поѣздку благовременною и благопотребною», отвѣчалъ на такія предостереженія Филаретъ: «народъ упалъ духомъ; его слѣдуетъ ободрить». Такъ въ служеніи своей паствѣ Филаретъ былъ способенъ дойти до самоотверженія, которымъ и запечатлѣлъ свои земные подвиги.

5-го Августа 1866 года, въ пять часовъ утра, Филаретъ выѣхалъ изъ Чернигова. Маршрутъ его, разсчитанный по днямъ, доведенъ былъ до Ущербья, Суражскаго уѣзда, на 17 Августа. Далѣе чи́сла не были опредѣлены, изъ чего надо было заключить, что въ Ущербьи предполагалъ онъ дать себѣ отдыхъ въ семьѣ любимаго имъ помѣщика. Провожая его, помощникъ исправника спросилъ: «Такъ прикажете ожидать ваше преосвященство въ Черниговѣ 18-го?—«Какъ-такъ 18-го?—«Да вы изволили такъ написать».—«Какъ это случилось и самъ не знаю! Вѣдь я самъ составлялъ маршрутъ.... Какъ же это такъ вышло?»... На этомъ и окончился разговоръ, и отвѣтомъ были послѣдующія событія. 6-го, въ день Преображенія Господня, онъ служилъ въ г. Борзнѣ. Въ с. Загоровкѣ въ тотъ же день онъ слушалъ всенощную, а 7-го утромъ прямо къ служенію прибылъ въ с. Фастовцы, гдѣ совершалъ освященіе храма. Отъ Херувимской пѣсни до пріобщенія обыкновенно видали его въ слезахъ; тутъ, въ продолженіи всей этой, послѣдней въ жизни его, литургіи, слезы текли изъ глазъ его, а во время совершенія св. Даровъ и пріобщенія св. Таинъ онъ неудержимо заливался слезами, такъ что навелъ трепетъ на предстоящихъ. Обѣдая у мѣстнаго священника, онъ много говорилъ о нареканіяхъ, коимъ подвергается духовенство. Съ силою и убѣжденіемъ опровергалъ онъ обвиненія, указывая, какъ трудно служеніе пастырское и по высотѣ его задачи, и по борьбѣ съ невѣжествомъ и предразсудками, при скудости средствъ къ жизни и къ образованію. Послѣ обѣдни одинъ изъ созидателей церкви испрашивалъ у Филарета благословенія на пріобрѣтеніе новаго колокола, больше вѣсомъ противъ существующаго. Филаретъ, поцаловавъ его и священника въ голову, сказалъ имъ въ отвѣтъ: «Колоколъ и настоящій собираетъ

вѣрующихъ на молитву; такъ вмѣсто новаго колокола лучше будетъ жертва Богу, если перенесется вашъ старый храмъ на кладбище. Намъ, старикъ, съ тобой недолго жить: такъ вотъ и для насъ, и для другихъ будетъ полезнѣе, какъ будетъ церковь на кладбищѣ». Никому на мысль не приходило, что эти слова оправдаются на Филаретѣ съ поразительною быстротою. Вообще же всю дорогу онъ много говорилъ о смерти, какъ бы готовясь къ ней. Изъ Фастовцовъ послѣ обѣда онъ выѣхалъ въ с. Бальмачевку. Тутъ, встрѣтивъ священника I. Я—го, бывшаго благочиннаго, съ трогательнымъ смиренiемъ просилъ онъ его простить ему, что незаслуженно лишилъ его благочинiя. Мы упоминали, что священникъ этотъ былъ оклеветанъ. Осмотрѣвъ церкви въ Рожновкѣ, Парафiевкѣ, на ночь прибылъ онъ въ с. Коченовку къ помѣщику Т. Никогда не ужиная, Филаретъ, вѣроятно чувствуя слабость, думалъ пищею подкрѣпить свои силы и не отказался отъ ужина. На другой день, 8-го, онъ, позавтракавъ у Т., поѣхалъ въ с. Рубанку и посѣтилъ помѣщика Р., котораго, какъ извѣстно намъ, любилъ. Усердный его почитатель предложилъ ему обѣдъ. Филаретъ не могъ ему отказать, чѣмъ опять нарушилась его привычка: онъ принималъ пищу обыкновенно разъ въ день. Выѣхавъ отъ Р., онъ почувствовалъ себя уже очень не хорошо. Упадокъ силъ и другiе симптомы давали понять, что онъ вступаетъ въ страшныя объятiя Кiевской гостьи. Онъ жаловался, что непривычная и несвоевременная пища его разстроила.

Прибывъ въ 7 часовъ вечера въ г. Конотопъ, Филаретъ, не взирая на крайнiй упадокъ силъ, посѣтилъ еще двѣ церкви. Вошелъ онъ въ Успенскую церковь и чувствуетъ, что не можетъ стоять. «Отдохну я у васъ», сказалъ онъ. Ему подали стулъ. Онъ сѣлъ, просмотрѣлъ на-скоро церковныя книги и поспѣшилъ въ соборъ. Тамъ тоже не долго оставался. Кто успѣлъ принять его послѣднее благословенiе и облобызать его руку, замѣтили, что рука святителя была холодна какъ ледъ. А на лицѣ его уже не было той кроткой улыбки, которою привѣтствовалъ онъ всякаго и къ которой привыкли всѣ его знавшiе. Изъ собора онъ проѣхалъ къ протоiерею, о. Стефану Ивашутичу. Сейчасъ же попросилъ онъ чаю и покоя. Но еще не подали ему чаю, какъ сильные приступы болѣзни сложили его въ постель. Послали за докторомъ. Докторъ и присутствующiе не столько удивлялись безуспѣшности медицинскихъ пособiй, сколько терпѣнiю, съ какимъ переносилъ страданiя архипастырь, не перестававшiй молиться и осѣнять себя крестнымъ знаменiемъ. Только по временамъ онъ утолялъ жажду и тошноту кусочками льда. Въ 12 часовъ ночи послали за другимъ докторомъ. Но больной сознавалъ свое безнадежное положенiе и въ

первомъ часу ночи, подозвавъ къ себѣ настоятеля Крупецкаго монастыря, архимандрита Августина, сказалъ ему: «исповѣдуй меня». О. Стефанъ, узнавъ отъ доктора о безнадежномъ положеніи своего архипастыря, подошелъ къ нему и, напомнивъ о его собственномъ наставленіи совершать надъ болящими соборованіе, просилъ разрѣшить его пособоровать. «Хорошо. Дѣлайте что́ нужно; но скорѣй, скорѣй, скорѣй: мнѣ худо. А вы, докторъ, будьте тутъ». А самъ все крестится и молится; то пожметъ руку доктору, ослабѣвшею, похолодалою рукою, то возьметъ его за плечо. Это выраженіе признательности врачу было послѣднею данью землѣ... Въ два часа ночи приступили къ соборованію. Во время чтенія седьмаго Евангелія начались его предсмертныя страданія. Въ пятомъ часу утра стали читать канонъ на отходъ души, а въ пять часовъ не стало Филарета. Осталось только его имя, которое съ благоговѣніемъ должно передаваться отъ поколѣнія къ поколѣнію въ признательной памяти соотечественниковъ. Двѣнадцати-кратно раздавшійся звонъ соборнаго колокола тяжелымъ эхомъ отозвался въ сердцахъ осиротѣлой паствы....

Или утомленное безсонною ночью и тревогою, или напуганное страшною болѣзнію, опасности которой не сознавались до того времени, духовенство не скоро собралось отслужить панихиду надъ тѣломъ своего архипастыря. И первый, пожелавшій помолиться и отслужить панихиду, былъ помѣщикъ Р.

На слѣдующій день, 10-го Августа, тѣло Филарета, положенное въ бѣломъ глазетовомъ гробѣ, было внесено въ соборъ, а на пятый день, послѣ литургіи и панихиды, гробъ этотъ былъ поставленъ въ другой, бо́льшій, обитый желѣзомъ. Этотъ гробъ, накрытый чернымъ сукномъ съ бѣлыми позументами, поставили на дроги, запряженныя въ 6 лошадей цугомъ, и такъ повезли, подъ сѣнію рипидъ, тѣло святителя въ Черниговъ. Въ то время въ Конотопѣ уже началась Успенская ярмарка. Изъ опасенія холеры ярмарка была расположена за городомъ. Передъ отбытіемъ тѣла, ярмарка опустѣла: всѣ побѣжали къ собору. Версты 2—3 ярмарочный людъ провожалъ гробъ за городомъ. Не любопытство влекло народъ. Нѣтъ! Тутъ-то сказалась духовная связь народа съ его «добрымъ пастыремъ», раскрывъ смыслъ слезъ, которыя такъ обильно текли изъ глазъ святителя при молитвѣ за себя и за свою паству. Въ народѣ только слышны были возгласы: «Прости нашъ владыка, прости владыка, прости»... Да, можно было видѣть, какъ набожно осѣнялъ себя народъ крестнымъ знаменіемъ. Это было такое торжественное шествіе, съ какимъ не сравнятся шествія царей, вождей и побѣдителей, потому что здѣсь соединялась земля съ небомъ... Отъ одной церкви до другой провожали гробъ съ

хоругвями и крестнымъ ходомъ, при неумолкаемомъ пѣніи лика. А народъ, смѣняя одинъ другаго, въ числѣ 10—12 тысячъ, сопутствовалъ гробу отъ Конотопа до Чернигова, 180 верстъ. За 20 и болѣе верстъ народъ шелъ къ пути слѣдованія гроба отдать послѣдній долгъ усопшему. Кто оповѣщалъ народъ и что̀ звало его къ этому гробу, что̀ на простыхъ дрогахъ, прикрытый чернымъ сукномъ, двигался мѣрнымъ ходомъ по дорогѣ къ Чернигову? И дивное дѣло—ни одного холернаго случая! И забыли всѣ объ этомъ страшномъ бичѣ. Холера и не доходила до Чернигова, и прекратилась. Филаретъ какъ бы отдалъ себя въ искупленіе за многихъ. Кто разгадаетъ смыслъ его поѣздки, его постояннаго воспоминанія о смерти, его молитвы и рыданій за послѣдней литургіей?...

18-го Августа въ 10 часовъ утра, на берегу рѣки Десны, въ трехъ верстахъ отъ города, гробъ былъ встрѣченъ Кіевскимъ викаріемъ епископомъ Порфиріемъ съ многочисленнымъ духовенствомъ и всѣми, можно сказать, жителями города, начиная отъ представителя администраціи. Какъ только съ парома свезли гробъ, вся многотысячная толпа народа заколыхалась. Гробъ остановился. Оказалось, что народъ отпрягъ лошадей, желая самъ везти гробъ своего архипастыря. Когда этотъ гробъ остановили для литіи на Красномъ мосту, противъ зданія семинаріи, сооруженнаго усопшимъ святителемъ, то примкнули къ шествію воспитанники всѣхъ учебныхъ заведеній и духовнаго дѣвичьяго училища, основаннаго тѣмъ же святителемъ. «И Боже, какъ плакали дѣти!» восклицаетъ очевидецъ.

19-го, послѣ отпѣванія, колесницу съ гробомъ народъ опять повезъ на себѣ къ мѣсту вѣчнаго упокоенія святителя, къ Троицко-Ильинскому монастырю, отстоящему въ 4-хъ верстахъ отъ собора. Здѣсь подъ самымъ престоломъ Троицкаго храма была приготовлена могила. Надъ гробомъ Филарета устроенъ каменный надгробникъ въ видѣ продолговатаго престола. Въ ногахъ у святителя поставленъ, усердіемъ игуменіи Нѣжинскаго монастыря, большой крестъ съ изображеніемъ распятаго Господа, а въ головахъ утверждена икона,—усердное приношеніе одного помѣщика,—съ изображеніемъ Спасителя во славѣ и надписью: «*Идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ*». Эта усыпальница представляетъ недостроенный храмъ. Онъ оштукатуренъ, своды его мѣстами украшены лѣпною работою, гладкій каменный полъ. Словомъ, не достаетъ только иконостаса и печей, да болѣе удобнаго входа, чтобъ превратить эти катакомбы въ теплый храмъ. Несомнѣнно, рано или поздно, это устроится, и надъ гробомъ ревностнаго слуги Христова будетъ со временемъ возноситься безкровная жертва. Такое

мѣсто для своего упокоенія, можно сказать, выслужилъ, вымолилъ и выплакалъ Филаретъ.

Въ установленное время было вскрыто и прочитано слѣдующее завѣщаніе Филарета:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. По благости Твоей, Господи, Ты открылъ человѣку все необходимое для спасенія его. По премудрости Твоей Ты скрылъ отъ него день и часъ смерти его, чтобы каждый день и часъ готовились мы къ отвѣту за дѣла свои. Благодарный къ благости Твоей и благоговѣйный предъ мудростію Твоею, на случай смерти моей, въ полномъ смыслѣ и памяти, пишу завѣщаніе моею рукою».

«1) Предъ Тобою, Господи, должникъ я неоплатный. Благодѣянія и милости, излитыя Тобою на меня недостойнаго, необозримы; а я платилъ и плачу за любовь Твою нечестіями сердца. Агнче Божій, вземляй грѣхи міра, покрой долги моя предъ правдою Отца Твоего! Заступница христіанъ, благая Матерь Сына Божія, не оставь меня недостойнаго, защити меня грѣшнаго Твоею молитвою къ Сыну и Богу Твоему».

«2) Прошу и молю всѣхъ, кого когда-либо, намѣренно или ненамѣренно, оскорбилъ или навелъ на грѣхъ, простить меня по любви христіанской и помолиться за меня недостойнаго. Если же кто и предо мною остался должнымъ, въ чемъ бы то ни было, молю Господа не только не вспоминать о долгѣ его, но воздать ему щедротами благодати. Всѣхъ прошу для любви христіанской поминать меня въ молитвахъ».

«3) Книги мои, которымъ есть каталогъ, написанный моею рукою, отдать въ библіотеку семинаріи той епархіи, гдѣ застанетъ меня смерть. Если противъ каталога не окажется на лицо какихъ-либо книгъ, за недостатокъ ихъ не взыскивать ни съ кого. Туда же поступятъ и всѣ рукописи, въ томъ числѣ дѣла, относящіяся къ Лифляндской церкви [1]). Прошу за сіе приношеніе творить о мнѣ поминовеніе въ Субботу передъ Сырною недѣлею» [2]).

«4) Изъ денегъ двѣ тысячи рублей назначаю въ пользу общежитія Хорошевскаго монастыря, съ тѣмъ, чтобы монастырь пользовался процентами съ капитала, а капиталъ всегда находился въ кредитномъ установленіи. Если найдутся при смерти моей, то двѣ тысячи назначаю отдать въ кредитное установленіе, съ тѣмъ, чтобы процентами пользовались дѣти роднаго брата моего о. дьякона Василія, Григорій

[1]) Къ сожалѣнію, всѣ дѣла и переписка Филарета изъ семинарской библіотеки исчезли.

[2]) Время установленное церковью для поминовенія усопшихъ.

и Иванъ, а по смерти ихъ проценты по распоряженію Св. Синода имѣютъ поступать въ пользу сиротъ, воспитанниковъ Тамбовской семинаріи».

«5) Собранныя вещи столовыя всѣ останутся въ пользу старшаго сына брата моего, священника Григорія Гумилевскаго».

«6) Если кромѣ всего помянутаго найдены будутъ у меня деньги и вещи мои собственныя, то все употребить въ пользу Харьковскаго духовно-сиротскаго училища дѣвицъ, которому предоставляю право издавать въ свою пользу мои сочиненія и переводы въ опредѣленный закономъ срокъ».

«Филаретъ епископъ Харьковскій и Ахтырскій.

«Написано моею рукою 1853 года Декабря 21-го дня».

И въ завѣщаніи своемъ Филаретъ не измѣнилъ своему правилу: ставить выше всего благо и пользу общую или многихъ.

Капитальными трудами Филарета за послѣднія семь лѣтъ жизни его, т.-е. за время управленія его Черниговскою епархіею, были: «Историческій обзоръ пѣснопѣній и пѣснопѣвцевъ Греческой церкви, съ примѣчаніями и снимками древнихъ нотныхъ знаковъ», «Обзоръ Русской духовной литературы» (отъ 1720—1858 г.) и «Дополненіе» къ нему (по 1862 г.), «Русскіе святые, чтимые всею церковью или мѣстно», «Св. подвижницы Восточной церкви», «Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи» и много статей по разнообразнымъ предметамъ. Къ этому же времени относится изданіе его знаменитаго «Догматическаго Богословія», «Историческаго ученія объ отцахъ церкви» и въ сокращенномъ изложеніи «Исторія Русской церкви». Онъ же положилъ основаніе изданію «Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій», въ которыхъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ. Тамъ, между прочимъ, онъ помѣщалъ очень много библіографическихъ замѣтокъ и статей о современныхъ вопросахъ общественной жизни.

Его любознательность и разнообразіе предметовъ его знаній были дѣйствительно изумительны. Стоитъ посмотрѣть на каталогъ его собственной библіотеки, чтобы убѣдиться въ этомъ. Тамъ были и всевозможные журналы свѣтской литературы за нѣсколько лѣтъ, и юридическія сочиненія, или напримѣръ Азанчевскаго «Сатирическіе журналы 1763—1774 г.», Императрицы Екатерины «Были и небылицы», Снегирева «Русскія пословицы», «Объ электро-магнитныхъ телеграфныхъ линіяхъ» и т. д. Не говоримъ о замѣчательныхъ отдѣлахъ богословскомъ и историческомъ. И все это онъ читалъ. На многія статьи литературныхъ журналовъ онъ отвѣчалъ своими критическими замѣчаніями. Даже «Пословицы» Снегирева къ нему попали не случайно.

Онъ составилъ изъ нихъ статью «Народная мудрость», извлекши для поученія все, что говорилось въ нихъ о Божествѣ, о вѣрѣ, о спасеніи и (ненавистной ему) тяжбѣ.

Въ трудахъ Филарета поражаетъ масса критическихъ статей и замѣтокъ. Это была особенность его таланта: пытливо относиться ко всякому предмету, все провѣрять путемъ критики. Такой способъ отношенія къ прочитанному, облегчая усвоеніе его памятью, до такой степени развилъ у него послѣднюю способность, что онъ изумлялъ ею всѣхъ. Рѣдкое письмо его къ Горскому не заключало какой-либо критической замѣтки. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы ближе познакомиться съ оригинальностью его выраженій, его таланта, его взгляда.

«Признаюсь искренно, что Могила *) мнѣ очень не нравится по образу мыслей и нѣкоторыхъ дѣлъ; да и почти ничего нѣтъ у него собственнаго, а все, что названо его именемъ, принадлежитъ не ему. Потому мнѣ очень не хотѣлось бы, чтобы дано было ему почетное мѣсто между учителями и просвѣтителями церкви. Папистическій энтузіазмъ или фанатизмъ не даютъ права на такое званіе».

«Съ удовольствіемъ, большимъ удовольствіемъ прочелъ твою статью о св. Кириллѣ и Меѳодіѣ (Горскій посылалъ ему рукопись). Сдѣлалъ кое-какія замѣчанія. Мнѣ кажется, что временемъ статьи надобно положить конецъ X-го вѣка. Это такъ и по извѣстію объ Адальбертѣ, и по выпискамъ Нестора. Что касается до мысли, что будто слова о Русскомъ Евангеліи вставлены Русскимъ, то она мнѣ несовсѣмъ представляется близкою къ правдѣ. У насъ вставокъ не дѣлали, да и некому было дѣлать. Правда, въ лѣтописяхъ это случалось; но о жизни святыхъ едва-ли можно утверждать туже мысль. Мнѣ кажется, что мысль о Русскомъ Евангеліи и замѣчанія о началѣ Русской грамоты просто мысль недальноумнаго жизнеописателя. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что жизнеописатель точенъ въ своемъ повѣствованіи, выставляетъ обстоятельства, которыхъ исторической вѣрности опровергать нельзя) онъ имѣлъ и средства говорить истину; но согласитесь съ тѣмъ, что онъ не великій философъ и не глубокій богословъ; онъ немногимъ стоитъ выше современныхъ ему писателей легендъ темнаго Запада. Присовокупите къ тому и ту вѣроятную мысль, что онъ имѣлъ въ виду защищать достоинство Славянскаго письма отъ нападеній злыхъ псовъ-Нѣмцевъ. По крайней мѣрѣ мысль о сверхъестественномъ происхожденіи Русской грамоты отзывается этимъ недальновиднымъ

*) Петръ Могила, митрополитъ Кіевскій.

благочестіемъ. До того ему дѣла нѣтъ, что въ другомъ мѣстѣ самъ же проговаривается онъ, что у Славянъ нѣтъ письма. Это вещь сторонняя, нужная для другой бесѣды».

«Другая мысль, не высказанная въ замѣчаніяхъ, относится къ тому, чтобы какъ можно чаще и точнѣе говорить словами жизнеописаній, да и нигдѣ не опускать указаній на жизнеописаніе. Мнѣ кажется, что вы очень много заботились о краткости и сжатости. Фразы легендъ — лишняя пристройка. Ихъ прочь! Но, пожалуста, не опускайте ни одного самаго малаго обстоятельства, сколько бы оно ни было частно. Вы знаете, что энтузіасты слишкомъ дорожатъ каждою щепочкою старины. Да и нельзя иногда и винить ихъ въ томъ. Неважное для насъ важнымъ можетъ быть для другихъ».

Неизвѣстны намъ подробныя «замѣчанія» Филарета, но дальнѣйшая переписка его даетъ понять, что съ изложеннымъ выше мнѣніемъ Горскій не соглашался, и Филаретъ писалъ ему:

«О жизнеописателѣ Кирилла и Меѳодія остается предоставить времени сказать рѣшительное и вѣрное. Теперь, при недостаткѣ фактовъ въ защиту моего или твоего мнѣнія, нельзя рѣшить, кто изъ насъ съ тобою правъ и кто виноватъ. Теорія прочна (въ исторіи), когда основана она на несомнѣнныхъ и многихъ случаяхъ; иначе будетъ волненіе мыслей, не болѣе. Здѣсь же пока не столько у насъ случаевъ, чтобы выдти могло прочное построеніе. Замѣчу еще о нашихъ древнихъ повѣствователяхъ, что прибавленія и вставки въ жизнеописаніяхъ пока не обличены. Не разумѣю того, чтобы у насъ послѣ одного жизнеописанія не являлось другаго; но другой жизнеописатель намъ является обыкновенно въ другомъ кафтанѣ и всего чаще разряженнымъ по примѣру позднихъ Греческихъ сшивателей великолѣпно-пустыхъ фразъ.»

Но не всегда и не вездѣ требовалъ Филаретъ такихъ подробностей, какъ въ статьѣ о Кириллѣ и Меѳодіѣ. Здѣсь онъ считалъ ихъ полезными ради новизны предмета и споровъ, для рѣшенія которыхъ могъ быть пригоденъ и частный, незначущій на первый взглядъ, фактъ. Тамъ же, гдѣ по его взгляду нужна была сила и блескъ статьѣ, словомъ нужно произвести впечатлѣніе на читающаго, онъ одобрялъ сжатость изложенія, предоставляя мысли читающаго работать. Такъ писалъ онъ о статьѣ Горскаго «Описаніе Сергіевской Лавры»: «Кратко, но сильно, есть о чемъ подумать. Быть можетъ тѣ, которымъ думать — Египетская работа, и недовольны будутъ краткостію; но объ иномъ нельзя говорить пространнѣе, другое не стóитъ многихъ словъ, а потому жалобы — пустяки».

Иногда, разбирая статьи, Филаретъ, подобно своему учителю, доходитъ до мелочей. Такъ, одобряя мысль напечатать слова Серапіона,

онъ замѣтилъ Горскому: «Переводъ чистъ, но одно мѣсто особенно бросилось въ глаза; слова «восхищени быша» переведены «погибли». Это далеко отъ точности. Почему же не сказать «внезапно взяты»? Придирка. Простите. Простите и за то, что̀ скажу. Слово Юліанъ, повторенное до десяти разъ въ замѣчаніяхъ *) и большею частію сряду, немножко странно. Если не встрѣтилось ничего, что́ надобно было бы прибавить, хотя бы для избѣжанія однозвучія, лучше было бы не повторять сего слова. Почти тоже—Галлъ. Грѣхъ переводчика или издателя, не помню. Но издателямъ во всякомъ случаѣ не легче. Замѣчанія къ переводу на переводчика или издателя падаютъ нелегкою тяжестію. Глазъ критика всего легче пробѣгаетъ ихъ. Съ своей стороны желалъ бы, чтобы были вы болѣе щедры на замѣчанія. Это нужно. Читатель скажетъ вамъ спасибо, если вы не только помогли ему въ уразумѣніи сочинителя, но и подарили его двумя-тремя новыми мыслями».

Поблагодаривъ Горскаго за замѣчанія на статью его о Златоустомъ, онъ пишетъ: «Одно замѣчаніе считалъ бы ненужнымъ, это относительно чудесъ. Мнѣ самому случилось слышать отъ одного монаха, добраго и разсудительнаго: почему «Христіанское Чтеніе» ничего не сказало о чудесахъ Златоуста, о коихъ говорится въ Четьи-Минеи? Предполагаю, что вопросъ монаха можетъ измѣнить мысль издателя на счетъ спроса читающей публики. Если пустынный монахъ предложилъ вопросъ любопытства, что́ же сказать о другихъ? Читающіе житія святыхъ послѣ Четьи-Минеи прежде всего потребуютъ, почему такъ и не иначе говорится о святомъ? Недовѣрчивость къ Четьи-Минеи со стороны ученой довольно обща, почти столько же, сколько и довѣрчивость къ назидательности. Пусть такъ, пусть назидательность остается преимущественною цѣлію вашего журнала, по соединеніи его съ чтеніемъ Св. Отцовъ это такъ и должно быть; но не будьте слишкомъ холодны къ требованіямъ ума, чтобы не впасть въ крайность. Назиданія ищетъ «Воскресное Чтеніе», назиданія православнаго домогается «Христіанское Чтеніе»; но согласитесь, что то и другое частію бываютъ каррикатурны: дѣтей нынѣ нѣтъ на Руси, баснями сладкими никого не накормишь, а требуютъ крѣпкой пищи. Святые отцы, и особенно такіе, каковъ Богословъ, предлагали такъ много и для философа, и для поэта, и для историка, и для филолога, что право не такъ легко поставить подъ рядъ ихъ такую ученость, которая, хотя бы на одинъ дюймъ, стала выше ихъ учености. А вамъ

*) Въ жизнеописаніи Григорія Богослова, Твор. Св. Отцовъ, кн. 1-я.

особенно удобно слѣдовать ихъ направленію. Это прилагаю и къ филологическимъ замѣчаніямъ на сочиненія св. Григорія Богослова; не говорю о проповѣдяхъ и статьяхъ назидательныхъ, гдѣ нѣкоторые боятся говорить языкомъ ученыхъ, тогда какъ вовсе не боялся того Богословъ. Ученый поморщится на васъ, прочитавъ ученую историческую статью безъ доказательствъ, а неученый читатель не останется недовольнымъ, если поставлены будутъ доказательства, въ замѣчаніи или inter caetera».

Филаретъ былъ крайне остороженъ въ оцѣнкѣ извѣстныхъ пріемовъ и положеній въ религіозныхъ спорахъ. Такъ, напримѣръ, писалъ онъ: «Получилъ я письмо владыки митрополита. Онъ гнѣвается. Сколько могъ, писалъ я о дѣлѣ, какъ оно было по совѣсти моей. Если не примутъ дѣла, какъ оно было, это уже не моя вина. Судъ предъ Господомъ. Православіе не требуетъ для своей твердости гнилыхъ подпоръ, каковы ни на чемъ не основанныя слова объ апостольскомъ происхожденіи троеперстія. Боятся крика невѣждъ? Ихъ не заставишь молчать тѣмъ, что будешь кричать неправду. Правда сама себѣ защита, а подмостки человѣческія только годны на то, чтобы сломало ихъ время».

«Не получили вы Майевы *Specilegium Romanum?* Ожидаю съ нетерпѣніемъ и доселѣ не дождусь. Даже доселѣ не могу составить точнаго понятія объ изданіи. Видѣлъ, что тутъ помѣщены и Греческія древности святыя; но видѣлъ и то, что довольно латыни несчастной. Признаюсь: если тутъ будетъ схоластика Латинская, брошу въ печь. Этотъ скелетъ и безъ того наскучилъ хуже чумы. Зачѣмъ бы его вытаскивать изъ помойной ямы, или Ватикана? Послѣднія слова по моему однозначущія. Пусть бы грѣхи отцовъ лежали покрытые пылью». Но, не смотря на такой суровый взглядъ, онъ упрекаетъ Евсевія за его статью «Бесѣды о Таинствахъ». «Скажите, Господа ради, къ чему приняли проповѣдывать такъ открыто недоразумѣнія папизма, давно оставленныя?». Въ религіозной полемикѣ онъ требовалъ особенной чистоты и ясности.

А въ печку у Филарета, какъ видно, летала не одна книга. Такъ писалъ онъ между прочимъ: «Вчера взялъ я въ руки Аммона *) и принужденъ былъ бросить, какъ мерзость запустѣнія. Кажется, препровожду его въ печку».

Филаретъ чистою душою понималъ православіе. Разбирая «Таинства» Евсевія, онъ говоритъ: «Правда, я бы сказалъ еще и то, что

*) Fortbildung des Christenthums zur Weltreligion. 1840.

мнѣ не нравится, когда проводятъ мысль откровенія по категоріямъ церковной схоластики, какъ душу по мытарствамъ. De gustibus non est disputantum. Иначе, одинъ любитъ формы катихизиса, а другому кажется, что иное дѣло катихизисъ, другое—размышленіе систематическое; одному кажется, что верхъ совершенства, когда освѣтятъ склоненія вѣры логикою вѣры, а другому думается, что для вѣры размышляющей суха и скудна подобная пища. Единая, апостольская, вселенская церковь: эти вещи полезно помнить христіанину; это формы, которыя въ немногомъ говорятъ ему о многомъ». «Желаете ли знать мысли мои о письмахъ и стихахъ Григорія? Вы почти знаете ихъ. О первыхъ тоже скажу, что̀ вы говорите, т.-е. немногія изъ нихъ имѣютъ догматическое или христіански-нравственное значеніе; они образцы письменнаго слога; кажется, они съ тѣмъ преимущественно и писаны, чтобы христіанское юношество видѣло въ нихъ, а не въ письмахъ язычниковъ, образцы писемъ. Впрочемъ можно бы потрудиться надъ тѣмъ, чтобы избрать лучшее и не оставить безъ вниманія труды великаго мужа. Между ними нѣкоторые по крайней мѣрѣ столько же важны, сколько и письма Василія Великаго. Потрудитесь пересмотрѣть».

«Между стихами Григорія есть превосходные, кто какъ ни думай о нихъ. Вы знаете, что по моей мысли непреодолимое затрудненіе переводить стихи Григорія. Но капля пробиваетъ камень. Чтобы сказать вамъ о лучшемъ, посылаю недавно изданныя стихотворенія Григорія, признанныя Греками за лучшія. Правда, вкусъ Грека ищетъ только Греческой языческой красоты: это дѣло давно извѣстное. Для поздняго Грека нѣтъ философа выше Аристотеля, и нѣтъ поэта выше Гомера или Софокла; для поздняго Грека сокровище, богатство всѣхъ родовъ въ томъ позднемъ произведеніи, гдѣ, какъ видимъ, говорятъ съ нимъ или діалектика Аристотелева, или пѣвучій слѣпецъ миѳологическаго вѣка. Потому-то, слѣдуя своему вкусу, отмѣтилъ я карандашемъ то, что̀ мнѣ показалось лучшимъ, и не могу не сказать, что стихи, поставленные Грекомъ на послѣднемъ мѣстѣ, въ Русскомъ переводѣ должны занять первое мѣсто. Къ сему надобно присовокупить особенно двѣ молитвы къ Богу, одну ту, которая у Галанда; стихи: «Жизнь», переведенные и въ «Христіанскомъ Чтеніи», два стихотворенія о самомъ себѣ и жизни своей. Послѣднія два прилично могли бы составить заключеніе сочиненіямъ, хотя по достоинству своему они должны слѣдовать послѣ Билліевыхъ: τὰ ἀπόρρητα. Вотъ пересмотрѣлъ содержаніе всѣхъ переведенныхъ статей (но не переводъ) и отмѣтилъ то, что̀ показалось лучшимъ. Очень нелишнее дѣло издать ихъ. Въ нихъ го-

воритъ душа. Иныя отличаются глубиною мысли. Вотъ вамъ все извѣстное мнѣ по памяти о Григоріевыхъ стихахъ».

Слѣдующее сужденіе Филарета болѣе всего даетъ понять всегдашнее настроеніе его души: «Моей душѣ грѣшной казалось бы взяться надобно послѣ Григорія за Ефрема. Если говорить строгую правду, пустынный Ефремъ, несмотря на то, что пустынникъ, едва ли не во всѣхъ отношеніяхъ выше Василія. Съ какой стороны ни посмотрите на него, возьмете-ли его какъ проповѣдника, онъ не уступаетъ Каппадокійскому учителю; даже по сердечной живости слова ближе онъ говоритъ сердцу, чѣмъ Василій. У послѣдняго есть искусство, да и строгость его нѣсколько пугаетъ душу грѣшную, тогда какъ слезы Ефрема Сирина—сладость сердечная. Не сравниваю Ефрема толкователя съ Василіемъ. Тутъ нѣтъ между ними и сравненія». Вотъ почему писалъ онъ Горскому: «Отцы церкви, особенно преп. Ефремъ Сиринъ, вѣрные путеуказатели». «Творенія преп. Ефрема—любимыя мои пѣсни, толкованія его—драгоцѣнные камни».

Сдѣлавъ выборку изъ писемъ Филарета къ Горскому, можно составить цѣлый покаянный канонъ. А если привести на память потоки слезъ, которыя неудержимо текли изъ глазъ его во время совершенія имъ Божественной службы, для насъ будетъ понятнымъ, почему такъ близки душѣ Филарета были слезы Сирскаго пустынника.

Самый близкій сотрудникъ Филарета по образованію паствы *) такъ опредѣляетъ значеніе трудовъ и дѣятельности Филарета для церкви и общества:

«Дѣятельность пастыря, а тѣмъ болѣе архипастыря, слагается изъ сочетанія самыхъ разнообразныхъ отношеній общественныхъ и личныхъ; его обязанности касаются всѣхъ сторонъ жизни пасомыхъ, его вліяніе простирается на всю нравственно-общественную жизнь его паствы. Научить спасенію невѣдущихъ, руководить неопытныхъ и слабыхъ, возбуждать недѣятельныхъ, вразумлять строптивыхъ—какое широкое, многотрудное поприще для дѣятельности! Немногіе успѣваютъ подвизаться едва на одной какой-либо сторонѣ сего поприща, и ихъ память не остается безъ благословеній. Какова же должна быть память о томъ, кто преуспѣлъ во всѣхъ сторонахъ великаго служенія, кто указалъ и новыя стороны въ семъ служеніи и во всѣхъ родахъ архипастырской дѣятельности былъ мужемъ, преисполненнымъ жизни, мысли и добродѣтели?»

*) Ректоръ Черниговской семинаріи, нынѣ преосвященный Евгеній, епископъ Астраханскій.

«Архипастырь, первѣе всего, учитель-просвѣтитель своей паствы свѣтомъ вѣры. Вѣчная память тебѣ, нашъ приснопамятный наставникъ и просвѣтитель, свѣтило всей Русской церкви! Не встрѣтимъ противорѣчія, если скажемъ, что чада Русской церкви только отъ почившаго получили понятіе, чрезъ него приняли въ сознаніе, кто они и что̀ они по отношенію къ св. вѣрѣ Христовой. Ибо что̀ такое его «Исторія Русской церкви», какъ не глубоконазидательное руководство Русскому народу къ самосознанію въ религіозномъ отношеніи?»

«Церковь Русская, богатая простотою вѣры и жизни христіанской, далеко не была знакома съ тѣми свѣтильниками вѣры и жизни христіанской, которые своими писаніями уяснили, раскрыли ученіе Христово. Не имѣя знакомства съ писаніями отеческими, Русскій народъ не могъ надлежащимъ образомъ понимать высокаго историческаго достоинства христіанскаго ученія. «Ученіе объ Отцахъ церкви», пополнившее этотъ пробѣлъ въ нашей духовной литературѣ и въ нашемъ религіозномъ сознаніи, составляетъ и будетъ составлять нерушимый и блистательный памятникъ почившему учителю церкви Русской.»

«Не всѣ имѣютъ время и возможность изучить ученіе Христово въ писаніяхъ отеческихъ; но для каждаго христіанина необходимо твердо и сознательно помнить основныя истины христіанства, всякому вѣрующему подобаетъ готову быть къ отвѣту всякому вопрошающему о его упованіи. Является новый трудъ—обстоятельное изложеніе догматическаго ученія православной церкви, и при томъ не только расширяющій область нашихъ познаній въ вѣрѣ вообще, но и руководствующій въ борьбѣ съ современными лжемудрыми лжеученіями».

«Догматы, какъ созерцательныя истины, требуютъ своего осуществленія въ жизни; оказывается нужда въ наставленіи о томъ, какъ жить съ исповѣдуемою нами вѣрою. Почившій, блюститель вѣры и жизни христіанской, не отказался и отъ этого труда. Но, какъ премудрый учитель, задумалъ изобразить намъ жизнь христіанскую не въ сухихъ правилахъ, не въ отвлеченныхъ истинахъ, а въ живыхъ образахъ святыхъ лицъ вселенской церкви (Лавсаикъ) и преимущественно въ жизни нашихъ отечественныхъ святыхъ и близкихъ къ намъ по народности, исторіи и жизни, святыхъ Русскихъ и южныхъ Славянъ. Можетъ ли быть изображеніе жизни христіанской назидательнѣе, вѣрнѣе, понятнѣе для насъ?»

«Но жизнь, видоизмѣняясь ежеминутно, каждый разъ предлагаетъ ученію христіанскому вопросы, какъ смотрѣть съ христіанской точки зрѣнія на такое или другое явленіе, на ту или другую истину; какъ поступать по-христіански въ такихъ или другихъ временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствахъ? Въ отвѣтъ на такіе вопросы заботливый учи-

тель Русской церкви отверзалъ уста свои для поученія, и мы изумляемся въ нихъ тому высокому благодатному искусству, которымъ слово Божіе, христіанство, непосредственно прилагается къ жизни и дѣятельности, озаряетъ яснымъ свѣтомъ самые темные углы нашей обыденной жизни и научаетъ дѣлать изъ нея свѣтлый праздникъ».

«Христіанская церковь, какъ общество, имѣетъ свои законы, правила, которыми установляются различныя отношенія между ея членами, опредѣляется образъ жизни и поведенія. Каноническія правила соборовъ и св. отцовъ въ точномъ и ясномъ видѣ издавна составляли крайнюю потребность для Русской церкви. Почившій не отказался и отъ сего труда на пользу церкви, и (переводъ Книги Правилъ) съ обычною ему ревностію, со свойственною ему добросовѣстностію исполнилъ его во славу Божію, а не въ похвалу своего имени».

«Обозрѣвъ такимъ образомъ труды почившаго, какъ пастыря-учителя церкви, кто не согласится, что онъ сказалъ всю волю Божію, насколько это требовалось необходимо состояніемъ не одной ввѣренной ему паствы, а состояніемъ и потребностями всей Русской церкви? Одного изъ его трудовъ было бы достаточно для всякаго учителя, чтобы его имя не исчезло изъ благодарной памяти людей».

*

Принявъ на себя задачу составить жизнеописаніе Филарета и сдѣлать извѣстными тѣ цѣнные матеріалы, кои имѣются у насъ, мы не беремъ на себя непосильнаго труда входить въ критическую оцѣнку его ученой дѣятельности, тѣмъ болѣе, что слово о ней произнесено уже людьми авторитетными. Мы позволимъ себѣ въ подтвержденіе или опроверженіе извѣстнаго мнѣнія указать на раскрытую нынѣ жизнь усопшаго святителя. О значеніи литературной дѣятельности Филарета говорится въ прекрасной статьѣ г. Пономарева, вышедшей въ годъ кончины Филарета. Онъ же перечислилъ его печатныя произведенія. Мнѣніе г. Пономарева цѣнно по безпристрастію, котораго не ослабило у него потрясающее впечатлѣніе внезапной смерти такого крупнаго отечественнаго дѣятеля. «Гдѣ разгадка такой плодовитой дѣятельности?» спрашиваетъ Пономаревъ, и далѣе говоритъ: «Разгадка заключается въ его неоспоримо-великихъ и разнообразныхъ дарованіяхъ, въ его громаднѣйшей учености, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, принадлежавшихъ его времени и въ нѣкоторыхъ свойствахъ, принадлежавшихъ исключительно его натурѣ. После смерти митрополита Евгенія, у насъ не осталось ни одного духовнаго писателя съ такимъ разностороннимъ объемомъ дѣятельности. Кто же были другіе?... Въ «Обзорѣ

Русской духовной литературы (1720—1858)» мы встрѣчаемъ, въ сороковыхъ годахъ, многіе десятки писателей; но изъ нихъ мы можемъ привести здѣсь, конечно, только замѣчательнѣйшихъ, такихъ, съ которыми можно болѣе или менѣе поставить въ уровень нашего автора. Это были митрополитъ Московскій Филаретъ, архіепископы Григорій Казанскій, Игнатій Воронежскій, Иннокентій Херсонскій, Іаковъ Нижегородскій, архимандритъ Гавріилъ, протоіереи: Веніаминовъ, Голубинскій, Григоровичъ, Дебольскій, Кочетовъ, Маловъ, Никольскій, Нордовъ, Павскій, Путятинъ, Скворцовъ; монахъ Іакинѳъ Бичуринъ; профессоры духовныхъ академій: Авсеневъ, Амфитеатровъ, Горскій, Делицынъ, Карповъ, Сидонскій, Шимкевичъ; къ нимъ же присоединимъ и Надеждина. Изъ свѣтскихъ, кажется, одинъ Муравьевъ. Лица эти такъ извѣстны вамъ, читатель, что вы сами, конечно, легко вспомните объемъ и характеръ ихъ дѣятельности; припомните же хорошенько, загляните въ «Обзоръ Русской духовной литературы (1720—1858 г.)» нашего автора,—и вы убѣдитесь въ относительномъ однообразіи и скудости (не пугайтесь этого слова), скудости духовной литературы въ то время, при столькихъ высоко-даровитыхъ дѣятеляхъ. Изъ «Обзора» вы видите, что наличная духовная дѣятельность, въ сороковые годы и нѣсколько далѣе, преимущественно отличалась религіозно-нравственнымъ и проповѣдническимъ характеромъ. Если и были сочиненія другаго содержанія, то ихъ сравнительно было немного. Въ свѣтскую литературу и публику едва ли проникалъ десятокъ именъ изъ всѣхъ названныхъ нами.... Является преосвященный Филаретъ. У него на первомъ планѣ стали Исторія Русской духовной литературы, Исторія Русской церкви—предметы такіе, которые болѣе прочихъ способны заинтересовать собою любопытное вниманіе общества. Онъ изъ первыхъ завелъ сношенія съ свѣтскими органами литературы или, по крайней мѣрѣ, съ учеными обществами. Онъ сталъ издавать труды свои и отдѣльно, и въ разныхъ изданіяхъ, преимущественно свѣтскихъ. Естественное дѣло, что всѣмъ этимъ онъ быстро расширилъ кругъ своей извѣстности. Съ перваго же шагу его къ литературѣ, о немъ шумно заговорили. Московское Общество исторіи и Древностей поспѣшило избрать его въ свои дѣйствительные члены; журнальная критика возложила на него широкія надежды. Періоды его «Исторіи Русской церкви», въ которыхъ впервыя послышался разсказъ о временахъ сравнительно-недалекихъ отъ насъ и интересныхъ, встрѣчены были живымъ любопытствомъ, громкимъ одобреніемъ и привлекли къ нему вниманіе публики. Литературная извѣстность его скоро была упрочена твердо и незыблимо. Людей подобныхъ ему по учености, въ сороковые годы, было слишкомъ мало: у

нихъ былъ свой кругъ занятій, и въ разборы его сочиненій они не пускались; журнальная критика положительно не могла сравняться съ нимъ по широтѣ знаній и глубокомыслію взглядовъ; она большею частію привѣтствовала его почтительными отзывами; понятно, что остальная публика только съ безмолвнымъ уваженіемъ встрѣчала его труды. И преосвященный Филаретъ очень хорошо понималъ всю эту обстановку своей дѣятельности. Его, конечно, радовала мысль, что онъ своими учеными трудами занялъ себѣ мѣсто, недосягаемое для многихъ; но онъ и на этомъ мѣстѣ не позволилъ себѣ успокоиться. Почти вслѣдъ за нимъ явился новый могучій дѣятель, также во всеоружіи и также разнообразный; второстепенными свѣтилами явились и другіе, несомнѣнно-даровитые и трудолюбивые; историческое, осмысленное изученіе состоянія церкви и духовенства сдѣлалось предметомъ немалаго числа ученыхъ, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ. Эти успѣхи, безъ всякаго сомнѣнія, радовали нашего автора, но еще болѣе побуждали его къ новой дѣятельности. Словно избѣгая малѣйшаго соперничества и какъ бы стремясь оставить всѣхъ далеко за собою, онъ неутомимо и еще съ большею энергіею прилагалъ труды къ трудамъ. Окрыленный успѣхомъ, историкъ Русской церкви скоро сдѣлался энциклопедистомъ въ духовной области, но въ этомъ энциклопедизмѣ видна была и серьезная подготовка. Раскройте любое капитальное сочиненіе Филарета 50-хъ и 60-хъ годовъ,—и васъ сейчасъ же поразитъ неоглядное обиліе въ немъ ссылокъ и цитатъ; въ нихъ пестрѣютъ названія многихъ сотенъ изслѣдованій, памятниковъ, изданій, рукописей.... Съ великимъ изумленіемъ глядишь на эту громадную начитанность и думаешь: «Господи, да когда онъ успѣлъ прочитать все это; какъ могъ удержать въ памяти и кстати примѣнить къ дѣлу всю эту массу свѣдѣній?» Притомъ, не смотря на все обиліе цитатъ и ссылокъ, мы положительно утверждаемъ, что и тѣ и другія дѣлаемы имъ были еще довольно скупо, часто отличались крайней сжатостью (и къ сожалѣнію—иногда неопредѣленностью и невѣрностію). Соображая все это, я готовъ думать, что онъ писалъ свои книги, приводилъ цитаты, ставилъ ссылки наизусть, приблизительно, лишь бы не останавливалось дѣло».

«Вся жизнь его была посвящена чтенію и труду. Обществу, публикѣ онъ отдавалъ себя только по крайней необходимости. Время между рукъ у него не уходило. Науколюбивый духъ его не позволялъ ему ни минуты бездѣйствія. Люди, близко къ нему стоявшіе, говорили намъ, что онъ и работалъ, и отдыхалъ, и ѣлъ, и пилъ вѣчно съ книгою въ рукахъ и что въ туже минуту онъ дѣлалъ нужныя ему замѣтки и извлеченія. «Надо удивляться, говоритъ одинъ близко знав-

шій покойнаго преосвященнаго, надо удивляться его неутомимой дѣятельности. Онъ не ложился иначе спать какъ при двухъ горящихъ свѣчахъ. Ночью онъ часто пробуждался, бралъ свѣчу, шелъ въ библіотеку, доставалъ книгу или рукопись и садился работать. Такихъ занятій, какъ видно, онъ не отлагалъ на утро; даже и во время сна его занимала какая-либо умственная задача». Этимъ отчасти объясняется изумительно-быстрая производительность этого многоталантливаго трудолюбца. Говоримъ «отчасти», потому что не можемъ же не признать въ немъ другой, внутренней силы—яркаго энергическаго желанія за все взяться, во всемъ явиться если не первоначинателемъ, то успѣть больше прочихъ, во всемъ оставить по себѣ широкій слѣдъ, добрую память. Съ теченіемъ времени, у него не было уже спеціальной задачи, опредѣленнаго вопроса, рѣшеніе котораго заняло бы его исключительно; дѣйствовать на сценѣ обширной стало его завѣтною думой. Его не смущали ни огромные размѣры поприща, ни разнообразіе предметовъ, ни недостатокъ многихъ необходимыхъ данныхъ и источниковъ. Нисколько не задумываясь передъ трудностями, онъ отважно погружался въ начатое дѣло, быстро освоивался съ его фактической обстановкой и въ увлеченіи спѣшилъ извлекать изъ него сжатые, рѣшительные выводы. Послѣ этого неудивительно, что, при его огромной начитанности, при быстрой его работѣ, разнороднѣйшія книги и статьи являлись одна за другою на свѣтъ Божій. Разнообразіе это наиболѣе замѣтно въ послѣднія десять лѣтъ его жизни, когда уже, казалось бы, можно было человѣку почувствовать утомленіе. Онъ его не зналъ вовсе. Немощи тѣлесныя нисколько не осиливали его духа. Переѣзды съ епархіи на епархію были для него новымъ толчкомъ къ новой дѣятельности. На новомъ мѣстѣ онъ словно чуялъ въ себѣ новыя силы. Немедленно оглядывалъ онъ поле для своихъ литературныхъ работъ, быстро усматривалъ невоздѣланные углы и тотчасъ рѣшалъ, что̀ ему нужно дѣлать, за что̀ прежде всего взяться. Понятно, что такихъ пробѣловъ открывалось довольно, и онъ брался за все разомъ. Съ 1860 годовъ замѣчаемъ въ немъ особенно усиленное вниманіе къ крупнымъ явленіямъ жизни и движенію современной мысли, и тутъ онъ спѣшилъ сказать свое отрывистое, смѣлое слово. Глядя на эту кипучую, на все бросающуюся дѣятельность, готовъ думать, что ему во всемъ хотѣлось дѣйствовать одному; а между тѣмъ и обстоятельства приводили его къ этому. Онъ не только опредѣлялъ для себя кругъ занятій, но указывалъ и другимъ на то дѣло, для котораго, по его мнѣнію, настало время. Онъ заботился, чтобы извѣстный трудъ былъ совершенъ какъ можно успѣшнѣе и для этого указывалъ, какъ раздробить работу, гдѣ соединить силы. Но видя, что совѣты его при-

нимаются равнодушно, видя, что жатвы много, а дѣлателей мало, и что одни изъ нихъ занимаются ученою роскошью, другіе погрузились въ епархіальное управленіе, третьи просто-на-просто облѣнились, а дѣло остается нетронутымъ, и наконецъ, сознавая, можетъ быть, про себя, что почти всѣ дѣятели много уступаютъ ему и въ свѣдѣніяхъ, и въ дарованіяхъ, и въ любви къ труду, онъ смѣло бралъ на себя ту работу, для исполненія которой нужны были усиленные труды десятка лицъ. При этомъ невольно вспоминается одно крупное обстоятельство, подтверждающее наше послѣднее предположеніе. Именно, при своей стремительной и гибкой натурѣ, онъ довѣрялся исключительно своему огромному запасу силъ и не всегда оказывалъ должное вниманіе къ чужому голосу, чужимъ однороднымъ изслѣдованіямъ (особенно разборамъ его сочиненій), а почти всегда самъ, своимъ трудомъ, и составлялъ, и переработывалъ, и дополнялъ свои произведенія.... Такимъ образомъ, два самыя дорогія сокровища ученаго—время и трудъ не всегда у него сберегались какъ должно бы. Въ послѣдніе годы его жизни, физическія силы его ослабѣли до того, что онъ не могъ писать сидя; но онъ не остановился передъ этимъ: онъ началъ писать лежа, дрожащею рукою.... Вслѣдствіе этого ослабленія тѣла, вслѣдствіе этихъ смѣлыхъ надеждъ на свои свѣдѣнія и вслѣдствіе спѣшной работы, въ трудахъ его появлялось нѣсколько упущеній и неточностей, и любому кропотливому изыскателю можно было уловить эти промахи. Но за то едва ли кому можно было сравниться съ нимъ въ способности опускаться въ глубину дѣла—кратко и рѣзко обозначить сущность предмета, ярко и мѣтко опредѣлить значеніе писателя. Свѣжестью вѣяло, правдою било отъ иныхъ его изслѣдованій, точнѣе отъ многихъ и многихъ страницъ. Въ этомъ случаѣ, самый языкъ его, обыкновенно сухой и неясный, получалъ неотразимую силу, жизненность и счастливую своеобразность. Гибкая находчивость его способна была уловить тончайшіе оттѣнки выраженія, чтобы ярче выставить на видъ особенности предмета или лица. Въ своихъ приговорахъ онъ не любилъ тратить словъ и всегда выражался отрывисто и сильно, смѣло и увѣренно. Трудно было на первыхъ порахъ примириться съ этимъ свойствомъ его приговоровъ, тѣмъ болѣе, что они часто не подкрѣплялись доказательствами, выписками, и произносились голословно; но критическая сила автора и его начитанность заставляли потомъ вѣрить такимъ его сжатымъ приговорамъ, хотя они и напоминаютъ собою резолюціи. Дѣйствительно, онъ всегда велъ свою рѣчь, какъ власть имѣющій. Нельзя однако не вспомнить, что приговоры его иногда отзывались неумолимою суровостью, а въ судѣ о дѣятеляхъ древняго періода—нерѣдко и неточностію. Здѣсь видимъ, что

онъ судитъ иногда по первому впечатлѣнію, самоувѣренно уклоняясь отъ болѣе внимательныхъ изысканій. Въ этомъ случаѣ взгляды и выводы его нуждаются по временамъ въ пересмотрѣ и повѣркѣ».

«Въ литературѣ нашей, всякій разъ, чуть только заходила рѣчь о преосв. Филаретѣ, можно было встрѣтить довольно любопытное признаніе, что труды его все еще остаются не вполнѣ оцѣнены нашею духовною критикою. Отсутствіе-ли преданій, страхъ-ли оскорбить достоинство святителя, или что другое удерживали критику нашу отъ такого шага, какъ бы онъ ни былъ честенъ и серіозенъ. И вполнѣ справедливо замѣтилъ въ 1862 году «Духовный Вѣстникъ», что критика въ духовной журналистикѣ еще такое молодое дитя, которое, Богъ знаетъ, когда выростетъ. «Духовный Вѣстникъ» первый повелъ открытую, смѣлую рѣчь о сочиненіяхъ преосв. Филарета, рѣчь, основанную на трудолюбивомъ изученіи ихъ. И что же? На эту критику многіе и очень многіе взглянули съ изумленіемъ, дивясь ея смѣлости и выдумывая закулисные намеки; а дѣльности ея отдали справедливость очень немногіе. Оставимъ въ сторонѣ (какъ недостойную сплетню) затаенныя догадки, почему явилась подобная критика въ Харьковскомъ журналѣ; обратимъ вниманіе только на то, что̀ было высказано по поводу содержанія этой критики. Въ какой степени показалась нова и смѣла ея попытка, можно видѣть изъ того, что даже ученая редакція «Православнаго Обозрѣнія» поспѣшила довести до общаго свѣдѣнія, что критика «Духовнаго Вѣстника», на преосв. Филарета напоминаетъ отвагу моськи противъ слона. Въ публикѣ, сколько мы знаемъ, нашлось немного голосовъ за эти статьи; а большинство ея, знакомое по слуху съ трудами преосвящ. Филарета, было озадачено отчасти смѣлостью тона критики, отчасти слишкомъ невысокимъ мнѣніемъ ея о достоинствѣ трудовъ давно и громко извѣстнаго автора. Самого преосвящ. Филарета сильно задѣли эти статьи: много разъ, и въ своихъ предисловіяхъ, и въ своихъ сочиненіяхъ, онъ скорбно жалуется на рѣзкость и односторонность приговоровъ о его произведеніяхъ и, не любя оставаться въ долгу, направляетъ въ лица, допустившія подобные приговоры, свои тяжелые, раздраженные укоры и насмѣшки. Мы охотно соглашаемся, что духъ придирчивости и осмѣянія дѣйствительно сказывается въ статьяхъ «Духовнаго Вѣстника» о книгахъ преосв. Филарета; но эти свойства можно было съ избыткомъ найти, напримѣръ хоть въ «Черниговъ. Епарх. Извѣстіяхъ», гдѣ извѣстныхъ литераторовъ ставили въ ряды дураковъ и, какъ мы уже видѣли въ «Православномъ Обозрѣніи», гдѣ обзывали честныхъ тружениковъ «моськами». Значитъ, нечего сваливать вину за это печальное настроеніе рѣчи на одинъ «Духовный Вѣстникъ»... Время это прошло, и теперь,

судя спокойно, говоримъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, что критика «Духовнаго Вѣстника», по своему содержанію, права̀ во многомъ: пробѣлы, разнородные промахи въ сочиненіяхъ преосвящ. Филарета были указаны въ ней съ такою убѣдительностію, что самъ преосвящ. Филаретъ поспѣшилъ признать нѣкоторые изъ нихъ и отчасти воспользовался трудами критики. Но преобладающій *тонъ* этой критики, ея *изложеніе,* далеко нечуждые прицѣпокъ и придирокъ, могли бы быть въ самомъ дѣлѣ значительно смягчены».

«Итакъ, громадныя дарованія, вооруженныя глубокою ученостью, всегдашній трудъ, проникнутый увлеченіемъ, вѣчно-производительное чтеніе, кипучая жажда научной дѣятельности, стремительная отвага во все проникнуть, лаконическая сжатость выводовъ, неослабное вниманіе ко многимъ движеніямъ современной мысли и (кто упрекнетъ его за это?) жажда пріобрѣсти себѣ имя доброе, вотъ что произвело то обиліе работъ, которое такъ изумляетъ насъ. Но вслѣдствіе научныхъ обстоятельствъ времени, вслѣдствіе жизненной обстановки его, вслѣдствіе разнородной массы работъ и спѣшнаго характера дѣятельности, во многихъ сочиненіяхъ его, при необыкновенной широтѣ и раскидостости ихъ поля, не видишь строго обдуманнаго плана, не встрѣчаешь полнаго рѣшенія задачи, сообразно современнымъ требованіямъ науки; такъ что почти всѣ сочиненія его представляютъ собою по преимуществу *матеріалы*, счастливо собранные и удачно сгруппированные. И въ этомъ отношеніи, значеніе его чрезвычайно велико: во многихъ областяхъ духовной науки, безъ книгъ его нельзя и шагу ступить. Труды его, какъ богатѣйшая организованная масса матеріаловъ, какъ пособіе для дальнѣйшаго дѣланія, составляютъ обильный, драгоцѣнный и незамѣнимый вкладъ въ сокровищницу духовной литературы».

«Такимъ же по преимуществу сборникомъ полезныхъ матеріаловъ являются и «Черниговскія Епархіальныя Извѣстія», которыя онъ создалъ, въ которыхъ онъ принималъ непрерывное, самое широкое участіе въ теченіи пяти лѣтъ и своими трудами доставилъ имъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду подобныхъ изданій. Ими, впрочемъ, не столько дорожила масса публики, сколько ученый труженикъ; да и тотъ, взглянувъ на содержаніе иного нумера, думалъ про себя: «А, хорошо! Вотъ будетъ случай, обращусь за справкой».

«Если въ свѣтской литературѣ дорожатъ всякой мелкой рецензіей даровитаго критика, до того даже, что перепечатываютъ ее въ собраніи сочиненій его; то, уже по одному закону справедливости, подобная доля должна постигнуть и критическія замѣтки такого автора, какъ преосвящ. Филаретъ. Но нами руководитъ здѣсь не авторитетъ

его имени, а сущность самыхъ статей его: оцѣнить достоинства книги, указать ея слабыя стороны, произнести мѣткое заключеніе и выразиться языкомъ живымъ, сжатымъ и бойкимъ, во всемъ этомъ преосв. Филаретъ являлся истиннымъ мастеромъ. Всякій, кто хочетъ получить о разобранныхъ имъ книгахъ яркое и точное понятіе, необходимо долженъ прочесть его отзывы».

«Наконецъ, нечего, разумѣется, и говорить о томъ, что литературные труды его и вся его дѣятельность всегда были проникнуты у него ревностію о чистотѣ православія. Достаточно вспомнить, какъ оберегалъ онъ школы отъ незванныхъ педагоговъ, какъ зорко слѣдилъ за книгами, изданными для народа *). Какъ энергически возстаетъ онъ въ своей догматикѣ противъ дерзающихъ колебать святость вѣры!... Люди, близко знавшіе его, передадутъ, конечно, много трогательныхъ фактовъ о томъ, какъ радовался владыка всякому проявленію добра и уваженія къ тѣмъ началамъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась жизнь наша».

*

Прежде, чѣмъ остановиться на догадкахъ и заключеніяхъ объ извѣстныхъ проявленіяхъ въ дѣятельности Филарета, мы постараемся нѣсколькими штрихами обрисовать его характеръ и склонности. Мы воспользуемся, какъ весьма цѣннымъ для того матеріаломъ, письмами его къ другу его Горскому, изданными почтеннымъ протоіереемъ С. К. Смирновымъ.

Прежде всего Филаретъ привлекаетъ къ себѣ своею беззавѣтною любовью къ правдѣ, для которой онъ готовъ былъ жертвовать всѣми невзгодами жизни. Жалуясь, напримѣръ, на комитетъ, гдѣ задерживали его рукописи, онъ писалъ, что будетъ писать о дѣлѣ митрополиту Антонію, «и объясню ему дѣло по христіанскому расположенію, и не съ тѣмъ, чтобы враждовать съ людьми; впрочемъ не скрою и правды, хотя и горькой для нѣкоторыхъ. О Господѣ увѣренъ, что митрополитъ не оставитъ дѣла безъ вниманія и защиты. Итакъ съ своей стороны я не желалъ бы избѣгать косыхъ взглядовъ людей нѣкоторыхъ и останавливать дѣла. Истина не боится свѣта. «Начальство поддерживаетъ книгу». Дай Богъ счастія начальству! Я не желалъ и не желаю быть въ тягость начальству, а желалъ и желаю не быть лѣнивымъ рабомъ предъ церковію Господа моего, говорить и дѣлать

*) См. отношеніе его къ г-ну оберъ-прокурору Св. Синода о книгѣ „Бояринъ Матвѣевъ“. М. 1864 г.

желаю то, что̀ по совѣсти считаю полезнымъ. Боже мой, мы думаемъ поддержать истину Твою гнилыми клѣтками подмостковъ Римскихъ! Въ стыдѣ останемся. Быть можетъ, и я въ числѣ такихъ же дѣлателей безумія? Но, Господи, просвѣти меня грѣшнаго». «Одесскій Иннокентій былъ въ Харьковѣ, но не засталъ меня», писалъ Филаретъ графу Толстому, «потому что я былъ въ крестномъ ходу съ чудотворною Ахтырскою иконою Божіей Матери. И это къ лучшему. Пріятно-ли встрѣчаться съ людьми, которые не любятъ правды?» — «Недавно былъ здѣсь Сербиновичъ *). Безъ сомнѣнія вы, другъ мой, при всей вашей скромности, или осердились бы, или расхохотались бы, еслибы услышали, что катехизисъ митрополита поручаютъ замѣнить сочиненіемъ другимъ, кому? Мнѣ! Не правда-ли, что это или досадно, или смѣшно. А это было. По какой причинѣ? «Катихизисъ митрополита—лютеранскій катихизисъ», точныя слова Сербиновича. Эти люди истинно почти помѣшаны. Нужно-ли говорить, что на продолжительное разсужденіе объ одной и той же темѣ отвѣтомъ служило глубокое молчаніе. Или нѣтъ, къ сожалѣнію, не выдержалъ обѣта молчанія, сказалъ нѣсколько словъ не по ихъ вкусу. Но моя уже такая судьба: меня давно внесли въ списокъ упорныхъ лютеранъ. Не сѣтую на то, хотя и не радуюсь. Молю Господа, чтобы принялъ душу мою съ вѣрою, которою доселѣ жилъ, воспитанный молитвами угодника Его, преподобнаго Сергія».

Очень льстиво и очень лестно было такое предложеніе для молодаго ученаго, но въ подобныхъ случаяхъ его не колебали земныя выгоды.

«Другъ мой! Тебѣ хотѣлось узнать правду, и ты допустилъ до души безпокойство. Въ такомъ случаѣ надобно много имѣть вниманія къ своей душѣ, чтобы не позволять ей приходить въ тревогу, не давать ей покуситься на какую-либо несправедливость. Слѣдуетъ говорить въ пользу неправой стороны, но душею оставаться на сторонѣ правой; беречься того, чтобы оскорбляться чѣмъ-либо въ тѣхъ, съ кѣмъ на этотъ разъ имѣешь дѣло. Трудно въ дракѣ соблюсти равнодушіе и правду, но надобно соблюдать; тогда только можемъ съ спокойною совѣстью оставлять мѣсто брани и спора, когда внутренно не отступили ни въ чемъ-нибудь отъ правды. Слова—не важное дѣло. Они только развѣ въ такомъ случаѣ должны обратить на себя вниманіе, когда, не возмущая меня, возмущаютъ сосѣда. А душа? Душа должна быть охраняема».

*) Состоявшій при оберъ-прокурорѣ Св. Синода.

«Лѣта приближаются, лѣта приближаютъ къ гробу; а душа не лучше, не смотря на приближеніе грознаго отчета. Опытность научаетъ многому для житейскаго обихода, а для душевнаго спасенія и она не прибавляетъ ничего. Человѣкъ бывалъ грѣшникомъ, грѣшникъ и теперь. Страсти владѣютъ всѣмъ по прежнему. Однѣ засыпаютъ, другія пробуждаются; однѣ слабѣютъ, другія становятся сильнѣе. Что это за страшная сцена—человѣкъ? Не отвергни меня, Господи, во время старости моей, когда оскудѣвать будетъ крѣпость моя. Силы тѣлесныя вѣтшаютъ, а что̀ пріобрѣтено для вѣчности?»

«Работаемъ, трудимся; а не видно, не ощутительно, сколько изъ того плода для вѣчной блаженной жизни».—«Понемногу, но будемъ идти впередъ по пути спасенія; многаго гдѣ ожидать намъ отъ себя? Но будемъ побуждать себя къ немногому. Нынѣ и завтра будемъ говорить себѣ: надобно явиться на судъ, надобно давать отчетъ въ жизни, надобно отвѣчать за все, даже за слово праздное, даже за мысль блуждающую».

Это смиреніе и строгое блюденіе за собою пріучили Филарета не только благодушно выслушивать дѣлаемыя ему замѣчанія, но понуждали его постоянно просить людей близкихъ ему и которымъ близокъ былъ онъ, какъ, напримѣръ, митрополита Филарета и Горскаго, указывать ему на его недостатки. «Отъ владыки получилъ я нагонку», писалъ онъ изъ Харькова, «да и по дѣламъ. Спасетъ его Господь за любовь». «Благодарю, искренно благодарю тебя, другъ мой, за дружеское письмо твое. Въ горькой земной жизни (писано изъ Риги), которая и для всѣхъ горька, но отъ того не легче тому, кому больше она горька, чѣмъ другимъ, въ горькой земной жизни любовь друга—даръ Божій, за который надобно благодарить Господа. Такъ и я благодарю Господа за дружескую любовь твою, которая даритъ меня утѣшеніями». Въ чемъ же эти утѣшенія? Горскій сдѣлалъ ему замѣчанія и вѣроятно довольно жестко, такъ что самъ поспѣшилъ поправиться, извиняясь, что вѣроятно прошедшее письмо было ему непріятно. Но Филаретъ кротко отвѣчаетъ: «Не знаю, отъ чего показалось тебѣ, будто прежнее письмо твое могло сколько-нибудь быть непріятнымъ мнѣ. Всѣ письма твои читалъ и читаю съ сердечнымъ удовольствіемъ. Еслибы и встрѣчалась въ нихъ горькая для меня правда: знаю, что пишетъ другъ мой, который желаетъ мнѣ одного добра. Но это и не нужно объяснять».

Когда Горскій огорченъ былъ какимъ-то замѣчаніемъ митрополита, Филаретъ писалъ ему въ успокоеніе: «По опыту убѣжденъ, что слова владыки весьма благотворны. Надобно дорожить ими. Такихъ словъ, какія онъ говоритъ, отъ другаго нельзя услыхать. Это такая правда святая

что въ ней не сомнѣваюсь, какъ въ томъ, что предо мной горитъ теперь свѣча. Нужды нѣтъ, что слова его бываютъ черствы; но они всегда полезны».

Съ теченіемъ времени, съ годами стала ослабѣвать забота Горскаго о своемъ другѣ, а, быть можетъ, и неумѣстнымъ уже считалъ онъ дѣлать нравоученія шестидесятилѣтнему архіепископу. Но Филаретъ, боясь ослабнуть въ надзорѣ за собою, съ любовію и смиреніемъ отвѣчаетъ просьбою на суровый отказъ своего друга. «Ты предлагаешь мнѣ избрать вмѣсто тебя кого-либо, кто бы сталъ говорить мнѣ о всемъ? Нѣтъ, если отказываешься отъ меня ты, который такъ много знаешь меня, кому придетъ желаніе быть вмѣсто тебя около меня? Всего же прежде надобно сказать, что у меня не лежитъ душа къ кому-либо другому. Что же дѣлать съ своей душею? Надобно ломать себя? Но и тогда едва ли выйдетъ что-либо въ пользу для меня и для дѣлъ. Если другіе не расположены такъ, какъ бы мнѣ для души моей хотѣлось, къ чему близость къ нимъ? Нѣтъ, другъ мой, для Господа не оставляй ты меня. Говори о нужномъ и полезномъ. При помощи Божіей буду отвѣчать на слова души словами души, а не одного языка. Господь не оставитъ тебя за твои добрыя желанія; и если отъ худобы моей тебѣ бываетъ иногда больно, Онъ утѣшитъ тебя, а ты прости меня. Я буду стараться, чтобы не быть худобою моею тебѣ въ тягость и въ скорбь. Господь не безъ милости и къ грѣшнику. Онъ подаетъ крѣпость не увлекаться движеніемъ оскорбленнаго самолюбія, оскорбленной гордости и всей подобной дряни. Отъ души и для Господа прошу тебя, не бросай негоднаго Филарета».

Любовь къ правдѣ заставляла Филарета отворачиваться отъ лести, клеветы и нестерпимаго для него наушничества. «Искренно скажу тебѣ и о томъ, что, право, не имѣю желанія и не дозволяю себѣ принимать слухи со стороны. Всякому дѣлу есть свое мѣсто. Каждому чувству есть правило. Каждому знакомству есть свой кругъ. Зачѣмъ мнѣ мѣшать дѣла, неподходящія одно къ другому? Повторяю, что не только не люблю, но ненавижу людей и тѣхъ, которые по видамъ своимъ домогаются низкими поступками (каковы сплетни) что-либо выиграть для себя, такъ и тѣхъ, которые приближаютъ къ себѣ подобныхъ людей. Не скрою и того, что подъ послѣдними разумѣю одного извѣстнаго тебѣ и мнѣ. Кажется, передъ судомъ Божіимъ могу сказать неукоризненно, что не принималъ къ себѣ наушниковъ. По моему, они низки во всякомъ случаѣ. Ужели чья-либо совѣсть дозволитъ считать подобныхъ людей доброжелателями? Не вѣрю. Китайская пословица говоритъ умно: правду или неправду говоритъ низкій человѣкъ, не слушай его».

Мы указали на отзывъ о Филаретѣ архіепископа I. И дѣйствительно Филаретъ имѣлъ младенческую душу и желалъ, чтобъ она соблюдена была и его другомъ, которому писалъ: »Вы упомянули: многое нынѣ мнѣ не такъ кажется, и то, что̀ прежде поражало душу, теперь не сильно дѣйствуетъ на нее». Не знаю, какіе предметы имѣете вы при семъ въ виду. Но если и вообще говорить о перемѣнѣ, какая бываетъ въ душѣ при переходѣ изъ одного возраста въ другой, не надобно опускать изъ виду, что дѣтское чувство—чувство прекрасное. Дѣтская душа такъ близка къ тому состоянію, въ какомъ душа вышла изъ рукъ Творца природы какъ не близка другая, по крайней мѣрѣ по отношенію къ невинности и чистотѣ чувствъ. Душа дѣтская такъ близка къ Богу и ко всему святому, какъ не бываетъ близка душа мужа, развлеченнаго разнообразіемъ и множествомъ предметовъ. Душа дѣтская довольно близко идетъ къ мысли о единомъ на потребу; разсудительность мужа всего болѣе разсуждаетъ о нуждахъ и неудобствахъ земной жизни. Пылкость юности всего болѣе развлекается и увлекается воображеніемъ, наполневаемая красными міра и поджигаемая пыломъ страстей. Потому надобно даже съ понужденіемъ обращать душу къ положенію дѣтства. Надобно имѣть даже недовѣрчивость къ разсудительности зрѣлаго возраста, созрѣвающаго для земли, незамѣтно для разсудительности, не только для воображенія. Всѣ умремъ, и все пройдетъ. Земная разсудительность полезна для земли. Но съ чѣмъ же явимся въ ту жизнь? Бѣда, если будемъ обмануты холодною разсчетливостію, незамѣтно для насъ разсчитывающею только на спокойствіе земное. Самолюбіе, такъ мало видное въ первыхъ лѣтахъ нашихъ, какъ сильно и какъ умно располагаетъ нами въ зрѣлыхъ возрастахъ; но оно же и готовитъ безотрадную вѣчность».

Опасаясь, чтобы слова его не показались укоризною его другу и не смутили его, онъ спѣшитъ добавить: «Простите меня, Господа ради, что пишу то, что̀ попадется на душу, безъ осмотрительности. Худое, ненужное отбросьте, хорошее употребите въ дѣло и тѣмъ окажите мнѣ благодѣяніе, мнѣ бѣдному и нищему душею. Радъ бы я посмотрѣть на милаго Александра Васильевича, котораго такъ давно не видалъ; очень былъ бы радъ. Да вотъ уже скоро два года какъ не вижу васъ. Посидѣлъ бы съ вами, поговорилъ бы съ глазу на глазъ. Заочная бесѣда какъ-то не все даетъ душѣ, что̀ даетъ личная. Провелъ бы часъ хвораго здоровья и облегчилъ бы тяготу души. Но да будетъ воля Господа!»

Труды свои Филаретъ не подогрѣвалъ тщеславіемъ, имѣя о нихъ самое скромное понятіе. Посылая Горскому статьи свои, онъ просилъ, по примѣру своего великаго наставника, митрополита, замѣчаній и,

можно сказать, съ жадностію на нихъ бросался. «Добрый другъ мой!» писалъ онъ изъ Петербурга. «Ты любишь меня по прежнему и по прежнему выполняешь докучливыя мои желанія. Спасетъ тебя Господь! Какъ томимый жаждою и голодомъ, напалъ я на твои замѣчанія и все принялъ къ сердцу и всѣмъ воспользовался. Такъ я здѣсь скуденъ, такъ нуждаюсь въ душевной пищѣ, или лучше въ пищѣ для ума».— «Недостатокъ мой, о которомъ говорятъ мнѣ и котораго доселѣ не могу исправить, хотя и желаю, состоитъ въ томъ, что иногда не договариваю кое-что или неясно говорю. Да, это бѣда моя!» Не указываетъ ли это вопервыхъ на быстрый полетъ мысли, за которою едва успѣвалъ онъ слѣдовать; а вовторыхъ на увлеченіе предметомъ, которое иногда можно было приравнять вдохновенію? Такимъ образомъ, этотъ недостатокъ свидѣтельствуетъ только о богатствѣ мысли и обиліи матеріаловъ для ея работы.

Напечатавъ статью о Максимѣ Грекѣ (въ Ноябрьской книжкѣ «Москвитянина» 1842 г.) онъ, по прочтеніи ея въ печати, самъ произнесъ надъ нею суровый приговоръ. А прочитавъ статью Горскаго о Кириллѣ и Меѳодіѣ, написалъ ему: «Основательное и осмотрительное изслѣдованіе; мнѣ никогда не написать такой статьи. Это чувствую вполнѣ. Каждая часть осмотрѣна съ разныхъ сторонъ, и для каждой мысли цѣльной найдено нужное объясненіе или подтвержденіе. Особенно же важно то, что нѣтъ лишняго, такого, что̀ показывало бы только охоту говорить ученымъ образомъ и не прибавляло бы ничего для ученыхъ, какъ давно знающихъ подобныя вещи. Вотъ это послѣднее свойство для меня недоступно и не по силамъ, отъ того что мало самъ сознавалъ, а только собираю написанное другими. Что̀ дѣлать? Когда нѣтъ силъ, остается только сознаваться въ недостаткѣ ихъ. Бѣдность кругомъ меня; куда ни посмотрю на свой скарбъ—тряпье! Отчасти и досадую на себя; но такъ и быть. Дѣло кончено, путь миновался». Вотъ какъ скромно смотрѣлъ Филаретъ на свои ученые труды.

Мы не можемъ сказать, чтобъ Филаретъ пренебрегалъ замѣчаніями. Даже г-нъ Пономаревъ утверждаетъ, что онъ воспользовался нѣкоторыми замѣчаніями преосв. Макарія. Да можно указать и много подобныхъ примѣровъ. На счетъ цензурованія его «Исторіи Русской церкви» онъ писалъ Горскому: «Отцу протоіерею, пересматривавшему обѣ части «Исторіи», я очень благодаренъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ сдѣлалъ очень дѣльное замѣчаніе». «Очень доброе дѣло сдѣлали для меня, что напомнили о недостаткѣ «введенія». Я въ началѣ дѣла имѣлъ въ виду, по разсмотрѣніи частей дѣла, сдѣлать обзоръ общему; но потомъ забылъ и опустилъ совсѣмъ изъ виду за давностію».— «Душевно благодарю васъ, другъ мой, за душевное, дружеское уча-

стіе ваше въ пересмотрѣ рукописей Харьковской епархіи. Каждое слово, каждое замѣчаніе ваше и цензора принимаю съ благодарною любовію». «Да, жутко бывало выслушивать или читать приговоры трудамъ или замысламъ отъ великаго владыки нашего. За то, какъ это много принесло пользы! Нѣтъ, какъ ни многимъ хочется записать себя въ разрядъ великихъ талантовъ или геніевъ, но доселѣ только одинъ есть въ Россіи и великій богословъ, и великій критикъ, и великій философъ. Не скоро дождется Россія подобнаго человѣка. Да, есть у меня письма владыки нашего. Есть и письма другаго, именующагося знаменитымъ ораторомъ *). Очень много слушалъ я разговоры владыки нашего. Слушалъ недавно и разговоры имянующагося знаменитымъ. Какъ послѣдній далеко ниже стоитъ перваго! Такъ далеко, такъ далеко, что стоя около послѣдняго не видать перваго. А къ сожалѣнію видна охота у послѣдняго критиковать перваго. Къ чему бы, казалось, эти затѣи? Какъ не понять, что это не возвышаетъ, а унижаетъ его самого? Но таково самолюбіе наше! Извините, удалился отъ предмета, впрочемъ, не безъ пользы для предмета. Это показываетъ тоже самое, чтò нужно мнѣ показать, т.-е. вы, мои милые, выученные подъ ферулою великаго критика, филолога, историка, философа, богослова, вы именно должны не оставлять безъ употребленія данныхъ вамъ теперь способовъ—знакомить съ памятниками древности, которыхъ съ такою жаждою ждутъ теперь всѣ». «Первое извѣстіе твое до крайности изумило меня. Меня обвиняютъ, будто я не отвѣчалъ на письмо владыки объ «Исторіи». Изъ этого составляютъ заключенія. Помню, очень помню и безъ справокъ, что мною написано было въ отвѣтъ на письмо владыки въ самый день и даже въ самый часъ полученія письма его. Но я справлялся въ оправданіе памяти съ почтовою книжкою, и оказалось, что письмо отдано на почту 7-го Февраля сего года (1851). Теперь вопросъ: какъ случилось, что письмо не получено владыкою? Истинно не понимаю. Немедленно написалъ я и вчера же отправилъ на почту новое письмо къ владыкѣ, гдѣ объяснилъ постоянныя расположенія мои къ нему и то, какъ принялъ замѣчанія его на «Исторію». Однако извѣстіе ваше не перестаетъ безпокоить меня странностію дѣла. Непріятно, что независимо отъ воли моей письмо не получено и тѣмъ наведено безпокойство душѣ великаго святителя. Письмо его не было мнѣ непріятно, хотя содержаніе замѣчаній, конечно, неблагопріятствуетъ дѣлу «Исторіи». Но еслибы и во сто разъ оно было непріятнѣе, и тогда у меня есть еще настолько смысла и совѣсти, чтобы понять и оцѣнить расположенія владыки. У меня даже возникаютъ со-

*) Иннокентія.

мнѣнія: не содержаніемъ ли полученнаго письма не совсѣмъ доволенъ владыка? Я въ немъ съ жаромъ сыновней любви благодарилъ его за наставленія. А онъ, быть можетъ, ожидалъ, чтобы я вошелъ въ какое-либо разсмотрѣніе замѣчаній его?» —«Возвращаюсь къ замѣчаніямъ и отзыву: они написаны въ такомъ умѣренномъ тонѣ, съ такою снисходительностію, какихъ прежде не случалось мнѣ ни разу видѣть ни въ письмахъ, ни въ оффиціальныхъ отвѣтахъ его. Правда, есть нѣсколько замѣтокъ, которыя могли бы быть и не выставлены, то по ихъ неважности, а то и по оказывающейся исторической неточности; но это противъ прежнихъ его опытовъ критики уже малость, едва замѣтная. Ни въ первомъ, ни во второмъ письмѣ ни слова не сказалъ о содержаніи замѣчаній. Къ чему это? Дѣлу своему тѣмъ не помогу, а между тѣмъ могу обезпокоить душу святителя».

Препровождая иныя статьи свои г. Горскому для передачи въ цензуру, Филаретъ нерѣдко представлялъ ему что̀ признаетъ нужнымъ выбросить, перемарать, отстраняя всякое авторское самолюбіе. И нетолько предоставлялъ ему, но и цензурѣ. «Да, вы спрашиваете отъ имени другихъ, соглашусь ли я, чтобы сдѣланы были перемѣны въ статьѣ о пророчествахъ Исаіи? Пусть дѣлаютъ! Не спорю за свое, не спорю и противъ рѣшимостей чужихъ. Другъ мой, надобно мнѣ помнить, что каждый отвѣчаетъ за свое. Пусть что и какъ хотятъ перемѣняютъ!»

Очевидно, что здѣсь разумѣется отвѣтственность не передъ читающими, для которыхъ ошибки цензуры прикрывались именемъ автора; отвѣтственность, разумѣлась передъ Богомъ, передъ собственною совѣстію. Филаретъ посылалъ сочиненія свои къ Горскому неспорно для провѣрки, чтобъ не было допущено ошибки, погрѣшности противъ чистоты ученія, что̀ легче замѣтить со стороны. Осмотрительность его въ подобномъ случаѣ доходила до того, что когда писалъ онъ «Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа» то выслушалъ лекцію анатоміи знаменитаго профессора и хирурга Харьковскаго университета, Нароновича, чтобъ не погрѣшить въ объясненіи страданій Господа на крестѣ. Также точно всѣ свои статьи присылалъ ему и Горскій. Это дѣлаетъ понятною единственную цѣль этихъ тружениковъ—служить церкви. «Какъ идутъ занятія ваши по переводу Новаго Завѣта?» спрашиваетъ Филаретъ Горскаго изъ Петербурга въ 1858 г., куда вызванъ былъ на чреду въ Синодъ. «Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ скорой присылки трудовъ вашихъ. Ожиданіе общее. Надобно удовлетворить ему, чтобы хотя чѣмъ-нибудь утишить начавшія раздаваться жалобы противъ духовныхъ.... Боже мой, вступись за наслѣдіе Твое! Мы грѣшимъ, виноваты; но желали дѣлать въ Твоемъ

садѣ. Не попусти ругаться наглому невѣжеству и нечестію надъ Твоимъ достояніемъ».

Когда дѣло шло о святой церкви, Филаретъ дѣйствовалъ смѣло и открыто, не кладя на вѣсы свои земныя выгоды, и поучалъ дѣйствовать такъ и Горскаго, которому писалъ: «Будь же храбръ и честенъ въ защитѣ св. вѣры и церкви».

«Извѣстія ваши о результатахъ розысканій вашихъ о Славянскомъ переводѣ Библіи въ высшей степени интересны. Помогай вамъ Богъ въ святомъ трудѣ вашемъ! Такіе труды найдутъ награду на небѣ».

Можно ли же предполагать въ статьяхъ Филарета, направленныхъ противъ критики его сочиненій, широкій размахъ уязвленнаго самолюбія? Вотъ его взглядъ на такой предметъ, изложенный въ письмѣ его къ Горскому. «Вчера получилъ, вчера и нынѣ читалъ статью вашу объ училищахъ XVII столѣтія. Она прекрасна. Пишите, пишите побольше такихъ статей. Да, у васъ много готоваго, давно готоваго. Пожалуста, отдавайте печати. Зачѣмъ лежать добру безъ пользы? Такъ пріятно, такъ радостно мнѣ было читать вашу статью. Она такъ богата новыми свѣдѣніями. Почти чтó ни строка, то новость. Благодарю, благодарю душу твою. Господь да осѣнитъ ее Своею благодатію. Знаете ли что? Не отыщете ли чего-нибудь въ дополненіе? Вы сами говорите, что тамъ и здѣсь остается кое-что неяснымъ, неизвѣстнымъ. Дополненіе напечатайте какъ дополненіе. Было бы прекрасно. Повѣрьте—за каждую строку будутъ вамъ благодарны многіе, какъ и я грѣшный. Вы, какъ кажется, думаете, что то и другое извѣстно, то и другое уже знаютъ; зачѣмъ говорить объ извѣстномъ? Напрасно! Сколько людей у насъ съ познаніями? Сколько съ средствами такими, какія вы имѣете, или точнѣе, какія вы добыли любовію къ духовному просвѣщенію и дарованіями, данными вамъ отъ Господа? Немного. Обочтешься на трехъ. Пишите же, пишите, чтò знаете, не дозволяя щекотать себя самолюбію, мыслію объ извѣстномъ, о прошломъ. Самолюбіе, другъ мой, вездѣ беретъ съ насъ подать. Зачѣмъ же уступать грѣху? Лучше смиряться и смирять самолюбіе».

Прежде, чѣмъ сдѣлать заключеніе о рѣзкости отзывовъ Филарета, надо рѣшить, чего самъ онъ требовалъ отъ своего труда. «Вообще мнѣ хотѣлось бы, если Господу угодно, дѣло мое окончить такъ, чтобы по крайней мѣрѣ совѣсть моя была покойна и могла бы сказать о Господѣ: кажется ты дѣлалъ все, чтò было нужно. Если люди (чего и надѣюсь по настоящему ходу дѣла), если люди *) будутъ недовольны

*) Здѣсь говорится о Петербургской духовной цензурѣ.

трудомъ и отвергнутъ его: пусть они сами отдадутъ отчетъ Господу».

Не значитъ ли, что мы должны искать другую причину рѣзкости въ отвѣтахъ и замѣчаніяхъ Филарета, а не оскорбленное самолюбіе? Тутъ дѣйствовали съ одной стороны прирожденная пылкость Филарета и усиленная Рижскою жизнію раздражительность, въ чемъ каялся онъ самъ. Въ особенности, какъ не разъ мы имѣли случай замѣчать, эта раздражительность неудержимо обрушалась у него на самихъ виновниковъ этого раздраженія—Нѣмцевъ. Напримѣръ,по поводу его «Синодальнаго періода исторіи Русской церкви», нападали на него за рѣзкость въ изложеніи борьбы съ реформаціею. «Мнѣ писали, будто воюю я съ Нѣмцами, и это-то инымъ не по вкусу. Повѣрялъ и не разъ повѣрялъ написанное о Нѣмцахъ и по совѣсти не нахожу несправедливаго въ сказанномъ. Даже послѣдующія справки мои еще болѣе утвердили меня въ прежнемъ убѣжденіи относительно Лопатинскаго. Рѣзки выраженія? И этого не сознаю. Да, другъ мой, еслибы другому пришлось вытерпѣть тоже отъ Нѣмцевъ и также близко видѣть дѣла ихъ, какъ довелось мнѣ терпѣть и видѣть, не такъ бы заговорилъ онъ о Нѣмцахъ. Въ этомъ убѣжденъ по совѣсти. Нѣмцы въ книгахъ умные и тихіе люди; но пусть пожили бы съ ними въ Лифляндіи, да и на моемъ мѣстѣ. Нѣтъ, другъ мой, не осуждайте меня за рѣзкость. Душа моя грѣшная слишкомъ настрадалась,—въ ней все болитъ до самой малѣйшей фибры. Не думайте и того, что я не удерживалъ порывовъ души, когда доводилось говорить о нихъ. Лучше разберите и мое положеніе, и дѣла исторіи. Я старался говорить каждое слово по совѣсти, справляясь съ документами. Во время Елисаветы не такъ говорили и думали о Нѣмцахъ. Нынѣ иные добры стали къ Нѣмцамъ. Не дай Богъ никому изъ такихъ испытать на себѣ благодарность Нѣмцевъ. Она была бы слишкомъ черства *). Охъ эти универсальные люди! Взялъ бы метлу да и вымелъ ихъ изъ св. Руси, которая такъ тѣсна и дурна для нихъ. И зачѣмъ они не спѣшатъ переѣхать во Франкфуртъ на тамошній сеймъ? Вѣдь имъ тамъ и мѣсто. Знаете ли кто вице-президенты сейма? Два Жида. Кто основатели сейма? Булочникъ да адвокатъ. Честь и слава Нѣмцамъ! Какъ жаль, что Лифляндскіе негодяи отступились отъ рѣшимости своей вступить въ союзъ Франкфуртскій! Но что дѣлать? Всегда успѣваютъ обманывать, точь въ точь, какъ Жиды. Вся исторія ихъ—торговля кровью другихъ».

Мы не можемъ не подмѣтить здѣсь высокой черты Филарета: раздражительность его противъ Нѣмцевъ и укоры замѣчаются у него

*) Здѣсь, конечно, не имѣлись въ виду Австрійцы и Пруссаки.

только въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о козняхъ Нѣмцевъ противъ православной церкви, противъ нашего отечества и объ угнетенiи несчастнаго народа. Мы припомнимъ читателю, что Филаретъ переносилъ смиренно козни, лично противъ него направленныя, принимая ихъ, какъ заслуженное имъ наказанiе Божiе. Выражая эту мысль въ письмахъ своихъ къ Горскому, онъ нерѣдко добавлялъ: «да проститъ ихъ Господь!»

Въ своей рѣзкости самъ сознавался Филаретъ. «Другъ мой, и я грѣшный человѣкъ. Ты знаешь, какъ легко и сильно поражаютъ меня непрiятности. Правда, скорбь и тревоги жизни довольно истощили и жара и влаги; но перемѣняетъ человѣка только благодать; а грѣшный Филаретъ не лучшимъ, а худшимъ становится день ото дня».— «Благодарю тебя искреннею душею за благое вразумленiе. Вѣкъ живи, вѣкъ учись. И прежде я неисправенъ былъ въ отзывахъ о другихъ; а тѣсное положенiе мое, какъ кажется мнѣ, увеличило мою раздражительность. Впрочемъ, мнѣ думается, что критическая статья по самому своему содержанiю не могла обойтись безъ шероховатостей для тѣхъ, которыхъ касалась. Если согрѣшилъ я, Господи, противъ ближняго по страсти: прости мнѣ негодному».—«Другъ мой, не сѣтуй на меня за мои шероховатыя слова. Иному Богъ далъ способность жить подъ ладъ желанiямъ человѣческимъ. Въ себѣ, грѣшный, я не вижу этой способности. Невѣрный звукъ раздражаетъ мои нервы, потрясаетъ душу. Что же мнѣ дѣлать? Повторю,—горькая жизнь моя въ Ригѣ сдѣлала меня еще болѣе раздражительнымъ. Особенно первыя впечатлѣнiя, прежде, чѣмъ съумѣю во-время осмотрѣть ихъ и умѣрить чувства, тяжелы мнѣ бываютъ. Въ настоящемъ случаѣ о. Макарiй попался на глаза такъ недавно. Теперь и самъ раскаеваюсь, что одна строка (Латинская) вовсе не нужна и даже не умна. Не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ!»—«Ты знаешь меня, каково обходятся душѣ моей нелѣпости людскiя, коль скоро душа займется ими. Покоенъ, пока закрываю отъ нихъ глаза. Что̀ же дѣлать съ собой?»

И тотъ же Филаретъ былъ мягокъ и кротокъ съ подчиненнымъ ему духовенствомъ, побѣждая своею кротостiю ихъ нерадѣнiе и погрѣшности. Но въ этомъ случаѣ онъ видѣлъ зло поправимое, невредящее церкви; оно не составляло плода людскаго самолюбiя, которому въ жертву приносились бы чистота св. ученiя, польза церкви. Послѣдняя-то «нелѣпость людская» и была невыносимою для Филарета, вызывая его раздраженiе.

Съ этою особенностiю характера (мы не назовемъ ея недостаткомъ, какъ называетъ самъ Филаретъ) онъ боролся во всю жизнь. Если рѣзкость идетъ въ уровень съ ревностiю къ добру и правдѣ, за-

щищая которыя она вызывается, мы не рѣшимся поставить ее въ укоръ святителю: она для насъ цѣннѣе, нежели спокойное примиренiе съ извѣстнымъ теченiемъ. Рѣзкое слово Филарета—воля ваша—ближе сердцу, чѣмъ равнодушное: «пусть управляютъ!» Но какъ лицо духовное, какъ человѣкъ строгiй къ себѣ, Филаретъ самъ порицалъ эту рѣзкость, и все-таки сознавался, что не могъ «подлаживаться подъ тонъ людей». «Статья о Кириллѣ подала поводъ къ искушенiямъ. Мнѣ писалъ о. Макарiй. Кажется окончилась ссора, а я право не хотѣлъ ни съ кѣмъ ссориться. Еслибы зналъ я, что «Христiанское Чтенiе» нынѣ подъ особою редакцiею людей великихъ, до которыхъ касаться не мое дѣло, то, конечно, не коснулся бы о. Макарiя. Да, вѣкъ живи, вѣкъ учись, а все дуракомъ умру». «Не знаю, случалось ли вамъ испытать на себѣ, а мнѣ грѣшному много разъ пришлось испытать, хотя и доселѣ еще не вразумляюсь испытаннымъ: послѣ каждаго случая, когда сильно бываю раздраженъ противъ кого-нибудь, Богъ посылаетъ тяжкiя непрiятности. Не умѣю рѣшить себѣ, такъ ли Господь милостивъ ко мнѣ грѣшному, что Онъ благоволитъ именно въ наказанiе и наставленiе посылать мнѣ такiя обстоятельства и именно при такомъ расположенiи души моей. Только это случалось со мною много разъ. Одно несомнѣнно, что гнѣвъ и раздраженiе мои точно дурны». Не говорятъ ли намъ эти слова Филарета, какъ строго-внимателенъ онъ былъ къ самому себѣ? «Желалъ бы передать тебѣ подробный отчетъ о здѣшнихъ дѣлахъ», писалъ онъ изъ Риги. «Но съ одной стороны много нужно для того времени; съ другой, дѣла здѣшнiя такъ мудрены, что христiанскiя чувства велятъ лучше покрывать ихъ молчанiемъ, чѣмъ неосторожному сердцу давать просторъ для выраженiя мыслей или самолюбiя, или униженiя другихъ. Желалъ бы я лучше поговорить съ тобою или у тебя на кровати, или у себя на постелѣ, какъ это бывало въ прежнiе годы: тогда твой глазъ много увидалъ бы, чего не сказалъ бы языкъ мой; тогда слухъ твоей дружбы понялъ бы живой голосъ сердца, передаваемый теперь въ мертвой буквѣ. Но да будетъ, что̀ угодно Господу».

Указываютъ на рѣзкiй отзывъ его о статьѣ «Дня», редактора которой онъ назвалъ дуракомъ. Воспроизведемъ нѣсколько строкъ замѣчанiй Филарета. «Редакторъ «Дня» не коротко описалъ свое «сожалѣнiе» о порученiи Черниговскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствiя надзирать за выполненiемъ крестьянами долга исповѣди. Онъ желаетъ, настойчиво желаетъ, чтобы каждый жилъ, какъ хочетъ. Думаемъ, что редакторъ не заявилъ бы такихъ желанiй, еслибы онъ зналъ Украинскую пословицу: *паны, якъ дурни, що хотять, то роблять.*

Еслибы онъ зналъ это, то, конечно, не захотѣлъ бы прежде всего записать себя самого въ число дурней».

Надобно перенестись къ шестидесятымъ годамъ, когда въ печати ратовали о гражданскомъ бракѣ или, другими словами, узаконенномъ сожительствѣ, о свободѣ совѣсти въ исповѣданіи вѣры, т.-е. когда проповѣдывали о всемъ, чтò, идя въ разладъ съ нашимъ историческимъ ладомъ, расшатывало наши государственныя основы. Мы теперь признаемъ мудрою политику Грознаго, понимавшаго хорошо, что чѣмъ болѣе въ такомъ разноплеменномъ и обширномъ государствѣ, какъ Россія, послѣдователей одной господствующей вѣры, тѣмъ прочнѣе связь народная и сильнѣе самое государство. Съ этою цѣлію онъ во всѣхъ завоеванныхъ земляхъ строилъ церкви, и строилъ ихъ съ поспѣшностію, напримѣръ (какъ говоритъ преданіе) въ Казани церковь была выстроена въ три дня, а въ слѣдующемъ году по покореніи, какъ извѣстно, уже была открыта тамъ епархія. Мы сознаемъ ошибки наши въ Прибалтійскомъ краю. И вотъ, на перекоръ этимъ урокамъ, усиленно заботились о разобщеніи народа. Вѣдь статья «Дня» какъ нельзя болѣе была на руку агентамъ анархіи. Могъ ли Филаретъ спокойно отнестись къ этой игрѣ въ случайности, въ которую втягивали отечество? Опять вопросъ: власть помѣщиковъ надъ крестьянами въ 1861 году пала; правительство не могло ее вполнѣ замѣнить своими органами; народъ незрѣлый политически, народъ, котораго нравственность была неопредѣленна, такъ какъ ею управляла сила вещей чисто-внѣшняго порядка, могъ проявить самые дикіе инстинкты, и единственнымъ оплотомъ ей могла быть церковь, съ ея уставами, ея словомъ. Но эту-то попечительную роль ея думали замѣнить свободою. Какъ же могъ отнестись къ такому посягательству Филаретъ, какъ служитель церкви, какъ патріотъ, искренно при томъ любившій народъ? Мы не можемъ согласиться съ поклоненіемъ передъ авторитетнымъ именемъ автора и тогда, когда онъ очевидно впадаетъ въ ошибку; она тѣмъ опаснѣе, тѣмъ грознѣе, чѣмъ популярнѣе это имя; и тѣмъ понятнѣе съ другой стороны рѣзкость осужденія: «кому много дано, отъ того много и потребуется». Наконецъ, распоряженіе крестьянскаго присутствія шло какъ нельзя болѣе въ тонъ законодательству; извѣстно, что самый законъ установилъ подобный надзоръ за классомъ даже интелегентнымъ. Такъ лица, состоявшія на государственной службѣ и болѣе двухъ лѣтъ не бывшія у исповѣди и св. причастія, исключались изъ службы. Мы не можемъ теперь провѣрить, чтó сталось съ этимъ закономъ? Или просто превратился онъ въ мертвую букву, или исчезъ при новой кодификаціи Свода, какъ исчезли, не будучи отмѣнены высочайшею властію, статьи закона, ограждавшія Рус-

ское населеніе отъ разорительной для него эксплуатаціи Евреевъ (въ Малороссіи).

Находятъ слова Филарета крайне-рѣзкими, обидными; но не въ тысячу ли разъ обиднѣе, когда эта обида наносится милліонамъ соотечественниковъ и самому отечеству? Вѣдь эти опасенія за отечество подсказывались Филарету любовью къ нему, а ужели любовь довела проповѣданныя доктрины до позорнаго дня 1-го Марта?!

Филаретъ не имѣлъ времени входить въ тонкій критическій анализъ каждой подобной статьи, изъ какихъ сшита почти вся литература шестидесятыхъ годовъ. Опять надо принять во вниманіе среду, для которой писалась статья Филарета. Здѣсь тонкая философія и политическія разсужденія не приковали бы къ себѣ вниманія читающихъ, а рѣзкія два слова сильнѣе могли подѣйствовать на умы.

Рѣзко относился Филаретъ къ трудамъ А. Н. Муравьева. Намъ со стороны казалось бы, что занятія людьми свѣтскими предметами духовной литературы должны быть привѣтствуемы Филаретомъ. Но такъ ли это? Филаретъ замѣтилъ разъ: «Странное дѣло, какъ въ Греческой церкви дѣла шли запутанно предъ паденіемъ имперіи. Брались судить и рядить о вѣрѣ люди, которыхъ дѣло—тесакъ и ружье». Если онъ съ такимъ предубѣжденіемъ взглянулъ на труды Муравьева, то по ревности его предъ нимъ уже рисовалось сближеніе въ положеніи дѣла двухъ имперій: Византіи и ея преемницы. Жизнь въ Петербургѣ и Ригѣ могла ему дать только прибавку къ его грустнымъ размышленіямъ объ этомъ предметѣ. Къ тому же онъ не вѣрилъ, чтобы труды Муравьева были плодомъ горячей любви къ церкви, а смотрѣлъ на нихъ какъ на спекуляцію. Какъ много могъ извинить онъ въ первомъ случаѣ, такъ непощаденъ былъ во второмъ. Мы знаемъ, что Андрей Николаевичъ удостоился христіанской кончины, а потому съ увѣренностію сказать можемъ, что онъ имѣлъ заслуги передъ Богомъ; но недобрыя свѣдѣнія о немъ доходили до Филарета. Это обстоятельство могло прибавить еще болѣе рѣзкости къ его отзывамъ о немъ. Затѣмъ были и другія причины. «Преосвящ. Иннокентій Одесскій подсыпалъ мнѣ жару подъ огонь, таившійся подъ пепломъ», писалъ Филаретъ. Ѣхавъ въ Москву, Иннокентій убѣждалъ Филарета заняться житіями святыхъ, указавъ на недостатки книги Муравьева. На обратномъ пути, или съ цѣлію подвинуть Филарета къ этому труду, или, можетъ быть, и вовсе безъ всякой цѣли, онъ сообщилъ, что «Муравьевъ поднимаетъ противъ него всѣхъ..» Въ этихъ «всѣхъ» конечно разумѣлся прежде всего митрополитъ, котораго расположеніемъ такъ дорожилъ Филаретъ. «Вотъ вамъ исповѣдь о житіяхъ», писалъ онъ Горскому. «Къ этому надобно прибавить, что Московскому владыкѣ написалъ я, грѣшный, самое

жестокое письмо о Муравьевѣ, съ желаніемъ тѣмъ, чтобы показать несправедливость любви его къ Муравьеву. Послѣднее письмо, какъ думаю, долго будутъ припоминать мнѣ. И по дѣломъ тебѣ, скверный Филаретъ! Зачѣмъ тебѣ смотрѣть на чужіе грѣхи? Смотри на свои».

Митрополитъ, какъ кажется, и былъ недоволенъ; а сюда примкнулъ и Горскій. Къ сожалѣнію, обидѣлись тѣмъ, что другой сказалъ вмѣсто похвалы легкое неодобреніе житіямъ, которыхъ, если говорить искренно, не за что и хвалить. «Вы пишете апологію своимъ намѣреніямъ *); но иное дѣло—намѣренія, другое—выполненіе ихъ. Сознайтесь лучше, писалъ онъ Горскому, что дѣло не обошлось безъ человѣкоугодничества. Иначе же вы дозволяете ожидать, что одобрите «похожденія Ильи Муромца» въ видѣ житія преп. Ильи Муромца. Видно, всякому своя доля. Мнѣ доля—горечь, и горечь, и горечь. Да будетъ благословенно имя Господа Спасителя грѣшниковъ, изъ которыхъ я самый негодный».

«У меня не было ничего на душѣ на Московскую цензуру собственно за мои сочиненія; но, какъ я писалъ, осуждалъ я ее за странныя поблажки къ дичи Муравьева. Владыка принялъ за странность слова мои: «Муравьевъ терзаетъ терпѣніе другихъ своими житіями». «Относительно о. Василія вовсе не могу быть согласнымъ съ вами; его нельзя ставить на одну доску съ простодушными біографами, ошибавшимися по простодушію. Это—человѣкъ гордый, принявшій на себя роль учителя церковнаго и съ высокомѣріемъ разглагольствовавшій о лицахъ и дѣлахъ, хотя и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ невѣжда и безтолковый человѣкъ. Владыкѣ писалъ я, что Муравьевъ—почти тоже, что̀ о. Василій. Люди подобнаго разряда всегда наносили страшный вредъ церкви. Такъ думаю по совѣсти, а не по страсти. Судить же насъ всѣхъ будетъ Господь». Вотъ какъ увѣренъ онъ былъ въ правотѣ и чистотѣ своего взгляда на Муравьева.

Изъ Петербурга, когда присутствовалъ Филаретъ въ Св. Синодѣ, въ 1858 году, писалъ онъ Горскому: «А. Муравьевъ говорилъ мнѣ, что Александръ Васильевичъ хотѣлъ писать мнѣ о его трудахъ quasi ученыхъ; но я ничего не получалъ. И до того надобно смириться, чтобы подписать опредѣленіе о выдачѣ 500 рублей на изданіе Греческаго перевода житій! И добрый мой Александръ Васильевичъ стоитъ за благочестіе Муравьева! Господи, прости меня грѣшнаго. Даждь ми зрѣти моя прегрѣшенія». Волей-неволей подписавъ опредѣленіе, Фила-

*) Филаретъ высказался о намѣреніи своемъ составить житія. „Недавнія житія не дѣлаютъ лишнимъ желаніе представить другія, новыя житія", писалъ онъ Горскому.

реть не стерпѣлъ, чтобъ не высказать своего мнѣнія. «Чтобы сказать все, что было, надобно признаться и въ томъ, что, погорячившись, сказалъ я о требованіи денегъ; это безсовѣстно. Вѣроятно не преминутъ довести это до свѣдѣнія Муравьева, и тогда достанется мнѣ на орѣхи! Охъ, чего уже не лили на сѣдую мою бороду? Что-то будетъ далѣе?» «Противъ Андрея Николаевича самое сильное мое неудовольствіе за то (объяснялъ Филаретъ Горскому), что онъ очень много вредитъ столько любимому мною святителю Московскому; къ тому же часто не таковъ въ отношеніи къ нему на дѣлѣ, какимъ является передъ нимъ. Но да будетъ воля Божія! Постараюсь слѣдовать совѣту дружбы вашей».—«Да», добавляетъ онъ, «православіе на устахъ—дѣло очень опасное. Не говорю о немъ (Муравьевѣ) болѣе ничего; потому что съ одной стороны довольно терпѣлъ отъ него скорбей, съ другой потому что, кажется, ему, лицемѣрному фарисею, прошло уже время».

Мы приведемъ здѣсь мнѣніе Филарета о времени Грознаго и Стоглавѣ. «Вы не повѣрите, какъ много глупость самонадѣянныхъ людей времени Стоглава портила въ священной древности своими ребяческими толкованіями. Нельзя довольно надивиться, какъ отважны, какъ самонадѣянны, какъ даже наглы были эти люди, будучи пошлыми невѣждами! Досада на нихъ иногда выводитъ меня грѣшнаго изъ терпѣнія. Этотъ страшный духъ, это чудовище, а не человѣкъ, Иванъ Грозный, столько надѣлалъ бѣдъ и для государства, и для церкви, что послѣдняя и доселѣ не освободится отъ терзаній его. Подумайте и согласитесь. Гордость—истинный сатана для человѣческаго рода. Простите за недостатокъ терпѣливости. Едва освободились изъ подъ арапниковъ Монгольскихъ, какъ уже гордость и подняла ихъ такъ высоко, что чуть-чуть видно стало ихъ на землѣ. «Мы—православные, Греки—бусурманы, мы одни учители и хозяева православія»—кричали эти странные люди, и давай судить и рядить въ книгахъ о церкви; а на дѣлѣ до того были низки, грубы, пошлы и по жизни, и по образованію, что больно смотрѣть на этотъ пошлый сбродъ невѣждъ. Эта-то невѣжественная гордость была тою чумою для святой церкви, которая настолько вѣковъ заразила толпы темныя. Опять прошу прощенія».

Вотъ эта-то боязнь заразить толпы темныя и вызывала строгое отношеніе Филарета къ духовнымъ сочиненіямъ. Но все-таки находя въ «Житіяхъ Русскихъ Святыхъ» Муравьева много недостатковъ, онъ не рѣшался произнести въ печати свой приговоръ. Несмотря на то, что онъ приневоленъ былъ къ тому Св. Синодомъ, онъ медлилъ выполненіемъ возложеннаго на него порученія. Вотъ что писалъ онъ по этому поводу своему научителю—Московскому митрополиту. «На бумагѣ нельзя написать всего и относительно святыхъ....

Два дѣла надобно дѣлать: представить доказательства на то, что то или другое лице признано святымъ со стороны церкви и представить описаніе Житія Святыхъ. Если нелегко послѣднее, то болѣе тяжело первое. Для перваго, если дѣлать его по совѣсти и со всею отчетливостію, надобно пересмотрѣть патріаршій архивъ и частію митрополичій.... Коротко сказать, легко писать, но легко ли выполнять? Вмѣсто того, если Св. Синоду благоугодно, чтобы выполненъ былъ указъ его, присланный ко мнѣ, надобно вызвать меня въ Петербургъ. Говорю это не для себя и потому говорю съ свободою. У меня готовы и описанія Житія Святыхъ и свѣдѣнія о причичисленіи того или другаго лица къ Святымъ; но представить ихъ Синоду не дозволяю себѣ. Легкомысленно поступать въ дѣлѣ важномъ не желалъ и не желаю. Страсти и предубѣжденія вездѣ только портятъ дѣла. О Житіяхъ Святыхъ было и теперь есть слѣдующее убѣжденіе мое. Должно: 1) составить описаніе житій на основаніи лѣтописей, рукописныхъ описаній и повѣстей, чтобы это было чтеніе назидательное и для ума, и для сердца, а не соблазнительное для того и другаго; 2) издать древнія житія, повѣсти и записки о святыхъ, не прибавляя къ ихъ тексту ничего своего; 3) читать же то, что̀ издается Муравьевымъ, простите, святой владыка, за мое мнѣніе, тоже, что́ читать басни, передѣланныя на новый ладъ: тутъ что̀ ни строка, то ошибка—противъ исторіи, хронологіи, языка, логики, психологіи, ошибка во всѣхъ видахъ и родахъ. Богъ видитъ, говорю не по предубѣжденію, но по свѣдѣніямъ какія Богъ далъ. По убѣжденію моему начальство должно быть первымъ дѣятелемъ тамъ, гдѣ дѣло касается до св. церкви. Иначе иновѣрцы давно порицаютъ Русскихъ епископовъ и за недѣятельность, и за рабство; а ихъ голосъ стали повторять и въ слухъ Русской церкви (назидательно ли послѣднее для раскольниковъ и для чадъ церкви?) Изданіе древнихъ біографій, повѣстей и записокъ о святыхъ могло бы легко совершиться при трехъ академіяхъ: каждая издавала бы описанія только тѣхъ святыхъ, которые подвизались въ ея округѣ. Самыя древнія описанія могли бы быть изданы на древнемъ языкѣ съ Русскимъ переводомъ; позднія довольно издать только въ переводѣ. Изданіе могло бы быть названо: «Памятники Благочестія», и составить, если не особое изданіе, то особый отдѣлъ нынѣшнихъ изданій. Не обвиняйте меня, святой владыка, что не представлялъ и не представляю замѣчаній объ ошибкахъ Муравьева. Не представлялъ прежде отъ того, что не считалъ нужнымъ для своего дѣла, а вызываться на дѣло не свое—не считалъ должнымъ; не представляю теперь по другимъ причинамъ совѣсти моей».

Причина же нынѣ понятна: «довольно терпѣлъ отъ него скорбей» Филаретъ, а потому опасался, чтобы личное неудовольствіе не примѣшалось къ святому дѣлу.

Приведенное письмо къ митрополиту еще разъ свидѣтельствуетъ объ особенной осторожности Филарета въ ученыхъ трудахъ по предметамъ вѣры. Ошибка въ повѣствованіяхъ о политическихъ событіяхъ всегда поправима, она не идетъ далѣе книги; тогда какъ ошибка въ предметахъ вѣры, въ ученіяхъ церкви можетъ вовлечь въ заблужденіе массу и породить разномысліе. Поэтому-то и не могъ равнодушно относиться Филаретъ къ тѣмъ, кто легкомысленно обращался съ этимъ предметомъ. Чтобы поправить ошибки другихъ и предотвратить послѣдствія, Филаретъ бралъ на себя трудъ заняться тѣмъ же предметомъ. Такъ, осудивъ книгу Муравьева, онъ самъ написалъ *Русскіе Святые, чтимые всею церковью или мѣстно.* Замѣтивъ погрѣшности въ сочиненіи Макарія, самъ написалъ *Житіе преподобнаго отца нашего игумена Печерскаго Ѳеодосія, описанное преподобнымъ Несторомъ, въ переводѣ на современный Русскій языкъ.*

Такую ревность о чистотѣ ученія не могъ не замѣтить у Филарета Московскій святитель и не отдать ему дань уваженія. Вотъ почему митрополитъ, какъ ни былъ близокъ ему Муравьевъ, съ довѣріемъ отнесся къ мнѣнію Филарета, къ его глубокимъ познаніямъ и его побужденіямъ и уклончиво отвѣчалъ Муравьеву на его просьбу: «унять Харьковскаго критика».

Раздраженіе, вызванное у Филарета критическими статьями «Духовнаго Вѣстника», имѣло весьма вѣскія причины. Ходили слухи, (мы не беремся рѣшить и, пожалуй, согласны скорѣе отнести ихъ къ сплетнямъ), что этимъ статьямъ было много придано смѣлости, если не сказать болѣе, лицомъ высокопоставленнымъ. Указанія на недостатки и погрѣшности его сочиненій, какъ мы видѣли, принимались съ признательностію Филаретомъ; но такое отношеніе къ трудамъ своимъ, какое замѣчается въ статьяхъ «Духовнаго Вѣстника», не могъ безъ горечи встрѣтить Филаретъ, какъ *извѣстное современное явленіе,* оставляя въ сторонѣ авторское самолюбіе. Огорченный труженикъ не могъ отнестись спокойно къ этому явленію; а тутъ нѣсколько обстоятельствъ подкрѣпляли вѣроятность слуха: 1) журналъ издавался въ Харьковѣ; 2) до сего времени въ духовной литературѣ не встрѣчалось критическихъ статей такого тона и направленнаго противъ не начинающаго, а уже имѣвшаго громкую репутацію ученаго и притомъ заслуженнаго іерарха; 3) когда ученые труды Филарета пріобрѣли ему громкую извѣстность и засвидѣтельствованы всѣми учеными обществами Имперіи, нужно было имѣть большую отвагу, чтобы

рѣшиться окатить ихъ насмѣшками, отвагу, которой до этого случая не замѣчалось у автора статей.

Филарету конечно припомниться могли прицѣпки Петербургской духовной цензуры, впечатлѣніе, какое произвелъ онъ неосторожною критикою статей «Христіанскаго Чтенія», и ему легко могло показаться, что автору статей «Духовнаго Вѣстника» придало бодрости лицо, желавшее свести съ нимъ старые счеты, т.-е. Макарій. Мы вовсе не желаемъ утверждать справедливость слуха и пріурочить такое убогое чувство къ достопамятной личности; но желаемъ сказать, что въ силу сложившихся обстоятельствъ оно могло такъ показаться Филарету, впослѣдствіи раскаявшемуся въ своемъ рѣзкомъ отвѣтѣ.

Вотъ что̀ между прочимъ писалъ онъ: «Критическая статья Харьковскаго «Вѣстника» о книгѣ *Историческое ученіе объ отцахъ церкви* имѣетъ въ виду, по ея словамъ, объяснить точное значеніе этого ученія. Мысль добрая, но каково исполненіе ея?» «Любовь критика къ преданію достойна всякаго уваженія; но онъ по мѣстамъ даже патетически говоритъ о томъ, что ученіе объ отцахъ есть ученіе о преданіи. Вѣрна ли мысль его? О томъ ни слова, что отцы церкви въ своемъ ученіи держались преданія, гдѣ было нужно, точно также какъ благоговѣйно описывали дѣянія церкви и частныхъ лицъ. Но они же размышляли о словѣ Божіемъ, о предметахъ вѣры, о правилахъ жизни, они спорили и ораторствовали, философствовали и были филологами, и при томъ даже ошибались. Потому говорить, что ученіе объ отцахъ церкви тоже, что̀ ученіе о преданіи, значитъ не понимать отцовъ церкви или, намѣренно закрывъ глаза для предмета, толковать о немъ по своему изволу. Если хотите, можете извлекать изъ ученія отцовъ церкви ученіе преданія, но это будетъ особая работа у васъ, но не ученіе объ отцахъ. Точно также можете, если угодно, извлекать изъ сочиненій отеческихъ текстъ евангельскій; но это будетъ ли ученіе объ отцахъ? Еще другой составитъ правила герменевтики словами отцовъ; и это будетъ ученіе объ отцахъ? Четвертый и пятый займутся изученіемъ философіи отцовъ церкви; плодомъ труда ихъ будетъ прекрасная и занимательная часть ученія объ отцахъ, но только часть. Критикъ такъ наивенъ, что разъ прямо говоритъ: «патрологія вовсе не должна заниматься обозрѣніемъ тѣхъ сочиненій, гдѣ отцы церкви являются обыкновенными учеными, философами, знатоками естественныхъ наукъ и пр.» Это отъ чего? спросите вы. Видите, критикъ рѣшается показать вамъ отца церкви въ такомъ видѣ, какъ ему критику угодно, а не въ томъ, какимъ былъ отецъ церкви на самомъ дѣлѣ. Скажете, что это несогласно съ значеніемъ историческаго ученія объ отцахъ, что это смахиваетъ на недобросовѣстный папизмъ?

Ужели критику хочется быть въ такомъ нарядѣ? Да, честь православнаго въ томъ, что онъ и не протестантъ и не папистъ, или, какъ писалъ покойный Хомяковъ, не своевольничаетъ, не умничаетъ онъ ни на манеръ папизма, ни на манеръ протестантизма».

Здѣсь Филаретъ, дѣлая возраженіе по существу дѣла, объ остальныхъ погрѣшностяхъ критики умалчиваетъ, *покрывая ихъ любовію.*

Къ тому же Филаретъ, кажется, не признавалъ геніальности преосвященнаго Макарія. Такъ по поводу напечатанія послѣднимъ сочиненія Іакова въ «Христіанскомъ Чтеніи», Филаретъ писалъ Горскому: «Не могу однако умолчать, что Макарій [1]), скорый въ дѣлахъ, но мало основательный, видѣнъ и въ этомъ дѣлѣ. Къ чему было печатать драгоцѣнную древность съ испорченныхъ позднихъ списковъ? Развѣ въ Петербургѣ далеко отъ него музей Румянцова и публичная библіотека?» — «Слышно, въ духовныхъ журналахъ нашихъ предписано помѣщать статьи о расколѣ. Пожалуста, не допускайте такихъ безтолковыхъ статей, какова помѣщена въ Ноябрьской книжкѣ «Христіанскаго Чтенія» [2]). Такія статьи могутъ только сбивать съ толку нетолковыхъ бородачей». По поводу статьи Макарія «Три памятника Русской духовной литературы XI-го вѣка», Филаретъ писалъ Горскому: «Чтò касается до статьи о Θеодосіѣ Печерскомъ, между нами будь сказано, она могла бы полежать въ бумагахъ сочинителя до времени, пока умъ его будетъ основательнѣе. И я ожидалъ, что дѣльная статья Билярскаго заставитъ сочинителя собраться съ мыслями, которыя у него странствуютъ тамъ и здѣсь, какъ кочующіе Ирокезы... Гораздо болѣе было бы пользы напечатать Несторово житіе Θеодосія или въ подлинникѣ съ варіантами по рукописямъ, или въ Русскомъ переводѣ. А статья сочинителя кромѣ неудовольствія на пустыя догадки, на безтолковое многословіе, чѣмъ даритъ читателя? Уставъ Студита —вещь важная; но безъ доказательствъ не вѣрятъ сочинителю, будто уставъ, выписанный имъ, есть уставъ Θеодора Студита. Сочинитель не заглянулъ даже въ каталоги Греческихъ рукописей, чтобы точнѣе узнать, чтò тамъ называется уставомъ Студита? Такъ ли поступаютъ дѣльные ученые люди? Пожалуй и «Москвитянинъ» написалъ жизнь Θеодосія. Для кого? Для Чухонцевъ? Русскіе, вѣдаешь, не говорятъ такъ, какъ онъ говоритъ». Или писалъ онъ Горскому: «Петербургскіе рецензенты недовольны мною особенно за изображеніе бояръ Никонова времени; это извѣстно мнѣ и по частнымъ свѣдѣніямъ. Пусть о. Макарій забавляетъ ихъ водянистыми разсказами безъ мысли и силы, и пустыми

---

[1]) Тогда ректоръ С.-Петербургской Академіи.

[2]) Макарія „Очеркъ исторіи Русскаго раскола“.

догадками о проповѣди апостола Андрея Славянамъ. Недавно читалъ его *Введеніе въ Богословіе*. Что это за вздорная путаница? Ни логическаго порядка, ни силы въ доказательствахъ нѣтъ. Еслибы мнѣ грѣшному привелось читать и студенческое подобное сочиненіе, не оставилъ бы четвертой части не измаранною». Но здѣсь не играло роли самолюбіе или пристрастіе вообще, такъ какъ только передъ этимъ онъ съ одобреніемъ отозвался о трудѣ того же Макарія «Исторія Кіевской Духовной Академіи». Очень добрыя и даже близкія отношенія его съ преемникомъ его по академіи Евсевіемъ не помѣшали Филарету въ письмахъ къ Горскому строго осудить его «Бесѣды о спасительныхъ таинствахъ». Къ тому же надо принять во вниманіе, что рѣзкій отзывъ Филарета о сочиненіяхъ Макарія высказывался имъ въ дружескихъ письмахъ, а не въ печати.

Филаретъ, напротивъ, съ особенною радостію привѣтствовалъ всякое дѣльное сочиненіе, какъ цѣнный вкладъ въ науку и высказывалъ похвалу ему въ письмахъ къ Горскому. Такъ, въ томъ же письмѣ, въ которомъ порицалась статья Макарія о расколѣ, онъ писалъ о статьѣ проф. Кудрявцева: «Статья о единствѣ рода человѣческаго», превосходная статья. Я читалъ ее съ наслажденіемъ. Слышалъ прекрасные отзывы о ней докторовъ здѣшняго (Харьковскаго) университета. Дай Богъ молодому сочинителю силъ и усердія трудиться и впередъ съ такою же пользою для св. церкви». Такъ же точно, въ томъ же письмѣ, въ которомъ указаны погрѣшности въ статьѣ Макарія о Ѳеодосіѣ, онъ выхвалялъ сочиненіе Смирнова-Платонова «О преждеосвященной литургіи». Онъ съ восторгомъ отзывался о сочиненіи Нечаева «Житіе святителя Димитрія». «Сколько мнѣ видно, въ ученомъ отношеніи у насъ еще не было ни одного подобнаго жизнеописанія». «По крайней мѣрѣ я съ своей стороны сто разъ цѣлую васъ и, до земли кланяюсь, благодарю. Обзоръ источниковъ Четьихъ-Миней—дѣло превосходное. Это такъ было нужно для церкви, какъ нельзя болѣе. Не только легкомысленныя головы, но люди дѣловые, какъ напримѣръ владыка нашъ, не имѣвъ возможности въ точности знать дѣло, выражали сильныя сомнѣнія противъ вѣрности свѣдѣній, помѣщенныхъ въ Четьихъ-Минеяхъ. Теперь они могутъ видѣть, что сомнѣнія ихъ были напрасны, или что по крайней мѣрѣ святитель съ своей стороны сдѣлалъ слишкомъ много для перваго опыта, чтобы не имѣли права не довѣрять ему».

При какой бы ни было нравственно-высокой жизни, темпераментъ и характеръ лица всегда скажутся. Люди святые представляли всегда возможность наблюдать ихъ характеръ: настолько онъ сквозь обликъ смиренія просвѣчиваетъ всегда. Мы знаемъ, что полемика св. Іоанна

Златоустаго и св. Кирилла Александрійскаго дошла до того, что послѣдній пересталъ поминать его въ церковной молитвѣ, и даже кончина Златоустаго не примирила его съ нимъ. И въ этомъ разладѣ играла роль ревность къ ученію церкви: каждому казалось съ своей точки зрѣнія, что его оппонентъ нарушаетъ чистоту св. ученія. И такой примѣръ далеко не единичный въ исторіи церкви.

Обращаясь опять къ критическимъ статьямъ «Духовнаго Вѣстника», мы не можемъ не признать ихъ по пріемамъ и по отношенію къ предмету и лицу крайне-неприличными. Неспорно, если взять отдѣльно какое-либо изъ сочиненій Филарета, строгая критика можетъ найти себѣ пищу, но такой способъ оцѣнки трудовъ Филарета не дастъ намъ яснаго понятія объ изумительной дѣятельности и глубокой его учености. Это не одно-два сочиненія, которымъ посвящена вся жизнь, всѣ способности, все знаніе; это масса, въ которой не легко разобраться. У Пономарева одинъ перечень его сочиненій и статей составляетъ до 160 нумеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые заключаются въ томахъ. Чтобы написать все это, по разсчету нужно до 60 стопъ бумаги. Если принять въ соображеніе необходимыя выписки, поправки, дополненія при новыхъ изданіяхъ (такъ какъ большинство сочиненій его выдержало 2, 3 и 4 изданія), разсчетъ этотъ по крайней мѣрѣ удвоится. Чтобы исписать болѣе 120 стопъ бумаги, да, кажется, одного механическаго труда хватить должно на цѣлую жизнь. А сколько для того, чтобъ написать все это, Филаретъ долженъ былъ прочесть, когда его сочиненія поражаютъ массою цитатъ и ссылокъ и когда отзывы его о цѣлой книгѣ иной разъ излагались лишь въ нѣсколькихъ строкахъ?

Одинъ изъ современныхъ ему и знаменитыхъ ученыхъ—неспорно митрополитъ Макарій. Передъ нами его труды: 12 томовъ Исторіи Русской церкви, 6 томовъ Богословія и полтора тома проповѣдей. Но такой серіозный и громадный трудъ митрополита Макарія не только не можетъ умалить, а возвышаетъ передъ нами труды Филарета. Вопервыхъ, Макарій имѣлъ уже передъ собою по этимъ предметамъ труды Филарета; онъ шелъ, такъ-сказать, по торной тропѣ, уже пробитой одинокимъ Филаретомъ. Вовторыхъ, Макарій имѣлъ у себя до десяти чернорабочихъ, а самъ, можно сказать, бралъ на себя только верховную работу. Втретьихъ, онъ вовсе не управлялъ епархіею и всегда имѣлъ викарія. Только по дѣламъ особенно-важнымъ, какъ извѣстно, секретарь докладывалъ ему въ самой сжатой формѣ суть дѣла; самъ же онъ не читалъ ни одной бумаги. А Филаретъ не имѣлъ викарія. И замѣчательно: какъ только перевели его изъ Харькова въ Черниговъ, а на его мѣсто назначили Макарія, послѣднему дали викарія. Какъ только Филаретъ скончался, преемнику его, Варлааму дали ви-

карія. Мы видѣли, какъ Филаретъ управлялъ епархіею. Ни одна жалоба или прошеніе не миновали его рукъ; самъ свѣрялся онъ со справками или дѣлами, самъ разрѣшалъ прошенія. Кромѣ того, онъ обновляетъ монастыри и церкви, строитъ и перестраиваетъ училища и семинаріи, устраиваетъ типографію, свѣчной заводъ для усиленія средствъ монастырей, строитъ съ тою же цѣлію дома, непосредственно наблюдаетъ за ходомъ преподаванія, устраиваетъ церковно-приходскія школы, о коихъ не было и помину, заботится объ обезпеченіи духовенства, призрѣніи вдовъ и сиротъ, неупустительно совершаетъ божественное служеніе и не лишаетъ никого своей назидательной бесѣды. Кажется, для этого человѣка имѣлось 48 часовъ въ сутки, да и тѣ надо работать безъ устали, чтобы добиться подобныхъ результатовъ.

Чтó же двигало такою кипучею дѣятельностію этого святителя? Было бы ошибкою предполагать, что двигали его слава, польщенное успѣхомъ его первыхъ трудовъ самолюбіе, или даже забота составить доброе имя. Такіе двигатели способны терять свою силу; самый организмъ человѣкъ долженъ устать, и это утомленіе сказаться въ трудахъ. У Филарета же замѣчалось противное: съ годами ученая дѣятельность его, какъ постоянно подогрѣваемая вода доходитъ до кипѣнія, достигла поражающей нась силы.

Любовь его къ книгамъ была у него, какъ видѣли мы, съ дѣтства. Онъ даже боялся, чтобъ она, развиваясь въ немъ, не обратилась бы въ страсть и не отяготила его души. Такое опасеніе выражалъ онъ Горскому. Выѣзжаетъ онъ на ревизію семинаріи; кажется, дѣла много; но онъ забираетъ съ собою книги и еще не довольствуется этимъ. «Ты конечно поймешь», пишетъ онъ изъ Тамбова (въ Іюлѣ 1841 г.) Горскому, «что мнѣ очень хочется возвратиться скорѣе въ академію и къ книгамъ, здѣсь ничего нѣтъ; чтò взялъ съ собою, тѣмъ и пользуюсь».—Митрополитъ совѣтуетъ ему отдохнуть, видя слабое его здоровье. «Не знаю, чтò буду дѣлать», пишетъ онъ по этому поводу Горскому, «но не дѣлать не могу. Такъ привыкъ къ книгамъ и бумагамъ, что безъ нихъ скучаю». Собирается наконецъ онъ на отдыхъ въ Іосифовъ монастырь, бывъ ректоромъ, и проситъ Горскаго привезти ему: «а) тетрадь, въ которой съ синодальной рукописи записаны церковные писатели, б) описаніе рукописей графа Толстаго, в) Калайдовичевы Памятники XII вѣка и «Экзарха Болгарскаго», необходимые ему для его работъ. Отправляясь въ Симбирскъ по непріятному порученію, увлеченный разсказомъ іеромонаха Евстафія, ѣдетъ къ нему осмотрѣть найденную пергаментную рукопись, отнесенную къ XIII вѣку, дѣлаетъ свои замѣчанія и проситъ сейчасъ же Горскаго справиться съ синодальными и Строевскими перечнями

писателей и извѣстить его о результатѣ. Ѣдетъ онъ въ Петербургъ черезъ Новгородъ,—сейчасъ же отправляется въ Софійскую библіотеку. Времени нѣтъ, но все-таки онъ отыскиваетъ тамъ массу любопытныхъ памятниковъ, сообщаетъ о томъ другу своему Горскому, высказываетъ свои предположенія на счетъ нѣкоторыхъ. Пріѣзжаетъ онъ въ Петербургъ и немедленно знакомится съ Румянцевскимъ музеемъ и публичною библіотекою. Двое сутокъ употребляетъ онъ на чтеніе описанія рукописей Румянцовскихъ: такъ заняло оно его. «Что̀ дѣлаю въ Петербургѣ?» отвѣчаетъ онъ Горскому, тоже, что̀ въ лаврѣ: пишу, пишу и пишу». «Пока еще остаюсь съ прежнею привычкою, съ прежними дѣлами. То пишу, то читаю; то читаю, то пишу».—«Другъ мой!», писалъ онъ изъ Риги, «я все живу какъ будто въ академіи: пишу и читаю, читаю и пишу. Лишь только буря затихнетъ, опять весь въ книгахъ, и ночь, и день за книгами. Но когда буря настаетъ, — то уже не до книгъ; не знаешь, куда и душу дѣвать».—«То, что̀ въ рукахъ моихъ часто бываетъ,—это книги. По прежнему книжный червякъ».—Онъ съ интересомъ занимается исторіею Китая, съ увлеченіемъ читаетъ Иделера о Египетской литературѣ. Онъ почти никогда не садился за обѣденный столъ, а вкушалъ пищу, какъ говорится, мимоходомъ, не разставаясь съ книгой. Ночью пробуждался онъ часто, бралъ свѣчу, шелъ въ библіотеку, доставалъ книгу или рукопись и садился работать, не отлагая такихъ занятій на утро. Подъ старость, когда физическія силы его слабѣли, онъ ложился спать на полу; по обѣ стороны его горѣли свѣчи, лежали книги и бумаги. Когда уставалъ одинъ бокъ у него, онъ переворачивался на другой и продолжалъ работу.

Откуда же брались силы у этого, отъ дѣтства слабаго организма? Что̀ же двигало его неустанною работою? Мы можемъ не погрѣша сказать, что единственно желаніе служить Богу и ближнему всецѣло управляло трудами и жизнію этого святителя. Только ревность къ этому служенію давала ему благодатную, изумляющую насъ силу. О своихъ трудахъ говоритъ онъ: «Что̀ дѣлать, если иногда и встрѣчаютъ насъ очень неласково. Быть можетъ, что впослѣдствіи признаютъ что-нибудь и доброе въ трудѣ немощи, въ трудѣ грѣшника, но трудѣ искреннемъ. А если не увидятъ люди, Онъ, Сердцевѣдецъ, узритъ. А если и того не будетъ, что̀ же удивительнаго, что у грѣшника все худо?» «Владыка писалъ, что вамъ разрѣшено печатать описаніе библейскихъ рукописей. Поздравляю васъ съ радостію. Это радость и для всѣхъ, понимающихъ значеніе разумнаго служенія Господу». Изданіе «Твореній Св. Отцовъ» не переставало заботить его, и онъ постоянно напоминалъ о немъ Горскому. «Готовьте,

друзья Христовы, готовьте пищу для искупленныхъ Христовыхъ. О Боже мой, Боже мой! Какъ мы грѣшны предъ Тобой и какъ немощны! Надобно творить угодное предъ Тобою для себя и другихъ. А что у насъ? Куда дѣла наши? Скажутъ ли они что-нибудь въ защиту нашу? Найдется ли что полезное для братій? Господи, Господи! Ты Сердцевѣдецъ. Ты управляешь сердцами людей; Ты вѣдаешь полезное для души; Ты и пылинкою двигаешь горы. А что мы? О, грѣшно и вспомнить о себѣ, когда думаешь о Твоемъ величіи, о Твоей святости. И тогда, какъ поставляешь себя вблизи другихъ, и тогда стыдъ покрываетъ лицо за свое ничтожество предъ другими; и тогда чувствуешь грусть и уныніе души, подавляемой силою дѣлъ другихъ, при моей пустотѣ. Безотвѣтенъ я, Господи, предъ Тобою. Безотвѣтенъ я предъ братіями моими. Безотвѣтенъ я предъ самою землею, которую попираю ногами, самъ достойный попиранія всѣми». Наконецъ, когда первая книжка «Твореній» вышла въ свѣтъ, съ какимъ восторгомъ писалъ онъ Горскому: «Душа горитъ и радостію, и желаніями. Дай Богъ, чтобы все было къ Его славѣ. Трудитесь, друзья мои, трудитесь. Награда на небѣ!»

Вотъ тотъ великій двигатель и тотъ источникъ силы, который изумлялъ всѣхъ въ Филаретѣ.

Закончимъ статью нашу словами преосвященнаго Евгенія, произнесенными надъ гробомъ Филарета.

«Гробъ—тайна. Окончившій земное поприще, нисходитъ въ могилу—въ область мрака, недоумѣнія и забвенія. Таковъ удѣлъ большинства людей обыкновенныхъ».

«Не то при этомъ гробѣ! При немъ, какъ бы впервыя, слышишь и понимаешь возгласъ церкви: *вѣчная память*. Этотъ гробъ сокрылъ отъ насъ благочестный ликъ доблестнаго архипастыря. Но не скроетъ онъ, а напротивъ, откроетъ на память родамъ чудное богатство внутренней, сокровенной жизни почившаго. Изъ сего мрачнаго гроба возсіяетъ въ полномъ блескѣ благоплодность подвиговъ успокоившагося въ немъ, изъ-подъ сумрака могилы поднимется въ полномъ величіи значеніе многотрудной, разнообразной, *обще-полезной и истинно*-христіанской дѣятельности почившаго. Исторія Церкви и Отечества, а вмѣстѣ съ тѣмъ, если не прежде всего, скрижали книги судебъ царствія Божія, неизгладимо, въ вѣчную память, обозначутся именемъ почивающаго въ семъ гробѣ. Весь многообъемлющій смыслъ молитвеннаго желанія церкви о дарованіи почившему вѣчной памяти только и можетъ быть понятъ надлежащимъ образомъ при гробахъ, подобныхъ сему гробу».

И. С. Листовскій.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО *).

1820 годъ.

(Начато въ Тифлисѣ 20 Марта 1820).

6-го Января получили мы бумаги отъ г. главнокомандующаго ген.-отъ-инфантеріи Ермолова. Пономаревъ писалъ къ нему по прибытіи нашемъ въ Баку, представя ему рапортъ мой, въ которомъ я доносилъ вкратцѣ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ моего путешествія въ Хиву и о пріемѣ, оказанномъ мнѣ ханомъ. Пономаревъ также испрашивалъ разрѣшенія, куда намъ слѣдовать съ посланцами. Главнокомандующій предписалъ намъ прибыть немедленно въ Дербентъ, дабы его еще тамъ застать, а мнѣ онъ писалъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Гвардейскаго генеральнаго штаба господину капитану и кавалеру Муравьеву 4-му. Господинъ маіоръ Пономаревъ доставилъ мнѣ въ подлинникѣ рапортъ вашъ по возвращеніи изъ Хивы. Съ почтеніемъ смотря на труды ваши, на твердость, съ какою вы превозмогли и затрудненія, и самую опасность, противуставшія исполненію возложеннаго на васъ важнаго порученія, я почитаю себя обязаннымъ представить всеподданнѣйше Государю Императору объ отличномъ усердіи вашемъ въ пользу его службы. Ваше высокоблагородіе собственно мнѣ сдѣлали честь, оправдавъ выборъ мой исполненіемъ столько труднаго порученія. Генералъ Ермоловъ. 31 Декабря 1819 г. С. Караулъ въ Дагестанѣ".

Въ тоже самое время главнокомандующій писалъ къ дежурному генералу при Государѣ Закревскому, который въ то время въ Москвѣ находился. Я недавно получилъ выписку изъ того письма чрезъ брата Александра. Вотъ списокъ съ оной:

„Отсюда ѣду я въ Дербентъ, потому что оттуда теперь недалеко, а когда въ другой разъ представиться можетъ случай, не знаю. Меня влечетъ

*) См. выше, стр. 145.

туда и то, что возвратились сюда посыланные мной къ берегамъ Трухменскимъ. Гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ Муравьевъ, имѣвшій отъ меня порученіе проѣхать въ Хиву и доставить письмо къ тамошнему хану, не смотря на всѣ опасности и затрудненія, туда проѣхалъ. Ему угрожали смертью, содержали въ крѣпости; но онъ имѣлъ твердость, все вытерпѣвъ, ничего не устрашиться; видѣлъ хана, говорилъ съ нимъ и, внуша ему боязнь мщенія со стороны моей, побудилъ отправить ко мнѣ посланцевъ. Муравьевъ есть первый изъ Русскихъ въ сей дикой сторонѣ, и свѣдѣнія, которыя передастъ намъ о ней, чрезвычайно любопытны. Увидѣвъ его въ Дербентѣ, я пришлю вамъ рапортъ о происшествіяхъ и похвальной рѣшительности Муравьева".

Вотъ списокъ съ донесенія моего къ маіору Пономареву по возвращеніи изъ Хивы. Донесеніе сіе въ подлинникѣ было послано къ Алексѣю Петровичу.

„Вслѣдствіе отношенія в. высокоблагородія, отъ 14 числа Сентября за № 21 писаннаго, я отправился 18 числа того же мѣсяца въ Хиву и, возвратившись благополучно на корветъ „Казань" къ 13 числу сего мѣсяца, имѣю честь донести вамъ слѣдующее:

„Прибывъ въ Хивинскія владѣнія 3 числа Октября, я послалъ къ Магмедъ-Рагимъ-хану вѣстника о моемъ пріѣздѣ, и 6 числа того же мѣсяца я уже былъ на дорогѣ въ самый городъ Хиву, какъ меня встрѣтили два чиновника, посланные отъ хана. Одинъ изъ нихъ былъ Атъ-Чанаръ Али-Верди, отецъ Ходжашъ-Мегрема, директора таможни, а другой юзъ-баши Эшъ-Незеръ. Чиновники сіи воротили меня и, объявивъ, что я гость Ходжашъ-Мегрема, повезли меня въ крѣпостцу Ильгельди, принадлежащую вышеупомянутому директору. Въ семъ мѣстѣ продержали меня 48 дней подъ самымъ строгимъ надзоромъ, льстя надеждой со дня на день, что ханъ меня призоветъ. Слухи, доходившіе до меня, согласовались съ разсказами Русскихъ и Персидскихъ невольниковъ, съ которыми я по ночамъ имѣлъ тайныя свиданія. На случай пріѣзда моего собранъ былъ совѣтъ, и на ономъ рѣшено умертвить меня; но ханъ не рѣшился на сіе, опасаясь мщенія со стороны Русскаго правительства. Ко мнѣ присланъ былъ чиновникъ для узнанія отъ меня, по какому предмету я прибылъ, полагая, что я присланъ былъ ходатаемъ за Русскихъ, страждущихъ въ жесточайшей неволѣ, или для востребованія удовлетворенія за два купеческія судна, сожженныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Трухменскомъ берегу, или отвѣта за убіеніе князя Бековича, ходившаго въ Хиву въ царствованіе императора Петра Великаго. По дошедшимъ тоже до хана слухамъ, что я дорогою велъ записки, полагали меня лазутчикомъ. Сему посланному я отвѣчалъ, что дѣла, мнѣ препорученнаго, никто кромѣ хана не узнаетъ, потому что я ни къ кому другому не посланъ, какъ къ нему; послѣ сего присмотръ за мной сталъ строже, а обращеніе самое невѣжливое. По прошествіи семи недѣль я упросилъ юзъ-башу Ешъ-Незера съѣздить въ Хиву и представить хану, что если меня будутъ еще далѣе задерживать, то ледъ, плывущій по Балканскому заливу, принудитъ корветъ возвратиться, и что въ такомъ случаѣ я просилъ его высокостепенство написать къ вашему высокоблагородію, по какой причинѣ онъ меня задерживаетъ, дабы случай сей не разстроилъ пріязни, которую главнокомандующій желаетъ съ нимъ имѣть. Такъ какъ юзъ-баши на другой день не возвратился, то я рѣшился спасаться бѣгствомъ. Для исполненія сего предпріятія принужденъ я былъ ввѣриться Трухменцу Сеиду, пріѣхавшему со мной. Ночь уже была назначена для побѣга, но вѣроломный проводникъ обманулъ меня, и мнѣ ничего болѣе не

оставалось, какъ ожидать участи своей. Посланный мною юзъ-баши возвратился съ извѣстіемъ, что ханъ меня требуетъ. 17-го числа Ноября я выѣхалъ изъ Ильгельди и прибылъ въ Хиву, гдѣ былъ принятъ такъ хорошо, какъ народъ Узбекской необразованный принять умѣетъ. 20-го числа ввечеру я видѣлся съ ханомъ. 21-го выѣхалъ изъ Хивы въ Ильгельди обратно, а 27-го совсѣмъ отправился въ путь къ Красноводску."

„Описавъ вашему высокоблагородію вкратцѣ людей, съ которыми я имѣлъ дѣло, честь имѣю донести объ успѣхѣ возложенныхъ на меня препорученій и объ отвѣтѣ, данномъ мнѣ Хивинскимъ ханомъ".

„Привѣтливое письмо, посланное г-омъ главнокомандующимъ въ Грузіи, понравилось его высокостепенству; но онъ повидимому довольнѣе былъ бы, еслибъ онаго совсѣмъ не было. Подозрѣніе, знаменующееся во всѣхъ поступкахъ Магмедъ-Рагимъ хана, оному причиною; безчисленныя казни и даже убіеніе 11-ти своихъ братьевъ возвело его на престолъ. Онъ окружилъ себя людьми, не смѣющими ему противорѣчить. Онъ не согласенъ, чтобы караваны купеческіе ходили изъ Хивы къ Красноводску и, когда я ему представлялъ преимущество сего пути предъ Мангышлакскимъ, онъ отвѣчалъ мнѣ, что здѣшній народъ служитъ Персіянамъ, тогда какъ Мангышлакскій ему повинуется, и потому дорога къ Красноводску ему кажется опасной и неудобной. Когда вы будете въ союзѣ съ нашимъ г-омъ главнокомандующимъ, отвѣчалъ я, то непріятели ваши будутъ нашими. Онъ на сіе ничего не отвѣчалъ, но послѣ прислалъ мнѣ сказать чрезъ Ходжашъ-Мегрема, чтобы мы одни управлялись со своими непріятелями".

„По предписанію вашему, я требовалъ отъ Магмедъ-Рагимъ-хана отправленія пословъ къ главнокомандующему, и онъ на сіе скоро согласился. Имена оныхъ вамъ уже извѣстны изъ предъидущаго моего рапорта. Ханъ сказалъ мнѣ, что, препоручая оныхъ г-ну главнокомандующему, представляетъ ихъ въ его волю и если ему угодно будетъ послать ихъ къ Государю Императору, то они должны и туда ѣхать. Препорученія, данныя имъ отъ хана, мнѣ неизвѣстны".

„Ханъ, принявъ меня, старался какъ можно скорѣе разстаться со мною. Онъ немедленно приказалъ мнѣ ѣхать изъ Хивы. Короткое свиданіе, которое я съ нимъ имѣлъ, не позволило мнѣ распространиться съ нимъ въ дальнѣйшихъ переговорахъ".

„Я полагаю тоже за нужное донести в. в—ію, что съ нынѣшняго года согласіе, существовавшее между ханомъ и Іомудцами или прибрежными Трухменцами Каспійскаго моря, разстроилось. Ханъ желаетъ покорить подъ свое владѣніе всѣхъ окружающихъ его народовъ. Онъ страшится Бухаріи, но привелъ въ свое послушаніе Киргизскаго хана, съ которымъ вступилъ даже въ родственную связь. Трухменское поколѣніе Теке имъ разграблено и ему повинуется; Мангышлакскіе Трухменцы поколѣній Абдалъ и Игдыръ ему же повинуются. Намѣреніе его теперь въ томъ состоитъ, чтобы покорить Іомудцевъ, которые нерѣдко дѣлаютъ воровства въ его владѣніяхъ. Ханъ началъ съ того, что нынѣшняго года наложилъ на приходящіе караваны ихъ за покупкой хлѣба по полу-тилла съ каждаго верблюда, что́ выходитъ по два рубля серебромъ. Онъ надѣется, что налогъ сей понудитъ голодныхъ Трухменъ поселиться въ его ханствѣ или признать власть его. Налогъ сей крайне озлобилъ Іомудцевъ, которые готовы вооружиться на Хиву, предвидя себѣ такую же участь, какъ поколѣніе Теке. И нужда заставляетъ ихъ желать, чтобы Россійскія суда приходили сюда съ хлѣбомъ для продажи имъ онаго".

„Долгомъ поставляю себѣ донести в. в—ію о неусыпномъ стараніи находящагося при мнѣ Армянина Муратова, который не щадитъ трудовъ

своихъ, дабы заслужить благосклонность начальства. Я буду тоже покорнѣйше просить в. в—іе, дабы благоволили донести о его службѣ его высокоп—ству и исходатайствовать ему награжденіе, достойное его рвенія. 17 Декабря 1819 г., № 50, Корветъ „Казань" на Красноводской рейдѣ".

Я не могъ уговорить Пономарева ѣхать на другой день или въ тотъ же самый по полученіи предписанія отъ главнокомандующаго. Ему подъемъ казался труднымъ; онъ обѣщался еще у иныхъ обѣдать, у другихъ ужинать. Онъ хотѣлъ писать отчеты свои и принялся за оные только 8 числа, когда я почти нахальнымъ образомъ вывезъ посланцовъ на Дербентскую дорогу. Пономаревъ увѣрялъ меня, что онъ непремѣнно сего числа выѣдетъ и въ сопровожденіи толпы старыхъ маіоровъ ходилъ по всему городу водку пить, прощаться и цѣловаться. Видя, что сіе никогда не кончится, я выбрался изъ города украдкою по стѣнѣ крѣпостной и уѣхалъ. Пономаревъ, видя, что меня уже нѣтъ, испугался. Онъ боялся, чтобы я одинъ впередъ не уѣхалъ къ главнокомандующему, хотя я ему прежде обѣщался, что, выѣхавъ разъ изъ Баку, я готовъ его двѣ недѣли ожидать на первомъ посту. Старикъ сѣлъ передъ вечеромъ верхомъ и пріѣхалъ на Сумгаить, гдѣ я его съ посланцами ожидалъ. 8-го числа мы выѣхали изъ Баку и переночевали на Сумгаитѣ. 9-го числа проѣхали мы Кализинскій постъ и прибыли на ночлегъ въ Хадершуды; тутъ дожидалась насъ коляска полковника Левенцова, командира бывшаго Троицкаго поста. Мы посадили посланцевъ своихъ въ коляску и повозки и повезли въ Девши, гдѣ ночевали.

11-го числа мы пріѣхали къ Кубу, гдѣ комендантъ Яковъ Михайловичъ Старковъ, человѣкъ почтенный по ревностному исполненію должности своей, по расторопности, по ранамъ, гостепріимству и обращенію, встрѣтилъ насъ и принялъ.

Пономаревъ былъ нѣкогда комендантомъ или окружнымъ начальникомъ въ Кубанской области, попался подъ судъ по нѣсколькимъ стамъ просьбъ, поданныхъ на него жителями за разныя взятки и несправедливости. Изъ нихъ главною причиною была безпечность его, малыя способности и мошенничество окружающихъ его. Онъ раздалъ множество земель бегамъ или дворянамъ, давалъ имъ большую прислугу изъ жителей и раззорялъ нижнее состояніе оныхъ; беки же подносили ему подарки; дѣла не дѣлались и не рѣшались, и наконецъ онъ былъ погубленъ и заведенъ въ ужасные начеты сими же самими беками. Пономаревъ, по добрымъ свойствамъ его сердца, не хотѣлъ видѣть мошенниковъ въ тѣхъ, которыхъ онъ облагодѣтельствовалъ; они вездѣ встрѣчали его и бранили новаго коменданта. Бѣдный Пономаревъ осуждалъ строгость его и восхищался лицемѣрною привѣтливостію бековъ, поставляя въ примѣръ прежнее правленіе свое.

Я хотѣлъ выѣхать на другой день, но старикъ мой такъ упрашивалъ меня, что я принужденъ былъ остаться дневать. 12-го числа у него были тутъ разные пріятели и кумовья, съ которыми онъ пировалъ. Въ теченіи сего дня я успѣлъ познакомиться съ полковникомъ Левенцовымъ, высохшей муміей чудака, извѣстнаго еще по прежнимъ проказамъ его. Я въ Кубѣ видѣлся тоже съ братомъ Наумова, съ маіоромъ Левенцовымъ и Табунщиковымъ, которые возвращались къ своимъ мѣстамъ, кончивши съ княземъ Мадатовымъ кампанію противъ несчастныхъ поселянъ, коихъ грабили, вѣшали и уничтожали жестокимъ образомъ.

13-го мы выѣхали изъ Кубы, а 15-го пріѣхали въ Дербентъ, гдѣ были приняты новымъ чудакомъ, подполковникомъ Бухвостовымъ. Ген.-маіоръ баронъ Вреде, тамошній бригадный командиръ, принялъ меня съ той же лаской и дружбой, которыми я пользовался отъ него въ бытность его въ Тифлисѣ. Разсказы барона Вреде и отъ другихъ слышанные мною касательно кампаніи Алексѣя Петровича не могутъ быть здѣсь помѣщены; ибо, не имѣя настоящихъ свѣдѣній на сей счетъ, мнѣ бы не хотѣлось обсуживать дѣйствія двѣнадцати-тысячнаго корпуса, который въ теченіи цѣлаго лѣта, какъ мнѣ кажется, только грабилъ и раззорялъ окрестныя деревни и нѣсколько разъ разсѣялъ вооруженныя толпы жителей.

16-го числа видѣлся я съ Коцебу, который впередъ пріѣхалъ изъ отряда главнокомандующаго.

17-го числа прибылъ самъ Алексѣй Петровичъ. Бобарыкинъ и Воейковъ помѣстились со мной, и мы разсказывали взаимно другъ другу происшествія, случившіяся съ нами въ теченіи прошлаго лѣта. Пріемъ, который оказалъ мнѣ главнокомандующій, чрезвычайно огорчилъ меня. Онъ былъ крайне холоденъ, не хотѣлъ вѣрить во многихъ случаяхъ словамъ моимъ, такъ что я совсѣмъ потерялъ охоту объяснять ему дѣла, за которыми онъ посылалъ меня. Онъ, кажется, былъ доволенъ симъ: дѣла, занимающія его болѣе 20-ти часовъ въ сутки, совершенно разстроили его. Къ тому же многіе старались сердить его на Татаръ, коихъ по личнымъ неудовольствіямъ называли измѣнниками. Главнокомандующій сердился и до такой степени забывался, что всякій разъ самъ при себѣ и даже собственными руками наказывалъ несчастныхъ жителей. Жестокіе поступки, которыми онъ себя ознаменовалъ въ теченіи прошлаго года, совсѣмъ несовмѣстны со свойственнымъ ему добродушіемъ. Одно отравленіе Измаилъ-хана Текинскаго, коего исполнитель былъ г.-м. Мадатовъ, заставляетъ всякаго содрогаться. Таковое разстроенное его положеніе обрушилось частью на насъ. Вѣроятно еще, что главнокомандующій получилъ

отъ Государя непріятныя бумаги, можетъ быть и выговоръ за посланіе нашей экспедиціи, которую онъ устроилъ безъ воли царской и которая нанесла много безпокойствъ Персіянамъ, съ коими Государь хотѣлъ быть въ ладахъ. Аббазъ-Мирза былъ признанъ наслѣдникомъ Персидскаго престола противъ воли главнокомандующаго и противъ всѣхъ политическихъ выгодъ, которыя Россія могла имѣть, содержа братьевъ, ищущихъ престола, въ раздорѣ и не признавая ни того, ни другаго. Всѣ сіи обстоятельства безпокоили главнокомандующаго, который вѣроятно еще тогда сбирался оставить Грузію по требованію Государя. Безтолковый Пономаревъ, который спалъ все время пребыванія нашего на Трухменскихъ берегахъ и ничего не видѣлъ и не зналъ, поролъ такую дичь главнокомандующему, что и слушать его жалко было. Но слова его противурѣчили одно другому и не имѣли никакого вѣса. «Тебѣ теперь предстоитъ», сказалъ мнѣ Алексѣй Петровичъ, съ такимъ видомъ, какъ будто я зачинщикъ сей экспедиціи, «представить все это дѣло въ такомъ видѣ, чтобы правительство продолжало начатое». Мнѣ никакой нужды не было вязаться съ нимъ. Онъ приказалъ мнѣ подать записки о Хивѣ и Трухменіи. Я написалъ ихъ кое-какъ, дабы отвязаться и представилъ при слѣдующемъ рапортѣ:

Вслѣдствіе повелѣнія вашего высокопревосходительства, отъ 10-го Іюня прошлаго 1819 года писаннаго, я отправился подъ начальствомъ г-на маіора Пономарева изъ Тифлиса 17-го числа того же мѣсяца. По прибытіи нашемъ въ Баку, мы сѣли на корветъ „Казань“, изготовленный на предметъ экспедиціи нашей къ Трухменскимъ берегамъ, куда мы прибыли въ концѣ Іюля мѣсяца. Обозрѣвъ вышеупомянутый берегъ отъ Серебряннаго Бугра, чтò близъ Астрабада, до Красноводскаго залива, я отправился изъ сего послѣдняго мѣста Сентября 16-го дня въ городъ Хиву и доставилъ къ тамошнему владѣльцу Магмедъ-Рагимъ-хану письмо отъ вашего в-ва и подарки, полученные мною отъ г-на маіора Пономарева Возвратившись 13-го Декабря на корветъ, я донесъ г-ну маіору о пріемѣ оказанномъ мнѣ ханомъ и объ успѣхѣ въ данномъ мнѣ препорученіи. Народъ Трухменскій поколѣнія Іомудъ, населяющій восточный берегъ Каспійскаго моря отъ Балканскаго залива до Астрабадскаго, прося у вашего в-ва, чрезъ избраннаго имъ старшину Кіатъ-агу, покровительства и защиты отъ Персіянъ, съ коими они въ непримиримой враждѣ, будучи въ невольной покорности у нихъ, согласенъ, чтобы мы имѣли крѣпость и пристань на ихъ берегахъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ правительству нашему сіе заведеніе заблагоразсудится устроить. На предметъ торговыхъ сношеніи съ Хивой предстоитъ весьма удобное мѣсто въ Красноводскомъ заливѣ, гдѣ находится прѣсная колодезная вода и весьма удобное пристанище для судовъ. Краткость времени не позволила мнѣ произвести съёмки на семъ мѣстѣ. Изъ рапорта моего къ г-ну м-ру Пономареву, представленнаго къ в-му в-ву, вамъ уже извѣстно, что Хивинскій ханъ, отстраняясь отъ дружественныхъ связей съ Россіей, несогласенъ, чтобы караваны его ѣздили въ Красноводскъ. Привезенные мною изъ Хивы посланцы объяснятъ вамъ причины, по которымъ ханъ сіе отказалъ; но, со стороны военныхъ видовъ противъ Персіянъ, Красноводскій заливъ мнѣ кажется слишкомъ отдаленъ отъ

Астрабада. Серебряный Бугоръ, близъ котораго протекаетъ рѣка Гюргенъ, или устье рѣки Атрека, казались бы удобными, еслибы суда могли имѣть хорошее пристанище; но въ сихъ мѣстахъ заливовъ не имѣется, и суда должны стоять въ открытомъ морѣ въ разстояніи шести или десяти верстъ отъ берега. Іомуды пользовались всегда хлѣбомъ изъ Астрабада и изъ Хивы, который они покупали на деньги выручаемыя ими отъ продажи нѣкоторыхъ домашнихъ издѣлій, а большею частію отъ продажи невольниковъ, которыхъ они въ большомъ количествѣ похищаютъ изъ Персіи, дѣлая въ оную частые набѣги. Подать, наложенная на нихъ вновь Магметъ-Рагимъ-ханомъ разстроила согласіе ихъ съ Хивой, и они ищутъ покровительства Русскихъ, дабы получать отъ насъ хлѣбъ, порохъ и свинецъ, въ чемъ состоитъ главнѣйшій недостатохъ ихъ. Они готовы намъ оказать всякую помощь въ случаѣ нападенія на ихъ сосѣдей. Не имѣя начальника и управляясь весьма умѣренной властью старшинъ, по различнымъ поколѣніямъ ихъ, они не въ состояніи собрать значительныхъ силъ, но готовы пристать къ тому, который ловкостью и храбростью возметъ надъ ними власть. Въ такомъ случаѣ они могутъ собраться въ нѣсколькихъ тысячахъ и причинить явный вредъ сосѣдямъ своимъ. Впрочемъ необыкновенная алчность Трухменцовъ къ деньгамъ и недостатокъ чувствуемый ими въ хлѣбѣ могутъ лучше всего побудить ихъ къ исполненію совершенно всѣхъ видовъ нашего правительства. Недовѣрчивый нравъ отдаленнаго отъ нашихъ границъ владѣльца Магметъ-Рагимъ-хана и боязнь, чтобы цѣль знакомства нашего съ нимъ не имѣла въ послѣдствіи мщенія за 3.000 Русскихъ, страждущихъ въ жесточайшей неволѣ въ его владѣніяхъ, причиною тому, что онъ удаляется отъ всякой связи съ нами".

„Изслѣдовавъ, сколько возможно въ столь короткое время, берега Трухменскіе, народъ оные населяющій, караванныя дороги въ Хиву и распросивъ о дальнѣйшихъ сношеніяхъ Хивинцовъ съ Бухарой, Кабуломъ и Индіей, я буду имѣть честь представить в-му в-ву подробное описаніе узнаннаго мною и чертежи нѣкоторыхъ мѣстъ, какъ скоро время позволитъ мнѣ привести въ порядокъ мои записки. Теперь же прилагаю только краткое описаніе народовъ Трухменскихъ и Хивинскаго и записку Русскихъ невольниковъ, найденную мною въ стволѣ ружья моего въ Хивѣ."

Алексѣй Петровичъ самъ приказалъ мнѣ представить ему при рапортѣ записку Русскихъ невольниковъ; когда же я ее представилъ, онъ мнѣ сказалъ, что я могу держать ее у себя и хранить, какъ памятникъ моего пребыванія въ Хивѣ. Я его благодарилъ за возвращеніе сей записки, которую я долженъ свято хранить. Это не несчастные, сказалъ Алексѣй Петровичъ, а бѣглые канальи, которые должны страдать. Я удивился, что на все говоренное мною главнокомандующій противорѣчилъ мнѣ, лиша меня той довѣренности, которую онъ всегда ко мнѣ показывалъ. Обстоятельства сіи крайнѣ огорчали меня, особливо когда я вспоминалъ обхожденіе его со мной, когда онъ отпускалъ меня, прощаніе и малую надежду, которую имѣлъ онъ въ исполненіи даннаго мнѣ препорученія, ругая Ртищева, предмѣстника его, за дурной пріемъ, оказанный имъ призваннымъ Трухменскимъ посланцамъ во время заключенія мира съ Персіей въ 1813 году. Я сооб-

щилъ мысли свои и неудовольствіе Бобарыкину, который старался оспоривать меня и увѣрять, что я ошибался.

21-го числа главнокомандующій принялъ сперва Хивинскихъ, и послѣ того Трухменскихъ посланцевъ, обошелся съ ними сухо, такъ что Кіатъ, пріѣхавшій второй уже разъ искать покровительства Русскихъ для единоплеменниковъ своихъ, и второй разъ обманутый, между тѣмъ лишившійся большей части своего имущества, находящагося въ Астрабадѣ, гдѣ онъ торговалъ, былъ въ отчаяніи. Мнѣ жалко и стыдно было смотрѣть на него, послѣ тѣхъ увѣреній, которыми мы его склонили къ намъ ѣхать по приказанію главнокомандующаго.

22-го. Приняты были подарки отъ Хивинскаго хана. Оные состояли въ двухъ хорошихъ шаляхъ, но совсѣмъ въ пятнахъ, въ десяти Бухарскихъ мерлушкахъ, двухъ неважныхъ сѣдлахъ и въ нѣсколькихъ фунтахъ изюму. Хивинцевъ отдарили двумя небогатыми перстнями, а Трухменцамъ ничего не дали. Кіатъ, видя то малое вниманіе, которое на него обращалъ главнокомандующій и понимая, что слова его и распросы клонились къ пустому, сталъ тоже говорить шутками и отвѣчать въ такомъ же смыслѣ, какъ у него спрашивали. «Вы дрожите отъ Персіянъ?» сказалъ ему главнокомандующій.—«Теперь время зимнее», отвѣчалъ Кіатъ съ улыбкой: «всѣ дрожатъ».

30-го числа Алексѣй Петровичъ уѣхалъ въ Кизляръ, а Вельяминовъ въ Тифлисъ.

31-го вечеръ я провелъ у барона Вреде, который разсказывалъ мнѣ объ различныхъ жестокостяхъ и пыткахъ, дѣланныхъ Алексѣемъ Петровичемъ во время пребыванія его въ Дербентѣ надъ людьми невинными.

1-го Февраля мы выѣхали изъ проклятаго Дербента; но Пономаревъ не упустилъ случая, чтобы не отобѣдать у Рябинина, командира Севастопольскаго полка. И меня завели на тотъ же обѣдъ, что́ было причиною, что мы въ тотъ день не могли далѣе Кувлярскаго поста доѣхать. Съ нами былъ Лачиновъ, братъ того, который въ Грузіи служилъ, и этотъ тоже былъ колоновожатымъ и учился у моего отца, но былъ выключенъ изъ службы за небольшой проступокъ и опредѣлился въ службу рядовымъ въ 7-й карабинерный полкъ. Вельяминовъ отдалъ намъ его для привезенія въ Тифлисъ.

3-го числа мы прибыли еще довольно рано въ Кубу и могли бы далѣе ѣхать, но Пономаревъ выпросилъ у меня опять сей день и слѣдующій, чтобы погулять. Между тѣмъ я дѣлалъ розыски съ помощію коменданта Старкова о мѣстѣ погребенія подполковника Бакунина, родственника моего, убитаго во время экспедиціи графа Зубова въ Персію Лезгинами. Братъ Александръ Михайловичъ про-

силъ меня о томъ, когда я выѣзжалъ изъ Торжка, и заготовилъ для костей брата своего Ивана Михайловича мѣсто въ саду своемъ. Нашли въ Кубѣ одного Армянина Артюна Осипова, который былъ при похоронахъ Бакунина, и сказалъ, что тѣло его было положено на кладбищѣ церкви Петра и Павла, находящейся въ деревнѣ Кильварахъ, что̀ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Кубы и недалеко отъ селенія Хачмаръ. Какъ я ни старался проѣхать изъ Сумгаита прямо на Арбатскій постъ для минованія Баки, но мнѣ никакъ не удалось сего сдѣлать. Намъ велѣно было ѣхать въ Тифлисъ, съ посланцами, дабы показать имъ Грузію и угостить ихъ. Мнѣ приказано было заняться какъ можно поспѣшнѣе записками о Хивѣ и Трухменіи, а мы теряли время въ гуляньяхъ и пирахъ. Мы уѣхали въ Баку и провели тамъ три дня по напрасному. Я все торопилъ Пономарева; онъ сердился, но принужденъ былъ противъ воли своей отказать многимъ зовущимъ его.

Во время пребыванія нашего въ Дербентѣ была ужасная буря въ Бакѣ; сильный нордовой вѣтеръ въ тамошней пристани потащилъ всѣ суда съ рейды въ ночи съ 17-го на 18-е число Января, и одно купеческое судно погибло. Ужасная мятель и холодъ, сопровождавшіе сіи бури, не позволяли военнымъ судамъ подавать помощи купеческимъ. Вообще зима по всему западному берегу Каспійскаго моря была жестокая; погибло нѣсколько людей и множество скота и птицъ.

Третье избавленіе мое изъ Баки послѣдовало 10-го числа Февраля. Мы ночевали, отъѣхавши 12 верстъ; съ нами была фура и бричка Пономарева. Бричка сія намъ дѣлала много остановокъ. Вездѣ были намъ выставлены казачьи конвои съ офицерами для почета посланцамъ; но Пономаревъ, по свойственной ему медленности и безпечности, оставлялъ посланцевъ безъ всякаго вниманія. На всякой станціи безъ исключенія происходили между Трухменцами и Хивинцами ссоры, потому что отпустятъ ихъ однихъ, не отведутъ имъ квартиръ, и нѣсколько дней провели они даже безъ пищи. Я двадцать разъ о семъ говорилъ Пономареву; но его ничего не занимало, кромѣ его брички, для которой онъ полагалъ, что конвои выставлены. Я не могъ его уговорить, чтобы онъ не ѣздилъ въ сторону въ гости къ Макаеву, приставу у Мустафы, хана Ширванскаго, который выѣхалъ къ намъ и звалъ къ себѣ. Онъ непремѣнно хотѣлъ погубить еще двое сутокъ, и я рѣшился ѣхать одинъ, дабы не терять времени и не бросить совершенно однихъ посланцевъ. Пономаревъ, видя, что я уѣзжаю, поѣхалъ за мной. Переправившись съ трудомъ черезъ Шемахинскія горы и пріѣхавъ въ Новую Шемаху, Пономаревъ получилъ письмо

изъ дома: Елисаветпольскій казначей звалъ его скорѣе назадъ, говоря, что присутствіе его крайне нужно дома. Въ самомъ дѣлѣ, мы узнали послѣ, что жена его съ ума сошла. (Она поправилась только къ нашему пріѣзду.) Письмо сіе крѣпко безпокоило Пономарева, но онъ не могъ рѣшиться впередъ ѣхать. Мы пріѣхали въ Елисаветполь 17-го числа. Дочери Пономарева встрѣтили его верстъ за восемь, и онъ вѣрно забылъ въ это время всѣ выговоры, которые я ему дѣлалъ за его медленность и безпечность.

20-го числа мы выѣхали изъ Елисаветполя. Во время пребыванія моего тамъ, я былъ принятъ какъ нельзя лучше въ семействѣ Максима Ивановича *). Гостепріимство есть главная его добродѣтель. Скромное семейство его достойно всякаго уваженія; жаль, что бѣдность, въ которой оно находится, будетъ большая препона къ счастью дочерей. Старшаго же сына Пономаревъ лишился въ бытность его въ Трухменіи; мальчикъ былъ 13 лѣтъ умный и подавалъ много надежды. Безпечность старика до того простирается, что онъ оставляетъ бѣдное семейство свое безъ денегъ и безъ всякихъ средствъ, гоститъ, гуляетъ, мотаетъ и забываетъ о нуждахъ дѣтей своихъ.

24-го Февраля мы прибыли въ Тифлисъ. Я остановился у Василья Бебутова. Пріемъ, который оказали мнѣ всѣ товарищи и знакомые, осчастливилъ меня, и я отчасти забылъ огорченія, нанесенныя мнѣ Алексѣемъ Петровичемъ. Я былъ обласканъ ими свыше всякой мѣры; они любили меня и уважали мой поступокъ. Квартиру мнѣ отвели у князя Арсенія Бебутова. Иванъ Александровичъ Вельяминовъ принялъ меня со свойственнымъ ему добродушіемъ, учтивостію и ласками. Онъ принялъ тоже дня черезъ два посланцевъ, и 12 Марта подарилъ ихъ сукнами и шелковыми матеріями на кафтаны.

Много частныхъ происшествій случилось въ теченіе сей дороги, но я не помѣщаю оныхъ здѣсь за неимѣніемъ времени. Пономаревъ уѣхалъ въ Елисаветполь около 15 числа Марта мѣсяца, и посланцы остались на моихъ рукахъ. Меня же уволили отъ должности оберъ-квартирмейстера, дабы я имѣлъ время заниматься обработываніемъ своихъ записокъ, и я провожу день за письмомъ. Гордѣевъ, который на десять мѣсяцевъ арестованъ по рѣшенію изъ Петербурга, присланному вслѣдствіе его дѣла съ Энгольмомъ, сидитъ у меня съ утра до вечера и помогаетъ мнѣ. Лачиновъ чертитъ, и занятія мои идутъ успѣшно. Изъ писемъ, найденныхъ мною въ Тифлисѣ, узналъ я о смерти сестры моей и о рожденіи двухъ сыновей у братьевъ моихъ.

Въ послѣднихъ приказахъ было производство между нашими офицерами, въ Грузіи находящимися. Коцебу произвели въ подполковники,

---

*) Т.-е. Пономарева. П. Б.

а Воейкова перевели въ гвардейскій генеральный штабъ. На дняхъ отъ Алексѣя Петровича пришла бумага, изъ Кизляра писанная. Его извѣщаетъ губернаторъ Астраханскій, что туда прибыли Трухменскіе посланцы съ просьбой отъ всего народа того же содержанія, какъ та, которую мы привезли, т.-е. предлагаютъ себя въ подданство Россіи, съ тою разницей, что выискался какой-то наслѣдникъ Трухменскаго престола. Алексѣй Петровичъ прислалъ мнѣ копію съ сего прошенія. Въ копіи сей помѣщены были имена всѣхъ старшинъ съ названіями хановъ, и Кіатъ былъ помѣщенъ; но онъ ничего о семъ не зналъ и увѣрялъ, что прошеніе сіе есть ложное. Алексѣй Петровичъ приказалъ мнѣ разыскать сіе дѣло, и я узналъ, что прибывшій въ Астрахань былъ родной братъ Коджы, въ 1812 году начальствовавшаго надъ Трухменскимъ поколѣніемъ противъ Персіянъ и убитаго сими послѣдними. Братъ его, родомъ изъ-подъ Китайской границы, прибѣжалъ къ Трухменцамъ требовать лошадей, оружія, невольниковъ и дорогихъ каменьевъ убитаго; но его съ безчестіемъ Трухменцы прогнали. Онъ домогался власти надъ симъ народомъ чрезъ наше правительство.

Алексѣй Петровичъ, кажется, уѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь дѣлаютъ тайну изъ сего. Многіе говорятъ, что онъ уже сюда болѣе не возвратится, а замѣнится графомъ Воронцовымъ. Жаль, если сіе совершится: Грузія много потеряетъ.

22-го Марта, ввечеру послѣ зари, пріѣхалъ сюда противъ всякаго чаянія Алексѣй Петровичъ. Я ходилъ къ нему. Увидя его, вся досада, постигшая меня въ Дербентѣ, опять возобновилась во мнѣ.

28-го я былъ у заутрени, которая совершалась здѣсь обыкновеннымъ своимъ порядкомъ. Послѣ ранней обѣдни мы разговлялись у Θеофилакта. Потомъ провелъ я цѣлое утро въ бѣганьяхъ визитовъ; обѣдалъ у князя Дарги Бебутова, вечеръ же провелъ дома.

30-го я былъ на разводѣ, видѣлся съ Алексѣемъ Петровичемъ, спросилъ когда онъ прикажетъ посланцевъ представить; онъ мнѣ отвѣчалъ, съ той же сухостью, съ которою я былъ въ Дербентѣ принятъ, что ему недосугъ.

31-го ввечеру было первое собраніе послѣ Великаго поста. Собранія сіи, учрежденныя Петромъ Николаевичемъ *), похожи на что-нибудь; благопристойность особливо, вещь столь чуждая Тифлискому обществу, соблюдается со всевозможной строгостью.

1-го Апрѣля я ходилъ къ Алексѣю Петровичу, дабы взять отъ него нѣсколько книгъ, нужныхъ къ описанію древней исторіи Хивин-

*) Ермоловымъ. П. Б.

скаго ханства; онъ мнѣ ихъ далъ и приказалъ какъ можно скорѣе кончить описаніе, потому что черезъ двѣ недѣли я долженъ ѣхать съ княземъ Мадатовымъ въ отрядъ, собравшійся для наказанія Суркай-хана Казы-Кумыкскаго. Вечеръ я провелъ у Самойлова, гдѣ вновь прибывшій сюда комендантъ Граборичъ отличался своими штуками.

4-го посланцы мои были представлены Алексѣю Петровичу, который ихъ очень ласково принялъ; ввечеру были они въ Благородномъ собраніи.

7-го я носилъ къ Алексѣю Петровичу черновую записку мою, въ которой я представлялъ мнѣніе мое объ учрежденіи крѣпости въ Красноводскѣ и мысли о распространеніи торговли нашей въ Хивѣ и Бухаріи. Я читалъ ему сіе, и ему очень понравилось мое мнѣніе; онъ объявилъ мнѣ, что я долженъ готовиться ѣхать на дняхъ въ Петербургъ ходатаемъ по симъ дѣламъ. Предоставляя себя совершенно судьбѣ, я не радовался сему случаю и не противился поѣздкѣ сей.

8-го я обѣдалъ у Алексѣя Петровича, гдѣ тоже обѣдали Англичане; ввечеру они провели время у меня. Кажется, что они оставили Персію, будучи оттуда вытѣснены вновь прибывшими Французскими офицерами Наполеоновой гвардіи.

9-го я относилъ поутру бумаги мои къ Алексѣю Петровичу и былъ принятъ самымъ ласковымъ образомъ. Онъ мнѣ опять подтвердилъ быть готовымъ къ скорому отъѣзду и велѣлъ мнѣ соединить описаніе, поданное ему въ Дербентѣ, съ тѣмъ, которое я ему нынѣ представилъ.

10-го я получилъ 2000 р. отъ отца изъ Москвы. Цѣлый день занимался изготовленіемъ записокъ своихъ; вечеръ провелъ очень скучно у князя Северземидзева.

14-го я свидѣлся съ вновь пріѣхавшимъ Нижегородскаго драгунскаго полка маіоромъ Крещенскимъ; онъ служилъ прежде въ л.-уланскомъ полку, послѣ въ другихъ драгунскихъ полкахъ и, кажется, сосланъ въ Грузію за что-то. Я его зналъ всегда за порядочнаго человѣка и пригласилъ его къ себѣ на вечеръ, прощался съ пріятелями своими и сдѣлалъ вечеринку; она была довольно веселая.

15-го гости мои разошлись довольно поздно, но Самойловъ и Крещенскій остались и играли до 10 часовъ утра. Они выигрывали и проигрывали другъ другу большія деньги и когда дѣло вышло къ разчету, то Крещенскій оставался долженъ Самойлову 1000 рублей; онъ отказался отъ сего долга и началъ быть невѣжливымъ. Самойловъ принужденъ былъ ему напомнить, что онъ забывается, и велъ себя отлично, тогда какъ Крещенскій замаралъ себя совершенно. Я ушелъ изъ дому, Крещенскій остался у меня до вечера. Я вызвалъ

Самойлова, чтобъ онъ не сдѣлалъ тутъ то, отъ чего онъ удерживался и посылалъ людей къ Крещенскому, уговаривая его оставить домъ мой. Ничего не помогло, и я принужденъ былъ писать къ нему, чтобы онъ вышелъ; онъ оставилъ мою квартиру, и я былъ чрезвычайно радъ, что избавился отъ человѣка, котораго правила никакъ не сообразовались съ общимъ образомъ мыслей тѣхъ людей, которые составляютъ кругъ знакомыхъ моихъ.

Третьяго дня прiѣхалъ сюда одинъ Англичанинъ Гордонъ изъ Охотска, возвращающiйся сухимъ путемъ въ Индiю. Его приняли въ Ленкоранѣ за шпiона и прислали сюда. Алексѣй Петровичъ приласкалъ его и приказалъ отправить въ Персiю, куда онъ ѣхать сбирался.

16-го Алексѣй Петровичъ позвалъ меня къ себѣ около полудня, говорилъ со мною долго объ отправленiи моемъ, совѣтовалъ мнѣ, какимъ образомъ себя долженъ вести въ Петербургѣ и къ кому я буду адресованъ. Ввечеру онъ приказалъ мнѣ привести Кiата; мы у него сидѣли часа два. Главнокомандующiй былъ очень ласковъ съ нимъ и отпустилъ, обѣщаясь исполнить просьбу. Кiатъ хотѣлъ ѣхать обратно съ Хивинцами въ скоромъ времени, дабы успокоить Трухменскiй народъ на счетъ долгаго отсутствiя своего и опять возвратиться въ Тифлисъ, дабы дождаться моего возвращенiя изъ Петербурга.

18-го. Въ вечеру собралъ я товарищей своихъ, провелъ съ ними время, и они остались у меня сегодня до 8-ми часовъ утра.

19-го. Третьяго дня получено здѣсь извѣстiе о убiенiи Гурiельцами полковника Пузыревскаго, командира 44-го егерскаго полка. Въ Имеретiи совершенный бунтъ, и вчера поѣхали для усмиренiя онаго Вельяминовъ, начальникъ штаба, съ нимъ уѣхалъ и Бобарыкинъ. Передъ вечеромъ главнокомандующiй дѣлалъ ученье для одного баталiона, дабы показать Хивинцамъ и Трухменцамъ наши войска. Послѣ ученья была вечеринка у Мадатова. Я принужденъ былъ грозить Хивинцу Якубъ-Баю, что я его выгоню, если онъ не будетъ себя лучше вести, потому что онъ разными нахальничествами хотѣлъ показать презрѣнiе ко всѣмъ обычаямъ нашимъ.

22-го. Сегодня я отпустилъ поутру Хивинскихъ посланцевъ и вручилъ имъ письмо къ Мегмедъ-Рагимъ-хану слѣдующаго содержанiя:

Посланныя вашимъ высокостепенствомъ довѣренныя особы ваши, Юзъ-Баши, Ешъ-Незеръ и Якубъ-Бай, были представлены мною главнокомандующему Государя нашего, пославшему меня въ прошломъ году къ вамъ. Люди ваши донесутъ вашему высокостепенству, какимъ образомъ они были приняты у насъ и увѣрятъ васъ въ благорасположенiи главнокомандующаго. Я препоручилъ имъ тоже изъявить совершенную мою благодарность великому владѣтелю странъ восточныхъ, коего милости, излитыя на мою голову, еще болѣе ознаменовались довѣренностiю ко мнѣ гос-

подина главнокомандующаго, который, согласно со словами сказанными вамъ мною лично, посылаетъ меня на дняхъ къ Государю Императору съ донесеніемъ о новой дружественной связи, устроившейся между Востокомъ и Западомъ. Одно солнце, восходящее и закатывающееся, да озаритъ связь сію во вѣки. Свѣту свѣтила сего да уподобится сіяніе искренней связи сей; да рушится оная тогда только, какъ рушится свѣтъ. Позвольте, ваше высокостепенство, мнѣ, тому, который имѣлъ счастіе предстать предъ вами, надѣяться, что вы примете письмо сіе съ благорасположеніемъ равнымъ уваженію, которое я къ вамъ имѣю. Я былъ бы слишкомъ счастливъ, еслибъ могъ надѣятся, что мысли ваши обратятся иногда на того, который желаетъ вамъ неугасимой славы и продолженія всѣхъ благъ, коими Всевышній одарилъ ваше высокостепенство.

Ввечеру Алексѣй Петровичъ вручилъ мнѣ бумаги къ Государю и другимъ особамъ. Я набралъ тоже множество писемъ.

23-го. Около полудня я выѣхалъ изъ Тифлиса въ сопровожденіи человѣкъ двадцати знакомыхъ и пріятелей, которые меня довели почти до Дигомскаго поля. Мнѣ было чрезвычайно лестно и пріятно видѣть, что въ бытность мою въ Грузіи я нажилъ себѣ столько людей, благорасположенныхъ ко мнѣ. Я разставался съ прискорбіемъ съ Тифлисомъ. Когда я ѣхалъ одинъ, я скучалъ до крайности и готовъ былъ всякую минуту возвратиться, еслибъ сіе возможно было.

Я познакомился во Владикавказѣ съ комендантомъ подполковникомъ Николаемъ Петровичемъ Сиверцовымъ, человѣкомъ, казалось мнѣ, порядочнымъ.

Послѣдніе три перехода до Моздока были опаснѣе, нежели когда: Чеченцы выѣзжали всякій день партіями по 30 и 20 человѣкъ и разбивали проѣзжихъ. Незадолго до моего проѣзда убили 10 козаковъ и при нападеніяхъ на другіе отряды ранили нѣсколькихъ. Отъ Владикавказа до Елисаветинскаго я проѣхалъ съ 25-ю козаками; послѣдніе же два перехода со мной было по 70 человѣкъ пѣхоты, по два орудія и по 10 козаковъ. Когда я прибылъ къ Тереку, то редутъ Александровскій, находящійся на ономъ, переносился выше шестью верстами на террасѣ же.

28-го я въѣхалъ въ карантинъ, гдѣ просидѣлъ пять часовъ. Меня окурили и выпустили. Ввечеру я выѣхалъ изъ Моздока. Я ѣхалъ всѣ дороги благополучнымъ образомъ; но хотя у меня подорожная была курьерская, я имѣлъ на станціяхъ нѣсколько остановокъ, отъ безпорядка или мошенничества смотрителей происходящихъ. 9-го числа Мая передъ вечеромъ я увидѣлъ колокольни Москвы бѣлокаменной, и сердце мое забилось. Я въѣхалъ на дворъ нашего дома и не нашелъ отца, который уѣхавши былъ въ деревню. Я хотѣлъ тутъ переночевать и на другой день ѣхать далѣе, но узналъ, что братъ Михайло жилъ напротивъ. Я вбѣжалъ къ нему; онъ сидѣлъ съ тещей

своей и женой. Не ожидая моего возвращенія, удивленіе ихъ было несказанное. Послали тотъ же часъ за Александромъ. Андрей и Сергѣй тутъ же были, и я послѣ четырехъ лѣтъ разлуки съ родственниками провелъ нѣсколько часовъ въ кругу всѣхъ собранныхъ насъ пяти братьевъ, что̀ еще ни одного раза не случилось съ тѣхъ поръ, какъ я въ службу вступилъ. Сестры моей уже не было; она скончалась въ то время какъ я въ Хивѣ былъ. Я испыталъ участь тѣхъ, которые отлучаются на долгое время изъ родины своей: части родныхъ и друзей моимъ уже на свѣтѣ не было; другая же часть совершенно преобразовалась. Многіе переженились, имѣли уже дѣтей, и я нашелъ себѣ въ Россіи множество племянниковъ, о которыхъ я прежде понятія не имѣлъ.

11-го Мая, около полудня, я отправился далѣе въ путь къ Петербургу. 14-го числа на разсвѣтѣ около 2-го часа утра я прибылъ и остановился въ домѣ князя Григорія Семеновича Волконскаго на Мойкѣ, у Павла Колошина, который жилъ съ Тучковымъ. Того же дня я явился къ Закревскому, къ Селявину и пр. Передалъ часть бумагъ своихъ. Государь и князь Волконскій были въ Царскомъ Селѣ; но и они вскорѣ пріѣхали. Я явился къ князю и былъ принятъ съ отличными уваженіемъ, похвалой и ласками. Бумаги, которыя Алексѣй Петровичъ обо мнѣ писалъ, были очень лестны для меня; но въ представленіи было только упомянуто объ одномъ производствѣ въ слѣдующій чинъ, и я дня три тому назадъ произведенъ въ полковники съ переводомъ въ квартирмейстерскую часть, тогда какъ я былъ первымъ капитаномъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, а потому награжденіе сіе для меня не можетъ счесться лестнымъ.

Я былъ у графа Нессельроде уже нѣсколько разъ, былъ тоже у графа Каподистріи. Они восхищались моимъ поступкомъ и удачей; но я не видалъ, чтобы взято было живое участіе въ исполненіи прежняго намѣренія. Мнѣ было крайне прискорбно видѣть такую безпечность со стороны правительства, и я готовъ былъ все бросить и убираться снова въ Грузію; но вчера я былъ у Каподистріи, который, распросивъ меня обстоятельно, вошелъ въ виды Алексѣя Петровича, писалъ къ нему съ Поповымъ (который сегодня отъѣзжаетъ) и обѣщался мнѣ непремѣнно дать рѣшительный отвѣтъ въ теченіи слѣдующаго мѣсяца. «Государь хотѣлъ непремѣнно видѣться съ вами», сказалъ онъ, «и дастъ тогда отвѣтъ. Я же полагаю», продолжалъ онъ, «что самое лучшее будетъ предоставить Алексѣю Петровичу разсудить, полезно ли будетъ для нашего правительства заведеніе на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Если онъ сіе сочтетъ за нужное, то онъ пошлетъ другую экспедицію къ тѣмъ берегамъ, сдѣлаетъ смѣты и

представить ихъ къ Государю». Государь долженъ черезъ два дня возвратиться изъ Царскаго Села. И Волконскій, и Нессельроде, и Каподистрія обѣщались меня представить въ скоромъ времени. Я потому отложилъ писать къ Алексѣю Петровичу и намѣренъ написать къ нему уже по разговорѣ моемъ съ Государемъ.

Пріѣздъ мой въ Петербургъ и поѣздка въ Хиву надѣлали здѣсь много шуму. Я здѣсь служу предметомъ разговоровъ во всѣхъ обществахъ: даютъ мнѣ ужасныя награжденія, выдумываютъ и сами уже не знаютъ что̀ говорятъ. Многіе ищутъ со мною познакомиться для того единственно, чтобы закидать меня самыми глупыми вопросами.

Я былъ также нѣсколько разъ у Корсакова, который женатъ на двоюродной сестрѣ моей Софіи Мордвиновой. Они меня очень любятъ и принимаютъ живое участіе въ моемъ положеніи касательно тѣхъ дѣлъ, по которымъ я согласился жить четыре года изгнанникомъ изъ своего отечества. Адмирала здѣсь нѣтъ. Они обѣщаютъ мнѣ совершенный успѣхъ; но я сказалъ имъ, что не могу рѣшиться приступить къ дѣлу такого рода, получивъ уже одинъ разъ столь постыдный отказъ и что я никакъ не могу рѣшиться шутить собою такимъ образомъ въ другой разъ; но, что если будетъ съ той стороны сдѣланъ первый шагъ, который бы могъ меня удостовѣрить въ успѣхѣ моихъ предпріятій, то я ихъ опять сдѣлаю для достиженія своей цѣли. Между тѣмъ служба и занятія мои влекутъ меня въ Грузію, а Николай Семеновичъ пріѣдетъ сюда только въ Октябрѣ мѣсяцѣ сего года.

30-го я познакомился съ графомъ Воронцовымъ и завтракалъ съ нимъ. Онъ мнѣ очень понравился, обхожденіе его отличное, разговоръ умный, гордости ни малѣйшей, и онъ всякій день принимаетъ множество просителей, удовлетворяя каждаго.

Я получилъ вчера письмо отъ отца, въ которомъ онъ увѣщеваетъ меня не возвращаться въ Грузію и оставаться при училищѣ его, напоминая мнѣ, что я обязанъ отдать ему долгъ за воспитаніе, данное имъ мнѣ. Онъ написалъ сіе по внушенію брата Михайлы, который хочетъ выйти въ отставку. Ввечеру я писалъ ему и братьямъ (не упоминая имъ о полученіи письма сего) и написалъ имъ о рѣшеніи моемъ продолжать службу въ Грузіи.

1-го Іюня я былъ поутру у князя Волконскаго и графа Нессельроде, дабы узнать, когда я буду представленъ Государю. Оба обѣщались мнѣ, что они напомнятъ обо мнѣ Государю; но о сю пору еще ничего нѣтъ. Пребываніе мое здѣсь промедленіемъ своимъ весьма похоже на пребываніе мое въ Хивѣ. Вечеръ я провелъ у Корсакова и получилъ отъ него заимообразно денегъ; ихъ я здѣсь найти не могъ, ни между

роднымн, ни между товарищами, тогда какъ въ Тифлисѣ, краю чужомъ, я всегда могъ найти до 10.000 рублей въ одинъ вечеръ. Вотъ различіе гостепріимства тамошняго и здѣшняго. Тимковскій *), съ которымъ я вчера вечеръ провелъ у Корсакова, предлагалъ мнѣ путешествіе въ Бухарію въ видѣ довѣреннаго и уполномоченнаго посланника. Я бы желалъ, чтобы правительство было мнѣ признательно за послѣднюю поѣздку мою въ Хиву, дабы отправиться въ Бухарію.

2-го, я былъ у графа Каподистріи, который снова обѣщался доложить Государю обо мнѣ. Я обѣдалъ на Каменномъ островѣ у Екатерины Ѳедоровны Муравьевой.

4-го, по приказанію князя Волконскаго, я явился во дворецъ въ 8 часовъ утра для представленія Государю. Я ходилъ нѣсколько часовъ по коридору, видѣлся со многими пріѣзжими знакомыми, которымъ всѣмъ желательно было очень знать чудесныя происшествія, сопровождавшія мое путешествіе въ Хиву. Прусской службы подполковникъ Лукаду тутъ же былъ. Онъ уже писалъ королю своему о прибытіи моемъ и съ большимъ вниманіемъ распрашивалъ меня, но тоже о пустякахъ. Часу въ 12-мъ Волконскій позвалъ меня къ Государю. Онъ отвелъ меня сперва въ сторону и говорилъ что-то очень много и скоро, кланяясь и нагибаясь за всякимъ словомъ. Я не понялъ, чего онъ именно хотѣлъ отъ меня; но изъ движеній его и замѣшательства догадался, что онъ учитъ меня какъ представляться Государю. Я внутренно смѣялся сему. Онъ предложилъ мнѣ въ это время ѣхать посломъ въ Бухарію, представляя, сколь такого рода препорученіе лестно. Я былъ согласенъ съ нимъ на счетъ послѣдняго, но не далъ ему рѣшительнаго отвѣта. Я вошелъ къ Государю. Онъ принялъ меня съ особою ласкою, обнялъ меня и благодарилъ за усердіе, съ которымъ я исполнялъ службу. Все обращеніе его было отличное, такъ что едва ли видалъ я подобное со стороны какого бы то ни было начальника. Онъ говорилъ съ полчаса со мною, распрашивалъ съ большимъ вниманіемъ о послѣднихъ сношеніяхъ нашихъ съ Хивой, о претерпѣнномъ мною въ бытность мою тамъ, не судилъ дерзко и неосновательно о краяхъ неизвѣстныхъ, какъ то дѣлали всѣ тѣ, съ которыми я на сей счетъ говорилъ. Скромность его была примѣрная. Я имѣлъ случай показать ему записку, доставленную мнѣ въ Хивѣ Русскими невольниками. Онъ читалъ ее и, отдавая Волконскому, сказалъ: «Надобно имъ помочь. Какъ бы это сдѣлать? Надобно послать сказать хану Хивинскому, чтобъ онъ ихъ возвратилъ». Рѣчи

*) Извѣстный путешественникъ, служившій въ Азіатскомъ Департаментѣ. П. Б.

сіи, сказанныя съ непомѣрнымъ самонадѣяніемъ, не понравились мнѣ; казалось, что онъ сію минуту пошлетъ фельдъегеря съ симъ приказаніемъ къ хану. «Какъ васъ приняли?» послѣ того спросилъ у меня Государь, «тогда какъ васъ уже освободили и видѣли въ васъ довѣренную особу?»—«Со всѣми почестями», отвѣчалъ я, «но я былъ еще болѣе лишенъ свободы въ то время».—«Каково было обращеніе съ вами во время заточенія?»—«Очень грубое и невѣжливое».—«А послѣ?»—«Послѣ того какъ ханъ старался подарками и ласками заставить меня забыть прежній пріемъ, то всѣ тѣ особы, которыя не уважали меня, были ниже травы и старались подлостями загладить свою вину передо мною». На сей отвѣтъ Государь улыбнулся и, обратясь къ Волконскому, который одинъ изъ постороннихъ тутъ въ комнатѣ былъ, сказалъ ему: «Я это знаю; это всегда такъ; это всегда такъ у восточныхъ государей». Отпуская меня, Государь пересказалъ мнѣ всѣ тѣже привѣтствія, которыя сначала говорилъ и больше ничего. Я ожидалъ, что буду награжденъ послѣ сего свиданья за службу свою; но ничего такого не бывало. Я не хотѣлъ однакоже оставить въ рукахъ князя Волконскаго единственный памятникъ моего пребыванія въ Хивѣ и вытребовалъ у него назадъ вышеупомянутую записку Русскихъ невольниковъ, оставя копію съ оной въ канцеляріи князя Меншикова.

5-го Іюня поѣхалъ къ Тимковскому, дабы объясниться съ нимъ на счетъ Бухарской экспедиціи и узнать, въ чемъ состоятъ власть и выгоды избраннаго посланникомъ. Тимковскій уже зналъ о предложеніи графа Нессельроде. Онъ относился самымъ лучшимъ образомъ о семъ и совѣтывалъ мнѣ ѣхать къ Родофиникину, управляющему департаментомъ Азіатскихъ дѣлъ для личнаго объясненія съ нимъ.

Я въ тотъ же вечеръ къ нему поѣхалъ, засталъ его на дачѣ. Онъ принимаетъ живое участіе въ семъ дѣлѣ и много обѣщаетъ; но я не хочу обязаться, не знавъ всего навѣрное, и сказалъ ему, что если черезъ десять дней я не буду увѣренъ, что исполненіе всѣхъ требованій моихъ свершится, то я брошу предпріятіе сіе и возвращусь въ Грузію, гдѣ служба представляетъ мнѣ многія преимущества. Они меня ищутъ, и потому я могу дорожить собой. Если же они не согласятся, то я найду себѣ хорошую дорогу и въ Грузіи. Вчера я былъ опять у Тимковскаго, который совѣтовалъ мнѣ изготовить записку о требуемомъ мною. Я сегодня представилъ ее Родофиникину и долженъ ожидать отвѣта. Между тѣмъ я началъ отыскивать себѣ чиновниковъ. Я нашелъ для секретарской должности одного Семенова, который служитъ въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ; человѣкъ со свѣдѣніями, воспитаніемъ, образованіемъ, бѣдный, съ хорошимъ нравомъ

и трудолюбивый; такъ онъ мнѣ показался, и такъ мнѣ объ немъ говорили вездѣ. Онъ не отказывается отъ моего предложенія, но не рѣшается тоже, пока не узнаетъ все обстоятельно.

Если мнѣ не удастся ѣхать съ посольствомъ въ Бухарію, то я немного потеряю промедленіемъ моимъ въ Петербургѣ. Таскаясь по всѣмъ первымъ лицамъ государства, я имѣю случай узнать ихъ, наблюдать ходъ дѣйствій ихъ и взаимныя сношенія. Какъ не пожертвовать поучительному наблюденію сему нѣсколько времени, проведеннаго въ скучной столицѣ сей?

Я познакомился вчера съ нѣкіимъ Газаномъ, Французомъ, капитаномъ инженеровъ путей сообщенія. Онъ жилъ долго въ Царьградѣ, гдѣ выучился языкамъ восточнымъ, и ѣдетъ теперь въ Грузію. Полезному для меня знакомству сему противостоитъ привязчивость его какъ всѣхъ иностранцевъ и ненависть, которую я къ нимъ имѣю.

10-го я провелъ день у Никиты Муравьева, въ надеждѣ заняться поправкой моихъ записокъ; но на мѣсто сего былъ завлеченъ матерью его, которая цѣлый вечеръ таскала меня по Крестовскому острову и надоѣла мнѣ до крайности. Однако же я былъ въ тотъ вечеръ у Каподистріи, который, узнавши о намѣреніи министерства послать меня въ Бухарію, изъявилъ мнѣ чрезъ Николая Назарьевича Муравьева желаніе видѣть меня. Каподистрія противится сему намѣренію; цѣль его въ томъ состоитъ, чтобы назначили туда какого-нибудь Грека, единоземца его, и дать ему случай нажиться. Я сказалъ Каподистріи, что я никогда не искалъ сего мѣста и не отказывался отъ онаго; что начальство, удостоивая симъ препорученіемъ меня, увѣряетъ меня, что симъ я могу принести большую пользу отечеству и что я считалъ долгомъ не отказываться отъ сего. Онъ былъ, кажется, очень доволенъ тѣмъ, что я не назывался прямымъ образомъ на сію поѣздку, и обѣщалъ мнѣ ходатайства своего, чего мнѣ совсѣмъ не нужно, для скорѣйшаго отправленія моего въ Грузію.

Въ Субботу, то-есть сегодня, будетъ докладъ съ двухъ сторонъ обо мнѣ Государю. Каподистрія ругаетъ безъ милости Нессельроде и хочетъ отсовѣтовать его предложеніе касательно меня; а тотъ, подстрекаемый Радофиникинымъ, будетъ за меня вступаться.

11-го я провелъ утро у Муравьева же, читая ему свои записки.

17-го князь Волконскій потребовалъ меня въ Царское Село. Я поѣхалъ. Графъ Кочубей, министръ внутреннихъ дѣлъ, хотѣлъ видѣться со мной. Онъ распрашивалъ меня о сношеніяхъ съ Трухменами, о выгодахъ торговли съ ними и проч. Послѣ того видѣлся я съ княземъ, который опять предлагалъ мнѣ посланство въ Бухарію. Я согласился. Онъ обѣщался дать мнѣ отвѣтъ на дняхъ. Онъ распраши-

валъ меня тоже объ офицерахъ нашихъ, служащихъ въ Грузіи. Я не упустилъ сего случая сказать ему объ Енгольмѣ и просить его отъ имени всѣхъ офицеровъ, чтобы онъ избавилъ наше общество отъ сего человѣка, заслужившаго всеобщее презрѣніе. Князь принялъ участіе въ семъ дѣлѣ и обѣщался удалить его.

22-го я былъ у министра духовныхъ дѣлъ князя Голицына и просилъ его принять участіе въ положеніи несчастныхъ Русскихъ, находящихся въ неволѣ въ Хивѣ. Я ему далъ записку, въ которой я изображалъ горестное ихъ положеніе, и онъ обѣщался ходатайствовать объ нихъ у Государя.

27-го меня призывалъ графъ Нессельроде. Я уволенъ отъ Бухарскаго посольства, что̀ меня весьма радуетъ, видя то малое вниманіе, которое обращали на сію экспедицію. Нессельроде призывалъ меня, чтобы разсудить обстоятельно о намѣреніи Трухменовъ, вступающихъ въ наше подданство. Завтра долженъ состояться комитетъ Азіатскихъ дѣлъ, въ которомъ засѣдаютъ графъ Кочубей, Каподистрія, Нессельроде и князь Волконскій, и тамъ будутъ разсуждать о дѣлахъ Трухменовъ, послѣ чего меня отправятъ.

29-го ввечеру я былъ у князя Волконскаго и просилъ его снова, чтобы онъ меня отпустилъ въ Москву на 28 дней; но онъ отсрочилъ опять до 4-го числа сего мѣсяца, говоря, что комитетъ Азіатскихъ дѣлъ только 29-го собрался, дабы обсудить дѣло, представленное мною о Туркменахъ и что 3-го числа будетъ докладъ Государю о семъ. Между тѣмъ мнѣ кажется, что меня хотятъ послать опять курьеромъ въ Грузію, послать, не давъ мнѣ времени заѣхать къ отцу, и причиною ихъ торопливости то, что, вмѣсто того, чтобы уже давно дѣломъ заняться, министры гуляли и разъѣзжали по мызамъ. Нерадѣніе и безпечность сихъ людей безпримѣрна. Ихъ не можетъ занимать самое выгодное дѣло для правительства нашего, но весь предметъ ихъ службы состоитъ только во взаимныхъ распряхъ и въ стараніяхъ выманить себѣ что нибудь отъ Государя. Если, какъ говорятъ, во всѣхъ частяхъ нашего отечества находится такое же равнодушіе, то намъ остается только сожалѣть о семъ.

7-го Іюля я получилъ отпускъ отъ князя Волконскаго на 6-ть недѣль въ Москву. Родофиникинъ давалъ мнѣ читать журналъ комитета Азіатскихъ дѣлъ, гдѣ рѣшено отпустить Алексѣю Петровичу 25.000 рублей на покупку 2000 четвертей хлѣба и наемъ судна для продажи онаго Туркменамъ и 10.000 на подарки имъ. Мнѣніе сіе утверждено Государемъ.

Сегодня я былъ у Государя, который меня принялъ очень ласково и благодарилъ меня снова за рачительное исполненіе службы.

Завтра я сбираюсь ѣхать въ Тифлисъ черезъ Москву по Ярославской дорогѣ и заѣхать къ Корсакову. Множество занимательныхъ обстоятельствъ случилось со мною во время пребыванія моего въ Петербургѣ. Время не позволило мнѣ описать ихъ.

Село Долгія Ляды, 27-го Іюля. 9-го я оставилъ Петербургъ, гдѣ проведено было мною столько скучныхъ и досадныхъ дней. Выѣхавши изъ заставы, я былъ въ восхищеніи, видя, что новый родъ жизни мой отчасти уподобится тому, который я столько лѣтъ велъ, и я радовался избавленію своему изъ рукъ людей, которыхъ я презиралъ отъ всего сердца. Я торопился, дабы застать еще Государя въ Москвѣ. Я нашелъ батюшку и Михайлу въ Москвѣ. Мнѣ пріятно было слышать, что Государь благодарилъ старика моего въ присутствіи всѣхъ за мою поѣздку въ Хиву, говоря, что не всякій въ состояніи сего сдѣлать. 20-го числа Государь выѣхалъ изъ Москвы, и батюшка тоже поѣхалъ въ деревню.

22-го числа я выѣхалъ изъ Москвы и прибылъ въ село Покровское, Шереметевыхъ, гдѣ нашелъ брата Михайлу, Андрея и Сергѣя. Особенное гостепріимство знаменуетъ сей домъ. Обширный и обработанный умъ Михаила, при рѣдкихъ добродѣтеляхъ его, доставляетъ ему особое уваженіе отъ знающихъ его.

Предметовъ много, описывать множество, и нравы, и лица, и прошлыя дѣла. Класть мнѣнія свои, все сіе неизлишне, потому что въ запискахъ сихъ, гдѣ не трудно пристрастію дѣйствовать (ибо ихъ никто не видитъ) можно судить довольно вѣрно. Но не хочу сдѣлать сего вдругъ; первое, потому что я и другимъ занятъ, а второе, потому что терпѣніе мое истощилось въ толь долгомъ писаніи; напрягая терпѣніе, я бы сталъ торопиться и многимъ бы, можетъ быть, не отдалъ справедливости; а дѣло сіе я лучше намѣреваюсь дѣлать исподволь со дня на день, наблюдая лица и слѣдуя обстоятельствамъ. Я писалъ отсюда Алексѣю Петровичу, которому я объяснялъ ходъ дѣйствій моихъ въ Петербургѣ.

27-го я посѣтилъ на островахъ, передъ домомъ среди пруда находящихся, одно дерево на которомъ 10 лѣтъ тому назадъ я изобразилъ имя... Я нашелъ оное, и множество воспоминаній посѣтило меня и повергло въ задумчивость, когда разсудокъ заглушили чувства. Я обозрѣлъ весь ходъ дѣйствій моихъ, имѣвшій причиною первую сію связь.

31-го пріѣхала къ обѣду Надежда Николаевна Шереметева со своимъ семействомъ. Братъ Андрей тоже пріѣхалъ съ учителемъ своимъ Раичемъ, который ѣздилъ въ Москву отдавать брата Сергѣя въ пансіонъ Бибикова.

1-го Августа, воскресенье, послѣ обѣдни, я отслужилъ благодарственное молебствіе за благополучное возвращеніе мое на родину.

2-го я занимаюсь здѣсь обдѣлываніемъ своихъ записокъ о Хивѣ. Вчера прибылъ сюда колоновожатый Менжинскій, который занимается рисованіемъ видовъ для путешествія моего.

12-го числа я вздумалъ ѣхать въ Вязьму съ братомъ Михайломъ, для отысканія мѣста, гдѣ похороненъ Михайло Колошинъ въ 1812 году, отслужить панихиду и положить памятникъ на могилѣ. Братъ ѣхалъ черезъ Вязьму въ Смоленскъ въ свою деревню.

22-го. Я получилъ отъ князя Волконскаго бумагу, въ которой онъ приказывалъ мнѣ возвратиться въ Грузію. Я былъ доволенъ симъ; но какъ мнѣ по службѣ не для чего было торопиться, я остался еще недѣли на три, которое время провелъ большею частію у братьевъ. Братъ Михайла рѣшался выходить въ отставку. Вліяніе его на училище и на самого батюшку было столь сильное, что старикъ почти рѣшался оставить корпусъ, коего содержаніе разоряло его; но онъ отложилъ сіе до будущей осени.

Отецъ и братья мои, а особливо Александръ, уговаривали меня остаться и не обращать болѣе вниманія на Грузію, гдѣ служба моя была столь неудачна. Онъ всячески старался удержать меня, представляя мнѣ то счастье, которымъ я могу пользоваться въ дружескомъ кругу ихъ. Я чувствовалъ, что начиналъ колебаться и, дабы не перемѣнить рѣшенія моего, я объявилъ имъ, что вижу справедливость ихъ, но что мнѣ должно непремѣнно въ Грузію возвратиться, дабы раздѣлаться честнымъ образомъ съ Армяниномъ Петровичемъ, сопутникомъ моимъ въ Хиву, который за службу свою не награжденъ и которому я на всегда обязанъ; я имъ представилъ еще другія причины. Исполнивъ долгъ свой, сказалъ я имъ, я не буду проживать въ Грузіи и поселюсь между вами. Братья обѣщались дать Петровичу пристанище по конецъ жизни его въ своихъ домахъ. Видя дружбу и преданность братьевъ моихъ, я не могъ воздержаться, чтобы не объяснить имъ обстоятельствъ моихъ касательно женитьбы моей. Братья болѣе старались удерживать меня симъ, узнавъ, что я не перемѣнилъ склонности своей, которую они положили, что уже забылъ; но я остался непреклоненъ, 10-го Ноября передъ полднемъ выѣхалъ изъ деревни, на Можайскъ, Верею, Боровскъ, Калугу, Орелъ, Курскъ, Харьковъ и пріѣхалъ въ Тифлисъ въ первыхъ числахъ сего мѣсяца. Я надѣялся, что дурной пріемъ отъ Алексѣя Петровича дастъ мнѣ поводъ оставить Грузію; напротивъ, онъ такъ обласкалъ меня, что я рѣшился еще остаться на нѣсколько времени. Злодѣйство и безпо-

рядки, произведенные нашими чиновниками и безпечность начальства въ угнетенномъ народѣ, нельзя видѣть честному человѣку хладнокровно.

Короткое повѣствованіе сіе о многихъ происшествіяхъ и личностяхъ весьма недостаточно; но время не позволяло мнѣ болѣе сдѣлать; да потерялъ отъ части и страсть къ занятіямъ. Мнѣ трудно было приняться за оныя и за сіи дневныя записки. Мысли мои разбиты, стремятся во всѣ стороны, и Богъ знаетъ, на чемъ онѣ остановятся. По пріѣздѣ моемъ сюда, я былъ принятъ съ особенною радостію и ласками отъ старыхъ товарищей моихъ и пріятелей; но въ числѣ сихъ я не нашелъ того, съ которымъ былъ всѣхъ дружнѣе. Боборыкинъ умеръ въ Имеретіи. Я тоже ожидалъ по пріѣздѣ моемъ сюда собрать болѣе 3.000 рублей, которые мнѣ должны были; но сіе мнѣ не удалось, и сіе обстоятельство довольно разстроиваетъ мои дѣла.

Дня четыре тому назадъ пріѣхалъ сюда обратно Туркменскій посланникъ Кіатъ-Ага съ сыномъ своимъ и Петровичемъ. Онъ былъ отпущенъ на нынѣшнее лѣто на родину свою и привезъ извѣстіе, что жители Балкана оставили свои колодцы и поселились на Атрекѣ за неимѣніемъ хлѣба. О семъ легко можно было догадаться, и я сколько разъ говорилъ сіе министрамъ иностранныхъ дѣлъ и писалъ къ Алексѣю Петровичу, что медленность и нерадѣніе правительства произведутъ сіе. Хивинскій ханъ, по словамъ Кіата, приказалъ сказать намъ, чтобы мы впередъ не дерзали показываться къ нему, и что онъ сожалѣетъ, что не повѣсилъ меня въ бытность мою въ Хивѣ; что онъ не желаетъ имѣть знакомства болѣе съ Русскими. Слухъ тоже носился между Туркменами, что юзъ-башу ханъ повѣсилъ въ Хивѣ по доносамъ Якубъ-Бая; но сіе, кажется, должно быть ложно.

28-го. Главнокомандующій принималъ Туркменскихъ посланцевъ; онъ опять обѣщался мнѣ доставить Петровичу офицерскій чинъ.

29-го. Ввечеру я ходилъ къ одному здѣшнему Армянину Гамазову для узнанія отъ него о рукописяхъ и древнихъ книгахъ, хранящихся въ подвалѣ одной церкви. Я узналъ, что книги сіи точно тамъ лежатъ съ того времени какъ Ага-Магометъ-ханъ раззорялъ Тифлисъ, что̀ случилось въ 1792 году. Онъ мнѣ обѣщался сходить со мной въ сей подвалъ. Отъ него я пошелъ къ Майвалдову, гдѣ узналъ вѣсть весьма непріятную для меня: по отъѣздѣ моемъ отсюда въ Петербургъ Алексѣй Петровичъ распрашивалъ Петровича о Хивинскомъ походѣ и сказалъ ему, что мы струсили въ Хивѣ. Обстоятельство сіе крайне огорчило меня. Я видѣлъ, какъ онъ цѣнилъ заслуги мои, пристрастіе его къ окружающимъ его подлецамъ и безмѣрный эгоизмъ. Я не знаю, что̀ меня еще удерживаетъ здѣсь служить.

10-го Декабря ввечеру я ходилъ съ Василіемъ и Ѳомой Кургановымъ къ Ивану Гамазову для отысканія тѣхъ рукописей, которыя лежали будто въ погребѣ подъ церковью. Онъ сталъ было крѣпко отговариваться отъ насъ, но я настоялъ. Мы пошли въ алтарь, гдѣ были маленькія дверцы на лѣвой сторонѣ; замокъ сломали, и мы пошли по узкой, тѣсной лѣстницѣ, которая шла въ толщину стѣны и привела насъ въ маленькую комнату, сдѣланную тоже въ стѣнѣ. Тутъ мы нашли 12 древнѣйшихъ рукописей, которыя, вопреки всѣхъ стараній хозяина, были унесены къ нему въ домъ и которымъ тотчасъ же сдѣлана опись. Не желая отнять у него сихъ книгъ, уходя я оставилъ ихъ у него; но онъ приступилъ ко мнѣ, чтобы я ихъ взялъ и унесъ ихъ къ себѣ. Тутъ вышло другое дѣло; книги сіи были положены въ церковь во время чумы Гамазовымъ, у котораго весь домъ вымеръ отъ сей болѣзни. Могло легко случиться, что книги сіи были заражены. Я писалъ записку къ Гамазову и справлялся о семъ; онъ отвѣчалъ мнѣ, что книги сіи были положены тогда, какъ стала только показываться въ городѣ чума для предохраненія ихъ отъ сожженія. Я успокоился и пріобщилъ вновь пріобрѣтенныя рукописи къ своему собранію.

13-го поутру я былъ у Алексѣя Петровича, и онъ приказалъ мнѣ приготовить ему записку, въ которой было бы изложено мое мнѣніе объ учрежденіи Красноводской крѣпости на восточномъ берегу моря, дабы ходатайствовать по оной въ Петербургѣ для полученія отъ правительства нужнаго на сіе заведеніе.

Вечеръ вчерашняго дня былъ назначенъ мной для празднованія моего освобожденія изъ Хивы. Я отслужилъ молебствіе благодарное.

Я изготовилъ записку, въ которой было помѣщено все, что̀ потребно мнѣ для лучшаго успѣха экспедиціи будущаго года и всѣ требованія Кіата-аги. Главнокомандующій на все совершенно согласился, подарилъ Кіата, сына его, и далъ первому золотую медаль на шею на Андреевской лентѣ.

Вчера 26 числа Алексѣй Петровичъ уѣхалъ отъ насъ въ Петербургъ. Передъ отъѣздомъ онъ отвелъ меня въ сторону, обнялъ меня, давалъ совѣтъ на счетъ Туркменской экспедиціи, назначилъ мнѣ двухъ артилерійскихъ офицеровъ графа Катани и Рюмина и хотѣлъ еще назначить кого-то, который долженъ быть подъ моимъ руководствомъ и готовиться на смѣну мнѣ, когда я оставлю Грузію. Я увѣрилъ Алексѣя Петровича, что не оставлю сего края, пока онъ будетъ здѣсь. Обстоятельства мои не позволяютъ мнѣ въ отечество возвратиться. Я долженъ быть доволенъ тѣмъ, что̀ имѣю и, сравнивъ себя со многими несчастнѣйшими меня, считать себя счастливцемъ.

ОЧЕРКИ СТАРОДАВНЯГО МѢСТНАГО БЫТА *).

III. Воронежскій помѣщикъ Сѣверцовъ.

Воронежская губернія въ концѣ XVII в., въ меньшемъ противъ нынѣшней объемѣ, называлась Воронежскимъ уѣздомъ. Уѣздъ этотъ составляли четыре стана: Чертовицкій, Усманскій, Боршевскій и Карачунскій; а города Землянскъ, Усердъ, Урывъ и другіе, населенные Черкасами, т.-е. Малороссами, составляли особый полкъ, начальникъ котораго, Черкасскій полковникъ, имѣлъ свое пребываніе въ главномъ городѣ этого полка—въ Острогожскѣ.

Въ Боршевскомъ стану Воронежскаго уѣзда, въ собственномъ селѣ Хвощеватомъ, въ концѣ XVII вѣка, жилъ старинный Воронежскій помѣщикъ и дворянинъ Иванъ Ивановичъ Сѣверцовъ, человѣкъ по тому времени весьма состоятельный, представитель крупнаго землевладѣнія и мѣстный аристократъ, находившійся въ близкомъ родствѣ съ Михневыми, Веневитиновыми, Петровыми. У него много помѣстій, селъ и деревень, какъ Хвощеватое, гдѣ онъ живетъ самъ, село Рядное въ Чертовицкомъ стану и другія. Въ селѣ Рядномъ имѣется приходская церковь во имя Св. Георгія, а при ней священникомъ состоитъ отецъ Іаковъ.

Дѣло происходитъ въ 1704 году. Позднимъ вечеромъ, 11-го Января, уже къ ночи, къ о. Іакову, проживавшему въ томъ же селѣ Рядномъ съ своею попадьею Екатериною Ульяновной, пріѣхалъ неизвѣстно зачѣмъ помѣщикъ И. И. Сѣверцовъ, жившій повидимому не въ ладахъ съ о. Іаковомъ. Необходимо замѣтить, что Сѣверцовъ пріѣхалъ не одинъ, а въ сопровожденіи двухъ человѣкъ. Первый назывался Петромъ Елисѣевымъ и состоялъ въ должности слуги при Сѣверцовѣ, а второй, Ларіонъ Хорупаевъ—деньщикъ, который былъ посланъ изъ Воронежа за Сѣверцовымъ, но вмѣсто того, чтобы отвести его на Воронежъ, онъ почему-то проѣхалъ съ нимъ изъ Хвощеватаго, минуя городъ, въ село Рядное. У о. Іакова Сѣвер-

*) См. „Р. Архивъ" сего года, вып. 7-й, стр. 289.

цовъ пробылъ съ часъ времени. Чтò онъ дѣлалъ тамъ, о чемъ бесѣдовалъ съ о. Іаковомъ—осталось загадкой. Равно не выяснено и странное поведеніе деньщика Хорупаева, который, оставивъ Сѣверцова у о. Іакова, поѣхалъ одинъ въ Воронежъ; а Сѣверцовъ, захвативъ съ собою, добровольно или насильно, о. Іакова, отправился ночевать къ своему крестьянину Богачеву, жившему въ томъ же селѣ Рядномъ. Семейство Евменія Богачева состояло изъ старухи матери его Агаѳьи, жены Василисы и дочери дѣвки Акулины. Все это семейство кормилось трудами Евменія Богачева (онъ же Коробовъ), занимавшагося рыболовствомъ и, кромѣ того, еще какими-то темными дѣлами, но съ вѣдома ли или безъ вѣдома своего помѣщика, этого изъ дѣла не видно. Пріѣхавъ въ дворъ къ Богачеву, Сѣверцовъ съ священникомъ зашли въ избу, а Петръ Елисѣевъ остался на дворѣ выпрягать лошадей. Въ избѣ все семейство Богачева оказалось въ сборѣ, за исключеніемъ его самого (онъ отправился на ночь рыбу ловить). Побесѣдовавъ съ Сѣверцовымъ въ избѣ Богачева, о. Іаковъ распрощался со всѣми присутствовавшими и отправился домой. Была уже поздняя ночь, но ночь зимняя и лунная: изъ окошечка видѣли, какъ священникъ вышелъ изъ воротъ и пропалъ *безвѣстно!*..... Для бѣдной попадьи Екатерины Ульяновны прошло десять ужасно-томительныхъ дней, въ ожиданіи возвращенія о. Іакова. Убѣдившись въ тщетѣ своихъ ожиданій, Екатерина Ульяновна, 21-го Января, сама поѣхала въ Воронежъ и взяла съ собою челобитную, написанную другомъ ея безвѣстно пропавшаго мужа Ксизовскимъ священникомъ о. Иродіономъ. Къ несчастью для нея, царя Петра въ это время въ Воронежѣ не было: онъ незадолго предъ тѣмъ уѣхалъ въ Москву и возвратился въ Воронежъ только 21-го Февраля.

Пришлось судиться обыкновеннымъ порядкомъ въ Адмиралтейскомъ Приказѣ. Поданная адмиралтейцу Ѳедору Матвѣевичу Апраксину челобитная гласила:

„Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій!

Въ нынѣшнемъ, государь, 1704-мъ году, Генваря въ 11 день, пріѣзжалъ въ Воронежскій уѣздъ, въ Чертовицкій станъ, въ село Рядное, къ приходскому попу Іакову въ домъ Воронежецъ Иванъ Сѣверцовъ съ человѣкомъ своимъ, съ вѣдомымъ воромъ, съ Петромъ Елисѣевымъ, приноровя къ ночи, въ вечеру поздно и, бывъ у него у попа въ домѣ и поневолѣ взявъ его попа Іакова изъ дому, посадя въ сани, и повезли въ томъ же селѣ къ крестьянину своему къ Евменію Богачеву, невѣдомо для чего. И съ того, государь, числа и по сіе число тотъ священникъ Іаковъ отъ того его Иванова крестьянина не явился—пропалъ безвѣстно. А какъ, государь, онъ Иванъ Сѣверцовъ съ человѣкомъ своимъ съ Петромъ къ нему попу Іакову въ домъ пріѣзжалъ, и въ тожъ число присланнаго изъ Воронежа деньщика Ларіона Хорупаева со двора отъ него попа сбили, знатно, что надъ нимъ попомъ Іаковомъ для какого лихаго умысла. Всемилостивѣйшій государь! Прошу вашего величества, вели, государь, съ Воронежа изъ Приказу Адмиралтейскихъ дѣлъ по нихъ, по Ивана Сѣверцова и по человѣка его Петра и по крестьянина его Евменія и по жену его и по дѣтей послать и потому жъ деньщика Ларіона Хорупаева сыскать на Во-

ронежъ въ Приказъ Адмиралтейскихъ дѣлъ и противъ сего моего челобитья всѣхъ ихъ допросить порознь, а по допросу свой государевъ указъ учинить. Вашего величества нижайшаго богомольца попа Іакова попадья Екатерина Ульянова дочь. Генваря въ 21 день 1704 году.

Въ тотъ же день было наряжено слѣдствіе. Деньщикамъ Антону Киселеву съ *товарищи* поручено было съѣздить въ села. Хвощеватое и Рядное за упомянутыми въ челобитной лицами и объявить ихъ всѣхъ въ Приказѣ Адмиралтейскихъ дѣлъ Ѳ. М. Апраксину. 21-го Января дано было порученіе съѣздить за обвиняемыми, а 23-го Сѣверцовъ, его люди Петръ Елисѣевъ и крестьянинъ Богачевъ съ семействомъ, а также деньщикъ Ларіонъ Хорупаевъ были привезены на Воронежъ и объявлены въ Адмиралтейскомъ приказѣ деньщикомъ Кузьмою Скользневымъ. Начались допросы. Чтобы придать суду видъ безпристрастія, допрашивали не всѣхъ вмѣстѣ, а каждаго порознь. Начали съ Сѣверцова, который показалъ:

Сего-де году Генваря въ 11 числѣ, присланъ былъ по него Ивана съ Воронежа деньщикъ Ларіонъ Хорупаевъ. И онъ-де Иванъ съ тѣмъ деньщикомъ поѣхалъ въ городъ и заѣхалъ въ село Рядное къ приходскому попу Іакову въ домъ съ человѣкомъ своимъ Петромъ Елисѣевымъ, да съ тѣмъ деньщикомъ на своей одной подводѣ сидѣли. И въ то число поилъ-де онъ Иванъ его попа и попадью его своимъ виномъ и сидѣли-де у него съ часъ. И у него-де попа Іакова онъ Иванъ спалъ, а деньщикъ-де Ларіонъ отъ него попа со двора пошелъ впередъ собою, и онъ Иванъ его не сбивалъ, и ночевалъ ли-де онъ въ томъ селѣ, или въ городъ поѣхалъ, про то онъ не вѣдаетъ. А онъ-де Иванъ послѣ него деньщика съ человѣкомъ своимъ, взявъ съ собою того попа Іакова, того же числа, *добродѣтельно, и не насильно*, поѣхали съ нимъ попомъ къ крестьянину его Иванову въ томъ же селѣ Рядномъ, къ Евменію Коробову, Богачевъ онъ же. А какъ-де онъ Иванъ у попа Іакова въ домѣ былъ, опричь ихъ иныхъ людей никого не было. И у того крестьянина, онъ Иванъ его попа тѣмъ же своимъ виномъ подчивалъ-де, а того-де крестьянина въ то число въ дому не было: (былъ у него Ивана, своею братьею, со всѣми крестьяны на работѣ, на рыбной ловлѣ). Только въ то время, въ дому были мать того крестьянина, да жена его Василиса, да дочь дѣвка. И, пивъ-де вино, онъ попъ пошелъ отъ него Ивана изъ избы, того жъ числа, *въ первомъ часу* ночи со двора къ себѣ въ домъ, а онъ-де Иванъ въ той избѣ остался, а его-де попа со двора онъ не провожалъ. И у того крестьянина онъ Иванъ съ человѣкомъ своимъ Петромъ ночевалъ, а опричь-де ихъ въ томъ крестьянскомъ домѣ иныхъ постороннихъ людей никого не было. А гдѣ онъ попъ послѣ того дѣлся, про то онъ не вѣдаетъ и ссоры и никакой недружбы у него Ивана съ нимъ попомъ напередъ сего никакой не было. А на утрѣ-де на первомъ часу дни поѣхалъ онъ Иванъ съ того крестьянскаго двора въ городъ Воронежъ.“

Вторымъ былъ допрашиванъ дворовый человѣкъ Сѣверцова Петръ Елисѣевъ, котораго показанія во всемъ подтверждали слова помѣщика Сѣверцова. Существеннымъ дополненіемъ въ его показаніяхъ было то, что, по его словамъ, Иванъ Сѣверцовъ, угощая попа и попадью, и себя не забывалъ, такъ что всѣ опьянѣли и полегли спать. Отдохнувъ, Сѣверцовъ убѣдительно просилъ о. Іакова отправиться съ нимъ къ Богачеву *посидѣть*. О. Іаковъ согласился. Страннымъ однако является тутъ тотъ фактъ, что

Петръ Елисѣевъ въ холодную Январьскую ночь ложится спать на дворѣ въ помѣщиковыя сани „для того-де было въ саняхъ *не порожзе*, всякое харчевое“. Однако спустя нѣкоторое время, послѣ ухода несчастнаго о. Іакова, въ полночь, Петръ Елисѣевъ покидаетъ сани и отправляется въ избу спать, а *всякое харчевое* онъ выложилъ въ клѣть. Зачѣмъ было Петру Елисѣеву морозить себя до полуночи на дворѣ, когда можно было *всякое харчевое* съ вечера спрятать въ клѣть, на это судьи не могли или не хотѣли обратить вниманія. Кромѣ того, по его словамъ, Иванъ Сѣверцовъ не прямо поѣхалъ въ Воронежъ, а предварительно заѣхалъ къ вдовому попу Саввѣ, гдѣ сварили рыбу и *пили вино*....

Спрошенный объ этомъ Евменій Богачевъ уклонился отъ дачи показаній, оправдываясь своимъ отсутствіемъ. Бывшій деньщикъ Ларіонъ Хорупаевъ показалъ: „Въ началѣ Января текущаго 1704 года былъ я посланъ въ село Хвощеватое за помѣщикомъ Сѣверцовымъ; а послѣдній, посадивъ меня въ свои сани, повезъ было сначала въ Воронежъ, но, по дорогѣ раздумавъ, поѣхалъ со мною въ с. Рядное къ Георгіевскому священнику о. Іакову. Тамъ онъ звалъ меня ѣхать съ нимъ къ крестьянину Богачеву, но когда я потребовалъ, чтобъ онъ поѣхалъ со мною въ Воронежъ, то Сѣверцовъ крикнулъ. „я-де явлюсь на Воронежъ и безъ тебя“; тогда я нанялъ подводу и уѣхалъ одинъ, а что́ случилось послѣ меня, того я не знаю“.

Допросы заподозрѣнныхъ въ пропажѣ священника лицъ окончились, и окончились очевидно ничѣмъ, ибо съ каждымъ новымъ показаніемъ концы скрывались все глубже и глубже, такъ что наконецъ оставалась одна надежда—допросныя рѣчи семейства Богачева. Только отъ старухи-матери Богачева да молодой дочери его повидимому и можно еще было ожидать, что онѣ обмолвятся словечкомъ, какъ нибудь невзначай проронятъ вѣское для правосудія слово и, кто знаетъ? можетъ отыщется виновникъ этого таинственнаго преступленія. Но, увы! Семья Богачева была прекрасно вышколена послѣднимъ. Не только *неосторожныхъ* словъ не было проронено, но концы дѣла, благодаря показаніямъ матери, жены и дочери Богачева, окончательно ускользнули изъ рукъ правосудія. Дѣло въ томъ, что старуха-мать Богачева не только во всемъ показала согласно съ другими, но добавила, что когда священникъ выходилъ изъ воротъ, то она глядѣла въ окно и видѣла, что никто его не провожалъ. Такимъ образомъ вышелъ обѣленный Петръ Елисѣевъ. Далѣе она показала, что Сѣверцовъ легъ спать на печку (это впрочемъ подтверждала и дочь Богачева), но по словамъ самаго Сѣверцова и другихъ, онъ спалъ на лавкѣ, а не на печи. На это противорѣчіе судъ не обратилъ вниманія, какъ на ту странность, что 70-тилѣтняя старуха видѣла сквозь замерзшія слюдяныя окна, въ часъ ночи, выходящаго изъ воротъ священника. Въ показаніи старухи Агаѳьи интересно еще и слѣдующее: помѣщикъ Сѣверцовъ, проснувшись на слѣдующій день въ первомъ часу дня, посылаетъ къ священнику просить его придти къ нему, Сѣверцову, вмѣстѣ *опохмѣляться*; встревоженная попадья Екатерина Ульяновна проситъ передать Ив. Сѣ-

верцову, что мужа ея нѣтъ со вчерашняго дня, что онъ не возвратился еще; но это обстоятельство почему-то не обратило на себя его вниманія: вмѣсто того, чтобы навѣстить Екатерину Ульяновну и наводить справки, Иванъ Сѣверцовъ ѣдетъ къ вдовому о. Саввѣ, ѣстъ рыбу, пьетъ вино, а затѣмъ преспокойно уѣзжаетъ въ Воронежъ. Жена Богачева, *женка* Василиса и дочь его *дѣвка* Акулина, во всемъ показали сходно съ остальными подсудимыми и запутали дѣло окончательно....

Прошла зима, а за нею и весна. Истомилась Екатерина Ульяновна въ ожиданіи своего единственнаго кормильца и защитника. Настало и лѣто. Вспомнила бѣдная попадья, что она одна осталась съ маленькими дѣтьми, надо самой подумать о прокормленіи, не на кого больше надѣяться, и занялась сама хозяйствомъ: засѣяла свою землицу рожью. Но опять горе: она теперь беззащитна, и этимъ пользуются недобрые люди; кто со двора чтò унесетъ, а то среди бѣла дня сжали у нея цѣлую десятину ржи. Бѣда! Предстоитъ полное разореніе. Въ довершеніе всего обиды и оскорбленія сыплются со всѣхъ сторонъ; а тутъ Воронежскій судъ, не розыскавъ виновника, не пустивъ въ дѣло *пытки*, распустилъ подсудимыхъ по домамъ. Екатерина Ульяновна уже перестала надѣяться на возвращеніе своего попа; у нея теперь осталась одна цѣль, одно желаніе отомстить, выместить на виновникахъ своей разбитой жизни свое горе, добиться кары правосудія надъ ними. Она старается припомнить всѣ обстоятельства, могущія выяснить суть дѣла и послужить къ открытію преступника.

Въ началѣ Августа Екатерина Ульяновна вторично поѣхала въ Воронежъ. Извѣстный Воронежскій грамотѣй, самъ Осипъ Прокофьевъ принялъ участіе и обѣщался написать челобитную самаго забористаго свойства. 9-го Августа попадья дрожащею отъ волненія рукою подала адмиралтейцу Ѳеодору Матвѣевичу Апраксину уже готовую челобитную. Волненія ея имѣли основаніе: она успѣла собрать много фактовъ, да къ тому же Осипъ Прокофьевъ, по крайней мѣрѣ какъ ей казалось, очень искусно изложилъ ея жалобу. Такъ какъ и для насъ, благосклонный читатель, челобитная представляетъ немало интереснаго, то приводимъ ее дословно.

Въ нынѣшнемъ, государь, 1704 году Генваря въ 11-мъ числѣ, пріѣзжалъ въ село Рядное Воронежецъ Иванъ Сѣверцовъ продавать церковь Божію Воронежскому пушкарю Савелію Проскурнину. И попъ мой Іаковъ ему Ивану той церкви Божіей продавать не далъ. И о томъ учинилась у попа моего съ нимъ Иваномъ ссора. И того жъ вышеписаннаго числа онъ, Иванъ Сѣверцовъ, съ дворовымъ своимъ человѣкомъ, съ Петромъ Елисѣевымъ, поѣхали отъ попа моего Іакова въ сумерки; а попъ мой его Ивана съ дворовымъ человѣкомъ со двора провожалъ и за вороты *уватя* *) попа моего силою, дворовый его человѣкъ, Петръ Елисѣевъ, посадилъ въ сани и повезли къ своему крестьянину въ томъ же селѣ Рядномъ къ Евменію Богачеву, съ которымъ была у попа моего ссора про свадебное дѣло. И въ томъ крестьянскомъ дому попа моего Іакова онъ Иванъ съ дворо-

*) Т-е. схватя.

вымъ своимъ человѣковъ съ Петромъ, да съ крестьяниномъ Евменіемъ Богачевымъ попа моего съ тѣхъ мѣстъ и по се время невѣдо гдѣ дѣли безвѣстно. И въ той пропажѣ попа своего била челомъ тебѣ, великому государю, а на Воронежѣ, въ Приказѣ Адмиралтейскихъ дѣлъ, подала челобитную на нихъ, Ивана съ товарища, о подлинномъ. И по тому челобитью они, Иванъ съ товарищи, были сысканы и допрашиваны, а подлиннаго розыску по твоему, государеву, указу и по уложенію и по новоуказнымъ статьямъ не учинено, и свобожены изъ Приказу, не пытаны и живутъ нынѣ въ домахъ своихъ. А я раба твоя, послѣ попа своего, съ малыми дѣтьми помираю голодною смертью. Да егожъ Ивановъ крестьянинъ пожалъ у меня нынѣ десятину ржи воровски, Михайло Гуровъ, и ту рожь онъ, Михайло отдавалъ при свидѣтеляхъ Савелію Дементьеву съ товарищи. Да той же церкви дьячекъ Иванъ Поповъ у попа моего Іакова свиную тушу укралъ изъ погреба, и въ томъ же числѣ онъ, дьячекъ Иванъ, въ этой краденой тушѣ винился при свидѣтеляхъ и хотѣлъ платиться при Микитѣ Ѳеѳиловѣ, да при крестьянину Троѳимѣ Васильевѣ, при Аѳанасю Ермоловѣ. А невѣрка, государь, мнѣ въ томъ моемъ пропащемъ попѣ, въ потерѣ по той вышеписанной ссорѣ, на него Ивана Сѣверцова и на человѣка Петра и на крестьянина его Евменія Богачева и на дьячка Ивана Попова. Всемилостивѣйшій государь! Прошу вашего величества, вели, государь, его Ивана Сѣверцова и товарищевъ его Евменія и жену его Вассу и дочь его Акилину и дьячка Ивана Попова, сыскать и противъ прежняго и сего моего челобитья, распросить порознь, съ пристрастіемъ у пытки и пытать на крѣпко, гдѣ они, взявъ попа моего, потеряли и тѣло его скрыли. Нижайшая раба твоя, Воронежскаго уѣзда, села Ряднаго *вдовая* попадья Екатерина, Ульянѣева дочь, 1704 году, Августа въ 9-й день.

Въ простотѣ сердца бѣдная попадья вообразила, что ей можно тягаться съ такимъ сильнымъ человѣкомъ, какъ Сѣверцовъ; ей казалось достаточнымъ дать нить дѣла судьямъ въ руки; она не догадывалась, что о сокрытіи концовъ судьи заботились не менѣе подсудимыхъ...

На дѣлѣ появилась новая помѣта: „1704 года, Августа въ 9-й день, взять къ дѣлу и положить на столъ“, что̀ въ переводѣ на современный языкъ означало: пришить челобитную попадьи къ дѣлу, и самое дѣло положить навсегда подъ сукно.

Дѣло Екатерины Ульяновны казалось окончательно проиграннымъ, какъ вдругъ случилось одно маленькое событіе, которое опять заставило Воронежскихъ судей вытащить злополучное дѣло о пропажѣ попа на свѣтъ Божій. Случилось вотъ что: 10-го Августа, т.-е. на другой день послѣ подачи челобитной Екатериной Ульяновной, билъ челомъ государю на Воронежѣ, а Апраксину извѣщалъ словесно, священникъ Пятницкой церкви, о. Іоаннъ, о нижеслѣдующемъ. Утромъ того же дня, вышелъ онъ изъ постоялаго двора на торгъ. И на торгу позади лавокъ на площади, гдѣ продаютъ пріѣзжіе люди хлѣбъ, сошелся онъ съ Успенскимъ дьякономъ Ѳедоромъ Артемьевымъ и съ нимъ стояли и говорили о своихъ нуждахъ. И въ то-де число крестьянинъ Ивана Сѣверцова, Григорій Сафоновъ, того же села Хвощеватки, подошелъ къ нему попу Ивану къ благословленію, и онъ его Григорія, по священническому завѣту, благословилъ и спросилъ у него Григорія, про помѣщика его Ивана Сѣверцова: въ домѣ ль онъ

Иванъ или нѣтъ? И онъ Григорій про него Ивана сказалъ, что онъ въ домѣ. И онъ попъ ему Григорію говорилъ: для чего онъ въ городъ не выѣзжалъ, что села Ряднаго попадья подала челобитную на него Ивана, да на дьячка Ивана Попова, въ безвѣстной пропажѣ попа своего Іакова, что тотъ дьячекъ у него попа Іакова, въ тѣхъ же числахъ, укралъ свиную тушу. И въ то-де время онъ Григорій говорилъ ему попу Ивану, при дьяконѣ Ѳедорѣ, такія слова: „Та-де туша его попа Іакова и съѣла. А онъ дьячекъ за ту тушу ему попу Іакову платилъ денегъ, четыре гривны". Да онъ же Григорій, стоя, говорилъ ему попу Ивану, при немъ же дьяконѣ, про Иванова крестьянина Сѣверцова, про Евменія Богачева, „что онъ вѣдомой воръ и у нихъ-де брата убилъ до смерти, да двѣ лошади укралъ". Чтобъ великій государь пожаловалъ его попа Ивана: велѣлъ словесно его челобитье записать и его крестьянина Григорья Сафонова и дьячка сыскать въ Приказѣ Адмиралтейскихъ дѣлъ и противъ сего его словеснаго челобитья допросить. А буде онъ Григорій въ словахъ своихъ запрется, велѣть допросить свидѣтеля, дьякона Ѳедора и по допросу указъ учинить.

Не помогъ и извѣтъ: вытребованный къ допросу крестьянинъ Григорій Сафоновъ, отрекаясь почти отъ всѣхъ своихъ словъ, признался только въ одномъ, что онъ дѣйствительно говорилъ о. Іоанну: „Евменій-де Богачевъ убилъ брата его въ малыхъ лѣтахъ". Дѣло, конечно, окончилось ничѣмъ. Священникъ исчезъ безслѣдно, несчастная Екатерина Ульяновна подверглась жестокому преслѣдованію за свою дерзкую попытку защищаться, а герои этого таинственнаго преступленія еще долго подвизались на поприщѣ разбоевъ, разврата и самаго наглаго насилія, и поступки въ родѣ продажи церкви на сносъ, убійства и т. п. совершались безнаказанно.

Л. Вейнбергъ.

ТАТЬЯНА МИХАИЛОВНА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Имя той артистки, обзоръ дѣятельности которой составляетъ предметъ настоящаго біографическаго очерка, хорошо извѣстно всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ прошлымъ нашего театра. Любимая актриса двухъ императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины Великой, талантливая сподвижница Волкова и Дмитревскаго, лучшая воспроизводительница героинь Сумароковскихъ трагедій, Троепольская оставила за собой блестящій и неизгладимый слѣдъ въ лѣтописяхъ Русской сцены. Она была ровесницею нашего театра, и уже это одно обстоятельство могло бы придать особенную важность ея біографіи. Къ сожалѣнію, какъ скудны данныя о первомъ двадцатилѣтіи Русскаго театра, къ которому относится дѣятельность Троепольской, такъ же скудны, а часто сбивчивы и противорѣчивы біографическія о ней свѣдѣнія. Тѣмъ не менѣе значеніе Троепольской въ исторіи театра таково, что историку необходимо будетъ разобраться хоть сколько-нибудь въ имѣющихся матеріалахъ. Мы и попробуемъ сдѣлать это въ настоящей статьѣ, гдѣ можно давая опредѣленныя заключенія о жизни и дѣятельности артистки, гдѣ нельзя устанавливая по крайней мѣрѣ спорные пункты.

Первое обстоятельство, которое необходимо отмѣтить въ біографіи Троепольской—это то, что она является одною изъ первыхъ Русскихъ женщинъ, рѣшившихся, вопреки чуть-ли не поголовному предубѣжденію противъ артистической дѣятельности, выступить на театральные подмостки.

Женщины далеко не съ самаго возникновенія Русскаго театра стали принимать участіе въ представленіяхъ. Большинство старыхъ Русскихъ людей считало «комедійное дѣйство» бѣсовскою потѣхой, отъ которой открещивались съ суевѣрнымъ страхомъ. Когда при

царѣ Алексѣѣ Матвѣевъ задумалъ образовать Русскую драматическую труппу, ему не безъ труда удалось найти для этого 27 мальчиковъ. О дѣвочкахъ не было и рѣчи. Возращенныя подъ неусыпнымъ домашнимъ присмотромъ, предназначаемыя для дѣйствованія въ тѣсномъ кругѣ жизни семейной, онѣ не могли и помышлять о какой бы то ни было общественной дѣятельности, а всего менѣе о «скоморошествѣ», какъ тогда называли актерскую службу, мѣшая ее съ дѣломъ шутовъ. Измѣненіе въ понятіяхъ произошло не сразу; медленно, постепенно перерабатывались они. Но уже въ XVII вѣкѣ встрѣчаемъ женщинъ, рѣшавшихся выступать на домашнемъ театрѣ. Есть преданіе, что сама царевна Софія, какъ извѣстно, большая любительница театральныхъ зрѣлищъ, первая подала примѣръ, на своей комнатной сценѣ, выступивъ въ качествѣ актрисы [1]). Во всякомъ случаѣ несомнительно, что именно въ кружкѣ царевны были впервыя нарушены старинные уставы женскаго затворничества. Въ домашнихъ спектакляхъ, которые устроивались ко дню ея рожденія, женскія роли исполнялись уже не мужчинами, а боярышнями царевны. Князь Шаховской разсказываетъ по семейнымъ преданіямъ, какъ его бабка, Татьяна Ивановна Арсеньева, представляла лице Екатерины-мученицы въ драмѣ того же названія, сочиненной самой Софіей и какъ Петръ, посѣщавшій всѣ представленія въ теремахъ сестры, назвалъ Татьяну Ивановну «Екатерина-мученица—большіе глаза» [2]). Любительскіе спектакли царевны имѣли, конечно, очень ограниченное число зрителей; но былъ важенъ починъ. Съ легкой руки Софіи они скоро пошли въ ходъ и распространились среди тогдашней знати, оказывая безъ сомнѣнія большое вліяніе на установленіе правильныхъ взглядовъ на сценическое искусство и на самихъ актеровъ.

Актерство, какъ ремесло, какъ постоянное занятіе, стало однако доступнымъ для женщины лишь съ конца тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка. Когда въ 1738 году поступалъ на службу балетмейстеръ Ланде, онъ обязался между прочимъ, составить Русскую балетную труппу. 12 дѣвочекъ, отданныя (вмѣстѣ съ 12 мальчиками) къ нему на обученіе, и были первыми Русскими актрисами по профессіи. Изъ танцовщицъ вышли и первыя Русскія сценическія художницы. «Годъ спустя послѣ отдачи Ярославцевъ въ корпусъ (т.-е. въ 1753 г. [3])—

---

[1]) Гречъ. Ист. Рус. Лит., стр. 85.

[2]) Лѣт. Рус. театра князя Шаховскаго. „Репертуаръ“ 1840 г. т. I, стр. 2.

[3]) Сумароковъ вслѣдствіе ошибочнаго разсчета приводитъ 1752 г.; но если первыя актрисы были приняты черезъ годъ послѣ отдачи Ярославцевъ въ кадетскій кор-

разсказываетъ П. Сумароковъ—во время отсутствія двора въ Москву, приняты были впервыя Русскія актрисы: Зорина изъ танцовщицъ и извѣстная Авдотья» [4]). Актрисы эти не участвовали однако довольно долгое время въ представленіяхъ: женскія роли исполнялись мущинами до 1756 г., т.-е. вплоть до самаго изданія указа объ основаніи Русскаго театра. Въ 1756 г. поступили въ труппу еще три актрисы, оставившія по себѣ память въ исторіи театра. Это были двѣ сестры Ананьиныхъ (изъ которыхъ Марья впослѣдствіи вышла замужъ за г. Волкова, а Ольга за знаменитаго комика Якова Шумскаго) и Мусина-Пушкина, впослѣдствіи жена Дмитревскаго [5]). Вслѣдъ за ними на горизонтѣ Русской сцены появились Авдотья Михайлова, прославившаяся на роляхъ служанокъ, а потомъ комическихъ старухъ, и жена сенатскаго регистратора, Татьяна Михайловна Троепольская.

Что̀ влекло этихъ женщинъ на сцену? Было ли то призваніе, неудержимая жажда артистическаго творчества, или же просто ихъ манила веселая, полная развлеченій жизнь артистки, легкое средство добыть себѣ славу? Но въ то время актерская жизнь была не та, что̀ нынѣ. Первая Русская театральная община осталась въ своемъ родѣ и единственной. Въ труппѣ, гдѣ девизомъ всѣхъ членовъ была горячая преданность дѣлу, безкорыстное служеніе искусству—въ такой труппѣ, по крайней мѣрѣ въ первые годы Русскаго театра, не могло быть мѣста тѣмъ развязнымъ авантюристамъ сценическаго искусства, что̀ теперь въ избыткѣ наполняютъ наши сцены. На актерскую службу смотрѣли какъ на такую, которой надо поучиться. Не легкомысленная, разсѣянная жизнь и не надежда легкой славы манили, значитъ, первыхъ Русскихъ актрисъ на сцену. Ихъ влекло туда призваніе. Да

пусъ (въ чемъ согласны и другіе источники), то это было въ 1753 г., такъ какъ Ярославцы появились въ Петербургѣ лишь въ 1752 г. Именно въ 1753 г. дворъ и находился почти все время въ отсутствіи изъ Петербурга.

[4]) „Отеч. Зап.“ 1822 г. № 32, стр. 307. Эту Авдотью многіе явно смѣшиваютъ съ Авдотьей Михайловой. Оттого, вѣроятно, и произошло разнорѣчіе въ показаніяхъ лѣтописцевъ театра. Одни говорятъ, что Михайлова начала свою службу въ Москвѣ и затѣмъ уже въ началѣ 60-хъ годовъ перешла въ Петербургъ; другія же, смѣшивая ее съ той „Авдотьей“, о которой говоритъ Сумароковъ, утверждаютъ, что она начала свою карьеру въ Петербургѣ, затѣмъ переѣхала въ Москву и потомъ уже вернулась снова въ Петербургъ.

[5]) Штелинъ („С.-Петербургскій Вѣстникъ“ 1779 г., ч. IV стр. 93—94) называетъ Пушкину въ числѣ Московскихъ актрисъ, но это показаніе ничѣмъ другимъ не подтверждается.

и одно призваніе только и могло помочь имъ преодолѣть всѣ тѣ препятствія, которыя они должны были встрѣтить во всемъ окружающемъ и, можетъ быть, даже въ самихъ себя.

Несмотря на очевидное развитіе даже въ простомъ народѣ любви къ зрѣлищамъ, въ половинѣ прошлаго вѣка находилось еще немало людей, которые боязливо чурались театра; поступленіе же въ актеры дѣтей или родственниковъ, безъ сомнѣнія, почти всѣ считали бы несмываемымъ позоромъ. Актерство все еще смѣшивалось съ шутовствомъ, гаерствомъ. Актеровъ и актрисъ иначе не называли какъ по уменьшеннымъ именамъ, словно горничныхъ или лакеевъ. Знаменитый Русскій танцовщикъ Бубликовъ (одинъ изъ выучениковъ Ланде) такъ и прославился подъ именемъ Тимошки. Мы уже говорили о танцовщицѣ Тимофеевой, которую просто звали «Авдотьей». При такомъ отношеніи общества къ актерамъ, надо было конечно немало рѣшимости, чтобы сдѣлаться актрисой, особенно людямъ болѣе или менѣе привелигированнаго сословія. Первыя Русскія актрисы не высоко стояли на ступеняхъ общественной лѣстницы, но все же три изъ нихъ (Ананьины и Мусина-Пушкина) были офицерскія дочери, а Троепольская—жена мелкаго гражданскаго чиновника. Когда Лукинъ хотѣлъ поставить на сцену въ шестидесятыхъ годахъ свою пьесу «Награжденное Постоянство», то оказалось, что исполнительницы женскихъ ролей пьесы Пульхеріи и Маріи отказались играть, отозвавшись, что имъ приходится «въ мужеское платье наряжаться» и, по ихъ словамъ, «безобразиться» [6]). Очевидно, тутъ дѣло было не въ боязни показаться некрасивыми въ мужскомъ платьѣ (приходилось же имъ играть напр. роли безобразныхъ старухъ), но въ чувствѣ непристойности явиться публично въ костюмѣ мужчины. Порвавъ съ стариною, первыя Русскія актрисы не могли еще, видно, помириться со всѣми послѣдствіями, которыя налагало на нихъ ихъ новое званіе. Старые взгляды и понятія нѣтъ-нѣтъ да и прорывались у нихъ. Но тѣмъ больше имъ чести и славы, что онѣ съумѣли превозмочь всѣ помѣхи и внутреннія, и внѣшнія и подали собою первый примѣръ, поступивъ въ актрисы уже не малолѣтними, несмысленными дѣвочками, но взрослыми дѣвушками съ воли. Починъ здѣсь былъ своего рода заслугой, и этой заслуги исторія театра не забудетъ.

Впрочемъ относительно Троепольской замѣтимъ одно обстоятельство. Она поступала на сцену не одна. Вмѣстѣ съ нею вышелъ на сценическіе подмостки и ея мужъ, регистраторъ сенатской типографіи Алекс. Ник. Троепольскій. Гдѣ и когда произошли дебюты ихъ—лѣ-

---

[6]) Соч. Лукина, изд. 1868 г. стр. 102,

тописцы театра показываютъ настолько различно, что слишкомъ смѣло было бы на основаніи имѣющихся пока данныхъ отвѣчать точно и опредѣлительно. Лучше всего введемъ читателя въ разсмотрѣніе самыхъ источниковъ и затѣмъ, сдѣлавъ къ нимъ возможныя поправки, хоть сколько-нибудь укажемъ, насколько заслуживаютъ сообщаемыя извѣстія довѣрія.

Источники касательно первыхъ лѣтъ артистической карьеры Троепольской рѣзко дѣлятся на двѣ группы. Къ первой относятся показанія Штелина и П. Сумарокова, ко второй принадлежатъ свидѣтельства Носова и отчасти князя Шаховскаго.

Штелину и Сумарокову, какъ самымъ раннимъ лѣтописцамъ (изъ нихъ Штелинъ былъ даже современникомъ описываемыхъ событій) должно быть отведено первое мѣсто. Ихъ разсказъ простъ и немногословенъ. Троепольскіе, мужъ и жена, начали свою карьеру въ Москвѣ на томъ самомъ первомъ Московскомъ театрѣ, который возникъ подъ покровительствомъ Московскаго университета почти въ тоже время, что́ и Петербургскій. Тутъ играли Михайлова, Базилевичъ, Булатницкій, студенты университета: Фонъ-Визинъ, Я. И. Булгаковъ и другіе. Между ними Троепольская уже тогда замѣтно выдѣлялась своимъ трагическимъ дарованіемъ, такъ что, когда по повелѣнію императрицы въ 1759 году явились въ Москву для образованія тамошняго театра, Ѳ. Волковъ и Шумскій, имъ уже нечего было «отыскивать» ее, какъ говоритъ Араповъ: ее знала вся Москва. Волковъ скоро «съ неимовѣрнымъ (какъ свидѣтельствуютъ позднѣйшіе лѣтописцы) успѣхомъ» образовалъ театръ, до него, повидимому, носившій полулюбительскій характеръ. Но театръ этотъ просуществовалъ недолго, всего какихъ-нибудь два года и послѣ того разстроился. Извѣстность Троепольскихъ за это короткое время дошла однако до такой степени, что ихъ (быть можетъ, по разсказамъ Волкова или Шумскаго) знали уже въ Петербургѣ. Когда Московскій театръ рушился, ихъ тотчасъ же выписали изъ Москвы, и въ 1761 году они были «причтены къ С.-Петербургскому Россійскихъ актеровъ обществу» [1]).

Совершенно иначе разсказываютъ о первоначальной дѣятельности Троепольской князь Шаховской и Носовъ. Носовъ при этомъ обставляетъ свой разсказъ особенно-интересными подробностями.

Татьяна Михайловна—разсказываетъ онъ (замѣтимъ, со словъ Дмитревскаго)—была ученицей Ѳед. Гр. Волкова. Она дебютировала

[1]) „С.-Петербургскій Вѣстникъ“ 1779 г. ч. IV, стр. 93—94 и „От. Зап.“ 1822 г. № 32, стр. 311.

впервые 15-го Февраля 1757 г. на театрѣ новаго Зимняго дворца въ Петербургѣ ролью Семиры въ трагедіи того же названія Сумарокова. Сама императрица и ея придворные были зрителями этого спектакля. «Величественный ростъ Троепольской, важное Греческое лицо, голосъ, пантомима и тѣлодвиженія безъ кривлянья, говоръ безъ крика—все обратило на нее вниманіе» [9]), и она имѣла успѣхъ несомнѣнный. По прошествіи Великаго поста, 14-го Апрѣля того же года, она выступила во второй разъ и все въ той же роли Семиры, а черезъ два дня, 16-го Апрѣля, состоялось третье представленіе съ ея участіемъ. Шла трагедія Сумарокова «Синавъ и Труворъ». Троепольская играла Ильмену, впослѣдствіи лучшую изъ своихъ ролей. Синава исполнялъ Волковъ, Трувора—Дмитревскій. «Нельзя описать, разсказываетъ Носовъ, какъ она вела ту сцену, гдѣ входитъ вѣстникъ и разсказываетъ о смерти князя Трувора, жениха ея; отчаяніе, плачъ и рыданіе пронзали до глубины сердца чувствительныхъ зрителей, кои проливали слезы вмѣстѣ съ несчастною Ильменой». Спектакль этотъ рѣшилъ принятіе Троепольской на службу. Она была зачислена въ труппу съ того же самаго дня—16-го Апрѣля, съ жалованьемъ въ 500 р. Спустя десять дней, 26-го Апрѣля, дебютировалъ и ея мужъ въ роли грѣшника Гаѳанаила въ пьесѣ св. Дмитрія Ростовскаго «Кающійся Грѣшникъ» [10]) и также былъ принятъ на сцену съ жалованьемъ въ 300 р. Такимъ образомъ, по свидѣтельству Носова, оказывается, что Троепольскіе начали свою службу не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ; здѣсь Татьяна Михайловна достигла разцвѣта своей славы и, уже знаменитой трагической актрисой, переѣхала въ 1759 года въ Москву, когда, по соизволенію императрицы Елисаветы, Волковъ, отобравъ артистовъ изъ Петербургской труппы, отправился съ ними устраивать Московскій театръ. Въ своей Хроникѣ Русскаго театра, Носовъ приводитъ много Петербургскихъ афишъ до 1759 года, гдѣ имя Троепольской упоминается чуть ли не подъ каждой значительной ролью въ трагедіяхъ. Съ другой стороны онъ не менѣе подробно описываетъ и составъ труппы, отдѣленной для Московскаго театра, и даже указываетъ день ея отъѣзда—6-го Марта 1759 года [11]). Въ труппѣ встрѣчаемъ имена Ольги Шумской, Головой, Анны Поповой,

---

[8]) „Театр. и музыкальный Вѣстн.“ 1857 года № 12.

[9]) Тамъ же.

[10]) Такъ значится въ „Хроникѣ“ (стр. 101). Въ своей же статьѣ о Троепольскихъ Носовъ передаетъ, что первый дебютъ Троепольскаго былъ въ роли Орфея въ мелодр. „Орфей и Евридика“. Въ „Хроникѣ“ этотъ спектакль значится подъ 12 Мая 1757 года

[11]) Хроника Носова, стр. 148—149.

Новиковой, Алексѣя Попова, Шумскаго, Гаврилы Волкова, Сѣчкарева, Голова, многихъ другихъ, и между ними на первомъ мѣстѣ имя мужа Татьяны Михайловны А. Н. Троепольскаго. Изъ Москвы, по разсказу Носова, Троепольскіе возвратились въ Петербургъ лишь въ 1763 г., будучи вызваны оттуда императрицей Екатериною [12]).

Для оцѣнки того, насколько достовѣрны эти свѣдѣнія Носова, необходимо припомнить, что какъ біографію Троепольской онъ писалъ по устнымъ воспоминаніямъ ея сослуживца Дмитревскаго, такъ и «Хроника Русскаго Театра» составлена имъ по исторіи театра того же Дмитревскаго. Несостоятельность первой части этой хроники (до половины прошлаго вѣка) теперь указана до очевидности; но это еще не значитъ, что также несостоятельна и вторая, гдѣ Носовъ черпалъ, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, такъ какъ Дмитревскій хорошо зналъ все касающееся театра послѣ 1752 года. И здѣсь впрочемъ встрѣчается немало очень грубыхъ ошибокъ [13]), но числовыя ошибки легко объяснимы. Дѣло въ томъ, что первый экземпляръ исторіи театра Дмитревскаго сгорѣлъ въ пожарѣ Академіи, и ему приходилось возстановлять свой трудъ, что̀ и было имъ исполнено черезъ *двѣнадцать* лѣтъ. Можно думать, значитъ, что у него не было полной черновой тетради, а возстановляя работу свою по памяти, онъ могъ легко ошибиться въ числахъ, даже въ цѣлыхъ годахъ. Но предоставляемъ судить самому читателю, возможно ли думать, чтобы Дмитревскій позабылъ, а Носовъ, заимствуя у него, спуталъ такіе крупные, основные факты, какъ первоначальные успѣхи Троепольской въ Петербургѣ и затѣмъ отъѣздъ ея въ Москву.

Нельзя умолчать, что разсказъ Носова нѣкоторыми своими чертами сходится еще съ однимъ свидѣтельствомъ —свидѣтельствомъ князя Шаховскаго. Свѣдѣнія сообщаемыя этимъ лѣтописцемъ настолько

---

[12]) „Театр. и Музык. Вѣстн.“ 1857 г. № 12. Въ „Хроникѣ“ въ Петербургскихъ афишахъ имя Троепольской послѣ четырехлѣтняго перерыва появляется впервыя подъ 23 Апрѣля 1763 г. въ роли Изабеллы въ „Менехмахъ“ Реньяра. Затѣмъ спустя 4 мѣсяца она уже играетъ 31 Августа 1763 г. снова въ Москвѣ въ переводной пьесѣ Дмитревскаго „Честный Преступникъ“ роль Амаліи. Къ концу года она опять появляется въ Петербургѣ и теперь надолго. Замѣтимъ, что въ 1763 г. Троепольская не могла играть въ „Менехмахъ“, такъ какъ они были даны впервыя—9 Декабря 1783г. (Др. Сл. 1787 г. стр. 79).

[13]) Кромѣ указанной ошибки съ „Менехмами“, отмѣтимъ по отношенію къ Троепольской еще одну. Она, оказывается, 11-го Октября 1762 г. играетъ въ тр. Сумарокова „Мстиславъ“, тогда какъ эта трагедія была написана двѣнадцатью годами позднѣе, въ 1774 году.

однако своеобразны по своимъ ошибкамъ, что лучше всего привести ихъ въ подлинникѣ: «Въ 1756 году, разсказываетъ князь Шаховской, Волковъ по высочайшей волѣ отправленъ былъ въ Москву для заведенія и тамъ Русскаго театра. Исполнивъ это, Волковъ въ 1757 году возвратился въ Петербургъ, гдѣ и нашелъ Русскій театръ въ самомъ блестящемъ видѣ, подъ главнымъ начальствомъ Сумарокова, который съ помощью страстнаго любителя искусства и самого актера Вас. Ильича Бибикова, отыскалъ на роли трагическихъ любовницъ Т. М. Троепольскую, жену мелкаго гражданскаго чиновника. Она первая играла Семиру, къ восхищенію всѣхъ зрителей. Вскорѣ потомъ вступили на придворный театръ Агр. Михайловна, вышедшая за Дмитревскаго и Авд. М. Михайловы—обѣ превосходныя актрисы» [14]). Въ этомъ разсказѣ Шаховскаго, что̀ ни слово, то ошибка. Несомнѣнно установлено источниками, что Волковъ отправился для устройства театра въ Москву въ 1759 году и слѣдовательно не могъ возвратиться оттуда, исполнивши свою задачу, въ 1757 году. Вас. Ильичъ Бибиковъ, какъ это ясно доказалъ Лонгиновъ [15]), не могъ отыскать Троепольскую, такъ какъ въ 1757 году онъ былъ еще почти мальчикомъ. Троепольская далеко не первая играла Семиру, такъ какъ трагедія эта была поставлена на сцену гораздо ранѣе 1757 года. Въ довершеніе всего, кн. Шаховской сдѣлалъ грубѣйшую ошибку, назвавъ Михайловой Агрипину Мусину-Пушкину. Но оставивъ въ сторонѣ всѣ эти погрѣшности, замѣтимъ, что онъ все-таки подобно Носову утверждаетъ, что Троепольская начала свое сценическое поприще въ Петербургѣ и слѣдовательно нѣкоторымъ образомъ подкрѣпляетъ показанія Носова.

Мы потому такъ подробно остановились на разборѣ свидѣтельства князя Шаховскаго, что, несмотря на свои очевидныя нелѣпости, показаніе это, къ удивленію, довольно часто повторялось позднѣйшими историками, которые, думая согласить его съ другими разсказами (Носова, П. Сумарокова и Штелина) производили невообразимую путаницу. Таково между прочимъ повѣствованіе Арапова. Мы не будемъ, конечно, его разбирать тѣмъ болѣе, что оно уже подробно оцѣнено Лонгиновымъ [8]), и прямо обратимся къ тѣмъ выводамъ, которые слѣдуютъ изъ разсмотрѣнныхъ нами источниковъ.

На поставленный вначалѣ вопросъ, гдѣ начала свою карьеру Троепольская, въ Москвѣ или Петербургѣ, повторяемъ еще разъ, вся-

---

[14]) Репертуаръ 1840 г. Т. I, стр. 45.

[15]) Русскій Архивъ 1870 г. стр. 1353.

[16]) Русскій Архивъ 1870 г. стр. 1353—1355.

кій положительный отвѣтъ былъ бы, по нашему мнѣнію, произвольнымъ. Какимъ бы мутнымъ источникомъ ни считали мы хронику Носова, мы только тогда въ правѣ будемъ рѣшительно сказать, что правъ Штелинъ и П. Сумароковъ, когда точными свидѣтельствами установимъ невѣрность показаній Носова именно въ данномъ случаѣ относительно Троепольской, чего теперь сдѣлать нельзя. Пока же изъ нашихъ источниковъ вытекаетъ лишь одинъ вполнѣ несомнительный фактъ: гдѣ бы ни начинала Троепольская свою карьеру, она, какъ бы то ни было, принимала ближайшее участіе въ образованіи Московскаго театра, была одной изъ лучшихъ сотрудницъ Волкова и въ теченіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ поддерживала своимъ талантомъ юную Московскую сцену, воспроизводя передъ Москвичами лучшія изъ созданій современной ей Русской и иностранной драматургіи.

Намъ предстоитъ теперь выяснить себѣ, въ чемъ заключалась ея артистическая индивидуальность.

Не только по времени, но и, какъ надо думать, по своему эстетическому воспитанію, Троепольская всецѣло принадлежала къ *Сумароковскому* періоду Русскаго театра. Какъ драматургія, такъ и сценическое искусство этого періода были насквозь пропитаны ложью псевдо-классической теоріи. «Аффектація», неестественный паѳосъ, соединяющійся съ холоднымъ, расплывчатымъ резонерствомъ, отличали равно актеровъ и драматурговъ. Сумароковъ безусловно восхищался Троепольской, какъ актрисой: значитъ, она вполнѣ отвѣчала его требованіямъ. Аксаковъ со словъ Шушерина разсказываетъ, что ея отличительной чертой была излишняя горячность; она часто впадала въ крикливость и утрировку, отъ которой Шушеринъ будто бы старался ее отучить [17]). Лонгиновъ доказалъ, что Шушеринъ не могъ играть съ Троепольской; но разсказы объ ея крикливости и утрировкѣ, кажется, вѣрны. Троепольская не была актрисой опережающей свой вѣкъ, она не могла создать новой школы, новыхъ пріемовъ исполненія; но, какъ актриса извѣстной уже установленной другими школы, была во всякомъ случаѣ замѣчательна.

Много значило уже то, что она владѣла прекрасными физическими данными. Величественный станъ ея, выразительное, красивое лице необыкновенно шли къ ролямъ трагическихъ героинь, сразу предрасполагая зрителей въ ея пользу. Голосъ же послушный и пріятный помогалъ передавать ей всѣ чувства изображаемыхъ лицъ, и она умѣла «приводить зрителей въ содроганіе и ужасъ», какъ того хо-

---

[17]) Сем. Хроника и Восп. С. Т. Аксакова, изд. 1879 г. стр. 453 и 456.

тѣла. Знатоки дѣла ставили ее не ниже современныхъ западныхъ знаменитостей и сравнивали съ Клеронъ, Дюмениль, Лекуврёръ. «Недавно (читаемъ въ одной изъ тогдашнихъ театральныхъ рецензій) здѣсь на придворномъ императорскомъ театрѣ представлена была «*Синавъ и Труворъ*», тр. Сумарокова.... Нѣтъ нужды выхвалять сего почтеннаго автора сочиненій... Что же касается до актеровъ, представлявшихъ сію трагедію, то надлежитъ отдать справедливость, что г. Дмитревскій и г-жа Троепольская привели зрителей въ удивленіе. Нынѣ ужъ въ Петербургѣ не удивительны ни *Гаррики*, ни *Лекены*, ни *Госсенши*. Пріѣзжающіе вновь Французскіе актеры и актрисы то подтверждаютъ.... [18]).

Важной особенностью Русской актрисы было еще то, что исполняя трагическія роли, она занимала и первыя роли въ комедіяхъ. Въ штатѣ 1767 года такъ и значится: *Т. М. Троепольския играетъ первыя роли въ трагедіи и комедіи съ жалованьемъ въ 200 рублей*» [19]). Клара въ Сумароковскомъ «Нарцисѣ», Ангелика въ его же «Ядовитомъ» и Изабелла въ «Лихоимцѣ» были созданы ею. Она играла бытовую роль купеческой дочери Танюши въ утраченной пьесѣ Волкова «Всякій Еремей про себя разумѣй», роль «говоруньи» Пульхеріи въ к. Лукина «Пустомеля», исполняла, наконецъ, если вѣрить хроникѣ Носова, и Мольеровскую Селимену, одну изъ труднѣйшихъ ролей женскаго комическаго репертуара, гдѣ нужно особое искусство, чтобы передать ту граціозную прелесть кокетства, которая составляетъ существенную черту характера Селимены. Необходимо впрочемъ замѣтить, что большинство ролей Троепольской въ комедіяхъ не были, строго говоря, комическими. Она занимала тамъ лишь амплуа молодыхъ любовницъ, т.-е. роли съ легкимъ драматическимъ оттѣнкомъ, нѣсколько подходящія къ тѣмъ, что̀ составляли ея спеціальность—къ трагическимъ ролямъ, исполненіе которыхъ и прославило имя артистки.

Просматривая списокъ этихъ послѣднихъ ролей, какъ его можно составить по источникамъ, легко сдѣлать одно интересное наблюденіе. Троепольская играла по преимуществу роли такъ называемыхъ «молодыхъ принцессъ», изображала, слѣдов. въ большинствѣ случаевъ дѣвушекъ, которыя полюбили въ своей жизни впервыя, любовь которыхъ отличается особенной нѣжностью и мягкостью. Это не значитъ, конечно, что она *не могла* исполнять роли болѣе пожилыхъ женщинъ, уже извѣдавшихъ жизнь, которыя любятъ, если не глубже,

---

[18]) „Пустомеля“, журналъ 1770 г. стр., 108—109.

[19]) „Русск. Талія“, альман. 1825 г. Булгарина.

то какъ-то сильнѣе, могучѣе: она, вѣроятно, потому только не играла ихъ, что умерла молодой. А какая же была надобность переходить на болѣе пожилое амплуа, когда физическія средства все еще подходили къ изображенію молодыхъ лицъ? Въ своемъ амплуа Троепольская, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописцы, и не имѣла соперницъ на Русской сценѣ, была во многихъ роляхъ превосходна, а въ нѣкоторыхъ неподражаема, напримѣръ въ Ильменѣ, Герміонѣ, Эсѳири и Сарѣ Сампсонъ [20]). Пальмира въ Вольтеровомъ «Магометѣ», Химена въ «Цидѣ» Корнеля, Юлія въ траг. Вейсе «Ромео и Юлія», Альзира и Заира въ тр. того же названія Вольтера, г-жа Беверлей въ драмѣ «Беверлей» [21])—вотъ роли, характеризующія репертуаръ Троепольской. О героиняхъ Сумароковскихъ трагедій и говорить нечего: она создала ихъ всѣ, начиная съ Оснельды въ «Хоревѣ» и Офеліи въ «Гамлетѣ и кончая Ольгой въ «Мстиславѣ». Но лучшимъ изъ всѣхъ ея созданій, вѣнцомъ ея славы была роль Ильмены въ «Синавѣ и Труворѣ». Мы уже говорили съ разсказа Носова, какъ превосходно вела она особенно ту сцену, когда Ильмена узнаётъ о смерти своего возлюбленнаго. Ильмену Троепольская играла между прочимъ въ тотъ достопамятный спектакль, когда только что воротившійся изъ чужихъ краевъ Дмитревскій впервыя выказалъ Петербургской публикѣ плоды своего изученія западно-европейскихъ образцовъ сценическаго искусства. Какъ ни велико было обаяніе, произведенное въ этотъ вечеръ на публику Дмитревскимъ, Троепольская не стушевалась. Чуть ли не на этотъ именно спектакль авторъ трагедіи, Сумароковъ, написалъ ей стихи, въ которыхъ такъ прославилъ ея искусство:

Не похвалу тебѣ стихами сплетаю,
Ниже прельщенъ тобой, къ тебѣ въ любви я таю,
Ниже на Геликонъ ласкаясь возлетаю,
Ниже ко похвалѣ я зрителей влеку,
Ни къ утвержденію ихъ плеска я теку:
Едину истинну я только изреку.
Достойно Росскую Ильмену ты сыграла.
Россія на нее слезъ токъ лія взирала,
И зрѣла, какъ она, страдая, умирала.

---

[20]) Театр. и Муз. Вѣстн 1857 г. № 12.

[21]) Въ „Драм. Слов. 1787 г.". стр. 24, объ исполненіи Троепольской этой роли находимъ слѣдующую отмѣтку: „Ролю г-жи Беверлей представляла на тогдашнее время (въ день перваго представленія, 11-го Мая 1772 г.) первая придворнаго театра актриса Троепольская, и послѣ онаго къ совершенной потерѣ публики вскорѣ похищена была смертью",

Пуская Дмитревской вздыханіе и стонъ,
Явилъ Петрополю красы котурна онъ.
Проснулся и пришелъ на Невскій брегъ Баронъ.
А ты съ пріятностью прелестныя Венеры,
Стараясь превзойти похвалъ народныхъ мѣры,
Достигни имени преславной Лекуврерры [22]).

Кромѣ Троепольской одинъ только Дмитревскій удостоился получить отъ Сумарокова подобную же похвалу въ видѣ стихотворнаго посланія. Только таланты этихъ артистовъ слѣдовательно его особенно поразили, несмотря на всю строгость и придирчивость его критики. Это не лишено интереса. Значитъ, Троепольская и Дмитревскій своей игрой *вполнѣ* отвѣчали его эстетическому вкусу: будь иначе, онъ разразился бы на нихъ по обыкновенію самыми горячими нападками. Очевидно, они всѣ трое составляли изъ себя своего рода театральный тріумвиратъ, принадлежа къ одной сценической школѣ, неизмѣнно идя рука объ руку другъ съ другомъ въ своемъ служеніи искусству. По отношенію къ Троепольской эта тѣсная связь ея дѣятельности съ дѣятельностью Сумарокова какъ-то особенно рѣзко бросается въ глаза. Ея послѣднею ролью была роль Ольги въ послѣдней же трагедіи Сумарокова «Мстиславъ», и послѣ девятаго представленія этой трагедіи она скончалась еще молодой женщиной. Отходилъ въ вѣчность Сумароковскій періодъ Русскаго театра, и вмѣстѣ съ нимъ угасла и лучшая представительница этого періода, Троепольская.

Здоровье Татьяны Михайловны давно уже возбуждало серьезныя опасенія. Она страдала недугомъ, медленно, постепенно подтачивавшимъ ея силы—чахоткою. Къ началу семидесятыхъ годовъ болѣзнь явно стала принимать все большіе и большіе размѣры. Троепольская однако крѣпилась и все играла. 16-го Мая 1774 г. была поставлена на придворномъ театрѣ новая трагедія Сумарокова, «Мстиславъ». Какъ ни дурно себя чувствовала Татьяна Михайловна, она взялась за роль Ольги. Но силы ей окончательно измѣняли. «Бывшая при дворѣ актриса», читаемъ объ этомъ спектаклѣ въ «Драматическомъ Словарѣ», «г-жа Троепольская, представляя роль Ольги, плѣняя умы зрителей, въ послѣдній разъ оставляетъ сцену» [23]). На другой же день послѣ представленія она встала совершенно ослабленной и ясно увидѣла, что не можетъ долѣе играть. Тогда только рѣшилась она просить объ увольненіи отъ службы съ тѣмъ, чтобы поѣхать лѣчиться, какъ раз-

[22]) Соч. Сумарокова, т. IX, стр. 171. Стихи написаны на спектакль 16-го Ноября 1766 года.

[23]) Др. Сл. 1787 г., стр. 83.

сказываетъ Носовъ, «на Русскія минеральныя воды». Но было уже поздно. Императрица, конечно, уважила всеподданнѣйшую просьбу своей любимой артистки и даже повелѣла дать въ ея пользу представленіе, но представленію этому не суждено было состояться. Уже назначили піесу, трагедію В. И. Майкова «Фемистъ и Іеронима», еще въ 1773 г. представленную имъ на театръ и подаренную Троепольской; разучили роли, объявили бенефисъ на 23 Мая. Но передъ самымъ началомъ представленія, въ своей уборной, Троепольская нежданно скончалась [24]). Публика, наполнившая театръ, не увидѣла уже своей любимицы, и самой трагедіи Майкова со смертію Троепольской не суждено было узрѣть сценическихъ подмостокъ. Сумароковъ въ особомъ посланіи къ Дмитревскому оплакалъ смерть той, которая такъ хорошо воплощала въ себѣ созданные имъ образы. Посланіе это одно изъ слабыхъ стихотвореній «Русскаго Расина», но оно не лишено чувства:

Въ сей день скончалася, и нѣтъ ея теперь,
Прекрасна женщина и Мельпомены дщерь,
И охладѣли ужъ ея младые члены,
И Троепольской нѣтъ, сей новыя Ильмены.
Елиза да живетъ на свѣтѣ больше лѣтъ;
Она осталася, но Троепольской нѣтъ.
Живущія игрой къ увеселенью свѣта:
Ей память вѣчная, Елизѣ многи лѣта!
Да веселитъ она игрою нашъ народъ,
И чтобы міръ изрекъ: Елизѣ сотый годъ.
А ты, мой вѣрный другъ, игравши намъ Мстислава,
Кѣмъ днесь моя умножилась въ Россіи слава,
Старайся, чтобы нашъ театръ не палъ на вѣкъ;
А такъ какъ жалостный и добрый человѣкъ,
Восплачь, восплачь со мной о той и воспечались,
Которой роли всѣ на свѣтѣ окончались [25])

Мѣсто Троепольской по сценѣ заступила Елисавета Өедоровна Иванова. (Вѣроятно, ее разумѣлъ Сумароковъ подъ именемъ «Елизы».) Но ей не удалось замѣнить свою предшественницу, по крайней мѣрѣ въ глазахъ знатоковъ. Они ставили ее ниже Троепольской, и посреди похвалъ расточаемыхъ новой актрисѣ, съ сожалѣніемъ вспоминалось имя старой любимицы публики [26]). Иванова во всѣхъ отноше-

---

[24]) Др. Сл. 1787 г., стр. 151 и Театр. и Муз. Вѣст. 1857 г. № 12. Н. Сумароковъ и за нимъ Гречъ совершенно невѣрно обозначаютъ годомъ кончины Троепольской 1767 г.

[25]) Соч. Сумарокова, ч. IX, стр. 91.

[26]) От. Зап. 1822 г., № 32, стр. 388 и «Русская Талія» Булгарина.

ніяхъ, кажется, представляла собой типъ *новой актрисы.* Авторамъ теперь уже нечего было бояться, что ихъ піесы не пойдутъ изъ-за того, что исполнительницы женскихъ ролей стыдятся одѣться въ мужское платье. Пора дѣтскаго возраста для театра проходила. Нарождались новыя эстетическія понятія, нарождались и новые театральные нравы...

Мужъ Троепольской, А. Н. оставилъ сцену, повидимому, еще ранѣе Татьяны Михайловны. Умеръ-ли онъ или только отказался отъ актерства, но уже въ штатѣ 1767 г. его имя не встрѣчается. Насколько можно судить, Троепольскій ничѣмъ не выдѣлялся изъ числа посредственныхъ актеровъ, но тѣмъ не менѣе ему доставались важныя роли. Онъ игралъ Пирра, Магомета, Гусмана въ «Альзирѣ», дона-Родриго въ «Цидѣ», Хорева, Аскольда. Какими однако выходили эти лица въ его исполненіи, объ этомъ нѣтъ извѣстій.

Намъ остается прибавить, что преданія о сценической славѣ Троепольской пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ ея смерти внушили знаменитому Русскому водевилисту, Н. И. Хмѣльницкому одинъ изъ лучшихъ и граціознѣйшихъ его водевилей «Актеры между собой», гдѣ Троепольская выведена въ сообществѣ съ товарищами ея мужа по сценѣ, Поповымъ и Шумскимъ. Приглашенные на имянины его жены, только что пріѣхавшей въ Петербургъ, они думаютъ встрѣтить въ ней смѣшную провинціалку и вдоволь надъ ней посмѣяться. Между тѣмъ Троепольская, узнавъ объ этомъ, сама дурачитъ ихъ самымъ безпощаднымъ образомъ, явившись каждому по одиночкѣ: Попову въ видѣ княгини, Шумскому въ видѣ служанки и заставивъ ихъ обоихъ влюбиться въ себя по уши. Троепольскій выведенъ въ видѣ бездарнаго и неуклюжаго супруга талантливой и граціозной женщины. Роль же самой Троепольской, вслѣдствіе ея превращеній то въ княгиню, то въ служанку, представляетъ хорошей актрисѣ превосходный случай высказать во всемъ блескѣ свой талантъ и веселость. Водевиль Хмѣльницкаго очень долго держался на сценѣ, представляя собой какъ бы отголосокъ былой славы Троепольской. Еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ его давали на Московскомъ театрѣ. Теперь онъ уже окончательно забытъ и сданъ въ театральный архивъ.

А. Н. Сиротининъ.

ЕЩЕ О ЛЕРМОНТОВѢ.

Положительно могу сказать, что все написанное г-жею Гоммеръ-де-Гелль [1]) по поводу дѣвицы Р. есть чистая выдумка. Я современница Нины Александровны и была съ ней знакома въ продолженіи многихъ лѣтъ; она всегда слыла за самую благоразумную, весьма скромную и солидную особу, а въ 1840 году была уже мать семейства. Здравствуетъ еще и теперь.

Точно также не помню я, чтобы существовалъ Французскій пансіонъ, гдѣ бы воспитывалась красавица Черкешенка, хотя и живу я здѣсь давненько. Вѣроятно г-жа де-Гелль слыхала разсказы о плѣнныхъ дѣтяхъ горцевъ. Этихъ дѣтей нѣкоторые оставляли въ своихъ семьяхъ [2]), другіе отправляли ихъ на воспитаніе въ Петербургъ, а большую часть обмѣнивали на нашихъ плѣнныхъ. Г-жа де-Гелль, когда писала свои письма такъ откровенно, конечно не предполагала, что они попадутъ въ печать, а потому и дала полную свободу своей фантазіи.

Вспомнила я и балъ въ Кисловодскѣ. Въ то время, въ торжественные дни, всѣ военные должны были быть въ мундирахъ; а такъ какъ молодежь, отпускаемая изъ экспедиціи на самое короткое время отдохнуть на воды, мундировъ не имѣла, то и участвовать на парадномъ балу не могла, что̀ и случилось именно 22 Августа (день коронаціи) 1840 года. Молодые люди, въ числѣ которыхъ былъ и Лермонтовъ, стояли на балконѣ у окна, стараясь установить свои головы такъ, чтобы вышла пирамида; а какъ Лермонтовъ по росту былъ ниже всей компаніи, то голова его пришлась въ первомъ ряду, совсѣмъ на подоконникѣ, и его большіе выразительные глаза выглядывали такъ насмѣшливо. Это всѣхъ очень забавляло, а знакомые подходили съ нимъ разговаривать. Въ концѣ же вечера, во время мазурки, одинъ изъ неимѣвшихъ права входа на балъ, именно князь Тр. [3]), храбро вошелъ и, торжественно пройдя всю залу, пригласилъ дѣвицу *** сдѣлать съ нимъ одинъ туръ мазурки, на что̀ она охотно согласилась; затѣмъ, доведя ее до мѣста, онъ также промаршировалъ обратно и былъ встрѣченъ аплодисментомъ товарищей за свой геройскій подвигъ, и дверь снова затворилась. Много смѣялись этой смѣлой выходкѣ, и только; а князь Т. могъ бы поплатиться и гауптвахтой.

Эмилія Шанъ-Гирей.

22 Августа 1887 года, г. Пятигорскъ.

---

[1]) Въ Русскомъ Архивѣ 1887 г., тетрадь 9-я.

[2]) У насъ въ домѣ была Черкешенка, далеко не красивая; она была взята въ плѣнъ 8 лѣтъ; ее окрестили и въ послѣдствіи выдали замужъ. Это было въ 30-хъ годахъ.

[3]) Тотъ самый, который былъ и въ 1841 году во время дуэли Лермонтова.

ПИСЬМО КЪ В. А. КОКОРЕВУ ПО ПОВОДУ «ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ПРОВАЛОВЪ».

По возвращеніи моемъ изъ-за границы я, конечно, прочиталъ ваши статьи „Экономическіе Провалы“. Воздавая должную дань вашему сочиненію, я нашелъ къ заключеніи его, такъ сказать, вызовъ на обсужденіе постановленныхъ вами вопросовъ.

Какъ авторъ „Энциклопедіи питанія“ и какъ слѣдящій за всѣмъ, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ по вопросамъ питанія, я вполнѣ знаю новѣйшую стадію вопроса объ алкоголѣ и о тѣсно съ нимъ связанномъ винокуреніи въ различныхъ странахъ. Сообщаю вамъ кратко то, что̀ должно бы, кажется мнѣ, измѣнить вашъ взглядъ на мелкое винокуреніе на Сѣверѣ Россіи.

Въ послѣднее время стало аксіомою, что вредно не столько потребленіе алкоголя, сколько введеніе въ организмъ тѣхъ *ядовъ*, которые находятся въ смѣси съ алкоголемъ и которые выдѣлить изъ алкоголя не такъ-то легко. Самый безвредный изъ смѣси алкоголей (каковую мы называемъ кратко алкоголемъ) это Aethyl-алкоголь; менѣе вредны *легкіе* алкоголи: Aldehyde, Paraldehyde, Metaldehyde и пр. Самые вредные, *тяжелые* алкоголи: Propyl, Butyl, Amyl и пр. Когда обыкновенно продаваемую намъ смѣсь алкоголей мы раздѣлимъ на разные алкоголи, то увидимъ, что таковые кипятъ начиная съ 22° Ц. до 132° Ц. Отъ введенія менѣе полузолотника Amyl-алкоголя на килограммъ вѣса животнаго, оно околѣваетъ. Человѣкъ средній вѣситъ 65 килогр., и менѣе ½ стакана (110 граммовъ) Amyl'я для него будутъ смертельны. Разбавленный Amyl дѣйствуетъ чуть-ли не сильнѣе еще, тогда какъ разбавленный Aethyl переносится много разъ болѣе безъ отравленія. Этого мало: тяжелые алкоголи и въ малыхъ пріемахъ одуряютъ, разстроиваютъ нервы и здоровье, и новѣйшая статистика доказала, что увеличеніе преступленій, сумасшествій, идіотизмъ, вырожденіе населенія, нищенство—все это является результатомъ потребленія вредныхъ алкоголей. Опыты указали, что Amyl-алкоголь въ 30 разъ вреднѣе Aethyl'я.

Всѣ эти наблюденія привели къ тому заключенію, что въ алкоголѣ, который пьютъ, не должно быть терпимо примѣсей другихъ алкоголей болѣе $^{3}/_{10}$%, а остальное должно состоять изъ чистаго Aethyl'я; тогда какъ находящіеся теперь въ продажѣ алкоголи имѣютъ даже и болѣе 6% постороннихъ алкоголей, хотя бы эти алкоголи подвергались очисткѣ фильтрированіемъ сквозь уголь. Даже десятерная фильтрація чрезъ уголь не освобождаетъ еще Aethyl'я отъ примѣсей.

Данныя эти привели къ тому, что такъ какъ надлежащая очистка сложна и дорогà, то наврядъ-ли частные заводы въ состояніи ее производить такъ, чтобы возможно было ихъ освободить отъ контроля правительства, и наиболѣе передовыя націи рѣшили (напримѣръ, всеобщею подачею голосовъ въ Швеціи), что въ продажу не долженъ допускаться иной алкоголь, какъ очищенный правительствомъ страны. Чрезъ эту мѣру надѣется страна избавиться отъ болѣзни нашего вѣка, называемой „алкоголизмъ".

Вы можете мнѣ возразить, что очистка спирта одно, а мелкое винокуреніе другое, что вы согласны на то, чтобы всѣ продукты мелкихъ винокурень поступали въ вѣдѣніе казны, которая можетъ ихъ очищать и пускать въ продажу. Тоже говорили и въ Швейцаріи; но правительство, опасаясь огромнаго числа мелкихъ винокурень, опасаясь громаднаго штата служащихъ, которые должны надзирать за массою винокурень, опасаясь корчемства, за которымъ хитро услѣдить, постановило закрыть всѣ винокурни, производящія спирта менѣе 3000 ведеръ, а равно выкуривающія болѣе 4000 ведеръ въ годъ (либо 1 гектометръ въ день minimum, либо 500 гектометровъ въ годъ maximum).

Вамъ уже ясна причина minimum'а; основаніе же maximum'а таково: покровительствовать винокуренію слѣдуетъ либо ради возможности превращать дешевые продукты земли, не выносящіе перевозки, въ продукты болѣе цѣнные, которые можно вывозить въ отдаленныя мѣстности; либо ради полученія барды, которая при недостаткѣ кормовъ даетъ возможность содержать добавочный скотъ.

Дешевыхъ продуктовъ земли въ Швейцаріи не находится, за исключеніемъ картофеля, да и то въ особенно-урожайные годы. Въ сѣверной Россіи тоже нѣтъ дешевыхъ продуктовъ, потому что Сѣверъ питается хлѣбомъ средней и южной Россіи и, если зерно выдерживаетъ перевозку его на Сѣверъ, то, конечно, не изъ этого относительно-дорогаго зерна выгодно будетъ тамъ производить винокуреніе.

Какъ кормъ скота, барда занимаетъ далеко неважное мѣсто, а это на основаніи изысканій послѣдняго времени; потому что барда годна для корма скота только въ теченіи однихъ первыхъ сутокъ по ея выходѣ, при чемъ она должна быть получена изъ совершенно-здороваго продукта и помощью апаратовъ, которые не допускали бы въ ней даже и *слѣдовъ* вредныхъ алкоголей, чего крайне трудно достигнуть при настоящемъ устройствѣ винокурень. Да еще и такая *усовершенствованная* барда должна быть даваема въ кормъ, какъ подспорье, въ количествѣ не свыше 3—4 ведеръ въ сутки

и съ условіемъ, чтобы ея температура была не свыше 37° Ц. При несоблюденіи этихъ условій, да и вообще при кормленіи скота бардою, получаемое отъ скота молоко считается негоднымъ для пищи людей, и продажа такого молока на рынкахъ строго воспрещается полиціею, такъ какъ было много случаевъ отравленія этимъ молокомъ и даже смерти цѣлыхъ семействъ. Лица, фабрикующія сыры и масло, тоже контрактами обязываютъ своихъ поставщиковъ не ставить имъ молока отъ скота, кормленнаго бардою, такъ какъ барда въ концѣ-концовъ можетъ только служить для корма скота, идущаго на убой, да и то и между этимъ скотомъ при кормленія бардою бываетъ отравленіе скота и падежъ его; а какъ большія винокурни станутъ поневолѣ навязывать всюду барду, производя ея болѣе чѣмъ можетъ быть скормлено въ ихъ окрестностяхъ, даже и въ густо-населенной Швейцаріи: то большіе заводы тамъ и не допущены.

Откармливать скотъ дорогою бардою на Сѣверѣ наврядъ-ли будетъ въ Россіи разсчетливо; да и не намъ щеголять дешевизною скота и не на Сѣверѣ конечно, потому что въ Австраліи, Буэносъ-Айресѣ, въ Ла-Платѣ, въ Аргентинской республикѣ и пр. не всегда можно продать баранью тушу за 1 рубль; но оттуда мясо идетъ въ Англію, потому что его *умѣютъ морозить*, хранятъ на льду въ амбарахъ и на кораблѣ, въ пути, и въ мѣстахъ продажи, и сдаютъ покупателю такимъ, какимъ оно было заморожено не медля по убоѣ животнаго, т.-е. слишкомъ свѣжимъ; а у насъ изъ мѣстъ, гдѣ дешево мясо, если везутъ его сюда мороженнымъ, то оно въ мѣстахъ отправки замораживается когда черезъ сутки, когда черезъ двое и дорóгою успѣетъ не разъ оттаять и начать разлагаться. Вотъ почему мы брезгаемъ мороженнымъ мясомъ, и на лучшее его замораживаніе слѣдовало бы у насъ обратить вниманіе.

Все, чтó выше сказано, не допускаетъ меня стать за проповѣдуемое вами мелкое винокуреніе и особенно на Сѣверѣ Россіи; но за то я стою вмѣстѣ со многими учеными послѣдняго времени за монополію продажи водокъ или алкоголя, не иначе какъ очищенныхъ правительствомъ и съ гарантіею въ устраненіи ядовитыхъ алкоголей.

Вы поднимаете еще вопросъ о дешевой *соли* для корма скота. И по этому вопросу я долженъ вамъ сообщить опыты знаменитаго Boussingault, который наблюдалъ и взвѣшивалъ въ теченіи 44 дней два стада скота, имѣвшихъ при началѣ наблюденій одинаковые возрастъ и вѣсъ, но одному стаду давали соль, а другому нѣтъ. Вѣсъ всѣхъ животныхъ увеличился совершенно одинаково, такъ что сдѣланъ выводъ, что соль не имѣетъ ровно никакого пищеваго значенія и хотя стадо съ солью пило воды по 41 литру на голову въ сутки, а стадо безъ соли по 32 литра; но какъ вѣсъ оказался одинаковый, то и воду считаютъ не имѣющею вліянія на откармливаніе. Другой опытъ Boussingault продолжался 117 дней, при чемъ скоту

давали пищи или корму вдоволь. Стадо съ солью выпивало по 54 литра въ сутки на голову, а стадо безъ соли по 31 литру воды; но и этотъ излишекъ соли и 23-хъ литровъ (почти двухъ ведеръ) воды не оказалъ никакого вліянія на вѣсъ. Каждая скотина изъ стада съ солью вѣсила 480 кило при началѣ опыта и 618 кило при окончаніи; прибавка 138 кило. Стадо безъ соли вѣсило въ среднемъ 452 кило при началѣ и 590 кило при концѣ опытовъ; прибавка *тѣже* 138 кило на голову. Разница вся оказалась въ томъ, что съ солью средняя скотина съѣдала по 17,4 кило корма въ сутки, а безъ соли по 16,3 кило; но результатъ вышелъ, какъ выше выведено, тотъ же самый.

Въ виду этихъ результатовъ пробовали, силосируя кормъ (silossage—родъ приготовленія корма во рвахъ, подобный нашему квашенію капусты подъ прессомъ), прибавлять къ нему соль, разсчитывая на лучшее чрезъ то сохраненіе корма; но и тутъ соль оказалась излишнею, такъ что въ концѣ-концовъ является вопросъ: не есть-ли еще дача соли скоту одинъ изъ тѣхъ предразсудковъ, которые исчезаютъ передъ свѣтомъ науки?

Безполезность соли для скота основывается на томъ, что мудрая природа уже помѣстила соли въ натуральныхъ кормахъ и, давая ихъ въ натуральномъ видѣ, нѣтъ надобности въ добавкѣ къ нимъ соли. Другое дѣло человѣкъ, который извращаетъ натуру ради моды въ его вкусѣ. Мы, напримѣръ, гоняемся за *бѣлизною* хлѣба, и ради этого въ помолъ идетъ не все зерно, а только центральная его часть, самая бѣлая. Мука получается бѣлая, но лишенная всѣхъ солей, находящихся въ наружныхъ частяхъ зерна, какъ разъ подъ тою оболочкою, которая идетъ въ отруби. Вотъ почему человѣку нужна соль; а станутъ дѣлать муку изъ цѣльнаго зерна, немудрено, что и человѣкъ станетъ потреблять соли много менѣе теперешняго.

Сообщивъ вамъ все то, до чего ученые дошли въ послѣдніе годы по затронутымъ мною двумъ вопросамъ, я надѣюсь нѣсколько поколебать ваши заключенія по вопросамъ о винокуреніи и о соли.

Д. Каншинъ.

С.-Петербургъ, 19 Сентября 1887 года.

ОТВѢТЪ В. А. КОКОРЕВА Д. В. КАНШИНУ.

Цѣль вашего письма ко мнѣ, многоуважаемый Дмитрій Васильевичъ, какъ равно и цѣль изданія мною «Экономическихъ Проваловъ» заключается въ стремленіи къ общей пользѣ и въ желаніи, чтобы наша жизнь не проходила безслѣдно, а сообщила бы въ назиданіе нашимъ замѣстителямъ на пути жизненнаго труда все то, что̀ мы уразумѣли изъ нашихъ опытовъ и наблюденій. При всей общности означенной задачи мы идемъ къ ней разными путями: вы берете сѣмена изъ воззрѣній, добытыхъ Европейскими учеными, а я беру ихъ изъ познанія нуждъ и потребностей Русскаго народа, указуемыхъ его смысломъ и бѣдствіями, которыя онъ переживаетъ. Не думайте, что я отвергаю пользу науки. Въ области астрономіи, математики, химіи и физики наука для всѣхъ странъ свѣта имѣетъ общіе законы; но напримѣръ въ медицинѣ она требуетъ уже примѣненія къ климатическимъ условіямъ, а въ сельскомъ хозяйствѣ это примѣненіе раздробляется на множество различныхъ видовъ, зависящихъ отъ климата и почвы и нерѣдко отъ общаго склада народной жизни.

Письмо ваше вы закончили тѣмъ, что, сообщивъ мнѣ все то, до чего ученые дошли въ послѣдніе годы по вопросамъ о винокуреніи и о соли, вы надѣетесь нѣсколько поколебать мои заключенія по этимъ двумъ вопросамъ.

Нѣтъ, уважаемый Дмитрій Васильевичъ: едва ли я что либо могу уступить изъ моихъ заключеній, высказанныхъ мною въ «Экономическихъ Провалахъ», и эта уступка даже не представится нужною; потому что, разобравшись въ нашихъ недоумѣніяхъ, мы придемъ къ заключенію, что никакой разницы въ нашихъ взглядахъ не существуетъ. За тѣмъ, въ тоже время, относясь съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ къ трудамъ Швейцарскихъ ученыхъ, перехожу къ доказательствамъ полной неприложимости этихъ ученій въ Россіи.

Вся наша великая бѣда состоитъ въ томъ, что мы засоряемъ ниву общенароднаго дѣланія пересадкою чужихъ корней. Швейцарія выработала себѣ такую породу скота, которая по своей величинѣ, мясистости и молочности составляетъ красоту скотоводства и пріобрѣтается, какъ рѣдкость, въ наилучшія фермы. Швейцарія въ смыслѣ скотоводства и сельскаго хозяйства составляетъ сыроваренную фабрику всей Европы и сама уже ввела въ свое ежедневное употребленіе сыры, какъ основную пищу; слѣдовательно Швейцарскимъ ученымъ явилась необходимая потребность доискиваться лучшаго качества сыровъ посредствомъ согласованія скотокормленія съ производствомъ

молока лучшихъ качествъ. Вы направляете Русскую сельскую жизнь къ подчиненію взглядамъ Швейцарскихъ ученыхъ; вы подносите нашей бѣдной, захудалой жизни, такъ сказать, десертное блюдо, тогда какъ отощалая жизнь хочетъ прежде всего чернаго хлѣба и мясной похлебки; начинать же съ десерта противно вкусу и самой потребности здороваго питанія. Къ чему намъ разсуждать о той системѣ выкормки скота, которая нужна для сыроваренія, тогда какъ у насъ во всей Россіи нѣтъ не только ни одной деревни, употребляющей сыры, но даже и ни одного крестьянскаго дома, въ которомъ бы находили вкусъ въ употребленіи сыровъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ я вовсе не отвергаю необходимости и пользы внимать заключенію Швейцарскихъ ученыхъ въ тѣхъ хозяйствахъ Россіи, которыя основаны исключительно для сыроваренія; но эти хозяйства вовсе не касаются общенароднаго быта.

Такимъ образомъ, мы должны сосредоточить свою заботливость пока еще не на системѣ наилучшаго питанія, а просто на заботѣ о безбѣдномъ питаніи, дабы въ крестьянской семьѣ, особливо въ 15-ти сѣверныхъ губерніяхъ, было достаточно молока и хлѣба. Но чтобы имѣть молоко, надо завести въ каждой семьѣ хотя пару коровъ, нѣсколько овецъ и хотя одну лошадь, и тогда отъ этихъ животныхъ можетъ быть удобрено полдесятины земли, которая дастъ ежегодно зерна на 50 пуд. ржаной муки. При такомъ, конечно, скудномъ положеніи не будетъ однакожъ надобности ходить по міру. Мы знаемъ изъ подворныхъ описей, что въ лучшихъ уѣздахъ Рязанской губерніи у $^1/_6$ части населеній нѣтъ ни скота, ни хлѣба, ни молока для дѣтей. Если въ Рязанской губерніи $^1/_6$ часть находится въ такомъ бѣдственномъ положеніи, то можно себѣ представить, во сколько разъ эта часть болѣе въ губерніяхъ Витебской, Новгородской, Псковской и т. п. холодно-почвенныхъ мѣстностяхъ. Но рядомъ съ бѣдствующими губерніями находится Эстляндія, гдѣ при существованіи 150 винокуренъ по всѣмъ селеніямъ распространена барда, доставляющая возможность имѣть скотъ, получать отъ него удобреніе и черезъ унавоживаніе имъ полей выращивать нужное количество хлѣба для безбѣднаго питанія цѣлый годъ.

Если мы хотимъ проявить изъ себя заботниковъ о благѣ бѣдствующей части крестьянъ, то, упростивъ наши взгляды, должны искать указаній къ выходу изъ обѣдненія не въ Швейцаріи и не въ протоколахъ Европейскихъ ученыхъ, а въ изученіи бѣдности Новгородской губерніи и т. д. и причинъ сытости въ Эстляндской.

Вы, высказывая ваши опасенія, что проповѣдуемая мною польза отъ мелкихъ винокуренъ породитъ массу дурно-очищеннаго вина, ставите въ примѣръ, что Швейцарское правительство опредѣлило закрыть всѣ винокурни, производящія спирта менѣе 3000 ведеръ. По

моему мнѣнію, такая измельченность винокуреннаго производства была бы для Россіи очень невыгодна, потому что жалованье винокуру и прочіе расходы при винокуреніи трехъ тысячъ ведеръ ложились бы на цѣну вина очень крупною цифрою. У насъ было бы достаточно ограничить размѣръ винокурень 20-ю тыс. ведеръ въ годъ, и тогда бы каждая винокурня могла довольствовать окружающія ее деревни свѣжею бардою въ первые сутки по ея выходѣ согласно сдѣланному вами замѣчанію. Изъ этого очевидно, что той измельченности винокурень, которой вы боитесь, вовсе бы не было. Далѣе вы пишите, что большія винокурни поневолѣ навязываютъ всюду барду, производя ее болѣе чѣмъ можетъ быть скормлено въ ихъ окрестностяхъ и что поэтому въ густо-населенной Швейцаріи большіе винокуренные заводы не допущены. Здѣсь Швейцарское воззрѣніе или иначе говоря ваши и мои взгляды опять вполнѣ сходятся: мы одинаково враги большихъ винокурень, величина которыхъ въ Россіи доведена до поразительныхъ размѣровъ. При множествѣ винокурень въ болѣе 100 тыс. ведеръ въ годъ есть немало и такихъ, которыя выкуриваютъ около полмилліона ведеръ, спуская излишество барды въ овраги, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ на стоверстныхъ разстояніяхъ не имѣется ни одного завода.

Вы сказали, что не можете стать за проповѣдуемое мною мелкое винокуреніе особенно на Сѣверѣ Россіи; но изъ всего вышесказаннаго вы усмотрите, что предполагаемая мною измельченность гораздо крупнѣе Швейцарской. За тѣмъ вы стоите вмѣстѣ со многими учеными послѣдняго времени за монополію продажи водокъ или алкоголя, не иначе какъ очищенныхъ правительствомъ съ гарантіею за устраненіе ядовитыхъ алкоголей.

Мнѣ нѣтъ надобности соединяться съ вами въ мысли объ учрежденіи правительственной монополіи по продажѣ водки и алкоголя, потому что мое сочувствіе къ казенной монополіи три года тому назадъ неоднократно заявлялось мною въ статьяхъ моихъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; но чтобы алкоголь былъ очищенъ правительствомъ съ гарантіею его въ устраненіи ядовитыхъ примѣсей, то это обстоятельство составляетъ для меня новое прибавленіе къ казенной монополіи и, я относясь къ нему съ чувствомъ глубокой къ вамъ благодарности, совершенно присоединяюсь по этому нововведенію къ вашему мнѣнію. Не понимаю, почему вы находите развитіе винокуренія на Сѣверѣ Россіи ненужнымъ. Развѣ вы не признаете въ винокуреніи необходимаго фактора для успѣха сельскаго хозяйства? Развѣ васъ не трогаетъ, какъ автора «Энциклопедіи Питанія», недостатокъ сытости въ Новгородской и другихъ губерніяхъ, и не возбуждается чувства

досады при видѣ вполнѣ удовлетвореннаго питанія въ Эстляндіи, достигаемаго избыткомъ винокурень?

Вы говорите въ вашемъ письмѣ о мороженомъ мясѣ, какъ о явленіи весьма неудобномъ, присоединяя къ тому возраженіе, что мы брезгаемъ мороженымъ мясомъ. Невольно рождается вопросъ: кто эти мы? Возмемъ Петербургъ и Москву. Изъ милліоннаго населенія каждой столицы не наберется и ста тысячъ человѣкъ покупающихъ парное мясо, а всѣ остальные въ зимнее время довольствуются мороженымъ мясомъ, какъ наиболѣе дешевымъ. Въ губернскихъ городахъ спросъ на парное мясо еще слабѣе, а въ уѣздахъ онъ почти не существуетъ; въ деревняхъ же и селахъ большинство жителей питается мясомъ только въ дни розговѣній и то какимъ мясомъ! Отъ такой коровы, которая не достигаетъ 4-хъ пудоваго вѣса, тогда какъ въ Швейцаріи самый умѣренный вѣсъ коровы составляетъ вѣроятно 20 пудовъ.

Мы незамѣтно подошли къ вопросу, отчего наши коровы такъ измельчали? Оттого, что быки ходятъ въ одномъ стадѣ съ коровами, и молодыя телки отеливаются ранѣе двухлѣтняго срока. Не будь этого, порода скота годъ отъ года дѣлалась бы крупнѣе. Нуженъ высочайшій указъ о воспрещеніи соединять быковъ въ одномъ стадѣ съ коровами и телками, подобно тому какъ былъ когда-то благотворный указъ, воспрещающій стрѣлять дичь до 15-го Іюля.

Теперь поговоримъ о употребленіи соли въ пищу для скота. Вы отвергаете пользу соляныхъ кормовъ на основаніи опытовъ знаменитыхъ ученыхъ; но къ счастію ни слова не говорите о томъ, чтобы ученые усматривали въ этомъ вредъ. Я разумѣется не могу представить вамъ ученаго отпора, но скажу нѣчто очень сильное, прося васъ приложить къ моимъ словамъ ваше глубокое вниманіе.

Молодость мою (съ 14 до 24 лѣтъ) я провелъ въ Солигаличѣ на солеваренномъ заводѣ, гдѣ между прочимъ занимался буровеніемъ артезіанскаго колодца для полученія разсола. Наконецъ, разсолъ потекъ изъ колодца ручьемъ, и къ этому ручью сначала стали приходить и пить изъ него городскія коровы и овцы, а потомъ уже къ нимъ присоединились и прочія коровы изъ окрестныхъ селеній. Конечно до сихъ поръ остается непонятнымъ, на какомъ языкѣ коровы передавали одна другой о появленіи соленаго ручья. Это недоумѣніе придется разрѣшить тому ученому, который изъ звуковъ коровьяго мычанья сочинитъ ветеринарную азбуку; мнѣ же въ настоящее время представляется съ одной стороны тотъ ученый, на котораго вы ссылаетесь и который отвергаетъ пользу соли для скота, а съ другой стороны Солигаличскія коровы, задравшія хвостъ къ верху и стреми-

тельно бѣгущія изъ деревень къ соленому ручью. Года черезъ два послѣ открытія означеннаго ручья Солигалическая баранина получила отличный вкусъ и перестала пахнуть прѣлымъ и кислымъ. Всѣмъ извѣстно, что баранина на Кавказѣ и въ Крыму несравненно лучше вкусомъ Малороссійской и прочихъ губерній, потому что на Крымскихъ и Кавказскихъ пажитяхъ имѣются солончаки. Послѣ этихъ данныхъ я остаюсь при томъ мнѣніи, что природа для того и надѣлила насъ огромными запасами соли въ видѣ озеръ и горъ, чтобы не только человѣкъ, но и животныя ею пользовались.

Закончу разсужденіемъ о силосилованіи корма. Вы пишите, что приготовленіе этого корма дѣлается во рвахъ. Нѣтъ, это непригодно. Надобно солить въ чанахъ, на половину вкопанныхъ въ землю, а иначе весь кормъ, такъ сказать, оземленится отъ стѣнокъ рвовъ, хотя бы даже онѣ были огорожены досками. Введеніе силоса въ общее употребленіе представляетъ несомнѣнную пользу: во 1-хъ трава косится въ концѣ Сентября, когда ее высушить уже нельзя по недостатку солнца и изобилію тумановъ. 2-е, покосы эти, будучи производимы послѣ уборки полей, стоятъ одну 5-ю часть сравнительно съ цѣнностію уборки сѣна, и 3-е, гдѣ много накашивается сѣна, тамъ силосъ, замѣняя сѣно, даетъ возможность его продать; а гдѣ мало сѣна, тамъ силосъ составляетъ полезный кормъ, который рогатый скотъ выѣдаетъ въ ясляхъ безъ остатка. При моемъ небольшомъ хозяйствѣ силосованной травы приготовляется ежегодно до трехъ тысячъ пудовъ, которая охотно разбирается крестьянами съ платою по пяти коп. за пудъ. Наконецъ, скажемъ то, что всѣ эти подспорья получаются изъ такой травы, которая безъ силоса должна бы была пропасть безслѣдно и сгнить подъ снѣгомъ.

Вы оканчиваете тѣмъ, что мы гоняемся за бѣлизною хлѣба и въ помолъ идетъ не все зерно, а только центральная его часть, самая бѣлая, лишенная всѣхъ солей находящихся въ наружныхъ частяхъ зерна. Опять возникаетъ вопросъ: кто эти мы? Нашъ фундаментъ, наше основаніе составляетъ народная масса, которая вовсе не употребляетъ обдирной муки, взятой изъ центральной части зерна; но развѣ можно хлѣбъ испеченный изъ размолотаго цѣльнаго зерна употреблять въ пищу безъ соли, замѣняя соль не ощущеніемъ ея на языкѣ, а убѣжденіемъ въ достовѣрности протоколовъ Европейскихъ ученыхъ?

Заключаю тѣмъ, что мнѣ не хочется въ читателяхъ настоящаго моего отвѣтнаго къ вамъ письма оставить убѣжденіе въ томъ, что я не признаю полезнаго значенія въ выводахъ добытыхъ Европейскими учеными, и потому скажу, что всѣ таковые выводы не только должны

быть внимательно уразумѣваемы, но даже и вводимы въ жизнь, но на столько, на сколько они согласуются съ потребностями Русской жизни. Въ силу этого основнаго соображенія слѣдуетъ уважительно отнестись ко всѣмъ вашимъ замѣчаніямъ относительно питанія скота для сыровареннаго производства, не распространяя однакожъ этихъ замѣчаній на всю вообще Русскую сельскую жизнь. Затѣмъ надобно безусловно признать пользу и необходимость тщательной очистки всѣхъ хлѣбныхъ спиртовъ посредствомъ распоряженія правительства. Что же касается до употребленія соли въ пищу скота, то въ этомъ вопросѣ будетъ гораздо практичнѣе подчиниться не теоретическимъ взглядамъ ученыхъ людей, а инстинкту коровъ и овецъ, стремящихся пить изъ соляныхъ источниковъ; слѣдовательно надобно настойчиво развивать введеніе силоса. Силосъ, обезпечивая кормъ для скота во время зимы, даетъ возможность накопить удобреніе; а удобреніе даетъ другую еще болѣе важную возможность унавозить полосу земли; земля же, заплативъ за трудъ ея воздѣлыванія урожаемъ зерновыхъ хлѣбовъ, выражаетъ свое благодѣтельное вліяніе появленіемъ въ крестьянской избѣ хлѣбнаго каравая съ постояннымъ довольствомъ молока для дѣтей и съ возможностію, хотя изрѣдка, употребленія въ пищу мясныхъ продуктовъ. А все это вмѣстѣ взятое будетъ давать крѣпость мускуламъ и румянецъ щекамъ, вмѣсто нынѣшняго засохшаго зеленаго вида, какой представляютъ дѣти бѣдныхъ семействъ, доведенныхъ до ужаснаго разстройства отъ пропойства ихъ отцовъ по случаю безграничнаго размноженія мѣстъ продажи хлѣбныхъ спиртовыхъ питей.

Въ концѣ концовъ представляю вамъ еще новое доказательство моего вѣрованія въ дѣйствительно-полезныя и примѣнимыя къ Россіи Европейскія открытія по части сельскаго хозяйства. Я хочу сказать два слова о кустовомъ кормовомъ растеніи называемомъ *живокость*. Въ моемъ имѣніи на $^1/_8$ части десятины разведено это растеніе, и эта восьмушка десятины даетъ слишкомъ тысячу пудовъ корму собираемаго съ трехъ сѣнокосовъ въ теченіи лѣта. Подробное описаніе разведенія живокости и самые ея корни пріобрѣтены мною въ Обществѣ «Работникъ», имѣющемъ свои склады въ Москвѣ и Петербургѣ.

В. Кокоревъ.

14-го Октября 1887 года.
Ушаки.

КАКЪ ПОНЯЛИ ВЪ БАЛТІЙСКИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ УКАЗЪ ОБЪ ОТМѢНѢ ПЫТОКЪ.

Въ Ноябрѣ 1801 года всѣ губернаторы, губернскія правленія и судебныя присутствія въ Россіи получили указъ Правительствующаго Сената объ уничтоженіи пытокъ. Вотъ этотъ указъ:

„По именному Его Императорскаго Величества высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату минувшаго Сентября въ 27-й день за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, въ которомъ изображено: „Съ крайнимъ огорченіемъ дошло до свѣдѣнія моего, что по случаю частыхъ пожаровъ въ городѣ Казани взятъ былъ по подозрѣнію въ зажигательствѣ одинъ тамошній гражданинъ подъ стражу, былъ допрошенъ и не сознался, но пытками и мученіями исторгнуто у него признаніе, и онъ преданъ суду. Въ теченіе суда вездѣ, гдѣ было можно, онъ, отрицаясь отъ вынужденнаго признанія, утверждалъ свою невинность; но жестокость и предубѣжденіе не вняли его гласу—осудили на казнь. Въ срединѣ казни и даже по совершеніи оной, тогда какъ не имѣлъ уже онъ причинъ искать во лжи спасенія, онъ призвалъ всенародно Бога въ свидѣтели своей невинности и въ семъ призываніи умеръ. Жестокость толико вопіющая, злоупотребленіе власти столь притѣснительное и нарушеніе законовъ въ предметѣ толико существенномъ и важномъ, заставили меня во всей подробности удостовѣриться на самомъ мѣстѣ сего происшествія въ истинѣ онаго, и на сей конецъ отправилъ я въ Казань флигель-адъютанта моего подполковника Альбедиля, чтобъ съ извѣстнымъ мнѣ его безпристрастіемъ обнаружилъ онъ всѣ дѣла сего обстоятельства. Донесеніе его, на очевидныхъ обстоятельствахъ основанное, къ истинному сожалѣнію моему не только утвердило свѣдѣнія до меня дошедшія, но и удостовѣрило, что не въ первый разъ допущены тамошнимъ правительствомъ таковыя безчеловѣчныя и противозаконныя мѣры. Препровождая при семъ въ оригиналѣ донесеніе сіе и всѣ доказательства, на коихъ оно основано, повелѣваю Правительствующему Сенату, немедленно войдя въ разсмотрѣніе его, всѣхъ, кои окажутся виновными въ семъ дѣлѣ по злоупотребленію власти, какъ въ главномъ управленіи, такъ и въ исполненіи онаго, по отступленію отъ порядка въ производствѣ и ревизіи слѣдствія и суда и по неуваженію его гласности

и явныхъ слѣдовъ пристрастія, судить по всей строгости и нелицепріятности закона, и въ отрѣшеніи подсудимыхъ отъ должностей поступя по точной силѣ онаго, на мѣста, зависящія отъ утвержденія моего, представить кандидатовъ, прочія же наполнить достойными чиновниками по установленному порядку. Правительствующій Сенатъ, зная всю важность сего злоупотребленія и до какой степени оно противно самымъ первымъ основаніямъ правосудія и притѣснительно всѣмъ правамъ гражданскимъ, не оставитъ при семъ случаѣ сдѣлать повсемѣстно во всей Имперіи наистрожайшія подтвержденія, чтобы нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ высшихъ, ни въ нижнихъ правительствахъ и судахъ, никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допущать, ни исполнять никакихъ истязаній, подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія; *чтобъ присутственныя мѣста, коимъ закономъ предоставлена ревизія дѣлъ уголовныхъ, во основаніе своихъ сужденій и приговоровъ полагали личное обвиняемыхъ предъ судомъ сознаніе, что въ теченіи слѣдствія не были они подвержены какимъ-либо пристрастнымъ допросамъ*, и чтобъ, наконецъ, самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной". Правительствующій Сенатъ по учиненіи надлежащаго распоряженія приказали: Съ прописаніемъ изображенной въ упомянутомъ высочайшемъ указѣ высокомонаршей Его Императорскаго Величества воли и ко всѣмъ вѣрноподданнымъ оказаннаго милосердія..... всѣмъ господамъ управляющимъ губерніями, губернаторамъ гражданскимъ, губернскимъ правленіямъ, палатамъ уголовнаго суда и всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ наистрожайше предписать, чтобъ, не ослабляя силы закона, во всякомъ случаѣ основывали они производства дѣлъ на точномъ изысканіи истины, не лишая невинность всѣхъ удобовозможныхъ къ оправданію ея способовъ, и тѣмъ достигали той человѣколюбивой цѣли, каковая въ высочайшемъ указѣ объ изглаженіи изъ народной памяти пытокъ предначертана. Ноября 18 дня 1801 г. Подлинный подписали: оберъ-секретарь Иванъ Петровъ, секретарь Илья Өедоровъ, регистраторъ Петръ Кудлай".

По полученіи этого указа, губернскія правленія, Лифляндское, Эстляндское и Курляндское, прежде всего распорядились перевести оный на Нѣмецкій языкъ чрезъ своихъ переводчиковъ. Когда переводы были сдѣланы, ихъ разослали для свѣдѣнія и руководства во всѣ присутственныя мѣста и суда, городскіе и земскіе, дѣлопроизводство которыхъ въ тѣ времена, какъ и нынѣ, происходило на Нѣмецкомъ языкѣ. Переводы были сдѣланы вообще недурно, за исключеніемъ подчеркнутыхъ выше мѣстъ, переданныхъ не совсѣмъ вѣрно. Такъ переводчикъ Курляндскаго губернскаго правленія Карзунцовъ подчеркнутое мѣсто въ текстѣ высочайшаго повелѣнія передалъ такъ: dass die Gerichts-Behörden, denen durch die Gesetze die Revision der Criminalsachen vorbehalten ist, das persönliche Bekentniss der Angeklagten vor dem Gerichte zur Grundlage ihres Urtheils und ihrer Sentenz nehmen sollen, damit sie, im Lauf eines Criminal-Processes, nicht zu irgend einigen partheilichen Verhören hingerissen worden möchten. Слово

partheilich дѣйствительно значитъ пристрастный въ смыслѣ лицепріятный; но переводчикъ, очевидно, не понялъ, что пристрастный допросъ значитъ допросъ, сопровождаемый пыткою. Текстъ же сенатскаго „приказали“, въ коемъ буквально повторены слова высочайшаго повелѣнія, онъ передалъ такъ: dass die Gerichtsbehörden, denen nach den Gesetzen die Revision der Criminalsachen obliegt, zur Grundlage ihrer Urtheile und Sentenzen das persönliche Bekentniss der Angeklagten vor dem Gerichte, dass sie während der Untersuchung keinen inquisitorischen Verhören unterworfen gewesen, nehmen. Тутъ ужъ и слова, и обороты другіе, и вмѣсто partheilich употреблено inquisitorischen Verhören, что́ также невѣрно, ибо слово инквизиторскій совсѣмъ не соотвѣтствуетъ слову пристрастный.

Губернскія правленія, впрочемъ, скоро замѣтили неисправность первоначальныхъ переводовъ и въ 1803 г. замѣнили ихъ другими болѣе вѣрными, въ которыхъ слова „пристрастнымъ допросамъ“ были переданы словами: „mit körperlicher Pein verbundenem Verhör“. Тѣмъ не менѣе подчеркнутыя слова въ текстахъ высочайшаго повелѣнія и сенатскаго „приказали“ подали поводъ присутственнымъ мѣстамъ въ Ригѣ, Ревелѣ и Митавѣ утверждать, что преступникъ безъ собственнаго сознанія не можетъ быть осужденъ. Подобныя толкованія начинали было уже примѣняться къ дѣламъ, вслѣдствіе чего главноуправляющій гражданскою частію въ трехъ губерніяхъ, графъ Буксгевденъ, счелъ необходимымъ обратиться къ тогдашнему министру юстиціи, князю Лопухину 12 Ноября 1804 г. за № 2916 съ отзывомъ, въ которомъ писалъ:

„Сей высочайшій указъ въ губерніяхъ начальству моему ввѣренныхъ принятъ присутственными мѣстами въ такой силѣ, что яко бы уже подсудимый безъ собственнаго признанія не долженъ быть осужденъ за преступленіе, въ которомъ виновенъ, колико бы, исключая признанія, не былъ доказанъ свидѣтелями и иными крѣпкими, сомнѣнію не подлежащими доводами. Я не могу и не долженъ съ симъ согласиться. Я понимаю и весьма то ясно, что по силѣ упомянутаго высочайшаго указа не надлежитъ исторгать признанія истязаніемъ, и чтобъ присутственныя мѣста, коимъ закономъ предоставлена ревизія дѣлъ уголовныхъ, въ основаніе своихъ сужденій и приговоровъ полагали личное предъ судомъ сознаніе, что въ теченіе слѣдствія не были они подвержены какимъ-либо пристрастнымъ допросамъ (я разумѣю: спрашивали бы о семъ подсудимыхъ), но что „гдѣ есть (указъ 1775 г. Апрѣля 28-го дня) къ доказательству подсудимаго довольныя причины изъявляющія его преступленія, то нѣтъ тутъ нималой нужды употреблять истязаніе и домогаться отъ подсудимаго того, въ чемъ по дѣлу настоящія причины открыли вину его“. Указъ сей въ докладѣ Пр. Сената, въ 6-й день Сентября сего года высочайше конфирмованномъ, принятъ основаніемъ въ осужденіи бывшаго барона Унгернъ-Штернберга *)

*) Эстляндскій помѣщикъ, баронъ Унгернъ-Штернбергъ, былъ преданъ суду въ 1802 г. по обвиненію въ убійствѣ вольнаго шкипера Мальма, въ провозѣ контрабанды, въ захватѣ вещей съ кораблей, подвергавшихся крушеніямъ у острова Даго. Онъ отрицалъ свою виновность; но улики преступленій были столь очевидны, что Сенатъ въ

и потому покорнѣйше васъ, м. г. мой, прошу исходатайствовать высочайшее Его Императорскаго Величества подтвержденіе или предложить Пр. Сенату о подтвержденіи, чтобъ присутственныя губерній мнѣ ввѣренныхъ мѣста рѣшали осужденіе виновныхъ не по одному только признанію ихъ, но и по доказательствамъ ясно открывшимъ вину подсудимыхъ. Вмѣстѣ съ симъ долгомъ моимъ почитаю изъясниться здѣсь съ вашею свѣтлостію, что въ губерніяхъ сихъ засѣдающіе въ присутственныхъ мѣстахъ всѣ почти не знаютъ Россійскаго языка и при состояніи высочайшаго новаго узаконенія должны оное понимать въ переводѣ, учиненномъ обыкновенно такими переводчиками, которые знаютъ только буквальныя обоихъ языковъ наименованія, но въ смыслѣ часто уклоняются отъ надлежащей силы состоявшагося узаконенія. Ибо безъ сомнѣнія то, что переводчикъ изданія относящагося до правъ тогда можетъ быть вѣрнымъ въ переводѣ, когда свѣдомы права ему, и однакожъ безъ переводовъ совсѣмъ обойтись не можно. А потому для вѣрности оныхъ и единообразія не согласитесь ли, милостивый государь мой, употребить ваше вліяніе, дабы когда какое издано будетъ высочайшее новое узаконеніе или отъ Правительствующаго Сената подтвержденіе, слѣдующія къ свѣдѣнію и исполненію и въ сихъ Остзейскихъ губерніяхъ, переводимы бы оныя были при Правительствующемъ Сенатѣ испытанными въ способности къ тому переводчиками и при разсылкѣ печатныхъ на Россійскомъ языкѣ экземпляровъ доставляемо было бы въ каждое изъ здѣшнихъ губернское правленіе по одному хотя письменному экземпляру на Нѣмецкій языкъ переводовъ, а при сихъ бы уже губернскихъ правленіяхъ печатаемо было достаточное для разсылки въ присутственныя мѣста число Нѣмецкихъ экземпляровъ?"

На этотъ отзывъ князь Лопухинъ отвѣчалъ 12-го Января 1805 г. за № 158: „Объ исполненіи сего предписаній дать не могу, вопервыхъ потому, что это навлекло бы затрудненіе канцеляріи Пр. Сената; а вовторыхъ, что по принятому коммиссіею составленія законовъ мнѣнію, конечно, будетъ предположено, дабы и въ присоединенныхъ провинціяхъ, на особыхъ правахъ состоящихъ, дѣла производились на Россійскомъ отечественномъ языкѣ: слѣдственно сколько можно болѣе должно теперь стараться вводить тамъ въ употребленіе сей языкъ. Впрочемъ думаю, что при судебныхъ мѣстахъ ввѣренныхъ вамъ губерній конечно есть переводчики, достаточно знающіе Россійскій языкъ".

Сенатъ не замедлилъ дать разъясненія, сообразно мнѣнію графа Буксгевдена. Что же касается до стараній вводить въ употребленіе Русскій языкъ, то таковыя старанія начались лишь съ 1820 года, когда учебное дѣло, установившееся въ этихъ губерніяхъ по уставу 1804 года, было преобразовано. Стараній съ 1820 года было немало, но они, какъ извѣстно, оставались и остаются даже по настоящее время совершенно безплодными.

Е. Чешихинъ.

Сентябрѣ 1804 г. приговорилъ Унгернъ-Штренберга къ лишенію правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на работы. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ Октябрѣ 1804 г.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

VOLTERIANA.

Въ книгѣ, изданной въ 1885 году въ Парижѣ: «La vie intime de Voltaire aux Délices et à Ferney 1754—1778» помѣщенъ отзывъ Вольтера о написанной имъ по заказу И. И. Шувалова Исторіи Петра Великаго. Вольтеръ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не сознавать недостатковъ своего сочиненія. Однажды нѣкто Констанъ попросилъ у него прочитать эту книгу. «Съ ума вы сошли!» сказалъ ему на это Вольтеръ: «если хотите узнать что нибудь, возьмите Лакомба, который не получалъ ни золотыхъ медалей, ни мѣховъ» *).

*

Въ 1765 году пріѣзжаетъ къ Вольтеру молодой графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, съ супругою своею графинею Екатериной Петровной, оба влюбленные во все заграничное. Для нихъ начались представленія на домашнемъ театрѣ Фернейскаго замка. Играли «Меропу» съ такимъ успѣхомъ, какого не удавалось и въ Парижѣ. Племянница Вольтера, извѣстная мадамъ Денисъ, щеголяла въ Шуваловскихъ бриліантахъ на двѣсти тысячъ экю. Столько же было на мадамъ де Флоріанъ, когда она играла «Нинину». Изъ Турина, отъ 16-го Октября 1765 году, графъ Шуваловъ благодарилъ Вольтера письмомъ съ такими изъявленіями: «Я не осмѣлился бы писать вамъ, не получивъ на то вашего особаго позволенія. Я робокъ отъ природы, но еще болѣе робѣю при мысли, что нахожусь въ сношеніи съ величайшимъ человѣкомъ, когда либо существовавшимъ».

*

Извѣстное Пушкинское четверостишіе княгинѣ Радзивилъ (урожд. княжнѣ Урусовой): «Не вѣровалъ я» и пр. оказывается подражаніемъ Вольтеру. Въ 1759 году посѣтилъ Вольтера пасторъ Вернъ (Vernes) съ женою, для которой Вольтеръ сочинилъ слѣдующіе стихи:

«Oui, j'en conviens, chez moi la Trinité
Jusqu'a présent n'avait par fait fortune;
Mais j'aperçois les trois Grâces en une!
Vous confondez mon incrédulité.

---

*) Lacombe, Abrégé chronologique de l'histoire du Nord. Amsterdam, 1763.

Читатель согласится, что у Пушкина шутка эта гораздо лучше выражена, чѣмъ у Вольтера.

*

Пушкинъ говорилъ М. А. Максимовичу, что князю Юсупову хотѣлось отъ него стиховъ, и за тѣмъ только онъ угощалъ его въ своемъ Архангельскомъ.—«Но вѣдь вы его изобразили пустымъ человѣкомъ».—«Ничего, не догадается!»

Пушкинъ смѣялся надъ Полевымъ, который въ извѣстномъ посланіи «Къ Вельможѣ» видѣлъ низкопоклонство.

ПОПРАВКИ.

«Р. Архивъ» 1887, тетрадь 8-я, стр. 496, строка 9-я снизу. *Братъ графини А. О. Бутурлиной, графъ Понятовскій.* Адъютантъ в. к. Михаила Павловича, Августъ Осиповичъ Понятовскій, владѣтель мѣстечка Таганчи, Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, и сестра его принадлежали къ семейству дворянъ Понятовскихъ и графскаго титула не имѣли.

Тетрадь 10-я, стр. 197, строка 4-я про Захаржевскаго: *человѣкъ страшной толщины (впослѣдствіи былъ комендантомъ въ Царскомъ Селѣ).* Этотъ Захаржевскій былъ впослѣдствіи комендантомъ въ С.-Петербургѣ, а Царскосельскимъ не былъ. У его кресла въ Петербургскихъ театрахъ отпилены были ручки (братъ его былъ женатъ на графинѣ Е. А. Самойловой). Управляющій Царскосельскими дворцами и городомъ Царскимъ Селомъ былъ другой Захаржевскій (кажется генералъ отъ артиллеріи), худощавый и безногій, но живой и расторопный. Ему обязано Царское Село образцовымъ содержаніемъ дорогъ и садовъ.

*

Приложенный къ этой книжкѣ портретъ преосвященнаго Филарета, архіепископа Черниговскаго, есть геліогравюра, снятая съ портрета работы художника Дмитріева. Этотъ портретъ находится въ Черниговѣ и принадлежитъ Александру Ивановичу Ханенкѣ, которому обязаны мы дозволеніемъ украсить снимкомъ съ него наше изданіе. П. Б.

II. ПУБЛИЦИСТИКА.

I. **Новая общественная организація и старый казенный строй.** *1873* и *1874* гг. *Московскія Вѣдомости.* Письма къ публикѣ I—XVII.—*Русь 1880—1885* г. Скрытыя причины явнаго зла.—Нѣчто о XVIII вѣкѣ.—Темныя пятна.—Мнимое земство.—Страшенъ сонъ, милостивъ Богъ.—Объ нашемъ statu quo.

II. **Полемика газеты „День“ съ газетою Вѣсть и Московскими Вѣдомостями.**—Современныя темы (о сельской общинѣ).—Передовая статья Московскихъ Вѣдомостей.—Замѣтка для Московскихъ Вѣдомостей.—Исключительно для г-на Наличнаго.—Еще для г-на Наличнаго.—„О настоящихъ обязанностяхъ Русскаго дворянства. Paris, rue de Lille. 1861 г.“, брошюра графа В. П. О. Д. — Наши близорукіе публицисты.—Юмористъ газеты Вѣсть.—Газетѣ Вѣсть. (*1865* и *1867* гг.)

III. **По поводу разныхъ политическихъ событій, некрологи, замѣтки и мелочи.**—Намеки тонкіе.—Польскій катихизисъ.—Изъ Каширскихъ писемъ.—Царевичъ въ Ниццѣ.—4-е Апрѣля.—Самооборона.—Храмъ на крови.—Подобно бюлетенямъ.—Памятникъ Щурупова.—Отъ чего пала Римская Имперія?—Средство догнать Европу.—Князь Черкаскій.—Ѳ. В. Чижовъ.—Ю. Ѳ. Самаринъ.—Т. Н. Грановскій.

IV. **Статьи разнаго содержанія.**—О парламентаризмѣ.—Замѣтка для дипломатовъ „Новаго Времени“ (при предостереженіи, данномъ газетѣ *Русь*).—По поводу овацій г-ну Тургеневу.—Изъ письма къ М. Н. Каткову.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1888 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ).

„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1888 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ 1888 года составятъ три большіе отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1888 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ**, въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1885, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**

☛ Открыта подписка на „Русскій Архивъ“ 1888 года.
Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1887

12.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

ВЕРЕЛЬСКІЙ МИРНЫЙ ДОГОВОРЪ СЪ ШВЕЦІЕЮ

3-го Августа 1790 года.

(По документамъ изъ архива графа Игельстрома).

Шведскій король Густавъ III-й, заключившій съ Россіею Верельскій миръ, послѣ возбужденной имъ войны, былъ образованъ, начитанъ (хотя по обычаю своего времени и безграмотенъ), сочинялъ театральныя пьесы, говорилъ хорошо, писалъ легко; однимъ словомъ, много было даровитости въ его натурѣ, но въ ней не было основательности, а только поверхностность. Предпріимчивый, энергичный, онъ не отличался серіознымъ направленіемъ, постоянствомъ и правдивостію въ своей дѣятельности: готовъ былъ воевать съ тѣми, въ которыхъ не задолго предъ тѣмъ искалъ себѣ союзниковъ и подъ видомъ рыцарства былъ двуличенъ. Суетность и блескъ, со страстію къ роскоши, руководили его дѣйствіями. Властолюбіе и славолюбіе были преобладающими чертами въ его характерѣ; онъ желалъ играть роль преобразователя и героя. Густавъ-Адольфъ и Карлъ XII-й постоянно ему мерещились; но при его легкомысліи затѣваемые имъ великіе планы остались по большей части безъ осуществленія, выражаясь лишь хвастливостью, пустозвонствомъ и какимъ-то донкихотствомъ. Самолюбіе, самонадѣянность и тщеславіе внушали ему геройскія химеры, и онъ воображалъ, что призванъ быть рѣшителемъ міровыхъ событій *).

Такому характеру какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало тогдашнее положеніе страны. Въ продолженіи почти всего XVIII-го столѣтія государственная исторія Швеціи выражается въ борьбѣ монархической

---

*) Весьма вѣрная характеристика Густава III-го сдѣлана академикомъ Я. К. Гротомъ въ его изслѣдованіи „Екатерина II-я и Густавъ III-й" (Сборникъ отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ XVIII, № 1. С.-Петерб. 1877 г.).

власти съ аристократіею и дворянскихъ партій между собою. Въ этой борьбѣ, можно сказать, вся ея сущность: партіи шляпъ и шапокъ попеременно захватываютъ власть, а руководились онѣ обѣ дворянствомъ. Другія сословія, духовенство, горожане и крестьяне, имѣвшія своихъ представителей въ парламентѣ, дѣйствовали по ихъ внушеніямъ и служили имъ поддержкою и орудіемъ; королевская же власть была принижена, иногда даже только номинальна.

Другія государства не могли не пользоваться такимъ неустройствомъ, сосѣднія—съ цѣлію ослабить Швецію (такъ какъ нѣтъ выгоды имѣть сильнаго и могущественнаго сосѣда), а отдаленныя, напротивъ того, съ противуположными видами, чтобы, усиливая Швецію, вредить ея сосѣдямъ. Партія шляпъ поддерживалась Франціею, а партія шапокъ—Россіею. И та и другая получали субсидіи; подкупъ ихъ былъ обычнымъ пріемомъ: иностранныя деньги раздавались народнымъ представителямъ, иногда даже явно, открыто.

Въ 1768 году, Густавъ, бывши еще наслѣдникомъ престола, задумалъ государственный переворотъ, а вскорѣ послѣ воцаренія произвелъ его въ 1772 году, усиливъ тѣмъ значительно королевскую власть и ограничивъ парламентъ.

Хотя по Ништатскому и Абовскому мирнымъ договорамъ съ Россіею, государственное устройство Швеціи было гарантировано этими трактатами, и Екатерина не могла быть довольна упроченіемъ внутренняго строя, значитъ и увеличеніемъ внѣшняго значенія этого государства: она однако не только не протестовала противъ этого насилія въ нарушеніи международныхъ обязательствъ, но старалась, напротивъ того, сохранить добрыя отношенія къ своему сосѣду. Фридрихъ II-й былъ также заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ: по трактату 2-го Октября 1769 года Россія и Пруссія обязались поддерживать въ Швеціи существующій образъ правленія, а въ случаѣ его нарушенія предоставлялось Прусакамъ занять Шведскую Померанію. Фридрихъ, дядя Густава, напомнилъ ему о томъ и, послѣ произведенной имъ революціи, присовѣтовалъ, чрезъ его мать, сестру свою, сдѣлать визитъ Екатеринѣ въ Петербургъ, что̀ онъ и исполнилъ въ 1777 году.

Екатерина отнеслась къ этому посѣщенію самымъ ласковымъ образомъ, и Густавъ остался очень доволенъ сдѣланнымъ ему пріемомъ. «Мое путешествіе», писалъ онъ, «удалось сверхъ моего ожиданія, и я изъ него извлекаю уже плоды. Старая партія шапокъ уничтожена, и интригамъ аристократовъ также положенъ конецъ съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ отнята всякая надежда тревожить мое царствованіе возбужденіемъ вражды Императрицы. Дружба заступила мѣсто предубѣжденія, и г-ну Симолину (Русскому посланнику въ Стокгольмѣ) положительно приказа-

но измѣнить свое поведеніе» [1]). Послѣ этого личнаго знакомства происходила между двумя государями дружелюбная переписка. Въ 1783 году Императрица какъ бы отдала визитъ королю, хотя и въ своихъ владѣніяхъ, пріѣхавъ къ нему на встрѣчу въ Фридрихсгамъ (въ Русской Финляндіи), гдѣ она провела три дня. И этимъ свиданіемъ Густавъ былъ очень доволенъ [2]). Когда, въ томъ же году, король путешествовалъ по Италіи, онъ былъ встрѣченъ въ Неаполѣ, по приказанію Императрицы, весьма радушно Русскимъ посланникомъ графомъ Разумовскимъ [3]).

Итакъ, послѣ произведеннаго въ 1772 году въ Швеціи государственнаго переворота, Русское правительство, въ теченіи ряда лѣтъ, не измѣняло своихъ дружественныхъ отношеній къ Шведскому, несмотря на то, что такое анти-конституціонное переустройство Швеціи не могло согласоваться съ интересами Русской политики.

Совсѣмъ иначе поступалъ Густавъ. Онъ былъ двуличенъ: увѣрялъ Императрицу въ своей дружбѣ, искалъ съ ней сближенія личными свиданіями и перепискою, и въ тоже время въ тайнѣ подготовлялъ вооруженія противъ Россіи и ея союзниковъ, въ особенности Даніи, которая трактатомъ 1766 г. съ Россіею обязалась поддерживать введенный въ 1720 г. въ Швеціи образъ правленія, ограничивавшій королевскую власть, чтò потверждено было заключеннымъ съ Даніею Императрицею въ 1773 г. договоромъ. Сосѣдство Даніи, конечно, было неудобно Швеціи, потому что тогда Норвегія принадлежала Даніи.

Когда Крымъ объявленъ присоединеннымъ къ Россіи, Густавъ, будучи увѣренъ, что непосредственно за этимъ начнется война между нею и Турціею, думалъ уже тогда въ нее вмѣшаться и вмѣстѣ съ тѣмъ напасть и на Данію, воспользовавшись нѣкоторымъ охлажденіемъ, происшедшимъ въ то время между Русскимъ и Датскимъ кабинетами и вообразивъ себѣ, что общественное мнѣніе Европы станетъ приписывать эту войну соглашенію обоихъ государей при свиданіи ихъ въ Фридрихсгамѣ. «Все зависитъ», писалъ онъ, «отъ свиданія моего съ Императрицею; развяжется этотъ узелъ, и все рѣшится» [4]); но въ этомъ онъ ошибся. Не смотря однако на то, онъ сталъ вооружаться, чтò вскорѣ сдѣлалось извѣстно въ Петербургѣ. Весьма мѣтко и колко дала ему понять Екатерина, что она предугадываетъ, къ чему

---

[1]) Гейеръ, Des Koenigs Gustav III nachgelassene Papiere. Hambourg. 1843. Часть 2, стр. 93.

[2]) Тамъ же. Часть 3, стр. 32—37.

[3]) Тамъ же, стр. 101—102.

[4]) Тамъ же стр. 31.

могутъ клониться Шведскія военныя приготовленія. 17 Марта 1784 г. писала она Густаву: «Здѣсь мы богаты на проекты. Толкуютъ, что ваше величество дѣлаете втайнѣ приготовленія, чтобы овладѣть Норвегіею. Не вѣрю и слову объ этомъ, и еще менѣе тому слуху, что будто вы угрожаете мнѣ нападеніемъ на Финляндію, что намѣреваетесь, какъ утверждаютъ, разгромить мои слабые отряды и оттуда идти прямо на Петербургъ, вѣроятно, для того, чтобы тутъ поужинать. Такъ какъ я не обращаю никакого вниманія на эту болтовню, въ которой болѣе воображенія, нежели правды и вѣроятности, то просто говорю всѣмъ, кто только слышать желаетъ, что ни того, ни другаго не будетъ» *). Это было послѣднее письмо Екатерины къ Густаву до Верельскаго мира.

Между тѣмъ войны у Турціи съ Россіею тогда не послѣдовало, и Шведскій король долженъ былъ отложить свои военныя приготовленія до болѣе благопріятнаго времени. Оно и наступило, когда война была объявлена. Но до тѣхъ поръ Густавъ разсчитывалъ склонить къ себѣ Данію, и въ концѣ 1787 г. ѣздилъ въ Копенгагенъ съ цѣлью уничтожить союзъ Даніи съ Россіею, что́ ему не удалось.

Когда началась Турецкая война и всѣ Русскія военныя силы сосредоточены были на Югѣ, а Сѣверъ Россіи остался беззащитенъ, Густавъ не совсѣмъ рыцарски этимъ воспользовался, чтобы объявить ей войну. Но и при такомъ положеніи, онъ не разсчитывалъ на одни свои средства, а искалъ иностранныхъ денегъ и войска.

Давнишняя противница Россіи, какъ на Востокѣ, такъ и на Сѣверѣ, Франція была въ то время ослаблена внутренними смутами и не могла принять активнаго участія въ войнѣ, но продолжала помогать Швеціи субсидіями. Много издержало Французское правительство на противодѣйствіе въ этой странѣ Россіи посредствомъ подкуповъ. Еще въ 1764 г. заключенъ былъ договоръ между Французскимъ и Шведскимъ правительствами, по которому Франція обязалась уплачивать Швеціи до 1772 г. по $1^1/_2$ милліона ливровъ ежегодно. Деньги эти шли на подкупъ разныхъ государственныхъ чиновъ, дворянства, духовенства, гражданъ и крестьянъ, однимъ словомъ всѣхъ сословій. На государственный переворотъ 19 Августа 1772 г. Густавъ получилъ отъ Французскаго правительства болѣе двухъ милліоновъ талеровъ. Въ 1776 г. Франція обязалась вновь уплачивать Швеціи въ продолженіе трехъ лѣтъ по 800.000 ливровъ. Въ 1778 г. это обязательство продолжено было еще на шесть лѣтъ съ увеличеніемъ суммы

*) Гейеръ, Часть 3, стр. 106.

до $1\frac{1}{2}$ милліона ливровъ ежегодно. Въ 1783 г. этотъ трактатъ былъ продолженъ еще на четыре года до конца 1789 г. Въ 1784 г. заключенъ былъ въ Парижѣ тайный договоръ, по которому Французское правительство обязалось, кромѣ выплачиваемыхъ уже Швеціи субсидій, выдавать ей ежегодно въ теченіе шести лѣтъ по 1.200.000 ливровъ, а въ случаѣ, если будетъ сдѣлано на нее нападеніе, доставить ей 12 кораблей, 6 фрегатовъ и 12 тысячъ вспомогательнаго войска. Продолженію Французскихъ субсидій Швеціи и возобновленію съ нею союза Франціи немало содѣйствовало свиданіе Густава съ Екатериною въ Фридрихсгамѣ: въ Парижѣ опасались, не былъ ли заключенъ тамъ такъ-называемый Сѣверный семейный союзъ, противный интересамъ Франціи. Потому Французское правительство пригласило въ 1784 г. Густава, путешествовавшаго по Италіи, пріѣхать въ Парижъ, куда онъ и отправился.

Болѣе дѣятельныхъ союзниковъ въ преднамѣренной войнѣ противъ Россіи Густавъ полагалъ найдти въ Англіи и Пруссіи. Англія не могла простить Екатеринѣ возвѣщенную ею 28-го Февраля 1780 года декларацію о вооруженномъ нейтралитетѣ, хотя эта декларація не была направлена исключительно противъ Англіи, и вооруженный нейтралитетъ предложенъ былъ Россіею въ огражденіе морской торговли всѣхъ державъ, не участвующихъ въ войнѣ; потому всѣ онѣ и присоединились къ нему, исключая Англіи, которая не хотѣла отказаться отъ своей диктатуры на морѣ. Что касается до Пруссіи, то, приставая къ коалиціи, она надѣялась этимъ способомъ захватить Данцигъ и Торнъ. 13-го Августа 1780 г. эти два государства заключили трактатъ о взаимной помощи, безъ обозначенія, впрочемъ противъ какой именно державы, хотя несомнѣнно имѣлась въ виду Россія.

Наконецъ, Турція вошла въ формальное соглашеніе съ Швеціею о веденіи совмѣстной войны противъ Россіи, обѣщавъ Шведскому правительству ежегодныя субсидіи.

Подобравъ себѣ этихъ союзниковъ, Густавъ началъ усиленно вооружаться въ Февралѣ 1788 года: тогда получено было уже въ Карлскронѣ повелѣніе снарядить флотъ; Императрицѣ же сдѣлалось извѣстнымъ о Шведскихъ приготовленіяхъ только въ концѣ Марта. Долго Екатерина не вѣрила, что они дѣлались противъ Россіи и сомнѣвалась, чтобы приведены были въ исполненіе. «Я Шведа не атакую», говорила она, «онъ же выйдетъ смѣшонъ» *). Въ Маѣ извѣ-

*) Дневникъ А. В. Храповицкаго 1782—1793, изданный Н. П. Барсуковымъ. Спб. 1874, стр. 86.

стія эти подтвердились, и все-таки она не вполнѣ имъ довѣряла (такъ казались они ей невѣроятны) и, давъ уже повелѣніе адмиралу Грейгу отрядить три легкія судна для изслѣдованія Шведскихъ приготовленій, она спросила Храповицкаго въ началѣ Іюня: «Croyez-vous que ce fou m'attaquera?» [1]) А приказавъ Грейгу снарядить флотъ, опять повторила: «Почти выходитъ, что опасаться нечего. Мы Шведа не задеремъ; а буде онъ начнетъ, то можно его проучить» [2]). Подъ 8-мъ числомъ Іюня Храповицкій записалъ въ своемъ Дневникѣ: «Продолженіе разговора о Шведскомъ королѣ и что онъ не велѣлъ своимъ начинать стрѣльбы; слѣдовательно и мы не начнемъ» [3]). Какъ ни хотѣлось Императрицѣ не вѣрить свѣдѣніямъ, получаемыхъ изъ Швеціи, но они все болѣе и болѣе подтверждались; она волновалась и, несмотря на то, что вполнѣ сознавала, что при тогдашнемъ положеніи военныхъ силъ, въ случаѣ разрыва съ Швеціею, ей слѣдуетъ дѣйствовать оборонительно, а не наступательно, она желала иногда нанести ударъ Густаву за его вѣроломство прямо въ сердце, то-есть въ его столицѣ. «Мы гостилите не начнемъ, сказала она 21-го Іюня, а потомъ прибавила: «надобно быть Фабіемъ; а руки чешутся, чтобы побить Шведа» [4]); а черезъ два дня еще яснѣе высказала свою мысль, что «разбивъ Шведскій флотъ, нужно идти къ Стокгольму» [5]).

Русскій посланникъ въ Швеціи, графъ Разумовскій, заявилъ Шведскому правительству, что, зная миролюбивыя виды Императрицы, онъ удивляется дѣлаемымъ военнымъ приготовленіямъ противъ Россіи и завѣряетъ «какъ министерство его величества, такъ и всѣхъ тѣхъ, которыя въ этой націи участіе въ правленіи имѣютъ», что Императрица повторяетъ увѣренія въ своемъ миролюбіи и участіи, которое она принимаетъ въ сохраненіи ихъ спокойствія» [6]). Такое обращеніе Русскаго посланника къ націи, не во всѣхъ своихъ слояхъ сочувствовавшей королю, принято было Густавомъ за оскорбленіе и послужило ему достаточнымъ поводомъ объявить войну Россіи, причемъ Густавъ требовалъ ни больше ни меньше какъ возвращенія Швеціи всей Русской Финляндіи, а своимъ союзникамъ Туркамъ—Крыма.

Для Густава было чрезвычайно важно выставить Екатерину зачинщицею войны, какъ потому, что, въ силу данной имъ въ 1772 г. кон-

---

[1]) Тамъ же, стр. 83. (Полагаете ли вы, что этотъ безумецъ нападетъ на меня?).

[2]) Тамъ же, стр. 88.

[3]) Тамъ же, стр. 89.

[4]) Тамъ же, стр. 93.

[5]) Тамъ же, стр. 95.

[6]) См. весьма дѣльное и обстоятельное историческое изслѣдованіе г. Брикнера подъ заглавіемъ: „Война Россіи съ Швеціею въ 1788—1790 годахъ". С.-Пб. 1869.

ституціи, наступательную войну онъ могъ начать только по согласію парламента, котораго получить не надѣялся, такъ и отъ того, что Данія обязалась помогать Россіи лишь въ случаѣ нападенія на нее, а Франція, при такихъ же условіяхъ—Швеціи. Никто въ Европѣ не могъ вѣрить, чтобы Екатерина, устремившая всѣ свои военныя силы противъ Турціи, могла бы желать въ тоже время вооруженнаго столкновенія съ Швеціею, и Густавъ сочинилъ перестрѣлку какого-то ничтожнаго отряда, въ которой выставилъ нападающими Русскихъ, чтобы тѣмъ самымъ показать видъ какъ будто онъ защищается, значитъ не нарушаетъ конституціи, а Данія не имѣетъ права придти на помощь Россіи.

30-го Іюня Императрица подписала манифестъ о войнѣ съ Швеціею. Главнокомандующимъ назначенъ былъ графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ. Но такъ какъ Екатерина не хотѣла ослаблять южной арміи и запретила вызывать изъ нея полки, то, кромѣ немногочисленной тогда гвардіи, войска, которое можно было бы поставить противъ Шведовъ, не было. Гвардіи велѣно выступить въ походъ въ Финляндію, а прочіе полки и судовыя команды составлялись изъ всевозможныхъ людей: ихъ наполняли штрафованными нижними чинами, дворниками, ямщиками, изъ коихъ сформированъ былъ казачій полкъ, Цыганами, даже каторжниками. Къ этому присоединился такъ-называемый вольный наборъ, а также наборъ мелкопомѣстныхъ дворянъ; въ послѣдствіи вызваны были изъ восточной части имперіи Киргизы, Калмыки, Мещеряки, Башкиры. Отправленіемъ войска такъ спѣшили, что полки перевозили на почтовыхъ. «Ничего такъ не желаю», сказала Екатерина извѣстной Марьѣ Савишнѣ, «какъ побить Шведа» *).

Кампанія 1788 года началась осадою Шведами Нишлота; но она была для нихъ неудачна. Болѣе важное, хотя и нерѣшительное сраженіе произошло на морѣ: при Готландѣ Грейгъ сразился со Шведскимъ флотомъ. Обѣ стороны приписывали себѣ побѣду; въ честь ея какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Стокгольмѣ отправлялись благодарственные молебны; но по результату этой морской битвы слѣдуетъ заключить, что превосходство одержалъ Русскій флотъ, потому что Шведскій флотъ остался запертымъ въ Свеаборгѣ. 22 Іюля Шведы начали осаждать Фридрихсгамъ, но должны были отступить, потому что въ Финскомъ войскѣ произошло возмущеніе въ Аньялѣ, и въ концѣ Августа Густавъ возвратился въ Швецію. Многіе офицеры Фин-

*) Храп., стр. 104.

ской арміи, дворяне по происхожденію, не сочувствовали королю и произведенному имъ государственному перевороту, находя въ этомъ отношеніи немало единомышленниковъ и въ средѣ Шведской аристократіи. Они находили, что король не имѣлъ права начинать войну и что онъ, участвуя въ ней, нарушаетъ тѣмъ самымъ конституцію. Потому они рѣшились обратиться съ просьбою къ Императрицѣ о заключеніи мира. Въ числѣ подписавшихся подъ этою просьбою былъ и командовавшій Шведскимъ войскомъ въ Финляндіи графъ Карлъ Густавъ Армфельдъ, дядя королевскаго любимца, заключавшаго впослѣдствіи Верельскій миръ. Письмо это было отправлено въ Петербургъ съ маіоромъ Егергорномъ, а въ Аньялѣ составлена была конфедерація изъ офицеровъ, дѣйствовавшихъ тѣмъ успѣшнѣе на нижнихъ чиновъ, что они во всемъ нуждались: въ провіантѣ, обуви, лазаретахъ. Густавъ приписывалъ Екатеринѣ возбужденіе этого важнаго возстанія; но несправедливость такого обвиненія очевидна изъ того, что конфедераты просили, чтобы Россія возвратила присоединенную къ ней по трактату 1743 г. часть Финляндіи, что̀ конечно не могло быть въ ея интересахъ. Какъ мало ожидала Екатерина такого возмущенія, видно изъ того, что, получивъ извѣстіе о немъ, она выразилась, что «въ этомъ происшествіи пособіе Божіе» [1]).

Главными двигателями этой манифестаціи были Финскіе сепаратисты или патріоты, стремившіеся къ независимости Финляндіи какъ отъ Россіи, такъ и отъ Швеціи и къ образованіи изъ нея самостоятельнаго государства. Повидимому, однако, къ этой партіи принадлежало меньшинство населенія. Представителемъ ея былъ Спренгпортенъ, одно время приближенный къ королю; въ 1779 г. онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, а въ 1786 г. перешелъ въ Русскую службу. Спренгпортенъ вошелъ въ сношенія съ Екатериною, и Императрица, нисколько не участвовавшая въ военномъ бунтѣ, естественнымъ образомъ старалась воспользоваться имъ противъ своего непріятеля, употребивъ на то двухъ вліятельныхъ среди Финскаго войска лицъ и обѣщавъ вознагражденіе перебѣщикамъ изъ Шведскаго войска. Егергорну данъ былъ уклончивый отвѣтъ для конфедератовъ, что «надѣяться могутъ вспоможенія, во всемъ согласномъ съ пользою нашей имперіи» [2]). Съ такою же осторожностію и осмотрительностію Императрица совѣтовала имъ образовать представительное собраніе, которое уже «законнымъ путемъ могло бы вступить въ переговоры объ

---

[1]) Храп., стр. 118.

[2]) Храп., стр. 123.

интересахъ народа и рѣшить окончательно вопросъ объ интересахъ отечества, сообразно съ настоящею и будущею пользою его». Этотъ отвѣтъ, какъ отмѣтилъ Храповицкій, «вице-канцлеромъ не подписанъ, чтобы какимъ-либо недоброхотнымъ не былъ доставленъ королю» [1]). Этимъ собственно и посылкою въ Русскую Финляндію Спренгтпортена и Егергорна и ограничилось воздѣйствіе Императрицы на Финскихъ конфедератовъ [2]).

Только въ концѣ Ноября, запертый въ Свеаборгѣ Шведскій флотъ, пробившись чрезъ ледъ, возвратился въ Карлскрону, и тѣмъ окончились въ 1788 году неудачныя военныя дѣйствія Густава. «По Шведскимъ дѣламъ», записалъ 24-го Августа Храповицкій, «говоря со мною, сказала Императрица: «у всѣхъ тряслись губы, моя твердость все спасла» [3]). И это справедливо. Въ Іюнѣ внезапно пріѣхалъ изъ Москвы графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій пугать Императрицу Шведскою войною; Екатерина ему отвѣчала: «у страха глаза велики» [4]).

1-го Октября назначенъ былъ рекрутскій наборъ по пяти человѣкъ съ 500 душъ, и кромѣ того дворянство разныхъ губерній начало поставлять добровольно рекрутъ. Въ концѣ 1788 года сухопутныхъ Русскихъ войскъ считалось въ Финляндіи до 34 тыс.; но едва ли ихъ было столько въ дѣйствительности.

Возвратившись въ Швецію, Густавъ засталъ Датчанъ готовившихся противъ него войною, на основаніи трактата, заключеннаго въ 1773 году съ Россіею, и въ помощь ей Датчане, въ числѣ 12 т., подъ начальствомъ Датскаго фельдмаршала принца Карла Гессенскаго, перешли въ первой половинѣ Сентября изъ Норвегіи въ Западную Швецію, взяли нѣсколько Шведскихъ городовъ и направлялись на Готенбургъ, куда поспѣшилъ прибыть Густавъ. Англійскій посланникъ въ Копенгагенѣ Элліотъ объявилъ Датскому правительству, что если Датчане не прекратятъ своихъ военныхъ дѣйствій противъ Шведовъ, то Англія и Пруссія объявятъ войну Даніи, и тѣмъ принудилъ Датчанъ заключить съ Швеціею перемиріе, сначала на восемь дней, потомъ до 15-го Мая 1789 года, а послѣ этого и вовсе оставить Россію, не исполнивъ заключенныхъ съ нею обязательствъ. Въ началѣ Ноября принцъ Гессенскій возвратился съ своимъ войскомъ въ Норвегію. Это

---

[1]) Храп., стр. 127.

[2]) См. Брикнера „Конфедерація въ Аньялѣ въ 1788 г." (Журн. М—ва Нар. Просв.. 1868 г. Часть 3 стр. 679—772).

[3]) Храп., стр. 137.

[4]) Тамъ же, стр. 110.

нападеніе Датчанъ послужило только въ пользу Густаву, разбудивъ патріотизмъ Шведовъ, всегда относившихся къ нимъ враждебно. Не даромъ передъ самымъ началомъ войны Екатерина сказала: «Англія вездѣ намъ мѣшаетъ» [1]).

Столь счастливо раздѣлавшись съ Датчанами, воспламенивъ Далекарлійцевъ поѣздкою въ ихъ страну и своими патріотическими рѣчами и окруживъ себя ими въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, Густавъ въ началѣ 1789 года долженъ былъ раздѣлываться со своими подданными, строптивыми и непокорными дворянами. На созванномъ имъ сеймѣ въ Стокгольмѣ онъ выгналъ ихъ депутатовъ изъ залы собранія, нѣкоторыхъ арестовалъ, и достигъ на этомъ сеймѣ еще бо́льшаго увеличенія королевской власти, усиленія финансовыхъ средствъ и, главное, утвержденія экстраординарнаго бюджета на неопредѣленное время, что́ дало ему возможность продолжать войну.

Эти успѣхи Густава въ Швеціи, которыхъ не ожидала Императрица, предвѣщали ей еще бо́льшія затрудненія въ кампанію 1789 г., тѣмъ болѣе, что войска̀ все было еще мало, такъ что для защиты Петербурга ей приходило на мысль расписать городъ на кварталы и поручить его оборону вооруженнымъ жителямъ [2]); а денежныя средства до того истощились, что для пополненія ихъ она предполагала сдѣлать заемъ у Русскихъ богачей, давая имъ вмѣсто процентовъ чины и баронство; но это не удалось [3]). При такомъ положеніи финансовъ и военныхъ силъ оборонительная война была единственно-возможною. На представленныхъ ей планахъ кампаніи она написала въ Мартѣ: «Мнѣ лучше нравится дефензива, нежели офензива; сія послѣдняя требуетъ много точности и подробностей, отъ водянаго пути зависящихъ; да сверхъ того входъ въ Финляндію Финнамъ будетъ въ тягость, а теперь они насъ менажируютъ. Остаться въ дефензивѣ, дондеже за вѣрно полагать можно будетъ, что офензивъ полезенъ для насъ». «Прибавлено на словахъ», пишетъ Храповицкій: «сперва надобно разбить флотъ и завладѣть моремъ, а послѣ дѣйствовать наступательно. Сіе произведетъ революцію. Истребя Шведскій флотъ, надолго можемъ быть спокойны» [4]).

Военныя дѣйствія на сушѣ въ 1789 году происходили съ перемѣннымъ счастіемъ для обѣихъ сторонъ. 31-го Мая Михельсонъ разбилъ Шведовъ при Кюро, но вскорѣ самъ былъ разбитъ у Парасальми

---

[1]) Храп., стр. 83.

[2]) Тамъ же, стр. 229.

[3]) Тамъ же, стр. 266 и 276.

[4]) Тамъ же, стр. 267.

Стедингомъ. 8-го Іюня Михельсонъ занялъ Сенъ-Михель, въ Шведской Финлядіи, но долженъ былъ потомъ его оставить. Въ Іюнѣ Шведы взяли укрѣпленіе Гёгфорсъ и деревню Ликала. Въ Іюнѣ же ген.-маіоръ Денисовъ разбилъ генерала Каульбарса, командовавшаго лѣвымъ крыломъ Шведской арміи и принудилъ его отступить къ Вереле; а 1-го Іюля вновь его разбилъ, заставилъ перейти черезъ Кюмень (тогда эта рѣка составляла границу между Русскою и Шведскою Финляндіею). 8-го и 9-го Іюля Стедингъ разбилъ генералъ-маіора Шульца при деревнѣ Паркумаки.

Болѣе рѣшительныхъ дѣйствій ожидали отъ флота. 14-го Іюля произошло сраженіе Русскаго флота подъ командою Чичагова съ Шведскимъ между островомъ Борнгольмомъ и Шведскимъ берегомъ. Хотя результатъ этой битвы былъ нерѣшительный, но Шведскій флотъ долженъ былъ отступить въ Карльскрону, къ чему онъ былъ принужденъ ожидавшимся присоединеніемъ къ Чичагову эскадры Козлянинова, зимовавшей у береговъ Даніи, съ которою дѣйствительно онъ скоро соединился. 13-го Августа произошло при Роченсальмѣ или Свенкзундѣ (передъ устьями рѣки Кюмени) сраженіе между двумя флотами, и принцъ Нассау-Зигенъ разбилъ Шведскій флотъ.

И такъ и въ 1789 г., какъ и въ предъидущемъ, Густавъ не имѣлъ большихъ успѣховъ. Съ другой стороны, какъ ни отдавала Екатерина преимущество войнѣ оборонительной передъ наступательной, внутри души она стремилась перейдти въ Шведскія владѣнія и поразить Шведовъ въ ихъ странѣ; а между тѣмъ они занимали еще юго-западный уголъ Русской Финляндіи. «Отъ Пушкина перехода за Кюмень не дождешься, и очень недовольны«, отмѣчаетъ Храповицкій. Прошлый годъ былъ тяжелъ, въ нынѣшнемъ досадна только инанція Пушкина [1].» Пушкинъ былъ смѣненъ, а командованіе войсками поручено Игельстрому, подъ главнымъ начальствомъ графа Ивана Петровича Салтыкова.

«Еще въ Маѣ», замѣчаетъ Храповицкій, «разсуждали о недостаткѣ войскъ» [2]); а въ Августѣ подписанъ былъ указъ о сборѣ съ 500 душъ по пяти человѣкъ [3]).

Рано начали въ 1790 году Шведы военныя дѣйствія и оттого въ началѣ успѣшно: 6-го Марта они взяли внезапно Балтійскій портъ,

---

[1]) Храповицкій, стр. 309.

[2]) Тамъ же, стр. 284.

[3]) Тамъ же, стр. 305.

а 19-го Апрѣля разбили Игельстрома при Кернакоски; но этимъ и ограничились ихъ побѣды. 21-го Апрѣля генералъ Нумсенъ принудилъ Шведовъ отступить за рѣку Кюмень, а атака Густава на Фридрихсгамъ опять ему не удалась. И въ этомъ, какъ и въ два предшествующіе года, всѣ надежды воюющихъ возлагались на флотъ. 2-го Мая Чичаговъ блистательно отразилъ при Ревелѣ нападеніе Шведскаго, несравненно его сильнѣйшаго корабельнаго флота Карла Зюдерманландскаго и взялъ одинъ корабль; два другіе Шведскіе корабля сѣли на мель. 23, 24 и 25 происходило сраженіе вышедшей изъ Кронштата на соединеніе съ Чичаговымъ (шедшимъ изъ Ревеля) эскадры адмирала Крузе, состоявшей изъ 17 кораблей со Шведскимъ флотомъ, близъ Кронштадта. Послѣдствіемъ этого сраженія, выиграннаго Русскими, было соединеніе обѣихъ Русскихъ эскадръ, чему именно и желали воспрепятствовать Шведы, намѣреваясь уничтожить отдѣльно ту и другую эскадру. 22-го Іюня Чичаговъ разбилъ у Березоваго острова, при Выборгской бухтѣ, Шведскій флотъ, гдѣ находился Густавъ. Шведы потеряли семь линейныхъ кораблей, два фрегата и много мелкихъ судовъ. Но всѣ эти морскія побѣды Русскихъ были омрачены совершеннымъ пораженіемъ Шведами 28-го и 29-го Іюня галернаго флота принца Нассау-Зигенскаго въ Свенкзундѣ, въ шхерахъ, близъ Фридрихсгама; потеря Русскаго флота въ судахъ и людяхъ, какъ убитыхъ, такъ взятымъ въ плѣнъ, была громадная. Эта побѣда дала Густаву возможность окончить благовиднымъ образомъ войну и вступить въ переговоры о мирѣ.

Въ продолженіе этой войны на сушѣ не было ни одного большаго сраженія; все ограничивалось стычками разныхъ, по большей части, мелкихъ отрядовъ; а на морѣ Русскій флотъ, за исключеніемъ послѣдняго пораженія, показалъ себя лучше и выше Шведскаго.

Старикъ Арндтъ, поклонникъ Густава, говоритъ, что съ его стороны это былъ «трехлѣтній рыцарскій турниръ» *), который, приба-

*) См. E. M. Arndt, Schwedische Geschichte unter Gustav dem Dritten, vorzüglich aber unter Gustav dem Vierten. Leipzig 1839. s. 127. Horft (Prediger zu Lindheim), Geschichte des letzeren Schwedisch-russischen Krieges. Frankf. am Main. 1792.—Ernst Ludwig Posselt, Geschichte Gustav's III, Strasburg. 1793. Въ 1847 г. Vicomte Baumont Vassy издалъ въ Парижѣ сочиненіе: Les Suèdois depuis Charles XII jusqu'à Oscar I, составленное по Французскимъ источникамъ въ пользу Густава. Самое же дѣльное и безпристрастное историческое изслѣдованіе этого событія сдѣлано Германомъ—Gustav III und die politischen Parteien Schwedens im 18 Jahrhundert (Raumer's Historisches Taschenbuch, Leipzig, 1857. s. 361 — 531). Къ сожалѣнію, Густавъ прекратилъ собраніе своей

вимъ, вовсе не достигъ возвѣщенной имъ цѣли: ни Русская Финляндія не была возвращена Швеціи, ни Крымъ — Турціи. Не смотря на это, не было недостатка въ современныхъ панегирикахъ Густаву. Къ числу его поклонниковъ принадлежатъ въ особенности Горфть, пасторъ, не бывшій въ дѣлѣ и писавшій по газетнымъ статьямъ, и Поссельтъ, измышлявшій его подвиги самымъ пристрастнымъ образомъ.

Екатерина не нуждается въ восхваленіи: за нее говорятъ событія. Застигнутая Шведскою войною въ то время, когда всѣ ея военныя силы были на Югѣ, безъ войска, безъ денегъ, она отстояла свой Сѣверъ, не уступивъ непріятелю клочка Русской земли и не сдѣлавъ ему никакой уступки. Полное право имѣла она сказать: «Не всѣ головы способны быть на моемъ мѣстѣ» *).

Съ самаго начала Шведско-Русской войны, Испанское правительство относилось сочувственно къ Россіи. Въ офиціальной Мадридской газетѣ напечатано было содержаніе манифеста Екатерины о поводахъ къ войнѣ въ безпристрастномъ и правдивомъ тонѣ. Въ такомъ же направленіи дѣйствовалъ представитель Испаніи при Русскомъ дворѣ, Гальвесъ, бывшій прежде посланникомъ въ Берлинѣ и переведенный на тотъ же постъ въ Петербургъ въ Мартѣ 1788 года, послѣ того какъ предмѣстникъ его Нормандесъ сошелъ съ ума. Гальвесъ постоянно передавалъ нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ получавшіяся имъ изъ Константинополя извѣстія отъ Испанскаго посланника Булиньи. Въ Ноябрѣ 1788 года Испанскій король Карлъ III выразилъ Русскому кабинету чрезъ Гальвеса желаніе о скорѣйшемъ окончаніи войны и возстановленіи мира и предложилъ свое посредничество. Придавая этому предложенію серьезное значеніе, Императрица не только склонилась къ нему, но на встрѣчу ему пошла далѣе: она пригласила Испанію сблизиться съ Россіею, заключивъ съ нею союзъ. Вице-канцлеръ графъ Остерманъ сообщилъ нашему посланнику въ Мадридѣ одобренное Императрицею пространное изложеніе обстоятельствъ, предшествовавшихъ войнѣ, составившейся противъ Россіи коалиціи и возможныхъ средствъ къ достиженіи Европейскаго мира, нарушеннаго Шведскимъ королемъ, который, «желая ловить рыбу въ мутной водѣ и разсчитывая на Турецкія деньги», внезапно напалъ на Россію. Противъ составленной Швеціею коалиціи съ Англіею и Пруссіею, къ которой ожидалось присоединеніе и Гол-

---

переписки и записокъ предъ началомъ войны съ Россіею, почему они доведены и напечатаны у Гейера только до 1788 года (Гейеръ, часть 3, отдѣлъ 2, стр. 183).

*) Храповицкаго, стр. 277.

ландіи, Императрица предложила Испаніи и Франціи союзъ съ Россіею и Германскимъ императоромъ, безъ чего посредничество Испаніи, по ея мнѣнію, не могло бы имѣть успѣха. Очевидно Екатерина придавала большее, чѣмъ оно заслуживало, значеніе предупредительному вызову Испаніи. Такого оптимизма не раздѣлялъ Русскій посланникъ въ Мадридѣ Степанъ Степановичъ Зиновьевъ, знавшій близко Испанскій кабинетъ, потому что съ 1774 г. онъ состоялъ въ этой должности и близко изучилъ страну и людей. И онъ не ошибся. Вскорѣ послѣ этого сообщенія, именно въ Декабрѣ 1788 г., скончался король Карлъ III, и первый министръ Испаніи Флорида-Бланка отклонилъ союзъ съ Россіею, ссылаясь на то, что при новомъ королѣ онъ не увѣренъ въ своемъ личномъ положеніи, дѣйствительно же потому, что опасался войны съ Англіею.

Между тѣмъ Екатерина, предполагая возможность осуществленія задуманнаго ею союза, захотѣла употребить для этого принца Нассау-Зигенскаго, недавно перешедшаго въ Русскую службу и одержавшаго побѣду надъ Турецкимъ флотомъ. Этотъ Нѣмецкій принцъ-авантюристъ, совершившій кругосвѣтное путешествіе, перебывалъ на службѣ разныхъ державъ: сперва Французской, потомъ Испанской, наконецъ Русской. Состоя въ Испанскихъ войскахъ, онъ сблизился съ наслѣднымъ Астурійскимъ принцемъ, въ то время только что восшедшимъ на престолъ подъ именемъ Карла IV. Эта заявлявшаяся имъ близость къ новому королю давала надежду на успѣхъ въ предпринятомъ дѣлѣ; и такъ какъ онъ отправлялся въ Испанію, гдѣ желалъ покончить собственныя свои дѣла, то Императрица поручила ему принять участіе въ начавшихся съ Испанскимъ кабинетомъ переговорахъ. Зиновьевъ посовѣтовалъ принцу обратиться прямо къ королевѣ, имѣвшей такое вліяніе на своего мужа, что доклады министровъ по важнѣйшимъ дѣламъ дѣлались обыкновенно въ ея присутствіи. Королева приняла два раза принца Нассау, который передалъ ей составленную графомъ Сегюромъ записку о тогдашнемъ положеніи Европы, объяснилъ ей козни Англіи и выгоды для Испаніи соединиться съ Россіею. Однако убѣжденія принца не подѣйствовали на королеву; она разсталась съ нимъ холодно, обративъ его къ первому министру. Флорида-Бланка объявилъ ему, что основное начало Испанской политики состоитъ въ томъ, чтобы не приступать къ союзу съ двумя императорскими кабинетами, что король желаетъ оставаться съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ, но не обязывать себя трактатами, которые, по словамъ покойнаго короля, какъ контракты между частными людьми, ведутъ только къ процессамъ.

Болѣе успѣшно устроилъ принцъ Нассау въ Мадридѣ свои личныя дѣла: его освободили отъ уплаты казнѣ денегъ по титулу Испанскаго гранда пожалованному ему за участіе въ осадѣ Гибралтара и оставили ему половинное его содержаніе въ 8 т. ливровъ съ дозволеніемъ вступить въ службу гдѣ пожелаетъ; но однако отказали въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

И такъ, предположенное Испанскимъ кабинетомъ посредничество для заключенія мира, его «bons offices» оказалось на этотъ разъ не болѣе, какъ дипломатическою учтивостію, за которою не слѣдуетъ дѣйствій. Въ Апрѣлѣ 1789 г. Испанское правительство объявило иностраннымъ дворамъ чрезъ своихъ министровъ, что такъ какъ по запутанности Европейскихъ дѣлъ посредничество его къ возстановленію мира не принимается, то оно болѣе не будетъ въ это вмѣшиваться.

Въ томъ же 1789 году случилось происшествіе, заставившее Испанскій кабинетъ измѣнить взглядъ на отношенія его къ другимъ державамъ. Испанцы захватили у береговъ принадлежавшей имъ Калифорніи Англійское торговое судно. Хотя по требованію Англіи оно было возвращено, но Англійское правительство этимъ не удовольствовалось, а потребовало чрезмѣрнаго денежнаго вознагражденія и офиціальнаго извиненія. По всему было видно, что оно намѣревалось воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы возбудить войну, которую всячески Испанія старалась отклонить, хотя поневолѣ должна была вооружать свой флотъ. Долго продолжались переговоры между двумя кабинетами, и наконецъ, послѣ того, какъ Испанскій дворъ во всемъ уступилъ Англіи, состоялся между ними трактатъ, ратификованный въ Ноябрѣ 1790 года. Въ продолженіе этихъ долгихъ и утомительныхъ пререканій, чуть не разразившихся войною, Флорида-Бланка могъ убѣдиться, что недостаточно бояться Англіи, какъ онъ заявилъ Зиновьеву въ предыдущемъ году, а нужно поставить себя въ такое положеніе, чтобы Англія боялась, и для этого необходимо сблизиться съ сильными державами. Во время этого столкновенія съ Англіею, онъ обратился къ Русскому правительству съ запискою, въ которой изложилъ обстоятельства дѣла и доводы Испанскаго правительства и просилъ, чтобы Императрица ихъ одобрила; а вскорѣ послѣ того предложилъ союзъ Россіи противъ Англіи, которой нечего бояться, говорилъ онъ, потому что Испанія можетъ снарядить до 80 военныхъ кораблей, а Англичане не болѣе 44. Такое же предложеніе сдѣлалъ онъ Швеціи, только что заключившей миръ съ Россіею, и Даніи. Такимъ образомъ Испанскимъ кабинетомъ приняты были такъ недавно еще отвергнутыя имъ мысли Екатерины о союзѣ.

Это столкновеніе съ Англіею, испугавшее Испанію, заставило ее искать у Императрицы дружелюбнаго разграниченія ея земель съ Рускими владѣніями въ Сѣверной Америкѣ, на что̀ было сказано въ отвѣтъ, что Русскія тамъ открытія и пріобрѣтенія такъ недавни, что о нихъ нѣтъ еще никакихъ свѣдѣній, но что Россія никогда не присвоитъ себѣ чужихъ земель и еще менѣе земель такого государства, съ которымъ она состоитъ въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Опасаясь, что возникшія между Испаніею и Англіею пререканія могутъ повести къ общей Европейской войнѣ, Испанскій кабинетъ взялся за дѣло мира не на словахъ только, какъ прежде, а фактически. Въ Декабрѣ 1789 г. Флорида-Бланка заявилъ Зиновьеву, что Испанія должна дѣйствовать къ возстановленію мира одна, потому что Франція теперь ничтожна и вѣроятно останется такою на долго, и предоставилъ ему передать это своему правительству. Императрица приняла это предложеніе съ удовольствіемъ, и Испанскій первый министръ сталъ совѣтовать, чтобы миръ заключенъ былъ поскорѣе, дабы ослабить коалицію, но просилъ дѣло содержать въ совершенномъ секретѣ. Онъ раздѣлялъ вполнѣ взглядъ Екатерины на коварный и двуличный образъ дѣйствій Берлинскаго двора, съ которымъ, сказалъ онъ Зиновьеву, нельзя вести добросовѣстно переговоровъ, потому что то, что̀ онъ обѣщаетъ сегодня, отъ того подъ разными лживыми предлогами отказывается завтра. Все это скоро подтвердилось: въ Январѣ 1790 г. Прусскій посланникъ въ Константинополѣ Дицъ заключилъ съ Портою наступательный союзъ противъ Россіи, и ратификація этого договора должна была послѣдовать черезъ шесть мѣсяцевъ *). Россію ожидала такимъ образомъ третья война съ Пруссіею и Англіею, къ которой могла бы легко быть привлечена Испанія, по происходившимъ тогда раздорамъ между нею и Англіею, чего она такъ тщательно избѣгала и что́ и заставило ее такъ радѣть объ умиреніи Сѣвера.

Испанскій посланникъ въ Стокгольмѣ Карроль, по порученію своего короля, совѣтовалъ Густаву обратиться прямо къ Екатеринѣ съ письмомъ, прося ее о мирѣ. Король склонялся охотно на окончаніе войны, но никакъ не соглашался письменно отъ себя просить мира у Императрицы, опасаясь ея отказа, который лишилъ бы его поддержки его союзниковъ. Трижды уговаривалъ его Карроль сдѣлать этотъ шагъ, но безуспѣшно: Густавъ никакъ не хотѣлъ подписать самъ такого письма. Испанскій министръ настоялъ однако на томъ, чтобы оно было

---

*) См. Германа, стр. 470.

подписано по крайней мѣрѣ оффиціальнымъ лицомъ, къ тому уполномоченнымъ. Екатерина согласилась освободить Густава отъ этого собственноручнаго письма, по дружбѣ своей къ Испанскому королю, какъ сказано въ письмѣ Гальвеса къ Густаву.

Поводомъ къ начатію сношеній между Шведскимъ и Русскимъ правительствомъ послужила просьба короля Испанскаго къ Императрицѣ освободить изъ плѣна взятаго въ битвѣ при Готландѣ (вмѣстѣ съ Шведскимъ кораблемъ «Принцъ Густавъ») вице-адмирала графа Вахмейстера и его брата, за что̀ Шведскій король отдавалъ двухъ плѣнныхъ Русскихъ офицеровъ. Густавъ поручилъ своему статсъ-секретарю Франку обратиться съ этимъ къ Гальвесу. Франкъ исполнилъ это въ письмѣ къ Гальвесу отъ 12-го Марта и предложилъ общій размѣнъ плѣнныхъ, что̀ могло бы повести къ мирнымъ переговорамъ. Императрица освободила изъ плѣна обоихъ Вахмейстеровъ въ уваженіе къ ходатайству короля Испанскаго и, не требуя за то соотвѣтственнаго освобожденія Русскихъ плѣнныхъ, согласилась также на общій размѣнъ плѣнныхъ, что̀ послужило бы началомъ къ миру; но прежде всего она желала, чтобъ Густавъ сознался въ своей винѣ. Это и изложено было графомъ Остерманомъ въ письмѣ къ Гальвесу отъ 22-го Марта, а имъ сообщено Густаву въ началѣ Апрѣля съ нарочнымъ.

Король медлилъ отвѣтомъ, и только 18-го Мая написалъ Гальвесу, что онъ согласенъ на миръ при соблюденіи слѣдующихъ трехъ условій: 1) чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ заключенъ былъ миръ и съ Турціею, 2) чтобы выданы были измѣнники, и 3) установлены были границы между обоими государствами. На эти требованія послѣдовалъ такой ультиматумъ Императрицы: 1) въ мирномъ договорѣ съ Турціею можно будетъ упомянуть и о королѣ Шведскомъ; 2) объ измѣнникахъ вовсе не говорить, такъ какъ въ этомъ случаѣ не было бы взаимности; ибо Русскихъ измѣнниковъ вовсе не было, а Шведскихъ король могъ бы покрыть амнистіею, и 3) границы должны остаться тѣже, которыя были до войны.

При такомъ положеніи дѣла, графъ Безбородко думалъ, что начавшаяся негоціація не удастся, покуда Шведскія войска не будутъ вытѣснены изъ Русской Финляндіи. Шведскій король, говорилъ онъ, ищетъ пріобрѣтеній (и въ этомъ, какъ увидимъ, не ошибался), желая играть роль въ Европѣ.

Въ своихъ переговорахъ Гальвесъ держалъ сторону Шведскаго короля и настоялъ на томъ, чтобы въ предстоявшемъ мирномъ договорѣ не было упомянуто объ Абовскомъ трактатѣ, невыгодномъ для Швеціи, чего требовалъ графъ Остерманъ. Гальвесъ весьма торопился заключеніемъ мира: уже 6-го Апрѣля написалъ онъ Густаву,

что Императрица проситъ его прислать уполномоченнаго для переговоровъ съ генераломъ Игельстромомъ, который назначается для того со стороны Русскаго правительства. Гальвесъ желалъ, чтобы статьи договора были безотлагательно составлены и чтобы уполномоченнымъ было предоставлено только подписать ихъ; но графъ Безбородко отклонилъ это предложеніе, объяснивъ ему, что если король Шведскій не отступитъ отъ своихъ требованій, то это будетъ не миръ, а перемиріе, на которое Императрица никогда не согласится *).

Этимъ и ограничилось пока посредничество Испаніи; къ миру тогда оно не привело, и Шведско-Русская война продолжалась по прежнему, даже съ бо̀льшею энергіею.

Написанное въ началѣ Апрѣля Гальвесомъ письмо къ королю было отправлено съ находившимся при Испанскомъ посольствѣ Людвигомъ Кастелло къ Игельстрому въ Вильманстрандъ, для доставленія Густаву, который тогда былъ въ Борго. По этому поводу графъ Безбородко писалъ Игельстрому: «Ея Величество соизволила думать, что посылка Испанскаго офицера и ожиданіе отвѣта не должны отнюдь остановлять теченіе дѣлъ военныхъ и исполненіе предпріятій вашихъ; ибо, зная короля Шведскаго, можно сказать навѣрное, что онъ, послѣ удара ему нанесеннаго, еще податливѣе окажется».

Черезъ нѣсколько дней графъ Безбородко увѣдомилъ Игельстрома о «наклонности короля Шведскаго обратиться на умъ и окончить войну для него еще болѣе нежели для насъ тягостную». «Гишпанскій посланникъ, кавалеръ Гальвецъ», писалъ онъ, «рѣшился сдѣлать ему безпосредственное внушеніе, имѣя отъ двора своего сильное приказаніе стараться о мирѣ. Ежели его совѣты пойдутъ въ дѣло, то намѣреніе Ея Императорскаго Величества есть кончить всю негоціацію скоро и тихо, уполномоча васъ, да съ вами еще кого-либо, заключить и подписать трактатъ.... О письмѣ Ея Величества къ вамъ, кромѣ вице-канцлера и меня, никто не знаетъ.... Весьма бы хорошо было, ежели бы можно такъ успѣть, чтобы наши завистники и потаенные непріятели тогда узнали, когда вы миръ подпишите».

---

*) Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Сношенія Россіи съ Испаніею. Сообщеніемъ этихъ документовъ, равно какъ и копій съ двухъ писемъ короля Густава къ графу Остерману, помѣщенныхъ здѣсь въ приложеніяхъ, я обязанъ благосклонному содѣйствію директора Главнаго Архива, почетнаго члена Академіи Наукъ, барона Ѳ. А. Бюлера.—Г. Брикнеръ въ сочиненіи своемъ: „Война Россіи съ Швеціею“, на стр. 274 и 275 пишетъ: „Нѣкоторые историки говорятъ, будто бы сношенія между королемъ и Императрицею начались благодаря посредничеству Испанскаго посла Гальвеца; но подробности этого участія Испанскаго дипломата къ сближенію Россіи съ Швеціей намъ неизвѣстны“. Печатаемые документы, думаемъ, достаточно разъясняютъ дѣло.

Нѣтъ сомнѣнія, что, какъ скоро начались эти переговоры, Густавъ сообщилъ о нихъ близкому къ нему человѣку барону Густаву Маврикію Армфельду. Бывши капитаномъ гвардіи, бар. Армфельдъ сопровождалъ въ 1783 году короля въ Фридрихсгамъ, гдѣ было его свиданіе съ Императрицею, а потомъ въ путешествіи его по Италіи. Армфельдъ бывалъ и въ Петербургѣ, гдѣ познакомился съ Игельстромомъ. Король имѣлъ къ Армфельду полное довѣріе (въ 1792 г. умирая, онъ назначилъ его членомъ регенства, подъ предсѣдательствомъ своего брата Карла, герцога Зюдерманландскаго). Участвуя въ войнѣ и находясь постоянно при Густавѣ въ Финляндіи, Армфельдъ часто бывалъ въ сношеніяхъ съ Игельстромомъ о плѣнныхъ, пересылалъ имъ деньги, доставлялъ имъ разныя удобства, а иногда хлопоталъ объ освобожденіи ихъ. Личное знакомство съ Игельстромомъ и бывшая съ нимъ переписка подали поводъ Армфельду заговорить съ нимъ о мирѣ въ концѣ Апрѣля (1-го Мая новаго стиля), т.-е. вскорѣ послѣ того, какъ начались письменныя о томъ сношенія Испанскаго посольства съ Густавомъ, и даже намекнуть, что онъ будетъ употребленъ въ этомъ дѣлѣ. «Нужно надѣяться», писалъ онъ Игельстрому, «что намъ не долго ждать мира; ибо нѣтъ сомнѣнія, что наши государи одинаково желаютъ положить конецъ бѣдственной войнѣ. Какъ лестно было бы для насъ, еслибы мѣстныя обстоятельства доставили намъ средства содѣйствовать съ нашей стороны такому святому дѣлу и столь важному для нашихъ государствъ примиренію». Но когда невозможныя требованія Густава были отклонены Екатериною, то измѣнился и миролюбивый тонъ переписки Армфельда. 20-го Мая новаго стиля онъ писалъ уже такъ: «Мнѣ извѣстны мысли моего государя и преслѣдуемая имъ цѣль; всѣ его желанія направлены къ тому, чтобы достигнуть мира прочнаго; но такъ какъ онъ видитъ, что его надежда въ этомъ отношеніи потеряна, то онъ всѣмъ пожертвуетъ для достиженія этой цѣли и терпѣливо будетъ ожидать удара судьбы и случайности счастія, которые часто въ войнѣ рѣшаютъ болѣе, нежели чины и дарованія». Затѣмъ онъ проситъ Игельстрома предложить средства, которыя повели бы къ миру. Отвѣтъ для Игельстрома составленъ былъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ примирительномъ смыслѣ. «Конечно, военные успѣхи», говорилось въ немъ, «часто зависятъ отъ случая; но каковы бы они ни были, все-таки же война бѣдственна для народа и, если король раздѣляетъ эти мысли, то и Императрица сдѣлаетъ все возможное для того, чтобы положить конецъ продолжающейся между нами войнѣ. Что же касается до средства, какимъ можно было бы этого достигнуть, то самое лучшее было бы поскорѣе вступить въ переговоры объ основаніяхъ мира и притомъ безъ всякихъ формальностей и церемоніаловъ.

Игельстромъ просилъ Армфельда доставить ему отвѣтъ короля для сообщенія своему правительству, которое поспѣшитъ принять самыя быстрыя и дѣйствительныя мѣры для совершенія столь благаго дѣла.

Вскорѣ Армфельдъ далъ почувствовать Игельстрому, что короля удерживаютъ отъ мира его союзники или, какъ онъ выразился, люди, не имѣющіе отечества, преслѣдующіе своекорыстныя цѣли, и потому весьма важно было бы устранить вмѣшательство другихъ державъ въ дѣло мира.

Конечно Армфельдъ имѣлъ въ виду Пруссію и Англію; но можно сказать, что и посредничество Испаніи не только не помогало дѣлу мира, но скорѣе затрудняло его по пристрастному отношенію Испанскаго посланника въ Петербургѣ къ Шведскимъ интересамъ и по не совсѣмъ точнымъ донесеніямъ его о происходившихъ переговорахъ. Въ Іюнѣ Гальвесъ предполагалъ предложить посредничество Швеціи и Испаніи въ мирѣ съ Турціею и хотя не сдѣлалъ этого предложенія, сообщилъ однако о немъ Испанскому посланнику въ Стокгольмѣ. Густавъ же принялъ эту мысль за совершившійся фактъ, за согласіе на то Императрицы. «Вы сами видѣли», писалъ онъ въ послѣдствіи своему секретарю Эренстрёму, «что Испанскій посланникъ добился этого въ Іюнѣ; почему же не соглашаются на то въ Августѣ?» Быть можетъ, Гальвесъ былъ неправдивъ въ своихъ сообщеніяхъ; во всякомъ же случаѣ совершенно безполезенъ для мирныхъ приговоровъ, такъ что само Испанское правительство, не задолго до заключенія мира въ Вереле, предписало ему не вмѣшиваться болѣе въ негоціаціи съ Густавомъ, развѣ самъ Русскій кабинетъ будетъ просить его о томъ. Мирные переговоры перенесены были на мѣсто войны, въ Финляндію.

9-го Іюня Императрица поручила главнокомандующему Финляндскою арміею графу Салтыкову объявить генералу Игельстрому слѣдующее. «На случай, еслибы баронъ Армфельдъ рѣшился имѣть свиданіе съ нимъ, или же бы прислалъ къ нему какого довѣреннаго человѣка, онъ долженъ ему прямо и ясно сказать, что касательно оставленія границъ на такомъ основаніи, какъ онѣ въ Абовскомъ договорѣ положены, условія наши суть крайнія, съ которыми ни малѣйшая перемѣна вмѣстна быть не можетъ и что мы конечно ни пяди земли изъ того не уступимъ; что ежели со стороны ихъ будутъ какія вопреки тому настоянія, то онъ отъ всякой переписки и переговоровъ отрицается, считая, что тогда обѣимъ воюющимъ державамъ надобно помышлять о четвертомъ походѣ».

2-го Іюля Армфельдъ обратился къ Игельстрому съ самымъ примирительнымъ письмомъ, въ которомъ говорилъ, что еслибы Императрица и совершенно уничтожила такого сосѣда, какъ Швеція, то

это не увеличило бы ея славы; что государь его искренно желаетъ мира, но что союзники его, преслѣдуя свои интересы, могутъ затянуть на долго переговоры. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увѣдомляетъ, что отправляется въ Луизу для свиданія съ королемъ; а оттуда отъ 15-го Іюля пишетъ, что лучше было бы личное свиданіе, въ которомъ на словахъ многое можно бы сказать, что̀ неудобно излагать письменно, и это послужило бы основаніемъ дѣйствій для достиженія миролюбивой цѣли. Армфельдъ просилъ назначить мѣсто для этого свиданія. На это Игельстромъ отвѣчалъ, по бумагѣ составленной для него въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, что онъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что война выгодна только для другихъ государствъ, что Императрица никогда не искала своей славы въ уничтоженіи Швеціи и не видитъ въ томъ пользы для своего государства, и что, наконецъ, несправедливо нападеніе Шведовъ; она желаетъ возстановить съ королемъ прежнія отношенія, по крайней мѣрѣ тѣже границы, которыя были до войны; наконецъ, совершенно раздѣляетъ мнѣніе, что для пользы дѣла необходимо отдалить отъ него всякое посредничество, которое могло бы только ему помѣшать. Соглашаясь на свиданіе, Игельстромъ предложилъ съѣхаться въ Ковалѣ или въ Верелѣ.

17-го Іюля Императрица предписала Игельстрому объявить Шведамъ ультиматумъ изъ слѣдующихъ шести пунктовъ: 1) о прекращеніи войны; 2) границы между обоими государствами должны остаться тѣже, какъ онѣ опредѣлены Абовскимъ договоромъ; 3) войска воюющихъ державъ должны быть выведены въ условный срокъ; 4) плѣнные должны быть отпущены; 5) артикулъ Абовскаго трактата о салютѣ между военными судами долженъ быть исполненъ, и 6) ратификаціи будутъ размѣнены въ теченіе двухъ недѣль и скорѣе. Посылая этотъ ультиматумъ графу Салтыкову для передачи Игельстрому, Императрица писала: «Хотя самое содержаніе письма, по волѣ нашей отправленнаго отъ имени генералъ-поручика барона Игельстрома къ Шведскому генералу барону Армфельду, подаетъ уже достаточно полное объясненіе на какомъ основаніи миръ съ королемъ Шведскимъ заключить мы готовы; для лучшаго однако наставленія барону Игельстрому прилагается у сего записка условій, которыя мы неинако какъ самыми крайними полагаемъ. Онъ можетъ ихъ сообщить барону Армфельду и дозволить ему списать для донесенія государю его, и ежели сей послѣдній имѣетъ искреннее намѣреніе прекратить пролитіе крови человѣческой и отвращеніе отъ продолженія войны, полезной для тѣхъ только, кои для достиженія своихъ корыстолюбивыхъ видовъ ею пользоваться хотятъ: то, вѣдая наши безкорыстныя предложенія, можетъ дать помянутому генералу, или кому онъ разсудитъ за благо, полную

мочь совершить дѣло скорымъ и краткимъ образомъ, такъ какъ и мы доставимъ, съ нашей стороны, къ тому же нужное полномочіе. Но буде король Шведскій думаетъ тутъ настоять на какія-либо уступки земли или же на другія требованія, нашему достоинству несогласныя, а именно примѣшивать войну съ Турками: въ такомъ случаѣ всякое сношеніе и переговоры будутъ излишніе, и мы съ прискорбіемъ должны будемъ, въ охраненіе чести и безопасности нашей и государства нашего, положась на Промыслъ Божій, ожидать рѣшенія всему отъ жребія оружія. Сіе точно баронъ Игельстромъ долженъ будетъ объявить учтивымъ, скромнымъ и искреннимъ образомъ барону Армфельду, стараясь впрочемъ интересовать его къ успѣху дѣла славою участія въ ономъ и всѣмъ, что́ личность его поощрить къ тому можетъ».

И такъ, прежнія границы между обоими государствами и невмѣшательство Шведскаго короля въ миръ съ Турціею—таковы были непремѣнныя условія, поставленныя Екатериною Густаву.

Эти основныя начала мира, соотвѣтствовавшія достоинству Россіи, естественно не могли нравиться Густаву, и съ самаго начала переговоровъ представляли такія затрудненія, которыя заставляли думать, что они будутъ прерваны, и миръ не состоится. При первомъ же свиданіи Игельстрома съ Армфельдомъ въ Ковалѣ 22-го Іюля, они, въ продолженіи пяти часовъ, никакъ не могли сговориться на счетъ вмѣшательства Швеціи въ миръ съ Турками и, дабы не прекратить сразу начавшихся переговоровъ, Игельстромъ обѣщалъ изложить письменно Русскій ультиматумъ. Армфельдъ желалъ, чтобы къ статьѣ о границахъ было добавлено, что какъ со времени Абовскаго мира онѣ не провѣрялись, то, по заключеніи мира, будутъ назначены особые комиссары, которые могутъ сдѣлать необходимыя измѣненія, вызываемыя самою мѣстностію. Шведскій уполномоченный указывалъ на такія мѣста, которыя не принадлежатъ ни тому ни другому государству и въ особенности на черезполосность, такъ что Шведскія войска должны проходить въ Шведскія земли черезъ Русскую Финляндію и для такого перехода испрашивать каждый разъ разрѣшенія. Впрочемъ Игельстромъ не слишкомъ вѣрилъ въ искренность такого толкованія, а думалъ, что Густавъ желаетъ показать своимъ подданнымъ будто онъ расширилъ предѣлы своего государства. И въ этомъ Игельстромъ не ошибался; ибо, когда королю было въ томъ отказано письмомъ вице-канцлера графа Остермана, то онъ сообщилъ своему секретарю такимъ образомъ о содержаніи этого письма: «оно очень учтиво, но предлагаютъ statu quo, никакого увеличенія границъ; это мнѣ не идетъ». На счетъ мира съ Турціею Армфельдъ просилъ прибавить особую статью къ мирному трактату, въ которой сказать, что, по старанію

(bons offices) Шведскаго короля, Императрица ускоритъ заключеніемъ мира съ Турціею. Король выставилъ, что долгъ чести заставляетъ его заступаться за своего союзника, но что впрочемъ болѣе этого онъ ничего не требуетъ. «По моему же», писалъ Игельстромъ, «эта статья нужна ему для того, чтобы еще нѣсколько мѣсяцевъ пользоваться Турецкими субсидіями». Наконецъ, Армфельдъ высказалъ, подъ величайшимъ секретомъ, какъ другъ короля, что у него болѣе двухъ милліоновъ талеровъ долга, на что Игельстромъ отвѣчалъ, что какъ королю, такъ и всему свѣту извѣстно величіе души Императрицы, и что онъ можетъ быть увѣренъ, что если онъ пріобрѣтетъ ея дружбу, то она найдетъ возможность выручить его изъ затрудненія [1]). Баронъ Армфельдъ жаловался, что Прусскій министръ въ Стокгольмѣ Борхъ очень ему мѣшаетъ и что онъ написалъ королю, что Англійскій посланникъ проситъ его торопиться миромъ.

Императрица одобрила достойный образъ дѣйствій Игельстрома, и вице-канцлеръ сообщилъ ему 25-го Іюля, что онъ вполнѣ раздѣляетъ убѣжденіе барона Армфельда о неудобствахъ вмѣшательства въ мирные переговоры иностранныхъ кабинетовъ, которые къ тому же ничего болѣе не въ состояніи добыть для Швеціи, какъ то, что предлагаетъ сама Императрица. Что же касается до регулированія границъ, то графъ Остерманъ полагаетъ предоставить этотъ вопросъ, по заключеніи мира, обсужденію правительствъ чрезъ пословъ.

Императрица не вѣрила въ искренность Густава; она думала, что онъ проводитъ ее, пугая своихъ союзниковъ сепаратнымъ трактатомъ и желая вытянуть у нихъ денегъ. «Будьте осторожны», писала она Игельстрому, «чтобы васъ не обманули» [2]).

Несмотря однако на это недовѣріе, Императрица приказала продолжать переговоры и наканунѣ еще 24-го Іюля утвердила проектъ статей мирнаго договора; въ этотъ проэктъ включена была и статья о границахъ, о которыхъ положено разсудить по заключеніи мира, черезъ посредство пословъ.

Въ то самое время, когда происходили эти сношенія, велась переписка Шведскаго короля съ вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ.

---

[1]) Это можетъ служить отвѣтомъ почтенному академику Я. К. Гроту на слѣдующія его слова: „Есть извѣстіе, что, при заключеніи мира въ Верелѣ, Екатерина секретнымъ пунктомъ обязалась выплатить королю два милліона рублей на покрытие его частныхъ долговъ. Справедливъ ли этотъ слухъ или нѣтъ?“ и т. д. (Екатерина II и Густавъ III, стр. 64).

[2]) См. письма и бумаги Императрицы Екатерины Второй, хранящіяся въ Имп. Публичной Библіотекѣ. Издан. А. Ѳ. Бычковымъ. С.-Петербургъ 1873 года, стр. 84—86.

Густавъ освободилъ изъ плѣна состоявшаго прежде въ Русскомъ посольствѣ въ Стокгольмѣ Мюллера въ уваженіе, какъ онъ говорилъ, къ его начальнику вице-канцлеру и, увѣдомляя его объ этомъ, благодарилъ графа Остермана за стараніе его достигнуть мира. Это было косвенное предложеніе мира со стороны короля, потерявшаго надежду на активное вмѣшательство въ его пользу Англіи и Пруссіи и надѣявшагося на уступки со стороны Россіи, послѣ пораженія галернаго флота принца Нассау-Зигена. Но самыя интимныя сношенія происходили между Густавомъ и Гальвесомъ, которому онъ сдѣлалъ, говоря его словами, свою политическую исповѣдь, и на этой исповѣди сознался, что онъ стремится къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ и весьма существеннымъ, чуть ли не къ уступкѣ Россіею всѣхъ земель въ Финляндіи, пріобрѣтенныхъ по Абовскому трактату. Онъ находилъ, что для защиты Петербурга достаточно и тѣхъ границъ, которыя выговорилъ себѣ Ништатскимъ миромъ Петръ Великій. «Сердиты», отмѣтилъ Храповицкій подъ 22-мъ Іюля, «что король Шведскій безъ уступки изъ Финляндіи мириться не хочетъ. Сіе видно изъ письма его къ вице-канцлеру». Другое требованіе Густава состояло въ принятіи его посредничества въ мирѣ съ Турками; онъ выставлялъ, что ежели оставитъ своего союзника, то потерястъ уваженіе къ себѣ Императрицы. Въ заключеніе, намекая конечно на коалицію, онъ предлагалъ ускорить заключеніемъ мира, потому что всякое замедленіе свяжетъ руки обоимъ государямъ *).

Графъ Остерманъ отвѣчалъ королю, что положеніе дѣла со времени Петра Великаго значительно измѣнилось, что Петербургъ, только что возникшій при немъ, развился и возросъ и требуетъ принятія всевозможныхъ мѣръ предосторожности для своей охраны, какъ доказали двѣ бывшія послѣ Ништатскаго мира войны. «Ваше величество», прибавилъ онъ, «слишкомъ хорошо знаете Императрицу, чтобы могли ожидать какой-либо уступки съ ея стороны по такому щекотливому во всевозможныхъ отношеніяхъ предмету». Что же касается до выставляемыхъ Густавомъ обязанностей его къ своему союзнику, т.-е. къ Турціи, то графъ Остерманъ находилъ, что онъ уже достаточно для нея сдѣлалъ, что уваженіе къ нему Императрицы не уменьшится, если онъ перестанетъ вмѣшиваться въ Турецкія дѣла, и сообщалъ ему, что Императрица готова примириться съ Турціею на самыхъ справедливыхъ и умѣренныхъ условіяхъ; въ заключеніе онъ

*) Подлинныя два письма короля Густава къ гр. Остерману отъ 11-го и 30-го Іюля 1790 г. н. ст. сохранились въ Моск. Гл. Архивѣ. Копіи съ нихъ см. въ Приложеніяхъ.

прибавилъ весьма твердо, что Игельстрому предписано объясниться обо всемъ съ Армфельдомъ окончательно и рѣшительно.

Для дальнѣйшихъ совѣщаній уполномоченныхъ избрана была Вереля, на рѣкѣ Кюмени, откуда Армфельдъ ежедневно переписывался съ Густавомъ, находившимся вблизи, въ Пеполѣ или Аньялѣ *).

Игельстромъ, военный человѣкъ, никогда не состоялъ въ дипломатической службѣ, вовсе не былъ знакомъ съ ея пріемами и формами и еще менѣе съ международными трактатами, почему во время его переговоровъ важнѣйшія бумаги писались для него, какъ мы видѣли, въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; а въ помощь ему для текущей переписки присланъ былъ въ концѣ Іюля опытный и дѣльный чиновникъ этой коллегіи Кудеръ, который привезъ ему разныя пособія, какъ-то: объ обязанностяхъ посла, сочиненіе Викфорта, извлеченіе о томъ же изъ другихъ авторовъ и копіи съ трактатовъ Абовскаго и другихъ договоровъ, заключенныхъ въ разное время со Швеціею. По заключеніи мира, Игельстромъ благодарилъ за присылку къ нему Кудера, ему помогавшаго.

30-го Іюля графъ Безбородко увѣдомилъ Игельстрома о готовившемся въ Рейхенбахѣ мирѣ Германскаго императора съ Портою и о тогдашнемъ положеніи Европейскихъ дѣлъ; а о вѣроятности примиренія Россіи съ Турціею прибавлялъ: «будетъ ли же о чемъ шалунъ-сосѣдъ нашъ заботиться, миръ будетъ и безъ его участія».

Армфельдъ доставилъ свои замѣчанія на проектъ мирнаго договора. Они были двоякаго рода: одни редакціонныя, другія существенныя, касавшіяся границъ и мира съ Турціею. Согласившись со всѣми редакціонными замѣчаніями и съ тѣмъ, чтобы ратификація трактата послѣдовала черезъ шесть дней послѣ его подписанія, Игельстромъ объявилъ положительно, что въ Русскомъ ультиматумѣ никакихъ измѣненій сдѣлано не будетъ. Объ этомъ онъ получилъ подписанное 25 Іюля Императрицею повелѣніе, оканчивавшееся слѣдующими словами: «При упорствѣ и новыхъ затрудненіяхъ или затѣяхъ, объявите барону Армфельду, что вы имѣете точное наше повелѣніе прервать вашу негоціацію и къ воинской командѣ отправиться». Къ этому Екатерина собственноручно приписала: «Si, malgré tout ce que je fais pour accélérer la paix, le roi de Suède se refusera à y accéder, je prends le Ciel à témoin qu'il sera lui seul responsable du nouveau carnage qui va recommencer». «Ссылаясь на содержаніе указа Ея Императорскаго Величества, къ вашему превосходительству посылаемаго», писалъ

*) См. Horff, стр. 354—355.

графъ Безбородко Игельстрому, «я считаю по надменности короля Шведскаго, что ваша негоціація на сей часъ остановится безъ дѣйствія; но легко случиться можетъ, что силою оружія или другими способами король образумленъ будетъ».

Дѣйствительно Густавъ объявилъ 1-го Августа, что онъ настаиваетъ на своемъ посредничествѣ въ мирѣ съ Турками. Собрались уполномоченные на другой день, но и тогда ни къ чему не привели ихъ переговоры, и Игельстромъ рѣшительно и твердо сказалъ Армфельду, что ихъ слѣдуетъ считать прерванными, и это по винѣ короля, но что онъ даетъ ему время до вечера, чтобы убѣдить своего государя. Возвратившись домой, онъ написалъ Армфельду, что король напрасно теряетъ столь удобную для мира минуту изъ-за союзника, толь мало о немъ заботящагося, что онъ заключаетъ миръ безъ его содѣйствія, и что посредничество Густава было бы теперь излишне; ибо, какъ видно изъ письма графа Остермана, миръ съ Портою почти состоялся.

На это письмо Армфельдъ отвѣчалъ 2-го Августа: «Я выигралъ сраженіе». (Густавъ согласился отказаться отъ своего посредничества въ мирѣ съ Турками.) «Нѣтъ, любезный баронъ», писалъ онъ Игельстрому въ другомъ письмѣ отъ того же числа, «наши переговоры не прерваны», и просилъ возобновить ихъ на другой день офиціально, т.-е. чисто-формально, привезши съ собою секретаря для составленія протокола.

Когда открылась конференція, Армфельдъ произнесъ рѣчь и предложилъ внести въ протоколъ, что его государь отказался отъ посредничества въ мирѣ съ Турками, потому что Императрица заявила, что она согласна примириться съ Портою на самыхъ выгодныхъ для нея основаніяхъ и что этотъ миръ скоро будетъ заключенъ, почему посредничество его было бы излишне. 3-го Августа, въ 3 часа дня, миръ съ Швеціею былъ подписанъ въ Верелѣ, и 9 Августа ратификованъ *). Сообщая объ этомъ графу Остерману, Игельстромъ писалъ ему, что онъ обязанъ ему и его инструкціямъ тѣмъ, что могъ исполнить дѣло совершенно для него новое.

Рано утромъ 5 Августа курьеръ привезъ въ Царское Село подписанный мирный трактатъ. «Радостны», отмѣчаетъ Храповицкій. «Въ церкви отправлено молебствіе. Я поздравилъ Ея Величество. Тѣмъ

*) Верельскій миръ описанъ былъ секретаремъ короля Густава Эренстрёмомъ, составлявшимъ мирный протоколъ съ Шведской стороны, въ сочиненіи, напечатанномъ на Шведскомъ языкѣ въ Упсалѣ въ 1882—1884. Извлеченіе изъ этого сочиненія въ Русскомъ переводѣ обязательно доставлено мнѣ министромъ статсъ-секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго барономъ Ѳедоромъ Антоновичемъ Бруномъ (см. Приложенія).

болѣе довольны, что ни Англичане, ни Прусаки сего не знаютъ: on les a joués». 22 Августа онъ записалъ: «При Васильевѣ разговоръ объ окончаніи войны. «Я правила всѣмъ, сказала Императрица, какъ командующій генералъ, и много было заботъ». Послѣ того напомнилъ я о намѣреніи идти съ резервомъ къ Осиновой рощѣ. «Да, буде бы нужда потребовала, то въ послѣднемъ батальонѣ - каре сама бы голову положила». 8 Сентября торжественно праздновался миръ съ Швеціею.

Такимъ образомъ, затѣянная Густавомъ трехлѣтняя война, кромѣ расходовъ и потери людей, не принесла Швеціи ничего: все осталось по прежнему. Правда, нѣкоторые историки полагаютъ, что Верельскимъ мирнымъ договоромъ устранено вмѣшательство Россіи во внутреннія дѣла Швеціи, потому что въ немъ не упомянуто о Ништатскомъ и Абовскомъ трактатахъ, гдѣ объ этомъ говорится [1]) и что будто этимъ самымъ достигнута была Густавомъ существенная цѣль войны, рѣшена главная задача его царствованія, и Швеція сохранила свою политическую независимость [2]); но съ такимъ толкованіемъ трудно согласиться. Мы уже видѣли, что упоминаніе объ Абовскомъ трактатѣ исключено изъ проекта новой конвенціи по желанію Гальвеса; въ переговорахъ же Игельстрома съ Армфельдомъ объ этомъ не было и рѣчи. Напротивъ того, въ предписаніи Императрицы Игельстрому отъ 25 Іюля сказано: «Учиненное барономъ Армфельдомъ прибавленіе относительно невмѣшиванія во внутреннія дѣла отнюдь невмѣстно, и не сходствуетъ съ достоинствомъ государей давать на себя такія обязательства, которыя и безъ того сами собою существуютъ, въ чемъ добрая воля обѣихъ державъ другъ друга обезпечивать долженствуетъ». Изъ этого уклончиваго отвѣта никакъ нельзя вывести, что Императрица обязалась не вступаться во внутреннія дѣла Швеціи и что эта главная цѣль войны достигнута была Густавомъ.

По заключеніи мира предполагалось назначить посломъ въ Швецію Игельстрома; онъ сталъ даже заготовлять въ Копенгагенѣ все нужное для своего обзаведенія въ Стокгольмѣ; но такъ какъ Шведскій король отправилъ въ Петербургъ (не въ званіи посла, а посланника) генералъ-маіора Стединга, командовавшаго отрядомъ въ Финляндіи, то въ Стокгольмъ посланъ былъ на туже должность генералъ-маіоръ баронъ Паленъ.

Стедингъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ Сентябрѣ; но въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не могъ достигнуть объясненій по тѣмъ предметамъ, которые составляли послѣдствіе Верельскаго трактата и

[1]) Германъ, стр. 493.
[2]) Брикнеръ, стр. 278.

отложены были къ разрѣшенію послѣ мира. Русскій кабинетъ тянулъ намѣренно дѣло, потому что не довѣрялъ Густаву и ожидалъ, чтобъ обстоятельства выяснили, какого образа дѣйствій онъ намѣренъ держаться впослѣдствіи. Верельскій миръ, отъ котораго чуть не отказался Густавъ наканунѣ дня его заключенія, былъ, повидимому, въ его мысляхъ какъ бы временнымъ, какимъ-то перемиріемъ; въ немъ не досказанно именно то, что́ для него было всего важнѣе, именно: опредѣленіе границъ, денежныя субсидіи, наконецъ союзъ съ Россіею, взамѣнъ прежнихъ его союзниковъ.

Тотчасъ послѣ обмѣна ратификацій мирнаго договора, король заговорилъ съ Игельстромомъ о регулированіи границъ и передалъ ему карту, на которой означены были желаемыя имъ, а онъ хотѣлъ присоединить къ Шведской Финляндіи отъ Русской мѣста̀, имѣющія стратегическое значеніе, именно: устье рѣки Кюмени, составлявшей границу между обѣими Финляндіями съ Гёкфорсомъ и съ островами Роченсальмомъ или Свенкзундомъ, гдѣ происходили битвы галернаго флота принца Нассаускаго и которые были необходимы для защиты Фридрихсгама; а на Сѣверо-западѣ укрѣпленіе Нишлотъ. Игельстромъ отказался представить объ этомъ офиціально своему правительству, но передалъ потомъ частнымъ образомъ эту карту графу Безбородкѣ. Очевидно, что, подъ видомъ болѣе удобнаго проведенія границъ, Густавъ стремился къ территоріальному усиленію Швеціи на счетъ Россіи и надѣялся достигнуть мирными переговорами такихъ земельныхъ пріобрѣтеній, которыхъ не былъ въ состояніи отвоевать оружіемъ. «Мнѣ кажется, писалъ въ послѣдствіи Игельстромъ въ одной запискѣ, король желаетъ этихъ измѣненій границъ изъ одного самолюбія и для ослѣпленія своей страны, для того, чтобы она не могла упрекнуть его въ томъ, что, возбудивъ кровавую и убыточную войну, онъ не достигъ даже улучшенія границъ». Частные долги всего болѣе безпокоили Густава, и хотя Игельстромъ въ переговорахъ своихъ съ Армфельдомъ и не принялъ ихъ на счетъ Русской казны; но, говоря о великодушіи Императрицы, онъ какъ бы намекнулъ, что она не откажется ему помочь. По этому вѣроятно поводу она сказала впослѣдствіи: «выходитъ наружу, что баронъ Игельстромъ, при заключеніи мира, много лишняго обѣщалъ» *).

Наконецъ, заключивъ миръ съ Россіею помимо и скрытно отъ состоявшихъ съ нимъ въ коалиціи Пруссіи и Англіи, Густавъ остался безъ союзниковъ, а потому домогался союза съ Россіею.

И такъ, послѣ Верельскаго мира Русскій кабинетъ могъ ожидать отъ Шведскаго однихъ требованій, а не какихъ-либо для себя выгодъ

*) Храпов., стр. 363.

и потому не торопился вступать съ нимъ въ переговоры. Напротивъ того, Густавъ волновался и спѣшилъ заключеніемъ союза съ Россіею, въ особенности послѣ того, какъ Французская революція вселила въ него мысль вмѣстѣ Россіею стать защитникомъ престоловъ и принять на себя иниціативу въ столь важномъ Европейскомъ событіи, чтò льстило его тщеславію.

Вслѣдстіе личнаго знакомства и сближенія Армфельда съ Игельстромомъ въ Верелѣ, переписка между ними продолжалась и послѣ мира, и ею стали пользоваться какъ король, такъ Императрица для политическихъ дѣлъ. Уже въ концѣ Сентября Армфельдъ писалъ ему, что иностранная интрига старается дѣйствовать на короля, что надо спѣшить заключеніемъ союза. «Мы безъ союзниковъ», прибавилъ онъ, «насъ стараются подорвать; но ничего не будетъ сдѣлано до полученія вашего отвѣта: нужны ли мы или нѣтъ». Армфельдъ напоминалъ также объ исправленіи границъ и объ уплатѣ долговъ короля. Императрица связала опредѣленіе границъ и заключеніе союза съ назначеніемъ взаимныхъ пословъ; она не торопилась и поручила Игельстрому, предназначавшемуся тогда опять посломъ въ Стокгольмъ, написать объ этомъ отъ себя Армфельду, прибавивъ, что она съ удовольствіемъ поможетъ королю въ его частныхъ дѣлахъ. Этотъ уклончивый отвѣтъ не удовлетворилъ однако Армфельда; онъ не могъ понять, почему требуется такая медленная «метафизика» для исправленія границъ, приписывая ее интригамъ Прусаковъ и Англичанъ, которые надоѣдаютъ своими негоціаціями. «Давно бы мы ихъ отправили къ чорту», прибавилъ онъ, «когда они узнали бы, что мы вошли въ соглашеніе съ вами».

Густавъ до того былъ встревоженъ этою медлительностію, что послалъ нарочнаго къ Стедингу съ письмомъ, въ которомъ онъ упрекалъ министровъ, мѣшающихъ заключенію союза со Швеціею, и приказывалъ ему обратиться прямо къ Императрицѣ, чтобы узнать дѣйствительныя ея намѣренія. Правда, графъ Остерманъ не вѣрилъ Густаву, не желалъ производить ему денежнаго пособія и совѣтовалъ продолжать давать ему неопредѣленные, уклончивые отвѣты. Напротивъ того, спрошенный объ этомъ Игельстромъ находилъ, что нужно рѣшиться на отвѣтъ ясный и опредѣленный, заключить предлагаемый союзъ и денежно помочь Густаву: иначе, безъ союзниковъ и безъ денегъ, онъ естественно предпочтетъ тѣхъ которые даютъ тѣмъ которые только обѣщаютъ. Англичане предлагали тогда Густаву опредѣленную ежегодную безвозвратную субсидію. Подъ 2-мъ Февраля 1791 г. Храповицкій записалъ: «Получено съ курьеромъ секретное письмо барона Палена отъ 24-го Генваря. Шведскій король волнуется, не тер-

питъ нашей медленности и имѣетъ предложеніе отъ Англіи. Формально говорилъ онъ съ барономъ Паленомъ, чтобы мы рѣшились и не принудили его принять партію, ему противную. Армфельтъ изъяснилъ, что Англичане подбиваютъ короля, дабы 1) вооружился противъ насъ или 2) далъ бы свои корабли въ соединеніе съ ними, или 3) далъ бы имъ свой военный портъ, и за все то платятъ наличными деньгами. Тутъ мнѣ сказано, что «король проситъ денегъ; но нельзя дать, для того что ихъ нѣтъ и чтобы не похвастал передъ Турками и Прусаками, будтобы это послѣдовало въ исполненіе сепаратныхъ артикуловъ мирнаго трактата». Игельстромъ же думалъ, что выгоднѣе заплатить три или четыре милліона, чѣмъ вооружить свои границы и флотъ, что̀ стоило бы гораздо больше. Взвѣсивъ оба противуположныя мнѣнія, Императрица склонилась къ мысли Игельстрома и 18 Января, т.-е. прежде полученія Стедингомъ письма короля, графъ Безбородко послалъ курьера къ барону Палену съ предписаніемъ принять дѣйствительныя мѣры къ заключенію союза и съ извѣщеніемъ, что субсидіи, которыя наиболѣе при этомъ его интересовали, будутъ ему выданы.

Въ Февралѣ 1791 г. Стедингъ достигъ чрезъ Зубова частной аудіенціи у Императрицы. На этой аудіенціи онъ напомнилъ объ обѣщанныхъ субсидіяхъ королю. «Да, отвѣчала Императрица, какъ послѣдствіе союза, который будетъ заключенъ». «Союзный трактатъ—дѣло долгое, отвѣчалъ Стедингъ, кредитивъ же можно послать тотчасъ же». Затѣмъ Екатерина передала ему, что до нея доходятъ свѣдѣнія, что король готовится опять къ войнѣ съ Россіею. On dit qu'il arme, qu'il recrute son armée, qu'il fait construire des vaisseaux. Eh bien, j'espère que ce sera plustôt pour moi que contre moi [1]). «Я сказала Стедингу, передавала Императрица Храповицкому, что ежели дойдетъ до войны, то Шведскую армію и флотъ беру я на свое содержаніе; изъяснила ему свои правила, и онъ, вставъ со стула и поцѣловавъ мнѣ руку, отвѣчалъ, что никогда противъ меня воевать не будетъ. «Замѣть же, прибавила она, что Шведскій король воспитанъ Французами и не терпитъ Англичанъ» [2]).

Когда въ 1791 году пріѣхалъ въ Петербургъ князь Потемкинъ, Стедингъ поспѣшилъ обратиться къ нему и на пріемѣ у него доказывалъ необходимость для внутреннихъ сообщеній Шведской Финляндіи уступки ей Нишлота. Слѣдуетъ замѣтить, что Игельстромъ, бывшій на мѣстѣ, не находилъ надобности въ стратегическомъ отношеніи въ этомъ плохоукрѣпленномъ городѣ, лежащемъ въ отдаленіи, въ сѣверо-западномъ

---

[1]) Geffroy, Gustav III et la cour de France. Paris. 1867, Tome II. p. 121.

[2]) Стр. 356.

углѣ Русской Финляндіи и требующемъ для своей охраны значительнаго числа войскъ, отвлекаемыхъ такимъ образомъ отъ главной арміи; онъ представлялъ Потемкину, что можно было бы уступить Шведамъ Нишлотъ съ тѣмъ, чтобы они срыли укрѣпленія. Вѣроятно со словъ Игельстрома Потемкинъ отвѣчалъ Стедингу: «Развѣ король такъ стоитъ за Нишлотъ? Для насъ онъ вовсе не нуженъ; такъ всѣ у насъ думаютъ, исключая Императрицы, которая воображаетъ, что, уступивъ Нишлотъ, она потревожитъ прахъ Петра Великаго». «Не даромъ она женщина, пишетъ объ Екатеринѣ Стедингъ Армфельду; ни пяди земли не уступитъ она намъ въ Финляндіи» [1]).

Для заключенія союзнаго трактата со Швецію былъ командированъ графъ Стакельбергъ (бывшій прежде посланникомъ въ Мадридѣ, потомъ въ Варшавѣ, гдѣ 7 (18) Сентября 1773 года подписалъ первый раздѣлъ Польши). Долго длились переговоры, заставляя сомнѣваться въ искренности Густава, такъ что можно было ожидать вновь съ нимъ войны, и въ Апрѣлѣ посланъ былъ Суворовъ осматривать Шведскую границу. Не смотря на данныя Императрицею Густаву въ Іюнѣ 500 тыс. рублей, онъ продолжалъ заявлять новыя требованія. «C'est exorbitant, написала на докладѣ объ этомъ Императрица. «30 Августа, прочитавъ письмо барона Палена, сказано мнѣ, пишетъ Храповицкій, что люди далѣе носа своего не видятъ. Дайте мнѣ кончить съ Турками, и тогда и съ Шведскимъ королемъ раздѣлаюсь. Можно ли удовлетворять его требованія? Хочетъ и денегъ, и половину Финляндіи». Наконецъ, 19 Октября 1791 г. былъ подписанъ союзный трактатъ на 8 лѣтъ съ обязательствомъ Русскаго правительства производить королю ежегодную субсидію въ 300 тыс., вмѣсто прежде просимыхъ имъ 500 тыс. р. «Я рада, сказала Екатерина о Густавѣ, что на время могла его занять Французскими дѣлами» [2]).

*

Ниже печатаемые документы были сравнены съ находящимися въ Московскомъ Главномъ Архивѣ, и тѣ изъ нихъ, которые тамъ сохранились въ дѣлѣ о Верельскомъ мирѣ, отмѣчены на соотвѣтствующихъ копіяхъ.

Графъ Дмитрій Толстой.

19 Сентября 1887 г.
Городище.

---

[1]) Geffroy. T. 2, p. 128—129.
[2]) Храповицкій, стр. 369 и 380.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Переписка короля Шведскаго Густава III-го съ вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ *).

1.

Monsieur le comte d'Ostermann! Le sieur Muller, anciennement employé dans la mission de l'Impératrice à Stockholm, ayant été fait prisonnier à la journée du 9 juillet, je lui ai permis de retourner à Pétersbourg sur sa parole par égard pour vous qui êtes le chef des affaires étrangères et qui par votre conduite et votre probité avez depuis longtemps possédé mon estime et ma confiance. Je l'est (sic) chargé de vous prier d'avoir soin d'un prisonnier qui m'intéresse infinement et dont il vous dira le nom. Je me flatte que vous voudrez bien employer votre crédit pour lui faire avoir ou la liberté, ou la permission de retourner sur sa parole; mais si cela ne se peut, que vous voudrez avoir soin que sa jeunesse et son inexpérience ne causent pour lui de fâcheux accidents. Vous avez été ami de sa mère et vous connaîtrez par son nom seul les raisons de l'intérêt que moi et mon frère nous y prenons. Je saisis cette accasion pour vous témoigner mon contentement des soins que vous avez pris pour le rétablissement de la paix. Ils sont dignes de votre patriotisme et bien conformes à mes sentiments. J'ignore la raison qui a fait que ma lettre au chevalier de Galvez est restée sans réponse. Sur ce je prie Dieu qu'Il vous ait, monsieur le comte d'Ostermann, dans Sa sainte garde. Votre très affectionné

Gustave.

Svensksund
ce 11 juillet 1790.

Voudriez-vous bien me faire savoir des nouvelles des officiers de mes gardes pris à la retraite de Vibourg, s'ils sont blessés et vivants, ainsi que des autres officiers que nous avons perdus. Nous craignons qu'il y en est de noyés.

---

*) Въ Моск. Гл. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ.

2.

Le 30 juillet 1790.

Monsieur le comte d'Ostermann. J'ai reçu des mains du b. de Stackelberg votre lettre du 11 (22) juillet. Je vous remercie infiniment des soins que vous avez pris des officiers de mes gardes faits prisonniers, et de la liberté que vous avez procurée à l'un d'eux de retourner sur sa parole. Je me flatte que les officiers russes me rendront la justice, qu'on a eu pour eux toutes les attentions que leur bravour et leur malheur méritaient. Je vous suis bien obligé de l'explication que vous me donnez des motifs qui ont retardé la réponse à laquelle j'avais lieu de m'attendre de la part du chevalier de Galvez. Je lui ai fait ma confession de foi politique; elle est fondée sur des principes inaltérables et véritablement conformes aux vrais intérêts des deux empires: car, pour qu'une paix soit stable et sûre, il faut que chacun y trouve sa sûreté, et je ne puis croire que Pierre 1-er, fondateur de la grandeur de la Russie (à laquelle l'Impératrice a donné une si grande consistance) et votre père, ce ministre si éclairé, pouvaient se méprendre sur ce qui regardait la sûreté de la capitale; mais ils sentaient aussi combien il était essentiel de tranquiliser la Suède sur la sûreté de la nôtre. Je suis persuadé qu'en discutant avec une véritable envie de rapprocher les intérêts réciproques, on parviendra à s'entendre et à convenir de rétablir l'armistice sur cette base plus solidement fondée que par le passé entre deux proches parents et la tranquillité entre deux grands empires trop longtemps troublés par les vues particulières de quelques ambitieux qui ont brouillé pour leurs intérêts personnels deux princes qui (j'ose le dire) étaient faits pour s'aimer toujours. Je ne puis me refuser de m'arrêter un moment au souvenir agréable de ces temps heureux où je me flattais de voir dans la personne d'une grande femme une amie personnelle, et si les sentiments que vous me marquez de la part de l'Impératrice revivaient véritablement dans son coeur, ce serait un motif de plus pour moi de souhaiter la prompte fin d'une guerre sanglante qui m'éloigne encore de ce plaisir si doux pour moi. Mais un sentiment qui m'est aussi essentiel de me conserver dans le coeur de l'Impératrice c'est son estime; j'ose croire qu'elle me la doit malgré elle, et que son parent ne lui fait pas honte. Mais je perdrais ce sentiment, si je ne m'intéressais au sort de mon alliée et que je ne veillasse à ses intérêts au moment de la paix, d'autant plus que je serais à même de servir l'Impératrice plus efficacement que tout autre et peut-être avec plus de désintéressement. Je suis fâché que les opé-

rations de cette campagne aient arrêté les négociations entamées dès son commencement; mais, tant que la guerre dure, il est impossible d'éviter ces calamités, et j'avais droit de croire par l'exemple des temps passés que la conclusion du traité de paix pouvait seule terminer les hostilités. Vous savez vous-même que vos troupes faisaient des descentes sur nos côtes pendant qu'on traitait à Nystat de la paix et que les coups des canons de la batalle de corps se faisaient entendre durant les conférences d'Abo; et comme je ne veux point vous tromper en rien, je vous prie d'être persuadé et d'assurer l'Impératrice que mes désirs pour une paix solide et durable sont également constants, quoique je crois de voir jusqu'au moment de la conclusion continuer les opérations militaires. C'est cette conclusion de tous nos démêlés qui fait le but de mes désirs, et ma confiance de la voir bientôt effectuée est d'autant plus grande que je vous connais pour un ministre aussi sage qu'éclairé et qui souhaite véritablement l'union et la concorde, et que par une suite de ces sentiments vous applanirez toutes les difficultés qui retarderaient un événement qu'il me paraît que nous désirons des deux côtés, surtout dans un moment où les retards lieront bientôt les mains à tous deux. Sur ce je prie Dieu qu'Il vous ait, monsieur le comte d'Ostermann, dans Sa sainte garde. Votre très affectionné

Gustave.

NB. Je fais passer celle-ci par Kavalla; j'ai des raisons de croire qu'à Friedrichshamm on n'aime pas d'accélérer ni de favoriser les moyens de notre correspondance; tant l'intérêt des particuliers divise les états. Je joins ici la liste de vos officiers faits prisonniers à la journée du 9; il y en a de renvoyés à Friedrichshamm pour être mieux soignés de leurs blessures.

3.

Copie de lettre du vice-chancelier comte d'Ostermann au roi de Suède datée à S-Pétersbourg du 25 juillet 1790.

J'ai reçu la seconde lettre que v. m. a daigné m'écrire le 19 (30) de ce mois. Je ne dois point me faire un mérite auprès de v. m. du traitement qu'ont reçu ici les prisonniers suèdois. V. m. peut le rapporter uniquement à la générosité de l'Impératrice, ainsi qu'à l'intérêt que v. m. a manifesté pour l'un d'eux et qui a été suffisant pour déterminer en sa faveur la résolution magnanime et compatissante de

Sa Majesté Impériale. Je ne m'estime pas cependant pour cela moins heureux d'avoir été choisi par v. m. pour être l'interprête de ses voeux auprès de l'Impératrice, et je me félicite d'avoir de ce côté entièrement répondu à la confiance de v. m. Je la justifierai également dans les autres points sur lesquels, sire, vous daignez vous expliquer avec moi, en continuant à parler à v. m. avec la même franchise et la même sincérité dont j'ai toujours fais profession.

Il est vrai, sire, que Pierre 1-er de glorieuse mémoire, et mon père, qui a eu l'honneur d'être employé comme un des instrumens dont ce grand prince s'est servi pour consommer l'ouvrage de la paix de Nystadt, ont établi un ordre des choses un peu différent de celui que la paix d'Abo avoit amené. Je ne veux point peser sur les circonstances qui ont permis alors de circonscrire les vues de sûreté et de précaution. Il suffit que v. m. se les rappelle elle-même pour convenir que les motifs de sécurité étoient plus fondés et les sujets d'appréhension moindres à cette époque qu'ils ne le sont à présent. Pierre 1-er pensoit ou du moins se flattoit que la paix de Nystadt seroit imperturbable. Pétersbourg étoit dans sa naissance et ne se présentoit pas même au génie prévoyant de ce monarque dans le dégré d'importance et de splendeur, auquel il est élevé maintenant. Si l'événement a deux fois depuis trompé les espérances rélativement à sa supposition, v. m. sait que la faute n'en a pas été à ses successeurs; mais dès lors leur vigilance à se prémunir contre tout danger à venir est devenue d'une obligation d'autant plus étroite et plus indispensable. Ils ne peuvent se départir de ce principe sans s'exposer aux plus grands inconveniens, et je dois le dire, v. m. connoît trop bien l'Impératrice pour pouvoir attendre d'elle la moindre complaisance sur un point aussi délicat sous tous les rapports imaginables. Quant aux devoirs, par lesquels v. m. se croit liée envers son alliée, je crois pouvoir lui représenter qu'elle a assez fait pour elle pour se mettre à l'abri du moindre reproche de sa part.

D'ailleurs v. m. est déjà informée des dispositions de l'Impératrice à l'égard de cette alliée. Sa Majesté Impériale est prête à se reconcilier avec elle, et les conditions qu'elle lui offre sont si modérées et si équitables que si elle hésite de les accepter, j'ose dire que v. m. se rendra responsable devant Dieu et l'humanité, si elle continue de persister pour sa cause dans les calamités que la guerre entraîne. D'après cette conviction et l'encouragement que v. m. a bien voulu donner à ma franchise, je dois lui représenter encore que sa prompte détermination à s'arranger sur les propositions qui se font actuellement pour la réconciliation avec Sa Majesté Impériale ne sauroit porter atteinte à cette estime à laquelle elle prétend. Si v. m. pense que tout retard

peut bientôt lier les mains à tous deux, je la supplie de considérer que ces délais sont moins dangereux pour les drots de la justice et de la bonne cause que pour les vues de pure convenance, destituées de titres sur lesquels se fondent les propriétés et les possessions des états. Je demande grâce à v. m. pour la hardiesse avec la quelle je lui parle en faveur du zèle qui m'anime. Je suis si persuadé de l'amour de v. m. pour la vérité, que j'ose me flatter que non seulement elle pardonnera celle que j'ose lui exposer, mais qu'elle voudra bien aussi prêter l'oreille et se rendre enfin aux démonstrations sincères que lui donne l'Impératrice de son désir à rétablir les choses sur les principes et les termes, qui n'auroient jamais dû être méconnus entre deux proches parens et deux voisins faits plutôt pour s'entre-aider que pour se nuire. V. m. trouvera la preuve de ces sentimens de l'Impératrice ma Souveraine dans la démarche qu'elle m'a autorisée de faire, en chargeant m—r le général Igelström de s'expliquer définitivement avec m—r le baron Armfelt sur les derniers intentions de Sa Majesté Impériale. En me référant à cette démarche décisive pour l'objet de mes voeux les plus chers et en portant aux pieds de v. m. mes remercîmens pour la liste des prisonniers qu'elle a bien voulu m'envoyer, je suis avec le plus profond respect etc.

II. Изъ посмертныхъ историческихъ записокъ Іогана-Альберта Эренстрёма.

Послѣ одержанной побѣды, король, которому уже наскучила война, еще сильнѣе пожелалъ мира. Такое желаніе поддерживалось и соображеніями о возможномъ вліяніи Французской революціи на государственный строй Европы, а также справедливымъ недовольствомъ по поводу бездѣйствія Англіи, въ особенности же Пруссіи. Онъ согласился сдѣлать первый шагъ къ примиренію съ Императрицею и воспользовался для этого взятымъ въ плѣнъ при Свенскзундѣ офицеромъ, по имени Миллеръ, служившимъ въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ. Король возвратилъ ему свободу, подъ честнымъ словомъ, и послалъ съ нимъ письмо къ вице-канцлеру графу Остерману, подъ предлогомъ выговорить снисходительное обхожденіе съ военноплѣннымъ молодымъ графомъ Карломъ Лёвенгельмомъ. „Vous avez séjourné trop longtemps en Suède, monsieur le comte", писалъ онъ, «pour ignorer les motifs de l'intérêt que je prends au sort de ce jeune homme». Эта фраза, повидимому, подтверждала общее мнѣніе, находившее себѣ оправданіе также въ чертахъ лица графа, будто онъ былъ сыномъ

герцога Карла. На самомъ же дѣлѣ король въ этомъ письмѣ хотѣлъ обнаружить свою готовность къ заключенію мира, а потому онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта отъ графа Остермана, чтобы узнать, насколько Императрица раздѣляетъ его желаніе. Зная характеръ Государыни, онъ боялся, что эта гордая женщина теперь, послѣ пораженія, постигшаго ея флотъ, менѣе чѣмъ когда-либо склонна начать мирные переговоры.

Въ концѣ Іюля король отправился въ лагерь въ Вереле, и во время этой поѣздки ему было доставлено давно ожидаемое отвѣтное письмо графа Остермана. Какъ впослѣдствіи оказалось, оно запоздало; потому что принцъ Нассаускій, догадываясь о цѣли освобожденія Миллера и желая продолженія войны, задержалъ на нѣсколько дней этого секретаря въ Фридрихсгамѣ. Король написалъ мнѣ 29-го числа короткую записку слѣдующаго содержанія: «Je retourne coucher à Peipola ce soir, et je viendrai demain ou après-demain à la flotte. J'ai eu la reponse du comte Ostermann. Elle est très-polie, mais le statu quo et aucune augmentation de frontières. Cela ne me convient pas; en attendant, les ministres *) sont très-alarmés à Stockholm, et cela est très bien».

Между тѣмъ началась переписка между Русскимъ генераломъ Игельстромомъ и барономъ Армфельтомъ, заключавшаяся въ началѣ во взаимныхъ выраженіяхъ вѣжливости и почтенія. Она могла подать надежду на болѣе существенныя послѣдствія, еслибы Русскій генералъ могъ поддерживать конфиденціальныя сношенія съ барономъ безъ особаго полномочія отъ своей Монархини. На слѣдующій уже день послѣ перваго письма, т.-е. 30-го Іюля, я получилъ отъ короля новое письмо, написанное въ Пейполѣ, въ которомъ онъ мнѣ приказалъ составить и скрѣпить полномочіе (pleins-pouvoirs) барону Армфельту быть довѣреннымъ (plénipotentiaire) короля для заключенія мира. Въ полномочіи должно было значиться, что оно дано 25-го Іюня на кораблѣ «Амфіонѣ». Онъ мнѣ при этомъ послалъ длинный списокъ титуловъ барона, между которыми я, къ своему удивленію, увидѣлъ слѣдующіе: baron de Worentacka, seigneur d'Aminno et Fulkila. Я немедленно отправилъ требуемое полномочіе; но, такъ какъ, при поспѣшности, съ какою оно было составлено, чтобы не заставить курьера ждать, я упустилъ многое, то оно было возвращено мнѣ на слѣдующій день, 31-го Іюля, съ замѣчаніемъ, что я позабылъ назвать Императрицу Soeur. Король также сомнѣвался относительно того, не слѣ-

*) Англійскій и Прусскій.

дуетъ ли включить слова très-aimée, а потому онъ писалъ: «Voyez pour vous en assurer la ratification du traité de St-Barthélemy, qui se trouve sur ma table; vous verrez, si le roi de France et moi, nous ne nous donnons pas réciproquement ce titre. Frank ne vous a-t-il pas envoyé des modèles de pleins-pouvoirs? Je lui en avais écrit au mois d'Avril. Aujourd'hui à 3 heures se fera, à ce que je crois, entre les avant-postes de Werèle l'entrevue entre les barons d'Armfelt et d'Igelström. Je suis encore incertain, si je reviendrai avant la nuit. Peipola, ce 31 Juillet 1790. Gustave. Il faut ajouter une copie, car c'est la copie qui est montrée, et on n'échange les pleins-pouvoirs que lorsque les copies sont approuvées».

Курьеры, пріѣзжавшіе въ это время ежедневно ко мнѣ отъ короля, возбуждали на «Амфіонѣ» очень тягостное для меня любопытство, которому я не могъ удовлетворить. Меня осаждали вопросами; я же, къ общему неудовольствію, давалъ уклончивые отвѣты. Чтобы писать спокойно, я помѣстился въ собственномъ салонѣ короля; но старый генералъ Поллетъ, которому было разрѣшено занять такъ называемую спальню королевы, долженъ былъ проходить черезъ эту комнату, и разъ онъ очень разсердился, когда я, при его приближеніи къ моему столу, прикрылъ чистою бумагою то, что̀ я писалъ. Онъ не могъ совладать съ своимъ гнѣвомъ по поводу недовѣрія, которое я ему оказывалъ. Я совѣтовалъ ему пожаловаться на меня королю, что̀ онъ въ сердцахъ и обѣщалъ исполнить, но успокоившись, не нашелъ нужнымъ сдѣлать.

Открывшаяся между баронами Армфельтомъ и Игельстромомъ переписка имѣла своимъ послѣдствіемъ ихъ свиданіе. Объ этомъ король сообщилъ мнѣ слѣдующимъ письмомъ: «La conférence a eu lieu, et je vous ordonne de venir sur-le-champ vous rendre ici. Il faut vous munir de tous vos papiers et des habits convenables. Vous direz mystérieusement qu'il ne s'est agi que du cartel des prisonniers et d'aucune autre chose. On a exigé cela. Au camp de Werèle, ce 1 Août 1790. Gustave. Dites à Möllersvärd, à Griel et à Runge, ainsi qu'au petit Turc, qu'ils viennent».

Эта записка, какъ видно, была составлена въ болѣе повелительномъ, чѣмъ обыкновенно, тонѣ. Тутъ король первый разъ употребилъ по отношенію ко мнѣ слово *ordonner*; но обстоятельства благопріятствовали скорому заключенію мира, и надежда на таковой способна была привести его въ экзальтированное состояніе. Рунге состоялъ лейбъ-хирургомъ короля, а маленькій Турокъ, Мегемедъ, былъ взятъ въ плѣнъ при Свенскзундѣ, на кораблѣ принца Нассаускаго. Сопровождая своего отца, который былъ имамомъ, онъ въ морскомъ сра-

женіи при Очаковѣ попался въ плѣнъ Русскимъ; принцъ Нассаускій обходился съ нимъ, какъ съ роднымъ сыномъ. Онъ научился понимать и немного говорить пофранцузски. У короля онъ нашелъ такой же добрый пріемъ. Послѣ мира, его причислили къ королевскимъ пажамъ, но оставили ему Турецкій костюмъ; впослѣдствіи онъ былъ отправленъ для образованія въ Упсалу, но къ наукамъ у него не оказалось особенной охоты. Затѣмъ онъ былъ возвращенъ въ Константинополь въ числѣ около 60 другихъ Турокъ, взятыхъ въ плѣнъ на Черномъ морѣ и отосланныхъ въ Петербургъ, чтобы служить гребцами на Русскомъ флотѣ, дѣйствовавшемъ въ Финскомъ заливѣ. Эти Турки немало обрадовались своему избавленію изъ плѣна оружіемъ союзника ихъ султана. Королевскій секретарь Окербладъ, долго проживавшій въ Константинополѣ, гдѣ онъ въ совершенствѣ научился Турецкому, Арабскому и другимъ восточнымъ языкамъ, и случайно находившійся послѣ битвы при главной квартирѣ, былъ ихъ переводчикомъ.

Когда я прибылъ въ Вѣреле, мирные переговоры уже начались, и король получилъ письменный рапортъ отъ барона Армфельта о его первой конференціи съ барономъ Игельстромомъ, по поводу чего онъ написалъ барону слѣдующее письмо, изъ котораго можно видѣть, съ какими намѣреніями со стороны короля эти переговоры начались. Я нашелъ это въ собраніи писемъ короля, хранящихся у старшаго сына барона Армфельта,

«Au camp de Werèle, ce 2 Août 1790, à 6 h. et ¼ apr. m. J'arrive dans ce moment, et j'ai trouvé les papiers que vous m'avez laissés. Comme vous êtes à la conférence, je me hâte de vous écrire ces lignes. Je ne m'arrête pas sur les mots qui contiennent l'acte que vous m'avez envoyé. Je vous en parlerai plus au long. Je vous dirai simplement, que j'y trouve omis trois articles essentiels, celui des Turcs, celui de la frontière, et celui des déserteurs et traîtres. Je ne vous parlerai pas de la frontière; vous savez sur cela mes intentions, et je suis trop fatigué de la course que l'algarade du prince de Nassau m'a fait faire, pour me donner cette peine. Vous avez d'ailleurs sur cela mes instructions. Mais ce sont les Turcs dont il est question; puisque c'est sur eux que se fonde la base du traité. Je ne puis faire la paix qu'en rapellant leur intérêt, et quelque envie que j'en ai, mon honneur me le défend, la bonne foi le défend, la sainteté de l'observation de ma parole le défend; enfin l'interêt, que j'ai de convaincre l'Imperatrice de la rigidité que j'ai à tenir mes engagements, le défend. Vous savez ce que je pense d'eux; mais j'aime mieux qu'on dise un jour dans l'avenir: «Gustave III fut abandonné, trahi même de son allié après avoir tout fait pour lui», qu'on dise: «Gustave III,

après avoir exposé sa vie et son trône pour la Porte sans avoir de traité, abandonna les Ottomans, quand il leur avoit engagé sa parole». J'ai trop fait pour ne pas achever, et lorsque je me prête autant que je le puis aux désirs de l'Impératrice en arrangeant l'article, comme je l'ai proposé, je dois m'attendre; si elle veut sincérement la paix, qu'elle se prête à son tour. Vous avez vu vous-même, que le ministre d'Espagne l'avoit obtenu au mois de Juin. Pourquoi ne le veut-on pas au mois d'Août? Enfin cela est tellement nécessaire que c'est sine qua non. Je sais fort bien le prix que je dois mettre à l'amitié de ces marabouts, mais aussi c'est le terme de mes engagements avec eux, et après cela je m'en crois quitte. Mais dussai-je périr, fussai-je aux termes mêmes où j'étois en 1788, je me laisserois detrôner plus tôt que de rien faire qui seroit contre mon honneur. Je suis sûr que l'Impératrice penseroit dans le même cas comme moi, et je suis bien son cousin. D'ailleurs ma situation est bien différente de ce qu'elle étoit en 1788, et vous avez gardé un papier que je vous laissai à mon départ, qui vous prouve, que je suis en tout en état de continuer la guerre, si véritablement je n'avois une extrème envie de la paix, surtout après ce que vous m'avez dit des sentiments particuliers de l'Impératrice. Je suis las d'avoir à faire avec des ministres gouvernants et des rois plus faibles qu'eux, et vous savez, que j'ai toujours souhaité d'avoir pour alliée une parente, que j'ai aimé et admiré; mais rien ne me fera désister des points où mon honneur et ma gloire sont attachés, et les Turcs en sont malheureusement inséparables. Je vous écris ces lignes pour vous dire, non pas de ne point céder sur cet article, mais d'y insister comme essentiel et préliminaire à tous les autres. L'article des déserteurs et traîtres est également essentiel. Je ne vois pas pourquoi on ne veut pas l'y mettre. Il se trouve dans tous les traités, dans celui de Stolbova de 1617, de Cardis du règne de Charles XI (j'ai oublié l'année), de Neustadt et méme d'Abo. Je vous parlerai des frontières après. Cela est inutile dans ce moment, car le premier est l'article des Turcs. Sans cela point de moyen de s'approcher, puisque les affaires d'honneur sont au-dessus des affaires d'intérêt. Heureusement l'honneur de l'Impératrice n'est pas compromis en m'acceptant pour médiateur, mais le mien l'est beaucoup en abandonnant et oubliant les Turcs.

Gustave».

Императрица вовсе не желала допустить вмѣшательство короля Шведскаго въ ея споры съ Турціею, а король также не хотѣлъ отказаться отъ намѣренія стать посредникомъ примиренія Россіи съ Оттоманскою Портою. Эти взаимно-противоположные и непримиримые интересы чуть не привели къ прекращенію переговоровъ. Еще 12 Ав-

густа въ конфиденціальномъ предписаніи барону Армфельту король настоятельно требовалъ, чтобы предложенное имъ посредничество было принято; но при томъ онъ настолько желалъ возстановленія мира и такъ опасался прекращенія переговоровъ, что 4-й пунктъ этого предписанія былъ изложенъ слѣдующимъ образомъ: «Le roi recommande définitivement au baron d'Armfelt, de la manière la plus expresse, de ne point rompre la négociation, et s'il ne peut rien obtenir de tous les points ci-dessus détaillés, de se réserver une conférence ultérieure demain, pour sauver la rupture entière des négociations». Но, не смотря на то, что Шведскій уполномоченный дѣйствительно сдѣлалъ видъ, что желаетъ прекратить переговоры, и уже удалился съ конференціи, этотъ угрожающій шагъ не вызвалъ никакой уступки со стороны барона Игельстрома, который руководствовался точно-опредѣленными предписаніями. Поэтому король, желая непремѣнно заключить миръ безъ вмѣшательства другихъ державъ, вынужденъ былъ дозволить подписать трактатъ уже по прошествіи двухъ дней, т.-е. 14 Августа, согласно съ Русскимъ проектомъ, который однако подвергся многимъ измѣненіямъ противъ своей первоначальной редакціи. До этого времени совѣщанія происходили негласно и устно между обоими уполномоченными, причемъ *Шведскій ежедневно сообщалъ объ ихъ результатахъ своему монарху* и получалъ отъ него предписанія относительно способа и условій ихъ дальнѣйшаго веденія; теперь же, когда такимъ образомъ по всѣмъ отдѣльнымъ пунктамъ состоялось соглашеніе, окончательное рѣшеніе состоялось при обоюдномъ протоколѣ (protocol in duplo), который писался *съ одной стороны мною,* какъ назначеннымъ при заключеніи мирнаго договора *секретаремъ,* и съ другой—секретаремъ отъ Русскаго департамента иностранныхъ дѣлъ, ассесоромъ де-Каудеръ (de Couder). На этой конференціи, гдѣ совершенъ былъ формальный обмѣнъ полномочій договаривающихся, улаживались еще отдѣльныя выраженія, требовавшія, казалось, большей ясности, и послѣ того, какъ я въ самой совѣщательной палаткѣ переписалъ на-бѣло одинъ экземпляръ мирнаго трактата, оба были подписаны уполномоченными. Было одинаково важно для обѣихъ договаривающихся державъ сохранить въ тайнѣ производившіеся и теперь оконченные переговоры и спѣшить ратификаціею подписаннаго трактата; близость же Петербурга устраняла всякое замедленіе, такъ что потребовалось лишь нѣсколько дней для исполненія этого послѣдняго обряда. Поэтому я сейчасъ же началъ со всею возможною тщательностью и вычурностью писать на пергаментѣ тотъ экземпляръ трактата, который долженъ былъ при обмѣнѣ быть переданъ Русскому правительству съ ратификаціею короля. Во время этой работы, производившейся въ

одной изъ четырехугольныхъ, собственныхъ палатокъ короля и продолжавшейся нѣсколько дней, онъ часто входилъ ко мнѣ, выражалъ свое одобреніе работѣ, и иногда приводилъ и нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ, чтобы показать имъ ее.

При скрѣпленіи (contresignation) полномочій возникло затрудненіе. Со стороны Россіи оно было произведено вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ, со стороны же Швеціи у короля не оказалось никого, кромѣ меня, единственнаго находившагося на лицо его кабинетнаго секретаря. Но готовность къ заключенію мира была у Императрицы такъ сильна, что то, что̀ при другихъ обстоятельствахъ представляло бы великую трудность, теперь было устранено краткимъ объясненіемъ Шведскаго уполномоченнаго, что невозможно найти здѣсь въ Финляндіи для скрѣпленія полномочія кого-либо соотвѣтствующаго по рангу Русскому вице-канцлеру, причемъ было прибавлено, что, по государственному устройству Швеціи, въ подобныхъ случаяхъ скрѣпленіе не представляется актомъ рѣшительной необходимости. Такой отвѣтъ на письменный по дѣлу запросъ былъ признанъ удовлетворительнымъ, потому что желали скорѣйшаго достиженія цѣли.

Слухъ о начавшихся между баронами Армфельтомъ и Игельстромомъ переговорахъ проникъ въ Стокгольмъ и очень поразилъ Англійскаго и Прусскаго министровъ, которые не довѣряли объясненію Шведскаго министерства, что совѣщанія касались лишь картеля. Они подали ноты, настойчиво добиваясь продолженія войны до тѣхъ поръ, пока ихъ монархи могли бы содѣйствовать къ заключенію выгоднаго для Швеціи (т.-е. для нихъ самихъ) мира, давая новыя обѣщанія поддержки и помощи и прося рѣшительнаго отвѣта. Пока переговоры о мирѣ находились въ неопредѣленномъ положеніи и результатъ ихъ былъ неизвѣстенъ, король не могъ дать требуемаго объясненія; оставить ноты безъ отвѣта было также неудобно. Въ данномъ затруднительномъ положеніи онъ рѣшился сообщить черезъ меня, что курьеръ, съ которымъ требуемыя ноты будто были отправлены, имѣлъ несчастіе потерять свои депеши; тогда потребовали копіи со всего, что̀ онъ долженъ былъ привезти. Но прежде, чѣмъ таковыя поспѣли дойти до своего назначенія, договоръ о мирѣ былъ не только подписанъ, но и ратификаціи обмѣнены.

На ратификаціи короля значилось число 19 Августа (т.-е. 18-я годовщина государственнаго переворота 1772 года). Когда въ палаткѣ, гдѣ я писалъ мирный договоръ, онъ подписалъ его, стоя у окна, и передалъ мнѣ перо, то я обтеръ послѣднее и сказалъ: «это я сохраню, какъ память объ одной изъ важнѣйшихъ эпохъ царствованія вашего величества». Оно у меня хранится и теперь. На слѣдующій день,

20 Августа, произведенъ былъ обмѣнъ ратификацій съ большою торжественностью. Для этого Шведы и Русскіе вмѣстѣ выстроили между обѣими арміями изящно-отдѣланный открытый круглый павильонъ съ 8-ю колоннами. Онъ долженъ былъ представлять храмъ Согласія или Дружбы; на фронтонѣ виднѣлись щиты съ сплетенными вмѣстѣ иниціалами короля и Императрицы *). По обѣимъ сторонамъ возлѣ храма было раскинуто по просторной палаткѣ, одна для Шведскаго, другая для Русскаго уполномоченнаго. Каждый изъ нихъ вышелъ изъ своей палатки въ одно время и съ одинаково-многочисленною свитою адъютантовъ и кавалеровъ посольства; одинъ изъ коихъ несъ передъ каждымъ уполномоченнымъ мирный трактатъ въ бархатномъ переплетѣ, съ большою восковою государственною печатью въ серебряной оправѣ. По прибытіи въ храмъ, договоры были отданы кавалерами, несшими ихъ, обоимъ секретарямъ, которые въ свою очередь передали ихъ уполномоченнымъ, производившимъ обмѣнъ, причемъ, по сигналу ракетъ, въ обоихъ лагеряхъ раздались залпы изъ пушекъ и мушкетовъ. Безчисленная толпа зрителей окружила храмъ, и въ этой толпѣ находился инкогнито и самъ король, въ коричневомъ сюртукѣ и круглой шляпѣ съ широкими полями. Затѣмъ Русскій уполномоченный пригласилъ Шведскаго съ его свитою осмотрѣть Калмыковъ, Башкирцевъ, казаковъ, гусаръ и пѣхоту, составлявшихъ его караулъ, послѣ чего оба уполномоченные прошли черезъ Русскую палатку въ Шведскую, гдѣ баронъ Игельстромъ заявилъ желаніе раздать присланные къ данному случаю Императрицею подарки, снабженные этикетами о ихъ назначеніи. Баронъ Армфельтъ получилъ усыпанную брилліантами табатерку съ портретомъ Государыни и 300 дукатами; я—такую же табатерку, но безъ портрета, и тысячу дукатовъ; генералъ-маіоръ Паули, полковникъ Геранъ Іегергорнъ, полковникъ баронъ Стремфельтъ, полковникъ баронъ Ливенъ—каждый по табатеркѣ съ брилліантами; камеръ-юнкеръ Мёллерсвёрдъ брилліантовый перстень, и адъютанты Армфельта, капитаны баронъ Сталь-фонъ-Гольстейнъ и Мейергельмъ каждый по перстню и золотой табатеркѣ. Тысяча дукатовъ

*) Утромъ того дня къ пріему короля явился, въ сопровожденіи Русскаго генералитста, генералъ Игельстромъ, съ орденомъ Андрея Первозваннаго, который ему пожаловала Императрица, и онъ теперь надѣлъ его въ первый разъ. Генералы были приглашены къ королевскому обѣду, и баронъ Игельстромъ сидѣлъ на право возлѣ короля. За тремя другими столами помѣстились адъютанты генераловъ и прочіе Русскіе офицеры. Въ половинѣ 5-го пополудни баронъ Армфельтъ отправился въ каретѣ, запряженной шестеркой лошадей цугомъ, къ своей палаткѣ у храма, въ сопровожденіи свиты изо ста всадниковъ.

была роздана свитѣ и прислугѣ барона Армфельта. Баронъ Армфельтъ объяснилъ, что, по причинѣ отсутствія короля изъ Стокгольма, его величество теперь не можетъ передать свои подарки, но что уже сдѣлано распоряженіе о ихъ немедленномъ доставленіи. Но это посѣщеніе Шведскій уполномоченный сейчасъ же отвѣчалъ со своей свитой посѣщеніемъ въ Русской палаткѣ. Насъ тогда Русскіе офицеры чуть не задушили объятіями. Радость по случаю окончанія войны была одинакова какъ въ Шведскомъ, такъ и въ Русскомъ лагерѣ. Она раздѣлялась даже Русскими солдатами, приходившими толпами въ Шведскія солдатскія палатки. Оба лагеря теперь, казалось, составляли одинъ. Національная вражда, повидимому, совершенно изгладилась.

На слѣдующій день послѣ этой церемоніи, утромъ на пріемѣ, опять представились королю, по его приглашенію, Русскій генералитетъ и главные офицеры Русской арміи; всѣ они были приглашены на королевскій обѣдъ, сервированный на сто персонъ, въ особо для того раскинутой обширной палаткѣ, соединенной съ остальными четырьмя королевскими шатрами. Послѣ аудіенціи и до обѣда иностранные генералы сопровождали верхами короля на смотръ выстроившемуся парадно Шведскому войску. Затѣмъ было отслужено молебствіе передъ фронтомъ, пропѣли торжественное Te-Deum по случаю заключенія мира и данъ былъ залпъ изъ пушекъ. Послѣ того король объявилъ о пожалованныхъ имъ наградахъ и производствахъ, при чемъ не были лишены милости и тѣ офицеры, кои въ 1788 году подписали актъ въ Аньялѣ, если они только, по рапортамъ начальства, отличились на полѣ брани. Въ обоихъ походахъ ясно было видно, что король старательно пользовался каждымъ представлявшимся случаемъ, чтобы доказать имъ, что онъ позабылъ о ихъ проступкѣ. Мнѣ помнится, какъ однажды, во время похода 1789 года, когда я осмѣлился напомнить ему объ одномъ офицерѣ артиллеріи, особенно отличившемся 1-го Сентября при отступленіи изъ Гёгфорса, и лично извѣстномъ королю за свою приверженность къ нему, онъ отвѣчалъ: «Я знаю, что онъ велъ себя отлично и достоинъ награды; я также знаю его образъ мыслей относительно меня; но именно по этому я теперь принужденъ обойти его, дабы не показалось, что я дѣйствую пристрастно. Я награждаю своихъ недруговъ, но не забываю своихъ друзей и буду, конечно, имѣть его въ памяти»...

22-го Августа Шведскіе генералы и полковые командиры посѣтили генерала Игельстрома и прочихъ Русскихъ военачальниковъ и присутствовали при торжественномъ пѣніи молебствія въ Русскомъ лагерѣ.

Я долженъ признаться, что, насколько я былъ недоволенъ началомъ войны, средствами, употребленными для ея подготовленія, и претензіями, выраженными въ манифестѣ короля изъ Гельсингфорса, которыя въ Швеціи, какъ и во всей Европѣ, показались чрезмѣрными и дѣйствительно были таковыми,—настолько же я не могъ одобрить того рвенія, съ какимъ въ данное время король домогался мира и которымъ Русскій кабинетъ очень ловко воспользовался, чтобы предписать мирныя условія по своему желанію, безъ малѣйшихъ уступокъ съ своей стороны. Я съ досадою видѣлъ, что, благодаря безпорядочному хозяйничанію Финскаго военнаго коммиссаріата съ средствами, потребными для новаго похода (который, по всей вѣроятности, имѣлъ бы болѣе рѣшающее въ пользу Швеціи значеніе) король былъ вынужденъ заключить миръ; но я бы хотѣлъ, чтобы онъ не такъ явно обнаруживалъ свое желаніе окончить войну. Безчестное въ отношеніи къ нему поведеніе Англіи и Пруссіи также вліяли на готовность заключить миръ; но главнымъ образомъ способствовала этому разразившаяся во Франціи революція, которая, какъ онъ предвидѣлъ, произведетъ большое потрясеніе въ Европѣ, если не предупредить во время ея вреднаго вліянія, а для этого необходимо было возстановленіе дружбы и довѣрія между всѣми воюющими державами, чтобы онѣ для общей цѣли могли дѣйствовать сообща и соединенными силами. Къ мотивамъ обнаружившейся у короля сильной склонности къ миру нельзя не причислить и того, что ему очень наскучили военные труды и неудобства. Тяжелыя заботы, которыя онъ перенесъ за послѣдніе три года, исчерпали его терпѣніе и вызвали въ немъ нерасположеніе къ измѣнчивымъ случайностямъ войны. Послѣ подписанія мирнаго трактата, я ему разъ сказалъ: «Теперь, въ силу обстоятельствъ и, можетъ быть, вопреки природнымъ наклонностямъ, Ваше Величество стали военнымъ королемъ; слѣдовательно Вашему Величеству, вѣроятно, придется отнынѣ больше, чѣмъ прежде, заняться военнымъ обученіемъ арміи, чтобы поддерживать тотъ духъ, который теперь въ ней пробудился и который, впрочемъ, такъ соотвѣтствуетъ характеру народа». На это онъ отвѣчалъ, улыбаясь: «Нѣтъ, милостивый государь, очень вамъ благодаренъ! Съ меня довольно военнаго грохота, истиннаго или вымышленнаго; я вполнѣ насытился имъ. Теперь мнѣ хочется отдохнуть. Можетъ быть, я когда-нибудь прикажу одной или двумъ дивизіямъ канонеровъ двинуться въ Мэларнъ и проманеврировать около Дротнинггольма. Voilà tout».—«Но», возразилъ я, «если несогласно съ наклонностями Вашего Величества содержать войско въ постоянномъ упражненіи и заботиться о всегдашней его боевой способности, то это все же окажется необходимымъ въ интересахъ

сына и наслѣдника Вашего Величества, о спокойномъ царствованіи котораго вамъ, какъ отцу и королю, слѣдуетъ имѣть попеченіе».—«О!» сказалъ онъ въ отвѣтъ, «каждый пусть заботится о себѣ; у моего сына свой умъ въ головѣ, какъ и у меня. Когда онъ вступитъ на престолъ, то пусть слѣдуетъ своему разуму и своимъ наклонностямъ. Какъ вы полагаете, много ли Карлъ XI думалъ о своемъ сынѣ, собирая деньги въ свою казну? О нѣтъ, онъ только заботился о своемъ обогащеніи». Меня совсѣмъ не утѣшили такіе взгляды, но я приписалъ ихъ скорѣе случайному, веселому настроенію, чѣмъ твердо установившемуся убѣжденію.

Начавшіеся переговоры были очень непріятны для извѣстной партіи въ Россіи и въ особенности для принца Нассаускаго, который не могъ примириться со стыдомъ своего пораженія и хотѣлъ блестящимъ образомъ отомстить за это остатками своего флота, въ виду чего онъ въ Фридрихсгамѣ и Выборгѣ началъ очень усердныя приготовленія. Въ этомъ ничто ему не мѣшало, такъ какъ Императрица вела переговоры въ самой строгой тайнѣ и скрывала ихъ отъ всѣхъ дѣйствовавшихъ противъ Швеціи военачальниковъ арміи и флота. Они, такимъ образомъ, имѣли полную возможность продолжать свои вооруженія и военныя операціи. Въ день подписанія мирнаго трактата королю было сообщено, что Русскій военный флотъ намѣревается предпринять что-то противъ Финскаго прибрежья, почему я получилъ приказъ составить слѣдующее письмо, которое, за подписью барона Армфельта, было отослано генералу Игельстрому: On vient d'apprendre dans ce moment que l'amiral Kruse est sorti avec une escadre pour une opération particulière sur nos côtes, et comme l'escadre de S. M-té l'Impératrice, stationnée à Reval, pourroit bien sortir dans le même dessein, et les escadres du roi, tant de la grande que de la petite flotte, ont déjà eu ordre de faire cesser toutes hostilités, je m'empresse de faire savoir à v. exc. cet incident, afin qu'elle puisse être à même de prendre quelque arrangement, par lequel on pourroit prévenir, s'il en est temps encore, des opérations hostiles, si contraires à l'ouvrage salutaire que nous venons de consommer aujourd'hui. Je prends la liberté de proposer à v. exc. s'il n'était pas convenable qu'elle envoyât des notices de la signature de la paix à l'amiral Tschitschagoff, ainsi qu'a l'amiral Kruse, qui pourroient leur être portées par deux officiers russes, dont l'un auroit la liberté de passer à Reval par Sveaborg, et l'autre pourrait aller à Hangö, afin de parvenir d'autant plus vite à leur destination. Il n'est pas à supposer qu'on veuille persister à continuer les calamités de la guerre,

dans un moment où nous sommes assez heureux pour avoir pu les changer en une paix stable et solide.

Два дня послѣ подписанія мира, 16 Августа, король отправился изъ Вереле въ Свенскзундъ, чтобы проститься съ флотомъ, которымъ онъ командовалъ. Послѣ обѣда, 17 числа, всѣ офицеры флота и береговыхъ отрядовъ собрались на «Амфіонѣ», и король въ прекрасной рѣчи выразилъ свое одобреніе мужеству, оказанному ими на войнѣ. Начальство надъ флотомъ было поручено полковнику Фрезе; когда король уѣхалъ со своей яхты, его шлюпку гребли девять офицеровъ, всѣ кавалеры ордена Меча (Svärdsorden). При прибытіи въ Кюменегордъ его величество встрѣтили на пристани командующій генералъ Мейерфельдъ съ офицерами расположеннаго тамъ войска. По возвращеніи въ Вереле, король былъ очень доволенъ всѣми привѣтствіями, оказанными ему во время этой поѣздки арміею и флотомъ. Теперь его положеніе сильно отличалось отъ того, которое онъ, въ одномъ изъ напечатанныхъ писемъ къ барону Армфельту изъ Ловизы отъ 29 Сентября 1789 года, охарактеризовалъ слѣдующею припиской: «Gustave, *Roi*, car à cette heure l'année passée à Carlstad je ne croyois pas l'être quinze jours». Теперь онъ былъ королемъ въ полномъ смыслѣ слова и притомъ королемъ-побѣдителемъ надъ внѣшними и внутренними врагами, но, кромѣ того (благодаря своимъ чарующимъ личнымъ качествамъ) человѣкомъ, вызывающимъ къ себѣ любовь, съ сердцемъ, чуждымъ чувствъ ненависти и мести.

23 Августа, поздно вечеромъ, король отбылъ изъ Вереле черезъ Тавастгузъ въ Або, чтобы переправиться въ Швецію.....

Война теперь окончилась. Можетъ быть для короля самого и для государства было бы лучше, еслибы она никогда и не начиналась. Прямая, существенная цѣль ея не достигнута: Оттоманская Порта предоставлена была на произволъ судьбы, и границы Швеціи съ Россіею остались безъ измѣненія. Военный флотъ въ значительной части уничтоженъ, людей погублено множество, и государство впало въ огромные долги. Единственная выгода отъ этой войны было возстановленіе военной чести Швеціи, которая послѣ смерти Карла XII-го была такъ запятнана, что ее можно было считать совсѣмъ потерянною. Въ обоихъ послѣднихъ походахъ Шведскія войска, на сушѣ и на морѣ, дрались съ отвагою и мужествомъ, а также и съ успѣхомъ вездѣ, гдѣ король лично предводительствовалъ ими. Шведское оружіе, нѣкогда внушавшее страхъ, въ послѣднее же время лишь презрѣніе, теперь снова дало о себѣ знать съ выгодной стороны. Болѣе не было сомнѣнія относительно того, что сохранилась еще старинная доблесть націи. Внутренняя рознь казалась подавленною, послѣ того какъ огромное

большинство народа сплотилось около своего короля съ любовію, преданностью, восхищеніемъ и довѣріемъ. Но что король самъ былъ недоволенъ этою войною, которую онъ всегда приписывалъ совѣтамъ генерала Толя, явствуетъ изъ его откровеннаго письма къ барону Армфельду, изъ Кюменегорда отъ 19 Августа 1789 г., гдѣ онъ, по поводу приказа королевскаго правительства этому генералу отправиться въ Карльскрону, высказалъ слѣдующее: «Je suis surtout content que vous avez prescrit des bornes à cet homme. Qu'il reste à Carlscrona, pourvu qu'à Stockholm et à ma cour on l'oublît. Hélas, que ne puis-je aussi aisément l'oublier! Mais pour le malheur de ma vie, cela ne sera pas possible. C'est ses conseils funestes, qui m'ont fait perdre le repos de ma vie; c'est lui, qui me séduisit à assembler les états de 1786, unique cause du renversement de la constitution, des troubles intérieurs de la cour, de la guerre et de la destruction de la société la plus agréable, dans laquelle je vivais heureux, et que je ne retrouverai plus».

III. Письма графа А. А. Безбородки къ барону (графу) О. А. Игельстрому.

I.

Милостивый государь мой баронъ Осипъ Андреевичъ *).

Не умедлилъ я нимало представить Ея Императорскому Величеству письмо вашего п—ва. Оставивъ въ силѣ прочіе резоны удерживающіе васъ отъ атаки, какъ и дѣйствительно основанные на осторожности необходимо нужной, Ея Величество соизволила слушать, что посылка Гишпанскаго офицера и ожиданіе отвѣта не должны отнюдь остановлять теченіе дѣлъ воинскихъ и исполненіе предпріятій вашихъ; ибо, зная короля Шведскаго, можно сказать навѣрное, что онъ послѣ удара ему нанесеннаго еще податливѣе окажется. Ваше пр—во въ перепискѣ по сему дѣлу можете тамъ употреблять Французскій языкъ; можете и директору своей канцеляріи приказать писать порусски ваши депеши. Словомъ, остается все то въ полной вашей волѣ. Есмь съ совершеннымъ почтеніемъ вашего пр—ва покорнѣйшій слуга графъ

А. Безбородко.

Въ С.Петербургѣ,
Апрѣля 3-го 1790.

*) Въ слѣдующихъ письмахъ обычныя начала и окончанія опускаются. П. Б.

2.

По моей искренней къ вамъ привязанности долгомъ поставляю изъясниться здѣсь съ вашимъ п—вомъ, что по нѣкоторымъ признакамъ наклонность у короля Шведскаго обратиться на умъ окончить войну, для него еще болѣе нежели для насъ тягостную. Гишпанскій посланникъ кавалеръ Галвецъ рѣшился сдѣлать ему безпосредственное внушеніе, имѣя отъ двора своего сильное приказаніе стараться о мирѣ. Ежели его совѣты пойдутъ въ дѣло, то намѣреніе Ея Императорскаго Величества есть кончить всю негоціацію скоро и тихо, уполномоча васъ, да съ вами еще кого-либо, заключить и подписать трактатъ. Сего довольно, чтобъ ваше п—во по тому свои поступки размѣрили; но впрочемъ Государыня увѣрена, что операціи военныя за переговорами и пересылками не оставлены и непріятель не выиграетъ времени. О письмѣ Ея Величества къ вамъ кромѣ г. вице-канцлера и меня никто не знаетъ, и потому я буду просить васъ, м. г. мой, о мирномъ дѣлѣ запечатанную реляцію и впредъ случающіяся присылать при письмахъ ко мнѣ подъ видомъ донесеній вашихъ по губерніямъ. Весьма бы хорошо было, ежели бы можно такъ успѣть, чтобъ наши завистники и потаенные непріятели тогда узнали, когда вы миръ подпишете. Курьеръ Гишпанской хотя и сказано въ письмѣ, что ѣдетъ съ симъ, но я разсудилъ, въ отъятіе подозрѣнія, послать къ вамъ съ письмомъ Ея Величества тутъ вложеннымъ другаго отъ себя.

Въ С.-Петербургѣ,
Апрѣля 6-го 1790.

3.

По случившимся со стороны Шведской перемѣнамъ замедлилось наше отправленіе по сей день. Оное теперь в. п—во получите чрезъ г. ассессора Кудера, котораго Ея Императорское Величество указала отправить къ вамъ для исправленія дѣлъ и переписки по ввѣренной вамъ негоціаціи. Посылка его сдѣлана сколько можно секретнѣе и подъ видомъ обыкновеннаго курьера, дабы сокрыть дѣло отъ всѣхъ, наипаче же отъ домашнихъ союзниковъ короля Шведскаго. В. п—во найдете всѣ пособія въ доставленныхъ вамъ бумагахъ къ благополучному окончанію служенія важнаго на васъ возложеннаго, естьли только податливость на то будетъ хотя нѣсколько искренняя со стороны Шведской.

Осталось мнѣ сказать еще здѣсь въ дополненіе, что касательно настоянія барона Армфельда о коммерческомъ трактатѣ, тоже и о союзѣ, вы, м. г. мой, искуснымъ образомъ можете отвести его къ тому, что подобныя связи по обсылкѣ посольствомъ взаимнымъ удобнѣе распоряжены будутъ, какъ отчасти то въ актѣ и сказано.

Копію Абовскаго трактата при семъ посылаю. Вручителя сего, какъ человѣка весьма дѣльнаго и умнаго и у насъ въ самыя важнѣйшія исправленія допущеннаго, поручаю въ милость вамъ. Полную мочь, поелику нужно было заготовить и запечатать секретно, то мы съ г. вице-канцлеромъ и поручили г. Кудеру то самолично исполнить и вашему превосходительству вручить особо.

Въ Царскомъ Селѣ,
26-го Іюля 1790.

4.

Ссылаяся на содержаніе указа Ея Императорскаго Величества къ в—му п—ву посылаемаго, я считаю по надменности короля Шведскаго, что ваша негоціація на сей часъ остановится безъ дѣйствія; но какъ легко случиться можетъ, что силою оружія или другими способами король образумленъ будетъ, то в. п—во не изволите-ли г-на Кудера при себѣ удержать подъ видомъ надобности въ немъ для переписки иностранной, какъ-то и при многихъ изъ вышняго генералитета опредѣлены изъ нашего департамента люди.

Въ Рейхенбахѣ кажется дѣло кончено. Вѣнской дворъ принялъ за основаніе своего мира съ Портою statum in quo ante bellum и вслѣдствіе того обѣщалъ при мирѣ возвратить Портѣ всѣ почти завоеванія, кромѣ Хотина, который онъ у себя удержитъ, покуда наша война съ Турками продолжится, а тамъ по заключеніи нашего мира и его возвратитъ. Такимъ образомъ на сей разъ отвращенъ вопросъ о присвоеніи части Галиціи къ Польшѣ и о взятіи королемъ Прусскимъ Данцига и Торна. Польша ни на сію уступку, ниже на участіе въ войнѣ не пошла, и еще министру своему въ Царѣ-Градѣ Потоцкому послала строгій выговоръ, что̀ ему было завѣтомъ съ Портою обѣщаніями союза. Она все то велѣла, имѣя намѣреніе пребыть нейтральной, и дурачится по своему манеру.

Наши кондиціи съ Портою извѣстны уже союзникамъ, и въ той чертѣ, изъ коей конечно нечего упускать. Будетъ-ли же о чемъ шалунъ сосѣдъ нашъ заботиться, миръ будетъ и безъ его участія. Пускай мы не удержимъ завоеванія на его счетъ дѣлаемыя, но того уже онъ не возвратитъ, что̀ разорено или истреблено будетъ.

Англія и Пруссія ему предлагаютъ миръ на основаніи какъ до войны было. Какъ скоро онъ на сепаратную раздѣлку не согласится, мы опубликуемъ наши условія и сообщимъ другимъ дворамъ, кои конечно за него не вступятся.

Благодарю за милостивый пріемъ г-на Кудера.

Іюля 30-го 1790.

5.

Отвѣтное письмо Ея Императорскаго Величества къ королю Шведскому на его таковое же при семъ посылаю, которое в. п—во не соблаговолите-ль, по размѣнѣ ратификацій, вручить барону Армфельду, для доставленію его величеству, сказавъ, что оное получено съ другимъ курьеромъ?

Въ Царскомъ Селѣ,
Августа 6-го 1790 г.

6.

Полную мочь за малою печатью Шведскою и росписку г-на Армфельда при семъ посылаю, дабы в. п—во могли, получа другую за большею печатью, оную возвратить. Прилагаю тутъ же и переводъ ратификаціи. Есть ли у Шведовъ и не будетъ печати, все жъ она ратификація, а по нуждѣ хотя бы по лагерному пребыванію и не на пергаментѣ написана была, нѣтъ нужды.

Въ Царскомъ Селѣ,
6-го Августа 1790 г.

7.

Изъ удостоенныхъ в. п—вомъ чиновъ пожалованы: господа полковникъ Мерлинъ, Фризенъ, баронъ Стакельбергъ и Кудеръ орденами св. Владимира, первые третьей, а послѣдній четвертой степеней, и сверхъ того г-нъ Кудеръ въ надворные совѣтники, а господа Фризенъ и Стакельбергъ преміеръ-маіорами; оба ваши адъютанта и г-нъ Зильбергарнишъ произведены чинами.

Господа генералъ-маіоръ Бергманъ, бригадиръ Мамоновъ, полковникъ Миллеръ и гвардіи капитанъ-поручикъ Северинъ получаютъ отъ Ея Императорскаго Величества въ знакъ милости ея подарки, вещи, въ коихъ каждаго надписано имя.

При отдачѣ господамъ Шведскимъ чиновникамъ подарковъ я прошу в. п—во приказать вынуть ярлыки, чтобъ они отнюдь не знали

цѣны вещей и тѣ ярлыки послѣ ко мнѣ доставьте для отсылки въ Кабинетъ.

Въ Царскомъ Селѣ,
6-го Августа 1790 г.

8.

По случаю назначенія г. барону Армфельду ордена Св. Апостола Андрея, Ея Императорское Величество указать изволила дать знать в—му п—ву, что естьлибы, по принятіи означеннымъ барономъ того ордена, его величество король Шведскій собственнымъ своимъ подвигомъ восхотѣлъ почтить васъ своимъ первымъ орденомъ Серафимовъ, Ея Императорское Величество вамъ оный принять дозволяетъ.

9.

Поздравляю отъ искренняго сердца в. п—во добрымъ окончаніемъ мирнаго дѣла, которымъ вы превеликую оказали государству услугу. Чѣмъ болѣе сообразить настоящее дѣлъ положеніе, тѣмъ паче усматривается важность сего мира. Какіе бы ни были съ нашей стороны успѣхи, болѣе желать ничего не оставалось, а только наступило бы неудобство постороннихъ медіацій, кои и не замедлили бы по окончаніи нынѣ Рейхенбахскихъ переговоровъ.

Правда, что для Швеціи миръ еще нашего нужнѣе; но король, одинъ разъ запутавшись съ новымъ союзникомъ, запуталъ бы и дѣло на долгое время. Теперь въ томъ состоитъ надобность, чтобъ въ первыя минуты ничего не упустить удобнаго къ утвержденію мира, дружбы и добраго согласія. В. п—во хорошее положа начало внушеніями вашими, что отъ него зависитъ пріобрѣсть пріязненное расположеніе Ея Императорскаго Величества, постарайтесь утвердить оное вяще, обнадеживая, что время потребно къ прочнѣйшему всего укрѣпленію.

По 7-му артикулу мы сперва думали, что король рѣшится, дабы оба дворы обослались взаимными послами, и въ такомъ случаѣ полагали, что какъ отъ него наименована будетъ знаменитаго чина особа, то и со стороны здѣшней Государыня назначала васъ, буде бы вамъ то было не въ тягость; но какъ онъ теперь предполагаетъ отправить сюда генерала-маіора Стединга, то и мы, хотя еще не навѣрное, располагаемъ взаимно послать г. генерала-маіора барона Палена, котораго честность, скромность и многія другія добрыя качества порукою,

что онъ не сдѣлаетъ ничего, кромѣ должнаго старанія къ утвержденію дружбы.

В. п—во, говоря партикулярно съ Армфельдомъ и какъ отъ себя собственно, не оставьте сдѣлать увѣреніе, что и на пребываніе въ Стокгольмѣ присланъ будетъ министръ, который бы личнымъ свойствомъ тому же соотвѣтствовалъ, да и главнымъ пунктомъ его наставленія будетъ искать всѣми пристойными способами споспѣшествовать откровенности къ наилучшему согласію между государями. Наименованіе министровъ не замедлитъ.

Бархату кусокъ посылаю, изъ котораго можете послать королю сколько надобно.

Привѣтствуя вамъ наконецъ, м. г. мой, пожалованіемъ вамъ ордена Св. Андрея, могу увѣрить, что милость монаршая къ вамъ на семъ не остановится и что вы конечно удостоитесь вящимъ знакомъ ея благоволеній.

Въ Царскомъ Селѣ,
Августа 6-го 1790.

IV. Письма Екатерины Великой, относящіяся до Верельскаго мира.

1. Къ графу Салтыкову.

Графъ Иванъ Петровичъ. Проектъ отвѣта отъ генерала-поручика барона Игельстрома къ Шведскому генералу барону Армфельту при семъ посылаемъ, съ тѣмъ, чтобъ помянутый генералъ-поручикъ обыкновеннымъ порядкомъ оный доставилъ.

На случай, естьли бы баронъ Армфельтъ рѣшился имѣть свиданіе съ нимъ, или же бы прислалъ къ нему какого довѣреннаго человѣка, онъ долженъ ему прямо и ясно сказать, что касательно оставленія границъ на такомъ основаніи, какъ онѣ въ Абовскомъ договорѣ положены, условія наши суть крайнія, съ которыми ни малѣйшая перемѣна вмѣстна быть не можетъ; что мы конечно ни пяди земли изъ того не уступимъ; что ежели со стороны ихъ будутъ какія вопреки тому настоянія, то онъ отъ всякой переписки и переговоровъ отрицается, считая, что тогда обѣимъ воюющимъ державамъ надобно помышлять о четвертой компаніи. О семъ вы означенному генералу-поручику объявите. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Екатерина.

Свидѣтельствовалъ подполковникъ князь Салаговъ.

Въ Царскомъ Селѣ,
Іюля 9-го 1790 года.

2. Къ нему же.

Секретное.

Графъ Иванъ Петровичъ. Хотя самое содержаніе письма по волѣ нашей отправленнаго отъ имени генерала-порутчика барона Игельстрома къ Шведскому генералу барону Армфельту подаетъ уже достаточное объясненіе, на какомъ основаніи миръ съ королемъ Шведскимъ заключить мы готовы; для лучшаго однако наставленія барону Игельстрому прилагается у сего записка условій, которыя мы не инако, какъ самыми крайними полагаемъ. Онъ можетъ ихъ сообщить барону Армфельту и дозволить ему списать для донесенія государю его; и ежели сей послѣдній имѣетъ искреннее намѣреніе прекратить пролитіе крови человѣческой и отвращеніе отъ продолженія войны полезной для тѣхъ только, кои для достиженія своихъ корыстолюбивыхъ видовъ ею воспользоваться хотятъ, то, вѣдая наши безкорыстныя предложенія, можетъ дать помянутому генералу или кому онъ разсудитъ за благо полную мочь совершить дѣло скорымъ и краткимъ образомъ, такъ какъ и мы доставимъ съ нашей стороны къ тому же нужное полномочіе. Но буде король Шведскій думаетъ тутъ настоять на какія-либо уступки земли, или же на другія требованія нашему достоинству несогласныя, и именно примѣшивать войну съ Турками: въ такомъ случаѣ всякое сношеніе и переговоры будутъ излишнія, и мы съ прискорбіемъ должны будемъ въ охраненіе чести и безопасности нашей и государства нашего, положась на Промыслъ Божій, ожидать рѣшенія всему отъ жребія оружія. Сіе точно баронъ Игельстромъ долженъ будетъ объявить учтивымъ, скромнымъ и искреннимъ образомъ барону Армфельту, стараясь впрочемъ интересовать его къ успѣху дѣла славою участія въ ономъ и всѣмъ что́ личность его поощрить къ тому можетъ. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Екатерина.

Свидѣтельствовалъ подполковникъ князь Салаговъ.

Въ Царскомъ Селѣ, Іюля 17-го 1790 года.

Секретное *).

Мирныя наши условія съ Швеціею полагаются въ слѣд. артикулахъ:

1) Чтобъ миръ, спокойствіе, доброе согласіе и дружба пребывали вѣчно на твердой землѣ и на водахъ, и потому всѣ дѣйствія вездѣ прекращены быть долженствуютъ.

2) Границы обѣихъ державъ имѣютъ навсегда остаться какъ оныя по силѣ Абовскаго договора до разрыву и начатія настоящей войны были.

---

*) Ея Императорсквимъ Величестомъ апробовано въ Царскомъ Селѣ, Іюля 17-го дня 1790 года.

3) Въ слѣдствіе того войска долженствуютъ выведены быть каждою изъ воюющихъ державъ, буде имѣются, въ сторонѣ другой державы, въ полагаемой къ тому срокъ.

4) Плѣнные размѣнены и отпущены быть должны безъ выкупа и расчета за ихъ содержаніе, а каждый только собственные долги частнымъ людямъ заплатить обязанъ.

5) Артикулъ Абовскаго договора о салютѣ между кораблями и судами взаимными свято исполняемъ быть долженъ.

6) Ратификаціи государскія въ теченіи двухъ недѣль или и скорѣе размѣнены быть долженствуютъ.

Въ семъ состоитъ нашъ ультиматъ, изъ за котораго уже никакая перемѣна мѣста имѣть не можетъ, а при дальнемъ въ томъ упорствѣ, къ крайнему сожалѣнію, продолженіе войны неизбѣжно.

Графъ Александръ Безбородко.

Свидѣтельствовалъ подполковникъ князь Салаговъ.

3. Къ барону Игельстрому.

Господинъ генералъ-поручикъ баронъ Игельстромъ. Въ дополненіе преподаваемымъ вамъ наставленіямъ по негоціаціи вашей съ барономъ Армфельтомъ за нужное признали мы предписать здѣсь: *Первое.* Артикулъ второй мирнаго договора о границахъ вы можете распорядить и безъ упоминанія въ немъ Абовскаго трактата, а сказавъ только просто, что границы обѣихъ державъ имѣютъ навсегда остаться точно какъ до начатія настоящей войны онѣ были; но что̀ касается въ замѣнъ и прочаго, тутъ вносить не должно, а можете сослаться на артикулъ, которымъ полагается всякія по сосѣдству распоряженія предоставить когда оба дворы послѣ мира обошлются взаимными посольствами. *Второе.* Артикулъ о салютѣ можно также переписать отъ слова до слова изъ Абовскаго договора и не упоминая о семъ послѣднемъ точно внести оный. *Третье.* Срокъ шестидневный къ прекращенію военныхъ дѣйствій послѣ утвержденія мира положить ничто не препятствуетъ. *Четвертое.* Тринадцатый артикулъ изъ Абовскаго договора о выпускѣ хлѣба внести въ новый трактатъ можно, тѣмъ болѣе что сей выпускъ положенъ на случай урожаевъ, когда и безъ того хлѣбный торгъ всякими образы ободряется. *Пятое.* На противу того двадцатый артикулъ о выдачѣ бѣглыхъ, кои впредъ на обѣ стороны окажутся, неудобно отнюдь возобновлять, ибо сіе дало бы поводъ ко многимъ спорамъ и затрудненіямъ. *Шестое.* Учиненное барономъ Армфельтомъ прибавленіе относительно невмѣшиванія во внутреннія дѣла отнюдь невмѣстно и не сходствуетъ съ достоинствомъ государей давать на себя такія обязательства, которыя и безъ того

сами собою существуютъ, въ чемъ взаимная добрая вѣра обѣихъ державъ другъ друга обезпечивать долженствуетъ. *Седьмое.* Предлагаемая королемъ Шведскимъ медіація въ Турецкой войнѣ также невмѣстна, и къ отклоненію сего артикула вы можете учредить отзывы ваши на основаніи отвѣта, вице-канцлеромъ нашимъ къ королю Шведскому по волѣ нашей посылаемаго на письмо его, съ котораго копію вамъ сообщаемъ.

Учредя мирный договоръ на такомъ точно положеніи, старайтеся привесть оный къ концу и при упорствѣ и новыхъ затрудненіяхъ или затѣяхъ объявите барону Армфельту, что вы имѣете точное наше повелѣніе прервать вашу негоціацію и къ воинской командѣ отправиться. Пребываемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, 25-го Іюля 1790 года.

Si, malgré tout ce que je fais pour accélérer la paix, le roy de Suède se refusera à y accéder, je prends le Ciel à témoin qu'il sera lui seul responsable du nouveau carnage qui va recommencer.

V. Письма вице-канцлера графа Остермана къ барону Игельстрому.

1.

S-t Pétersbourg, ce 25 juillet 1790 *).

La lettre de votre excellence datée de Kovala du 21 de ce mois et adressée à monsieur le général en chef comte de Soltikoff ayant été portée à la connaissance de l'Impératrice, Sa Majesté Impériale a jugé à propos de me charger de vous transmettre, monsieur, ses ordres et ses intentions ultérieures sur l'objet essentiel dont il y est question.

Pour m'acquitter de cette tâche, je dois d'abord vous dire, monsieur, que Sa Majesté Impériale a vu avec satisfaction que la bonne opinion que m-r le baron d'Armfeldt lui avait inspirée de la sincérité de les intentions relativement à l'oeuvre salutaire de la pacification ne s'est point démentie dans l'entrevue que vous avez eue ensemble; qu'au contraire il y avait déployé tout le zèle et toute la bonne volonté qui en le rendant digne de travailler à un aussi grand objet, lui ont concilié d'avance la bienveillance et le suffrage de Sa Majesté Impériale et dont elle sera charmée de lui donner des marques éfficaces en tems et lieu.

---

*) Есть отпускъ этого письма въ Гл. Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Sa Majesté n'a pas été moins satisfaite, monsieur, de la conduite que vous avez tenue de votre côté dans cette même entrevue et surtout de la dignité et de la justesse avec lesquelles vous avez observé à m-r le baron d'Armfeldt combien une paix fondée sur des cessions quelconques serait préjudiciable à la gloire respective des deux souverains, que les liens de parenté et le bien de l'humanité, réunis à des intérêts d'état majeur, doivent concourir à l'envi à rapprocher et à réconcilier sur des principes d'équité et de désintéressement parfait. Tel est sans contredit le caractère de ceux que l'Impératrice a manifestés, et elle espère que s. m. suèdoise après y avoir mûrement réfléchi voudra les adopter à son tour d'autant plus facilement, qu'à les bien analiser ils doivent renfermer à ses yeux le double avantage et de lui présenter tout ce que l'interposition des puissances, qui semblent s'intéresser au rétablissement de la tranquillité dans le Nord, a pu ou pourra jamais proposer et obtenir pour lui et celui de hâter par une voye directe l'époque de la réconciliation qui paraît être également l'objet des voeux de s. m. le roi de Suède, comme elle l'est de ceux de l'Impératrice.

Vous n'aurez pas de peine à faire sentir cette vérité à m-r le baron d'Armfeldt, car d'après ce que vous en dites, il est aussi convaincu que nous le sommes ici de tous les inconveniens attachés à cette intervention étrangère et, en effet, outre qu'on ne saurait la supposer d'être tout à fait gratuite ou desintéressée, elle ne promet rien au-delà de ce que l'Impératrice offre par des motifs dont le roi ne saurait méconnaître la pureté et la droiture, et par conséquent différer de s'y rendre ce serait en pure perte prolonger les maux funestes de la guerre. Quant aux limites respectives, qui doivent rester sur le pied sur lequel elles ont été établies par la paix d'Abo, si elles exigent quelqu'arrangement amiable, elles peuvent être l'ouvrage des discussions tranquilles et amicales qu'on pourra facilement, aussitôt que la paix aura été conclue, entamer et régler par la voye des ambassadeurs et ministres qu'on s'enverra de part et d'autre. C'est à cette époque aussi qu'il faudra en général réserver le règlement de tout ce qu'on peut raisonnablement attendre du retour de la bonne intelligence entre les deux souverains, des noeuds du sang qui les attachent l'un à l'autre et du désir qui les animera de resserrer et de consolider tous ces liens par des engagemens plus étroits pour le bien et l'avantage de leurs pays respectifs. En attendant Sa Majesté Impériale a déjà écarté d'elle-même la difficulté qui aurait pû naître de son insistance au sujet de l'amnistie, et ce point ne se trouve point compris dans ceux qui vous ont été dernièrement transmis comme base et ultimatum de notre pacifica-

tion avec s. m. le roi de Suède. Par cette condescendance et plusieurs autres l'Impératrice a prouvé jusqu'à l'évidence la sincérité de ses dispositions et de ses voeux pour la paix, et jugeant des sentimens du roi de Suède par les siens et voulant accélérer l'heureux effet qu'elle en attend, elle m'a autorisé, monsieur, à vous munir de tous les instrumens requis pour mettre la main à l'oeuvre et consommer un ouvrage aussi désirable, aussitôt que vous saurez que s. m. suèdoise persiste dans les mêmes dispositions que vous avez crû entrevoir dans les ouvertures qui vous ont été faites par m-r le baron d'Armfeldt. A cette fin j'ai l'honneur de joindre ici les pleins-pouvoirs d'usage et l'acte de pacification dressé en bonne due forme, que vous êtes autorisé de signer en vertu de ces pleins-pouvoirs, aussitôt que m-r le baron d'Armfeldt ou tel autre plénipotentiaire qu'il plaira à s. m. suèdoise de nommer, sera convenu avec vous de tous les points qu'il renferme, et pareillement autorisé à en signer un semblable.

Votre excellence peut dans la première entrevue qu'elle aura avec m-r le baron d'Armfeldt après la réception de cette dépêche, lui en faire la lecture aussi bien que du projet d'acte qui l'accompagne, lui laissant la liberté, s'il le demande, de prendre copie de ce dernier seul afin de prendre les derniers ordres du roi son maître à ce sujet.

2.

S-t Péterbourg, ce 6 oût 1790.

C'est avec une joie bien vive que j'ai reçu la nouvelle importante de la paix conclue entre nous et la Suède par la lettre que votre excellence m'a fait l'honneur de m'adresser du camp de Kovala en date du 3 d'août. La satisfaction que Sa Majesté Impériale a ressenti elle-même d'un événement si consolant pour son coeur généreux et compatissant et la justice qu'elle rend au zèle actif avec lequel vous avez contribué, monsieur, à amener une époque si agréable pour elle, doivent vous être garantes des marques d'approbation distinguées que vous ne tarderez pas de recueillir pour avoir si bien commencé et couronné l'ouvrage qui a été confié à vos soins.

Je partage trop sincèrement les intérêts de votre excellence, pour ne pas me faire un plaisir et un devoir de vous donner de mon côté ces assurances préalables que je sais être fondées dans la façon de penser de notre Auguste Souveraine à votre égard.

Vous répondrez en même tems aux intentions de l'Impératrice en témoignant à m-r le général d'Armfeldt tout le contentement que Sa Majesté Impériale a eu de la manière loyale et prévenante avec la-

quelle il a secondé un objet qui avait pour but immédiat le bien commun et général des deux états et celui de sa propre partie en particulier. Ce général s'est acquis par la conduite qu'il a observée dans ces conjonctures délicates, des titres non équivoques à l'estime et à la réconnaissance de l'Impératrice dont elle sera charmée de lui donner des marques. Je puis également vous assurer, monsieur, que la justice que vous venez de rendre à m-r Couder en égard à la tâche qu'il vient de remplir sous vos ordres, lui vaudra certainement des récompenses analogues et qu'il en acquerra des droits sur la munificence de Sa Majesté Impériale.

VI. Copie de l'acte de réconciliation *).

Au nom de la très-sainte et indivisible Trinité.

Sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies et s. m. le roi de Suède, animées d'un égal désir de terminer la guerre qui s'est malheureusement élevée entre elles et de rétablir l'ancienne amitié, bonne harmonie et bon voisinage entre leurs états et pays respectifs, se sont réciproquement communiquées leurs intentions salutaires à cet égard et pour leur donner l'effet qui y fût analogue, elles ont choisi, nommé et autorisé, savoir, Sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies le g-l baron Otton Henri d'Igelströhm, lieutenant-général de ses armées, faisant les fonctions de gouverneur-général de Simbirsk et d'Ufim, chef du régiment d'Orenbourg-dragons et chevalier de ses ordres de S-te Alexandre Nevsky et de l'ordre militaire de S-t George, grande croix de l'ordre de S-t Vladimir et de ceux de Pologne de l'Aigle-Blanc et S-t Stanislas, et s. m. le roi de Suède le g-l N.N, lesquels après s'être communiqués leurs pleins-pouvoirs, les avoir trouvés en bonne et due forme et les avoir échangés entre eux, sont convenus des articles suivans:

Art. I. Il y aura désormais entre Sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies, ses états, pays et peuples d'une part et entre s. m. le roi de Suède, ses états, pays et peuples, une paix perpétuelle, bon voisinage et parfaite tranquillité, tant sur mer que sur terre, et en conséquence les ordres les plus prompts seront donnés pour faire cesser les hostilités de part et d'autre.

---

*) На подлинномъ подписано Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Быть по сему.

Въ Царскомъ Селѣ, Іюля 24-го 1790.

Art. II. Les limites et frontières des deux côtés demeureront sur le même pied, qu'elles ont existé en vertu du traité d'Abo, conclu le 7 août 1743, et avant la rupture de la présente guerre.

Art. III. En conséquence tous les pays, provinces, ou places quelconques qui auront été occupés durant cette guerre par les troupes de l'une ou de l'autre des deux parties contractantes seront évacués dans le plus court espace possible ou dans le terme de.....

Art. IV. Les prisonniers seront relâchés de part et d'autre sans aucune rançon, et il leur sera libre de retourner chez eux, sans exiger réciproquement aucune indemnisation pour les frais de leur entretien; mais ils seront tenus d'acquitter les dettes qu'ils auront contractées vis-à-vis des particuliers des états respectifs.

Art. V. L'article concernant le salut des vaisseaux qui se rencontrent en pleine mer ou dans les ports de l'une ou de l'autre puissance contractante, sera observé religieusement et inviolablement tel qu'il a été arrêté et rédigé dans le susdit traité d'Abo, et il aura la même force et valeur comme s'il était inséré ici mot pour mot.

Art. VI. Comme l'empressement des deux hautes parties contractantes à mettre la fin la plus prompte aux maux de la guerre, qui affligeaient leurs sujets respectifs, n'a pas permis de régler différens points et objets propres à consolider et affermir le bon voisinage et la parfaite tranquillité des frontières, elles conviennent et se promettent mutuellement de s'occuper de ces points et objets et de les discuter et régler amiablement par la voye des ambassadeurs ou ministres-plénipotentiaires qu'elles s'enverront immédiatement après la conclusion du présent acte.

Art. VII. Les ratifications du présent acte seront échangées dans l'espace de deux semaines ou plus tôt si faire se peut. En foi de quoi nous avons signé le présent acte et y avons apposé les sceaux de nos armes.

Fait à.........

VII. Письма барона (графа) Игельстрома къ князю Потемкину.

1.

Dans la position où nous sommes, tous les amis du bien public doivent ardemment désirer l'arrivée de votre altesse et quoique je n'ose pas renoncer à l'espérance de voir accéléré cet heureux moment, la confiance sans bornes que je mets habituellement en elle m'invite autant que de puissans motifs me pressent à l'instruire sans délai de

ce qui s'est passé touchant les affaires de Suède depuis la lettre que j'ai eu l'honneur de lui adresser.

Dans ma réponse à m-r d'Armfeldt j'ai été chargé de donner de nouvelles assurances que l'Impératrice persévérait dans la résolution de resserrer les liens d'amitié rétablie par la paix de Véréla, et qu'aussitôt qu'une alliance entre les deux souverains y aurait mis le sceau, elle assisterait le roi par des secours efficaces en argent qui le missent en état de se débarrasser des engagemens onéreux qu'il avait contractés avec la Prusse. Mais le roi n'a nullement été satisfait de cette réponse dilatoire; les termes de ces promesses lui ont paru trop vagues. Il en a conçu une si grande inquiétude qu'il a expédié incessamment un courrier à m-r de Stedingk à qui il se plaint amèrement de ceux qui entourent l'Impératrice, les inculpant de tous les obstacles qu'il rencontrait, comme s'ils détournaient S. M. I. des bonnes intentions qu'elle avait eue de hâter leur union plus étroite. Il enjoint ensuite à son ministre de tâcher de pénétrer jusqu'à la source pour apprendre de l'Impératrice-même quels étaient ses véritables sentimens pour lui, et si ce moyen ne lui réussissait pas, de s'en ouvrir à moi. Effectivement m-r de Stedingk m'a lu les passages principaux de la lettre du roi. Outre ce que je viens de rapporter à v. altesse, elle renferme les expressions les plus fortes de son attachement pour la personne de l'Impératrice, de son désir de consolider son amitié pour cette Auguste Princesse, et de la peine qu'il éprouvait en voyant combien il était contrarié dans ses vues.

Cependant, avant l'arrivée de cette lettre à m-r de Stedingk, m-r le comte de Besborodko a dépêché un courrier à m-r de Pahlen pour lui prescrire des démarches plus positives au sujet de l'alliance et sur la condition principale que le roi met en avant, celles des subsides. Elles paraissent avoir produit un bon effet; car, malgré que je n'aye pas été mis au fait du secret de sa réponse, je m'aperçois pourtant qu'elle doit être plus satisfaisante. M-r de Stedingk ne m'a pas dissimulé toutefois, que les circonstances étaient des plus pressantes, vu que l'Angleterre faisait les plus séduisantes offres au roi, et nommément de faire annuler les prétentions pécuniaires que le roi de Prusse avait à sa charge, et de lui payer en outre, pour tout le tems que durera la guerre avec la Porte, et celle qui pourra survenir entre la Russie et la Prusse, 600.000 guinées par an, sans exiger qu'il y prenne autrement part qu'en s'armant pour donner de la jalousie, à moins qu'il n'entrevoye un moment favorable de devenir lui-même plus actif contre ses voisins.

Cet appas est bien dangereux pour un souverain embarrassé d'un côté dans ses finances et de l'autre travaillé d'une inquiète ambition, qui, comme nous en avons fait l'expérience, est capable de se porter à tous les excès.

J'ai fait l'usage que je devais dès ces ouvertures. Malgré tout cela nous flottons encore ici dans l'indécision; le choc des différentes opinions cause une vacillation continuelle, qui, si elle ne précipite pas le mal, empêchera au moins le bien; je dis au moins, peut-être qu'il y a du danger dans le moindre retard *).

Pour l'amour de la cause publique, pour le succès de nos armes ou pour l'acheminement de la paix il faut désirer que votre avis prépondérant fixe la balance. En mon particulier, je fais des voeux que v. altesse puisse accélérer son arrivée afin qu'on ne retarde des mesures, qu'on regretterait peut-être plus tard d'avoir négligées.

2.

Monseigneur.

Ayant déjà soumis au jugement de v. al. la conduite que j'ai tenue au sujet de la réponse à faire au baron d'Armfeldt, je crois devoir l'informer, quel a été le résultat de l'espèce de discussion qui s'était à cette occasion élevée entre le comte Ostermann et moi. L'opinion de m-r le vice-chancelier n'a pas prévalu, et S. M. I. a bien voulu m'autoriser à écarter de ma lettre tout terme vague et ambigu, capable seulement de mettre à une épreuve délicate l'esprit soupçonneux et inquiet du roi, qui se voyant d'ailleurs sans alliés et sans argent est obligé de préférer sans balancer l'amitié de celui qui donne à celle d'un autre qui promet.

Je transcris ici mot pour mot la réponse faite aux quatre points en question de la lettre du baron d'Armfeldt. Le troisième peut être envisagé comme la base de l'alliance offensive et défensive entre la Russie et la Suède, dont, dans les conjonctures actuelles, un concours des motifs les plus importans semble conseiller à celle-là de hâter l'époque. Aussi l'Impératrice dans sa profonde sagesse a jugé convenable de renchérir sur les expressions dont je m'étais servi pour persuader m-r d'Armfeldt des bonnes dispositions de S. M. I. de venir au secours

---

*) Въ этомъ мѣстѣ въ подлинникѣ есть незначительный пропускъ.

du roi dans ses besoins pécuniaires. Elle a daigné coucher de sa propre main l'art. troisième tel qu'il se trouve ci-après.

(Les 4 art. seront insérés ici).

Si, en vous donnant, m-r., cette nouvelle marque de la respectueuse confiance que je mets en v. altesse j'empiète peut-être sur le peu de loisir que lui laisse la succession rapide des vues, des combinaisons, des mesures, entreprises, plans, dispositions qui occupent le génie aussi actif qu'heureux de v. a., qu'elle daigne me pardonner. Il s'agit, dans la négociation qu'on prépare avec la Suède, de l'intérêt de la Russie; cette considération, abstraction faite de toute autre, me prescrirait comme un devoir cette démarche, que par la même raison elle jugera, j'ose l'espérer, avec indulgence si elle lui paraissait superflue.

3.

Accoutumé depuis tant d'années à mettre une confiance sans bornes en votre altesse, tant dans les affaires qui me regardent personnellement que dans celles de l'état dont les intérêts me sont sacrés, je prends la liberté de l'informer de ce qui m'est confié relativement à la position où nous sommes avec la Suède.

Elle verra par leur contenu, qu'on était parfaitement entré ici dans les sentimens que votre altesse a eu la bonté de me découvrir en peu de mots dans la gracieuse lettre du...., et que de l'autre côté m-r d'Armfeldt ainsi que le roi lui-même sont tout prêts à se livrer à tout arrangement, et qu'il attend de moi là-dessus une réponse décisive *). C'est selon le sentiment du vice-chancelier, puisqu'il dit devoir soupçonner la bonne foi du roi et décliner de fournir le secours d'argent pour la personne du roi, que m-r d'Armfeldt demande.

Permettez-moi, monseigneur, de vous dire avec franchise mon sentiment sur cette réponse pesée et donnée par moi.

1) Une réponse vague à une demande claire et dénuée de toute intrigue ne liera plus, mais elle portera à une décision.

2) Ma personne n'est mise en jeu que parce qu'on est dans la conviction qu'elle n'est pas diplomatique, et que j'ignore la finesse, si

---

*) Laquelle dans un moment aussi important pourriat être conçue dans des termes encore plus vagues que ma première lettre mentionnée, quand le sentiment du vice-chancelier emporterait.

bien qu'on se persuade d'éviter par ma voye et la publicité, et l'indécision. Or, si l'on pense, en répondant à présent en termes vagues, devoir ménager la confiance qu'on met en moi pour un autre moment, il paraît qu'il faut faire la réponse vague par des personnes accréditées, et ne me faire parler que dans un cas décisif. Au reste j'ose élever ces trois questions politiques:

1) L'amitié de la Suède est-elle utile ou nécessaire dans les conjonctures actuelles à la Russie?

2) La Suède, quand même elle ne le pourrait pousser jusqu'à une nouvelle déclaration de la guerre, ne pourrait-elle pas beaucoup gêner la Russie?

3) La Suède sans alliés dans ce moment-ci, le roi et le pays sans argent, n'est-elle pas forcée de prendre un partie et de se jeter entre des bras qui lui fournissent l'un et l'autre?

Ne serait-ce donc pas, monseigneur, un coup de politique tout-à-fait conforme aux circonstances que de saisir le moment, répondre dans des termes claires et significatifs et de se mettre d'abord sans balancer en possession de la personne du roi, surtout quand il ne s'agit que d'argent. Toute la dépense pourrait aller de trois à quatre millions, tandis qu'on dépenserait cinq fois plus, quand on serait obligé de rester armé sur les frontières par mer et par terre, et qu'au lieu de fermer la Baltique même aux ennemis de la Russie par son alliance avec la Suède on leur faciliterait l'entrée de toutes les façons.

Pardonnez, monseigneur, mon griffonnage; mon but est de vous ouvrir mon coeur, et de justifier mon caractère aux yeux de votre altesse, dont le suffrage m'est si précieux.

ЕЩЕ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФИНИ ЭДЛИНГЪ.

Читатели помнятъ превосходныя Записки графини Эдлингъ, напечатанныя въ переводѣ съ Французскаго подлинника въ „Русскомъ Архивѣ“ нынѣшняго года. Нѣкоторыя лица, воспитанныя въ понятіяхъ Западной Европы и зачитавшіяся книгъ Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англійскихъ, относятся къ этимъ Запискамъ съ какимъ-то досадливымъ ощущеніемъ: имъ непривычно слышать рѣчь вполнѣ свѣжую, и они забываютъ, что авторъ—лицо не только просвѣщенное, но и православное. Дѣйствительно такъ мыслить какъ графиня Эдлингъ мыслятъ немногіе. Къ ней приравнять можно развѣ И. В. Кирѣевскаго, столь же изящнаго въ пріемахъ пониманія. Высокій строй мыслей, зоркая наблюдательность, освѣщеніе лицъ и событій съ новыхъ сторонъ, сообщеніе обстоятельствъ дотолѣ неизвѣстныхъ и, наконецъ, художественная прелесть изложенія придаютъ этимъ Запискамъ большое историческое значеніе. По желанію многихъ нами уважаемыхъ людей, предпочитающихъ пить прямо изъ источника, Записки эти нынѣ изданы особою книгою въ болѣе полномъ видѣ, съ подлинной Французской рукописи и съ присоединеніемъ новыхъ страницъ *). „Малъ золотникъ да дорогъ“, можно сказать про эту книгу. Извлекаемъ изъ нея то, что̀ еще неизвѣстно читателямъ „Русскаго Архива“.

ВОСПОМИНАНІЕ 1825 ГОДА.

Питье водъ кончилось. Я покинула Карлсбадъ и съ грустью поѣхала назадъ въ Россію. Я разсталась съ нашимъ семействомъ, съ моимъ мужемъ и отправилась одна въ долгій и тягостный путь. Приближалось зимнее время. Мнѣ предстояло улаживать запутанныя дѣла; но я почему-то думала, что не изъ-за этихъ дѣлъ возвращаюсь въ Россію. Что-то безотчетное и неразъяснимое влекло меня противъ моей воли, и я чувствовала, что нахожусь наканунѣ какого-то необыкновеннаго событія. Однако я ощущала въ себѣ замѣчательную бодрость, будучи твердо и ясно убѣждена, что дѣйствую не по своей, а по Божіей волѣ.

Въ Одессу пріѣхала я совершенно благополучно. Осеннее солнце разливало чудные лучи свои. Стояли великолѣпные дни, и въ тихія ночи горѣла яркая комета, зрѣлище которой уносило меня въ про-

*) Получать можно по 3 р. съ пересылкою въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“ и въ книжномъ магазинѣ Готье. Въ Парижѣ: Ernest Leroux, 28 rue Bonaparte

шедшее и заставляло вспоминать комету 1812 года. На всемъ Югѣ Россіи только и было рѣчей, что о прибытіи государя Александра Павловича и государыни Елисаветы Алексѣевны. Всюду разсказывали, что они чувствуютъ себя счастливыми въ скромной Таганрогской обстановкѣ, что солнце и спокойствіе отлично дѣйствуютъ на здоровье Государыни. Толковали о томъ, въ какомъ расположеніи духа находится Государь. Въ самомъ дѣлѣ, прекрасная душа его, утомленная людьми и жизнію, тревожимая неурядицею въ управленіи имперіею, нуждалась въ уединенномъ общеніи съ природою. Съ удовлетвореніемъ этой потребности разсѣялись тучи, нерѣдко затмѣвавшія прирожденную ему ясность. Онъ сдѣлался довѣрчивъ, веселъ, сообщителенъ; любовь, главное качество его природы, распространилась на все его окружавшее. Подъ обаяніемъ этого чувства находились его супруга, его придворные, жители Таганрога и даже игравшія на улицахъ дѣти. Безчисленными благодѣяніями ознаменована его поѣздка въ Крымъ. Онъ какъ будто торопился счастливить людей. Его восхищала красота южнаго Крымскаго берега и тамошняя великолѣпная растительность. Пробывъ два дня у графа Воронцова въ его помѣстьи Юрзуфѣ, онъ отозвался ему, что считаетъ эти дни въ числѣ самыхъ счастливыхъ въ своей жизни. Ему показывали красивое приморское имѣніе, которое онъ купилъ, съ тѣмъ, чтобы построить домъ для своего съ Государыней помѣщенія. «Когда я кончу свою службу, сказалъ онъ, то пріѣду сюда разводить виноградъ и отдыхать». Увы, отдыхъ предстоялъ ему не тотъ, а въ лонѣ Господнемъ!

Поѣздку свою онъ совершалъ верхомъ и, недалеко отъ Георгіевскаго монастыря, отослалъ лицъ сопровождавшихъ его, съ тѣмъ, чтобы прибыть туда совершенно одному. Мѣстоположеніе этой обители живописно. Государь даровалъ въ ней убѣжище достопочтенному архіепископу Кефалонійскому, который былъ лишенъ своей епархіи и выгнанъ изъ своей родины Англичанами во время деспотическаго управленія Томаса Майтланда, за то, что, вопреки запрещенію, продолжалъ гласно молиться за освобожденіе Грековъ. Государь видѣлся съ нимъ въ Венеціи, возвращаясь съ Веронскаго конгресса и, тронутый его положеніемъ, пригласилъ его въ Россію. Въ этотъ монастырь и къ этому старцу ѣздилъ Государь на закатѣ дня, одинъ. Спутники дожидались его на большой дорогѣ, и онъ возвратился къ нимъ уже ночью. Напрасно уговаривали его, чтобы онъ надѣлъ шинель; онъ не захотѣлъ. Дулъ западный вѣтеръ. Долина, по которой надлежало ѣхать, была покрыта густымъ туманомъ.

Въ Севастополь Государь пріѣхалъ съ дрожью въ тѣлѣ. Это не помѣшало ему все осмотрѣть и ко всему отнестись со свойственною

ему милостью. Окружавшіе его моряки были отъ него въ восторгѣ. Они разсчитывали, что онъ прослѣдуетъ въ Николаевъ; но пришло извѣстіе о кончинѣ его свояка, Баварскаго короля, и Государь опасался, что это извѣстіе дурно подѣйствуетъ на Государыню. «Я знаю свою жену, и мнѣ извѣстно, какъ тверда она въ перенесеніи горестей; но я чувствую надобность быть возлѣ нея», сказалъ онъ адмиралу Грейгу. Тогда же писалъ онъ Государынѣ: «Боюсь твоего воображенія; ты станешь думать, что тебя постигнетъ тоже, что̀ сестру твою, и оттого будешь страдать вдвойнѣ». И дѣйствительно, эта мысль поразила Государыню вслѣдъ за полученіемъ извѣстія о несчастіи королевы-сестры ея; невыразимое чувство ужаса охватило ее, но она тотчасъ же овладѣла собою.

Многія необыкновенныя случайности какъ будто предвѣщали намъ предстоявшее горе. Уѣзжая изъ Петербурга, Государь ѣздилъ въ Невскую Лавру, гдѣ хоронятся жители столицы и некоронованные члены царскаго семейства. На утренней зарѣ приказалъ онъ повезти себя туда своему вѣрному кучеру Ильѣ, котораго удивила и огорчила эта странная мысль. Онъ помолился тамъ и выѣхалъ изъ города на дрожкахъ къ дорожной коляскѣ своей, которая ждала его у заставы *). Въ Таганрогѣ однажды утромъ наступилъ такой туманъ, что Государь не могъ писать и велѣлъ принести свѣчей. Когда комнатный слуга пришелъ убрать свѣчи, Государь взглянулъ на него и сказалъ: «Вѣрно ты боишься, чтобы прохожіе, видя, что свѣчи горятъ днемъ, не подумали, что въ этой комнатѣ покойникъ?» Въ теченіи болѣзни своей онъ вспоминалъ объ этомъ незначительномъ случаѣ и говорилъ о томъ съ тѣмъ же слугою, находившимся у его кровати.

Возвращеніе изъ Крыма не было для него такъ пріятно, какъ онъ ожидалъ. Онъ уже страдалъ лихорадкою, и ясность души его еще болѣе помрачилась вслѣдствіе полученнаго имъ письма, содержаніе котораго отравило ему послѣдніе дни его жизни. Никто не зналъ, что̀ это за письмо и полагали, что оно имѣло отношеніе къ графу Аракчееву.

По злосчастному предубѣжденію онъ довѣрился этому человѣку, къ которому весь народъ питалъ отвращеніе и презрѣніе. Государь

---

*) Въ тоже утро Государь въ Царскомъ Селѣ заѣзжалъ къ Карамзину, и въ это послѣднее съ нимъ свиданіе жаловался снова на недостатокъ людей въ правительствѣ, которымъ можно было бы вѣрить. Карамзинъ совѣтовалъ ему привлечь къ дѣятельности Сперанскаго; но Александръ Павловичъ очень рѣзко выразился объ этомъ главномъ сотрудникѣ прежнихъ лѣтъ своего царствованія. (Многократно слышано отъ графа Д. Н. Блудова, бывшаго другомъ Карамзина). П. Б.

считалъ его неподкупнымъ, вѣрнымъ и неутомимымъ работникомъ. Вслѣдствіе этого онъ поручалъ ему главныя государственныя дѣла, не внимая общественному мнѣнію и предостереженіямъ старѣйшихъ слугъ своихъ. У Аракчеева была любовница, его достойная. Жестокимъ, тиранскимъ обращеніемъ своимъ она вывела изъ терпѣнія обитателей Грузина, помѣстья, полученнаго Аракчеевымъ отъ щедротъ царскихъ. Бѣдные, доведенные до отчаянія люди, умертвивъ эту женщину, не скрывали своего преступленія, не уклонялись отъ дѣйствія законовъ и во время производившихся розысковъ держали себя съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Ихъ спокойная твердость приводила Аракчеева въ ужасъ. Въ крайностяхъ своихъ злоба всегда сопровождается нѣкоторымъ умопомраченіемъ, что̀ и обнаружилось въ изъявленіяхъ скорби, овладѣвшей этимъ всемогущимъ человѣкомъ. Онъ покинулъ дѣла, заперся и велѣлъ похоронить свою любовницу въ томъ самомъ мѣстѣ, которое предназначалъ для самого себя, и именно у подножія памятника, имъ воздвигнутаго императору Павлу! Друзья его и приспѣшники полагали, что онъ сошелъ съ ума. Когда Государю сообщены были эти подробности, онъ послалъ къ нему генерала Клейнмихеля, котораго Аракчеевъ издавна любилъ, съ тѣмъ чтобы онъ его уговорилъ успокоиться и снова заняться дѣлами. Государь даже звалъ его къ себѣ въ Таганрогъ и по чрезвычайной добротѣ своей самъ отыскивалъ для него удобнаго помѣщенія. Но Аракчеевъ не ѣхалъ. Неизвѣстно, что̀ было у него на душѣ. Не зная, что подумать, Государь потребовалъ къ себѣ розыскное дѣло и къ ужасу своему прочиталъ такія подробности, которыя должны были обличить передъ нимъ человѣка, столь высоко имъ поставленнаго. Можно себѣ представить, какъ это открытіе подѣйствовало на его благородную и чистую душу. Между тѣмъ Аракчеевъ, все еще находясь внѣ себя, сталъ разбираться въ вещахъ, принадлежавшихъ его любовницѣ и нашелъ большія деньги и драгоцѣнныя бездѣлушки, поднесенныя ей лицами, которыя добивались черезъ нее милостей ея повелителя. Вѣроятно изъ опасенія, чтобы не подумали, что онъ самъ принималъ подарки, онъ поспѣшилъ разослать эти вещи тѣмъ, отъ кого онѣ были доставлены, и эту разсылку сопровождалъ циркулярными письмами, что̀ послужило ко всеобщему соблазну, такъ какъ тутъ оказались замѣшанными весьма уважаемыя имена.

Полагаютъ, что эти отвратительныя обстоятельства встревожили Государя; но никто не думалъ, что, по строгому велѣнію Промысла, онъ долженъ былъ испить до дна горькую чашу державства. Упомянутое письмо извѣщало его о страшномъ заговорѣ, про который мы

скажемъ ниже. Онъ съ ужасомъ увидѣлъ опасность, грозившую гибелью государству и царскому семейству, и тяжко огорченный старался собрать всѣ силы души своей, чтобы исключительно заняться разрушеніемъ коварныхъ козней, про существованіе которыхъ онъ зналъ уже четыре года, не подозрѣвая до какихъ размѣровъ и преступности онѣ достигли. Находившійся при немъ баронъ Дибичъ замѣтилъ его тревогу. Государь начиналъ читать и бросалъ роковую бумагу; онъ безпокойно пряталъ ее отъ Дибича. Это тягостное состояніе усугубилось лихорадкою, которая вполнѣ обнаружилась въ Маріуполѣ.

Въ Таганрогъ прибылъ онъ больной и выразилъ Государынѣ чрезвычайную радость, что снова ее видитъ. Строгій къ самому себѣ онъ не придавалъ значенія мучившей его лихорадкѣ. Ему дали слабительныхъ пилюль. Съ докторами своими онъ долго говорилъ о медицинѣ, но утверждалъ, что гораздо болѣе вѣритъ въ милость Божію и въ свое крѣпкое сложеніе, нежели въ ихъ искусство. Онъ продолжалъ заниматься дѣлами не выходя изъ комнаты, и доктору Виліе сказалъ: «Обратите вниманіе на мои нервы; они теперь очень у меня разстроены». Болѣзнь все усиливалась, и доктора начали тревожиться, тѣмъ болѣе, что больной выражалъ неодолимое отвращеніе ко всякаго рода лекарствамъ. 13-го Ноября былъ рѣшительный день, когда кровопусканіе еще могло бы спасти его. Онъ безпрестанно находился въ сонливости, что́ свидѣтельствовало о начавшемся страданіи мозга. Впрочемъ голова его продолжала оставаться совершенно свѣжею. Въ одинъ день онъ съ горестью нѣсколько разъ сказалъ: «Какая жестокость! Какой ужасъ!» Вилье подумалъ, что это лихорадочный бредъ и чтобы удостовѣриться послалъ къ нему Стофренна. Тотъ присѣлъ къ его изголовью и убѣдился, что эти отрывочныя восклицанія произносились вовсе не въ бреду, а выражали собою внутреннее волненіе, одолѣвавшее. 14-го числа Государыня предложила ему прибѣгнуть къ пособіямъ вѣры, такъ какъ онъ отвергалъ пособія врачебныя. «Очень радъ», отвѣчалъ онъ, «отъ этого я никогда не откажусь». И обратившись къ Виліе, онъ спросилъ: «Развѣ мнѣ такъ плохо?» Тотъ, совершенно взволнованный, отвѣчалъ, что, по своей приверженности къ нему не можетъ скрыть отъ него истины, и что, не соглашаясь ни на какія лекарства, онъ находится въ крайней опасности. Въ тотъ день Государь не могъ причаститься Св. Таинъ вслѣдствіе усилившагося приступа болѣзни. На зарѣ слѣдующаго дня стало ему полегче, и онъ исполнилъ христіанскую обязанность съ трогательною горячностью и благоговѣніемъ. «О, какъ я чувствую себя хорошо! Какъ я счастливъ!» сказалъ онъ Государынѣ.

«Этотъ священникъ превосходный человѣкъ, особливо....» дальше нельзя было разслышать, до того ослабѣлъ его голосъ *). Служитель алтаря властно говорилъ съ нимъ, и Государь сдѣлался послушливъ къ предписаніямъ врачей.

Ему поставили піявокъ къ головѣ, но уже было поздно; онѣ нисколько не подѣйствовали. Послѣ мушекъ и горчичниковъ онъ какъ будто нѣсколько ожилъ: летаргическая сонливость, овладѣвшая всѣми его чувствами, стала проходить. Всякій разъ, какъ сознаніе возвращалось къ нему, онъ глядѣлъ на окружавшихъ его съ доброю улыбкою, узнавалъ Государыню, бралъ ее за руки, прижималъ ихъ къ своимъ губамъ и къ сердцу своему, либо молился. Нѣсколько разъ хотѣлось ему сложить пальцы для крестнаго знаменія, но рука безсильно падала на одѣяло.

Всѣми овладѣло отчаяніе. Князь Волконскій почти не отходилъ отъ него. Однажды, когда онъ стоялъ въ ногахъ у его кровати, Государь милостиво улыбнулся и сдѣлалъ ему знакъ головою. Внѣ себя отъ такого трогательнаго вниманія, князь бросился передъ нимъ на колѣни, схватилъ его холодѣющія руки, облилъ ихъ слезами, покрылъ поцалуями, кинулся вонъ изъ комнаты и упалъ въ обморокъ. О лекарствахъ уже нечего было думать: онъ ничего больше не могъ принимать внутрь. Государыня съ пальцевъ пропускала ему въ ротъ по нѣскольку капель воды, чтобъ увлажить засыхавшій языкъ.

17-го числа произошла перемѣна къ лучшему: онъ спросилъ лимоннаго мороженаго, кушалъ его съ удовольствіемъ и даже уговаривалъ Государыню выдти на воздухъ. Она этого не сдѣлала, но написала слѣдующее письмо своей свекрови: «Любезная матушка! Со вчерашнею почтою я ни въ силахъ была къ вамъ писать. Сегодня, по неизрѣченной милости Предвѣчнаго, стало положительно лучше Государю. Въ страданіяхъ своихъ онъ остается ангеломъ благоволенія. Надъ кѣмъ и проявляться безпредѣльному Божію милосердію, если не надъ нимъ? О Боже мой! Какія тяжкія минуты пережила я, и воображаю вашу тревогу, любезная матушка! Вы получаете бюллетени; стало быть вамъ извѣстно, что̀ мы испытали вчера и еще нынѣшнюю ночь. Но сегодня самъ Виліе говоритъ, что состояніе милаго больнаго нашего удовлетворительно. Онъ слабъ до крайности. Милая

*) „Богъ сказался ему и свѣялъ съ души грозную мысль, преслѣдовавшую его во всю жизнь, мысль, которая нерѣдко среди торжества, какъ привидѣніе, возставала передъ нимъ“ (Е. П. Ковалевскій „Графъ Блудовъ и его время“, стр. 161).

матушка, признаюсь, что голова у меня не въ порядкѣ и что я не могу вамъ больше писать. Молитесь съ нами, съ пятьюдесятью милліонами его дѣтей, чтобы Господь довершилъ выздоровленіе нашего милаго страдальца».

Улучшеніе было только кажущееся. Государь очень страдалъ, и стоны его раздирали сердца тѣхъ, кто за нимъ ходилъ. Много разъ говорилъ онъ порусски своимъ комнатнымъ служителямъ: «Не мучьте меня!» Онъ жаловался на мушку. Наконецъ, агонія его кончилась 19-го утромъ, послѣ того какъ его пособоровали и прочли надъ нимъ отходныя молитвы. Государыня ни на минуту не отходила отъ него. Она поддерживала слабыми руками его милую и драгоцѣнную голову, она закрыла ему глаза и проявила удивительную силу воли. Искаженныя страданіемъ черты лица его черезъ нѣсколько часовъ приняли умилительное и поучительное выраженіе спокойствія и кротости. Государыня, въ письмахъ къ свекрови, отлично передаетъ о томъ:

«19-го Ноября. Матушка! Ангелъ нашъ на небѣ, я еще прозябаю здѣсь. Кто могъ подумать, что я, слабая и больная, могу пережить его? Матушка! Не покиньте меня; вѣдь я совсѣмъ одинока на этомъ горестномъ свѣтѣ. Дорогой покойникъ нашъ по прежнему какъ будто улыбается. Это мнѣ служитъ доказательствомъ, что онъ счастливъ и что тамъ ему лучше, чѣмъ здѣсь. Въ этой невознаградимой утратѣ я утѣшаюсь только тѣмъ, что не переживу его. Я надѣюсь скоро соединиться съ нимъ».

«20-го Ноября. Милая матушка! Ангелъ нашъ не небѣ, а я, изо всѣхъ его оплакивающихъ существъ самое несчастное, здѣсь на землѣ. Какъ бы мнѣ скорѣе съ нимъ соединиться! Боже мой, силъ человѣческихъ не достаетъ; но такъ какъ это Твоя воля, надо конечно переносить. Я не понимаю, я не знаю, на яву ли я; не могу сообразить и понять, существую ли я. Вотъ его волосы. Увы, зачѣмъ онъ такъ страдалъ! Но въ настоящую минуту по лицу его разлито одно только выраженіе довольства и прирожденной ему благости. Онъ какъ будто одобряетъ то, чтó вокругъ него происходитъ. Ахъ, милая матушка, какъ всѣ мы несчастны! Пока онъ здѣсь, я останусь съ нимъ; если найдено будетъ возможнымъ, то и я съ нимъ уѣду. Стану провожать его, сколько смогу. Не знаю чтò со мною станется, милая матушка. Не лишите меня вашей милости».

За тѣснотою помѣщенія нашли нужнымъ перевести Государыню въ другой домъ, чтобы не умножать ея горя тяжкимъ зрѣлищемъ необходимыхъ приготовленій къ похоронамъ. По вскрытіи оказалось, что

онъ скончался отъ воспаленія въ мозгу. Единогласное показаніе медиковъ послужило лишь къ усиленію общей скорби; они засвидѣтельствовали, что Государь былъ наилучшаго сложенія. Онъ могъ дожить до глубочайшей старости, но Богу было угодно иначе: ни могучее сложеніе, ни строгій образъ жизни, котораго онъ держался уже нѣсколько лѣтъ, не спасли его для Россіи.

Вѣрные его слуги занялись изготовленіемъ похороннаго ложа, на которомъ надлежало его выставить; по трудности достать употребляемыхъ для того украшеній, обстановка была самая скромная. Можно было подумать, что хоронятъ частнаго человѣка; но пролитыя слезы цѣннѣе внѣшняго блеска. Когда все было готово, Государыня появилась снова. Всякій могъ приходить на панихиды (которыя служились утромъ и вечеромъ) и по старинному обычаю цѣловать руку покойника. Императрица тутъ же присутствовала, но ея не было видно, и она появлялась молиться и плакать у гроба послѣ того какъ посторонніе расходились. Прекрасное лицо Государя начало портиться; его задернули бѣлымъ покрываломъ и рѣшились перенести въ Греческій Таганрогскій монастырь.

Это прекрасное зданіе воздвигнуто, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ благочестіемъ нѣкоего Варваци *), богатаго уроженца острова Псаро, поселившагося въ Россіи. Онъ нажилъ торговлею нѣсколько милліоновъ; онъ еще при жизни жертвовалъ ихъ на человѣколюбивыя богоугодныя дѣла, учреждалъ училища, тратился на освобожденіе своей родины. Имя его, хотя и оклеветанное газетчиками, принадлежитъ къ числу лучшихъ, славныхъ Греческихъ именъ. Когда онъ строилъ этотъ монастырь, друзья его недоумѣвали о томъ, какими побужденіями онъ руководился. Варваци былъ слѣпымъ орудіемъ Промысла, пожертвовавъ часть своего достатка на устроеніе такого мѣста, которое могло принять священные останки великаго монарха, не перестававшаго любить Грецію, хотя приняты были всѣ мѣры, чтобы его отвратить отъ нея. По необходимости допущены къ совершенію похоронныхъ богослуженій настоятель монастыря и его духовенство. Ежедневно, утромъ и вечеромъ, отправлялись панихиды объ упокоеніи души Государя, на языкахъ Греческомъ и Славянскомъ. Отъ звуковъ необычайнаго пѣснопѣнія надъ царскимъ гробомъ сотрясались сердца, въ благоговѣніи слѣдящія за путями Промысла. Какъ возрадовалось бы его благородное сердце, еслибы онъ могъ видѣть глубокую горесть этихъ несчастныхъ Грековъ, принесенныхъ въ жертву Европейской политикѣ!

---

*) Внукъ его, по матери, извѣстный поэтъ Дмитрій Петровичъ Ознобишинъ. П. Б.

Не задолго до кончины, онъ подъ разными предлогами, входилъ къ нимъ въ дома и осыпалъ ихъ милостями. Однажды повстрѣчались ему несчастные съ острова Хіоса, и онъ съ трогательнымъ участіемъ распрашивалъ ихъ о понесенныхъ бѣдствіяхъ. Государыня, которой онъ передавалъ о томъ, не могла освободиться отъ тягостнаго впечатлѣнія, оставленнаго въ ней этими разсказами долго спустя послѣ 19-го Ноября.

Еще 14-го числа генералъ-адъютанты баронъ Дибичъ и князь Волконскій отправили въ Варшаву курьера, чтобы предувѣдомить великаго князя Константина о болѣзни его брата. Полагали, что великій князь пріѣдетъ въ Таганрогъ; но онъ счелъ своею обязанностью не покидать Варшавы. 25-го числа онъ узналъ о кончинѣ Государя и отвѣчалъ барону Дибичу и князю Волконскому, что никакихъ приказаній дать имъ не можетъ, и чтобы они обратились за ними въ Петербургъ. Письма свои онъ заканчивалъ выраженіемъ желанія оставаться по прежнему ихъ товарищемъ по званію генералъ-адъютанта и пріятелемъ. Положеніе выходило самое странное. Это было настоящее междуцарствіе. Вообще полагали однако, что въ концѣ концовъ Константинъ Павловичъ вступитъ на престолъ. Присяга, принесенная ему въ Петербургѣ и во всемъ государствѣ, вслѣдствіе простаго сенатскаго указа, служила подтвержденіемъ этому мнѣнію. Въ тогдашнихъ газетахъ можно прочитать о благородномъ, хотя и поспѣшномъ образѣ дѣйствій великаго князя Николая. Извиненіемъ ему служитъ его неопытность; но непростительны дѣйствія членовъ Государственнаго Совѣта и его предсѣдателя, раболѣпныя и дерзкія. Они вели себя раболѣпно, потому что, не постигая, какъ можно отказываться отъ самодержавной власти, дожидались извѣстій изъ Варшавы, дабы не подвергнуть себя обвиненію въ недостаткѣ усердія. Въ тоже время допущеніемъ присяги Константину они дерзко позволили себѣ отмѣнить послѣднія распоряженія Александра, подтвержденныя отреченіемъ Константина и согласныя съ государственнымъ закономъ. Разсказываютъ, что низкопоклонный и легкомысленный князь Лопухинъ осмѣлился твердить въ полномъ собраніи Государственнаго Совѣта, что у покойниковъ нѣтъ воли. Но онъ поплатился дорого за свою низость: великій князь Константинъ написалъ ему письмо, въ которомъ вмѣсто того, чтобы одобрить его подлую угодливость, осыпалъ его выраженіями презрѣнія. Письмо это ходило по рукамъ; но напечатано было другое, написанное великимъ княземъ по тому же поводу къ министру юстиціи, болѣе мягкое и приличное.

Между тѣмъ какъ въ Таганрогѣ всѣ еще находились подъ вліяніемъ понесенной утраты, въ Петербургѣ уже заиграло честолюбіе, и нача-

лись каверзы. Сколько людей сняли съ себя маски и обнаружили низость своего характера! Царедворецъ, которому слѣдовало ѣхать къ тѣлу усопшаго Государя и исполнять при немъ свою обязанность, внезапно заболѣвалъ въ день назначенный для отъѣзда, а черезъ нѣсколько дней добивался чести отвезти къ какому-нибудь Германскому двору извѣстіе о новомъ воцареніи. Иной, находясь случайно по близости Таганрога и чувствуя, что ему неприлично не побывать въ немъ, пріѣзжалъ на минуту и опрометью спѣшилъ въ другую сторону, на встрѣчу восходящему солнцу. Въ суетнѣ и тревогѣ сколько оказалось обмановъ! Люди самые ловкіе, въ теченіе этого междуцарствія, продолжавшагося три недѣли, ошиблись въ своихъ разсчетахъ, и трудно сказать, что́ тутъ больше дѣйствовало: глупость или подлость.

Однако были и нѣкоторыя почтенныя исключенія. Человѣкъ двѣнадцать молодыхъ флигель-адъютантовъ, изъ первыхъ семействъ въ государствѣ, поспѣшили явиться къ должности. Графиня Строганова, слабая и плохаго здоровья, пустилась въ долгій и трудный путь, чтобы находиться возлѣ Государыни, съ которою она была связана дружбою. Наконецъ, князь Волконскій, всегда благородный и преданный памяти Государя, какъ онъ былъ преданъ ему лично, не переставалъ свидѣтельствовать, что и при дворѣ могутъ сыскаться вѣрныя сердца.

Царское семейство поручило Государынѣ заботу объ оказаніи послѣднихъ почестей смертнымъ останкамъ ея супруга. Было рѣшено перевезти ихъ въ Петербургъ черезъ Москву, и сопровождать это шествіе за неимѣніемъ другаго болѣе значительнаго лица поручено казацкому генералу Орлову-Денисову, находившемуся по близости. Этой чести желалъ генералъ-адъютантъ графъ Ламбертъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ Русской кавалеріи; онъ имѣлъ на то право по своему сану и заслугамъ; но сочли нужнымъ предпочесть ему Орлова-Денисова, изъ уваженія къ вѣроисповѣданію и къ происхожденію, такъ какъ графъ Ламбертъ былъ католикъ и Французъ.

Я пріѣхала въ Татанрогъ 15-го Декабря. Императрицу нашла я въ положеніи невозможномъ: она чувствовала себя одинокою посреди своего двора, и душа ея, вся погруженная въ горестныя размышленія, истощевалась отъ постоянной мысли о понесенной утратѣ. Я старалась отвлечь ее отъ этого созерцанія, представляя ей, что горе ея есть дѣло Провидѣнія, неотвержимое никакою земною силою. Я говорила ей, что надъ нею простерлась рука Божія, что она должна ей покориться, какъ жертва вознесенная на алтарь и что лишь такимъ самопреданіемъ можетъ она заслужить счастливую и христіанскую кончину. Эти внушенія, по видимому, ее утѣшили. Она потомъ говорила своему

секретарю *), что я одна постигла ея положеніе и что слова мои проникали къ ней въ сердце какъ лучи свѣта. Мы много бесѣдовали о Государѣ, и я разсталась съ ней глубоко растроганная.

У меня не достало духа взглянуть на лицо того, кого мы оплакивали: я знала, что оно уже исказилось. Люди, дозволившіе себѣ это любопытство, увѣряли меня, что онъ неузнаваемъ; я упрекала ихъ, зачѣмъ они его смотрѣли. Я чувствовала, что, изъ уваженія къ покойнику, не подобаетъ относиться къ нему съ пустымъ любопытствомъ и что императоръ Александръ, восхитительное лицо котораго всегда внушало удивленіе и любовь, не долженъ былъ производить отвращенія и ужаса.

Приготовленія къ отъѣзду были кончены. Отвозъ тѣла назначенъ на третій день Рождества Христова; но пришлось отсрочить, потому что 23-го пришло въ Таганрогъ извѣстіе о событіи 14-го Декабря. Тутъ мы узнали о восшествіи на престолъ Николая и о страшномъ заговорѣ, который могъ потрясти государство, ежели бы не спасъ насъ Богъ, разрушающій замыслы злыхъ нечестивцевъ. Баронъ Дибичъ уже уѣхалъ къ своей должности. Князь Волконскій признался намъ, что императоръ Александръ четыре года какъ слѣдилъ за этимъ заговоромъ, но что только въ Таганрогѣ, по возвращеніи изъ Крыма, уже мучимый лихорадкою, онъ узналъ, что заговорщики рѣшились дѣйствовать въ Мартѣ мѣсяцѣ, на 26-й годъ его царствованія, и что намѣренія ихъ были ужасны.

Это и содержалось въ роковомъ письмѣ, о которомъ упомянуто выше и которое конечно наполнило горечью его благоволительную душу. Намъ сдѣлались понятны отрывочныя слова, вырывавшіяся у него вслѣдствіе душевной тревоги, равно какъ и отвѣтъ его Государынѣ, когда она его уговаривала, чтобы онъ согласился отворить себѣ кровь. «Нѣтъ, нѣтъ!» говорилъ онъ съ горячностью, «кровопусканіе меня ослабитъ, и я буду не въ состояніи исполнить то что̀ мнѣ нужно». Блаженная душа, ты исполнила свою задачу! Эти плачевныя обстоятельства послужили намъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ: Господь, Котораго онъ такъ любилъ, избавилъ его отъ исполненія самой тяжкой задачи, отъ обязанности наказывать.

29-го Декабря собрались въ послѣдній разъ вокругъ гроба, уже закрытаго. Государыня неожиданно появилась, отстояла панихиду, твердою поступью взошла на гробовыя подмостки и приложилась къ

---

*) Николаю Михаиловичу Лонгинову. П. Б.

гробу, скрывавшему въ себѣ священные останки. Всѣ плакали и удивлялись ея бодрости: она не издала ни стона, не разразилась рыданіями. Старые, закаленные въ бояхъ козаки несли гробовой покровъ, и слезы капали по сѣдымъ ихъ усамъ. Погода сдѣлалась мягче.

Я проводила гробъ до заставы. Народъ, двумя густыми стѣнами, шелъ во слѣдъ въ глубокомъ молчаніи. За городомъ остановились, чтобы установить порядокъ шествія. Назначенные для сопровожденія козаки разсыпались по равнинѣ, покрытой снѣгомъ. Тутъ виднѣлись лошади, копья, козацкая одежда, случайно брошенная на землю. Вѣрный Илья сидѣлъ на похоронной колесницѣ и правилъ лошадьми. Съ боковъ размѣстились по три флигель-адъютанта. Затѣмъ слѣдовала коляска съ сердцемъ Государя и съ его короною. Все это похоронное шествіе нисколько не напоминало собою того что́ бываетъ въ такихъ случаяхъ въ Европѣ.

Чѣмъ-то необыкновеннымъ и, правду сказать, нѣсколько Азіатскимъ, окружены были смертные останки человѣка, который вполнѣ принадлежалъ Европѣ не только по добрымъ дѣламъ своимъ и по своей исторіи, но и по утонченному изяществу своихъ привычекъ. Его уже больше не было, и прахъ его прослѣдовалъ съ Юга на Сѣверъ по самому обширному на землѣ государству, дабы навсегда сокрыться въ мрачной усыпальницѣ его полуварварскихъ предковъ. Ахъ, зачѣмъ не положили его подъ небеснымъ сводомъ, въ лонѣ природы, которую онъ любилъ и которой былъ онъ прекраснѣйшимъ созданіемъ!

Графиня Роксандра Скарлатовна Эдлингъ.

(Изъ „Одесскаго Вѣстника“ 1844 г).

16-го минувшаго Января скончалась здѣсь, на 58-мъ году своей жизни, послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, графиня *Роксандра Скарлатовна Эдлингъ*, урожденная *Стурдза*. Болѣе двадцати лѣтъ провела она въ нашемъ городѣ и въ нашемъ краю, и смерть ея есть горестная и невосполнимая утрата для нашего общества.

Свѣтлый и образованный умъ, душа благородная, открытая всему доброму и полезному, сердце согрѣтое теплою, христіанскою любовію къ ближнему, пріобрѣли ей неизмѣнное уваженіе и привязанность всѣхъ сословій нашего города. Радушный пріемъ и увлекательная ея бесѣда дѣлали гостинную ея пріютомъ всего образованнаго общества Одессы и всѣхъ замѣчательныхъ лицъ, временно посѣщавшихъ нашъ городъ. Разговоръ ея, оживленный множествомъ воспоминаній и многостороннею начитанностью, отличавшійся вѣрностью взгляда на предметы, удаленный всякой

тѣни злословія, былъ изящнымъ выраженіемъ свѣтлой ея души и высокаго ума, сохранившаго свѣжесть свою до послѣднихъ дней ея жизни. Въ бесѣдѣ графини Эдлингъ можно было находить не только истинное наслажденіе, но часто и успокоительный бальзамъ для души, какъ послѣ шумныхъ свѣтскихъ удовольствій, такъ и въ минуты унынія и скорби. Никто изъ пользовавшихся близкимъ ея знакомствомъ не забудетъ тѣхъ часовъ, которые можно было проводить въ тихомъ кругу ея, въ размѣнѣ мыслей, занимательныхъ для каждаго образованнаго человѣка, которыя она умѣла вызвать и которыя она всегда умѣла направить къ свѣтлымъ сторонамъ человѣчества.

Но не одно образованное общество нашего города лишилось многаго въ графинѣ Эдлингъ. Другое, болѣе многочисленное сословіе потеряло въ ней свою опору и благотворительницу: бѣдные и сироты. Не обинуясь можно сказать, что немногимъ частнымъ людямъ дано было въ удѣлъ однимъ личнымъ своимъ вліяніемъ сдѣлать такъ много добра, и добра негибнущаго, какъ покойной графинѣ. Благотворительность была однимъ изъ господствующихъ чувствъ души ея: она была для нея какъ-бы нравственною необходимостью. И графиня Эдлингъ была благотворительна не только по сердцу, но и по разуму. Мы не знаемъ и не можемъ знать, какъ много удѣляла она неимущимъ изъ своего достоянія—это тайна Сердцевѣдца; но мы видѣли, какъ всякое доброе дѣло, всякое благое начинаніе находило въ ней существенную и дѣятельную опору; какъ умѣла она побудить каждаго къ пожертвованіямъ, вмѣстѣ съ нею, въ пользу бѣдныхъ; какъ умѣла она сосредоточить и направить всѣ эти пожертвованія къ цѣли прочной и истинно-полезной. Съ самаго учрежденія въ Одессѣ Женскаго Благотворительнаго Общества, графиня Эдлингъ была постоянною его вице-предсѣдательницею и принимала самое живое, никогда не охладѣвавшее, участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ сего Общества, и особенно въ основаніи и развитіи здѣсь Дома призрѣнія сиротъ. Это благодѣтельное заведеніе, возникшее здѣсь почти изъ ничего, въ годину общаго народнаго бѣдствія, устроилось, расширилось и укрѣпилось одними добровольными пожертвованіями, бо́льшею частію по мыслямъ и по направленію графини Эдлингъ. Въ послѣдніе годы, она приняла не менѣе искреннее участіе въ основаніи здѣсь и другаго благотворительнаго заведенія, которымъ скоро украсится нашъ городъ, Дѣвичьяго воспитательнаго монастыря для дочерей и сиротъ православнаго духовенства. Она не дожила до открытія сего монастыря, но она много содѣйствовала къ предварительному его устройству, и чрезъ ея руки вступили, въ пользу его, весьма значительные вклады.

Нельзя не упомянуть о памятникѣ, оставленномъ графинею Эдлингъ и въ другомъ мѣстѣ нашего края: о прелестномъ ея помѣстьѣ „Манзырь“, въ Бессарабіи. Двадцать лѣтъ тому, тамъ, гдѣ нынѣ роскошно раскинутъ Манзырь, была безлюдная пустыня. Двухъ десятилѣтій достаточно было графинѣ Эдлингъ, чтобы, при содѣйствіи своего супруга, пустыню эту обратить въ одно изъ очаровательнѣйшихъ мѣстъ Бессарабіи и устроить тамъ полную земледѣльческую колонію, образцовую во всѣхъ отношеніяхъ, со

всѣми принадлежностями самаго благоустроеннаго помѣстья: церковью, садомъ, училищемъ, госпиталемъ, разнообразными земледѣльческими учрежденіями, и проч. Всѣ трудности, какія представляли и новость края, и многія неблагопріятныя обстоятельства, побѣждены были постоянствомъ графини Эдлингъ въ достиженіи задуманной ею полезной цѣли.

Такъ разнообразна и такъ полезна была жизнь и дѣятельность графини Эдлингъ.—Лишившись, два года тому, своего супруга, съ которымъ провела она двадцать пять лѣтъ счастливой жизни, она почти постоянно была съ тѣхъ поръ въ болѣзненномъ состояніи, которое она переносила съ христіанскою преданностью волѣ Небеснаго Отца, и съ изумительною твердостью. Родъ ея болѣзни предвѣщалъ мучительную смерть; но она, какъ бы въ награду свыше за свою жизнь, скончалась тихо, безъ страданій, на рукахъ брата, тайн. сов. Александра Скарлатовича Стурдзы, и на посмертномъ лицѣ ея отпечатлѣлось удивительное спокойствіе. Въ послѣднія минуты свои она старалась еще утѣшить брата своего въ предстоявшей ему потерѣ, припоминаніемъ, что смерть есть общій удѣлъ человѣчества. Молитвы окружавшихъ ее облегчили томленіе предсмертное въ душѣ, отходившей съ миромъ и теплою вѣрою.

18-го Января тѣло графини Эдлингъ перевезено было, въ сопровожденіи преосвященнаго Гавріила, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, и въ сопутствіи несмѣтной толпы народа, въ церковь Дома призрѣнія сиротъ, которой она была одною изъ строительницъ; въ полуверстѣ оттуда оно встрѣчено было облагодѣтельствованными ею сиротами. 19-го ч. преосвященный Гавріилъ совершилъ самъ, при содѣйствіи многочисленнаго духовенства, Божественную литургію и отпѣваніе тѣла; онъ высказалъ въ краткой рѣчи всѣ высшія христіанскія добродѣтели покойной и всю тяжесть утраты, какую понесли, со смертію ея, окружавшія гробъ ея сироты, и напутствовалъ бренные останки ея пастырскимъ благословеніемъ на вѣчный покой.

По желанію покойной графини гробъ ея преданъ землѣ на бывшемъ хуторѣ Чижевича, на берегу моря, у черты порто-франко, пріобрѣтенномъ нынѣ для дѣвичьяго монастыря, въ живописномъ мѣстѣ, отѣненномъ рѣдкими здѣсь елями и избранномъ ею для устройства тамъ новой „Божіей нивы“ для жителей нашего города.

Да почіетъ тамъ безмятежно прахъ ея; да осѣнятъ его благодарныя молитвы тѣхъ, кому она сдѣлала такъ много непреходящаго добра въ сей преходящей жизни!

А. Тр. *).

(Сообщено барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ).

---

*) Александръ Григорьевичъ Тройницкій.

КОПІЯ СЪ ОТНОШЕНІЯ ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ ВАРШАВСКАГО КЪ Г-НУ ВИЦЕ-КАНЦЛЕРУ ОТЪ 20-го ЯНВАРЯ 1841 ГОДА ПОДЪ № 136.

Архи-каѳедральный соборъ св. Іоанна въ Варшавѣ есть одинъ изъ любопытнѣйшихъ какъ по древности, такъ и по величію памятниковъ вѣры въ Царствѣ Польскомъ.

По историческимъ свѣдѣніямъ онъ воздвигнутъ въ 1400 году Болеславомъ III-мъ, княземъ Мазовецкимъ, а въ 1402 году при князѣ Янушѣ учреждена при немъ Коллегіата, переведенъ Капитулъ изъ города Черска, бывшаго прежде столицею княжества Мазовецкаго, и прежній приходъ св. Іоанна устроенъ надлежащимъ образомъ. При послѣдующихъ царствованіяхъ онъ увеличенъ и сдѣланы многія внутреннія украшенія; но въ послѣдніе предъ симъ шестьдесятъ лѣтъ храмъ сей, по недостатку усердія Римскихъ католиковъ, до того былъ оставленъ безъ поправокъ и безъ малѣйшей поддержки, что, не говоря о недостаткѣ внутренняго украшенія, дошелъ до вѣтхости, близкой къ разрушенію. Когда хотѣли передѣлывать церковь, одна изъ внутреннихъ колоннъ упала, а остальныя и вообще стѣны сего зданія угрожали паденіемъ.

Государь Императоръ, во всемилостивѣйшемъ вниманіи къ столь жалкому положенію первой святыни въ краѣ, высочайше соизволилъ на употребленіе потребной суммы на внутреннее и наружное исправленіе сего архи-каѳедральнаго собора. Вслѣдствіе сего вся внутренность церкви отдѣлана вновь, устроенъ въ изящномъ вкусѣ новый амвонъ, сдѣланъ новый великолѣпный органъ по всѣмъ правиламъ усовершенствованнаго по сей части искусства, устроивается новый у входа въ соборъ портикъ въ чистомъ готическомъ вкусѣ; такимъ образомъ на внутреннія украшенія и на наружную отдѣлку сего зданія издержано отъ монаршихъ щедротъ до 800 тыс. злотыхъ.

Въ 24-й день минувшаго Декабря по новому стилю, наканунѣ Рождества Христа Спасителя, совершено епископомъ суффраганомъ Хмѣлевскимъ, въ присутствіи членовъ Государственнаго и Администраціоннаго Совѣтовъ Царства, многочисленнаго духовенства и жителей города Варшавы, торжественное открытіе сего храма.

Обрядъ сей начался освященіемъ новыхъ иконъ, поставленныхъ во вновь устроенныхъ престолахъ; а затѣмъ введено братство съ хоругвями, и въ тоже время церковь наполнилась множествомъ народа обоего пола и всѣхъ состояній.

По перенесеніи Святыхъ Таинъ изъ ризницы въ главный алтарь, епископъ Хмѣлевскій совершилъ соборомъ вечерню при великолѣпномъ освѣщеніи церкви свѣчами, поставленными въ жирандоляхъ и на алтаряхъ. Послѣ вечерни каноникъ Инфулатъ Котовскій произнесъ съ новаго амвона назидательную рѣчь, впечатлѣвая въ сердца слушателей ту безпредѣльную вѣрноподданическую благодарность, коею они обязаны Государю Императору, не щадившему издержекъ на доведеніе первопрестольнаго храма до отличнѣйшаго во всѣхъ частяхъ состоянія, поставившаго его на ряду лучшихъ церквей въ иныхъ краяхъ.

По окончаніи сей рѣчи послѣдовалъ крестный ходъ, и епископъ Хмѣлевскій, воспѣвъ «Тебе Бога хвалимъ», окончилъ молитвою о благоденствіи Его Величества и Высочайшихъ Особъ Императорской фамиліи.

Народъ, какъ при семъ торжествѣ, такъ и послѣ нѣсколькихъ дней, посѣщая толпами возобновленный храмъ, изъявлялъ удовольствіе при видѣ послѣдовавшаго въ немъ внутренняго преобразованія.

Событіе это можетъ служить, вмѣстѣ со многими другими, подтвержденіемъ, что правительство не только не оставляетъ въ небреженіи всего, что̀ относится до религіи въ Царствѣ, но при недостаткѣ усердія Римскихъ католиковъ, не щадитъ издержекъ на сохраненіе благолѣпія приличнаго храму Господню. А потому, считая нужнымъ сообщить объ ономъ вашему сіятельству, честь имѣю быть и проч.

ГРАФЪ ВИКТОРЪ НИКИТИЧЪ ПАНИНЪ.

Характеристическій очеркъ по разсказамъ, моимъ запискамъ и воспоминаніямъ.

Графъ В. Н. Панинъ былъ человѣкомъ выдающимся во всѣхъ отношеніяхъ изъ ряда обыкновенныхъ людей. Онъ былъ огромнаго роста, который какъ будто увеличивался еще отъ нестройности его фигуры (онъ былъ сутуловатъ); голосъ у него былъ внушительный басъ, рѣчь была плавная. Онъ обладалъ изумительнымъ и чарующимъ краснорѣчіемъ, именно сжатостью выраженія, красотою слова, удачнымъ подборомъ эпитетовъ, сосредоточенностью мысли и ясностью того, о чемъ хотѣлъ говорить, такъ что, еслибы стенографъ записывалъ его рѣчь, то конечно для печати почти не пришлось бы переставлять ни одного слова, тогда какъ его письменный слогъ не имѣлъ приблизительно и тѣхъ достоинствъ, которыми отличалась его устная рѣчь (впрочемъ онъ и не упражнялся въ литературныхъ занятіяхъ). Память у него была необыкновенная. Образованіе было классическое *). Онъ обладалъ знаніемъ обоихъ древнихъ языковъ и легко усвоилъ себѣ первокласные Европейскіе языки. Его начитанность была обширная, преимущественно въ области исторіи и изящной литературы. Всю жизнь онъ особенно интересовался внѣшней политикой. Политическіе листы иностранныхъ газетъ, особенно «Times», онъ прочитывалъ отъ доски до доски. Его не устрашали никакіе томы.

Такъ, когда онъ былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи, въ 1832 году, предварительно своего вступленія въ должность, испро-

*) Отъ покойнаго М. И. Топильскаго слышали мы, что, обучаясь въ Іенѣ, графъ В. Н. Панинъ находился подъ нѣкотораго рода надзоромъ жившаго по сосѣдству, въ Веймарѣ, Гёте, котораго просилъ о томъ другъ его молодости, Московскій профессоръ Лодеръ. П. Б.

сивъ разрѣшеніе на продолжительный отпускъ, онъ удалился на все время въ свое подмосковное имѣніе (Марѳино) и тамъ прочелъ подъ рядъ весь Сводъ Законовъ. Уголовные и гражданскіе законы онъ почти выучилъ наизусть и зналъ ихъ отлично. Объ этомъ своемъ подвигѣ онъ любилъ даже сообщать приближеннымъ къ нему лицамъ.

По какимъ-то своимъ особымъ наблюденіямъ онъ увѣрился въ томъ, что, для изученія дѣла, какъ бы сложно оно ни было, потребно не болѣе двухъ недѣль времени, и съ этимъ соображалъ сроки, когда назначалъ кому-нибудь изъ своихъ подчиненныхъ работу, что̀ часто ставило ихъ въ немалое затрудненіе. Онъ былъ очень близорукъ и когда подъ старость лѣтъ зрѣніе совсѣмъ измѣнило ему (что̀ относили къ неумѣренному его чтенію, особенно мелкой печати нѣкоторыхъ заграничныхъ газетъ) онъ нанималъ чтеца.

Однако знанія пріобрѣтаемыя чтеніемъ какъ-то не перерабатывались его натурою, а оставались размѣщенными въ углахъ его богатой памяти, подобно книгамъ на полкахъ хорошо снабженной библіотеки. У него можно сказать не было никакого міровоззрѣнія. Воспитаніе его, сообразно той эпохѣ въ Россіи, когда онъ родился и проводилъ молодость среди высшаго общества, было болѣе Европейское, нежели Русское.

Въ образѣ жизни, при утонченной вѣжливости, онъ былъ недоступный аристократъ, дѣлавшійся съ теченіемъ времени, можно сказать, все болѣе и болѣе нелюдимымъ, такъ что сношенія съ нимъ тѣхъ, кои по рожденію не принадлежали къ аристократическому кругу, дѣлались почти невозможными. Гордость происхожденія заставляла его считать лицо не его круга простолюдиномъ, а людей низшихъ сословій онъ принималъ какъ бы за существа другаго порядка творенія. Къ образованнымъ молодымъ людямъ, какого бы положенія они ни были, и въ свой поздній возрастъ, онъ выказывалъ однако особое расположеніе. Къ нимъ вообще онъ былъ снисходителенъ. Въ обществѣ высшаго круга, которое онъ единственно и посѣщалъ, видали его нерѣдко уединившимся отъ всѣхъ и долго бесѣдующимъ вдвоемъ съ какимъ-нибудь юношею, котораго онъ встрѣчалъ случайно, въ первый разъ и который удостоился обратить на себя почему-либо его вниманіе.

Въ началѣ своего управленія Министерствомъ Юстиціи онъ предпочиталъ предоставлять молодымъ людямъ исполнять при немъ нѣкоторыя служебныя обязанности, и мнѣ удалось испытать на себѣ его снисхожденіе къ молодежи.

По выпускѣ изъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея я былъ опредѣленъ въ 1843 году на службу въ уголовное отдѣленіе един-

ственнаго департамента Министерства Юстиціи, въ которомъ и состоялъ до конца 1846 года и вскорѣ былъ внесенъ въ списокъ чиновниковъ наряжавшихся къ графу Панину на дежурство въ тѣ дни, когда онъ принималъ просителей и другихъ лицъ. Въ этотъ списокъ входили, по его приказанію, исключительно молодые люди, кончившіе курсъ наукъ въ Университетѣ, Лицеѣ и Училищѣ Правовѣдѣнія и вообще въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Пріемъ у графа продолжался съ 10-го часа утра до 3-хъ и 4-хъ часовъ по полудни. Обязанность дежурныхъ состояла въ томъ, чтобы отъ времени до времени, по мѣрѣ того какъ накопится до десяти посѣтителей или болѣе въ пріемной залѣ, входить съ докладомъ о томъ въ кабинетъ графа, гдѣ во все время пріема онъ сидѣлъ обыкновенно за разсмотрѣніемъ дѣлъ и подписаніемъ бумагъ, и когда затѣмъ выходилъ изъ кабинета въ залу для выслушиванія просителей всякаго званія, принимать отъ него поданныя ему бумаги и устныя приказанія, и, по внесеніи бумагъ въ реэстръ, передавать все по принадлежности въ регистратуру департамента Министерства Юстиціи. Если графъ самъ объявлялъ до срока (что̀ впрочемъ случалось очень рѣдко), что больше по чему-либо принимать не будетъ, то дежурный тѣмъ самымъ освобождался отъ своихъ обязанностей и могъ тотчасъ, по сдачѣ бумагъ, ѣхать домой. На одномъ изъ такихъ дежурствъ, послѣ того что графъ выходилъ уже нѣсколько разъ изъ кабинета къ просителямъ, прошло какъ-то болѣе часа времени, что никто вновь не являлся. Не зная еще хорошо нрава и обычаевъ графа и соскучившись сидѣть напрасно безъ дѣла, я не задумываясь вошелъ къ нему въ кабинетъ. Онъ неожиданно для меня хотя и ласково спросилъ: «что̀ вамъ угодно?» Это мгновенно навело меня на размышленія; я пришелъ въ смущеніе и не зналъ, что̀ сказать. На повторенный вопросъ я нашелся сказать только, что въ залѣ никого нѣтъ. Графъ сказалъ: «такъ зачѣмъ же вы вошли?» Тогда я уже рѣшился откровенно объяснить, что послѣ такого долгаго промежутка времени, въ который больше никто не являлся (чего въ мои дежурства никогда не случалось) нельзя уже ожидать еще просителей. Графъ: «такъ что же вы думаете?» Я отвѣчалъ: «думаю, что время всегда драгоцѣнно для человѣка и что такъ сидѣть или прохаживаться по комнатѣ, безъ дѣла, въ напрасномъ ожиданіи, есть совершенная и невозвратимая потеря времени». Графъ засмѣялся и сказалъ: «Вы совершенно правы, я съ вами согласенъ— времени никогда терять не должно. Чего же вы хотите?» Я признался, что желалъ бы уѣхать домой, что у меня было тамъ дѣло, возложенное на меня, для обработки его, начальникомъ отдѣленія (въ которомъ я тогда состоялъ, не занимая еще никакой штатной должности). Графъ:

«Я очень счастливъ, если могу доставить вамъ удовольствіе возвратиться домой; но въ такомъ случаѣ вы позволите и мнѣ тоже удалиться отсюда?» Замѣтивъ, что я сконфузился и не находилъ отвѣта, онъ ласково протянулъ мнѣ руку и отпустилъ съ дежурства, прибавивъ: «поѣзжайте съ Богомъ и скажите, что я ушелъ». Выйдя изъ кабинета и пройдя пріемную залу, я столкнулся съ Михаиломъ Ивановичемъ Топильскимъ (тогда правителемъ канцеляріи и довѣреннымъ уже лицемъ графа Панина, бывшимъ потомъ вице-директоромъ и директоромъ департамента Министерства Юстиціи, а наконецъ сенаторомъ). Онъ несся съ портфелемъ бумагъ къ графу. Я предупредилъ его, что графъ ушелъ изъ кабинета во внутренніе покои. М. И. Топильской спросилъ меня: «а вы куда идете?» я отвѣчалъ: «домой» и сталъ разсказывать ему обо всемъ случившемся. Сначала онъ отпрянулъ отъ меня въ испугѣ, такъ какъ всегда принималъ въ судьбѣ моей теплое участіе; выслушавъ же мой подробный разсказъ до конца, воскликнулъ: «Счастливы же вы! Это бываетъ рѣдко, такой развязки нельзя было и ожидать; значитъ, графъ былъ въ духѣ».

Въ 1843 году графъ Панинъ вздумалъ замѣнять довольно пожилыхъ людей, не получившихъ высшаго образованія и занимавшихъ притомъ высшія въ губерніяхъ Россіи должности по его вѣдомству (какъ-то прокуроровъ, товарищей предсѣдателей судебныхъ палатъ и губернскихъ стряпчихъ) молодыми людьми, кончившими курсъ въ высшихъ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и велѣлъ составить и подать себѣ списки всѣмъ такимъ молодымъ людямъ, служившимъ какъ въ департаментѣ Министерства Юстиціи, такъ и въ Сенатѣ, и первый жребій палъ на меня. Къ счастію въ этотъ разъ М. И. Топильской предупредилъ меня по желанію графа, что ему угодно назначить меня губернскимъ уголовныхъ дѣлъ стряпчимъ въ Смоленскъ. Не говоря о томъ, что семейныя обстоятельства не позволяли мнѣ тогда удалиться въ глушь совершенно чужой для меня губерніи, при отсутствіи въ то время желѣзныхъ путей въ Россіи, я опасался принять это мѣсто, сознавая мою неопытность въ производствѣ дѣлъ и знаніи людей, и особенно въ виду того, что губернскимъ стряпчимъ, и преимущественно уголовнымъ, поручалось губернскимъ правленіемъ производство слѣдствій по особенно важнымъ или сложнымъ дѣламъ, требовавшее тонкаго знанія всякихъ формальностей, сопряженныхъ съ слѣдственной практикой, причемъ въ тѣ времена не было ничего легче какъ, при малѣйшей оплошности или неосторожности, самому слѣдователю попасть подъ слѣдствіе и судъ. Поэтому я отказался отъ сдѣланнаго мнѣ предложенія. М. И. Топильской употребилъ всю силу убѣжденія къ склоненію меня принять предлагавшееся мѣсто; но я остался непре-

клоненъ; тогда онъ доложилъ о моемъ отказѣ графу, и мнѣ былъ данъ отвѣтъ, что пока графъ будетъ министромъ юстиціи, я не получу въ департаментѣ никакой должности. Это однако не помѣшало мнѣ, по прошествіи нѣкотораго времени, именно въ 1844 году, занять въ уголовномъ же отдѣленіи прямо мѣсто старшаго помощника столоначальника, и хотя я былъ имъ назначенъ въ отсутствіи графа, который былъ тогда за границей, его товарищемъ Василіемъ Александровичемъ Шереметевымъ, исправлявшимъ его должность; но, до оставленія графомъ поста министра юстиціи въ концѣ 1862 года, я продолжалъ во все время пользоваться его благоволеніемъ, которое обнаружилось съ самаго начала, при первомъ его со мною обращеніи по обязанностямъ службы; а это доказываетъ, скажу мимоходомъ, какъ и многіе другіе, болѣе значительные случаи, что, будучи неумолимъ во взысканіяхъ, которымъ доводилось ему лично подвергать своихъ подчиненныхъ, онъ никогда злопамятенъ не былъ. Затѣмъ послѣ меня выборъ на Смоленскую вакансію палъ на старшаго помощника столоначальника Магнуса, который не задолго передъ тѣмъ, помнится, при покровительствѣ бывшаго тогда директоромъ департамента Бориса Карловича Данзаса, бывъ переведенъ изъ провинціи на службу въ Петербургъ, особенно дорожилъ этимъ и, не желая опять переселяться въ провинцію, также какъ и я отказался, но былъ менѣе меня счастливъ: потому что графъ по докладѣ ему объ этомъ, уже разгнѣванный однимъ отказомъ, приказалъ ему, чрезъ М. И. Топильскаго, подать тотчасъ прошеніе объ увольненіи отъ занимаемой имъ должности, вслѣдствіе чего онъ и былъ немедленно уволенъ изъ Министерства Юстиціи. Наконецъ, графъ остановилъ свой выборъ на окончившемъ курсъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія Николаѣ Александровичѣ Замятинѣ, который въ послѣдствіи былъ директоромъ одного изъ департаментовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ при министрѣ Петрѣ Александровичѣ Валуевѣ. Н. А. Замятинъ тоже хотѣлъ отклонить отъ себя это предложеніе; но М. И. Топильской, объяснивъ ему, что графъ отказа больше не принимаетъ, не взялъ на себя докладывать ему объ этомъ, а доставилъ Замятину случай самому объяснить лично о своемъ нежеланіи графу Панину, котораго убѣдительная рѣчь и пріемъ полный благоволенія такъ подѣйствовали на Замятина, что онъ рѣшился принять предложенное мѣсто въ Смоленскъ; но это не помѣшало ему быть вскорѣ привлечену тамъ къ суду по какому-то дѣлу, такъ что движеніе его по службѣ было этимъ остановлено на нѣкоторое и довольно продолжительное время.

Огромное большинство губернскихъ, а особенно уѣздныхъ чиновниковъ Министерства Юстиціи не было вовсе знакомо графу. По-

этому при столкновеніяхъ по службѣ съ высшимъ начальствомъ другихъ вѣдомствъ, когда о томъ доходило до графа Панина, онъ не отстаивалъ служащихъ у него, а обыкновенно выдавалъ ихъ головою. Онъ любилъ переводить подвѣдомственныхъ ему высшихъ губернскихъ чиновниковъ съ мѣста на мѣсто, хотя бы и равное одно другому, и не только изъ губерніи въ губернію, но и изъ одного края въ другой, самый отдаленный край Россіи, безъ предваренія о такомъ внезапномъ переводѣ, для того, какъ онъ выражался, «чтобъ не залеживались и не заживались въ одной мѣстности». Графъ считалъ это вреднымъ для службы, а иногда перемѣщалъ служащихъ по причинамъ, которыя только ему и М. И. Топильскому были извѣстны.

Такіе переводы, при скудныхъ въ то время содержаніяхъ вообще чиновниковъ Министерства Юстиціи, объ уравненіи которыхъ относительно ихъ окладовъ съ служившими въ другихъ вѣдомствахъ графъ никогда и не заботился, раззоряли переводимыхъ имъ лицъ, особенно если кромѣ жалованья они ничѣмъ обезпечены не были, что даже вынуждало иныхъ оставлять службу въ Министерствѣ Юстиціи и изыскивать какіе-нибудь другіе способы къ прокормленію себя или своихъ семействъ *).

Графъ Панинъ не жаловалъ на гражданской службѣ лицъ изъ духовнаго званія, хотя бы они окончили свое образованіе въ университетѣ или другихъ высшихъ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Имъ обыкновенно онъ не давалъ у себя хода.

Замкнутость въ своемъ кругу и отчужденность отъ общества лишали его возможности понимать людей и распознавать ихъ непосредственно. Совершенное же невѣдѣніе ихъ быта отнимало у него способъ входить въ ихъ положеніе и нужды, тѣмъ болѣе, что самъ онъ обладалъ большимъ недвижимымъ состояніемъ, до 21-й тысячи душъ, при умѣренныхъ оброкахъ, и располагалъ ежегоднымъ доходомъ отъ 127 до 136 тысячъ рублей, который весь и проживалъ. Эта разница полученія дохода происходила отъ того, что часть его имѣній, впрочемъ очень незначительная, оставалась на запашкѣ, и доходы съ нея состояли въ зависимости отъ урожаевъ. При этомъ у него опредѣлена была особая сумма, которая расходовалась исключительно на дѣла благотворенія.

Нелюдимость графа Панина и отчужденность сдѣлали изъ него, если можно такъ выразиться, *отвлеченнаго* человѣка.

---

*) Извѣстно, что въ уѣздныхъ судахъ въ то время была штатная должность (разумѣется писаря), съ окладомъ жалованья по 75 коп. въ мѣсяцъ, и находились люди, въ приниженномъ конечно общественномъ положеніи, которые занимали и эти мѣста.

Когда приходилось ему принимать участіе въ засѣданіяхъ государственныхъ учрежденій, комитетахъ или коммиссій и возражать противъ положеній, не заслужившихъ его одобренія, онъ, при своемъ удивительномъ дарѣ слова, мастерски извлекалъ сущность изъ всѣхъ различныхъ мнѣній, высказанныхъ другими, развивалъ ясно и послѣдовательно свою мысль, но приходилъ иногда къ такому неожиданному заключенію, что связать его съ тѣмъ къ чему онъ клонилъ свою рѣчь не было никакой возможности, а еще менѣе привести въ дѣйствіе его предложеніе.

Онъ какъ будто никогда не предвидѣлъ, что къ исполненію имъ задуманнаго могутъ встрѣтиться препятствія и даже, по объясненіи ему дѣла съ практической стороны, иногда не могъ представить себѣ ясно указываемыхъ ему препятствій.

Такая непрактичность и природная, довольно большая его разсѣянность породили въ немъ странности и дѣлали его большимъ оригиналомъ. Анекдотамъ, ходившимъ объ немъ въ обществѣ, не было конца, и они вызывали своихъ собирателей.

Ходилъ въ свое время разсказъ, что, оставаясь однажды на все лѣто въ Петербургѣ, въ самомъ городѣ (потому что его семейство пребывало за границей), графъ сталъ тяготиться своимъ одиночествомъ. Тогда онъ поручилъ экзекутору и казначею департамента Министерства Юстиціи, Ивану Матвѣевичу Лалаеву купить нѣсколько попугаевъ порѣчистѣе и велѣлъ разставить ихъ въ клѣткахъ у себя по разнымъ комнатамъ. Во время его занятій, когда, утомленный долгимъ сидѣньемъ, онъ вставалъ, чтобъ пройтись по заламъ своей просторной квартиры, бывшей тогда въ домѣ Министерства Юстиціи, попугаи начинали кричать и болтали. Это настолько утѣшало его, что онъ говорилъ М. И. Топильскому, что одиночество стало для него легче съ тѣхъ поръ какъ у него попугаи, что онъ слышитъ у себя какъ бы живую рѣчь и чувствуетъ, что онъ не одинъ...

Когда Герценъ издавалъ за границей свой «Колоколъ» и предметомъ своего остроумія и насмѣшекъ избиралъ состоявшихъ тогда у насъ во власти лицъ и особенно не давалъ покоя графу Панину, послѣдній прилежно читалъ «Колоколъ» и, нисколько не раздражаясь противъ его издателя, довольно добродушно говорилъ состоявшему при немъ безсмѣнно М. И. Топильскому: «Полезно и намъ послушать иногда и прочитать, что̀ объ насъ думаютъ и говорятъ другіе, здѣсь и за границей».

Характерныя и прекрасныя черты воспитанія того времени, въ которое протекали дни его первой молодости, а именно страхъ Божій, повиновеніе родителямъ и почтеніе къ старшимъ, переродились въ немъ

въ педантизмъ и такой особый формализмъ, что у него составились своеобразныя понятія объ исполненіи служебныхъ обязанностей, или вообще какого бы то ни было долга. Такъ сохранилось преданіе о дняхъ его юности, что когда онъ, отъ 1824 до 1826 года, состоялъ вторымъ секретаремъ при нашемъ посольствѣ въ Мадритѣ и по неважности нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Испаніей, служба, оставляя много свободнаго времени, казалась ему слишкомъ легкою: то съ цѣлью наложенія на себя бóльшей тяготы, онъ установилъ добровольно свое особое, совершенно безполезное, дежурство, на подобіе тѣхъ, какія были учреждены у насъ въ канцеляріяхъ или департаментахъ министерствъ, и для того въ назначенные имъ дни недѣли приходилъ съ подушкой въ пріемную посольства и оставался тамъ цѣлые сутки не раздѣваясь на ночь, и лишь утромъ другаго дня, разумѣется никѣмъ не смѣняемый, самъ смѣнялъ себя съ дежурства.

При этомъ однакоже, установляя самъ для своихъ подчиненныхъ формальности, которыя считалъ въ извѣстныхъ, частныхъ только случаяхъ, необходимыми, онъ не требовалъ соблюденія бюрократическихъ формальностей, вообще мало ему извѣстныхъ, не требовалъ и особой тщательности въ перепискѣ представляемыхъ ему бумагъ, лишь бы онѣ были четко написаны, а на сохраненіе порядка въ служебныхъ мелочахъ и вовсе почти не обращалъ вниманія.

На его письменномъ столѣ, въ кабинетѣ, гдѣ складывались дѣловыя бумаги, царствовалъ постоянно такой безпорядокъ, что пролежавшую тамъ нѣсколько дней бумагу часто невозможно было и найти. Если туда попадало какое-нибудь прошеніе или записка, оставленныя графомъ у себя для прочтенія и встрѣчалась надобность ускорить, по чьей-либо просьбѣ, ихъ движеніе: то самъ М. И. Топильской, имѣвшій во всякое время входъ въ кабинетъ графа, отказывался отъ разысканія бумаги и просилъ, если только можно было, представить вновь то что было написано графу.

Еще въ бытность директоромъ департамента Министерства Юстиціи Матвѣя Михаиловича Карніолинъ-Пинскаго, одинъ изъ начальниковъ отдѣленія (которые тогда сами докладывали дѣла министру) представилъ графу Панину, по безотлагательному его требованію, какую-то по дѣлу для подписи бумагу. Въ тотъ же день какъ она была представлена, графъ позабылъ о ней, но чрезъ нѣсколько времени хватился ея и, вызвавъ къ себѣ начальника отдѣленія, спрашивалъ, почему имъ не исполнено его приказаніе? Послѣдній доложилъ, что представилъ графу бумагу, вслѣдъ за приказаніемъ, такого-то числа. Графъ сказалъ ему, что не помнитъ и бумаги не видалъ. Когда начальникъ отдѣленія оставался при своемъ утвержденіи, графъ предо-

ставилъ ему розыскивать бумагу на его письменномъ столѣ и вышелъ на то время изъ кабинета. По возвращеніи туда спросилъ, найдена ли бумага? Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ отпустилъ наначальника отдѣленія и, пригласивъ директора департамента, поручилъ ему сдѣлать распоряженіе объ увольненіи начальника отдѣленія отъ службы. М. М. Пинскій, жалѣя способнаго и полезнаго чиновника, притомъ еще и неповиннаго, отсрочивалъ представленіе доклада объ его увольненіи, въ надеждѣ, что бумага можетъ быть отыщется. Графъ, вспомнивъ самъ о происшествіи, повторилъ свое требованіе и, несмотря на ходатайство М. М. Пинскаго о снисхожденіи къ этому чиновнику, назначилъ уже день, въ который докладъ долженъ быть ему представленъ. Между тѣмъ, кажется наканунѣ того дня, камердинеръ графа, принявшись случайно, вслѣдствіе напавшаго на него усердія, за обметаніе пыли во всѣхъ углахъ кабинета и отнимая для того отъ спинки кресла у письменнаго стола подушку (которая, по тогдашнему устройству покойныхъ креселъ, привязывалась тесемками къ рѣшетчатой ихъ спинкѣ) замѣтилъ завалившуюся туда бумагу и, предполагая, что она можетъ быть нужная, отнесъ ее тотчасъ къ Топильскому (бывшему тогда еще правителемъ канцеляріи министра), а послѣдній передалъ ее директору. Бумага оказалась тою самою, которая была представлена графу начальникомъ отдѣленія подвергшимся опалѣ. Пинскій, исполнивъ приказаніе графа, вошелъ къ нему въ назначенный день съ докладомъ объ увольненіи опальнаго и объяснилъ притомъ, что требовавшаяся бумага нашлась въ кабинетѣ графа между подушкой и спинкой его кресла. Тогда графъ, сначала удивленный, вскорѣ припомнилъ, что, въ день представленія ему затерявшейся бумаги, онъ уѣзжалъ на вечеръ и возвратился домой около двухъ часовъ пополуночи, и тутъ хватившись бумаги, которую не успѣлъ еще разсмотрѣть, принялся за ея чтеніе, но утомленный по позднему времени, задремалъ, и вѣроятно эта бумага, выскользнувъ у него изъ рукъ, упала за подушку кресла, на которомъ онъ сидѣлъ. Сообщивъ объ этомъ Пинскому и разрѣшивъ затѣмъ оставить на службѣ предназначавшагося къ удаленію отъ нея начальника отдѣленія, онъ прибавилъ: «я радъ, что этотъ случай избавляетъ его отъ законной отвѣтственности».

Въ слѣдствіе строгаго отношенія ко всякимъ обязанностямъ и неуклоннаго исполненія разъ даннаго имъ слова, чего бы оно ему ни стоило, у него образовался характеръ суровый—Спартанскій.

Наталкиваясь какъ бы случайно на разныя событія жизни (потому что внутренняя ихъ связь, вслѣдствіе отчужденія его отъ дѣйствительности, всегда отъ него ускользала), онъ усвоивалъ себѣ пра-

вила поведенія, между которыми также, большею частію, не было ни послѣдовательности, ни связи. Онъ оставался однако неизмѣнно и постоянно вѣренъ этимъ правиламъ, и не только самъ строго исполнялъ ихъ, но и отъ другихъ, отъ него зависѣвшихъ лицъ, требовалъ строгаго исполненія. Поэтому въ служебныхъ отношеніяхъ съ подчиненными онъ являлся совершеннымъ деспотомъ.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ образъ и характеръ графа В. Н. Панина.

Служба при немъ была конечно тяжела и даже невыносима для человѣка желающаго быть сколько-нибудь независимымъ.

Въ продолженіе первой половины своего болѣе 20-ти лѣтняго управленія Министерствомъ Юстиціи, съ 1839 года по конецъ 1862 года, онъ принималъ доклады, кромѣ директора департамента, еще отъ вице-директора, начальниковъ отдѣленій и правителя канцеляріи, стоявшаго въ іерархической лѣстницѣ наравнѣ съ начальниками отдѣленій. Во второй же половинѣ министерствованія графа къ нему имѣлъ всегдашній доступъ только директоръ департамента Министерства Юстиціи М. И. Топильской, и всѣ личныя сношенія съ графомъ служащихъ въ его вѣдомствѣ прекратились, такъ что всякіе переговоры съ нимъ о дѣлахъ происходили единственно чрезъ посредство директора. Изъ сенаторовъ имѣли входъ къ нему немногіе,—только тѣ, которые по своимъ связямъ въ высшемъ кругу были ему лично знакомы. Приближеніе человѣка къ себѣ онъ считалъ какимъ-то особымъ дѣйствіемъ, требующимъ времени, постепенности и нѣкоторыхъ испытаній; это невольно напоминало обстановленное церемоніаломъ принятіе новичка въ какую-нибудь масонскую ложу.

Онъ былъ проникнутъ беззавѣтною преданностью къ представителю верховной власти. Волю Государя считалъ священною и форму монархическаго неограниченнаго правленія признавалъ самой лучшей изъ всѣхъ формъ государственнаго правленія. Высочайшія повелѣнія онъ исполнялъ буквально, безъ разсужденія, требуя того же и при исполненіи, подвѣдомыми ему лицами, своихъ приказаній; поэтому онъ преимущественно цѣнилъ въ подчиненномъ безотвѣтную покорность и соблюденіе тайны во всемъ, чтò ввѣрялось ему по дѣламъ службы, сообразно присягѣ, повторявшейся тогда каждымъ служащимъ не только при всякомъ назначеніи на новую должность, но и при производствѣ въ каждый слѣдующій чинъ. Высшимъ же достоинствомъ служащаго при немъ чиновника графъ Панинъ ставилъ личную преданность къ себѣ (какъ ея требовалъ отъ всѣхъ его окружавшихъ), и нерѣдко возлагалъ на чиновниковъ, съ коими ближе обращался, и свои собственныя домашнія порученія наравнѣ съ казенными. Директоръ де-

партамента М. И. Топильской не только завѣдывалъ конторою по управленію его имѣніями, но былъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы и управителемъ его дома; а экзекуторъ и казначей департамента Министерства Юстиціи Иванъ Матвѣевичъ Лалаевъ исполнялъ постоянно порученія графа относительно устройства его квартиры, смотрѣнія за нею, закупки и заказовъ принадлежностей домашняго обихода. Впрочемъ графъ не оставлялъ такихъ личныхъ услугъ безъ вознагражденія изъ своихъ собственныхъ средствъ, или назначалъ за то особенное свое постоянное и опредѣленное жалованье, или дѣлалъ по своему усмотрѣнію отъ времени до времени подарки и денежныя выдачи.

Когда онъ задумалъ оставить свою казенную квартиру и переѣзжалъ на жительство въ собственный домъ на Фонтанкѣ, у Сименовскаго моста (гдѣ и оставался жить до конца своихъ дней), ему пришла мысль украсить получше стѣны своихъ покоевъ. Въ живописи онъ понималъ очень мало и чувствомъ изящнаго отъ природы особенно одаренъ не былъ. Тогда онъ призвалъ къ себѣ И. М. Лалаева и поручилъ ему отправиться въ Гостинный Дворъ, на Щукинъ и Апраксинъ, и тамъ въ лавкахъ, гдѣ торгуютъ старыми картинами, поискать и купить ему картинъ, какія найдутся, старыхъ извѣстныхъ художниковъ, имена которыхъ онъ тутъ же сталъ называть ему. Экзекуторъ, совсѣмъ уже незнакомый съ исторіей искусствъ и не отличавшій конечно великихъ мастеровъ, терялся и мысленно повторялъ за графомъ произносимыя послѣднимъ во время отдачи приказанія имена, а когда вышелъ отъ него, то продолжалъ на лѣстницѣ твердить ихъ наизусть, но тутъ былъ позванъ для какого-то дѣла по своей службѣ, а когда кончилъ его, то всѣ полузатверженныя имена вышли у него изъ памяти. Столкнувшись случайно вслѣдъ затѣмъ со мною въ департаментѣ министерства, смущенный и разстроенный, онъ открылъ мнѣ свою печаль и свое безвыходное положеніе, какъ ему исполнить порученіе графа. Я сталъ называть ему, сколько помню, имена: Тиціана, Рембрандта, Корреджіо, Рубенса, Рюисдаля, Грёза и нѣсколькихъ другихъ. Онъ, по временамъ перебивая меня, восклицалъ: «Онъ самый!... этого, кажется, онъ и называлъ!» Убѣдившись однако въ тщетныхъ усиліяхъ его памяти, я посовѣтывалъ ему поискать и пригласить кого-нибудь изъ Академіи Художествъ, хотя и неособенно важнаго художника, и обойти съ нимъ лавочки старыхъ картинъ и вмѣстѣ поискать желаемыхъ графомъ мастеровъ. Этимъ совѣтомъ Лалаевъ остался очень доволенъ; но мнѣ не пришлось потомъ узнать, чѣмъ кончился этотъ эпизодъ и насколько удалось ему въ этихъ обстоятельствахъ угодить графу.

Когда графъ Панинъ возлагалъ на кого-нибудь порученіе по службѣ, онъ не имѣлъ обыкновенія предварять намѣченное для того лицо, но разъ сдѣлавъ къ тому распоряженіе, онъ уже не принималъ никакихъ самыхъ уважительныхъ причинъ отказа со стороны избраннаго имъ лица. Если ему представляли семейныя обстоятельства или просили облегченія при исполненіи обязанной чиновнику по болѣзни, онъ обыкновенно отвѣчалъ, что «служба не богадѣльня».

Устныя по службѣ сношенія и объясненія съ графомъ, кромѣ какъ въ самыхъ экстренныхъ и только, по понятію его самого, важныхъ случаяхъ, происходившія во второй половинѣ его управленія министерствомъ, всегда чрезъ третье лицо, чрезъ Топильскаго (которому самое дѣло было иногда совершенно чуждо), подавали очень часто поводъ къ болѣе или менѣе важнымъ недоразумѣніямъ, отъ которыхъ происходили комическія сцены, а иногда и драматическія положенія, заставлявшія служащаго внезапно выйти изъ службы и остаться можно сказать на улицѣ, при недостаточности средствъ къ существованію.

Разъ данную имъ на представленномъ докладѣ или вступившей бумагѣ резолюцію графъ уже не считалъ возможнымъ измѣнить, полагая, что этимъ умалилъ бы достоинство своего званія и положенія, хотя бы такая резолюція была дана имъ по ошибкѣ или недоразумѣнію, или была бы и вовсе неисполнима.

Однажды, напримѣръ, одинъ изъ начальниковъ отдѣленія департамента Министерства Юстиціи подалъ графу Панину просьбу о разрѣшеніи ему отпуска на четыре мѣсяца, вслѣдствіе тяжкой болѣзни (кажется чахотки), требовавшей, по заключенію врачей, продолжительнаго пребыванія въ южномъ климатѣ. Графъ на докладѣ представленномъ ему объ этомъ написалъ почему-то: «разрѣшить отпускъ Г.», который былъ въ то время тоже начальникомъ, но другаго отдѣленія. Когда послѣднему была объявлена резолюція, онъ, немало тому удивленный, объяснилъ директору департамента, что онъ не просился въ отпускъ, и ѣхать ему некуда и не зачѣмъ, что ему пришлось бы напрасно лишиться своего содержанія за четыре мѣсяца, такъ какъ при такомъ срокѣ отпуска жалованье по закону не выдается, и потому просилъ доложить объ этомъ графу Панину. Топильской отказался входить къ министру съ докладомъ объ этомъ, доказывая, что это безполезно, что графъ ни за что своей резолюціи не измѣнитъ и уговорилъ Г. удалиться отъ дѣлъ недѣли на двѣ или на три, ибо отдыхъ трудящимся всегда полезенъ, и затѣмъ написать министру рапортъ, что, получивъ облегченіе отъ болѣзни, онъ прежде истеченія срока отпуска возвратился къ своимъ обязанностямъ, чѣмъ самымъ

устранялось по закону препятствіе къ полученію имъ жалованья, слѣдовавшаго за проведенное имъ въ отпускѣ время; а о томъ начальникѣ отдѣленія, котораго отпускъ вызывался необходимостью, былъ представленъ графу Панину, по новой о томъ просьбѣ и по прошествіи нѣкотораго времени, особый докладъ.

Въ другой разъ, спустя послѣ того много лѣтъ, когда графъ Панинъ былъ уже предсѣдателемъ коммиссій по крестьянскому дѣлу, надлежало выдать Деноткину, содержателю частной типографіи, работавшей на коммиссіи, на основаніи сдѣланнаго разсчета, 1.500 рублей. Графъ на представленной ему о томъ бумагѣ написалъ: «Выдать деньги г-ну Домонтовичу», который былъ тогда членомъ Редакціонныхъ Коммиссій и никакими счетами типографіи не завѣдывалъ; по разъясненіи же этого недоразумѣнія далъ все-таки такую резолюцію—«выдать деньги Домонтовичу, съ тѣмъ, чтобъ онъ передалъ ихъ Деноткину».

Окруженный съ самаго начала, съ тѣхъ поръ какъ былъ назначенъ министромъ юстиціи, немногими только, состоявшими въ непосредственныхъ съ нимъ сношеніяхъ, лицами, графъ В. Н. Панинъ, вслѣдствіе недосягаемости до него, представлялся огромному большинству чиновниковъ его вѣдомства какимъ-то богомъ Олимпа, и какъ миѳы передавались разсказы о его чрезвычайныхъ дѣйствіяхъ. Многіе изъ служащихъ никогда его не видали, поэтому господствующимъ въ нихъ чувствомъ къ нему былъ страхъ. Впрочемъ, этотъ страхъ былъ общій. Отъ него не были свободны и тѣ, которымъ приходилось быть въ непосредственныхъ и частыхъ съ нимъ сношеніяхъ по службѣ, равно какъ и тѣ, которые лишь отъ времени до времени попадались ему на глаза. Такъ Топильской былъ одержимъ всегдашнимъ страхомъ, какъ бы не забыть чего-нибудь, что̀ приказалъ графъ или не со всею точностью исполнить его приказаніе, или наконецъ чѣмъ-нибудь не угодить ему. Я помню, въ началѣ моей службы, помощникомъ экзекутора И. М. Лалаева нѣкоего Сердюкова, Малоросса по происхожденію. Какъ только приходилось ему произносить своимъ Малороссійскимъ выговоромъ слово «грахвъ», онъ мгновенно вытягивался, закрывалъ глаза и можно сказать замиралъ; а если при какомъ-нибудь разговорѣ о другомъ лицѣ до уха его долетало слово графъ, руки его опускались по швамъ, и онъ становился въ позу военнаго человѣка, отдающаго честь какъ бы кому-то невидимому: ему тотчасъ представлялся графъ В. Н. Панинъ, котораго иначе какъ «грахвъ» онъ не позволялъ себѣ и называть, забывая въ то время, что есть на свѣтѣ и другіе графы.

Отношенія графа Панина къ подчиненнымъ, не имѣвшимъ непосредственнаго къ нему доступа, были разнообразны.

Надо отдать ему справедливость, что къ состоявшимъ долго на службѣ въ Министерствѣ Юстиціи и Сенатѣ, именно десятки лѣтъ, особенно если эти лица занимали такое продолжительное время одну и туже должность, онъ относился съ большимъ уваженіемъ и оказывалъ имъ особое вниманіе и снисхожденіе.

Губернскихъ чиновниковъ, зависѣвшихъ отъ его назначенія, хотя бы они и долго служили, онъ, безъ спроса ихъ и предваренія, переводилъ отъ времени до времени съ мѣста на мѣсто, чаще всего равное одно другому на іерархической лѣстницѣ службы. Прочихъ же, какъ напримѣръ уѣздныхъ, онъ не зналъ вовсе и о нихъ не заботился.

Всякій письменный служебный трудъ, доходившій до его разсмотрѣнія, онъ цѣнилъ по достоинству, и за большую и хорошо исполненную работу иногда устно чрезъ Топильскаго, а иногда и письменно изъявлялъ свою признательность, которую въ такомъ случаѣ считалъ за высшую награду для трудившагося. Закономъ установленныя почетныя или денежныя награды отъ правительства (послѣднихъ онъ въ особенности не любилъ), шли туго служившимъ тогда въ департаментѣ Министерства Юстиціи и консультаціи (это тоже, что̀ совѣтъ при другихъ министрахъ) и еще туже въ Сенатѣ, а по вѣдомству министерства очень рѣдко, и немногіе удостоивались этихъ наградъ изъ губернскихъ чиновниковъ. Уѣздные же не знали ихъ вовсе.

Того, чья работа попадалась неоднократно графу на глаза и ему нравилась, онъ приближалъ къ себѣ. Это приближеніе знаменовалось расположеніемъ его двигать такое лицо довольно быстро по ступенямъ служебной іерархіи. Прежде всего онъ обыкновенно приказывалъ внести его въ списокъ чиновниковъ, докладывавшихъ дѣла на консультаціи и возлагалъ на него, сверхъ обязанностей по занимаемой имъ должности, самыя разнообразныя служебныя порученія, исполненіемъ которыхъ былъ особенно заинтересованъ. Возлагая порученія, графъ очень рѣдко, въ самыхъ важныхъ по его мнѣнію случаяхъ, допускалъ такое лицо до себя для объясненій. Далѣе этого приближеніе не простиралось. Обратившему на себя его вниманіе приходилось до нѣкоторой степени проститься съ своимъ покоемъ. Онъ лишался его не потому, чтобъ графъ часто отрывалъ отъ дѣла или обременялъ порученіями, а потому что эти порученія подходили совершенно неожиданно, въ неудобную минуту жизни, когда напримѣръ не здоровится самому, или болѣзнь въ домѣ, или нельзя почему-либо покинуть семейство, или наконецъ есть неотложныя хлопоты по домашнимъ дѣламъ. Предупреждать же заранѣе, какъ выше объяснено, о возложеніи порученія не было въ обычаѣ, и отказъ отъ него не допускался. Тутъ никакія обстоятельства не принимались въ соображеніе. Притомъ же

эти порученія давались графомъ почти всегда чрезъ посредство третьяго лица, поэтому не рѣдко довольно неопредѣленно. Когда напримѣръ дѣло шло объ извлеченіи и доставленіи графу какихъ-либо документовъ, онъ по своей непрактичности не умѣлъ чаще всего дать заранѣе самому себѣ отчета, въ какомъ видѣ онъ желалъ бы, чтобъ они были ему представлены. Тогда исполнявшему его порученіе приходилось придумывать такую форму и систематическій порядокъ расположенія этихъ свѣдѣній, которые были бы самыми удобными для графа. Иногда Топильской, не усвоивъ себѣ вполнѣ чего требовалъ графъ, передавалъ порученіе въ самыхъ общихъ чертахъ, прибавляя: «а ужъ тамъ какъ надо сдѣлать, придумайте сами». Тогда предстояла трудная задача отгадать мысли графа, чтобъ угодить ему. Если порученіе было экстренное, вслѣдствіе напримѣръ какого-нибудь неожиданнаго событія, которому графъ придавалъ особую важность, онъ требовалъ тайны, рекомендуя Топильскому умолчать о томъ или другомъ и скрыть до времени предъ тѣмъ лицомъ, кому давалось порученіе, въ чемъ оно заключается. Въ иное время, когда всякій зналъ, что порученіе не можетъ быть возложено иначе какъ отъ имени графа, онъ посылалъ Топильскаго передать его тому, кто долженъ его исполнить, какъ-нибудь *стороной*, какъ будто оно исходило не отъ графа. Тогда Топильской при передачѣ порученія, обыкновенно путался, не договаривалъ, а часто изъ словъ его ужъ и совсѣмъ нельзя было понять, чего желаетъ графъ. Затрудненія увеличивались, когда порученіе давалось въ отъѣздъ.

Такъ въ 1862 году, по донесенію губернскаго прокурора министру юстиціи, возникло дѣло о Тверскихъ мировыхъ посредникахъ, возбудившихъ въ продолженіе исполненія положеній 19-го Февраля 1861 года вопросъ о необходимости обязательнаго для крестьянъ выкупа состоявшихъ у нихъ въ пользованіи земель и о настоятельности немедленнаго отвода ихъ надѣловъ къ однимъ мѣстамъ. Нѣкоторые посредники по общему согласію подписали постановленіе, чтобъ представить о томъ высшему правительству. Это было принято въ Петербургѣ за возбужденіе народа противъ власти и за неповиновеніе уставамъ 19-го Февраля. Дѣло было раздуто *). Графъ Панинъ и бывшій тогда министръ внутреннихъ дѣлъ представили его такъ, что было повелѣно посредниковъ, которыхъ число было 13, немедленно арестовать и заключить въ крѣпость, съ преданіемъ суду Правительствующаго Сената; а между тѣмъ для разбора дѣла было опредѣлено составить коммиссію, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Анненкова, бывшаго тогда государственнымъ контролеромъ, изъ оберъ-прокурора,

*) До того, что Тверскому губернатору, графу П. Т. Баранову, разрѣшено было, въ случаѣ надобности, употребить воинскую силу. (Слышано отъ Ю. В. Толстаго). П. Б.

одного оберъ-секретаря, одного секретаря Сената и сверхъ того депутата отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Будучи тогда оберъ-прокуроромъ Сената и не зная ничего обо всемъ этомъ, я неожиданно получилъ съ курьеромъ, поздно вечеромъ, записку отъ М. И. Топильскаго пожаловать къ нему на другой же день въ 8 часовъ утра по приказанію министра юстиціи. Проведя ночь въ нѣкоторой тревогѣ, я поспѣшилъ, вставъ очень рано, исполнить приказаніе графа; но вслѣдствіе разницы моихъ часовъ съ министерскими, опоздалъ ровно на четыре минуты. М. И. Топильской встрѣтилъ меня на порогѣ своей квартиры въ домѣ Министерства Юстиціи совсѣмъ готовый уже ѣхать за мной, въ мѣховомъ пальто и шапкѣ на головѣ. Былъ Февраль мѣсяцъ въ первой половинѣ. Обрадованный и успокоенный моимъ все-таки своевременнымъ прибытіемъ, онъ поспѣшилъ ввести меня въ свой кабинетъ и крѣпко затворилъ двери. Я, озадаченный его встрѣчей и такой поспѣшностью, спросилъ, отчего во мнѣ такая экстренная надобность? Топильской сообщилъ, что графъ приказалъ ему передать мнѣ по секрету, чтобъ я приготовился къ выѣзду по Высочайшему повелѣнію въ 24 часа изъ Петербурга, что графу угодно, чтобъ отъ меня было скрыто до времени, по какому случаю я долженъ выѣхать и даже о томъ, куда я поѣду. Хотя я не зналъ за собой никакого проступка, а тѣмъ менѣе преступленія, все-таки въ первую минуту я остолбенѣлъ, а затѣмъ объяснилъ М. И. Топильскому, что такое невѣдѣніе объ ожидающей меня судьбѣ невыносимо. Топильской настаивалъ, что не можетъ сказать ничего больше, что исполнилъ приказаніе графа, который назначилъ мнѣ быть у него въ тотъ же день, въ 6 часовъ пополудни и намѣренъ самъ сообщить мнѣ все нужное. Я возразилъ, что еслибъ я былъ еще одинъ, мнѣ было бы легче, но у меня семья изъ трехъ дѣтей и молодая жена, что я не буду знать, что̀ отвѣчать ей на ея распросы, что извѣстіе о такомъ моемъ внезапномъ отъѣздѣ можетъ привести ее въ испугъ, опасный здоровью. Тогда Топильской, который зналъ жену мою лично, задумался и, предваривъ, что проситъ хранить все что̀ будетъ сказано между нами въ глубочайшей тайнѣ, сообщилъ, что на меня возлагается по Высочайшему повелѣнію особое весьма важное порученіе. На это я замѣтилъ, что это можетъ успокоить меня только въ одномъ, что я выѣду не съ жандармами изъ Петербурга, что узнать объ этомъ конечно ужъ очень много для меня; но что для снаряженія себя въ путь, такъ какъ на дворѣ была еще зима, этого совершенно недостаточно, что если я командируюсь въ даль (а путь, по громадному протяженію Россіи, лежитъ до Камчатки и Курильскихъ острововъ, даже до Сѣверной Америки), то заготовленіе дорожныхъ принадлежностей должно

быть одно, а если куда-нибудь по близости, то другое; что для нужныхъ закупокъ я имѣю одно утро, а послѣ свиданія съ графомъ Панинымъ, когда я окончу свои разъѣзды по дѣлу на меня возлагаемому, останется только ночь. Эти практическія соображенія сильнѣе всего подѣйствовали на Топильскаго, и онъ, говоря съ нѣкоторымъ страхомъ: «между нами, Бога ради между нами», досказалъ мнѣ, что я долженъ выѣхать на другой же день съ почтовымъ поѣздомъ по Николаевской желѣзной дорогѣ до мѣста между Петербургомъ и Москвою. Добиваться бо̀льшаго я уже не рѣшился, да конечно и не добился бы. На этомъ я и разстался съ Топильскимъ. Между тѣмъ, какъ мнѣ сказывали потомъ, частныя сообщенія по телеграфу между Москвою и Петербурбургомъ уже были тогда прерваны по особому распоряженію на трое сутокъ.

Послѣ 6 часовъ пополудни (ибо графъ принялъ меня почему-то позже чѣмъ назначилъ), изъ необыкновенной по оригинальности устной его инструкціи, которая была тогда же въ точности мною записана и хранится въ моихъ бумагахъ, я узналъ немного болѣе чѣмъ отъ М. И. Топильскаго, именно, что мнѣ надо ѣхать въ Тверь при генералъ-адъютантѣ Анненковѣ, къ которому графъ поручилъ мнѣ явиться въ тотъ же вечеръ, сказавъ, что отъ него я узна̀ю положеніе дѣла, и тутъ же приказалъ Топильскому сдѣлать распоряженія о командированіи мнѣ въ помощь оберъ-секретаря и секретаря Сената. Генералъ-адъютантъ Анненковъ (для свиданія съ которымъ, по приказанію графа, чтобы только захватить его дома) я потерялъ еще нѣсколько часовъ времени, замѣтивъ изъ разговора со мною, что министръ юстиціи, мой начальникъ, не передалъ мнѣ обстоятельствъ дѣла и не распорядился даже предъявленіемъ мнѣ бумагъ, изъ которыхъ оно возникло, формализировался и былъ очень сдержанъ въ разговорѣ, такъ что отъ него я возвратился почти съ тѣми же скудными свѣдѣніями о предстоявшемъ намъ дѣлѣ, которыя получилъ отъ графа. Командированные уже совершенно внезапно въ этотъ промежутокъ времени бывшій оберъ-секретарь 4-го гражданскаго департамента Сената Александръ Николаевичъ Сальковъ и 1-го отдѣленія 5-го уголовнаго Шишкинъ, перепуганные еще больше меня, въ неизвѣстности когда, куда и зачѣмъ поѣдутъ, явились ко мнѣ уже въ 3-мъ часу пополуночи. Я не могъ конечно сообщить имъ для успокоенія ничего больше какъ то, что мы выѣзжаемъ на другой день съ почтовымъ поѣздомъ въ Тверь при генералъ-адъютантѣ Анненковѣ производить слѣдствіе надъ тамошними посредниками по крестьянскому дѣлу, неизвѣстно мнѣ еще за что̀ привлеченными къ отвѣтственности и по

какому дѣлу, и что поэтому нельзя предположить и приблизительно, сколько времени продлится наше отсутствіе. Входя на другой день въ министерскій вагонъ почтоваго поѣзда, по приглашенію генералъ-адъютанта Анненкова, чтобы ему сопутствовать, я увидѣлъ вошедшаго за нами туда же чиновника Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и узналъ, что онъ командированъ въ составъ нашей коммиссіи. Тутъ только изъ общей бесѣды дорóгою я познакомился съ предстоявшимъ намъ дѣломъ и съ принятыми правительствомъ предварительными мѣрами по этому порученію.

Но и такія испытанія, по понятіямъ и свойствамъ графа Панина, не давали еще испытуемому права на какое нибудь его особое довѣріе. Полнымъ его довѣріемъ пользовался одинъ только Михаилъ Ивановичъ Топильской, посвятившій болѣе двадцати лѣтъ послѣдняго періода своей жизни можно сказать единственно на непрерывное исполненіе порученій графа *). Будучи сенаторомъ съ конца 1862 года, Топильской продолжалъ заниматься собственными дѣлами графа, и когда въ 1873 году внезапно сошелъ въ могилу, то графъ пережилъ его недолго (онъ кончилъ дни за границей 1 (12) Апрѣля 1874 года).

Назначеніе графа Панина предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммиссій по крестьянскому дѣлу не могло не внушать нѣкотораго страха не только тѣмъ изъ членовъ коммиссій, которые знали его

*) Какъ извѣстно, самая смерть скоропостижно застигла М. И. Топильскаго въ то время, какъ онъ шелъ куда-то пѣшкомъ по порученію своего графа. М. И. Топильской былъ человѣкъ классически образованный и любившій въ краткіе свои досуги читать древнихъ авторовъ. Онъ былъ другомъ извѣстнаго латиниста Московскаго профессора А. М. Кубарева. Мнѣ случилось однажды провести съ М. И. Топильскимъ нѣсколько часовъ сряду въ непрерывной занимательной бесѣдѣ, въ которой онъ обнаружилъ большія познанія и въ Русскихъ древностяхъ. До того времени онъ не зналъ меня лично, и пришелъ я къ нему невзначай для него. Торопливо провелъ онъ меня въ свой длинный кабинетъ (Мойка, д. Калугина) прямо къ особому столу, на которомъ лежало нѣсколько связокъ съ бумагами и надписями на нихъ: „По смерти моей П. И. Бартеневу въ Русскій Архивъ". (Я и до сихъ поръ не могу получить этихъ бумагъ).—Топильской, по женскому колѣну, происходилъ отъ славнаго дѣльца при Петрѣ Великомъ Макарова и находился въ родствѣ съ князьями Волконскими. Замѣчательно, что отецъ и дѣдъ его тоже служили при графахъ Паниныхъ прошлаго столѣтія, такъ что эта приверженность была родовая и историческая. У насъ сохранилось нѣсколько любопытныхъ писемъ М. И. Топильскаго, вошедшаго въ сношенія съ „Русскимъ Архивомъ" по порученію графа Виктора Никитича, который сообщалъ намъ нѣкоторыя бумаги и письма изъ своего архива, а также письма графа Румянцова-Задунайскаго къ его дѣду-дядѣ графу Н. И. Панину (Р. Арх. 1871—1882). П. Б.

ближе, но и огромному большинству тѣхъ, которые, не зная его вовсе, слышали отъ другихъ неумолкавшіе тогда разсказы о немъ.

Между тѣмъ къ назначенію его предсѣдателемъ коммиссій представлялся не одинъ поводъ. Ближе всего къ крестьянскому дѣлу стояла *особая* коммиссія при Главномъ Комитетѣ, изъ четырехъ лицъ, тогда министровъ: внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскаго, государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева, юстиціи—графа В. Н. Панина и генералъ-адъютанта Ростовцова. Послѣдняго не стало, а за устраненіемъ естественной кандидатуры двухъ первыхъ оставался одинъ графъ Панинъ.

Начала освобожденія крестьянъ, которыя легли въ основу уже разработаннаго тогда до нѣкоторой степени проекта, были поддерживаемы одобреніемъ Государя и не составляли тайны; потому что печатные экземпляры трудовъ Редакціонныхъ Коммиссій, по мѣрѣ ихъ изготовленія, рассылались по всей Россіи.

Не сочувствовало имъ собственно только большинство высшаго дворянства *), желавшаго естественно удержать свое первенствующее положеніе въ строѣ государственной жизни и мечтавшее о дарованіи дворянству, по поводу освобожденія крестьянъ, какъ бы феодальныхъ правъ надъ ними, по образцу того какъ это было въ государствахъ Западной Европы, напримѣръ патримоніальной юридикціи, — правъ, которыя никогда у насъ не существовали, такъ какъ за проступки и преступленія помѣщичьи крестьяне судились общимъ для всѣхъ сословій правительственнымъ уголовнымъ судомъ; а гражданскихъ дѣлъ у крѣпостныхъ людей и возникать не могло, потому что въ силу закона они до 1847 года не имѣли никакой собственности, а съ этого времени было имъ дозволено пріобрѣтать земли лишь на имя своихъ помѣщиковъ. Поэтому одно только высшее дворянство, стоявшее довольно далеко отъ народа съ тѣхъ поръ почти какъ въ Европу Великимъ Преобразователемъ «было прорублено окно», могло враждебно относиться къ коммиссіямъ и было въ силахъ оказывать еще какое нибудь сопротивленіе, или по крайней мѣрѣ вы-

*) Не самому дѣлу раскрѣпощенія, а тому, какъ оно поведено, не сочувствовали также нѣкоторые лучшіе люди того времени. Какъ извѣстно, великое преобразованіе грузнуло въ письмоводственныхъ околичностяхъ и въ тоже время мельчало въ тонкихъ измышленіяхъ. Такіе голоса, какъ напр. А. С. Хомякова не были выслушаны, и законъ, опредѣлявшій судьбу безграмотныхъ людей, написали такъ, что и грамотный человѣкъ затруднялся понимать его. П. Б.

ражать явно неудовольствіе за проведеніе тѣхъ основаній, которыя не согласовались съ его взглядами и желаніями, весьма впрочемъ неопредѣленными, по малому его знакомству вообще съ настоящимъ бытомъ Россіи, желаніями часто даже неосуществимыми. Въ такомъ случаѣ нельзя было и придумать ничего лучшаго какъ поставить во главѣ Редакціонныхъ Коммиссій такое лицо, которое по своему рожденію, положенію и понятіямъ принадлежало бы къ кругу высшаго дворянства, чтобъ это послѣднее не имѣло повода жаловаться на то, что для довершенія реформы (касающейся, послѣ самихъ крестьянъ, преимущественно дворянства) былъ поставленъ не его представитель, а человѣкъ другаго круга, слѣдовательно такой, который могъ бы быть враждебенъ высшему дворянству. Требовалось однако, чтобъ это лицо (сочувствовало ли бы оно или нѣтъ намѣреніямъ и желаніямъ Государя) стремилось неуклонно осуществить его державную волю, и такимъ лицомъ, совмѣщающимъ всѣ эти условія, представлялся графъ В. Н. Панинъ. Такъ или иначе, но выборъ Государя остановился окончательно на немъ.

Назначеніе графа Панина предсѣдателемъ коммиссій по крестьянскому дѣлу послѣдовало 11 Февраля 1860 года. Первое о томъ оффиціальное извѣстіе дошло до большинства членовъ коммиссій въ засѣданіи хозяйственнаго отдѣленія, въ сборномъ залѣ бывшаго Перваго Кадетскаго Корпуса, мѣстѣ собраній членовъ въ общія присутствія. Предсѣдательствовавшему въ этомъ отдѣленіи Николаю Алексѣевичу Милютину поданъ былъ пакетъ, привезенный курьеромъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ оффиціальнымъ извѣщеніемъ о назначеніи предсѣдателемъ коммиссій графа В. Н. Панина. Всѣ присутствовавшіе были поражены неожиданностью, и большинство ихъ пришло въ неописанное смущеніе.

Какъ не принимавшій участія въ засѣданіяхъ хозяйственнаго отдѣленія, я ничего еще не зналъ объ этомъ, когда въ тоже число, 11 Февраля вечеромъ, получилъ записку отъ Топильскаго прибыть къ нему на другой день, по порученію графа, къ 8 часамъ утра. По пріѣздѣ моемъ въ указанное время, 12 Февраля, Топильской ввелъ меня тотчасъ въ свой кабинетъ, усадилъ за письменный столъ и, положивъ передо мною чистую бумагу, сказалъ: «Пишите; время намъ тратить нельзя, его у насъ немного; въ 11 часовъ я уже долженъ быть у графа, чтобы представить ему то, что̀ вы напишете. Онъ проситъ васъ описать ему весь составъ коммиссій—имена, отчества и фамиліи членовъ, ихъ положеніе, кто на службѣ и гдѣ? Въ какомъ кто чинѣ и какіе имѣетъ знаки отличія? Какой заведенъ у васъ по-

рядокъ занятій? Ходъ дѣла, въ какомъ оно находится положеніи, и еще что̀ вы сами признаете нужнымъ объяснить графу». Я позволилъ себѣ спросить, для чего именно это нужно графу, чтобы сообразно тому изложить мою записку. Топильской: «Я не могу теперь ничего вамъ сказать кромѣ того, что *Государь приближаетъ къ себѣ графа*». За тѣмъ онъ быстро удалился, затворивъ за собою плотно дверь кабинета.

Оставшись одинъ, я принялся писать; но работа двигалась медленно, потому что я долженъ былъ перебирать наизусть по имени, отчеству и фамиліи всѣхъ членовъ, которыхъ число было около 40, да еще припоминать ихъ атрибуты, подъ страхомъ кого нибудь или что нибудь о нихъ пропустить. Я долженъ былъ сообразить что̀ и какъ у насъ дѣлалось, подбирая нѣкоторыя подробности, и все это такъ сказать въ попыхахъ.

Топильской въ продолженіе моей работы раза три отворялъ ко мнѣ дверь вполовину и высовывалъ голову съ вопросомъ: «готово ли у васъ?» по полученіи же моего отрицательнаго отвѣта удалялся.

Въ 11 часовъ безъ четверти я кончилъ мое писаніе (на двухъ листахъ) и вошедшему Топильскому сказалъ, что готово и надо только переписать: у меня было довольно помарокъ, а сверхъ того отъ торопливости Топильскаго опрокинулась чернилица, и образовалось на моемъ листѣ чернильное пятно значительнаго размѣра. Онъ однако отвѣчалъ мнѣ: «Нѣтъ, уже переписывать намъ некогда. Я сію минуту долженъ быть у графа», а на мое замѣчаніе, что неприлично такъ подать ему записку, сказалъ: «Это ничего, такъ надо, графъ приказалъ представить ее какъ она будетъ написана вчернѣ». Затѣмъ, взявши записку, онъ поспѣшно ушелъ. Эта записка къ моему удовольствію вполнѣ удовлетворила графа, и онъ поручилъ Топильскому выразить устно мнѣ за нее свою особую признательность.

Въ тотъ же день, 12 Февраля, зашелъ ко мнѣ братъ Петръ Петровичъ *) чтобы сообщить о назначеніи предсѣдателемъ коммиссій графа Панина, и я разсказалъ ему о случившемся со мною. Братъ остался у насъ обѣдать, и когда мы сѣли за столъ, раздался звонокъ и вошелъ курьеръ опять съ запискою ко мнѣ отъ Топильскаго, просившаго меня пригласить брата заѣхать къ графу Панину на другой день 13 Февраля, между тремя и пятью часами пополудни, по приказанію самаго графа. (Мѣстожительство брата было еще неизвѣстно

*) Бывъ членомъ комиссій по крестьянскому дѣлу, П. П. Семеновъ завѣдывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ состоявшею при комиссіяхъ канцеляріей.

въ Министерствѣ Юстиціи). Я тутъ же имѣлъ случай передать это приглашеніе брату, при чемъ старался дать ему понятіе о характерѣ и свойствахъ графа и предупредилъ его, чтобы онъ въ рѣчахъ и обращеніи былъ съ нимъ осторожнѣе, чтобъ не случилось чего такого, что̀ не понравилось бы ему, и чтобы съ первыхъ же шаговъ своего знакомства графъ не сдѣлался недовѣрчивъ и не отдалилъ бы его отъ себя [1]).

13 Февраля въ назначенное время братъ имѣлъ первое свое свиданіе съ графомъ Панинымъ, который встрѣтилъ его съ предупредительной вѣжливостью и благосклонностью и просилъ его объяснить ему всю сущность крестьянскаго дѣла и взглядъ на него покойнаго Ростовцова. Хотя братъ старался изложить ему *сжато* всѣ предположенія коммиссій, но все-таки ему пришлось говорить долго. Графъ слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ, останавливая брата тамъ, гдѣ ему было что нибудь непонятно, и просилъ повторенія или объясненія.

За тѣмъ онъ спросилъ, кого Ростовцовъ назначалъ себѣ въ преемники, и какъ онъ вообще судилъ объ отношеніяхъ высшихъ государственныхъ лицъ къ крестьянскому вопросу? Братъ отвѣчалъ, что Ростовцовъ очень озабочивался вопросомъ о назначеніи ему преемника, перебиралъ всѣхъ имѣвшихъ отношеніе къ крестьянскому дѣлу высокопоставленныхъ въ служебной іерархіи лицъ, но окончательно ни на комъ не остановился [2]). По этому поводу обнаружилось однакоже вполнѣ мнѣніе покойнаго объ отношеніяхъ къ крестьянскому дѣлу большинства тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей.

За тѣмъ графъ В. Н. Панинъ передалъ брату, что Государь, давая нѣкоторыя указанія по возложенному на него графа столь важному дѣлу, поручилъ ему между прочимъ сблизиться съ братомъ, а такъ какъ всякое сближеніе должно начаться съ полной откровенности, «такъ чтобъ не было (какъ онъ выразился) поставлено и стекла между нами», то графъ просилъ брата быть съ нимъ совершенно откровеннымъ и сообщить ему въ подробности, что̀ думалъ Ростовцовъ о немъ и объ его отношеніяхъ къ крестьянскому дѣлу?

Братъ объяснилъ, что затрудняется отвѣчать на этотъ вопросъ, потому что былъ съ Ростовцовымъ въ такихъ отношеніяхъ, что тотъ

---

[1]) Нижеслѣдующее сообщено мнѣ тогда же самимъ братомъ моимъ П. П. Семеновымъ и нынѣ имъ провѣрено.

[2]) Ходили слухи, что Ростовцовъ останавливался мыслію на графахъ П. Д. Киселевѣ, Н. Н. Муравьевѣ-Амурскомъ и на Великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ. П. Б.

не скрывалъ отъ него ничего и даже мимолетныхъ своихъ впечатлѣній, а потому боится, чтобъ не передать такихъ своихъ отзывовъ, о которыхъ самъ Ростовцовъ при жизни не желалъ бы, чтобы они дошли до графа, а передавать невѣрно считаетъ онъ противнымъ своей совѣсти. Графъ Панинъ однакоже такъ настаивалъ, что братъ сказалъ ему, что въ такомъ случаѣ ему остается только оправдать довѣріе къ нему графа полною откровенностью. Братъ началъ съ того, что Ростовцовъ никогда не указывалъ на него, какъ на преемника себѣ по предсѣдательству въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ, оттого, что считалъ его по его характеру и складу мыслей мало сочувствующимъ дѣлу освобожденія крестьянъ, а еще и потому что не могъ себѣ представить графа, столь недоступнаго и нелюдимаго, столь мало уважающаго мнѣнія людей стоящихъ ниже его по общественному ихъ положенію, въ качествѣ руководителя работъ коллегіи людей независимыхъ и призванныхъ къ участію въ великомъ дѣлѣ довѣріемъ Государя; но Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ безусловно расчитывалъ на содѣйствіе графа въ Главномъ Комитетѣ, потому что считалъ его высокочестнымъ человѣкомъ, искренно преданнымъ отечеству и Государю, волѣ котораго графъ готовъ жертвовать своими личными убѣжденіями. При этомъ Ростовцовъ говорилъ еще, что, будучи крупнымъ и притомъ великодушнымъ помѣщикомъ, графъ не задумается принести для пользы отечества великія матеріальныя жертвы, памятуя, что noblesse oblige и конечно не будетъ стоять за мелкіе меркантильные интересы, руководившіе мнѣніями многихъ депутатовъ и даже цѣлыхъ губернскихъ комитетовъ. Тѣмъ болѣе Яковъ Ивановичъ былъ увѣренъ, что еслибы, въ силу принципіальной и личной преданности Государю, графъ принялъ на себя передъ Государемъ какія либо обязательства по отношенію къ проведенію дѣла въ Главномъ Комитетѣ, то онъ исполнилъ бы ихъ свято и нерушимо. Ростовцовъ отдавалъ также справедливость высокому образованію и многимъ блестящимъ дарованіямъ графа, но вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ его крайне непрактичнымъ человѣкомъ, совершенно незнакомымъ съ бытомъ народа. Эта непрактичность и незнакомство съ народнымъ бытомъ зависѣли, по мнѣнію Ростовцова, отъ той недоступности графа, отъ того постояннаго нахожденія въ искусственно - замкнутой сферѣ, которыя препятствовали всякому его общенію съ живыми людьми и съ умственными явленіями жизни и вынудили немногихъ окружающихъ его, даже умныхъ и честныхъ людей утратить по крайней мѣрѣ въ своихъ сношеніяхъ съ графомъ не только всякую свободу мнѣнія, но даже до нѣкоторой степени и чувство человѣческаго достоинства. При такихъ условіяхъ свѣтъ истины не могъ доходить до графа, и всѣ

прирожденныя его достоинства и дарованія оставались безъ достаточнаго приложенія къ дѣлу.

Графъ Панинъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и когда братъ кончилъ, послѣ нѣкотораго молчанія, сказалъ, что самъ можетъ быть подалъ поводъ къ такому о себѣ мнѣнію, что онъ не можетъ дать себѣ отчета какъ это сдѣлалось и что удаленіе его отъ людей происходило постепенно и незамѣтно. Онъ разсказалъ брату о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ своей служебной карьеры и заключилъ тѣмъ, что хорошо понимаетъ, что предстоящее ему дѣло такого рода, что ему «нуженъ свѣтъ со всѣхъ сторонъ», что употребитъ всѣ усилія, чтобъ въ этомъ отношеніи уничтожить всякое противъ него предубѣжденіе и надѣется, что члены Редакціонныхъ Коммиссій будутъ имъ довольны.

Затѣмъ онъ просилъ брата до времени не сообщать никому изъ членовъ коммиссій этого разговора, который прежде всего онъ считаетъ своимъ долгомъ передать полностью Государю, такъ какъ положилъ себѣ во всемъ этомъ дѣлѣ ничего отъ него не утаивать и чтобъ обо всемъ, до этого дѣла относящемся, онъ узнавалъ первый.

Въ слѣдствіе зародившагося во мнѣ сомнѣнія, не сказалъ ли братъ, по совершенному его незнанію свойствъ и характера графа Панина, въ разговорѣ съ нимъ, чего нибудь лишняго, что̀ могло бы ему не понравиться и оставить въ немъ такое впечатлѣніе, которое нескоро изгладилось бы у него изъ памяти и могло бы даже отозваться и на ходѣ дѣла въ коммиссіяхъ, я на другой же день 14 Февраля отправился къ Топильскому, къ 7-ми часамъ вечера, когда онъ имѣлъ обыкновеніе пить чай въ кругу своей семьи. Никого изъ постороннихъ у него не было, а изъ мужчинъ насъ двое.

Лишь только я принялъ изъ рукъ хозяйки чашку чая, какъ спросилъ Михаила Ивановича: «Знаете ли вы, что̀ мой братъ говорилъ вчера утромъ графу, когда, по его приглашенію, былъ у него для объясненій по крестьянскому дѣлу?» Тогда Михаилъ Ивановичъ внезапно вскочилъ съ своего стула, протянулъ обѣ руки по направленію къ дверямъ и воскликнулъ: «пожалуйте, пожалуйте!» Затѣмъ онъ побѣжалъ впереди меня, чрезъ сосѣднія комнаты, въ кабинетъ, и какъ только я успѣлъ войти за нимъ, крѣпко притворилъ дверь. «Теперь мы одни, насъ никто здѣсь не услышитъ. Что̀ вамъ угодно было меня спросить?» Я повторилъ свой вопросъ слово въ слово. Онъ отвѣчалъ: «Какъ вамъ сказать,—не знаю».—«Такъ вы не знаете, что̀ братъ говорилъ графу?» — «Нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать; а я не знаю, что̀ вамъ сказать объ

этомъ». Я объяснилъ ему: «Я не желалъ бы вовсе быть нескромнымъ и спрашиваю васъ не о томъ, что̀ братъ говорилъ графу, а о томъ только, передалъ ли вамъ графъ этотъ разговоръ *и знаете ли вы* его содержаніе?» Послѣдовало молчаніе, въ продолженіе котораго Топильской какъ бы углублялся въ себя и наконецъ произнесъ: «Мы здѣсь одни. Ради Бога не говорите никому объ этомъ; графъ не приказалъ разсказывать—*знаю.*»—«За тѣмъ у меня еще одинъ и послѣдній вопросъ: Хорошо ли поступилъ братъ, побесѣдовавъ можетъ быть слишкомъ откровенно съ графомъ, котораго онъ совсѣмъ не знаетъ? Графу иное могло бы показаться не совсѣмъ пріятнымъ». Топильской: «Нѣтъ, такъ надо было; вѣдь и для графа настало теперь переходное состояніе» *). Послѣ этого, отворивъ дверь кабинета, Топильской приглашеніемъ: «пожалуйте» возвратилъ меня къ чаю.

14 Февраля братъ былъ у Великаго Князя Константина Николаевича для представленія ему, съ соизволенія Государя, копіи, которую онъ желалъ имѣть съ записки Ростовцова, оставшейся послѣ его кончины. Великій Князь сообщилъ брату, что, еще прежде назначенія графа Панина предсѣдателемъ коммиссій, Государь внимательно изслѣдовалъ что̀ вокругъ него дѣлается и что̀ думаютъ его приближенные, что рѣшимость Государя назначить графа Понина преемникомъ Ростовцову была извѣстна ему Великому Князю, до переговоровъ съ графомъ Панинымъ, что еще до этого графъ Панинъ говорилъ Государю, что сочувствуетъ направленію коммиссій, изложенному въ

---

*) Выраженіе—*переходное состояніе* было подхвачено въ юмористическомъ значеніи, прежде всего, кажется, въ средѣ коммиссій, по поводу сочинявшагося тогда для крестьянъ переходнаго состоянія или срочно-обязаннаго періода, который былъ преподанъ Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу и въ программѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, разосланной при Высочайшихъ рескриптахъ 1857 г. для руководства губернскимъ комитетамъ. Въ послѣдствіи это изреченіе уже въ другомъ, серьезномъ смыслѣ, получило право гражданства въ нашей повременной литературѣ и служило къ затемненію здравыхъ понятій, со многими другими, усвоенными печатью выраженіями, которымъ можно было бы и полезно составить словарь, какъ-то: *послѣднее слово науки, общественная совѣсть* (выраженіе не существующее ни на какомъ другомъ Европейскомъ языкѣ и не переводимое) и т. п.; а когда стали уже довольно явственно обнаруживаться многія глубокія прорухи и неудачи при осуществленіи реформъ, слѣдовавшихъ за освобожденіемъ крестьянъ, то противники здраваго смысла старались печатно и устно успокоивать приходившихъ все болѣе и болѣе въ разстроенное и тяжелое положеніе Русскихъ гражданъ тѣмъ, что такъ и быть должно послѣ обширныхъ и мудрыхъ преобразованій, что мы находимся въ *переходномъ состояніи*, изъ котораго будто бы сами собою естественно выйдемъ на путь всякаго благополучія и государственнаго и гражданскаго преуспѣянія, и не было тогда недостатка въ блаженныхъ своимъ вѣрованіемъ.

запискѣ Ростовцова, что это главнымъ образомъ и побудило Государя остановить свой выборъ на немъ; что Государь, объявляя объ этомъ графу Панину, сказалъ: «Помните все что̀ вы мнѣ говорили. На выраженныхъ условіяхъ только ввѣряю я вамъ это дѣло. Ведите все такъ какъ было. Я всегда считалъ васъ честнымъ человѣкомъ, и мнѣ въ голову никогда не приходило, чтобъ вы могли меня обмануть.»

Великій Князь прибавилъ къ этому, что Панинъ очень хорошо знаетъ, что для него все зависитъ отъ точнаго исполненія поставленныхъ ему Государемъ условій, и что о непріятномъ впечатлѣніи, которое произвело на коммиссіи назначеніе его ихъ предсѣдателемъ, извѣстно всѣмъ въ кругу царской семьи, что онъ Великій Князь слышалъ даже, что многіе изъ членовъ коммиссій хотѣли выходить, и поэтому поручаетъ брату моему Петру Петровичу Семенову просить ихъ всѣхъ не дѣлать этого, такъ какъ Государь очень твердъ въ своемъ намѣреніи довести трудъ до конца и очень хорошо знаетъ, въ чемъ сущность дѣла *).

17-го Февраля курьеръ Министерства Юстиціи заходилъ ко мнѣ отыскивая брата, и 18-го числа на другой день братъ былъ вторично у графа Панина, а за тѣмъ былъ опять у него 22-го и 23-го Февраля. Графъ назначилъ ему явиться къ себѣ еще и 28-го Февраля.

На этомъ приближеніе брата къ графу кончилось, и въ послѣдующее время, кромѣ свиданій въ общихъ присутствіяхъ коммиссій, сношенія его съ графомъ остались большею частію письменныя и происходили чрезъ посредство М. И. Топильскаго или еще одного изъ прикомандированныхъ къ графу молодыхъ чиновниковъ Министерства Юстиціи для занятій по крестьянскому дѣлу, Бориса Николаевича Хвостова (впослѣдствіи бывшаго сенаторомъ и нынѣ уже умершаго).

Само собою разумѣется, что такой порядокъ не облегчалъ, а лишь затруднялъ сношенія и подавалъ поводъ къ различнымъ, иногда совершенно комическимъ недоразумѣніямъ.

Изъ членовъ коммиссій графомъ были еще допущены до особаго у него и отдѣльнаго пріема: Булгаковъ, замѣщавшій предсѣдателя коммиссій во все время тяжкой болѣзни Ростовцова, и Жуковскій, какъ тогдашній правитель дѣлъ въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу. Графъ приглашалъ къ себѣ и Милютина; но тотъ отозвался

---

*) На оглашеніе этихъ подробностей получено нами соизволеніе отъ Его Императорскаго Высочества изъ Оріанды, отъ 2-го Ноября сего года. П. Б.

болѣзнію и потому у него не былъ. Остальные наличные члены коммиссій, по уговору между собою, ѣздили къ графу Панину расписываться 25-го Февраля, послѣ общаго собранія коммиссій, состоявшагося 24-го Февраля, на которомъ графъ присутствовалъ въ первый разъ.

21-го Февраля въ Воскресенье, члены губернскихъ комитетовъ (депутаты втораго приглашенія) были представлены Государю. Рѣчь, которую Государь произнесъ имъ, была напечатана въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (28-го Февраля, Воскресенье, № 45 за 1860-й годъ).

Еще передъ тѣмъ графъ Панинъ выразилъ желаніе познакомиться съ депутатами перваго призыва и назначилъ имъ день пріема за просто, во фракахъ, на 22-е Февраля въ 12 съ полов. часовъ, въ домѣ Министерства Юстиціи. Депутаты съѣхались однако въ назначенное время, кто въ полной, кто въ полу-формѣ, кто просто во фракѣ. Нѣкоторые по недоразумѣнію явились было въ собственный домъ графа, гдѣ онъ жилъ тогда; но имъ указали путь въ домъ министерства.

Чиновникъ въ аванзалѣ, переписавъ имена, чины, фамиліи и губерніи депутатовъ, пригласилъ ихъ въ пріемную залу, куда вскорѣ вышелъ графъ и обратился къ нимъ съ рѣчью, которая была ими тутъ же записана и вмѣстѣ со свѣдѣніями о пріемѣ сообщена мнѣ членомъ коммиссій А. Д. Желтухинымъ:

«Господа! Слова Государя Императора должны быть глубоко врѣзаны въ памяти каждаго изъ васъ; мнѣ остается ихъ повторить, и въ качествѣ предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій добавить, что прямая наша обязанность трудиться для столь важнаго дѣла единодушно и какъ бы *семейно*, имѣя въ виду главную цѣль по выраженію Государя Императора—благо Россіи. При этомъ долгомъ считаю обратить ваше вниманіе и на то, что всѣ дѣйствія и труды, какъ я сказалъ по нашему семейному дѣлу, должны оставаться между нами безъ разглашенія; въ особенности не слѣдуетъ ничего сообщать за границу. Равно считаю полезнымъ для дѣла указать и на то, что по убѣжденію моему въ предлежащемъ вопросѣ значительно вредили съ одной стороны неосновательныя опасенія дворянъ, съ другой несбыточныя ожиданія крестьянъ; то и другое мы должны сколь возможно устранять.

«Депутаты перваго призыва увлеклись своими взглядами на вопросъ и нерѣдко укоряли Редакціонныя Коммиссіи опрометчиво и неосновательно. По моему мнѣнію вамъ не слѣдуетъ впадать въ тѣже самыя ошибки и, не придерживаясь прошедшаго, надлежитъ заняться

токмо настоящимъ въ нашемъ дѣлѣ, сохраняя сколь возможно ваши собственныя убѣжденія.

«По моимъ обширнымъ занятіямъ я не могъ внимательно слѣдить за дѣйствіями Редакціонныхъ Коммиссій; въ настоящее же время я посвящаю себя исключительно на всестороннее изученіе трудовъ ея. Повторяю, намъ прошедшее не нужно для дѣла; мы должны пристально заняться настоящимъ, и какія бы ни были убѣжденія каждаго изъ насъ, всѣмъ намъ слѣдуетъ стремиться къ главному: озаботиться обезпеченіемъ быта нашихъ крестьянъ, не упуская изъ виду, что за нихъ нѣтъ между нами представителей, и потому намъ самимъ предлежитъ отстаивать ихъ.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не должны забывать, что богатымъ людямъ, какъ я напримѣръ, ни въ какомъ случаѣ переворотъ не будетъ слишкомъ ощутителенъ; но что наша обязанность озаботиться положеніемъ неимущихъ дворянъ, оградить исключительно ихъ интересы.

«Инструкція 11-го Августа положительно опредѣляетъ обязанности ваши въ предстоящихъ работахъ [1]).

«Надѣюсь, что вы согласно оной выполните добросовѣстно все на васъ возложенное.

«Кому нужно будетъ меня видѣть, двери мои отворены; но въ настоящее время я принимать васъ не могу по причинамъ, которыя сейчасъ же объясню: у каждаго изъ васъ могутъ быть убѣжденія не всегда согласныя съ моимъ убѣжденіемъ; слѣдовательно въ таковыхъ столкновеніяхъ различныхъ взглядовъ на вещи утратилось бы только много времени, безъ всякой пользы. Сверхъ того могли бы полагать со стороны, что я раздѣлилъ одно изъ таковыхъ убѣжденій и что нахожусь подъ исключительнымъ его вліяніемъ.

«Остается мнѣ, въ видѣ предостереженія, сообщить вамъ еще слѣдующее. Извѣстно мнѣ, что многіе изъ васъ бываютъ у графа Шувалова, у котораго передъ выборами собираются Петербургскіе дворяне и множество постороннихъ лицъ [2]). Они могутъ имѣть въ предметѣ составленіе различныхъ предположеній, несогласныхъ съ началами, по которымъ мы работаемъ. Петербургскій комитетъ давно кончилъ свои занятія. Депутаты того комитета исполнили тоже обязан-

---

[1]) Эта инструкція напечатана въ трудахъ Комиссій. Второе изданіе матер. Ред. Ком. для составленія положеній о крестьянахъ. Санктпетербургъ, 1859 года т. I, кн. I, стр. 104—172.

[2]) Графъ Петръ Павловичъ Шуваловъ, бывшій членомъ Редакціонныхъ Коммиссій, былъ тогда и С.-Петербургскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

ность касательно проектовъ представленныхъ въ Редакціонныя Коммиссіи; а потому всякое даже вмѣшательство въ предположенія Петербургскаго дворянства было бы совершенно безполезно и только замедлило бы ходъ вашихъ собственныхъ занятій. Вообще я совѣтывалъ бы держаться своихъ убѣжденій, не увлекаясь сторонними внушеніями.

«Я кончилъ. Не имѣете-ли вы что́ сказать, господа?»

Нѣкоторые изъ депутатовъ спрашивали графа о срокахъ подачи ими отвѣтовъ на доклады по предстоящему дѣлу, объясняя, что дополнительные доклады хозяйственнаго отдѣленія (втораго періода занятій коммиссій), заключающіе въ себѣ главное и существенное для нихъ, имъ еще не доставлены; при томъ просили указать, какимъ путемъ слѣдуетъ представлять особыя мнѣнія и соображенія, которыя Государю Императору благоугодно было дозволить депутатамъ подавать, сверхъ отвѣтовъ на предложенные имъ, согласно инструкціи, вопросы.

Графъ объявилъ, что доклады хозяйственнаго отдѣленія будутъ въ скорости имъ доставлены. Относительно срока представленія ими отвѣтовъ онъ сказалъ, что, судя по своей привычкѣ работать, онъ считаетъ достаточнымъ двухнедѣльный срокъ; касательно же соображеній и особыхъ мнѣній, дозволенныхъ Его Величествомъ, замѣтилъ: «Каждому изъ насъ должно быть извѣстно, что слова Государя Императора не подлежатъ никакимъ комментаріямъ; но если говорить о дѣлѣ, то я скажу, что его слѣдуетъ вести логично, т.-е. согласно инструкціи 11-го Августа, и дѣйствовать по точному смыслу въ ней выраженному».

Этимъ кончился пріемъ депутатовъ и ограничилось ихъ знакомство съ новымъ предсѣдателемъ коммиссій по крестьянскому дѣлу. Они вышли отъ графа смущенные и въ недоумѣніи.

Рѣчь его была кѣмъ-то сообщена Герцену, но въ другомъ ея изданіи. Ради исторической точности и для сличенія съ приведеннымъ изложеніемъ, которое, безъ сомнѣнія, уже по характеру и теченію предложеній, слѣдуетъ считать болѣе вѣрнымъ, я привожу рѣчь и въ томъ видѣ, какъ она была напечатана въ «Колоколѣ» за 1860 годъ 15-го Апрѣля, №№ 68 и 69.

«Слова графа Виктора Панина департаментамъ:

«Господа! Вы помните слова Государя Императора; я ихъ глубоко запечатлѣлъ въ моей памяти и буду дѣйствовать сообразно имъ. Вы знаете, что предположенія Редакціонной Коммиссіи еще не утверждены, а потому не могу сказать ничего ни *успокоительнаго*, ни *благо-*

пріятнаго для васъ и надѣюсь, что вы воздержитесь отъ всего, что̀ можетъ возбудить *большія надежды или опасенія* въ дворянствѣ; хотя самъ *богатый* помѣщикъ, я не забуду интересы помѣщиковъ *небогатыхъ* и помня, что крестьяне не имѣютъ здѣсь своихъ представителей, я буду имѣть въ виду выгоды ихъ, тѣмъ болѣе, что вполнѣ убѣжденъ, что дѣло не можетъ обойтись безъ жертвъ со стороны дворянъ. Это дѣло, господа, наше *частное*, семейное; оно не должно выходить отсюда, а потому не надо *распространять его, а тѣмъ болѣе писать объ немъ* за границу. Теперь я имѣю къ вамъ еще просьбу, господа. Я слышалъ, что многіе изъ васъ собираются у графа Шувалова, гдѣ дворянство приготовляется къ выборамъ; а потому я прошу васъ *прекратить ваше посѣщеніе, потому что тамъ будутъ стараться завлечь васъ.*

«Дверь моя вамъ всегда открыта, для всѣхъ и каждаго; но я прошу васъ *не посѣщать меня,* чтобъ не подать поводъ къ толкамъ, что я нахожусь подъ вліяніемъ того или другаго. Итакъ, господа, совѣтую вамъ заниматься. Господа, въ этомъ отношеніи я имѣю навыкъ: нѣтъ такого важнаго государственнаго дѣла, котораго нельзя было бы окончить въ четырнадцать дней».

Полагаю, что все вышеизложенное, имѣя историческое значеніе, послужитъ будущему біографу такого достопамятнаго лица, какимъ былъ министръ юстиціи графъ Викторъ Никитичъ Панинъ.

Николай Семеновъ.

Мшатка, на Южномъ берегу Крыма.
Осень 1887.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ ПИСЬМА Д. Д. ГОЛОХВАСТОВА КЪ ИЗДАТЕЛЮ „РУССКАГО АРХИВА“ *).

Въ послѣсловіи къ своему письму г-нъ Голохвастовъ упрекаетъ меня за то, что я въ отвѣтѣ моемъ г. Полетикѣ не только не былъ раздражителенъ и желченъ, но даже отозвался съ похвалою объ его ораторскомъ талантѣ и печатно заявленной имъ дальнозоркости, высказанной при началѣ Франко-Прусской войны въ рѣчи о вредныхъ послѣдствіяхъ нашего безучастнаго къ этой войнѣ отношенія, какъ равно и въ указаніи на бѣдствія, порожденныя послѣдней Восточной войной.

Задача моего отвѣта г-ну Полетикѣ состояла въ томъ, чтобы опровергнуть сущность его возраженій на разные пункты „Экономическихъ Проваловъ“. Насколько я достигъ этого въ моемъ отвѣтѣ, предоставляю судить читателямъ, которые вѣроятно замѣтили, что я въ доказательство вѣрности моихъ соображеній о томъ, что Россія пострадала и продолжаетъ страдать отъ дѣйствій фирмы „*они*, привелъ тѣ злоключенія, которыми постигнуты дѣла самого г-на Полетики отъ образа дѣйствій означенной фирмы. Что же касается того, что возраженія мои не были перемѣшаны съ выраженіями досады, то это произошло отъ неспособности моей примѣшивать къ дѣловымъ возраженіямъ желчныя строки, и я, не находя въ этой примѣси никакой силы, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ желаю навсегда сохранить мою неспособность быть желчнымъ. А, говоря о политической дальнозоркости г-на Полетики, развѣ можно не признать въ предсказаніяхъ его о вредныхъ послѣдствіяхъ Восточной войны и нашего равнодушія къ разгрому Французовъ Нѣмцами, глубокой правды, подтвержденной самыми послѣдствіями? Если мнѣ кто-либо докажетъ, что прежде г-на Полетики говорили печатно и другія лица тоже самое, тогда конечно значеніе дальнозоркости г-на Полетики значительно умалится; но

---

*) См. выше, стр. 297.

я однакожъ никакъ себѣ не могу припомнить, чтобы не только въ газетахъ и журналахъ, но даже и въ публичныхъ рѣчахъ были возраженія противъ Восточной войны и допущенія Нѣмцевъ къ торжеству надъ Французами. Всѣ мы очень хорошо помнимъ, какъ послѣ Седана пріѣзжалъ въ Петербургъ Тьеръ съ мольбою выразить сочувствіе къ угнетенному положенію Франціи и, сколько въ этой мольбѣ было увѣренности въ силѣ Россіи, можно судить изъ того, что Тьеръ не просилъ ни вооруженнаго вмѣшательства, ни матеріальнаго пособія, а одного лишь сочувственнаго слова со стороны Россіи, признавая въ этомъ словѣ мощь и силу. Но Тьеръ не былъ услышанъ. Петербургъ былъ въ то время глухъ и слѣпъ и сталъ прозрѣвать только черезъ десять лѣтъ, т.-е. послѣ заключенія послѣдняго Берлинскаго трактата.

Изъ всего вышеизложеннаго самъ собою является выводъ о дальнозоркости г-на Полетики. Но рядомъ съ этимъ выплываетъ наружу отвращеніе г-на Полетики отъ Русскихъ началъ, отъ любви и уваженія ко всему коренному Русскому, такъ что въ сочетаніи этихъ противоположностей выражается Русская поговорка *о бочкѣ меду и ложкѣ дегтю.* Откуда же попалъ деготь? Это зараженіе произошло безъ сомнѣнія отъ системы воспитанія и отъ дѣйствія Петербургскихъ сферъ, вліянію которыхъ г. Полетика до того подчинился, что, будучи самъ угнетенъ злобою этихъ сферъ, восхваляетъ всѣ ихъ заблужденія. Здѣсь г. Полетика является выраженіемъ значительнаго большинства единомышленныхъ съ нимъ людей. Для меня было очень желательно поколебать убѣжденія г. Полетики, и для этого я избралъ самое сильное и вѣрное орудіе—тихость рѣчи, полновѣсность возраженій по существу дѣла и справедливую оцѣнку тѣхъ проявленій мысли, которыя носили на себѣ отпечатокъ дальнозоркости. Браниться не мудрено; но какая въ томъ польза? Чѣмъ болѣе разростается слово брани, тѣмъ болѣе застилается ясность воззрѣній. Слѣдуетъ ли увеличивать темноту и мглу? При спокойствіи и сдержанности мы конечно скорѣе увидимъ поразившія насъ язвы.

Но отъ чего же бываетъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ, являясь по одному вопросу добровѣщателемъ, по другому произноситъ вредныя слова? На это въ общихъ чертахъ нѣтъ другаго отвѣта, кромѣ того, что зло и добро также смѣшаны, какъ свѣтъ и тѣнь, и что *дары предвѣдѣнія различны.*

Но если мы желаемъ добраться до самыхъ корней, производящихъ основныя воззрѣнія, то, конечно, должны искать ихъ въ условіяхъ первоначальнаго воспитанія, когда въ воспріимчивый мозгъ юноши вкореняются взгляды на обязанности къ отечеству. Я вовсе не знаю, при какихъ условіяхъ твердѣлъ мозгъ г. Полетики во время его юности, и что̀ могло за-

падать въ основу его первоначальныхъ мышленій; но лично про себя могу дать полный отчетъ о моей давно минувшей юности.

Первое десятилѣтіе моего возраста (по 1827 годъ) протекало въ г. Вологдѣ, гдѣ, за недостаткомъ въ то время учебныхъ заведеній, учителями были въ купеческихъ домахъ семинарскіе бурсаки, давая уроки въ промежутокъ времени между окончаніемъ ими семинарскаго курса и посвященіемъ въ священнослужители. За неимѣніемъ печатныхъ прописей, каждый бурсакъ приносилъ нѣсколько прописей, имъ сочиненныхъ и четко написанныхъ. Мой полуграмотный дѣдъ и неграмотная бабушка заставляли бурсака предварительно эти прописи прочитывать имъ по нѣскольку разъ, находя, что содержаніе прописей будетъ имѣть вліяніе на мысли учащагося. Такъ поступали въ Вологдѣ почти во всѣхъ домахъ со всѣми прописями бурсаковъ. Какъ теперь помню, когда моя бабушка, прослушавъ пропись: *дьяволъ низвергаетъ въ бездну погибели каждаго человѣка*, замѣтила, что въ концѣ надобно прибавить слова: *невѣрующаго въ Бога*. Затѣмъ, прослушавъ другую пропись: *не откладывай добраго дѣла до утра, ибо не знаешь что тебѣ будущій день принесетъ*, бабушка сказала: „Больно жидко, мой родимый. Нельзя ли написать покрѣпче? Вотъ такъ бы: *ибо не знаешь, когда тебя постигнетъ смертный часъ*. Бурсакъ (Иванъ Кондратьевичъ, впослѣдствіи протоіерей въ Великомъ Устюгѣ) тотчасъ же сдѣлалъ означенныя дополненія и затѣмъ сталъ читать другія сочиненныя имъ прописи, которыя и до сихъ поръ мнѣ памятны. Вотъ одна изъ этихъ прописей: *всякое буесловіе и посмѣяніе надъ святыми чувствами побѣждаются не злорѣчіемъ, а смиреннымъ словомъ строгой правды*. И вотъ во имя этой строгой правды, въ отвѣтѣ моемъ г. Полетикѣ я не могъ не сказать, что голосъ его, раздававшійся въ газетѣ „Молва“ въ 1877 году о вредныхъ послѣдствіяхъ Восточной войны, былъ единственнымъ голосомъ во всей Россіи. Нѣтъ надобности доказывать дальнозоркость этого голоса, оправданнаго, къ несчастію, послѣдовавшими послѣ войны событіями.

Заключаю тѣмъ, что вводное воспоминаніе о Вологдѣ я включилъ какъ доказательство существованія самородной силы попечительнаго народнаго разума. Нельзя не сокрушаться о томъ, что мы давно уже живемъ въ совершенномъ разъединеніи съ этимъ источникомъ охранной мудрости, предаваясь измышленію правилъ, чуждыхъ вѣдѣнію народной совѣсти. Въ настоящее время (увы!) едвали найдутся бабушки озабоченныя составленіемъ внушительныхъ прописей и бурсаки пріемлющіе простонародныя замѣчанія въ руководство. Теперь все пространство между ученымъ велерѣчіемъ и сердечнымъ народнымъ воззрѣніемъ наполнилось какимъ-то непроглядным туманомъ, до того сгущеннымъ, что спотыканью не видно конца.

Прибавлю еще нѣсколько словъ о томъ, что мой полуграмотный дѣдъ оставилъ мнѣ въ наслѣдство послѣ себя азбуку съ приложеніемъ сочинен-

наго имъ наставленія: *какъ подобаетъ проходить многомятежный путь сея временныя жизни*. Наставленіе это указуетъ самыя твердыя правила для сердца и совѣсти гораздо яснѣе, чѣмъ цѣлыя сотни томовъ новѣйшихъ педагогическихъ сочиненій, и съ этимъ самороднымъ произведеніемъ я постараюсь впослѣдствіи познакомить читателей „Русскаго Архива".

Второе замѣчаніе г. Голохвастова о томъ, что я, говоря о прекращеніи въ 1861 году кредита помѣщикамъ, вмѣсто словъ Сохранная Казна, назвалъ Опекунскій Совѣтъ. Ошибка эта произошла отъ того, что въ памяти моей осталась существовавшая на томъ домѣ, въ которомъ выдавались ссуды помѣщикамъ (въ Москвѣ на Солянкѣ), громадная надпись: *Опекунскій Совѣтъ*. Другая причина ошибки произошла отъ того, что всѣ Экономическіе Провалы я изложилъ изъ одного лишь запаса памяти, не имѣя подъ рукою никакихъ матеріаловъ, о чемъ я и предупредилъ читателей въ самомъ предисловіи къ Проваламъ. Хотя Опекунскій Совѣтъ и донынѣ существуетъ, но его существованіе чуждо кредитныхъ операцій, и въ настоящемъ вопросѣ суть дѣла вовсе не въ томъ, откуда производились ссуды помѣщикамъ, изъ Опекунскаго ли Совѣта или изъ Сохранной Казны, а въ томъ, что ссуды эти были и составляли существенную поддержку дворянскихъ имѣній, а потомъ прекратились въ то время, когда они были наиболѣе необходимы, т.-е. въ періодъ уничтоженія крѣпостнаго труда, и что безкредитное состояніе землевладѣнія продолжалось семь лѣтъ и потомъ было доведено до необходимости закладывать Русскія земли за несоразмѣрные съ доходностію проценты въ коварно-устроенныхъ мышеловкахъ, т.-е. въ земельныхъ банкахъ.

В. Кокоревъ.

16 Октября 1887 г.
Ушаки.

ЧЕРТА ИЗЪ ЖИЗНИ ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА.

Лѣтомъ 1856 года учитель одной губернской гимназіи привезъ въ Москву большое, написанное имъ сочиненіе, для представленія въ цензуру и напечатанія. Сочиненіе было политическое, касалось только-что оконченной войны и тогдашняго внутренняго состоянія Россіи. Въ Москвѣ въ то время готовились къ коронаціи; наѣхало важныхъ гостей со всей Россіи и со всей Европы. Потомъ наступили самыя празднества коронаціи. Предсѣдатель цензурнаго комитета Ковалевскій (онъ же и попечитель Московскаго учебнаго округа), вѣроятно занятый всѣми этими разсѣянностями, цѣлый мѣсяцъ не дѣлалъ никакого распоряженія о разсмотрѣніи сказаннаго сочиненія. Авторъ проживался въ Москвѣ, навѣдываясь почасту въ цензурный комитетъ. Наконецъ ему сказали, что сочиненіе его передано на разсмотрѣніе цензору Гилярову-Платонову. Выждавъ время, нужное, по соображенію, на прочтеніе его сочиненія, авторъ отправляется на квартиру цензора. Его встрѣчаетъ мущина лѣтъ за триддать, высокій, худой, съ мягкимъ, ласкающимъ взоромъ и необыкновенною привѣтливостью въ обхожденіи. «Я васъ давно жду и хотѣлъ уже самъ отправиться васъ отыскивать. Ваше сочиненіе я не прочиталъ, а, можно сказать, проглотилъ. Я подписываю дозволеніе на его напечатаніе, хотя долженъ ждать за это увольненія въ отставку. О нашихъ недавнихъ врагахъ, Французахъ и Англичанахъ, особенно о Французахъ, нельзя теперь писать ничего для нихъ непріятнаго. Кромѣ того, вы говорите о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ съ откровенностію, необычною въ нашей печати и недозволительною по правиламъ цензуры. Тѣмъ не менѣе, повторяю, я подпишу вамъ разрѣшеніе печатать». Авторствующій провинціалъ въ туже минуту самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергъ такое самопожертвованіе цензора. Между цензоромъ и авторомъ воз-

никло пререканіе, едва-ли когда-нибудь случавшееся въ лѣтописяхъ цензуры. Цензоръ настаивалъ на своей рѣшимости подписать сочиненіе и затѣмъ готовиться къ увольненію въ отставку; авторствующій провинціалъ объявлялъ, что никогда не допуститъ пострадать изъ-за его сочиненія кого бы то ни было, а тѣмъ болѣе человѣка семейнаго и, какъ ему извѣстно, уже подвергшагося служебной невзгодѣ.

Гиляровъ былъ въ это время уже женатъ. Въ его скромной квартирѣ авторствующій провинціалъ слышалъ дѣтскій голосокъ и замѣтилъ молодую хозяйку (которую другой разъ въ жизни пришлось ему увидѣть чрезъ 31 годъ, въ Петербургѣ, у гроба ея мужа). Отъ кого-то нашъ провинціалъ узналъ, что Гиляровъ-Платоновъ только недавно долженъ былъ, не по собственному желанію, оставить должность баккалавра въ Московской Духовной Академіи, гдѣ въ его лекціяхъ было усмотрѣно нѣчто несогласное съ установленными взглядами нашей формальной церковности. Провинціальному автору извѣстно было также, что только сильному покровительству графа Блудова Гиляровъ-Платоновъ былъ обязанъ тѣмъ, что не былъ выброшенъ на улицу, а получилъ, весьма незадолго до описываемаго случая, должность цензора. И вотъ при такихъ-то обстоятельствахъ этотъ человѣкъ готовъ былъ снова рисковать потерять службу, а слѣдовательно и средства существованія, единственно изъ-за того, что попавшее въ его цензуру сочиненіе сходилось съ его убѣжденіями и могло быть, по его мнѣнію, небезполезно для тогдашняго времени. Въ этомъ взглядѣ еще болѣе укрѣпилъ его отзывъ Погодина, которому онъ возилъ показывать это сочиненіе тотчасъ по его прочтеніи. Погодинъ, какъ извѣстно, до старости сохранилъ свойство воспламеняться идеей и вѣрилъ, что и у насъ силой патріотическихъ идей можно разшевелить сердца и двигать событіями. Съ этого случая началось знакомство его съ авторствующимъ провинціаломъ, сперва письменное, а потомъ и личное, по собственному почину Михайла Петровича.

Пререканія цензора и автора окончились соглашеніемъ, что цензоръ доложитъ содержаніе этого сочиненія предсѣдателю, такъ что, въ случаѣ его согласія, разрѣшеніе печатать дано уже будетъ по опредѣленію цѣлаго комитета: чрезъ это съ цензора сложится личная отвѣтственность. Согласія предсѣдателя однако не послѣдовало. Онъ потребовалъ исключенія столь многихъ и столь существенныхъ частей сочиненія, что оно чрезъ это теряло свою цѣль и достоинство.

Авторъ рѣшился попытать счастія въ Петербургѣ, куда и отправился съ своею объемистою рукописью. Тамошняя цензура признала ее, уже

не въ частяхъ, а въ цѣломъ объемѣ, безусловно недозволительною для печати. Изъ нѣкоторыхъ словъ тогдашняго предсѣдателя С.-Петербургскаго цензурнаго комитета князя Щербатова, къ которому авторъ являлся съ челобитной, онъ замѣтилъ, что къ причинамъ, вызвавшимъ отказъ Московской цензуры и весьма понятнымъ (потому что онѣ основывались на тогдашнихъ взглядахъ высшаго правительства) въ Петербургѣ присоединились противъ его сочиненія новые взгляды, совершенно для провинціальнаго автора неожиданные. Этимъ новымъ взглядамъ суждено было потомъ имѣть большое вліяніе какъ въ дѣлахъ печати, такъ и во всѣхъ почти явленіяхъ правительственной и общественной дѣятельности. Авторствующій провинціалъ, невѣдавшій еще тогда нравовъ офиціальнаго Петербурга, обратился, какъ къ послѣдней инстанціи, къ лицу, управлявшему министерствомъ за отсутствіемъ Норова. Отъ него онъ получилъ короткій и довольно пренебрежительный отвѣтъ, что онъ не имѣетъ времени читать авторскихъ сочиненій и что на это есть цензура. Такъ поощрялись въ то время учено-литературные труды учителей гимназій ихъ высшимъ начальствомъ! Совершенно неожиданно авторъ встрѣтилъ однако горячее сочувствіе къ своему сочиненію въ одномъ высокопоставленномъ лицѣ, которымъ оно было передано министру иностранныхъ дѣлъ князю Горчакову, съ ходатайствомъ облегчить возможность появленія его въ свѣтъ. Князь Горчаковъ поручилъ разсмотрѣніе сочиненія, въ его политической части, директору Азіатскаго департамента Ковалевскому, совмѣстно съ вице-директоромъ Злобинымъ. Хотя тогда и явилась возможность напечатать политическую часть сочиненія, со многими впрочемъ измѣненіями и пропусками, указанными автору этими двумя компетентными лицами, и хотя такимъ образомъ устранялся главный поводъ къ его запрещенію, однако теперь уже самъ авторъ принялъ рѣшеніе оставить свое сочиненіе навсегда подъ спудомъ: изъ всего, что̀ ему привелось видѣть и слышать въ Петербургѣ, онъ пришелъ къ заключенію, что его сочиненіе было уже не ко времени (оно писалось въ самый разгаръ Крымской войны) и явилось бы рѣзкимъ диссонансомъ посреди новыхъ вѣяній, замѣтно уже зарождавшихся тогда въ Петербургской атмосферѣ въ смыслѣ разрыва со всѣмъ прошлымъ нашего отечества.

Въ раздумьи вернулся авторъ во свояси, растративъ на поѣздки и проживательство въ двухъ столицахъ около половины своего годоваго учительскаго жалованья, да сверхъ того просрочивъ данный ему двадцативосьми-дневный отпускъ на полтора мѣсяца, «безъ уважительныхъ причинъ», какъ было занесено въ его форму-

ляръ, по представленію исправлявшаго должность директора гимназіи и съ утвержденія того самаго попечителя округа, который цѣлый мѣсяцъ не давалъ движенія его сочиненію.

Всѣ эти обстоятельства, сами по себѣ неинтересныя для читателя, передаются здѣсь только потому, что они служатъ хорошею рамкой для нравственнаго облика недавно отошедшаго отъ насъ собрата. Посреди узкаго эгоизма, казеннаго равнодушія ко всему, кромѣ собственной карьеры, посреди зарождавшейся тогда всеобщей погони за популярностью, вотъ человѣкъ, который, потерявъ уже одну должность, рискуетъ потерять и другую, чтобы только выпустить на свѣтъ Божій сочиненіе автора никому неизвѣстнаго, притомъ сочиненіе, которое, какъ хорошо зналъ цензоръ, не будетъ пользоваться популярностью въ сферахъ, задающихъ тонъ и раздающихъ похвальные аттестаты. Это былъ человѣкъ цѣльный, нераздѣлившійся на ся, неторговавшійся съ своими убѣжденіями и совѣстью, видѣвшій впереди только общую пользу, какъ онъ понималъ ее, а не свои личныя выгоды. Если бы люди подобнаго закала (а ими, по милости Божіей еще не оскудѣла Русская земля), еслибъ такіе люди не затеривались у насъ по отдаленнымъ распутіямъ и захолустьямъ, а могли бы соединиться вокругъ одного общаго центра, каковымъ въ Россіи могутъ быть только вѣра отцовъ нашихъ и царскій престолъ, то многое пошло бы у насъ не такъ, какъ шло доселѣ, и наше отечество было бы избавлено отъ многихъ горькихъ разочарованій. Званіе газетнаго издателя, на которое Гилярова толкнули обстоятельства, не было его призваніе. Газетный издатель, другими словами присяжный вѣстовщикъ, беретъ на себя обязательство выносить ежедневно на литературный базаръ цѣлый ворохъ своихъ и чужихъ мыслей, произносить сужденіе о всемъ, что̀ творится подъ луною. Но свѣтлыя мысли не приходятъ къ намъ ежедневно, по заказу; но вѣрныя сужденія требуютъ не одного ума, а и опыта; а возможно ли судить опытно обо всемъ на свѣтѣ, когда и надъ однимъ какимъ-нибудь вопросомъ самые свѣдущіе люди работаютъ иногда мѣсяцы и даже годы? И вотъ приходится присяжному вѣстовщику, даже самому умному и добросовѣстному, скрѣпя сердце, давать сплеча отвѣты на всѣ встрѣчающіеся вопросы политики, законодательства и общественной жизни, замѣняя наичаще знаніе дѣла фразой, положимъ даже фразой блестящей и ученой, но все-таки фразой. Такъ бывало нерѣдко и съ Гиляровымъ. Но онъ тѣмъ отличался отъ многихъ другихъ журналистовъ, что въ основаніи всѣхъ его сужденій, хотя бы иногда незрѣлыхъ и одностороннихъ, всегда лежали искреннее убѣжденіе и горячая любовь къ отечеству. Для успѣха своей

газеты и своего личнаго успѣха онъ никогда не льстилъ ни толпѣ, подниманіемъ ея на ходули, ни властнымъ людямъ куреніемъ имъ ѳиміама. Гиляровъ-Платоновъ и въ званіи журналиста остался тѣмъ же человѣкомъ безкорыстной идеи и убѣжденія, какимъ мы его видѣли въ званіи баккалавра и на должности цензора; онъ и тутъ часто рисковалъ существованіемъ своей газеты, увлекаясь любимыми идеями и своимъ горячимъ, часто даже несдержаннымъ словомъ. Его выгораживали изъ бѣды только его, завѣдомыя цензурнымъ властямъ честность и беззавѣтная любовь къ отечеству. Во всякомъ однако случаѣ званіе присяжнаго вѣстовщика не было его призваніемъ. Истинное его мѣсто было на профессорской каѳедрѣ или въ числѣ руководителей народнаго просвѣщенія. Тамъ онъ былъ бы способенъ вложить живой духъ въ дѣло обученія, возбуждать въ своихъ ученикахъ или подчиненныхъ энергію и преданность общему благу и оставить по себѣ замѣтный слѣдъ въ своемъ отечествѣ. А какимъ онъ былъ на профессорской каѳедрѣ, то вотъ что сказалъ объ этомъ въ обаятельномъ по силѣ и красотѣ надгробномъ о немъ словѣ одинъ изъ его учениковъ, самъ давно уже преполовившій дни свои и облеченный саномъ каѳедральнаго протоіерея: «Это было дарованіе, выходящее изъ ряда. Какая необыкновенная гибкость мысли, какая роскошь фантазіи, какое ясное и живое слово! Это былъ даровитѣйшій профессоръ и, конечно, это было его призваніе. До сихъ поръ звучитъ въ ушахъ его льющаяся, живая, ὀбразная рѣчь. До сихъ поръ предносятся воображенію нарисованныя имъ картины. И читалъ онъ о расколѣ, гдѣ такое обиліе красокъ естественныхъ. Позднѣйшая его дѣятельность, какъ публициста, всегда казалась мнѣ уже нисхожденіемъ съ каѳедры. Нѣтъ, не здѣсь, думалось, мѣсто этому уму. Здѣсь онъ былъ второй или третій, тамъ онъ могъ быть первымъ и даже какъ бы единственнымъ».

Сколько подобныхъ же людей, людей духа и силы, разбрелось у насъ не по своимъ дорогамъ или праздно сидятъ, сложа руки! Быть можетъ въ этомъ одно изъ главныхъ нашихъ несчастій.

Ѳ. Е.

ЗАМѢТКИ ОБЪ А. С. ПУШКИНѢ.

I.

Въ 1811 году Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, отецъ знаменитаго писателя, подалъ на Высочайшее имя слѣдующее прошеніе:

„Всепресвѣтлѣйшій державный Великій Государь Императоръ Александръ Павловичъ Самодержецъ Всероссійскій, Государь всемилостивѣйшій.

Проситъ служащій въ Коммиссаріатскомъ штатѣ 7 класса Сергѣй Львовъ сынъ Пушкинъ о нижеслѣдующемъ:

Гербъ рода нашего Пушкиныхъ внесенъ въ Гербовникъ, и съ онаго герба братъ мой родной гвардіи поручилъ Василій Львовичъ Пушкинъ въ 1802 году получилъ копію; а какъ нужно сыну моему Александру имѣть изъ Герольдіи о дворянствѣ свидѣтельство, а потому, прилагая при семъ свидѣтельство о законномъ рожденіи онаго сына моего, всеподданнѣйше прошу, дабы Высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе принять и сыну моему Александру выдать свидѣтельство о дворянствѣ“. Къ прошенію этому приложено свидѣтельство, подписанное И. И. Дмитріевымъ, бывшимъ тогда министромъ юстиціи и графомъ Сергіемъ Салтыковымъ, слѣдующаго содержанія: „Свидѣтельствую симъ, что недоросль Александръ Пушкинъ есть дѣйствительно законный сынъ служащаго въ Коммиссаріатскомъ штатѣ 7 класса Сергѣя Львовича Пушкина“. Въ Журналѣ Герольдіи 23 Марта 1811 года, записано: „Гербъ рода Пушкиныхъ по представленнымъ отъ гвардіи поручика Василія Львовича Пушкина доказательствамъ внесенъ въ *Гербовникъ* V части. Въ родословной, имѣющейся при дѣлѣ, у онаго Василія Львовича показанъ братъ Сергѣй Львовъ, а у него сынъ Александръ. *Опредѣлено*: Служащаго въ Коммиссаріатскомъ штатѣ 7 класса Сергѣя Пушкина сыну Александру Пушкину дать свидѣтельство, что происходитъ отъ древняго дворянства Пушкиныхъ, коего гербъ внесенъ въ общій дворянскихъ родовъ Гербовникъ и Высочайше утвержденъ“.

Документы эти хранятся въ Архивѣ Департамента Герольдіи. *(Книга рѣшеныхъ дѣлъ № 129)*.

II.

Князь Павелъ Петровичъ Вяземскій подарилъ мнѣ экземпляръ «Евгенія Онѣгина», изданнаго въ Берлинѣ въ 1863 году и надписалъ: «*Въ память моего отца. Павелъ Вяземскій, 9 Ноября 1886 гоъа*». Экземпляръ этотъ принадлежалъ покойному князю Петру Андреевичу Вяземскому, и на оберточномъ листѣ рукою его написано: «*Вяземскій. Висбаденъ. Февраль 1871*». По сему экземпляру князь П. А. Вяземскій за нѣсколько лѣтъ до своей кончины перечитывалъ «Евгенія Онѣгина» и на поляхъ дѣлалъ свои замѣчанія, которыя мы съ благосклоннаго разрѣшенія его сына князя Павла Петровича и предлагаемъ вниманію читателей «Русскаго Архива».

ГЛАВА I-я XXXV. А Петербургъ неугомонный
Ужъ барабаномъ пробужденъ.
Встаетъ купецъ, идетъ разнощикъ.

«Карамзинъ очень любилъ эту картину».

XLIII. Съ душою, полной сожалѣній,
И опершися на гранитъ,
Стоялъ задумчиво Евгеній,
Какъ описалъ себя піитъ.

«Михаилъ Никитичъ Муравьевъ».

ГЛ. 3-я VII—VIII. Татьяна слушала съ досадой, и пр.

«Что́ за прелесть и вмѣстѣ съ тѣмъ что̀ за правда!»

XXVIII. Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ
Иль при *разъѣздѣ на крыльцѣ*
Съ семинаристомъ въ желтой шалѣ
Иль съ академикомъ въ чепцѣ!

«*При разъѣздѣ* не бѣда: не на долго».

Прежде было:

«*Иль у Шишкова на крыльцѣ*».

ГЛ. 4-я XXI. Любовью шутитъ *Сатана*. «Некстати здѣсь сатана, шутка довольно вульгарная».

ГЛ. 5-я III. Но, можетъ быть, такого рода
Картины васъ не привлекутъ:
Все это низкая природа,
Изящнаго немного тутъ.
Согрѣтый вдохновенья Богомъ,
Другой поэтъ роскошнымъ слогомъ
Живописалъ намъ *первый снѣгъ* и пр.

«Пушкинъ тутъ подтруниваетъ надо мною и надъ моимъ *Первымъ Снѣгомъ*».

VI. Когда жъ падучая звѣзда
По небу темному летѣла
И разсыпалася, тогда
Въ смятеньи Таня торопилась.

«Пушкинъ самъ былъ суевѣренъ».

Гл. 6-я XXXVI. Друзья мои, вамъ жаль поэта!
....Увялъ! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ, и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, *удалыхъ.*

«*Удалыхъ* не хорошо, потому что не у мѣста нисколько, сказалъ я разъ Пушкину. Онъ залился своимъ звонкимъ ребяческимъ хохотомъ. «Почему же?» спросилъ онъ.—А потому что ты самъ смѣялся надъ.....» *).

Гл. 7-я II. *Я наслаждаюсь* дуновеньемъ
Въ лицо мнѣ вѣющей весны
На лонѣ сельской тишины!
Или *мнѣ чуждо наслажденье?*

«Не ладитъ съ предыдущимъ словомъ наслаждаюсь».

XIX. И столъ съ померкшею *лампадой.*

«Лампой».

XLIX. Къ ней какъ-то Вяземскій подсѣлъ
И душу ей занять успѣлъ.

«Эта шутка Пушкина очень меня порадовала. Помню, что я очень гордился этими двумя стихами».

И близъ него ее замѣтя,
Объ ней, поправя свой парикъ,
Освѣдомляется старикъ.

«Пушкинъ вѣроятно имѣлъ здѣсь въ виду И. И. Дмитріева».

LII. У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавицъ много на Москвѣ и пр.

«Вѣроятно Александрина Корсакова, дочь Маріи Ивановны, послѣ княгиня Вяземская, нынѣ умершая»

Гл. 8-я III. Я Музу рѣзвую привелъ,
На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
Грозы полуночныхъ дозоровъ.

«Вѣроятно у Пушкина было: *полночныхъ заговоровъ*; а то нѣтъ смысла».

---

*) Недописано.

IV. Но я отсталъ отъ ихъ союза и пр.

«Прелестно!»

XIV. Она казалась вѣрный снимокъ
Du comme il faut... ***! прости:
Не знаю, какъ перевести.

«Вѣроятно Шишковъ».

XVIII. Въ ней *сохранился* тотъ же тонъ.

«Не хорошо: *сохранился* тонъ».

XIX. *Ей-ей!* Не то чтобъ содрогнулась.

«Некстати».

XXXII. Все рѣшено: я въ вашей волѣ,
И предаюсь моей судьбѣ.

«Почти тоже, что́ въ концѣ письма Татьяны».

XVII. А счастье было такъ возможно и пр.

«Трогательно до слезъ, хорошо».

Въ *отрывкахъ изъ Путешествія Онѣгина*, стр. 245.

Теперь мила мнѣ балалайка,
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака.

«Митрополитъ Филаретъ въ разговорѣ со мною критиковалъ эти три стиха, находя картину недостойную поэзіи. Онъ неправъ: она здѣсь у мѣста, тѣмъ болѣе, что самъ Пушкинъ говоритъ:

Тьфу! Прозаическія бредни».

Николай Барсуковъ.

НОВОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА *).

И ты думаешь будто я хладенъ и нѣмъ?
Малютка, подъ этимъ молчаньемъ
Таится ужасная буря. Зачѣмъ
Вырываться наружу ей тяжкимъ рыданьемъ?

Что я гордо смотрю на презрѣнныхъ людей—
Ты за то ли меня упрекаешь?
Но тѣ люди торгуютъ рукою твоей,
Твоимъ сердцемъ хотятъ торговать. Ты ихъ знаешь...

Дай мнѣ руку твою! Посмотри мнѣ въ глаза!
Я безъ слезъ горько плакать умѣю;
Твои жъ слезы блестятъ какъ ночная роса,
На зарѣ, поутру, освѣжая лилею.

Тебѣ легче—ты можешь въ слезахъ выливать
Муки сердца; а я? Я родился
Мущиной, я долженъ безмолвно страдать:
Своихъ собственныхъ слезъ я бъ невольно стыдился.

Но повѣрь, еслибъ ты вдругъ меня поняла
И вглядѣлась въ безслезныя очи:
Ты бъ отъ ужаса плакать забыла, и я
За тебя бы сталъ плакать всѣ дни и всѣ ночи.

Прощай!!!

1841 Апрѣль.

---

*) Съ подлинника, сохранившагося у Александры Николаевны Бахметевой и ей подареннаго пріятелемъ Лермонтова, Николаемъ Ивановичемъ Поливановымъ. П. Б.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ СТАРАГО ВРЕМЕНИ.

Въ саняхъ.

Брезжетъ ночь въ мерцаньи слабомъ,
Снѣгъ клубится и хруститъ;
По бѣлѣющимъ ухабамъ
Тройка быстрая летитъ...

Ѣдетъ юная компанья
Самой избранной среды,
Ради зимняго катанья,
Ради ухарской ѣзды.

Двѣ чарующія львицы,
И при каждой кавалеръ,
Витязь модный, цвѣтъ столицы
Прочимъ въ зависть и въ примѣръ.

Молодые генералы
Много видѣвшіе міръ;
Свѣтскихъ барынь идеалы,
Свѣтскихъ барышень кумиръ.

Пятый—Нѣмецъ аккуратный,
Бѣлокурый дипломатъ,
Тутъ, въ гульбѣ захваченъ знатной,
Подвернувшись не впопадъ.

Ѣдетъ онъ, сердяся тайно,
Что не спитъ въ ночную тьму,
Неожиданно, случайно,
Самъ не зная почему.

Будто весело всѣмъ очень,
Шутки мечутъ, всякій вздоръ;
Но не связенъ и не проченъ
Перелетный разговоръ.

Словно тутъ чего-то мало,
Словно тутъ хотѣли-бъ всѣ,
Чтобъ ихъ далѣе умчало
Петербургское шоссе.

Но куда-же? Вотъ задача!
Говоръ ѣдущихъ притихъ.
Вотъ застава, тамъ ужъ дача.
Тутъ кладбище. Сколько ихъ!

Сколько ихъ особъ извѣстныхъ,
Послѣ танцевъ и труда,
За стѣной въ могилахъ тѣсныхъ
Улеглося на всегда.

Сколько пламенныхъ стремленій
Тутъ остыло подъ крестомъ!...
Жизнь—потокъ однихъ мгновеній;
Кто же думаетъ о томъ?

Скачутъ чувства, скачутъ страсти,
Жизнь уносится впередъ...
Все къ своей бездвижной власти
Смерть холодная беретъ.

Густо валитъ бѣлый иней;
Вьюга, холодъ, ночь вокругъ.
Съ утомившейся княгиней
Какъ-то грустно стало вдругъ.

Запахнувшись въ мѣхъ соболій,
Въ полусонъ погружена,
Надъ своей тревожной долей
Такъ задумалась она:

„Не избѣгнуть муки смертной...
Это вѣрно; но пока
Будетъ снова балъ въ концертной...
Тутъ забота не легка!

„Не смотря на обѣщанье
Вортъ мнѣ платья не прислалъ;
Какъ несносно ожиданье!
Какъ поѣду я на балъ?

„Развѣ въ горѣ столь великомъ
Во второй надѣну разъ
Съ темнымъ бархатнымъ тюникомъ
Свѣтло-розовый атласъ?

„И наброшу фалбалою
Я такія кружева,
Что подобныя красою
И отыщутся едва!

„Но къ чему тревоги эти?
Гдѣ въ нихъ смыслъ? Какой въ нихъ прокъ
Для мущинъ? Они какъ дѣти
Вѣчный свой твердятъ урокъ:

„Вѣрьте намъ; въ любви мы честны,
„И покорны, и скромны...
„Какъ вы ангельски прекрасны,
„Какъ вы дьявольски умны!

„Васъ любить мы будемъ вѣчно“....
Да попробуй-ка, повѣрь!
Это глупо безконечно
И не въ модѣ ужъ теперь.

„Всѣмъ страстямъ извѣстны цѣны...
Свѣтлый мигъ, а тамъ бѣда;
Тамъ усталость, тамъ измѣна,
Тамъ жизнь горя и стыда!...

„Нѣтъ не надо! Только можно
Пококетничать порой,
Отъ бездѣлья, осторожно,
Чтобъ досугъ потѣшить свой.

„Вотъ я встрѣтилась недавно
Съ земскимъ пламеннымъ бойцомъ:
Говоритъ какъ канцлеръ плавно
И какъ день красивъ лицомъ.

„Онъ особаго закала;
Жизнь повелъ онъ не спѣша,
И обмановъ не искала
Въ немъ суровая душа.

„Онъ приличьямъ не послушенъ,
Онъ не любитъ никого,
И ко мнѣ онъ равнодушенъ...
Не приняться-ль за него?„

Между тѣмъ другая дама,
Чтобъ отводъ найти тоскѣ,
Съ Нѣмцемъ споръ вела упрямо
На Нѣмецкомъ языкѣ...

Прѣнье шло въ порывѣ жаркомъ,
Не желая уступить,
Въ томъ какъ Арниму съ Бисмаркомъ
Надлежало поступить.

Пятый часъ еще; не позже!
Холодъ, вѣтеръ... Въ этотъ мигъ,
Щегольски забравши возжи,
Пріосанился ямщикъ...

Сани въѣхали въ ворота
Отдохнуть на полпути...
Вотъ гостиница Дорота,
Что жъ! Войти иль не войти?

(Сообщено Александромъ Степановичемъ Козловымъ).

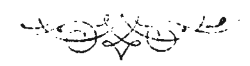
АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

РУССКАГО АРХИВА

1887 года*).

*) „Русскiй Архивъ" 1887 года состоитъ изъ трехъ книгъ (по четыре выпуска въ каждой). Римская цыфра указателя относится къ книгѣ, Арабская къ ея страницѣ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1887 ГОДА.

(Выпуски 9, 10, 11 и 12).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1888 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ).

„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1888 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ 1888 года составятъ три большіе отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1888 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ**, въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1885, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.